

442
Т584

В. Н. ТОПОРОВ

ПРУССКИЙ ЯЗЫК

СЛОВАРЬ

К-Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

С. ЛИТЕРАТУРА (ДОПОЛНЕНИЕ)

- AGZ — Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej. Lwów.
- AKH — *Ulanowski B.* Acta capitulorum Cracoviensis et Plocensis selecta (1438—1523). Archiwum Komisji Historycznej PAU VI, 1891, 1—295.
- Акты истор. — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею, т. 1—5. СПб., 1841—1842.
- Акты Зап. Росс. — Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I—V. СПб., 1846—1853.
- Alan. Sprachdenkm. — Munkácsi B. Alanische Sprachdenkmäler im ungarischen Wortschatze. — Keleti Szemle V, 1904.
- Alban. Stud. — *Meyer G.* Albanesische Studien, III. Wien, 1892.
- Altnord. EWb. — *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Zweite Auflage. Leiden, 1977.
- Altnord. Tiernam. — *Palander-Suolahti H.* Die altnordischen Tiernamen. Darmstadt, 1899.
- Altpr. Forsch. — Altpreußische Forschungen.
- Amtsb. Strel. — Amtsbuch des Amtes Strelitz.
- Anal. Cartus. — Analecta Cartusiana. 90 : 11. Diplomata Poloniae et Prussiae collecta a F. Georgio Schwengel, Priore Cartusiae Dantisci, 1758. T. 1, pars 1: ab anno 1067 ad annum 1440. Salzburg, 1982.
- Anc. Lang. Balk. — *Katičić R.* Ancient Languages of the Balkans. The Hague, 1976.
- Anon. 1737 m. Gr. — Anoniminé 1737 m. gramatika «Universitas lingvarum Litvaniae». Vilnius, 1981.
- Ант. балк. — Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология». М., 1980.
- Apparatus — Apparatus ad Annales Cartusiae Paradisi B. M. V. collectus a F. Georgio Schwengel Priore MDCCL Pars I. British Library London Add. Ms. 17093. Salzburg, 1982, Pars II. 1982.
- Arheol. un etnogr. — Arheolog'ija un etnografija, VIII. Riga, 1968.
- Архив Юго-Зап. Росс. — Архив Юго-Западной России, ч. I—VIII. 1859—1914.
- Atti Conv. Stud. Salent. — Atti del Convegno Internazionale. Studi Salentini. 1960.
- Ausg. Marienb. — Das Ausgabebuch des Marienburger Hauskomturs für die Jahre 1410—1420, hrsg. von W. Ziesemer. Königsberg, 1911.
- Balcanica — Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Balc.-Balto-Slav. — Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тексты. М., 1979.
- Balt. filol. įvad. — *Kabelka J.* Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.
- Balt. Lit. Ling. — Baltic Literature and Linguistics. Columbus. Ohio, 1973.
- Baltowie zach. — *Antoniewicz J.* Baltowie zachodni. Terytorium, podstawy gospodarcze i społeczne plemion prusko-jaćwieskich i letto-litewskich. Pojezierze—Olsztyn—Białystok, 1979.
- Балт. родичі — *Непокупний А. П.* Балтійські родичі слов'ян. Київ, 1979.
- БЕЕ — *Urbutis V.* Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.
- Beitr. alarod. — *Ostir K.* Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft, I. Wien—Leipzig, 1921.
- Белар. антрап. 3 — *Бірыла М. В.* Беларуская антрапанімія. 3. Структура уласных мужчынскіх імён. Мінск, 1982.
- Белар. літ. лекс. — *Вяржбоўскі А. А.* Беларусска-літоўскія лексічныя ўзаема сувязі. Канд. дыс. Мінск, 1960.
- В.-сл. этнояз. конт. — Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.

- БСЛ. Иссл. — Балто-славянские исследования 1980. 1981. 1982. — М., 1981, 1982, 1983.
- БТР — Български тълковен речник. София, 1955.
- Buividze — *Gauthiot R.* Le parler de Buividze. Paris, 1903.
- Bulg.-türk. LW. — *Gomfocsz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in den ungarischen Sprache. Helsingfors, 1912 (=MSFOu, N 30).
- Бълг. етим. оном. — *Георгиев В.* Българска етимология и ономастика. София, 1960.
- Chart. chron. — Charte chronographique et militaire du Duché de Meklenbourg-Strelitz. . . par le Comte Schmettau. Paris, 1780.
- Cod. dipl. Brand. — Codex diplomaticus Brandenburgensis. 1—2. Hrsg. von A. Fr. Riedel. Berlin, 1838 f.
- Cod. dipl. Warm. — *Woelky C. P., Saage J. M.* Codex diplomaticus Warmiensis. T. 1 — Diplomata. 1860; T. 1 — Regesta. 1860; T. 2 — 1864; T. 3 — 1874; T. 4 — 1905—1935 (Röhrich V., Liedtke F., Schmauch H.).
- Cod. epist. Vit. — Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae (1376—1430). Ed. Prochaska A. Cracoviae, 1882.
- Collect. Cartus. — Analecta Cartusiana. Ed. Dr. James Hogg 82: 3. Collectanea Cartusiana 3. Die Privilegien des Kartäuser-Klosters Marienparadies nach der Londoner Handschrift British Library Additional 17096 hrsg. von Wilhelm Brauer. Salzburg, 1980.
- Congr. tert. fen.-ugr. — Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Pars 1. Acta Linguistica. Tallinn, 1975.
- Cult. Hinduk. — Cultures of the Hindukush. Selected Papers from the Hindukush cultural conference held at Moegård 1970. Ed. by K. Jettmar. Wiesbaden, 1972.
- Črn. vrh. — *Tominec I.* Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964.
- Darbu izlase — *Endzelins J.* Darbu izlase, I—IV. Rīga, 1971—1982.
- Даўн. запазыч. блр. — *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.
- Deutsch Order — *Hubatsch W.* Deutscher Order und Preußentum. — ZfOstforschung 1, 1952.
- Deutsche NamK. — *Bach A.* Deutsche Namenkunde. II. Die deutschen Ortsnamen. 1—2. Heidelberg, 1953—1954.
- Dial. malb. — *Górniewicz H.* Dialekt malborski. I—II. Gdańsk, 1967—1974.
- Dict. Khot.-Saka — *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
- Dict. onom. romîn — *Constantinescu N. A.* Dicționar onomastic romînesc. București, 1963.
- Drav. etym. dict. — *Burrow T., Emeneau M. B.* A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1961.
- Drei vor Slav.-etr. Vog. — *Oštir K.* Drei vor Slavische-etruskische Vogelnamen. Ljubljana, 1930.
- Др.-оном. В. Балк. — *Гундин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
- Dwa bóstwa — *Bujak F.* Dwa bóstwa pruskie-litewskie. Lwów, 1924 (=Stud. społ. 1925, ср. Lud, serja II, т. II, z. I—IV, 1923).
- Engl. RN — *Ekwall E.* English River-Names. Oxford, 1928.
- Erober. Preuß — *Ewald A. L.* Die Eroberung Preußens, Bd. I—IV. Halle, 1872—1886.
- Et. Celt. — Etudes Celtiques.
- Етим. право. речн. — *Младенов С.* Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Этнич. ист. вост. ром. — Этническая история восточных романцев. М., 1979.
- Этн. и лингв. асп. — Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980.
- Etrennes Lejeune — Etrennes de septentaine. Travaux de linguistique et de gram-

- maire comparée offerts à M. Lejeune par un groupe de ses élèves. Paris, 1978.
- Etym. sl. č. — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Etym. Untersuch. estn. ON — *Kettunen L.* Etymologische Untersuchungen über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955.
- Език на трак. — *Дуриданов И.* Езикът на траките. София, 1976.
- Festschr. Fick — *Γέζας.* Abhandlungen zur indogermanischen Sprachgeschichte. A. Fick zum 70. Geburtstag. Göttingen, 1903.
- Festschr. Szemerényi — Festschrift for Oswald Szemerényi on the occasion of his 65th Birthday, ed. by B. Brogyanyi. — Amsterdam Studies in the theory and history of linguistic science. IV. Current issue in linguistic theory. Vol. 11.
- Festschr. Sahlgren — Festschrift till J. Sahlgren. Lund, 1944.
- Fischgewässer — *Seligo A.* Die Fischgewässer der Provinz Westpreußen. Danzig, 1902.
- Floril. anat. Laroche — Florilegium anaticum. Mélanges offerts à Emmanuel Laroche. Paris, 1979.
- Flußn. Themse — *Förster M.* Der Flußname Themse und seine Sippe. München, 1941.
- Földrajzi — *Kiss L.* Földrajzi nevek etimologiai szotara. Budapest, 1978.
- Fontes Tor. — «Fontes». Thorn, 1897 —.
- Гаворкі Ваўкав. р. — *Сцяшковиц Т. Ф.* Гаворкі Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці. Гродна, 1959.
- Geogr. metraš. — Lietuvos TSR geografų Draugija. Geografinis metraštis. Vilnius.
- Gesch. Danz. — *Muhl J.* Geschichte der Dörfer auf der Danziger Höhe. Danzig, 1938.
- Gesch. Kr. Marienb. — *Dormann E.* Geschichte des Kreises Marienburg, Danzig, 1862.
- Gesch. Kr. Rosenb. — *Kaufmann K. J.* Geschichte des Kreises Rosenberg. Bd. 1. Marienwerder, 1927.
- Gesch. O.-u. WPreuß — *Schumacher B.* Geschichte Ost- und Westpreußen. 6. Aufl. Würzburg, 1977.
- Gesch. Quell. katol. Kirch. — *Jacobson.* Geschichte der Quellen des katholischen Kirchenrechtes der Provinzen Preussen und Posen. 1837.
- Гидр. басс. Оки — *Смолицкая Г. И.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Гідрон. Укр. — Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981.
- Гласн. Етн. — Гласник Етнографског Института. Београд.
- Godišnjak Balkanol. inst. — Godišnjak. Balkanološki institut. Sarajevo.
- Götternamen — *Usener H.* Götternamen. Versuch einer Lehre über religiöse Begriffsbildung. Bonn, 1895.
- Gwara Łopat. — *Zdaniukiewicz A. A.* Gwara Łopatowszczyzny. Fonetyka, fleksja, słownictwo. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.
- Н (см. ZEM) — Źródła do dziejów Ekonomii Malborskiej, t. 1 —. Wyd. Hejnosz W., Gronowski J., Waluszewska J. Toruń—Poznań, 1959—1971.
- Henning Vol. — W. B. Henning. Memorial Volume. London, 1970.
- Heth. u. Idg. — *Neu E., Meid W.* (hrsg.). Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979.
- Hist. Gdańska — Historia Gdańska. T. 1: do roku 1454. Pod red. Cieślaka. Gdańsk, 1978.
- Holz — *Trier J.* Holz. Etymologien aus dem Niederwald. Münster—Köln, 1952.
- Hrv. dij. zborn. — Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1956.
- Idg. Nasalprä. — *Kuiper F. B. J.* Die indogermanischen Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937.
- IEur. 4—3 Mill. — The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millennia. Ed. by Polome. Ann Arbor, 1982.
- Incontri ling. — Incontri linguistici. Trieste.
- India Maior Gonda — India Maior. Congratulatory Volume presented to J. Gonda. Leiden, 1972.

- Indo-Celt. Sommerfelt — Indo-Celtica. Gedächtnisschrift für Alf Sommerfelt. München, 1972.
- Indogerm. allgem. Spr. — Indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Akten der IV. Fachtagung der idg. Gesellschaft. Bern. 28. Juli bis 1. August 1969. Hrsg. von Redard G. Wiesbaden, 1973.
- Indogerm. Dichterspr. — *Schmitt R.* Indogermanische Dichtersprache und Namengebung. Innsbruck, 1973.
- Introduz. — *Georgiev V.* Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. 1966. Истор. журн. — Исторический журнал. М.
- Iš liet. etnog. — Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius, 1981.
- Из древн. ист. балт. — Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980.
- Jumis — *Neuland L.* Jumis, die Fruchtbarkeitsgottheit der alten Letten. Stockholm, 1977.
- Južnonotr. govori — *Rigler J.* Južnonotranjski govori. Akcent in glasoslovje govorov med Snežnikom in Slavnikom. Ljubljana, 1963.
- KDP — Kodeks dyplomacyjny Polski, t. 1—4. Warszawa, 1847—1887.
- Khwar. Lang. — *Henning W. B.* The Khwarezmian Language. «Zeki Velidi Togan'a armağan». Istanbul, 1955.
- Klaret — *Flajšhans V.* Klaret a jeho družina. 1. Slovníky veršované. 2. Texty glossované. Praha, 1926, 1928.
- Kleinas. Hydr. — *Tischler J.* Kleinasiatische Hydronymie. Semantische und morphologische Analyse der griechischen Gewässernamen. Wiesbaden, 1977.
- Kolonis. Ermland. — *Röhrich.* Die Kolonisation des Ermlandes. — ZfGesch. Altert. Erml. Bd. 12—21, 1899—1922.
- Korndämonen — *Mannhardt W.* Die Korndämonen. Berlin, 1868.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря.
- Краеведч. зап. Яросл.-Рост. — Краеведческие записки государственного Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Ярославль.
- Kraštot. — Kraštotyra. Vilnius.
- Kryž. valst. bruož. — *Pakarklis P.* Kryžuocių valstybės santvarkos bruožai. Vilnius, 1948.
- КСЗ — Конференция по топонимике Северо-Западной зоны. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966.
- KSz — Keleti Szemle. Budapest.
- Культ. раст. — *Жуковский П. М.* Культурные растения и их сородичи. М., 1950.
- Kurisches Wb. — *Kwauka P., Pietsch R.* Kurisches Wörterbuch. Mit einer Einführung von Prof. Dr. Erich Hofmann. Berlin, 1977.
- Kur. Nehr. — *Bezenberger A.* Die Kurische Nehrung und ihre Bewöhner. Stuttgart, 1889.
- Куршю марес. — Куршю марес. Вильнюс, 1959.
- Kurz(gef.) etym. Wb. Ai. — *Uhlenbeck C. C.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der Altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.
- Kwart. Hist. — Kwartalnik Historyczny. Lwów.
- Latv. mitol. — *Smits P.* Latviešu mitoloģija. Rīga, 1935.
- Лат. (лтш.)-антроп. — *Сталтмане В. Э.* Латышская антропонимия. Фамилии. М., 1981.
- Latv. val. sk. — *Endzellins J.* Latviešu valodas skaņas un formas. Rīga, 1938.
- Лекс. балт. — Лексичныя балтызмы ў беларускай мове. Мінск, 1969.
- Letten — *Schmidt P.* Letten. Rīga, 1930.
- Lett. Sprachr. kur. Nehr. — *Voelkel M.* Die lettischen Sprachreste auf der kurischen Nehrung (=35. Jahresprogramm der städtischen Realschule erster Ordnung zu Tilsit). Tilsit, 1879.
- ЛНЕŽ — *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etymologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Liet. dain. — Lietuviškos dainos. Užrašė Antanas Juška, I—III. Казань, 1880—1882 (фототипическое изд. — Vilnius, 1955).

- Liet. kalb. istor. gram. — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I—II. Vilnius, 1980—1981.
- Liet. liaud. menas — *Galaunė P.* Lietuvių liaudies menas. Kaunas, 1930.
- Ling. hist. — *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique général I—II. Paris, 1921.
- Lingua Venet. — *Pellegrini G. B., Prodocimi A. L.* La lingua Venetica. II—Studi. Padova, 1967.
- Lit. Lesebuch — *Schleicher A.* Litauisches Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.
- LKU — *Jokl N.* Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereich des Albanischen. Berlin—Leipzig, 1923.
- LLKŽ — *Slapelis J.* Lenkiškas-lietuvių kalbos žodynas. Wilna, 1921.
- LMC I — Lustracja województw malborskiego i chełmińskiego 1565. Wyd. Hozzowski S. Gdańsk, 1961.
- LMC II — Lustracja województw malborskiego i chełmińskiego 1570. Wyd. Hozzowski S. Gdańsk, 1962.
- LPM — Lustracja województw Prus Królewskich 1624 z fragm. lustracji 1615. Wyd. Hozzowski S. Gdańsk, 1967.
- Матэр. для слоўн. — Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Пад рэд. Янкоўскага Ф. Мінск, 1960.
- Матэр. (слоўн.) мінск.-маладз. — Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Мінск, 1974.
- Мат. и псл. по археол. — Материалы и исследования по археологии. М.
- Matricul. Regni Polon. — Matricularum Regni Poloniae summaria. Wyd. Wierzbowski T., т. I—V. Warszawa, 1905—1919.
- Мат. терм. слов. — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря Древней России. М.—Л., 1937.
- Mél. Bally — Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 1939.
- Мифы — Мифы народов мира, I—II. М., 1980—1982.
- Miscell. etimol. — *Pisani V.* Miscellanea etimologica. Roma, 1933.
- Místní jména — *Profous A.* Místní jména v Cechách. Jejich vznik, původní význam a změny, I—V. Praha, 1949—1960.
- Mitin. liet. būt. — *Vėlius N.* Mitinės lietuvių sakmių būtybės. Vilnius, 1977.
- MJB — Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Schwerin.
- MKB — Das Marienburger Konventsbuch, hrsg. von W. Ziesemer. Danzig, 1913.
- MM — Maal og Minne.
- Morphol. des enclit. — *Décaux E.* Morphologie des enclitiques polonaises. Travaux publiés par l'Institut d'Etudes slaves. XXIII. Paris, 1955.
- Mūsų vard. — *Vanagas A.* Mūsų vardai ir pavardės. Vilnius, 1982.
- Muttersprache — Muttersprache. Lüneburg. Bd. 71, 1961.
- MWG — Mitteilungen des Westpreußischen Geschichtsvereines.
- Нар. слова — Народнае слова. Мінск, 1976.
- Nazwy Biał. 1976 — *Halicka I.* Nazwy miejscowe środkowej i zachodniej Białostoczczyzny dzierzawcze, patronimiczne i rodzinne. Warszawa, 1976.
- Nazwy Biał. 1978 — *Halicka I.* Nazwy miejscowe środkowej i zachodniej Białostoczczyzny topograficzne i kulturowe. Warszawa, 1978.
- Nazwy Pom. Gdańsk. — Nazwy miast Pomorza Gdańskiego. Pod red. Górnowicza H. i Brockiego Z. Wrocław, 1973.
- Нечистая сила — *Максимов С. В.* Нечистая сила, неведомая сила. — *Максимов С. В.* Собр. соч., т. 18. СПб. [1912].
- Nordpont. — *Schramm G.* Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.
- Общеслав. — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Общеслав. лингв. атл. — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981.
- Очерки памир. яз. — *Стеблин-Каменский И. М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. Л., 1982.
- Очерки сравн. лекс. алт. яз. — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

- Очерк сравн. грамм. — *Вернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- O jęz. litewsk. — *Karłowicz J.* O języku litewskim. — Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń Wydziału filologicznego Akademii umiejętności, t. II. Kraków, 1875.
- O narod. polsk. Prus. Zach. — *Kętrzyński W.* O narodowości polskiej w Prusiech Zachodnich za czasów Krzyżackich. Studium historyczno-etnograficzne, t. 1. Kraków, 1877.
- On the Syst. Conj. — *Hollifield P.* On the System of Conjugation in Proto-Indo-European. Innsbruck, 1979.
- Opusc. slav. — Opuscula slavica. Lund, 1971.
- Orte Morin — *Semrau A.* Die Orte und Fluren in ehemaligen Kammeramt Morin (Komturei Christburg). — Mitteilungen des Copernicus Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn. Hf. 38, 1930.
- Orte Stuhm — *Semrau A.* Die Orte und Fluren im ehemaligen Gebiet Stuhm und Waldamt Bönhof (Komturei Marienburg). — Ibid. Hf. 36, 1928.
- Ortsnamen Schwein. Land. — *Wenzel W.* Die Ortsnamen des Schweinitzer Landes. Berlin, 1964.
- Ortsn. Sudet. — *Schwarz E.* Die Ortsnamen der Sudetenländer als Geschichtsquelle. München, 1961.
- Osset. LW — *Sköld H.* Die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. — LUA 20, N 4. Lund, 1925.
- Oxf. Dict. Engl. Etym. — *Onions C. T., Friedrichsen G. W. S., Burchfield R. W.* The Oxford Dictionary of English Etymology. Clarendon, Oxford, 1966.
- Oxyton. griech. Subst. — *Scheller M.* Die Oxytonierung der griechischen Substantiva auf -ta. Zürich, 1951.
- Państwo krzyż. — *Górski K.* Państwo krzyżackie w Prusach. Gdańsk—Bydgoszcz, 1946.
- Patarl. priežodž. — *Patarlės ir priežodžiai.* Vilnius, 1958.
- Pfennigsb. Christb. — *Wunder H.* Das Pfennigsbuch der Komturei Christburg. Berlin, 1969.
- Pirm. žod. — *Pirmasis lietuvių kalbos žodynas.* Konstantinas Sirvydas Dictionarium trium linguarum. Vilnius, 1979.
- PKP II — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981.
- Поэтич. возвр. — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу, I—III. М., 1865—1869.
- Polska XVI w. — *Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym.* Źródła dziejowe. T. XXIII: Prusy Królewskie. Wydał Baranowski I. I. Warszawa, 1911.
- Połudn.-słow. nazwy -itj- — *Rospond S.* Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-itj-. Kraków, 1937.
- Ponto-balt. — *Ponto-baltica 1,* 1981.
- Prawo polsk. — *Hube R.* Prawo Polskie u wieku trzynastym. Warszawa, 1874.
- Preuß. Archiv — *Hennig.* Versuch über einige Überreste der Altpreußische Sprache. — *Preußisches Archiv V,* 1794.
- Preuss. uralt. — *Lucanus Aug. Herm.* Preussens uralter und heutiger Zustand. Manuskrypt z r. 1784, T. I—II. Giżycko, 1913.
- Princ. d'hydr. franç. — *Lebel P.* Principes et méthodes d'hydronymie française. Paris, 1956.
- Prinosi — *Mažuranić V.* Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. Zagreb, 1908—1923.
- Пробл. этног. балт. — Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс, 1981.
- Prūs. Liet. dain. — *Prūsijos Lietuvių dainos.* Surinko V. Kalvaitis. Tilžėje, 1905.
- Pruß. Siedl. — *Brauer W.* Prußische Siedlungen westlich der Weichsel [Lübeck, 1980].
- Pruß. Siedl. Tuchl. — *Brauer W.* Prußische Siedlungen in der Tuchler Heide [Lübeck, 1982].

- Pulpud. — *Pulpudeva.* Semaines philippolitaines de l'histoire et de la culture thrace. Plovdiv.
- Rad JAZU — *Rad Jugoslavenske Akademije.* Zagreb.
- RC — *Revue Celtique.*
- Recent. Devel. — *Recent Development in Historical Phonology.* The Hague—Paris—New York, 1978.
- Relat. Balt.-Ill. — *Kaulins A.* The Relation of the Baltic languages to Illyrian. Darmstadt, 1980.
- Reysen — *Johan-Arnold von Brand.* Reysen durch die Marck Brandenburg. Wesel, 1702.
- Roczn. Elbl. — *Rocznik Elbląski.* Elbląg.
- Roczn. Gdański — *Rocznik Gdański.* Gdańsk.
- Sborn. filos. fak. — *Sborník filosofické fakulty Brněnské university.* Rada jazykovědná (A). Brno.
- SBVC — *Sagabook of the Viking Club.*
- Send. Kurl. Ges. — *Sendungen der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst.*
- Senov. baltų pasaul. — *Vėlius N.* Senovės baltų pasauležiūra. Vilnius, 1983.
- Serta Idg. Festschr. Neumann — *Serta Indogermanica.* Festschrift für Günter Neumann zum 60. Geburtstag. Innsbruck, 1982.
- СГУ — *Словник гідронімів України.* Київ, 1979.
- Siedl. Morein — *Semrau A.* Die Siedlung im Kammeramt Morein (Komturei Christburg) während der Ordenszeit. — Mitteilungen des Copernicus Vereins für Wissenschaft und Kunst zu Thorn. Hf. 39. 1931.
- Sitz.-Ber. Altert. Ges. Prussia — *Sitzenberichte der Altertumsgesellschaft Prussia.* Königsberg.
- Скифо-европ. изогл. — *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Слав.-герм. лекс. — *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
- Слав. и балк. яз. Карп.-вост. сл. — *Славянское и балканское языкознание.* Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977.
- Слав. и балк. яз. Пробл. морфон. — *Славянское и балканское языкознание.* Проблемы морфонологии. М., 1981.
- Слав. языкозн. V съезд — *Славянское языкознание.* V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.
- Слав. язык. сист. — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древнейший период). М., 1965.
- Slav. Orient. — *Slavia Orientalia.*
- Slav. PN — *Schlimpert G.* Slawische Personennamen in mittelalterliche Quellen Deutschlands. Berlin, 1964.
- Сл.-балт. глаг. — *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Слоўн. назв. Брэсц. — *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. Мінск, 1980.
- Слоўн. назв. Мінск. — *Рапановіч Я. Н.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск, 1981.
- Слов. балтизм. — *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Словн. гідрон. Укр. — см. СГУ.
- Слов. nazwy ьsk- — *Rospond S.* Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem ьsk-. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.
- Слов. w dziejach Eur. — *Słowianie w dziejach Europy.* Poznań, 1974.
- Sl. Wien. — *Steinhauser W.* Slawisches im Wienerischen. Wien, 1962.
- Спис. БАН — *Списание на Българската Академия на науките.* София.
- Спис. Днепр. — *Маштаков П. Л.* Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
- Спис. Дон. — *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
- Спом. Срп. Акад. — *Споменик Српске Краљевске Академије.* Београд.

- Spory i sprawy — Spory i sprawy pomiędzy polakami i Zakonem krzyżackim, t. 2. Poznań, 1892.
- Sprawozd. PAU — Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków.
- Sprawozd. z prac — Sprawozdania z prac naukowych Wydziału nauk społecznych.
- Сравн. грамм. арм. — Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982.
- Srt — Schrötter. Karte von Ostpreussen nebst Preussisch Litauen und Westpreussen nebst des Netzedistrict. Berlin, 1803—1810.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970.
- St. fil. — Studime filologijke. Tiranë.
- Структ. текста — Структура текста. М., 1980.
- Stud. Brandenstein — Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für Wilhelm Brandenstein (1898—1967). — Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft 14. Innsbruck, 1968.
- Stud. dial. ven. — Pellegrini G. B. Studi di dialettologia e filologia veneta. Pisa, 1977.
- Studia Jęz. — Studia Językoznawcze.
- Stud. indoeur. ad dacorum. — Studia indoeuropea ad dacoromanos pertinentia. 1. Studi de tracologie. București, 1976.
- Stud. in Greek Palmer — Studies in Greek, Italic and Indo-European linguistics offered to L. R. Palmer. Innsbruck, 1976.
- Stud. Kinship — Szemerényi O. Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages with special Reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. — Acta Iranica V. VII. Extrait. Téhéran—Liège, 1977.
- Stud. slav. ling. in honor of Unbegaun — Studies in Slavic linguistics and poetics in honor of Boris Unbegaun. New York, 1968.
- Stud. Ross. Pozn. — Studia Rossica Posnaniensis.
- Stud. Śląskie — Studia Śląskie.
- Stud. społ. — Studja społeczne i gospodarcze. Warszawa, 1925.
- Stud. zu slav. Gewäss. — Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Heidelberg, 1979.
- Табу — Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — Сб. МАЭ VIII. Л., 1929.
- Тлум. слоўн. блр. — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, т. 1—4. Мінск, 1977—1980.
- TPG — Górnowicz H. Toponimia Powiśla Gdańskiego. — Pomorskie monografie toponomastyczne nr. 4. Gdańsk, 1980.
- Traité de phon. — Lejeune M. Traité de phonétique grecque. Paris, 1947.
- Труды Томск. Ун-та — Труды Томского Государственного Университета. Томск.
- Тур. слоўн. — Тураўскі слоўнік, т. 1, 2, 3. Мінск, 1982, 1984.
- Über Bezeichn. — Bechtel F. Über die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnehmungen in den indogermanischen Sprachen. Weimar, 1879.
- Über kmet — Karziewicz. Über die Abstammung und Bedeutung des Wortes kmet. Agram, 1895.
- UBP — Urkundenbuch zur Geschichte des vormaligen Bisthums Pomesanien. — Zd. Hist. Ver. Mar. Hf. 15—18. Marienwerder, 1885—1887.
- Уч. зап. Лит. — Ученые записки высших учебных заведений Литвы. Вильнюс.
- Unters. hist. Phras. — Eckert R. Untersuchungen zur historischen Phraseologie und Lexikologie des Slawischen und Baltischen. Berlin, 1981.
- Urk. Bisth. Culm. — Urkundenbuch des Bisthums Culm, hrsg. von Woelky C. P. Bd. I—II. Danzig, 1884—1887.
- Urspr. Kulturpfl. — Candole A. De. Der Ursprung der Kulturpflanzen. Leipzig, 1884.
- Versuch slow. Md. — Jarnik U. Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Österreich nach verlässlichen Quellen bearbeitet von U. Jarnik. Klagenfurt, 1832.
- Весці АН Беларуск. — Весті АН Беларуск. ССР. Сер. грамадских навук. Мінск.

- IV Viss. balt. konf. — IV Vissavienības baltistu konference. Rīgā, 1980.
- Vodopis — Smilauer V. Vodopis starého Slovenska. Prag—Preßburg, 1932.
- Vorgesch. Botan. — Buschan G. Vorgeschichtliche Botanik der Kultur- und Nutzpflanzen der alten Welt auf Grund prähistorischer Funde. Breslau, 1895.
- Vortr. Berl. — Vorträge auf der Berliner Slavistentagung. Berlin, 1956.
- Vox. Rom. — Vox Romana.
- Взаимод. лингв. ареал. — Взаимодействие лингвистических ареалов. М., 1980.
- Warm. Maz. — Warmia i Mazury. Poznań, 1953.
- WDS — Sanders D. Wörterbuch der deutschen Sprache. 1—. Leipzig, 1860—.
- Westpr.-Jb. — Westpreußen-Jahrbuch.
- Westtoch. Gramm. — Krause W. Westtocharische Grammatik. Heidelberg, 1952.
- Wien. Beitr. — Wiener Beiträge. Wien.
- Wilno — Turska H. Język polski na Wileńszczyźnie. — In: Wilno i ziemia Wileńska, t. 1. Wilno, 1930.
- Wiss. Z. Humb.-Univ. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt—Universität zu Berlin.
- WMB — Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegowina. Jg. 1—13. Sarajevo, 1893—1916.
- Вопр. этн. ист. Прибалт. — Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959.
- Wybór pism. polon. — см. WPP.
- Yasin.-Burush. — Berger H. Das Yasin-Burushaski (Werchikwar) Grammatik, Texte, Wörterbuch. Wiesbaden, 1974.
- Zach.-słow. nazwy -ьн- — Borek H. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -ьн-. Wrocław, 1968.
- ZB — Das grosse Zinsbuch des Hauses Marienburg, hrsg. von Ziesemer W. Marienburg, 1910.
- ZdHist. Ver. — Zeitschrift des Historischen Vereins. Thorn.
- ZdHist. Ver. Mar. — Zeitschrift des Historischen Vereins für den Regierungsbezirk Marienwerder. Marienwerder.
- ZDJZS — Stieber Z. Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich. Warszawa, 1956.
- ŻEM — см. H.
- Zesz. nauk. (Univ. Gdańsk.) — Zeszyty naukowe Wydziału humanistycznego. Filologia polska. Prace Językoznawcze. Gdańsk.
- ZfBuddh. — Zeitschrift für Buddhismus.
- ZfGesch. Altert. Erml. — Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde des Ermlandens.
- ZHM — см. ZB.
- Z polsk. stud. slaw. — Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa.
- Źródła dz. — Źródła dziejowe. T. XXIII. Polska XVI wieku pod względem geograficzno—statystycznym: t. XII. Prusy Królewskie. Wyd. Baranowski I. T. Warszawa, 1911.
- Zu Herk. Pruß. — Kilian L. Zu Herkunft und Sprache der Prußen. Bonn, 1980.
- Zum Götterglaub. — Lullies H. Zum Götterglauben der alten Preußen. Königsberg, 1904.
- Zur gramm. Luv. — Otten H. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953.
- Zur slav. u. vgl. Wortf. — Petersson H. Zur slavischen und vergleichenden Wortforschung. Lund, 1915.
- Zwycz. pogrzeb. — Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
- Желех. — Желеховський Е. Малорусько-німецький словар., I—II. Львів, 1886.
- Żuławy — Żuławy Wiślane. Praca zbiorowa, pod red. Augustowskiego B. Gdańsk, 1976.
- ŽŽ — Žodžiai ir žmonės. Vilnius, 1974.

{*kirk-}, ср. Nom. propr. *Kirkis*; *Peter Kirkyn*, *Niclos Kirkynne*, 1419 (APN 45); *Kyrkaunen*, 1418, позже — *Kirkenau* (APON 63). — Обычно производят от прусского названия церкви (см. *kirki*, *kyrkoy*), сопровождая такими параллелями, как лит. Nom. propr. *Kirkila* (ср. *Kirkilo*. *Daukant*. *Privil.* 382a, см. *Vaga RR I*, 268 [но *Kirkont* (!). I, 238], блр. *Кіркала*, *Кіркалас*, *Кіркаліс*, *Кіркалевіч* и др. Бел. антр. 203), *Kirkūtis* или топонимы *Kirkai*. Примеров такого типа значительно больше, однако они смыкаются (часто довольно незаметно) с названиями, никак не связанными с обозначением церкви. Ср. весь комплекс топо- и гидронимических примеров с элементом *Kirk-*: лит. *Kirkai*, *Kirkilai*, *Kirkiliškės*, *Kirkiliškiai*, *Kirkiliāvas*, *Kirkėnai*, ср. также *Kirkliat*, *Kirkliūnys*, *Kirkliškiai*, *Kirkliūkai* и др. (LATSŽ 134); *Kirka*, *Kirkė*, *Kirkupis*, *Kirkūtė*, *Kirkūtis*, ср. *Kirkliūčiškė* (LUEV 75; *Vanagas Liet. hidr.* 60, 177, 210); лтш. *Kirkas*, *Kirkas-kalns*, *Kirkas-plava*, *Kirkas-priedes*; *Kirkučis*, *Kirkučis*; *Kirkis*, *Kirkas-kalns*, *Kirkas-līcis*, *Kirkis*, *Kirkis-rags*; *Kirkis-ciems*, *Kirkis* (LV I, 2, 226); *Circis*; *Circenis*, *Circeni*, *Circeni-kalns*, *Circeni-ēzers*, *Circeni-upe*, *Circenājs pl.*, *Circeniši*, *Circenište* и др. (LV I, 1, 167), но и *Cirkavas*, *pl.*; ср. блр. *Кіркаўшчына* (Слоўн. назв. Мінск. 131). На основании этих примеров можно предположить, что и для прусских названий (во всяком случае в отдельных примерах) не должна исключаться связь с исконными балтийскими источниками, ср. лит. *kirkti* 'кричать', *kirkėti*, *kirkinti*, *kirkauti*, *kirkyti*, *kirkseti* и т. п., ср. *kirkilas*, *kirkla*, *kirklys* 'крикун' и под. (LKŽ 5, 836—838); лтш. *kirkstēt*, *kircināt*, ср. *kirkis* и под. (см. LEW 256); слав. **čьrk-* (особенно укр. диал. *черкати* 'дребезжать', 'журчать', болг. диал. *църкъм* 'издавать неприятный звук', словен. *črkati* 'скрипеть', словц. *čerkat* 'стучать, хлопать' и т. п.), см. ЭССЯ 4, 148; *Słown. prasłow.* 2, 223—224. Напрашивается заключение о недостаточной надежности мнения о связи прусских имен с обозначением церкви. Ср. аналогичные случаи использования слав. **čьrk-/čerk-* в ономастике и топонимии. — Восстанавливаются {**kirk-ain-*}, {**kirk-in-*}, см.

{**kirk-ain-*}, см. {**kirk-*}.

kirken, см. *kirki*.

kirki 'церковь'. К III, 69, 3 (...*bhe stan Sacramentan twaise mijlas Sounas Jhesu Christi bhe steisei kirki swaise mārtan estesmu ebsentliuns '... vnd der Kirchen seiner Braut darin bezeichnet'. ?*, см. ниже; — *kirkin* К I, 7, 1 (As drowe an swintan naseilen Ainan swintan krixianiskun kirkin... 'Ich gleube an den heyligen Geyst Ein heylige Christliche kirche...'); — *kirken*. К II, 11, 35 (в том же контексте); — *kijrkin*. К III, 33, 2 (в том же кон-

тексте, что и К I, 7, 1 и К II, 11, 35); 69, 16 (... *bhe stessepaggan poquoititon kai tans stesmu madlin peroniskan Cixtiāniskun kijrkin enlaipints... '...vnd von seinet wegen begeret das es dem Gebet gemeiner Christlichen Kirchen befohlen...'*); — *kirkin*. К III, 63, 6 (Stai Salūbsna pirschau Kirkin' Die Trewung vor der Kirchen); 77,5 (...*kāi kawids sien prēistan perōnin Cixtiāniskan kirkin podāst stas endāst sien en... '...das welcher sich zu der gemeinen Christlichen Kirchen thut, der begibt sich in...'*); 79, 9 (Druwē tu ēnstan Swintan Noseilin Ainan Swintan Cixtianiskan kirkin..., ср. К I, 7, 1; К II, 11, 35; К III, 33, 2). Acc. Sg. fem.; — *kirkis*. К III, 81, 2 (Mes billēmai tebbei pogirsnan dhe dīnckun kai tu twaias kirkis etnīwingiskai islāiku... '... das du deine Kirche genediglich erheltest...'). Acc. Pl.; — см. *kyrkoy*. — Форма *kirki* объяснялась по-разному: Траутман предлагал конъектуру **kirkis*, считая эту форму Gen. Sg.; Эндзелин колебался между двумя конъектурами — **kirkis*, Gen. Sg. или **kirkī* = *kirkin*. Acc. Sg.; Шмальштиг OP 71 определяет форму как Nom. Sg. fem., заключая, впрочем, что могла бы быть принята и конъектура Траутмана, поскольку форма *kirki* единична и к тому же следующее слово (*swaise*) начинается с *s-*. Существен литовский перевод этого места из «Энхиридиона» (Вилент): ...*ir dide paslaptine Sunaus tawa mieloya Wieschra-ties musu Jesaus Christaus ir Ваβniczas Marczos iō tame раβen-klinoiēu. 54.* — Обычно *kirki* рассматривают как верхненемецкое слово *Kirche*, попавшее в прусские тексты благодаря немецким переводчикам; высказывается мнение, что в живой прусской речи этого слова не было, тем более, что значительная часть прусской терминологии христианской церкви и культа заимствована из польского языка (см. Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 36). Полностью согласиться с этим мнением трудно: отсутствие другого слова для обозначения церкви в прусских текстах, регулярность появления *kirki* в катехизисах (ср. *kyrkoy* у Грунау), наконец, конкретная историческая ситуация, в которой различие кирхи и костела не могло не быть существенным, делают более чем вероятным усвоение (хотя бы и относительно позднее) прусским языком немецкого слова, обозначающего церковь. Ср. лит. *kirkė*, *kirka*, эст. *kirik*, русск. *кѳрка*, *кѳрха* и т. п. для обозначения протестантской церкви (но лтш. *luterāņu baznīca*, *katoļu baznīca*, *pareizticīgo baznīca*). Тем не менее, связь ряда собственных имен (см. {**kirk-*} с обозначением церкви вызывает сомнения.

— Лит.: Thes. 1873, 71; Berneker Pr. Spr. 1896, 193; Bezzenberger KZ 41, 1907, 81; APSpr. 358; Endzelins FBR 14, 1934, 100; SPV 193; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 36; OP 71; St. OP 159. — [**kirki*, **kirkē* (?); **kirkis*, **kirkēs*; **kirkin*, **kirkīn*, **kirken*; **kirkis*, **kirkens*].

{**kirk-in-*}, см. {**kirk-*}.

kirkin, см. *kirki*.

kijrkin, см. *kirki*.

kirkín, см. kirkí,

kirkis, см. kirkí.

kirkis teikūsnan 'церковное устройство (порядок)'. К III, 19, 20 (Preistesmu stas Lūbi bhe Crixstisnālaiskas kāigi stas subs en stesmu kirkis teikūsnan tēnti eu Prūsiskan tautan laikūts wīrst '...wie solches in der Kirchenordnung jetzund im Land zu Preussen gehalten wirdt'); 61, 32—33 (Ains Sallūbs Lai skas Kai stas en pou-son Kīrkis teikūsnan stalle '...in vnser Kirchenordnung stehet'). Acc. Sg. fem., если понимать это выражение как сложное слово, образованное по модели нем. *Kirchenordnung* (при том, что переводчик не вполне справился с задачей, поставив первый член в Gen. Sg., а не в виде основы); если же понимать это выражение как элементарную синтаксическую конструкцию, то она состоит из двух имен — в Gen. Sg. и в Acc. Sg. (обращение к литовскому переводу Виллента в данном случае помочь не может). — Ср. смысловую соотнесенность *Kirkis teikūsnan* (61, 32—33) с *Deiwūtiskan Entēikūsnan* (61, 35) в следующей фразе в соответствии с *nach Gōtlicher Ordnung*. Также заслуживает внимания сочетание этого прусского сложного слова (или сочетания слов) с последующим глаголом *stalle* (: нем. *stehet*), как бы вскрывающее еще один смысл — 'церковный устав'. — См. *kirkí* и *teickut*.

kirko, см. kyrkou.

kyrkou 'церковь'. Гр.-Кип. 221 ('Ecclesia'); Гр. 55 ('kirchen'); — *kirko*. Гр.-Г. 30 ('kirche'). Nom. Sg. fem. — К флексии *-ou* ср., с одной стороны, случаи появления *-i* в этой форме типа *cixtisnai, idai, deiwutiskai* и др., а с другой, возможность инерционного написания (форме *kyrkou* непосредственно предшествует *grekou 'sunde'*. Гр. 54 и Гр.-Кип. 221 ('Peccatum'); иначе — в Гр.-Г. 29: *greki 'Sunde'* при Гр.-Г. 30: *kirko*). — См. *kirkí*. — [**kirka, *kirkai, *kirkoi?*].

{**kirm-*}, ср. *Kirmys*, 1364 (озеро); *Kermesse*, 1367 (озеро), позже — *Kirmeß-See* (с вероятным переосмыслением, ср. нем. *Kermesse*); *Kirmithen*, 1429 (APON 63). Ср. также **kirmis* (см. *girmis*). К этим примерам примыкают мазурск. *Kirmys, Kermes, Kermesse, Kiermas, Kirmess See* (Leyding. Słown. nazw. Mazur. II, 1959, 209, ср. 236: *Kirmes* (?). Hennenb. II, 17). Учитывая **kirmis: girmis*, сюда же могут относиться и названия типа прусск. *Girme, Girmow* (см. {**girm-*}), хотя отмечено и литовск. *Girmiū*. Славянизированные формы отмечены в басс. Вислы — *Czermianka* (HW 149) и в басс. Москвы — *Чермянка* (БСЛ. Сб. 1972; 225). Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Kirmijà, Kirmėlynė, Kirmėlišké, Kirmeliupis, Kirminynės upalis* (LUEV 75; Liet. hidr. 43, 145, 146, 174, 229, 268); *Kirmėliai, Kirmėlinė, Kirmėlynė, Kirmėliškės, Kirmėliškis, Kirmėliūkai, Kirmiškai* (LATSŽ 135); лтш. *Cirma-ēzers, Cirms, Cirma, Cirmas-muiža, Cirmiņa-pļava; Ķirmas, Ķirnis, pļ., Ķirmiņi, Ķirmeļi, Ķiermeļi, Ķirmenieki, Ķirmeņu-laņķa, Ķirmeņu (Ķirmiņi)-purvs* (LV I, 1, 167; 2, 226—226). Ср. Nom. progr. лит. *Kirmilis, Kir-*

milas (Liet. antrop. 155), лтш. *Jacob Cirmes*, 1475, *Simon Kirmizs*, 1521 (LPV 169, 192), блр. *Кірмель, Кірмеля, Кірмеляс* (Белар. антрап. 203; Бірыла, Ванагас. Літоўск. элем. блр. 1968, 23) и др. — От названия червя, см. *girmis*. Топонимические примеры такого рода известны и в других языках, ср. др.-иранск. (персеполит). Nom. progr. *Kurmizza* (из **krmi-* 'червь', согласно Gershevitch Stud. class. Pagliaro II, 1969, 189; иначе — Maughofer Onom. Persep. 1973, 184) и др. К сосуществованию **Kirm-*: **Kirm-* см. Eckert Balt. Stud. 1971, 58. — Восстанавливается {**kirm-it-*}. — См. Пр. яз. II, 243—245.

**kirmis*, см. *girmis*.

{**kirm-it-*}, см. {**kirm-*}, *girmis*.

{**kirm-*}, ср. *Kirno*, 1326, лес; *Kirne*, 1326, лес на границе Барты и Галиндии; *Kyrny*, 1400, место; *Kyrnen*, 1419, место, позже — *Cörnen* (Кг. Pr.-Eylau). Сюда же — мазурск. *Kirne*, оно же — *Wielki Las, Steinorter Forst* (Słown. nazw. Mazur. II, 378). — Ср. лит. *Kir-nės, Kīrnaičiai, Kirnellė* (LATSŽ 135; ср. *Po-kirnė*. Buga RR I, 424.; *Kirnė, Kirnys, Kīrnupalis, Kirnellis, Kirnellė* (LUEV 75; Liet. hidr) 67, 88, 110, 144); лтш. *Cirnavā, Ķirna, Ķīrn-sala, Ķiernava* (LV I, 1, 167; I, 2, 227). Этот элемент используется и в Nom. progr., ср. лит. *Kirna, Kirnys, Kirnuška* (Liet. antrop. 153), а также божество по имени *Kirnis* (*Kirnis caerasos arcis alicuius secundum lacum sitae curat, in quos, placandi eius causa, gallos mactatos injiciunt, caerosque accensos in eis figunt. Lasicki. De diis Samagit.; Praeterea sunt certis agris, quemadmodum nobilioribus familiis, singulares dei, videlicet Deuaitis agri Poiurskii, ... Kirnis Plotelscii. Idem*), о котором см. LPG 356—357, 380—381, 397—398; Jaskiewicz St. balt. 9, 1952, 85; Jēgers KZ 80, 1966, 20. Имя *Kirnis* предполагается понимать как **kirnys*, т. е. 'тот, кто живет в *kirnis*', из **Kirnijas*, от **kirnas*, которому в силу и.-евр. параллелей приписывают значение 'вишневое дерево'. — Ср. лтш. Nom. progr. *Andres Cirnex*, 1538, *Cyrnex*, 1535 (LPV 170)? — См. *kirno*. — Следует иметь в виду и находящиеся в отношении аблаута формы **Kern-*, **Karn-* (см. {**karn-*}).

kirno 'куст'. Э 637 ('Struch'). Nom. Sg. fem. — Точное совпадение — в лит. *kirna* 'коряга', 'бурелом', 'низкий кустарник', 'пень срубленного куста' (*Atsargiai reikia su kirnomis darbuotis. LKŽ 5, 847*); 'поросшее кустами мокрое место' (*Kešuota prasta pieva, su kekais, pelkė bus kirna. 5, 847*), 'вынесенный на берег реки водой корень дерева или куста' (*Po kirnom daugiausia vėžiai, vėgėlės laikosi; Kabinkis į kirnas tai nenuskęsi. 5, 847*); 'связка прутьев'; 'скряга' и т. п.; ср. также *kirnė, kirnos, kirnas, kirnynė, kirnynas; kirnis* 'топь', 'трясина'; *kirnis* '*Prunus cerasus* (ср. *Kirnis* как *deus caerasorum*). Лит. *kirna* попало и в белорусские говоры, ср. *кірна* 'толстый сук, раздвоенный корень у корнеплодов' (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 465), *кірнатый* 'невысокий' (Белар. дыял. слова 80) и др. Нулевой вокализм корня отражен и

в некоторых других языках, но значение этих примеров в связи с *kirno* существенно меньше, ср., впрочем, игнорируемое лтш. *ķirna*, о том же, пришедшем в упадок человеке или животном (особенно о большой худой свинье): *guovs neēd; tīri kā ķirna paliek*; особенно важен пример *meža ķirna* (ME 2, 385), в точности соответствующий лит. *medžio kirna* (!); сюда же *ķirnis* (ME. Erg.-hf. 704) и глагольные формы типа лтш. *ķirnit* 'das Eingeweide herausnehmen' и др., *ķirnit*, *ķirnāt* 'verwühlen', 'durcheinandermengen' (ME 2, 385). Не исключено (но не более того), что славянские языки могли иметь точное соответствие балт. **kirn-* в **čyrn-*, специализировавшемся для обозначения цвета и в качестве такового соответствующем прусск. *kirsna-* и т. п. (см. ЭССЯ 4, 156). Зато, несомненно, сопоставимо с **kirn-* др.-инд. *ut-ķirna-* 'вырезанное' и т. п. Несравненно более обильны примеры с вокализмом корня *e*; они приведены выше в связи с прусск. *kerberse*, сложным словом, первый член которого *ker-*, видимо, обозначал 'куст'. Поэтому здесь уместно привести лишь те примеры, которые или содержат элемент *-n-*, что и в *kirno*, или обнаруживают особую семантическую близость. В этой связи преимущественное внимание обращают на себя вост.-балт. и слав. факты. Ср. лит. *kernà* 'карлик', 'маленький человек' ('kas kernàja') в таких диагностически важных примерах, как: *Tėvas kaip žargas, o sūnūs visi keīnos* и особенно: *To keīnos ir už kelmo nema tyti* (LKŽ 5, 613), *kernikė, kernūkas* (Vitkauskas Šiaur. ryt. dūn. 131), *kernėžas, kernėžas* и т. д.; *kėrna* 'ругатель', 'чернитель', 'пачкун' (*Kernojas kaip koks kėrna*), с семантическим развитием, хорошо объясняемым историей и.-евр. **ker-*; *kernà* 'гроздь', 'кисть', 'связка' (ср. *ķirna* 'связка прутьев'); *kernà* 'чаща леса', 'место, где что-нибудь растет особенно густо' (*Neik, vis tiek pergeisi, tokia baisi kernà; Kaip arėme dirvonus, tai medžių kernos daug sugaišindavo, kol išraudavome.* LKŽ 5, 613); невысокий деревянный сосуд, расширяющийся кверху и предназначенный для хранения продуктов (напр., масла, сметаны), обозначается лит. *kernà* (LKŽ 5, 613), лтш. *ķerne* (Erg'em. izl. vārdn. 2, 163), и эти слова объясняются как заимствования из ср.-н.-нем. *kerne* (ср.-н.-нем. *kernen*: лтш. *ķernēt* 'сбивать масло', 'к е г н е н') см. Schwerts Spr. Unt. 64; LEW 243; заимствованию могло способствовать притяжение балт. *kern-* и ср.-н.-нем. *kerne* в фонетическом и семантическом ('деревянное', 'плотно-приземистое', 'пнеобразное', 'сбитое') отношении. Такие случаи, как нем. *Kernholz* 'сердцевина дерева' вполне могли «на глазок» соотноситься с лит. *med-* & *kern-* (*kirn-*). Из слав. фактов в связи с *kirno* уместно прежде всего обратиться к продолжениям **černъ-*, *-o*, *-a*, *-ь* (см. ЭССЯ 4, 69—70; Słown. prasłow. 2, 156—157). Ср. ст.-чеш. *střen* 'сердцевина (дерева)'; чеш. *střen* 'младший отпрыск', *třen* 'ножка гриба', 'ствол', н.-луж. *šřono* 'ствол', 'дерево', польск. *trzon* 'ножка гриба', 'ствол' и др.; сюда же относятся и слав. примеры со значением 'рукоятка', 'ручка', 'черенок' (русск. *чѣрен*, *черенѡк*, *чѣрень*, блр. *чаранѡ*, укр.

чѣрѣн; болг. *чѣрен*, *чѣрен*, диал. *црен*, макед. *црен*, с.-хорв. *сгѣн*, словен. *črēn*; в.-луж. *čřona*, Pl., н.-луж. *сřон*, польск. *trzon* и др.), а также 'коренной зуб', 'скула', 'челюсть' (слав. *čren*, *črenový zub*, чеш. *třenovec*, *třenový zub*, *třenák*, н.-луж. *сřono*, *сřonak*, в.-луж. *čřjonak*, *čřjonowc*; ст.-слав. чрѣноскыныа (Ass. Pl.) αἱ μύλαι; русск.-ц.-слав. *чрѣновьнъ* (зубъ), русск. *чѣрен*, *череняк* укр. *череняк* и др.); последние примеры имеют несомненные соответствия в кимр. *cern* 'челюсть', брет. *kern* 'мельничная воронка', ирл. *cern* 'угол' (возможно, сюда же чеш. *krně* 'жолоб', 'канавка' и рефлекс **krn-* в лужицкой гидронимии: *Kyrnen*, 1334, *Kirnen*, 1368, *Kernitzsch*, 1410, *Kirnitz*, 1445, см. Эйхлер Иссл. с.-луж. 1970, 189). Однако семантически к прусск. *kirno* ближе две совокупности фактов. С одной стороны, речь идет об однокоренных названиях куста, отростка, корня и т. п., причем соответствующие слова могут иметь элемент *-n-* (но не как *Wurzeldeterminativ*, а в составе суффикса) и могут быть лишены его. Среди этих примеров ср. лит. *kėras* 'куст', 'пень', *kėrė* (LKŽ 5, 600, 601; Šiaur. ryt. dūn. 130), *kerėža*, *kerėžis*, о низкорослых растениях (ср. *kerėti*, *kerėoti*, *kerėžytis*, о разрастании вширь, разветвлении), лтш. *ķers* 'куст', 'заросшее место на болоте', 'побег', 'отросток' *ķera* о взъерошенных волосах, *ķeruzis*, то же, *ķeruōnis* 'волосы', *ķerēns* 'небольшой куст' (Erg'em. izl. vārdn. 1, 211) ср. *ķeruōties* 'кустить(ся)'; русск. *кѡрень*, *кѡрѣга*, *кѡра*; русск.-ц.-сл. *кѡрь* (русск. *кѡрь*), польск. *kierz*, *krzak* 'куст', чеш. *keř* и др. (ср. также заимствованное из литовского слово *ker* в документах Великого Княжества Литовского, см. Jablonskis Liet. žodžiai 1941, 85). С другой стороны, следует иметь в виду формы разных и.-евр. слов с элементом *-n-*, относящиеся к обозначению фруктового дерева типа вишни или черешни (ср. лит. *ķirnis* 'Prunus cerasus'). Так, некоторые исследователи сопоставляют с прусск. *kirno*, лит. *ķirna* слова типа др.-греч. *κράνον* или *κράνος* 'кизильное дерево', 'кизил', *κράνεα*, *κρανέα*, лат. *cornus*, *cornum* (см. Niedermann Mél. Meillet 97), может быть, сикул. *κόννος* 'мышинный терн' (Hesych., см. Campanile Studia class. Pagliaro I, 1969, 321), все восходящие к и.-евр. **krn-* (см. Friedrich PIET 1970, 116; отчасти Pok. 1, 572—573 и др.); алб. *shkurre* 'кустарник', *shkorre* 'место, поросшее кустарником' сначала сравнивали с лат. *cornea* от *cornus* (Meyer EWAlb. 410), а позже выводили из **sm-ker-n-* (Iokl LKU 1923, 230, 328; Čabej St. fil. 1965, 29—30), ср. также *ἀσκήροι*, *ἄσκιρον* 'Art Johanniskraut', 'Hypericum' (Hesych.), о котором см. Нерознак ВЯ 1978, № 4, 65; Палеобалк. 1978, 180. Нередко предполагается связь *κράνος*, *cornus* с др.-греч. *κέρασος*, *κρασός* 'вишневое дерево' (ср. латинское заимствование *cerasus*) и возможными древнейшими малоазиатскими истоками. Однако запутанность проблемы заимствований именно этого культурного слова в сочетании с неполной ясностью качества согласной в анлауте в названиях деревьев в ряде и.-евр. языков (ср. **ker-* и **krer(s)-*, **kres-*, как в др.-греч. *κρῖνος* 'каменный дуб', галльск. *prenne* 'arborum grandem', кимр., корн., брет.

prenn 'дерево', др.-ирл. *crann* и т. п.; Stokes *Urkelt.* 1894, 63 от-
носит сюда и прусск. *kirno*) придают этому кругу сопоставлений
неизбежную гадательность. — Место прусск. *kirno* и связанных
с ним примеров в широком контексте продолжений и.-евр. **ker-*:
**sker-* 'резать', 'царапать', объяснено Егерсом KZ 80, 1966, 19—21
и др. — См. также {**kirn-*}, *kerberse*.

Лит.: Thes. 1873, 72; APSpr. 358; Trautmann *Slavia* 2, 1923, 2;
BSW 127; SPV 193; Specht *Urspr.* 1947, 140; ЭСР 2, 325; 4, 340;
LEW 221, 241; Pok. 1, 572—573; Jegers KZ 80, 19—21, 29, 36, 48;
Friedrich *PIET* 1970, 116; St. OP 10.053, 10, 128; *Słown. prasłow.* 2,
157. — [**kirno*, **kirnā*].

{**kirp-*}, ср. *Kirpain*, 1280; *Kirpein*, 1309, позже — *Körpen*; *Kir-
paunen*, 1405, позже — *Kirpehnen* (APON 63); *Kirpain campus*. *Mon.
Hist. Warm.* I. — Ср. лит. *Kiŗpkalnis*, *Kiŗpõniai* (LATSŽ 135; ср.
Kiŗpiŗski, Ашм. р.-н. Литоўск. элем. блр. 23); лтш. *Cirpa*, рл., *Cirpas*,
Ciŗpis, *Ciŗpene*, рл., *Ciŗpeņi*, *Ciŗpiene*, *Ciŗpnieki*, *Ciŗpnieku-pŗava*;
Kiŗpas, *Kiŗpiŗi*, *Kiŗp-aste pŗ.*, *Kiŗpādas*, *Kiŗpāzi*, *Kiŗpēņi* (LV I, 1,
167—168; 2, 227); из антропонимов ср. лит. *Kiŗpaitis*, блр. *Kiŗ-
plūk*, *Kiŗplēўski* (из лит.) — Ср. лит. *kiŗpti* 'резать', 'стричь',
'кроить', лтш. *ciŗpt*, слав. **čerpti* (**čьррq*), **čьрpati*. — Восстанавли-
вается {**kirp-ain-*}.

{**kirp-ain-*}, см. {**kirp-*}.

{**kirs-*}, ср. *Kirsaynne*, ок. 1400; *Kirseu*, 1346, позже — *Ker-
schen*; *Kirsyn*, 1381; *Kirsin*, 1330, река, позже — *Schwarze Fließ*;
Kirschen, 1344, озеро; *Kirsinen*, 1334, позже — *Kirschienen* (ср.,
Pruthenis dictis Kirsini, 1288); *Kirsiten*, 1423, позже — *Kirschitten*;
Kirsitten, 1476; *Kirschien*, 1507, позже — *Kerschitten*; *Buthekirsithen*,
ок. 1400; ср. Jacob Jonen, *Bruder von Buthekirsiten*. *Wunder Pfen-
nigsb. Christb.* 1969, 65 (возможно, в этой же связи следует рас-
сматривать название *Pietzkendorf*, у Данцига—Гданьска, которое
в 1238 г. в одной грамоте было засвидетельствовано как *Bysekir*,
видимо, из *Bysekirsiten*, по модели *Buthe-kirsithen*; ср. Muhl *Gesch.
Danz.* 1938, 138; Brauer *Pruß. Siedl.* 1980, 63); м. б., *Kirsappen*,
1405, позже — *Kirschappen* (APON 25, 63—64); *Nom. progr. Kirsini*,
1284, 1290 (ср. *Cirsini*, лат., Pl.); *Kyrsuthe*, 1353 (SU 290); *Kirsute*,
1398; *Kirssute* (APN 45—46; о *Kirsiten* см. *Córniewicz Zesz. Nauk.
Uniw. Gdańsk.* 1975, N. 3, 43). — Ср. лит. *Kiŗšinas*, *Kiŗšvalkis*
(LUEV 75; Liet. hidr. 155); *Kiŗšai*, *Kiŗšiai*, *Kiŗšoniai* (LATSŽ 135);
лтш. *Kiŗši*, *Kiŗši*, *Kiŗšu-dārzs*, *Kiŗš(u)-purvs*, *Kiŗš-dārzs*, *Kiŗš-jora*
(ср. ливск. *jōra* 'озеро'), *Kiŗš-kalni*; *Kiŗsene*, рл., *Kiŗšanu-kalns*,
Kiŗšine, рл. *Kiŗšnieki* (LV I, 2, 227); мазурск. *Kirsajty*, *Kirsajty*,
Kirsaitel Insel, *Kirsaiten See*; *Kirschen Berg* (называемая как *Czarna
Góra*, так и *Wiśniowa Góra*); *Kirschen*, *Kirsyn*, *Kirsynny*, *Kerschener
See*; *Kirschen*, *Kirschen* (Hennenb. 1595; II, 13; *Korschen*, 1576, Hen-
nenb. Pruss.), *Schwarzes Fließ*; *Kiersickcie Jezioro*, *Kirschitter See*
(*Słown. nazw. Mazur.* II, 125, 130, 240, 369); висл. (в низовьях)

Kirsch Kanal, *Kirsch Graben* (?) (HW 790, 820). Ср. также *Kirsajty*
(*Słown. nazw. geogr. PZP* I, 126); блр. *Kiŗwi* (Слоўн. назв. Мінск.
132). — Видимо, в основе всех этих названий (если не говорить об
отдельных возможных исключениях; так, Шаль *Proceed. 8th Intern.
Congr. Opon. Sc.* 1966, 451—452 толкует *Kirsappen* как сочетание
названия для реки с предлогом *Kirs-* 'через', подобно *Kirs-neydin*
[эта же возможность допускается Бугой RR I, 421, 423, 435 (ср.
Cersangere, 1253, лтш. *Cersupe*) и Герулисом APON 64]; так же
толкуется название *Cirs-pene*; Буга RR III, 514 объясняет, напро-
тив, даже *Kirsin* из **Kirsna*) лежит элемент **kirs-*, выступающий
как дублетный вариант к **kirsn-* 'черный'; ср. лит. *kéršas* 'пегий'
('черно-белый'), 'пятнистый' (LEW 245); слав. **čьрпъ* 'черный'
в принципе двусмысленно в том, что касается -s-. — Гидронимиче-
ские названия с элементом *Kirs-*, *Kers-* и под. известны и южнее
и юго-восточнее. Возможно, к ним относятся верхнеднепр. *Череса*
в басс. Припяти и *Череска* в басс. Десны (ЛВЛП 212, 233), *Чер-
хавка* (на верхнем Днестре), в названии которой видят с вероятием
древний иллиризм **Kirsava*/**Kirsus*, т. е. 'черная (река)', см. Тру-
бачев НПУ, 268; *Baltist.* 4, 1968, 37. Нужно полагать, что другие
варианты того же корня (**Krisus* и под.) отражены в предполагае-
мых иллирийских и фракийских следах типа венг. *Körös* (ср. стар.
Крїсоос, *Grisia*, *Gresia*), имеющего и название-гlossу *Fekete-körös*
(при венг. *fekete* 'черный') или рум. *Crişul Negru* (о дак. Крїсоос см.
Polomé Cambridge Ancient History III: 2, ch. 20); см. *Tomaschek
ATHr.* II 2, 110; *Detschew Thr.* 267; ЭССЯ 4, 156; или фрак. *Кер-
соуллос* как эпитет Зевса, см. *Duridanov Thr.-Dak.* 39. Впрочем, эле-
мент **Kris-* встречается и в других традициях, ср. Крїса, город
в Фокиде, Троаде, Эолии (Steph. *Byz.* 385, 4), этрусск. *crisu*, от-
куда лат. *Crisius*, *Grisinius*. *Nom. progr.* — Восстанавливаются
{**kirs-ain-*}, {**kirs-in-*}, {**kirs-it-*}, {**but-* & **kirs-it-*}, {**bis-* &
kirs-it-* (?)}, {kirs-ut-*}, {**kirs-ei* (?)}; {**kirs-* & *ape*}.

{**kirs-*}, ср. *Kirsneydin*, 1379 (APON 64), где выделяется *Præf.*
kirs- и, м. б., *Kirsappen*; см. {**kirs-need-*}.

kirsa, см. *kirscha*.

{**kirs-ain-*}, см. {**kirs-*}.

{**kirs-* & **ape*}, в зависимости от двойкой возможности толкова-
ния первого элемента **kirs-* (как 'черный', ср. параллельное обра-
зование {**kirsn-* & **ape*}, или как предлог 'через', 'сквозь'; см.
Daubaras Baltist. 14, 1958, 57) см., помимо *ape*, {**kirs-*}, *kirsnan*,
{**kirsn-* & **ape*} и *kirscha*, {**kirs-*. *Præf.*}.

kirscha 'над', 'на', 'через', см. ниже. *Præf. c. Acc.* В текстах
выступает в разных графических вариантах: *kirscha*. К III, 23, 8,
14, 24; 25, 6, 14, 22; 27, 8, 19, 30; 57, 5; 67, 11 (2 раза), 12, 34; —
kirsa. К III, 57, 10; — *kirschan*. К III, 73, 15; — *kirsche*. К III,
81, 19; — *kērschan*. К III, 73, 14; — *kerscha*. К III, 57, 14; — *krscha*.
К III, 25, 31. — К III, 57, 5 (Klausieiti iousons mukinnewins bhe
riþaiti tennēimans beggi tenei budē kirscha iousan Dusin...)

'Gehorhet ewern Lehrern vnd folget jhnen Denn sie wachen vber ewer Seelen...'); 57, 10 (Erains bousei poklusman steisei Aucktimiskan quoi warein kirsadin turri 'Jederman sey vnterthan der Obrigkeit die gewalt vber jn hat'); 67, 11 (2x), 12 (Bhe rikauite kirscha suckans eniurin kirscha stans Pippalins pō Dangan bhe kirscha wissans swirins... 'vnd Herschet vber Fifch [scil. Fisch] im Meer vber die Vögel vnter dem Himmel vnd vber alles Thier...'); 67, 34 (Nostan turei stas Lübeniks tittet kirscha stans Madlit 'Darauff sol er also vber sie Beten'); 73, 14, 15 (... mes enwackēmai tien a [a adder kērschan schantwaian schlūsni kin. — На полях. — В. Т.] kirschan stan twaian schlūsni kin... '...Wir ruffen dich an vber a [a (oder diese deine Dienerin N. die)] deisen deinen Diener...'); 81, 49 (Stas Rikijs poswāigstina i swaiau Prosnan kirsche wans... 'Der HERR erleuchte sein Angesicht auff euch...'); — K III, 57, 14 (Quai adder emprīki stalle wīrst kerscha sien ainan lijgan gauuns 'Die aber widerstreben werden vber sich ein Vrtheyl empfahen'); — K III, 23, 8 (Mes turrimai Deiwan stan Rikijan kirscha wissan powijstin biātwei... 'Wir sollen GOTT den HERREN vber alle ding fürchten...'); 23, 14, 24; 25, 6, 14, 22, 31 (krscha); 27, 8, 19, 30 (повторение 23, 8 во всех этих случаях). — Почти во всех примерах *kirscha* передает нем. *über*; единственное исключение — K III, 81, 19, где *kirsche* переводит нем. *auf* (erleuchte... auff euch... при *poswāigstina i... kirsche wans...*). Очень интересная ситуация в отрывке K III, 57, 14—16 (Ad Roman. XIII, 2,4). В немецком тексте воспроизводятся две одинаковые конструкции: Die aber widerstreben werden vber sich ein Vrtheyl empfahen... Sie ist Gottes Dienerin eine Racherin zur straffe vber den der böses thut (в соответствии с... ipsi sibi condemnationem auferent... vindex ad iram ei qui quod malum est fecerit), которые, однако, по-разному передаются в прусском тексте: *kerscha sien* в первом случае и *nostan* (т. е. *no stan*) *kas wargan segge* во втором случае. Появление в последнем случае *no* как бы проясняет идею направленности ('на') действия на объект, более непосредственной устремленности, актуализации контакта с объектом. Вероятно, существовали и иные ситуации, в которых оттенок 'над' легко заменялся на 'на'. Таков, напр., случай Асс. «основания действия»: Mes turrimai Deiwan... kirscha wissan powijstin biātwei... могло пониматься не только как выражение преимущественного страха перед Богом по сравнению со всеми другими предметами (сверх, свыше, больше всего остального), но и как указание той совокупности явлений, на которой (в связи с которой) как на основании проверяется обозначенное действие ('страшиться', 'бояться'). Это предположение находит дополнительный аргумент в свою пользу в вилентовском переводе соответствующего отрывка: Turim Pona Diewa ant wissu daiktu biotiēsti... (ср. зато это место в латышском Катехизисе 1586 г.: Mums buus dewe pār wuejfe lethe bytes...; ср. совмещение в лтш. *pār* значений 'через' и 'над' [ср.

man pav varas pār viņu 'у меня нет власти над ним'], что соответствует этимологически вскрываемому значению 'через' в прусском *kirscha* и актуально присутствующему значению 'над'). Такого рода сдвиг ('над' → 'на') можно было бы допустить и в некоторых других случаях. Тем не менее, основным для прусск. *kirscha* заданием является фиксация такого соотношения между действием и его объектом, когда действие осуществляется извне, снаружи (но не внутри!), сверху, когда оно охватывает (именно сверху) объект, как бы распространяется по нему (опять-таки без проникновения внутрь его). Характерно, что во всех известных в текстах случаях *kirscha* выступает в переносном, более абстрактном (не собственно локальном!) значении. Чаще всего оно вводится при выражении идеи некоей власти, покровительства, заботы, по отношению к объекту, ср. *tennei budē kirscha iousan Dusin; warein kirsadin; rikauite kirscha suckans... kirscha stans Pippalins... kirscha wissans swirins;... kirscha stans Madlit; kirscha wissan powijstin biātwei*. Конкретное значение предлога ('через', 'сквозь') может предполагаться исключительно на основании двух префиксальных топографических обозначений — *Kirs-neydin* и, возможно, *Kirs-appen*. К сочетанию значений 'над' и 'через' ср. словен. *čez* или выражения подобные русск. *через силу* и т. п. — Из всех форм предлога наиболее авторитетна *kirscha* (форма с вокализмом *e* встречается лишь дважды; тем не менее, и ею нельзя пренебрегать, ср. ниже вост.-балт. и слав. примеры с вокализмом *e*). Вариант с конечным *-n* встречается в одном месте, но дважды — в тексте и как приписка на полях. Это *-n* может быть вызвано инерционной рифмой *kērschan schan* (и *kirschan stan*), но разумеется, не исключено, что речь могла идти и о дублетах *kirscha* — *kirschan*, подобно *priki* — *prikin*. Также нельзя не считаться с возможностью существования усеченной формы, выступавшей, в частности, в префиксальной позиции (ср. *kirs-*). Другой вариант дублетности *kirscha* — *kirsa*, повторяющийся и в некоторых других случаях (*rs:rs̄*), может толковаться двояко — или как чисто графическое явление, или — скорее — как дань особенностям немецкой фонетики, т. е. как факт позднего происхождения (см. Эндзелин Сл.-балт. этюды, 60—68; SPV 37; Karaliūnas LKK 10, 1968, 84; OP 144.) — Наиболее точные соответствия прусск. *kirscha* в слав. и балт. языках, хотя соответствия весьма различаются между собой. Латышские (куршские) топонимы позволяют выделить префикс *cers-*, *cirs-*, восходящий к **kers-*, **kirs-*, что ближайшим образом соответствует прусскому предлогу. Ср. *Cērsupji*, в Курземе (LV I, 1,164), соответствующее прусск. *Kirsappen; Cērs-angure* (название известное с XIII в.), **Cirs-anguri* (ср. FBR 6, 1926, 8; Būga RR II, 510 и др.); *Cirspene* (LV I, 1, 168), см. Otrębski Sł. Occ. 18, 1947, 504; Dambe Baltist. I priedas, 59—60 и др. Хотя соответствующий предлог не известен, но, учитывая, что и префикс засвидетельствован лишь в реликтах, можно предположить наличие некогда в лтш. и куршск. предлога **kirs/*kers*

(тем более, что синонимичный ему предлог обнаруживает следы относительно поздней формации). Показательно, что и в литовском ближайшее соответствие прусск. *kirscha* относится не только к предложному элементу. Ср. *skersas* 'поперечный', *skersai* 'поперек'. Adv. и Праер. (*skersai kēlio*, но и *skersai kēliq*, о *skersai* как Праер. см. LKG II, 637—639); *skersinis* 'поперечный'; 'перекладина', 'поперечина', *skersis* 'поперечник', *skersomis* 'косо', 'искоса', 'боком', 'поперек', а также сложные слова типа *skerskelė* 'поперечная дорога', *skerspiūvis* 'поперечное сечение', *skersvagė* 'поперечная борозда', *skersvėjis* 'сквозняк' и т. п. и глаголы *skersuoti* 'коситься', 'скрещивать', 'ходить поперек', *skersinti* и т. п. (при *skersiti* 'резать' и др.); иногда высказывается мнение, что форма с *s-* была и в прусск.; ср. *Skarsin*, ок. 1340, озеро; *Skarsaw*, 1478, позже — *Skars-See* (APON 160: к лат. *skersas*). Впрочем, и литовскому известен вариант без начального *s-*: лит. *keřsas* 'поперечный' (К е г с і plyšeliai. LKŽ 5, 621), *kersai*. Adv. Такого же рода образования отмечены и в лтш. ср. *šķerss* 'поперечный', 'косой', 'плохой', *šķersām* 'поперек' (ср. *krustiem šķersām* 'вдоль и поперек', *šķersis* 'поперечина', *šķerslis* 'преграда', 'препятствие', *šķersojums*; *šķersceļš* 'поперечная дорога', *šķersgriezums* 'поперечное сечение', *šķersiola* 'перулок', 'поперечная улица', *šķerskons* 'перекладина'; *šķersot* 'пересекать' и т. п. В вост.-балт. хорошо известны и топонимы с первым элементом *Skers-*, *Šķers-* типа лит. *Skeřsabaliai*, *Skiřsnemunė*, *Skeřsupis* и под. Особого внимания заслуживают славянские факты, тем более ценные, что морфологически они обычно выступают именно как предлоги. Речь идет прежде всего о слав. **čersъ* и его варианте **čertzъ*, справедливо признаваемом вторичным (под влиянием других предлогов с исходом на *-z*, как-то: **jъz*, **niz*, **vъz*, **perz*) и во всяком случае менее авторитетным. Ср. др.-русск. *чересь*, *черось*, *черезь*, русск. *через*, блр. *цэраз*, укр. *через*, ст.-слав. *чръзъ*, болг. *чрез*, с.-хорв. диал. *чрѣз* (CP 829; RJA s. v.), но и *čerez* (Popović Wien. slav. Jb. 5, 1956, 10—13), *čez*, словен. *črěz*, *čěz*, *čęz*, диал. *črás*, *čerěz*; чеш. диал. *cez* (литомышльск.), слвц. *cez*, диал. *čez* (оравск.), *čes*, *črez* (Kott I, 180), кашуб. *ces*, *cės* и др. (ЭССЯ 4, 76—77; Słown. prasłow. 2, 163—165); впрочем, известны и соответствия, не являющиеся предлогом; ср. русск. диал. *через* 'ремень для ношения денег'; 'яз, рыболовный закол поперек реки', *черес*, укр. *черес*, *черех*, польск. *trzos*, слвц. диал. (вост.) *čeres* 'мужской пояс' (видимо, из укр.). Слав. формы, как и балт., восходят к единому в принципе источнику **kers-*: **skers-*, который в свою очередь отражает более древнюю форму — **kert-s-*: **skert-s-*, постулируемую на основании сохранения *s* после *r* без перехода в *š* и непосредственно связываемую с и.-евр. **(s)ker-(t)-* 'резать' (Pok. 1, 949—950; к семантике ср. Якобссон Sc. Slav. 4, 1958, 304); не исключено, что слав. предлог, как и в балт., мог быть связан первоначально с Adj. (ср. также **bliz-* в обеих функциях). В связи с **čersъ*/**čertzъ* как ближайшим

соответствием *kirscha*/*kerscha* и другим балт. примерам уместно упомянуть и о взаимодействующем с ним Праер. **skrozъ*/**skrozь*/**skrozě*/**skrżě* и даже **krżě* (ср. русск. *скрозь*, диал. *скрезь*, укр. *скрізь*; болг. *скръз*, с.-хорв. *скрѣз*, словен. *skrōz*/*skōz*/; чеш., слвц. *skrż*, *skrze*, польск. *wskroś* и их дубликеты без *s-*: укр. *крізь*; болг. *крѣз*, с.-хорв. *крѣз(a)*, *krež*, словен. *kréz*; слвц. *krež*, *kroz* и др.; см. ЭСР 3, 658; Et. sl. slov. jaz. 1, 1973, 235—238 и др.), который восходит к тому же **(s)ker-(t)-* и в свою очередь подвергается влиянию со стороны **skvozъ*/**skvoзь*/**skvožě*. К и.-евр. **kert-* восходит и праслав. **čerslo* 'нож', 'лемех' и 'поясница', 'пояс', 'гениталии' и т. п. — Из других соответствий уместно назвать др.-греч. *κάρσιον* *πλάγιον* (Hesych.); *ἐπι-κάρσιος* 'поперечный' (напр., *ὁδός ἐπικάρσιος*), *ἐγ-κάρσιος* 'поперечный', 'косой' и т. п. Остальные приводившиеся или в каком-то отношении привлекательные сопоставления спорны. К ним относятся фрак. *Κερσε(ο)βλέπτης*, сложное имя фракийского царя (собственно — 'косо смотрящий'), вторая часть которого — греческое слово, а первая — предположительно фрак. **kers-* 'косой' (см. Kretschmer Einleit. 234; Дечев Характ. 1952, 18; Thr. 241—242; Masson Kratylos 1, 1956, 83 и др.), *Κερσιβαυλος*, вероятно, -херта, -херса в *Ἀξιο-херса* (-ος) и даже *Καρσι-*, -*καρσις* в *Καρσιδαλα*, *Καρσιμαρος*, *Ὀνόκαρσις* (*Κερσουλλος* как эпитет Зевса и под. объясняли иначе). С и.-евр. **sker-* связывают арм. *zer* 'aufsässig', 'widerspenstig' (Pok. 1, 950; Mann Arm. 1963, 140, впрочем, здесь же предлагается и альтернативное решение). К **kers-* возводили лат. *cerro*, *cerritus*, о неуживчивом («поперечном») человеке, и кельтские примеры типа ирл. *cearr* 'verkehrt'; *cerr*, *cerr-bél* 'криворотый' (Stokes Urkelt. 1894, 81). Рейхенкрон. Dak. 1966, 133 тесно связывал воедино балт. и слав. формы с румын. *horțis* 'искоса', 'косо', а *horți*. Йокль сопоставлял с продолжениями и.-евр. **sker-s-* алб. *tšars* 'verderben' 'in Zwist scheiden' (IF 30, 1912, 195—196; LKU 1923, 155—156). В этой же связи приводили и др.-англ. *scérero*.

— Лит.: Thes, 1873, 72; Schmidt Jen. LZ 1874, 508; Berneker Pr. Spr. 1896, 158; SEW 1, 148—149; APSpr. 358; BSW 129—130; Būga Liet. tauta I, 2, 1908, 217 (= RR I, 152); ПФВ 70, 1913, 103 (= RR I, 435); RR II, 510; Vondrák Vgl. slav. Gr. I, 356; Brückner ZfslPh. 2, 1925, 307; ME 4, 37; SPV 193—194; WP 2, 590; Vailant RESl. 27, 1951, 290; Gr. comp. II, 424; ЭСР 4, 338; LEW 802; Pok. 1, 949—950; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 47; Et. sl. slov. jaz. 1, 1973, 237; Słown. prasłow. 2, 165; OP. 144. — [**kirša(n)*, **kersa(n)*]; ранее — **kirsa(n)*, **kersa(n)*].

kirschan, см. *kirscha*.

kirsche, см. *kirscha*.

{**kirs-ei* (?)}, см. {**kirs-*}.

{**kirs-in-*}, см. {**kirs-*}.

{**kirs-it-*}, см. {**kirs-*}.

{**kirsn-*}, ср. *Kirsne*, 1364; *Kirsno*, озеро на границе Барты и Галиндии, 1336; *Kirsnappe*, река, 1339—1349 (APON 64; Буга

TŽ 1, 1923, 17 (= RR III, 514) относит сюда же *Kirsin, Schwarze Flies* (см. ниже), выводимое им из **Kirsnā*; Герулис в связи с *Kirsin* отсылает как к лит. *kēršas*, так и к прусск. *kirsnan*; — *Kirsneydin* обычно сюда не относят, см. {**kirs-* & **neid-*}); ср. также приток Деймены (Дейме) в Вост. Пруссии *Kirsna*, лит. *Kirsnupe* в прусской Литве (Кгауришкю пар., см. RR III, 514 и др.); мазур. *Kyrsin*, 1329; *Kirsen*, 1409; *Korschen*, 1576 (Hennenb. L.); *Kirschen*, 1595 (Hennenb. Von den Seen. . .); *Schwarzes Flies*; *Kirsna*, п. п. Лыны (Słown. nazw. Mazur. II, 130; Słown. nazw. geogr. PZP I, 126; ср.: *Kirsen*, 1383 и т. д.; *Kerschener See*; *Kirsnyu*, луга, а ранее озеро к сев. от деревни *Kierz*, II, 125?); — Nom. progr. *Kirsne*, 1289 (PU 2, 340); *Kirsnote*, шалав., *Hannus Kyrsnyte*, 1378 (APN 46). — Топонимическое **Kirsn-* отмечено и на ятвяжских землях. Ср.: 1283 anno frater Fredericus . . . cum C viris equitibus de castro Brandenburgk processit contra Sudoviam, et dum accepto magno spolio in territorio *K i r s n o v i a e* rediret, hostes sequentes, ipsum cum XXX viris interfecerunt. SRP I, 145; *Kirsnowin* SRP I, 509 (см. Būga LKŽod. 1, LXXVIII, LXXXIII = RR III, 135, 144—145). Обычно считаются ятвяжскими соответствующие названия в Литве, ср. *Kirsnā*, приток Шешупе (см. выше о *Kirsnupe*), см. LUEV 75; Senkus LKK 6, 1963, 217, 226; Otrębski ВСЯ 5, 1961, 4; Sprache 9, 1963, 164; LPosn. 9, 1963, 12; Schall Baltist. 2, 1966, 9; с возражениями выступает Савукинас Baltist. 1, 1966, 169: «что касается ятвяжской топонимии, то даже *Kirsnā*, р. на основе только определенных чисто лексических показаний нельзя с достоверностью считать зап.-балт. словом, т. к. др.-пр. *kirsnan* 'черный', имеет свое лит. соответствие *kēršas* и, видимо, **kirš(n)as*, что показывают соответствующие гидронимы *Kirš-inas*, р., *Kiršnó-upis* resp. *Kir(k)-šnóupis*, р. *Kirš-vaikis*, р. (LUEV 75). Следовательно, название *Kirsnā* можно отнести к зап.-балт. (в данном случае к ятвяжским) названиям только в силу фонетического соответствия: после *r* в др.-прусск. обычно бывает *s*, а в лит. — *š*. . .». Разумеется, случаи типа *Kiršinas* и, м. б., *Kirkšnóupis* (*Kiršnóupis*), *Kirkšnovė* *Kirkšnis* (LUEV 75; Liet. hidr., 45, 155, 191; Schmid IF 74, 1969, 128) весьма показательны, но именно они и свидетельствуют о различии между литовскими и ятвяжскими реализациями **kirs-*, хотя дифференциация оказывается более тонкой, чем предполагалось. Заслуживают внимания (особенно в связи с их местоположением) топонимы *Kirsnėlė* и *Kirsnókiškė* на территории Литвы (Lazdijai, Marijampolė), см. LATSŽ 135. Отмеченные в Литве примеры с элементом *Kirsn-* представляют собой только северную периферию более или менее обильного соответствующими названиями пояса, тянувшегося существенно южнее. В качестве границы этого пояса на юге указывалась река *Krzna*, л. п. Буга (начало берет в сев. части Люблинского воеводства, в Луковск. пов., и впадает в Зап. Буг чуть ниже Бреста), название которой предлагалось выводить из **Kirsn-* (ср. в этом же районе — *Mętna*, *Muchawiec*, но *Białka*, п. Кшны, «разыгрывающие» проти-

вопоставление черного (непрозрачного, мутного) и белого). См. Топоров *Rakstu krājums* (1959, 251—261 (ср. др.-прусск. *Kr̥sna* (Хлебн., Погод. сп. летоп. 1282 г.), применительно к Кшне, о чем см. Соболевский ИОРЯС 27, 1922, 263). Из других ориентиров ср. сувалк. *Kirsna* (Falk Ze stud. 1973, 19), белостоцк. *Kiersnowo*, *Kirsnowo* (Halicka. Nazwy miejsc. środk. i zach. Białost. 1976, см. Zinkevičius Baltist. 13, 1977, 382; Vanagas LKK 17, 1977, 215). Отчасти эти данные восполняются свидетельствами антропонимии, особенно когда их удается локализовать, как это сделано Непокупным Этн. и лингв. аси. 1980, 140—141 и рис. 1 на с. 138. Существенно, что такие же антропонимические следы корня **kirsn-* отмечены и к востоку от Немана (как и непосредственно к западу от него). Ср.: *Kiersnicki*, 1654 (Липкява), *Kirsnickas*, 1707 (там же), *Kirsnieka*, 1794 (Масюны, в Даугайск. приходе), *Kiersnowa*, 1726 (Дайнава), *Kiersnowska*, 1771 (Даугай), *Kiersnowski*, 1750—1760 (Juonowicze, апил. Дубенай), 1772 (Poklonskie, апил. Луксненай). Но такого рода антропонимы известны и за пределами описанного ареала, см. *Kirsnelis* (Chirβniela, Gen. Sg.), *Kirsnis,-ys?* (: *Kiersnowsky*). Liet. antrop. 155, 235, 238 (в частности, в Вильнюсе), а также современные литовские фамилии типа *Kirsniauskas* (Алитусск. р-н), *Kirsnauskas* (Пренайск. р-н), *Kersnauskas* (Кайшядорск. р-н); в Жемайтии отмечено семь пунктов с фамилиями этого типа. На основании этих антропонимов Непокупный предлагает реконструировать местное название патронимического типа **Kiersnicze*: **Kiersnice* (ср. *Kersnickas* и др.), а на основании антропонима на *-icki* — незасвидетельствованный топонимический тип **Kiersnik(i)*. Ятвяжское происхождение этих названий иногда подкрепляется дополнительными словообразовательными аргументами. Так, антропоним типа *Kirsnieka* (ср. *Gáiliekas*, *Baltiekà*, *Variékà*, *Taurika*, *Gaviekas*, *Vagiėkai* и т. п. гидронимы (Liet. hidr. 143—144; Ванас Acta B-Sl. 9, 1976, 74—75 и др.) своим суф. *-ieka* также, видимо, указывает на ятвяжскую особенность (ср. южнолитовский ареал соответствующей гидронимии). — Прусские и ятвяжские названия с элементом **Kirsn-*, помимо указанных выше очень редких литовских соответствий, находят отклик в лтш. *Cērsna*, название реки в Земгале (LV I, 1, 164; см. Дамбе Baltist. 1972. I pried. 59; Daubaras Baltist. 14, 1978, 57), и, вероятно, в *Ciršņi*, *Ciršņa-plava* (I, 1, 168), которые в этой связи не привлекали внимания. Как некий более далекий фон остаются и такие названия, как *Cirseni*, *Cirsinieki* (: *Cirsu-līcis* рl. I, 1, 168), сопоставимые и с прусск. *Kirsin* и с лит. *Kiršinas*. В этом же плане существенны лтш. *Ķirsene*, рl., *Ķiršānu-kalns*, *Ķiršine*, рl., но *Ķiršnieki* (!). LV I, 2, 227. Другие, на этот раз более далекие, параллели (обычно без элемента *-n-*), если не считать бесчисленных слав. названий с элементом **Сьrn-*, в принципе двусмысленным в отношении *-n-*, приведены при анализе {**kirs-*}. При естественном и более правдоподобном решении вопроса (**Сьrn-* < **Kirsn-*; кстати, предлагаются (см. ниже) некоторые соображения относительно сле-

дов -s- в этом корне), оказывается, что прусско-являжская и славянская области образуют единый ареал *Kirsn- (*Kirsna, Czarna, Cerna, Carna, Черна(я), Чорна, Црна* и т. п.), тем более показательный, что он характеризуется достаточной густотой примеров (в отличие, напр., от территории Латвии), во-первых, и отличием от способов выражения «черных» гидронимов (или топонимов) в соседних ареалах (ср. лит. *Juodà*, лтш. *Melnā* и т. п.), во-вторых. В этом смысле вост.-балт. *Kirš(in-), Cirs(ņ-), Cērs(n-), Kirs(en-)* и т. п. скорее объединяются с иллир. *Kirs-. — См. {*kirs-}, {*kirs-ain-}, {*kirs-in-}, {*kirs-it-}, {*kirs-ut-}, {*kirs-ei- (?)}, м. б. {*kirs- & *ape}, *kirsnan*.

kirsnan 'черный'. Adj. Э 460 ('Swarz'), в списке цветовых обозначений после открывающего список *gaylis* 'белый' (Э 459) и перед *sywan* 'серый' (Э 461). Согласно SPV 194, Nom. Sg. n. (?). — Это прилагательное многократно используется в прусско-являжском гидронимическом ареале, о чем см. {*kirsn-}. Ближайшие параллели к прусск. *kirsnan* и ятв. **kirsna-* в слав. и др.-инд. Они тем более рельефны, что в вост.-балт. языках основные обозначения черного цвета выражаются иначе: лит. *juodas*, лтш. *melns*. Особое внимание вызывают продолжения слав. **čьrn-*: русск. *чёрный*, блр. *чорны*, укр. *чорний*; ст.-слав. *чрънъ мѣлаъ*, 'niger' болг. *чѣрен*, диал. *чрън*, макед. *чрн*, с.-хорв. *чрн*, *чърнѣ*, словен. *črn*; чеш. *černý*, словц. *čierny*, н.-луж. *carny*, в.-луж. *čorny*, польск. *czarny*, словин. *čarni*, полаб. *corně* и т. п. (ЭССЯ 4, 155—156; Słown. Prasłow. 2, 240—243 и др.). Хотя праслав. **čьrn-* может продолжаться как и.-евр. **kirn-*, так и и.-евр. **kirsn-*, более правдоподобным представляется последний источник. Предполагается цепь **kʷrsn-* > **kirsn-* > **čьrxn-* > **čьrn-*, подобно **louksnā* > **luxna* > **luna*. Попытка Георгиева возвести анлаут к и.-евр. лабиовелярному (**kʷr(ə)s-*) не имеет достаточных оснований, см. Иссл. 1958, 135—136; Вѣпр. бѣлг. етим. 1958, 31; Бѣлг. етим. оном. 1960, 133; Балк. язык. 18, 1975, 40; ср. Порциг Член. и.-евр. 247: **qrsno-*. Индо-иранские соответствия к *kirsnan* до сих пор демонстрировались единственным примером — др.-инд. *kʷṛṣṇā-*, хотя эта лексема использовалась и в названии реки и в имени божества. В настоящее время число примеров может быть увеличено, причем не только за счет продолжений др.-инд. слова в новоиндийских языках (см. Turner Comp. Dict. I.-Ag. s. v.), но и благодаря независимым примерам, прежде всего из дардско-кафирских языков. Так, к форме **kʷṛṣṇā-* восходят такие слова для 'черного', как башк. *kišin*. хилис. *kišū*, дамели *krinā*, калаша *krizna, krēhon*, *krinča*, пхалури *kišinu, kišinu*, шина *kinu, kiṇu*, торвали *kəṣən*, тирахи *kəṣən* (см. Fussman Atl. ling. dard.-kaf. II, 1972, 237—238). Некоторые из этих поздних форм существенны для понимания процессов усвоения гидронимов типа *Kirsna* в славянском окружении. Так, формы типа калаша *krizna* или башк., пхалури *kišin(u)* объясняют, каким образом из балт. названия могла получиться форма *Krzna* (см. {*kirsn-}). Как будто в последнее время обнаруживаются следы

этой лексемы и в иранских языках. Среди персеполитанских Nom. propr. отмечено имя *Kur-iš-na*, которое Гершевич Stud. class. Pagiario II, 1969, 200 возводит к **kʷṛṣṇā-* (: вед. *kʷṛṣṇā-*) и сравнивает с авест. прозвищем *Karšnaz-*, использовавшимся, кажется, как Nom. propr. Ср. также Mayrhofer Onom. Persepol. 1973, 183 (= 8.872). Также недавно было выдвинуто предположение, согласно которому к и.-евр. слову 'черный', восходят такие фракийские названия, как *Dierna, Δίερνα, Tierna, statio Tsiernensis, colonia Zernensis, Zernae, Ζέρνης* (Иссл. 135—136). Георгиев возводит эти названия к и.-евр. **kʷersnā*, предполагая для анлаута серию изменений **kʷe-* > **k'e-* > **te-* > **če-* > **cie-*; к семантике ср. гидроним *Černa*; в устье этой реки (у г. Оршова в ю.-зап. Румынии) как раз и находится *Dierna-Tierna* (уместно заметить, что Томашек AThg. II, 1, 33—34 считал это созвучие *Dierna-Tierna: Černa* случайным). — Из примеров других и.-евр. языков, если не считать удивительного единичного факта — лит. *kišnas* 'tamsiai juodas' (о лошади), см. LKŽ 5, 854, — приуроченного, однако, к району, для которого являжские следы более или менее очевидны (Marijampolė), а также гидронимических отражений **Kirsn-*, **Kersn-*, следует привести и такие, которые отстоят от уже приведенных выше значительно дальше. Прежде всего речь идет о формах, как правило, лишенных элемента -n- и с иным вокализмом. Ср. лит. *kéršas* 'пегий', 'пятнистый', 'черно-белый' (особенно часто применительно к животным), *kéršis, keřšis, keršūlis* (ср. *kierbulis* 'grzywacz', 'palumbis'. Szyrw. Dict. 40 (= Pirm. žod.), *keršulys, keršinis* (ср. *keršinis balandis*), *keršiškas, kėřšikas, keršumà* и т. п. (LKŽ 5, 622—628), но и *kiršljs* 'хариус', *kařšis* 'лещ' и т. п.; не ясно, относится ли к этому корню лтш. *cifsis* 'eine Art kleiner Vögel' (ME 1, 387). Если прав Георгиев Балк. язык. 18, 1975, 40, то сюда же следует причислить и фрак. Δι Керсуλλω (Dat.), словообразовательно совпадающее с лит. *keršūlis* (см. выше). Бессуффиксальные формы см. в Nom. propr. *Cersa, Керса, Керсоъ, Керсѣъ, Cersus*. Остается загадочным эпитет Громова: *Iovi Cerneni*, квалифицируемый как дакийский (из **Cersn-* < **Kersn-*?). Из герм. языков ср. шведск., норвеж. *harr* 'Äsche' (< **harzu-* < **korsu-*), др.-англ. *heard-hara, heardra*, н.-в.-нем., голл. *harder, herder* 'Meer-Äsche'. Известны попытки найти и в слав. языках тот же вариант основы без -n-. Так, Георгиев (см. соч., указанные выше) болг. диал. *чѣр* 'черный' объяснял из **čьrxъ* < **kʷr(ə)s-* (= **kirs-*); наиболее авторитетное мнение исходит, однако, из упрощения группы согласных в конце слова, как это, напр., произошло в словен. диал. *čar* < *čarn* < *črn*. Тот же исследователь реконструированное на основе болг. *чѣрѣша* праслав. **ceršja* (**čeršna* объясняется им контаминацией с **višnja*) возводит к тому же и.-евр. корню с значением 'черный', 'темный'. Хэмп ZfslPh 31, 1963, 298—300 готов присоединиться к этому мнению: он исходит из того, что балто-слав. и фрак. имели общий источник со ступеню

удлинения в корневом гласном — *kērs-. Тем самым предполагается и.-евр. прототип названия черешни, хотя проблема возможного заимствования из латинск. полностью не устраняется. При всей спорности такого рода попыток вычленив все словообразовательные форманты в *kir-s-n и реально подтвердить существование «чистого» корня (иногда с его расширителями; ср. шпехтовскую 'палеонтологию: др.-в.-нем. *horo* 'болото', *hor-g* 'грязный', см. Urspr. 1947, 199, ср. 119), не приходится сомневаться во вторичности (с словообразовательной точки зрения) лексемы *kirsn-, во-первых, и в соотношенности ее с и.-евр. *ker-, *(s)ker-, корнями, соотносимыми с разными значениями, в том числе и с 'жечь' ('гореть') и 'резать' ('рубить'). Семантическая типология знает случаи формирования значения 'черный' от обеих этих семантем. Количество примеров (особенно в и.-евр. языках), когда можно подтвердить переход 'жечь' → 'черный', существенно больше, чем в случае 'резать' ('рубить') → 'черный'. См. Buck Dict. Select. Syn. 1949, 1055 (= 15.65 Black) — Сопоставление прусск. *kirsnan* с айнск. *kur* как заимствованием из и.-евр. находится за пределами доказуемости (van Windekens Orbis 11, 1962, 237).

— Л и т.: Thes. 1873, 72; APSpr. 358—359; BSW 134—135; Эндзелин Сл.-балт. этюды 31; SPV 194; Būga RR I, 278; II, 100, 557; III, 145; WP 1, 428—429; Meillet Slave comm. § 86, 105, 146; Specht Urspr. 1947, 119, 199; ЭСР 4, 346; LEW 245; SEP 1, 113; Ильинский ВЯ 1957, № 6, 95; Георгиев Выпр. бѣлг. етим. 1958, 31; Порциг Член. и.-евр. 247; Arumaa Ursl. Gr. 1, 157; Etim. sl. č. 98; Etim. rječn. hrv. 1, 277; Pok. 1, 583; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 43, 44; Scholz Slav. Etym. 1966, 75; ЭССЯ 4, 156; Słown. Prasłow. 2, 243; Непокупный Этн. и лингв. асп. 1980, 140—141; Kilian Zu Herk. Pruß. 1980, 56 — [*kirsnan].

{*kirsn- & *ape}, см. {*kirsn-}, *kirsnan*, *ape*.

{*kirs- & *neid-}, ср. *Kirsneydin*, 1379; *Kyrsneiten*, 1383; *Kirsneyden*, 1405; *Kuysneiden*, позже — *Kirschnehen* (APON 64). — Видимо, из *kirs-* 'через', Праер. (см. *kirscha*), и *neid-, см. Впрочем, не исключена трактовка первого члена и как Adj. со значением 'черный' — *kirs-*, см., или *kirsn- & *neid- с упрощением *nn* > *n*. При трактовке *Kirsneydin* как 'Черная Neid-' ср. польск. *Czarna Nida* в противопоставлении *Biała Nida* (HW 130, 131).

{*kirsn-ut-}, см. {*kirsn-}, *kirsnan*.

{*kirs-ut-}, см. {*kirs-}.

{*kirt-}, см. {*kirt-ein-}.

{*kirt-ein-}, ср. *Kirtieyden*, 1405, позже — *Kirtieyhen* (APON 64). — Не исключено, что сюда же следует отнести название местечка *Kirtiklisa* (Land Pirsna, кстати, тоже прусск. слово), к зап. от Вислы в прусском топонимическом контексте. Брауэр упоминает о нем в Pruß. Siedl. (ср. там же карту). В письме автору от 1-го апреля 1981 г. Брауэр высказывает предположение о том, что *Kirtiklisa* — прусское название и что оно могло обозначать нечто вроде

'звука от удара бича' («Peitscheknall»), ср. *kirtis* 'удар'. В связи с этим указывается на возможность соотнесения *kirti-* с нем. *Gerte*, часто — 'Haue' (= «Peitsche beim Antrieb der Pferde gebraucht wurde»), разумеется, в плане синхронного пересчета. Брауэр указывает и топографические особенности, которые могли дать повод для такого названия: «denn von Remboschewo nach Ob. Brodnitz steigt jene Straße (die wir als Kinder mit unsern Fahrrädern oft gefahren sind) steil an, sodaß in früheren Zeiten die Kutscher sicher ihre Not hatten, die schwerbeladenen Wagen mit Peitschenknalle zum Gipfel jenes Berges zu bringen, der den entsprechenden Namen wegen seiner schwierigen Anfahrt bekam...». Ср., однако, ст.-лит. **Kirtiklis* (см. ниже). — Вероятно, {*kirt-} следует связывать с вост.-балт. топонимами типа лит. *Kirtimai*, *Kirtiliškė*, *Kirtikai* (LATSŽ 135); лтш. *Cirtums*, *Ciértumi*, *Cirtumiņi*, *Cirtumins*, пл. *Cirtumnieki*; *Cirta-kalns*; *Ķirtumi*, *Ķirtas* (LV I, 1, 168; 2, 227), объясняемыми из балт. **kirt-* 'рубить'. Отмечены и другие прусск. наименования, восходящие к тому же корню в разных огласовках. См. {*kert-}, {*kart-}, здесь же соответствующие прусские факты и параллели за пределами балт. ареала — прежде всего славянские. — Элемент **Kirt-* представлен и в балт. антропонимии, ср. лит. *Kirtila* (*Kircilowa*), *Kirtiklis* (*Kirciklis*), Liet. antrop. 156, 232, 239. — См. *kyrteis*.

kyrteis 'бить', 'ударять' (la). Гр. 78 ('slo'); Гр.-Кип. 222 (Slo f. Fegi; немецкое слово к этому времени, ок. 1725 г., было уже непонятным); в Гр.-Г. слово отсутствует. — 2 Sg. Imper. — Существует попытка на основании некоторых общих закономерностей, собственных балт. и — шире — балт. и слав. ареалам, реконструировать и более специальное значение для прусск. глагола, предполагающее определенный фразеологизм. Непокупный Ареал. асп. 1964, 104—105 на основании исследования ареала литовского глагола *kirsti* в значении 'косить хлеб' (ср. *kirsti rugius*, *kirsti šieną* и под. и отчасти лтш. *cirst zāli*) и тяготения подобных сочетаний к юго-западу (ср. *šieną kirst* у Донелайтиса, *nekirsta pievą* у Куршата и т. п.) поставил вопрос о возможности аналогичного явления в связи с прусск. *kyrteis*. Иначе говоря, речь идет о том, мог ли прусск. глагол **kirt-* обладать значением 'косить' и, следовательно, входить в сочетание типа **kirt-* & **zālin* (*sālin*) 'косить траву' и т. п. Учитывая литовские (в частн., в Вост. Пруссии) и прусско-немецкие факты (ср.: den Roggen abzuhaben, 1559 [Ziesemer Preuß. Wb. 1, 31] или — о кошении хлеба — Nu hebbes all dem Koorn afje haut, nu jift et Koornalk... Ibid. 31), на этот вопрос следует ответить положительно, откуда следуют правдоподобные реконструкции типа **kirt-* & **rug-* 'косить рожь' при *Roggen abhauen* (ср. Tamsen Muttersprache 71, 1961, 325). — Прусс. *kyrteis* восходит к широко представленному в разных и.-евр. языках корню *(s)ker-t- (*(s)kre-t-), однако ближайшие, фактически точные, совпадения отмечены в вост.-балт. и слав. Ср. лит. *kirsti* (*keru*, *kirtau*) 'рубить'; 'жать', 'косить', 'ударять', 'бить' и т. п. (ср. у Даукши *kirst*, *kërta*.

Praes., *kírto*. Praet. Kudzinowski Indeks Daukš. 1, 366; у Ширвида *kiertu*, 165 и др.), лтш. *cirst* (*cěrtu*, *cirtu*); слав. **čersti* (**čьrtq*) 'рубить', 'чертить' и т. п.: ц.-слав. *чрьсти* (*чрьтж*); русск.-ц.-слав. и др.-русск. *чрьсти*/*чьрсти* (*чрьту*, *чрьту*, *чьрту*), ср. др.-русск. *очерести* (Słown. Prasłow. 2, 163; ЭССЯ 4, 75—76); особенно интересно укр. *черть* 'хватать!' (Interj. со значением удара). Гринченко 4, 459; на основании этой формы реконструируется Imper. **čьrtь!* < **kirt-eis*, полностью соответствующий прусской форме (ср. также русск. диал. *чертануть* 'ударить'). Обращает на себя внимание то, что в вост.-балт. примерах вокализм инфинитива противостоит вокализму презенса (нулевая ступень: *e*), как и в слав., но с обратным соотношением (презентс — *e*, инфинитив — нулевая ступень). Насколько можно судить, этот прусск. глагол должен был сохранять нулевую ступень как в презентсе, так и в инфинитиве (если только *kyrteis* не понимать как [**kert-eis*, **kert-ais*], о возможности чего см. Schmalstieg BL 1970, 134), солидаризируясь тем самым то с вост.-балт., то со слав. глаголом. В слав. языках **čersti* рано стал вытесняться глаголами типа **čьrtati*, **čьrtiti*, которые, однако, обнаруживают уже существенные сдвиги в семантике. Важны соответствия из алб. (*kjěth*, *k'ed* (*qeth*) 'стричь' < **kertō*, см. Jokl LKU 1923, 13, 228) и арм. (*k'ert'em* 'сдирать кожу', 'лущить'). Другие параллели более удалены в том или ином отношении. Ср. др.-инд. *krntāti* 'резать' (позже — *kārtati*), если говорить о формах с расширением *-t-* (но и *krñāti*, *krñōti*), авест. *kər'ntaiti* (*kər'naoiti*); хеттск. *kartāi-* 'отрезать', 'удалять'; еще дальше инфигированные формы с *s-mobile* в германском: др.-в.-нем. *skrindan*, *skrintan* (**skrenþ-*). Круг соответствий может быть расширен за счет уже неглагольных форм, иногда еще сохраняющих нулевой вокализм, но чаще имеющих корневой гласный *e* или *o*. Сюда относятся прежде всего прусск. *kirtis*, *kersle*, *kartano*, *pracartis*, *stordo* (= **scordo*), см., и вост.-балт., и слав. параллели, указанные в соответствующих местах. Из других неглагольных примеров, имеющих более непосредственное отношение к прусск. *kyrteis* и б.-слав. **kirt-*: **kert-* ср. оск. *kersnu* 'сѣна', *kersnais*, восходящие к **kert-snā* (собств. — 'порция'), умбр. *šesna* 'сѣнам', *čersnatur* 'сѣнати', лат. *sēna* 'трапеза', 'обед', 'блюдо' и т. п. — К более широкому «ностратическому» контексту ср. Иллич-Свитыч Опыт. nostr. 1971, 209.

— Лит.: Thes. 1873, 72; APSpr. 359; BSW 130; ME 1, 387; SPV 194; WP II, 577—578; Pok. 1, 942; LEW 258; Непокупный Ареал. асп. 1964, 104—105; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 51; Słown. Prasłow. 2, 163; Schmalstieg BL 1970, 134. — [**kirtais* или **kertais*; **kirteis* или **kerteis*].

kirtis 'удар'. Э 163 ('Hawe'; ср. Frischbier PW 1, 275), в ряду обозначений для разного рода повреждений, увечий — Э 159: *Eyswo* 'Wunde', Э 160: *Crauyo* 'Blut', Э 161: *Melne* 'Blo', Э 162: *Gunsix* 'Büle', Э 164: *boadis* 'Stych', Э 165: *Brokis* 'Slag'. — Nom. sg. masc. — Отглагольное (ср. глагол *kyrteis*) имя, имеющее точное соответствие

в лит. *kirtis* 'удар' (Sukirtęs kumelėms po kirtį; Ne vienu kirčiu uga medis nukertamas. LKŽ 5, 873). Более того, наличие в лит. *kirtis* значения 'прокос', т. е. «vienu dalgio smūgiu nupriauamas plotas; pradalgis» (ср.: Kirsk plātų kiirtį ir imk didžią skiedrantą 5, 873; ср. особенно Vitkauskas Šiaur. rytų dūn. žod. 138: «piovimo, kirtimo ženklas, likę nenupiauti šiaudai») делает допустимым, особенно при учете специализированного значения и употребления прусск. **kirt-*, см. выше, предположение о возможном наличии соответствующего значения и в прусск. *kirtis*. Обозначение удара в лтш. словообразовательно оформлено иначе — *cirtiens* (ср. поговорку: *kuoks nekrit ar pirmuo cirtienu*. ME 1, 388; Erg.-Hf. 1, 274), ср. также *cirtējs* 'дровосек', *cirtums* 'рубка' и т. д.; но особенно показательно в связи с прусск. *kirtis*, лит. *kirtis*, лит. *cirte* 'рана'; 'рубка', 'вырубленный участок в лесу', 'черта' (ME Erg.-Hf. 1, 274, ср. также *cirta* I 'черта'). Также и слав. ближайшую параллель образует подобная латышской форма **čьrtja*, ср. словен. *čřča* 'сенокос на раскорчеванном месте' (Pleteršnik Slov.-nem. sl. I, 109; Bezlaž Slav. revija 8, 1955, 4; JF 23, 1958, 86; Eseji 1967, 133; Etim. Sloven. 1, 89—90); с.-хорв. *čřca* 'графический знак в старых рукописях', XVI в. (Rječn. JAZU, s. v.); ст.-слав. *очръште* 'шатер', 'жилище' (Син. Псалт. и в ряде ср.-болг. псалтырей), ср.-болг. *очръшта*; др.-русск.-ц.-слав. *чьрица* 'шатер' (Реч. Жид. яз. Срезневский Матер. др.-русск. III, 1570), которое, впрочем, может объясняться и как графический вариант к *череца* 'шатер' (Новгор. Кормч. 1280) — из **čьrtja*; ср. также **čьрта*: лит. *kirtà*, дающее в разных слав. языках слова со значением 'черта', 'линия', 'нарезка', откуда 'граница', 'рубеж', и со значением соответствующего (рубяще-режущего) инструмента (см. ЭССЯ 4, 161, 163; Słown. Prasłow. 2, 252, 257—258). Особенно близка к прусск. и литовск. фактам украинск. форма *черть* 'линия' (**čьrtь* < **kirtj-*: **kirti-*), ср. также укр. диал. *вщертъ* 'до краев', 'доверху' (из **въз-čьrtь*, см. ЭСР 4, 348). *Черть* отсылает непосредственно и к идее удара, ср. укр. *черть!* Interj. со значением удара ('хватать!') — *Черть в пусок!* (Гринченко 4, 459), а также русск. диал. *чертануть* 'ударить' — См. *kyrteis*.

— Лит.: Thes. 1873, 72; APSpr. 359; BSW 130; ME 1, 387; SPV 194; BVSF 14, 25, 71; LFW 258; Pok. 1, 942. — [**kirtis*].

{***kir-um-**}, ср. *Cirumie*, 1284; *Cirume* (APON 64: с сомнением). — К суф. ср. Nom. progr. *Auctume* (ср. лтш. *Metums*), а также другие суф. с *-m-*: *Algam*, *Geddām*, *Glandām*: *Glandom*, *Naydom*, *Antime*, *Kintim*, *Glandim* и т. п. (APN 166; SPV 47—48). — М. б., сюда следует отнести лит. *Kiriena* (LUEV 75; Liet. hidr. 144; ср. также *Vuga* II, 22; III, 275, где выделяется **kir-*; **ker-* 'поток', 'течение', отраженное в лтш. *Ciēcere*, лит. *Cičiraitis* из **Ki-kir-*), лтш. *Cirene*, уре (LV I, 1, 167); относительно названий типа лтш. *Қirele*, уре, *Қirupite*, *Қire*, уре и т. п. см. LV I, 2, 225). Но на более точная параллель — лтш. *Қirums*, *Қirum-ežers* (LV I, 2,

227). — Элемент *kir- засвидетельствован и в лит. Nom. propr., ср.: *Кирятъ* из **Kir-iotas*, *Kir-but*, *Kir-kont-* (см. Вуга RR I, 238; ср. блр. *Кіряліс*. Литоўск. элем. блр. 76), но связь его с топонимическим *kir- остается недоказанной.

{*kirv-}, ср. *Kyrwin*, 1349, позже — *Kerwienen*; *Kirwiten*, 1411 — 1419 (APON 64). Ср. также *Kirvekol* (деревня под Лисевом, Мальборск. повет.): *Kirwekol*, *Kuwekol*, 1316 (PUB II, 104) с не вполне ясным вторым членом, см. Gógnowicz *Żuławy* 1976, 56; в настоящее время название утрачено, см. Gógnowicz *Zesz. Nauk. Uniwers. Gdańsk.* 1975, № 3, 43. — Ср. лит. *Kiŗvis*, *Kiŗva-kalnis*; лтш. *Ciŗvītis*, озеро; *Ciŗvajakalns*, *Ciŗa-kāts*, рл. (из **Ciŗv-*), *Ciŗa-lauks*, рл., *Ciŗapurs* (LV I, 1, 168); *Кiŗveļi*, *Кiŗvenes-kalns* (LV I, 2, 228, ср. лит. *Kiŗvėlio kalnas*, *Kiŗvėlišiai*. LATSŽ 135); — блр. *Кiŗвeлi*, *Кeŗвeлi* (Литоўск. элем. блр. 75). — Ср. Nom. propr., лит. *Kiŗva*; *Kiŗvelis* (*Kiŗwelowa*), *Kiŗvāitis*, *Kiŗvīnskas* (Liet. antrop. 156: к *kiŗvis* 'grubus, stačiokas žmogus' — переносно), отнесение которых сюда, однако, спорно. — Восстанавливаются {**kirv-in-*}, {**kirv-it-*}.

{**kirv-ait-*}, см. {**kriv-ait-*}.

{**kirv-in-*}, см. {**kirv-*}.

{**kirv-it-*}, см. {**kirv-*}.

{**kis-*}, ср. *Kisus*, 1411—1419 (APON 65, с подчеркиванием неясности фонетического значения *s*); *Kiszeyn*, 1446 (Герулис склонен трактовать *sz* как *s*); *Kyssellen*, 1396; *Kesseln*, 1405; *Kyssellenn*, 1408 (ср. *Kesleniken*, 1405; *Kesselnicken*, позже — *Kösnicken*. APON 61 (?); *Kissenitten*, 1507 (APON 65; м. б., *Kytz*, озеро, 1366 — при условии *tz = s*). — Ср. мазур. *Kisajno*, озеро, *Kissain See* (Słown. nazw Mazur. II, 89, 369; ср. *Kisielickie Jezioro* (?), 316; HW 756); *Kisajno*, *Kisity* (*Kissiten*), м. б., *Kisielice*, *Kisewo*, *Kisewka Struga*, *Kisewko* (Słown. nazw. geogr. PZP 1, 126); названия типа *Kisiel-* могут быть и славянскими (ср. польск. *kisiel*, см. Zierhoffer *Nazwy Północn. Maz.* 211). — Приведение вост.-балт. параллелей затрудняется неясностью фонетического значения согласного в исходе корня. На соответствие могут претендовать лит. *Kisė*, *Kisupė* (LUEV 75); *Kisiniai*, *Kisiniškiai* (LATSŽ 135) или лит. *Kišupė* (LUEV 75; Liet. hidr. 240, ср. Nom. propr. *Kišis*, *Kišys*); *Kyšiat*, *Kišānai* (LATSŽ 135), или даже лит. *Kižiat*, *Kižiškės* (LATSŽ 136); соответственно лтш. *Cisiete*, уре, *Cisu-kājas*, *Ciši* (LV I, 1, 168); *Cišu-kalns* (I, 1, 170); *Кiŗeņi*, *Кiŗencs-pļava* (I, 2, 228); *Кiŗis*, *Кiŗlej-uīga*, *Кiŗuļi* (I, 2, 230); *Кiŗsis*, *Кiŗša-ēzers*, *Кiŗši*, *Кiŗš-ēzers*, *Кiŗpļava*, *Кiŗš-ure*; *Кiŗsene*, рл. *Кiŗsitis*, *Кiŗsiši*, *Кiŗsulis*, *Кiŗsul-mežs* и др. I, 2, 234—235); куршск. **Kise* восстанавливается на основании соврем. лит. *Kisė*, *Kis-upė* и под. и подтверждается формой *Cisse*, 1253 (BG 197; лтш. *cisas*, о длинной траве, растущей особенно в старых речных руслах), см. Вуга LKŽod. CXXVII (=RR III, 240, также 514, 521); *Daubaras Baltist.* 14, 1978, 57; — сложнее интерпретация куршск. *Kyssenbecke*, 1458; *Kießenbecke*, 1477; *Kie-*

schenbeck, 1638 (KF 112: к лтш. *kīsis* 'ерш' и ср.-н.-нем. *beke* 'ручей' или к нем. *Kisse*, *Kiesse*), ср. также Nom. propr. *Bartell Kysze*, 1540; *Bartell Kysz*, 1541; *Jorge Kysz*, 1541; *Kische*, 1585 (KF 294; LPV 192: *Kysze*, *Kyse*, *Kyize*, *Kytse*, *Kysz*, *Kyss*, *Kysce*, *Kisz*; *Kyssit*, *Kyssen?*) при лит. Nom. propr. *Kišelis*, *Kišys*, *Kišōnis*, *Kiš(i)ūnas*, *Kišėvičius* и др. (Liet. antrop. 156), ср. также Белар. антрап. 203. — Буга TŽ 1, 1923, 22—23 (=RR III, 521) восстанавливает балт. **Kisā*, связывая это название с апеллятивом лтш. *ciesa* 'triticum repens' (ср. BW 8720, 12254 вариант), *ciesva* 'жесткая трава', *cisas*. К форме **Keisā* Буга возводит не только лтш. *Cies-ure* (BW 263, 6223), *Cies-(s)trautas*, но и верхнеднепр. *Чуха*, *Чуховка*, *Цха* (*Сха*). В другом месте (Draugija XXI, 1913, 268 = RR I, 423) Буга допускает связь прусск. *Kyssellen*, *Kesselin* с лтш. *Cēsis*, *Cēsu*, предполагая возможность $\bar{e} > y$. Фрелих *Flußn. Ostpreuß.* 1930, 10, 78 выводил элемент *Kis-* (напр., в лит. *Kis-upė*) из ливского, что маловероятно. — Восстанавливаются {**kis-ein-*}, {**kis-el-*}, {**kis-en-it-*}.

{**kis-ein-*}, см. {**kis-*}.

{**kis-el-*}, см. {**kis-*}.

{**kis-en-it-*}, см. {**kis-*}.

kijsman, см. *kisman*.

kisman 'время', см. ниже. Встречается в сочетании с Pron. demonstr. — *stankisman*: K III, 63, 11 (*Stankisman ious preistan swintan bausennien steise Salūban kakint... 'Dieweil jr denn zum heiligen Stand der Ehe wolt greiffen...'*); 71, 15 (*Stankisman tēnti schis emprijkisins malnijkins en swaijai pērgimie empolijgu griku en mattei kaigij gi mes erdērks bhe niskijstints ast... 'Dieweyl denn...'*); — *stan kisman*. K III, 79, 30 (*Jous milijtai en Christo Jhesu stan kisman stas wissemukin Deiws schien Malnijkan preistan Crixtisnan... ast etniwings pereit dāuns 'dieweil...'*); — *stenkijsman*. K III, 77, 12 (*Nostaasubban stenkijsman ious wans is Cixtiāniskan mijlin bhe giinniskan... schisses niabillintis N. enimmas bhe stallēti... 'Hierauff dieweil...'*); — *stankisman kai*. K III, 65, 25 (*Bhe prei Wiran billa Deiws Stankisman kai tou assai klausius stesmu tārin twaiasei Gennan... 'Dieweil du hast gehorchet...'*); 63, 34 (*Stankisman kai ious wans abbai enstan Salaūbai bouennien podāuns assai en Deiwas Emnen... 'Weil jr euch beide...'*); — *stan kisman kai*. K III, 75, 34 (*Mijlas ginnis en Cbristo stan kisman kai ious esse steisei... N. Pauson astai poquoitūns... 'Lieben Freunde inn Christo nach dem jhr von wegen dieses N. begert habt...'*). Acc. Sg. masc. (согласно APSpr. 261, 359) или neutr. (согласно OP 49). — См. *kismingiskai*. — прусск. *kisman* традиционно переводят 'Zeit', 'Weile', 'time', 'temps', 'время', 'минута', 'пора', решительно отделяя его от Pron. Demonstr. *stan*, которое, однако, во всех семи примерах жестко связано с *kisman* (иное дело — *kismingiskai*). Если же учесть это сочетание, то окажется, что *stan* & *kisman* нужно переводить как 'сейчас' ('в этот

час', 'в эту минуту', 'в этот момент'), что этот «естественный» перевод одновременно является и наиболее подходящим для понимания соответствующих мест прусского текста, что он наиболее точно отвечает переводимому с его помощью нем. *dieweil* (ср. *die Weile, diese Weile*) и что, наконец, *stankīzman* должно толковаться как Adv. temporis, возникшее из падежной формы, подобно русск. *сейчас* (: *сей час*). Перевод нем. *nachdem* с помощью прусск. *stan kīzman kai* (К III, 75, 34) не меняет сути дела: нем. *nachdem* лучше передает идею временной последовательности, как бы спешит отослать к следующему состоянию, тогда как прусск. *stan kīzman kai* акцентирует внимание на порубежной временной ситуации, на данном моменте, соотносимом с актуальным временем литургии. *Stan kīzman* в этом смысле может пониматься как один из ключевых знаков — шифтеров времени, причем не просто настоящего, но данного во всей его актуальности, когда элементу языка точно отвечает некая внеязыковая ситуация. При таком понимании прусск. *kērdan* (см.) — это время в его составности и последовательности составляющих его частей, тогда как *kīzman, stan kīzman* — та точечная «выдирка» («вырезка») из череды времени благодаря которой время вообще становится актуальным временем совершающегося события. Характерно, что *kērdan* всегда переводится как 'Zeit', даже если оно также сопровождается определением (ср. *Enstan kērdan*. К III, 69, 25 'Zu der zeit'), а *stan kīzman* — никогда (ср., однако, *kīsmingiskai* 'zeitlich'). — Ближайшие соответствия прусск. *kīzman* находили в слав. и албанск. (см. уже Bezenberger GGA 1874, 1242; Meyer EWAlb. 194; Alban. Stud. III, 1892, 3; Pedersen KZ 36, 1900, 279; Berneker SEW 1, 137; Jokl (целый ряд работ) и т. д.), т. е. — в ареальном представлении — в меридиональном поясе, тянущемся от южного побережья Балтийского моря к Балканам. Ср. *časъ (ЭССЯ 4, 27—30; Słown. Prasłow. 2, 116—117); русск., блр., укр. час; ст.-слав. часъ, болг., макед., с.-хорв. час, словен. čas; чеш., словц. čas, н.-луж. cas, в.-луж. čas, польск. czas, словин. čas и др. В свете сказанного существенно употребление продолжателей праслав. *časъ для обозначения непродолжительного времени, мгновения, момента (ср. с.-хорв. час. Вук Српски речн.; Rječn, JAZU; Речн. косметох. II, s. v.), отрезка времени, поры. В этом смысле показательное выражение кз часѣ крѣмѣнѣ (Лк. IV, 4) в соответствии с греч. ἐν στιγμῇ χρόνου (ср. *in momento temporis*), см. Корецькы Slavia 28, 1959, 452; Львов КСИГ 25, 1958, 45 и сл.; Очерки ст.-сл. пам. 1966, 259 и сл. (часъ — година), т. е. 'в мгновение времени'. В свое время Ягич обратил внимание, что ст.-слав. часъ особенно часто употребляется с Ргон. demonstr. в сочетании кз тз часъ (ср. I исцѣлѣ отрокъ кз тз часъ. I кзвкраслгъ са сотѣникъ к домъ кон кз тз часъ обрѣте и сдѣракъ. Мф. VIII, 13 и т. п.), и эта черта также напоминает прусск. *en stan kīzman*. С албанской стороны в связи с *kīzman* (из *kēsma-) приводят всегда *kohë* 'время' ('отрезок вре-

мени', 'срок', 'пора' и т. п.; ср. *korë, korra* 'урожай', 'лето', из *kēsra), которое обычно производили из и.-евр. *kēsā, хотя объяснение *h* из *s* связано с трудностями. Поэтому в качестве формы-источника алб. *kohë* было предложено два варианта, выбор между которыми пока признается затруднительным, — и.-евр. *kēs- или *kēs'- (см. Хэмп Этимол. 1970. 1972, 268—269, ср. Pisani Saggi di ling. stor. 1959, 124; REI 4, 6); албанские данные существенны и для реконструкции анлаута в виде *k- (*k' дало бы *ih*, а *k^h перед гласным переднего ряда дало бы *s*). Хэмп считает, что единственно разумной реконструкцией для *kohë* и *časъ* является *kēs- или *kēs'- (ср. *osъ, прусск. *assis*, лит. *ašis* при лат. *axis*, др.-греч. ἄξων). «Подобная реконструкция подошла бы и для прусск. *kīzman*, единственного предполагаемого родственного соответствия» (Этимол. 1970, 269). Во всяком случае реально следует исходить из прусск. *kēs-ma > kīsmā- (следует заметить, что -s- в этом слове всегда рассматривалось как принадлежащее корню, а не как суффикс — если не считать выделение -s- как расширения: *kī-s-man*. Urspr. 1947, 16, 233—, ср. ЭССЯ 4, 29). Знание ближайших параллелей прусск. *kīzman*, естественно, еще не предопределяет знание семантической мотивировки самого этого слова. История изучения *kīzman* в этом отношении всегда следовала тому пути, по которому развивались этимологические исследования слав. *časъ. Наиболее важные гипотезы связывали это слово (а через него и *kīzman*) с слав. глаголом *čajati (подобно *godъ : *ždati) и др.-инд. *cāyati* 'наблюдать', откуда реконструкция источника в виде *kē(i)-so-; с глаголом, восходящим к и.-евр. *kēi- 'быть в движении' (ср. др.-греч. κίω 'ходить'), подобно лат. *annus* 'год': др.-инд. *atati* 'идти' (дифтонгический вокализм. в *kēi-s- предполагался Бернекером SEW 1, 137, Йоклем Mél. Pedersen 1937, 159, Покорным 1, 636); с глаголом *česati/*kasati (ср. чеш. диал. *česati* 'быстро идти', 'бежать', русск. *чесать* (просторечн.) 'бежать', с.-хорв. *kācamu* 'бежать', чеш. *kasati* 'спешить', укр. *закасати* 'опережать'; лтш. *kuōst, kuōst*; др.-инд. *kā-sati* 'идти', 'двигаться' (Machek ZfsPh 18, 1942, 21—22; Etim. sl. č.² 95; еще ранее — Микуцкий Изв. ОРЯС IV, 1855, 90); с глаголом *kes-/*kos- 'резать'; 'чесать' и т. п., отраженном в *česati, *kosa 'волосы'; *kositi 'срезать траву', *kosa 'режущее орудие' (Якобсон Sc.-Slav. 4, 1958, 298 и сл.; ср. отчасти уже Будимир JФ 6, 1926—1927, 167), откуда — мотивировка слав. *časъ и прусск. *kīzman* как *н* *р* *э* *з* *к* *и* времени (здесь же подробная история вопроса — 286 и сл.), не говоря о других менее значительных сопоставлениях из *kais-, ср. авест. *tkaeša*, Potebnja AfslPh 3, 1879, 364; из *kai-, ср. др.-греч. *καίρος*, готск. *weila*, Schleicher KZ 11, 1862, 318; сравнение с лат. *cascus* 'vetus', Pedersen IF 5, 1895, 45, но KZ 36, 1900, 279: *časъ, *kohë*; из *kē(i)-, ср. лат. *quies* 'покой', болг. *чакам* 'ждать', Младенов Етим. правоп. речн. 679, и т. п.). Наиболее правдоподобным следует считать мнение, согласно которому *kīzman*, как и слав. и албанск. соответствия, трактуется как отглагольное

образование, производное от *kes- (с помощью удлинения корневого -e- и элемента -m-), причем этот корень обладал достаточно широким кругом значений — 'резать', 'делать резкие движения', 'бить', 'рвать', 'царапать', 'скрести', 'чесать', 'причесывать', 'чистить', 'убирать (о волосах, т. е. упорядочивать)', 'спешить', 'бежать' и т. п., о чем можно судить, в частности, по слав. продолжениям этого корня (см. ЭССЯ 4, 85—87; Słown. Prasłow. 2, 172—173; Мельничук Этимол. 1966, 1968, 194—240 и др.). Учитывая круг типологических параллелей в обозначении времени как нарезки (ср. соответствующую практику измерения времени с помощью нарезок на бирках и т. п.), нужно полагать, что прусск. *kēsma- 'нарезанное (время)', 'вычлененный момент времени' и под. непосредственно мотивировалось глаголом *kes-, следы которого отмечены и в прусск. (см. Пр. яз. III, *kexti*). Несомненно, что пока словопроизводная связь *kēsma- с *kes- осознавалась, а *kes- сохраняло ряд значений, семантические мотивировки обозначения времени в прусском могли меняться ('бегущее', 'спешащее', 'упорядочивающее' и т. п.), хотя конкретно судить о них, видимо, нельзя. Тем не менее помнить об этом многообразии значений и потенциальных мотивировок необходимо, так как это помогает расширить круг параллелей к *kisman*, учитывая и, казалось бы, семантически далекие примеры. В этой связи уместно обратить внимание не только на указанный глагольный корень с вокализмом -e- (слав. *česati, др.-греч. ξέω, ξε-σ-τός, хеттск. *kišša-*, *kišāi-* 'чесать', 'причесывать', *kešk-* Iтер. и др.), но и на элемент -m- в именных образованиях. В балт. языках известен некий параллелизм образований на -m- и -men- (ср. лит. *gilmė: gilmenà*, ср. прусск. *Gilmen* и др.). Есть некоторые основания думать, что элемент -m- имел отношение к выражению объекта, получаемого приложением к нему соответствующего действия: *kes- 'резать' — *kēs-m- 'нарезаемое', 'нарезанное' (> 'время') или *kes- 'чесать' — *kos-m- (ср. слав. *kosma и *kosmъ (ц.-слав. *kosmъ*) при *kosa, лат. *cota* 'волосы', 'кудри', 'космы', 'грива', 'шерсть' и т. п. из *cosma, вероятно, др.-греч. κόσμος 'украшение' (< 'причесывание'), 'порядок', 'космос', ср. *κόσμος* в таких значениях, как 'убирать', 'чистить', 'украшать', перекликающихся с семантическим кругом слав. *česati — 'причесывать', 'убирать', 'приглаживать', 'чистить'). В этой более широкой перспективе прусск. *kisman* обретает не только семантические, но и свои словообразовательные параллели (-m-), ср. еще лтш. *kasme* 'несчастный случай' (ME 2, 169) (?) и — как повторное (неологизм!) воспроизведение старой модели — лит. *kasmena* 'kas iškasmā, iškasta' (LKŽ 5, 378); несомненно, сюда же относится и праслав. *česminъ, *česmina (ЭССЯ 4, 88): с.-хорв. диал. *česmin*, *česmina*, словен. *česmin*, *česmin*, *česmina*, *česmina*; чеш. *česmin*; русск.-ц.-слав. *чесмина*, русск. *чесмина*, о «косматых» растениях (ср. реконструкцию Левенталя — *kesmo- 'обрывание листьев'. WS 10, 1927, 157), из *kes-min-. Таким образом, с помощью элемента -m- могли формироваться имен-

ные типы от *kes-/*kos- в целом ряде и.-евр. языков, и в этом смысле прусск. *kisman* нельзя назвать «вполне независимым» образованием. Вместе с тем существенно, что прусск., слав. и алб. избрали единый принцип семантического оформления понятия времени. Гипотеза Шмальштига о связи *kisman* с ст.-слав. чигма 'число' (OP 49, 324) едва ли верна: и дело здесь не только в семантической далекости, о которой пишет автор, но и в фонетических сложностях; *čis-me предполагает корень *čit- (: *skojt-men-/*skejt-men-, лит. *skaitmuo*), отсылающий к совсем другому кругу фактов.

— Лит. Bezenberger GGA 1874, 1242; Zubatý AfslPh 16, 1894, 385—386 (= St. Čl. I, 2, 91), Meyer EWAlb. 194; Alban. Stud. III, 1892, 3; Pedersen KZ 35, 1900, 279; Berneker SEW 1, 137; Uhlenbeck Kurzgef. etym. Wb. (s. v. *cáyati*); APSpr. 359; BSW 131; Mikola Ursl. Gramm. 1, 1913, 108; Jokl IF 37, 1916, 99; WS 12, 1929, 79; Sprache 9, 1963, 150; Mél. Pedersen 1937, 159; Skardžius APhil. 4, 1933, 152; WP 1, 508; SPV 194; Machek ZfslPh 18, 1942, 22; Specht Urspr. 1947, 16, 233; ЭСР 4, 318; KEWAi 1, 284; Sadnik—Aitzetmüller HWASL 1955, 221; Vaillant Gr. comp. II, 204, 212; Jacobsson Sc.-Slav. 4, 1958, 286 сл.; Этимол. 1967, 1969, 33; Pok. 1, 636; Pisani Saggi di ling. stor. 1959, 124; REIE 4, 6; LEW 73; SEP 1, 114; Порциг Член. и.-евр. 258; Eckert ZfSl 8, 1963, 890; Хэмп Этимол. 1970, 1972, 269; Etim. rječn. hrv. 1, 297; Etim. Sloven. 1, 74; OP 49, 119, 324; St. OP 10, 051; ЭССЯ 4, 28—29; Słown. Prasłow. 2, 116. — [**kisman*, **kēsman*; **stan kisman*/**stan kēsman*].

kīsmingiskai 'временно'. Adv. K III, 35, 21 (... *kai mes... Deiwiskai giwemmai schiea kīsmingiskai bhe stwen enprābutskan* '... das wir... Göttlich leben hie zeitlich vnd dort ewiglich') — См: *kisman*. — По-видимому, реконструируются Adj. **kism-ing(i)s*, и 'или **kism-ing-isk-as*, ср. к сочетанию этих же двух суффиксов прусск. *niteisingiskan*, *schlusingisku*, *poklusmingiskan* и т. п. Характерно, что в смысловом отношении *kīsmingiskai* противопоставлено *enprābutskan* как нечто вычлененное во времени вчленимой временем вечности. — Лит. см. в статье *kisman*. — [**kīsmingiskai*; **kēsmingiskai*].

kisses 'шуба', 'кожух'. Э 478 ('Pelcz') в показательном ряду — Э 475: *Pelkis* 'Mantel', Э 476: *Lactye* 'Kurse', Э 477: *Wilnis* 'Roc', Э 479: *Nurtue* 'Hemde', Э 480: *Broakay* 'Bruch' и т. п. Nom. Pl. fem. — Речь идет о верхней меховой (т. е. из шкуры) одежде, по отношению к которой рубаха, штаны — внутренняя одежда; существенным было, видимо, различие меховой и шерстяной одежды. Само слово охотно объясняют как заимствование из слав. Действительно, вост.-балт. языки заимствовали у славян это слово (ср. польск. *kożuch*, кашуб. *kožëx*, блр. *кажýx*, русск. *кожýx* и т. п.), ср. лтш. *kažoks*, *kažuōks* (*kažūoks*), *kažuks*, *kažuokelis* (ME 2, 184; Erg.-Hf. 1, 597); лит. *kažukai*, ср. в том же значении *kažūrkai*, *kažuŕniai*, *kažuŕniai* (*Kažūkais apšivilk ir nesušalsi; Jis apšivilko kažurkais; Apšivilk kažūrniais, važiuosim į mišką.* LKŽ 5, 466);

ср. эст. *kasukas* и т. п. К реалиям ср. Марченко Kalbot. 13, 1965, 98—99; Кочин Мат. терм. слов. 148, а также Срезневский 1, 1246; Слов. р. яз. XI—XVII вв. 7, 221—222; Słown. Staropolsk. III, Z. 5 (18), 369—370. — Тем не менее прусск. слово остается темным, и неудовлетворенность имеющимся объяснением очевидна. Эндзелин, нехотя допуская, что в основе *kisses* лежит польск. *kożuch* «kas tomēr pāgāk stipri atšķīras ar saviformu» (SPV 194), сомневается в правомерности мнения Микколы об *i* как замене более раннего *o*, наподобие полабских фактов (Balt. u Slav. 1903, 19). Левин, помещая прусск. *kisses* в разряд «disputed borrowings», характеризует существующее объяснение как «idle speculation, permitted only because no better etym. has been discovered» и признается, что лучше рассматривать это прусское слово как не имеющее этимологии («unkown etym.»), см. SEEV 1974, 102. Два факта вызывают сомнение: вокализм корня *i* и принадлежность к именам женск. рода на *-e* (форма множ. ч. не должна вызывать удивления, ср. польск. *kożuchy*, отразившееся в лит. *kažukai* и под.). Очевидно, что искать какие-либо закономерности в соотношении форм *kożuch(y)* и *kisses* в данном случае практически бессмысленно, и здравое соображение предлагает, кажется, видеть две возможности объяснения *kisses* — явную ошибку и влияние некоего иного слова, которое могло как бы заменить собой предполагаемый источник — *kożuch*. Возможность ошибки, разумеется, всегда остается (особенно применительно к такого рода текстам), но два обстоятельства обращают на себя внимание: во-первых, несомненная продуманность и сознательность грамматического показателя *-es*; во-вторых, даже введение конъектуры в связи с корневым гласным (напр. **kasses*, **kosses*) едва ли сколько-нибудь заметно облегчает установление связи получившейся формы с *kożuch*. Поэтому, м. б., целесообразнее предположить, что *kisses* могло отражать форму Nom. Pl. от прусск. **kise*, с которым соотносились бы литовские именны образования от *kīšti* ‘совать’, ‘всовывать’, ‘вдевать’, ‘вкладывать’, ср. *kyšà* ‘отверстие’, ‘передник’, *kỹšas* ‘передник’, ‘втулка’, ‘затычка’, *kỹšis* ‘взятка’ и т. п. (см. LKŽ 5, 879—884, 889 и сл.), ср. также *kīšà*, о пронырливом человеке. Особенность покроя кожуха и способа облачения в него (его надевают, насовывают на человека) могли способствовать семантическому сближению слова для кожуха с предполагаемым глагольным **kis-* и именным производным от него, связанными с идеей всовывания, вдевания. С другой стороны, само слово для кожуха могло (как, напр., в русском языке) обозначать не только шубу, но и (нередко для этого использовались диминутивные образования) футляр, обкладку (меховую, «мешочек»), нечто вроде кошелька, кармашка (ср. также слав. **kiš-enъ*), т. е. то, куда нечто всовывают, вдевают, вкладывают. Учитывая, что в литовском этот второй круг значений мог связываться с корнем *kiš-* (ср. *figura etymologica kīšk į kišenį* и под.; заимствованный характер слова в данном случае особой роли не играет), можно думать об определенных предпосылках для формирования пропорции, которая

могла определить введение прусск. **kis-* (: лит. *kiš-*) для кодирования им и названия кожуха; иначе говоря, ‘кожух — шуба’: ‘кожух — футляр (кошелек)’ = *x*: **kis-*; отсюда *x* = **kis-*, т. е. этот элемент может обозначать и ‘кожух — шубу’ (а не только ‘кожух — футляр (кошелек)'). При принятии этой гипотезы идеально объясняется форма прусск. *kisses* и обнаруживается лексема, имеющая надежное соответствие в литовском (см. LEW 260). Но при этом следует помнить об исходном важном допущении — предположении о наличии в прусском корня **kis-*. Поэтому изложенное выше не должно рассматриваться иначе как преднамеренная логическая конструкция-схема, хотя и опирающаяся на известные семантические реальности (ср. нем. *Pelz* (: *kisses*) ‘шуба’ и ‘мех’ при этимологической связи слов *mex* и *mешок*). Вместе с тем она предполагает и общую семантическую мотивировку для слов, обозначающих и шубу-кожух и футляр/кошель—кожух (то куда всовывают, вдевают).

— Лит. Pott BVS 6, 1868, 113; Burda BVS 6, 1868, 396; Thes. 1873, 73; Brückner AfslPh 20, 1898, 501; APSpr. 359; Mikkola Balt. u. Slav. 1903, 19; SPV — 194; SEEV 102; PKP II, 276 — [**kises?*].

(**kist-ik-*), ср. Nom. propr. *Kisticke* (то же лицо называется в другом месте *Losticke*). APN 46. — Неясно.

kitawidintun, см. *kitawidintunsin*.

kitawidintunsin ‘иначе делать’, ‘менять’ (см. ниже) (I g). K III, 63, 4 (bhe ickai ainonts ēnstan turilai preiwaitiat stas segē stan en kerdan adder tussise pansdau bhe etlāikusin deickton prei kitawidintunsin priki stansubban prei imt ‘Vnd hat jemens darein zu sprechen der thue es bey zeit oder schweige darnach vnd enthalt sich etwas zuuerhindern dawider für zunemen’). Infin. (APSpr. 359) или Sup. (OP 187; BL 141). — Траутман считает эту форму ошибочной, предлагая устранить *sin*, попавшее сюда по аналогии с предшествующим *etlāikusin* (ср., впрочем, уже Thes. 1873, 73). — Образовано от прономинально-адъективной основы **kita-vid-* с помощью *-in-*. См. *kittawidin*, *kittan*.

— Лит.: Thes. 1873, 73; APSpr. 359; SPV 194; Schmalstieg BL 1970, 141; OP 187. — [**kitavidin-tun(sin)*].

kittan ‘другой’. Pron. demonstr. (defin.) alien. K III 39, 4 (... Nostan kai mans stas Pickūls stai switai bhe nousā mensai ni po-paikā bhe perweddā en nidruwien perdwibugūsnan bhe kittan debikan gīdan bhe epkieckan ‘...Auff das vnns der Teuffel die Welt vnd vnser Fleisch nicht betriege vnd verführe inn mißglauben verzweyfeld vnd ander grosse schande vnd laster’). Acc. Sg. fem. (APSpr. 267, 359); masc. (OP 84); — *kittans*. K I, 5, 3 (Thou ni tur kittans deiwans turrettwey ‘Du solt nicht ander gōtter haben’); K II, 11, 3 (= K I, 5, 3); K III, 23, 6 (= K I, 5, 3; K II, 11, 3). Acc. Pl. masc. — Двойная согласная графема *tt* толковалась Траутманом APSpr. 185 как указание на ударность краткого *i* (т. е. **kītan*). Впрочем, известны и исключения, указанные Эндзелином SPV 19, см. OP 25. — Ближайшие (точные) соответствия в вост.-балт. Ср. лит. *kītas* ‘дру-

гой' (но и *kittas* = *kàs kita*, *kita kàs* и др.), а также с иными суффиксальными элементами — *kitókis*, *kitóks*, *kitókas*, *kitókias*, *kitódas*, *kitiškas*, *kitóniškas*, *kitójis* (LKŽ 5, 901—906; ср. Liet. dial. 321); лтш. *cits* (ср. *cits kas*), *citāds* (ME 1, 389, 390). Эти слова входят в более обширный лексический круг, в котором имеются и глаголы; ср. лит. *kelsti* '(из)менять', *kīsti* (*kiñta*) '(из)меняться', *kitēti* то же, *kaityti* '(из)менять', *kaičioti* 'менять', 'сменять' и такие имена, как *kitimas*, *kitėjimas*, *kaità* 'смена', 'изменение'; 'чередование', *kaitalynė*, *kaitymas*, *kaitmuo* и под.; характерный пример — лтш. *atkait* 'снова' (ср. инфл. *jis atkait' soka*. ME 1, 163) при лит. *atkaitas* 'перемена'. Таким образом, в вост.-балт. представлены все три огласовки этого корня: **kit-*: **keit-*; **kait-*. Недавно было высказано предположение (Ир. яз. III, 255—258), что балт. **kit-as*, членимое на **ki-t-* (ср. лит. *šī-t-as*, *ī-t-as* и т. п.), сохраняет рефлекс и.-евр. **k^hi-*, сосуществующего в разных и.-евр. языках с **k^ho-* в функции Pron. interrog. и Pron. relat. Вместе с тем противопоставление **k^ho-*: **k^hi-* в этих языках реализовалось по-разному. В частности, оно могло дифференцировать мужск. р. — средн. р., одушевл. — неодушевл. (человеч. — вещн.), активн. — пассивн.; прямые падежи — косвенные падежи, близк. — дальн., более конкретн. — менее конкретн., этого — не-этого (другого) и т. п. Типологически очень широко распространенная схема развития 'который' → 'не-который' ('какой-нибудь', 'кто-нибудь') → 'кто-то определенный, но иной', т. е. отчужденный от сферы «этот», «здесь», «сейчас» (и тем более от «я») могла реализоваться и в балт. языках, приведя к образованию прусск. *kittan* и под., которое в конце концов восходит к **k^hi-*. Если это так, то из этого вытекают некоторые существенные следствия. Прежде всего получает объяснение тот более чем странный факт «отсутствия» параллелей к балт. **kitas*, важному элементу местоименной системы. Оказывается, что параллели следует искать в сфере синтаксиса местоименных элементов, и в этом случае слав. **čь-to* < **k^hi-to* выступает как формально точная параллель балт. **ki-ta-(s)*, см. Kuzavinis Kalbot. 7, 1963, 217, ср. также индо-иранск. факты — др.-инд. *cit* и авест. *čit*, более спорные случаи типа палайск. *kuit*, хеттск. *kuitta* и т. п. не говоря уж о достаточно широко распространенных формах типа и.-евр. **k^hi-d-*: лат. *quid*, оск. *píd*, др.-ирл. *cid*, *ced*, др.-инд. *cid*, лидийск. *qida*, тох. *kuc* (из **k^hid*, см. Petersen Lang. 11, 1935, 202—203), алб. *ç* 'что' (из **k^hid*, см. Mann Lang. 28, 1952, 35; Jokl Sprache 9, 1963, 141) и т. п. Не менее поучительно, что при принятии предлагаемой схемы балт. **kit(as)* оказывается источником глаголов с элементами **kit-*, **keit-*, **kait-*, известных в литовском (Kalbot. 7, 217); иначе говоря, эти глаголы следует считать «прономинальными» (ср. нем. *ander* 'другой' при *ändern* '(из)менять' или русск. *иной* — *иначе*), из чего следуют важные заключения по относительной хронологии и.-евр. аблаута. — См. *kittawidin*, *kittawidintunsin*.

— Лит.: Thes. 1873, 73; Leskien Abl. 1894, 274; APSpr. 359; ME 1, 390; SPV 194; LEW 260—261; Vaillant Gramm. comp. II,

474; Kuzavinis Kalbot. 7, 1963, 217; OP 19, 84. — [**kitan*; **kittans*].

kittans, см. *kittan*.

kittawidin 'иначе'. Adv. K III, 71, 34 (...bhe kai stesmu nimassi kittawidin pogalbtou būt... '...vndnd das jhm nicht anders geholfen werden möge...'); — *kittewidei* K III, 35, 7 (Kas adder kittewidei mukinna bhe giwa... 'Wer aber anders lehret vnd lebet') — *kittewidiskai*. K III, 79, 22 (...kas tien N. kittewidiskai prastan vndan bhe stan Swintan Noseilien gemmans... '...der dich N. anderweit durchs Wasser vnd den heiligen Geist geborn...'). — Из **kit-* (Pron.) и **vid-* (см. *kittan*; *ainawidai*, *ainawidiskan*, *ainawidjdi*, *wissaweidin*, *wissawidei*, *wissawidiskan*; *weydulis*), где *-vid-* выступает скорее как уже суффиксообразный элемент. То, что в прусском выражается в сложном слове, в литовском, если говорить о соответствующих лексемах, может быть передано сочетанием двух слов (ср. *kitas véidas* в противопоставлении *tikras véidas*, *šitas véidas* и под.). — Обращают на себя внимание три разных способа образования наречия: на *-in*, *-ei* и *-iskai*.

— Лит.: Thes. 1873, 73; APSpr. 359; SPV 194; OP 117, 119, 120; St. OP 5, 402. — [**kitavidin*, **kitavidan*, **kitaveidan*; **kitavidai*, **kitevidei*, **kitaveidai*; **kitevidiskai*, **kitavidiskai*, **kitaveidiskai*].

kittewidei, см. *kittawidin*.

kittewidiskai, см. *kittawidin*.

{**kiv-ik*}, ср. *Kjwiken*, местное название в р-не Эльбинга (орденский фолиант С 42, 37 об.), см. Matusėvičiūtė APhil. 8, 1939, 13. — Ср. названия *Kibiten*, *Kyw^hiten* (APON 62), о них см. {**kib-*}. Вместе с тем ср. лит. *Kyvaičiai*, *Kivyliai*, *Kyviškė*, *Kyviškės*, *Kyvónis*; *Kiviškės* (LATSŽ 135—136); *Kivė*, *Kyvė*, *Kivėlis*, *Kivylis* (LUEV 75; Liet. hidr. 48, 114); лтш. *Kive*, *upe*, *Kivj-celš*, *Kiwelis*, *Kiwel*, *Kivēli*; *Kivuži*, *Kivuža-pļava*, *Kivulājs*, *Kivulene*, рļ., *Kivulnieks*; *Kiviži*, *Kivilene*, рļ., *Kivēli*, *Kiviža-mājas*; *Kiv-jāņi*; *Kivaži*, *Kiveži*; *Kivmalieši*; *Kivi-pļava*, *Ki-upe* (< **Kiv-upe*), *Kiurga* (< **Kiv-urga*); *Kivistene*; *Kivuti* и т. п. (LV I, 2, 228—229); среди этих названий несомненны финноязычные элементы (ср. ливск. *ki'v* 'камень', эст. *kivi* и т. п.), см. Vanagas Moksl. ir gyven. 1966, N 2, 28—29; Пит. гидр. 1971, 146—152; Congr. tert. fenn.-ugr. 1, 1975, 404—405; Этн. и лингв. асп. 1980, 122; Rudzīte Latv. leks. attīst. 1968, 175—197; Брейдак Изв. АН Латв. 1973, № 2, 97—102 и др. (ср. Būga RR III, 615). В других случаях очевидна связь с Nom. прогр., ср. лит. *Kivylis*. Учитывая лит. *Kyvil-as*, *Kyvain-as* (ср. *Kybar-as*, *Kymant-as* и т. п.), приходится для ряда литовских и латышских примеров реконструировать {**ki-vil-*} и т. п. Поэтому необходимо считаться с принципиальной разнородностью собранных здесь фактов. Тем не менее, при всей неясности положения в прусском названии, видимо, твердо выделяется суф. *-ik-* (ср. неясное блр. *Kiva*, *Kивин*. Белар. антрап. 2, 201; *Kиванцы* и др. Литоўск. элем. блр. 1968, 56; ср. лтш. Nom. прогр. *Kiwit*, *Kywyt*, *Kivit*. LPV 192). Потенциальная возможность

связи этого прусск. *kiv- с финноязычной лексемой для камня представляет большой интерес.

(*klog-en-it-), ср. *Clagitin*, 1327; *Clageniten*, 1331 (APON 65: *Clagitin* предлагается объяснять из **Clagenitin* через выпадение лигатуры для *en*). — Неясно. Ср., впрочем, лтш. *Klag'is* (Plāķis LVVP 1, 192); *Klagu-pēļķe*, *Klaggri* (а также *Klagacis*, *Klagāts* и т. п. при лтш. *klagācis* 'ein ansehnliches Stück Feld oder Wald', *klagāte* 'eine grosse Wirtschaft' (ME 2, 208; LV I, 2, 95, 99) и даже Nom progr. *Klagajs*, *Klagajs* (LPV 330). В литовском ареале отмечено *Клагис* *кальнис*, сеножать с зарослью (Спрогис. Геогр. слов. 136). Дуриданов Thg.-Dak. 1969, 80, сравнивающий эти балт. примеры с лит. *klagēti*, о звукопроизводстве (LKŽ 5, 941, ср. *klāgoti* 'eiti, sunkiai aršivilkus', *nuklāgoti*), *klegēti* лтш. *kladzēt*, *kladzināt*, *kledzināt* (ср. *kladzene*); ср. *klazynoāt*. Ancitis Aknīst. izl. 51; русск.-ц.-слав. *клегътати*; др.-греч. κλάζειν, κλώζειν и т. д. (см. LEW 267), приводит и фракийскую параллель — *Clagissa* (см. Russu Limba tr.-dac. 98: из и.-евр. *klōg- : *klēg- : *klag-).

claywio, мясо с боков, боковина (мясная). Э 375 ('Sitevleysch'), в ряду названий мясных продуктов — Э 374: *Menso* 'Vleysch', Э 376: *Saltan* 'Spek', Э 377: *Juse* 'Juche', Э 378: *taukis* 'Smalcz' и т. д. Nom. Sg. fem. — вероятно, старое образование collect (Pl. n. на -ā) с суф. *-jā или *-ūjā (= *-vīā, о нем см. Leskien Bild. 348—349), к которому Бенвенист St. balt. 4, 1934—1935, 79—80 относил, кроме *claywio* и прусск. *krawia* из **krewyā* (ср. др.-инд. *kravyam*), fem, при **krewyos* (лит. *kraūjas*). К collect. принадлежит и название мяса — прусск. *mensa*. — Слово обозначает реберное мясо ('Rippenstück', по Thes. 73) или мясной бок; по Беценбергеру KZ 44, 1911, 328 — «Fleischabfall, der ohne weitere Zurichtung abgesotten oder... nur zu einem Absud benutzt wurde» (в немецком слове Э 374 предполагается им и вм. i: *Sutevleysch*). — *Claywio* относится к числу слов без надежной этимологии. Беценбергер в силу этого обстоятельства предложил конъектуру — **elaywio*; это «исправленное» слово сопоставлялось им с польск. *jałowu*, русск. *ялый*, *яловый*, лтш. *jēls* (*g'āls* на Куршской косе, откуда, предположительно, оно проникло в вост.-прусск. диалекты немецкого языка, см. Prellwitz Bestandteile 7), *jēluons* 'Sodbrennen'; при этом принималась эпентеза -i, и, следовательно, исходная форма выглядела **ēlaviā* (Беценбергер исходил из вторичности j- в лтш. *jēls*; ср., однако, и лит. *jēlé*. LKŽ 4, 439). Следует признать, что эта конъектура обоснована в целом явно недостаточно и представляет собой шаг назад по сравнению с теми объяснениями, которые выдвигались раньше (Thes. 73; APSprg. 359). Тем не менее последнее заключение об этимологии *claywio*, пессимистично (SPV 194): слово остается изолированным. Не имея возможности выдвинуть объяснение, которое претендовало бы на единственность и тем более окончательность, можно все-таки попытаться сформулировать представляющуюся сей-

час наиболее правдоподобной альтернативу. Первая ее часть связана с возвращением к точке зрения Нессельмана и Траутмана, сравнивавших прусское слово с лит. *klūvas* 'кривоногий' и лтш. *klīvars* 'ein Hinkender'. Этот круг легко может быть расширен: ср. лит. *kleivas*, *klėiva*, *kleivis*, *kleivys*, *kleivonas*, *kleivotas*, *kleivukas*, *kleivakojis*; *klivaras*, *klivis*, *klyvūmas*, *klivindā*, *kliviūdas*, *klivindra*, *klyvakojis*, *kleivoti*, *kleivūoti*, *kleivinti*, *klyvoti*, *klyvēti*, *klyvūoti* и т. п. (см. LKŽ 5, 36—37, 139—141), не говоря о том же корне с иными расширениями (ср. *klėiza*, *kleinius* и др.); лтш. *klėivs*, *kleivkājis*, *kleivāns*; *kleivēt*, *klivāt* и под. (ME 2, 221, 231). Эти слова продолжают балт. **klei-v-* : **klai-v-* : *klī-v-* (**klei-v-* : **kloi-v-*, см. LEW 267—268); их семантика ясна, но появление *claywio* как обозначения мяса какой-то части туши требует объяснения: наиболее простым решением было бы постулирование весьма обычного семантического перехода 'кривой' → 'часть тела' (напр. бедро, ляжка и т. п., ср. лит. *kūlsė*, *kūlsis*, *kūšis*, *kūlnas*, *kūlnis*, лат. *calx* и т. п.); в таком случае прусск. *claywio* (< **klai-v-* : **kleiv-* : **kliv-* < **kol-*, см. BSW 145) могло бы означать, напр., бедренную часть, а в сочетании **claywio* & **menso* — соответствующую часть мяса. Вторая часть альтернативы связана с принятием конъектуры **clawio*, представляющейся вполне естественной в ряду других случаев антиципации *i* (ср. *caymoys*, *pleynis*, *luysis*, см. FBR 15, 1935, 101). В таком случае **clawio* соответствовало бы таким формам, как лат. *clāvis* 'ключ', 'задвигка', 'крюк', *clāvus* 'гвоздь', 'руль', 'желвак', 'мозоль', *claudeo*, *claudico* 'хромать', 'отклоняться' и т. п. (из *klāui-dō*, где *d* имеет отношение к образованию Praes.), *claudus* 'хромой', *clūdus* то же; др.-ирл. *clō*, Pl. *clōi* 'гвоздь' (иногда признаваемое заимствование из лат., см. GEW 868), ср. кимр. *clo* Riegel, 'Verschluß' Pl. *cloeu*, ср.-брет. *clou* 'ferrement', ср.-также кимр. *cloi* 'claudio' (из **klouīō*). Сюда же нужно отнести и примеры типа др.-греч. κλεις (κλειδός), аттич. (стар.) κλεις, ионич. κλεις, дорич. κλεις 'засов', 'ключ', но и 'ключица'. Примеры из других языков менее показательны, так как они обычно восходят к формам с другими расширениями или даже с *s*-mobile, как в герм. (ср. др.-в.-нем. *sliozan*; *sluzzil*, *sloz* и т. п.; впрочем, известны примеры и без *s*-, но с характерной специализацией значений: др.-исл. *hljōta*, др.-англ. *hlēotan*, др.-сакс. *hliotan*, др.-в.-нем. *hliozan* 'losen', 'wahrsagen' 'zaubern', откуда и значение 'судьба', 'участь' и т. п. — гот. *hlauts*, др.-исл. *hlautr*, др.-в.-нем. *hlōz*, др.-сакс. *hlōt*, нем. *Los* и т. п.), ср. тох. А *lutk-*, Caus. от *lotk-* 'se vertere', 'verti', 'fieri', тох. В *klautk-*, *klutk-* 'становиться', 'поворачиваться', *klautke* (Krause Westtoch. Gramm. 1952, 50, 241 и сл.; Schneider IF 58, 1941, 46; ср. van Windekens Toxh. confr. 1976, s. v.). См. также Рок. 1, 604—605; BSW 137—138; LEW 274. — Формы этого же корня хорошо известны в балт. и слав. Ср. лит. *kliaūda* 'порок', 'недостаток', *kliaūdingas*, *kliaūtis* 'придирка', *kliaūti* 'задеть', 'зацепиться' (*klintis* 'препятствие', 'помеха', 'загруднение'), *kliaūdyti* и т. п.; лтш. *klāda*

'ошибка', *kļūdīgs*, *kļūdains*, *kļūt* 'стать', 'становиться', 'сделаться', *kļūdīt*, *kļūdītīšs* 'ошибаться', *kļūme* 'неудача', 'беда', 'осечка', *kļūms*, *kļūmīgs*, *kļūtas* 'судьба' и т. п.; *kļāūt* 'наклонять' и т. п., *kļāūtīšs* 'прижиматься', 'льнуть' (: лит. *kliāuti* 'гнуть'), см. ME 2, 239—241; слав. **kl'uka* (ср. русск. *клюдка*, укр. *клюдка*; ср.-хорв. *клюдка*, словен. *kljuka*; чеш. *klika*, в.-луж., н.-луж. *kluka* как обозначение чего-то искривленного: кривая палка, крюк, скоба, ключ, щеколда, крышка), **kl'učiti* (*se*), **kl'učь*, **kl'učica*, **kl'un-* и т. п. Несмотря на сомнения (ЭСР 2, 256 и др.) или уклонения от решения, сюда же (к **kl'ud-* < **kleud-*) следует отнести ст.-слав. *клюдити* *λέγειν*, *ὀμιλεῖν*, др.-чеш. *kl'ud*, чеш. *klid* 'порядок', 'мир'; русск. *клюдь* 'порядок', 'приличие', 'красота', *клюджий* 'хороший', 'статный', 'видный' и т. п. (СРНГ 13, 318 и др.); ср. в.-луж. *kludzić* 'убирать', 'приводить в порядок' и семантически очень показательное в связи с *claywio*, н.-луж. *klud* 'бедро', 'подвздошная кость'. Этот последний пример отсылает к обозначению таких характерных частей тела, как бедро, *ключица*, лопатка и т. п. Соответственно и прусск. *claywio*, толкуемое как **clawio*, в сочетании **clawio* & **menso* могло обозначать ту часть мясной туши, которая примыкает к лопатке, бедру и т. п. — Какое бы решение о происхождении прусск. *claywio* ни было принято, необходимо, видимо, считаться с двумя характерными чертами: *claywio* обозначает часть тела и получает свое полное объяснение ('Seitenfleisch') при учете определяемого им слова *menso*.

Лит.: Thes. 1873, 73; APSpr. 359; Bezenberger KZ 44, 1911 328—329; Benveniste St. balt. 4, 1934—1935, 80; SPV 194; BVSF 40; Schmid Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 18; PKP II, 289. — [**klaiwio*, **klaiwīā*, **klaiwija*; **klawio*, **klawīā*, **klawija*].

klantemmai, см. *klantiuns*.

klantisnan 'проклятие'. К III, 45, 15 (Beggi schan bhe stwen asmu as ni seggiuns ka stai mennei laipinnons Asmai stai ernertius bhe prei klantisnan pobangin nons asmai pertenniuns bhe skūdan dāuns seggit '...Habe sie erzürnet vnd zu fluchen bewegt...'). Acc. Sg. fem. — Subst. deverb., образованное с помощью суф. *-isn-* (ср. *segisna*, *madlisna* и др.), см. *klantiuns*, и передающее Infin. немецкого текста (в переводе Вилента — *ant keikima*. — Ср. также *perklantisnan*, калькирующее польск. *przekletstwo/przekleństwo* (ср. Puł. 72, 8. Słown. Staropolsk. VII, z. 2 (42), 135). — Лит. см. в статье *klantiuns*. — [**klantisnan*].

klantiuns 'проклявший' (IIIa). К III, 45, 24 (As asmai klantiuns wargans perwaidinsnans sen niteisiwingins wirdans bhe seggisnans dāuns 'Ich habe geflucht böse Exempel mit vnzüchtigen wortten vnd wercken gegeben'); 45, 34; (...En schlaitiskan posinna as kai as ainan reisan klantiuns. 'In sonderheit bekenne ich das ich ein mal geflucht'); — *klantiwuns*. К III, 45, 19 (Asmu dijgi eu wirdans bhe dilans nigidings baūns Asmai sen maisēi polligun ernertius Priki maian waispattin murrawuns bhe klantiwuns. '...Habe miß meines gleichen gezürnet Wider meine Frawe gemur

ret vnd gefluchet...'). Nom Sg. masc. Part. Praet. act.; — *klantemmai*. К III, 23, 18 (Mes turrimai Deiwan stan Rikijan kirschawissan powijstin biätwei bhe milijt kai mes sen tennēison emnen ni nideiwiskan gunnimai ni wertemmai klantemmai bebinnimai waidleimai... 'Wir sollen GOTT den HERREN vber alle ding fürchten vnd lieben das wir bey seinem Namen nicht Fluchen Schwereu Zeubern...'). 1. Pl. Praes. (согласно APSpr. 285, 359. — 1. Pl. Kopj.). — Форму *klantemmai* Бецценбергер KZ 41, 1908, 118 предлагал понимать как *klantēmai*; он считал, что именно в таком виде это слово выступало первоначально в рукописи, но наборщик неверно принял *ē* за *em*; впрочем, *te* в *klantemmai* предлагалось объяснять и из **tja-* (см. Endzelins FBR 2, 1922 (1928), 11; Streitb.-Festg. 1924, 45), ср. прусск. *gēide*: лит. *geidžia* или лит. *rōdau*: *rōdžiu*. — Этот прусский глагол, для которого реконструируется несомненный Infin. **klantit*, начиная с Нессельмана (Thes. 1873, 73, ср. также Brückner Fremd. Wört. 1877, 192; AfslPh. 20, 1898, 489; APSpr. 359), объясняли как заимствование из слав. Милевский Sl. Occ. 18, 1947, 38 (ср. также 48, 53, 57) считал, что в составе ряда других «kościelnych» слов польск. *klątwa* было заимствовано пруссами в виде **klanto*; само это слово в прусских текстах не сохранилось, но оно послужило основой для таких производных, как *klantiuns* и *klantisnan* (также и прусск. *preclantys*, *perklantisnan* объясняются польским ученым из *przeklęty*, а *proklantitz* продолжает ст.-польск. **proklęty*, которое, однако, не сохранилось; ср. русск. *проклятый*). Наличие *an* в прусск. *klant-*, по мнению Милевского, свидетельствует о том, что польские слова при заимствовании звучали как **klātva*, **překlāty* или **klātva*, **překlāty*, и, следовательно, само заимствование могло иметь место в XIII или в XIV вв. Вместе с тем обращается внимание, что эти прусские слова вполне вовлеклись в прусскую морфологическую систему. Однако мнение о заимствованном характере **klantit*, **klantisna* со временем стало не только менее популярным, но и все чаще опровергается (ср., впрочем, ЭССЯ 11, s. v. **klęti*). Во всяком случае Эндзелин (Streitb.-Festg. 42; SPV 194) уже вполне допускал возможность объяснения этих слов из собственно балт. источников. Френкель Balt. Spr. 1950, 34 называет прусск. **klantit* «das mit abg. *klęti*, połn. *kląć*, russ. *kljasti* 'fluchen' urverwandte Wort». Существенные аргументы против заимствования привел Шмид (Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 28—31; ср. IF 68, 1963, 49). Первый из них состоит в том, что глаголы в прусском, образованные от таких заимствований, обычно принадлежат к классу на *-inti* (ср. *dilina* при *dilas* < слав. **dělo*, польск. *dzieło*; *pogattawint* при **gattaws* < слав. **gotovъ*, польск. *gotowy*); но даже те несколько глаголов, заимствованных из слав., которые в прусском принадлежат к типу на *-it*, в 1. Pl. Praes. регулярно имеют *-imai* (ср. *madlimai*: *madlit*, *schlūsimai*: *schlūsitwei* и т. п.), тогда как прусск. *klantemmai* выпадает из этого ряда. Кстати, уже ван Вейк Arg. St. 1918, 136—137 (ср.

Schmalstieg Ann. Sez. Ling. 1, 1959, 191—195) правильно заметил, что флексию *-emmai* нельзя отделять от *-ammai* и что *klantemmai* принадлежит к тому же ряду, что и *giwemmai* наряду с *giwammai* при *giwit* и под., т. е. к глаголам, не являющимся заимствованными (и это рассматривается как еще один аргумент против заимствованного характера прусск. *klantemmai* и под.). И, действительно, в настоящее время можно привести и некоторые собственно балтийские факты, подтверждающие предположение об исконно балт. происхождении **klantit*. Речь идет о лтш. *klientēt* 'проклинать', являющимся, судя по всему, куронизмом. Этот глагол и производные от него слова отмечены в словаре Лангия, жившего в Курляндии (недалеко от Лиепая) и включившего в свой труд немало куронизмов. Ср.: *Klientāht* (*sohdāht*, *Lahdaht*), *fluchen*. *Klientāhschana* (*sohdischana*), *das Fluchen*. *Peeklentāht*, *ko man peeklentāh*, *wie thust du mir so fluchen!* (Latv.-vāc. vārdn. 1685, изд. 1936 г, 116; ср. ME 2, 223; вытеснено лтш. *lādēt*, ср. лит. *lōti*, русск. *лгать*, лат. *lātrare*). Наконец, сюда же можно отнести и несколько иной пример, никогда в этой связи не приводившийся: лит. *klenōti* 'keikti', 'plūsti' (ср.: Bobos visos moka gerai k l e n o t i), *išklenōti* (*I š k l e n o j o mane ant visų šonų, ka aš skietą pagadžiau*. LKŽ 6, 49), *klenōjimas*; все примеры из Липкявы (Варенск. р-н), на левом берегу Немана (!). Эти примеры заподозрить в заимствовании из слав. трудно, и поэтому приходится предположить, что эти балт. факты являются ближайшим и единственно достоверным соответствием слав. фактам. Ср. праслав. **kleṭi* : **klyṇo* (Praes.): ст.-слав. *клати(ся)*, *клянж*, болг. *кълна*, макед. *колне*, с.-хорв. *клетми*, *кунем*, словен. *kléti*, *kótnem*; др.-чеш. *kléti*, *klnu*, чеш. *klíti*, *kleju*, словц. *kliat'*, польск. *kląć*, *klnę*, кашуб. *klōc*, *klńe*; *klic*, *klńe*, *klńe* (*Sychta Słown. gwar kasz. 2, 169—170*), слов.-помор. *klīc*, *klānā* (Pom. Wb. 1, 352); в.-луж. *kleć*, н.-луж. *klěš*, полаб. *klaně* (*Klahne* 'fluchen' PS, *Klahme* (sic!) Н.; *Klana* 'fluchen' Н., *Klāna* ВВ₁В₂С), *klaně* 'проклятие' (*Klān* 'Fluch' Н., из **klyṇje*, ср. чеш. *klenī*), см. Sl. et Drg. 2, 246; русск. *клясть(ся)*, *клянý(сь)* (ср. диал. *клять*, *кленуть* 'смеяться до слез', *клянýть*, *клянýться*, в частности, 'ругаться' (СРНГ 13, 278, 330, 336), *клень*, бранное выражение (к л е н и на тебе нету!), *клянька* 'клятва' и др.), блр. *кляцѣ*, укр. *клясти* и под. (см. ЭСР 2, 259, 260), а также слав. **klytva*; ст.-слав. *клатка*, болг. *клетва*, с.-хорв. *клетва*; др.-чеш. *klatva*, *kletva*, польск. *klątwa*; русск. *клятва* и т. п. Некоторые из этих форм обнаруживают преимущественную близость к отдельным балт. формам (ср. русск. диал. *кленуть*, *клянýть(ся)*: лит. *klenōti* с характерной спецификацией значения). Что касается элемента *-t-*, то прусск. **klant-it* и лтш.-куршск. *klientēt* находят соответствие в таких формах, как русск. диал. *клятýться* 'скупиться', 'скряжничать'; 'упрямиться', 'упорствовать'; 'капризничать', 'беспрестанно плакать' (СРНГ 13, 336) из **klyt-it-* < **klyt-it-*, весьма близкого к прусско-куршск. формам (при *клятбй*, *клятбый* 'скупой', 'упрямый', 'упорный' и т. д.); ср. также *клятбина* 'подлец', 'негодяй', 'лентяй',

клятица, *клятища*, *клятура*, *клянь* о проклятом человеке, и т. п. Таким образом, выявление связей прусск. **klantit* не только могло обнаружить его балт. параллели и показать исконный характер этой лексемы в балт., но и доказать исключительность ее связей со слав. словами этого корня. Эти выводы имеют принципиальное значение и для многих других случаев, в которых проблема различия заимствования и генетического родства практически снимается. Уместно напомнить, что **klantit* могло быть и заимствованием (более того, очень вероятно, что знание пруссами слав. форм этого корня оказывало влияние на прусское слово и способствовало его сохранению), но имеющиеся данные — в отличие от того, что думали раньше, — не позволяют отдать предпочтение гипотезе о заимствовании, что, следовательно, автоматически делает необходимым признание исконности этого слова в балт. — Зато мнение Брюкнера SEJP 232 о связи слав. **klyti* (и, следовательно, соответствующих балт. форм) с **klyti* и о мотивировке этой связи остается правдоподобным (ср. также ЭССЯ s. v. **klyti*), ср. также лит. *klānas*, *klonys*, лтш. *klans*, *klān(i)s* и т. п. ('низкое место' < 'склон', 'наклон', 'скал'). — Другие параллели более чем гадательны (ср. хет. *lenk-* 'клясться', *lenkanu-*; *lenkai* 'клятва'. Dat. Sg., *lenkiant-*, см. Otrębski Sprache 6, 1960, 163—164; Machek Et. sl. česk. 257). — См. *klantisnan*, *perklantisnan*, *preclantys*, *perklantit* и т. д.

— Лит.: Thes. 1873, 73; Brückner Fremd. Wört. 1877, 192; AfslPh 20, 1898, 489; Bezenberger KZ 41, 1908, 118; APSpr. 285, 359; Endzelīns FBR 2, 1922 (1928), 11; Streitb.-Festg. 1924, 42, 45; ME 2, 223; SPV 195; BVSF 41; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 38, 48, 53, 57; ЭСР 2, 259; Fraenkel Balt. Spr. 1950, 34; Otrębski Sprache 6, 1960, 163—164; Schmid IF 68, 1963, 49; Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 14, 28—31, 85; Stang Vgl. Gr. 1966, 453; Schmalstieg BL 1970, 146; OP 69, 203, 228. — [**klantīuns*, **klantivuns*; **klantemai*, **klantāma*].

klantivuns, см. *klantīuns*.

{**klap-at-it-*}, ср. *Clapatythe*, 1289; *Clapothyten*, 1289; *Clopetiten*, 1297; *Klopotiten*, 1308 (APON 65: «zu trennen von lit. *Klapáčiai* Kr. Ragnit (nicht. «Klapatai!»), da **Klap-áičiai* zugrunde liegt, das seinerseits zu *Klapas*, Litauer /: poln. *chłop* / gehört»; ср. также Górniewicz Zesz. Nauk. Gdańsk. 1975, N. 3, 43). — Остается не вполне ясной связь с названиями типа лит. *Klapatinė* (LATSŽ 136). Ср. лит. *klap-*: *klāptelėti*, *klāpterėti*, *klapėnti*, *klapyti*, *klapnōti*, *klapsėti*, *klapsėnti*, лтш. *klapstēt*, слав. **klopotъ* и т. п. Вместе с тем полезен учет и н.-нем. *klappen*, которое рассматривается как источник лит. *klapūoti*, лтш. *klapēt* (см. Alminauskas Germ. Lit. 1934, 67; Sehwers Spr. Unt. 1953, 49; LEW 265). — Ср. польск. *Kłopot*, *Kłopotna*, *Kłopotnica*, *Kłopotowo*, *Kłopotów*, *Kłopotówka* и др. (Słown. nazw. geogr. PZP I, 129). — {**klap-et-it-?*}.

clattoy 'репейник'. Э 292 ('Klette'), в характерном окружении — Э 291: *Noatis* 'Nessel', Э 293: *Soalis* 'Krewtecht'. Nom. Pl. fem.

(согласно APSpr. 359). — Обычно рассматривается как заимствование из ср.-в.-нем. *klette*. Эндзелин SPV 194 просто квалифицирует *clattoy* как немецкое слово. К *a < e* ср. FBR 14, 1934, 102; к *-ou* ср. APSpr. 144—145, 227; Pauli BVS 7, 1873, 176—177. — Сравнение с лит. *kliūtė* (Thes. 1873, 73) ошибочно. — Неясно отношение к этому слову *Klatte*, *Klata* (Słown. nazw. Mazur. II, 209).

— Л и т.: APSpr. 227, 359; Rudnicki Sl. Осс. 3—4, 1925, 355; SPV 194; Marstrander NTS 13, 1945, 346, Stang Vgl. Gr. 1966, 25; Marchand BL 1970, 110. — [**klatai* (?)].

{**klang-ein-*}, ср. *Claugeyn*, 1411—1419, позже — *Klogehen* (APON 65). — Ср. лтш. *Klaugi*, *Klaugas-kalns*; *Klaūg'i*, *Klaūg'is*, *ęzers*, *Klaug'enice*; *Klaug'i* (LV I, 2, 98, 110); лит. *Kliaugū*, *pieva*. — Ср. лит. *kliaugėti*, *kliaugti*, *kliaugūs* и т. п. (LKŽ 6, 68; ср. *klaūgas* 'выпь'), лтш. *klaūdzēt*, *klaudzis*, *klaūg'is* и т. п. (ME 2, 215; Ancītis Aknīst. izl. 245: *klāuzjēt* и др.); русск. диал. *кляжить* 'ворчать', 'ругать'; 'бить' (СРНГ 13, 318) и др.

{**klauk-*}, ср. *Clauken*, 1341; *Klawkynne*, 1515, позже — *Klaukinen* (APON 65); Nom. propr. *Clauco*, 1340, 1344; *Clawke*, *Clauco*, 1357, 1419; *Clauco*, 1408; *Clawko* (APN 46). — Ср. лтш. *Klaūkas*, *Klaūkava*; *Klauces-ęzers*, *Klauce*, *upe*, *Klauces-gals*, *Klauces-kalns*, *Klauces-upīte*, *Klauces*; *Klaūcene*, р., *Klaucēni*, *Klaucēnu-kalns*, *Klaucāns*, *Klaucāni*, *Klaucēnišķi*, *Klaūciņus*, *Klauciņi*, *Klaucinišķas*, р. (LV I, 2, 98). — Ср. такие глаголы звукопроизводства, как лит. *klaukti*, *klauksėti* (LKŽ 5, 974), лтш. *klaūkstēt*; *klaūks!*, *klaukt!* (ME 2, 215); слав. **kluk-* (**klukt-*, **klukš-*), **kl'uk-* и под. — Восстанавливается {**klauk-in-*}.

{**klauk-in-*}, см. {**klauk-*}.

{**klaus-*}, ср. *Clausieyn*, 1365; *Clusieynen*, 1394; *Clausgeyn*, 1409; *Clausgen*, 1427; *Clausigeyn*, 1423, позже — *Kloschenen*; *Clausiten*, 1374; *Clawsieten*, 1389; *Cleusiten*, 1400, позже — *Klausitten* (APON 65); Nom. propr. *Clausenne*, 1419; *Clawsicke*, 1398; *Clausio*, 1336, 1412; *Clausie*, 1317; *Clausite*, *Clausitte*, 1459, *Clausite*, 1419; *Cleusite*, 1334; *Clausucke*; *Clausune*, 1425; *Claussutte*, 1395; *Clevsils*, 1348; *Clawsigail*, 1385 (SRP 2, 696, ср. Baltist. 10, 1974, 163; Leskien IF 34, 1914—1915, 317; лит. *Klaus(i)gaila*); *Clawsgal*, 1409; *Peter Claws-gal*, 1442 (APN 46, 142; имя прусса *Claus*, 1361, сюда не относится: из нем. *Klaus*); *Toleclaws*, *Toleclaus*, 1364; *Tolloclaus*, 1328; *Tuleclaws*, 1389 (APN 106, 108, 142). — Ср. продолжения нулевой ступени этого корня — {**klus-*} и т. п. Восстанавливаются следующие словообразовательные типы: {**klaus-ein-*}, {**klaus-en-*}, {**klaus-ik-*}, {**klaus-it-*}, {**klaus-iā-*}, {**klaus-uk-*}, {**klaus-un-*}, {**klaus-ut-*}; {**klaus-* & **gail-*}, {**tul-* & **klaus-*}. — Ср. лит. *Klausūčiai* (: прусск. *Claussutte*), *Klauseikiai*, *Klaūsiškės*, *Klausgalvai*, *Klausmūliai* (LATSŽ 136); *Klausūtė* (: прусск. *Claussutte*). LUEV 76; Liet. hidr. 210; LNEŽ 159; лтш. *Klaūsiņi*, *Klaūši* (LV I, 2, 98); Nom. propr. *Clawsse-gail-* (*Klausgaila*: прусск. *Clawsigail*), 1390 (Cod. Vit. 23); *Claw-*

sigal, 1409; *Clawsgal*, 1409; Станиславъ Пукшта Клаузкейловичъ, 1597; *Klowzgajt* (ср. *Кловс-гойл-ушки*), см. *Вуга Asmens vard.* 1911, 30=RR I, 244; *Klausiks*, *Klausas* (впрочем, последнее имя, как, видимо, и ряд прусских имен, обнаруживает следы влияния со стороны нем. *Klaus*, от *Nicolaus*); белорусские ономастич. балтизмы *Клавуc*, *Клавуcэнка*, *Клаўсёк* (Белар. антрап. 2, 205.) — Траутман APN 142 связывает прусск. названия на *Klaus-* с *klausieiti*, лтш. *kluss* и т. п. Тем не менее, конкретные образования не всегда достаточно ясны; также имеются и сложности семантического характера.

{**klaus-ein-*}, см. {**klaus-*}.

klausēmai, см. *klausiton*.

{**klaus-en-*}, см. {**klaus-*}.

{**klaus-iā-*}, см. {**klaus-*}.

klausieiti, см. *klausiton*.

klausijsnan, см. *poklausijsnan*.

klausijwingin, см. *klausiwings*.

{**klaus-ik-*}, см. {**klaus-*}.

{**klaus-it-*}, см. {**klaus-*}.

klausiton 'слышать', 'слушать' (Ша, по BL 1970, 146; OP 204). К III, 39, 22 (Beggi tans sups ast noūmas laipinnans titat prei madlitwei bhe taukinnons kai tans noūmans quoitē klausiton '... das er vns will erhören'). Infin. (Supin., по OP 204, ср. Vgl. Gr. 448); — *klausius*. К III, 65, 25—26 (Stankīsmān kai tou assai klausius stesmu tārin twaiasei Gennan... 'Dieweil du hast gehorchet der Stimme deines Weibs...'). Nom. Sg. masc. Part. Praet. act.; — *klausēmai*. К III, 23, 27 (Mes turrimai Deiwan stan Rikijan kirscha wissan powijstin biātwei bhe milijt kai mes stan preddikausnan bhe swaian wīrdan ni perweckammai schlāit stansubban Swintan lāikumai reide klausēmai bhe mukinnimai '... das wir die Predig vnd sein wort nicht verachten Sondern dasselbig heylig halten gern hōren vnd fleissig lernen'). 1. Pl. Praes. (Konj., согласно APSpr. 359); — *klausieiti*, К III, 57, 4 (*Klausieiti ioušons mukinnewins bhe rīpaiti tennēmans 'Gehorchet ewern Lehrern vnd folget ihnen'*). 2. Pl. Imper. — См. также *klausiwings*, *poklausimanas*, *poklusman* и др. — Смысловое различие между *klausiton* и *kirdit* (см.) остается неясным. Последнее переводит исключительно *hören* немецкого текста, тогда как первое — не только *hören*, но и *erhören*, *hорchen*. — Несколько замечаний по морфологии этого глагола. Попытки видеть в нем тип балт. презентных основ на *-ā* (как в лит. *klausyti* — *klausai*) следует признать несостоятельными: везде, где прусск. глаголы на *-ā* обнаруживают *ā* или *ū* (из *ā*), соответствующие формы от глагола *klausiton* показывают *i* (ср., с одной стороны, внутреннее сравнение: *perbandāsnan*, но *poklausijsnan*, а с другой, внешнее сравнение: лит. *klaūsomas*, но прусск. *poklausimans*). Эти расхождения получают свое объяснение в такой ключевой форме, как *klausēmai*, указывающей на принадлежность *klausiton* к глаголам на *-ē*: **klausēt* (ср. Zabrocki Sl. Осс. 18, 1947, 341, 350: *-ēja-*;

Schmalstieg (см. выше): \bar{a} -). О том же свидетельствует и форма *klausieiti*, четко противопоставленная соответствующей форме глаголов на \bar{a} : *ettrāis*, *attrāiti*. Поэтому Шмид Stud. balt. u. idg. Vb. 13—15; IF 68, 1963, 49—50 с полным основанием реконструирует прусск. **klausēt* и правильно подчеркивает, что из-за прусск. $\bar{e} > i$ сравнение прусск. *klausiton*; лит. *klausyti* имеет «nur trügerischer Schein». При поисках ближайших параллелей к прусск. глаголу нужно иметь в виду именно эту реконструированную форму. — В таком случае наиболее точные соответствия обнаруживаются, строго говоря, не в литовском или латышском, а в слав. и, м. б., отчасти в герм. Очень важным исключением является диал. лтш. форма, засвидетельствованная в языке жителей Куршской косы, — *klauseht* (см. Voelkel Lett. Sprachg. kur. Nehrung 1879, 14; Bezzenberger Spr. preuß. Lett. 1888, 79; ср. Kwauka, Pietsch. Kurisches Wb. 1977, 44; сведений о соответствующем глаголе в языке литовских рыбаков этих мест нет, ср. LKK 2, 1959). Из других вост.-балт. примеров ср. лит. *klausyti* 'слушать', *klāusti* (*klāusia*) 'спрашивать' (первоначально, как считает Шульце Kl. Schr. 1933, 101 и сл., из Desider. — 'желать услышать'); ср. также *klausà* 'слух', *klausùs* 'четкий' (с хорошим слухом); *klūsti*, *klūsas*, *klusnàs* и под.; лтш. *klāusīt* 'слушать', *klāušināt*, *klāušināt*, *klāušnāt* 'расспрашивать' (ср. *klāušinēt*), видимо, контаминированное из лтш. *klāušināt* и лит. *klausinėti* (см. Ancītis Aknīst. izl. 185), при *klāust* 'спрашивать'; *klust* 'стихать', *kluss* 'тихий', *klusēt* 'затихать', 'умолкать' (образование на \bar{e} - здесь вторично, ср. ниже о др.-в.-нем. *hlosēn*); латг. *klauseit* (*klausu*, *klauseju*), см. Latg. gram. 1973, 368 и т. п. Объяснение прусск. *klausiton* и родственных ему вост.-балт. форм заимствованием из герм. (готск.), ср. Hirt BGDS 23, 1898, 348, — несомненно ошибочно. Зато остаются существенными некоторые неясности фонетического развития. К балт. *k*- как рефлексу и.-евр. *k'*- в словах этого корня см. Fick Vgl. Wb. idg. Spr. 1⁴, 48; Meillet MSL 15, 1909, 338—339; Patrubány IF 32, 1913, 328; Hendriksen IF 56, 1938, 26; Fraenkel KZ 70, 1952, 132; LEW 266; Чекман БСЛ. Иссл. 1974, 121 и др. Об отсутствии $s > š$ в лит. *klaus-* ср. Karaliūnas Baltist. 1, 1966, 124. — Ср. блр. балтизм *кляўсá*, *кляўсёж* (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 473; Научюте Лексич. балт. 1972). — Тип на \bar{e} свойствен соответствующему глаголу в слав. Ср. **slušati* < **k'lous-ētej* (при сравнении *klausēmai* с слав. **slyšimъ* следует помнить, что прусск. форма в этом виде выступает как аналогическое образование по типу $\bar{e}jā$): ст.-слав. *слушати* *áxоуѣи*, *просѣхѣи*, болг. *слышам*, макед. *слуша*, с.-хорв. *слышати*, словен. *slúšati*; чеш. *slušeti*, словц. *slušať*, н.-луж. *stuchaś*, *stuchaś*, в.-луж. *(po)stuchać*, *stušec*, польск. *stuchać* и т. п.; и.-евр. **k'lous-* отразилось и в других слав. словах, ср. **sluxъ* (**slyxъ* < **k'luso-*, ср. др.-исл. *hlor*. Scholz Slav. Etym. 1966, 54), возможно, **gluxъ* (**glušiti*, **glъxnōti* и т. п.), рассматриваемое как экспрессивное преобразование **k'lous-* (ср. лит. *klūsas* 'глуховатый', *klusùs*, *klusnùs*, *glusnùs*; *glūšas* 'глупый', 'глухой' [Otrębski LPosu

7, 1959, 313]; лтш. *kluss* и под.), см. Vaillant RESI. 22, 1946, 43; Fraenkel Balt. Spr. 14; KZ 70, 1951, 132 сл.; LEW 266; ЭССЯ 6, 146—147 и др. Остальные слав. примеры, продолжающие и.-евр. **k'leu-*: **k'lou-*, отстоят существенно дальше. Из герм. примеров наиболее близким к **klausēt* можно было бы считать др.-в.-нем. *hlosēn* 'слушать' и его продолжения типа н.-в.-нем. (баварск.), алем. *losen* (ср. также нем. *lauschen*, ср.-н.-нем. *lūschen*, герм. **hlūs-*). Однако, как недавно было показано (Bammesberger Altdeutsch *hlosēn*. — KZ 82, 1968, 298), и.-евр. **k'lus-ē* (> **hleus-*) должно было бы дать др.-в.-нем. **hlorēn* > **hlozēn*; поэтому в настоящее время *hlosēn* не считается первичным глаголом с основой на \bar{e} и объясняется как результат вторичного образования от имени *hlos* 'слух'. Другие герм. примеры обычно снабжены дополнительными словообразовательными элементами и поэтому в связи с *klausiton* менее актуальны (ср., однако, др.-исл. *hler* < **hloza-*, более стар. **hluzā-*, др.-англ. *hlyst*, др.-сакс. *hlust* 'слух', 'ухо' и т. п.; др.-исл. *hlusta*, др.-англ. *hlystan*, англ. *listen*; др.-англ. *hlēor*, др.-сакс. *hlior*, др.-исл. *hlǫr* 'щека'; др.-в.-нем. *lūstrēn*, вестф. *lūstern*, шваб.-бав. *laustern* 'слушать' и т. п., см. Pok. 1, 606—607; EWD 347 и др.). Заслуживают внимания показания старых и новых и.-евр. языков Балканского полуострова. Речь идет прежде всего о мессапск. *klaohi*, неоднократно появляющемся в стандартных формулах (ср. также *klaohizis* (PID II, 436, 474), *klohizis* (II, 548: Vaste), интерпретируемые обычно как *klaohi zis*, т. е. 'слушай, Зевс!') и аналогичном др.-инд. *śroṣi* и тох. В *klyauṣi* (ср. и.-евр. **k'leus-īt*. 3. Sg. Opt., см. Schmid Atti Conv. Stud. Salent. 1960; de Simone Krat. 7, 1962, 119; IF 69, 1964, 31), а также об алб. *quhem* (*kjuhem*) 'слышу', 'называюсь', ср. ст.-алб. *kluhet* (Pedersen IF 5, 36). В этих примерах и.-евр. **k'* отклоняется, как и в балт., от сатемной трактовки, образуя балто-адриатич. изоглоссу (о депалатализации **k'* см. Mann Lang. 28, 1952, 33; Hamp KZ 74, 1956, 128; Polomé Anc. IE Dial. 1966, 68—69; ср. Haas Messap. Stud. 1962 и др.). И.-евр. **k'lejos* отражено, видимо, в иллир. *Vescleves(is)*. CIL III, 3038, 3058, 10138 (ср. Tomaschek BB 9, 1885, 95; Mayer Glotta 24, 1936, 195—196; Spr. alt. Illyr. 1957, 359; Krahe Spr. d. Illyr. 1955, s. v. и др.), толкуемом как сложное слово — *ues-(u)-* & **k'leu-os*. Второй член этого имени хорошо известен и в др.-греч. — *κλέφος* 'слава' (ср. др.-инд. *śravas-*, авест. *sravah*, слав. **slovo*, лат. *cluog* (глосса), др.-ирл. *clā*, тох. А *klyw*, В *kālywe* 'слава'), ср. также *κλέ(φ)ω*, *-ομαι*, энич. *κλείω* 'восхвалять' и под. (вторичное образование) при *ἐκλῶον* 'услышал', *κλῶθι*, *κέκλῶθι* 'слушай!' и т. п. Если держаться, однако, образований на \bar{s} от этого и.-евр. корня, то, кроме приведенных выше примеров, наибольшего внимания заслуживают индоиранск., тохарск. и арм. факты. Ср. др.-инд. *śroṣati* 'слышать' (ср. также *aśrauṣam*, *aśrauṣit*, *śrauṣaṭ* Aor.; *śroṣi*. Imper.; *śroṣyāti*. Futur.; *śúśrūṣate* и под., см. KEWAi Lief. 22, 373), авест. *susrušəmna* (по *surunaoiti*: др.-инд. *śrṇōti*), *sraoša-* 'слух' и под.; о продолжениях

этого корня см. Turner Comp. Dict. I-Aryan, s. v.; Fussman Atl. ling. dard.-kaf. II, 1972, 147—148. Важную параллель образуют тох. А *klyoṣ-*, В *klyauṣ-* 'слушать' (ср. 1. Pl. Praes. *klyausem* (: прусск. *klausēmai*), но 1. Sg.: *klyausau*; ср. также тох. А *klyosāmās*. 1. Pl. Imperf.), ср. еще тох. А *klośām*, В *klausane* 'уши' и т. п. (при *klāw-*), см. Windekens Tokh. confr., s. v. Арм. *lsem* 'слушать' (ср. Аог. *luay*) лучше, видимо, объясняется как образование на *-s*, чем из **k'lu-k'e* (как полагали Мейе MSL 26, 1925, 3 или Джаукян Очерки 1967, 164: *-s* из *-sk'*), ср. также *lur* 'тихий', 'молчащий' (из **k'lus-ri-*). См. Ачарян Этим. слов. арм. яз. III, 293—298; Solta Stell. Arm. 1960, 94—95. Несомненно расширение *-s* в др.-ирл. *cluas* 'ухо' (< **k'loustā*), кимр. *clust* 'слух'. Иногда из формы со сходным словообразовательным элементом объясняют ирл. *ro-chloss* 'würde gehört' (< **k'lu-sto-s*) при *cloor* 'höre' (из **k'lusō-r*), см. Stokes Urkelt. 102; о кельтск. отражениях этого корня, но без *-s* см. Vocab. V.-Celt. (Ogam 1952, № 24, 308; Pok. 1, 606); сюда же лат. *clueō* (позже и *cluō*) 'слышать', 'слушать' (архаич.); 'называться', *inclutus* и т. д. На этом фоне прусск. **klausēt* вместе с наиболее близкими соответствиями образует достаточно четко очерченную группу, продолжающую и.-евр. **k'loṣ-* с расширением *-s*, которое выступало как основообразующий элемент, едва ли выводимый из *-s* в Desider. (есть предположение, что даже в хеттск. *ištamaš-* 'слышать' при *ištamana-* 'ухо', представляющем собой заимствование из др.-егип. *šdm* 'слышать', элемент *-š-(aš-)* может отражать последний звук и.-евр. **k'loṣ-s-*, см. Иванов ОИАС 1965, 167). Дальнейшее углубление этимологической перспективы связано или с обращением к «ностратическим» данным (Иллич-Свитыч Опыт nostr. 1971, 18 сопоставляет и.-евр. **k'leu-* с сем.-хам. *q(w)l*, драв. *kēl-*, урал. *kāle* — все 'слышать', алт. *k'ul-* 'ухо', картв. *gur-* 'ухо', 'слышать'), или к попыткам более глубокой внутренней реконструкции (Трубачев Этимол. 1973, 1975, 10—11 предлагает видеть в и.-евр. **k'lous-*, т. е. **k'l-* & **oṣ-*, букв. — 'склонить/приклонить ухо', т. е. 'слушать'; перестановка элементов — в лат. *aus-cul-to* < **oṣ- -kl'*; эта оригинальная реконструкция внутренней формы слова, кстати, не раз повторяющаяся в истории разных языков в связи с обозначением слушания, изолирует, однако, и.-евр. **k'lous-* от **k'leus-*, **k'lus-* или во всяком случае не объясняет типичной и.-евр. схемы аблаута в словах этого корня). Вместе с тем можно указать некоторые обстоятельства, которые могут оказаться существенными при реконструкции архаической стадии источника и.-евр. **k'leu-s-* и под. Варбот Этим. иссл. 2, 1962, 58—70 справедливо обратила внимание на сочетание в продолжениях этого и.-евр. корня двух групп значений — 'слушать' и 'называть(ся)' ('объявлять', 'славить') (ср. различные позиций в вопросе о первичности значения между Махемком Sborn. praci filos. fak. IV, 1955 (A), 27—31 ('слышать') и Курловичем ROr 8, 1934, 99—100 /двойственность значений — характерный архаизм «дозаогового» состояния и.-евр. праязыка/; ср.

также Preveden Lang. 8, 1932, 145—146). Из этих значений прусск., как и другие балт., актуализировал 'слушать', тогда как слав. языки сохранили способность передачи одним корнем обеих совокупностей значений. Вместе с тем нельзя не заметить, что в балт. языках формы этого корня без *-s* практически отсутствуют (если не считать примеров, порвавших связь с глаголом **klaus-*, типа лит. *šlovē* и *šlovė*, вост.-лит. *šlāvė* или лтш. *sludināt* 'объявлять', 'проповедовать'), тогда как в слав. они известны и при этом находятся в связи с формами с *-s* (ср. **sluti* : **slušati*). Наконец, связь двух значений, передаваемых и.-евр. **k'leu-*, снова отсылает к старому вопросу о возможности выведения **k'leu-* из **kel-* 'звучать' (см. Bechtel Über Bezeichn. 1879, 61—62; Этим. слов. 329; ср. Kuryłowicz Aroph. 1956, 357—358 и др.) и связанного с ним вопроса о допустимости объяснения *k'* палатализацией перед ступенью редукции *e* : **k_el-* > **k'l-*. В этом широком контексте проблем и фактов балт. примеры выглядят еще более изолированными.

— Л и т.: Thes. 1873, 73; Zubatý Rozpr. filol. 1898, 170 = St. Čl. 1, 2, 177; APSpr. 359—360; BSW 308; Patrubby IF 32, 1913, 328; WP 1, 494—495; ME 2, 216; SPV. 194—195; Vaillant RESI, 13, 1933, 111; Milewski Sl. Occ. 15, 1936, 105; Hendriksen IF 56, 1938, 26; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 341, 350; ЭСР 3, 679; LEW 265—266; Pok. 1, 606—607; Порциг. Член. и.-евр. 115; Schmid IF 68; 1963, 49—50; Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 13—16, 31—32, 92, 99. Sabaliauskas LKK 8, 1966, 54; Scholz Slav. Etym. 1966, 54; Stang. Vgl. Gr. 1966, 91, 448; Schmalstieg BL 1970, 146; OP 52, 204; St. OP 5, 611; Чекман БСл. Иссл. 1974, 121; Kortlandt Baltist. 18, 1982, 7. — [**klausiton*, **klausitun*, **klausius*, **klausius*; **klausēmai*, **klausāma*; **klausite*].

klausius, см. *klausiton*.

klausīweniki 'исповедник'. К III, 47, 5—6 (Schlait imais stan etwerp sennien nostan perōnin grikausnan kawijdan tou pirsdan Deiwan seggēsei priki stessemu Klausīweniki 'Sondern nim die vergebung auff die gemeine Beicht so du für Gott thust gegen dem Beichtiger'). Dat. Sg. masc. (согласно APSpr. 236, 360; OP 50). — Учитывая, что, исключая этот случай, *priki* в прусск. 13 раз управляет Acc. и опираясь на толкование *-i*, едва ли объяснимого как флексия Dat. Sg. основ на *-i*, Эндзелин FBR 14, 1934, 99 (ср. SPV 195) и Бенвенист St. balt. 4, 1934—1935, 75 независимо друг от друга предложили конъектуру *klausīwenikin* (по Бенвенисту, [**klausīwingin*]), т. е. признали в этой дефектной форме Acc. Sg. — К морфологии слова ср. также Porzeziński IF 31, 1913, 424; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 424 и др.). См. *klausiwinks/klausiwings*, с которым *klausīweniki* образует, по сути дела, единую парадигму одного и того же слова. — Заслуживает внимания то обстоятельство, что *die gemeine Beicht* (где *Beicht* естественно отсылает к последующему *dem Beichtiger*) передано в прусск. как *perōnin grikausnan* (у Вилента соответственно *paspalitame ghriekawime... poakimis Ple-*

bona). — Лит. см. в ст. *klausiwings*. — [**klausiveniki* (?); **klausivinkai*; **klausiviningai*; **klausiviningin*, **klausiviningan*].

klausiwingin, см. *klausiwings*.

klausiwings 'исповедник'. К III, 47, 21 (Kawīdai adder debbikan pobrandisnan stetze powaisemnen turri adder auminus adder enkaitītai ast stans wīrst ans Klausiwings labbai waist sen toūls billijsnans prei glandint prei Druwien tiēnstwei '... die wird ein Beichtuater wol wissen...'); — *klausiwinks*. К III, 47, 7 (Nostan turri stas Klausiwinks billitwei 'Darauff soll der Beichtiger sagen'). Nom. Sg. masc.; — *klausiwingin*. К III, 43, 19 (... stan etwersennin esse stesmu klausiwingin pogāunai kāigi esse Deiwan subban... '... Vergebung vom Beichtiger empfahe als von Gott selbs...'); 45, 4 (Tit turri tū prēistan Klausiwingin bilitwei при фактическом отсутствии соответствующего немецкого текста: 'Antwort'); — *klausiwingin*. К III, 43, 26 (Adder pirsdau stesmu Klausiwingin turrimai mes ter ains stans grijkans posinnat kawijdans mes waidimai bhe poprestemai en nouson sijran 'Aber für dem Beichtiger sollen wir allein die sünde bekennen...'). Acc. Sg. masc. — Образовано с помощью суф. *-iv-* и *-ing-* от корня **klaus-* (см. *klausiton*), ср. *etnīwings*, *engraidīwings*, *auschaidīwings* и т. п. (SPV 44, 51). Ср. лит. *klausingas* 'кто хорошо слышит', 'послушный' (LKŽ 5, 980), лтш. *klāušigs*, *klāūsigs* (ME 2, 216; Erg.-Hf. 1, 611; Erg'em. izl. vārdn. 2, 87; *klāušigs*, *klāušiks*, ср. *neklaušigs*, *paklaušigs*). — Брюкнер KZ 44 1911, 334 рассматривает *klausiwings* (букв. 'слушатель') как полонизм (калька), ср. польск. *stuchanie* 'Beichte', *stucha(l)nica* 'Beichtstuhl' и т. п. См. *klausiveniki*.

— Лит.: Thes. 1873, 74; Brückner KZ 44, 1911, 334; APSpr. 360; Porzeziński IF 31, 1913, 424; Endzelins FBR 14, 1934, 99; SPV 195; Benveniste St. balt. 4, 1934—1935, 75; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 145; OP 50, 52. — [**klausiv(a)s*; **klausiviningin*, **klausiviningan*].

klausiwinks, см. *klausiwings*.

{**klav-*}, ср. *Clawoge*, 1359 (озеро), позже — *Clawuy-See* (APON 65); Nom. propr. *Clawicke*, 1469 (APN 46). — Ср. мазур. *Klawój*, *Klawóje*, *Klabój*; *Klaboysche See*, 1656, *Klawui See*, *Clawuy See* (Słown. nazw. Mazur. II, 304); а также — *Klawuy*, 1578 (*Clawa*, 1514—1518; *Klawek*: inter hereditates Claffkonis..., 1426); hereditatem suam dictum Plawuy (= *Klawuy*?). Nazwy miejsc. Póln. Maz. 211—212; *Klawki* (*Klakendorf*). Słown. nazw. geogr. PZP 1, 128. — К Nom. propr. ср. *Claweke Jakes*, 1582—1583, житель мызы Suden (Süde), ок. Дундаги (см. Непокупный IV Viss. balt. konf. 1980, 164); куршск. *Andres Clawin*, 1582—1585; *Matte Clawin*, 1582—1585; *Andre Clawin*; *Prexadde Clawin*, 1582—1585; *Clawin*, 1582—1585 (KF 295); лтш. *Clas Clawings*, 1647, *Kaltryne Klawyn*, *Klawing Martinus*, *Clawin* и др. (LPV 192). — Реконструируются {**klav-uj-*}, см. APON 65, 248 (ср. Vanagas Baltist. 1, 1966, 187; Schmid Sybaris Festschr. Krahe 130)

или {**klav-ōj-*}, см. Endzelins FBR 3, 1923, 114 (ср. лит. *Kalnuojai*, лтш. *smilšuojs* и под.) и {**klav-ik-*}. — Эти названия выводятся из апеллятива лит. *kliāvas* 'клен', лтш. *kļava*, *kļavs*. — Из «кленовой» гидронимии ср. лит. *Klevà*, *Klevinė*, *Klevinis*, *Klėvžeris*; *Klėvas*, *Klevų ežeras*, *Klevaitis*, *Kleivārakštis* (LUEV 76; Liet. hidr. 30, 59, 76, 157, 228, 251, 252; LHEŽ 159); из топонимии ср. лит. *Klevinė*, *Klevinat*, *Klevėnai*, *Klevynė*, *Kleviniai*, *Kleviškis*; *Klevinkalnis*, *Klevų Būdà* (LATSŽ 137); лтш. *Kļava*, *Kļavas*, *Kļava-grāvis*, *Kļavakalniņš*, *Kļava-kalns*, *Kļava-tilts*, *Kļava-plate*, *Kļava-šņore*, *Kļavugārša*, *Kļavu-kalns*, *Kļavu-sala*; *Kļav-daņgas*, *Kļav-kalns*, *Kļav-saliņa*, *Kļav-upītis*; *Kļavaisa*, уре, *Kļavaisi*, *Kļavāji*, *Kļavēni*, *Kļavenieki*, *Kļavinieki*, *Kļavija*, рл. *Kļaviņas*, *Kļaviņš*, *Kļaviņi*, *Kļeviņi* и т. п. (LV I, 2, 110—111). Названия с этим корнем уходят далеко на юго-восток от Прибалтики, локализуясь в басс. Верхнего Днепра. Ср. *Клева*, *Клевица* (деревня *Klewka*, *Клеванская пуца*, *Клевиново*), *Клевен*, *Клевень* и т. п. (см. Кочубинский ЖМНП 1897, январь, 86; Вуга ТЖ 1, 1923, 27 = RR III, 527; ЛАВП 191; Кратк. топон. слов. Белор. 159; Микратап. Белар. 118); ср. мазурск. *Klewin*, *Klewińskie Góry*, *Klewiener Berge* (Słown. nazw. Mazur. II, 370); *Klewno*, *Klewki*, *Klewiny*, *Klewińskie Góry* (Słown. nazw. geogr. PZP 1, 127) и др. — Дуриданов Thg. — Дак. 40 сравнивает с балт. названиями этого рода дакийск. *Clevora* место (Tab. Peut. VII, 4), *Clebora* (Rav. 190, 10).

{**klav-ik-*}, см. {**klav-*}.

{**klav-uj-*} или {**klav-ōj-*}, см. {**klav-*}.

{**klec-* или **kleč-?*}, ср. *Clec*, 1378, позже — *Klötzen* (APON 66); Nom. propr. *Cleecz*, ок. 1400; *Klecz*, 1289; *Cletsch* Pruthenus, 1289; *Clesch* Pruthenus, 1291 (APN 46; см. также Schnippel Oberländische Geschichtsblätter 10, 1909, 86). Сюда же относятся полонизированные прутенизмы из Вислинских Жулав: польск. *Klec* (теперь *Klecewo*, квидзинск. пов.): *Cletz* (Zd. Hist. Vereins 26, 41); *Kletzen*, 1568 (Ibid. 26, 41); *Klecewo*, 1883 (Sl. Geogr. IV, 122); — *Klec* (теперь *Klecewo*, шумск. пов.): *Cleecz*, 1402 (МКВ 1913, 64); *Kleczewo*, 1582 (Polska XVI w. XXIII, 1911, 82), диал. *Klecewo*; — *Klec* (теперь *Klecewko*, шумск. пов.): *Glocz*, 1406 (МКВ 166); *Klecewko*, 1682 (Fontes V, 49); диал. *Klecewko*. См. Górniewicz Zesz. Nauk. Uniwers. Gdańsk. 1975, N 3, 39, 41. — Фонетическое значение исходного согласного этого корня определяется в одних случаях как *č*[tš], ср. в немецкой графике *tsch* или с утратой смычки *sch*, в других — *s* (ср. нем. *tz*). — В целом неясно. — С формальной точки зрения ср. лит. Nom. propr. *Klečius* (*Klēčius?*), *Klečionis*; *Klacowa*, *Klecianowicz* (Liet. antrop. 156, 233) или местные названия типа *Klėtiškė* (LATSŽ 137); *Klēčiai*, *Klēč-vaikis* (: лит. *klėčius*, *klėčius* 'проказник' и т. п.). Скорее, однако, можно говорить о связи с Nom. propr. типа польск. *Klecz*, 1517—1519, *Kleczka* (*Kliczka*, 1545), откуда и местные названия типа *Kleczewo*, *Kleczkowo* (ныне — *Kleczków*), ср. *Kleczewo*, *Kleczewko*, *Kleczka*, *Kleczno*;

Cleczkovo, 1427, 1428 и др. (Zierhoffer Nazwy miejsc. Półn. Maz. 212: здесь же слав. этимологии этих названий; Rospond Słown. nazw geogr. PZP 1, 126); ср. *Klec* (Present(e) ... Clesone de Obora, 1415; Coram domin(o) ... Clesione, 1439); *Kleczewski*, *Klecowski* (*Cleczewski*, 1492 и др.); *Kleczkow* (Dominus Johannes *Cleczkaw* (!), procurator vasallorum ... Johanni *Cleczkaw* (!), 1432), *Kleczkowski*, 1421—1447 и др. (Słown. starop. nazw III, 1, 3). Таким образом, прусск. {**klec-*}, {**kleč-*} могут оказаться и славизмами.

{**kleid-*}, ср. *Kleydin*, 1383, *Kledin*; *Cleydynen*, 1385; *Cledeyn*, 1435; *Kleyditen*, 1376, позже — *Kleiditten* (APON 65—66: указывается имя литовца *Kleid-atis*). — Ср. *Klejdyty* (Słown. nazw geogr. PZP 1, 126). — Параллели недостаточно ясны. М. б., заслуживает внимания сравнение с лтш. *Kliēdiņi* (LV I, 2, 107), лит. *Kliēda-kalnis* (*Kliūdiškis* (LUEV 76; Liet. hidr. 174; LHEŽ 160), от Nom. progr. *Kliūdius*, *Klydžiā?*) и, следовательно, с продолжениями балт. **klaid-/kleid-* (ср. лит. *klįsti* 'заблуждаться' и т. п. (*klįdau*), *klīdėti* 'бредить', *klīdas* 'бред', 'бешеный', *klydinėti* 'блуждать', 'плутать', *klaidà* 'ошибка', *klėisti* 'расточать' и т. п.; лтш. *klīst* 'бродить', 'блуждать', особенно *kleiduōt* (ср.: *staiģāt un kleiduōt pa laukiem*), *kleiduoņis* (ME 2, 220); *kliēst*, *klaiduōt*, *klaidīt*, *klaidēt*, *klaida* и др. — М. б., сюда же *Кледейка* в басс. Москвы (БСЛ. Сб. 1, 255). — Реконструируются {**kleid-in-*}, {**kleid-ein-?*}, {**kleid-it-*}.

{**kleid-ein-*}, см. {**kleid-*}.

{**kleid-in-*}, см. {**kleid-*}.

{**kleid-it-*}, см. {**kleid-*}.

{**klein-*}, ср. *Cleynou*, 1280, позже — *Klenau* (APON 66, с добавлением: «wenn preußisch, dann zu *Cleyn-ose*, Litauer Md. 242/**Klein-nūžē*). — Ср. лит. *Kleiniai* (LATSŽ 136); *Kleinupėlis* (LUEV 76; Liet. hidr. 130; LHEŽ 159), сувалкск. *Klonownica* (из **Klein-*, см. Falk Ze stud. 20); лтш. *Kleinas*, *Kleīni*, *Kleīnis*, *Klēiņi* (LV I, 2, 101) при лит. *kleinas*, лтш. *kleins* 'кривоногий'; лит. *kleinioti*, *kleinoti*, лтш. *kleināt* и т. п. (ср. также лит. *klienai* 'тонкий', лтш. *kliens* и др.), в конечном счете к и.-евр. **klei-n-*, ср. также **klei-v-*, **klei-p-* и т. п. — Реконструируется {**klein-av-*}.

{**klein-av-*}, см. {**klein-*}.

{**klek-*}, ср. Nom. progr. *Clekine* (Divanus dictus *Clekine*. SRP 1, 120, 462). — Неясно. — Не исключена связь с лтш. *kleķe* 'ein Klumpen', *kleķene*; *kleķēt* 'dick schmieren' и т. п. (ME 2, 221) или с лит. *kleķėti* 'брякать', 'булькать', *kleķėnti*, *klėķinti*; ср. также *klėkas* 'грязь', 'испражнения' и т. п.; *kleķė*; *klėķenas* 'karvės išmatos', *klėķena*; *klėķis* 'kas daug kleķa, kalba'; 'suzmekėlis' и т. п. (LKŽ 6, 39—4); слав. **klekъ*, **kleknoŭti*, **klekŭtati* и др. (см. LEW 268). — Элемент **klek-*, возможно, представлен в лтш. *Kleķes*, *Kleķ-lidums* (LV I, 2, 102) и особенно в Nom. progr. ср. ст.-польск. *Klekot* (Jan de Sobole *Clekot*, 1424; Petrus *Cleskot* 1452 и др.), см.

Słown. starop. nazw III, 1, 4; ст.-русск. *Клец* (из **Klek-is?*), 1545, Белоозеро, см. Ономаст. 1974, 142. Восстанавливается {**klek-in-*}.

{**klek-in-*}, см. {**klek-*}.

clenan 'клеть'. Э 194 ('Kleet'), ср. Э 193: *Buttan* 'Hūs', Э. 195: *Pocorto* 'Swellen' и т. п. Nom. Sg. n. — К значению ср.: «*Klète*, f. ... in Litauen ein kleines Nebengebäude auf dem Hofe, in welchem Vorräte von Getreide, auch Kleider, Betten, überflüssige Utensilen u. dgl. aufbewahrt werden, auch befindet sich darin zuweilen ein Zimmer zur Aufnahme von Gästen... Auch Kammer...» (Frischbier PV I, 377). — Функциональный аспект клетки в прусском ареале отчетливо обозначен М. Преториусом, данные которого относятся к XVII в.: «Wenn sie sich nun müde getanzt haben, nimbt der Braut Schwester den Bräutigam, und des Bräutigams Bruder die Braut und führen sie in die Klete» (Delic. Pruss. 79); «eine Hand voll Korn heimlich schneiden und es in seine Klete, d. i. die Vorrathskammer, da er sein Getreide halten will, einlegen». Ibid. 57; «Denn derselbe Aitwars anderen Leuten in die Klete, Speicher und Scheune eindringen und da Getreydigt auszrauben sol». Ibid. 30 и т. п. Еще раньше упоминает клеть (в частности, как место, где ночуют новобрачные) Генненберг Egler. 1595, 36, не говоря уж о Кадлубке, упоминающем о нападении в 1192 г. поляков на ятвягов, во время которого были сожжены клетки с хлебом (MPH 2, 423—424). Данные о клетки в Литве достаточно обильны с XVI в. (инвентарные акты); позже они встречаются в описаниях путешественников (ср. Brand Reysen 1702, 93 и др.); подробно пишет о клетки Даукантас Liet. būdas, 39 сл. Дальнейшие сведения см. Galaun Liet. liaud. menas 1930, 42 сл.; Jablonskis Liet. žodžiai, 1941, 217—229; Butkevičius. Valstiečių ūkiniai pastatai. — Liet. etnogr. bruož. 1964, 254—262 и др. — Если этнографические реалии, связанные с клетью в прусском ареале, известны достаточно хорошо (ср. Fischer EDP 1937 и др.), то аутентичность формы *clenan*, особенно учитывая лингвистические данные, относящиеся к обозначению клетки в этом регионе, вызывают серьезные подозрения. То, что прусск. *clenan* связано (по меньшей мере) с названием клетки (**klēt-*) вне всякого сомнения (предлагаемое Нессельманом Thes. 74 сопоставление с ст.-слав. хлѣвъ допѣтиов, охѣра, русск. *хлев*, польск. *chlew* и т. п. нужно оставить; предлагать конъектуру **clevan* также нет оснований: оба *n* в тексте совершенно отчетливы). Но решение вопроса коренится как раз в определении характера этой связи, в частности, в определении доли участия **klēt-* в прусск. *clenan*. По мнению Траутмана APSrg. 360; BSW 136, *clenan*, возможно, следует читать **kletan*, т. е., иначе говоря, прусск. слово и является отражением этого **klēt-* (форма **clenan* могла бы объясняться как своего рода диссимиляция в горизонтальной последовательности **Kleet cletan* > ... *clenan* и по вертикали **Buttan* (вверху) *cletan* (внизу) > ... *clenan*). Действительно, было бы странным отсутствие в прусск. такого обозначения, учитывая, что во всем широком южно- и юго-

вост.-балт. ареале названия хозяйственной постройки с корнем **klēt-* хорошо известны: ср. нем. *die Klete* (заимствовано из слав., см. Steinhauser Sl. Wien. 1962, 99), прусск.-нем. диал. *Klête*; лит. *klētis (klētis)*, уже в Post. Morkun. 1600, 126, у Ширвида Dict. 365, Mielcke 1800, 444 и т. д., *klētė* (LKŽ 6, 63—64; Šiaur. rytų dūn. žod. 141); лтш. *klēts*, но и *klētene, klētiņa, klētīte, klētutiņa* и т. п. (ME 2, 224—225; Ērg'em. izl. vārdn. 2, 92: *klēts, klēc* и т. п., с изображением клетки (35. att.) и важными контекстами; Ancītis Aknīst. izl. 196: *kl'ēc*; латг. *klēts, Dat. Sg. klētei; klēteņa. Latg. gram. 368*); польск. *kleć, klatka*, блр. *клець* (Тлум. слоўн. блр. 2, 698; Moszyński Pol. wsch. 1928; Краёвы слоўн. Маг. 227; Слов. Зап. Брянц. 138; Лексика Полесья 139; Слоўн. белар. паўн-зах. 2, 474—475 с характерными примерами, ср.: Клець называли раньшэ, а патам свіран; Клеці былі перваначальна, паслей свіраням называлі; Тэпэр нэма клетей, а колісь амбарчыка на збожжэ клеттю называлі; Цяпер клецяў німа), русск. *клеть, клетка* (СРНГ 13, 284—289); родственные слова известны и в других слав. языках, вне указанного региона; ср. укр. *кліть, клітка*; в.-луж., н.-луж. *klětka* 'клетка для птицы', чеш. *kletka, klítka* (диал.). *kl'atka* (ляшск.), но и *klec, fem. (masc. на Jihlavsku), ст.-чеш. klěcka* (Etym. sl. j. česk. 253), словц. *klietka*; ст.-слав. *кѣтъга оіѣа, оіѣѣа, кѣтъзѣа*, болг. *клет, макед. клед, клет, с.-хорв. клѣјет* (Gen. Sg. *клѣјети*), словен. *klēt* и т. п. Здесь уместно сделать ряд замечаний. Прежде всего стоит заметить, что, хотя **klětь* является общеслав. и праслав. элементом, его специализация для обозначения особого помещения, функционально точно сопоставимого с балт. клетью, ограничивается зоной, непосредственно охватывающей Прибалтику с юга, юго-востока и востока. Вместе с тем балт. обозначения клетки исконны и не могут — в отличие от мнения Брюкнера Fremdwört. 1877 s. v. — считаться слав. заимствованиями. В противном случае ожидался бы вокализм *ie* (лит. **klietis*, лтш. **klēts*), см. Эндзелин Сл.-Балт. этюды 1911, 197; ME 2, 225; SPV 195; Skardžius Lehn W. 1931, 17; BSW 136; ЭСР 2, 249; LEW 270 и др. Правда, в литовском есть заимствование слав. слова этого же корня с сохранением вокализма *é*, ср. лит. *klėtkà* (Gen. Sg. *klėtkos*) 'Vogelbauer'; 'Kapelle'; 'Zelt'; 'Hütte' (*kletkele paukschziu. Bretk. Bibl. Jer. V, 27* (на полях: *vogelbauer*); *pas duris kletkos. Chyl. 4. Mos. XI, 10; kletka prekies. Szyrw. Dict. 20b* и др.) см. Skardžius Lehn W. 1931, 103: из блр. *клѣтка* или польск. *klatka (kletka)*; сохранение *é* в м. ожидаемого *ie* объясняется здесь же влиянием *klētis* (ср., однако, *klietkà. Liet. dain. 209, 5*, указываемое Скарджюсом; видимо, ошибка: в тексте — *Kajr paukstėlis klėtko (sic!)*, в рифме с *kviėtkà*). Напротив, окружающие слав. языки заимствовали балт. (правда, другого корня) обозначение клетки, ср. блр. *свіран* (согласно Буге *Mūsų senovė 1, 1921, 131*, из лит. *sviřnas*), русск. *свирен*, польск. *świren* (см. Лаучюте Лексич. балт. 1971, s. v.: Слав. балтизм. 22). Наконец, при наличии отражений корня **klēt-* в балт. и слав., сколько-

нибудь надежные соответствия в других и.-евр. языках отсутствуют. Приводившиеся в этой связи примеры (др.-греч. *κλεισία, -ιον* 'хозяйственное помещение' и т. п., готск. *hleiþra* 'палатка' и т. п., др.-в.-нем. *leitara* 'лестница', ирл. *cliath* 'crates', лат. *clitellae* 'вьючное седло', о чем см. Schulze Quaest. epicae 1892, 295; Fraenkel KZ 45, 1912, 168 сл.; TŽ 3, 1925, 485; Specht Urspr. 1947, 167; Scheller Oxyton. griech. Subst. 1951, 61; ЭСР 2, 249 и др.) должны быть отклонены (см. LEW 270: к лтш. *klienis* 'ток', 'гумно', *kliēns*, лит. *klįsti*) или, по меньшей мере, сильно удалены от балт.-слав. **klēt-*. На этом фоне конъектура **kletan* (вм. *clenan*) имеет определенный резон. Правда, во всех языках, где следы *i*-основ сохраняются и в Nom. Sg. (ср. лит. *klētis*, Gen. Sg. *klėties*, но лтш. *klēts*, болг. *клет, с.-хорв. клѣјет* и т. д.), слова с корнем **klēt-* оформляются, как правило, именно по типу *i*-основ, тогда как прусск. **kletan (clenan)* оформлено как основа на *-o*. Однако известны и другие (впрочем, очень редкие) исключения. Достаточно сослаться на русск. диал. *клѣт* 'клеть', 'белая изба, где хранятся у крестьян пожитки' (СРНГ 13, 284; ср. в загадке: *под клѣтом, под намѣтом стоит бочка с вороньим салом* (котелок с водой). Садовников). Редкой в этом случае следует считать и принадлежность к мужск. роду вм. обычного женск. (ср., однако, префиксальные образования типа русск. *подклѣт* или слова другого корня, как лит. *sviřnas*). Во всяком случае форма **kletan* для прусского кажется более неожиданной, чем, напр., **kletis* или **klete* (последняя в известной мере контролируется и нем. *Kleete, Klēte*). Поэтому не менее (а по видимому, и более) вероятно другое предположение, суть которого сводится к тому, что прусск. *clenan* представляет собой результат контаминации **kletis*, т. е. прусск. слова, родственного лит. *klētis*, лтш. *klēts*, слав. **klětь*, и **klein-*, соотв. **klōn-*, постулируемых для прусск. на основании лтш. *klienis* 'ток', 'гумно' или *kluōns (klons)*, то же, что *kluōnas*, которые также означают смежный хозяйственный объект сельской топографии (см. LEW 270; следует напомнить, что Буга Aist. Stud. 1908, 85 трактовал само прусск. *clenan* как **klēna-n*, т. е. **kliena-n*, и сравнивал его с лтш. *klienis* и *kluōns*), ср. также слав. балтизм русск., укр., блр. *клўня*, польск. *klunia* и т. д. Эндзелин также допускает (правда, с оговоркой: «*Ja rakstījums pareizs...*») мысль о контаминации, но его предположение о втором участнике контаминации выражено более осторожно: речь идет об именах с суф. *-no-*, обладающих сходным значением (SPV 195). Предположение Эндзелина можно, видимо, несколько конкретизировать. Хотя, действительно, формально наиболее надежно прусск. *clenan* могло бы быть выведено из элементарной синтагмы типа **klet- & *klon-* ('клеть' & 'ток'), откуда — **klen-*, уместно принять во внимание и другую возможность. Другое название клетки в балт. языках связано с корнем **svirn-*. Собственно говоря, оно засвидетельствовано только в лит. *sviřnas, sviřna* (о которых см. Skardžius LKŽD 217; LEW 955), *sviřnėlis*. Зато оно было хорошо известно и

в литовских говорах Пруссии (см. Nesselmann Wb. d. Lit. Spr. 510: 'Schlafkammer'; Kurschat Litt.-d. Wb., s. v.; MLLG 4, 340 и др.), и в окружающих Прибалтику славянских ареалах, куда это слово проникло как заимствование из литовского. — Ср. польск. (в сев.-вост. р-нах) *świron, świreń świrnia, świrna, świernia, świron, świronek, świrn(uk)as, świrn* (Brückner SEJP 537; Karłowicz Słown. gwar polsk.; Sł. jęz. polsk. 6, 791; Turska Wilno 1, 224; Otrębski JP 16, 1931, 83; GLit. 1, 69; Zdancewicz LPosn. 8, 1962, 348; ZPSS 1969, 288, 299; Kudzinowski Acta B.-sl. 1, 1964, 255 и др.); — блр. *свіран, свірань, свірня, свірен, свіро́нак, свэ́ран, свэ́рань, свэ́рань, ст.-блр. свиренъ, свиронъ, сверенъ; свиренокъ, свиренокъ, свиренная, свирникъ, свиронекъ, присвиренокъ, przedswiren, podswironek, ср. свирьновы, свиренъны, свиронъщина, свирьновщина* и др. (Носович Слов. белор. нар. 575; Матэр. Гродз. 441, 443; Гаворкі Ваўкав. р. 1959, 71; Матэр. для слоўн. 1960, 129; Дыял. слоўн. Зэльв. 143; Сцяцко Нар. лекс. і словаўтв. 1972, 45; Лекс. Пол. 1968, 152; Жыв. слова 1978, 84; Булыка Даўн. запазыч. блр. 1972, 294—295 и др.; ср. также Карский Белоруссы 1902, 135; РФВ 49, 21; Moszyński Ziemia X, 1925, 185; Otrębski JP 16, 1931, 83; Sl. Occ. 19, 1948, 476; ЭСР 3, 579; LEW 955; Вержбовский LKK 3, 1960, 270; Urbutis Baltist. 5, 1969, 152; Лаучюте Слав. балтизм. 22 и др.); — русск. (зап.) *свирён, свірон* и др. (Добровольский Смол. обл. слов., s. v.; Даль) и т. п. Обращает на себя внимание исключительное обилие примеров этих слов в канцелярских актах Великого Княжества Литовского. Особенно показательно постоянное сопоставление и сталкивание в текстах двух обозначений клетки (*клет- и *свирн-, см. выше о распределении этих лексем в белорусском во времени). Ср. несколько примеров: ...podle tehoż swirna y klet steraja...k temu swiren seredni...a naprotiw toho domok nowy i kletka newetuкаja... 1535; Свирон один на столпах... Клет одна на подклете..., 1572 —; Клѣть при земли; свиренъ на столпы..., 1569; Swirnow dwa — ye(de)n na podklicie..., 1584; Свиренъ на стлупехъ... Клетъ на подклету..., 1586; Свиренъ клѣть на столпахъ..., 1590; Свиренъ старии на подклетѣ с приклеткомъ... 1566; Przy tey kleci obok swiren..., 1633 и т. п. (Liet. žodžiai 217—229). Характерно и то, что в XVII—нач. XVIII в. начинается несомненное влияние нем.-прусс. образцов, ср.: Swiren wielki po prusku kryty..., 1722 или: Spichgz czyli swiren..., 1795, или: Свиронекъ альбо шпихлерикъ старый... и т. п. Обращение к данным лингвистической картографии также приводит к весьма поучительным наблюдениям. По литовским диалектным данным (см. Liet. k. atlas. 1, карта № 11, коммент., 47), форма *klėtis* и под. распространена преимущественно в центр. Литве от северных границ до Сувалкии (есть и исключения); форма *klėtė* и под. тяготеет к западу от этой зоны, а формы *svīnas, svīrnā* локализуются прежде всего на юго-востоке Литвы (хотя они нередки и в Жемайтии); в низовьях Немана и

по морскому побережью отмечено и *špīkeris* и под. варианты обозначения клетки (германизм). К соотношению наименований ср. также Skardžius. Svīnas arba kiėtis? Gimt. kalba 9 (59), 1938, 137. В известной степени сходное распределение характерно и для производных названий типа *prīeklėtis* и под., с одной стороны, и *prīesvirnis* и под., с другой (см. карту № 12). Данные белорусского атласа (Дыял. атл. блр., карта № 239, см. коммент., 800) свидетельствуют о том, что область преимущественного распространения форм типа *свіран, свэ́ран* и под. примыкает к соответствующему литовскому ареалу, занимая, следовательно, зап. и сев.-зап. белорусского ареала. Формы *клець, клѣтка* оказываются в основном оттесненными с сев.-зап. к центру, сев.-востоку и востоку. Иначе говоря, для литовско-белор. ареала можно отметить тенденцию к распространению названий *svīrn-/svīran* и к замене ими в ряде случаев названий *klėt-/клець*. Если учесть, что и в немецких говорах *Speicher* как обозначение амбара в той или иной степени вытеснял слово *Klète*, то окажется, что на довольно широком пространстве обозначения, восходящие к **klēt-*, терпели урон, во-первых, что они уступали место в известных случаях другим обозначениям, в частности, и таким, которые применялись к амбару, сараю и под., во-вторых. Очень вероятно, что прусск. *clenan* так или иначе отразило подобную ситуацию. Во всяком случае проникновение *svīrn-* в Вост. Пруссию и в сев.-вост. Польшу (на достоверно ятвяжские территории) несомненно. И, тем не менее, реальное соотношение тех возможных обозначений клетки, которые имели место при оформлении прусск. *clenan*, остается неизвестным, и исследователь этого слова обязан считаться как с возможностью конъектуры, так и с возможностью взаимодействия с элементом **klet-* других семантически близких элементов — **klein-*, **klōn-*, а также, видимо, и **svīrn-*. Отсюда — гипотетичность обоих предположений. В этой связи нужно упомянуть и парадоксальное мнение Нессельмана Thes. 74, согласно которому слово *kleet*, стоящее в колонке немецких слов, переводимых на прусский, как раз и является прусским названием клетки, оказавшимся в тексте не на своем месте. — Более глубокие истоки **klēt-* не вполне ясны. Предлагаемая Махеком ВЯ 1957, № 1, 96 сл.; Etym. slovn. česk. 253 связь с и.-евр. **klēu-* 'сжимать', 'теснить', 'ограничивать' вызывает серьезные возражения и с формальной, и с семантической точек зрения. Скок Etim. rječn. hrv. 2, 99 выводит слав. **klēt-* из и.-евр. **klei-/kloi-* с суф. *-ti-*, тем самым, по сути дела, отделяя слав. **klēt-* от балт. **klēt-*. Видимо, проще связывать с расширением *-t-* от и.-евр. **kel-:kol-:klē-* и под. в значении 'колоть', 'раскалывать', 'расчленять', 'разрезать'; 'подниматься', 'торчать', 'расти' и т. п. (ср. также **skel-*); в таком случае **klēt-* (за пределами балт. и слав. ср. галльск. **clēta* > франц. *claié* 'плетенка', 'решето', 'изгородь', ср. также ирл. *cliath* 'crates' < **klēt-*; к синкретизму значений 'плести' × 'резать') должно рассматриваться как результат приложения действия, кодируемого корнем

*kel-, и интерпретироваться семантически или как нечто срубленное (ср. русск. *сруб*), или как изолированное, вычлененное, отделенное. И в этом и в другом случае *klēt- входит в связь с такими словами, как слав. *čelnъ* 'член', 'часть', 'сустав' (ср. русск. диал. *челенó* 'три ряда нижних бревен сруба', *целено* 'плот', *челень* 'известное количество паёв в поле' (т. е. клеток), ср. ЭССЯ 4, 44 и сл.), *čelo*, *čelъje*, *kolěno* и т. п. (ср., однако, Рок. 1, 639—640: *k^hel-); лит. *kálnas*: *kélti* и т. д. Заслуживает рассмотрения и другая возможность: образование на -t- от и.-евр. *k^hel- 'покрывать', 'укрывать', ср. лат. *cēlo* 'скрывать', 'утаивать': *cella* 'комнатка', 'каморка', 'ячейка', 'клетка', *cellula* 'клетушка', *cellarium* 'хозяйственное помещение типа кладовой, клетки' и друг. примеры (Рок. 1, 553—554). Однако в этом случае встает вопрос об отсутствии сагемной трактовки k' в балт. и слав. (в целом, однако, это не должно рассматриваться как неустраняемое препятствие, особенно в начальной группе kl-, см. выше о *klausiton*). Как бы то ни было, существенно помнить о тенденции к передаче единым звуковым комплексом таких значений, как 'хозяйственное помещение' (клеть, каморка и т. п.), 'отделение чего-либо': 'ящик', 'ячейка', 'клетка' и т. п., ср. лат. *cel-* (см. выше) или франц. *case*. Однако в этом отношении балт. и слав. данные заметно расходятся: круг значений балт. *klēt- уже, чем в слав. языках (ср., напр., русские данные).

— Лит.: Thes. 1873, 74; Būga Aist. Stud. 1908, 85; APSpr. 360; BSW 136; SPV 195; LEW 270. — [*klenan; *kletan?].

klente 'корова'. Э. 673 ('Kū'), в ряду Э 671: *Lonix* 'Varre', Э 672: *curwis* 'Ochze', Э 674: *Werstian* 'Kalb' и т. п. Nom. Sg. fem.; — *clynth*. Гр. 4 ('ein ku'); *Clynth*. Гр.-Кип. 221 ('Vacca'); *klint*. Гр.-Г. 7 ('kue'). Формы без флексии, приравниваемые к Nom. Sg. уже в силу их положения в словарных статьях. — Следует отметить расхождение в порядке следования слов, которое может оказаться существенным. В разных версиях словаря Грунау данное слово находится в пределах в принципе единого фрагмента, тяготеющего к самому началу словаря (ср. Гр. 1.—4, Гр.-Кип. 7—10, Гр.—Г. 1—7). В Гр. и Гр.-Кип. нисходящая последовательность представлена лексемами, обозначающими Бога, город, деревню, корову; в Гр.-Г. этот ряд образован не четырьмя, а семью лексемами: Бог, ангел, город, человек, деревня, лошадь, корова. Если Гёттингенская ркп. (Гр.-Г.), восходящая к началу XVII в., отражает первоисточник лучше, чем другие версии (эта проблема, к сожалению, остается не до конца ясной), то смежная позиция слов, обозначающих лошадь и корову, могла бы отчасти объяснить предполагаемый некоторыми перенос старого названия лошади (*klente) на корову, см. выше. Разумеется, подобное соображение не более чем один из возможных аргументов в пользу одной частной гипотезы. — Этимология *klente* до сих пор не может считаться вполне ясной, хотя по этому поводу предлагались различные решения. Нессельман Thes. 1873, 74 не решился дать объяснение этому слову, сославшись,

правда, на местное название *Klinthenen* (= *Clynteyne*). Объяснение Бецценбергера, напротив, отличалось искусственностью и малой вероятностью: *klente* — из *tlente и связано с лит. *tēlias* и др.-греч. *πτελας* 'хряк' (BB 27, 1903, 176; в пределах избранного варианта ближе было бы сопоставление с слав. *telę < *telent-). Но еще до Бецценбергера особую этимологию *klente* выдвинул Гейтлер (Lit. Stud. 1875, 65); ей было суждено сыграть большую роль в дальнейших исследованиях истоков этого слова. Согласно Гейтлеру, прусское название коровы было связано с русск. обозначением лошади, клячи (< *kletjā < *klent-iā), ср. SPV 195. К этой точке зрения через полвека присоединился Миккола AfsIPh. 39, 1925, 12, внесший новые уточнения, мотивировки, параллели. Прежде всего он подчеркнул, что в отношении названия коровы прусский отличается от вост.-балт., как и в отношении обозначения молочных продуктов (ср. *anctan*, *dadan* и под.). С этим наблюдением, сформулированным в столь общем виде, трудно согласиться. Во-первых, в прусск. есть слово *curwis* 'вол' (Э 672), ср. также *kurwan*. К III, 55, 34, предполагающее с большой вероятностью и наличие обозначений тем же корнем женской особи (ср. польск. *karw* употребительное в XVI—XVII вв., а ныне сохраняемое только в диалектах северной Польши, при кашуб. *karva*, польск. *krowa*, ср. полаб. *korwó*). Во-вторых, слова, обозначающие корову с помощью *karv-/*korv- есть во всех языках, смежных с прусскими диалектами (в польском, кашубском, белорусском, литовском), и мало вероятно, что именно прусский не знал аналогичного слова. В-третьих, само слово *klente* не является старым словом: оно слишком экспрессивно, чтобы быть обычным нейтральным обозначением такого важного животного, как корова; наконец, в текстах на самландском диалекте вообще нет ситуации, в которой появилась бы тема коровы, и поэтому, строго говоря, нет никаких оснований считать *klente* единственным и, более того, даже общепрусским словом для коровы. В-четвертых, в прусской топонимии есть целый ряд примеров, которые, видимо, могут интерпретироваться как коровьи, см. {*karv-} (Пр. яз. III, 238—243); не исключено, что для прусского восстановимо и имя «коровьего» божества, аналогичного *Karvaitis*'у или *Kurvaitis*'у у Ласицкого и Преториуса. В-пятых, существуют, кажется, и довольно непосредственные указания на наличие лексемы *karv- в прусско-явтяжском ареале: в одном источнике XV в. деревня *Guty* на Белосточчизне обозначается: *Guthi alias Karwowo* (ср. лтш. *gūtiņa*, dimin. от *gūds* 'корова', лит. *guōtas* 'стадо' [см. Halicka Nazwy miejsc. środk. i zach. Białost. 1976; Zinkevičius Baltist. 13, 1977, 382]; блр. *гаўя* 'скот' [см. Дыял. атл. блр., карта № 293]). Уже в силу этих обстоятельств исходное мнение Микколы о неременной обособленности прусского обозначения для коровы не может быть принято за окончательное или даже наиболее достоверное. Ссылаясь на курьезные случаи изменения значения вроде финск. *lehmä* 'корова' при морд. *l'išm* 'лошадь', Миккола и для прусск. *klente* предлагает ис-

ходить из первоначального значения 'кобыла'. Переход значений ('лошадь' → 'корова') объясняется, по суждению финского ученого, ситуацией, когда основным молокодающим животным была лошадь (ср. *aswinan*). При всем остроумии объяснения Микколы, оно уязвимо с целого ряда позиций: в частности, нет никаких сведений о том, что в прусск. слово *klente* могло когда-либо обозначать лошадь. Тем не менее, на уровне решений *ad hoc* и, так сказать, применительно к сфере шутовой этимологии, гипотеза Микколы, несомненно, интересна (ср., напр., русск. диал. *одёр, одра* 'кляча', но *бдрань* 'плохая коровенка' и т. п. — от *драть*). Достоянна упоминания и этимология Брюкнера *AfsIPh.* 20, 1898, 504, выведившего *klente* из польск. *klępa* 'старая корова' (ср. словен. *kléka* 'кляча', 'тощая корова'; к польск. *klępa* можно добавить кашуб., слов.-помор. *klapa* «Kuh, besonderes in verächtlichem Sinne: alte Kuh». *Pom. Wb.* I, 346; *Słown. gwar kasz.* 2, 160 и, вероятно, связанное с ними нем.-зап.-прусск. *Klemp(e)* 'корова'. *PW* I, 376), а также противоположное брюкнеровскому объяснение Лябуды *Historia Pomorza* I, 1968, 332: кашуб. *klępa* из прусск. *klente* (ср., однако, *SEP* 2, 218—219). Последняя попытка этимологического объяснения *klente* принадлежит Сабалаяускасу (*LKK* 10, 1968, 138). По его мнению, прусск. название коровы, обладающей наиболее медленной и тяжелой походкой среди всех домашних животных, могло бы быть произведено от глагола, соответствующего лит. *klénkti* 'тяжело, с трудом идти', лтш. *klencēt*, ст.-слав. *клячати* (Супр.), словен. *klékati*, русск. *клякаться*, 'становиться на колени' и т. п. Можно заметить, что Унбегаун (*BSL* 50, 1954, 173) выводит русск. *кляча* именно от *клякаться* (в отличие от ЭСР 2, 261; ср. *BSW* 136; Трубачев *Происх. назв. жив.* 1960, 55: из **klekja*, от **klen-* 'гнуть' с формантом *-k*). Во всяком случае в высшей степени правдоподобно заключение о *klente* как экспрессивном обозначении коровы, относившемся только к особому рода дефектным экземплярам (старым, тощим, нестандартной формы и т. п.) и предполагавшем наряду с ним существование другого, на этот раз нейтрального обозначения. Неслучайное совпадение в обозначении такой ущербной коровы и одновременно женщины (неряшливой, грязной, распутной и т. д.) в поморско-прусском ареале (ср. кашуб., слов.-помор. *klapa*, польск. *klępa*, нем.-прусск. *Klemp(e)* и т. п.), как, впрочем, и за его пределами (включая русск. *кляча*, о старой женщине и о лошади), дает известные основания для того, чтобы поставить вопрос о проверке нем.-прусск. *Klunte* с точки зрения его связей с прусск. *klente*. Уже Генниг указывал два значения *Klunte* (*Pr. Wb.* 1785, 126): — «eine freche, unzüchtige Weibperson; jetzt wohl mehr Bezeichnung für ein schmutziges, plumpes und ungeschicktes Frauenzimmer» (*PW* I, 384). Нем.-прусск. *Klemp(e)* наряду с этими же значениями, обозначает и корову. Теоретически этим значением некогда могло обладать и *Klunte* (в этой связи характерна смена значений в *Klemp'e*), формально

весьма близкое к *klente*. Разумеется, не более, чем гипотеза. — См. *{*kling-ein-}*.

— Лит.: *Thes.* 1873, 74; *Bezenberger GGA* 1874, 1229; *BB* 27, 1903, 176; *Geitler Lit. Stud.* 1875, 65; *Brückner AfsIPh* 20, 1898, 504; *SEW* 515; *APSpr.* 360; *Mikkola AfsIPh.* 39, 1925, 12; *SPV* 195; *Sabaliauskas LKK* 10, 1966, 137—138; *St. OP* 10. 052. — [**klente*].

*{*klep-}*, ср. *Clepin*, 1297, воды; *Cleppin*, 1422, место; позже — *Kleppien-Mühle* (*APON* 66); ср. *Clepin aqua*. *Cod. dipl. Pruss.* II, 41 (здесь же деревня *Kleppe*). — Ср. мазурск. *Clepin, Kleppin, Kleppina, Kleppine* (*Słown. nazw Mazur.* II, 262); *Klepin, Kleppin, Kleppina, Kleppien Mühle* (*Słown. nazw geogr. PZP* 1, 126). — Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Klepaĩ, Klepōčiai* (*LATSŽ* 136—137); лтш. *Klepinu-ęzērs(?)* (*LV* I, 2, 103). Возможно, сюда же относятся и *Nom. propr.* типа лит. **Klepalas (-olas?)*, откуда *Klepalowicz*, 1546 (ср.: *Poddany Iminiem Klepas*), ср. *Klepónis* (*Liet. antrop.* 101, 156: к *klepėnti, klepūs*); лтш. *Kleppan* (*LPV* 193) (?) или блр. балтизм *Кленуцэвіч* (*Белар. антрап.* 2, 205, но здесь же и имена слав. происхождения — *Клена, Кленік* и т. п.).

*{*kleus-}*, ср. *Nom. propr. Clevsils*, 1348; *Cleusite*, 1334 (*APN* 46); — *Cleusiten*, 1400 (*APON* 65). — Кроме первого из этих примеров, **kleus-* выступает как более редкий вариант **klaus-*; ср. *Cleusite*, 1334 при *Clausite, Clausitte*, 1459 или *Cleusiten*, 1400 при *Clausiten*, 1374, позже — *Klausitten*. — Фонетическая реальность *{*kleus-}* не вполне ясна. — Восстанавливаются теоретически *{*kleus-il-}*, *{*kleus-it-}*, возможно, совпадающие с *{*klaus-il-}*, *{*klaus-it-}*.

*{*kleus-il-}*, см. *{*kleus-}*.

*{*kleus-it-}*, см. *{*kleus-}*.

klexto 'веник', 'метелочка'. Э 333: ('Kerwisch', в ряду Э 330: *Vmnode* 'Bachūs', Э 331: *Vumpis* 'Bacofen', Э 332: *Pectis* 'Quenschusel', Э 334: *Passortis* 'Schörstäge'. *Nom. Sg. fem.* — Учитывая «печной» отрывок, в котором находится *klexto*, можно думать, что речь идет о венике или метелочке, предназначенных для подметания около печи или даже печного пода. Во всяком случае сходное значение нем. *Kerwisch* отмечается в *DWört.* 5, 429: «Kerwisch, Flederwisch zum Abkehren, z. B. des Backofens». — К тому же корню принадлежит *auklextes*, см. — форма *klext-* (= *klekst-*) объясняется Эндзелином *SPV* 195 (ср. *BVSF* 55) контаминацией *klest-* и *klesk-*. Во всяком случае появление неорганических *k* или *g* перед *st* или *zd* в балт. хорошо известно (ср. прусск. *cixtitwi*, лит. *krikštūti* (см. *FBR* 17, 1937, 164); прусск. *lazde*, лтш. *la(g)zda*, но лит. *lazdà*; прусск. *sixdo*, лит. *žiē(g)zdros* и т. п., ср. *St. OP* 10. 110), и поэтому можно исходить только из основы **klest-* > **klekst-*. Наиболее достоверные параллели — лит. *klastyklė* 'метла, употребляемая при веянии' («šluota, su kuria nuklastomi, nušluojami grūdai vėtant»). *LKŽ* 5, 969, ср.: *Su klastyklė klastyk javus vėtant*), 'трепало', 'льнотрепалка', *klastyti* 'сметать колосья при веянии';

‘причесывать’, ‘делать пробор’; ‘растрепывать’, ‘рассеивать’; ‘окуты-
вать’; формально более точные соответствия с существительными
типа *klāstē* ‘пробор’, ‘разделение’; ‘груда’ (см. LKŽ 5, 969), ср.
также *klāstas*, *klastā* «smilgų arba kūlio šiaudų šluota, kuria nukla-
stomi, nušluojami grūdai vėtant», *sklāstas* и т. п., и с глаголами
с вокализмом корня *e* типа *klestėnti* ‘развевать’, ‘развевать’, ‘колы-
хать’, *klēsterėti*, *klēsterti*, *klēsterėti*, *klēstelėti*, *klēstelti*, *klēstinti*, *kle-
snóti* (ср. *klēst!* Interj.), *klēsti* ‘мести’, ‘подметать’ и т. д., *klēsti*
‘бить’ и т. п. (вопреки LEW 269—270 оба эти глагола связаны
друг с другом в своем происхождении, см. LKŽ 6, 59—62), сюда
же *klēstas* ‘жест’ (ср. Eidamas rankas klesnó (daro klestus). LKŽ
6, 57), *klēstimas* и т. п. Оба ряда приведенных форм оправдывают
некую «суммированную» форму типа **klesta*, весьма близкую
к прусск. *klexto*. Не исключено, что существуют формально еще
более точные соответствия, но или они имеют иную морфологиче-
скую аранжировку, или их значения отстоят дальше (ср. лит. —
klėkst [Kaipo naktį nemiegoję, klekst, klekst sugulėm. Valanč.],
klekstėti [: *klekėti*], *klekšti*, *klėkštelėti*, *klėkštelti* и т. п., см. LKŽ 6,
43). Латышские соответствия менее выразительны и их меньше. Ср.
klāstīt «den Staub vom Korne in der Tenne mit einem Sacke absch-
lagen», *klāstīt* ‘расстилать’ (ср. *klāt*), *klāsts*, *klāste* «Unterlagen von
Strauch für Heuschaber, Getreidehaufen», *klāsta* ‘eine Schicht’ (ME 2,
218; Erg.-Hf. 1, 612), но и *klesterēt* ‘шататься’, ‘качаться’, *klesēt*,
klest (ME 2, 223). — Таким образом, прусск. *klexto*, как и вост.-
балт. **klesta*, **klasta*, целесообразно рассматривать как ном. instrum.
от глагола **kle(k)s(t)-* со значением ‘бить’, ‘ударять’ и т. п., име-
ющего звукоизобразительную природу (ср. лит. *klēst!* и т. п.). Се-
мантика *klexto*, как и некоторых его вост.-балт. параллелей, пред-
полагает наличие таких этапов в эволюции значения, как ‘оббить’,
‘отделить’, ‘разделить’, ‘развевать’, ‘обмести’ и т. п. (ср. пользование
веником или метлой для обколачивания, оббивания снега с обуви
или выбивания пыли, как и семантическую связь ‘мести’ с ‘метать’,
‘бросать’, ‘сбрасывать’, ‘сбивать’, ‘обколачивать’). Несомненны и
слав. параллели, в еще большей степени сохраняющие экспрессив-
ный, нерегулярный характер, чем балт. примеры. Достаточно огра-
ничиться минимумом: ср. русск. *клéскать*, *клёскать* ‘бить’, ‘уда-
рять’, ‘хлопать’, ‘щелкать’, ‘хлестать’ (ср. *клéскаться* ‘шалить’, ‘рез-
виться’, ‘плескаться’, ‘бродить’, ‘таскаться’), *клёск*; русск. *клáскать*
‘производить легкий шум ударом или треском’ (СРНГ 13, 283, 335);
польск. *kleskać*, *kleszczeć*, *klaszczeć*, *klaskać*, в.-луж. *kleskać* (*kles'k'*),
н.-луж. *klaskaś*; русск. *хлестáть*; польск. *chłostać* (*chłostać*), в.-луж.
khłostać, н.-луж. *chłostaś*, чеш. *chlostati* (*chlost*); словен. *hlēstiti*,
hlēstniti и т. п. (см. ЭСР 2, 248; 4, 243—244; SEP 1, 69 и др.;
Etim. sl. č. 199—200; Etim. rječn. hrv. 1, 672; Etim. Sloven. 1,
197 и др.). Существенно, что эти факты уже сопоставлялись с лит.
klēsti, *klastyti* (ср. Machek Studie 1930, 73; Slavia 16, 1938, 175;

Petersson AfslPh 35, 1914, 377 и др.). Тем не менее, можно ука-
зать еще более точные параллели к балт. формам, в частности,
к прусск. *klexto*. Речь идет о слав. **klestiti*, которое нет необходи-
мости рассматривать как Intens. на *-st-* к корню **sklep-* (: лит.
sklemp-), как это делает Махек, см. Etim. sl. č. 255. Его отраже-
ниями являются чеш. *klestiti* ‘обрубать’, ‘кастрировать’ (ср. ст.-
чеш. *oklestek*, ганацк. *oklešček*; ср. *okleštěk*, *oklestěk* ‘отсеченная
ветвь’), словен. *klēstiti* ‘обрубать ветви’, *klēstriti* (: лит. *klēster(ė)ti*
и др. Но особенно показательные переключки с *klexto* наблюдаются
в таких случаях, как чеш. *klest* (ганацк. ок. Босновиц — *chlest*) ‘рас-
секание хвой’ или словен. *klēstje* ‘хворост’ (‘вырубка’). Последний
пример, возможно, открывает путь и к реальному предмету у прус-
сов, обозначавшемуся как *klexto* (ср. тип веника из хвороста, сруб-
ленных ветвей и т. п.). Видимо, сюда же и русск. диал. *клектóк*
‘заостренная с двух сторон палочка для игры в чижика’, *клектка*
‘кусочек’, ‘капелька’, *клектцы* ‘деревянные клинья у крайнего ребра
судна’, *клектá*, *клект* ‘рыбья чешуя’ и т. п. (СРНГ 13, 284). — Ср.
другие варианты звукоподражательного глагола близкой структуры —
н.-в.-нем. диал. *kleschen* ‘звучать’, ‘хлопать’, англ. *clash* ‘звонить’,
‘лязгать’ и т. п., несравненно более удаленные от *klexto*, чем при-
веденные выше балт. и слав. примеры — Объяснение *klexto*, предло-
женное Шефтеловицем KZ 53, 1925, 257 (др.-инд. *kārcá-* ‘пучок’,
‘связка’, русск. *клок*, польск. *klak* и т. п., из н.-евр. **kelek-*),
слишком неконкретно и едва ли верно вообще.

— Лит.: Burda BVS 6, 1870, 394; Pott BVS 6, 1870, 124;
Pauli BVS 7, 1871, 182; Thes. 1873, 74; APSpr. 360; Scheftelowitz
KZ 53, 1925, 257; SPV 195; BVSF 55; St. OP 10. 110. — [**klexto*;
**klexstā*].

{**klid-*}, ср. Nom. propr. *Clyde*, 1377 (APN 46.) — Этот же эле-
мент отмечен в лит. *Klidiskis* (LUEV 76; Liet. hidr. 174), образо-
ванном от Nom. propr. *Klidžius*, *Klydžiū*. Ср. также *Klydžionys*
(LATSŽ 137). — Вероятно, в связи с *{*kleid-}*, см.

{**klik-*}, ср. *Clicken*, 1491, позже — *Klicken* (APON 66). — Ср.
лит. *Klykiai*, *Klykūnai*, *Klykoliai* (LATSŽ 137); *Klykių ēžeras*
(LUEV 76; Liet. hidr. 262); м. б., лтш. *Klikis*, р., *Kliki*, *Kliku-
gals*, *Kliku-purvs* и под. (?) (LV I, 2, 104), ср. лтш. *klikis*, рассмат-
риваемое как заимствование из лит. *klýkis* ‘кроншнеп’ (ME 2, 230),
ср. *klikti*, *klýkauti* ‘кричать’, ‘вопить’, *klýkis* ‘крик’, ‘вопл’. Эле-
мент *klik-* представлен в топонимии сев.-зап. Польши (*Klików*, *Kli-
kówek*, *Klikawa* и под. (Słown. nazw geogr. PZP 1951, 127).

clines ‘отруби’. Э 336 (‘Kleyen’), в характерном ряду — Э 335:
Meltan ‘Meel’, Э 337: *Singslo* ‘Teyg’, Э 338: *Gnode* ‘Teigtrok’, Nom.
Pl. fem. — Слово рассматривается как заимствование из ср.-н.-нем.
klīen. Pl. (ср. нем. *Kleie*). При этом флективное *-n* осмысленно
в прусск. как составная часть основы. То же произошло и при
заимствовании этого слова в лит. *klýnės* (ср. LKŽ 6, 96; Ктуорц

ar grucės sėlenos vadinasi klýnės и под.). Заимствованием является название отрубей и в лтш. и эст., ср. соответственно *klījas*, *klījas*; *klī*, *lī* — из ср.-н.-нем. *klige* (см. ME 2, 226; Erg'em. izl. vārdn. 2, 94).

— Лит.: Thes. 1873, 74; APSpr. 360; SPV 195. — [**klines*].

klint-, см. *klente*.

{**klint-ein-*}, ср. *Clynteyne*. 1433, позже — *Klinthen* (APON 66: к *clynth* 'корова'). — Лтш. *Kliñti*, *Kliñtu-muiža*, *Klīntes-mājas* (LV I, 2, 105) сюда не относятся (ср. лтш. *klīnts* 'скала', 'утес' — из ср.-н.-нем. *klint*).

clynth, см. *klente*.

klipts, см. *auklipts* (Пр. яз. 1, 149—150).

{**klis-*}, см. {**klis-* & **lauk-*}.

{**klis-* & **lauk-*}, ср. *Klislauken*, 1469 (APON 66). — Герулис объясняет это сложное слово, приводя в качестве соответствия первому члену лит. Nom. прогр. *Klišas* (ср. *klišas* 'кривоногий', 'косолапый') и выделяя во втором члене прусск. *lauks* 'поле'. Распространение первого элемента в литовской ономастике и топонимике достаточно хорошо известно. Ср. Nom. прогр. *Klišas*, *Klišys*, *Klišius*, *Klišelis*, *Klišaitis*, *Klišėvičius*, *Klišauskas*, *Klišienė* и др. (см. Liet. antrop. 157, 232) и такие местные и речные названия, как *Klišiai*, *Klyšiai*, *Klišiskė*, *Klišėniškė*; особенно показательное в связи с прусск. *Klislauken* лит. *Klišbalė* (LATSŽ 137); *Klišupė*, *Klišupis*, ср. *Klyšios upėlis* (?) (LUEV 76; Liet. hidr. 240; LHEZ 160). В качестве блр. литуанизма ср. *Kliša* (Белар. антрап. 2, 206; остальные антропонимы с элементом *Kliš-* могут выводиться из *Kliš* < *Климент*). Ср. также лтш. *Klišēni*; *Klišāna-arluociņš* (LV I, 2, 106).

{**klob-*}, ср. *Cloben* 1507 (APON 66). — Мазурск. *Klabój*, *Klaboysche See* (Słown. nazw Mazur. II, 304) сюда не относятся, см. {**klav-*}. — Заслуживают внимания *Kłobia*, *Kłobica*, в басс. Вислы (HW 588); *Kłobia* (*Kloben*), *Kłobia* (*Säuferwasser*), *Kłobie* и под. (Słown. nazw geogr. PZP 1, 128—129). Ср. также лит. *Klābai*, *Klabiniai* (LATSŽ 136); *Klabuōtas* (LUEV 75; Liet. hidr. 206), *Klabātės*, *Klabinių raistas*; лтш. *Klabe*, *Klabis*, *Klabja-māja*, *Klabju-laņka*, *Klabju-upīte*; *Klabene*, *Klabiņi*, *Klabiņu-kalns*, *Klabītis* и под. (LV I, 2, 94); ср. лтш. Nom. прогр. *Klaben* (LPV 192) (?).

{**kloit-*}, ср. *Kloytus*, 1349, озеро; *Cloitiz*, 1362, место; позже — *Kleitiz* (APON 66). — Ср. мазурск. *Kłajty* (Słown. nazw. Mazur. II, 125; Słown. nazw geogr. PZP 1, 125). — Ср., м. б., лит. *Klaičiupis* (LUEV 75) (?); Клойтики (Спрогис Геогр. слов. 137).

{**klok-*}, ср. *Kloken*, 1399 (APON 66). — Герулис связывает с прусск. *clokis* 'медведь' (ср. лит. *Lokiai* при *lokys*), но готов отнести и к не относящемуся к «медвежьей» теме *Klochoten-moter*. — Прусс. *Klockis*, 1356, луг, по мнению Герулиса, не связано с *clokis*, «da dort **Tlockis* zu erwarten wäre». Если учесть, что известны такие названия, как прусск. *Klochoten-moter* 1258 (SU 27) в Сам-

ландии, которое по тем же причинам, что и в предыдущем случае не может содержать названия медведя и соотносится Герулисом с лит. *Kliokat*, *Kliōkis*, озеро, антропонимом *Kliokys* (все к лит. *klīkti* 'хлестать' (о воде), 'стремительно изливаться'; 'шуметь' и т. п.), или прусск. *Clokstityen*, 1326, то оказывается, что элемент {**klok-*} лишь формально объединяет, по сути дела, разнородные, видимо, категории случаев. — На основании отдельных примеров восстанавливаются {**klok-ōt-*} или {**klok-ut-*} и {**klokst-it-ij-*}. — Заслуживает внимания проверка возможных связей с лит. *kliōkti*, *klōkti*; *klōkteleiti*, но и *klākti*, *klākteleiti*, *klākterėti*, *klākšteletėti*, и под. и их латышск. соответствиями (ср. также лтш. *Klāces*, рл. LV I, 2, 99).

clokis 'медведь'. Э 655 ('Ber'), ср. Э 656: *Caltestisklok* 'Czidelber', Э 657: *Wilkis* 'Wulf', Э 658: *Lape* 'Vochz' и т. п. Nom. Sg. masc. — В связи с названием медведя необходим также учет слова *caltestisklokis* 'пасечный медведь' (см. Пр. яз. III, 181—182) и топонима *Tlokunpelk*, 1343, вероятно, *Tlokowe*, 1318; *Lokow*, 1349, *Tlokou*, 1354, позже — *Lokau* (APON 183, 234); возможно, сюда же *Kloken* и под. (APON 66), см. {**klok-*}, и Nom. прогр. *Tloke*, 1419; *Tlokins*, 1406; *Tlokote*, 1299 (PU 2, 448), см. APN 106, 161. Уже эти данные, особенно при их сопоставлении с вост.-балт., дают основание выстроить хронологическую последовательность форм (возможно, отраженную в разных диалектах прусск. языка): **tlokis* — **klokis* — **lokis*. Это реально зафиксированная разнородность видов анлаута в слове для медведя делает излишней (или во всяком случае недоказуемой) конъектуру Беценбергера BB 23, 1898, 314 — **tlokis* вм. *clokis*, — тем более что переход *tl > kl* известен ряду диалектов балт. языков (ср. прусск. *ebsentlius*; лит. *žėnklas*, прусск. *addle*; лит. *ėglė* и т. п.), см. LEW 385; Stang. Vgl. Gr. 107 (допускается возможность объяснения Френкелем лит. *lokys* из **klōkis* (< **tlākis*) с исчезновением *k-* в анлауте в результате диссимляции, но отдается предпочтение объяснению перехода *tl > kl* «durch Differentiation»); Kiparsky *Donum balt.* 1970, 260—261 (здесь же и другие примеры этого рода: румынск. *clacă*, вид коллективной полевой работы, *толока*, из с.-хорв. *тлака*, или нередкое произношение англ. *clear*, *clean* с начальным *tL-*, *tl-* в американской речи, см. Hill Lang. 43, 1967, 205, со ссылкой на В. Bloch'a: — к *kl > l* ср. др.-греч. *λάξ* из **κλάξ* по диссимляции (ср. лат. *calx*) или лат. *lact-* 'молоко' < **glact-*, см. Schulze Kl. Schr. 1933, 259; здесь же аналогическая отсылка к прусск. *clokis*, лит. *lokys*) и др. — Таким образом, для балт. слов, обозначающих медведя, естественно реконструируется исходное **tlāk-* (ср. уже Mikkoła BB 22, 1897, 244 сл.; в варианте Měl. Pedersen 1937, 412: **tlōkjo-*), к которому ближе всего как раз прусские формы. Вост.-балт. слова для медведя представляют уже упрощенный анлаут: ср. лит. *lokys*, лтш. *lācis*, латг. *lōcs* (несомненность выведения и этих форм из **tlāk-* делает невозможным предположение Готье (см. Meillet Ling. hist. 1, 284), Кивле WS 14, 1932, 62 или Бонфанте Měl. Bally, 1939, 196 о связи названия

медведя с глаголом 'лизать' — лит. *lakti*, лтш. *lakt*). В этом смысле вост.-балт. обозначения медведя моложе, чем прусск. форма, которая объясняет их, но сама не может быть разъяснена или детализирована в их свете. Слав. соответствие **dlak-* (м. б., и **tlak-*), формально являясь единственным практически абсолютно точным соответствием прусск. **tlok-* (< **tlāk-*) среди всех других и.-евр. языков, вместе с тем вносит исключительно важный вклад в понимание семантики балт. обозначения медведя. Речь идет о с.-хорв. *dlāka* 'волос', 'шерсть' (также и 'мелкие рыбы кости'; переносно — 'род', 'порода') и таких производных, как *dlāciца*, *dlāкав* 'волосатый', 'косматый', *dlāкаст*, *dlāкār*, *dlāкавица*, *dlāкавити се* 'покрываться шерстью', 'обрастать волосами', *ūdлачити* и т. п. (см. Вук СР; RJA; Hrv. dij. zborn. 1, 157; 3, 136 и др.; показательна в отношении анлаута диал. косовск. форма *glāka* [Космет, см. Елзовић. Речн. кос.-метох.] с *dl-* > *gl-* подобно прусск. *tl-* > *kl-*); словен. *dlāka* 'волос' (животного); 'волосы', 'шерсть', но и 'род', 'порода', 'тип' (Pleteršnik. Slov.-nem. sl.; SSKJ; Tomines Črn. vrh; Rigler Južnonotr. govori. 1963, 48 и др.), *dlāкав*, *dlāкаст*; *dlāčica*, *dlāčje*, *dlakocé piti*, *dlakocé pen*, *dlakocé pec* и т. п.; макед. *dlaka* 'шерсть', 'щетина', *dlakaв* (Речн. на макед. јаз.); болг. *dlāka* 'шерсть', 'шкура'; 'вид', 'внешнее сходство' (БТР), диал. *dlāka* 'перья' (у птиц); 'лицо', 'физиономия', 'облик', 'сходство' и др., ср.-болг. *dlaka* 'cutis', 'color'; чеш. *dlaka* 'длинная шерсть' (Kott. Česk.-něm. slovn. 1, 244: не вполне надежно, т. к. взято из сочинений Пресла, нередко обращавшегося к заимствованиям из других слав. языков); отнесение сюда же чеш. диал. *dlák* 'ветка', 'сук' остается неясным (ср. Etym. sl. č. 120; ЭССЯ 5, 63 и др.). Зато бесспорно относится к этому кругу ст.-чеш. *tlaka*, растительность на теле как признак зрелости, возмужалости, 'pubes', в других ркп. — *tlaky* (уже у Кларета, см. Flajšhans Klaret. 1926—1928; Brückner ZfslPh. 6, 1929, 304: с замечанием, что форма чеш. *dlaka* более поздняя, чем *tlaka*), предельно близкие к прусск. **tlok-* (< **tlāk-*). Наконец, надежность праслав. **dlaka* (см. Brückner KZ 46, 1914, 207; Słown. Prasłow. 3, 235—236) подтверждается реконструкцией праслав. сложного слова **vylko-dlakъ*, зафиксированного в отличие от **dlaka* и там, где есть возможность провести различие между рефлексам **dlak-* и **dolk-*, т. е. в вост.-слав. и зап.-слав. языках (исключая чеш. и словц., не отличающихся в этом отношении от южно-слав.). Ср. русск. *волкодлак*, *волколák(a)* 'оборотень', 'человек, превращающийся в волка', укр. *вовкулák*, блр. *волколák*, *волкулák*; польск. *wilkolak*; также и чеш. *vlkodlak*; ст.-слав. *вълкодлакъ*, *коуколакъ*, с.-хорв. *вукдлак*, словен. *volkodlak*, болг. *вълколák* и т. п. (ЭСР 1, 338—339; Liewehr ZfslPh. 23, 1954, 106 и др.), а также балканские заимствования из слав. типа н.-греч. *βουρκόλαχος*, румынск. *vārcolac* (< **vārcolac* и под.), см. Etim. rječn. hrv. 417. С элементом *dlak* до сих пор связываются у славян весьма важные мифопоэтические представления, иногда отражаемые употреблениями этого слова, в частности, в фразеологических сочетаниях. Так, напр., по-

разительна с.-хорв. поговорка *Вук длаку мења, а ћид никада*, соответствующая по смыслу русской *Как волка ни корми, он всё в лес глядит*; в ней фактически синтезируется слово *вукдлак* (*Вук длаку мења*), которое, к тому же, возникает в контексте мены, превращения, оборотничества. Не менее важны противопоставления типа словен. *volkodlak:krāvja dlāka* или с.-хорв. *вукдлак:божа dlāka* (ср. *nimat bōže glāke*, о скоте ЖК), так или иначе отсылающее к обозначению некоей архаичной группы (ср. словен. *take dlake ljudje* или употребление слова *dlaka* в проклятиях: *pasja dlaka!*), при том, что подобные группы «превращенных» людей, связанных как со своим атрибутом с **dlak-/*tlak-*, хорошо известны в реальных ритуальных традициях (ср. далее о хеттах). Оказывается, что **dlak-* объединяет в единый узел Бога, человека, хищного зверя (волка), скот (между прочим, корову), т. е. именно те элементы, которые выступают в сюжете более поздних трансформаций «основного» мифа (ср. Бог, Волос или Св. Егорий, коровы (скот), волк или медведь в контексте темы шерсти, шкуры, волос). Все эти соображения, как и учет того, что слова **dlaka*, **vylko-dlakъ* принадлежат к сфере лексики, для которой характерны нестандартные типы реализации звуковых закономерностей, делают не достаточно убедительными возражения тех ученых, которые считают ошибочной реконструкцию **dlaka* и предлагают заменить ее другой — **dolka?/*d(ь)laka?* (ср. ЭССЯ 5, 63, еще раньше Berneker SEW 1, 208; Oštir Etnolog 1, 1925—1926, 21: сравнение **dolk-* с вторым элементом фрак. Nom. prorg. на *-τάλας*, и др.). — Значение слав. фактов в связи с прусск. *clokis* состоит не только в том, что они представляют собой ближайшую параллель, засвидетельствованную большим числом разноразличных примеров, но и в том, что они позволяют обнаружить семантическую мотивировку обозначения медведя в балт. — «тот, кто в шкуре, в шерсти, косматый (всклоченный, взъерошенный)» —, имеющую огромное количество типологических параллелей (ср. лтш. *lāci*, *lāci*, *ķeķerkāji!* при лтш. *ķeķer-*, лит. *keterà*, русск. *щётка*, *щётина* и т. п., о чем см. Eckert Baltist. 8, 1972, 143), — и отсылают к сфере табуизированного, вовсе не очевидной для балт. обозначений медведя (о табу в связи с названием медведя см. Зеленин Табу. СбМАЭ VIII, 1929, 104—105; Bonfante Mél. Bally, 1939, 196; Emeneau Lang. 24, 1948, 56 сл.; Eckert Wiss. Z. Humb.-Univ. Jg. 16, 1967, 697—699; Baltist. 8, 1972, 143; 16, 1980, 154—159; Иванов, Топоров Слав. языкозн. V съезд. 1963, 139—140; Мифы народов мира. 2, s. v. *Медведь*; Молина Труды Томск. Ун-та 138, 1960, 114 и др.). Наконец, слав. факты в значительной степени помогают отсеять некоторые этимологические реконструкции, связанные с балт. названием медведя (ср., напр., выведение **tlōkjo-s* из и.-евр. **(s)telōkió-s* [ср. др.-инд. *sthālati* 'стоять'], **stlōkā* 'что жестко, туго стоит', о взъерошенной шерсти, см. Loewenthal AfslPh. 37, 1920, 385, отчасти и WS 10, 1927, 195). — Прусск. **tlokis* в свете слав. параллелей могло бы, видимо, пони-

маться как 'обладающий шкурой (шерстью)', тогда как сама шкура (шерсть), вероятно, могла обозначаться чем-то вроде *tloka (< *tlākā); иначе говоря, в таком случае соблюдалась бы стандартная схема вещь (*ā*-основа или *o*-основа) — обладающий вещью (*iā*- или *io*-основы). — Прусск. слово для медведя и слав. слова для шерсти, шкуры и т. п. долгое время не получали надежной более далеко идущей этимологической разгадки, хотя предпринималось немалое количество попыток (ср., напр., объяснение из и.-евр. *del- 'резать', 'разделять', см. Ильинский РФВ 70, 1913, 260—261, по аналогии слав. *skora 'шкура', 'кожа' при и.-евр. *sker- 'резать' и т. п.). В настоящее время именно в силу сохранения нестандартного *tl*- в анлауте в прусск. и слав. стало возможным соотнесение *tlak-/dlak- с древним и.-евр. названием медведя (Иванов ОПАС 32—34; Иванов, Топоров Слав. языкозн. V съезд. 1963, 139; ср. Ambrazas Baltist. 3, 1967, 119), засвидетельствованным в целом ряде языков, причем также отличающимся нестандартностью своей фонетической формы. Речь идет о словах, которые возводились к источнику, восстанавливавшемуся весьма по-разному: *rkpo- (по Бругману, с т. наз. бругмановским спирантом), *rkso- (с бенвенистовской аффрикатой, см. Benveniste BSL 38, 1937, 141; Lejeune Traité de phon. 1947, 32 и др.), *rdkos (см. Brandenstein Glotta 25, 1936, 29); ср. также Specht Urspr. 1947, 239—240; Merlingen MN. XAP. II, 1957, 49—61; Иванов ОПАС 1965, 32—34; Gunnarson NTS 24, 1971, 64 сл.; Kuryłowicz BSL 68, 1973, 100 и др. (Pok. 1, 875 восстанавливает и.-евр. слово для медведя в виде: *f̄k̄po-s или *rk'-s-o-s, или *rk'-to-s?). — По-видимому наиболее удачная реконструкция (она же и наиболее простая) была предложена Бранденштейном. В частности, с ее помощью можно, кажется, подключить к этой семье слов и балто-слав. название медведя (можно напомнить, что эта реконструкция в известном смысле предвосхитила ранее неизвестное хеттское слово для медведя). В самом деле, и.-евр. *rdkos довольно удачно предугадало хеттск. *hartagga-* (*har-tag-ga-aš*, *ha-ar-taq-qa*, *har-ta-ka-aš*), особенно в последнем типе написания, трактуемом как *hartkas* (*t* в данном случае может отражать как *t*, так и *d* на и.-евр. уровне); по Георгиеву Introd. 1966, 15; Балк. язык. 21, № 4, 1978, 34, из *hrtko с рядом преобразований *tk > kt > tt > t* и *tk > k(k)*. Поскольку высказанное в частном письме Зоммером предположение о том, что *hartagga-* могло обозначать медведя, постепенно завоевывает признание (хотя, конечно, нельзя исключить и такой возможности, что по этому же самому признаку могло называться и другое крупное, хищное и мифопоэтически значимое животное), это хеттское слово может служить некоторым ключом, открывающим путь как к известным и.-евр. обозначениям медведя, так и к балт. и слав. словам для медведя. Прежде всего оно позволяет высказать предположение, что др.-греч. ἄρκτος 'медведь' могло иметь своим источником форму типа *ἀρκτος (ср. τίκτω < *τίκτω); характерно, что др.-греч. слово для медведя не раз оказывалось объектом народно-

этимологической игры (ср. более позднюю форму ἄρκος, ориентирующуюся на ἀρχέω, и т. п.). На форму *ἀρκτος намекает, видимо и производное от него обозначение племени Ἀρκάδες, собств. — 'медвежьи люди' (предполагается, что медведь был некогда тотемом этого племени). Другим отражением названия медведя, вероятно, является имя богини охоты Ἄρτεμις (ср. варианты этого имени в лидийских надписях Artimús, Artimul, Artimu-k); уместно напомнить, что древнейшая ипостась Артемиды — не только охотница, но именно сама медведица. В Аттике (в Брауроне) жрицы этой богини, так называемые брауронии, облачались в медвежьи шкуры, пускались в ритуальную пляску и назывались медведицами (Aristoph. Lys. 645). Эти свидетельства, как и лингвистические данные, делают весьма сомнительными возражения против «медвежьей» трактовки имени Артемиды (см. Kretschmer Glotta 27, 1938, 34 и др., см. GEW 1, 154; Dict. etym., s. v.). При этом нужно помнить о предложении видеть в имени Артемиды иллир. *artos 'медведь' (Sánchez Ruipérez Emerita 15, 1 сл.; Zephyrus 2, 89 сл.). Хотя имена с этим корнем представлены в иллир. достаточно широко (ср. Artemius, -a [CIL III 6365, 6400, ср. также мессапск. artemes CIM 42 = PID 424], Artemo, также Artion, Arthitae, Artorius, Artus, Arton(i)us, Artatus и др., см. Spr. alt. Illyr. 1, 1957, 61—63) и связь с *art- названия медведя в иллир. возможна, в настоящее время нет особой надобности трактовать имя греческой богини с помощью иллир. материала (кстати, имена с элементом art- весьма часты и в фрак.: -αρτας, -arta в сложных словах, Ἀρτάκη, Artace, Ἀρτάχοι, Ἀρταχοί, Ἀρτάνης, Ἀρτισκός, Artila, Ἀρτωνία и т. п. (см. Thg. 27—29) и особенно Ἄρτεμις — тем более, что Геродот 5, 7 сообщает, что фракийцы чтили трех богов и среди них Артемиду: Θεὸς σέβονται (οἱ Θρήκες) μόνους τοῦδε, Ἄρεα καὶ Διόνυσον καὶ Ἄρτεμιν; ср. также 4, 33; ср. близкие Nom. ргорг. типа памфил. Αρταμων, карийск. Αρτεμος, лкийск. Αρταμας, см. Sundwall Einheim. Namen der Lykier 76; Zgusta Kleinas. PN 1964, 99 сл.). Наконец, иллир. и фрак. art- вообще могло во всех этих случаях обозначать нечто иное. Вместе с тем есть основания объяснить имя Ἄρτεμις именно из др.-греч. названия медведицы, см. Pisani REAnc. 37, 149—150. — Тема «медвежьих людей» (Ἀρκάδες) и брауроний, жриц в медвежьих шкурах, заставляет вспомнить о хеттск. LU hartagga- 'человек-медведь', 'медвежий человек' (HWb. 283), выступающем как своего рода параллель другим подобным обозначениям ритуальных персонажей в соответствующих текстах, ср. LUMES UR. MAH 'люди-львы' и LUMES UR. BAR. RA 'люди-волки', 'волчьи люди' (ср., напр., KUB VII, 19, пер. стор., 5 особенно KUB IX 31, II 9 сл., при описании ритуала, во время которого на юношу надевают баранью шкуру, а он кричит «по-волчьи»; см. Otten Zur gramm. Luv. 1953, 59; Иванов ОПАС 1965, 31—32; Изв. АН, сер. лит. и яз. 1975, № 5 и др.). Иначе говоря, очень вероятна реконструкция в ритуале так называемых «медвежьих людей», которые характеризовались медвежьей

шкурой как основным своим атрибутом. Не исключено, что в отдельных традициях «волчьей» и «медвежьей» люди каким-то образом соединялись, о чем могли бы свидетельствовать такие имена, как др.-исл. *Ulf-biorn* или др.-в.-нем. *Wulf-bero*, собств. 'Волко-медведь', или даже слав. **vylko-dlakъ*, которое могло обозначать (для разных периодов) не только 'волчью шкуру', но и 'волко-медведя', т. е. оборотня, обладающего способностью обращаться как в волка, так и в медведя. Слав. и балт. данные подтверждают наличие веры в оборотней-медведей, с одной стороны (ср. мифопоэтический комплекс представлений, обработанных Мериме в рассказе «Локис» и отразившийся в целом ряде тем, связанных с медведем; некоторые параллели очень показательны, ср. в «Локисе» мотив влезания на дерево графа Шемёта, обладающего медвежьей природой, в сочетании со схожим мотивом из текста хеттского строительного ритуала [воздвижение нового дворца]: «А деревья [GIŠ^{HI}. A], вы под небесами зеленеете! . . . медведь взбирался на вас!» — *ḫar-tág-ga-aš-ma-aš-ma ša-ra-a ar-ki-iš-ki-it-ta*. KUB XXIX I, 9, 28—29), и ритуальных людей-медведей (людей в медвежьих шкурах, изображавших медведя), с другой стороны (ср. Афанасьев Поэтич. возвр. I, 386 и сл.; Воронин Медвежий культ в верхн. Поволжье в XI в. — Краеведч. зап. Ярослав.-рост. 1960, вып. 4, 25—96; Мат. и иссл. по археол. 1941, № 6, Максимов Нечистая сила; Иванов, Топоров Слав. язык. сист. 1965, 160 и сл. и др.). Эти ритуальные реалии бросают свет и на соотношение слав. **dlak-/*tlak-* 'шкура' (возможно, некогда и 'медведь') и балт. **tlāk-* 'медведь'; они же углубляют возможность толкования слав. **vylko-dlakъ* и связанного с ним обозначения литовск. оборотня — *vilkalokas, vilkalotas, vilkolakis, vilkolakas, vilkalatas, vilkalakis; vilktakis, vilktakys, vilktakas, vilkotakis, vilkatas, viltakas* и т. п. (ср. подробнее Velius Mitin. liet. butybės, 1977, 268—281 и др.). В этих названиях также может быть отражено балт. **vilk-* & **(t)lak-*, отсылающее к образу 'волко-медведя' и, главное, само название медведя, возможно, удерживающее *t-* в анлауте (ср. *vilktakis* < **vilktlakis*?; ср., однако, лит. *lokys* с *o* наряду с *vilkalokas, vilkalotas*). — Из других и.-евр. языков название медведя с *t* бесспорны для кельтского. Ср. редко употребляемое др.-ирл. и ср.-ирл. *art* 'медведь', а также кимр. *arth*, Pl. *eirth*, брет. *krabanarz* 'bears-breesch', галльск. *Artio*, богиня Медведица (ср. *Deae Artioni*, о медвежьих богинях. Corp. XIII, 5160, Берн), см. Urkelt. 1894, 19 (здесь же упоминаются имена ирл. *Art, Art-gal, Art-bran*, кимр. *Arth-bodu*); Vendryes Lex. V. iri. A-91; Schmidt ZfceltPh. 26, 1957, 135 (ср. Ἀρτι-χουο. Gen.); Pok. 1, 875 и др. Особенно показательны имя валлийского царя *Arthgen* < **Arto-genos* 'сын медведя' и эпитет кельтского Меркурия *Artaios*, обычно понимаемый как 'медвежий'. Видимо, из кельтск. было заимствовано баскск. *hartz* 'медведь'; ср. аквит. Nom. pgror. *Harsus* (< **Harts-*). Для кельтских примеров ближайшим источником признается обычно **arkt-* (с метатезой по сравнению с и.-евр. **rdkos/*rtkos*). Очень возможно, что

и лат. *ursus* объясняется из форм, в той или иной мере сходных с баскской (*ts* > *s*; ср. **rktjos* > **urtsos* > лат. *ursus*. Szemerényi II, Fachtag. idg. Spr. 180—181), хотя возможны и иные объяснения (ср. и.-евр. **arktsjos/*arktsus*, по реконструкции Mann Arm. 1963, 120; принадлежность к кругу «медвежьих» названий, где *-t-* и не предполагается, см. ниже, и т. п.). Из других обозначений медведя, более далеких от балт., слав., хеттск. и др.-греч. слов, заслуживают внимания индо-иранские факты. Ср. др.-инд. *fkṣa-* (иногда и в Nom pgror. *Ṛkṣa-* ср. *fkṣavān-*, гора, и под.) и более поздние индо-арийские продолжения, о которых см. Turner Comp. Dict. I.-Aryan 2445; авест. *arša* (*arša-*, ср. Nom. pgror. *Aršavant-*), согд. **ašš* (**ššh*), хорезм. *hrs* (Henning Khwar. Lang. 12), шугн. *yūrš*, йидга *yerš, yarš*, осет. *ars* (ср. *cerszarm* 'медвежья шкура'. Абаев Ист.-этим. слов. 1, 69/ср. Слав. **dlaka* 'шерсть' < **медвежья* или др.-греч. *ἄρκτι* 'медвежья шкура'); перс. *xirs*, афг. *yaž* (Morgenstierne EVP 101), белудж. *riš*, гуран. *hāsh*, заза *hash, hāsh*; дард.-кафирск. отражения: пашаи *aç, ācha, ēç*, ашкун *ic*, башкар. *içh*, гавар-бати *inç, iç*, калаша *ic*, дамели *ēç, ēš*, кхов. *orc*, пхалури *ic*, пина *iç, ič, içh, ēch*, шумашти *iç*, торвали *iš* (Atl. ling. dard.-kaf. II, 1972, 265—266). — К объяснению арм. *arj* 'медведь', которое наряду с основой на *-o-* знает факультативно основу на *-u-*, а позже и на *-i-*, см. Meillet Esq. arm. 1936, 40; Ачарян Этим. слов. арм. яз. s. v.; Solta Stell. Arm. 1960, 132; Mann Arm. 1963, 120; Туманян ВЯ 1968, № 5, 56 и др. (известную сложность представляет объяснение *j*: ожидалось бы **arc*). Наконец, слово этого же корня фиксируется и в алб. *arí*, которое, по мнению ряда ученых (ср. Зольта), образует греко-алб.-арм.-латинск. изоглоссу. — Объяснения и.-евр. слова для медведя до сих пор страдали недостоверностью в том, что касается происхождения этого слова или, по крайней мере, его семантических мотивировок. Последние, как правило, ориентировались на данные отдельных языковых групп. Именно так предлагали видеть в названии медведя обозначение разрушителя, вредителя, ср. др.-инд. *rākṣas-* 'разрушение' или авест. *raš-* 'вредить', 'наносить ущерб' (ср. WP II, 322; Lat. etym. Wb. II, 842; Specht KZ 66, 1939, 28—29; Urspr. 1947, 239—240; ср. Pok. 1, 875; GEW 1, 142). Как конкурирующие решения этимологии имени ἄρκτις выступают указания на связь с обозначением медведя (**art-*) и указание на связь с др.-греч. *ἄρταμος* 'мясник', 'повар', ср. *ἄρταμῶ* 'разрубать на части', 'растерзать', *ἄρτάμης* и т. п., из **ἄρτι-* (**ἄρτο-*) *ταμος* с гаплогонией (и в этом случае значение восстанавливается как 'убийца', 'терзатель' и т. п.). Подключение к кругу и.-евр. **rdkos*, слав. **dlak-* и через него прусск. **tlokis* и, следовательно, лит. *lokys*, лтш. *lācis* могло бы дать повод думать о внутренней форме со значением 'обросший шерстью', 'косматый', если бы не возможность обратного хода развития ('медведь' → 'медвежья' (шкура) → 'шкура'). Неясность обозначения медведя, не устраняемая на и.-евр. почве, вынуждает предполагать возможность заимствования. Так, высказывается предположение о месоп-

тамском источнике др.-инд. названия созвездия Б. Медведицы (см. Szemerényi II. *Fachtag. idg. Spr.* 1962, 191, ср. также 180—181). В качестве такого полагают форму типа *erequ* или *ereqat*, усвоенную, видимо, в середине II тысячелетия до н. э. в виде **rka*, которое в ходе развития совпало с и.-евр. словом для медведя **rtka*- (Б. и М. Медведица в Месопотамии обозначалась как 'телега' 'подвода', ср. шумер. MAP. GID. DA, аккадским эквивалентом которого было *eriq(q)u*, также обозначавшее это созвездие); в этой связи о др.-инд. обозначении Б. Медведицы см. Burrow *Arch. Ling.* 7, 1955, 153; Gunnarson *NTS* 24, 1971, 65; Gershevitch *Stud. class. Pagliaro* II, 191; Mayrhofer *Onom. Persepol.* 169 (8. 653) и 291 (Schmitt); KEWAi. Lief. 26, 653. Впрочем, уже Неринг *Wien. Beitr.* 4, 217 высказал предположение, что и само слово для медведя должно объясняться как азиатское заимствование. Тем не менее не исчерпаны и возможности объяснения или мотивировок (хотя бы и вторичных) названия медведя на и.-евр. почве. Уже упоминалось (Пр. яз. I, 107) о том, что соотношение «медвежьей» ипостаси кельтского Меркурия *Artaios* с *Mercurius Cultor* (т. е. 'возделыватель', 'землепашец') в известном смысле отсылает к ритуалу первого в спашивания поля медведем (и царем /царем-медведем?), ср. **ar*- 'пахать', дороманск. **artica* 'свеже-вспаханная земля' (Пиренеи, юг Франции), ср. также кимр. *aredig* и т. п. (Hubschmid *Rugenäenwörter* 1954, 18 сл.; Pokorny *IF* 65, 1960, 163—164). В этом случае снова актуализируется идея разрушения, раздробления, разрывания, разрыхления, которая могла не раз приходиться в движение и актуализироваться в истории слов, обозначающих медведя (ср. отражение мифопоэтических представлений об использовании медведя в общественно полезной работе (ср. толоку), требующей большой силы, битья и т. п., в романе А. Платонова «Котлован»). Недавно Эккерт *Baltist.* 16, 1980, 154—159 справедливо обратил внимание на устойчивые фразеологические сочетания слов для медведя с глаголами, обозначающими 'ломать', 'драть' (ср. использование этого глагола и в связи с пашней (лит. *dīrvà*), которую также может обрабатывать медведь, см. выше), 'рвать'. Ср., например, русск. данные (*Схватал его медведь в двь-ят, зачал драти, и всего ломати.* Кирша Данилов, или: *Огонь пошел медведя жечь, медведь пошел людей ломать.* Шейн Великор. I, 1, 969 и т. п.), равно относящиеся и к человеку, и к скоту, и к пчелам как объектам разрушительной деятельности медведя, и сопоставимые с лтш. *Lāčplēšis*, предполагающим **lācis* & **plēst*. Можно думать, что и лит. *lokiamusys* в конечном счете позволяет реконструировать «перевернутую» схему: **lokys* & **mūšti*. Поскольку в ряде языков медведь табуируется именно через указанные действия (ср. русские обозначения медведя *ломыга*, *ломовик*, *ломка*, *костолб* и под.), этот семантический принцип мог, конечно, мотивировать обозначения медведя и в балт. В пользу такого предположения говорят некоторые конкретные данные балт. языков, которые, м. б., наконец, помогли бы вывести балт. обозначение медведя из изоляции внутри самого балт.

материала. Речь идет о вост.-лит. глаголе *luōkyti* (*luōkiju*), ср. также *lo'kyti*, обладающем такими значениями, как 'разбивать лёд, чтобы ловить рыбу' (ср.: *Žuvis luokija u ir külę sudaužiau; Kaip tik sustoja ledas — jau ir girdis: «uok, uok» — luokija žuvis*), 'бить' (*Ši vakarą kuogiai kad lúokijosi, tai lúokijosi*), 'что-нибудь быстро, резко, энергично делать' (LKŽ 7, 644, 691); любопытно, что приставочные глаголы более точно сохраняют исходную семантику: *apluōkyti* 'армуšti', *priluōkyti* 'primušti', *pritrankyti per ledą žuvų*, *suluōkyti* 'sumušti', 'sudaužyti', *užluōkyti* 'pritrenkti žuvį per ledą', 'užmusti' и т. п. (ср. также *luokas*, особенно в значении пещи, которой пробивают лед и бьют рыбу. 7, 690; Šlapelis *LLKŽ* s. v.; Skardžius *APhil.* 8, 1939, 20; Endzelīns *FBR* 20, 1940, 253). Уже Буга *РФВ* 66, 1911, 251 (=RR I, 319); RR III, 834 показал, что эти слова восходят к форме **tlōk-* (наряду с **tilk-*, **telk-* и др.) 'толочь', 'бить', 'колотить', к которой в свою очередь восходит и прусск. **tlāku* 'молотить' (лит: **luōko*), с тем же соотношением *tl-*: *l-*, отмеченным в анлауте слов для медведя в прусск. и вост.-балт. (Буга же показал, что *tlāku* не может быть заимствованием из польск. *tlóczyć*; правда, Эндзелин *FBR* 10, 1930, 223; SPV 265 предлагает конъектуру **tālku*). Как бы то ни было, соотношение балт. вариантов **tlōk-* : **lōk-* 'бить', 'молотить' и **tlāk-* : **lāk-* 'медведь' заслуживает не только внимания (о связи прусск. *clokis*, лит. *lokys* и лит. *luōkyti*, прусск. *tlāku* см. Grünenthal *ZfslPh.* 19, 1947, 245), но и дальнейших попыток установления возможностей связи этих двух пар форм (имея в виду образования типа лит. *lokiamusys* и предлагаемую выше реконструкцию **lokys* & **mūšti*, т. е. 'медведь бьет', не исключено и предположение о синонимической *figura etymologica* **tlōk-is* & **tlāk-*, тоже 'медведь бьет'). Анализ этих примеров существен и с точки зрения определения разных источников сочетания согласных *tl* в анлауте. — Подводя итоги этимологическим исследованиям балт. обозначения медведя, следует обратить внимание на то, что выводы новейших работ, связывающие *clokis*, *lokys*, *lācis* с такими формами, как др.-греч. *ἄρκτος*, др.-инд. *ṛkṣa*, лат. *ursus*, возвращают нас, по сути дела, к шлейхеровской эпохе, когда такого рода сопоставление было общим местом (ср. у Мериме «Если бы вы постигли законы перехода санскрита в литовский язык, вы бы признали в слове *lokys* санскритское *arkcha* или *rikscha*. На Литве *lokys*'ом называется зверь, которого греки именовали *ἄρκτος*, римляне — *ursus*, а немцы — *Bär*»). Тем не менее, это возвращение представляется весьма плодотворным. Его дополнительные сильные аргументы — хеттск. *ḫartagga-*, нахождение довольно простого решения для загадки бругмановского «межзубного спиранта», вовлечение в круг описываемых фактов слав. **dlak-*, связывающего названия медведя и шерсти. — См. *cal-testisklokis*, **tlokis*, {**tlok-*}.

— Лит.: Thes. 1873, 74; Bezenberger *BB* 23, 1898, 314; Mikola *BB* 22, 1897, 244 сл.; Mél. Pedersen 1937, 412; *APSpr.* 360;

Brückner KZ 45, 1913, 103 сл.; KZ 46, 1914, 206—207; ZfslPh. 6, 1929, 304; Buga RSI. 6, 1913, 22 (=RR I, 515); KS 133 (=RR II, 157); Lietuva 1922, N 117 (=RR II, 384); Loewenthal AfslPh. 37, 1920, 385; WS 10, 1927, 195; Schulze SB Preuß. Ak. d. Wiss. 1921, 293 сл. (=Kl. Schr. 1933, 259); APON 66, 183, 216, 223, 234, 269, 273; Kienle WS 14, 1932, 62; ME 2, 435; SPV 195; Fraenkel IF 50, 1932, 165; LEW 384—385; Grünenthal ZfslPh 19, 1947, 245; Liewehr ZfslPh. 23, 1954, 106; ЭСР 4, 38; Szemerényi II. Fachtag. idg. Spr, 1962, 180—181, 191; Иванов, Топоров. Слав. языкозн. V съезд 1963, 139; Иванов ОПАС 1965, 32—34; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 18; Ambrazas Baltist. 3, 1967, 118; Stang Vgl. Gr. 8, 107; Kiparsky Donum balt. 1970, 260; Eckert Baltist. 8, 1972, 143; Hamp Glotta 54, 1976, 263; St. OP. 5, 620; Etim. Sloven. 1, 103; Słown Praszów. 3, 236; Пр. яз. III, 181—182. — [**klokis*, **klākis*; (**tlokis*, **tlākis?*)].

{*klok-ot-}, см. {*klok-}, *clokis*.

*klok-st-it-ij-}, см. {*klok-}.

{*klump- ?}, особый вид обуви, деревянные башмаки. — Для этой реконструкции существуют два основания: наличие соответствующей реалии (деревянных башмаков) в тех районах Вост. Пруссии, где еще звучала прусская речь (при этом существенно не только и не столько совпадение в пространстве, сколько во времени; во всяком случае с уверенностью можно говорить о XVI в. и, вероятно, части XVII в.), и неразрывная связь этого ареала с существенно более обширной зоной, в которой название деревянной обуви кодировалось элементами *klump-*, *klomp-*, *klamp-*. Формой-источником следует считать вост.-прусс.-нем. *klumpe*, *klompe* '(Holz)pantoffel' (из н.-нем. *klumpen* 'деревянная обувь', ср. голл. *klomp*, *klompschoen* 'башмак на деревянной подошве', *klompvoet* 'деформированная нога', ср. ср.-н.-нем. *klumpe* и т. д.), которое распространилось в вост.-балт. и слав. языки смежных ареалов (см. Alminauskas Germ. Lit. 1934, 69; Sehwers Spr. Unt. 1936, 52; Лаучюте LKK 16, 1975, 149; Слав. балт. тизм. 1982, 30—31; Взаимод. лингв. ареалов, 1980, 185). Ср. лит. *klūmpė*, *klūmpis*, *klūmbė*, *klūmbis* (LKŽ 6, 167, 169—170; Šiaur. ryt. dūn. žod. 143; LEW 275—276), лтш. *klūmpas*, *klumpe*, *klumbas*, *klumpis* (ME 2, 234—235; Erg.-Hf. 1, 622); польск. *klumpe* (август., сувалк.; Karłowicz Słown. gwar polsk., s. v.); *klampie*, *klompie*, *klompie*, *klumpe* (Sł. jęz. polsk. 2, 375); *klump*, *klump*, *klump'a*, *klumpi*, *klump'iki* (белост., мазов., сейн., тыкоц.; см. Gloger Pr. fil. 4, 1893; Kudzinowski Acta B.-sl. 1, 1964, 224; Zdancewicz LPosn. 8, 1960, 342; ср. его же Mater. dz. Sejn. 1963; Sprawozd. z prac. 1968, z. 3; Z polsk. stud. slaw., ser. 2, 1963 и др.); блр. *кльмпи*, *кльмпы*, *кльмбы*, *кльмбы*, *кльмбы*, *кльмбы*, *кльмпы*, *кльмпы*, *кльмпы*; *кльмба*, *кльмб*, *кльмп*; ср. также *кльмки* 'деревянные башмаки', рассматривающиеся как незакономерное изменение обычного слова для клумпов (ср. польск. *plompie*) (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 479—480; Краёвы слоўн. Маг. 228; Віцебскі слоўн., s. v.; Матэр. для слоўн. 31; Матэр. мінска-маладз. 81; Urbutis Baltist. 5, 1969, 61; Вяржбоўскі Белар.-літ. лекс. 1960,

458—460; Лаучюте LKK 16, 1975, 149; Гринавецкене и др. LKK 16, 1975, 178; ВЯ 1972, № 3, 102; БСЛ. Сб. 1972, 385 и др.); русск. диал. *кльмба*, *кльмпи* (СРНГ 13, 312; картотека Пск. обл. слов.; Немченко Уч. Зап. Лит., вып. 3: Языкознание. 1961, s. v. (Йонавск.) и др.). — Показательна география деревянной обуви, обозначаемой лексемой *klump-* и под.: в Литве в XVII—XIX вв. она была распространена на западе — в Жемайтии и частично в Занеманье (в противоположность лаптям — *vyžos* и кожаным постолом — *naginės*, см. Liet. ethnogr. bruož. 1964, 378—380), в Белоруссии — на сев.-зап., в Польше — на территории, прилегающей к балт. ареалу или бывшей некогда балтийской.

{*klump- ??}, ком (земли), глыба, кусок, клёцка (?). — Основания для реконструкции частичны и не вполне надежны. Строго говоря, они позволяют лишь поставить вопрос. Речь идет о вост.-прусс.-нем. *Klomp*, *Klōmp* (Pl. *Klompe*, *Klōmpe*) 'Клоф', 'Klöße', 'Erdklumpen' (Frischbier PW 1, 380; Ziesemer Preuß. Wb. s. v.), ср. н.-нем. *klump* 'куча' и т. п., голл. *klomp* 'глыба', 'ком', 'слиток', 'кусок' (но и 'деревянный башмак', 'толпа'); нем. *Klumpen* 'глыба', 'ком' и т. п. (характерно *Klumpfuß* об уродливо искривленной ступне, ср. лит. *klūmpbatis*). Заимствование этой лексики осуществилось в вост.-балт. языки. Ср. не только лтш. *klūmpis* 'ein Klump(en)' (ME. Erg.-Hf. 1, 622—623; Sehwers Spr. Unters. 52: из н.-нем. *klump*), но и в переносном значении о разного рода неуклюжести, бесформенности или дефектности — *klūmps* 'ungewandt', 'plump' (*klūmpi iet*), *klūmpis* 'ein ungeschickter Mensch', 'ein lahmes, unbrauchbares Pferd', *klūmpata*; *klūmbaks*; *klūmškis* 'Klumpen', *klūmzaks*, *klūmzāks* и т. п. (ME 2, 234—235; Erg.-Hf. 1, 622—623; ср. также лит. *klūmpė* 'свекла особого вида'; 'laisvoko elgesio moters pravardžiavimas', *klūmpinis*; *klūmbė* 'неровность, вздутие на лезвии косы', *klūmba* 'пун', *klūmbas* 'rakas' (?) (LKŽ 6, 166—167), *klūmbas* 'kuris klumba, klumpa' и т. п. Для понимания направления семантического развития существен и учет глаголов с корнем *klump-* (*klumb-*), которые, будучи исконно балтийскими, перебрасывают мостик, позволяющий, хотя бы в народно-этимологическом духе, связать заимствованное со своим (ср. прусск. *klumstinaĩ*, лит. *klūmpti*, *klūmptioti*, *klūmptinti* и т. п.; лтш. *klūmpračiūt* и др.). Характерно, что в немецких примерах (см. выше) это соединение двух семантических групп в ряде случаев осуществлено более радикально, чем в балт. Тем не менее, многое остается неясным.

clumpis 'лавка', 'скамеечка', 'стул' (см. ниже). Э 216 ('Stül'); в ряде обозначений частей жилого помещения и мебели *clumpis* открывает раздел слов для «сидений», ср. Э 217: *Creslan* 'Barkenstul', Э 218: *Sosto* 'Bank' и далее Э 219: *Stalis* 'Tuchs'. Nom. Sg. — Ближайшие (практически точные) соответствия — в южослав. Ср. ц.-слав. *кльпль* 'scamnum' (fem.). Menaeum Mihan. XVI в., 200 (Lex. PSGL 292, ср. EW 120; SEW 1, 524); ср. там же 191: *кльоупы* двѣ; лежаше просфоура на љединой клѣпи. Leont., XV в.; с.-хорв. *кльп*, Гер. *кльпи* (1475, сев.-чакавск., кайкавск.),

klūna 'скамья', 'скамейка', 'лавка' (Вук СР 276, с замечанием: «[у Хрв. у кршћана] vide *стативица*»; Rječn. JAZU 5, 91—92, Mažuranić Prinosi 507 и др.), *klōur* (Bednja), *klūnica* и т. п., *klūpaц*, *klūpnica*; *klūpina*, *klūpèрина*; словен. *klōp*, Gen. *klōpī*; *klōp* 'скамейка', 'лавка', *klōpca*, *klōpnica* и т. п. (Slov.-nem. sl., s. v.; Slovar sloven. jez., s. v.); макед. *klūna* 'скамейка' (Речн. на макед. јаз., s. v.; Макед. слов. 216); болг. *klūna* (юго-зап.) — из сербск. *klūna* (Бълг. етим. речн. 2, 475). В связи с южнослав. примерами сто́ит подчеркнуть особенность, небезразличную и для общего контекста прусск. *clumpis*. Прежде всего важно, что из всей Славии рефлекс **klōpъ* сосредоточены на относительно небольшой и замкнутой территории на юго-западе (чакавск. и кайкавск. хорватская и словенская территории прежде всего; уже часть сербских и македонских примеров выглядит менее убедительно). Переключка этих форм с прусск. *clumpis* оказывается, таким образом, еще одним звеном в довольно длинной цепи балто- (или даже исключительно прусско-) южнослав. параллелей (для более раннего периода ср. указанные Краз балто-адриатические (иллирийские) топонимические параллели). Поэтому отсутствие (или, точнее, неизвестность) следов **klōpъ* у славян на юге (в центре) и востоке Балкан, у зап. и вост. славян, строго говоря, не может быть поводом для особых сомнений. Разумеется, остается теоретически мыслимой предполагавшаяся Милевским Sl. Osc. 18, 1947, 32 возможность объяснения прусск. *clumpis* заимствованием «z prap. niezachowanego **klapъ*», которое в таком случае находилось бы в ряду других заимствований польских названий мебели и домашней утвари в прусском. Однако единственно правильной в таких, действительно, двусмысленных случаях должна быть методологическая презумпция независимости лексем, для которой никоим образом не обнаруживаются специальные аргументы в пользу заимствования (в данном случае можно было бы добавить, что и весь культурно-лингвистический балто-слав. контекст в этом ареале не доставляет каких-либо — даже косвенных — аргументов этого рода). Поэтому более оправдана точка зрения тех ученых, которые рассматривают прусск. *clumpis* и южнослав. **klōpъ* как независимые формы, продолжающие общий источник. Ср.: Pott BVS 6, 1868, 114; Thes. 1873, 75; APSpr. 360; BSW 137; Petersson AfslPh. 34, 1912—1913, 383—384; SPV 195; Arumaa Ursl. Gr. 1, 1964, 135; Etim. rječn. hrv. 2, 103; Levin SEEV 1974, 100 и др. — Очень существенно, что этот единый источник оказывается изолированным не только в пределах всего ареала и.-евр. языков, но и даже в пределах балто-слав. территории. Речь идет о специфической прусско-южнослав. (зап.) изоглоссе. Тем не менее, и для этой изолированной параллели обнаруживается соответствующий контекст, который позволяет вскрыть внутреннюю форму слова *clumpis* и, следовательно, установить ее основную этимологическую связь. Можно предполагать, что прусск. *clumpis* связано с балт. глаголом, обозначающим 'опускаться на колени', 'становиться на колени' и т. п. (см. Бълг.

етим. речн. 2, 475) и реконструируемым в виде **klup-: *klu-m-p-* (в частности, как основа Praes.) на основании как глагольных форм типа лит. *klūpti* (*klumpū*, *klupaū*) 'спотыкаться', 'запинаться', 'падать на колени' и т. п., *klāpčioti*, *klāpėti*, *klūpoti* и т. п., *klaūpti* 'становиться на колени'; лтш. *klupt* 'спотыкаться', 'оступаться', *klupināt*, *klaupāt* и т. п., так и ряда именных образований, начиная с прусск. *klupstis* 'колени', лит. *klupūs* 'спотыкающийся', *klāpotis* 'на коленях', *klūpiniu*, лтш. *klupšis*, *klupšus*, *klup(i)ņi(s)*, *klupu*, *klupurs* и т. д.; сюда же относятся и слав. продолжатели и.-евр. **kloup-*, **klūp-* и т. п., о которых см. *klupstis*. Сохранение носового инфикса в *clumpis* не должно удивлять ввиду ряда других примеров инфикса в именных образованиях как в балт., так и в слав. (ср. польск. *łęg*, *łęgowisko* и под.) языках. Но вместе с тем оно показательно с точки зрения относительной хронологии некоторых морфологических явлений в прусском. Связь *clumpis* с правдоподобно реконструируемым и для прусского языка глаголом **klup-: *klu-m-p-* бросает луч света и на самый характер реалии, скрывающейся за этим словом. По-видимому, в отличие от *creslan* и особенно от *sosto* слово *clumpis* обозначало что-то вроде низенькой скамеечки для того, чтобы стоять на ней на коленях, скорее всего, при совершении религиозного ритуала (поклонение тому или иному символу, молитва и т. п.). Поэтому можно думать, что *clumpis* (по крайней мере, первоначально) обозначало специфически ритуальный вид мебели-утвари, характерный, в частности, для церковного обихода или молебельного места (угла) в жилом доме (ср. широкое использование элемента со значением 'колени' в немецкой церковно-религиозной сфере: *Kniebeugung*, *kniefällig* и т. п.). Не исключено, что *clumpis* могло означать нечто подобное нем. *Kirchenbank* или *Betstuhl*, скамейку для коленипреклонений в церкви. Хотя бы отчасти, это предположение может быть подкреплено такими примерами, как лит. *klaūptas* 'лавка', 'скамейка' (в церкви), ср. *klaūpti* 'становиться на колени', особенно часто как *terminus technicus* (ср.: *Klaupės meldžias ans*; *Reik klaupusys* (= *atsiklaupus*, в оргин. — *klaupuses*) *statyti save akysu Pono Dievo* [Pabrėžal; *Visi klaupės dangui, žemėj ir pekloj. Daukš. Post. 226* [ср. 56, 148]; *Kai jis mirė, nieks nei poterių kalbėt nē klaupė* и др.; ср. LKŽ 5, 974—975; у Ширвида Pirm. žod. 105, 106; у Даукши Index Daukš. 1, 370, 375 и др.); там же (974) дается следующее определение *klaūptas*: «*suolas bažnyčioje atsiklaupiti ir sėdėti*» (ср. пример из А. Виенуолиса: *Įgai klupojo savo brangiū kilimū dengtame atsivežtame klaupite ir meldėsi*), ср. также *klauptà*, *klaupte*. Характерны примеры притяжения между балт. *klaup-* и слав. названиями лавки (ср. блр. *лаўка*, польск. *ławka* и т. п.), в частности, попавшими как заимствование и в литовский. Таково гибридное лит. *klaupkà* (*klāupka*), синонимичное *klaūptas*. Ср., напр.: *Bažnyčioj visa Budrių šeimyna susėdo nuosavion klaupkōn. Vienuolis; Giedotojai ir giedotojos, į klaupkās susėdę,*

giedojo pakarčiui gražiai. Valanč. и т. п. (LKŽ 5, 974: для *klaupkà* отмечено и еще одно значение — «koks pors padėklas po keliais klaupiantis»). В диалектной речи выступает и вариант с упрощенными анлаутом и инлаутом — *lauka*, ср.: *laukoj* (= *klaupkoj*) *sedī ponia*. Taut. darb. 4, 1938, № 625 (вильнюсск.), см. LEW 276; LKŽD 123 и др. — См. *klupstis*.

— Лит.: Pott BVS 6, 1868, 114; Thes 1873, 75; SEW 1, 524; APSpr. 360; BSW 137; Petersson AfslPh. 34, 1912—1913, 383—384; Benveniste St. balt. 2, 1932, 83; SPV 195; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 32; Arumaa Ursl. Gr. 1, 135; Etim. rječn. hrv. 2, 103; Levin SEEV 1974, 100; St. OP 10, 119; Българ. етим. речн. 2, 475. — [**klumpis*].

klumstinai 'стучать' (I g). К III, 73, 26 (...etwerreis stan wartin...stesmu kas stwi, klumsti nai... '...öffne die Thür... dem der da an klopfet...'). 3. Sg. Praes.; — *klumstinaitai*. К III, 73, 20 (...klumstinaitai tijt wirst ioumus etwiriuns '...Klopfet an so wirdt euch auffgethan'). 2. Pl. Imper. — К грамматической информации см. Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 371 (*klumstinai* < **klumstināja* < **klumstinā(i)t*); Stang Vgl. Gr. 350, 409 (к флексии *-tai*); Schmalstieg BL 1970, 141; OP 187; St. OP 8, 051; 8, 115. — Соображения относительно этимологии этого слова пока носят лишь приблизительный характер. Распространение получила точка зрения Нессельмана Thes. 1873, 75, развитая позже Бугой Aist. Stud. 1908, 114, полагавшим, что раньше между *m* и *s* находился звук *b* и что, следовательно, *klumstinai* сопоставимо с лит. *klambėnti* 'стучать'. Эндзелин SPV 195 привел в качестве параллели форму *klumbenti* (точнее — *klumbenu*; ср. *Klumbenu ing duris*, 16, ср. 111. Pirm. žod.), в которой можно предполагать вост.-аукшт. *um* < *am*; в то же время глаголы *klumbinėti*, *klumpinėti* отмечены и у Юшкевича Лит. сл. (ср. *klumbinti*: Kiék aš duralās klumbinā ū dēl' tavī. TK 3, 1925, 454, № 202: Kupiškis). Более перспективным представляется, однако, сближение прусск. слова с литовскими глаголами с корнем *klump-*, предлагаемое Френкелем LEW 276 (ср., впрочем, 262—263) и Шмальштигом OP 187: лит. *klūpti* 'тяжело идти', *klūnpti* 'спотыкаться', *klumpuoti*, *klūnptinti* 'медленно идти', *klumpinėti* и т. п. Различия в значениях между *klumstinai* и этими литовскими глаголами не могут считаться серьезным аргументом против этих сближений, учитывая экспрессивный характер всех этих слов. Тем не менее, в настоящее время можно не только предложить реконструкцию прусской глагольной формы в виде **klump-st-in-*, но и аргументировать эту реконструкцию формально и семантически более близкими примерами. Речь идет о сигматических формах, обозначающих стук, шум, удары и т. п. Ср. лит. *klump-sėti* 'прохаживаться, будучи обутом в клумпы и производя шум'; 'шуметь', 'стучать' (клубами) в таких фразах, как: *Kažkas už durų klūmrsi* (ср.: 'стучать за дверью' → 'стучать в дверь', микроситуация, восстанавливаемая по прусским фразам) или *Per garsiai klumpėmis klūmrsi* (LKŽ 6, 172: figura etymologica); *klumpsint*

eiti; *klūnšinti*, о затрудненной тяжелой, неуклюжей, с шумом походке, *klūmšti*; *klūmsėti* 'стучать' (клубами) и др., ср. 6, 173—174 (: *klūmpinti* 'бить', 'стучать', 6, 171; ср. лтш. *klūnpračiūt*, о нестандартной походке). — Существен учет и некоторых близких глаголов со сходной структурой. К ним относятся, напр., лит. *klunksėti* 'стучать' и т. п. (ср.: Jonai, nueik pažiūrėti, kas ten klūmrsi už durų. 6, 174—при už durų klūmrsi, см. выше), как бы соединяющее *klūnkti*, *klūnkyti* 'бить', 'ломать' и т. п. с *klumpsėti* (ср. также нем. *klunkern*). Здесь же уместно упомянуть лтш. *klūnksēt*, *klūnksēt*, *klūnkskēt*, *klūnksēt*, *klūnksēt*, 'глотать', 'булькать', 'болтаться', 'плескаться' и особенно *klūnksināt*, *klūnkskināt*, *klunksināt*, factit. к *klunkstēt* (ME 2, 235—236; Erg.-Hf. 623; Erg'em. izl. vārdn. 2, 97—98; Aknīst. izl. 245: *klūnksystinoāt* и т. п.), как бы образующие формально точную параллель и прусск. **klum(p)stin-*. Впрочем, в обоих вост.-балт. языках отмечены варианты этого глагола и с иным вокализмом. Ср. лит. *klanksėti*, *klanksoti* (LKŽ 5, 960) и лтш. *klānkskēt*, *klankšēt*, *klankstēt*; *klānkskināt*, *klānksināt* (ME 2, 213). Параллелизм балт. *klump-*: *klunk-* косвенным образом подкрепляется и семантикой нем. *klunk-* (слова с этим корнем нередко переводят некоторые из балт. примеров, приведенных выше), совмещающего обозначение болтания, бульканья и т. п. и чего-то сгущенного, комообразного и т. п. (ср. *Klunker* при *Klumpen*); ср. также блр. «литuanизм» *кльўнкі* 'деревянные башмаки' при *кльўны*, лит. *klūmpės*. Балт. формы с вокализмом *a* (нередко без инфикса) и без элемента *-s-* типа лит. *klabėti* 'стучать', 'брякать', 'щелкать', *klabėnti*, *klābinti*, *klēbti* (*klembū*); лтш. *klabēt* 'стучать', *klabināt* и т. п. (но и лит. *klambėnti*, лтш. *klāmbāt*, *klāmbuūt* и др.), естественно, отстоят дальше от форм, соответствующих прусск. *klumstinai*, но важны как отдаленный фон, который время от времени актуализируется, откликаясь на причудливую игру указанных нерегулярных форм. В еще более отдаленной перспективе определенную роль играют глаголы типа лит. *klūpti*, *klāūpti*, лтш. *klupt*, слав. **klypati*, может быть, и **xļebati*, о чем см. *klupstis*.

— Лит.: Pierson AM 7, 1870, 592; Thes. 1873, 75; APSpr. 360; Būga Aist. Stud. 1908, 114; SPV 195; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 371; LEW 263, 276; Vgl. Gr. 350, 409; Schmalstieg BL 1970, 141; OP 187; St. OP 8, 051; 8, 115. — [**klumstinai*, **klumstina*; **klumstinaitai*, **klumstinaitē*].

klumstinaitai, см. *klumstinai*.

{**klup-*}, ср. *Clupien*, 1328; *Clopien*, 1328, позже — *Klopchen* (APON 66: «aus dem -chen geht hervor, daß das Suff. -ij-, nicht -in- im Preußischen vorlag»). — В этой связи Брауэр Pruf. Siedl. 21—22 указывает на *Klobschin*, название деревни вблизи Турмберга (Манесewo), к-зап. от Вислы. В грамоте герцога Мествина 1284 г. она называется *Clobucino*. Брауэр считает, что родство между *Clobucin* и *Clopien*, между *Klobschin* и *Klopchen* «ist... nicht unwahrscheinlich». — Вост.-балт. параллели малочисленны и, главное, далеки от надежности. Ср. лтш. *Klupis* (LV I, 2, 109; лит. *Klupių*

km., с оговоркой — «если -ā-», но лит. *Klūpė, Klūpys* (?) (LUEV 76). — Реконструируется {**klup-ij-*},

{**klup-ij-*}, см. {**klup-*}.

klupstis 'колени'. Э 140 ('Кпу'), в характерном ряду — Э 138: *Culczy* 'Huffe', Э 139: *Slaunis* 'Dy', Э 141: *Aulis* 'Schene', Э 142: *Yccroy* 'Wade', Э 143: *Kulnis* 'Enkel', Э 144: *Knnchel* 'Gelenke'. Nom. Sg. — Идеально точная параллель — лит. *klūpstis* 'колени', по странной случайности долго игнорируемая исследователями (впервые ее отметил Буга ИОРЯС 17, 1912, 32). Ср. такие примеры, как: *Sėdi, rankas susidėjęs an klūpsčią ir nuleidęs galvą žemyn; Suspaudė jo (scil. žirgo) šonus klūpsčiais — ir šoko žirgas per laukus* (оба примера из Криве); *Susigurinau klūpstį — slidu buvo; Jo buvo linkusi koja per klūpstį; Sėsk ant klūpsčią — pasupsiu; Jau net klūpsčiai nutirpo beklūpaunant; Kieme buvo purvyno iki klūpsčio; Atsiklaupė ant klūpsčią; Jau rugeliai klūpstin...; Ot gryna (nuplikusi) galva, kaip klūpstis и т. п.* (LKŽ 6, 181—182). Не менее интересно, что из довольно значительного числа примеров лишь два (Шяуляйск. и Рокишкск. р.-ны) не относятся к четко очерченному району южной Литвы (Варена, Алитус, Лаздияй, Вейсенай, Даугай, Эйшишкес) и смежным районам Гродненской обл. (Армонишкес, Ноля, Родуне-Радунь, Пеляса). Наличие *klūpstis* в художественных произведениях Криве не менее показательно. На тот же ареал указывает и *klūpstas* 'колени' — Марцинконис, Друскининки (Aš kosčiu, o jis su klūpstais ant manė; Pavasari vandeni būna palei klūpstais 6, 181). В меньшей степени аналогичная тенденция прослеживается и в других словах этого же корня, ср.: *klupstinais, klupstōn, klupstomīs, klupstūkas, klūpsčias, -iā, klūpsčias, -iā, klūpsčias, -iā, klūpsčias, -iā, klūpsčiā-vimas, klūpsčiōm, klūpsčiōmīs, klūpsčiōms, klūpsčiōm, klūpsčiōnīs, klūpsčiōms*; [ср. еще *kelklupstas* 'ползающий на коленях', «ant kelių atsiklaupęs», *kėlklupstas* Adj.; *kėlklupstu, kėlklupstiu, kėlklupsta, kėlklupstia, kėlklupstais, kėlklupstiais*. Adv.; *kėlklupstėuoti, kėliaklupstėuoti, kėliaklupstėauti, kėliaklupstėoti*; ср. также *kėliaklupstas, kėliaklupstis, kėliaklupstias, kėliaklupsta, kėliaklupstais, kėliaklupstom, kėliaklupstias, kėliaklupstiais* и др. LKŽ 5, 509, 522, предполагающие конструкцию типа **kel-* & **klup-* 'на колени становится (бросаться, падать)'], а также построенные на их основе глаголы типа *klūpsčiūoti, klūpsčiōti, klūpsčiōti, klūpsčiokūoti, klūpsčiūoti* и даже гибридного *klupstavoti* из Радунь (ср. *Ko tu klupstavoji prieš jį?*), см. LKŽ 6, 181—182; вместе с тем стоит обратить внимание на отсутствие следов *klupst-* в белорусских говорах тех мест, где бытуют литовские слова этого корня (ср. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2; LKK 16, 1975, 178—179 и др.). Указанные литовские слова, как и другие варианты **klup-* с элементом *-s-* (ср. *klūpsnis, klūpsniu*, 6, 181), в свою очередь соотносятся с лит. *klūpti* 'спотыкаться', 'запинаться', 'оступаться', но и 'падать на колени', 'склоняться'

(ср. *Klupo žirgas ant kojelių, puolė berno kepurėlė. Krivė; Arklys klūpo ant visų keturių kojų ir krito negyvas* и др. LKŽ 6, 182—185; здесь же указаны и другие значения *klūpti*), *klūpinėti, klūpinūoti, klūpčioti, klūpoti, klūpėti, klūptelėti, klūpterėti, klūpjti, klūpdyti, klūpt!* и т. п., в которых также обнаруживается значение 'становиться (падать) на колени' как частный вариант общей идеи затрудненного движения, спотыкания, непрямого хода (о *klūpti* см. статью *clumpis*). Латышские примеры освещают лишь дальнюю перспективу: *klūpt* 'спотыкаться', 'оступаться'; 'падать', 'заблуждаться' и т. п. (характерны, однако, примеры, в которых этот глагол используется в образных выражениях, имеющих точное соответствие в литовском, ср.: *zīgam četras kājas, tomēr klūp*, и т. п.), *klūpināt, klūpinēt, klūpernot* и т. п. Ср. *klūpiņu, klūpiņus, klūpņus, klūpšis, klūpšu (s); klūpiēns, klūpi, klūpām, klūpus; klūpurs; klūpeniski, klūpīgs* и др. (ME 2, 236; Erg.-Hf. 1, 623—624); при этом изредка отдельные из этих слов входят в контексты, где можно говорить о значении 'падать на колени' (ср. II *klūpiņu*). Иная огласовка корня отмечается в лтш. *klūpāt* (ME 2, 216). Слав. параллели к прусск. *klupstis* поучительны, хотя они недостаточно собраны и не вполне корректно интерпретируются. Во всяком случае существенно отметить наличие двух важных признаков корня **klup-* в слав.: значение 'нога' и под- и элемент *-s-* как расширитель корня. Что касается первого, ср. русск. диал. *кльпа* 'нога' (*Ты что же это куда кльпы заворотил!*), 'неуклюжая нога', 'худая нога', 'грязная нога' (бранн.), но и 'рука' (*Уж ты своими кльпами не трогай: раздавишь или сломаешь*); ср. также *кльпа* 'курица' (СРНГ 13, 316); блр. *кльба* 'нога' (*Кльбу пацтавіў, каб я ўпаў?*). Дыял. слоўн. Зэльв. 80 (ср. *кльбаты* 'кльшаногі', *кльбач* и т. п.); сюда же относится и междометие *кльп, кльп-кльп* 'хром-хром' (СРНГ 13, 316, ср.: *Плохо с раненой ногой, потиху кой як кльп-кльп, а шибко не могу*. Смол.), а также соответствующий глагол русск. *кльпáть* 'идти прихрамывая', 'ковылять', 'идти очень медленно' (Даль; СРНГ 13, 316; ЭСР 2, 256); блр. *кльпаць* 'кльгаць' (ср.: *Стары кльпай а паўўху кал'а хаты*. Матэр. Гродз. 233), *кльпаць* (Тлум. слоўн. блр.: 2, 702), *кльбаць, кльмбаць, кльпаць* (*Карова да цялення кльпала на пярэдняю нагу; Кльбая кльбаты; Яна кльмба я па хаце* и др. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 482—483), ср. *кльпáты, кльбаты, кльбач, кльбзўн; кльпáвы, кльпша*, Жыв. слова 1978, 24 и т. п. (варианты *klub-:klup-* известны и балт.). Второй существенный признак (*-s-*) при корне **klup-/*klub-* отмечен в целом ряде образований, которые, однако, передают грудну *-ps-*, *-bs-* в упрощенном (как и следует ожидать) виде. Сюда относятся блр. *кльхаць*, 'кльгаць' (ср. *Кльхал'и стары з бабайу*. Матэр. Гродз. 233); русск. диал. *кльхать* 'учащенно биться' (о сердце), очевидно, из **klūpsati*. Вместе с тем можно, видимо, говорить и о слав. продолжениях, таких и.-евр. форм, как **kleups-*, **kloups-*. Первая из них лежит в основе праслав. **kl'usati*: ср. с.-хорв. *кльјсати* 'бе-

жать рысью', словен. *kljúsati* 'семенить', болг. *кљосам* 'загонять в капкан (западню)'; чешск. *klusati* 'бежать рысью', словц. *klusat'* (ср. *kôň klusá, klusavý kôň*), в.-луж. *klusac'*, польск. *klusować*; русск. *кљосать* «ездить, двигаться не прямым путем, отклоняясь в стороны, колесить» (*Долго к л ю с а л и — едва доехали.* СРНГ 13, 322), *кљосить* 'моросить' (о дожде), т. е. итти потихоньку, не прямо и т. п. (см. Machek Sborn. filos. fak. brn. 1, 83; SEP 2, 244; Etym. sl. č. 261; Българ. етим. речн. 2, 487; Etim. gječn. hrv. 2, 106 и др.). Сюда же относятся и продолжения праслав. **kl'usę*, обычно — 'жеребенок', 'плохая лошадь с особой манерой бежать' и т. п. Ср. ст.-слав. *кљоса* ὑποβύτιον, болг. *кљосѐ*, с.-хорв. *кљўсе*, словен. *kljūse, kljūsa*; чеш. *klise* (*klisna* 'кобыла'), словц. диал. *klusa*, ст.-польск. *klusie* (*klusac'*), кашуб. *klusq* 'dziecko zaniębane', *klusa* 'kobięta brudna, niechlujna' (Sychta 2, 172), словин.-помор. *klūsa* 'лошадь'; др.-русс. *кљося* (Матер. др.-русс. яз. I, 1230—1231; Слов. р. яз. XI—XVII вв. 7, 182—183). Того же происхождения слав. обозначения западни (ср. балт. **klup-* 'падать') типа с.-хорв. *кљуса*, болг. *кљоса* (см. Българ. етим. речн. 2, 485—486; Etim. gječn. hrv. 2, 105—106). Любопытно, что в некоторых экспрессивных формах можно предполагать сохранение следов *-p-* в группе *-ps-*; ср. болг. *кљўпса* (правда, это *p* иногда объясняют влиянием слова *кљўпка*, см. Българ. етим. речн. 2, 485, 486), *кљўцка*, *кљўкса* или русск. диал. *кљўксать* 'идти кружным путем, блуждать' и т. п. (СРНГ 13, 321); впрочем, в слав. языках известны и формы с *p*, но без *s* (ср. польск. диал. *klupic* (*się*), см. SEP 2, 244, и др.). Вторая форма **kloups-* также лежит в основе ряда слав. примеров. Прежде всего она объясняет (впрочем, не единственным образом) укр. *кљусувати* 'гнать рысью' (ср.: *К л у с у е коня*), *кљус* 'рысь' (*Кони біжать к л у с а /к л у с о м/*). Слов. укр. 2, 253 (ожидалось бы, судя по слав. параллелям, **кљусувати*, **кљус*); ср. русск. диал. *кљўсом* 'рысью' (СРНГ 13, 314); польск. *ktus, ktusac', ktusować* (ср. *ktusak*), см. SEJP 238; SEP 2, s. v. Otrębski LPosn. 1, 1949, 136 (ср. о соотношении польск. *ktus* и лит. *klušinėti*). Кроме того, отражение этой формы можно предполагать в не до конца ясных русск. диал. *кљўсить*, известном в целом ряде значений — 'веселить', 'потешать', 'чудить', 'паясничать', 'проказничать', 'шалить'; 'наряжаться странным образом', *кљўсничать*, *кљус* 'шут', 'клоун', *кљўсник*, то же, *кљўсно* 'странно' (СРНГ 13, 313), для которых разнообразие значений могло мотивироваться общей идеей отклонения от нормы — искривления, непрямого движения, падения и т. п. (ср. 'кривляться', 'ломаться' и т. п. в контексте значений **klups-/kloups-*). — Соответствия прусск. *klupstis* в других и.-евр. языках отстоят от вост.-балт. и слав. примеров на очень значительную дистанцию; в частности, они не обозначают колено, ногу или какую-нибудь другую соотносимую с ними часть тела и, как правило, лишены расширителя корня *-s-*. Наиболее интересны герм. примеры — готск. *hlaupan*, реконструируемое по Part. Praes. *us-hlaupands* (Mc. 10, 50), которым переводится ἀναπηδήσας

греческого текста; др.-англ. *ā-hlēapan* 'вскакивать', а также бесприставочные глаголы: др.-исл. *hlaupa*, др.-англ. *hlēapan* (англ. *leap*), др.-фризск. *hlāpa*, др.-сакс. *hlōpan*, др.-в.-нем. *hloufan, loufan*, нем. *laufen* (их этимология признается неизвестной, ср. Vgl. Wb. d. got. Spr. 532—533), но и н.-в.-нем. *holpern* 'спотыкаться', диал. *holpeln, hülpen*, ср. *holpel* 'неловкий человек', которые обычно возводятся к и.-евр. **kūelp-*, **kūelb-*: **kūlp-/b-*: **klup-/b-* (см. Pok. 1, 630; кстати, для прусск. *klupstis* Шефтеловиц KZ 53, 1925, 257 предполагал п.-евр. *al > lu*), причем предпочтение отдается вариантам с согласным *b*. Сопоставление этих форм с балт. *klup-/klub-*, а иногда и с соответствующими слав. формами ср. Kluge EWD, s. v.; Zupitza Germ. Gutt. 118 и сл., 145; BSW 137; Osten—Sacken AfslPh. 32, 1911, 330; LEW 276 и др. Несомненно, это сопоставление должно быть предпочтено сравнению с лит. *šlūbas, šlūmas, šlaunīs* и т. п., предлагавшемуся Гофманом Festschr. Fick. 1903, 51; Петерсоном IF 35, 1915, 268 и сл. и др., и к нему может быть добавлено еще др.-греч. *κάλπη* 'конная рысь' (ср. *καλπίζω*), для которого предполагают как источник форму **kūlpā*. Каковы бы ни были сложности в объяснении деталей соотношения герм. примеров с балт., они, нужно думать, не затрагивают и не подрывают самой основы этого сопоставления, во-первых, и не касаются, как иногда думают («Doch weder die Bed. 'knien' noch 'hinken' lässt sich mit der Bed. 'laufen' vereinigen»). Vgl. Wb. d. got. Spr. 533), семантической сферы, во-вторых. Во всяком случае слав. **kl'usati* 'бежать рысью' выступает как тот соединительный в семантическом пространстве элемент, который содержит и значение 'бежать' (ср. нем. *laufen* и другие герм. примеры) и значение 'спотыкаться' (ср. лит. *klūpti* и т. п.). Дело в том, что рысь представляет собой (особенно в утрированном исполнении) с п о т ы к л и в ы й (ср. лит. *klūpti* 'спотыкаться') аллюр, что зависит от «припадающего» эффекта, производимого перекрестной работой ног (левая передняя — правая задняя в первом такте, правая передняя — левая задняя во втором — и т. д.). Хотя признается, что *И на добра коня бывает с п о т ы ч к а и Без с п о т ы ч к и и конь не пробежит*, все-таки особенно ценится лошадь без спотычки (даже если она не бежит рысью): *Не р ы с и с т а, да без спотычки* (Даль 4, 463), откуда — 'рысистый' & 'спотыкливый'. — Известны попытки сопоставления с балт. *klup-* (в частности, и с прусск. *klupstis*) др.-греч. *κόλπος* 'грудь', 'лоно', 'чрево', 'утроба', 'пазуха', 'складка', 'залив' и т. п. (см. Зольмсен РФВ 49, 1901, 48; Güntert WS 11, 1928, 137—138: **kūelp-*: **kūolp-*). Ср., однако, GEW 1, 905 (**xFóλπος*: др.-зап.-сев. *holfinn* 'gewölbt', *huelfa, hualf*, др.-англ. *hwealf*, др.-в.-нем. (*h*)*welben*, нем. *wölben, Gewölbe* и т. п.); Dict. etym., s. v.; WP 1, 474; Pok. 1, 630 и др. Как бы то ни было, учет тех форм и.-евр. языков, которые восходят не к основе II (как балт. *klup-*, *klaupt-*), а к основе I (и.-евр. **kūelp-/b-*: **kūolp-/b-*), по Бенвенисту, существует уже в силу того, что именно эта последняя отражена в другом прусском слове того же корня *po-quelhton*, переводящем *kniendt*

немецкого текста; эта же основа отражена в нем. *holpern* и т. п. Наконец, в игру могут входить и инфигированные варианты того же корня (ср. соотношение *klupstis* и *clumpis*, правда, со знаком вопроса, в SEEV 100). — Ареальные характеристики ближайших соответствий прусск. *klupstis* отличаются высокой степенью диагностичности.

— Л и т.: Thes. 1873, 75; APSpr. 360; BSW 137; Буга ИОРЯС 17, 1912, 32 (=RR I, 367); Scheftelowitz KZ 53, 1925, 257; Güntert WS 11, 1928, 138; ME 2, 236; SPV 195; Specht KZ 68, 1941, 123; Urspr. 1947, 225; ЭСР 2, 256; LEW 276; OP 181; St. OP 10. 119; Levin SEEV 1974, 100. — [**klupstis*].

{**klus-*}, ср. Nom. progr. *Clusite*; *Clussyte*, 1337 (SU 225); *Clusite*, 1327 (SU 165); *Clussitte*; *Klusite*, 1391; — *Clussenne* (APN 46—47). — Реконструируются {**klus-it-*} и {**klus-en-*}. — Форма *Klus-* соотносима морфологически с формой *Klaus-*, отраженной как в Nom. progr., так и в топонимии прусской территории. — Ср., м. б., лтш. *Peter Klutzyth*, 1508 (LPV 193) (?), а также мазурск. *Klusy*, *Kluskie Jezioro* (Słown. nazw. Mazur. II, 33—34; в более ранних источниках — *Claus*, 1595 [Hennenberg Von den See' en. . . II, 9], *Clausen*, 1748 [Lucanus, Preuss. uralt. II — 1, 96]; ср. также Kętrzyński O ludn. polsk. Prus. 1882, 479); *Klusy (Klaussen)*, *Klusajny (Klutshagen)* и др. (Słown. nazw. geogr. PZP 1, 128); ряд названий типа *Clusowo* 1506 (AKH VI, 131=Nazwy Północn. Maz. 214) сюда не относится, т. к. они образованы от Nom. progr. *Klusz* (из *Kluk* или *Kluka*); о ст.-польск. именах типа *Kłus*, *Kłusek*, *Kłusowa*, *Kłusowski* и т. п. см. Słown. starop. nazw III, 1, 21 сл., 27 сл. — Из вост.-балт. соответствий ср. Nom. progr. лит. *Klusas* (-is?), *Klušewna*; *Klūsas*, *Klusaitis*, *Klusėvičius*, *Klusinskas* (Liet. antrop. 157, 235), откуда и *Klusaī* (LATSŽ 138); *Klūsgiris* (LUEV 76; Liet. hidr. 246, 256). Ср. также лтш. *Klusu-purvs*, *Klusum-lauks*; *Klūsais-atvars*, *Klūsais-celiņš* (-ceļš), *Klūsais-kakts*, *Klūsais-kalns*, *Klūsais-purvs* (LV I, 2, 109). Показательно куршск. личное имя *Bartell Kluss*, 1540—1542 (KF 295); напротив, двусмысленны Nom. progr. типа *Closvne*, 1355—1362, поскольку *o* может отражать как *u*, так и *au*. Блр. *Клус*, *Клусов* сопоставляется Бирилой Белар. антрап. 2, 207 с русск. *крус* 'паяц', 'шут', 'клоун'; укр. *крус* 'рысь' (аллюр), что представляется далеко не очевидным. — Видимо, к балт. **klus-*, отраженному в лит. *klūsas*, *klūsti* и т. п. — См. {**klaus-*}.

{**klus-en-*}, см. {**klus-*}.

{**klus-it-*}, см. {**klus-*}.

klusmai, см. *poklusmai*.

klusman, см. *poklusman*.

klusmingi, см. *poklusmingi*.

klusmingiskan, см. *poklusmingiskan*.

{**klut-*}, ср. *Cluteyne*, 1386, позже — *Klotainen* (APON 67); — *Klutein*, campus, *Kluttein*, *Klotainen villa*, нем. *Goldberg*. Mon. hist. Warm. (Thes. 75); *das Gut Klotainen*. — Восстанавливается {**klut-*

ein- (*ain-*)?). — Ср. лит. *Klūtupis* (LUEV 76; Liet. hidr. 254) — Не ясно.

{**klut-ein-* (*ain-*)?}, см. {**klut-*}.

{**knaip-*?}, ср. Nom. progr. *Knaupan*, 1297 (=Md. 173, nach ihm h. *Knopen*); — *Knaupe*, но и *Knawpe*, 1427 (APN 47). — Хотя некоторые примеры конкретной фиксации этого имени в орденских документах могут дать повод для предположения о существовании корня **knaip-*, все-таки целесообразно попытаться отстоять форму **knaip-*. Не исключено, что она представляет собой вариант с вокализмом *a* (полная ступень) от корня **knip-*, употребляемого в ряде названий. Ср. лит. *Knipai*, *Knipiškės* (LATSŽ 138); *Knipiškių ežerėlis*, *Knipava* (LUEV 76; Liet. hidr. 103, 262) при Nom. progr. *Knipas*, ср. также *knipava* 'множество' (LKŽ 6, 247); лтш. *Knipis*; *Knipenes-purvs*; *Knipele*, *Knipeles-kalns*, *Knipeļu-dambis*; *Knipu-dārzs*; *Knipuškas*; *Knipska*, pl., tilts; *Knipste*; *Knipluōki*, *Knip-luoku-kalns*, *Knip-luoku-strauts* (LV I, 2, 112—113) при фамилии *Knips*. Ср. в связи с **knip-* также лит. *Knūpava* при лтш. *Knīpa*, *Knīpas*, *Knīps* pl., *Knīps-kalns*, *Knīps-purvs*, *Knīp-upē*; *Knīpene upīte*, *Knīpene(s)* pl., *Knīpēns*, *Knīpēna-birze*, *Knīpēni* (LV I, 2, 113). Элемент *knip-* отмечен в польск. *Knipy* (Słown. nazw. geogr. PZP 1, 130) при нем. *Knipstein* (ср. *Kniprode Fliess* Słown. nazw. Mazur. II, 189). — Сходные отношения аблаутных вариантов отмечены в лтш. *knaipīt* (ср. *knaibīt*): *knīpēt*, ср. *ie-kniept* и под., или в лит. *knaip-tis* (ср. *knaibtis*): *knūpti*, ср. *kniēpti*, а также в вариантах, где вместо *p* выступает *b* (см. LEW 277—278; ME 2, 242, 848). С ними, видимо, связаны и такие примеры, как др.-греч. *κνίψ* 'фиговый червец', *κνίπο-λόγος* 'дятел', *κνίπος* 'скупой', *κνίπειν* и т. п. (GEW 885—886); нем. *kneifen*, англ. *knife* и т. п. Несомненно, сюда же нужно присоединить и русск. диал. *гнепт́иться* 'скупиться', 'жадничать', ср. *гнѣпа*, *гнепт́ун*, *гнепт́уха* (СРНГ 6, 239), из **gnaip-* (или **gnaib-*), ср. лит. *gnáibyti*, *gnýbti* и т. п. — Блр. *кніпаць* (Слоўн. белар. паўн. зах. 2, 491) — из литовск.

knaistis 'головешка'. Э 36 ('Brant'), в ряду — Э 33: *Panno* 'Vüer', Э 34: *Anglis* 'Kole' Э 35; *Soanxti* 'Vuncke', Э 37: *Pelanne* 'Assche', Э 38: *Plieynis* 'Stopassche', Э 39: *Dumis* 'Rouch', где все лексемы связаны с печью и ее топкой. Nom. Sg. — К значению: возможно, что *knaistis* обозначало не только «brennendes Scheit» (Heyne DWb. II, 294), но и т. наз. «жар», 'тлеющий уголь, загребаемый в загниеток'; однако *knaistis* не значило 'пожар', как иногда переводят, исходя из нем. *Brand*. — Уже давно был указан круг герм. и слав. параллелей к этому прусск. слову и, если Эндзелин SPV 195 охарактеризовал это слово как «не имеющее надежной этимологии», то это объясняется прежде всего двумя обстоятельствами: взаимосключаемостью ряда примеров, которые порознь, казалось бы, неплохо соответствуют прусск. *knaistis*, и неясностью семантической мотивировки прусск. слова. К ним следует присоединить и третье — невин-

мание к внутрибалтийским соответствиям, объясняемое семантическим разрывом между *knaistis* и родственными ему словами в вост.-балт. Поэтому целесообразно начинать именно с вост.-балт. фактов, среди которых как раз и обнаруживаются ближайшие параллели (о семантическом аспекте связи см. ниже). Точное соответствие прусск. *knaistis* представляет собой лит. *knaistės* (LKŽ 6, 196), синонимичное слову того же корня *knaisai*, т. е. 'то, что вырыто, изрыто, разрыто'. Преимущество литовских примеров в том, что они позволяют привлечь к сравнению и соответствующий фрагмент глагольных форм. Ср., в частности, лит. *knaisyti*, *knaisioti* 'изрывать', 'разрывать' (ср. блр. литуанизм *кнэйсаць* 'трясти', 'рвать'. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 491), *knaisinėti*, *knaiselioti*, *knaisalioti*, *knaislioti*, *knisti* 'рыть' и т. п.; *kniēsti* 'царапать', 'скрести', 'щекотать', 'раздражать'; 'озабочивать', 'лежать на сердце'; *knietėti* 'щекотать', 'зудеть', 'скрести'; 'озабочивать'; *knitėti*; *kneītōtis* 'ковырять', 'колупать' и т. п.; *knystėti* 'dungsėti', 'knitėti', *knýsoti* и др.; лтш. *knaisīt* 'рыть', 'рыться', 'копать'; *knist* 'произрастать', 'пускать ростки'; *knīest* 'зудеть', 'чесаться' и т. п.; *kniētēt* 'свербеть', 'зудеть'; 'произрастать', 'пускать ростки' и т. п.; *knitēt* 'mit dem Maurerpinsel anstreichen, wissen'; *knitināt* 'проращивать' и др. Эти глагольные образования не только фиксируют разные виды огласовки корня (*ai*, *ei*, *ie*, *i*), но и — что важнее — разные типы исхода основы *-st-* (как в прусск. *knaistis*), *-s-*, и *-t-*; в известной мере это разнообразие отражено и в именных словах. Это наблюдение существенно в том отношении, что позволяет привлечь к сравнению с прусск. и лит. *knaist-* примеры слов этого корня из других и.-евр. языков, содержащие исход основы на *-t-*. В частности, сюда, несомненно, нужно отнести целый ряд слав. примеров, нуждающихся, однако, в предварительном разъяснении. В ряде исследований сравнение со слав. данными отвергается или серьезно ограничивается на том основании, что прусск. *kn-* отвечает слав. *gn-* (ср. ЭСР 1, 421; Семереньи ВЯ 1967, № 4, 13; ЭССЯ 6, 168). Следует заметить, что именно в группе «гutturальный + n в анлауте в балт. языках обнаруживается з н а ч и т е л ь н о е количество примеров мены звонкого и глухого (ср. *knaibyti*: *gnāibyti*; *knýbti* : *gnýbti* и т. п.; см. Brücker KZ 48, 1918, 201 и др., ср. Lewy IF 32, 1913, 162); вместе с тем в словах разбираемого корня в слав. языках наряду с анлаутом *gn-* обнаруживается и его глухой вариант *kn-* (см. ниже). Именно поэтому принципиально нельзя согласиться с изоляцией семантически и формально сходных или даже практически идентичных примеров, различающихся (и то лишь в отдельных лексикализованных вариантах) исключительно анлаутом *kn-* : *gn-*. Принимая во внимание сказанное, следует отметить особую ценность именно слав. фактов, которые в отношении семантики обнаруживают исключительную близость к значению прусск. *knaistis* (в этом плане они ближе, чем вост.-балт. примеры). Речь идет о глагольных и именных образованиях с корнем **gnēt-* (**gnōit-* :

**knoit-*, о чем см. далее). Ср., с одной стороны, русск. *загнётка*, *загнётка*, означающее не только угол или углубление в печи, куда сгребают жар, горячие угли, не только шесток у русской печи, ее устье или заслонку (как и некоторые другие конструктивные детали печи), но и «горячие угли, золу, сгребенные в одно место в устье, в углу русской печи или выгребенные из печи» (ср.: *Загнетку, в угольницу сгребешь, а как надо самовар кипятить, всегда есть. Этот уголь загнеткой называю*), а также «пучки лучины, соломы, сжигаемой в устье русской печи для подрумянивания корки пекущегося хлеба», «добавочное полено, которое сожигается при изготовлении хлеба, когда печь недостаточно натоплена» (СРНГ 10, 11—12); ср. также *загнётки*, *загнётки*, *загнётки*, *загнётки*, *загнётки*, *загнётки* и др.; русск. диал. *гнётья*, *гнётья* 'лучина, щетка для растопки печи' (СРНГ 6, 243); с.-хорв. *njetilo* (Belostenec и другие лексикографы), словен. *netilo*, *netivo*, *netišče* и др.; и, с другой стороны, различные рефлексy праслав. глагола **gnētiti*: др.-русск., русск.-ц.-слав. *гнѣтити*, *гнѣсти*, 'зажигать', русск. *гнетить* 'разжигать (огонь)' (*Ребятки гнетят огонь . . .* СРНГ 6, 241), 'подкладывать огонь под костер или в печку', *загнѣживати* и т. п.; укр. *гнѣтити* 'подрумянивать' (о хлебе), *гнѣдити*, то же; ст.-слав. *кзгнѣтити* (огнь). Супр., с.-хорв. *njetiti* 'разжигать' (огонь), диал. *netit* (*ogēnj*), стар. *унитити*, словен. *netiti* 'зажигать', 'разжигать', 'топить'; ст.-чеш. *nietiti* 'зажигать', 'гореть', чеш. *nítiti*, словц. *nietit*, польск. *niecić* 'раздувать', 'разжигать', 'распалить' (ЭССЯ 6, 167—168). Таким образом, эти слав. данные не только соответствуют прусск. слову, но и бросают луч света на семантическую мотивировку и структуру *knaistis* : **gnēt-* 'то, что сжигается, обгорело', 'жар', 'огарок', 'головня'. Вместе с тем уместно заметить, что есть основание реконструировать для праслав. и слово с анлаутом *kn-*, а именно — **knětъ* (из и.-евр. **knoit-i-*). Источником этой реконструкции является ст.-польск. *kniat*, *kniet* 'мать-и-мачеха', *Caltha palustris* L. (в текстах 1465, 1472 гг.), см. Słown. Staropolsk. III, z. 4 (17), 305; польск. *kniec* (ср. SEJP 239—240; SEP 2, s. v.; Меркулова. Очерки номенкл. раст. 1967, 64). Сюда же следует отнести и русск. диал. *книть* 'мать-и-мачеха', '*Tussilago farfara* L.' (СРНГ 13, 344). Яркожелтое цветение этого растения могло, видимо, дать повод для уподобления его жару, горящим уголькам. Некоторым аналогом может служить соотношение *knaistis* — 'головня' и русск. *головня* как обозначение ядовитого растения *Lolium temulentum* или хлебной изгарины, когда зерно в колосе превращается в углеобразную пыль. Любопытно, что и само растение головня (*Uredo segetum* L.) обозначалось в праслав. словом **snětъ* / **snětъ* (с.-хорв. *snijemъ*, словен. *smetljaj*; чеш. *snětъ*, *snětъ*, словц. *sned*, польск. *śnieć*, в.-луж. *sněc*, *snječъ*, н.-луж. *sněś*; укр. *снѣтуця*), которое, по мнению Махека Etym. sl. č. 564 (ср. Меркулова, 64), связано с **gnētiti*, чеш. *nítiti* (впрочем, начальное *s-* нуждается в разъяснении). — В от-

личие от мнения, признающего особое балто-герм. сходство в случае прусск. *knaistis* (Stang. Lex. 1972, 30), нужно подчеркнуть, во-первых, несомненность (и, видимо, преимущественность) именно балт.-слав. сходений в этом случае и, во-вторых, значительные сложности в отборе круга герм. лексем, которые наиболее корректно могут быть сопоставлены с *knaistis*. «Поверхностно» семантически на роль ближайших параллелей в герм. языках претендуют такие, уже давно отмеченные и ныне приводимые повторно (Станг) формы, как др.-сев. *gneisti* 'искра', др.-англ. *gnást*, др.-в.-нем. *gneista*, *ganeheista*, *ganeista*, *ganeistra*, ср.-в.-нем. *ganeiste*, *ganeister*, *ganster*, *genster*, восходящие, как обычно думают, к герм. **ga-hnaista-* (исключение — реконструкция в виде **ga-naista-*, см. Wadstein IF 5, 1895, 25). Тем не менее, ряд ученых по формальным соображениям отказывается признать надежным или даже допустимым сравнение, объединяющее прусск. *knaistis*, герм. **ga-hnaista-* и слав. **gnět-*, и в качестве германского звена в цепи сравнений с слав. **gnět-*, выдвигают разные продолжения и.-евр. **ghneid(h)-* (см. уже Fick KZ 41, 1907, 201; ЭСР 1, 421; теперь — Семереньи ВЯ 1967, № 4, 13 и др.), ср. др.-англ. *gnīdan* 'тереть', 'растирать', др.-в.-нем. *gnītan*, ср.-н.-нем. *gnīden* (ср. Кофинец LFil. 61, 49; Etym. sl. č. 400 и др.); формы ст.-шведск. *gnīdha*, шведск. *gnida*, датск. *gnide* 'тереть' считаются заимствованными, как и редкое др.-исл. *gnida* (к этому же корню восходят многочисленные герм. слова, связи которых уводят уже в другую сторону; ср. др.-исл. *gnīsta tönnum* 'mit den Zähnen klarpern' ср.-в.-нем. *gnīst* 'Grund', тирольск. *Gneist* 'kleingeschnittenes oder geschabtes Zeug', норв. диал. *gnita* 'kleines abgesprungenes Stück', ср.-н.-нем. *gnitte* 'маленький комар', вост.-фризск. *gnid*, *gnit*, н.-в.-нем. *Gnitze* и т. п. (ср. лит., лтш. *knuīsis* 'Mücke'), см. Pok. 1, 437). К тому же корню относят и известное по глоссе др.-греч. *χνίει φαχάζει, θρόπτεi* (= *θρόπτεi*) с уже отмечавшейся идеей растирания, распыления. Продолжениями же корня с анлаутом *kn-* являются др.-греч. *ἀποκνίω* (*χνίω*) 'растирать до крови', 'расцарапывать'; 'донимать', 'терзать', 'мучить', *διαχνίω* 'стирать до основания', 'разламывать', 'мучить' и т. п., *χνίω* 'скрести', 'чесать', 'щекотать', 'натирать', *χνίδη* 'крапива', *χνίτη*, важное в семантическом отношении и снова возвращающее к кругу значений *knaistis* и слав. **gnět-*: 'чад с жи и г а е м о г о жира', 'запах жареного' (но и 'жир'), ср. *χνίσιω* 'сжигать жертвы', 'наполнять запахом сжигаемых жертв' и т. п.; те же смыслы обнаружимы в лат. *nīdor* 'дым', 'чад', 'гарь', др.-исл. *hnissa* 'чад', 'испарения от жареного' и т. п. Напротив, некоторые герм. и кельтск. примеры реализуют иной круг значений; ср. ирл. *cned* (из **knidā*) 'рана', др.-англ. *hnītan*, др.-исл. *hnīta* и т. п. с идеей толкания, давления, сшибки, удара. — Если говорить о семантической мотивировке прусск. *knaistis* и слав. *gnět-*, герм. **hnaist-*, то особого внимания заслуживают, видимо, отмечавшиеся выше глаголы с значениями 'рыть' ('копать', 'скрести', ср. лит. *knaisyti*, лтш. *knaisīt*) и 'тереть' (ср. др.-англ. *gnīdan*, др.-в.-нем. *gnītan*).

Возможно, именно они отсылают к древнейшей технологии разжигания огня. Добывание огня трением не нуждается в комментариях. Но и семантическое поле 'рыть' — 'копать' — 'сгребать' тоже имеет отношение к древнему способу получения огня. Соотношение прусск. *knaistis* 'головня' ('огарок', 'жар') и лит. *knaisyti*, лтш. *knaisīt* воспроизводится, как заметил Эндзелин SPV 195, и на материале лтш. *rāust* 'сгребать', 'рыть', употребляющегося в архаичной формуле *uguni rāust* 'разводить огонь'. Ср.: es neraustu uguntiū. BW 23144; negulēšu Jāņa nakti, nerausīsu uguntiū. BW 33125; atradu... meitas vakarēju gulumiū, ... vakar raustu uguntiū BW 13988. 3 и т. п. В свете сказанного эта формула окончательно замыкает связь между значением прусск. слова и вост.-балт. глаголов с корнем *knais-*. Но при этом следует помнить и о необходимом промежуточном звене, строго говоря, отсутствующем в вост.-балт. языках и неизвестном из прусского, но отчетливо сохраняющемся в слав., а именно — 'зажигать', 'возжигать' (**gnět-*).

— Л и т.: Burda BVS 6, 1868, 396; Thes. 1873, 75; Trautmann BB 30, 1906, 329 сл.; APSpr. 360—361; Levi IF 32, 1913, 162, 166 (= Kleine Schriften 1961, 316); SEW 1, 312; Brückner KZ 45, 1913, 47; KZ 48, 1918, 201; SEJP 239—240; WP 1, 5; SPV 195—196; ЭСР 1, 421; Семереньи ВЯ 1967, № 4, 13; Меркулова Очерки номенкл. раст. 1968, 64; Stang Lex. 1972, 30; Etim. rječn. hrv. 2, 517; ЭССЯ 6, 168. — [**knaistis*].

knapios 'конопля'. Э 268 ('Hanf'), среди названий культурных растений. Nom. Pl. fem. — Название конопли сохранилось в прусском и в сложном слове с отброшенной флексией — *gnabsem*, букв. — 'конопляное семя'. Гр. 32 ('henff'), Гр.-Кип. 221 ('Cannabis'), Гр.-Г. 66 ('Hanfsam'), см. Особенно интересна форма *caneips*, также встречающаяся в Гёттингенской рукописи словаря Симона Грунау, см. Гр.-Г. 74 ('Hanf'), см. Негман NAWG 152, 163 (с известным вероятием относится к Pl., как и *knapios*; ближе всего к лтш. *kaņere*, Pl. *kaņeres*). — Мена *kn-*: *gn-* в аблауте в балт. распространена достаточно широко; нередко, как и в данном случае, она сопровождается меной глухого и звонкого в исходе основы: *knab-* — *gnab-*. — Слово принадлежало к склонению основ на *-īā*. Предполагается (см. SEEV 87, 96), что оно было заимствовано в X—XII вв. из польск. *konopie*. Plur. tantum (ср. Evasit. . . Sandivogium . . . pro . . . adaquacione pecudum . . . ac madidacione canarum vlg. с о п о р е in lacu suo, 1419. MMAe XVI nr. 149; Pany moczyła w gego *mosydlo с о п о р у е, 1420. AKPr. VIIa 151; К о п о р у е canarus 1464. Rost. nr. 4767, sim. 1484 ib. nr. 6005, 1491 ib. nr. 11016), но и *konopia* (К о п о р у а canarus, с а. 1465. Rost nr. 3833; К о п о р у а canopus, 1475 ib. nr. 3147 и т. п.) и *konop* (К о п о р canabum, 1472. Rost nr. 870, 1484 ib. nr. 6004, ср. С о п о р р а canobilla 1460, Rost. 3418), см. Słown. Starop. III, z. 5 (18), 331. В первом слоге краткое безударное *o* исчезло. Первоначальная форма заимствованного прусского слова для конопли восстанавливается как [**knəpjəs*],

см. SEEV 30. Показательно, что и в литовском известно название конопли, также заимствованное из слав., с потерей гласного первого слога. Ср. лит. *knāpė* 'конопля' (LKŽ 6, 198), *knāpis* (K n a p i ū s turėjo sėt. Kintai, р-н Шилуте. LKŽ, 6, 199). Буга TŽ 1, 1923, 403 (=RR III, 656) высказал сомнение в реальности формы *knāpė* (иногда ошибочно передаваемой в виде *knāpė*, ср. также RR II, 706), считая ее опечаткой вместо *kanāpė*. Однако даже скудные данные по географии этой формы (пруссский язык, литовский язык в Прусской Литве, ср. его в словарях Руига [в виде *knāpė*], Нессельмана, Куршата, особенно в рукописи XVII в. из Прусской Литвы [25], но и у Юшкевича) убедительно показывают как ее принадлежность к прусскому ареалу (возможно, с захватом примыкающих областей юго-зап. Литвы), так и тем самым реальность этой формы. Кстати, примеры сходного выпадения гласного первого слога известны и в других случаях, ср. лит. *brōkas*, при обычном *burōkas* и т. п.; в *knapios*, *knāpė* можно предполагать и влияние со стороны других слов со сходным элементом *knap-*. Литовская форма *knāpė* принадлежит к числу диагностически важных: во-первых, при сходстве анлаута с прусским словом очевидно и различие: в прусск., видимо, Pl. tantum, в литовск. — Sg.; во-вторых, на остальном ареале литовских говоров господствует иная форма слова для конопли — *kanāpė* (ср. уже у Ширвида: *Konop* / *Sannabis*, *sannabum*, *Kanape*, ср. также Adj. *kanarinis* и предложно-падежное *iš kanariu*. Pirm. žod. 118; ср. также LKŽ 5, 195); впрочем, известны по говорам и некоторые другие формы — *kanāpis*, *kanāpiai*, *kanarijā* (LKŽ 5, 196—197; Sabaliauskas, Mokslo darb. Ser. A, 2, 1957, 202—203). Высказывалось правдоподобное предположение, что и в литовском наряду с *kanāpė* — *kanāpės* могли некогда употребляться **k(a)nāpia* — **k(a)nāpios* (Sabaliauskas Ibid. 204). Распространенные в литовском названия «мужской» конопли (ср.: *pleiskānė(s)*, *plėiskė(s)*, *plėizgė(s)*, *pleizgānės*, *plaskānė(s)*, *plaskānis*, *plaskanos*, *plaskana*, *plaskānė(s)*, *plezganės*, *plaskaniai*, *pluskaniai*, *pluskānė(s)*, *pluskānis*, *plāskė(s)* и др., см. LKŽ 10, s. vv.; Dagys Liet. botan. žod. 1938, 65—66 и др.) иногда, видимо, входят в переключку с указанными выше словами для конопли (ср. общий элемент *-kan-*, см. также латышские примеры). Несмотря на то, что Буга считал, что заимствование названия конопли литовским языком произошло без посредничества славян (РФВ 70, 1913, 255—256=RR I, 446; из праслав. **konop'a* или **konop'l'a*, согласно Буге, имелось бы лит. **kanariā* [в части зап. и вост. говоров — **kanarijā*] или **kanarliā*), следует все-таки считать, что праслав. **konop'a* или даже более поздние формы типа польск. *konopie* вполне могут рассматриваться как источники прусск. или литовск. форм типа **kanarijōs* > **knapjos* (ср. Brückner Fremd. Wört. 1877, 89; Meillet Études v.-sl. 182; SEW 1, 559; Skardžius LehnW. 1931, 94; Otrębski Narz. Twer. 3, 1932, 22; ME 2, 156; LEW 214; ЭСР 2, 312; Sabaliauskas Mokslo darb. 1957, 203 и др.).

При этом формы с исчезнувшим гласным первого слога *knap-*, несомненно, едины по происхождению и предполагают единый источник заимствования. Геоботанические данные также скорее говорят за южный источник, из которого была получена культура конопли (см. ниже). Во всяком случае слав. источник прусско-литовского названия конопли несравненно надежнее, чем старое предположение Хирта о заимствовании прусск. *knapios* из готского (BGDS 23, 1898, 348; ср. Буга RR II, 91). То же можно сказать о многочисленных латышских вариантах названия конопли, в котором, впрочем, гласный первого слога всегда сохраняется. Ср. *kaņere*, *kaņire*, *kaņure*, *kaņare*, *kaņeres* (Pl.), см. ME 2, 156—157; Erg.-Hf. 1, 585, и даже *ķīneres* (ME 2, 382), вероятно, под влиянием *ķīmenes*, *sineres* и под. Ср. также Erg'em. izl. vārdn. 2, 53; Aknist. izl. 72: *kaņiņeš*; Latg. gram. 1973, 367: *kanepes*, Gen. *kanepu* и др. К заимствованию из слав. ср. Thomsen Berör. 177 и сл.; Эндзелин ЖСт. 3, 1899, 294; ME 2, 157 и др. Здесь же уместно учесть и такие, нередко контаминированные с указанными словами для конопли, названия, как лтш. *paskaņi*, *paskaņas*, *paskanāji*, *paskenāji*, *paskaņepi*, *paskaņiepi*; *paskanes*, *pastenāji*, *pastenēji*, *paskenēji*; *puskaņepes*, *puskaņepēji*, *plaskanas* и др. (ME 2, 172, 173, 332; 3, 100, 108, 320, 428 и др.; о них см. также Mokslo darb. 1957, 207). Как из слав., так особенно из латышск. названия конопли могли попасть в ряд языков прибалтийских финнов, ср. ливск. *kanep*, *kanīp*, эст. *kanep* и др. (Berör. 178), но финск. *hamppi* — из шведск. *hampra* (см. Хакулинен Разв. Ф. 2, 59; Schmidt Letten. 1930, 79 и др.); в других финно-угорских языках также хорошо известно слово для конопли, восходящее в конечном счете к общему «культурному» источнику (ср. морд. эрзя *kañx'*, мокша *kañt'f*, марийск. *kəñə*, удмурт. *kaniva*, *kaneva* и др.), отраженному и далее к югу и к востоку, в частности, в тюркских языках (ср. др.-тюрк. *kendir* ~ *kentir*, карач.-балк., кирг., ногайск., туркм. *кendir* [ср. туркм. и казах. *kenär*, через иранское посредство], тув. *хендир*, татарск. *киндер* ~ *киндераш*, хакасск. *кандир*, чувашск. *қантәр*, турецк. *kenevir*, якутск. *көлөнпүнэ* и т. п.); монгольские и тунгусо-маньчжурские языки используют для конопли, как правило, уже другие лексемы (см. Дмитриева. Очерки сравн. лекс. алт. яз. 212—213; Сравн. слов. тунг.-маньчж., s. vv. и др.), в том числе заимствованные из китайского. — С юга, зап. и вост. балт. ареал **knap-*, **kanap-* и т. п. окружен обширным слав. ареалом названий конопли. Среди них наибольшее значение для объяснения балт. форм имеют польск. *konopie*, *konop* (но кашубск. *konople*, ср. *konoplēna*, Adj. *konoplani*), практически не отличающиеся от других зап.-слав. форм: чеш. *konopě*, словц. *konopre*, в.-луж., н.-луж. *konopje*. Вост.-слав. (ср. русск. *конопля* и под., бдр. *каноплі*, *канапэль*, *каноплі*, *каланні* и т. п., укр. *конопля*) в рассматриваемом аспекте менее интересны. Зато перво-степенный интерес вызывают русск. диал. формы типа *конопья*, *кóнопь*, *конбнь* (ср. также *конопа*, *конопка* и др.) и особенно Pl. tantum *конопи*, *конби*, *кóнопи* (СРНГ 14, 262, 265, 268). Эти формы

вполне могли бы объяснить ряд балт. форм типа лит. *kanāpė, kanāpės* или лтш. *kaņere, kaņeres* Южно-слав. формы (болг. *конѡп, конѡпа, РІ. конѡпе, диал. конѡпье, ср. ст.-болг. конопь* из влахо-болг. грамот; макед. *коноп, с.-хорв. кѡноп, кѡнопља, словен. копѡрлја*) также обнаруживают сохранение ряда архаизмов, практически совпадающих с той праслав. формой, которая могла быть источником для прусск. *knapios*. Более того, если отвлечься от геоботанической аргументации и истории культивации конопли, то практическое совпадение прусск. и праслав. форм слова для конопли **k(a)narp-ia* (**k/a|narp-is*) должно трактоваться как указание на общую форму, что снимало бы вопрос о заимствовании. При объяснении названий культурных растений такой подход не принят, тем не менее, иметь в виду, хотя бы как теоретический шанс, и эту возможность объяснения представляется вполне целесообразным. Вместе с тем южно-слав. факты, как и данные, относящиеся к неславянским языкам Балкан (ср. румынск.: *cănepă*, алб. *kanp, kanëp* (ср. *kërp*), н.-греч. *κάνναβις, κένναβις, др.-греч. κένναβις* и др.) более непосредственно подводят к источникам названия конопли в подавляющем большинстве европейских языков. Ср. итал. *canapo*, франц. *chanvre*, пров. *canebe*, исп. *cáñamo*, порт. *cânhamo* и т. п. — из вульг.-лат. **canapus (canabus)*, лат. *cannabis*, см. Meyer-Lübke Rom. EW 150; Lat. etym. Wb., s. v. *cannabis*; Pisani Sprache 1, 1949, 138 и др. или герм. примеры типа др.-в.-нем. *hanaf* (нем. *Hanf*), др.-англ. *hænef*, др.-исл. *hampr* и т. п. Обычно считают, что названия конопли в европейских и части зап.-азиатских языков восходят к скифскому или фракийскому источнику, ссылаясь при этом на известное место у Геродота («В Скифской земле произрастает конопля. . . Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготовляют из конопли даже одежды. . .») и далее о скифской бане, в которой семена конопли бросают на раскаленные камни, отчего поднимается сильный пар, приводящий людей в экстаз; см. IV, 74—75). Гесихий также свидетельствует о том, что растение, обозначаемое словом *κένναβις*, является скифским. В качестве скифского названия конопли реконструируют **kana*, отраженное в осет. *gæn, gænæ* 'конопля', ср. **kaen-*, более древний вид корня, в составе сложного слова для полотна — *kættag* (по происхождению — 'конопляная нить' или 'ткань'); ближайшие параллели — как в соседних кавказских (ср. сванск. *kan*, абх. *a-knə* 'конопля', груз. *k'anari* и др., м. б., кабард. *ganä* 'рубашка'), так и в других иранских языках (ср. согд. *кунр'*, хорезмск. *knb*, х.-сакск. *kumbā, kanbā*, перс. *kanab, kana* и т. п.); арм. *k'anap, kanap'*, видимо, из ср.-перс. или парф. **kanaf*. В связи с балт. и слав. названиями для конопли особенно существенны формы с элементом *p* или его рефлексам. По старой догадке Шрадера, в этом случае речь идет о «скрещенных» словах, обе части которых отсылают к названию конопли, ср. *κένναβις* как отражение вост.-европ. слова типа **kana & piš* (ср. соответственно марийск. *кәпә, кепе* и коми, удмурт. *pəš*, см. Reallex. idg. Alt. 1, 440 сл. и др. Вместе с тем в последнее время для скифского названия

конопли предлагалась и другая реконструкция — **šanapV-*; на эту форму опирается герм. **xanapV-* с *x* как заменой иранск. *š* (см. Nottner KZ 91, 1977, 188), и ей параллельны такие индо-иранские слова для конопли, как др.-инд. *śaṇā-* (пали: *saṇa-*, нийя *ṣaṇṇa-*, хиндж *saṇ* и т. п. 'конопля'), х.-сакск. *šāmvāṃ* (< *śaṇa-dāna-*), но и *kaṃḥa-* 'конопля'; зороастр. пехл., н.-перс. *šap* (см. Bailey TPS 1952, 64: осет. *san* 'вино' (?); с осетинским названием вина сравнивал слово для конопли еще Левенталь WS 9, 1926, 181: **k'on-ṃbó-s* 'Lärm, Hanfrausch', в котором *k'* подверглось веляризации, в результате чего возникло вост.-иран. **konaba*, ср. асир. *quṇuba, quṇnabu* 'конопля'; тогда как старое **k'on-* > осет. *san* 'вино', ср. и.-евр. **k'en-* 'laut sein'); иногда указываются и дравидские обозначения конопли — тамильск. *caṇappi, caṇal*, каннада *saṇabi* и др. (Burrow BSOS 9, 1938, 717; Burrow, Emeneau Drav. etym. dict. 1961, s. v.; KEWAi. Lief. 21, 292 и др.). О скифских источниках названия конопли см. Munkácsi Alan. Sprachdenkm. 1901, 327; Jacobsohn Arier u. Ugrof. 1922, 91 сл.; Sköld Osset. LW 1925, 103 сл.; Reallex. idg. Alt. 1, 440 сл.; Абаев. Осет. яз. 1, 1940, 170; Ист.-этим. слов. 1, 512—513, 590—591, ср. 3, 66—68 и др. Н. И. Вавилов в исследовании «Центры происхождения культурных растений» предполагает, что конопля, первоначально представлявшая собой сорняк-антропохор, пришла из Азии в Европу вместе с кочевниками-скифами. О фракийском источнике см. Tomaschek AThr. 2, 1, 13 (ср. Brückner AfslPh. 23, 1898, 536). Предполагавшаяся еще раньше связь названия конопли с древними месопотамскими источниками (ср. аккадское слово для конопли) в настоящее время актуализирована указанием на шумерск. *kuṇibu* 'конопля' (см. Räsänen FUF 29, 198; ZfslPh. 20, 1950, 448 и др.); зато оказалась ошибочной попытка найти следы конопли в аккад. *šakku*, евр. *saqq* (> др.-греч. *σάκκος*), в котором пытались видеть заимствование из др.-инд. *śaṇaka-* 'конопляный платок, одежда' (Scheffelowitz ZfBuddh. 7, 280). — Круг названий конопли иногда пытаются расширить за счет «перевернутых» названий типа др.-инд. *bhaṅga-*, связывая отношение «перевернутости» (**k/g-n-b/p-*: **b(h)-n-g-*) с галлюциногенным эффектом конопли (см. указания Геродота), используемой для приготовления гашиша. — В связи с культурно-историческим аспектом культивирования и распространения конопли и соответствующих ее обозначений ср. De Candolle Urspr. Kulturpfl. 1884; Buschan Vorgesch. Botanik 1895; Hehn Kulturpfl. u. Haustiere 1902; Hoops Reallex. Germ. Alt. 2, 446 сл.; Schrader-Nehring Reallex. idg. Alt. 1, 440 сл.; Thomsen Berör. 1891, 177 сл.; Gombocz Symb. gramm. Rozw. 2, 76; Bulg.-türk. LW. 92 сл.; Rozwadowski ROr. 2, 143; Loewenthal WS 9, 1926, 181; Жуковский Культ. раст. 1950; Godwin The Ancient Cultivation of Hemp. — Antiquity 41, 1967, 42—49 и др. Лишь в этом широком этнолингвистическом и культурно-историческом аспекте выявляется место, занимаемое балт. названиями конопли и их связи с более южными и древними источниками.

— Л и т.: Thes. 1873, 75; Thomsen Berör. 1891, 177 сл.; APSpr. 361 Būga RR II, 91; Loewenthal WS 9, 1926, 181; Schrader-Nehring Reallex. idg. Alt. 1, 440 сл.: SPV 196; BVSF 40; ЭСР 2, 312; LEW 214; Sabaliauskas L. ir K. 3, 1958, 457; Normier KZ 91, 1977, 188; St. OP 5. 918; 6. 903; SEP 2, 425; Българ. етим. речн. 2, 592—593. — [**knapios*; **knap'os*; **knapjos*; **k(ə)nəpjās*].

{**knaut-*?}, ср. *Knauten*, 1419, позже — *Knauten* (APON 67); Nom. progr. *Hans Knawte* (APN 47). — Неясно.

{**kneg-it-*}, ср. *Knegiten*, 1423 (APON 67). — Неясно.

kniēipe 'черпать', 'получать' (?). (I f). K III, 67, 16 (Stessepaggan billā dijgi Salomon kas einan Salaubaigannan aupallai stas aupallai ainan labban powijstin hhe kniēipe signassen esse Rickijan 'Darumb spricht auch Salomon: Wer ein Ehefraw findet der findet was guts vnnd s ch d p f f e t Segen vom HERRN'). 3. Sg. Praes. — К морфологии и морфонологии *kniēipe* см. Milewski Sl. Occ. 15, 1936, 105; SPV 110; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 345; Stang Vgl. Gr. 87, 103, 104, 106, 453, 475; OP 26, 180. Существенна принадлежность этого глагола к спряжению основ на *-io*. Обращает на себя внимание сочетание трех графем *iēi* (ср. *giēidi* наряду с *gēide*). Фонетическое значение его не вполне ясно и допускает ряд толкований. В случаях типа *etwiēipt* или *tiēnstwei* особенности графики Траутман APSpr. 98—99 объяснял как указание на характер произношения циркумфлектированного *er* и *en*. Не исключено, что сочетание графем *iēi* следует понимать в этом же духе. Мягкость *p* в исходе корня не обозначена, как считают иногда, прежде всего из-за безударности слога. Заброцкий считает, что форма реально звучала **kniēipie*, Шмальштиг — **kneip'a*. — Сложность, связанная с этимологическим объяснением слова, в значительной степени зависит от того, что исследователи исходят из явно эвентуального значения, определяемого соответствием *kniēipe* немецкому *schöpfen*. Такое заключение, не очень мешая пониманию смысла текста в целом и в общем, решительно ошибочно при более детальном подходе. Несомненно, что в данном случае прусский перевод нем. *schöpfet* не только весьма приблизителен, но и излишне экспрессивен, найден *ad hoc*. В данной ситуации *kniēipe* выступает как сугубо черновой, временный перевод на «первый случай». Эта приблизительность, хотя без экспрессивности, присутствует и в переводе этого места из Энхиридиона Вилента. Ср.: *Kas moteri saw randa tas randa giera daikta ir ga u s paschlowinima nūg Diewa* (53, 19—20) или аналогичный фрагмент из латышского Катехизиса 1586 г.: *Kas wene szewe dabbu, tas dabbu wene labbe lethe vnde tas gir tam kungam rapratan*. LLD 27, 32—34. — Леви IF 32, 1913, 166—167 при этимологическом исследовании прусск. *kniēipe* исходил из того, что «*schöpfen* bedeutet soviel wie 'bekommen, fassen, ergreifen, nehmen', wie denn auch die betr. Stelle in der Trauhandlung auch: „und bekommt Wohlgefallen . . . vom Herrn“ lautet». Это дало ему основание сопоставить прусск. слово как с лит. *gnūbti* 'щипать', 'щемить', так и с лтш. *kniebt*, *knaipit* 'щипать'. Тем самым

предполагается удовлетворительно объясняющее связь прусск. *kniēipe* с лтш. *knaipit* семантическое развитие 'щипать' > 'защемить' > 'зацепить' > 'схватить' > 'приобрести' > 'получить'. В настоящее время это общее решение может быть конкретизировано, детализировано и введено в более широкий балт. контекст экспрессивных форм с консонантным остовом, подверженным легким менам звонких и глухих: *kn-p-*, *kn-b-*, *gn-b*, не говоря о других расширителях корня и разных видах огласовки. Достаточно привести лишь часть наиболее показательных примеров. Среди литовских фактов наибольшей точностью в данном случае характеризуется глагол *kniēpti* 'цеплять', 'зацеплять', 'прицеплять(ся)', 'вешать(ся)', ср. *kniēptis* и приставочные глаголы, напр. *Žemė sušalusi, nieko negalėjo su vienu spatu įkniēpti* (LKŽ 6, 238). Как и в ряде других случаев, обращает на себя внимание, что разные формы лит. *kniēpti* расположены в довольно узком ареале на зап. и юго-зап. массива литовской речи, непосредственно продолжая прусский ареал, для которого известна форма *kniēipe* (р-ны Плунге, Клайпеды; Шакяй, Наумиестис, Гродненская область Белоруссии — Пеляса, Радунь, Армонишкес; исключение — р-н Линкувы). Другие варианты этого же корня — лит. *knaip̄tis* (LKŽ 6, 195); *kneipti*, *kneipoti* (6, 214); *knūpti*, *knypūoti* и под. (6, 249—250); *knaib̄tis*, *knaib̄yti*; *kneib̄ti*, *kneib̄oti*, *kneib̄yti*, *kn̄ib̄ti*, *kn̄yboti*, *kn̄ybs̄oti*, *kn̄ib̄tel̄ėti*, *kn̄ib̄ter̄ėti*, *kn̄ib̄inti*, *kn̄ib̄in̄ėti*; и, конечно, *kniēbti* (6, 194—195, 212—214, 230—235), также с известным тяготением к западной части Литвы. Еще дальше отстоят *gnūbti*, *žnūbti* и т. п. Характерны и лтш. примеры — прежде всего *kniēpēt* 'mit Stecknadeln befestigen', 'zusammenknöpfen' (*kn̄ie p̄ē manī, māmulīņa, ar sudraba kn̄ie p̄it̄ēm*. BW 17005. 1), *knieptiēs*, ср. *kniēpe*, *kniēpis* 'булавка', *iekniept* 'прищемить' (ME 2, 29); *kn̄ipēt* 'щипать'; 'воровать' (с легко объяснимым развитием значения), ср. *kn̄ipe* 'вороватый человек' и т. п., *kn̄ipāt*; *knaip̄it* (*gačām gāja juoda m̄āte, savus nagus kn̄aip̄idamā*. BW 29835. 1); *kniēbt* (ср. *kniebis*, *kniēbiens*, *kniebsles*, *kniebtavas* и др.); *kn̄ib̄ēt*, *kn̄ib̄ināt*; *knaib̄it* (ср. *knaibles*, *knaib̄ulis* и др.), см. ME 2, 241—242, 245—246, 248, 249; Erg.-Hf. 1, 626—627, 630—632; ср. еще *kniēpe*. Erg'em. izl. vārdn. 2, 102—103 и др. (LEW 277—278). Этих примеров из вост.-балт. языков вполне достаточно для реконструкции **kneip-*, в точности соответствующего прусск. слову. Вместе с тем близость балт. **kneip-* и нем. *kneifen* 'щипать' и особенно *kneipen* 'щипать', 'кутить', 'пьянствовать' создавала, видимо, некоторые условия для семантических влияний и аттракций. — Балт. **kneip-* находит себе некоторые параллели и в других и.-евр. языках. Помимо нем. *kneipen*, *kneifen* и так или иначе родственных им форм (ср. др.-исл. *hn̄ifr* 'нож'), ср. др.-греч. *χνίπος* 'скупой', 'скаредный', *χνίψ* 'фиговый червец', *χνίπειν* 'резать'; *χνίφρα* *χνίφας* (Гесихий), *χνίφος* 'скупой'; ср. русск. диал. *гнетиться* 'скаредничать' (из **gnoip-/t/-*: **knaip-*) и др. Видимо, к тому же корню, что и прусск. *kniēipe* относятся Nom. progr.

типа *Кнаура*, *Кнауран*, см. {*knaip-}, и топонимы типа *Кнупотен*, см. {*knip-}.

— Л и т.: Thes. 1873, 75; APSpr. 361; Lewy IF 32, 1913, 166—167 (=Kleine Schriften. 1961, 316, 319—320); Milewski Sl. Occ. 15, 1936, 105; SPV 110, 196; BVSF 40; Zabrocki SlOcc. 18, 1947, 345; Stang Vgl. Gr. 87, 103—104, 106, 452, 453; Schmalstieg BL 1970, 139; OP 26, 180. — [*kniēipe; *kneip'a; *kniēpie?].

{*knip-}, ср. *Кнупотен*, 1413; *Книепиттен*, 1522; позже — *Книепиттен* (APON 67). — Видимо, можно реконструировать {*knip-ōt(-ut-)?} и {*knip-it-}. — См. {*knaip-}, *kniēipe*. — Ср. *Книпу* (Słown. nazw geogr. PZP 1, 130); лит. *Knipat*, *Knipiškės* (LATSŽ 138); *Knipiškių ežerėlis* (LUEV 76; Liet. hidr. 262); лтш. *Knipiņa*, рl. (LV I, 2, 115); ср. лтш. Nom. progr. *Hinrick Knippe*, 1564; *Anna Knippinghen*, 1512 (LPV 193); — к і ср., м. б., лит. *Knypava*; лтш. *Knipa*, *Knipene*, *upite*, *Knipēns* и т. п. (1, 2, 113)? Спорны приводимые Thes. 75 названия типа *Knipabe*, *Knypabe* и т. п., позже *Kneiphof*.

{*knip-it-}, см. {*knip-}.

{*knip-ōt(-ut-)?}, см. {*knip-}.

{*knist-}, ср. Nom. progr. *Knysteyke*, 1344; *Claus Knysteyke*, 1354 (APN 47). — Ср. лит. Nom. progr. *Knist-ejko*. Dauk. Privil. 83b; *Knist-owicz*. Ibid. 232a; *Knistowt*. Ibid. 83b (из **Knys(ti)-tautas*), см. *Būga Asmens vard.* 38 (=RR I, 258); Кузнецов ЖСт. 6, 1896, 38. — Восстанавливается {*knist-eik-}. — Ср. лит. *knist-*, *knyst-* в экспрессивных образованиях (LKŽ 6, 255—258).

{*knist-eik-}, см. {*knist-}.

knuchel. Э 144. — Должно исправить на *knuchel* (=нем. *Knöchel*). — Немецкое слово, которое ошибочно попало в правую (т. е. прусскую) часть Эльбингского словаря в качестве внутриязыкового перевода нем. *Gelenke*.

— Лит.: *Bezenberger BB* 23, 1898, 310; APSpr. 366; SPV 196; *Marstrander NTS* 13, 1945, 346.

{*knogst-(?)}, ср. *Knogstin*, 1359, озеро; *Knochstein*, 1400, место; *Knogstein*, 1424, позже — *Glockstein* (APON 67). — Ср. мазурск. *Knoksztyny*, *Knogstein*, *Glocksteiner Seewiesen* (Słown. nazw Mazur. II, 303). — Неясно. Герулис сравнивает (со знаком вопроса) с обозначением литовца *Kniukšt-elis*. — Восстанавливается {*knogst-ein(-in-)?}.

{*knogst-ein(-in-)?/}, см. {*knogst-(?)}.

{*knop-(?)}, ср. *Knopin*, 1297, позже — *Knopen* (APON 67; с указанием на то, что здесь жил прусс. *Knaipan* и с аналогией к *Knop-:Knaip-* в виде прусск. *moasis*: лит. *máišas*). Леви IF 32, 1913, 169 допускает (едва ли основательно, по замечанию Герулиса), что мена *ai: o* в таких случаях может рассматриваться как указание на фонетические различия между диалектами. — Скорее всего {*knop-} следует понимать как {*knaip-}, см. выше (ср. также и {*knip-}), возможно, подвергнувшееся влиянию балт. или немецких слов с элементом *knap-* (?). — Возможно, восстанавливается {*knop-in(?)}, {*knaip-in(?)}.

{*knop-in(?)}, см. {*knop-}, {*knaip-}?

*knukel-, возможная реконструкция-конъектура прусск. слова, заимствованного из немецк. языка (ср. *Knuchel*. Э 144), см. РКР II. 20.

{*ko-}, см. {*ka-}, {*ku-}, а также {*ko- & *bus-}, {*ko- & *drav-}, {*ko- & *drun-} (?), {*ko- & gat-} (?), {*ko- & *gland-}, {*ko- & *glaud-}, {*ko- & *glind-}, {*ko- & *lang-}, {*ko- & *men-}, {*ko- & *tuln-}, {*ko- & *ves-el(-il)}, может быть, {*ko- & *aut-} (?), {*ko- & *bor-av-} (?).

coaris 'закром для снопов'. Э 232 ('Banse'), в показательном контексте — Э 231: *Calene* 'Schewne', Э 233: *Plonis* 'Tenne', Э 234: *Ilmis* 'Bark' и т. д., отсылающем к обозначению хозяйственного сооружения скорее для земледельческой продукции (сено, мякина), чем для животноводческой (скот); ср. словарное определение нем. *Banse*: 'weiter Scheunenraum zur Seite der Tenne, der Platz zu beiden Seiten der Tenne in der Scheune zum Aufschichten' (De. Wb. 1, 153; WDS 1, 81; ср. DWb, s. v.); 'Fach in der Scheune neben der Tenne' (Thes. 75); 'šalinė' (РКР II, 23). Nom. Sg. masc. — Слово первоначально сопоставлялось с лит. *kárti* 'вешать' (Fick Vgl. Wb. idg. Spr. II, 1876, 719). Впрочем, уже Pierson ZfPr. Gesch. 12, 1875, 319 предложил чтение **toaris* и сравнивал это слово с лит. *tvártas*. В дальнейшем конъектура *toaris* оказалась практически общепринятой, ср.: *Bezenberger BB* 23, 1898, 311; APSpr. 361; SPV 196, 266; LEW 1150; *Sabalaiuskas LKK* 12, 1970, 32; РКР II, 23. Действительно, мена *k* (*c*) и *t* известна в прусских текстах (ср., с одной стороны, *skan*, с другой, — *stoberwis*), ср. *Endzelins FBR* 15, 1935. На замену *t* через *c* могло повлиять предшествующее прусское слово *Calene*. Э 231 (и даже *Pra-cartis*. Э 230), задавшее инерцию *C*-анлаута (известны и другие случаи такого рода). Форму *toaris* обычно трактуют как **twoaris* (т. е. **tvōris* или **tvaris*) или **tuaris*, аналогично *aloade* (из **alvōdē* или **alvadē*), см. — Ближайшие параллели приводились из вост.-балт. и слав., правда, при этом не всегда учитывались наиболее точные соответствия. Тем не менее, ядро определялось верно: лит. *tvártas* 'хлев' (но и 'перевязь'), *tvorà* 'ограда' (жем. *tōrā* с аналогичной утратой *v*, см. *Bezenberger KZ* 44, 1911, 330), 'забор', *tvėrti* 'огораживать'; 'перевязывать'; 'хватать' и т. п.; лтш. *tvarts* 'der Halt, Schutz, die Zuflucht'; 'рыболовный закол' (см. ME 4, 289), *tvėrtne* 'резервуар', 'бак', *tvėrtiņš*, *tvėrt* 'хватать', 'брать'. Сюда же прибавляют и более точные параллели к *toaris* в виде лтш. *tvāra* 'ограда из горизонтально положенных жердей' и *tvāre*, то же, 'шлагбаум'. Учитывая, что эти последние формы известны в непосредственной близости к северной границе распространения литовского языка, можно думать об их заимствовании из литовского источника (LKK 12, 33), хотя сам он остается пока неизвестным. Из слав. параллелей обычно приводят ст.-сл. *ткоръ*, ц.-сл. *творъ* 'огина' и ст.-сл. *ткорити*. Эти соответствия могут быть расширены и уточнены (при том, что остается не вполне ясным выбор между источниками прусского слова — **tvōris* или **tvōras* с последующей перестройкой *-as > -is*, подобно

deywis и т. п.; при лит. *tvártas* есть и *tvártis* 'перевязь', ср. *ant-tvartis*) за счет таких примеров, как префиксальные образования с *-tvoras*, *-tvaras* типа *āptvoras*, *āptvaras*, *prietvaras*, *ūžtvaras* и т. п. в литовском с соответствиями в латышском (ср. *aptvars* и т. п.) и славянском (**pri-tvorъ*, **za-tvorъ* и др.), ср. BSW 333—334, или таких, как некоторые продолжения слав. **tvorъ*, **tvarь* типа русск. диал. *тварь* 'должея у борта', 'створка', 'творка', 'половинка складной должен', сохраняющие связь с определенным устройством, используемым в хозяйственных целях, с одной стороны, и с семантикой исходного глагола ('загораживать', 'огораживать', 'охватывать', 'удерживать' и т. п.), с другой стороны. В этой связи ценны др.-греч. данные: *σφρός* 'погребальная урна' (уже у Гомера), 'гроб' (из **tvoros*, ср. Schulze Kl. Schr. 1933, 379; к лит. *tvėrti*; WP 1, 750—751; Pok. 1, 1101; GEW s. v. и др.), иногда относимое сюда же *σφρός* 'куча', 'груда', 'множество' (: *σφρέω* 'нагромождать', 'наваливать'), из **tvō-ro-s*, согласно Solmsen IF 26, 1909, 213 и сл. (далее отстоят разные обозначения корзины как плетенки, ср. *σφράνη*, аттич. *σφράναι*; *τάρπη*), а также примеры с вокализмом *-e-*: *σειρά*, эпич.-ионич. *σειρή* 'веревка', 'цепь', 'перевязь' (из **tvēr-lā*), ср. *σειρίδες* *σειραί*; *σειρ[ς]* *ζωστήρ* (Hesych.), т. е. 'пояс'; возможно, *Σειρήν* 'Сирена', собств. — 'опутывающая', 'обвязывающая' (Bezenberger BB 12, 240, но GEW s. v.; Dict. etym. s. v.). Значения последних примеров отсылают к балт. словам, реализующим элемент *tver-* 'привязывать', как то лит. *tvėrė* 'веревочка, которой коса привязывается к косовицу', 'шина' и т. п. (ср. также лтш. *tvēriens*, *tvēriņš* и под., ME, 4, 291). Расширение круга параллелей зависит прежде всего от решения вопроса о возможности связи между **tvēr-* 'охватывать', 'огораживать' и **tvēr-* 'вертеть', 'кружить' (см. Pok. 1, 1100—1101), в частности, о быстром движении ('верткий' и т. п.; между прочим, с *coaris* = *toaris* сопоставляли др.-в.-нем. *dweran* 'schnell herumgehen' и т. п., ср. др.-англ. *dweran*, *ge-dwer* 'творог'; др.-исл. *þvara*, швед. *tvära* и др.), и от интерпретации отдельных фактов (так, хеттск. *turiša-* 'запрягать' вполне могло бы продолжать и.-евр. **tur-* (: *tvēr-*) 'привязывать', но вместе с тем возможна и его связь с др.-инд. *dhur-*, подчеркиваемая рядом специалистов). Впрочем, эти примеры, как и вообще большая часть параллелей к **toaris*, сохраняя связь с семантикой исходного **tvēr-*: **tvōr-*, далеко отклоняются в своем значении от **toaris* и, главное, не соответствуют реалии, обозначаемой прусск. **toaris* (соответствующие же реалии даже в балт. языках обозначаются иначе, ср. Liet. k. atlas I, 54—55: *šalinė* и под., карта 16, ср. также 14 и 15). Нулевая ступень к **toaris* представлена в *turit* 'иметь'. — Тот же корень с расширением представлен в прусск. *Twarkte*, 1331, болото (SU 193), *Twarete*, 1331, в Самландии (APON 189), с чем соотносятся лит. *Tvar-kañtė*, *Tverkañtė*, *Tverkančia*, *Tvarkà*, *Tvařkos*, *Tverkimas*, *Tverkinis*, но особенно *Tverktà* (*Tverkà*) и др. (см. LUEV 176; LATSŽ 322; Liet. hidr. 93; LHEŽ 1981, 351); ср. Nom. рг. прусск. *Twerke* (APN 111);

куршск. *Twertikine*, *Twertiken*, 1253 (ср.: *terra Twartikini*; *dat land to Twertikene*, 1253). KF 359 (ср. *Twarathe*, 1355—1362; к прусск. *Twarete*, см. выше) и др. Но известны названия и без расширения корня, ср. лит. *Tvēr-upis*, *Tvėrai* и др. (LUEV 176; LHEŽ 351; LATSŽ 322 и др., см. {**tvark-*}, {**tvart-*}).

— Лит.: Pierson ZfPr. Gesch. 12, 1875; 319; Bezenberger BB 12, 240; BB 23, 311; KZ 44, 1911, 330; APSpr. 361; SPV 196, 266; LEW 1150; Sabaliauskas LKK 12, 1970, 32. — [**tvōris*; **tvaris* ?].

{**ko-* & **aukt-*} (?), см. {**ko-* & **aut-*}.

{**ko-* & **aut-*} (?), ср. *Coawte*, 1417 (APN 47). — Интерпретация этого Nom. рг. гадательна. Один из вариантов с выделением местоименного элемента *ko-* (*ka-*, *ku-*), см., представленного в таких Nom. рг., как *Ko-buse*, *Ko-drawe*, *Co-druno*, *Ko-gathe*, *Ko-gland* и т. п., и корневого элемента *aut-*, выделяемого и в Nom. рг. *Autor* (APN), если его понимать как *Aut-or*, т. е. по модели *My-kor* (: *Micke*), *Cad-or* (*Kaddar*), *Sing-or* (: *Singe*), *Syd-or* (*Sydar*), *Sok-or* и т. п. (ср. APN 178). Однако существует ряд сложностей и неясностей. Одна из них — не всегда четкое различие *u* и *n* в записях прусских имен (ср. APN 132), усугубляемое возможностью двойного толкования последовательностей *Au-* и *An-* (ср. *Niclos Antogyn*, 1422). Другая неясность — выбор между *Aut-* и *Au-t...* Во всяком случае примеры Nom. рг. с первым префиксальным элементом *Au-* в прусском достаточно часты (*Aw-gons*, *Au-leps*, *Aw-plaw*, *Ow-gulte*, *O-menne* и т. п.). В частности, Траутман склонен членить *Au-tor* (или *An-tor*), см. APN 132, хотя аргументы в пользу именно этого членения не приводятся к (*tor-*, видимо, можно было бы привлечь такие Nom. рг., как *Thor-am*, *Tor-im*. APN 106 (ср. лит. *Tore*), и такие местные названия, как *Tor-aw*. APON 184). Следует, впрочем, заметить, что *Coawte* и *Autor* могут толковаться каждое особым образом и тем самым лишаться взаимной поддержки. Как бы то ни было, выделение префикса *au-* в *Coawte* при том, что после него остается только *-t-*, представляется весьма сомнительным. Но и предположение корневого *aut-* с «обувной» семантикой выглядело бы натяжкой. Поэтому напрашивается другое соображение: нельзя ли понимать *Co-awte* как **Ko-aukt-*, где *aukt-* обозначает 'высокий' (ср. прусск. *auckta-*, *aucktimiskū* и т. п. или Nom. рг. *Auctume*, местные названия типа *Aucti*, *Auctacops*, *Auctukape* и др.). В пользу этого предположения говорили бы и примеры с выпадением *k* в *aukt-* — как в случаях, где есть условия для диссимиляции (ср. *Autekaym*, 1291), так и в случаях, где этих условий нет (ср. *Autolimptin*, 1347), см. APON 13. Если сказанное верно, то целесообразно исходить не из {**ko-* & **aut-*}, а из {**ko-* & **aukt-*} со значением 'какой высокий!' ('что за высокий!'), выражающим некую усиленную степень качества. В таком случае прусск. {**ko-* & **aukt-*} принадлежит к известной модели индоевропейского словообразования Nom. рг. (ср. др.-инд. *Ku-netraka*, др.-греч. *Πυλιν:ίδα*; и т. п.), ср. Milewski Jeur. imiona 1969, 103. Эта модель многообразно представ-

лена в балт. языках (ср. лит. *Kai-gēla*, *Ky-butās*, *Ky-bártas*, *Ky-vainas* и т. п.) и особенно в прусском: *Ko-buse*, *Quei-lang*, *Quewedde*, *Ki-bar*, *Ky-burs*, *Ky-munt* и др. Ср.: Bezzenberger AM 13, 1876; 35; Lewy Altpr. Pers. 51; APN 141; Пр. яз. III, 103—104. — Из балт. Nom. pr. с элементом, обозначающим 'высокий', ср. прусск. *Aucktune* (APN 15), лит. *Aukštēlis*, *Aukštēlaitis*, *Aukštūnas*, *Aukštūnis*, *Aukštūolis*, *Aukštūlis* и др. (Liet. antrop. 121, 238, 247), ср. также куршск. *Auguttis*, 1540; *Haugutt*, 1582; den Gebrüder *Oughuten* und *Curen*, 1392 и др. (KF 263: лтш. *aūgt* 'расти' и суфф. -ut-).

{*kōbor-av-} (?), ср. *Koboraw*, 1447 (APON 67). — Состав слова (кроме суфф. -av-) неясен, как и его этимология. На уровне «приблизительных» сопоставлений можно упомянуть лит. *Kabōriškės* (LATSŽ 115, ср. *kaboriškės* 'закоулок'), *Kābaraičiai* (последнее название Эндзелин LV I, 2, 1 сопоставляет с лтш. *Kabara*), ср. *Kobarski* (HW 107); неясны *Kober See* (HW 552; Słown. nazw. Mazur. II, 189), *Kaborno* (нем. *Kalborn*), Słown. nazw. geogr. PZP 112 и др. Не исключена связь с апеллятивами. Ср., напр., лит. *kabarūoti* 'болтаться', 'мотаться', *kābarotis* 'карабкаться', *kabārktinti*, *-ūoti* 'бряцать', 'звякать', 'постукивать' и т. п.; *kabarai*, *kābar*, *kaboru*, *kabārks*, *kabārks*, *kabarāks(t)*. Interj. и др.; *kabōris*, *kaboriūoti* и т. д. (LKŽ 5, 8—11, 25); ср. речное название *Kabarakštā* (LHEŽ 140: *kabarāks*). Если предлагаемая связь подтвердится, то **kōbor-av-* может быть соотнесено в конечном счете с прусск. *kabiūns* и {*kab-}, см. Вместе с тем следует иметь в виду вероятный звукоизобразительный характер слова.

{*kōbr-up-} (?), ср. *Kobrun*, 1354, лес в Натангии (APON 67). См. Пр. яз. III, 106. Возможно, сюда же блр. *Кобрын* (*Кобрин*). Слоўн. назв. Брэсц. 1980, 68 (**Kobr-an* ?).

{*kōbul- & *bude}, ср. *Kobulbude*, 1326 (SU 164), *Kowelbude*, 1352, *Kobelbude*, 1402, позже — *Kobbelbude* (APON 67: из польск. *kobyła* и нем. *Bude*; ср. SU 164: *curiam postram equorum, que Kobulbude dicitur*). — Интересный пример «чужого» гибридного образования в прусской топонимике.

{*ko- & *bus-}, ср. Nom. pr. *Kobuse*, *Cobuse* (APN 47); некогда читалось *Robuse*, которое согласно Траутману AfsIPh 38, 1923, 132, «ist zu streichen», т. к. в рукописях стоит *Kobuse*, *Cobuse*. Однако Шаль Baltist. 2, 1966, 12, 28 продолжает оперировать формой с R-, сопоставляя ее с аналогичными примерами к западу от Вислы. Неясность кроется и в том, как понимать исходный согласный второго члена слова — как s или как z. См. {*bus-}, Пр. яз. I, 269: *Busse*, *Buze*, *Buse*; *Busgede* и т. п. (APN 21).

{*kōb-ut-in} (?), ср. Nom. pr. *Jekil Cobotyn*, 1425, (APN 47: из **Cobute*). Нет достаточной ясности. Примеры типа прусск. Nom. pr. *Kay-but*, *Quey-buthe* или лит. *Ky-butās* могут ориентировать на членение **ko-* & **but-* с первым местоименным элементом; в этом случае и прусск. топоним *Cabutkaum*, 1419, *Kabothkaum*, 1429 (APON 52)

следовало бы членить **Ka-* & **but-* & **kaim-*. Вместе с тем существуют несомненные примеры прусских названий и имен с корнем *Kab-* (Nom. pr. *Kabe*, *Cabilo*, *Cabunin*; местные названия *Kabe*, *Cabeln*, *Cabicaum*, *Cabelauken*, *Cabyn*, *Kabiten* и под.). В зависимости от окончательного решения определяется и круг соответствий; см. Пр. яз. III, 106—107, 110.

{*ko- & *buz-}, см. {*ko- & *bus-}.

{*ko- & *dar-}, см. {*ku- & *dar-}.

kodesnimma, см. *kudesnammi*.

{*kod-el-/il-} (?), ср. Nom. pr. *Kodele*, *Kodyl* (APN 47). — Ср. лит. Nom. pr. *Kuodjys* (*Kuodzys*), *Kuōdžius*, *Kuodaitis*; ст.-лит. *Kodis*, *Kodzis*, *Kodz*; *Kodziewicz* (Liet. antrop. 161, 235: *kuōdas* 'чуб', 'хохол', 'вихор'), а также *Kuodžiat*, *Kuōdiškiai*, *Kuōdiškis*, *Kuodaičiai*, *Kuōdžiupis* (LATSŽ 147), *Kuōdupis*, *Kuodupjys*, *Kuodžiūpis* (LUEV 83; LHEŽ 172: *Kuōdēs*, *Kuodjñē*, *-ēs*, *Kuodž-balē*, *Kuōdž-balis*); лтш. *Kuōdaļas*, *Kuodaļas-mežs*, *-kalns*, *Kādaļas-purvs*, *Kodeļas-purvs*; *Kūodenī* (LV I, 2, 191). — В этих словах видят заимствование из слав. **kōdělъ* (-elb-), наиболее точно отраженного в прусск. *Kodele* (тот же принцип названия в русск. *Кудель*, *Куделька*, XVI в. и др., см. Веселовский Ономаст. 1974, 168). Балт. формы без суфф. *Kuod-* или с другими суфф. кроме *-el-* (напр., *-in-*) рассматриваются как гиперграматизмы типа «*Rückbildung*», см. LEW 311. — Герулис допускает возможность связи с *Kodele* местного названия прусск. *Coditten*, 1485 (APON 67: суфф. *-it-*) и отрицает подобную связь в случаях *Kodyen*, 1319 и *Codyten*, 1352.

{*kod-in-} (?), см. {*kod-i-}.

{*kod-it-} (?), ср. *Coditten*, 1485; *Codyten*, 1352, но *Ceyditten*, 1515 (APON 67). — Впрочем, Герулис относит первый пример или к **Kud-* (см. *Kodyen*), или к переработке *Kodele*, а второй связывает с **Koid-* (см. *Koyden*). В целом неясно и, возможно, объединяет разнородные примеры, как и в случае {*kad-}.

{*kod-i-} (?), ср. *Kodyen*, 1319, позже — *Koddien*; *Coddin*, *Cudyn*, 1330 (APON 67). — Герулис исходит из **Kudin*, с суфф. *-in-*. См. {*kud-in-}.

{*ko- & *drav-}, ср. Nom. pr. *Kodrawe*, *Kodraw*, *Kodrow*, *Kvdrawe*, 1292 (PU 2, 373); *Codrow*, 1377; *Kodrawe*; *Kodrawe*, 1396; *Codraw*; *Kvdraw*, 1393/94; *Claus Codrow*, 1425 (APN 47, 141). — См. {*ka-}, {*ko-}, {*ku-} и {*drav-}. — Сочетание местоименного элемента в первом члене с корнем **drav-* во втором члене, выступающим и самостоятельно (ср. *Drawe*, *Drowinen moter* и др.), и в сочетании с префиксами (ср. *Nadraws*, *Padrawe*, *Preydruw*) или с другими корневыми элементами (ср. *Tuledrawe*, *Mentedrawe*).

{*kōdr-in-} (?), ср. *Codrynen*, 1425, позже — *Godrienen* (APON 67). — Ср. также Nom. pr. *Codruno*. SRP 1, 62 (1239), лат. Dat. (APN 47), впрочем, объясняемое и иначе. — Обычно интерпретируют как **Kudrin-*. См. {*kudr-in-}.

{*ko- & *drun-} (?), ср. Nom. гр. *Codruno*. SRP 1, 62 (лат. Dat.), 1239 (APN 47). — Возможно, сочетание местоименного элемента и корня *drun-, выступающего и независимо, ср. Nom. гр. *Druneike*, 1394, см. {*drun-}. В свете сказанного о {*kodr-in-} не исключена и другая трактовка имени — *kodr-un-.

coestue, см. *coysnis*.

{*ko- & *gat-}, ср. Nom. гр. *Kogathe* (APN 47). — Герулис APON 67 членит *Kog-athe*, сопоставляя первый элемент с корнем местного названия *Kogeyn* (т. е. *Kog-ein-*). Однако Траутман AfslPh 38, 1923, 132; APN 141 указал, что ввиду наличия имени *Gatte*, см. {*gat-}, следует членить *Ko- & *gat-. В таком случае речь идет о сложении местоименного элемента с корнем *gat-* по хорошо известной модели. — Фальк. Wig-Нис. I, 9 сравнивал с *Kogathe* название мыса на одном из вигрских озер в Сувалкии *Kuģevizna* и допускал ятвяжское происхождение этого названия. Козеровский Sl. Осс. 3—4, 1925, 99 соотносил с *Kogathe* гвезн. *Kogisz*, *Coysz* (1398). Иначе говоря, попытки выделить в этом имени корень *Kog-* продолжались и после указания Траутмана.

{*kog-ein-}, ср. *Kogeyn*, 1422 (APON 67). — Герулис выделял суф. *-ein-* и предлагал реконструкцию. Nom. гр. **Koge* (кстати, этот же элемент он находил и в *Kogathe*). Объяснение корневого элемента затруднительно. Ср. лтш. *Kagainis*, рл., *Kagaini*, *Kagai* (LV I, 2, 3); куршк. *gebrockte*, *gehete* *Kaggepurve*, 1525 (KF 108)? — Возможно, этот же элемент присутствует в прусск. *Cogeno*. См. {*kog-en-}, {*kag-en-av-}.

{*kog-en-}, ср. *Cogeno*, 1340, лес (APON 67, с отсылкой к *Kagenaw*). — Неясный элемент *kog-* (ср. также *Kogeyn* и возможные его соответствия в латышском) может быть — за неимением более надежных соответствий — сопоставлен с рядом лтш. примеров, где, в частности, неоднократно выступает суф. с носовым согласным. Ср. с лтш. *Kag'ene*, *Kag'enes-dikis*, *Kag'eni*, *Kag'ēni*; *Kagenite* (по Эндзелину: *-ge- < -ga-?*), *Kagai* (ср. *Kagainis*, рл., *Kagaini*), а также *Kag'is*, *Kag'a-sēta*, *Kag'i*, *Kag'es*, *Kag'u-sala* (LV I, 2, 3,—4: *kag'i?*); Буга указывает лтш. *Kagari* (RR I, 423). Неясны и возможности связи с ономастическим обозначением черной вороны в лит. *kogas*. Наконец, по-разному, могут объясняться русские гидронимы типа *Кагиновка*, *Каганка* и т. п. (см. Гидр. басс. Оки 49, 86 и др.) на территориях, где отмечены исторические следы пребывания балтов. Вместе с тем нельзя игнорировать сходство **kog-en-* с элементом *Kogona* в названии пограничного знака прусск. *Kogonassantle*, 1284 (Кг. Braunsberg). APON 68; ср. лит. *Kagānai* (LATSŽ 115)? — Ср. {*kog-ein-}.

{*kog-il-/-el-}, ср. *Kogils*, 1484, *Kogels*, к востоку от Дейме (APON 68: к образованию ср. *Buto* — *But-il* и т. п.). — Ср. лтш. *Kagari*. BW 12967, 2 (Буга RR I, 423); *Kag'ulieši* (LV I, 2, 4 при *Kag'is*, *Kag'ene* и под.)? — См. {*kog-ein-}, {*kog-en-}. — Од-

нако теоретически возможна и другая трактовка *Kogils* — как **Ko-* & **gil-*, см. {*gil-}.

{*ko- & *gland-}, ср. Nom. гр. *Kogland*, ок. 1400; *Coglande* 1325, 1392 (APN 47, с важным замечанием о не всегда четком различении на письме *n* и *u*, т. е. *Coglande* и *Coglaude*). — Сложение из местоименного элемента и корня *gland-* (APN 141; Leskien IF 34, 1914—1915, 314). См. {*gland-*}: *Glandin*, *Glando*, *Naglanden*, *Nirglände*, *Noglande*, *Sanglande* и т. п. — Ср. {*ko- & *glind-}.

{*ko- & *glaud-} (?), ср. Nom. гр. *Coglawde* (APN 47). — Возможно, ошибочное прочтение имени *Coglande*, см. {*ko- & *gland-*}, где говорится о нечетком в ряде случаев различении на письме *n* и *u*. Тем не менее, наличие корня **glaud-* в прусск. Nom. гр. *Glawde*, *Glaudwo*, *Glaudwyn* (см. {*glaud-}) и в вост.-балт. названиях (ср. лит. *Glaudžių km.*, *Glaudienų km.*, лтш. *Glūdāni*, *Glaude*, *Glūdēni* и т. п.) делает реконструкцию {*ko- & *glaud-} достаточно правдоподобной.

{*ko- & *glind-}, ср. Nom. гр. *Koglinde*, *Coglinde*, 1340 (SU 232), 1348 (SU 263). APN 47, 141; Leskien IF 34, 1914—1915, 314. — Сложение из местоименного элемента *ko-* и корня *glind-*. См. {*glind-}: *Glynde*, *Glindio*, *Naglindes*, *Nirglinde*, *Sanglinde* и др. — в отношении аблаута к {*gland-*}. — ср. {*ko- & *gland-}.

{*kogon-} (??), ср. *Kogonassantle*, 1284, пограничный знак (APON 68). — Видимо, должно пониматься как «знак (ср. прусск. *eb-sentliuns* : *-santle*, лит. *žėnklas* 'знак') *Kogon'ы*» — при том, что нет никаких сведений, которые прояснили бы слово *Kogona* (Nom. гр., топоним?). Не исключена связь этого названия с обозначением леса *Cogeno*, см. {*kog-en-}, где указаны и некоторые предполагаемые (хотя и далекие от достоверности) параллели за пределами прусского. — См. {*kogon- & santl-}.

{*kogon- & *santl-}, см. {*kogon-}, {*santl-}, *ebsentliuns*.

{*koid-}, ср. *Koyden*, 1332; *Koyde*, 1376, позже — *Koyden* (APON 68: с реконструкцией прусск. Nom. гр. **Koide* на основании имени *Coyd-ike*, отмеченного Pierson Cod. 623 (ср. *Macke* : *Mak-ike*), но отсутствующего, однако, в APN, где дается только *Coytike*); сюда же, по мнению Герулиса APON 67, следует отнести *Codyten*, 1352. *Ceyditten*, 1515 (в Самландии), см. {*kod-it-}. — Толкование элемента *koid-* представляет существенные трудности. Надежные параллели или вообще отсутствуют, или пока не найдены. Многие зависят от того, могут ли разрозненные и не всегда достоверные примеры из прусск. и других балт. языков стать основанием для реконструкций схемы **kaid-* : **keid-* : **kid-* или же не могут. Во всяком случае как о некоем резерве следует помнить о таких примерах, как прусск. *Ceydann* (позже — *Kaidann*), лит. Nom. гр. *Keida*, *Keidal*, *Keidžiai*, *Keidūnas*, *Keidūnis* и т. п.; лтш. *Keidas*, *Keide*, *Keidāni*, *Keidēni*, *Keiduoni* (LV I, 2, 200), во-первых; прусск. *Kaydelauks*, XIV в. (Trautmann AfslPh, 38, 1923, 131; пропущено у Герулиса), лит. *Kaidonėliai* (LATSŽ 115), Nom. гр. *Kaida*, *Kaidaitis* и др., во-

вторых; в лит. *Kiduliai, Kidiškis* (LATSŽ 133), *Kidė, Kidėlė, Kidaraistis* и др. (LUEV 74; Liet. hidr. 117, 243; LHEŽ 156 с замечаниями о прибалт.-финском слое в части примеров с элементом *Kid-*), Nom. рг. *Kidžius, Kidōlius, Kidulāitis, Kidminas* и др. (Liet. antrop. 154); лтш. *Ķidas, Kidde, Ķid-sala, Ķidēni* и др. (LV I, 2, 218), в третьих. — См. {**Kaid-*}, {**kaid-* & **lauk-*}, {**keid-*}, {**keid-an-*}.

{**koid-it-*}, см. {**koid-*}.

{**koik-*} (?), ср. *Coyk*, 1284 (APON 68: с отсылкой к *paustocalcan*). — Осторожнее трактовать эту форму как элемент микро-системы **kaik : *keik- : *kik-*, где каждое звено представлено как прусскими данными (*Coyk; Keykot; Kike, Kikiten* и т. п.), так и данными вост.-балт. языков. Примеры см. {**keik-*}, {**keik-ait-*?}, {**keik-ut-*}, {**kik-*}, {**kik-ait-*}, {**kik-el-*}, {**kik-en-*}, {**kik-it-*}, {**kik-iv-in-*?}, {**kik-ot-(at-)*} и др. В таком случае *Coyk* может рассматриваться как иллюстрация элемента схемы с вокализмом *a*.

{**kois-*}, ср. *Coysz*, 1398, *Cogisz*, 1434, которые Брюкнер ZfslPh 6, 1929, 58 соотносил с прусск. *Keysc, Keiss*, in campus *Keysonis*, 1290. — См. {**kois-en-*}, {**kais-*}.

{**kois-en-*}, восстанавливается на основании написаний *Coysenis* (приведено в кн.: А. Palmowski «Handbuch der Pруßischen Sprache» (рукопись), по сообщению Брауэра), ср. *Koysnyk*, 1363, *Kosnyk*, озеро и ручей; *Koysznykzculik*, 1359; *Kosnyc-ulis*, 1362, ручей (APON 71: к *coysnis?*; суф. *-ik-*; *-ulis = vlis*); позже — *Kosno-See, Chosnitz* (между Sullenschin и Sassen). Принимая сопоставление с прусским *coysnis*, Брауэр Pруß. Siedl. 1980, 44 полагает, что эти названия должны относиться к «bürstenartigen Schilfwuchs»; то же допускается и в случае топонима *Chesnitz*.

{**kois-(en)-ik-*}, см. {**kois-en-*}, {**kosn-ik-*}.

coysnis 'гребень'. Э 557 ('Kam'). Nom. Sg. masc., в показательном «косметическом» микрословаре — Э 558: *scrundos* ('Schere'), Э 559: *coestue* ('Burste') 'щетка'. Nom. Sg. fem. — *Coysnis* и *coestue* — слова общего корня, но разные в словообразовательном и морфологическом отношениях. Противопоставление мужск. и женск. родов не является случайным: во многих языках гребень обозначается словом masc., а щетка — словом fem (ср. русск. *гребень* — *щетка*, нем. *Kamm* — *Bürste* и т. п.); этому различию отвечает и мифопоэтическая образность (гребень (хохол) и щетка соответственно связываются с обозначениями первичных мужских и женских половых признаков; ср. также символику стрижки, ножниц (*scrundos*), реализующую инструментальный аспект той же темы). В этом контексте противопоставление суффиксальных элементов *-n-* и *-t-* некогда могло быть значимым. Во всяком случае принадлежность обоих слов к одному корню не вызывает сомнения. Сочетание *oe* в *coestue* должно пониматься как обозначение дифтонга — **coistue*, при чем характер слогового элемента *o* (вм. *a*), видимо, зависел от качества предшествующего согласного (см. Benveniste St. balt. 2, 1932, 79,

ср. также *oa* в таких случаях, как *moasis* при *mayse*, в качестве графического способа выражения дифтонга на *-i*). Таким образом, следует исходить из **kois-t-uv-e* (**kais-tuve*, ср. к передаче *-tue*: *nurtue, romestue, preartue*) и **kois-n-is*. — Наиболее близкие параллели (в связи с первым словом практически точная) в литовском. Ср. лит. *kaištuvė, kaištūvė; kaištūvas* 'скребок', 'скобель'; 'терка' (*Kaištuvās* — *paūkklas, kuriuomi lentas gal dailiai nukaišti; Geras kaištuvās turi asnį, turi vilnos ėmimą* (к мотиву чесания волос, шерсти!); *Su kaištuvė išdailina geldą, klumpį*. LKŽ 5, 77), образованные с помощью суф. *-tue-* от глагола *kaišti* 'скоблить', 'скрести'; 'строгать', 'шлифовать', 'выравнивать'; 'сдирать' (кожу); 'чистить', 'вытирать'; 'чесать' (в значении быстрого движения); 'изнурять' и т. п. (LKŽ 5, 75); ср. также *kaištė* как обозначение шпильки для закалывания волос (ср. сходную функцию гребня, носимого в волосах), *'smaigt', 'plaukų segtukas'* (*Gaurų kaištė s. Q 238*, из рукописного нем.-лит. словаря XVII в.), *kaištis* 'палка для затыкания щели в заборе' (*Duok kaištų spragai užkišti — gyvučiai gali išeiti*); 'пролом, через который выгоняют скот'; 'клин' (?), см. LKŽ 5, 75. Два последние примера, естественно, соотнесены с лит. *kišti* '(в)тыкать', 'совать', но не исключено, что сам этот глагол мог быть генетически связан с *kaišti*. В пользу подобной связи говорили бы и морфонологические отношения (*kaiš- : kiš-*), и семантические связи между обозначениями «точечно-перпендикулярного» (втыкать, совать, ударить и т. п.) и «поверхностно-параллельного» (строгать, скоблить, шлифовать и т. п. действия, реализующиеся на поверхности) движений; ср., напр., *ткнуть, (в)тыкать*, но *ткать* или многочисленные примеры, когда одно и то же слово обозначает 'чесать', 'скрести', 'гладить' и т. п., с одной стороны, и 'бить', 'колотить', 'хлестать', 'рвать' и т. п., с другой (ср. ЭССЯ 4, 85—86). Характерен и параллелизм (вплоть до тождества) производных образований от *kaišti* и *kišti*, ср. *kaišena* 'скобель', 'скребок' (*kaišenos* 'оскрёбки') и *kaišena* 'тот, кто суется, куда не следует' и т. п. (см. LKŽ 5, 70—71 и др.), образования с тем же элементом *-n-*, что и *coysnis*; ср. *kaištis* 'втулка', 'засов' и т. п. (LKŽ 76—77); *kišti* и т. п.; *kaišyti* 'скоблить', 'скрести'; *kaišyti* 'утыкивать' и др. Наконец, если исходить из названия гребня с правдоподобной внутренней формой «причесывающий», то и здесь обнаруживается отмеченный выше параллелизм: гребнем не только *чесут, расчесывают* (движение по поверхности), но и *фиксируют* результат этого действия («причесанность»), *втыкая* гребень (или шпильку) в волосы (точечное действие); иначе говоря, один и тот же звуковой комплекс кодирует и исходное действие и достигнутое в результате его состояние (конечная стадия). — При отсутствии сколько-нибудь специализированных параллелей в латышском (ср. *kāisīt* 'сыпать', 'рассыпать', 'рассеивать', уже Бенценбергером и Лескином сопоставлявшийся с лит. *kišti, kaišyti*) обращает на себя внимание славян-

ский материал. Речь идет о праслав. **cěsta* 'дорога', отраженном в ц.-сл. *цѣста* *πλατεια*, 'platea', с.-хорв. *цѣста* (чакав. *clsta*, босн., далмат. *těsta*), словен. *cěsta* (в частности, в Резье), ст.-словен. *zěšt* (Versuch Slow. Md. 216); чеш. *cesta*, ст.-чеш. *cěsta*, *ciesta* (с XIV в.), словц. *cesta*, польск. диал. *cesta*; русск.-ц.-сл. *цѣста* (ЭССЯ 3, 188; Słown. prasłow. 2, 83). **Cěsta* как параллель к лит. *kaišti*, прусск. *coestue*, *coysnis* была привлечена уже давно (Zubatý AfslPh 16, 1894, 385 = St. Cl. I, 2, 90; Berneker Pr. Spr. 257, 300; SEW 1, 127; Trautmann KZ 43, 1909, 153; APSpr. 361; BSW 113 и др.) и пользовалась признанием до последнего времени (ср. LEW 205; Pok. 1, 520 и др.), если не считать отдельных исключений. Однако ЭССЯ 3, 188 и Słown. prasłow. 2, 83—84, возобновляя идею Гейтлера Lit. Stud. 1875, 77, 113 и Брандта РФВ 21, 214, предпочитают связывать **cěsta* с **kaist-* или **kaid-tā/*skaid-tā* 'росчисть', 'чистый', как бы противопоставляя эту этимологию той, которая связывает **cěsta* с лит. *kaišti*, прусск. *coestue* и под. Нужно думать, что, хотя **cěsta*, действительно, обозначала по происхождению расчищенную (чистую) дорогу, но значение 'чистый' в данном случае должно рассматриваться как непервичная и, главное, экстенсивная мотивировка коренной семантической идеи, лежащей в основе слова **cěsta*, во-первых, и само значение 'чистый', 'расчищать' может оказаться вторичным и связанным с непротиворечащими ему на этом уровне балт. данными ('скоблить', 'скрести', 'чесать', 'гладить', 'выравнивать' и т. п.), во-вторых. Характерно, что продолжения праслав. **cěsta*, являющегося архаичным регионализмом, отмечены в непрерывной, по сути дела, полосе от Карпат до предгорий Альп с «языком» к югу (сев.-зап. Балканы), т. е. в безусловно гористой неровной местности, где лучшие дороги, как правило, предполагают их выравнивание, «разглаживание», трамбовку, выпрямление (не случайно, что в фольклоре балканских народов слово дорога сопровождается обычно эпитетом «ровная», а не «широкая» или «длинная», как у восточных славян). В тех случаях, когда **cěsta* имеет какое-либо уточнение, специализацию образа дороги, то обнаруживаются значения, предполагающие искусственный характер дороги — шоссе, тракт, улица и под., т. е. применение определенной техники приготовления дороги типа **cěsta* (Скок Etim. rječn. hrv. 1. 259 определяет хорв. *cěsta* как «put, vještački put građen od inženjera», ср. *cestar* 'Straßenmeister'). Поэтому очень правдоподобно понимание продолжений праслав. **cěsta* в том же плане, что и лат. *via trita*, *strata* (ср. ст.-франц. *estrée*, нем. *Straße*), польск. *utarta droga* (ср. чеш. *protřítí sobě cestu* и под.), *bita droga*, *szlak bity* (из нем. *Schlag* 'удар'), ср. избыточное с этимологической точки зрения словц. *šl'ákováná cesta*. Иначе говоря, **cěsta* могла обозначать «рогачный put» и даже служить переводом лат. *strata* в эпоху знакомства славян с римскими дорогами (Скок). В этом контексте допустима точка зрения о том, что **cěsta* — окаменевшее Partic. praet. pass. на *-to-*, употреблявшееся некогда в сочетании с названием дороги — **cěsta*

& **dorga* (характерно, что и само **dorga* соотносено с глаголом **dǫrgati*). В таком случае реконструируется праслав. глагол **cěs-ti*, едва ли отделимый от лит. *kaišti* 'скрести' и под. и, возможно, восстанавливаемого прусск. **koist-t* (**kais-t-*), соотносимого с *coestue* и *coysnis*. Более бесспорна, однако, реконструкция производного (т. е. вторичного) праслав. глагола **cěstiti* (ЭССЯ 3, 189; Słown. Prasłow. 2, 83—84), продолжения которого еще сохраняют «технические» значения; ср., напр., ст.-слав. *цѣстити* *εὐνοουχίειν* (Супр.), словен. *cěstiti* 'кастрировать' (ср. *listje cestiti* 'обрывать листья') и под.; особенно характерны такие контексты, как: *самъ ѿ цѣстикъ не ножема, нъ вѣрѣж* (Супр.) или *Воини . . . броня цѣстам* (Златоустр., сл. 8) в соответствии с *ἀποσμήχουσι*, т. е. 'вытирают' (→ 'чистят'); в русск.-ц.-сл. *цѣстило* 'жертвенник', являющемся, видимо, калькой с греч. *ἱλαστήριον* (собств. — '/жертвенник/ умилоствления'), см. ЭССЯ 3, 189, можно еще кажется угадать такие смыслы, как 'сглаживать', 'выравнивать', 'примирять' и т. п. Приведенные соображения, возможно, проясняют семантическую мотивировку слав. **čistъ*, **čistiti* (: **cěs-t-* : **cěst-*) и поддерживают идею связи прусск. *coestue*, *coysnis* с соответствующим глаголом, отсутствующим в прусском, но зафиксированным в литовском и славянском. В этом смысле указанные прусские слова принадлежат к балто-славянскому фонду. Вопрос о более древнем источнике этих слов и о возможных связях за пределами балто-славянского круга принадлежит к числу сложных и здесь не может быть решен. Тем не менее, уместно обозначить некоторые возможности. Предполагаемая исходная для б.-слав. примеров и.-евр. форма **kaik'-*, **koik'-* (WP I, 328; Pok. 1, 520) позволяет подключить к сравнению и др.-инд. *keśa-* 'волосы на голове' (ср. *keśin-* 'гривастый', уже Trautmann KZ 43, 153; APSpr. 361) с той же мотивационной моделью, что и в слав. *kosa* : *česati*. Несмотря на некоторое правдоподобие (см. KEWA I 1, 267—268), эта параллель, по крайней мере, пока вызывает определенные сомнения ввиду неясности самого слова *keśa-* внутри др.-инд. (в частности, остаются невыясненными отношения с др.-инд. *késara-* 'волосы', 'грива' (из **késra-* ?), сравниваемым в свою очередь с лат. *caesariēs* 'длинные волосы', 'пышные кудри'). Если же исходить из и.-евр. **kois-* (Pok. 1, 611), а не **koik'-/*kaik'-*, то внимание может быть привлечено к лат. *cūra* 'забота' (: *cūrō*, при ст.-лат. *coiravit*, пелигн. *coisatens* 'curaverunt'), умбр. *kuratu* 'curato', готск. *ushaista* *ύστερηδεις* (ср. галльск. Nom. pr. *Koisis*, *Coisa*); ср. русск. *забота* при **botati* 'бить', 'ударять': **botati se*, русск. диал. *бóматься* 'биться', 'хлопотать', 'суетиться', 'беспокоиться' (→ 'заботиться') или возможность понимания заботы как состояния задержанности (ср. выше о 'дергать' в связи с **dorga* в контексте **cěsta* : лит. *kaišti*) — при допустимости и других объяснений. — В связи с *coestue*, *coysnis* предлагались (иногда походя) и другие этимологические решения. Нессельман Thes. 1873, 76—77 связывал эти слова с лит. *kasyti*, *kasinti*, лтш. *kasīt*, слав. *česati* и прежде всего с лит. *kastūvas* и под. Буга

Aist. St. 1908, 212 выводил *coestue* из **coistue* < **kuistvē* (: **kuit-t(u)vē*, ср. лит. *kuisties* (*kuičiūos*) и под.), а *coysnis* — из **kui(t)-sny-s* (ср. LEW 204—205 : к *kuiténties*=*kuténties* 'расправлять (себе) перья', 'щекотаться'). Миккола AfslPh 39, 1925, 139—140 в своем объяснении исходил из трактовки фонетического значения диграмы *oe* как *ō* (в духе приема обозначения долготы в немецких текстах, ср.: *Pfo^ol*=*Pfōl* (*Pfohl*), *Stu^ol*=*Stāl* (*Stuhl*)) и понимал *coestue* как **kōstuvē* (из **kāstuvē*), которое сопоставлял с лит. *kastūvas* (*kaštūvas*) 'лопата', 'заступ' (: *kāsti* 'копать', 'рыть', *kasyti*). Мнение Микколы вызывает ряд возражений, в частности, и потому, что оно отделяет *coestue* от *coysnis*. Более чем сомнительно предложение (Сop Linguistica 13, 1973, 151) выводить *coysnis*, *coestue* (как и лит. *kāišti*, др.-инд. *kéśa-*) из и.-евр. **kai-k'*-, родственного **kai-s-* (др.-инд. *kesara-* и под.); и то, и другое, согласно Чопу, сопоставимо с угорск. словами для волос (венг. *haj* и др.); слав. **cěsta* выводится из и.-евр. **kei-s-t-* 'двигаться'. — Отношение *coestue* и *coysnis* к Nom. pr. с корнем *kais-* (см. {**kais-*}) далеко от ясности, хотя имена с подобной семантикой широко известны в разных языках (ср. лит. *Sepetys* и др. Liet. antrop. 204; ср. LHEŽ 328; русск. *Гребень*, *Щетка*, *Щетина*. Ономаст. 87, 377 и др.). С *coysnis*, возможно, связаны и местные названия, о которых см. {**kais-(e)n-*}, {**kais-en-ik-*}, {**kosn-ik-*}.

— Л и т.: Thes. 1873, 76—77; Zubatý AfslPh 16, 1894, 385=St. Čl. I, 2, 90; Berneker Pr. Spr. 257, 300; SEW 1, 127; Baga Aist. St. 1908, 212; Trautmann KZ 43, 1909, 153; APSpr. 361; BSW 113; Mikkola AfslPh 39, 1925, 139—140; WP I, 328; Benveniste St. balt. 2, 1932, 79; SPV 196; ЭСР 4, 301; LEW 204—205, 227; Pok. 1, 520; KEWAi 1, 267; Schmid Stud. balt. u. idg.Vb. 1963, 103; Stang Vgl. Gr. 1966, 25; Сop Linguistica 13, 1973, 151; Etim. sl. č. 84; ЭССЯ 3, 188; Etim. Sloven. 1, 63. — [**kaisnis*, **kaisnis*; **koistu(v)e*, **kaistu(v)e*].

{**koit-*}, ср. *Koythen*, 1327, *Kothyn*, 1359; *Koyten*, ок. 1400, позже — *Choyten*; *Koitelauken*, 1308, *Koite*; *Kothelauken*, ок. 1400; *Koytebrickyte*, 1305; *Koytebrickude* (APON 68); Nom. pr. *Koyt*, 1267, в эльбингской грамоте (PU 2, 188—189, среди других прусских имен, см. Trautmann ZfslPh 9, 1932, 78); *Koyte*, *Koythe*, 1404; *Coyte*, 1335, 1386; *Koyte*, 1335, 1397, 1398; *Koythe*, 1395, 1405; *Keyte*, 1371, 1378; сюда же — *Koytike*, *Coytike*, 1353; *Coytinis*, 1289 (PU 2, 334), *Keytino*, 1261 (SU 39, лат. Dat.); *Nikil Keytine* (APN 47—48; ср. Kozierowski Sl. Occ. 3—4, 1925, 103); *Keytin* (Hans и Johannes), 1510—1529 (Фишево, к сев.-вост. от Мальборка); *Koyte*, 1510—1529 (villa Schlanglau. ŽEM 1, 61; Непокупный Балт.-сев.-слав., 1976, 116—117), а также сложные имена: *Tulekoyte*, *Tulikoyte*, 1396, 1342, 1348; *Tulekoyten-dorff*, ок. 1400; *Tulekoite*, 1294, 1340; *Tulekoithe*, 1285 (PU 2, 305); *Tulekoite Tulkoyte*, 1302 (PU 2, 503); *Tulkoythe*, 1289, 1341; *Tulecoit*, 1365; — *Peter Wissekoyt*, 1419; — *Nakuyte*, 1328 (APN 65, 108—109, 120, 141). — Этот же элемент восстанавливается на основании хорошо документированных старых и новых названий в дельте Вислы (Жулавы). Ср. современное *Chojty*, деревня под

Дзергонем (пов. Sztum.), диал. *Xūtti* (до *Xūtt*, *f* *Xūttax*, *xūiecki*, *xūiecke luže*), позволяющее восстановить **Koital*, что и подтверждается, начиная с XIV в.: в записи 1302—1306 гг. сообщается, что прусс Tustim получил от Конрада Зака *Feld Koite* (PU I, 2, 547); ср. также саприм *Koite*, 1308 (PU I, 2, 556); *Koyten* адир *Leupyn*, поле и деревня, ок. 1400 (Semrau Siedl. Morein, 7); *Coyten*, 1437 (ZB 34); *Choity*, *Coitki*, 1647 (Fontes Tor. IV, 142); *Choyty*, 1682 (Ibid. 53); *Choyten*, ок. 1790 (Srt. X); *Chojty*, 1880 (Słown. geogr. Polsk. I, 623); *Chojty* (нем. *Koiten*). Słown. nazw. geogr. PZP 36. Характерно, что прусское название вытеснило более раннее славянское — **Lopienno*, что представляет собой первостепенный интерес с точки зрения вторичной прутенизации этой области. Существенно, что название другой деревни, содержащее тот же корень, наоборот, было вытеснено новыми (но тоже прусскими!) названиями, ср.: *Kothelauken*, *Woysethen* vel *Polex*, 1389 (Siedl. Morein, 48); *Kothelauken* vel *Polex*, *Woysethen*, ок. 1400 (Ibid. 6). На основании *Chojty* восстанавливается и исходное Nom. pr. **Koitis*, рассматриваемое как гипокористическое образование от полных (двучленных) имен типа *Tulekoyte* (ср. Nom. propr. *Koyt*, 1269; *Nicolaus Koyt*. Cod. dipl. Brand. 1, 102, о которых см. Schlimpert Slaw. PN 1964, 62: едва ли верно). — Переход *ai* > *oi* обычен для помезанского диалекта прусского языка. О жулавских отражениях **Koit-* см. Górniewicz Zesz. nauk. 3, 1975, 38; Roczn. Elbl. 8, 1979, 94, 100—101; TPG 12, 43, 78, 95, 120, 362, 367. — Относящиеся сюда же имена на *Kait-* см. {**kait-*}; ср. еще LHEŽ 142: скорее всего к лит. *kalsti* 'нагревать', *kaitulys*. Ср., однако {**keit-*}, если его понимать как огласовку *e* того же корня. — См. также {**koit-ik-*}, {**koit-in-*}, {**koit-en-* (?)}, {**koit- & *lauk-*}, {**na- & *koit-*}, {**tul- & *koit-*}, {**vis- & koit-*}.

{**koit- & *brik-it* (?)}, см. {**koit-*}. — Герулис APON 68 допускает, что форма *Koytebrickude* в своей второй части содержит н.-нем. *broekede* 'мост'; в случае, если этот графический вариант не является наиболее точным (ср. *Koytebrickyte*. Elb. Cop. 155), не исключено предположение о суфф. *-it-*. Герулис не уточняет, как в этом случае толковать элемент *brick-* (заимствование из нем. *Brücke*? н.-нем. *broek* 'топкая, заболоченная земля'? и т. п. или же редкий и недостаточно ясный элемент балт. топонимии, ср. LV s. v.). — См. {**kait- & *brik-*}.

koyte 'хотеть', уточнения см. ниже. ВРТ (Eg. k o y t e. poyte. n y k o y t e. pēnega. doyte). 2. Sg. Praes. (Mažiulis Baltist. 11, 1975, 129; РКР II, 62); менее вероятно предположение о 3. Sg. Praes. — Трактовка слова связана с определенными трудностями. Целесообразно ориентироваться на близкие глагольные формы, обнаруживаемые в разных вариантах словаря Грунау (Гр.). Ср.: *koytu*. Гр. 83 (*ny koytu* 'wiltu nit'), *koyto*. Гр.-Г. 100 (*Ny koyto* 'Wiltu nicht'); *Nykoitu*. Гр.-Кип. (*Nykoitu* 'Vin mesum'; ошибочный перевод, исходящий не из нем. *nit* 'nicht', а из *mit* 'с'), см. Baltist. 6, 1970, 222, 225; РКР II, 60; о *kayat* см. *quoī*, *quoitē*. К этому же кругу нужно от-

нести и такие формы, как *quoitu*. К III, 79, 9; *quoi tu*. К III, 99, 18. Последняя форма (точнее, соединение глаг. формы 2. Sg. Praes. с соответствующим личным местоимением) позволяет рассматривать аналогичным образом не только *koytu* (**koi* & **tu*) или *koyto* (**koi* & *tu*), но даже, видимо, и *koyte*, состоящее правдоподобно из **koi* 'хочешь' и **te*, в котором скрывается *tu* 'ты' (передача *tu* через *te* могла бы объясняться редукцией гласного в Pгоп. encl. и/или уподоблением флексии *-te* в формах соседних Infin. *royte* и *doyte*, в результате чего образовалась цепь рифмующихся глагольных форм, причем одной флексии *-te* отвечали две разные формы — 2. Sg. Praes. и Infin.). Такая трактовка (**koi*- & **tu*-) хорошо соотносилась бы с общим смыслом этого текста и с морфологическим указанием субъекта (ср. раньше *tho* 'ты'). Менее правдоподобное второе объяснение (*koyte* как 3. Sg. Praes.) опирается на форму *quoitē*. К III, 57, 9 (или: *quoitā*. К III, 51, 16); если принадлежность ее к 3. Sg. не вызывает сомнений, то увязка формы 3. Sg. с общим смыслом сопряжена с трудностями. Наконец, можно думать и о попытке создания импровизированной (ad hoc) форма generalis глагола, претендующей на комический (в соответствии с общим замыслом текста) эффект. — Подробнее см. *quoi*, *quoitē*.

— Л и т.: McCluskey, Schmalstieg, Zeps Gener. Ling. 15, 1975, 161; ОР (вклейка факсимиле); St. ОР 4.207; 4.600; 4.601; 4.710; 4.713—4.715; 4.717; Mažiulis Baltist. 11, 1975, 125, 129, 130; РКР II, 62; Топоров Baltist. 15, 1979, 99.

{**koit-en*- (?)}, см. {**koit*-}.

{**koit-ik*-}, см. {**koit*-}.

{**koit-in*-}, см. {**koit*-}.

koyto, см. *koyte*; *quoi*, *quoitē*.

{**koitr-in*-}, ср. *Kōytryn*, 1359, позже — *Kattreinen* (APON 68); ср. *Kojtryny* (Słown. nazw. geogr. PZP 132). — Согласно Герулису, родственно лит. *kaitrūs* 'жаркий', с суф. *-in*- или *-ein*-. В таком случае речь идет о предполагаемом прусск. **kait-r*- (наряду с **kait*-, ср. *prakāisnān* и под.). — Ср. лтш. *Kāitra*, *Kaitras-ezers* (LV I, 2, 6).

koytu, см. *koyte*, *koyto*; *quoi*, *quoitē*.

{**kok-av*-(-ōv-)}, ср. *Cocow*, 1404, озеро, позже — *Kock-See* (APON 68). — Ср. также {**kok-auj*-}, {**kok-en*-}. — Герулис сопоставлял с прусск. *kose*, лтш. *kāķis* 'галка'. — См. {**kak*-}.

{**kok-auj*-}, ср. *Kokowge*, озеро, 1305 (APON 68). — См. {**kak*-}.

kose, см. *kose*, *kote*.

{**kok-en*-}, ср. *Koken*, место, 1289; *Kocen-See*, 1359 (APON 68). — См. {**kak*-}.

kol-, см. *colwarnis*.

{**ko*- & **lang*-}, ср. Nom. pr. *Kolange*, 1390; *Colange*, 1407, 1419 (APN 48, 141, 142). — Из местоименного элемента *ko*- и корня *lang*-, ср. тот же тип — *Queilang*, 1340; *Quelang* (APN 50). К первому элементу см. {**ka*-} и под., а также сложные имена типа *Sa-terps*, *Ca-wald*, *Ko-buse*, *Ko-gland* и т. п.; ко второму — Nom. pr.

Lange, 1344; *Langedabe*; *Langwenne*, 1399 (: прусск. *lang*-) и топонимы *Langene*, 1364; *Langodis*, 1336; *Langoditen*, 1405. — Ср. Вага RR III, 138.

**kole*, см. **kose*, *kote*; *colwarnis*.

{**kol-en*-}, ср. *Colenen*, 1384; *Coleen*, 1392; *Colenen*, 1427, позже — *Callehnen* (APON 68). — См. {**kal*-}, в частности, Nom. pr. *Kalenicz*. Балт. параллели указаны Пр. яз. III, 164. — Ср. также {**kol-ik*-}, {**kol-ist*-}, {**kol-it*-}, {**kol*- & **kaim*-}.

{**kol-ik*-}, ср. Nom. pr. *Colicke* (APN 48). — См. {**kal*-}, {**kol-en*-}, {**kol-ist*-}, {**kol-it*-}, {**kol*- & **kaim*-}.

{**kol-ist*-}, ср. *Colisten*, 1411—1419; *Kalisten*, 1427, позже — *Kallisten* (APON 68); Nom. pr. *Thomas Coliste*, 1349 (APN 48). — См. {**kal*-}, {**kol-en*-}, {**kol-ik*-}, {**kol-it*-}, {**kol*- & **kaim*-}.

{**kol-it*-}, ср. *Colitten*, 1485 (APON 69). — См. {**kal*-}, {**kol-en*-}, {**kol-ik*-}, {**kol-ist*-}, {**kol*- & **kaim*-}.

{**kol*- & **kaim*-}, ср. *Kolkaym*, 1419 (APON 69). — Сложение из *kol*- (см. *kal*-) и *caymis* 'деревня'. — См. {**kal*-}, *caymis*.

{**kolkst-it*-}, ср. *Colkstitien*, 1326 (APON 69). — См. {**kalkst*-}, {**kalk-st-ein*-}, а также {**kalk*-}. — Связь с **kalk*- едва ли делает возможным сравнение с южнослав. примерами типа словен. *kòtk*, *kòlk* 'выступ скалы', 'вершина горы', 'холм', резьянск. *kolk*, *ku:k* 'небольшая гора', 'холм', терск. *kóuk*; с.-хорв. диал. *kük*, *kük* 'большой камень', 'утес', 'скала' (ср. топонимы *Kük*, *Kolk*, *Kovk* и т. п.), из праслав. **kъlkъ* (ср. русск. *колк*, болг. *кълка* 'бедро'), о которых см. Куркина Этимол. 1977. 1979, 48.

{**kolm*-}, ср. *Colm*, 1349, позже — *Kolm*; *Colmen*, 1385, позже — *Kolm*; *Colmen*, 1401, *Kaelmen*, позже — *Kölmsee*; — *Colmelawcken*, 1471; *Collmilawken*, 1482 (APON 69). — Герулис полагает, что эти названия нужно сопоставлять, пожалуй, не с прусск. *kalmus*, а с лит. *Kulminai*, *Už-kulmiai* (ср. *Culm* в Зап. Пруссии); указывается, что жители мест, получивших «Кульмское право», в соответствии с ним получали имена по их месторождению. — Ср., м. б., куршск. *ragasta Calmen* 1464 (?) (UB I, 12, 146). KF 108 допускает и трактовку **Calwen*. — См. {**kolm*- & **lauk*-}.

{**kolm*- & **lauk*-}, см. {**kolm*-} и *lauks*.

{**koln-ik*- (?)}, ср. *Colnig*. С 42 55^v (см. *Matusevičiūtė* APhil 8, 1939, 13). — Неясно. Не исключено, что здесь отражен тот же корень, что в лит. *kálnas* 'гора', лтш. *kalns* (переход *ka* > *ko* обычен в помезанском диалекте). Если это так, то данный пример уникален, поскольку в прусском значение 'гора' закреплено за словом *garbis*. Суффикс реконструируется в форме *-ik*- (ср. *Gulbig* = [**Gulb-ik*-]; предположение о суф. *-ig*- (ср. лит. *Šėdv-ygà*, см. *Liet. hidr.* 145) менее вероятно. — Любопытно, что уникальным представляется и сочетание корня *kaln*- с суф. *-ik*-: в вост.-балт., где *kaln*- лежит в основе множества словообразовательных типов топонимов и апеллятивов, таких примеров, кажется, нет (лтш. *Kalnikas* и под. сле-

дует понимать как результат гаплогонии: из **Kalninikas*, см. LV I, 2, 22). — Ср. лит. *Kálnai, Kálnas, Kalnėlis, Kalnālis, Kalnėliai, Kalnėliškiai, Kálnėnai, Kalnėnai, Kalnėnai, Kalniat, Kalnyčià, Kalnyčiai, Kalniėčiai, Kalnijos, Kálnynai, Kalnynai, Kálninė, Kálnišké, Kálniškės, Kálniškiai, Kálniškis, Kálnočiai, Kalnūčiai, Kalnūjaj, Kalnuočiai, Kalnuotė, Kálnuvėnai* (LATSŽ 117—119, здесь же сложные названия с *kaln-* в первом члене); *Kálnupis, Kalnyčià, Kálninis* и др. (LUEW 66; Liet. hidr. 95, 142, 160, 234, 262, 268, 274, 280; LHEŽ 143); лтш. *Kalns, Kolne, Kalni, Kalnaiši, Kalnaki, Kalnāji, Kalne, Kalnes, Kalnene, Kalnenieks, Kalnenieki, Kalnieki, Kalneni, Kalnėji, Kalnėjs, Kalnāji, Kalnėji, Kalnijas, Kalnikas, Kalninieki, Kalniniete, Kalninkas, Kalniņi, Kalniņš, Kalniškas, Kalniškās, Kalniški, Kalniškis, Kalnite, Kalniece, Kalnieki, Kalnieši, Kalnietis, Kalnietene, Kalņēni* (?), а также многочисленные сложные названия (LV I, 2, 16—25); куршк. des dorpes *Kalnen*, 1572; zcu *Calnyn*, 1541; *Calnuwen*, 1627—1628; *Calnuwehnenn*, 1647—1648 (KF 109). Ср. Nom. pr. лит. *Kalnius, Kálninis, Kalniėtis*, ст.-лит. *Kalnicky* (Liet. antrop. 114); ст.-лтш. *Kalnysche, Kalneczem*, трактуемые Блесе соответственно как *Kalnysche* и *Kalneczem* или *Kalnciems* (LPV 186).

{*kolt-}, ср. Nom. pr. *Colte*. SRP 1, 120 (APN 48). — См. {*kalt-}, здесь же параллели. — Ср. также {*kolt-en-in-}.

{*kolt-en-in-}, ср. *Koltynen*, 1306; *Kulteninen*, ок. 1400, позже — *Koltene* (APON 69); Nom. pr. *Coltenyn* (*Sanynte*, cognomine *Coltenyn*, 1285). PU 2, 287, на основании чего восстанавливают прусск. **Coltenne*, сопоставимое с лит. *Kaltėnis*. Ср. Būga RSl. 6, 1913, 32. — См. {*kalt-}.

{*kolv-ak- (?)}, ср. *Myntite colowach, Myntice colowach* (SU 27), в Самландии; *Sunecolowach*, 1258, *Sunecolowach* (SU 25), в Самландии (APON 99, 176). — Герулис вслед за Леви Altpr. Pers. 1904, 44 сравнивает вторые элементы в этих названиях с лит. *kalvakà* 'холмик', 'пригорок' (Nesselmann Wb. d. lit. Spr., s. v.; LKŽ 5, 164), явным лексико-словообразовательным раритетом (LKŽD 125). Непокупный Baltist. 6, 1970, 25 «в качестве рабочей параллели» указывает полесский гидроним *Коловач*, озеро (Цмины, Колковск. р-н Волынк. обл.); к контексту ср. *Горбач*, река (там же) при *горбака* 'холм', 'пригорок' (в частности, в Житомирской обл.). К сказанному можно добавить мазурск. *Kalwka* (дважды) при *Kalwa* (Słown. nazw. Mazur. II, 339); ср. в Гданьском Повисленье *Kalwa* (sztum.): *Kalba, Kalbe, Kalben, Kalbam*, 1280 (PU I, 2, 258), *de Calwa*, 1286 (PU I, 2, 308); *Kalwe*, 1297 (PU I, 2, 672), *Kalbe*, 1316 (PU II, 101), *Kalba*, 1343 (PU III, 506), *Kalbe*, ок. 1399 (ZHM 42), *Calba*, 1440 (МКВ 19—20), *Calbe* alias *Calwa*, 1565 (LMC I, 96), 1570 (LMC II, 62), *u Kalwy*, 1590 (H II, 53), *Kalwa*, 1615 (LPm II, 293), 1624 (ibid., 76), 1647 (Fontes Tor. IV, 146), 1664 (ibid. XXXII, 138), *Kalwe*, ок. 1790

(Srt X), *Kalwa*, 1882 (Słown. geogr. Polsk. III, 710; Słown. nazw. geogr. PZP 114, ср. *Kolwiny*, 133); диал. *Kalva, kalfski, kalviak*; ср. также *Kalwińskie Pastwisko*, 1615 (LPm II, 303), 1664 (Fontes XXXII, 142). См. Górniewicz TPG 68—69, 198 (*Kalwskie Pole*), 365. — Не исключено, что в словообразовательном оформлении *colowach* проявляется слав. влияние. Впрочем, и само балт. *kalv-* заимствовалось на соседних слав. территориях, ср. *колва, калва, колва* в старой белорусской и польской письменности Литвы (Jablonskis Liet. žodžiai 103—104; Лаучюте Слов. балтизм. 95).

colwarnis 'грач' Э 726 ('Ruche'), в составе «птичьего» микрословаря, ср. Э 723: *Bucawarne* 'Holckro', Э 724: *Kote* 'Tale', Э 725: *Sarke* 'Alester', Э 727: *Salowis* 'Nachtegal' и т. д. Nom. Sg. masc. — Значение уточняется в соответствии с н.-в.-нем. *ruch* 'Saatkrähe', *Corvus frugilegus*. — Трудности связаны с правильным пониманием первой части слова (вторая часть ясна, ср. прусск. *warnis* 'ворон', *warne* 'ворона'). Они тройного рода, и лишь трудности первого рода непосредственно коренятся в особенностях фиксации реального слова в графике Эльбингского словаря. Речь идет о том, что ясно читаемое в тексте *colwarnis* с *l* (ср. следующее по вертикали слово *Salowis*, также с *l* и *w*, графически идентичными тем же знакам в *colwarnis*) именно этим своим *l* приходит в несоответствие с написанием *Kote*. Э 724 ('Tale', т. е. 'Dohle', 'галка'), встречающимся в очень близком соседстве с *colwarnis*, во-первых, и обладающим близким значением, во-вторых. Уже здесь обнаруживается, — по крайней мере, в потенции — трудность в уеднообразии формы двух этих слов. Предлагались решения двух типов: принятие единой конъектуры в о б о и х случаях (т. е. **koswarnis* и **kose*, см. Pierson AM 7, 1870, 582; Pr. Spr. 300; APSpr. XXIV, 361, 362; SPV 196 и др.) или принятие конъектуры лишь в одном случае (предложение читать **kole* [= *kote*] при сохраняющем свое значение *colwarnis*, см. Буга РФВ 70, 1913, 107=RR I, 439; ЭСР 1, 388; Мартынов Baltist. II priedas, 1977, 109); разумеется, существуют редкие попытки избежать идею однообразия корня в этих словах и рассматривать каждое из этих слов особо. Уже из факта конъектур в указанных словах и, главное, из их характера можно судить о трудности (на этот раз искусственной) второго рода — преимущественной установки на предполагаемую этимологию слов, для которых принимается конъектура (правда, вторичным образом иногда указываются и чисто графические явления, напр., действительно известная мена *l* и *ʃ* /*s*/, ср. *mulgeno* Э 74, *lalasso* Э 563, *czilix* Э 735, *wolistian* Э 677, где вместо *s* стоит *l*, или *tusawortes* Э 131, где вместо *l* написано *s*; появление *l* вместо *s* иногда объясняют влиянием нем. *Kol(k)rabe* 'ворон', *Corvus corax*, см. LEW 285, которое ввело писца в заблуждение; ср. Thes. 77). Эта установка не была бы связана с последующими опасностями (более того, в этимологически ясных случаях обращение к такой установке при конъектурах вполне законно), если бы этимология *colwarnis* и *kote*, действительно, была известной. Третья трудность

как раз и заключается в том, что любая конъектура в реализуемом случае может поддержать лишь одно из этимологических решений, тогда как на материале этих слов в прусском и в других балт. и слав. языках выдвигаются в качестве относительно равноправных и е-с-к-о-л-ь-к-о разных этимологий, при чем это разнообразие зависит не только (и, пожалуй, не столько) от несовершенства предлагаемых решений, но и от того, что эти слова обнаруживают в своей истории следы реального разнородной перекрещенности семантико-звуковых процессов. В силу всех этих трудностей (и особенно последней) приходится считать излишне категорическими советы «исправить» чтение *colwarnis* на *cofwarnis* и *Kote* на *Kofe* (ср. РКР II, 43); впрочем, из сказанного не следует и заключение обратного рода (исключение *cof-*, *Kof-* из возможных конъектур). — При принятии последней конъектуры **kos-* в **koswarnis* сопоставляется с лит. *kúosa* ‘галка’, *Coloeus monedula* (Kiauksi kaip kúosa. LKŽ 6, 919; ср. *kuosa* ‘kawka’. Širv. Dict. — Pirm. LKŽod. I, 52; III, 100), *kúosas*, *kuosia*, *kúosakas* ‘juodvarnis’ и лтш. *kuosa*, *Corvus monedula* (Manz., J. Lang. [Kohssa, eine Thole], Stender [kohsa, Dohle, но и kohwahrns, см. Deutsch-lett. Lex. 2, 179 при kohwahrns, kohwahrns, Dohle, Thalchen, см. Lett. Lex. 115] и др.; ср.: pār eglēm klie dz k u o s a s), *kuosēns*, *kuōsains* ‘коричнево-пятнистый’ (ср. *kuosīte*, о курице соответствующей масти). ME 2, 348; EH 688; ср. также *kuōsa* ‘хвощ’ и *kuōsa* ‘холка’, ‘загривок’ и т. п., наконец, ср. курш. Nom. pr. *Kose* 1355—1362, которое KF 295—296 соотносит с названием галки (к семантике ср. фамилию *Kafka*, из чеш. *kavka* ‘галка’). Но еще убедительнее вост.-балт. параллели, относящиеся ко всему сложному слову: лит. *kúosvarnis* ‘галка’ (ср. Palionis, pakreipęs savo širma galva, lyg k u o s v a r n i s, . . . paklausė. LKŽ 6, 919); лтш. *kūosvārnis*, *kuosvārna* (bērnī manī, k u o s v ā r n ī š i, visi em pliki vēderiņi. BW 2998. ME 2, 349; EH 688). Следы подобного образования в самом прусском Френкель LEW 285 видел в имени семьи *Warnekros*, в котором порядок членов представлен в обратном виде, а *г* в *-kros* толкуется как результат влияния (повторение) *г* в первом члене слова; иначе говоря, восстанавливается **Warne-kos*, сопоставимое с **kos-warn-*. Несмотря на остроумие этого рассуждения, не исключено и более простое объяснение: *Warnekros* как результат ошибки при прочтении прусско-немецкого микротекста типа *Warne Kro* (ср. Э 722: *Kro Warne*), т. е. прусское слово для вороны и его перевод на немецкий (ср. *Kro*, *Krahe*). «Абсолютность» соотношения вост.-балт. *kos-*(*kuos-*)-*varnis*: прусск. (с конъектурой) **kos-varnis* ставится под сомнение не только тем, что ни в одном из двух случаев (*colwarnis* и *kote*) элемент *kos-* все-таки не засвидетельствован, но и как бы дублетными формами вост.-балт. языков без всяких следов *-s-*; ср. лтш. *kuōvārnis*, *kuōvā(r)nis*, *kuōvārna*, *kuōvārna*, *kuōvārņens*, *kuōvārs*, *kuōvārna* (sic! Dond., Wandsen), ср. Plur. *kuōvārži*; *kuōvāržis*, *kuōvārdis* и даже *kuova*(?) (ME 2, 350; EH 688; Erg'em. izl. vārdn. 2, 147) — все со значе-

нием ‘галка’ (ср., однако, и *kuōvārnis*, *kuōvārži* применительно к хвощу и под., ‘eine Sumpfpflanze’ (?)); ср. лтш. Nom. pr. *Nicolai* (Gen. Sg.) *Coworns* (LPV 195); — лит. *kōvarnis* ‘грач’ форма, неожиданно открывающая возможности совершенно иных связей. В контексте таких слов, как *kōvas* ‘грач’ (но и ‘галка’, не говоря об обозначении этим словом первого весеннего месяца — марта), с одной стороны, и *kōvavarnis* ‘грач’, букв. ‘мартовский ворон’ (ср. LKŽ 6, 387: *Blizgą k o v a v a r n i a i i r v a r n o s g a i l i a i ž i ū r e j o j p r a e i v i u s*), с другой стороны, *kōvarnis* и в сознании специалистов-этимологов и, по меньшей мере, частично в актуальном языковом сознании, говорящих на литовском языке, понимается как упрощение (в результате гаплогонии) исходного **kova-varnis*, с которым совпадает и реально существующая форма *kōvavarnis* (ср.: *K o v a r n i s k i l e s u g a i š s e n e l e s n e s l y t i e s k o (v a) - v a r n i s*. Būga, см. LKŽ 6, 387). Не отрицая принципиальной возможности такого происхождения лит. *kōvarnis*, едва ли, тем не менее, целесообразно считать ее единственно возможной и даже наиболее вероятной (есть некоторые основания думать, что форма *kōvavarnis* является скорее несколько «искусственной» народно-этимологической экспликацией-комментарием к иначе непонятному *kōvarnis*; характерно, что во всех сложных словах с первым элементом *kova-* он выступает кажется, в значении ‘битва’ и под. (: *kauti*), но не ‘март’; ср. лит. *kovābendris*, *kovādraugis*, *kovākirvis*, *kovāvietė*, в частности, с иным типом просодических отношений; о связи этих двух значений см. Hofmann KZ 60, 1932, 58, 62; Skardžius APhil. 1, 1930, 104 сл.; Pearce St. balt. 9, 114 сл.; LEW 285). Сказанное относится и к таким слав. примерам, как русск. *каворон* ‘грач’ (в СРНГ отсутствует), укр. *каворон*; словен. *kāvran* ‘ворон’, *kavrāna* ‘ворона’ (ср. *kāvra*, *kavrāč*); н.-луж. *karwona* (из **kawrona*), см. ЭСР 2, 154; BSW 343; Būga Asm. vard. 1911, 11=RR I, 214; РФВ 70, 1913, 253—254=RR I, 444; Fraenkel Sybaris 1956, 37—38 и др. Но даже если признать, что в основе этих примеров лежит **kavo-vornъ*, как обычно предполагают (нередко под влиянием лит. *kova-varnis*), то между слав. и балт. словами обнаружится существенная разница: в слав. **kavo-* в этом сложном слове, по всей вероятности, могло обозначать ‘галка’ и отсылать к сфере ономотопеических образований, ср. слав. **kava-* и его рефлекс в отдельных языках. Сомнительный характер балто-слав. параллели (по крайней мере, на сегодня) заставляет усомниться и в ходячей этимологии соответствующих сопоставляемых слов. Сложности усугубляются при привлечении близких по словообразовательному типу и материальной близости слав. продолжений исходного праслав. **ga(jь) vornъ*, **gavorna* (ЭССЯ 6, 88—89 и др.): русск. диал. *гайворон*, укр. *гайворон*; болг. *гавран*, диал. *гавран*, *гаврин*, макед. *гавран*, *гарван*, с.-хорв. *гавран*, *гавран*, *гавран*, *гавран*, *гавран*, *гавран*, словен. *gāvran*; чеш. *havran*, словц. *havran*, в.-луж. *hawron*, н.-луж. *gawron*, *garona*, польск. *gawron* и др., причем изредка возникает значение ‘грач’ (при обычном — ‘ворон’, ‘ворона’), которые нельзя, вопреки Махеку (LPosn. 3, 1951, 100; Et. sl. j. č. 163)

объяснить простым ослаблением $k > g$: если для **kavornъ* реконструируется **kavo-vornъ*, то последовательно было бы и для **gavornъ* исходить из **gavo-vornъ* — тем более, что наряду с **kava* существует и **gava* с тем же значением ('ворона'), ср. русск., укр. *гáва, гáвка*, и др. (ЭССЯ 6, 110), ср. словен. *gavec* 'чибис'. Отсутствие и.-евр. параллелей к **gavornъ* или **gavo-vornъ* при наличии их (как предполагается) у **kavornъ* позволяют думать, что первичной или во всяком случае более авторитетной формой является именно последняя. Это предположение, наряду с некоторыми другими соображениями, делает, пожалуй, более надежной реконструкцию первого элемента в виде **ka-* (а не **kava-*), которое в определенную эпоху, видимо, выступало как экспрессивный элемент (см. ЭССЯ 6, 89; см. также s. v. **ka-*), соотносившийся с характерным звуком, издаваемым птицами этого семейства. Такой же могла быть функция и у исходного элемента в этом типе, хотя не исключено старое предположение Миклошича о местоименной природе элемента **ka-* (EW 152), получившее в свою поддержку в последнее время немало дополнительных фактов, относящихся к слав. и — шире — и.-евр. типу образований с первым элементом, представленным вопросительным (или относительным) местоимением (между прочим, и в Нем. рг., ср. тип прусск. *Kodrawe*, см. *{*ka- & *drav-}*, и т. д.). В связи с предполагаемым слав. **ka-vornъ* и соответственно реконструируемым (с известной вероятностью) лит. **ko-varnis* и т. п. обращает на себя внимание удивительная параллель — пашай *xa:war'a* 'ворона', из **ka-varaka*, о чем см. *Morgenstierne I-Ir. front. III*, 1956, 199. С точкой зрения о происхождении первого элемента из *Pron. interrog.* согласовалась бы трактовка значения типа **ka-vorn-/ko-varn-* как «нечто воронообразное, близкое к ворону/вороне, как бы ворона» (возможно, с некоторым ухудшением значения, как в др.-инд. образованиях такого рода). В самом деле, близость вороны и грача по их внешнему виду вне сомнений, хотя она и не затушевывает различий (ср.: *K o v a g n i s* уга lianesnis už v a g n a . . . LKŽ 6, 387), прежде всего — связанных с ролью грача как открывателя весны. Тем не менее показательны обилие контекстов, в которых именно грачи и вороны выступают вместе, а также применимость общих обозначений и к грачу и к ворону / вороне. В этих обстоятельствах не кажутся особенно убедительными «галко-вороньи» этимологии, основывающиеся на слав. **gavo-vornъ, kavo-vornъ* или на прусск. **koc- & *varn-* (ср. *kocē (=kote)*, конъектура, иногда трактуемая как [**koke*] ср. лтш. *kāķis* 'галка'), где **koc-* якобы передано по ошибке в виде *kol-/col-*, ср. *colwarnis*. — Однако и мотив галки все-таки возникает при попытках этимологического объяснения *colwarnis*, когда эта форма признается правильной и не нуждающейся в конъектурах. Более того, на основании первого члена этого слова некоторые реконструируют особое слово **cole / *kole*, представленное, как считают, и независимо в виде *kote* 'галка', в конъектуре — **kole* (ср.: Буга РФВ 70, 1913, 107=RR I, 439; ЭСР 1, 388; Мартынов *Baltist. II priedas*,

1977, 109—110). Иногда предлагается сравнение прусск. **kol-* со сходным элементом в лит. *naktikolas* 'кваква', *Nycticorax nycticorax*; 'полуночник' (ср.: *Vazojas naktim kaip p a k t i k o l a s*; *Eini ir eini naktimi kaip p a k t i k o l a s*. LKŽ 8, 518; в значении 'полуночник' употребляется также *naktikulas*), к которому приводилось в качестве параллели др.-греч. *νυκτι-χόραξ* букв. — 'ночной ворон' (см. *Buga Asm. vard. 1911, 11=RR I, 214*); возможно, еще более точным было бы сопоставление с герм. фактами, ср.: др.-в.-нем. *nahtigala*, нем. *Nachtigal* 'соловей', др.-сакс. *nahtigala*, др.-англ. *nihtegale*, англ. *nightingale* и т. п. как обозначения «ночного певца». Однако окончательное суждение о литовском слове несколько затруднено из-за наличия гораздо более распространенного дублетного образования — *naktikovas, naktikova, naktikovis* с тем же значением (ср. *Širv. Dict. 1, 168; 3, 133, 226, 409: naktikovas*). Оставляя в стороне крайне сомнительные параллели (с др.-инд. *cāla-* 'blauer Holzhäher'. *APSpr. 361*, ср. *Bergkerer IF 8, 285—286*), целесообразно отметить очень показательные слав. примеры, восходящие к **gavo-vornъ*: с.-хорв. *галдван* 'черный ворон' (у Караджича), *галдвана* 'грач' и др. (ср. ЭССЯ 6, 95), где первый элемент связывается с **galъ, *gala* (ср. **galъka*), обозначающим галку (*Corvus porcupedula*) по цветовому признаку (ср. с.-хорв. *гáо, гáла, гáло* 'черный', 'грязный', 'нечистый' (стар.), *gal* 'черный цвет' и т. д.). Вместе с тем следует считаться, как и в ряде других подобных случаев, с возможностью вторичной «достройки» более архаичных форм типа **ga-vornъ*. Мартынов, предложивший восстанавливать балто-слав. семантическую микросистему: **vornъ : *varnas* '*Corvus corax*' — **vorna : *varna* '*Corvus corone*' — **gavo-vornъ : *kalo-varnas* '*Corvus frugilegus*', обратил внимание на сохранение третьего члена системы (*colwarnis*, с.-хорв. *галдван*) только на периферии балто-славянского мира (на Балтике и на Адриатике), что свидетельствует о надежности реконструкции этого сложного слова. Справедливо отдавая предпочтение цветовой (а не «птичьей», возникшей вторично) семантике элемента **gal-*, соотв. — **kal-*, он ставит вопрос о соотношении звонкого и глухого согласного в аялауте. Существенно, что второй вариант **kal-* оказывается общим для балт. и слав. (ср. слав. **kalъ*: с.-хорв. *kāo, kāla* 'грязь', болг. *кал*, словен. *kāl*; чеш. *kal* и т. д.; др.-инд. *kāla-* 'сине-черный', др.-греч. *κῆλάρ ἡμέρα* 'черный день'), и, возможно, более древним. На этом основании реконструируется общая балто-слав. форма **kalo-varnas* 'грач' (= **kal-* & **varn-*), практически совпадающая с прусск. *colwarnis*. Значительная вероятность этой реконструкции не снимает, однако, некоторых не вполне ясных деталей и не устраняет полностью элемента гадательности в отдельных звеньях реконструкции. Но в данном случае, пожалуй, важнее другое: выдвижение альтернативного решения, которое по своей надежности, конечно, не уступает (а с точки зрения прусских фактов — превосходит) имеющимся другим решениям (**kos-varn-*). Именно поэтому пока нет решающих

оснований для отказа от прусского слова в дошедшей до нас форме — *colwarnis*.

— Л и т.: Pierson AM 7, 1870, 582; Thes. 1873, 77; Berneker IF 8, 285—286; APSpr. XXIV, 361; BSW 343; Būga Asm. vard. 1911, 11=RR I, 214; РФВ 70, 1913, 253—254 = RR I, 444; SPV 196; LEW 284—285; Sybaris 1956, 37—38; Мартынов Baltist. II priedas, 1977, 109—110. — [**kol-varnis*, **kal-varnis* (?); **kos-varnis* (?)].

{**kom-*}, реконструируется на основании сложных названий типа *Comegarbin*, 1423; *Kumegarben*, 1495; *Camgarben*, 1507, позже — *Cumgarben*; — *Comkaum*, 1411—1419; *Comekaumen*, 1419, *-kaunen*; *Cumekaum*, 1423, позже — *Kumkeim*; а также суффиксальных типов — *Kotmaw*, 1400; *Kumtow* 1405, позже — *Kotmau*; *Komen*, 1355, позже — *Kommen* (APON 69). Вероятно, возможно подключение и некоторых более далеких фактов. — Герулис исходит во всех случаях из **Kum-*. В этом случае в качестве параллелей могли бы выступать лит. *Kumė* (LUEV 83; Liet. hidr. 201; LHEŽ 171), *Kuṁbalė*; *Kuṁpelkė* и др. (LATSŽ 146); лтш. *Kumes-upīte* (LV I, 2, 171; сложнее интерпретация таких случаев, как *Kuṁ-vieta* I, 2, 172;

у́рла о́чла о́про́к о́трак о́раз о́рым о́рода) в са́мом вне сомнений, хо́ п i s уга lianesnis занных с ролью грача тельно обилие контекст пают вместе, а также при к ворону / вороне. В этих убедительными «галко-воронь. слав. **gavo-vornъ*, *kavo-vornъ* и *koce* (= *kote*), конъектура, иногда *kāķis* 'галка'), где **kos-* якобы перед ср. *colwarnis*. — Однако и мотив галки попытка этимологического объяснения признается правильной и не нуждающейся того, на основании первого члена этого слова ируют особое слово **cole* / **kole*, представленное, висимо в виде *kote* 'галка', в конъектуре — **kole* (с, 1913, 107=RR I, 439; ЭСР 1, 388; Мартынов Balt

Гидр. ожно др.) **kat-* **kom-* *kaun*, III, *ajny*; *inen* *im-*, *am-* ание *wen*, *ieno*, *ntom* *alvis*, *enne* *tex*). — *acia* *alt.* *alk.* *pr.* *rin-* *osz*);

Comat, 1264 (Tandem C o m a t princeps Jazuaditarum in bello per Cracoviensem Exercitum occiditur. SPR 1, 767). См. Sjögren Wohns. Jatw. 1858, 185, 189; Būga LKŽod. LXXIX—LXXX, LXXXIII= =RR III, 138, 145, ср. RR II, 101; Непокупный. Балто-сев.-слав. 1976, 106, 129; Пробл. этн. ист. балт. 1977, 145; Пробл. этног. балт. 1981, 108. — Эти данные подтверждаются довольно многочисленными фактами более позднего времени (XV в.). Часть их относится к обозначению местечка в басс. Сэна к зап. от Яворова и содержится в старых актах перемышльских судов, ср. образованные от соответствующих антропонимов названия *Comaticze*, 1447, *Kumaticze*, 1462; *Cuymaticze*, 1466; *Kumaticze*, 1449 (вар. *Kwnaticze*); *in villa Cuymaticze*, 1437; *Cuniaticze*, 1441 (AGZ XIII, 241, 376, 499; 292, 42, 102); *Kumat*, урочище в окрестностях Браньска (Бельск.-Подляск. повет Белостокск. воев.), см. RR III, 138. В свою очередь от подобных топонимов образовывались нередкие антропонимы, ср.: . . . *Petri* (!) *Comaticzsky*, 1439 (AGZ XIII, 1098); *Nicolaus Comaticzski* *condampnavit* . . . *Nicolaum Comaticzski*, *filiastrum de Comaticze*, 1445 (AGZ XIII, 2429); *Contra nobilem Nicolaum Komaticzski*, 1447 (AGZ XIII, 3355); *Nicolaus Cuniathiczski* (pro *Cumathiczski*) . . . *arestavit* . . . *literam super bona Cuniaticze* (!), 1441 (AGZ XIII, 1461); *Cumathiczski*, 1446 (AGZ XIII, 2893); . . . *nobilem Nicolaum de Comaticze*, 1447 (AGZ XIII, 3352); *Cuymaticzski*, 1437 (AGZ XIII, 478); . . . *in villo Cuymaticze* . . . *nobili Petro Cuymaticzski*, 1437 (AGZ XIII, 495); *Cum Petro Cuymaticzski*, 1439 (AGZ XIII, 1051); *Nicolai Cumathycz statucio* . . . *pro nobili Nicolao de Cumatycz*, 1440 (AGZ XIV, 51); см. Słown. starop. nazw. III, 1, 59, 193—194. При всей нестабильности графических отражений {**kom-at-*}, свидетельствующих, безусловно, и о фонетических реальностях, без особого труда определяются как исходные формы с вокализмом *o*, ср. реконструкцию Буги: ятв. **Kōmâtā*, топоним, **Kōmât(a)s*, Nom. pr., из балт. **Kāmāt-* (:лтш. *kāmēt* 'голодать'); постулирование *ō* вызывается необходимостью объяснить современные формы типа *Kumat* (см. выше, а также сообщение об историческом урочище с тем же названием — *Bibl. Warsz.* 1848, IV, 405; *Słown. geogr. Polsk.* IV, 870). В качестве параллели Буга приводит лит. *Kūomiškės* (RR III, 145). — Примеры, относящиеся к {**kom-at-*}, должны трактоваться как несомненно я т в я ж с к и е. Весьма показательно, что там, где имеются основания для локализации названий, восходящих к {**kom-at-*}, они всегда находятся в теснейшем соседстве с названиями *Ятвезь*, *Ятвяги* и под. Ср., с одной стороны, белостокск. *Kumat*, чуть южнее изоглоссы, объединяющей названия с элементом *Ятвяг-/Ятвез-*, которой соответствует почти параллельная четкая изоглосса названий типа *Дайнава* (кстати, поблизости от *Kumat* могила, связываемая с погибшим здесь в битве с отрядами мазовецких князей и крестоносцев в 1264 г. предводителем ятвягов по имени *Kumat*; в 1829 г. здесь производились раскопки; тут же поблизости другое местечко с ятвяжским названием — *Kiersznówka*), а с другой стороны, *Со-*

maticze в басс. Сана (юго-вост. Польша) в близком соседстве к востоку с тремя названиями типа *Ятвяг-/Ятвез-* (см. Балт.-сев.-слав., 106, карта 4). Встает вопрос о том, случайно ли это тяготение {**kom-at-*} в местных названиях к соседству с названиями с элементом {**jatv-*} и к периферии ятвяжского мира. Учитывая эти особенности локализации названий {**kom-at-*}, целесообразно обратить внимание и проверить под этим углом зрения польские гидронимы *Kometa*, три названия в басс. Вепша, т. е. на несомненно ятвяжской территории, вблизи от *Comaticze* в басс. Сана (HV 321, 323). Если бы балт. происхождение этого названия было доказано, была бы оправдана реконструкция {**kom-et-*}. — К {**kam-ot-*} ср. лит. *Kamatė, Kamatis*, гнезненск. *Kamocin* (< **Kamota*), см. Sl. Осс. 3—4, 1925, 100. Подробнее см. {**kam-*}. Очень вероятно, что внутренняя форма прусск. *kamato* могла бы объяснить и семантическую мотивировку {**kam-at-*}.

comatter, см. *komaters*.

komaters 'кум'. Э 183 ('*Geuatter*'), в показательном месте микрословаря родственных отношений, после, так сказать, «неподлинных» или неполноценных родственников (*Patowelis, Pomatre, Passons, Poducere*) и перед заключительным словом списка — *Tisties* 'Sweir'.; — *comatter* Гр. 77 ('*gefatter*'); *Comatter*. Гр.-Кип. ('*Compater*'). Nom. Sg. masc. — Слав. заимствование в прусском. Однако его более конкретный источник остается не вполне ясным, главным образом, из-за двойной возможности трактовки *o* на фонетическом уровне. Милевский Sl. Осс. 18, 1947, 34, 66 исходит из предполагаемого лехитского источника типа **komoter* и приводит в этой связи слов.-помор. *kuomoter* (ср. *k*óm*otär* «*Gevatter: Uon šukwł k m o t r a do svèw*o dotroka*. Rom. Wb. I, 412, но и *km*otär*, 360, *kmoter*. Słown. gwar kasz. 2, 176). Если за *komaters* скрывается [**kōmoters*], то в качестве слав. источника восстанавливается **kamoter*, что соответствовало бы зап.-лехитск. форме (см. Stieber ZDJZS 1956, 25; Shevelov Prehist. Slav., 449): помез. *ō* вм. зап.-слав. *ǎ*, ср. прусск. *somukis* < **zamъkъ*. Исходя из рефлекса *ъ* в предполагаемом лехитском источнике, пруссы могли заимствовать слово не ранее XI—XII вв. Но, как указывает Левин SEEV 1974, 78, 96 (ср. также Gener. Ling. 12, 3, 1972, 157), графема *o* может в этом случае пониматься как «permitted allograph» для передачи помезанского *u*, и в таком случае приходится исходить из [**kumoters*], где *u* передает слав. *ъ*. Если это так, то заимствование следует отнести к эпохе до XI в. Особенно показательной Левин считает форму *comatter* из словаря Грунау, поскольку в нем *o* и только *o* передает балт. *u*, а двойное *tt* предполагает ударение на втором слоге. Форма **kumoters* оказывается лишенной четких указаний на диалектный источник заимствования и вполне может быть и польской — ср. *kmotr*, ст.-польск. *kmotr, kmotra*, но и *komotra!* (OrtBr VII 567), см. Słown. Staropolsk. III, 4 (17), 304; последняя форма делает возможной реконструкцию masc. **komotr* (к старому параллелизму обозначений кума и кумы ср. **kъ-petrъ* [ц.-сл. *купетра* 'кума', *купотръ*, см.

Pintar AfslPh 30, 1909, 310—311; ср. алб. *kumptër* < лат. *compater*): **kъ-motra* < лат. *commāter*). В свою очередь слав. слова для обозначения кума и кумы (ср. ст.-слав. *кѹмогра*; ст.-русск. и диал. *кѹотр*; в.-луж. *kmótr*, н.-луж. *kmóts̥*, чеш., словц. *kmotr* и под.) являются заимствованиями из народно-лат. *commāter*. Учитывая «феминоцентричность» этого слова, приходится предполагать, что masc. **kъmotrъ* основан вторичным образом на fem. **kъmotra*. — С обозначением кума связано прусск. Nom. pr. *Cometris*, 1315 (об уроженце Heilberg'a), см. APN 49. Характерно, что название кума и кумы было заимствовано из слав. и в лит. (*kūmas, kūmà, kūmai, kūmos*) и в лтш. (*kāms, kūma, kuoms, kuoma*).

— Л и т.: Thes. 1873, 77; APSpr. 361; SPV 196; Milewski Sl. Осс. 18, 1947, 34, 66; Levin Gener. Ling. 12, 1972, 150, 157; SEEV 1974, 37—38, 50, 78, 87, 96. — [**kumoters*; **kōmoters*].

{**kom-av-*}, ср. *Komtau*, 1400; *Kumtau*, 1405, позже — *Komtau* (APON 69). — Согласно Герулису, из **Kum-* с суф. *-av-*. Как и в ряде подобных случаев (ср. {**kom-ain-*}, {**kom-at-*}, {**kom-en-*(?)}, {**kom-it-*}, {**kom- & *garb-*}, {**kom- & *kaim-*} и др.), видимо, не исключена связь и с продолжениями {**kam-*}, см.

{**kom-en-*}, ср. *Komen*, 1355, позже — *Kommen* (APON 69). — По Герулису, к *Cum-aun* в том, что касается корня. Допустима связь с рефлексами {**kam-*}, см., особенно с такими, как лтш. *Katėņi, Katėņi-ure*, куршск. *Kammendorp, Kammen* и т. п. — Менее вероятна связь с {**ko- & *men-*}, см. ниже.

{**ko- & *men-*}, ср. Nom. pr. *Komenne, Comenne* (APN 48, 141). — Сложное название из местоименного элемента в первом члене и корня **men-* во втором (по типу *Ko-lange, Co-tulne* и т. п.). К *-men-* см. *Menike, Menauko; Menynte; Menit, Menute* (Nom. pr.), топоним *Meneyn*; ср. также сложные названия *Mene-laucin*; Nom. pr. *Alketenne, Po-mene, O-menne* (APN 145 и др.). — Менее вероятно к {**kom-en-*}, см. выше.

{**kometr-*}, см. *komaters*.

{**kom- & garb-*}, ср. *Comegarbin*, 1423; *Kumegarben*, 1495; *Camgarben*, 1507, позже — *Cumgarben* (APON 69). — По Герулису, *Kum- & garbis*. Возможна и другая реконструкция — {**kam- & *garb-*}.

{**kom- & *kaim-*}, ср. *Comcaum*, 1411—1419; *Comekaumen*, 1419, *-kaumen*, 1419; *Cumekaum*, 1423, позже — *Kumkeim* (APON 69). — По Герулису, *Kum- & caumis*. Не исключена и связь с {**kam- & *kaim-*}, см.

{**komp-av-(-ov-)*}, ср. *Conrow*, 1411—1419; *Comrow*, 1425 (APON 70). — Ср. {**komp-it-*}: к **kump-* или к **kamp-*. — См. {**kamp-*}.

{**komp-it-*}, ср. *Kompithe*, 1411—1419, позже — *Kompitten* (APON 69). — Герулис сопоставляет с лит. *Kumpiai* (: *kuĩpas* 'кривой', 'изогнутый'), Nom. pr. *Kumpijs*; ср. лтш. *kumpt* 'горбиться', 'сутулиться'. — Возможна, однако, связь и с продолжениями {**kamp-*}, см., особенно с формами с суффиксальным *-t-* (ср. к зап. от Вислы *Kampitz*, 1269; лит. *Kampaičiai, Kampieta* и др.).

{*komst- & *gal-}, ср. *Komstegallen*, 1460; *Kamstigall*, 1515; *Kampstigalbe*, 1519, позже — *Camstigall* (APON 69). — По Генненбергу Ercler. 1595, 43: «sol einen Schaffskopff bedeuten», т. е. из *camstian* 'овца' и *galvo* 'голова'. Френкель LPosn. 2, 1950, 122; LEW 254 объясняет название из особенностей рельефа, о чем см. {*kamst- & *gal-} и особенно *camstian*. Не вполне понятен второй член: из *galv* 'голова' или *gal-* 'конец', 'край'.

konagis 'король'. Э 405 ('König, т. е. König), ср. Э 404: *Rikis* ('Herr'), Э 406: *Waldwico* ('Ritter'), в словаре социальной номенклатуры у пруссов. Nom. Sg. masc. — Германское заимствование в прусском; более точный источник и время заимствования — предмет дискуссий, не приведших пока к установлению единства во взглядах. При решении вопроса необходимо учитывать, во-первых, аналогичные заимствования в вост.-балт. и слав. языках и, во-вторых, возможность разновременных заимствований этого слова из разных германских языков. Хирт BGDS 23, 1898, 344—349 относил *konagis* к числу древнейших германских заимствований готской эпохи как и лит. *kūnigas*, лтш. *kūngs* (349—351). Наличие **kūnēdzь* еще в праслав. также отсылает к отдаленным временам и позволяет реконструировать источник заимствования на прагерманском (**kuningaz*) или готском (**kuniggs*, ср. *kuni* 'род') горизонтах; см. SEW 1, 663; Uhlenbeck AfslPh 15, 1893, 448; Kiparsky GSI Germ. 1934, 181—182; Stender-Petersen Sl. Germ. LW 199—206; ЭСР 2, 266; Kuryłowicz Słown. staroż. słow., zesz. dyskus. 1958, 34; Ibid. t. 2, cz. 1, s. v.; ср. также Otrębski Sl. Occ. 19, 1948, 58—59; SEP 3, 264—265; Etim. sl. č. 262; Etim. rječn. hrv. 2, 108—109; Българ. етим. речн. 2, 495—496; Мартынов Слав.-герм. лекс. 47—48 и др.; о более поздней датировке см. Ekblom Sc.-Slav. 3, 1957, 176—177 и др. Впрочем, слав. **kūnēdzь*, по меньшей мере, теоретически могло восходить и к др.-в.-нем. *kuning*. Во всяком случае вост.-балт. слова также восходят к этой эпохе, хотя в их основе лежит более поздняя форма с деназализацией в суфф., а именно — *kunig*, ср. ср.-в.-нем. *kūnic*, *kūnes* (ср.: Sehwers Lehnw. 1918, 131; Spr. Unt. 61; Alminauskas Germ. Lit. 1934, 75 ff.; Skardžius Aidai 1953, 215 ff.; Трупуэко Sl. Occ. 19, 1948, 404—406; LEW 310—311; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 93). Буга KS 70—72=RR II, 91—93 полагал, что вост.-балт. слова были заимствованы около 1200 г., что представляется достаточно правдоподобным. Если это так, то вост.-балт. слова существенно отличаются от соответствующих славянских и прибалт.-финских (ср. эст., финск. *kuningas*. Thomsen Berør. 191 и др.) по своему возрасту (ср., однако, вепск. *kunīgaz*, *suḥkunīgaz* 'король', фолькл.). А эти различия сопряжены с формальными и семантическими расхождениями. О первых уже говорилось (следует лишь, пожалуй, отметить фиксируемую словарями Руига 208, Нессельмана, Куршата, LKŽ 6, 895—896 форму *kūningas* со ссылкой на Jušk. Liet. svotb. dain. 615, Slančiausk. (Žagarės r.), говор Šiluva'ы, при том, что Буга RR II, 91 писал, что

ни в старом письменном языке, ни в теперешней разговорной речи этой формы «visai neražįsta»; ср. LEW 310). О вторых существенно заметить, что при лит. *kūnigas* 'ксендз', 'священник' (эти значения в современном языке основные; ср. также в основном в старых источниках — 'господин', 'вождь', но и 'князь' как военный предводитель, ср. *kunigáikštis*. LKŽ 6, 892—893; лтш. *kungs* 'господин', ср. лит. *kungs* у Даукши): *kunigáikštis* 'князь' по модели польск. *ksiądz*: *książe* праслав. фиксирует значение 'князь' (ср. ст.-сл. князь и германск. *kyningaz*, *kyningaz*, *kyningaz*, *kyningaz*), а значение 'священник' появляется позже и лишь в части языков (ср. также полаб. *t'ēnqdz* 'господин', 'земледелец'; 'король'; 'месяц'); видимо, то же можно сказать и о значении 'господин' (ср. серболужицкие факты). Значение прусск. *konagis*, как это следует из нем. *König* в качестве переводимого слова и, главное, из контекста (*konagis* Э 405 как вероятная сумма значений соседних слов — Э 404: *Rikis* 'господин' и Э 406: *Waldwico* 'рыцарь' —, т. е. 'военный предводитель', 'предводитель конной дружины', что отражало бы вполне реальную ситуацию в организации военных отрядов у пруссов), практически совпадает с значением соответствующего слова в раннеславянских языках. Вместе с тем форма слова далека от ясности, на что обычно не обращают внимания. В связи с нею указывался идентичный (скорее всего игрою случая) пример — лапландский германизм *konagas* (см. Prellwitz Bestandteile 1891, 3; APSpr 361). Не исключено, что *o* в *konagis* имеет фонетическое значение [u] и, следовательно, слово имело вид **kunagis*, который, может быть, нуждается в конъектуре — **kunigas*, **kunigis* (?), что фактически полностью сближает прусское слово с вост.-балт. соответствиями. С этой точки зрения нет необходимости принимать для источника заимствования вокализм *o* (ср. ср.-н.-нем. *koninc*, по Траутману) и держаться за раннюю хронологию слова. Во всяком случае, однако, некоторое расхождение между формальными и смысловыми характеристиками в плане ареальных аналогий не дает оснований для предположения о заимствовании *konagis* из ст.-русск. **konjagъ* (< герм. **kuningaz*), как это делает Рудницкий Sl. Occ. 3—4, 1925, 354; Sl. Occ. 10, 1931, 299 (где автор идет еще дальше, сравнивая польск. *koniądz* 'gucierz, książe rapużacy' с *konagis*, которое он объясняет заимствованием из русск. **konjagъ*, исконного слова, восходящего к **kon-egъ*: конь; по образцу франц. *chevalier*, лат. *eques*, др.-греч. ἵππεύς и даже русск. диал. *кѡнязь* 'верховой', 'всадник'. Даль s. v.; СРНГ 14, 279: *не пешком побежал, конязем поскакал*. Влад., Ряз., Тамб.). Впрочем, и семантические зазоры между вост.-балт. и прусским примерами не следует преувеличивать (ср. лит. Gediminas k u n i g a s pagsus и под., LKŽ 6, 893). И все-таки существенны некоторые даже «нулевые» свидетельства: к Христу в прусских текстах прилагается определение *Rikijs*, но в литовском в таких случаях употребляется *kūnigas*: *kunigas ant wisų kunigų*. Даукша. Катех. или: *kūngas ant wisų kungu*. Ледесма. Катех. 1605, 15, 6 и др. — в соотв. с польским

оригиналом: *Kárlan nád wszemi Kárlanmi*. — В целом *konagis*, являясь важным историко-культурным и социальным термином (заслуживает внимания распространение этого германизма не только в балт., слав. и финск. языках, но — вторично — и в целом ряде других, ср. рум. *chenéz, chinéz*, алб. *knez*, н.-греч. *κνέζης*), таит в себе немало неясного. — Нужно думать, что с этим словом связано Nom. pr. *Konegucke* (APN 48), не привлекавшее до сих пор внимания. В этом имени, дающем, видимо, основания восстановить важную уменьшительную форму с суф. *-ik-*, а именно — *{*koneg-/*kuneg- & -ik-}*, по образцу польск. *książe : księżyk* и под., бросается в глаза вокализм второго слова *-e-* при *a* в *konagis* (см. лит. диал. *kūnegas*: Ant savo k u n e g o ranka kel. Daukant., см.: LKŽ 6, 891; *kunegystà, kunegaikštaitė, kunegbuvis* и др. — все с *e*). Аналогичные образования с суф. *-ik-* от этого слова в вост.-балт. языках отсутствуют, ср. русск. *князик* (при *князёк*), *князика, княжика* и т. п. — Социально-политическая трактовка термина *konagis* сильно эволюционировала за последние полтора века. Если Фойгт *Gesch. Preuß. I, 225—226* и др. считал, что прусские «цари» обладали властью над крупными областями, хотя эта власть и нуждалась в одобрении со стороны верховного жреца каждой такой области, то уже Тёппен считал возможным говорить о том, что «царьки» вообще не играли большой роли в жизни пруссов (см. SRP 1, 53, примеч. 3). Ловмянский *Ans. Pruss. 1936, 54* сл. подчеркивал, что те, кого внешние источники обозначали как *rege, kœnige*, а внутренние как *rikijs, kunigas* должны просто трактоваться как вожди, господа, но не как военный предводитель (типа герцога) или монарх применительно к Зап. Европе. Характерно, что уже в ранних источниках по истории пруссов утвердилось обозначение *reguli* 'царьки', содержащее в себе несколько пренебрежительный оттенок (у Дюсбурга всегда *reguli* и лишь однажды *reges*). Высказывались предположения, что в мирное время *reguli* возглавляли небольшие волости и общины, округа (сотни), на которые делились прусские области. Их власть и авторитет в руководстве народным собранием, разбирательстве судебных тяжб и т. п. предполагали, кажется, тесное сотрудничество со старейшинами. Вероятно, во время войн роль «царьков» возрастала, а иногда становилась и просто значительной. Так, Дюсбург рассказывает о поморском князе Святополке, ставшем общим вождем пруссов и их соседей, жителей Поморья (*congregatio ergo Prutheni omnes quasi vir unus et idem Sventopolcus factus fuit dux et capitaneus eorum. III, 34*). Но в принципе таким военным предводителем мог стать и какой-нибудь энергичный местный царек или тот или иной представитель знати. Источники обычно называют таких предводителей *duces* или *capitanei*. См. подробнее Перцев *Уч. Зап. Белор. Унив. 1951, 104—105*. Слабость царской власти у пруссов (во всяком случае в предорденский период) и, видимо, тесно связываемая с этим роль князя знати были причиной значительного отставания пруссов от их соседей в развитии раннегосударственных институтов и неудач в ор-

ганизации военного сопротивления Ордену. В свою очередь эти особенности (по крайней мере отчасти) объясняются территориальной и социально-политической раздробленностью пруссов. — См. также **kuni(n)g-* (??).

— Л и т.: *Thes. 1873, 77*; *Hirt BGDS 23, 1898, 344—349*; *APSpr 361*; *Buga KS 70—72=RR II, 91—93*; *Rudnicki Sl. Occ. 3—4, 1925, 354*; *Sl. Occ. 10, 1931, 299*; *SPV 196*; *LEW 310—311*; *Sabaliauskas LKK 8, 1966, 93*; *Otrębski Sprache 12, 1966, 63—64*; — [**konagis; *kunagis; *kunigis?*].

*{*kond-it-}*, ср. *Conditen*, в Самландии (APON 69). — Герулис принимает для этого слова тот же корень, что и в прусск. *Candeyn*, с суф. *-it-*. Сюда же Nom. pr. **Kande* (в реконструкции), от которого могло быть произведено и **Kand-it-e*, ср. соврем. фамилию *Conditt* (*Hoope Wiss. Monatsbl. V, 91*). Параллели см. *{*kand-}*.

*{*koneg-ik-}*, см. *konagis*.

*{*kon-ot-in-?}*, ср. *Konothin, 1419* (APON 70). — Герулис допускает связь с *Kabnoten* (со знаком вопроса). Вместе с тем можно думать о корне **kan-*, распространенном суф. *-ot- (-āt-)-in-* (ср. *Poypote, Megothen, Nabote* и т. п.). Однако элемент *kan-* принадлежит к числу редких в балт. топонимике и, главное, не может считаться этимологически ясным. Тем не менее, заслуживают сопоставления лит. *Kanià, Kanė, Kanys; Kaniaraistėlis, Kaniāraistis* и др. (*LUEV 67*; *Liet. hidr. 96, 128*; *LHEŽ 146*); *Kanešiai, Kaniavà, Kaniavėlė, Kanėivaičiai, Kaniūkai* (*LATSŽ 121*); лтш. *Kaņi, Kaņakalns, Kaņupe, Kaņupile, Kaņurga; Kaniņas, Kaniņkalns, Kaņņi; Kānes, Kāņi, Kāņaskalns, Kāņulauks, Kāņuliēknes, Kāņu-dīķis, Kānespurvs, Kāņupe, Kāņurga, Kāņezers, Kāņciems; Kānene, Kāņuži, Kāņiekas* и т. п. (*LV I, 2, 38, 40, 83—84* и др.), сюда же относят *Koneвец*, в названии которого Фальк *Wig.-Huc. 1940, 171* видит ятвяжский реликт (из **Kaniavis?*). Скорее всего в этой коллекции примеров объединены разные по происхождению факты (и, м. б., не только и.-евр., но финские), ср. *Rudzīte Latv. leks. attīst. 1968, 182*). Обзор точек зрения — *LHEŽ 146*.

*{*kon- & *ved-it- (??)}*, как одно из крайне гипотетических объяснений топонима *Connuedit, 1450*, в Самландии (APON 70). — Согласно Норре *AM 15, 591*, вторая часть слова могла бы быть соотнесена с более поздним *Widitten*. К первой части см. *{kon-ot-in-}*. И по частям и в целом неясно.

*{*kop-}*, ср. Nom. pr. *Nacope, 1407* (APN 65); *Auctacops, 1331; Auctukape, Auctutkape, 1331*, гора в Самландии (SU 186), см. APON 12; *Pautekoro, 1331; Poutekoro* (SU 186), в Самландии (APON 112). — Ср. также *{*kop-ain-}*, *{*kop-el-}*. — Параллели и проч. см. *{*kap-}*.

*{*kop-ain-}*, ср. *Koraun, 1405*, в Самландии (APON 70). — Герулис сравнивает с *kop-* в *Aucta-cops* (суф. *-ain-*) и с лит. *Korija*. — Балт. параллели и этимологические соображения см. *{*kap-}*.

{*kop-el-}, ср. *Coppeln* топоним (С 42, р. 24^r, 38^v), см. *Matusevičius* APhil. 8, 1939, 13. — Корень **kop-* (см. {**kap-*} и суффиксальные типы с этим корнем) с суф. -el-, ср. *Grabelle, Labelles, Scabelle* и т. п.

соро, см. *warnaucoro*.

{*kopt-}, ср. *Kopte*, 1331, antiquum castellum (SU 192); *Kupte*, 1331, в Самландии (APON 70). — Ср. *en-kopts* (Nesselmann AM 7, 1870, 315; Thes. 1873, 78: к лит. *kapóti*, лтш. *kapât*, слав. *kopati*; Герулис: к лит. *koptà*; ср. *kóptai* 'лестница', т. е. к *kópti* 'влезать', 'взбираться', лтш. *kâpt*), *Aucopte*, 1331, *Aucupte*, ручей в Самландии (SU 192), см. APON 12; к вокализму см. *Buga LKŽod. LXIV = RR III, 106*. — Ср. {**au-kopt-*}, с одной стороны, и {*kapt-*}, с другой.

-kopts, см. *enkopts*. — К связи с погребальным обрядом см. *Mierzynski Mythol. Lithuan. Monum. I, 121—122*; *Schrader Reallex. idg. Alt. I, 118*; *Kujot Roczn. Tor. 174, 376, 742*; *Fischer Zwycz. pogrzeb. 1921, 170—171*; *EDP 1937, 23* сл. и др.

corbis, см. *torbis*

{*kord-en-}, ср. Nom. рг. *Cordenne*, 1396 (APN 48). — См. {**kard-*}, здесь же параллели.

cordo, см. *aclocordo*.

{*kor-ein-}, ср. *Koreyn*, 1373; *Careynen*, 1378 (SU 348); *Caryno*, 1396, hortus ad rivum *Carino*; *Kureyn*, 1405, позже — *Correynen* (APON 70). — См. {**kar-*}, {**kar-ein-*}.

{*kor(i)-eit-}, см. *Korieyten*, 1396; *Koreyten*, 1397; *Kurieyten*, 1405; *Karigeithen*, 1420; *Karieyten*, 1420, позже — *Corjeiten* (APON 70). — Родственные названия и параллели см. {**kar-*}, {**kar(i)-eit-*}, *kargis* и под.

{*kork-av-}, см. {**kurk-av-*}, {**kark-*}.

{*kork(-en-)}, ср. *Korken*, 1339; *Kurken*, 1365; *Korkyn*, 1384, озеро, позже — *Cork-See* (APON 70). — Пирсон *Altpr. NK 628*: к *Kurcho, Kurk-*. Турнвальд *Archeol. un ethnogr. VIII, 1968, 139*: к *Κορκοντο* (Ptol.), чеш. *Krkonoše*. — См. {**kark-*}, {**kark-in-*}, {**kark-ain(-ein-)*}.

{*kork-in-}, ср. *Korkynne*; 1419 (APON 70); *Korkyn*, 1389 (*Buga LKŽod. LXXXIII = RR III, 145*: от прусск. *kārk(i)a-*, ср. *Karke*, 1341, озеро). — К корню см. {**kork-*}, {**kark-*}.

{*korn-ut-} ср. *Cornuta*, XV в. (APON 70). — К корню см. {**karn-*}, {**karn-ut-*} и др. Суф. -ut-, ср. *Wangut-kaum; Masutte, Sandutte*.

corpe, см. *kurpe*.

{*kors-en-}, ср. *Corseen*, 1419 (APON 70). — Герулис сопоставляет корень с соответствующим элементом в *Corslauken*; предполагается суф. -ēn- (?). — См: {**kars-*} и {**kars- & *lauk-*}, {**kors- & *lauk-*}.

{*kors- & *lauk-} ср. *Corslauken*, 1346—1351; *Korslauken*, 1389 (APON 70). — Сложное название из **kors-* (см. {**kars-*}, {**kors-en-*}) и **lauk-* (см. *laucks*).

{*kort- & *median}, ср. *Kortmedigen*, 1411; *Curtmedien*, 1326, позже — *Kortmedien* (APON 77). — Сложное название: в первом члене — лексема *corto*, во втором — *median* 'лес' (к трактовке *g* в *-medigen* см. *Vanagas Baltist. 1, 1966, 186*). Известны и другие топонимы с элементом *kort-*, который может занимать не только первое место в слове, ср. *Dubekart*, 1340; *Dobekarten*, 1419; *Dobekarthyn*, 1425; *Sausekert*, 1343; *Sauszekarthen*, 1426, *Sawsgartten*, 1507, позже — *Sausgarten*; *Wesselkarten*, 1419; *Wessilkarthen*, 1426; *Pacortytygie*, 1340; *Pacortitigen*, 1340; *Pakortytiegien*; *Packortithen*, 1415 (APON 32, 112, 153, 200). Не исключено, что слово *corto* скрыто и в некоторых других названиях. Ср., напр., в «Привилегиях» картузского монастыря *Marienparadies: Item litus maris vulgariter Kortewjze Strand dicto* (дважды) *Collect. Cartus. 30, 31 (=67)*, среди других названий, часть из которых подозревается в прусском происхождении (**kort- & vis-* (?), см. *wyse* 'овес' — при **krais- & *vis-*, см.) — Ср. также *Bezenberger BV 23, 1898, 284*. — См. *corto, median* и {**kart-*}.

corto 'роща' (см. ниже): Э 698 ('Haun'). Nom. Sg. fem. — Нем. *Haun* в этом месте Эльбингского словаря надо понимать не просто как 'роща', а как обозначение огороженного места (в лесу), предназначенного, видимо, для охоты (ср. определение *Haun* как «der gehegte und gefriedete Wald» *DW 4, 2, 172*; также — РКР II, 42: 'užtvaga'). Это значение *corto* проясняет и смысл топонима *Kortmedigen* (см. выше), обозначающего нечто вроде заповедного леса (в противном случае возникла бы тавтология: 'роща' & 'лес'). Вместе с тем весьма показательно, что *corto* в данном месте словаря входит не в «лесной» (или вообще «растительный») фрагмент, а в «охотничий» (ср. Э 696: *Medies* 'Jeger', Э 697: *Sasintinklo* 'Hasengarn', Э 699: *Medione* 'Jayt', Э 700: *Curtis* 'Wynt' и т. п.). Тем не менее, «оберегаемым и огороженным» является все-таки лесной («Wald») участок, скорее всего именно роща (т. е. лес из молодой поросли); из практики охоты, в частности, в старые времена, у пруссов и на соседних территориях известно, что огораживались, как правило, не леса вообще, а молодые рощи. Исходя из этих соображений, целесообразно все-таки понимать *corto* как особый вид рощи, а не особый вид ограждения (поэтому перевод 'užtvaga' представляется неполным и отвечающим лишь одной из этимологических версий; он, очевидно, нуждается в экспликации, как, напр., русск. *засека* — 'заповедный лес, оберегаемый неким техническим приемом (рубкой леса и т. п.), ср. русск. диал. *осек.*) Возможно, топоним *Kortmedigen, Curtmedien* (см. {**kart-/*kort-/*kurt- & *median*}) идеально точно отражает сочетание двух семантических компонентов прусск. *corto*. — Эндзелин SPV 196 четко обозначил основной пункт неясности — происхождение корневого *o* (из *u* или из *a*?). Эта же неясность существенна и для однокоренного прусск. *rocorto* 'порог', толкуемого обычно как то, что находится «под дверью». Однако обычно этимологи пренебрегали выяснением этого спорного вопроса, чаще

всего постулируя как источник балт. **kurtā* и имея про запас ссылку на то, что и форма **kartā* в конечном счете отражает тот же и.-евр. корень **ker-t-* 'вертеть', 'крутить', 'плести' (Рок. 1, 584), но с корневым вокализмом *o* (а не нулевым). Тем не менее, даже эта приближенность может оказаться сомнительной при предположении о связи *corto* с и.-евр. **ker-/kōr-* 'висеть', 'вешать' (Рок. 1, 573), см. ниже. Пока наиболее распространенной следует признать точку зрения, объясняющую *corto* из **kurtā* (< и.-евр. **kert-*, собств. **krt-* как ступень редукции), однако приводимые в поддержку этой точки зрения примеры недостаточно едины в отношении вокализма. Семантически большинство примеров отражает мотив плетения. Ср. др.-греч. *κάρταλ(λ)ος* 'корзина', но и *κέρτος, κέρτη* 'верша', 'клетка', 'плетенка', *κροτώνη* 'сучок', из **κράτωνα* (см. GEW 1, 794; 2, 55—56; Chantaine Dict. etym. sv.); др.-инд. *kāṭa-* 'плетеное изделие', 'цыновка' (вероятно, из **kṛta-*: *kṛnāti* 'сучит нить', 'прядет', но возможно и из **karta-*); относимые сюда же Рок. 1, 584 *kuṭi-*, *kuṭi* 'хижина' (из **krti-*), *kudya-* (из **krtya-*) и толкуемые как **geflochtene Wand*, должны, видимо, рассматриваться как дравидские заимствования. Более надежно лат. *crātis* 'плетенка' (ср. *crātiō* 'бороновать'), но и *cartilāgo* 'хрящ', 'мякоть' (плода), из *k_or(ə)t-* (Рок. 1, 584); впрочем, Мейе видит противоречие между *crātis* и герм. формами, допускающими реконструкцию источника в виде **krt-*, и др.-греч. фактами (DELL 1, 264); далеки от ясности возможности отнесения сюда же лат. *cortina* (ср. такие значения как 'завеса', 'покрывало' и т. п.), *cartibulum*, стол особого типа (Varro. Ling. 5, 125), объясняемое из **carto-tabulum* (см. Müller-Graupa PhW 1932, 1073—1078: с археологическим комментарием) или из **carto-stabulum* (Leumann Glotta 24, 1935, 155 и др.). Но особенно показательны герм. факты — готск. *haurds* 'дверь' (из **krtis*); др.-исл. *hurð*, н.-исл., фарерск. *hurð*, норв. *hurð* (ср. шетланд. *ordeltree* 'порог' в связи с прусск. *rocorto*); др.-англ. *hyrd*, др.-сакс. *hurð*, др.-в.-нем. *hurð*, нем. *Hürde* (Altnord. EWb. 1977, 267—268, с ценными замечаниями о связи и.-евр. **ker-* с **k'er-* и **kerd-*, в частности, на материале герм. продолжений; Vgl. Wb. d. got. Spr. 250 и др.), фиксирующие ступень редукции, при не вполне ясных др.-сакс. *harst* (ср.-н.-нем. *harsten*, др.-в.-нем. *hersten*, др.-англ. *hierstan*), др.-англ. *hyrst* 'лес', ср.-н.-нем. *horst*, *hurst* 'кустарник', др.-в.-нем. *horst*, *hurst*, нем. *Horst*, норв. диал. *rust* 'роща' (последние примеры особенно поучительны с точки зрения семантической эволюции, особенно учитывая прусск. *corto* 'Hain'). Другие и.-евр. языки Европы доставляют еще ряд примеров, но с различным корневым вокализмом. Ср. др.-ирл., ср.-ирл. *ceirtle*, глоссируемое лат. *glomus* 'клубок' (Stokes Urkelt. 80; Altc. Spr., s. v. и др.), из и.-евр. **kertelā* (Рок. 1, 584), ср.-ирл. *cert* 'Fetzen'; алб. *kjerthull* 'круг', 'ворот', 'мотовило', слав. **krq̃tъ*, первоначально сохраняющее семантику соответствующего глагола — **krq̃tati*, **krq̃t-nq̃ti*, т. е. 'закрученный', 'заверченный' и т. п. (ср. **krq̃titi* и его продолжения); напротив, лит. *krañtas* 'берег' (толковавшееся как обозна-

чение к р у т о г о берега) теперь в свете объяснения Трубачева Этимол. 1978. 1980, 6—7 должно быть изъято из круга параллелей (во всяком случае очевидных), то же относится к слав. **čьrstvъ* (см. ЭССЯ 4, 160) и некоторым другим примерам, изредка подключаемым к этому этимологическому гнезду (среди них лтш. *krietns* 'порядочный', 'честный': *kriet* 'сбивать сливки', см. Osten-Sacken IF 23, 1908, 381; Рок. 1, 584 и др.). Наконец, при предполагаемом **kurtā* как источнике прусск. *corto* круг параллелей может быть расширен и за счет ряда древнебалканских топонимов — фрак. *Κορτοῦζοῦρα* Proc. ae. 4, 11 (конъектура — *Κορτοῦζοῦρα*), замок к сев. от Гебра, название, связываемое с *corto* (см. Russu Limba tr.-dac. 1967, 99; Duridanov Балк. езикозн. 21, 1978, 9—11; Езиков. проучв. Георгиев 1980, 218; Thr.-Dak. 1969, 42; Thrac. 1, 1972, 240; Език. на трак. 1976, 40); Руссу относит к этому же кругу фрак. *-corta* в сложных топонимах типа *Στανεκέρτα* (Proc. ae. 4, 4), замок; *Ζητρουκέρτου* (Proc. ae. 4, 6, 33), город на Дунае в Мезии (см. Thr. 185, 264, 479: с отсылкой к лат. *Curtius*, этрусск. *cūrdutes*); возможно отнесение сюда и иллир. топонимов *Curta* (It. Ant. 262, 1), *Curtiana* (It. Ant. 264, 9), о которых см. Spr. alt. Illyr. 200—201. Дуриданов соотносит фрак. *Κορτοῦζοῦρα* не только с прусск. *corto*, но и с балт. топонимами — прусск. *Curtoyen*, 1352; *Curtoye*, 1353; *Curtoy*, позже — *Kort-See* и др. (см. *{*kurt-}*), ср. также *Curmediem*, *Kortmedigen* (см. *{*kort- & *median}*); лит. *Kūrtuva*, *Kurtinys*, *Kurt-upis*; лтш. *Kurtene*, *Kurteni* и под., ср. LNEŽ 175 (Дечев Thr. 254; Бешевлиев Изв. Инст. бълг. ез. 19, 1971, 922, напротив, соотносят фрак. *-корта* с нар.-лат. *cortem*, из *cohortem*. Асс., ср. *corte* 'свинарник', румын. *curte* 'двор', н.-греч. *κορτα* 'скотный двор'). — Вместе с тем в литературе открывается и другая возможность объяснения *corto* — из балт. **kart-*. Она связана с предложением Эндзелина ME 2, 162 сравнивать лтш. *kaṅkles* 'ясли', лит. *kārklys*, то же, но и 'ворота' (подъемные), 'лестница' (переносная), соответственно — лтш. *kārkls*, лит. *kaṅklas* 'ива'), где *-kl-* из *-tl-*, с прусск. *corto*, др.-греч. *κάρταλος* и т. п., и с семантическими идеями Егерса Verk. Bedeut. 1949, 32 сл. (ср. KZ 88, 1966), согласно которым *corto* и его параллели в других и.-евр. языках, включая вост.-балт. *karkl-*, связаны с лит. *kārti* 'вешать', лтш. *kārt*, в частности, с такими именными образованиями, как прусск. *pracartis* 'корыто', лит. *prākartas* 'ясли', 'корыто' (ср. лит. *prakartà* 'просек') и далее лит. *kardà*, *karnà* 'лыко'. Указание ведущего мотива «висячести» («подвешиваемости»), ср. прусск. *pacaris* (:лтш. *pakars* 'крюк, на который нечто подвешивается'), дополняется ссылкой на возможную связь этих названий с лтш. *kārnīt* 'рыть', 'копать', 'скрести', 'царапать', 'расчищать', словен. *črtati* 'корчевать', 'царапать' и т. п. (см. LEW 222); ср. ориентацию на подобные операции в словах, обозначающих некое выделение, ограничение (слав. **rqběžь* : **rqbiti*; **čьrta* : *čьrtiti* и т. п.), т. е. те смыслы, которые могли теоретически мотивировать и прусск. *corto*. Наконец, нельзя полностью исключать и связь этого слова с прусск. *kartano* 'шест',

'жердь' (ср. огораживание при помощи слег), см. Прусск. *kartano*, лит. *kártis* 'жердь', 'шест' и т. п., как и более глубокие связи с и.-евр. **ker-*, возвращает и к таким примерам, как лит. *kartà* 'поколение', 'род', 'ряд', 'слой', 'пласт' (собств. — 'срез') и т. п.; 'сорт', 'порода' и т. п. (ср. *kařtas*). В связи с реконструируемым {**kart-* & **median*} заслуживают внимания два рода фактов в литовском: синтагматическое соседство соответствующих элементов (ср.: *Labai retas medžia s turi tiesias rieves, arba kartas; Augalingo medžio yra tankios kartos*. LKŽ 5, 329 и др.) и наличие семантического компонента 'дерево' ('деревянный') в словах с элементом *kart-*, напр., *kártis, kártė*. Эти соотношения, в частности, могут подсказать один из вариантов толкования прусск. *Kortmedigen* и под. — нечто вроде 'рядовой', 'породистый', 'сортовой' лес (ср. *строевой лес*). — При реконструкции элемента **kart-* круг топонимических параллелей должен измениться, см. {**kart-*}, LHEŽ 148. Во всяком случае Траутман BSW 146 допускает для *corto* источник и в виде **kártā-*. — Другие этимологические решения (ср.: *corto* — слав. **gordъ* и его продолжения, обозначающие ограду, город и т. п., Thes. 78) ошибочны.

— Лит.: Thes. 1873, 78; Bezenberger GGA 1874, 1243; Stokes Urkelt. 1894, 80; APSpr. 361; BSW 146; Charpentier AfslPh 37, 1920, 50; APON 32, 77, 112, 153, 200; Vgl. Wb. d. got. Spr. 250; DELL 1, 264; SEW 196; LEW 178, 222; Vanagas Baltist. 1, 1966, 186; LHEŽ 175; Russu Limba tr.-dac. 1967, 99; Duridanov Thr.-Dak. 1968, 42; Thrac. 1, 1972, 240; Език на трак. 1976, 40; Балк. езикозн. 21, 1978, 9—11; Езиков. проучв. Георгиев 1980, 218; Altnord. EWb. 268. — {**korto*; **korta*; **kurta*; **karta* ?}.

{**korv-*}, ср. *Corwis* (C 42, 25^v; Matusovičiūtė APhil. 8, 1939, 13), то же самое — *Carwis*, 1411—1419 (APON 57). Ср. также *Corwen*, 1421; *Curwin*, 1405; *Korben*, 1515, позже — *Corben* (APON 77). — См. {**karv-*} и {**kurv-*}, здесь же параллели, а также {**korv-* & **dompn-/dumpn-*}, {**korv-ing-in-*}, {**korv-* & **lauk-*}.

{**korv-* & **dompn-/dumpn-*}, ср. *Corwedompne*, 1411; *Curwedumpne*, 1423; *Cordompaw*, 1507, позже — *Cordommen* (APON 70). — Сложное название. Согласно Пирсону Altrg. NK 628 и Герулису, в первом члене — прусск. *curwis* 'бык', во втором — тот же элемент, что засвидетельствован и в ряде других прусских топонимов, ср.: *Domponow*, *Domponow*, *Dampnaw*; *Dompnikaum*, *Domnykaum*, *Domenekaum*, *Dompnikaum*; *Muntileitis dummis*, *Myntileytis dumpnis* (APON 30, 70, 103), см. {**dumpn-*}. — Учитывая *-bn-* > *-mn-* (> *-mm-*), реконструируется прусск. слово, соотносимое, видимо, с лтш. *dubens*, лит. *dūgnas* (< **dubn-*); параллели см. {**dub-*}; LHEŽ 93, 94; ср. Sabaliauskas LKK 10, 1968, 133. — См. {**karv-* & **dumpn-*}, {**kurv-* & **dumpn-*}; {**korv-* & **lauk-*} и др.

{**korv-ing(-in-)*}, ср. *Corwingyne*, 1394, лес ок. Karwinden (APON 71). — Ср. также *Kurwingen*, 1402—1408; *Corwingen*, 1411—

1419, позже — *Karwinden*; *Carwingen*, 1407; *Karwinden*, 1515, позже — *Corwingen* (APON 77: *curwis* и суф. *-ing-*; к *-ng-* > *-nd-* ср. *Stabingen* — *Stabynden*, *Lindenow* — *Lingenau* и т. п., 223). — См. {**karv-*}, {**kurv-*} и др.

{**korv-* & **lauk-*}, ср. *Korwelaucken*, 1370—1372; *Korwellawcken*, 1419; *Korbelawken*, ок. 1420, позже — *Korblack* (APON 71). — К первой части см. {**karv-*}, {**kurv-*}, ко второй — {**lauk-*}, *laucks*.

{**kosd-en-??*}, ср. *Koszden*, 1495 (APON 71). — Неясно.

**kose*, см. **kole*, *kote*.

cosy 'глотка', см. ниже. Э 96 ('Kele'), ср. Э 94: *Inswis* ('Czunge'), Э 95: *Dangus* ('Gume'); Э 97: *Gurcle* ('Gurgel'). Nom. Sg. fem. — Семантически наиболее точное соответствие — лит. *koserė* 'трахея' (ср.; *Balso padargas susideda iš plaučių su gerklomis, koserės/trachea/ir priekoserio/larynx/*); 'горло', 'зев', 'пасть', 'жерло' (*Pilną koserę prikišo duonos*); 'голос' (*Petras turi gerą koserę: kaip užrėkia, tai net pirkios langai skamba* LKŽ 6, 370—371), ср. *kósergalis* 'koserės galas', 'ryklė'; 'фаринкс' (*Kosergalis uždegimas*); *koseris, kosiurė* (*Aš tau užkišiu kosiurę*. 6, 373), *kosurė* (*Jei pats nevalgysi, aš prievarta tau į kósurę sugrūsiu*. 6, 376). В литовском эти слова связываются с глаголом *kósėti* 'кашлять', который в некоторых старых памятниках и кое-где по говорам сохраняет следы атематического спряжения (ср. *kósti*, 3. Sg., «*vartojama daugelyje tarmių*», см. Zinkevičius Liet. dial. 348: *Salant.*, *Vilkav.*, *Leipal.*, *Raguva*, *Linkmen.*, *Tvereč.*; на основе *kósti* кое-где формируется новая парадигма: *kóščiū*, *kósti*, *kóstim*, *kóstit*; форма *kosmi* отмечена у Ширвидаса PS 38; Dict. 1, 52 (но и *kosiu* 3, 99, *kosu* 3, 133, ср. *kosu*, 1, 52), в грамматиках Шлейхера и Куршата), см. Specht KZ 62, 1934, 84, 88; Stang. Sl. u. balt. Vb. 99; Vgl. Gr. 310, 312, 316, 317; Otrębski GLit. 3, 188; Sabaliauskas LKK 1, 1957, 105; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 305; Zinkevičius Liet. kalb. istor. gram. II, 1981, 101, 103; Liet. dial. 348; LEW 283—284. Атематический характер архаичных форм от этого глагола (иной тип — лтш. *kāsēt*, *kāselēt* 'кашлять', др.-инд. *kāsate*) существен и в том отношении, что *koserė*, *kosurė* также некогда принадлежали к архаичным основам на согласный, и в том, что позволяет определить отношения словопроизводства и семантической мотивировки. В самом деле, связь названия трахеи и обозначения действия 'кашлять' (при *kosuljys* 'кашель') в литовском осуществляется несколько иначе, чем, напр., в латышск. (ср. *kāsēt*: *kāsus*, *kāsa*, *kāsis* 'кашель' при *elpvads* 'дыхательное горло', но *rīkle* 'глотка') или в славянск. (ср. русск. *кашлять*: *кашель* при *глóтка* и т. п.). До сих пор, обращаясь к прусск. *cosy*, указывали в качестве ближайшей параллели лит. *koserė* (уже Burda BVS 6, 1868, 406), а также слова разных и.-евр. языков, обозначающих кашель; помимо указанных латышск. слов и достаточно единообразных слав. примеров, восходящих к **kās-l-jo-* (ср. русск., укр. *кашель*, блр. *кашаль*; ц.-сл. *кашель*, болг., макед. *кашлица*, с.-хорв. *кашаљ*, словен. *kašelj*; польск. *kaszel*,

слвц. *kašel'*, чеш., в.-луж., н.-луж. *kašel*, полаб. *kosal*) и определяющих соответствующий глагол **kašl'ati*, ср. также др.-инд. *kāsa-*, *kāsā*, *kās*, алб. *kollē* (из **kās-lā* > **koslē*), ср. лтш. *kāšļi*, а также образования с элементом *-t-*: др.-исл. *hosti*, др.-англ. *hwōsta*, др.-в.-нем. *huosto* и др.; ср. -ирл. *cassacht* (*ach*), кимр. *pas* (< **kās-t-*), брет. *pas*, корн. *raz* и др. Эти примеры не очень убедительны, поскольку они иллюстрируют модель 'кашель' → 'кашлять', о которой на прусском материале судить нет возможности из-за отсутствия данных. К тому же, прусск. *cosy* обозначает «глотку» в том специфическом понимании, которое проводит различие между нею и горлом (*gurcle*). Почти бесспорно речь идет в случае *cosy* о дыхательном горле, трахее, расположенной между гортанью и бронхами (ср. лит. *gerklė*, *kverpiojamoji gerklė*), и, следовательно, значение 'глотка', чаще всего связываемое с пищевым трактом, неточно передает суть прусск. *cosy*. Дыхательное горло в очень большом количестве языков обозначается как трубка (с разными определениями, в частности, *дыхательная*), что соответствует внешнему виду дыхательного горла — трубка, образованная переплетением тяжей. В этом контексте не приходится удивляться, что наряду с и.-евр. **kās-* (**kās-*)-*jo-*, **kās-lo-* и под. (см. Рок. 1, 649), рассмотренными выше в связи с названием кашля, в и.-евр. обнаруживаются очень близкие формы **kās-jo-*, **kās-lo-*, обозначающие нечто плетеное, плетеное изделие, коробочку, трубочку соответствующего типа (ср. Рок. 1, 635). Среди примеров этого рода ср. лат. *quālum*, *quālus* 'плетенка', 'корзинка' (из **kuaslom*) и особенно праслав. **košь*, обозначающее разного рода плетеные и связанные, составные (сложного состава, из ряда элементов) изделия — корзины, коробки, лари, верши и т. п. Ср., напр., ст.-сл. кош *κόφινος* (Супр.), болг. кош, макед. кош, с.-хорв. *kōsh*, словен. *kōš*; чеш., слвц., в.-луж., н.-луж. *koš*, польск. *kosz*, кашуб. *koš*; русск., блр. кош, укр. *kiš*. Такие случаи, как русск. диал. кош «сколоченная из досок труба, через которую золотосодержащие пески спускаются на промывочные верстаки и решета» (Даль; СРНГ 15, 137), с одной стороны, и обозначения грудной клетки (ср. с.-хорв. *grūdni kōsh*, болг. *grъден кош*, макед. *граден кош*) в ряде языков, с другой стороны, придают славянским данным особую ценность в связи с прусск. *cosy* — тем более, что праслав. форма **košь* восходит к **kos-jo-* (учитывая многочисленные вторичные образования женск. рода, можно думать и о реконструкции **koša* < **kos-ja*), весьма близком к *cosy*. Характерно, что слав. примеры поддерживают и вышеуказанные образования с элементами *-r-* (лит. *koserė*, *kosurė*) и *-l-*, ср. слав. **koš-ar-*(-a), **koš-er-* (ср. болг. *kōшер*), **koš-or-* (ср. болг. *kōшор*), **koš-ur-* (ср. болг. *kōшур*); из **kos-ja-ur-*: лит. *kosiurė*) и т. п., а также **koš-el-*, **koš-il-*, **koš-ul-* и т. п. Примеры типа слав. **košь* не только формально оказываются наиболее близкими к *cosy*, но и бросают свет на семантическую мотивировку как **košь*, так и *cosy*, не говоря уж о вторичных образованиях со значением 'кашель' (аморфная, неод-

народная совокупность акусм /«переплетение»/, которые, строго говоря, оказываются излишними при объяснении *cosy*.

— Л и т.: Burda BVS 6, 1868, 406; Thes. 1873, 78; Pierson BVS 7, 1873, 589; APSpr. 361—362; BSW 119; SPV 196; LEW 284; Schmid Stud. balt. u. idg. vol. 1963, 17; Мажюлис Acta B.-sl. 9, 1976, 68. — [**kosi*; **kosē* ?].

{**kosn-ik-* ??}, ср. *Kosnyc-ulis*, 1362, ручей; *Koysnyk*, 1363, *Kosnyk*, озеро и ручей, позже — *Kosno-See*; *Koysznykculik*, 1359, испорченная запись (APON 71: к прусск. *coysnis* ?); ср. также *Koysnik*, ок. 1400 (Cod. dipl. Pruss. IV, 186); *Kostnich*, 1595 (Hennenberg Von den See'en, 13); *Kosno*, *Košno*, *Koschno*, *Kösnick-See*; — *Kösnik*, *Koysnyk*, 1380 (Cod. dipl. Warm. III, 75); *Košnik*, *Košno*, *Koschno*, *Kösnick Fliess* (Słown. nazw. Mazur. II, 190, 212); *Košnik*, *Košno* (Słown. nazw. geogr. PZP 140); *Košnino* (при *Kosino*, см. Nazwy Północn. Maz. 220, 224). — Форма **kosn-ik-* (если только за ней не скрывается **koisn-ik-*, как предполагал Герулис, правда, с сомнением) выглядит несколько странно и нуждается, видимо, в конъектуре. Наиболее вероятные ее варианты — **kois-en-ik-* или **kos-en-ik-*. В первом случае можно думать о связи с прусск. {**kais-*}, ср. *Kaysyni*, 1348; *Kayskaim*, 1484, позже — *Köskeim*; *Peter Kayse*, 1374 (APN 41; APON 61) и, следовательно, с лит. *Kaišenaī*, *Kaišenėliai* (: *kaiš-en-*), ср. *Kaišiadōrys*, *Kaišiadorėliai*, *Kaišialakiai* LATSŽ 116); латышские примеры типа *Kāšis*, *Kāši* и т. п. (LV I 2, 6) двусмысленны и, по крайней мере, отчасти могут объясняться заимствованием из эстонских и ливских источников (ср. также куршск. *dat Koyszche broeck*, 1496 (?). KF 112). Зато есть основания думать, что прусский сохранил следы этого же корня с вокализмом *-e-*, см. {**keis-*}, {**keis-in-*}, {**keis- & *kaim-*}, ср. *Keysen*, 1272; *Keysonis*, 1290 (in campis . . . *Keysonis*). APON 59; Nom. pr. *Keyse*, 1340; *Keiss*, 1396 (APN 54). Из апеллятивных примеров ср. лит. *kāišena*, *kaišina* и т. п. (LKŽ 5, 70—71). Во втором случае речь могла бы идти о реализации прусск. {**kas-*}, см., и соответствующих литовских параллелях с корнем *Kas-* (LHEŽ 149); не исключена связь с такими словообразовательно близкими параллелями, как висл. *Kosieniec*, *Kosienica*, *Kosionek* (HW 335, 338, 339); ср. мазур. *Kosienko* при *Kosno* (Słown. nazw. Mazur. II, 210); *Kosinek*, *Kosinko* (Słown. nazw. geogr. PZP 138) и т. п. По-разному можно толковать графически точное совпадение — болото *Kосник* в басс. Оки (к сев. от Клязьмы, здесь же река *Косарка*), см. Гидр. басс. Оки 213.

{**kost-*}, ср. *Costus*, 1339; *Costos*, 1423, позже — *Kohsten* (APON 71). — По мнению Герулиса, к лит. *kūokštas* 'пук', 'пучок', 'клок' (ср. русск. *куст*); об отсутствии *k* перед *st* см. APSpr. 182. Если эта точка зрения верна, ср. лит. *Kukštinė* (LATSŽ 145; лит. *kūkštas*, *kūkštis*). Но можно думать и о названиях, восходящих к балт. **Kast-* (ср. LHEŽ 149), см. {**kast-*}, здесь же параллели — как центрально-европейские, так и балкано-малоазиатские; среди ве-

ростных балтизмов Поднепровья — *Коста*, *Костынь*, *Костанка* (ЛАВІІ 191, 218).

{*kōtz- (?) & *lauk-}, ср. *Koczlauken*, 1390; *Korcslauken* (!), 1425, позже — *Kotzlauken* (APON 71: к Nom. рг. *Kacze* и *laucks*). — Сложное слово. Первый член не вполне ясен, см. {*kat-ī-* (*kaīc-)?}.

kote 'галка'. Э 724 ('Tale'), ср. Э 721: *Warnis* 'Rabe', Э 722: *Warne* 'Kro', Э 723: *Vucawarne* 'Holckro', Э 725: *Sarke* 'Alester' и т. п. в обширном ряду названий птиц. Nom. Sg. fem. — По поводу того, как понимать это написание, существуют самые разные точки зрения. Предметом спора выступает *t*, которое предлагают исправить на *-s-* (Berneker Pr. Spr. 300; APSpr. 362; SPV 196; FBR 15, 1935, 89; РКР II, 43), на *-c-* $\dot{=} k$ (APSpr. 362), на *-l-* (как в *colwarnis*, см. Būga RR I, 439=РФВ 70, 1913, 107; ЭСР 1, 388; Мартынов Baltist. II priedas, 1977, 109—110). Причины выбора разных конъектур, зависящие как от степени подобия *t* некоторым другим графемам (*š*, *l*, *s*), так и — преимущественно — от предполагаемой этимологии и, следовательно, избираемого круга параллелей в вост.-балт. и отчасти слав. языках, объяснены в статье *colwarnis*, см. (в самом этом слове *l* предлагают понимать как замену-ошибку вместо *š*). Там же рассмотрены разные следствия принятия той или иной конъектуры и приведены соответствующие параллели. Здесь они могут быть повторены лишь вкратце, в самых существенных своих звеньях. Наиболее распространенной следует считать сейчас конъектуру **koše*, которая имеет силу и для названия грача — **košwarnis*. Если она верна, то наиболее убедительные соответствия — лит. *kūosa* 'галка' (отмечено уже у Ширвида Dict.), *kūosas*, *kuosia* и т. п., лтш. *kuosa* (у Манцелия, Яна Лангия, Стендера и др.); ср. куршск. Nom. рг. *Kose*, 1355—1362 (KF 295—296), а также соответствия к прусск. **cošwarnis* в вост.-балт. (лит. *kūosvarnis* 'галка', лтш. *kūosvārnis*, *kuosvārna*); восстанавливаемое Френкелем прусск. **Warne-kos* (метатезированный вариант, к **kos-* & **varn-*, см. LEW 285; Sybaris 1956, 37) может быть (и, видимо, с большим основанием) истолковано иначе. Как некий фон следует расценивать и такие формы, как лтш. *kuōvārnis*, лит. *kōvarnis*, объясняемое, впрочем, из гашлологии — **kova-varnis*; слав. **ka-vornъ*. — Гораздо менее популярна конъектура **koce*, которая привлекла Траутмана в связи с возможностью сопоставления прусск. слова с лтш. *kāķis* 'галка', др.-инд. *kāka-* 'ворона'. Эндзелин, который в ME 2, 190 допускает, что лтш. *kāķis* может по происхождению быть куронизмом и опираться на схему парадигмы типа Nom. Sg. **kātis*, Gen. Sg. **kāķa*, соотносясь, следовательно, с прусск. *kote*, подчеркивает трудности, связанные с лтш. *ķ* (в куршск. **tj* > *ķ*, см. Būga LKŽod. XCVI=RR III, 172 сл.; Fraenkel Sybaris 37 и др.). Во всяком случае, если соображения Эндзелина верны, то они исключают возможность сопоставления конъектуры **koce* с лтш. *kāķis*, если, конечно, не предполагать и для прусск. фонетического развития *tj* подобного куршскому, для чего нет реальных оснований. Вместе с тем Эндзелин указывает, что в Эль-

бингском словаре перед гласными переднего ряда (*e*, *i*) ожидалась бы скорее графема *k*, нежели *s* (FBR 15, 89; SPV 196). — Конъектура **kole* опирается на реально засвидетельствованную форму *colwarnis*, а также на некоторые косвенные и часто не до конца ясные примеры типа лит. *-kol-* в *naktikolas* 'кваква' (ср. сходный тип словообразования в др.-в.-нем. *nahtigala* 'соловей' и под.), слав. **galo-vornъ* и более или менее правдоподобно реконструируемое **kal(o)-vornъ* (Мартынов 109—110). Эти и подобные им примеры из балт., слав. и герм. языков и составляют круг ближайших параллелей к предполагаемому прусск. **kole* (др.-инд. *cāla* 'blauer Holzhäher' в этом ряду вызывает серьезные сомнения). — Следует заметить, что перед исследователем, пытающимся найти адекватную форму обозначения галки в прусском, задача не может быть сведена исключительно к выбору одной из несколько предложенных конъектур. Приходится считаться и с словарной формой *kote*. Из нее исходил еще Пирсон ZfPr. Gesch. 12, 1875, 293, сравнивая ее с гаэльск. *cathag*; с ней как с данностью считался Шпехт Urspr. 1947, 204, 214, 222, 235, видя в *-t-* тот же элемент, который присутствует в названии дятла — прусск. *krac-t-o* и чередуется с другими элементами той же природы в иных и.-евр. языках, ср. *ko-t-e* при лит. *kūo-s-a-(s)*, *kō-g-as* 'галка', др.-инд. *kā-k-a-* и т. п. Как было показано выше, из рассуждений Эндзелина следует, что *kote* могло бы оказаться реальной формой обозначения галки в прусском. Именно так понимал суть дела и Френкель — «In diesem Falle brauchte preuß. *kote* nicht verändert zu werden» (LEW 285); «Ist Endzelīns Ansicht richtig, so braucht preuß. *kote* nicht verändert zu werden» (Sybaris 1956, 37). Известной поддержкой *kote* могли бы служить пока надежно не истолкованные прусск. топонимы с корнем *Kot-*, см. {**kot-in-*}, {**kot-ir-(-er-)*}. — Тем не менее, до сих пор нельзя с определенностью настаивать ни на одном из перечисленных вариантов понимания *kote*. «Удовлетворительность» разных этимологических решений не позволяет делать этимологию последним судьей в выборе адекватной формы слова.

— Л и т.: Thes. 1873, 78; Pierson ZfPr. Gesch. 12, 1875, 293; Pr. Spr. 300; APSpr. 362; Būga Asm. vard. 1911, 11=RR I, 214; РФВ 70, 1913, 253—254=RR I, 444; Endzelīns FBR 15, 1935, 89; ME 2, 190; SPV 196; Specht Urspr. 1947, 204, 214, 222, 235; ЭСР 1, 388; LEW 285; Fraenkel Sybaris 1956, 37; Мартынов Baltist. II priedas, 1977, 109. — [**kote?*; **kose?*; **kole?*].

{**kot-er-(-ir-)*} (?), ср. *Kother*, 1289; *Cottir*, 1289 (APON 71). — К суф. ср. Nom. рг. типа *Budir*, *Burtyr*, *Germer* (: *Germe*), *Gimber* (: *Gymbe*) и др., см. APN 177. — К корню ср. {**kot-er-(-ir-)*}, {**kot-in-*}, м. б. *kote*, если считать эту форму надежной. Но возможны и совсем иные параллели, если исходить из **Kat-*, см. {**kat-*}, {**kat-er-(-ir-)*}, здесь же параллели. Ближайшими из них должны быть признаны лит. *Katārė* (ср. *Katrà*, *Katrėlka*. LUEV 70—71; Liet. hidr. 94, 131, 216; LHEŽ 150); *Katrà* (LATSŽ 126); ср. также *Karaliūnas* Baltist. 3, 1967, 220—222; Schmid Baltist. 7.

1971, 40; в центрально-европейском контексте см. Krahe BNF 8, 1957, 144—145. Названия этого типа отмечены и за пределами современной Литвы, ср.: *Kóтра*, в басс. Немана; *Kóтры*, с. Пружанск. р-на (Жучкевич Кратк. топон. слов. Белор. 179); *Kóтра* (Слоўн. назв. Брэсц. 69); *Kóтрына*, Минск. (Мікратап. Белар., 122); *Koterka*, прит. *Pulwa*'ы, в басс. Буга; *Koterza*, озеро в басс. *Wierzusa*'ы (HW 397, 782). Возможно, что некоторые латышские названия на *Katr-*, *Katr-in-* (см. LV I, 2, 59—60) могли относиться к этому кругу, но позже они были перекрыты многочисленными названиями, произведенными от фонетически сходного женского имени, и в настоящее время не могут быть выделены. Заслуживают внимания гидронимы в Поочье *Которь*, *Которянка*, *Катарянка*, *Котраха* (в басс. Нерли) (?), см. Гидр. басс. Оки 30, 216; в Среднем Поднепровье *Котурка*, *Котур*, 1616; *Котур*, 1634; *Котурь*, 1686; *Которь*, 1720; *Катурка*; *Котырь*, 1666; *Котурь*; *Котурна*; *Катурка* (СГУ 277; Маштаков Спс. Днепр. 50; Трубачев НПУ 124, 255). Элемент **Katar-* обнаруживается и далеко к юго-западу. Ср. иллир. *Καταρβάτης ποταμός*. Ps.-Skyl. 21 (река изобиловала порогами и водопадами); *Catarum*, восстанавливаемое на основании *Decadaron*. Rav. IV, 16; Guido 114; *Decadaron*. Rav. V, 14; τὰ Δεκάτερα. Konst. Porph., them. II, 61, 15; adm. imp. 29, 30; Δεκάτορα. Theophan. contin. V 53, p. 289; Niketas Akomin. 5, 4, p. 206; *in Culfo de Cattaro*; *Decatarum*. Presb. Diocl. c. 31, 36; теперешнее итал. *Cattaro*, с.-хорв. *Kóтор* (*Которь*); ср. в средневековых документах *Catera*, *Cathara*, *Catarum*; у Просор., aed. IV, 4 (120, 7) отмечено название замка в Дардании *Κάτταρος*, ср. там же *Κατταρέτερος* (**Κάτταρος έτερος*); *Κατταρηός*. Ср. также *Catari*. Plin. 3, 148; *Catarienses*. Not. dign. occ. 7, 62; *n[umerus] Caddarensium*. Inscr. Rhen. 1317; *n. Cattharensium*. Ibid. 1293, 1377, 1491e, 1497, 1550d — «ein rannonischer Stamm» (Mayer Spr. alt. Illyr. 182); *Catarona*, правый приток По (см. Hubschmid 1954, 12—26).

{*kot-ev-ein (?)}, ср. *Kothewein*, 1471 (APON 71: preußisch?). — Вероятно, в основе лежит тот же элемент, что и в {*kot-er- (-ir-)}, {*kot-in-}; суф. -ev-ein-; ср., с одной стороны, *Baudewiten*, *Bundewith*, *Lusewithe*; Nom. pr. *Gaudewe* (APON 259) или *reddewingi* (: *red-dan*), *lāngewingiskai* и т. п., с другой, *Awseyne* (: *Awse*), *Sawseyne* (: *sausan*) и др. В целом обнаруживает сходство с топонимами типа *Kotwiniec* (Słown. nazw. geogr. PZP 140). — См. {*kat-} и др.

{*kot-in-}, ср. *Cotyn*, 1427 (APON 71: pr. *catto* ?); ср. *Catin* (APhil. 8, 1939, 13. — Если предположение Герулиса верно, ср. лит. *Katīn-upis*, *Katīn-ravis*, *Kātino-upėlis*, *Katīnėlis* (LUEV. 70; Liet. hidr. 117, 228, 229, 231, 272; LHEŽ 149); *Katīnai*, *Katīnėliai*, *Katīnėnė*, *Katīnėškė* (LATSŽ 126); лтш. *Katīneļi*, *Katīnišķas*; *Katīņ-kalns*, *Katīņ-pļava* (LV I, 2, 58); русские топонимы *Котен*, *Котин* и т. п. Вместе с тем не исключена возможность связи с {*kot-}, см., а также {*kot-er-(-ir-)} и т. п.

{*ko- & *tuln-}, ср. Nom. pr. *Cotulne*, 1405; *Kotolne*, *Cotulne*,

1318: *Kotulne Camyn*, 1364 (APN 48, 141, 153). — Сложное название; в первом члене местоименный элемент, см. {*ka-}, во втором — *tuln-*, встречающийся как в Nom. pr., так и в топонимах; ср. *Tulne* (*Tolne*), *Tulnege* (*Tolnege*), *Tulnico* (*Tolnico*); *Tulnegecz*, *Patulne* (APN 75, 109—110, 153); *Tulnicken* (*Tolnyken*) (APON 188). Наряду с *tuln-* отмечается и *tul-*, оба связанные с обозначением величины, множества (ср. *talan* и *tūlninai*); **tulna-* восстанавливается как основа Adj. (APSpr. 452; APN 153). К и.-евр. фону см. Milewski Ieur. imiona 1969, 103; ср. Leskien IF 34, 1914—1915, 328.

{*ko- & *vesel-}. Nom. pr. *Kovessel*, *Kowessil*, имя шалава (APN 48, 141). — Сложное имя: из местоименного **ko-* (см. {*ka-}) и элемента **vesel-*, ср. Nom. pr. *Wessele*, *Wesselinne* (APN 117); *Wesselkarten* (APON 200). См. Milewski Ieur. imiona, 1969, 103.

{*krad-ia-(-ija-)} ?, ср. Nom. pr. *Kradie*, *Niclus* (C 42, p. 43^r). *Matusevičiūt* APhil. 8, 1939, 13. — К суф. ср. прусск. Nom. pr. *Kantue*, *Makie*, *Manie*, *Sanarie* и т. п. (APN 164). К корню надежных параллелей нет. Ср., м. б., лтш. *Krādiņi* (LV I, 2, 129).

kraeuwiey, см. *crauo*.

{*krag-av-}, ср. *Kragaw*, 1515, позже — *Kragau* (APON 71). — См. также {*krag-en-}. Уже Генниг Preuß. Archiv 5, 1794, 629 сравнивал с прусск. *kragis* 'кувшин'. — Без. суф. или с другим суф. ср. мазур. *Kraga*, ручей (нем. *Kragge*); *Kraga*, название озерного залива; *Crackelfurt* (Hennenberger Von den See'en 1595, II, 9); *Kraggenwinkel* (Słown. nazw. Mazur. II, 143); *Kraga*, *Kragge*, *Kraggenwinkel* (HW 620—621); *Kraginy?* (Słown. nazw. geogr. PZP 143: *Kraginnen*, *Kraghof*). — Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Kragū ežeras* (Liet. hidr. 262; LHEŽ 163), *Kragai* (LATSŽ 139); ср. лит. Nom. pr. *Kragulis* (Liet. antrop. 158); м. б., лтш. *Kradze*, *Kra(d)žu-* или *Krag'u-kruogs*; ср. *Krag'es*, *Krag'es-pļava*, *Krag'-is*, *Kra'ga-dīķis*, *-kalns*, *Krag'i*; *Krag'ene*, *Krag'enes*, *pļ.*, *Krag'išķu-ciems*, *Krag'ītis* (LV I, 2, 120); возможно, сюда же относится и куршск. *Cradzen see*, 1424; *de Cradessche beke*, но и: *in de Cracebeck*, 1500; *der Cratschenschen ere . . . hoyslegl* 1525; *Cratzen*, 1573; *Pauren den Kraatzenicken*, 1593 и др. (KF 113, 296), которые Эндзелин, однако, соотносит с лтш. *krāce* 'порог' (речной, см. ZfslPh 11, 1932, 146—147. Не вполне ясно отношение к этим примерам таких названий, как блр. *Крэгель*. поле (Минск., см. Мікратап. Белар. 123), с которым, видимо, связаны *Краглі*, *Краглі*, *Краглéвiчы* (Кратк. топон. слов. Белор. 180; Слоўн. назв. Брэсц. 69) и т. п.; ср. блр. Nom. pr. *Крэгель* (ср. лит. *Kragas*). Белор. антрап. 2, 217.

cragge, см. *kragis*.

{*krag-en-}, ср. *Craghen*, 1310 (SU 123); *Kragen*, 1342 (APON 71). — См. {*krag-av-}, там же параллели.

kragis 'войско', см. *kargis*.

kragis 'кувшин'. Э 400 ('Krug'), ср. Э 401: *Sticlo* 'Glas', Э 402: *Kiosi* 'Becher' и т. п. Nom. Sg. masc. — *cragge* 'горшок', 'кружка'. Гр. 18 ('kanne'); — *kragge* — Гр.-Г. 43 ('kanne'); — *Cragge*. Гр.-Кип.

(‘Cantarus’) Nom. Sg. fem. см. Hermann NAWG 1949, № 6, 152—153; Kiparsky Baltist. 6, 1970, 211; РКР II, 54. — Не исключено, что родовые различия фиксируют не только диалектные расхождения, но и, — хотя бы отчасти, — имеют отношение к семантике. Скорее всего форма masc. связывалась с обозначением кувшина, а форма fem. — с обозначением кружки и даже чаши типа канфара (ср. ‘Cantarus’). Оба предмета посудной утвари могли в соответствии с многими аналогиями из мифопоэтической традиции противопоставляться между собой по таким признакам, как: высокий — низкий, суженное отверстие — широкое раскрытие; то, откуда наливают, — то, куда наливают, и т. п. Различение родов применительно к такой дифференциации посуды довольно обычно: *кувшин* — *чаша* (кружка), *Krug* — *Kanne*, *ąsotis* — *taurė* и под. — Германское заимствование. Конкретный источник его остается до сих пор не уточненным. Как наиболее близкие формы указывались англ. диал. *crag*, маленький сосуд для пива, швабск. *kragen* ‘большая пивная кружка’ (SPV 196); нем. *krög* (=Krug) ‘кувшин’ и т. п. (APSpr XVI, 362; Prellwitz Bestandteile 1891, 20). Но одни из них в качестве источников заимствования ставятся под сомнение, по крайней мере, для части соответствующих балт. слов. (Буга TŽ 2, 1924, 481=RR III, 720 указал, что нем. *krög* (ср. еще др.-в.-нем. *kruog*, ср.-в.-нем. *krûche*, *krauche*, *kruke*) при заимствовании дало бы лит. **kruogas*, ср. лтш. *kruõgs*, *kruõgus*, *kruõg’elis*), другие вызывают серьезные подозрения в отношении реальных возможностей их заимствования балт. языками, в частности, и прусским. Скорее можно было бы думать о роли таких источников нижненемецкого круга, как ср.-флам. *krage*, подчеркивающих мотив горлышка (→ сосуд) и тем самым актуализирующих внутреннюю форму слова — и.-евр. **g^her-* / **g^hrō-gh-* (где корень обозначает ‘проглатывать’, ‘горло’, ‘жерло’, ‘пасть’); но, как правило, в герм. языках такие слова сосредоточиваются в сфере обозначения элементов одежды, украшения (‘воротничок’ и под.), ср. др.-исл. *kragi*, норв., шведск., ср.-н.-нем. *krage*, голл. *kraag* (Altnord. EWb. 328) или части тела (‘горло’, ‘шея’, ‘зоб’ и т. п.), ср. ср.-в.-нем. *krage*, н.-в.-нем. *Kragen*, ср.-англ. *crawe*, англ. *craw* и др. Во всяком случае связь этих значений с семантической мотивировкой названий сосудов с выраженным горлышком очевидна (ср. русск. *горлѧч*, *горлѧн* как обозначения сосудов, лит. *gurklỹs* — не только ‘зоб’, ‘подбородок’ и т. п. (ср. лит. *gerklė* ‘горло’), но и ‘горлышко’, ‘шейка’ (сосуда) и даже сам сосуд — ‘черпак’, ‘ковш’ см. LKŽ 3, 753 и др.). В этой ситуации приходится считаться с возможностью наличия в прусском языке «своего» названия сосуда типа кувшина, образованного от слова со значением ‘горло’ и позже вытесненного германским заимствованием. Если внутренняя форма прусского названия осознавалась, то это не могло не способствовать сближению в сознании двуязычных (балт.-герм.) пруссов или немецких колонистов, в той или иной степени знакомых с прусским языком, двух рядов некогда единой формы — герм. *krag-* : *krög-*, —

тем более, что и в самих герм. языках известны примеры скрепления значений, закрепленных за каждой из указанных форм. — Представляется верным предположение о возможном заимствовании лит. *krāgas* не непосредственно из немецкого (согласно Alminauskas Germ. Lit. 1934, 71, из вост.-прусск.-нем. *krog*, *krug*, см. LEW 286) или других герм. источников, а через посредство прусского языка (Sabaliauskas LKK 8, 1966, 111) — в отличие от лтш. *kruõg(u)s* (из ср.-н.-нем. *krōch*). В пользу этого предположения могло бы говорить как преимущественное распространение этого слова в литовском языке Вост. Пруссии, в частности, в старых памятниках письменности, словарных собраниях и в фольклорных текстах (ср.: *Ponas myl vaikus Izrael, o anys vienok svetimump deiviump kreipiasi ir myl dleli k r a g o vyno. Bretk. Bibl. Oz. 3, 1; O kviesliai su k r ā g a i s svodbiškais susibėgę, pyvo sudrumsto malkus tikt košiā . . . Donelaitis; Iš k r a g o gerti, ragu triubyti. Prūs. Liet. dainos 293; также у Лепнера, Руига, Руига-Мильке, Шлейхера, Куршата и др.), так и само сочетание значений у слова *krāgas* (‘ąsotis’, ‘puodelis’, ‘taurė’ и др., см. LKŽ 6, 394), которое, по сути дела, представлено в совокупности и у прусск. *kragis*, *kragge*. Не менее интересно, что на сев.-зап. периферии Литвы (р-ны Skuod., Akmen.) засвидетельствовано и слово *krāgas* (из нем. *Kragen*) ‘жесткий воротник’ (см. выше о возможной роли форм герм. *krag-* в объяснении происхождения прусск. *kragis*), ср. лтш. *krāg’is*, *krāga* ‘краги’ (ME 2, 265). Как германизм рассматривают иногда и др.-русск. *хрѡгъ* (*хрѡгъ*), род сосуда (см. Срезневский III, 1408). В один ряд с германскими словами Буга RR III, 721 ставил и некоторые другие близкие по форме обозначения горшка, кувшина, сосуда в др.-греч., кельтск., албанск. Однако в настоящее время эти слова принято трактовать несколько иначе, в частности, в том, что касается энлаута.*

— Л и т.: Thes. 1873, 79; APSpr. XVI, 362; Буга TŽ 2, 1924, 481=RR III, 720—721; SPV 196; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 111. — [**kragis*; **krage*].

{**kraik-(?)*}, реконструируется на основании *Kraikow* (Słown. geogr. nazw PZP 143), при учете вост.-балт. форм типа лит. *Kraikat* (LATSŽ 139) и под.

{**kraip-s-*}, ср. Nom. pr. *Craypse* (APN 48). — К корню *kraip-*; суффиксальный элемент *-s-*, нечастый в прусском, появляется как раз после губных согласных, ср. *Gripsio*, *Crapse* (: *Crapitten*), *Garpse* (?), *Glopse*/*Globse* (APN 179). Если трактовка корневой части верна, то здесь единственный достоверный пример балт. **kraip-* : **kreip-* : **krīp-* в прусском; ср. лит. *kreipti* ‘направлять’, ‘искривлять’, *kraipyti* ‘поворачивать’, ‘качать’, ‘искривлять’, ‘искажать’, *krūpti* ‘клониться’, ‘перекашиваться’, ‘искривляться’ и т. п.; лтш. *kraipīt* ‘verziehen’, ‘krümmen’ (ME 2, 256), лтг. *kript* ‘коченеть’, ‘сокращаться’, ‘сохнуть’ (ME 2, 280; Брейдак Конт. лтш. яз. 1977, 7—9, в отличие от Эндзелина, правильно включающий это слово в перечисленную семью балт. примеров). Из других и.-евр. языков

примеры продолжения и.-евр. *(s)kreip- (Pok. 1, 937) отмечаются в др.-исл. *hreifi* 'запястье' (ср. однако Altnord. EWb. 253: «Etymologie umstritten») и особенно в поэтизме *hreifa* 'качаться', н.-исл. *hreifa* 'двигаться', н.-норв. *røyva*; а также в славянских примерах, из которых один идеально точно воспроизводит форму, лежащую и в основе прусск. *kraip-s-. Речь идет о праслав. *krěpso-, отраженном в ст.-сл. *крѣсити* (ср. ц.-сл. *крѣсъ* τροπή, 'temporum mutatio', с.-хорв. *krějес*, Pl. *крѣсови* 'летний солнцеворот', словен. *krēs*, *krēsiti se*; чеш. *křísti*, словц. *kriesiti*, польск. *krzesić*; русск. *крес* (из *крѣсъ), *крѣс* (из *крѣсъ < *крѣps- < и.-евр. *krip-s-), ср. ст.-сл. *кзскрѣснѣти* и под., с.-хорв. *ускрѣснѣти* и др. (впрочем, эти формы объясняют и иначе). Наконец, можно снова поставить вопрос об источнике слав. *krěp-iti, *krěpъ(къ). Исходя из сопоставления с др.-исл. *hrōefa* (*hræfa*) 'переносить', 'терпеть', («keine germ. Anknüpfungen». Altnord. EWb. 263), и кимр. *craft* 'сильный', которое само иногда рассматривают как заимствование из др.-исл. *krappr* (см. Pok. 1, 620), слав. формы возводят к и.-евр. *krēp-, но не *kroip-. Тем не менее, некоторые периферийные значения слав. *krěp- весьма близки к семантике балт. *kraip-:kreip-:krip-*, на что уже обращалось внимание (ср. словен. *skrepenēti* 'коченеть', *krepen* 'окоченелый' при лтг. *kript*, то же, [ср. в этой связи польск. *krzepnąć*, *skrzepnąć* в значении 'умирать' (→ 'коченеть'), напр.: *chrześciłanie umierają*, *żyd skrzepł*, *pies zdycha*, уже в XV в., см. SEJP 275]; польск. *krzepcyć* 'плясать', чеш. *křepčiti*, словц. *krepčiti* 'жестиковать' и т. п. при лит. *kraipytis* 'кривляться'; ср. также чеш. *křepký* 'быстрый' 'живой', 'подвижный', словц. *krepký* при лит. *kraipūs* 'подвижный', 'резвый', 'легко поворачиваемый' (LKŽ 6, 403) и др.). Эти и подобные примеры, а, главное, принципиальная возможность порождения сходных значений в продолжениях балт. *kraip- и слав. *krěp- при принятии единого источника позволяют с известным вероятием включить и слав. *krěp- в один ряд с балт. формами, о чем ср. SEJP 275; Конт. лтш. яз. 7—8. Сравнение указанных нестандартных по своему значению слав. примеров с литовскими делает вероятным исходное значение 'вертеть(ся)', 'ворочать(ся)' и т. п. (м. б., как отклонение от прямого пути, состояния, см. ниже), что снова возвращает нас к слав. *krēs- < и.-евр. *kroip-s-, отвечающему и прусск. Nom. pr. *Craypse* ('непоседа'?), и, возможно, лтш. *krīpša*, бранное обозначение женщины (ME-EH 657, ср. *krāipans*. ME 2, 256), видимо, типа 'вертихвостка' (ср. и *kript*), а в более отдаленной перспективе и к литовским глагольным формам с -s- типа *krypsoti*, *krypsėti*. Дальше отстоит относящееся сюда же, вопреки иногда высказываемым сомнениям, др.-греч. *κραπτός* 'резвый', 'быстрый', 'стремительный' (ср. *κραπάλη* 'пьянка', 'похмелье'), а также формы без расширителя корня -p- или с другими элементами (ср. прусск. *greiwa-* (= *kreiva-*) в *greiwacaulin*, лит. *kretvas*, лтш. *krellis*, *krails*, *krèiss*, лит. *kréisa* и т. п.), как правило, обозначающие некоторый изъян, отклонение, недостаток. — Балт.

*kraip- и под. используется в топонимике. Ср. лит. Nom. pr. *Kripowicz*, *Kripowna*; *Kripas*, *Kripaitis*, *Kripavičius* (Liet. antrop. 158); *Kraipono upėlė*, *Krupė* (LUEV 77, 80; LNEŽ 163, 167); лтш. *Kraipe*, озеро (LV I, 2, 120); ср. блр. *Крыпан*, *Крыпель* (Белар. антрап. 2, 223) (?); *Крыпули* (Літоўск. элем. блр. 1968, 79; Кратк. топон. слов. Бел. 184); *Крыпільскі* лес (Мікратап. Беларус. 129) и др. *crays* 'сено'. Э 289 ('Hew'), ср. Э 283: *Schokis* 'Gras', Э 284: *Attolis* 'Gromot', Э 285: *Drogis* 'Ror', Э 286: *Bleusky* 'Schilf', Э 287: *Pelky* 'Bruch', Э 288: *Pānean* 'Mosebruch', Э 290: *Wobilis* 'Klee' и т. п. Уже Паули BVS 7, 1873, 194—195 предполагал, что в данном случае выступает Nom. Pl. fem., в соответствии с чем необходима конъектура *kraisīs < *kraisēs (сходная ситуация предполагается и для прусск. *takes*, вм. *takesis, см. SPV 196—197, 262 и др.). В дальнейшем всегда исходили именно из этой конъектуры, что в известной мере подтверждается и такими формами, как *craysi*, *crayse*, см.; — *craysi* 'соломина' ('стебель', 'šiaudas', см. РКР II, 25). Э 275 ('Halm'), по соседству с Э 273: *Pure* 'Trespē', Э 274: *Strambo* 'Stuppel', Э 276: *Wolti* 'Er', Э 277: *Ackons* 'Grane' и т. д. Nom. Sg. fem.; — *crayse*. Гр. 73 ('brey'); *Crayse* Гр.-Кип. ('Puls'); *kraise*. Гр.-Г. 64 ('Hew'). Nom. Sg. fem. — Данные словарика Грунау нуждаются в комментарии. Уже Нессельманн Thes., знавший этот словарь только по варианту Хроники Симона Грунау, хранившемуся ранее в б-ке Кенигсбергского ун-та, предлагал заменить 'brey' в немецкой части на 'Hew' («irrthümlich für Heu?»); в данном случае основанием было сравнение с соответствующим словом в Э 289. Когда стал известен вариант словарика в рукописи Геттингенской университетской б-ки, предположение Нессельманна превратилось в бесспорный факт — тем более, что по соседству с 64: *Hew* — *kraise* находилось 65: *stro* — *Salme*, отсылающее своим значением, кстати, к *craysi* 'соломина'. Э 275 (см); между прочим, и значение 'стебель', выводимое из нем. *Halm* с известным вероятием) перекликалось бы с *Ackons* 'ость'. Э 277 (еще один факт, показывающий важность учета соотношения семантических составляющих слова и распределения соответствующих по значению слов в тексте словарного типа, т. е. связь парадигматики с синтагматикой). И тем не менее объявление немецкого слова *brey*, как перевода прусск. *crayse* ошибкой («arsirikimas vietoj vok. heu 'Heu'». РКР II, 56) несколько неосторожно, поскольку может отсечь одно из допустимых (во всяком случае семантически не невероятных) значений прусск. слова, не противоречащих, конечно, и значению 'сено'. Во всяком случае может оказаться существенным нахождение *crayse* 'brey' в п и щ е в о м микрословарике, между Гр. 72: *aucte* (= *ancte*) 'potter' и Гр. 74: *pawtte* 'eier'. К тому же *brey* могло реально обозначать не только кашу, но вообще месиво, полужидкую массу типа силоса с использованием с е н а («сенная масса»). Наконец, частичным аргументом может считаться и перевод слова *Crayse* в варианте рукописи б-ки ун-та в Хельсинки латинским словом *puls* 'каша из полбы', 'крутая по-

хлебка из полбы'. По этим соображениям, а также учитывая связь сена и каши или соответствующего переработанного продукта (*с е н о* черно, *т а к* *к а ш а* белая), приходится и нем. *Brei* числить в резерве возможных значений прусского *crays*. — Наиболее четкие параллели к этому слову обнаруживаются в герм. языках (ср. уже Bezenberger AM 15, 1878, 281). Ср. др.-исл., н.-исл. *hrís* 'хворост', 'сучья', 'мелкий густой кустарник', 'роща невысоких берез' и т. п., фарерск. *rís*, н.-норв., шведск., ст.-датск. *ris*, др.-англ. *hrís*, др.-фриз., др.-сакс., ср.-н.-нем. *ris*, др.-в.-нем. *hrís* 'хворост', 'прутья', 'кустарник' и т. п. (Altnord. EWb. 257); ср. англ. топонимический скандинавизм *Lagolf-ris*, совр. *Lawress* (Maver-Stenton SBVS, 8, 1914, 88, ср. оркнейск. *rice*). Ценность герм. данных тем больше, что они раскрывают и семантическую мотивировку названия указанных объектов (в отличие от изолированных данных других языков); ср. др.-исл., н.-исл. *hrista* 'трясти', 'сотрясать', 'стряхивать', фарерск., норв., швед. *rista*, датск. *ryste*, готск. *afhrisjan* 'стряхивать' и под., др.-англ. *hrissan*, др.-сакс. *hrissian* и др., отсылающие в конечном счете к и.-евр. корню **krei-*, который был определен Триром Holz 1952, 58—62 как обозначение подлеска, *hrís* — молодые ветви обрубленных стволов; об этом корне см. также Шенкер ВЯ 1981, № 2, 110—114; Мурьянов ВЯ 1981, № 2, 115 и сл. В свете этих данных к числу параллелей к *crays* подключаются и латинские примеры типа *crīnis* 'волосы', 'волосистой покров' (из **crīnis*, ср. *cris-ta* 'хохолок', 'гребень' (у птиц), 'пучок') или *crispus* 'кудрявый', 'курчавый', 'волнистый'; 'дрожащий': *crispo* (из других примеров с элементом *-p-* ср. ср.-в.-нем. *rispe*, нем. *Rispe*, др.-в.-нем. *hrispahi* 'virgultum'; англ. диал. *risp*, ср. кимр. *crych*, брет. *crech* 'кудрявый' и т. п.); ср. также ср.-ирл. *cressaim* 'трясти' (из **kristō*) и под. Обращает на себя внимание, что прусский пример подключается к германским и латинским, не имея, кажется, параллелей в балт. и слав. (если не считать далеких от ясности случаев типа русск. диал. *кpи́са*, особый вид озимой ржи. СРНГ 15, 260). Если это действительно так, то перед нами еще один пример прусско-центрально-европейских лексических изоглосс. Впрочем, следует иметь в виду некоторую совокупность примеров в вост.-балт., объединяемых элементами **krēt- : *krat- : *krit-*, рассматриваемых Френкелем LEW 295 как генетически единая группа, хотя **krēt- : *krat-* фиксирует значение 'трясти' и т. п., а **krit-* 'падать'. Учитывая, что в ряде случаев в результате *-tt- > -si-* и *-t-sl- > -sl-* в вост.-балт. образуются формы с основой *krisl-*, приходится считаться с необходимостью строгого различия между этими формами (ср. лит. *krislas* 'пылинка', 'соринка' и т. п., лтш. *krisls*; лит. *krisliai* 'dėl šiaudų silpnumo sukrite rugiai', *krislės* 'мелкая осока'. LKŽ 6, 620 [ср. русск. диал. *кpéсло* 'болотный чертополох' /?/ СРНГ 15, 223] — как результат о п а д а н и я /стряхивания?/) и в принципе возможными соответствиями др.-исл., н.-исл. *hrísla* 'ветвь', 'кустарник', н.-норв. шведск. диал. *risla*, *risle* (ср. шетл. *risel*, др.-англ. *hrisel* и под.), которые в балт.

оказались бы перекрытыми формами от глаголов **krit- : krēt-*. Зато бесспорно ошибочны сопоставления с прусск. *crays* слав. **strěxa* и его продолжателей (из **k'roisā > *s(t)rěxa*; к значению — 'с о л о м е н н а я крыша'), см. Petersson Vgl. sl. Wortst. 1922, 48; Agrell Zur b.-sl. Lautgesch. I, 1921, 30 и критику этой точки зрения — Buga KS 198=RR II, 222; Machek Slavia 16, 1938, 190; ЭСР 3, 776—777; HWASl. 310 и др. То же можно сказать о раннем соотношении *crays* с аст. *kōrs* 'стебель' (Pierson ZfPrGesch. 12, 1875, 293). — Некоторая специфическая черта прусск. *crays* состоит в вокализме *ai* при *i* в других и.-евр. языках (ср. вторичное нем. *Reiste* 'пучок льна' из **riste*, при *Rist*). — Элемент *crays* используется в сложных словах, см. *craysewisse*, в частности, в топонимах, ср. *Craiselauken* (см. *{*krais- & *lauk-}*).

— Лит.: Pauli BVS 7, 1873, 194—195; Thes. 1873, 79; Pierson ZfPrGesch. 12, 1875, 293; Bezenberger AM 15, 1878, 281; APSpr. 362; Agrell Zur b.-sl. Lautgesch. I, 1921, 30; Petersson Vgl. sl. Wortst. 1922, 48; Buga KS 198=RR II, 222; Ziesemer ZfDMd. 18, 1923, 149; WP II, 572; Machek Slavia 16, 1938, 190; SPV 196—197; ЭСР 3, 776—777; HWASl. 310; Pok. 1, 937; Bielfeldt Donum balt. 1970, 46; Schmid Stud. balt. u. idg. Vb. 1963, 17.

crayse, см. *crays*.

kraise, см. *crays*.

craysl, см. *crays*.

*{*krais- & *lauk-}*, ср. *Craiselauken*, 1352; *Craselauken* (SU 284); *Graselauke*, 1321 (SU 137); *Kreyslauke*, 1358, позже — *Kreislacken* (APON 71). — Сложное название: из *krais-* (см. *crays*) и *laucks*. В вост.-балт. ареале названия с элементом *krais-*, как и сам этот элемент, отсутствуют. Зато они отмечены на германских территориях (ср. англ. *Lawress*, из более старого *Lagolf-ris*; об этом скандинавизме см. Maver-Stenton SBVS 8, 1914, 88); известны они и в мифопоэтической ономастике, ср. др.-исл. *Hrísgrísnir*, имя волка, наряду с *Hrísgrísnir*, *Hergrímnir*, *Hrímgrímnir* (Altnord. EWb. 257); согласно Kahle IF 14, 1903, 177, исходная форма реконструируется как **Hrísgrímnir*, что-то вроде 'der Bock des Waldes'. Другой пример — др.-исл. *Hrist*, имя одной валькирии (букв. — 'потрясательница'); ср. также Nom. pr. лат. *Crīspus*, галльск. *Crixos*.

*{*krais- & *vis-}*, ср. *craysewisse* (*craysewesen*, *crayszeweyzen*; написание *crayszewesen* обязано ошибке писца, см. Thes. 79), т. е. сено из стеблей овса (см. *crays* и *wyse*), слово, встречающееся в орденских документах, в частности, в «Große Amterbuch des Deutschen Ordens» (hrsg. von W. Ziesemer. Danzig, 1921), которая содержит т. наз. «Inventaraufnahmen» всех орденских бургов с 1364 по 1525 г.; см. Ziesemer ZfDMd. 18, 1923, 149; SPV 197; Bielfeldt Donum balt. 1970, 46. Реальный комментарий см. Łowmiański Stud. pocz. lit. I, 1931, 152—153. Согласно ему, наряду с обычной десятиной, которую брали с пруссов рожью, пшеницей, ячменем и овсом, в Кенигсбергском и Бранденбургском округах кое-где сохранялись следы особой

дани («danina zbożowa»). называвшейся по-прусски *crausewisse*, а в немецком дословном переводе *Heuhafer* (см. Тоерпен ZfPr. Gesch. 4, 1867, 215). Судя по названию, это была дань овсом (первоначально, видимо, сеном), хотя не исключено понимание этого слова в ином направлении: *crausewisse* предназначалось орденским рыцарям для корма лошадей. В целом само слово свидетельствует, видимо, о земледельческом характере прусского хозяйства, а наличие этого слова в орденских документах — о важной роли соответствующего понятия, исходящего из круга хозяйственных интересов прусского земледельца. — В качестве первого члена *craus-* выступает и в другом известном сложном слове — прусск. топониме *Craiselauken*; не исключено, что название овса кроется во втором члене названия *Kortewszer Strandt*. Collect. Cartus. 1980, 30, 31 (=67), м. б., из *Kort- & *ves-, см. {*kort- & *median}.

{*krak-}, ср. Nom. pr. *Kracke*: латинизир. *Crackus*, 1333; *Krake* (APN 48). — См. {*krak-av-}, {*krak-ot-in-}. Параллели прежде всего известны из вост.-балт. и слав. традиций. Ср. Nom. pr. лит. *Krakūš*, *Krakė* (ср. Акты Вил. 25, 1898, 533); лтш. *Hans Krakell*, 1523 (LPV 195), а также довольно многочисленные топонимические факты — лит. *Krākė*, *Krākės*, *Krakiai*, *Krakūnė*, *Krākiškės*, *Krakūnai*, *Krakenišiai*, *Krakmilžis* (LATSŽ, 139; Būga RR I, 162, 423); *Krākežeris*, *Krakinis*, *Krakinūs*, *Krākavas*, *Krakilā*, *Krakūtis*, *Krāktis* (из **Krākutis*), см. LUEV 77; Liet. hidr. 103, 131, 152, 158, 164; LHEŽ 163 — лтш. *Kraķi*: *Kraķ-kalns*, *Kraķ-liekna*, *Kraķ-sils*, *Kraķ-vieta*; *Kraķene*, *Kraķenes-sils*, *Kraķenes*, *Kraķēni*, *Krakkit*; *Kraku-izers* и др. (LV I, 2, 120—121); ср. также варианты того же корня с долготой: лтш. *Krākava* (LV I, 2, 129; ср. *Krāces*, см. Kurcalts Arheol. un etnogr. 8, 1968, 126), лит. *Krōkavas*, *Krōkų Lankā*; *Krōkva*, *Krōkava*; *Krōkės*, *Krōkūlė* (LUEV 80, 81; Liet. hidr. 103, 199, 213; LHEŽ 167) при *Krōkavas*: ср. *Krōkialaukis*, *Krōkininkai* (LATSŽ 142). В основе этих названий — апеллатив, ср. лит. *krākė* 'карась', *krokė* (см. LKŽ 6, 679), по мнению (правда, неуверенному: «Galbūt», см. LHEŽ 167) Ванагаса; допускается и связь с лит. *krākė*, вид дятла (здесь же не вполне точно излагается точка зрения Иванова и Топорова *Вопр. этног.* 1976, 124, отвергаемая Ванагасом). Можно думать о связи с целым рядом других балт. слов, ср. лит. *krākė* 'kumpra lazda', *krakti*, *krākyti*, *krakėti/krekėti* и т. п. На более широком ареале, для которого доказывается тождество элемента **krak-*, используемого в топонимии, несомненны и примеры мифопоэтического осмысления этого комплекса. Каждая излишне конкретная привязка («карась», «дятел» и т. п.) не что иное, как научная мифологизация местного названия с точки зрения *здесь и сегодня*; ее смысл пропорционален объему объясняемых ею пространственно-временных фактов. — Названия с элементом *krak-* / *krok-* хорошо известны и за пределами современных балтийских территорий. Ср. мазурск.

Krakocin, в соответствии с прусск. *Kracotin* и под. (см. {**krak-ot-in-*}); *Krokowo*, *Krokowskie Łąki*, *Krackawsche See*, *Krokauer See* при прусск. *Crocow* (см. {**krok-ov-*}), см. Słown. nazw. Mazur. II, 116, 305; *Krakocin*, *Krakowice*, *Krakowiec*, *Krakowiany*, *Krakowianka*, *Krakówko*, *Krakówkowice*, *Krakowiecki Wał*, *Krakowiecka Kępa*, *Krakoweckie Błota* (Słown. nazw. geogr. PZP 143); *Krokoce*, *Krokowo* (Ibid. 146); ср. висл. *Krakówek*, *Krakówka* и др. (HW 227, 741 и т. п.). Подобные названия известны в Белоруссии (ср. *Кракишкес*, *Беняконск. у.* (Літоўск. элем. белар. 23); *Кракоўка*, *Ошмянск. р-н* (Жучкевич Кратк. топон. слов. Белор. 180: возможно, название-мигрант); *Кракавіца*, *багністае балота*; *дрыгва*. Зап. Белор. (Белар. геагр. назвы 96 и др.) и далее к югу и юго-западу. Кроме польского ареала (где особенно приходится считаться с иррадиацией, связанной с ролью города Кракова и разного рода вторичными, третичными и т. п. вариантами) ср. в Чехии: *Krakov*, *Krakovec*, *Krakovany*, *Krakovice*, *Krakovec*, *Krakovčice* и т. п. с обширнейшей документацией, начиная с XIII в. (см. Profous Místní jména II, 1949, 358—360; V, 1960, 20)9. Особенно показательны названия этого типа к западу от Вислы; ср. *Krockow* (Brauer Pruß. Siedl. 1980, 76—77), кашубск. *Krokova*, деревня в Пуцком пов. (*Krokoŭańe*, ее жители), *Krok*, гора (w Sułęczynie, связанная с мифопоэтическими мотивами, см. Słown. gwar kaś. 2, 255—256); *Krakower See*, *Cracowe*, oppidum et stagnum, 1258 (MU 4, 55); *Krakowe*, 1305 (MU 5, 525) и др., ср. еще MH 83 (Slav. Prag. VIII, 1966, 260). — Параллели прусск. *Kracke* обнаруживаются и среди Nom. pr. Достаточно назвать польск. *Krak*, *Grak* (De C r a c o, primo rege Lechitarum. . . Bog. 473; . . . qui descripsit primo croniam a rege C r a c o. . . . MPH III, 165; G r a k, Polonorum princeps. Dł. Op. X, 66; Vanda, regina Poloniae, filia G r a c c i a quo C r a c o v i a appellationem sortita est. Dł. Ben. III, 422 и т. п.), *Krakov* (*Niclos Cracow*, 1402; *Iohannes Cracow*, 1402; *Hannus Cracow*, 1408; *Hanco Krakaw*, 1397; *Petrus Cracaw*, 1416) и многочисленные образования личных имен, прозвищ и фамилий от названий города — *Krakovita*, *Krakoviec*, *Krakovic*, *Krakovka*, *Krakovianka*, *Krakovczyk*, *Krakovczyn*, *Krakovic(s)ki*, *Krakoviański*, *Krakovski*, *Krakovska* и под. (Słown. starop. nazw III, 1, 130—132), ср. также *Krockow* (*Girnoldus Crockow*; *Petrum Crocaw* и т. п.), *Krokowski* и др. (Ibid. 144). О личном имени *Krak*—*Krok* в раннеслав. традиции см. Polák ČMF 1940, 341—346; Иванов, Топоров. *Вопр. этноген.* 1976, 123—125 и особенно Słown. staroż. słow. t. II, cz. 2, 506—507. В более широкой перспективе необходимо помнить о сходных по форме раннекельтских личных именах, ср. галльск. *Cracco(n)*, *Craccus*, *Cracca*, *Craccius* (Altcelt. Spr. 1153), алем. *Crocco* (из кельтск.). — Разумеется, весь этот многочисленный и разнообразный материал не может быть однообразно объяснен во всех его частях. Не исключено разное происхождение форм *Krak-*: *Krok-*, хотя есть бесспорные случаи их объединения. {**krak-av-*}, ср. *Krakau*, позже — *Krakau* (APON 71). — См. {**krak-*}, {**krak-ot-in-*}, {**krok-ov-*}. — Особенно существенны также

прусск. примеры, как *Crocow*, озеро. 1364; *Srakow*, деревня, 1364, позже — *Krokau* (APON 73: к лит. *Kriok-užis*, река, *Kriok-lė*, река: лит. *kriōkti* 'хрипеть', 'реветь'). Ср. *Crockow*, *Crockaw*, *Krokow*. Collect. Cartus. 1980, 76, 77, 79, 99.

kracco, см. *kracto*.

kraclan 'грудь'. Э 118 ('Brust'), несколько неожиданно после Э 117: *Nagutis* 'Nagel', но естественно перед Э 119: *Spenis* 'Citczcze', Э 120: *Grauwus* 'Seyte' и т. д. Nom. sg. n. — Непосредственным продолжением (или отражением) этого слова следует считать пруссизм, засвидетельствованный в языке уже наиболее ранних памятников литовского языка в Вост. Пруссии, а именно *krėklas* 'грудь' (на этом основании иногда исходят из прусск. **kreklan* с помезанским открытым *e*, ср. сходное явление в прусск. *podalis*, *ladis*, *raples* [APSpr. 105; Endzelins FBR 14, 1934, 102; SPV 23; Казлаускас ВЯ 1962, № 4, 20 и др.]). Ср. у Бреткунаса: *Kreklaī*, *kurie nežindō*. Bibl. Luc. 23, 29 (в соответствии с: ... ubera quae non lactaverunt; ср. о *krėklai* Bezzenberger BGLS 1877, 296; Falkenbahn Der Übers. 1941, 204); *krėklas*. Luc. 11, 27 (et ubera quae suxisti!), но и: *prieg krutu augiwes*. Bretk. Bibl. Ps. 22, 10. Это же слово известно и Мажвидасу: *Miršt maži vaikai prieg kreklō motinos*. Giesm. Chr. Mažv. Sen. pam. 427. Но это же слово встречается и в ранних текстах литовского языка в Великом Княжестве Литовском, а именно в «Постилле» Даукши, ср.: *Kursai visus peni, kreklus mergos žinda*. Post. 39; *Palaimintos iščios, kurios tave nešijo, ir kreklai, kuriuos tu žindai*. Post. 562; ср. в переносном значении: *Žiskite iš grėklių bažnyčios motinos jūsu nežagta mokslą išganymo*. Post. 517 — всего десять случаев употребления (см. Kudzinowski Indeks-Daukš. 1, 382). На основании подобных примеров можно было бы высказать предположение, что и прусск. *kraclan* могло передавать специфическое значение женской материнской груди, сосцов. Но для того, чтобы понять семантическую мотивировку этого слова, обозначающего грудь, необходимо обратиться к другим значениям *krėklas* — 'стропило' (ср.: *Kreklaī dažniausia(i) dirbami iš pušinio medžio*; *Jau kreklai pakelti*; *Ar uždėjai kreklūs?* и т. п., см. LKŽ 6, 518) и 'пintinės griaučių vytis' (ср.: *Jeigu kreklėlių nelygai sudėsi, tai ir pintinė susikuprojus bus*. 6, 518), а также к нескольким отличным формам. Среди последних ср.: *krėklės* 'стропила', *krėklai* 'скелет', 'остов' (*Arklai kai krėklai*. LKŽ 6, 518), 'грудинка' как часть туши, 'ребра' (*Kumpelių nebėr — liko tik krėkliukai*. 6, 518), *kreklā* 'стропило' (*Jo namo krėklos jau pakeltos*; *Sienas pastatė, jau kreklas stato*. 6, 518), *krėklā* 'senas, netia kąs gyvulys', но и *kreklėti* 'ставить стропила' (*Meistrai jau baigibudinką kreklėti*. 6, 519). К этой же семье, несомненно, принадлежат лит. *krākė* 'палка', 'посох' (*Ans porėjo su krakė mišti*), 'перила', 'поручни' (*Įsikibti yr liepto krakė*) и даже 'голова' и под. (LKŽ 6, 406), *krakulis* 'молот', 'молоток с загнутым концом' (6, 408,

и т. п.; ср. лтш. *krakis* 'козлы', 'скамейка', 'гребень', 'загибы на фронтоне' и т. п. (ME 2, 256—257: с предположением о заимствовании из герм., ср. ср.-н.-нем. *krack* 'подлесок', др.-исл. *kraki* 'шест с крюком наверху', см. Mikkola IF 23, 1908, 121), *kracis* «eine auf dem Felde in den Boden gesteckte Stange mit kreuzweise angebrachten Querhölzern zum Trocknen des Getreides» (ME 2, 255; ср. SEW 1, 621) и др. Из этих примеров и некоторых других (о лит. *krėklės*, *krėkliai*, *krėklys* 'тряпье', 'лохмотья', обозначение соответствующей одежды, лтш. *krę(n)kls* 'рубаша', *kreklis* и т. п. в этой связи см. LEW 292—293) следует, что грудь понималась как некая конструкция, остов, скрепленный ребрами как своего рода стропилами (ср. грудная клетка). Таким образом, речь идет о техническом термине из области строительства, перенесенном на обозначение части тела. По сходному принципу («связка», «настил» и т. п.) было образовано некогда и праслав. **grqdb* 'грудь'. — Вполне возможно, что круг параллелей мог быть расширен и далее. В отнесении сюда можно, например, подозревать лтш. *krākle* «die Gurgel», 'голосовые связки' (см. ME 2, 266) и слав. формы, восходящие к **krōky* 'шест', 'стропило'; 'козлы', о чем в связи с русск. *крōква* писал Эндзелин ZfslPh 18, 1942, 121—122; SPV 197 (ср. WP I, 482). Наряду с русск. *крōква* ср. блр. *крōква*, *крēква*; польск. *krokiew*, *krokwa*, *krokwy*, чеш. *krokev*, словц. *krokva* и др. Эти формы могут быть дополнены не учтенными ранее литовскими примерами типа *krekvā* 'стропила' (*Bijo jau būt kluone, kai užėjo vėtra — krėkvos tik braška*; *Krekva iš miško parsivežė*; *Krėkvos papuvo, ir stogas įgriuvo*. LKŽ 6, 522); *krėkvas*, *krėkvos*, *krekvėlė*, *krekvinė*; *krekvā* (*Prikalk grebėstą prie krekvūs*. 6, 522), с одной стороны, и славянскими фактами, с другой. Из последних стоит особо выделить русск. диал. формы типа *крēква* 'дубина', 'кол', 'шест'; 'палка для закрутки веревки, завертка' (Даль); 'санные отводы, не дающие саням падать на бок', 'две боковые жердинки у зимней повозки'; 'задний вязок', 'нахлестка' (Даль); 'палка, подкладываемая под соху или бредень', 'волокуша' (СРНГ 15, 208), также *крōква*, *кряква*, *крэкра*, *крэква* 'стропило' (из русских говоров Литвы, Ивановск. р.-н, но и из брянских говоров и Белоруссии); возможно, сюда же и *краква* 'вертикальная дуга нарты' (15, 165). Но совершенно точным соответствием прусск. *kraclan* является русск. диал. *крōклы* 'стропила' (Вешенск. р.-н Ростовск. обл.; Слов. картотека ИРЯЗ, см. СРНГ 15, 273), *крōклы* (*Крōклы по-вашему стропилы*. Слов. русск. донск. 2, 90), отчасти и *крякла*, *кряклы*, *кряклины*, *крякло* (средн. род. как и в *kraclan*). СРНГ 15, 366—367; м. б., и *крāколь* 'сук дерева', *крāколёк*, *кракалья* (15, 165), *крōкальцы*, *крōкалья*, *крōкаль* (15, 273; ср. также *крōка* 'уток, нитка поперек основы в ткацком станке'), *крякальцы* 'две боковые жерди у саней' (15, 365); блр. *крякла*, которое Буга РФВ 71, 1914, 50 = RR I, 446 считал источником заимствования лит. *krėklas*, что явно ошибочно. Убедительны примеры из белорусск., ср. *крōклы*,

крóклы, крóквы, крóквы (К роклы на латы клалі; К роклы ставяць на даху. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 523); крóква. Лекс. Пол. 1968, 141; Краёвы слоўн. Магіл. 232; Тур. слоўн. 2, 235; Матэр. слоўн. Гродз. 241; Слов. Зап. Брянц. 140; Шаталава Белар. дыял. слова 86 и др.); ср. польск. *krokwa*, *krokiew*, кашуб. *krok'ev*, чеш. *krokev*, *krokva*, *krokvice*, словц. *krokva*, *krokvisa* и др. Остальные и.-евр. параллели немногочисленны и, главное, сильно уступают в доказательности и надежности вост.-балт. и слав. Из них ср. др.-греч. *κρόσσα*: (из *κροχια) 'зубцы крепостных стен' (ср. *κρόσσα* πύργων у Гомера); 'ступени', 'уступы'; др.-ирл. *crích* 'конец', 'граница', 'борозда', интересное в словообразовательном плане (из и.-евр. **krēkūā*: лит. *krekvā*, русск. *крёва*), кимр. *crib* 'гребень', 'острие', 'вершина'; др.-в.-нем. **hragen*, нем. *ragen*; др.-англ. *oferhrægan* 'превосходить' и т. п. (Рок. 1, 619). Одна из ранних этимологических версий прусск. *kracian*, лит. *krēklas* предполагала их связь с др.-исл. *herbar*, др.-в.-нем. *hartī* 'Schulterblatt' (см. Bezenberger BB 23, 1898, 315; Wolter MLLG 4, 373; Gaigalat MLLG 5, 157); другая акцентировала связь *kracian* с прусск.-нем. провинциализмом *krackeln* 'тяжело дышать', 'задышаться', 'давиться', который сопоставлялся с лит. *krókti*, лтш. *krākt* и т. п. (Thes. 79); ошибочно.

— Лит.: Thes. 1873, 79; Bezenberger BB 23, 1898, 315; APSpr. 362; BSW 139; Bonfante St. balt. 1, 1931, 83; Falkenhahn. Der Übers. 1941, 204; Endzelin ZfslPh 18, 1942, 121—122; SPV 197; LEW 287; Казлаускас ВЯ 1962, № 4, 20; St. OP 5. 911. — [**kraklan*; **kreklan*].

{**krak-ot-in-*}, ср. *Kracotin*, 1255; *Krachotin*, лес (ср. *Krakotyn silva*, в окрестностях Растенбурга и Рёсселя), позже — *Krakotin* (APON 71). — Согласно Герулицу, к прусск. *kracco*, см.; суф. *-ōt-in-*; ср. *Būga RR I*, 162. — См. подробнее {**krak-*}, а также {**krak-av-*}.

{**krak-s-en-* ?}, ср. *Craxsen*, озеро, 1395; *Croxsen*, озеро, 1395, — позже — *Kraks-See* (APON 72: к лтш. *krāce* 'Stromschnelle, ausgegissene Schlucht'). — Согласно Герулицу, прусск. название предполагает **krāk-sis*; суф. *-s-*. — Ср. мазур. *Craksen*, 1395 (Cod. dipl. Warm. III, 281); *Craxsen*, 1426 (Ibid. IV, 159); *Karx*, 1595 (Hennenberger Von den See'en II, 13); *Krack*, 1656; *Kracks See*; ср. *Kraksy*, *Kraks*, озеро (Słown. nazw. Mazur. II, 305); *Kraksy*, *Kracks See* (Słown. nazw. geogr. PZP 143). — Параллели см. {**krak-*} и др.

{**krakst-in-* ?}, восстанавливается на основании мазур. *Kraxstin*, 1523; *Kraucksten*, 1483; *Kraksztyn* (Kętrzyński O ludn. polsk. w Prus. 1882, 480), позже — *Krackstein See* (Słown. nazw. Mazur. II, 28); висл. *Kraksztyn*, озеро; *Kraksztyn* (HW 479); *Kraksztyn*, *Groß Krakstein See* (Słown. nazw. geogr. PZP 143). — См. также *Kraxtoye*, озеро, 1362 (APON 72). Вероятно, *k* перед *st* появилось вторично (ср. *klexto*, *kanxta*, *criztitwi* и т. п., APSpr. 182). В таком случае речь идет об исходном **krast-in-*, точно сопоставляемым с лит. *Kraštīnė* (LATSŽ 140) при *Kraštaī*, *Kraštēliai*, *Kraštēliškės*; *Kraštīnis* при *Krāštas* (LUEV 77; Liet. hidr. 35, 160, ср. *Kraščia*, 59;

LHEŽ 163); лтш. *Kraštīņš*, *Kraštīņi*, *Kraštīņ-dārzs*, *Kraštīņ-māja*, *Kraštīņa-kruogs*, *Kraštīņ-kalns*, *Kraštīņu-ceļš*; ср. также *Krastene*, *Krastenieki*, *Krastnieki* при *Krasti*, *Krast-kalns*, *Krasta-kalns*, *Krastmala* и т. д. (LV I, 2, 123—124). К лит. *krāštas* 'берег', лтш. *krasts*. Следовательно, сходство с лит. *Krokštė* (LUEV 81; LHEŽ 167: к лит. *krōkšti*) обманчиво. Восстановление прусск. апеллятива с корнем **krakst-* показательно в двух отношениях: заполняется важная лакуна в лексике прусского языка, что позволяет восстановить связь с вост.-балт. соответствиями, и эта восстановленная лексема обладает важным фонетическим признаком, отличающим ее от вост.-балт. параллелей.

{**krakst-aj-(-uj-)* ?}, ср. *Kraxtoye*, озеро, 1362 (APON 72). — К корню ср. {**krakst-in-*}, от **krakst-* 'берег'; выбор суф. не до конца ясен, см. APON 248 (*Clawoge*, *Sparogen*, *Laxdogen*, *Laxduy* и т. п.). — См. Schmid Sybaris 1956, 130.

kracto 'черный дятел', 'желна', *Dryocopus martius* L. Э 744 ('Schwarzspecht'), ср. Э 742: *Genix* 'Specht', Э 743: *Melato* 'Grüne-specht', Э 745: *Aytegenis* 'Kleinespecht'. Траутман APSpr. 222, 362 определяет этот Nom. Sg. как слово masc., правда, с некоторым сомнением («Masculina auf -o sind... und wohl auch... *kracco*...», 222). Но названия дятла в прусск. могут относиться и к masc. (*genix*) и к fem. (*melato*). В вост.-балт. языках названия того же корня также могут выступать как в форме masc., так и в форме fem. Во всяком случае нет никаких оснований предпочитать определение *kracto* как masc. на *-ā* по сравнению с «естественным» объяснением этой формы как fem. — Уже издавна (ср. Thes. 79) принимается конъектура **kracco*, практически единственное решение вопроса вплоть до наших дней (ср. РКР II, 43), в таком случае появление конечного *-to* можно было бы объяснить «инерцией» предшествующего по вертикали слова в столбце — *melato*, тоже обозначающего вид дятла (*-to* в этом слове закономерно), не говоря об известном подобии в написании *s* и *t*, особенно когда левый и верхний элемент графемы *t* выражены неотчетливо. Пожалуй, только Шпехт Urspr. 1947, 222 высказал мимоходом мнение, что из-за лит. *krakis*, *krākė* прусск. *kracto* «kaum mit Recht in **kracco* zu ändern pflegt». Впрочем, единственным основанием для реабилитации формы *kracto* было нередкое наличие элемента *-t-* в названиях животных в и.-евр. языках. — Точная параллель к *kracto* (= **kracco*) обнаруживается в лит. *krākė* (K r ā k ė juoda su gaudona galva...; Ranšė ir k r a k ė meletai sakė. Daukant. Dajn. Žiam. 1846 (LKŽ 6, 406); ср. синтагматическое соседство и бывшее семантическое тождество лит. *krākė* и *meletà* при парадигматическом их соседстве в Эльб. словаре; ср. также *juodóji meletà* при *kracto* 'Schwarzspecht'), *krakis*: см. Мажюлис Acta B.-Sl. 9, 1976, 68. Это слово ономотопеического характера не очень точно соотносят с лит. *kařkti*, *karkūoti* 'клохтать', 'хрипеть', 'кряхтеть' и под., *keřkti* и т. п., которые могут объяснить прусское обозначение гагары (нырка) *kerko*, см.; *kiřkti*, *kr(i)ōkti*

(LEW 287; Pok. 1, 568). К этим соответствиям можно добавить лтш. *kràkt* 'храпеть', 'реветь' *krākāt* (ME 2, 266) и др., ср. *krèkt* 'каркать', 'кряхтеть', 'смеяться', *krecēt* 'хрипнуть' (2, 270, 275) и многочисленные слав. образования типа русск. *кράкать*, блр. *кράкаць*, укр. *кράкати*; польск. *krakać*, в.-луж. *krakać*, чеш. *krákati*, словц. *krákat'*; с.-хорв. *кράкати*, словен. *krákati*, макед. *крака* (в соответствии с лит. *kròkti*, *krokóti*, лтш. *kràkt* и т. п.), ср. с.-хорв. *крдкати* и др.; русск. *кárкать*, блр. *кárкаць*, укр. *кárкати* и т. п. Из-за ономастичности этих примеров и обилия их фонетических вариантов указанные слова могут соотноситься с прусск. *kracto* лишь достаточно общим образом, хотя отдельные именные образования позволяют говорить и о несколько более тесных связях. Ср., напр., польск. *kraka* 'ворона' (Giżycki pow., т. е. на старых балт. землях, см. Strutyński Polsk. nazwy ptak. 12), кашуб. *kraka* 'ворона' (Słown. gwar. kasz. 2, 235), слов.-помор. *krak* 'ворон' (Pom. Wb. 1, 368); русск. *кράчка* 'водяная ласточка'; 'утка' (СРНГ 15, 204), блр. *кракóха* 'синица' (Белар. дыял. слова 85), *краковброн* (Тур. слоўн. 2, 232); болг. *кράкал* 'болотная птица' и т. п., так или иначе предполагающие исходное **krak-/*kraka*. Эти названия относятся чаще всего к птицам с резким неприятным голосом; дятел же обычно обозначается по другим признакам (между прочим, по звуку, издаваемому при долблении дерева), хотя крик дятла вполне мог бы быть описан указанным образом («Сидя на дереве или летая по лесу, громко кричит «крю-крю-крю», потом протяжно, гнусаво «кьяа». И. Акимовский. Мир животных. Рассказы о птицах. М., 1973, 348; консонантический остов — *kr-k*). Если все-таки допускать возможность формы *kracto* [**krakto*], то нельзя пройти мимо соотношения **krakati*: **kraka* = **kraktati* (ср. русск. диал. *крактáть*. СРНГ 15, 165; *кроктáть*, 15, 273; *кректáть*, 15, 209; блр. *крактáць*. Тлум. слоўн. блр. 2, 720; Матэр. слоўн. Гродз. 240; Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 513—514): *x*, где *x* должен иметь звуковой вид **krakta*, т. е. форму, аналогичную прусск. *kracto* (можно напомнить, что скрипяще-шипящие звуки, описываемые слав. *krojaktati*, ср. блр. примеры, характеризуют одного из характерных представителей семейства дятловых — вертишейку, *Junx*). Отчасти сходным образом мотивируется слав. **kreč-et-* (< **krek-et-*): русск., укр. *кρέчет* (: *крячэ́ть*, **кrechtь*), польск. *krzeczot* (ср. авест. *kahrkatāt-* 'петух'). Другие параллели см. Pok. 1, 568—569. — См. *kerko*.

— Лит.: Pierson AM 7, 1870, 582; Thes. 1873, 79; APSpr. 362; BSW 128, 139; Būga KS 222 = RR II, 247; SPV 197; Specht Urspr. 1947, 222; LEW 287; Pok. 1, 568; Мажюлис Acta B.-sl. 9. 1976, 68. — [**krako* или **krakto*; **kraka* или **krakta*].

{*kram-?}, см. {*krom-}.

{*kram-av-(-ov-)?}, ср. {*krom-av-(-ov-)}.

cramptis 'гвоздь'. Э 538 ('Nayl'), в «инструментальном» фрагменте словаря, между Э 537: *Somukis* 'Slos' и Э 539: *Sbeclis* 'Veder'. Nom. Sg. masc. — Учитывая место, занимаемое этим словом, очень

вероятно, что *cramptis* обозначало не просто гвоздь (кстати, ср. *sagis*. Э 544 'Hufnagil', т. е. подковный гвоздь, шип), а задвижку (защелку) в замке (*somukis*), управляемую пружиной (*sbeclis*); в таком случае и следующее Э 540: *Ratinsis* 'Kethe' обозначало, видимо, в данном случае дверную цепочку (ср. *aloade* Э 541 'стержень дверной петли') — Видимо, не приходится сомневаться что *cramptis* заимствовано из нем. *Krampe* 'дверная защелка', 'скоба', 'крючок'. Этому обстоятельству благоприятствовали и сильное немецкое влияние в строительной технике, в частности, сказавшееся в использовании металлических приспособлений в быту, и широкое распространение в немецких говорах Вост. Пруссии соответствующего слова. Ср. нем.-прусс. *Krampe* «Haken zum Festhalten, Windhaken», *Fensterkrampe*, *Türkrampe*; «Klammer, Klinkhaken», *krampen* «mit Krampen verschließen» *zukrampen* (Das Fenster zu krampen); *aufkrampen* «Die Krampe heben». Frischbier PW 1, 420; ср. Ziesemer Preuß. Wb. s. v. Это немецкое слово было заимствовано и в литовский язык, ср. *krampa*, которое тоже может обозначать дверную задвижку, крюк, навеску (для дверей), ср. LKŽ 6, 412: 'sklendės sankaba', 'kengė', 'kablys'; а также еще более близкое прусск. *cramptis* по форме слово лит. *kraĩpis* с теми же значениями (ср. Ištrūko kraĩpis, ir nebegalima duris beužkabinti. 6, 412) и с тем же грамматич. родом (masc.) при *krampe*, *krampa* — fem. (ср. фамилию *Krampys*); ср. также *atkrampioti*, объясняемое в LKŽ 6, 413 как «nuimit krampa, atidaryti su krampa uždarytas duris»; *užkrampioti*, калькирующие соответственно нем. *aufkrampen* и *zukrampen*. Сходное положение в латышском: *kraĩpis* (krampiju lauzējs, vilcējs. BW 27245: о воре), *kramptis*, *kraĩplauzējs*, *kraĩpēt* 'krampen', 'haken' (krampi vaļā krampēt); 'воровать' (ME 2, 257—258; EH 641); ср. также эст. (*k*)*ramp* и под.; кашуб. *krapa* (Zamknoc na krapa. Słown. gwar kasz. 2, 244), *krapas* 'zamykać na krapa, czyli na skobel'; слов.-помор. *krapa* (krapa uć dvěfi; Dvěře beže zamkłe na krapa. Pom. Wb. 1, 373), *krapác*, *krap^oovac* и др.; польск. *krępa*, *krempa*, 1 (Sł. jęz polsk. 2, 552). — От всех этих германизмов прусск. *cramptis* отличается элементом *-t-*, остающимся до сих пор не объясненным. Единственная попытка (Pierson AM 8, 1871, 363; позже о ней — с вопросом — вспомнил Леви IF 32, 1913, 163 = Kleine Schriften 316) объяснения этой формы из балт. материала (ср. лит. *kremtu*, 'грызу', лтш. *krėmtu*; к семантике ср. нем. *Nagel*: *nagen*) должна быть признана несостоятельной. Объяснение *-t-* нужно искать в ошибке: она могла быть осмысленной, т. е. опирающейся на некоторые языковые реалии (ср., в частности, распространенную словообразовательную модель с суф. *-tis* в прусск. *pagaptis*, *lanctis*, *granstis* (: лит. *grąž-tas*), см. SPV 53; существенно, что *-tis* появляется при названиях инструментов, ср. *granstis*), или в полном смысле случайной, имеющей основание в неконтролируемой визуальной (→ графической) инерции (в близком соседстве слову *cramptis* предшествуют *gran-*

tis, dalp-tan) или — скорее — в привычке к усложненным сочетаниям согласных в прусском (ср. те же *lpt, nst, nct* и т. п.), приводящим к многочисленным анаптикам (ср. сходный случай: *lombtwey* при *limtwei*) — как фонетическим, так, видимо, и графическим (см. SPV 40). — Известен ряд топонимов с элементом *Krampr-*. Ср. лит. *Krampiat* (LATSŽ 139); лтш. *Kraĩpas, Kraĩpis, Kraĩpji, Krampatāja; Krāmpāni, Kraĩpene, pļ. Krāmpiņi, Krāmpova; Kraĩpuļi* и др. (LV I, 2, 122); ср. висл. *Krampe* (*Krępe*), озеро (HW 676); *Krępa* (*Krampe*) *Krępa Kaszubska* (*Krampe*), *Krępica* (*Krampe*), *Krępice* (*Krampitz*), *Krępiec* (*Krampitz*), *Krępinek* (*Krampmühle*), *Krępka* (*Krampe*) и т. п., см. Słown. nazw geogr. PZP 145. Но эти названия в большинстве случаев (по меньшей мере) восходят к элементу **krampr-* (ср. лит. *kraĩpėti, krampoti, krām(p)sėtis* и под.), связи которого с немецкими словами не всегда ясны и само происхождение которого может быть различным. Во всяком случае на основании сев.-польск. примеров можно, видимо, думать о реконструкции прусск. *{*krampr-}*. Ср. также к зап. от Вислы: *Krampas*, ручей (*Cramptzen*, 1519, Рюген), *Krampe* (*Krampa*, ок. 1400), *Crampin*, 1217 (MU 1, 220), *Crampowe*, ок. 1300 и др. (Slav. Prag. 1966, 260).

— Лит.: Pott BVS 6, 1868, 114; Pierson AM 8, 1871, 363; Thes. 1873, 79; APSpr. 362; Lewy IF 32, 1913, 163 = Kleine Schriften 1961, 316; SPV 197. — [**kramptis* или **krampis*].

*{*kran-av-(-ov-)}*?, см. *{*kron-av-(-ov-)}*.

*{*krank-el-}*?, ср. Nom. гр. *Krankel* (APN 48). — Из-за нередкого смешения *n* и *u* нет возможности настаивать на такой реконструкции. В случае, если бы она оказалась верной, ср. лит. *Kranklūpis, Kranklūys* (LUEV 77; Liet. hidr. 182, 252; LHEŽ 163: от лит. *kraĩkti* 'каркать', 'храпеть', 'кашлять'); лтш. *Krankas*, рļ. (LV I, 2, 123); но не исключено предположение о германизме (нем. *krank* 'слабый', 'больной'; ср. лтш. *kranka*, о тощей, изможденной корове, ср. BW 16336. ME 2, 259). Ср., м. б., куршск. *de heide to Krunkle*, 1422 (?); *eine steinhupen to strande wart, geheiten Krunkelan* (UB I, 5, 788). См. KF 194: лтш. *krūkle* 'Zwergholunder'; *kruĩka, krunkuļains* 'runzelig' (ср.-н.-нем. *krunke*). — В случае *{*krauk-el-}* ср. лтш. Nom. гр. *Martin Krauklis*, 1535 (LPV I, 195); *Kraũklis, Kraukle, Kraũklene, Kraũkline, Kraukles-ceļš* и т. п. (LP I, 2, 125—126, ср. *Kraũkas, Kraukis, pļ., Kraukū-kalns* и др.); лит. *Kraukliai* (LATSŽ 141; ср. *Kraukėnų km.*) и, конечно, прежде всего прусск. *Craucow*, ручей; 1366 (APON 72; к лит. *kraukiū*, лтш. *kraukis*; с суф. *-ōv-* или *-av-*), см. *{*krauk-av-(-ōv-)}*?

*{*krant-}*, ср. Nom. гр. *Kranthe Pauel*; топоним *Kranthaw* (C 42, р. 86^r; 63^v), см. APhil 8, 1939, 13. — Ср. лит. *Krantai* (LATSŽ 139); *Krančià, Kraĩt:pelis* (LUEV 77; Liet. hidr. 123; LHEŽ 163); лтш. *Kraĩti, Kraĩteļi* (LV I, 2, 123; примеры типа *Kruõte, Kruõtis, Kruõtiņi*. I, 2, 157 двусмысленны — как из-за *uō*, так и из-за возмож-

ной связи с апеллятивом *kruota*, об «искусственном» характере которого см. особое примечание ME 2, 295).

*{*kran-av-}*, см. *{*krant-}*.

*{*krap-?}*, ср. Nom. гр. *Krape* (PU II, 508). APON 71. Траутман APN этого имени не отмечает. — Тем не менее наличие этого элемента в прусской топонимике не вызывает никакого сомнения. Он появляется в таком топониме, как *Crapitien*, 1366, в Nom. гр. *Crapse*, 1387 (если только оно не к *Craupse*), а также, видимо, еще в целом ряде топонимов (см. ниже). — Ср. литовские фамилии типа *Krapaitis, Krapėnis* и др. или топонимы *Krāpos, Krapiškis* (LATSŽ 139); лтш. *Krapas, Krapa, Krape, Krapāni, Krapiški, Krapšas* и др. (LV I, 2, 123); мазур. *Crappele* (Schnippel Altpr. Forsch. 5, 1928, 25), *Kraplewka, Kroplewka, Kraplauer Fliess; Krapil* (5, 25), *Kraplewskie Łąki, Kroplewskie Łąki, Kroplewko, Kraplauer See (wiesen); Kraplauer Bach; Krapity, Krapitka* (Słown. nazw. Mazur. II, 75, 242); *Kropajny, Kropāne* (126); м. б., *Kropilink, Kroplineck, Krupolinek, Kropingsee* (212); висл. *Kraplewka, Kraplauer Bach, Fliess, Kroplewka*, возможно, даже *Krapuwna* (ср. вокализм *a*). HW 426, 602, 618; ср. также *Kraplewo, Krapkowice* (: *Krappitz*). Słown. nazw. geogr. PZP 144. Существен и учет старопольских Nom. гр. типа *Krap* (*Crap*, 1419, 1454), *Krapak* (*Crapak*, 1471), *Krapek*, 1499, *Krapic, Kropic* (см. ниже), *Krapiec, Kropiec, Krapowicz, Kropski, Kropelin* (*Henrico Cropolin*, 1360; *Per Henricum Cropolin*, 1362; прусск. *Cropolin*, 1364), *Kropowic* и под. (Słown. starop. nazw III, 1, 133—134 и др.), в которых балтийское и славянское не всегда отличимы друг от друга. — Из южноевропейских параллелей ср. иллир. Nom. гр. *Crapus* (CIL III, 2979), мессап. *kraapati* (CIM 34, 13 = PID 474), см. Krahe IF 49, 1931, 272; Mayer Spr. alten Illyr. 197. — См. *{*krap-ain-}*, *{*krap-al-(-in-)}*, *{*krap-ein-}*, *{*krap-el-}*, *{*krap-in-}*, *{*krap-it-(-en-)}*, *{*krap-s-}*, *{*krap- & *lauk-}*.

*{*krap-ain-?}* см. *{*krop-ain-}*, *{*krap-}*.

*{*krap-al-?}*, см. *{*krop-al-}*, *{*krap-}*.

*{*krap-al-in-?}*, см. *{*krop-ol-(-al-)-in-}*, *{*krap-}*.

*{*krap-ein-?}*, см. *{*krop-ein-}*, *{*krap-}*.

*{*krap-el-?}*, см. *{*krop-el-}*, *{*krap-}*.

*{*krap-il-}*, см. *{*krap-}*.

*{*krap-in-?}*, см. *{*krop-in-}*, *{*krap-}*.

*{*krap-it-(-en-)}*, ср. *Crapitten*, 1363 (Cod. dipl. Warm. II, 414). APON 71; ср. также мазур. *Krapity, Krapitka*, соотв. *Kropitten, Kropitten Fließ* (Słown. nazw. Mazur. II, 75); вероятно, сюда же нем. *Krappitz* в соответствии с польск. *Krapkowice* (Słown. nazw. geogr. PZP 144). — В этом же контексте целесообразен учет Nom. гр. типа, польск. *Krapie, Kropic* (*Crapicz*, 1343, *Krapicz*, 1385, *Crapucz*, 1440, *Crapecz*, 1430, *Crappitz*, 1489, *Cropicz*, 1438, *Croppicz*, 1443, 1454 и др.). Słown. starop. nazw III, 1, 133—134, из **Krap-it-i-*. — Вероятна связь с прусскими названиями, дающими основание для реконструкции форм типа **krap-ain-*, **krap-al-(-in-)*, **krap-ein-*,

*krap-el-, *krap-in-, *krap-s-, *krap- & *lauk-, и тем более с *Krape*, см. {*krap-}. — Связь этих названий со словом для укропа типа лит. *krāpas* (см. Sabaliauskas LKK 2, 1957, 67), как и со словом для крапивы (славянские факты), остается под сомнением.

{*krap- & *lauk-??}, см. {*krop- & *lauk-??}, {*kraup- & *lauk-}, {*krap-}, *laucks*.

{*krap-s-}, ср. Nom. pr. *Crapse*, 1387 (APN 48). — Не исключено, что речь о том же имени, что и *Craupse* (см. {*kraip-s-}); ср. более или менее обычные случаи мены *ai:a* в пределах одного корня (как в прусск., ср. *lai pinna: larupna* и т. п., так и в литовск., ср. *krapštūs: kraipštūs* и под.). Вместе с тем и форма *krap-s- выглядит вполне реальной и надежной ввиду многочисленных отражений элемента *krap-* в прусской (и вост.-балт.) топонимике, во-первых, наличия суф. -s-, присоединяемого к корню с исходом на согласный, во-вторых, и идеально точного соответствия в лтш. *Krapsas* (LV I, 2, 123, ср. также *Krapši?*), в-третьих.

{*krap-st-ein-?}, см. {*krop-st-ein-}, {*krap-}.

{*krasim-} ср. {*kresmen-}.

{*krat- & *lauk-}, ср. *Kratelawken*, 1399; *Cratelaw*, 1399; *Gratlauken*, 1394, позже — *Kratlau* (APON 71—72). — Сложное название. В первом члене *krat-*, сопоставимое с лит. Nom. pr. *Krataitis* и топонимом *Kratiškaiai* (LATSŽ 140); ср. лтш. *Kratainis* (LV I, 2, 124; также *Kratiklis*, р.), *Kratijumu-kalns* и др.; ср. не вполне ясные примеры с долготой корневого вокализма: *Krātiņi*, *Grāv-krātiņi*, 130). Любопытны куршские и немецкие варианты названия Кретинги (*Kretinga*) с вокализмом *a/o*: *Crattyngen*, 1540, *Krottingen* (KF 113). — Герулис видит в форме *Kratelawken* два суффикса -ēl- и -av-, предшествующих элементу *lauk-*, т. е. *Krat-ēl-av-lauk-, которое было заменено краткой формой, подобно некоторым другим примерам (ср.: *Kawkowagen* — *Kawkain*, *Willekaym* — *Willen* и т. п., см. APON 72, 246). Впрочем, достаточно надежные аналогии отсутствуют в списке Герулиса. Если эта реконструкция правильна, то упрощение соответствующей формы было вызвано гаплогогией (*lav-lau- > lau-*). Тем не менее достаточных оснований для постулирования *Krat-el-av-, кажется, нет. — О *Kratelauken* см. Breidaks Latv. vēst. 1977, № 3 (356), 93. — Возможные параллели к *Krat-* на Балканах — иллир. *Crateae* (contra *Liburnos C r a t e a e . . .* Plin. III, 152; *Krateiai*. Ps.-Skyl. 23). Spr. alten Illyr. 95, 184, 197; фрак. *Kράτιοχαρα* (Proc. ae. 4, 1, 32), см. Duridanov Thr.-Dak. Stud. 43: сюда же лит. *Kratiškaiai*, *Kret-kampio km.*, *Kretonių vk.*, *Kret-upjys*, *Krėtiškės*, *Kretuonà* и др. (LUEV 78—79); др.-греч. Nom. pr. *Κράτης*, *Κράτιος*, *Κράτεας* и др. (см. Bechtel Hist. PN d. Griech. 260), ср. также *Zgusta Kleinas*. PN 373.

kraugen, см. *crauyo*, *krawia*.

crauyawirps 'тот, кто отворяет кровь', 'кровопускатель'. Э 551 ('Loser', объясняемое Hoch. u. niederd. Wb. 730 как 'Lasser', 'Aderlasser', ср. *zur Ader lassen* 'отворять кровь') при Э 550: *Stubonikis*

'Beder' (ср. обычную функцию цирюльников отворять кровь), Э 552; *Ragusto* 'Loskop' (ср. РКР II, 36: «ragas (kraujui traukti)») и т. п. Nom. Sg. masc. — Сложное слово. Ср. *crauyo* 'кровь' и **wirp-* '(вы-)пускать', 'отворять', 'освобождать' (к последнему значению см. Schall KZ 79, 1964, 155—156) и т. п., засвидетельствованное в составе префиксальных образований (*auwirpis*, *etwiērt*, *powiērt*, *powirps*) и в топонимии. Учитывая, что **wirp-* представляет собой расширение корня **uer-* в нулевой ступени с помощью -*p-*, наиболее точное совпадение обнаруживается в двусловных сочетаниях типа русск. *отворить кровь*. Ср. прусск. *krauja- & wirp-* (: *verp-*) при русск. *кровь отворити* (< **krъвъ & *ot-vor-iti*, ср. чеш. *otevřiti*: лтш. *at-vērt*). В вост.-балт. используются иные сочетания, ср. лит. *kraują (nu)lėisti* (ср. *kraujāleidys*, *kraujāleidis*, *kraujoleidėjas*, *kraujalaidis*), лтш. *asinis nolaišt* (ср. *asins nolaišana* и т. п.) — при том, что существует и вост.-балт. глагольный корень **virp-*, ср. лит. *virpėti* 'колебаться', 'дрожать', лтш. *virpēt* или др.-русск.-ц.-сл. *вьрпсти*. Правда, нужно отметить известную подвижность и разнообразие глагольного элемента в этих сочетаниях (ср., с одной стороны, «нетехнические» использования подобных сочетаний, как, напр., в лит. *kraują nulėisti* 'mušyje susilpninti jėgas', см. Liet. kalb. frazeol. žod. 138, а с другой стороны, богатую синонимику, напр., в русском *отворить кровь*, *пустить кровь*, *метать кровь* (*кровомётчик*, *кровомётка*, *кровомётный* СРНГ 15, 269 при лит. *kraują mėsti*), *кидать кровь*, *сколоть кровь* и т. д.), причем значение 'пускать' является наименее специфическим, прилагаясь как к медицинской операции отворения крови, так и к любому кровопусканию, кроволитию; оно же выступает и в бесспорных кальках с немецкого, ср. чеш. *pustiti* (*pouštěti*) *žilou* и под. (: *zur Ader lassen*). — О практике отворения крови см. Delic. Pruss. XV, § 9 (= LPG 551: о т. наз. *Kraujutte*). — См. *crauyo*, *auwirpis*, *powirps*.

— Л и т.: Thes. 1873, 80; APSpr. 362; Benveniste St. balt. 4, 1934, 77; LEW 558, 1261; Schall KZ 79, 1964, 155—156; St. OP 10. 015; 11. 000 — [**krauja-wirp(a)s*].

kraugen, см. *crauyo*.

crauyo 'кровь'. Э 160 ('Blut'), ср. Э 159: *Eyswo* 'Wunde', Э 161: *Melne* 'Blo', Э 162: *Gunsix* 'Büle', Э 163: *Kirtis* 'Hawe', Э 164: *boadis* 'Stych', Э 165: *Brokis* 'Slag' и т. п.; — *krawia* К III, 47, 34 (Sta ast stas arwis kērmens bhe krawia Nōusou Rikijas Jesu Christi 'Es ist der ware Leib vnd Blut vnsers HERrn Jhesu Christi'). Nom. Sg. fem. или Nom. Pl. n., см. ниже.; — *krawian*. К III, 31, 27 (. . . sen swaiāsmu Swinton tēpran krawian bhe sen swaiāsmu niwinūton Stinsennien bhe anlausennien. . . ' . . . mit seinem heyligen theuren blut. . .'); 77, 6 (. . . ni sen mensan bhe krawian schlaits sen stesmu wargan noseilien. . . 'nicht mit Fleisch vnd Blut Sondern mit dem bösen Geist. . .'). Instr. Sg. (APSpr. 362; OP 60—61) или Acc. Sg.; — *krawian*. К III, 49, 13 (Schis kelks ast stas nauns Testaments en maian krawian kas perwans pralieiton

wirst... '...inn meinem Blut...'); — *kraugen*. К I, 7, 27 (... an maian kraugen..., ср. К III, 49, 13). Acc. Sg. n. или fem., см. ниже; — *kræuwiey* К II, 13, 28 (... en mayiey kræuwiey, ср. К I, 7, 27; К III, 49, 13). Dat. Sg. — Эти прусские факты нуждаются в комментариях. С разных точек зрения выделяется форма *kræuwiey* = *kræuwiey* из К II. Написание *æ* (как и *e*) в К II рассматривается как диалектное произношение *a* в говоре К II (Bezzenger KZ 44, 1910, 298 ограничивал переход *a* > *æ/e* позицией в пред- или послеударном слого, тогда как ван Вейк Neophilologus 2, 1917, 243—245 не связывал этот переход с позиционными ограничениями). Написание *uw* вм. *w* (как и *ij* вм. *i/j*) указывает, по мнению ван Вейка, на место, где проходит слоговая граница (ср. *kræuwiey*, также *neuwene*), с чем можно сравнить нидерл. примеры этого же рода — *gauwe*, *bouwe*, *nieuwe*. — Разницу в написании *сгауо* и *krawia* чаще всего не интерпретируют фонетически, хотя уже Буга TŽ 2, 1924, 469 = RR III, 702 высказал правдоподобное предположение, согласно которому в самландском диалекте слово для обозначения крови произносили [**kra-vjā*], а в помезанском — [**krau-jō*], т. е. по вост.-балт. типу. — Форму *en mayiey kræuwiey* нередко предлагают исправить на *en mayien kræuwien* (т. е. Acc., а не Dat.) поскольку в готическом письме *y* и *n* весьма сходны между собой. Но при условии, что данная словоформа относится к fem., приходится и *kræuwiey* считать достаточно надежной формой и не принимать с необходимостью конъектуру Бенвениста St. balt. 4, 1934, 77 и Эндзелена SPV 197; ZfslPh 18, 1942, 104 и сл., впервые — FBR 11, 1931, 123. Но именно по поводу грамматического рода *сгауо*, *krawia* существуют серьезные расхождения между исследователями. Траутман APSpr 236, 362 считал, что это слово в большинстве своих употреблений в прусских текстах выступает как fem., но Acc. Sg. *krawian* (К III, 49, 13, ср. *kraugen*) следует отнести к п. (ср. род). Эндзелин исходил из малой вероятности сосуществования двух разных основ и соответственно родов у одного и того же слова (-*ā*- и -*o*-основы, fem. и п.) и предложил относить все известные случаи употребления этого слова к среднему роду. В пользу такого выбора приводилось несколько аргументов — наличие реальной формы ср. р. *krawian* (49, 13), ее соответствие др.-инд. *kravya-m* (ср. р.), дающее основание думать, что и лит. *kraijās*, «кажется, некогда было основой ср. р.» (FBR 11, 1931, 123). В соответствии с этим формы *сгауо* и *krawia* были переинтерпретированы как Nom. pl. п. — тем более, что и в лтш. *asiņis* (Pl. от слова, обозначающего 'кровь') может употребляться в функции Sg. Можно добавить, что сходное употребление хорошо известно литовскому. Помимо ссылки на Катехизис Петкявичюса (ср.: tikray tikiet turit atausimą o krauieys mandys grieku atlaydima, 126 — при: ir krauias ant isganima islietas, 126, в ближайшем соседстве) ср. еще: Nuog... praliejimo kraujų gelbāk mus. Mažv. 554; Rėdyk jau mus, tavo tarnus, kurius atpirkai per kraujus.

Mažv. 79; Tatai yra kraujai suderėjimo. Bretk. Bibl. Moz. 24, 8; Rankos jūsu pilnos kraujų. Daukš. Post. 221; Ir t'est kraujaj visoj Egipto žemėj. Chil. 2. Moz. 7, 19; Galva sumušta, kraujai bėga... и т. п. (см. LKŽ 6, 460); ср. *kraujū*, *kraujeis*, 1769 (Prūs. Valdž. Grom., 283) и др. То же и в ст.-сл. *кръки*, русск. *крóви*. Pl. (сколоть *крóви*; *крóви* 'регулы' и т. п., см. СРНГ 15, 270—271) и в ряде других языков (ср. др.-греч. αἵματα и др., см. Fraenkel Balt. Spr. 1950, 28; LEW 290; подробнее — Erg.—Hf. к KZ № 14, 132). Бенвенист St. balt. 4, 1934, 77—79 на сходном материале пришел к иным (во всяком случае на промежуточном уровне) выводам. Считая, что предположение о ср. р. опирается на единственное указание (*kræuwiey*. 13, 28), значение которого сводится на нет двумя параллельными версиями этого места (7, 27; 49, 13: *kraugen*), свидетельствующими об Acc., а не Dat. (тем более, что *en* с Dat. употребляется в прусском только при Pron.), и вытекающей из этого конъектурой **kræuwiey*, он приходит к выводу, что слово, обозначающее 'кровь', в прусском всегда относится к fem. (Pron. relat. *ka*, относящееся к слову 'кровь' К II, 13, 28 и объясняемое Траутманом APSpr. 237 следованием немецкой модели (Blut) *das*, Бенвенист считает допустимым в этом случае, поскольку своим *-a* оно входит в ряд Pron., которые в Nom. Sg. fem. имеют конечное *-a*: *sta*, *tenna*, *kawida*; следует, однако, помнить о всей конструкции — *en mayiey kræuwiey ka... praliten wirst* и, в частности, о форме *praliten*, подтверждаемой и другими версиями этого места). Констатируя контраст в балт. между лит. *kraijās* из и.-евр. masc. **krewyos* и прусск. *krawia* из и.-евр. fem. **krewyā*, Бенвенист видит выход из положения в предположении, что и.-евр. архаичное атематическое слово **krewā*/**krū*- стало объектом разнонаправленной адаптации в прусском и литовском. Производное и.-евр. **krewyo*- было трактовано в литовском как masc. (в отличие от др.-инд. *kravya-m*, ср. *kravī-h*), а в прусском как слово в Pl. п. (ср. Nieminen Uridg. Ausg. 1922, 174), точнее — как neutr. collect. на **-ā* (подобно др.-греч. ἡ ἡμία, представляющему collect. τὰ ἡμία, спроецированный на fem.), ср. РКР II, 281 и др. В данном случае уместно в связи с прусск. *krawia*, понимаемым таким образом, сослаться на довольно близкую аналогию в русском ном. collect. *крóвь* (ср.: *Крóвь вся поветекла; Когда покойник умрет, и в нем до обеда крóвь не захолодают, то ожидают в скором времени еще покойника; Запечатаны уста мои крóвьями; крóвь*, о регулах, и т. п., см. СРНГ 15, 270—271). Вместе с тем сама идея о единстве грамматич. рода у слова с данным значением в группе родственных языков или даже в одном языке не может быть признана состоятельной (ср. список «разнородных» примеров в балт., с одной стороны, и прусск., с другой, у Бонфанте St. balt. 1, 1931, 84 и особенно — Stundžia Baltist. 14, 1978, 115: здесь же изложение существующих точек зрения на подобные дублиеты; в частности, ср. лит. *kraijās*, но и *kraujà* с тем же значением). Особенно это отно-

сится к прусской ситуации, где ср. р. удержался (в отличие от вост.-балт.), но лишь в части текстов, и где, следовательно, и в случае с названием крови могли иметь место такие различия, как в близком семантически случае обозначения мяса, ср. в Эльб. слов. *menso*, трактуемое как Pl. п. (как тох. *mīsa*, см. Pedersen Toch. 62), но в Катехизисах *mensā* Sg. fem. (подобно лтш. *mīesa*, жем. *meisa* и т. д.). Во всяком случае и сейчас Шмальштиг ОР 60—61 признает, что род слова для обозначения крови в прусск. «is disputable»; тем не менее делается заключение о том, что нужно исходить из fem., если только само слово относится к *ā*-основам. Следует напомнить, что ван Вейк относил *krawia* к основам на *-jā* женск. р. (Acc. Sg. *krawian* при *martin, waispattin*, также относящихся к основам на *-jā*, вместо ожидаемого **krawien* объяснялся аналогией с исходом Nom. Sg. *krawia*), а появление Prop. не-женск. р. при *krawia* (в 4-х случаях) считал ошибочным, тогда как употребление *ka* в этих случаях не вызывало особых затруднений ввиду того, что в живом употреблении прусск. использовал его для всех трех родов, подобно русск. *что* (см. Arg. St. 1918, V, сн. 32). — В известном смысле нуждается в семантическом комментарии и слово *сгауо* из Эльб. слов. Помещенное среди разнообразных обозначений увечий, оно, хотя и поставлено в соответствие с нем. *Blut*, обозначает в данном случае не элемент состава (человеческого) тела, а особое увечье, связанное с пролитием крови и упоминаемое обычно вместе с раной в «Помезанской Правде» как казус, подлежащий наказанию. Ср. Thut einer dem andern blut oder wunden... so sal der schuldige seinen hals losen. 50; Ab einer den andern mit vorsatze frevelich sucht bey dem pfluge uff dem felde und thut ym eine wunde oder ein blutt... er sal sein entgehn uff den heiligen selbzwelffte ab er thar (123); Gibt einer dem andern schult um wunden oder blutt... so sal er selben sweren uff seine wunden. Ist aber das er sie nicht beweiset hot, so sal jenner sweren dem er schult gibt umb die wunden vnd blutt (127). Такое понимание термина «кровь» характерно и для других средневековых юридических текстов и в известной степени отражает более архаичное обычное право в его мифопоэтических мотивировках. Роль крови в этих представлениях была значительной. Помимо специального (видимо, терминологического) обозначения «отворителя крови» (см. *сгауяwirps*), свидетельствующего об отмеченности соответствующего акта, его выделенности среди профаническо-медицинских операций, существенно наличие особой жреческой категории среди вайделотов («geistlichen Ministern») — *Kraujutte*, о которой сообщает Преториус Delic. Pruss., см. LPG 549 (ср. лит. *kraujūtis* как название кровоостанавливающих растений *Sanguisorba officinalis, Achillea millefolium*: Norėdami krauja sulaikyti, ant žaidos deda krauju čič LKŽ 6, 466, ср. *kraujuotė* 'Chelidonium majus', 465; следовательно, есть основания думать, что *Kraujutte* (о них см. EDP 1937, 43), в частности, специализировались на останавливании крови, ее заговаривании, м. б., в отличие от *сгау-*

yawirps а, отворяющего кровь; но в описываемое Преториусом время в Надравии *Kraujutte*, видимо, совмещали уже обе эти функции). Подробнее см. Delic. Pruss. Kap. XV, § 9 (= LPG 551): Die Kraujutte sagten aus dem Fluss, der Farbe und Veränderung von Menschen oder Viehblut nicht allein die Gesundheit eines Menschen oder Viehs, sondern auch glückliche oder unglückliche Successes vorher. Die Kraujutte gaben auch ihr Urteil in Erkändtnuss der Jungfrauschaft, da sie aus der monatlichen Blum einer Weibsperson das Fundament ihrer Warsagerei hergenommen. Sie waren der alten Preussen Medici, sie verstanden es auch, fließendes Blut zu stopfen und zu besprechen, und haben mit der Blume einer Weibsperson oft allerlei Liederlichkeit angestiftet. Solcher Leute hats zu unserer Zeit noch viele gegeben, sonderlich in Zalavonien an der Zamaitischen Grenze. Die jetzigen Kraujutte in Nadrauen lassen zur Ader, schröpfen, säugen vermittelt eines Körnchens das Blut auf und sagen aus dem Geschmack desselben vorher, ob der Mensch gesund bleiben oder bald krank werden werde, was auch bisweilen eintritt. Ich habe beobachtet, dass sie einige Worte in den Bart murmeln, ehe sie saugen. Zwar behaupten sie mit andächtigen Geberden, nur den Wunsch auszusprechen, dass das Schröpfen einem gesund sein möge; ich bilde mir aber ein, dass hier noch etwas Abergläubisches vorgehe. — Прусск. *сгауо*, *krawia* принадлежит к старому и.-евр. лексическому фонду и имеет многочисленные параллели в разных и.-евр. языках, причем в одних случаях эти параллели представлены архаизмами, в других случаях — более поздними тематическими производными. Ср. вост.-балт. факты: лит. *kraūjas* 'кровь' (4-я акцентная парадигма, предполагающая первоначальную принадлежность к ср. р., что подтверждает и форма Nom. Sg. на *-ias* см. Иллич-Свитыч Именн. акцент. 1963, 49), *krauja* 'кровь', редкая форма, в LKŽ 6, 459 без документации, но с указанием на старые анонимные тексты, *kraujat*. Pl.; ср. также двойки в отношении вокализма производные: *kraujinis, kraujingas*, но и *krūvinas, -is, krūvinti* и под. — лтш. *kreve* 'свернувшаяся кровь', 'струп', 'короста на ране', 'болячка', *krevele, krevelis; krevains, krevelains; krevēt, kreveluot* (см. ME 2, 274—275; EH 650; Erg'ēm. izl. vārdn. 2, 120); но до конца ясно *krēvs* (?). Erlaa (2, 275), причем там же отмечено *kreve* (EH 650); *krēvs* Schnikkern = *kreve* (EH 650). Ожидаемое лтш. **kraujš* 'кровь', как считают, не сохранилось из-за омонимии с *krāujš* 'крутой', ср. также *krāuja* 'обрыв', 'круча' (см. Endzelins FBR 9, 1929, 9; LEW 290); впрочем, омонимия лит. *krauja, (kraūjas)* 'кровь' и *krauja* 'заряд (: *krāuti*) не привела в литовском к сходным результатам. Обращает на себя внимание в латышском, во-первых, сдвинутость значений (сама кровь обозначается другим архаизмом — *asins, asinis*. Pl.), во-вторых, иной, нежели в прусск. и лит., вокализм сопоставляемых слов, в-третьих, наличие примеров типа *krūvesis* (также *kruesis*), обычно в Pl. *krūveši* 'замерзшая грязь', *krūvešains* 'покрытый замерзшей грязью', *krūvuļains* (ME 2, 291; ср. лит. *at-krāsti*, Praet. — *krāsau*),

относимых к тому же и.-евр. *kreu- (Pok. 1, 622; LEW 290, ср. также лтш. *krusa*, лит. *kr(i)ušū*), хотя не исключены и другие объяснения. Таким образом, балт. примеры восходят к трем разным вариантам корня — к *krou-jo- (прусск. *srauo*, *krawia*, лтш. *kraūjas*), к *kreu- (лтш. *kreve*), к *krū- (*krū-V-, ср. лит. *krūvinas*). Наиболее точным соответствием прусским формам является др.-инд. *kravya*-п. 'кровь', также представляющее собой образование на -jo- от *krou- (ср., однако, *kravī*- 'сырое (т. е. кровавое мясо)' или *krūrā*- 'раненый', 'сырой', 'кровавый', 'жестокый' и т. п. Слав., др.-иран. и кельтск соответствия фиксируют прежде всего исходное *krū- : *kruu-V-. Ср. праслав. *kry (< и.-евр. *krū-); ст.-польск. *kry* (1398 Leksz. II, № 1085; 1399 Ibid. № № 795, 853; Bogur BCF; 1401 Piek VI 54; 1407 Ibid. 336; 1408 Ibid. 368; 1410 Ibid. 404; 1453 R XXV, 209; см. Słown. Staropolsk. III, 5 (18), 382 сл.; Nehring AfslPh 3, 1879, 479—484; Brückner AfslPh. 11, 1888, 131 и др.), но и польск. *krew* (Gen. Sg. *krwi*); слов.-помор. *krā* (Pom. Wb. 1, 376, наряду с *krāv* 1, 371), полаб. *kārāi/krāi* (*karōi*, *karōi*, *cara*, *karroy*, *karrōy*; *krōy* 'Blut' H., *kroy* B, см. Słown. etym. Drzew. Pol. 2, 241); словен. *krī* (но и *křv*), ст.-хорв. *krī* (Црес, ср: Полицкий статут 105) или вторичные формы типа ст.-сл. *кръка*, болг. *кръв*, макед. *крв*, с.-хорв. *крв*, словен. *křv*; чеш. *krev* (Gen. Sg. *krvi*; ср. *súkrvica*), слов.-луж. *kšev*, *kšej*, в.-луж. *krěj*, польск. *krew*, кашуб. *krev* (но и *krúa*. Słown. gwar kasz. 2, 253), слов.-помор. *krāv*; русск. *кровь*, блр. *кроў*, укр. *кров*. Та же исходная форма *krū-/*kruu- восстанавливается на основании авест. *xrū*-, *xrūt* (= *xruvāt*), ср. также *xrvant*- (= *xrūvant*-), *xrūra*-, *xrūta*-, *xrūnya*-, *xrūta*- (ср. интерпретацию др.-греч. *Καύχασις* 'Кавказ' из скифск. **xrohu-kasi*-, букв. 'обладающий блеском льда', к значению 'лед' см. ниже; продолжения и.-евр. *kreu- и под. известны и в ср.-иран., ср. согд. *γwrnw* 'окровавленный'. Вессант-Джат. 783, с метатезой *rw* > *wr*, ср. авест. *xrvant*-. Hansen BSOS 8, 1936, 580; к согд. *xwrny pšynčn* «(о) Blutvergiesser!» ср. прусск. *srauwirps*) и т. п. и на основании ряда кельтских форм, ср. ср.-ирл. *crú* (< **krūs*), Gen. Sg. *cráu*, *cró* (< **kruos*), кимр. *srau*, корн. *crow* 'кровь' и др. Формы с вокализмом *e* характеризуют лат. *cruor*, чаще о загустевающей крови (< **kreuōs*), и др.-греч. *κρέας* 'мясо' (< **kreues*), ср. Pl. *κρέατα*, *κρέα* (**κρεφα*); ср. также лат. *cruentus* 'кровавый' (: авест. *xrūvant*-), *crusta* 'кора', 'короста' (ср. оскск. *krustatar*), *crūdus* и т. п. Из germ. соответствий ср. др.-исл. *hrár* 'сырой', 'свежий' и т. п. (< герм. **hrēwaz*), н.-исл. *hrár*, фарер. *ráur*, норв., датск. *raa*, шведск. *rå*; др.-англ. *hreaow* (англ. *rough*), др.-сакс. *hrāo*, *hrē*, др.-в.-нем. *rāo*, *hrō* (нем. *roh*) и др., ср. также др.-исл. *hrjósa*, *hrúðr* и их соответствия в germ. языках. Учитывая, что многие производные от этого корня в разных и.-евр. языках обозначают нечто загустевшее, загрубевшее, затвердевшее, замерзшее (см. Pok. 1, 622 и др.), возникает естественный вопрос о возможных связях с др.-чеш., чеш., польск. *kra*, словен. *kréja* 'льдина', русск. *крьга*, то же (: др.-греч.

κρός 'ледяной холод', 'мороз', *κρούεις*, *κρούερός* и т. д. и даже *κρούσταλλος* 'лед') и далее с продолжениями слав. **jb-kr-* (русск. *икра* и т. п.), которые перебрасывают мостик к прусск. *ussrou* и вост.-балт. формам (см. Пр. яз. III, 36—37). Разумеется, эти возможности нуждаются в обсуждении. — В целом и.-евр. формы свидетельствуют об архаичной основе с ларингальным в исходе — **kreuH-/*kruH-*. Конкретные падежные формы в разных и.-евр. языках от соответствующего слова пытается объяснить Хэмш Glotta 54, 1976, 98—99; Stud. class. Pagliaro III, 1969, 7—16; IF 82, 1977, 75—76. Значение корня **kreu-/*krū-* для древнейшего периода ('сырое мясо' → 'кровавое мясо') и соотношение разных обозначений крови в и.-евр. анализирует Stefanini AGIt. 48, 1958, 18—41 (в связи с хеттск. *eshar-*). О ностратических параллелях см. Иллич-Свитыч Опыт ностр. I, 1971, 360—361. из них наиболее надежны дравидские, ср. тамил. *kuruti* 'кровь', 'красный цвет', малто *kuruti* 'кровь', дающие основание автору говорить о возможном общеностратич. источнике в виде **keur-H-* (в и.-евр. имела место метатеза). — В топонимике анализируемый элемент отражен в ряде образований; ср. лит. *Kraujinė*, *Kraujukė*, *Kraujaupis*, *Kraujaupišs*, *Kraujupė*, *Kraujupis*, *Kraujupys*, *Kraujupis*, *Krauleidys* (LUEV 77—78; Liet. hidr. 117, 159, 233, 234, 236, 246; LHEŽ 163); *Kraujėliai*, *Kraujučiai* и др. (LATSŽ 140); лтш. *Krauja*, *Kraujis*, *Kraujini*; *Krauji*, *Kraujas*, *Kraujupe* и др. (LV I, 2, 125); но и лит. *Krėvė* (LUEV 79; LHEŽ 165; ср. **Krevelis* > *Kriovėlis*), лтш. *Krewe*, 1811. *Krewel*, 1816; *Krevi*, *Kreveli* и т. п. (LV I, 2, 133); ср. также Nom. рг. лит. *Kraujys*, *Kraujaitis*, *Kraujūnas*, *Kraujolis*, *Kraujūtis* и др. (Liet. antrop. 157), куршск. *Krauleidis*, 1540; *Krawleyt*, 1540 (KF 383) и т. п.

— Лит.: Thes. 1873, 79—80; APSpr. 362; BSW 142—143; van Wijk Neophilologus 2, 1917, 243—245; Apr. St. 1918, V; Nieminen Uridg. Ausg. 1922, 174; Būga TŽ 2, 1924, 469 = RR III, 702; ME 2, 275, 291; FBR 11, 1931, 123; ZfslPh. 18, 1942, 104; SPV 197; Bonfante St. balt. 1, 1931, 84; Benveniste St. Balt. 4, 1934, 77—79; Fraenkel Erg. — If. KZ N 14, 132; Balt. Spr. 1950, 28; LEW 290, 558, 1261; DELL 1, 272; 2, 1046; EWD 475; ЭСР 2, 379; Stefanini AGI. It. 48, 1958, 37; Pok. 1, 621; KEWAi 1, 277; Иллич-Свитыч Именн. акцент. 1963, 49; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 9; SEP s. v.; Etim. rječn. hrv. 2, 216—217; Etym. sl. j. česk. 292; Hamp Stud. class. Pagliaro III, 1969, 7—16; Glotta 54, 1976, 98—99; IF 82, 1977, 75—76; OP 60—61, 127; St OP 3, 004; Stundžia Baltist. 14, 1978, 115; PKP II, 281. — [**kraujo*, **kraujā*; **kraujā* или **kravjā*; **kraujan* или **kravjan*; **kraujen*, **kraujan*; **kraujai*, **kra(u)vei*, *kræ(u)vei* и под.].

{**krauka-*}, см. {*krauk-av-(-ōv-)*}.

{*krauk-av-(-ōv-)*}, ср. *Sraucow*, ручей, 1366 (APON 72). — По Герулису, к лит. *kraukiū*, лтш. *kraukis* 'грач' — Ср. также прусск.

Kreukelin, озеро, ок. 1300; *Craugkell*, 1514, позже — *Kruklinnen-See* (APON 73; к лит. *kriauklys* 'ворона'; немецкое название ориентировано на польск. *kruk*; Даубарас *Baltist.* 14, 1978, 136 предполагает, что название озера могло быть образовано и от прусского глагола, соответствовавшего лит. *kraukti* 'кряхтеть'). Прусс. Nom. pr. *Krankel* (APN 48), которое иногда понимается как **Kraukel*, в этом случае также относилось бы сюда же. — Герулис IF 44, 1926, 114 на основании подобных названий реконструирует прусск. **krauka* 'ворон'. — Ср. также мазур. *Krewkelyn*, 1340, см. Тоерпен *Gesch.* Maz. 64); *Krucklanicken*, 1595 (Von den See'en II, 14), *Kruklin*, *Kruglinner See*, *Kraukelner See*; — *Kraukelner Wiesen*; — *Kraukellner Kanal* (Słown. nazw Mazur. II, 90, 370). — Сугубо гипотетична реконструкция {**krauk-st-en-*} на основании *Kraucksten*, 1483 (Норре AM 14, 1877, 43), поскольку другие формы не имеют дифтонга в корне (*Kraaxstin*, 1523; *Krakszlyn*, *Krackstein See*, см. Słown. nazw Mazur. II, 28); впрочем, форма с дифтонгом хронологически ранняя. — Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Kraukliai* (LATSŽ 140); лтш. *Kraūkas*, *Kràukas*; *Kraukle*, *Kraūklis*; *Kraūklene*, *Kraūkline*, *Kraūklītis*, *Kraūklīši*, *Kraūklienes*; *Kraūkstes*; *Kraukis*, *Kraukū-kalns*, *Kraukene* и др. (LV I, 2, 125—127).

{**krauk-el(-in-)*}, см. {**krauk-av(-ōv-)*}.

{**krauk-st-en(-ein-, -in-)*}, см. {**krauk-av(-ōv-)*}.

{**kraun-ein(-en-)*}, ср. *Crawneynen*. 1411—1419; *Crawnen*, 1419;

Crawneyn, 1426 (APON 72.) Видимо, сюда же прусск. *Krowen*, 1387; *Krowum*, озеро; позже — *Krawna-See* (APON 74). — Ср., согласно Герулису, лит. *Kriaunai*, *Kriaunà*, а также ряд других примеров: *Kriaunėnai*, *Kriauniai*, *Kriauniškė*, *Kriaūnos*, *Kriaunaitiškiai* (LATSŽ 141); *Kriaunėlis*, *Kriaunėnų upėlė* (LUEV 79; Liet. hidr. 46, 114, 262; LHEŽ 165; лит. *kriaunà*, см. LKŽ 6, 567); еще точнее — лит. *Крунки* (Списки Ков. губ. 219), верхнеднепр. *Крунка* (ЛАВІІ 191), однако Буга TŽ 2, 1924, 114 = RR III, 611 предполагает переход $r' > r$, свойственный белорусскому; ср. также блр. *Круни* (Кратк. топон. слов. Белор. 186). Возможно, сюда же относятся *Krunineck See*, *Krunen See*; *Kruninek*, *Króninek* (Słown. nazw Mazur. II, 340).

{**kraup-*}, ср. Nom. pr. *Kraupe*, 1304 (PU 2, 508, дважды при однократном *Krape*). APN 48. — Ср. другие суффиксальные типы Nom. pr. *Kraupol*, 1312 (*Kropfel* в более поздней копии); *Craupone*, 1321 (APN 48); топонимы *Craupeyne*, 1321; *Craupin*, 1323; *Krapen*, 1419, позже — *Krapen* («der Preuße Craupo wird dort angesiedelt». APON 72); *Craupolythen*, 1352; *Kraupolickyn*, 1351—1382; *Cropolithen*, 1419 (APON 72). — Возможно, сюда же относятся такие варианты названий, как *Crawplawken*, 1405 при *Craplawken*, 1401, *Craplawke* (!), *Croplawken*, 1387 (APON 73), для которого Герулис реконструирует (с вероятностью) исходную форму **Crauplawken*, к **kraup-* и *-lauks-*. — Ср. лит. *Kraupėnai*, *Kraūpliai*, *Kraupšiai*

(LATSŽ 140); Nom. pr. *Kraupūtis* (ср. *Kraupiškas*); лтш. *Kraūpas*, *Kraupen*, *Kraūpi*; *Kraupēji* или *Kràupēļi*; *Kraup-kalns*, *Kraūpes-kalns*, *Kraūp-sils*, *Kraupu-ežers* (LV I, 2, 127); мазур. *Krupolinek*, *Kropilink*, *Kroplineck*, *Kroplingsee* (Słown. nazw Mazur. II, 212), а также, возможно, довольно многочисленные названия с элементом *Krup-*, ср. напр., *Krupin*, *Krupińskie Pagórki*, *Krupinnener Berge*; *Krupka* (Ibid. 57, 283); *Krupoliny*, *Kroplainen* (Słown. nazw geogr. PZP 147) и др.; блр. *Крупéўки*, *Крупéўи*, *Крупéўицш*; *Крупа*, *Крупка*; *Крупава* и т. п. (Кратк. топон. слов. Белор. 186; Белар. геагр. назвы 97—98; Микратац. Белар. 126; Слоўн. назв. Брэсцк. 70; Слоўн. назв. Мінск. 141 и др.), причем во многих случаях балт. и слав. элементы остаются неразличимыми; днепр. *Крупела* (ЛАВІІ 192); близко к прусск. {**kraup-ol(-al-)(-at-)*?} название *Круполатка*, находящееся, однако, слишком далеко на восток (в басс. Мокши), см. Гидр. басс. Оки 257. — Вероятна связь с лит. *kraupūs* 'жуткий', 'страшный', 'неровный', 'грубый', 'жесткий' и т. п., *kraupas*; *kraūpti*, *krūpti*; лтш. *kraupis*, *kraupa*, *krupis*, *krūpis*; *krupt*; слав. **krupa*; алб. *kripë*, *krupë* 'соль'; др.-исл. *hrufa* 'струп' и т. п. (см. BSW 143; Fraenkel Balt. Spr. 59; LEW 290).

{**kraup-ein(-in-)-en-*?}, см. {**kraup-*}.

{**kraup-al(-el-)*}, см. {**kraup-*}.

{**kraup-al-it(-k-?)*}, см. {**kraup-*}.

{**kraup-* & **lauk-*}, см. {*kraup-*} и *lauks*.

{*kraup-on-*}, см. {**kraup-*}; к суф. см. APN 169; APON 254.

crausy 'груша', 'грушевое дерево'. Э 617 ('Birnbom') при Э 615: *Wobalne* 'Appelbom', Э 616: *Woble* 'Appel', Э 618: *Crausios* 'Birne' и др. Nom. Sg. fem.; — *crausios* 'груша' (плод) Э 618 ('Birne'; вм. *Birne* = *Birnen*, 'груши'). Nom. Pl. fem. — Характерна передача названия дерева и соответствующего плода однокоренными словами, дифференцированными по грамматическому признаку числа. Впрочем, приходится считаться с двумя дополнительными возможностями: обозначение дерева и плода одним и тем же словом без каких-либо грамматических различий (как в лит. *kriaušė* или русск. *груша*) или наличие сингулятива для обозначения единичного плода (типа русск. диал. *грушина*, хотя в других случаях это слово может обозначать и грушевое дерево). — Несколько замечаний о фонетике (некоторые из них имеют отношение к структуре флексии). Одно из них связано с конечным *-y*. Обычно считали, что конечное безударное *-ē* переходило в помезанском диалекте в *-i* (Траутман, Эндзелин, Станг и др.). Однако Левин *Balt. Lit. Ling.* 1973, 190 высказал сомнение в надежности фактов, которые могли бы подтвердить подобную фонетическую редукцию в окончаниях слов в прусском. Сопоставив прусские слова на *-e* и на *-y/-i* с их вост.-балт. соответствиями, он обнаружил, что 34 имени на *-e* имеют точные параллели в вост.-балт., тогда как из 25 имен на *-y/-i* только два бесспорно соответствуют *-ē*-основам в вост.-балт. (191). При продуктивности *-ē*-основ в Эльбингском словаре бросается в глаза «distributional gap», связанный

с видимым отсутствием *-jā-* основ в Sg., хотя в Pl. отмечено шесть случаев флексии Nom. на *-ios*; часть из них может принадлежать именам на *-ijā*, но и именам на *-jā*. В этом случае *crausy* и *crausios* соотносятся как Nom. Sg. и Nom. Pl. (в др.-греч. названия плода груши и дерева, напротив, различаются по роду — $\acute{\alpha}\pi\iota\omicron\nu$: $\acute{\alpha}\pi\iota\omicron\varsigma$). Если принять, что все или подавляющее большинство из 25 имен на *-y/-i* являются Nom. Sg. от слов с основой на *-jā*, то указанная аномалия в дистрибуции будет устранена (192), см. также St. OP 6.902—6.903 (стоит заметить, что Станг Vgl. Gr. 120, 204 считал возможным объяснение флексий *-ij-y* и *-e* в безударном положении в Эльб. слов. диалектными различиями, ср. *addle* (: лит. *ēglė*), *gerwe* (: лит. *gėrvė*) и под., но *pelky* (: лит. *pėlkė*), *crausy* (: лит. *kriáušė*) и др.). Окончание Nom. Pl. *-os* (*crausios*) объясняется переходом *-ā* в *-ō* в диалекте Эльб. слов. (ср. *lauznos*); ср. также Burwell BL 1970, 18; остается неясным, сохраняло ли *-o* свою долготу в период создания этого словаря. Наличие *-s-* в исходе корня отсылает к двум проблемам — соотношению этого *s* с \acute{s} в литовск. и слав. (ср. Karaliūnas Baltist 1, 1966, 116 и др.) и рефлексам *si* в прусск.; ср. *tawischas* (где $si > \acute{s}$), но *crausios* (где пара графем *si* может обозначать \acute{s} или *si*, но никак не \acute{s} , см. Vgl. Gr. 105), разницу между которыми Станг объясняет диалектными особенностями; согласно Буге РФВ 73, 1915, 342 = RR I, 478, *crausy* восходит к **krausī*, Gen. **krausyās*; последнее в древнейший период развития прусск. должно было измениться в **kraušyās*, а затем и в **krauš'ās*, откуда и было заимствовано соответствующее литовское слово. Буга же LKŽod. LXVI = RR III, 110 реконструирует акутовый характер дифтонга в этом слове — **kraūsī*, **kraūsīās*. Gen., чему отвечает Nom. Pl. *crausios*, ср. также лит. *kr(i)áušė* — Соответствия исключительно в кругу вост.-балт. и слав. языков. Ср. лит. *kráušia* (MŽ 99; Юшкевич Лит. сл.), *kráušė* (Clavis Germ.-Lith. II, 25; Lex. Lith. 18; Klein Gramm. Litv. 62; Kurschat и др.), *kráušis*; *kriáušia* (Rubig Litt.-D. 75; Kurschat I, 242; Юшкевич Лит. сл.), *kriáušė*, *kriaušis* (Brodowski Lex. Germ.-Lithv.; Ostermeyer Neue Lit. Gramm. 19), см. LKŽ 6, 477, 568—569; лтш. *kraūsis* (в окрестностях Барты, недалеко от литовск. границы), *kraušu kuoks* (ME 2, 264—296); лтш. *grauše* (куронизм, не отмеченный в ME) обычно рассматривается как результат контаминации. Вост.-балт. примеры без дополнительного их анализа могут ввести в заблуждение. Прежде всего бросается в глаза, что латышский не имеет соответствующего слова ни в литературном языке (где вместо него выступают *bumbiere* 'груша' 'дерево' и *bumbieris* 'груша' 'плод'), ни в говорах, если не считать крайней периферии вблизи литовского пограничья, куда оно могло попасть из клайпедских говоров (ср. характерный пример, отмеченный в Куршской Неринге, — *kraušu kuoks*. Mag. XVII, 1,84); ср. *krauš*: *kraušekuokas*. Kur. Wb., 45), см. LKK 8, 1966, 111. Лит. *kr(i)áušia*, *kr(i)áušė* Буга RR I, 478 также считал не исконным словом, а заимствованием из прусск., которое распространилось в относи-

тельно небольшом числе говоров, а именно в Прусской Литве по соседству с бывшим прусским ареалом. Лишь отсюда слово проникло в литературный литовский язык, а из него и в другие говоры Литвы. Наряду с ареальным аргументом в пользу заимствования говорит и наличие \acute{s} в литовском слове вместо ожидаемого *s* (прусс. $si > \acute{s}$, которое в самом прусском слове превратилось в \acute{s}). Учитывая идеальную точность совпадения лит. *kráušia* с прусск. *crausy*, особенно с предшествующей ему в диахроническом ряду формой, можно с определенными основаниями говорить о литовском слове не только как о прусск. заимствовании, но и как о сохраненном реликте прусского языка. Литовский знает и другое заимствованное название груши — *grūšia*, *grūša*, *grūšė*, *grūšnià* (из слав. ср. польск. *grusza*, блр. *grýša* и т. п.), см. LEW 174. Принимая тезис о вторичности вост.-балт. параллелей, во-первых, и об их прусском источнике, во-вторых, приходится признать, что точные соответствия к *crausy*, *crausios* обнаруживаются лишь в славянском ареале (и то лишь в части его; в другой части господствует вариант с звонким согласным в анлауте; наконец, кое-где оба варианта сосуществуют в разных соотношениях). Обращает на себя внимание география точных совпадений с прусск. словом. Ср. кашуб. *krėš* *krėška* (Słown. gwar kasz. 2, 250; 7, 135), слов.-помор. *krėška* (Poi Wb. 1, 376), ст.-польск. *kruska* (*cruska* 1406. Ks. Maz. I, № 86) *k(r)uschka*, 1418—1475 Zab. 512; Słown. Staropolsk. II, 7 (13), 50 III, 6 (19), 408), диал. кувяск. *krusza* (Сев. Польша), н.-луж. *kruš* *kšušā*, в.-луж. *krušwa*, *krušej*, *krušeń*; ц.-сл. *крушка*, болг. *кpуш* макед. *кpуша*, с.-хорв. *кpушка*, *кpуша* (в ркп. XVI в., косово-метоу топон.), *кpушва*, чакавск. *krūšva* (Вранчич, Мрнавич, Приморье), с Rječn. JAZU, s. v.; Etim. rječn. hrv. 2, 215—216; др.-русск.-ц.-с *кpуша* (Хрон. Г. Амартола, 353, см. Срезневский Матер. др.-русск. яз. I, 1338; Слов. р. яз. XI—XVII, 8, 91—92). Таким образом прусск. *crausy* вместе с сев.-польск. и лужицк. формами образует особый ареал, который м. б. соотнесен с балканск. ареалом. Вост. слав., словацк., чешск., словенск. образуют другой ареал с господством форм с звонким согласным в анлауте (западная часть этого ареала разъединяет два описанные ареала с глухим в анлауте). С русск., блр., укр. *grýša*; словц. *hruša* (вост.-словц.), *hruška*, чеш. *hruše* 'дерево груши' (редко), *hruška*; словен. *grūška*; корошск. штаерск. *hrūška* (Pleteršnik I, 285), но и польск. *grusza*, пола *grausāi* || *graisāi* (*Graussey*. Bauc., *Graussoy* H., *Grausséy* B₁); *gravo* || *graisvo* 'груша (плод)' (*Greiswóy*. Pf., *Greiswoy*. Vand., *Grewoi* Do., *Grausswóy*. H., *Grausswoy*. BB₁, *Grausswóy*. H., B₁, *Grauswáy*. B₁, *Graussway* H.) при несколько неожиданном *grauk* || *grau* 'груша (дерево)' (*Chreuc* 'Un Poirier' Pf., *Chreuk*. Vand., *Chreuc* Do, *Gräuck*. PS, *Ghräuck* O, *Grauk* H.), из **grukъ*, см. Słown. etym. Drz. 2, 179—180; некоторые приводимые в этой связи примеры (нап. с.-хорв. *grýša* 'молозиво' или словен. *grūša* 'крупный песок', 'гравий') целесообразно оставить в стороне как по причинам, связанным

со спецификой миграции «культурных» слов, так и из-за наличия достаточного количества противоположных случаев (ср. русск. диал. *крѹша* 'комочек земли', 'необожженная известь'. СРНГ 15, 337 и т. п.). Известное увеличение количества фактов может быть достигнуто при обращении к топонимическому материалу (ср., напр., польск. *Kruszewo* или «грушевые» Nom. рг., начиная уже с XIII в.; с.-хорв., макед. *Крѹшево*, *Крѹшевац*, *Крѹшевица*, *Крѹшевље* и т. п. при словен. *Grušovje*, *Gruševje*, *Grušovec*, *Grušavlje* и др.), однако, в основном он соответствует положению, устанавливаемому в области распределения апеллятивных вариантов, и, кроме того, в ряде случаев оказывается двусмысленным с точки зрения его производства от слов, обозначающих именно грушу. Тем не менее эти данные представляют дополнительный интерес и потому, что в прусском ареале также известны бесспорно «грушевые» топонимы. Ср. *Crawsyn*, 1425, позже — *Craus-sen*; *Krauslaken*, 1321; *Krawsselawken*, ок. 1400 (APON 72). Небезразлично, что в нем.-прусс. был известен провинциализм слав. происхождения *Kruschke* 'дикая груша', а также гибридные (иногда и плеонастические) образования типа *Kruschkebirne*, *Kruschkenbaum* и т. п. (Frischbieg PW 1, 437). — Особый, до сих пор не решенный вопрос составляет происхождение этого названия. Обычно исходят из того, что оно заимствовано из некоего архаичного источника «понтийско-каспийского» (кавказского) языкового круга или из палеоевропейского субстрата, см. Schrader в кн.: Hehn Kulturpfl. u. Haustierte 614, 616; Reallex. idg. Alt. I, 147—148; Östir Beitr. alarod. I, 1921, 51; Machek Česká a slov. jména rostl. 1954, 114; Etym. sl. j. česk. 186; ЭСР 1, 465—466; LEW 296; Buck Dict. Select. Syn. 376 и др. Эти предположения были достаточно априорны в лингвистическом плане (собств., единственным примером «каспийского» названия груши было курдск. *korēš(i)*, *kurēš(i)*, остающееся не вполне ясным до сих пор), но в контексте вопроса об очагах окультуривания груши (см. Вавилов, Букинич. Земледельческий Афганистан. Л. 1929, 460; Жуковский. Культурные растения и их сородичи. Л. 1971, 452 сл. и др.) эти соображения кажутся вполне естественными. Во всяком случае Армянское нагорье и Афганистан (включая как передаточную зону широтный пояс между ними) претендуют наиболее надежно на то, чтобы быть эпицентром, из которого окультуренная груша и ее названия могли распространяться на северо-запад (между прочим, другое неясное название груши, легшее в основу соответствующих слов в романских и германских языках [ср. лит. *pirum*, также др.-греч. ἄπιον] и с приблизительностью восстанавливаемое как **pis-* [ср. лат. *pirum* < **pisum*], недавно было сопоставлено с буруш. *phēšo*, верш. *phēšu* 'груша', откуда в свою очередь были заимствованы вахан. *pēšu* 'груша' [в говоре Хунзы], соответствующее слово в пина; см. Berger Yasin—Bugush. 1974, 170; Стеблин-Каменский. Очерки памирск. яз. 1982, 109). Тем не менее, нельзя игнорировать того, что прусск. *crausy* и слав. **kruša* (< **krouš-lā*) / **gruša* (< **grouš-lā*) представляют собой единую цепочку однообразных лексем, засвиде-

тельствованных надежнее всего в двух локусах — балканском и южнобалтийском; наряду с нею существует другая цепочка, объединяющая, видимо, Грецию, Рим, западную, центральную и северную Европу. Но и в первом и во втором случае, хотя и по разным (отчасти) причинам, попытки реконструировать и.-евр. источник названия груши (ср. Loewenthal WS 10, 1927, 151: **krūgo-s* / **krēgo-s*, курдск. *korēš*, *kurēš* из и.-евр. **krūgsi-*, как и др.-исл. *hraukr* 'конусообразная куча', *hroki* и т. п.) кажутся несостоятельными и во всяком случае недостаточно мотивированными. То же можно сказать и о «промежуточных» вариантах (ср. реконструкцию источника в виде догреч. (фраг.?) **hroušjā* < и.-евр. **sroušjā*, см. Haas Godišnjak Balkanol. inst. 2, 1961, 86 и сл.). — Новое объяснение слав. и балт. названиям груши предлагается в ЭССЯ 7, 1980, 156—157: «Скорее всего, праслав. **gruša* этимологически родственно гл. **grušiti* (см.) подобно тому, как вариант с начальным глухим **kruša* (см.) образует пару с гл. **krušiti* (см.). Родство с дублетными глаголами **grušiti* — **krušiti*, которые восходят к древним и.-е. дублетам **ghreus-* / **kreus-*, 'размельчать', 'крушить', хорошо согласуется с такой броской особенностью плода груши *Pirus communis* как крупчатая структура его мякоти». Здесь же делается попытка увидеть ту же модель в другом регионализме: лат. *pirum* < **pisom* и др.-греч. ἄπιον < **-pisom* от и.-е. **peis-* : **pis-* 'толочь', 'раздроблять'. Предположение о заимствовании решительно отвергается. Единственно, что допускается из «чужого» вклада — «это влияние в виде семантической кальки при возможном распространении культурного сорта груши из какого-то более южного ареала, т. е. **pisom* → **gruša*» (применительно к лит. *kriāušė* предполагается связь с глаголом *krūšiti*, *kraušyti* 'толочь', 'раздроблять' к чему можно было бы добавить лит. *kriūšiti*, *kriaušyti* со сходным кругом значений, см. LKŽ 6, 569 сл., 654 сл.; следовательно, и для прусского мог бы быть реконструирован исходный глагол типа **krus-t-*, **kraus-it* : *crausy*). Оригинальность этой точки зрения предполагает ее непреременный учет при разборе всех контrovers, связанных с названием груши, но, видимо, не делает ее окончательно доказанной. Прозрачность этимологии слова для груши на праславянском и даже более позднем славянском горизонтах (**kruša* : **krušiti*), предполагаемая указанной точкой зрения, возможно, и составляет уязвимое место ее, поскольку, с одной стороны, речь может идти о народно-этимологических переосмыслениях (но в этом случае, возможно, более сильный объяснительный мотив не крупчатость ← толчение, раздробление, а, напротив, мотив набитости, напиханности, натолканности [ср. значения лит. *krūšiti* 6, 727—728], мотивирующий и такие случаи, как, напр., русск. диал. *грѹша* 'брюква' и др., т. е. описывающий внешний вид предмета), а с другой стороны, эта связь названия груши и «соответствующего» глагола едва ли может быть доказана применительно к любой конкретной языковой ситуации. Подозрительность такой четкой словопроизводственной связи между

названием груши и глаголом возрастает, если вспомнить, что названия других культурных растений (в частности, плодовых деревьев) и их плодов в балт. и слав. не имеют сколько-нибудь сопоставимых с данной мотивировок. Наконец, существуют и другие трудности, не объясняемые имеющимися этимологиями. Нужно думать, что лишь полный учет старых и новых названий груши в «грушевом» ареале и центрах ее распространения вовне даст основания для более надежных заключений.

— Л и т.: Thes. 1873, 80; Schrader. In: Hehn Kulturpfl. u. Haustiere 614, 616; Reallex. idg. Alt. I, 147—148; SEW 1, 358; APSpr. 227, 362; BSW 95, 140; Эндзелин СБЭ 1911, 66; ME 2, 264; SPV 197; Буга РФВ 73, 1915, 342=RR I, 478; LKŽod. LXVI=RR III, 110; Loewenthal WS 10, 1927, 151; ЭСП1, 465—466; Moszyński Zasiąg 1957. 281—282; Sławski Sl. Occ. 18, 1947, 286; SEP 1, 361; LEW 296; Buck Select. Syn. 376; Бернштейн Очерк сравн. грамм. 1961, 73—74; Machek Česká a slov. jména rostl. 1954, 114; Etym. sl. j. česk. 186; Vgl. Gr. 1966, 105—106, 119—120, 200, 204; Karaliūnas Baltist. 1, 1966, 116; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 23, 111; Kiparsky Krat. 11, 1966, 77; Burwell BL 1970, 18; Levin Balt. Lit. Ling. 1973, 190—192; Etim. rječn. hrv. 2, 215—216; Etim. Sloven. 1, 184; St. OP 6. 903; Klingenschmitt KZ 92, 1978, 5; ЭССЯ 7, 1980, 156—157; Górniewicz TPG 1980, 83, 361, 365, 367. — [*krausi; *kraušios, *kraušis, *kraušias; *kraušos и т. п.].

{*kraus-in-}, ср. *Crawsyn*, 1425, позже — *Craussen* (APON 72, к прусск. *crausy* 'грушевое дерево'). — См. *crausy*, {*kraus- & *lauk-}. *craušios*, см. *crausy*.

{*kraus- & *lauk-}, ср. *Krauslaken*, 1321 (in campo dicto *Krauslaken*. PUB II, 255); *Crauslaken*, 1349 (PUB IV, 372, с надписью, *Pruppendorf*); *Krauslauken*, 1385—1392 (Semrau Siedl. Morein 1931: 92); *Krawsselawken*, ок. 1400 (APON 72; Górniewicz Żuławy 1976, 55; TPG 1980, 83). — Гурнович реконструирует форму **Krauslauks* как первоначальное название деревни *Proppendorf*, совр. *Kraszewo* (от названия мнимого владельца *Krasz* с суф. *-ewo*; см. Słown. starop. nazw III, 1, 135). Последнее название (см. о нем Słown. nazw geogr. PZP 144) показательное в том отношении, что, хотя бы косвенно, заставляет подозревать и другие названия этого типа в принадлежности к прусскому языковому элементу, особенно когда существуют некоторые дополнительные условия. Так, *Kraszewskie Jezioro*, лежащее к зап. от деревни *Kraszewo* (см. выше), см. Słown. nazw Mazur. II, 129, также могло иметь первоначально прусск. название (**Kraus-* & **azaran*). Названия типа *Kraszewo*, *Kraszowo*, *Kraszowice* и др. (см. Słown. nazw geogr. PZP 144; Nazwy Półośn. Maz. 229 и др.), разумеется, известны и там, где о прусском элементе не может быть речи. — **Kraus-* & **lauk-* представляет собой сложное название; в первом члене прусск. *crausy* 'груша', во втором — название поля, см. *lauks*. К первому члену ср. также {**kraus-in-*}. В соответствии со сказанным

выше (см. *crausy*) о вторичности (возможной) названий груши в вост.-балт., топонимика «грушевого» типа представлена в Литве и Латвии слабо. Лит. *Kr(i)aušius* (LUEV 78; Liet. hidr. 35, 69; LHEŽ 164—165); *Kriaušaičiai*, *Kriaušiskiai* (LATSŽ 141), если только они не от лит. *kr(i)aušius* и под. 'обрыв', 'крутой берег' (ср. также LHEŽ 164—165), лишь условно могут относиться сюда. Лтш. *Krausaini* (LV I, 2, 127: к лит. *Kraušius*?) одиноко и изолированно (возможно, балтизмом является висл. *Krawusińskie Jez.* (HW 779): **Kraus-in-*; реконструированная форма совпадает с прусск. *Crawsyn*). Зато на славянском ареале многочисленны названия с элементом *Kruš-* / *Gruš-* (о них см. *crausy*), причем они как бы продолжают цепь отмеченных прусских названий.

{**krav-en-*?}, см. *Krowen*, 1387; *Krowum*, озеро, позже — *Krawna-See* (APON 74); сюда же — *Graffna gros*, 1595 (Hennenberger Von den See'en II, 12); *Krawno*; *Grosser Krawno See*, оно же *Grosser Kad-dig See* (Słown. nazw Mazur. II, 336); висл. *Krawno*, *Wielkie Krawno*; *Krawienko*, *Mate Krawno*, *Kleiner Krawno See*, оно же *Kleiner Kaddig See*, *Graffna Klein*; *Krawienka*, *Krawieńska Struga*, *Krawnieńska Struga*, *Krawno Fluss* (HW 504); *Krawno* (Słown. nazw geogr. PZP 144). — См. {**kraun-ein-*(-en-)}. — К прусск. *Krowum* в отношении суф. ср., с одной стороны, прусск. Nom. pr. *Auctume* (ср. лтш. *Metums*), с другой, иные суф. с *-m-* в прусском (*Galme*, *Autirme*; *Azayme*; *Algam*, *Geddum*, *Sandam* и др.). — Из параллелей ср. лтш. *Kravainis*, *Kravaini*, *Krawischi*, *Krava-kalns* (LV I, 2, 128: к *krava* 'куча' или *krava* 'берег?'); *Kravaļi* (?). При соотношении с корнем **kraun-* выстраивается другой ряд соответствий, см. выше. Не исключено, что некоторая часть названий, ориентирующихся в своей внутренней форме на слова *короба*, *кровь* и т. п. и находящихся на прежних балт. территориях, могла бы относиться к тому же кругу, что и прусск. *Krowen* и т. п. (ср. *Кровенской*, озеро в басс. Протвы, см. Гидр. басс. Оки 92; но здесь же и *Коровинской*), однако выделение этих архаичных случаев в одних случаях связано с большими сложностями, в других и вовсе невозможно. Неясна связь и с балканскими примерами с вокализмом *e* типа иллир. *Creveni* (Tab. Peut.), *Crebenis* (Rav. IV, 15/206, 7/), *Κρεβίνιον* (см. Spr. alten Illyr. 198; Krahe Glotta 21, 1932, 188). — См. {**krov-en-*}, {**krav-um-*}.

krawia, см. *crauyo*.

krawian, см. *crauyo*.

{**kraw-um-*}, см. {**krav-en-*?}.

krāuwiey, см. *crauyo*.

{**kreil-*?}, см. {**kreil-* & **kaim-*}.

kreitzno 'корчма', 'кабак'. Гр.-Г. 77 ('krug'), ср. Гр.-Г. 78: *gasso* 'glas'. Nom. Sg. fem. — В свете соображений Германа NAWG 1949, № 6, 160—161 о различиях в архетипах Гр.-Г. и Г. (GrA) существенно, что *kreitzno* представлено только в Гр.-Г. — Учитывая этимологию слова, двузначное нем. 'Krug', находящееся в отношении перевода к *kreitzno*, лучше понимать как обозначение питейного заве-

дения, чем как название сосуда для хранения вина и/или питья (ср. перевод 'pitcher' St. OP 4.202). Видимо, то же слово, что и *karczemo* (см.) 'Kreszem', но в испорченном виде. Уже Герман склонялся к тому, чтобы видеть в -n- ошибку писца (вм. -m-), поскольку в прусском Subst. на -nā неизвестны, а на -snā образуются от имен отглагольного характера. Можно добавить, что *ei* вм. *e* также может толковаться как описка. Напротив, в *kr-* вместо *kar-* и *-tz-* вместо *-cz-* допустимо видеть реальные языковые явления: в первом случае — влияние начала немецкого слова, во втором — своеобразное „цоканье“, возможное, впрочем, и для *karczemo*. Во всяком случае форма *kreitzno* показательна в ряде отношений, в частности, в связи с герм. влиянием.

— Л и т.: Hermann NAWG 1949, N. 6, 152, 163, 164. — [*kre(i)сma?].

*kreiv- (?), см. *greiwakaulin*, *kriv-.

{*krek-(-in)-/(-en)-}, см. Nom. pr. *Masune Krek*, *Pauwel Kreck*. 1458 (APN 48); — *Crekin*, 1315; *Kryken*, 1334, позже — *Kröken* (APON 72). — Ср. маз. *Kreki*, *Krekole*, *Krekollen* (Słown. nazw geogr. PZP 145). — Ср. лит. *Krekenà*, *Krekenàuza*, *Krekenjñé*, *Krekenj pėlkė* (LUEV 78; Liet. hidr. 101, 131; LHEŽ 164; к лит. *krekenà*, *krėkenas*, от *kreketi* 'свертываться', 'густеть'); *Krekenava* (LATSŽ 140); лтш. *Krecis* (LV I, 2, 130); *Krekenes-mežs*; *Krėks*, *Krėki*, *Krėka-tilts* (LV I, 2, 133: *krėkis* I или II); *Krėk-upis*; *Krėka*, *Krėkas* (I, 2, 133); *Krekau* (I, 2, 131), ср. *krėkt* 'каркать' и т. п. Известная несбалансированность (разнонаправленность) лит. и лтш. примеров ставит перед исследователем дополнительную задачу выбора или сведения воедино различающихся семантически примеров. Напротив, соответствие прусск. Nom. pr. бесспорны, ср. куршск. *Bertholomeus Kreke*, 1582—1585, трижды (KF 296: к лтш. *krėkis*, 'птица *Nucifraga caucatactes*'); *Kreke* (LPV 110: Dundaga). Ономатопоический характер подобных имен в ряде случаев оказывается, видимо, более существенным, чем связи с конкретными денотатами. Ср. слав. Nom. pr. с элементами *krek-/krok-/krak-/krik- и под., напр., ст.-польск. *Johannes Kreko*, 1398 (Biecz 13); . . . *dictus Crzek*, 1398; Contra *Mathiam Krzek*, 1441; *Krzeko*, *Krzeczek*, *Krzeczko*; *Krok* и др.; *Krak*, *Kraczek*, *Kraczko* и др. (Słown. starop. nazw III, 1, 128, 130—132, 159—160) — при русск. диал. *крек*, о хриплом крике, стоне (СРНГ 15, 208), лит. *krėk* (LKZ 6, 515) и т. п.

{*krel- & *kaim-}, ср. *Krelekaum*, 1419; *Krelekaun*, позже — *Kröligkeit* (APON 72: к лтш. *kreilis* 'левша' и прусск. *caumis* 'деревня'); ср. *Krelikiejmy* (Kętrz. pow., Olszt. w.). Słown. nazw geogr. PZP 144. Согласно Фальку Acta B.-sl. 10, 1976, 107, сюда же относится сувалкск. *Królowka*, речка в басс. оз. Białe, которая в старом источнике называется *Krylowka*, 1569 («Regestr spisania jezior...»). Элемент *Kryl-*, позже подвергшийся народно-этимологической переработке (→ *Król-*), соответствует балт. *kril- или *kreil-, видимо, в его ятвяжском варианте. Таким же образом сле-

дует трактовать и ныне утраченное название озера *Królowek* в тех же местах. Причудливая извилистость береговой линии этих водных объектов мотивирует кодирование их корнем *kril-/kreil-*, ср. лит. *kryliuoti* 'колебаться', 'отклоняться в обе стороны' и т. п., *kreiliotis* 'сплетаться' (LKŽ 6, 497, 594), а также лтш. *kreilis*, *krails* 'изогнутый', 'искривленный' (ME 2, 256, 270—271; EH 647: также *kreils*, *kreilens*), *kreilis*, *kreiliski* (Erg'em. izl. vārdn. 2, 117), не говоря уже о словах, обозначающих кривизну, извилистость и т. п. и характеризующихся иными расширителями корня (лит. *kreivas*; *kar-gas* (из **krair-*), лтш. *ķeiris*; *krēiss* и т. п.), см. LEW 203, 292. — Из топонимических параллелей ср. лит. *Krilupis*, *Krilupys*; *Kryliu upėlis* (LUEV 79; Liet. hidr. 241, 244, 262; LHEŽ 166: из личных названий типа *Krila*, *Krilis*, *Krilius* и под. при том, что не считается невероятной и связь с лит. *kryliuoti*; *Kryliai* (LATSŽ 141); лтш. *Kreilis*, *Kreile*, *Kreilu-straits*, *Kreili*, *Liēlais-kreilis*, рl.; *Kreilenes-gals*, рl.; *Kreilenes-purvs*, *Kreilēni*, *Kreilitis*, рl.; *Kreifa*, *Kreliene* (LV I, 2, 131); не исключено, что сюда же можно отнести лтш. *Kreilitis ez.*; *Krelle*, 1815 (но: *krelles* 'бусы'); *Krēles* (или *Krēlis*). LV I, 2, 131—133: последнее из этих названий сопоставляется Эндзелином с прусск. *Krelekaum*. Во всяком случае сюда относятся лтш. Nom. pr. типа *Kreilin Mathias*, *Kreilis Andreas* (LPV 195; ср. совр. русск. фамилию *Крейлин*). — Наличие элемента *kre(i)l-* в прусск. (как и в литовск.) достаточно показательны, поскольку та же идея выражается (особенно ясно это видно в случае литовского) другими элементами (хотя и связанными генетически), отраженными, в частности, в гидронимии и топонимии, ср. использование корня *kreiv-* в литовском (*greyw-* в прусском).

{*krem-it-}, ср. *Cremitten*, 1389; *Crymithen*, 1421, позже — *Cremitten*; *Crymythen*, 1427, позже — *Cremitten* (APON 72); ср. *Krzemity* (Słown. nazw gegr. PZP 148). — Ср. прусск. *Kremon*, 1423; *Crymelaken*, 1419. — Не вполне ясна огласовка корня — **krem-* или **krim-*. В последнем случае в качестве параллелей могли бы выступать лтш. *Krima*, рl.; *Krimas-sāts*, *Krim-sāts*, *Krim-lauks*, *Krimis*, *Krima-tilts*, *Krimi*; *Krimali*, *Krimalas*, *Krimalu-rēde*; *Krimānas*, *Krimon*, 1835, *Krimoni*, *Krimūnenes*, рl.; и др. (LV I, 2, 135—136), связываемые Эндзелином, как и *Krimulda*, *Krimuldēns*, *Krimilži*, с названием гриба; но ср. также лтш. *Krim*, рl.; (I, 2, 141) при лит. *Krymai* (LATSŽ 141), *Krym-upis* (?); ср. лит. Nom. pr. *Krimas*, стар. *Krytowiczowna* (Liet. antrop. 114). Если же исходить из более надежной формы **Krem-it-* (другой вокализм — в прусск. {**kram-*}, см.), то наиболее точные совпадения обнаруживаются в «кремневых» названиях на слав. территориях; в частности, и там, где предполагается балт. субстрат. Ср. окск. *Кремича*, *Кремична*, *Кремьяча*, *Кремьч*, *Кремеча* (Гидр. басс. Оки 16; здесь же 337 ошибочно указано *Кремичи*, вм. *Кремича*); *Кремеченка*, *Кремиченка*, *Кремичня*, *Кремичня*, *Кремичанная*, *Кремнишна*, *Кремнишня*, *Кремьяченка* и др. (там же, 96, 100, 105); моск. *Кремнишня*, л. п. Москвы (*Кре-*

мична в духовной грам. Ивана Калиты, ок. 1339 г.), *Кремичанная* л. п. Нары (БСл. Сб. 1, 240, 252; ср. Slav. Prag. VIII, 1966, 260), но и с.-хорв. *Кремићи*, *Кремиће* (Rospond Połudn.-słow. nazwy -itj-. 1937, 58) и даже *Kremitz*, 1598, деревня к ю.-в. от Швейница (Wenzel Ortsnamen Schwein. Land. 1964, 46: она же *Cremnitz*, 1528 и др.) и т. п., предполагающие **Krem-ič-* < **Krem-it-i-*, т. е. форму, по сути дела, аналогичную прусск. *Cremitten* (ср. без суф. -n- русск. диал. *крем*, *кремя* и под.). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что названия типа *Кремича* и под. всегда сопровождаются довольно обильными названиями того же корня, но с другими суффиксами или с другим вокализмом корня: *Кременка*, *Креманка*, *Креминка*; *Кром*, *Крома*, *Кромы*, *Кроменка*, *Кромец*, *Кромища* и т. п. Единство источника для **krem-* и **krom-* в прошлом еще просвечивает в семантической близости соответствующих апеллятивов (ср. такие смыслы, как 'облом', 'обрез', 'осек', 'грань' и т. п.) и в дублетности типа лтш. *krams*, *krēms* 'кремень' (ME 2, 258, 273, ср. и *krama* 'сыпь', 'парша', ср. лит. *krāmas*, *kramà*. LKŽ 6, 408, 409), отчасти и слав. **krom-*: **krem-*; наконец, в связях с соответствующими глаголами типа лит. *kriūsti*: *kremtū*: *kramtūti*, лтш. *krīnst*: *krēmtu*: *kramītīt* (*kramsīt*, *krāmstīt*, ср. русск. диал. *крѳмѳть* (ср. *крѳмзѳть*, при словен. *krēmžiti* и лит. *kramz-*: *kremz* (*kremž-*) и т. п.). С этими балт. глаголами связано имя *Kremata* (*K rem a t a* rogcorum et suum est Deus, cui similiter focos excitant et cervisiam super eas fundunt. Lasic. De Diis Samag. = LPG 356, 394) с тем же суф. -t-, что и в прусск. топониме. — О более широком и.-евр. контексте см. ниже.

{**krem-* & **lauk-*}, ср. *Crymelaken*, 1419; *Krymlawgk*, 1503, позже — *Krimmlack* (APON 73). — Сложное название; в первой части его — элемент *krem-*, ср. {**krem-it-*}, {**krem-on-*}; во второй — *lauks* 'поле'. — Возможно, в основе этого названия находился апеллятив, который мог обозначать что-то вроде дальнего, находящегося на самом краю поля. В этом отношении характерно определение русск. диал. *кромá*, *кра́йняя кромá* — «конечная, самая отдаленная полоса земли» (СРНГ 15, 274), так сказать, *крѳмное поле*. Лтш. *Krimlauks* (LV I, 2, 135) было бы точным соответствием прусскому названию, если бы последнее трактовалось как **krim-* & **lauk-*.

{**krem-on-*}, ср. *Kremon*, 1423 (APON 72). — Название с суф. -ōn-. ср. прусск. *Pylon*, *Kytrone*, *Layson* (Ibid. 254). — Герулис сравнивает *Kremon* с лтш. *Krimuonas*, которое Биленштейн Grenzen 49 возводит к лтш. **krime* 'гриб', реконструируемому из лтш. *krim-eldes*, *krim-uldes*. — Тот же корень **krem-* засвидетельствован в прусск. *Cremitten*, *Crymelacken*, возможно, в *Cromow*, *Crome*, см. {**krem-it-*}, {**krem-* & **lauk-*}, {**kram-*}, {**kram-av-(-ov-)*}, где указаны и параллели. Помимо соответствий, указанных в связи с {**krem-it-*}, следует обратить особое внимание (тем более, что в вост.-балт. ареале сколько-нибудь надежные параллели вообще отсутствуют) на точные соответствия к западу от Вислы, в Мекленбурге:

Kremon, stagnum, 1332; *Cremon*, 1374, теперь — *Cramon*; *Cremon*, 1285; *Cremmon*, 1381; *Cremun*, 1178, теперь — *Kramon* (Schwerin), м. б., *Kremmin*, 1353; *Cremmin*, 1296 и др. (Mekl. Urk. 1, 122; 3, 169; 8, 315; 10, 101; 13, 249; 20, 41; PUB 3, 285 : Saatzig; ср. MH 84), см. Slav. Prag. VIII, 1966, 260. Этого типа названия (**Kremno* / **Kremna*) продолжают и на слав. территориях, ср. польск. *Krzemno*, оно же *Grosser Cremmin See* (Słown. nazw geogr. PZP 148), словц. *Kremná*, укр. *Кремно*, *Кримна*, с.-хорв. *Кремна* и т. п., см. Borek Zach.-słow. nazwy -ьn-. 1968, 116—118; Rospond Słow. nazwy -ьsk-. 1969, 159 и др., где они вполне хорошо объясняются как образования от корня **krem-* 'кремень' (ср. кашуб. *křem*: *křemónka*. Słown. gwar kasz. 2, 272 и т. п.), и за пределами славянского ареала в названиях древнего «центральноевропейского» типа, ср. венецк. *Kremona* (Krahe IF 49, 1931, 272, Mayer Spr. alt. Illyr. 6; ср. итальянск. *Cremona* и др.). В связи с прусск. *Kremon* и другими названиями с этим корнем важно отметить еще один случай вхождения прусского в центральноевропейский ареал (при отсутствии соответствующих надежных примеров в вост.-балт.). Вместе с тем представляется вероятной возможность реконструкции прусской лексемы **krem-(a)s* 'кремень', теснейшим образом связанной с лтш. *krēms* (*krams*) и слав. **kremъ*, **kremy*, **kremen-* и под. Германские параллели отстоят дальше и по форме (*s-mobile*), и по значению (ср. др.-сакс. *scram-sahs*, род меча, ср.-н.-нем. *schramm(e)* 'легкое ранение', 'царапина', ср.-в.-нем. *schram* 'сабельная рана', 'расселина', 'ущелье', *schramen* и т. д.).

{**kren-in-?*}, ср. *Crenyn*, 1319; *Cronyn*, 1411—1419, позже — *Krönau* (APON 72). Если форма *Crenyn* верна, то не исключена связь с лтш. *Krenes*, *Krenis*, *Kreņa ežers*, *Kreņi*, *Kreņiņi*, *Kreņas* (LV I, 2, 132) (?), ср. лит. *Krenkalnis* (?). См. Buga RR III, 787.

kresze название какого-то прусского языческого праздника. О нем упоминает в заметке о пруссах (Articuli per Prutenos tenendi et ergonei contra fidem abiciendi) самландский епископ Михаил Юнге (Michael Junge, 1425—1442): Item ut de cetero in silvis aut nemoribus nullas faciant congregaciones seu celebritates contra statuta sancte matris ecclesie, et eorum *K r e s z e* amplius non celebrent sub pena rigide correccionis et privacionis ecclesiastice sepulture (см. Jacobson Gesch. Quell. katol. Kirsch. 1837, 1, 127; LPG 158). То же, видимо, имеет в виду «Landesordnung» Конрада фон Эрлихсгаузена: . . . und sunderlich die Preusen, das die abelegen heydensche wise als an clederen, heiligunge des fyhes und des byers und alle unortliche getrencke, das uff Zameland die *keyse* und *dy mettele* is genannt (Нессельман Thes. 1873, 80 высказывает свои соображения о соотношении форм *kresze* и *keyse*; в частности, он полагает, что в оригинале вместо *keyse* могли прочитать *kerse*, ср. *kresze*). В жалобе одного духовного лица по поводу порчи нравов жителей Самландии есть следующие слова: «Obir das haben sie etliche heidenische qwasse, als *metle*, *krusze*, *snyke* und dergleich, domete sie viele czeit vorthun und vorczeren domete was sie haben» (см. Voigt Gesch. Preuß.

VI, 753; LPG 168). — При некоторой неясности формы слова (*kresze*, *krysze*, *keyse*) попытка объяснения его (при том, что само празднество или ритуал остаются практически не описанными) становится весьма затруднительной, а возможные результаты сугубо проблематичными. Однако существуют обстоятельства, которые сильно нейтрализуют указанные сложности и позволяют с достаточными основаниями выдвинуть определенную точку зрения на происхождение *kresze*. Среди этих обстоятельств два играют особую роль: типология языческих праздников годового цикла и тактика борьбы христианской церкви против них, с одной стороны, и наличие очень близкого по форме славянского слова из той же сферы, с другой. Как известно, особое недовольство церковь выражала по поводу ритуалов, связанных с летним солнцеворотом (Иванов день). Именно они подвергались прежде всего запрещениям, в частности центральный момент ритуала — возжигание сакрального огня, образца солнца в отмеченной точке его годового пути. Оба основных мотива празднества — солнцеворот и возжигание огня — передаются у славян близкими по форме к прусск. *kresze* лексемами. Прежде всего речь идет о продолжениях слав. **krěsъ* / **krьsъ* как обозначении солнцеворота, ритуального огня, оживления — в о с к р е с е н и я; ср. ст.-сл. възкрѣшениѣ *ánastasis* (възкрѣшати, възкрѣсити), но и възкрєсение (възкрєсати), ц.-сл. *krěsъ tropŭ*, 'temporum mutatio', 'solstitium'; с.-хорв. *krŭjes* 'в а т р а што се ложи уочи И в а њ а д н е, . . . das Johannisfeuer . . .; друга свака ватра, која се ложи по брдима о каком веселу. . .' (Караѿић СР 303, ср. *искрснути* и под.), *krěсови* (Pl.) 'летний солнцеворот', 'dies solstitiales', словен. *krěs* 'солнцеворот', 'Иванов день', 'огонь, возжигаемый на Иванов день' (ср. *krěsiti se* 'оживлять', 'сверкать'); русск. *крес*, *крєс* (ср. *быть на кресу*, *кресить* 'оживлять', 'воскрешать', вторичным образом — 'крест', см. СРНГ 15, 220—222), др.-русс. *крѣсъ* 'поворот', 'поворотная точка', 'предел', 'солнцеворот', 'солнцестояние', (*крѣсение* 'воскресение', *крѣсити* 'воскресить', 'оживлять' и т. п.); др.-чеш. *vzkřisení* (*křiesiti*), чеш. *křisiti* 'оживлять', 'воскрешать', словц. *kriesiti*, польск. (*ws*)*krzeszenie*, *krzesić* и т. п., ст.-польск. *krzeszenie*, *krzesić* и под. Милевский с основанием предположил, что прусск. *kresze* заимствовано из ст.-польск. источника, восстанавливаемого им в виде **krzas* (< **krěsъ*); правда, несколько изменяя свою точку зрения, он говорит и о лехитском происхождении этого заимствования, не отражающего переход *ě* > 'a в определенных условиях; во всяком случае само заимствование относится к древнейшему периоду — до конца IX в. (Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 34, 46, 54; Fischer EDP 1937, 29—30). Если бы это слово было исконным, то в прусском оно имело бы другую форму, отражающую б.-слав. **kraip-s-* / **kreip-s-* / **krip-s-* (ср. лит. *kreipti* 'обращать', 'искривлять', *kraipyti*, *krūpti* 'клониться', 'меняться' и т. п.); правда, наличие варианта *keyse* оставляет некоторые теоретические возможности для конъектуры синтезированного типа —

**kreys(z)e*, которая, однако, уязвима с точки зрения отсутствия ожидаемого *p*. В пользу восстанавливаемой таким образом семантики *kresze* и ее связи с особенностями ритуала могло бы говорить и соседство *kresze* с *mettele* в приведенном выше тексте («Landesordnung») при том правдоподобном предположении, что *mettele* связано с обозначением н о в о г о д н е г о праздника (см. EDP 30, ср. Łowmiański Anc. Pruss. 1936, 97) и, следовательно соотносимо с прусск. *mette*. Гр. 25, *mettan*. Э 12, обозначающими 'год' (ср. лит. *mėtas*, *mėtai*, лтш. *mėts*). — Хотя прусск. *kresze* вполне, кажется, объясняется заимствованием из слав. (см. выше), конкретно — из продолжений **krěs-*, уместно помнить о некоторых других возможностях. Ср. слав. **kresъ*. Subst. deverb. (с.-хорв. *крес*, *самѡкрес* 'Feuerschwamm', *krěsotina*, *krěsina* и т. п.; русск. диал. *крес*, действие по глаголу *кресать*; 'огонь', Афанасьев, 1854; Слов. Акад. 1916: «Слово исчезнувшее, сохранившееся лишь в немногих выражениях», см. СРНГ 15, 211 и др.), значения которого проясняются, в частности, соответствующими глаголами, характерно сочетающимися (в сумме слав. языков) два основных значения 'высекать огонь' и 'обрубать сучья, ветки'. Можно напомнить, что ритуал *kresze* происходил в л е с у, и обрубание сучьев и высекание огня (есть свидетельство о важности именно «нового» или молодого огня, получаемого трением или высеканием, в обрядах, связанных с Ивановым днем) составляли некое двуединство. Ср. слав. **kresati*, **kresiti* (ср. хорв. *krěsati*, словен. *krěsati*; чеш. *křesati*, словц. *kresati*, н.-луж. *křasas*, в.-луж. *křesać*, польск. *krzosać*, *krzesić*; русск. *кресать*, *кресить*, укр. *кресати* и т. п.), которые, очень возможно, вопреки распространенному мнению, все-таки связаны с лит. *krósnis*, лтш. *krāsns*, *krāsne*, *krāsis*, *krās-* (ME 2, 267—268), отнесению которых (как и ряда других балт. и слав. слов) к указанному кругу слов препятствует неразработанность их семантики. Обилие возможностей «формального» выбора, пожалуй, и составляет наибольшую трудность на подступах к окончательному этимологическому объяснению прусск. *kresze*, усугубляемую лишь приблизительным знанием реалий, относящихся к празднеству *kresze*.

— Л и т.: Thes. 1873, 80; Fischer EDP 1937, 29—30; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 34, 46, 54; SPV 197. — [**krese*; **kreše*?].

creslan 'кресло', см. подробнее ниже. Э 217 ('Barkenstul'), в «мебельном» фрагменте словаря, ср. Э 216: *Clumpis* 'Stül', Э 218: *Sosto* 'Bank', Э 219: *Stalis* 'Tuchs' и т. п. Nom. Sg. n. — Хотя в значении этого слова никто, строго говоря, не сомневался, но нем. *Barkenstul*, выступающее в качестве переводящего слова, не раз ставило исследователей в тупик при их попытках спецификации типа кресла, обозначаемого в прусском как *creslan*, что вызывалось неясностью значения самого немецкого слова. Нессельман Voc. 1868, 31, а за ним и Траутман APSpr. 363 (правда, с двойной оговоркой: «Unklar. Vielleicht. . .») исходили из возможности связи первой части слова (*Barken-*) с ср.-в.-нем. *parch*, обозначающим 'огороженное место' и вместе с тем 'стул со спинкой и перильцами (подлокотниками)',

т. е. с огороженным с трех сторон сиденьем (ср.-в.-нем. *parch*, нем. *Park* — из ср.-лат. *parcus*). Беценбергер KZ 44, 1911, 329 признал это толкование ошибочным, указав, что в данном случае речь идет о слове, отмеченном в гриммовском словаре, а именно *Barchestuhl*, которое, однако, должно пониматься не как 'Weberstuhl zum Barchent', но в связи с *barkān* (MT чаще *parcham* и под.), т. е. как 'Polster-Stuhl', 'мягкий стул', 'стул с обивкой'. Позже Бенвенист St. balt. 2, 1932, 83 предложил считать *Barkenstul* дефектным написанием правильного *barchentstuhl*. Швентнер, в целом пришедший к сходным результатам, в данном случае не считал необходимой конъектуру Бенвениста, поскольку в в.-нем.- и н.-нем. словарях, относящихся ко времени создания Эльбингского словаря, известны формы с *-t* в ауслауте, наряду с *barchen*, *parchen*, *bargen* и т. п. Он же отклоняет предположение об описке (вместо **backenstul*), так как слово *backe* 'Polster am Lehnstuhl', кажется, неизвестно за пределами новонемецкого периода (Korrespondenzblatt des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung 48, 1935, 25—27). Т. обр., приходится остановиться на предложении Беценбергера, заметив дополнительно, что указанное им *barkān*, как и франц. *barracan*, итальянск. *bar(r)acane*, *bar(r)acano*, исп. *barragan*, голл. *barkaan*, русск. *бар(а)к(а)н* (ср. *бархат* и под.) и др., восходят к ср.-лат. *barracanus*, заимствованному вместе с реалией из восточных источников (ср. араб.-перс. *barrakān*, вид грубой материи и др.). — Ранняя история изучения этого слова поучительна характерной (как для этого случая, так и для многих других) боязнью признать «равноправие» балт. и слав. слов при отсутствии параллелей в других и.-евр. языках. Поэтому или это балт. слово объясняли заимствованием из славянского (см. Brückner Fremd. Wört. 1877, 97; AfslPh 20, 1898, 518; специально в связи с прусск. *creslan* см. Milewski Sl. Oss. 18, 1947, 32, 46, 54 (ср., однако, SEEV 1974, 100): из польск. *krzesło*, в раннюю эпоху; возможно, из лехитск. источника, учитывая вокализм прусск. *creslan* при ст.-польск. *krzasło*; кстати Милевский придерживается устарелого взгляда на значение *creslan* — 'krzesło z tylnymi i bocznymi oparciami'), или, наоборот, слав. слово для кресла объясняли из балт. источника, подчеркивая отсутствие этого слова в южнослав. (Mikkola BV 21, 1896, 120; Карский РФВ 49, 20; Būga KS 136 сл., 139 сл. = RR II, 160 сл., с выводом о том, что история культуры, которой соответствует и география слова, показывает, что с креслом северные славяне (поляки, русские, чехи со словаками) должны были познакомиться от айстиев, скорее всего от пруссов (*creslan*)). И те, и другие попытки, вне всякого сомнения, ошибочны (иначе — Schwerts Spr. Unt. 264 сл.): они не учитывают разветвленной словообразовательной структуры слов этого корня (включая и огласовку его) в балт. и в слав. языках; некоторых характерных черт, сопровождающих заимствование и отсутствующих в данном случае (ср. акутовую интонацию, противоречащую предположению о славизме в балт., см. Агумаа Ursl. Gr. 1, 72 и др.), а также ряда

других обстоятельств. Не случайно, что в настоящее время принято считать балт. и слав. названия кресла независимыми и восходящими к балто-слав. источнику. Наиболее точные и полные (более того — единственно достоверные) параллели к прусск. *creslan* обнаруживаются в вост.-балт. и сев.-слав. языках. Ср. лит. *krėslas* (. . . *krėslo*, *krases ir kresto senovėje būta pintinio (siutinio) sosto, pintinės s' dynės. Būga*); о значениях слова см. LKŽ 6, 535—536: 'стул со спинкой, иногда и с боковыми перильцами'; 'стул без спинки', 'табуретка'; 'низкий стульчик'; 'скамейка'; 'престол', 'трон', 'почетное кресло'; 'сидение в повозке', 'поперечина, в которую вставляются подпорки, стойки' (в конструкции воза, саней и т. п.); 'часть прядильного колеса, предназначенная для вставки других частей'; 'основная часть плуга, к которой прикрепляют другие части'; 'выпилка в верхнем венце избы, в которую вкладывают стропило'; 'деревянная деталь, соединяющая поперечины стропил с балкой'; ср. также Būga RR II, 160 и сл. Сюда же относится лит. *krėslė* (Oi tu k r ė s l e l e . . . kas ant tavęs atsisis?), но и слова того же корня, но с разными словообразовательными элементами или с иным вокализмом, ср.: *krėstas* 'скамейка' (?); *krėšė*, *kresė* 'кресло', 'стул', *krėšėlė*, *kreslā* (ср. гибридное *kresinka*: Atsisidus į kresinką . . .); *krāsė* 'кресло', 'престол', 'кафедра' и т. п., *krasiā*, *krasėlė* (LKŽ 6, 440, 535—538; Šiaur. ryt. dūn. žod. 148, 150). Из лтш. примеров ср. *krēsls* 'стул', 'кресло', 'трон', 'железная решетка'; 'der Teil des Spinnrockens, in dem die Beine ruhen', *kreslis* 'спинка саней, которую можно снимать и вставлять' (ME, 2, 274, 276; EH 651: *krēslis*; Ērg'em. izl. vārdn. 2, 119—120 с ценными примерами и рисунками-схемами), м. б., *krāse* 'шип' (2, 267: Fūecker), *kreša* 'скамеечка', но в целом латышские данные скуднее и однообразнее литовских. Несомненно, балт. примеры могут быть умножены за счет периферийных по отношению к прусск. *creslan* параллелей, которые, однако, существенны с точки зрения истории всей семьи слов, восходящих к корню *kres-*. Среди них — лит. *krėslas* (*krėslas*), *krėsnas*, *krėsnas* 'коренастый', 'плотный', 'невысокий', собств. — 'у с а д и с т ы й', 'zsiadly' (ср. вост.-лтш. инфл. *krasnys* 'zsiadly', 'крёпу' Kurmin Słown. PLL 194), если переводить эти слова через тот же элемент со значением 'сидеть', 'садиться', который существен и для определения кресла; ср. лит. *krāstis*, 's'istis (į k r a s ė)', см. BV 21, 120; Būga RR II, 163, III, 135; LKŽ 6, 441. Такого же типа образования отмечены и в слав., ср., напр., польск. *krzasłowaty*, *krzesłowaty* 'сгорбленный', 'узловатый', 'кривой'. Слав. соответствия к *creslan* очень точны (вплоть до совпадения в роде — средн.) и входят в достаточно широкий круг фактов. Ср., напр., русск. *крѣсло* (и *крѣсло*) 'кресло' 'задок саней', 'верхняя часть розвальней'; 'особая скамейка на вудне', 'приспособление, помогающее бортику достичь дупла', 'приспособление для свежевания'; *крѣсло* 'санный или тележный отвод', 'засов ворот', *хрѣсло*, *хрѣсла*, *крѣсла* *крѣсла*, *крѣсла*, *крѣсла* 'сани разного типа', 'дроги с деревянными решетками спереди и сзади', 'квадратная рама из жердей', 'сплетенный из веток

или лучин кузов', 'три бруска, связанные треугольником', 'боковые отводы', 'сиденье', 'кормушка для скота, ясли', 'приспособление для разматывания пряжи', 'перекрестная конструкция', 'подмости для хранения снопов' и т. п.; *крэсли*, *крэслина*, *крэсловина*, *-инья* и т. п. (СРНГ 15, 222—224, 370 и др.), др.-русс. *кресло*; блр. *крэсла*, укр. *крісло* 'кресло', 'шесть сбоку саней'; польск. *krzesło*, диал. *krzasto*, ст.-польск. *krzasto*, кашуб. *křasto*, чеш. *křeslo*, словц. *kreslo*, *kréslo* и т. п. — не только о сиденье, но и об определенной части воза, саней и т. п. Однако слав. параллели образуют еще одну замкнутую совокупность примеров, которые в данном случае интересны не столько сами по себе, сколько в связи со сходными, но в ряде отношений противоречивыми балт. примерами того же корня. Речь идет о слав. **krosno*, **krosna*. Pl. или fem.: ц.-сл. *кросно* 'liciatogium', болг. *кросно*, 'кросно', 'задвигка', *крѡсна* 'колыбель', макед. *кросно* 'навой', *кросна* 'люлька', 'корзина', 'крона' (дереьев), с.-хорв. *крѡсна*, 'ткацкий станок', словен. *krósna*; чеш. *krosna*, *krúsna* и т. п. 'короб', 'станина' (др.-чеш. *krósně*), словц. *krosná*, в.-луж. *krosna*, польск. *krosna*, кашуб. *krosna* 'ткацкий станок' и др., словин.-помор. *krěosnā*, полаб. *krösna* и т. п.; русск. *крѡсно*, *крѡсна*, *крѡсны* 'ручной ткацкий стан', 'нитяная основа', 'колода, на которую наматывается основа', 'холст, полотно, вытканые на кроснах', 'мера длины основы', 'неразбериха', 'путаница', *крѡсна* и т. п. (СРНГ 15, 282—284), блр. *крѡсны*, укр. *крѡсно*, *крѡсна* и т. п., согласно относимые к тому же корню, что и слав. **kreslo* / **krěslo*, см. ЭСР 2, 382—383 и др., и обозначающие первоначально 'деревянную раму, употребляемую для разных целей, прежде всего как орудие ношения, стойка, козлы, ткацкий вал', 'примитивный ткацкий станок' (SEP s. v.; Słown. et. Drg. 2, 299—300 и др.). Согласно Буге RR II, 162—163, наличие общего слова для корзины и ткацкого станка (ср. нем. *Webstuhl*, отсылающее к тканью—плетению и к стулу, см. 'кресло') в слав. языках указывает на то, что и балт. **krěs-l-*, **kras-* некогда обозначали плетеное изделие — кресло (можно думать, что мотив плетения присутствовал и в таких образованиях, как русск. диал. *краса*, *краса*; *красота*, *красота* (СРНГ 15, 171, 198—200, 282), когда эти слова обозначают атрибут невесты — вплетенную в косу ленту, переплетенные ленты, банты, бусы, венок, сплетенный из цветов, и т. п.). С этим мнением в общих чертах можно согласиться (с тем, пожалуй, ограничением, что уже и в балт. и в слав., несомненно, фиксируется в связи с **krěs-*: **kras-* и другое значение — 'скреплять', 'соединять', 'образовывать некую конструкцию', причем не обязательно путем плетения, но и сочетанием твердых элементов). Но в таком случае становится не вполне понятным семантическое развитие слов типа лит. *krėslas*, *krėsnas* и т. п., трактуемых как обозначение чего-то усадистого (: *садітсья*), см. выше. Более того, есть еще одна группа случаев, которая тоже не выводится из значений 'плести', 'скреплять', но скорее — из 'осаживаться' ('was sich gesetzt hat', согласно LEW 294). Ср. лит. *kresnà* 'шкварки',

'вытопки', *krėsnos* Pl., лтш. *krėslī*, то же, понимаемые как своего рода о с а д к и. Напрашивается предположение об известной самостоятельности балт. **kres-*, **kras-* в значении 'сесть'. Сложность усугубляется отсутствием надежных и.-евр. параллелей. Те же точки зрения, которые до сих пор высказывались относительно возможных соответствий (ср.: лат. *crēna* 'зарубка', 'насечка' [Meringer Sitz.-ber. Wien. Akad. 144, 6, 95 сл., но Meillet Etudes sur l'étym. 415; Lat. etym. Wb. 1, 288]; формы с расширением лабиальным или дентальным согласным, ср., с одной стороны, нем. *Reff* и, следовательно, др.-исл. *hrīp* 'корзина', др.-в.-нем. *href*, лтш. *kribas* 'zusammengebundene Stäbe, welche den Boden des Bauerschlitten bilden' и т. п., слав. **krěp-tlo*: польск. *krzepica* и под. [Machek Etym. sl. j. česk. 295, 300], и, с другой стороны, и.-евр. **kred-* 'балки': готск. *hrōt* 'крыша', др.-исл. *hrōt*, др.-сакс., др.-англ. *hrōst* < **krōd-s-to-*, голл. *roest* 'насест', ст.-сл. *краса* и др. [Pok. 1, 617—618]), остаются, по меньшей мере, спорными. Резюмируя положение дел, можно сказать, что четкости балто-слав. соответствий, обозначающих кресло, противостоит неясная ситуация в периферийных примерах того же корня. — Из топонимических данных ср. лит. *Krėslynai* (LATSŽ 141); *Krėslupis* (LUEV 78; Liet. hidr. 234; LHEŽ 164—165); лтш. *Krėslē*, *Krėslē*, *Krėslēji*; *Krėslā-bērza-reñstele*, *Krėslu-pļava*, *Krėsl-akmins*; *Krėslīņš*, *Krėslīņa-pļava*, *Krėslīņi*, *Krėslīņu-ceļš*; *Krėslas*, *Krėslīņš* (LV I, 2, 133—134; впрочем, Эндзелия и Ванас допускают и другую возможность объяснения — к лтш. *krėsls* 'темный').

— Л и т.: Nesselmann Voc. 1868, 31; Thes. 1873, 80; Brückner Fremd. Wört. 1877, 97; AfslPh 20, 1898, 518; Mikkola BB 21, 1896, 120; APSpr. 363; BSW 141; Bezenberger KZ 44, 1911, 329; Būga KS 143—146=RR II, 160—165; Benveniste St. balt. 2, 1932, 83; Schwentner Korrespondenzblatt des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung 48, 1935, 25—26; ME 2, 276; SPV 197; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 32, 46, 54; ЭСР 2, 373; SEP 2, s. v.; LEW 294; Pok. 1, 617—618; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 34; Arumaa Ursl. Gramm. 1, 72; Levin SEEV 1974, 100; Kortlandt Baltist. 18, 1982, 5. — [**kreslan-*].

{**kres-im-*}, см. {**kres-men-*}.

{**kres-men-*}, ср. *Крисменуцъ* (горды Ятвязь, и Злиньци, и *Крисменуцъ*, и Покънцъ, 1256. Ипат. летоц. 833); *Cresmen*, 1259 (PU 2, 69, 70); *Crasimat*, (1280 anno . . . magister . . . intravit territorium Sudoviae dictum *Crasimat*. . . Habitationem etiam illius potentis viri Scumandi, capitanei dicti territorii, redegit in favillam. Dusbürg. SRP I, 142). Название одной из ятвяжских территорий (по Буге LKŽod. LXXXIII=RR III, 45, из ятв. **Krėsmenō*) и ее обитателей (*Крисменуцъ*); *Cresmen* обозначает не только определенную землю, но и название ятвяжского рода, ее заселявшего (см. Falk Pruss. 1973, 1); в этом последнем смысле *Cresmen* соотносимо с *Крисменуцъ*, выступающим как славизированная (руссифицированная) форма ятвяжского названия. См. также Sjögren Wohns. Jatw. 1858,

189, 252, 324; Kamiński Jaśw. Ter. ludn. 1953. — Согласно Фальку (1—2), во всех этих примерах представлен балт. корень *kres-, отраженный, напр., в лит. *krėsnas, krėslas* 'невысокий', 'коренастый' (о дальнейших связях этих слов см. *creslan*); предлагается реконструкция имени основателя рода в виде *Kres-im-(i)s, с суф. -im- в Nom. рг. см. APN 166 с многочисленными примерами; о сосуществовании форм с e/a (*Cresmen, Crasima*), см. APSpr. 104 и др. В основе названия земли *Crasima* лежит форма *Kres-im-ā (отмечается, что именно -a нередко выступает как окончание в названиях прусских земель: *Barta, Skalva, Zlina*). Поскольку такая реконструкция весьма правдоподобна, следует отвергнуть предположение о форманте -men- в *Cresmen* (одна из реконструкций Буги — *Krēsmō, Gen. *Krēs-men-es* или Nom. sg. **Krēs-menā*: *krēs-, kres-* 'сесть', 'сидеть', см. LKŽod. LXXVIII=RR 135) и реконструировать источник этого названия в виде *Kres-(i)m-ēn-ai, причем -ēn-, по Фальку, указывает принадлежность к соответствующему роду или территориальной группе (выпадение безударного i более или менее обычно в прусском). Звук i в *Крисменуцъ*, основанном на *Cresmen*, Фальк объясняет иканьем писца Ипатьевской летописи. Тот же автор высказывает предположение, что формы, подобные *Cresmen*, могут скрываться в таких сувалкских топонимах, как *Krzemieniucha, Krzemienna Góra*, ок. 1780 г., на основании которых реконструируется ятв. *Kres-(i)mēnup (Gen. Pl.) & *Garbis > *Krzemienna Góra* (отсутствие связи с «кремнем» аргументируется ссылкой на статью — Nalera *Opuscula Slavica I*, 1971, 120). Другие параллели неизвестны. Совпадение *Crasim* /*Cresmen*- с русск. диал. *красімно* 'красиво', 'хорошо' (СРНГ 15, 177), видимо, нужно рассматривать как случайность (из *красиено, см. *красивенный, красівонька* 15, 174), хотя сам корень *крас-* (из слав. *kres-/kros-/kras-) в конечном счете, кажется, соотносится с балт. *kres-*, см. *creslan*.

{*kreuk-el-in-}, см. *Kreukelin*, озеро, ок. 1300; *Craugkell*, 1514, позже — *Kruklinnen See* (APON 73: к лит. *kriauklīs* 'ворона' и суф. -in-, ср. лит. *Kriaūkliai*; см. также Gerullis IF 44, 1926, 114). — Ср. также *Krewkelyn*, 1340 (Гоерпен Gesch. Maz. 1870, 64), *Krucklanicken*, 1595 (Hennenberger Von den See'en II, 14), *Kruklin, Kraukelner See, Kruglinner See* (Słown. nazw Mazur. II, 90, 370); *Kruklin, Kraukeln, Kraukelner See* (Słown. nazw geogr. PZP 147). — Из вост.-балт. параллелей кроме лит. *Kriaūkliai* ср. *Kriauklėnai*; лтш. *Kraūklī, Kraūklis, Kraūklā-mežs*, особенно *Kraūklene pļ.* (LV I, 2, 157—158), а также примеры с иным (первоначально) вокализмом — лит.-лтш. *Kraukl-*, см. их в связи с {*krauk-el(-in-)}, {*krauk-av-}, и, наконец, частично, видимо, названия без -l-: лит. *Kriauk-* (ср., однако, LHEŽ 165).

{*kreut-}, ср. *Kreutho*, 1370; *Kreuto*, 1405 (*Kremo* — ошибочно). APON 73. — По Герулису, к лтш. *krauta* 'берег' (*Kreutho* находилось у моря); ср. лит. *Kriautà*, лтш. *Kraūtene, Krautavu-kalns, Krautiške pļ.* (LV I, 2, 127, но: *Krūtes-ure* 158?). К лтш. r вместо ожидае-

мого r (ср. лит. *Kriautà*) см. объяснение Эндзелина FBR 3, 1923, 114 (диал. r > r).

krichaytos, род сливы, плоды *Prunus insititia* L. (по APSpr. 363), 'kryklės' (*aitriosios slyvos*, PKP II, 39). Э 621 ('Krichen'), ср. Э 619: *Sliwaytos* 'Pflumē', Э 620: *Wisnaytos* 'Kirsēn' и др. Nom. Pl. fem. — Три идущих подряд названия плодов характеризуются формой Pl. и суф. -ait-, что указывает, видимо, на собирательность и множественность как признаки, которые могли отличать названия плодов от названий соответствующих плодовых деревьев (ср. отчасти и прусск. *crausios* 'груша' (собств. 'груши', 'грушьё'): *crausy* 'грушевое дерево' или русск. диал. *вишенья*, о плодах: *вишня, вишина, вишеніна*, о дереве, хотя, конечно, известны и исключения из этого принципа дифференциации). К суф. -ait- ср. также прусск. *Wan-gayten*, видимо, *Wargoyte* и под. (SPV 52), а также вост.-балт. параллели: лит. *kārpaitis, obuolaitis, giminaitis, Jonaitis, Alsaitė* и под. (LKŽD 358—360), лтш. *tautaitis, linaite, Jānaitis, Jānaitis* и др. — Прусс. слово является бесспорным германизмом. Оно заимствовано (при трактовке ch как k) из ср.-н.-нем. *krike* (ср. и *kreke*) 'Schlehen-pflaume' — при ср.-в.-нем. *krieche* (из др.-в.-нем. *kriachboum, crie-hboum*), нем. *Krieche* 'Haferpflaume'. Нижненемецкий источник объясняет и вост.-балт. заимствования, ср. лит. *krykė, чаще kryklė* 'nedidelių mlyną slyvų medis ir jo vaisius (Prunus)', ср. *kryklė slyva* 'Prunus domestica' (но и *kryklė, kryklė*). LKŽ 6, 580—581; лтш. *krikis* (Dund.), *krėkis* 'die Zwetsche', 'eine Pflaumenart' (ME 2, 275, 283), ср. также лтш. *kriekene* (из н.-нем. *krēken*), см. Schwers Spr. Unt. 58. Лит. *kryklė* представляет собой переоформление *krykė* под влиянием вост.-прусс.-нем. *krēkel* (ср. провинциализм *krekeln*), обозначавшего дикую сливу (Alminauskas Germ. Lit. 1934, 72; LEW 297). Впрочем, для литовского слова принимают возможность заимствования из нем. *Krieche*; для прусского она имеет лишь теоретическое значение (поскольку нем. *Krieche* также должно было бы дать прусск. *krik-) ввиду вост.-прусс. провинциализма нижненемецкого происхождения. — Прусс. *krichaytos* представляет собой двойкий интерес — как отражение процесса миграции культурных слов из сферы плодоводства (при наличии «своего» названия для соответствующего плода) и как результат глубокой переработки чужого слова.

— Лит.: Thes. 1873, 80; Tamn MLLG 1, 240; APSpr. XVI, 363; SPV 197; Marstrander NTS 13, 1945, 346; LEW 297. — [*krikaitos; *krikaitas; *krixait- (?)].

kriehstianisquan, см. *cristiāniskas*.

{*krik-ain-}, ср. *Krikayn*, 1411—1419, позже — *Krikehnen* (APON 73: с отсылкой к *Crekin*). — См. {*krek-in(-en-)}, там же вост.-балт. соответствия, или (ср. i в корне) лит. *Krikupis* (LUEV 79; LHEŽ 166), ср. *Krikónys* (LATSŽ 141); лтш. *Krikaji, Krikājis, Krikeji, Krikāju-kalns, Krikais-dīkis, Krikei-pļava* (LV I, 2, 134; неясны Nom. рг. типа *Krykkyt*, 1450, *Jacob Krickite*, 1452 и т. п.

LPV 196). Согласно Ванагасу, вероятно связь с лит. *krikti* 'рассеиваться', 'рассыпаться', 'разбегаться' (LHEŽ 166); Савукинас LKK 8, 1966, 192—193 умножает примеры этого типа за счет названий с анлаутом на звонкий согласный (лит. *Grikis*), сопоставимых с дублетными лит. *krikti/grikti* (в случае *Grikis* допускается этимологическое переосмысление в связи с названиями гречихи; сюда же — и такие названия, как лтш. *Kriķis, Kriķi, Kriķājs, Kriķenes, Kriķakalns* и т. п. (I, 2, 135) или куршск. *Dorf Kricklieben, 1563; Krickeliben, 1582—1583; Kricke Liben 1585 (=Gricklieben)* (KF 113) и т. п.); вместе с тем тот же автор предлагает сравнивать *Krikayn, Kryken* и т. п. с лтш. *kriksis, krikuns* с мотивом малости. Двусмысленны названия с элементом *Krik-* на старых балт. территориях (ср. *Криковка*, в богатой балтизмами части верхнего Поочья, см. Гидр. басс. Оки 39); Ванюшечкин Уч. Зап. Курск. Педаг. И-та 72, 1970, 259 считает балтизмом «куршинско»-рязанск. *крѣкать* 'скрипеть' (из **крикать*: лтш. *krikstēt* 'скрипеть', 'хрустеть', 'трещать'); ср. Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 143. — См. {**krik-en-(-in-)*}.

{**krik-en-(-in-)*}, см. {**krek-in-(-en-)*}.

{**krik-os-(-oš-, us-i-uš-)-in-?*}, ср. *Krykoszyn, 1323; Crycussin, 1326*, позже — *Kröxen* (APON 73). — По Герулису, к *Kryken* с суф. балт. *-už-* К суф. ср. прусск. *Wangussen (: wanguš), Dittusen (: Dittē)*, см. APON 255. — См. {**krik-ain-*}, {**krik-en-(-in-)*}.

krixstianiskun, см. *cristiāniskas*.

{**krikst-ein-*}, ср. *Krixstein, 1405* (APON 73: к прусск. *cixtitwi*, лит. *krikštas* 'крест'; суф. *-ein-*). — Ср. названия подобного типа — лит. *Krikštanai, Krikštanai, Krikštāniškė, Krikštėnai, Krikštōnys, Krikščiai (?)* (LATSŽ 141); *Krikštoniū ežerēlis* (LUEV 79; Liet. hidr. 220, 262; LHEŽ 166); ср. также *Krikštupė, Krikšt-a-balė, Krikšt-a-daubis, Krikšt-ā-kele, Krikšt-ā-lauke, Krikšt-a-raistis, Krikštas, Krikštelis, Krikštinė, Krikštinės, Krikšto lieknėlis, Krikštupis* и т. п. Иначе в латышск. — *Krustene, Krustine* и под. (LV I, 2, 148—150).

crixteiti, см. *cixtitwi*.

crixteits, см. *cixtitwi*.

cixtia, см. *cixtitwi*.

cixtianai 'христиане', т. е. исповедующие христианскую веру. К III, 55, 20 (Ka stai Cixtianai swaimans Mukinnewingins bhe Dūsaisurgawingi preiseggit skellāntai ast 'Was die Christen jren Lerern...'). Nom. Pl. masc.; — *cixtiānimans*. К III, 77, 3—4 (Tit ast ioūmas kāigi Cixtiānimans ni auklipts kai... 'So ist euch als Christen vnuerborgen das...'). Dat. Pl.; — *cixtiānans*. К III, 47, 35 (Sta ast stas arwis kermens bhe krawia... Noūmas Cixtiānans prei ist bhe prei poutwei esse Christo sups ensadinton 'Es ist der ware Leib und Blut... Vns Christen zu Essen vnd zu Trincken vonn Christo selbs eingesetzt'); — *christiānans*. К III, 33, 16 (... bhe mennei sen wissamans Christiānans ainan prābutskan gijwandauns 'Vnd mir sambt allen Glaubigen in Christo ein ewiges

leben geben wird'). Acc. Pl. — Согласно Милевскому Sl. Occ. 18, 1947, 37, заимствовано из прапольск. **krystjane*, которое само получено из лат. *christianus* (греч. *χριστιανός*). Существенно было бы выяснение непосредственного источника-формы заимствования, в частности, его числа (Sg. или Pl.). Правда, эта задача затруднена тем, что в ст.-польском и в Sg. были две разновидности: с сингулятивным суффиксом (*chrześcijanin, krześcijanin*) и без него (*chreścijan, krześcijan*), см. Słown. Staropolsk. I (4), 257—258. Во всяком случае прусск. *cixtianai* (**krikstian(a)s*. Sg.) предполагает что-то вроде **krysti(j)an-* или **kryst'an-* (в зависимости от того, как трактовать первое *i* в *cixtianai*), хотя нельзя полностью исключать форм с *ch-* в анлауте. К вставному *k* в группе *st (zd)* ср. прусск. *klexto, kanxta, laxde* и т. п., и, конечно, слова того же корня (*cixtitwi* и т. п.), см. APSpr. 182; SPV 40; BVSF 55 и особенно Stang. Vgl. Gr. 108 (впрочем, в связи с *cixtitwi* Эндзелин предлагал и другое объяснение — FBR 17, 1937, 164, см. ниже). Из того же источника (или подобного ему др.-русс.) было заимствовано и лит. *kriksčionis (krikščionis)*, появляющееся уже в ранних памятниках (Мажвидас, Даукша и др.), см. Brückner AfslPh 20, 1898, 488; Skardžius LehnW 110 (из др.-русс. *крѣстьян/инѣ/*); LEW 297. Иной характер имеет соответствующее заимствование в латышском, ср. *kristietis*; эст. *kristlane, ristiinimene* и под. Славянские источники прусск. и других балт. слов, обозначающих этот важнейший конфессиональный термин, отражают ту среду, из которой было заимствовано и слово и само христианство. — Ср. также *cristiāniskas (cixtiāniskan), cixtisna, cixtisennien, cixtitwi, cixtnix, cristionisto* и др.

— II в т.: Thes. 1873, 81; Brückner AfslPh 20, 1898, 488; APSpr. 363; SPV 197; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 37; LEW 297; OP 52. — [**krikstianai* или **krikst'ānai*; **krikstianamans* или **krikst'ānamans*; **krikstianans* или **krikst'ānans*].

cixtiānans, см. *cixtianai*.

cixtiānimans, см. *cixtianai*.

cixtianiskan, см. *cristiāniskas*.

cixtiāniskan, см. *cristiāniskas*.

kixtiāniskan, см. *cristiāniskas*.

cixtianiskun, см. *cristiāniskas*.

cixtiāniskun 'христианство'. К III, 75, 18 (... tans dijgi is stesmu girbin steison nidruwīngin isklaitints ēnstan Swintan Arcan stēison Cixtiāniskun sausai bhe senpackai polaikūts '...inn der heiligen Archa der Cristenheit...'); — *christiāniskan*. К III, 33, 10, 12—13 (Ainawijdei kāidi tans stan postippin Christiāniskan no-semmien preiwackē senrinka erschwāigstina Swintina bhe prei Jesu Christon erlāiku en tīckrōmiskan ainawidiskan drūwien En kawijdsmu Christiāniskan tāns mennei bhe wissamans drūwīngins deinenisku wissans grīkans laimintiskai etwiērpei... 'Gleich wie er die gantze Christencheyt auff Erden berufft... In welcher Christenheyt er... vergibt...'). Acc. Sg. fem. — Subst. abstr., образовано

от Adj. *cristiāniskas* (см.), которое в свою очередь произведено от Subst. *cixtianai*, являющегося заимствованием из слав. Лит. *krikš-ionijā*, лтш. *kristietība* и под. образованы по другим моделям.

— Лит.: APSpr. 363; SPV 197; Vgl. Gr. 108, 184; OP 62. — [**krikstianiskan*, -un; **krikst'āniskan*].

cixtidi, см. *cixtitwi*.

krixtieno 'ласточка береговая'. Э 741 ('Ertswal'), ср. Э 740: *Smicuto* (= *Sinicuto*) 'Swalme', Э 742: *Genix* 'Specht' и т. п. Nom. Sg. fem. — Речь идет о *Riparia riparia* L., ласточке береговой, нем. *Erdschwalbe*, *Uferschwalbe* (см. Suolahti Deutsche Vogelnamen 26). — Ранние исследователи этимологии этого слова ориентировались в своих объяснениях на литовское название ласточки — *kregždė*, *krėgždė*, *kregždingà* и т. п. (ср. *kregždėti* 'трещать'; 'щебетать' и т. п.) и на параллели к нему в других и.-евр. языках (ср. др.-инд. *khar-gālā* 'ночная птица' (: *kharjati* 'трещать'); др.-англ. *hrécān* 'откашливаться'; др.-греч. *κράζω* 'кричать'), см. Pott BVS 6, 1868, 114; Burda BVS 6, 1868, 397; Thes. 1873, 81; APSpr. 363. Траутман даже предлагал (правда, с вопросом) соответствующую конъектуру «ist *krixtieno* zu bessern in **krexdingo* = lit. *kregždinga*?» (ударение в соответствии с написанием Траутмана). В настоящее время это предложение, как и соответствия, из которых оно вытекает, должно быть отвергнуто. Эндзелин правильно указал, естественную ближайшую параллель — лит. *krykštė* (SPV 197), ср. также *krykštė* 'ласточка деревенская' (*Hirundo rustica*), см. LKŽ 6, 586; это слово в свою очередь связано с лит. *krykšti*, о радостном, веселом крике (см. 6, 587), как полагает (под вопросом) Эндзелин; подобный глагол можно предполагать и в прусском (см. Даубарас Baltist. 14, 1978, 136: дважды ошибочное написание *krixtiene!*). Тем не менее, заслуживает внимания и другое предложение — возможная связь с **krikst-* 'крестить' (ср. прусск. *cixtitwi*), учитывая представление о ласточке как Божьей птице, которая, прилетая весной, о к р е щ и в а е т землю (кстати, и очертания самой ласточки описываются порой как неполный крест: *спереди шильце, сзади вильце; шило впереди, . . . ножницы сзади*, ср. отчасти и название ласточки *касаткой, косаткой* и т. п.; правда, название креста прусск. *scrīsin*, как и лит. *kryžius*, представляющие собой заимствования из польского, образованы иначе и с **krikst-* непосредственно не связаны; ср., впрочем, лит. *krikštas*, прусск. *cixtisna* 'крещение'). — Ср. прусск. топоним *Krixyten* (APON 73; Даубарас Baltist. 14, 1978, 136).

— Лит.: Pott BVS 6, 1868, 114; Burda BVS 6, 1868, 397; Thes. 1873, 81; APSpr. 363; APON 73; St. balt. 3, 1933, 37; SPV 197; Даубарас Baltist. 14, 1978, 136. — [**krikst(i)jeno*; **krikst(i)jena*].

{**krikst(i)jen-*}, ср. *Krixyten*, 1312, ручей (APON 73; St. balt. 3, 1933, 37). — Ср. мазур. *Krixtien*, *Bachflis* (Hennenberger Von den See'en II, 7), *Kryksta* и т. п. (Słown. nazw. Mazur. II, 71); *Krykajny*, *Krickehnen* (Słown. nazw. geogr. PZP 147). Это последнее название, отмеченное в пасленском повете Ольштынского воеводства

представляет особый интерес в сопоставлении с *Kryksta*, ручьем, образующим верхнее течение Млынской Струги, притока Пасленки (*Pasłęka*), поскольку позволяет по-новому понять роль элемента *-st-*. В связи с этим отношение к прусск. *Krixstein*, см. {**krikst-ein-*}, остается неясным. Герулис предполагал, что форма *Kryxyten*, как и некоторые другие названия в орденских документах, записана без окончания.

cixti lāiskas 'крещальная книга', 'крещальный формуляр', 'krikšto knyga'. К III, 69, 11—12 (Stas Cixti Lāiskas. Sta Entekūsna kai Prūsiskai turri Cixtitwi 'Das Tauffbüchlein. Die Form aber wie man Tauffen sol ist diese'). Nom. Sg. masc. — Несомненно, сложное слово. Раздельное написание обязано своим происхождением соответствующему немецкому заглавию, данному в две строки: *Tauff-|büchlein*; впрочем, членение в прусском тексте несколько иное: *Cixti Lāi-|skas*. В первом члене глагольная основа *cixti-*, во втором — *lāiskas*, см. *laisken*. К целому ср. *dinkausegīsnan*. — См. *sallūbs laiskas* и особенно *cixtisnālaiskas*.

— Лит.: Thes. 1873, 81; APSpr. 363; SPV 197; OP 45; PKP II, 212. — [**krikstilāiskas*].

{**krikst-il-(i)ja-*}, ср. Nom. pr. *Cixtilie*, 1305 (PU 2, 530), 'familia' (APN 48, 175). — Траутман указывает на балт. словообразовательный тип на *-ilia(-ilija-)*, ср. *Sculilie*, *Gedilge*, *Stenilge* и под. Идентификация корневой части связана с трудностями и допускает альтернативные объяснения. В частности, обращает на себя внимание близость с ст.-польск. Nom. pr. типа *Krystyl*, *Kryzys(z)tyl* (*Kristil cerdo*, 1385; *Cristil cerdo*, 1390; Paulus, filius *Cristil cerdonis*, 1451; Jacob *Cristil*, 1481), *Krystel*, *Kryz(z)tel* (Słown. starop. osob. III, 1, 172).

Kryxtion. Nom. pr. (APN 48, 169). — По Траутману, переоформлено из нем. *Christian* (ср. прусск. *cixtianai*), ср. лит. Nom. pr. *Krikščionas* при *Kristijonas*.

cixtissenien 'крещение'. К III, 81,4 (...Mes billēmai tebbei pogirsnan bhe dīnkun kai tu twaias kīrkis etnīwingiskai islāiku bhe tūlninai bhe schismu Malniku polikins assei kai tāns prastan Swintan Cixtisennien etkūmps naunagemmans ...postāuns ast '...durch die Heilige Tauffe...'). Acc. Sg. masc. — Образование на *-sen-* от корня *cixt-* (= *krikst-*), ср. *cixtisna*, *cixtitwi*. — Ср. лит. *krikštijimas* (Mums per krikštijimą grieks prigimts atleidžiams yra. Bretk. Post. I, 263. LKŽ 6, 588), *šventas krikštijimas* и особенно весьма точное соответствие в виде лтш. *kristišana*.

— Лит.: APSpr. 363; SPV 198; OP 56. — [**krikstisenin*].

cixtisna 'крещение'. К III, 39, 30 (Ka ast stai Cixtisna? 'Was ist die Tauffe?'); 41, 21 (Beggi schlāits Deiwas wirdan ast stas vnds ains tickars vnds bhe niainā Cixtisna adder sen stesmu wirdan Deiwas astits ainā Cixtisnā... '...vnd kein tauff...ists ein tauffe'); — *cixtisnā*. К III, 41, 22 (см. 41. 21); — *cixtisnai*. К III, 39, 31 (Stai Cixtisnai ast ni ter ains schklāits vnds... 'Die

Taufe ist nicht allein schlecht wasser...'); 41, 7 (Ka dāst adder enterpo stai Cixtisnai? 'Was gibt oder nutzt die Tauffe?'); 41, 34 (Ka powaidinnei stawijds Vndas Cixtisna? 'Was bedeut denn solch Wasser tauffen?'). Nom. Sg. fem.; — *cixtisnas*. K III, 69, 22 (...bhe dei tennan etnistis bhe Dāiai stesses Cixtisnas madlit turrimai '...vnd Gabe der Tauff...'). Gen. Sg.; — *cixtisnan*. K I, 7, 12 (Assa stan Cixtisnan 'Von der Tauffe'); K II, 13, 11 (=K I, 7, 12); K III, 39, 26 (Stas Sacraments stessei swintan cixtisnan... 'Das Sacrament der heyligen Tauffe...'); 43, 11 (Mes asmai sen Christo prastan Cixtisnan enkopts ēnstan gallan '...durch die Tauffe...'); 71, 34 (...kai tans prastan Cixtisnan is Deiwan naunagimton '...das es durch die Tauffe auß Gott Neugeboren...'); 73, 16 (...kawids...stan Dāian twaisai Cixtisnan madli... '...der die Gabe deiner Tauff bittet...'); 75, 3 (...senkawidsmu sien spagtun twaisei Swintan Cixtisnan pareiingiskai eb-sentlūns... '...damit diß Badt deiner Heiligen Tauff zukūnfftig-lich bezeichnet...'); 75, 5 (...pra stan Cixtisnan... '...durch die Tauff...'); 77, 2 (...tāns ēnstan emnan Jesu Christi Cixtits bhe prastan Cixtisnan ēnstan Swintan perōnien Deiwas amsis enimts... 'Er in dem Namen Jesu Christi Getaufft vnd durch die Tauff inn die heiligen Gemein Gottes Volcks angenommen...'); 79, 31 (...stas wissemukin Deiws schien Malnijkan prēistan Cixtisnan Noūsan mijlas Rikijs Jhesu Christi ast etnīwings pereit dāuns... '...zu der Tauff...'). Acc. Sg. — Отглагольное имя (ср. *cixtitwi*), образованное с помощью суф. *-sna* (ср. SPV 46—47); показательно наличие другого слова с тем же в принципе значением и близким по форме и единым по происхождению суффиксом — *cixtissenien*, см. (здесь же и вост.-балт. параллели). Вилент в соответствующих местах Энхиридиона употребляет слово *krikstas*, известное также Мажвидасу, Даукше, Ширвидасу и другим старым авторам (ср.: Sacramentas schwenta Chrikschta... Kas est Chrikschtas?... Chrikschtas jra netiektai prastas wandū... Vilent. Ench. 25, 26 т. п.); в латышском Катехизисе 1586 г. — *krustibe* (No to ſweete crustibe... Ko maetce tu aran to crustibe?...), ср. лтш. *kristiba*, *krustiba*, *krustibas*, *kristibas*, *krustabas*, *krustābas* (ME 2, 281, 289). — Написание *cixtisnai* в Nom. Sg., возможно, следует считать «инерционным» (в обоих случаях этому предшествует Pgon. demonstr. с исходом на *-ai: stai*); точно так же *cixtisnā* с *ā* следует рассматривать как графическое отражение влияния предшествующего *ainā*. Станг Vgl. Gr. 197, однако, высказывает предположение, что *-i* может оказаться частицей, которая иногда присоединяется в конце слова, особенно в Nom. Sg. основ на *-ā*. Шмальштиг допускает и влияние со стороны нижненемецкого графического приема, обозначающего долготу с помощью дополнительной графемы *i*, ср. н.-нем. *raid* вм. *Rad*, *jair* вм. *Jahr* (OP 14; St. OP 6. 300). Разумеется, все эти возможности должны быть учтены при анализе. — См. *cixtitwi* и др.

— Лит.: Thes. 1873, 81; APSpr. 363; SPV 197—198; Stang. Vgl. Gr. 3, 197; OP 67; Stg. OP 6. 300. — [**krikstisna*, **krikstisnā*; **krikstisnas*, **krikstisnās*; **krikstisnan*, **krikstisnan*].

cixtisnā, см. *cixtisna*.

cixtisnai, см. *cixtisna*.

cixtisnālaiskas 'крещальная книга', 'крещальный формуляр', 'krikštijimo knyga'. K III, 19, 19 (Preistesmu stas Lūbi bhe Cixtisnālaiskas kāigi stas subs en stesmu kirkis teikūsnan tēnti en Prūsiskan tautan laikūts wīrst 'Darneben das Trew- vnd Tauffbüchlein...'). Nom. Sg. masc. — Сложное слово (на грани аппозитивного сочетания типа 'крещение' & 'книга'). В первом члене — Subst. deverb. *cixtisna*, во втором — *laiskas*; см. соответственно *cixtisna* и *laisken*, *laiskas*. Ср. также параллельное образование *cixti laiskas*, трактуемое также как сложное слово.

— Лит.: APSpr. 363; SPV 198; OP 45—46. — [**krikstisnālaiskas*].

cixtisnan, см. *cixtisna*.

cixtisnas, см. *cixtisna*.

cixtiti, см. *cixtitwi*.

cixtity, см. *cixtitwy*.

cixtits, см. *cixtitwy*.

cixtitwei, см. *cixtitwy*.

cixtitwi 'крестить' (I h). K III, 69, 13 (Sta Enteikūsna kai Prūsiskai turri Cixtitwi 'Die Form aber wie man Tauffen sol ist diese?'). Infin.; — *cixtits*. K I, 7, 16 (Kas drowe bha cixtits wīrst stas wīrst deiwuts 'wer da gleübet vnd getaufft wird der wird selig'); K III, 41, 14 (=K I, 7, 16); 69, 18 (...bhe no enteikūsnan bhe ensadinsnan Jesu Christi Cixtits postānai '...Cetaufft werde'); 77, 1 (tāns ēnstan emnan Jesu Christi Cixtits... 'er in dem Namen Jesu Christi Getaufft...'), 77, 18 (...tāns Cixtits postānai '...er Getaufft werde'); 79, 14 (Quoi tu nostan Cixtits postāt? 'Wiltu darauff Getaufft werden?'); — *cixteits*. K II, 13, 15 (=K I, 7, 16; K III, 41, 14). Nom. Sg. masc. Part. Praet. pass.; — *cixtia*. K III, 79, 18 (As Cixtia tien ēnstan Emnan Deiwas... 'Ich Tauffe dich in dem Namen Gottes...'). 1. Sg. Praes.; — *cixtity*. K I, 7, 14 (...bha cixtity dins en emmen Thawas... '...vnd teüffet sie jm namen des Vaters...'); — *cixtidi*. K II, 13, 14 (=K I, 7, 14); — *cixteiti*. K III, 41, 3 (=K I, 7, 14; K II, 13, 14). 2. Pl. Imper. — Обращает на себя внимание исключительная последовательность в графической передаче анлаута: только *c-*, но не *k-*! Эту особенность разделяют и другие слова этого корня. Из 32 примеров, в которых выступает этот корень, нет ни одного исключения. Левин Baltist. 12, 1976, 15—16, подчеркивая, что графическая система представляет собой культурный артефакт, живущий самостоятельной жизнью, указывает на символическую функцию начального *cr-*, выступающего как своего рода эхо понятия 'христианский' (*cristiān-*, *christian-*, *cixtian-*, лишь трижды в начале находится [*kr-*, из них два примера в K I и K II и лишь один в Эн-

хиридионе), а через него и имени *Christus*. — Вставное *k* перед *s* в *cixtitwi*, как и в лит. *krikštyti*, *krikštas*, Эндзелин FBR 17, 1937, 186 объяснял скрещением **kristyti*, **kristas* (ср. лтш. *kristīt*, *kristas* = *krusts*, из русск.) и **kštyti* (из польск. *chrzcić*, диал. *krzcić*). Френкель Idg. Jb. 23, 1939, 398 поддержал эту идею дополнительным примером: форма (*Jonas*) *kriksztitelus*. Ширв. Punkt. Sak. 2, 141 объясняется смешением польск. *chrzciel* и лит. *krikštytojas*. Ср. LEW 298. — Форма *cixtidi* К II, 13, 14 нуждается в конъектуре, оправданной не только общеграмматическими соображениями, но и особенностями контекста, в котором она встречается (*Cixtidi* = || *diens* = *cixtiti dins*). Форма Infin. *cixtitwi* также нуждается в улучшении — *cixtitwei* (ср. SPV 198 и др.). — Особое внимание исследователей привлекла форма *cixtia*. Ван Вейк Apr. St. 1918, XXXI, как и Траутман APSpr. 276, полагали, что в К III, 79, 18 в функции 1. Sg. выступает 3. Sg. Praes. глагола на *-ija-*. Первым, кто аргументированно оспорил эту точку зрения, был Станг Sl. u. balt. Vb. 1942, 176, 225. Он склонялся к трактовке *cixtia* как 1. Sg. Praes., где *-ia* < **-yō*, поскольку *-ija* скорее дало бы *-i(j)* или *-ie* (другие глаголы с основой на *-ija-*, действительно, знают формы 3. Sg. только на *-i*, ср. прусск. *madli*, *schlāsi*). Но это предложение Станга исходит из того, что глаголы на *-ija-* заменялись в прусском глаголами на *-i-*, во-первых, и что в определенных условиях *-ō* могло дать в прусском *-ā*, во-вторых. Эндзелин, опираясь, в частности, на форму, заимствованную у Преториуса, *girdiu* (Schaubühne XVI, 8), где **-ō* > *-u* (а не *-a!*), не принял точки зрения Станга и продолжал трактовать *cixtia* как 3. Sg. Praes., отвечающее лит. *krikštyja* (Endzelin ZfslPh 18, 1942, 460; SPV 111, 198). Дальнейшим уточнением положения дел занимались Заброцкий Sl. Occ. 18, 1947, 343 и особенно Мажюлис Вопр. теор. 1963, 195; Baltist. 1, 1965, 19—20; Balt. sant. 1970, 22. Оба исследователя исходили из того, что *cixtia* несомненная форма 1. Sg. Praes. Заброцкий указывал, что трактовка этой формы как 3. Sg. неверна, так как в этих условиях *-a* во флексии отпало бы, как это и произошло в глаголах на *-āja*, *-ēja*. В форме же 1. Sg. *-a* было долгим, и оно сохранялось, исключая безударные позиции, где *-ā* сокращалось в *-a*. Таким образом, *cixtia* — из **krikstīlā*; процесс же сокращения долготы происходил достаточно поздно: краткое *-a* уже не отпало: закон де Соссюра уже не действовал. Заброцкий привел и близкую параллель *cixtia* — польск. диал. *kšćq* 'крещу'. Мажюлис, исходя из двойного рефлекса и.-евр. **ō* в прусском, предполагает, что в *cixtia* флексия восходит к прусск. **ō* (но не *ō*) в условиях отсутствия окситонезы (ср. *-uo* > *-u* в лит. *krikštij-u*, лтш. *kristij-u* из балт. **-ō* < и.-евр. **-ō*). Классифицируя *cixtia* как 1. Sg. Praes. Шмальштиг OP 193—194, однако, допускает («Perhaps»), что это 3. Sg. в значении 1. Sg. — Прусск. *cixtitwi* представляет собой заимствование из прапольского **krystiti* (засвидетельствовано *chrzcić*, ср. диал. *krzcić*), совершившееся, согласно Милевскому Sl. Occ. 18,

1947, 57, скорее всего в XI в. Обращает на себя внимание сходная структура соответствующего глагола в вост.-балт. языках, где он также относится к заимствованиям. Ср. лит. *krikštyti* (ср. уже у Бреткунаса: *Esch krik sch tiju wandenimi*. Post. I, 39, 16; *Janas krik sch tija* 141, 7 и др.), лтш. *kristīt* (лит. *kristyti* у Даукантаса («Būdas») считают латинизмом, ср., однако, и жем. *krikštyti*); см. Skardžius Lehnw. 110 (с литературой вопроса); LEW 298. Аналогична и структура слав. глагола — **krystiti*, в котором видят скорее отыменное образование от **krystъ*, чем заимствование глагольной формы из источника типа др.-в.-нем. *kristen*, *kristenen* 'обращать в христианство' (ЭСР 2, 374). Интересной особенностью *cixtitwi* (как и соответствующего глагола в вост.-балт. и зап.-слав. следует считать отсутствие непосредственной соотнесенности между этим глаголом и обозначением креста (*scrīsin*), ср. лит. *krikštyti*, но *krūžius*, лтш. *kristīt*, но *krusts* (ср., однако, лит. *kryž(i)avoti*, лтш. *krustīt*); глагол *cixtitwi* обозначает, следовательно, только акт крещения как приобщения к христианству, но не совершение крестного знамения, которое, видимо, обозначалось глагольным корнем **skris-* (как и распятие на кресте, крестованье); в вост.-слав. и части зап.-слав. оба эти значения ('крестить', т. е. посвящать, и 'крестить', т. е. совершать крестное знамение) обычно совпадают в одном глаголе. — С *cixtitwi* связана в прусск. целая семья слов того же корня. См. *cixtisna*, *cixtisennien*, *cixtnix*, *cixtilāiskas*, *cixtisnālaiskas*; *cixtianai*, *cixtiāniskas*, *christiāniskan*.

— Л и т.: Thes. 1873, 80; APSpr. 276, 363—364; KZ 44, 1911, 223; van Wijk Apr. St. 1918, XXXI; Endzelins FBR 17, 1937, 164; ZfslPh 18, 1942, 460; SPV 111, 198; BVSF 55; Stang. Sl. u. balt. Vb. 1942, 176, 225; Vgl. Gr. 1936, 3, 51, 108, 395; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 343; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 37, 43, 57; LEW 298; Отрембский ВЯ 1968, N 4, 137; Мажюлис Вопр. теор. 1963, 195; Baltist. 1, 1965, 19—20; Balt. sant. 1970, 22; Schmalstieg BL 1970, 143; OP 193—194; St. OP 8. 053; 8. 060; Kortlandt Baltist. 18, 1982, 7, 8 — [**krikstitvi* (?), **krikstitvei*; **krikstit(a)s*; **krikstijā*; **krikstiti*, **krikstitē*].

cixtnix 'креститель'. К III, 69, 14 (Stas Paps adder *Cixtnix billē* 'Der Pfarherr oder Teuffler spreche'). Nom. Sg. masc. — Согласно Милевскому Sl. Occ. 18, 1947, 43, это слово заимствовано из польск. *chrzestnik* в позднюю эпоху, когда слабые редуцированные уже пали (между XII и XV вв.); впрочем, нельзя полностью исключать и более архаичную форму источника заимствования, напр., **krystnikъ*, с последующими изменениями. Плохая документированность формы *chrzestnik* создает и некоторые другие трудности. В литовском и латышском то же понятие обозначается с помощью другой словообразовательной модели, ср. лит. *krikštytojas* 'kas krikštija' (уже у Бреткунаса, Даукши, Ширвидаса, ср.: *Plebonas alba krikštytojis tur kalbėti*. Mažv. 95, в формуле аналогичной К III, 69, 14 — «Forma chrikštima»), а также лтш. *kristītājs* (ME 2, 281).

— Лит.: APSpr. 364; SPV 198; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 43, 57; OP 50. — [*krikstnik(a)s, *krikstenik(a)s].

{*krim- & *lauk-}, ср. *Crymelaken*, 1419; *Krymlawgk*, 1503, позже — *Krimmlack* (APON 73). Согласно Герулису, к прусск. *Krem-on* — в первом члене и *laucks* — во втором. См. {*krem-it-}, {*krem-on-}, там же и вост.-балт. и иные параллели.

{*kring-it-}, ср. *Kringiten*, 1405; *Kringitt*, 1459, позже — *Kringitten* (APON 73). — Возможно, ср. лит. *Kringinēlis* (LUEV 79; Liet. hidr. 129; LHEŽ 166: из **Kringinis*, ср. литовск. германизм *kriñgelis* 'бублик', из нем. *Kringel*), лтш. *Kriñgas*, *Kring'i* (LV I, 2, 136). Ср. также Nom. pr. лит. *Kringelis*, (*Kringielewicz*). Liet. antrop. 63.

cristiāniskan, см. *cristiāniskas*.

cristiāniskas 'христианский'. Adj. К III, 29, 18—19 (Stas Swints *Cristiāniskas Druwis* . . . в соответствии с нем. *Der Glaube* в заглавии особой части). Nom. Sg. masc. — *cixtiāniskan*. К III, 63, 1 (. . . *kai stai schian Crixtiāniskan skan Salūbiskan busennien en Deiwas Emnen enlaipinne* . . . ' . . . das sie diesen Christlichen Ehelichen Stand in Gottes Namen anfahren. . .'). Acc. Sg. masc.; — *krixstianiskun*. К I, 5, 35 (As drowe an . . . Ainan swintan *krixstianiskun kirkin* 'Ich gleübe an . . . Ein heylige Christliche kirche'); — *krixstianisquan*. К II, 11, 34—35 (=К I, 5, 35); — *cristiāniskan*. К III, 33, 1—2 (=К I, 5, 35; К II, 11, 34—35); — *crxtiāniskan*. К III, 61, 37 (. . . *Pallapse prei stansuban ainan peronin Crixtiāniskan madlin* . . . ' . . . Begern zu solchem ein gemein Christlich Gebet . . .'); следует читать: *Crixtiāniskan*); — *cixtianiskan*. К III, 67, 23 (As N. imma tin N. māim prei ainan Salūbin bhe tankinne tebbe maian Crixtiāniskān auschaidisnan tien niqueigi prei powiērp ' . . . vnd gelobe dir meine Christliche Trew'); 67, 28 (. . . *Podrūktinai as is polaipinsnan stōison Crixtiāniskan perōnien* . . . ' . . . Bestetige ich auß befelh der Christlichen Gemein. . .'); 79, 9 (=К I, 5, 35; К II, 11, 34—35; К III, 33, 1—2); — *cixtiāniskun*. К III, 69, 16 (. . . *kai tāns stesmu madlin peroniskan Crixtiāniskun kirkun enlaipints* . . . ' . . . das es dem Gebet gemeiner Christlichen Kirchen befohlen. . .'); — *cixtiāniskun*. К III, 71, 28 (. . . *bhe madli as wans wissans quai ious schai empijrint estei is Cristianiskun mijlan bhe auschaidisnan* . . . ' . . . auß Christlicher Liebe vnd Trew. . .'); — *cixtiāniskan*. К III, 77, 4—5 (. . . *kai kawids sien preistan perōnin Crixtiāniskan kirkin podāst* . . . ' . . . das welcher sich zu der gemeinen Christlichen Kirchen thut. . .'); 77, 13 (. . . *is Crixtiāniskan mijlin bhe ginniskan* . . . ' . . . auß Christlicher Liebe vnd freuntschafft. . .'); — *kixtiāniskan*. К III, 77, 15 (. . . *bhe stallēti pērdin en schisman ackewijstin Krixtiāniskan astin* . . . ' . . . vnd vertretet in dieser öffentlichen Christlichen Handlung. . .'). Acc. Sg. fem. — Форму *krixstianisquan*, видимо, следует исправить на *chrikstianisquan* (?), см. SPV 198. — Adj., образованный с помощью суф. *-isk-* от Subst.

cixtianai. Ср. лит. *krikščioniskas*, но лтш. *kristīgs*. Хотя прусск. *cristiāniskas* не является, вероятно, непосредственным заимствованием, в условиях тесных языковых контактов, а кое-где, видимо, и двуязычия, оно не могло не соотноситься с польск. *chrześcijański* 'христианский' или его более архаичным источником — **kręst'janьsk-*.

— Лит.: Thes. 1873, 81; APSpr. 363; SPV 198; Vgl. Gr. 39, 184; OP 95. — [**kristianiskas*, **krikst'āniskas*; **krikstianiskan*, **krikst'āniskan* (masc.); **krikstianiskan*, **krikst'āniskan* (fem.)].

cristionisto 'христианство'. Э 794 ('Kristenheit'), в интересном контексте — Э 792: *Swetan* 'Werld', Э 793: *Tauto* 'Lant', Э 795: *Pagonbe* 'Heidenschaft' и т. п. Nom. Sg. fem. — Учитывая тот фрагмент словаря, в котором находится *cristionisto*, можно предполагать, что слово обозначало не только христианство как особую религию, противопоставленную прежде всего язычеству (ср. [Pagonbe]), но и совокупность людей, исповедующих эту религию, так сказать, христианство в собирательном смысле (ср. русск. *крестьянство*, *христианство*). К суф. *-ist-* см. SPV 53. По Левину SEEV 58, Subst. abstr. *cristionisto* предполагает исходную форму **cristionis*, обозначающую христианина и являющуюся заимствованием из слав. (**kręst'jan-*), относящимся к IX—XI вв. Существенно отличие этой помезанской формы от *cixtianai* в К III, хотя единственность формы *cristionisto* не гарантирует от случайностей (к таковым можно было бы отнести отсутствие *k*, иногда опускаемого в графике даже в тех словах этого же корня, где оно, несомненно, было). В частности, форма с таким *k* хорошо известна в литовском *krikščionis* уже с ранних текстов (Мажвидас, Даукша, Ширвид и др.), см. Skardžius LehnW. 110 и др. От этой формы образовано Subst. abstr. лит. *krikščionystė* (*-ystė*), ср.: *Wissa krikščioniste isch wieno tik*. Bretk. Post. I, 5; *krikščioniste*. Petkiew. Katech. 150 (lud chrześcijański), см. также LKŽ 6, 583. Слова прусск. *cristionisto* и лит. *krikščionystė*, образованные по балтийской модели, естественно, могли соотноситься и с соответствующими слав. образованиями, ср. польск. *chrześcijaństwo*, русск. *крестьянство*.

— Лит.: Thes. 1873, 81; APSpr. 363; SPV 53, 198; BVSF 41, 109; Levin Gener. Ling. 12, 1972, 150, 157; SEEV 1974, 58, 84, 95; St. OP 5.900. — [**kristionisto*, **krist'onisto*, **kristijōnistō*].

{*kris-in- (?)}, ср. *Kryszync*, местечко на зап. берегу озера Клодно, к юго-зап. от Каргуз (западнее Вислы), «поле и рыбацье местечко» (Gredzicki. Chmielno. Gdańsk, 1978). — Согласно Брауэру Pruß. Siedl. 1980, 30, «Kryszync ist offenbar eine pruß. Benennung und könnte eine slavisierte Form des später nicht mehr verstandenen Wortes für Taufe, pr. *cixtisna* sein». Предполагается, что в этом месте на берегу оз. Клодно находилось некогда место, где совершалось крещение («eine alte Taufstelle») пруссов, населявших окрестности. Существенно, что соседнее Хмельно, действительно, было «ein Missionszentrum» между 1000 и 1200 гг.; сюда приходили те, кому предстояло пройти обряд крещения. С языковой точки зрения важно,

что **kris(-in-)* реализует другую возможность, нежели *cixtisna*.

Krive, krive, kriv-ait- (*kirv-ait-*?) — криве, наименование верховного жреца древних пруссов, игравшего исключительную роль в религиозной и общественной жизни; он описывается и упоминается в значительном количестве источников. Судя по всему, к криве относится свидетельство Адама Бременского (1085), где, однако, само имя не названо: . . . *Divinis, auguribus, atque nigromanticis omnes domus plenae sunt (qui etiam vestitu monachico induti sunt). A toto orbe ibi resposca petuntur, maxime ab Hispanis et Graecis (Lib. IV, cap. 16).* Наиболее полные сведения о криве даны в «Хронике» Дюсбурга, а именно в главе «*De ydolatria et ritu et moribus Pruthenorum*». После сообщения о том, что у пруссов нет богов и они поклоняются священным объектам (от солнца до вод) и что они не имеют письменности, Дюсбург описывает криве как центральную фигуру, пользующуюся особым почтением пруссов: *Fuit autem in medio nationis hujus perverse, scilicet in Nadrowia, locus quidam dictus Romow, trahens nomen suum a Roma, in quo habitabat quidam dictus Crive, quem, colebant pro papa, quia sicut dominus papa regit universalem ecclesiam fidelium, ita ad istius nutum seu mandatum non solum gentes predictae, sed et Lethowini et alie nationes Lyvonie terre regebantur. Tante fuit auctoritatis, quod non solum ipse vel aliquis de sanguine suo, verum etiam nuncius cum baculo suo vel alio signo noto transiens terminos infidelium predictorum a regibus et nobilibus et communi populo in magna reverencia haberetur. Fovebat etiam prout in lege veteri jugem ignem. — Prutheni resurrectionem carnis credebant, non tamen, ut debebant. Credebant enim, si nobilis vel ignobilis, dives vel pauper, potens vel impotens esset in hac vita, ita post resurrectionem in vita futura. Unde contingebat, quod cum nobilibus mortuis arma, equi, servi et ancille, vestes, canes venatici et aves rapaces et alia, que spectant ad miliciam, urerentur. Cum ignobilibus comburebatur id, quod ad officium suum spectabat. Credebant, quod res exuste cum eis resurgerent et servirent sicut prius. Circa istos mortuos talis fuit illusio dyaboli, quod cum parentes defuncti ad dictum Crive papam venirent, querentes, utrum tali die vel nocte vidisset aliquem domum suam transire, ille Crive et dispositionem mortui in vestibus, armis, equis et familia sine hesitatione aliqua ostendebat et ad majorem certitudinem ait, quod in superliminari domus sue talem fixuram cum lancea vel instrumento alio dereliquit. — Post victoriam diis suis victimam offerunt et omnium eorum, que ratione victoriae consequuti sunt terciam partem dicto Crive presentarunt, qui combussit talia. Nunc autem Lethowini et alii illarum parcium infideles dictam victimam in aliquo loco sacro secundum eorum ritum comburrunt, sed antequam equi comburrerentur, cursu fatigantur in tantum, quod vix possunt stare supra pedes suos. Prutheni raro aliquod factum notabile*

inchoabant, nisi prius, missa sorte secundum ritum ipsorum, a diis suis, utrum bene vel male debeat eis succedere, sciscitentur («Cronica» III, cap. 5. SRP I, 53—54). — Неоднократно говорит о криве Николаус фон Ерошин в своей рифмованной Хронике, зависящий, правда, особенно в начале текста о криве, от сведений Дюсбурга (ср. перечисление объектов религиозного почитания и т. п.). Ср.: *Nû was undir dirre | heidinschaft sô irre | wol inmitten gesat | eine vornême stat | in dem lande N a d r o w e. | Di stat di hîz R ô m o w e | und was nâch Rôme genant, | want dâ was wonende irkant | der o b r i s t e ê w a r t e | nach heidenischir arte. | C r i w e was genant sin name. | Di heidin pflâgin allintsame | vor einin pâbst in haldin; want als der pâbist waldin | pflit gemein der cristinheit, | sust wârin diesem ouch gereit | di Prûzin nicht alleine, | sundir ouch gemeine | Littowin und Liflande; | swaz man dâ irkande | von heidenischin rotin, | di wârin sinen gebotin | gehôrsamlîchin undirtân. | Gewalt sô grôz sach man in hân | under in und achberkeit, | daz nicht alleine wirdikeit | im oder sinen mâgin | di heidin irbitin pflâgin, | sundir swâ ein bote ouch | durch ire gegenôte zouch, | dem dâ C r i w e sinen stab, | odir ein andir zeichin gab | der heidenischin dit bekant, | daz er wêr von im gesant, | den pflâgin si sêre êren. | Di kunge und di hêren, | darzû di gemeine schar | sich im irbôt mit dînste gar. | Ouch hegte und bewarte | der vorgeante êwarte | ein burnde vûer immir mê | nâch gewonheit der aldin ê. | Di Prûzin ouch genende | geloubtin der u r s t e n d e | und doch nicht rechtverteclich. | Alsus trûg ir geloube sich: | swi nû hî ein wesin | dem menschin wêr irlesin, | edil odir unedelich, | durftig oder gûtis rich, | gewaldig odir âne gewalt, | sust wirt sin wesin ouch gestalt | nâch der urstende ebene | in dem kumftigin lebene. | Hivon daz pflegelich geschach | sô man di edelin sterbin sach, | daz man wâpin unde pfert, | knechte, meide, cleidir wert, | jaithunde und vedirspil | und andirs gezûgis vil, | daz man zu hêrschaft nante, | mit den tôdin brante. | Sô mit dem unedlin wart | verbrant nâch iris tôdis vart, | swaz dâ angehört ir amt; | want, daz di selbin dinc intsamt | mit in soldin widir irstân, | sus was irs geloubin wân, | unde in dînen vorbaz mê, | als si getân hattin ê. | Bî disen tôdin was gewis | ein sulch tûvelisch trugnis: | want sô des tôdin mâge | quâmen hin durch vrâge | zu C r i w i n und in bâtin jên, | ob er imande hêt gesên | an deme odir an dem tage | adir an sulchir nachtelâge | varin vor sime hûse hin, | secht, sô pflac er sagin in | unde gar intscheidin | an wâpenen und an cleidin, | an gesinde und an pferdin | und ouch an gebêrdin | mit zeichenin gewisse | des tôdin gesteltnisse. | Und daz si des geloubtin baz, | sô wiste er in ofte daz, | daz er gevorn wêr dâ vur: | er hêt ein zeichin in sin tur | gestochin odir gehouwin, | als si dâ mochtin schouwin. | Al dise heidin vorgeseit | hâtin ouch gewonheit, | swen si gesigit hâtin, | daz si ir o p f i r tâtin | den abgotin durch ir heil. | und al der habe dritte teil, | di in zûval des sigis gab, | wart von in geteilt ab | und geantwortit C r i w i n sân, | der daz den gotin ouch verbran. . .*

(Kronike von Pruizinlant V, 3983—4116). Лаврентий Блуменау в своей «Historia de ordine Theutonicoꝝ cruciferorū» (1457) приводит данные, относимые, несомненно, к криве, но имени его не упоминает, употребляя в соответствующих местах *augur* и *(h)arusprex*. Зато Симон Грунау в своей Хронике не раз обращается к криве. Ср.: Diese eiche und die wonung des *c r u w e n a d i r k u r w a i d e n s* mit allen seinen waidolotten, das woren priester, sie nannten Rickoyoto; — Von diesem Lithpho sein tage nie mochte sein göthe zu Rickoyott beschauen, darumb er in seinem lande einen *c r u w e n* sunderlich irwelten und auch seine götte, wirdigethe, idoch dy nemlichsten oppher sie gleichwol durch iren *c r u w e n* ken Ryckoyoto schickten, und umb dis willen so quam is auff, die in Lithphonia nannten ihren herren *c r u w e* und den zu Rickoyoto sie nannten *k i r w a i t o* und sie im gleichwol allen gebür thetten wiewol sie eine sunderliche stelle hetten, in welcher sie ihre götte wirdigten, ag das sie do nit ihre bilde hetten, welchs is machte in ein vorwingerungk. Besonders ценно, что эти упоминания непосредственно связывают криве с определенными божествами прусского пантеона и с соответствующими ритуалами. Так описывая «die grosse dicke und mechtige hohe eiche, in welcher der teuffel sein gespenst hette und die bilde der abgötte ynne woren. . .», являвшийся своего рода святилищем, Грунау указывает: . . . und umb und umb woren hubsche tuchir vorgezogen ein schrit aber 3 von der eichen wol 7 elen hoch, do mocht niemandt eingehen ag der *k i r w a i t o* und die obirsten waidolotten, sonder so imandes quam, sie die tuchir wegk zogen («Cronica», см. LPG 196); существенно, что криве находится при триаде изображений богов (Перкунс, Потримис и Патолс), помещавшихся на этом дубе. В главе об именах прусских богов криве упоминается в связи с Патолсом, Вуршайтсом и Szwaybrotto'm. Ср.: Dieser [Patols. — *B. T.*] war ein irschrocklicher got des nachtes spuck im hause zu treiben sunderlich in den hofen der edlinge. Voraus er unsinnigk thette, wen man des *k i r w a i d e n s* beful nit hilt, und qwam viel mol, wie ehr ettlich erschreckt des nachts, domit sie den todt dovon hetten. . .; — . . . Diesen die Bruden in selber zu einem gott irwelten, wen is war ihr *k i r w a i t* gewesen Bruteno und er sich mit Witouito irem konige und seinen brudern selbir geopphirt umb gnade willen den gantzen gemein; — Szwaybrotto war funffte gott, und in auch selber die Brudeni einen gott gemacht haben umb der liebe willen, wen so er ihr konig war und Witowuto genant mit seinem bruder Bruteno dem *k i r w a i t e n*; sie sich lebendigk vorbrandten vor der eichen. . . В главе «Vonn weise der wonungk und namebungk der stellen» ср.: Unnd Widowuto der konig Brudeno dem *k i r w a i t* seinen gehorsam und ehre hette gethon, der *k i r w a i t* gebott, man solte die nacht dobleiben, ab im die götte wos befulen wurden. Und qwam in der nacht ein irschrecklich wettir mit donnern und plitzen, in welchem alles volck meintten, und ir gott Perkunorette mit dem *k i r w a i d e n*. Darumb im morgen die waidtlotten trugen den *k i r w a i t* und in satzten auff einen gros-

sen hauffen holtz, und sprach also: Lieben getreuen, unser götte, ir habt unsz heint aller gesehen und gehortt, wie gar irschrecklich Perkunorette unser gott mit uns geret hot, so hott er mit sampt den andern unsz lossin wissen, wie wir das landt ihrer einwonungk sollen nennen. Wist, sint dem mole euch sal regiren der *k i r w a i d o*, so wellen sie, und ihr lant sall heissen Brutenia von dem namen abgezogen, der zu euch ist der munt gottis . . . Sie wellen einen *k i r w a i d e n* haben mit vielen *w a i d l o t t e n*, die denne im reichen sollen deine gobin, so er stehin wirdt in ihrer kegenwertigkeit und dos deine inne ubireichen yn deinem namen. Sy wellen, und eyn stetis feuer von in burnen sal . . . Sie auch wellen, und die wonungk des *k i r w a i d e n* mit seinen waidlotten und der götte sollen heissen Rickoyott. . . Особое значение в рассматриваемом вопросе имеет статья «Vom gehorsam und ehre des *k i r w a i d e n n* und seiner irwelungk»: Die Bruteni nannten ihren obirsten herren, der sie regirte in nahmen irer götte *k i r w a i d o* das ist gottis muntt, die Masuren, die denne zu ihren götthen gezogen wurden, in nanten *c r i w e*, und so kompt is, wie oft ein wort fur das ander wirdt gesetzt, is hott aber nix auff sich, wen es bedeut ein person. Und wardt so vorhalten, domit einer zu dem andern sprach: hostu auch unseren *k i r w a i d e n* gesehen, sprach er: nein, so sagte der in frage: und ich in hab gesehen, darumb bin ich heiliger, wen du. Dieser *k i r w e y d o*, wen ehr zu der eiche seiner göttir gehen wolte, so schreg man is aus, und alles folck zu liff, und sie in sahen, rufften, er solde sie gebenedeien, wen stets er alleine sas, und darumb ein gemein volck andirs hilt, den die götte vor und vor mit im redeten. Er hette bey im im dinste seiner götte menner und frauen beide geschlecht wittwen, und werlich gar zuchtiglichen sie lebeten, und was denne dem *k i r w a i d e n* gut dauchte, er is den waidlotten ansagte, und sie es weiter brochten. So nu der *k i r w a i t t e* sich füllete kranck und schwach, wolt er dos thun, es stundt zu in, er lis einen guten namen hinder sich, also er lis gebitten, man solt komen ken Rickoyott zu der grosten feier, und sie quomen, und er lis im von dornenstrauch und frischem stro machin einen grossen hauffen, auff welchem mit hulffe er steigk und hot dem folcke ein langes gepredigett durch ausschreiungk der waidlotten und sie vormanete zum dinste ihrer götte, und der worte vil. So lis er sie fragen, und in is auch leidt were, und sie nit mit gantzem hertzen hetten geert ire götte, und sie srigen ja. Nu sprach er, domit is euch nit komen zur strafe, so wil ich mich heut opphirn und gehen zu unseren göttin und alwege das beste vor euch reden, und nam von dem feuer vor der eichen und zunt bei sich an und sich só verbrandte, und is wardt grose freude von neuen heiligen, wen so wardt is von den waidlotten aussgeruffen. Dis geschæch nit offte und darumb war es in auch was seltzam. Balt den anderen tagk die waidlotten in einen anderen *k i r w a i d e n* irwelten, und dies do sagk und auffnam allis folck. Упоминание о криве встречаются и в других местах «Хроники». Ср.: Is wardt von anbeginne von dem irsten konige und *k i r w a i d e n* irkant vor das beste, und die waidtlotten woren

geteilet durch das gantz landt . . .; Dornoch sie heben an zu trincken und essen und dis sie nennen kirwaiten, und mus io niemandt nuchter sondern gantz trunken heimgehen; — Wiewol bey den kirwaiten zu Rickoyot viel waidler woren und waidlin, die alle arbeit genugk hetten in dem opphirm den gotthirn dos feuer zu halten und wie den ihre dinsten woren, so woren auch sust im lande vil waidler und auch waidlinne. . .; — Item alles was sie im kriege irlangten von boyte, die menschin sie irschlugen, das ander teilten in 4 teil, eines sie den götthern oppherten, also die schonsten pferde welche sie vor der eichen zu tode rantten, das ander teil dem kirwaiten und seinen waidlotten zu einer enthaltungk, das 3 teil seinen freunden und guten nogwern, das 4. teil vor sich behilt und davon wol und ful lebete; — kyrwait, das ist irbost. Название криве в разных формах встречается и в более поздних источниках (ср. у Харткноха *kriwe kriweito* и др.), но они практически или повторяют уже известные свидетельства или предлагают некоторые новые варианты — труднопроверяемые и ненадежные или вовсе фантастические. Поэтому при анализе криве целесообразно исходить из приведенных выше источников (хотя и они неравноценны, во-первых, и не все независимы, во-вторых) и учета сведений о криве в литовской ритуально-мифологической традиции, которые в свою очередь нуждаются в строгой проверке ввиду их позднего и иногда, видимо, искусственного характера. Во всяком случае некоторые источники, которые могли бы оказаться очень полезными, содержат такие сведения о криве, которые, с одной стороны, отражают данные более ранних источников, а, с другой, приносят в описание прусских реалий черты современного им литовского обряда (ср. «Historia regum Prussicarum» Бреткунаса, см. LPG 422). Наиболее надежные сведения о криве свидетельствуют, что он был верховным жрецом у пруссов в главном их святилище в Ромове (Надравия). Правда, в одном месте (Cronica 71) Грунау сообщает, что *Crywe* жил в Литве и Мазурах (в Надравии), а в Рикайте (*Rickoyot/t/*) — *kirwaito*. Как указал в свое время Буга (*Medžiaga lietuvių, latvių ir prūsų mytologijai*. 1909=RR I, 175), из этого сообщения можно было сделать вывод, что *Crywe* жил не в Рикайте, а в ином месте (в Ромове) и что Рикайт был местом пребывания *kirwaito*, т. е. предполагалось следующее распределение: *Crywe* в Ромове, *kirwaito* в Рикайте. Такое удвоение, согласно Буге, коренится в факте склеивания воедино двух разных версий — одной, восходящей к «Хронике» Дюсбурга, и другой, существовавшей, возможно, в народном предании. Но в других местах сочинения Грунау этой двойственности не обнаруживается: речь идет об одном верховном жреце и одной его столице, иначе говоря, *Crywe* и *kirwaito*, Ромове и Рикайт соответственно идентифицируются («Ta identifikacija yra pilnai teisėta» RR I, 175). Буга приходит в результате к выводу, что *kirwaito* и Рикайт обозначают то же самое, что *Crywe* и Ромове, но эти названия были употребительны в Толкемите и его окрестностях (т. е. там, где жил Грунау). Во всяком случае здесь

уместно отметить реальность обеих форм (*Crywe* и *kirwaito*); о возможной исторической (в реконструкции) интерпретации этой парности см. ниже. Авторитет Криве был очень велик, и Дюсбург неслучайно называет Литву и Латвию (Ливонию) как земли, на которые распространяется власть Криве. Упоминание о связи названия *Romowe* с Римом косвенным образом обосновывает истоки власти и функций первожреца древних пруссов (та же «римоцентричность» отражается в сравнении Криве с римским папой). Криве имел своим местом пребывания общепрусское святилище в Ромове, где его окружали подчиненные ему вайделоты. Главным священным объектом, с которым был связан Криве, служил огромный вечнозеленый дуб, на котором находились изображения прусской божественной триады, каждый из членов которой символизировал связь с соответствующей космологической зоной (небом, землей, подземным миром). Криве хранил вечный огонь у дуба, принимал участие в жертвоприношениях (упоминается как жертва козел и — косвенно — белая лошадь; сообщается также, что треть военной добычи сжигалась как приношение богам), был духовидцем и занимался предсказаниями (ср. Криве как *gottis muntt*, т. е. 'уста бога'), толковал волю богов по грому и молнии, посылаемым ему Перкунсом, имел отношение к похоронным обрядам и к царству смерти, что особенно важно в связи с сообщениями о вере пруссов в воскресение плоти (*Prutheni resurrectionem carnis credebant. Dusburg*) и в будущую жизнь. Вещественным символом власти Криве была палица (*baculum*), о чем см. ниже. Очень существенны сообщения о Криве Симона Грунау и других авторов XVI в. В их описаниях ранней истории пруссов, выдержанных в мифологизированном духе, рассказывается о двух братьях Видевуте и Брутене, из которых последний принял титул *Crywo Cyrwaito* и воздвиг в Рикайте жилище для главной триады прусских богов. Изображения двух из этих богов — близнечной пары Патолс-Потримпс — находились на священном дубе в Ромове (ср. почитание римских близнецов, основателей Рима, в связи с так называемым *ficus Ruminalis*, толковавшимся как «дерево Рима»). Во многих местах пруссы устанавливали парные столбы с изображениями Видевута и Брутена, которые почитались как боги или обожествленные предки, основатели традиции светской и религиозной власти. Наличие двух парных божеств, воплощающих близнечную идею (старший Патолс и младший Потримпс), двух братьев, один из которых вождь, а другой — первожрец, именуемый *Crywo Cyrwaito*, двух столбов, изображающих этих братьев, и т. п. дает основание предполагать, что указанное парное обозначение некогда соотносилось с парой в целом, т. е. с обоими братьями-близнецами. В этом контексте характерно уменьшительное образование *Cyrwaito* (= *Kriv-ait-*, ср. многочисленные варианты этого имени у Грунау: *kirwayt* 3₃₄, 87₂₄, *kyrwait* 65₁₃, *kirwait* 85₂₀, 87₂₆, 88₉, 96₁, 101₃₄, 102₁₆, 105₂₅, 105₂₉, *kirwaitt* 73₂₁, *der kirwaitte* 97₇, *den kyrwaiten* 11₁₇, *der unseligen kirwaytenn* 26₂₆, *kirwaito* 71₂₀, 78₁₁,

kirwaitto 78₂₇, *kyrwaito* 79₁₂, *kirwaide* 87₂₁, *kirwaido* 69₁₀, 88₂₉, 96₃₁, *kirweydo* 96₃₇; см. Būga RR I, 173) как обозначение именно м л а д ш е г о брата, аналогичное по типу многочисленным обозначениям второго члена в близнецных парах; ср. лат. *Remus-Romulus*, осет. *Xsart-Xscert-æg* и т. п.). Литовские данные также актуализируют идею парности, хотя сами источники относятся к позднему времени и, главное, обнаруживают следы многих влияний. Так, имя Криве-Кривайтис носит жрец Перкунаса в святилище, находившемся в долине Швинторога, на месте будущего Вильнюса. Позднее предание об основании Вильнюса сообщает о верховном жреце Криве-Кривайтисе, отце Лиздейки, которого он младенцем подкинул князю Гедимину. Выросши, Лиздейко сам стал Криве-Кривайтисом и родоначальником фамилии Радзивиллов, толкователем пророческого сна Гедимины об основании города. Парность имени и связь Лиздейки (от лит. *lizdas* 'гнездо'; Гедимин нашел младенца в орлином гнезде) с Вильнюсом отсылает к широкому кругу мифов и преданий об основании города близнецами или одним из близнецов, дающим городу свое имя. Реконструкция приводит к правдоподобному постулированию пары типа **Kriv-* & **Kriv-ait-*. Подобно тому, как в Риме более короткое имя обозначало обоих братьев (*Remi* в значении 'Ром и Ромул'), в балт. традиции предпочтение было отдано основе **Kriv-*, использованной в нейтральном обозначении верховного жреца, во-первых, и в названии ядра, из которого вырос ранний город (ср. *Curvum castrum*, *Krzywogrod*, *Кривой город* как древняя часть Вильнюса — при *Kriv-*, название жреца, аналогично лат. *Roma — Romulus*), во-вторых. Следовательно, нельзя исключать, что **Kriv-* был основателем не только религиозной традиции, но и древнего города. Хотя большая часть примеров, относящихся к обозначению жреца корнем *kriv-*, относится к позднему времени (ср. лит. *krivė* [Prūsų *krivė* ir lietuvų dainos *krivaitis* 'valdovas' . . . būtu gretintini su žodžiu *krivis*, *krivė* 'kreivės žmogus'. Būga], *krivis* [Žinios apie Lietuvos *krivius* būtu labai svarbios, jei jos būtų tikros. Būga], *krivaitis*, *krivaitė*. LKŽ 6, 657, 659—660), известны и такие примеры, в которых сомневаться не приходится. С одной стороны, речь идет о фольклорных данных (ср.: *Kur tu jį puleisi? — Mamuž, mamuž, garbužėle pas patį krivaitį*. Schleicher Lit. Lesebuch 1857, 10, в другом варианте песни: *pas patį karalių*), которые подкрепляются иными фактами, и, с другой стороны, производным словом от того же корня *kriv-*, обозначающим основной атрибут жреца (позже сельского старосты) — искривленную палку, посох, жезл (ср. *baculum* в латинском тексте Дюсбурга), ср. лит. *krivūlė* 'kreiva lazda'; 'lazda žmonėms į kuopą sušaukti' (Turėjo lazda, *krivule vadinamė*. Daukant.; *Ansai garsusis Crivėš (krivės)* 'baculum' buvusi *krivūlė*. Būga; *Jau eina per kaimą seniūnas, krivūlės galu barbendamės į pėlanges*. LKŽ 6, 661, ср. 658), *krivūlis* и даже *krivė* (ср. *Krivė — kreiva lazda vyrus į kuopą šaukti; Krivė atnešė, reik eit in kuopą* и т. п.). Эти последние примеры могут рас-

считаться как косвенные аргументы в пользу достоверности лит. *krivis*, *krivė* и т. п. Вместе с тем литовские обозначения ритуально отмеченной искривленной палки-посоха делают практически бесспорным предположение о том, что подобным образом обозначался соответствующий предмет и у прусских криве, тем более, что с этим согласуются и вост.-прусс.-нем. провинциализмы, которые могут быть как пруссизмом, так и литуанизмом. Ср. *kriwūle*, der *Krumstaba*, den der *kriwe* als Zeichen seiner Würde trug; später, und zum Theil noch jetzt, heisst *kriwūle* bei den Preussen sowohl wie bei den Litauern der Krummstab des Dorfschulzen, bestehend aus einem kurzen Stecken mit daran befindlicher gekrümmter Wurzel, durch dessen Herumschicken von Haus zu Haus die Gemeindeversammlungen berufen werden. . . Auch die Gemeindeversammlung selbst wird *kriwūle* genannt, oft auch in der verstümmelten Form *krawól*, selbst zu *kull verkürtz*; auch die geselligen Zusammenkünfte, z. B. die Spinnabende, heissen an manchen Orten noch *krawül*, *krawól*, *krawā* (Thes. 1873, 81; PW I, 432—433), *krivūle* (уже Hennig Pr. Wb. 136, ср. Praetorius Delic. Pruss. 9, 38, изд. Пирсона), ср. Sabaliauskas LKK 8, 1966, 98 (нем. *Kriwe*, *Kriwūle*).

К самой реалии см. Fischer EDP 1937, 30; Liet. etnograf. bruož. 1964, 528—529, рис. 272. — В свете всех этих данных для прусского следует принять три производных от корня *kriv-*: **kriv-e-*, **kriv-ait-* (**kriv-ait-*) и **kriv-ul-*. О варианте *krive*, несколько неожиданном для masc., см. Būga RR I, 177: *crive* как переделка из *Criwis* по образцу немецкого (приводятся другие примеры подобного типа); там же 175 о реальности *kriv-* и метатезированной формы *kriv-ait-* в прусском (ср. подобное явление — лит. *Dirsvėta*, блр. *Дрысвяты*, но и лит. *Dirsvėta*). Старые этимологические объяснения, как правило, неубедительны или вовсе неверны, в лучшем случае они лишь косвенно связаны с решением вопроса (ср. лтш. *krievi* 'русские' или из лит. *krivūlė* и т. п.), ср.: к лит. *kerėti* 'колдовать', 'чаровать', *kerai* и далее др.-инд. *kāra-* 'деяние' (*kṛtā-*, авест. *kərətā-* от *kar-* 'делать'), *kārana-* 'деяние' (в частности, религиозное), *kārman-*; ср. типологически сходное др.-греч. *ἱερέων* или *ἱερίων* 'жрец' и т. п. (Лерберг, Брюкнер, Яунюс, Маннгардт, Шрадер, Буга и др.). Буга, высказывавший разные точки зрения на этимологию лит. *krivė*, *-is* и прусск. *Criwe*, в конце жизни пришел к пессимистическому выводу: «Dėl *Criwės* . . . šiandie turiu pasisakyti, kad aš tam vardui neturiu etym[ologijos]» (RR III, 809, в письме к Р. Бертуйейту 1921 г.; ср. вместе с тем нерешительность: «Ar *krivaitis* . . . turi ką bendrą su žodžiu *krivis*, *krivė* 'ein ganz verschief-ter Mensch' sunku kas tikra pasakyti». Ibid., 809). Неопределенностью отличается и вывод Френкеля («Die Herkunft ist nicht ganz klar». LEW 300). Тем не менее этимология прусск. *Criwe*, лит. *krivė*, *krivis* очевидна и бесспорна. Она вытекает уже из связи руководителя ритуала *Kriv-* с его атрибутом (лит. *krivūlė* и под.), представляющим собой искривленную палку, сук и ветку (в связи имени

персонажа с названием атрибута этого типа ср. польск. *Krak* — *krakuła*, *krakulica* или русск. *Куй* — *куй*, если говорить о именах основателей традиции). Мотив кривизны (или ее варианта — левизны) постоянно встречается в связи с темой гадания, предсказания как непрямого выбора (ср. типологические параллели употребления в этих случаях кривой палки или вообще предмета неправильной формы). Сами основатели традиции нередко обозначаются по принципу 'кривой', 'левый', ср. мифологизированного прародителя кривичей Крива или древнегреческого мифологического царя, отца отгадчика и предсказателя Эдипа, Лайя — Λαῖος, Λῆος из *ΛαιϜος (: λαιός 'левый'), ср. слав. *lěvъ* 'левый' и т. п. Наконец, сосуществование в балт. **kreiv-*: **kriv-* как обозначений кривизны гарантирует надежность связи имени Криве (характерно балансирование этого названия на грани между апеллятивом и именем собственным) с этим балт. корнем. Ср. прусск. {**kreiv-*} и *greiwakaulin*; лит. *kreivas* 'кривой', 'косой', 'нехороший', 'скрюченный' и т. п., *kreivė* 'кривая', *kreivis*, *kreivys*, *kreivinis*, *kreivinti*, *kreivoti* и т. п.; *krievūlis*, *kreiválda*, *kreivāzas*, *kreivėzas* 'кривое дерево', *kreivašakis* 'с кривыми ветвями', *kreivkelis* 'непрямой (кривой) путь', *kreivākys* 'косоглазый' и т. п.; *kratvas* (Ширвид. Dict.; Бретк.), но и *krivis* 'искривленный человек (или вещь)', *kriváila*, *krivėza*, *kryva*, *krivėlda*, *krivingis*, *kriviza*, *krivinti*, *krivuliūoti*, *kryvūoti* и т. п. (см. LKŽ 6, 505—514, 657—662); лтш. *krievs* 'русский' и, видимо, 'кривой' (ср. Elger Dictionarium 643: *krevs*), *krievticība*, *krievticīgs* 'православный' (т. е. исповедующий русскую веру), см. ME 2, 285; слав. **krivъ*: польск. *krzywy*, кашуб. *křěvi*, слов.-помор. *křāvī*, полаб. *krave* (*kreuwe*, *kreiwa*), в.-луж. *křiwu*, н.-луж. *kšiwu*, чеш. *křivý*, словц. *krivý*; ц.-сл. *кривъ*, болг. *крив*, макед. *крив*, с.-хорв. *крѣв*, словен. *kriv*; русск. *кривой*, блр. *крьвѣ*, укр. *кривий*. Кроме этих балтослав. соответствий (причем вокализм слав. форм однообразнее балт.) можно упомянуть (с известными сомнениями) более отдаленное лат. *curvus* 'кривой', а также балт. примеры с иным расширением корня (ср. лтш. *krēiss* 'левый', *kreilis* 'левша', *krails* 'искривленный', 'изогнутый' и т. п.). Обильны топонимич. примеры с корнем *kriv-*/*kreiv-*. Ср. прусск. Nom. pr. *Krywyen*, 1419 (APN 48); лит. *Krivėnai*, *Krivónys*, *Kritonėliai*, *Krivuliai*, *Kriviliai*, *Krivičiai*, *Krivaičiai*, *Krivāsaliai* и т. п. (LATSŽ 142); *Krivašiūnas*, *Krivai*; лтш. *Krivi*, *Kriviņa*, *Krives-pakalne*, *Krivaši* (LV I, 2, 140, 141; Dambe Baltist. I priedas 1972, 58), но и лит. *Kriviatai*, *Kreivóji*, *Kreivūkė*, *Kreivupė*, *Kreiviškiai*, *Kreivėniai*, *Kreivėniškiai*, *Kreivėnai*, *Kreivalaužiai*, *Kreivakiškis* (LATSŽ 140); *Kreivė*, *Kreivė*, *Kriviatai*, *Kreivys*, *Kreivóji*, *Kreivonis*, *Kreivute*, *Kreivežeris*, *Kreivažeris*, *Kreivakrautis*, *Kreivakiškis*, *Kreivupis* (LUEV 78; Liet. hidr. 51, 61, 67, 189, 249—252, 256; LHEZ 164); лтш. *Kreiviške*, р.; *Kriēvs*, *Kriēvi*, *Kriēvaini*, *Kriēvaiši*, *Krievani*, *Krievēņi*, *Kriēvene*, *Krieviete*, *Krieva-ceļš*, *Krievakalns*, *Krieva-purvs*, *Krieva-sala* и т. п. (LV I, 2, 142—146). Ср. также Nom. pr. лит. *Kreivutis*, *Kreivys*, *Kreivaitis*, *Kreivėnas*, *Krei-*

vėkas и т. п. (Liet. antrop. 157 и др.): ст.-лтш. *Krewe*, *Krews* (если от *krievs*), *Krevessche*, *Kreving*, *Krewyn* и др. (LPV 195—196).

Славянская топонимика также изобилует примерами употребления названий с корнем *Kriv-*. Существенно отметить хотя бы белорусские факты, нередко обнаруживающие скрытые балтизмы. Ср. *Крывелі* (Минск), см. Лит. элем. блр. анамст. 1968, 76; *Крываль*, *Криваль*, *Кривялі*, *Кривели* (Слоўн. назв. Мінск. 142); *Крывель*, *Крываль* (Мікратап. Белар. 127); ср. Nom. pr. *Крывель*, *Криваль* (Белар. антрап. 2, 221—222: *Кривелёв*, *Кривелев*).

— Л и т.: Lehrberg Send. Kurl. Ges. 1, 1840, 137 ff.; Thes. 1873, 81; Mierzyński Труды X Археолог. съезда в Вильне 1893, т. 1, М., 1895; Mythol. Lithuan. Monum. II, 1896, 25—43, 54; Schrader Reallex. idg. Alt. 1901, 643; Brückner Staroż. Litwa. 1904, 19, 58; Prochaska Kwart. Hist. 18, 1904, 481—486; Buga Aist. stud. 1, 1908, 181—182; Liet. taut. I, 3, 1909, 340—349; KS 59 (=RR I, 170—180, 185; II, 79; III, 809); Bertuleit Sitz.-ber. Altert. Ges. Prussia 25, 1924; Krollmann Apr. Forsch. 4, 1927, 12; LPG 88, 90—97; 108—109, 174, 192—201, 203, 205—208, 210—212, 214—217, 219—220, 222, 225—226, 422—423, 510, 515, 520, 555, 558, 620; SPV 198; Иванов, Топоров Вопр. этноген. 1976, 127; Мифы 2, 1982, 15; Б.-сл. иссл. 1982, 1983; Топоров Б.-слав. сб. III, 1980, 62—69. — [*krive*; *kriv-ait-*: *kirv-ait-*(?)].

kriv-(i-en-)?, ср. Nom. pr. Герман *Krywyen*, 1419 (APN 48). — Это личное имя семантически отмечено, поскольку оно, несомненно, соотносится с названием прусского верховного жреца Криве (см. *Krive*, *krivait-*: *kirvait-*). Ономастические параллели в вост.-балт. традициях даны выше.

{**kriv-ul-*(?)}, см. статью *Krive*, *krive*, *kriv-ait-* (*kirv-ait-*?).

crxstiāniskas, см. *cristiāniskas*.

{*krak-av-*(-ov-)}, см. {**krak-av-*(-ov-)}.

{**krom-*(?)}, ср. *Crone*, 1463 (*Krone*, 1460: ошибка писца), *Crom*, 1480, позже — *Craam* (APON 73). — Ср. лтш. *Krāmi*, *Krāmu-tirgus*, *Krāmene* р., *Krāmiņi* (LV I, 2, 129; лит. *Kroma-raistis*, прусск. *Krone?*). — См. также {**Krom-av-*(-ov-)}.

{**krom-av-*(ov-)} см. {**kram-av-*(-ov-)} — Ср. *Cronov* See, ок. 1420; мазур. *Cronow*, *Cronaw*, ок. 1420; *Cronowin*, 1412 (Тоерпен Gesch. Mazur. 62); *Kromolein*, 1412; *Cronow*, ок. 1400 (Cod. dipl. Pruss. IV, 186); позже — *Kronowin*, *Kronozin*, *Krominek* See, но и *Kroninek*, *Kronineck* See (Słown. nazw. Mazur. II, 333—334). — См. {**krom-*}.

{**kron-av-*(-ov-)}, ср. *Cronow*, 1378, позже — *Cronau* (APON 73, с замечанием «weil preußisch, dann zu lit. *Kruonis?*). Неясно. Ср. лтш. *Kruōna-muiža*, *Kruoņa-kalns*, *Kruoņa-kruogs*, *Kruoņa-lauks*, *Kruoņa-māja*, *Kruoņa-pļava*, *Kruoņa-purvs*, *Kruōnes*, *Kruoņi*, *Kruōnītis*, *Kruoņiši*, (LV I, 2, 157); лит. *Kruonis* (LATSŽ 142—143); *Kruone* (LUEV 81), *Kruonka* (Liet. hidr. 181; LHEZ 168). М. б., сюда же *Крѡнькі*, с. Щучинск. р-на Гродн. обл. (Кратк. топон. слов. Белор. 185: от фамилии *Крѡнько*, сопоставимой с лит. *Kruonas* и т. п.). Nom. pr. *Крон* (Белар. антрап. 2, 218). Ср. еще: *Kro-*

nowska Struga, Kronauer Fliess (Słown. nazw. Mazur. II, 202); *Kropowo* (Ольшт., Гижицк.), *Kronówka*, м. б., *Kroninek* (Słown. nazw. geogr. PZP 146). Однако *Kroninek* известен как вариант названий с корнем *krom-*, ср. *Kronineck See* при *Krominek See, Cromow*, ок. 1420, и др. (Słown. nazw. Mazur. II, 333—334).

{*krop-ain-}, ср. *Cropaun*, 1340 (APON 73). — Выделяется корень *krop-* и суф. *-ain-*. К корню ср. *Kropino*, 1405, позже — *Cropiens*; *Croplauken*, 1387; *Cropolyn*, 1364, позже — *Kroplainen*; м. б., *Cropstein*, 1366; а также Nom. рг. *Cropeyns*, 1342; *Kropil*, *Kropale*, *Kropel*, *Cropil*; *Kropin*, *Cropyn*; *Cropolin*; м. б., *Cropolto*, 1302 (APON 73—74; APN 48—49). — Ср. мазур. *Kropajny*, лес на ю.-з. от местечка Lidzbarka-Warm., названный по некогда существовавшей деревне, *Kropāne*; *Krapity*, лес на вост. от дер. *Opin*, *Kropitten*; *Krapitka*, ручей, *Kropitten Fliess*; *Kropilink*, *Kroplineck*, *Kropilingsee*, *Krupolinek*; *Crappelle*, *Kraplewka*, *Kroplewka*, *Kraplauer Fliess*; *Kraplewskie Łąki*, *Kroplewskie Łąki*, *Kroplewko*, *Krapil*, *Kraplauer See*, *Kraplauer Seewiesen*, *Kraplewo*; *Kraplauer Bach* (Słown. nazw. Mazur. II, 75, 126, 212, 242—243); *Kraplewo*, *Kraplau* (Słown. nazw. geogr. PZP 144); *Kraplewka*, *Kroplewka*, *Kraplauer Fliess*, *Kraplauer Bach* (HW 602, 618). — Ср. лит. *Kruopāiniai* (: прусск. *Cropaun!*), *Kruopinė*, *Kruopinė*, *Kruopiat*, *Kruopėliai*, *Kruopeliškės*, *Kruopiškis?* (LATSŽ 143); *Kruop-vadis* (LHEŽ 168: из Nom. рг. *Kruopas*); Nom. рг. *Kruopas*, *Kruopas*, *-is*, *-ys*, *-ā*, *-aitis*, *-iėnis*; ст.-лит. *Kruopelis*: *Kropiala*, *Kropielowa* (Liet. antrop. 158, 238); лтш. *Krūopinė* (LV I, 2, 157: *krūope* 'маленькое углубление'). — Ср. **krop-*, **krap-*.

{*krop-al-}, ср. Nom. рг. *Kropale* при *Kropil*, *Cropil*, *Kropel* (APN 48). — Ср. *krop-al-in-*. — Параллели см. {*krop-ain-}.

{*krop-al-in-}, ср. *Cropolyn*, 1364, позже — *Kroplainen* (APON 74); Nom. рг. *Cropolin*, 1364 (APN 48—49: *bartische Familie*, 1367). — Характерно, что *Cropolin* жил в местечке с тем же названием, обязанным своим происхождением, видимо, этому имени. — К суф. ср. APN 176, 177. — См. также {*krop-al-}, {*krop-al-t-}. Параллели см. {*krop-ain-}.

{*krop-al-t- (?)}, ср. *Cropolto*, 1302 (PU 2, 503). APN 49. — К элементу *-t-* ср. Nom. рг. *Nagripte*, *Nicte* и под. — Ср. {*krop-al-}, {*krop-al-in-} — Параллели см. {*krop-ain-}.

{*krop-ein-}, ср. Nom. рг. *Claus dictus Cropeyns*, 1342 (APN 48). — Ср. *Cropaun* (APON 73). — Параллели см. {*krop-ain-}.

{*krop-el-}, ср. Nom. рг. *Kropel*, наряду с *Kropil*, *Kropale* (APN 48). — Ср. {*krop-al-}. — Параллели см. {*krop-ain-}.

{*krop-il-}, ср. Nom. рг. *Kropil*, *Mertin Cropil*, наряду с *Kropel*, *Kropale*. — Ср. {*krop-al-}, {*krop-el-}. — Параллели см. {*krop-ain-}.

{*krop-in-}, ср. *Kropino*, 1405, позже — *Cropiens* (APON 73); Nom. рг. *Kropin*, *Cropyn* (APN 48). — Ср. {*krop-ain-}, {*krop-ein-}; здесь же параллели.

{*krop- & *lauk- (?)}, ср. *Croplauken*, 1387; *Craplawken*, 1401; *Crapelawke* (!); *Crawplawken*, 1405, позже — *Jodeiken* (APON 73:

с замечанием — «Verstümmelt ist der Name... in [Kramplauke], 1350). — Из-за вариантов первой части этого сложного названия (*crop-*, *crap-*, *crawp-*) существуют неясности. Герулис предполагает («wohl») исходную форму **Crauplauken*, сопоставимую с *Craup-eune*; второй член — *laucks* 'поле'. Тем не менее нельзя исключать обе другие возможности — **krop-* и **krap-*, см. {*krap-it-}. — Параллели см. {*krop-ain-} и *laucks*.

{*krop-st-ein- (?)}, ср. *Cropstein*, 1366, позже по-латышски именовалось *Grapsta—Rags* (Bezenberger Kur. Nehg. 133). APON 74. — При неясности вокализма ср. лит. *Krapstikiai*, дер. в р-не Плунге (LATSŽ 139), т. е. на крайнем западе Литвы; также лтш. *Krapstasmasts* при *Krapsas* (LV I, 2, 123). Неясна и связь с {*krop-}, {*krap-}.

{*krov- (?)}, ср. *Krowen*, *Krowum*, 1387 (озеро), позже — *Krawna-See* (APON 74: с отсылкой к *Crawn-eunen*). — Ср. *Graffna gros*, 1595 (Hennenberger Von den See'en II, 12); *Krawno*, *Grosser Krawno See* (Słown. nazw. Mazur. II, 336); *Krawno*, *Gross Krawno* (Słown. nazw. geogr. PZP 144); *Krawno*, *Wielkie Krawno*, *Grosser Krawno*; *Krawienka*, *Krawieńska Struga*, *Krawnieńska Struga*, *Krawno Fluss* (HW 504). — Ср. лит. *Krāvete*, река (LV I, 2, 130), или *Kravainis*, *Kravaini*, *Krawischi*, 1816, *Krava-kalns* (LV I, 2, 128)?

krscha, см. *kirscha*.

{*kruk-}, *Crucke*, 1326; *Crucken*, 1419, — позже — *Krücken* (APON 74: к Nom. рг. лит. *Kriuka*, ср. *Kriukai*); также Nom. рг. *Crusco*, *pobilis*, упоминаемый под 1223 г. (ср. там же *Ego Crusco cum filio meo Thoma...*). Anal. Cartus. Dipl. Polon. et Pruss. 47 (XXXI) о котором см. в письме Брауэра автору от 13 октября 1982 г. Ср. лит. *Kriūkai*, *Kriukai* (LATSŽ 142); *Kriūke* (LUEV 80; LHEŽ 167: *Kriūkis*); лтш. *Kruki*, *Kruku-ezers*, *Kruk-leja* (LV I, 146—147). Ср. Nom. рг. лит. *Kriūkas*, *-ėlis*, но и *Krūkas*, *-ėnis*, *-auskas* и др. (Liet. antrop. 158: к лит. *kriūkti*, *krūkti*) и т. п. — Мазур. *Kruk* отсылает к теме ворона, ср. *Rabe* (Słown. nazw. Mazur. II, 87); ср. *Kruk*, *Kruki*, *Krukowa*, *Krukowo*, *Kruków*. Słown. nazw. geogr. PZP 147; HW 282, 589. См. также Slav. Prag. 8, 1966, 260, где приводятся параллели к западу от Вислы: *Krukow-See*, *Kruckow*, 1530 (Cod. Brand. 4, 40), *Kruckow*, *Crucowe*, 1279 (PUB 2, 401), *Krukow*, *Crucowe*, 1170 (MU 1, 90), см. EOSON II, 64. — Ср. польск. Nom. рг. типа *Kruk*, 1384, *Crucowe*, 1320 и т. п. (Słown. starop. nazw. III, 1, 152—153).

{*krum-ein-}, ср. *Krumeyn*, 1366 (APON 74). — Ср. лит. *Krūminė*, *Krūminiai*, *Krūmijos*, *Krūmiškiai* (LATSŽ 142); *Krūmo upėlis*, *Krūmiškių ežeras* (LUEV 81; Liet. hidr. 262, 270; LHEŽ 168); лтш. *Krūms*, *Krūmi*, *Krūmiņi*, *Krūmani*, *Krūmene*, *Krūmi-dīķis*, *Krūm-ceļš*, *Krūmalas*, *Krūmiņ-gals* и т. п. (LV I, 2, 151—153); ср. также Nom. рг. лит. *Krūmas*, *-aitis*; *Krūminas*, *-is*, ст.-лит. *Krumienškiego*. Gen. Sg. (Liet. antrop. 158); ст.-лтш. *Peter Krum*, 1580;

Hans Krummesz, 1603; *Krumin*, 1607; *Cromin Jacob*, 1607 (LPV 196); куршск. *Jane Krummel*, 1582—1585; *Kersten Krummel*; *Gerd Krummesz* (KF 297: допускается и другой вариант объяснения — нем. *Krummes* < *Hieronymus*); ср. Белар. антрап. II, 219: **Krumin*; Słown. starop. nazw III, 1, 153: *Woytko-Krume*, 1481 и др. В основе этих названий находится апеллятив — лит. *krūmas* 'куст', 'кустарник', лтш. *krūms*, ср. особенно лтш. *krūmaiņs*, *krūmaiņe*, *krūmiens*, *krūmiene*, *krūmine*, *krūmēna* (ME 2, 292; EH 662); лит. *krūmenis*, *krūminas*, *krūminė* (ср. Nom. pr. *Kruminė*, богиня), *krūminis* и т. п. (см. также APON 74; SPV 198; LEV 302 и др.). Следует помнить, что частый (между прочим в сев.-вост. Польше) элемент *Krumm-* — из немецкого, что и подтверждается соответствующими слав. названиями с корнем *Krzyw-* (ср. Słown. nazw Mazur. II, 32, 75, 112, 160, 167, 212, 243, 278, 371).

krumslus, см. *krumstus*.

{**krumst-cv-ain-??*}, см. {**krumst-* & **wayos*}.

{**krumst-ik-in-*}, ср. *Crumstichin*, 1339 (APON 74.) — По Герулису, к прусск. *krumstus* (см.) с суф. *-ik-*. К корню ср. также *Krumstewayn*, 1289. — Ср. также лит. *krumstus*. Szygw. Dict. 98 (=196: *krūstus*, *krūmstus*) в соответствии с польск. *kaśaiący*, лат. *mordax*, *edax*, лит. станд. *kramstus*. Сюда же лит. *krumstinis*, с одной стороны, и *kramstūkas* 'nuograuža', *kramstyti* (*krámsčioti*), *krámsterėti*, *krámstelti*, *krámstelėti* и под., с другой (LKŽ 6, 413—414, 704); лтш. *krūmstalas* и *kramstīt* (: *krūmst*), *kramsts* (ME 2, 258, 287). Следовательно, можно говорить о реконструкции деминутива от прусск. *krumstus*, само существование которого подвергалось сомнению.

krumstus 'мышелка' ('мышелок'), 'перстный сустав', 'выступ на пальце', 'krumplys' (PKP II, 19). Э 116 ('Knobel'), ср. Э 115: *Pirsten* ('Vinger'), Э 117: *Nagutis* ('Nagel'). Nom. Sg. masc. — Нем. *Knobel* трактуется как 'Knöchel am Finger' (Grimm DWb. V, 1448). — Начиная с Нессельмана Thes. 1873, 82, подавляющее большинство специалистов (ср. APSpr. 364; SPV 198; LEW 299 и др.) исходит из конъектуры **krumslus*, опираясь на совпадение подобной формы с лит. *krumslūs* и лтш. *krumslis*. Данный случай — одна из лучших иллюстраций опасности и ненадежности так называемых «этимологических» конъектур. Как показывает фотокопия текста Эльбингского словаря, анализируемое слово пишется через отчетливо выраженное *t* (а не *l*). Это чтение, несомненно, является наиболее обоснованным и этимологически. Абсолютно точное соответствие прусск. *krumstus* обнаруживается у Ширвидаса: *Kaśaiący*, *Mordax*, *edax*. *Krūstus*/*krūmstus* (т. е. *krūstus* = *krumstus*); ср. также: *Kasam*/*Mordeo*, *lanio dentibus*, *lacero morfu*. *Krumtau kundu* (Pirm. žod. 196 = 3, 98; 1, 86), см. LKŽ 6, 704: *krumstus* (ср. *krumstinis*, *krūmst*) при стандартной форме с другой огласовкой *kramstus*; ср. также *kramstūkas* 'огрызок', *kramstyti* (*krámst*), *krámsčioti*, *krámste-*

rėti, *krámstelėti*, *krámstelti* и т. п. (6, 413—414) при *krūmsti* 'грызть', *kramtyti* 'жевать', *kramsėti* 'хрустеть', *kramsnóti* 'грызть', 'пожевывать', 'покусывать', *krėmsti* и т. п. В этом контексте весьма характерным оказывается совпадение прусск. и литовск. слов не только в их вокализме, но и в словообразовании (*-st-* при наличии других возможностей: *-s-*, *-t-*, *-#-*). Латышские примеры, несколько уступающая литовским в точности соответствия, тем не менее, подтверждают наличие той же основы. Ср. лтш. *krūmstalus*, *krumstales*, *krumstali* 'Knorpel an den Knochen'. Für. I, см. ME 2, 287, но и *krūmstals* 'der Knorpel', *krūmstala*, *krumstele* и даже *krumslata* (= *krumstala*, точнее — *krumstala*), но и *kramsts* 'der mit den Zähnen nach etw. greift, hascht, etwas Essbares zu erlangen sucht' (ME 2, 641, 654; EH 258, 279, 287) при *krámstīt*, *krūmst*, *kramtīt* и под. (ср. *krėmstīt*. EH 649). Достаточно показательны и славянские примеры, обычно неудовлетворительно интерпретируемые, хотя, впрочем, [их анализ связан с рядом трудностей. Речь идет о продолжениях слав. **xrōst-* (: **xrust-*) и **xrēst-* (см. о них Sławski Sl. Oss. 18, 1947, 274; SEP 1, 84—85) типа др.-польск. *chrąst* 'жук' (ср. русск. *жук*: *жевать*), польск. *chrząszcz*, диал. *chrąst* (ср. *chręść* 'коростель'), кашуб. *xrōšć*, слов.-помор. *xrōušć*; словен. *hrōšć*, ц.-слав. *xржцъ* (менее показательны ст.-с.-хорв. *xруит*, русск. *xруц*, др.-русск. *xруць*, укр. *xруц* и под.); полаб. *xrąst* (*Chranst* 'Holzkever'. PS; *Granst* O) восходит к **xrēšćь* с вторичным **ę* вм. **o* (поэтому, строго говоря, польскому *chrąst* соответствовало бы полаб. **xrōst*. см. Słown. Etym. Drg. 2, 195—196); ср. также русск. *xраст*, *xрастать*, *xряц*, русск.-ц.-сл. *xрастъкъ*, сербск.-ц.-сл. *xраставъць* 'хряц', словен. *hrèst*, *hrèstati*, *hrèšč*; чеш. стар. *chřest*, *chřestati* и под. Показательны и -русск. диал. формы типа *крусчатый*, *круцатый* 'узорный', собств. — 'зубчатый' (ср. *xруцатый*), хотя *k-* здесь может быть и вторичным; но и, м. б., *крястать* с неясным значением (см. СРНГ 15, 370, также 323, 329). Как и предыдущие примеры, они отражают некий набор возможных исходных форм типа **kromst-*: **skromst-*: **kremst-*: **skremst-* или их деназализированных вариантов. Если исходить, как часто делают, из *sk-* > *x-*, то оказывается, что и формы типа слав. **xrōst-* находят точное соответствие в вост.-балт. словах типа лит. *skrumstūs* 'хрустящий' и под. (*Tu bulbas virei virei, i vis da skrumščios*. LKŽ 12, 1100), лтш. *skrumstala* 'Splitter von einem Knochen', *skrumstala* 'der Knorpel'; 'ein kleines Stück', 'eine Sehne', *skrumstele* (: *kreimstele*), *skremsteļains*, *skremste*, *skrumstināt* и т. п. (ME 3, 891, 893, 899; EH 510); анлаут *sk-* подтверждается и другими словами того же корня, но с иной словообразовательной структурой (ср. лтш. *skrumslis*: *krūmslis*, лит. *krumslūs*; лтш. *skrumsla*; лит. *skrumplūs*: *krumplūs* и т. п.). Однако семантически слав. примеры фиксируют другое направление развития чем балт. Последние оказались более стойкими по отношению к ономастическим тенденциям и, сохраняя связь с исходными глаголами, актуализировали сферу внешней формы (зубец, выступ-уступ

нарос, складка и т. п.) и фактуры поверхности (морщинистый, складчатый, бугорчатый, шероховатый и т. п.), тогда как в соответствующих слав. примерах возобладала звуковая специализация, близкая к ономотопее (ср. *хруст*, *хряск* и т. д.). Впрочем, бесспорно наличие в слав. и соединительных звеньев. Так, слав. **xręščь* < **xręst-jo-* 'хрящ' (ср. русск. *хрящ* 'твердоватое, упругое вещество, коим одеты концы мослов, а местами заменяющее самую кость. . .; крупный песок, с самою мелкой галькой. . .; самый толстый, грубый холст. . .'). Даль, 4, 1240—1241) вполне отвечает семантике балт. *krumst-* : *krimst-* и иных образований от этого корня. Во всяком случае соотносимые балт. и слав. примеры образуют довольно изолированный фрагмент в кругу и.-евр. примеров с этим корнем (о них см. Pok. 1, 948—949, где, к сожалению, много неточностей и слишком общих решений). Правда, Шпехт Ursprg. 225 связывал прусск. *krumstus* через элемент *-t-* с и.-евр. названиями частей тела с тем же формантом. — К этому прусск. слову ср. топонимы *Crumstichin*, 1339; *Krumstewayn*, 1289, луг (APON 74), см. {**krumst-ik-in-*}, {**krumst- & *wayos* (?)}. Скорее всего и здесь элемент *krumst-* описывает некую характерную особенность рельефа. —

— Л и т. Thes. 1873, 82; Mikkola BB 22, 1897, 254; APSprg. 364; Brückner KZ 51, 1923, 234; SPV 198; Specht Ursprg. 1947, 225; Sławski Sl. Oss. 18, 1947, 274; LEW 299; Pok. 1, 949; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 120—121. [**krumstus*; **krumslus*??].

{**krumst- & *wayos* (?)}, ср. *Krumstewayn*, 1289, луг; с серией очень сильно испорченных форм: *Trumpschy*, 1289; *Krumstewan*, *Crumpsch* (?), *Trumpszken* (?), *Trumpske* (?), *Trzumpszky*, *Kruntstny*, *Kruntstay* (PU 2, 338). APON 74. — Некоторые из испорченных форм обнаруживают притяжение к *trump-*, ср. {**trump-*} {**trump-it-*}, м. б., к *trumpst-*. — Сложное название; в первом члене — элемент *krumst-*, см. *krumstus*, {**krumst-ik-in-*}, во втором *wayos* 'луг' (*Krumstewayn* обозначало именно луг). Если состав названия именно таков, его смысл кроется в характеристике луга ('неровный', 'бугорчатый', 'шероховатый' и т. п.), хотя в принципе существуют и другие возможности (напр., по названию растений, обильно растущих на лугу; ср. русск. диал. *хрящан*, дикий цикорий, желтый одуванчик (?), см. Даль s. v.). Вместе с тем, по крайней мере, формально напрашивается и другое объяснение — **krumst-ew-ain-*, где корень сопровождается двумя суффиксами; подобная картина (в частности, в отношении *-ew-*) встречается в некоторых других прусских топонимах, ср. *Baud-ew-iten*, *Bund-ew-ith*, *Lus-ew-ithe* (APON 259) при Nom. pr. *Gaudewe*. — Из топонимических параллелей к первому члену ср. лит. *Krimslė*, *Krimzlýtė*, *Krimslýtė* (LUEV 79; Liet. hidr. 46, 179, 182; LHEŽ 166), *Krumslýnė*; лтш. *Krimtell*, 1850, *Krimtulėni*, *Krimtalāni* (: *krimtele* 'Кнопел'), *krumšļu-kalns* (LV I, 2, 136, 147) и т. д., но все они носят лишь частичный характер, и не включают, кажется, примеров с формантом *-st-*.

{**krum- & *vin-* (?)}, ср. *Krumwynen*, 1394, *Kromwynen*, озеро (APON 74). — Неясно. Можно, однако, думать о сложном двучленном названии: первый член — к *krum-*, см. {**krum-ein-*}, второй — к *vin-*, элементу, употребительному в Nom. pr. (см. APN 156) и, возможно, находящемуся в отношениях аблаута к *vain-*.

{**krunkst-* ?}, ср. *Krunksten*, 1411—1419 (APON 74). — Неясно. Ср. лит. *kruņkšti* (: *kraņkšti* 'каркать' и под., но и *kraņkti*, *kreņkti*, *kranksėti* и т. п.), *krunkšt*, *krūnkštauti* (ср. Szygw. Dict. 1, 10; 3, 30 при *krānkštauti*), см. LKŽ 6, 708; лтш. *kraņkškināt*, *kramškināt*; *krumškēt*, *krumškināt*, о разного рода акусах, с одной стороны, и *kruņkāt*, *krunkuōt* 'морщинить(ся) и под., *kruņkuōts*, *kruņtaīns*, с другой (ME 2, 258, 259, 287). Латышские формы образуют переход между балт. *krunk-st-* и *krum-st-*, см. выше. Ср. также куршск. *de heide to Krunkle*, 1422 (?); *eine steinhupen to strande wart, geheiten Krunkelan* (UB I, 5, 788). KF 194, с разными объяснениями: к лтш. *krūkle* 'Sambucus ebulus' (Endzelins Druva 629; Būga LKŽod. XCV) или к лтш. *kruņka* 'морщина', 'складка', ср. *krunkuļains*; ср. также ср.-н.-нем. *krunkle* 'складка', 'морщина'. Должны привлечь внимание и формы, фиксирующие элемент *krunk-*, ср. лит. *Krūnkiskis* (LATSŽ 142); лтш. *Krunkuljs* (?) (LV I, 2, 147), верхнеднепр. *Крунка* при лит. *Крунки* (Списки Ковенск. губ. 219), см. Būga TŽ 2, 1924, 114 = RR III, 611 (*Крунка* из **Крюн-*: лит. *Kriaunà*); ЛАВП 191.

**crupeyle* 'лягушка'. Э 780 (*Trupeyle* 'Vrosch'), ср. Э 779: *Gabawo* 'Crothe'. Nom. Sg. fem. — **Crupeyle* получено в результате конъектуры реально засвидетельствованной формы *trupeyle*. Эта конъектура была предложена уже Нессельманом. Thes. 1873, 82 и затем принималась всеми специалистами. Хотя вызвана она была этимологическими мотивами, в ее пользу говорит, действительно, нередкое смешение *s* и *t* в прусских текстах, дающее основание и для ряда других подобных конъектур (ср. *tuylis* — **cuylis* и проч.). О форме *trupeyle* см. ниже. — Ближайшие параллели обнаруживаются в латышском, ср. *krupis* 'жаба' (*raibs krupis* 'Wechselkröte', *Bufo variabilis*; рѣркуона *krupis ir brūns un uz negāisu uzpūšas*), также о маленьком человеке, карлике; *krupis* (BW 17166), *krupe* («... nur zur Bezeichnung eines kleinen, reizenden Mädchens» ME 2, 287, ср. чеш. *žabička*, *žába* и под.), *krupēns*, *krupelis*, *krāipis* 'жаба', в частности, *Bufo cinereus* (но и 'струп', 'парша', 'неровная поверхность' и т. п.), см. ME 2, 287, 296; EH 660, 665; Ērg'em. izl. vārdn. 2, 127 и др.), и литовском (собств. — сев.-жемайтск.), ср. *krūpis* 'жаба' (ср. характерные примеры, вскрывающие, по сути дела, семантическую мотивировку названия: *Krupio kūnas labai kresnas ir oda araugusi karpomis*; *Aptekes, apėjes kramais kaip krūpis*; *Krūpis — varlė nukrupusi — gerežio, krūpin* и т. п. LKŽ 6, 716—717), но и о маленьком ребенке, 'запаршивевший', 'ошелудивевший'; *krupė* 'жаба', *Bufo vulgaris*, *kriūpis*, *kriūpė*, *krūpkė*,

krūpvarlė, skrūpis (см. Vitkauskas LKK 8, 1966, 157—160; Šiaur. ryt. dūn. žod. 155; Liet. k. atlas. 1, 1977, 152—153, карта № 81), ср. также *krupėnti, krupinėti*, о соответствующей походе. На фоне этих примеров в прусск. *crupeyle* отчетливо выделяется суф. *-eil-* (см. SPV 48), известный (наряду с *-ail-*) как в прусских словах (ср. Nom. pr. *Wirtheil*), так и в вост.-балт. (ср. лит. *Kumejlo*, 1446, *Bruzdeilyns, Kovejlovicz*, см. Būga RR 1, 427; II, 78; лит. *gudreila*, лтш. *teciels* и др., см. BVSF 93). Корневой элемент *krup-* соотносится с такими глаголами, как лит. *krūpti* 'шелудиветь', 'паршиветь', 'загрубевать', 'коченеть', 'цепенеть' и т. п., *kriūpti, krūpinti*; лтш. *krūpt, krūpt* 'сморщиваться', 'чахнуть', 'паршиветь' и т. п. (ME 2, 287—288), вокализм *a* представлен в таких примерах, как лтш. *kraupa* 'бородавка', *kraūpis, (kraupis)*, о неровности, бугристости, шелудивости и т. п., *kraupes* 'морщины', *kraūps* 'шероховатый', *kraūpēt* (ME 2, 264, 296) или лит. *kraupūs* 'грубый', 'всклоченный', 'лохматый', 'шершавый' и др., *kraupas* 'сыпь' и т. п. (LKŽ 6, 471—472). Слав. примеры подчеркивают мотивы крупности (крупнозернистости), грубости, с одной стороны, и ломкости, крошимости, с другой. Ср. чеш. *krupý, krupný* 'грубый', с.-хорв. *krúpnan* 'дородный', 'толстый', 'большой', русск. *крóпный*, но ст.-сл. *кρούпа* φ:χίον, 'крошка', болг. *крúпа* (ср. *крупна сол*), *крúпка*, с.-хорв. *крúпа* 'круп', 'град', чакавск. *krúp* (в тексте 1671 г.), словен. *krúpa*, чеш. *kroupa*, 'круп', 'град', словц. *krúpa*, польск. *krupa*, слов.-помор. *krěpa*, кашуб. *křěpě, krěp* 'каша', также о снеге, в.-луж. *krupa*, н.-луж. *kšupa*, русск., укр. *крупна*, блр. *крúпка* и т. п. (ср. русск. *крóпный*: лит. *skrūpis*). Вместе с тем слав. сохраняет и следы нулевого вокализма в словах этого корня, т. е. **krъp-* (наряду с **krup-*, соотв. — **krup- : *kroup-*). Ср. русск. *крóпкий, крoпкóй* 'хрупкий', 'ломкий' (СРНГ 15, 280) и, возможно, ряд других слов с корнем **krop-*, обычно трактуемых иначе. Из других параллелей — все они принадлежат к языкам «центрально-европейского» круга — следует отметить алб. *krip(ë), krüp* 'соль' (из **krūpā*), довольно многочисленные герм. примеры, ср. др.-исл. *hrjúfr* 'шершавый', 'в струнцах', *hrýfi, hrufa* 'струп', н.-исл. *hrjúfur, hrufa, hrúfa*, др.-англ. *hrēof*, др.-в.-нем. *hriob, riob* 'прокаженный', *hriūpi* 'scabies', нем.-баварск. *ruff* 'кора на быстровысохшей земле' и т. п.; др.-сакс. *hruft* 'струп' и др., ср. финск. германизм *rupi* 'струп' и под. (как и слав., ср. русск. *крупнѣть* 'падать' (о граде); 'превращать в круп', с.-хорв. *крúпнѣти* и под., герм. глаголы этого корня представлены вторичными отыменными примерами, ср. др.-англ. *hreoſl, hriofl*, др.-исл. *hrufla*, норв. *ruvla*), и, наконец, галльский кельтизм у Тацита *crup(p)el-lārius* 'воин в латах', 'латник' (ср. брит. *Mons Graupius (*Croupios)*, по Покорному Urillyg. 131; Pок. 1, 623, вено-иллир. происхождения из-за и.-евр. **p*). Под вопросом остается отнесение сюда тох. А *krop*, тох. В *kraup-* 'соединять', 'связывать' ('собирать', 'стягивать', 'скручивать' и т. п. → 'сжеживать', 'морщинить' и т. п.); ср. Subst. тох. А *krop*, В *kraupe*, см. van Windekens Tokh. confr.

1976, 235 и др. (иначе Lex. etym. tokh. 1941, 45). Таким образом, семантическая мотивировка обозначения лягушки как **crupeyle* предполагает скорее всего характерную шероховатость ее кожного покрова, пупырчатость (бугорчатость), и в этом смысле она отличается от принципа, легшего в основу обозначения лягушки в вост.-балт. Однако более интересно, что и вост.-балт. языки знают аналогичную прусской семантическую мотивировку. Речь идет о лит. *rūpūžė (rupūžė), rūpė, rūpė, rūpšna, rūpkė, rūpšė* и т. п., лтш. *rupucis, rupuls* 'жаба', производимых от корня *rup-*: *raup-*, ср. лит. *rūpti* 'покрываться оспинами' (ср. *rūpti*. 1. 'darytis nelygios odos, su gauplių žymėmis ar gaukšlėtam...' (LKŽ 11, 1004—1005), *rupėti, rūpėti* 'darytis nelygiam, gruoblėtam', 'darytis rupesniam' (о муке), см. LKŽ 11, 990; *rūpinti* (ср. связь с *raūpti, ruōpti*. LEW 750), *rupūs* 'крупнозернистый', 'крупный', 'грубый' (в частности, о зерне, крупе, муке, ср. *rupios kruopos*), лтш. *rupjš, rups* 'грубый', 'крупный' (ср. *rupji milti* 'Roggenmehl', см. ME 3, 563), *rupšgs, raupjš* 'шероховатый', 'жесткий', 'грубый' (*raupi putraimi* 'grobkörnige Grütze' 3, 488) и т. п. Особенно показательны в отношении связи двух этих рядов такие примеры, как, напр., лит. *Rupūžės neimk į rankas, šiaip nūrupęs pastosi ant viso kūno; Nūrupęs kai rūpūžės kailis; Nūrupus kai piktvarlė* (LKŽ 11, 1005); характерно и такое сочетание значений, как лит. *rūpė* 1. 'kiaukutas, geldelė' (Geldinė, dežinė varlė, rūpė), 2. 'rupūžė' (11, 984), позволяющее думать и о несколько ином принципе названия этого земноводного. — Показателен ареальный аспект проблемы. Названия лягушки с корнем *krup-* известны только балт. языкам, но и в них распространение таких названий ограничено (особенно характерна ситуация на территории Литвы, где *krūpis* и под. известно лишь в сев. и сев.-зап. Жемайтии). Таким образом, можно говорить об особой «приморской» зоне именно такого обозначения лягушки, тянущейся с северо-востока (Латвия) на юго-запад (Пруссия). Из топонимических параллелей к корню *krup-* ср. лит. *Krupalė* в Вост. Пруссии (см. Gerullis, Stang Liet. Žv. tarm. 1933, 99); ср. также Гудялис Куршю марес 1959, 543; соотв. нем. *Krupell*), представляющее собой практически полное соответствие прусск. *crupeyle* и позволяющее поставить вопрос о возможном топонимическом прутенизме — **Krupzil-*; а также *Krupeliai, Krūpeliškiai, Krūpiškis* (LATSŽ 143, но и: *Kraūpiai, Krāupėnai*, 140), *Krupinė* (интересно, что эти названия находятся там, где не употребляется для обозначения лягушки корень *krup-*: Pakruoj., Radvil., Ukm., Molėt., Šalčin.); лтш. *Krupis, Krupji, Krupi, Krupene, pļ., Krupitis, Krupiši pl., Krupieši; Krupja-kalns, Krupja-pļava, Krupu-ēzers, Krupu-sala, Krup-bedēg, Krup-ciems, Krup-sala, Krup-kalniņš; Krupan-pļava* (LV I, 2, 148, но и: *Kraūpas pļ., Kraūps pl., Kraūpes-kalns, Kraūpi; Kraupu-ēzers, Kraūp-kalns, Kraūp-sils; Kraupen, Krāupēji, Krāupēji I, 2, 127*); наконец, ср. прусск. *Craupeyne*, см. *{*kraup-ein-}*; ср. также Nom. pr. прусск. *Craupo* (APON 72); лит. *Krupis, Krupaitis*.

Krupāvičius (ср. ст.-лит. *Krupiewiczza*. Gen. Sg.), *Krupaiškas*. *Krupiukas* (ст.-лит. *Krupiuka*. Gen. Sg.), *Krūpelis*, ст.-лит. *Krupelowa*, fem. (Liet. antrop. 158, 239, 240). Этот же корень широко представлен в Нем. рг. соседних славянских территорий (ср. Белар. антрап. 2, 220; Słown. starop. nazw III, 1, 153—154; Ономаст. 166 и др.), в частности, и там, где сохраняются топонимические балтизмы того же корня, нередко связанные как раз с Нем. рг.; ср. в Белоруссии: *Крупляны* (Барая.; от лит. *Krūpelis*), *Крупейки* (Лоевск. р-н Гомельск. обл.), *Крупели* (Щучинск. р-н Гродненск. обл.) и др., см. Литоўск. элем. белар. аном. 1968, 45, 70, 76; ср. также *Крўплі* (Гродн.), *Круплянская балота* (Рогач.), но и *Крўна*, *Крўнка*, *Крўница* (Мікратап. Белар. 126); *Крупейки*, *Крупени* и т. п., но и *Крупá*, *Крўнка*, *Крўнки*, *Крўнец*, *Крупенино*, *Крўничі*, *Крўново*, *Крўнья*, *Крупянка*, (Кратк. топон. слов. Белор. 186); *Крупляны*. но и *Крўна* (Слоўн. назв. Брэст. 70); *Крупá*, *Крупенікі*, *Крупіца*, *Крўнка*, *Крўнкі*, *Крўннікі*, *Крўнскі*, *Крупцы*, *Крўншчына* (Слоўн. назв. Мінск. 141); *Крупец*, *Крўнка* (Белар. геагр. назв. 97—98) и др. Такое же обилие названий с корнем *krup-* на мазурских территориях, где балт. и слав. элементы также не всегда отделимы друг от друга. Ср.: *Krupin*; *Krupińskie Pagórki*, *Krupinnener Berge*; *Krupiński Borek*, *Krupinnener Wald*; *Krupowa*; *Krupka*, *Krupkja*, *Krupska Strugja*, *Kruppaer Mühlenfliess* (Słown. nazw. Mazur. II, 57, 274, 283; о *Krupolinek* см. {**krup-al-*}); висл. *Krup*, *Krupa*, *Krupianka*, *Krupiny*, *Krupionka*, *Krupka*, *Krupiec*, *Krupowa*, *Krupowiańska Woda*, *Krupowy*, *Krupska Struga* (HW 65, 89, 231, 274, 305, 329, 350, 495, 554); *Krupa*, *Krupy*, *Krupin*, *Krupianki*, *Krupski Młyn* и др. (Słown. nazw geogr. PZP 147). В басс. Днепра отмечен весьма правдоподобный балтизм *Крупела*, п. п. Снопоти, л. п. Десны (ЛВВП 192), перекликающийся как с лит. (вост.-прусс.) *Krupailė*, так и с белорусскими балтизмами типа *Крўплі* (см. выше) и, конечно, с апеллятивом **crupeyle*. Непокупный Гидрон. Укр. 1981, 76 указал еще один гидроним — *Крупльнь*, канал (у с. Богуши Ровенск. обл.), в районе, где уже отмечались наиболее южные из балтизмов (здесь же указывается на связь с прусск. **crupeyle*, сев.-жем. *krupis* и под.); ср. *Крупльнь*, *Крупльнь* (Словн. гидрон. Укр. 1979, 294, при *Крўнка*, *Крупець*, *Крупчатка*, *Крупинний*, *Крупіі*). С точки зрения возможного размежевания балт. и слав. наследия в названиях этого корня существенно подчеркнуть, что количество таких названий резко уменьшается по мере удаления от балт. территорий на юг, юго-восток и восток. Во всяком случае Украина и Поочье (всего несколько примеров: *Крупинка*, *Крупинской*, *Крупенин*, *Крупец*, *Крупецкой*, к тому же иногда недостаточно надежных, см. Гидр. басс. Оки 23, 38, 62, 76, 119, 177; единственный пример, который выглядит как бесспорный балтизм — *Круполатка*, 257 при прусск. *Craupolythen*, см. {**kraup-al-it*} —, вызывает сомнения из-за своей слишком продвинутой на восток локализации) фиксируют резкое снижение числа названий этого типа по сравнению с ареалом к северу и северо-за-

паду (несравненно беднее и сам набор словообразовательных моделей, реализуемых этим корнем). Разумеется, что эти названия известны и за пределами указанных территорий вплоть до Балкан, ср. слов. *Krupá* (Šmilauer Vodopis 1932, 468), хорв. *Krupa*, *Krupaja*, макед. *Kрупа*, *Круница*, *Крупина* (Duridanov Hyd. Vardarsyst 1975, 69, 81) и др.; здесь не ставится вопрос о связи с названиями, восходящими к **krqp-* (ср. польск. *Krupa*. HW 346, словен. *Kropa*, см. Bezlaž. Slov. vodna imena I, 1956, 311 и др.); стóит, однако, заметить, что в слав., видимо, приходится считаться с дублетами **krup-* : **krqp-* (ср. Skok Etim. gječn. hrv. 2, 215: данные румынск. заимствований); характерно, что носовой инфикс отмечается и в формах Praes. балт. **krup-*, ср. лит. *krūpti* : *kruīpra*, а также б.-слав. конструкцию Траутмана — **krumpō*. BSW 143. — Лишь теоретические шансы остаются у *trupeyle*, чтобы претендовать на право быть верным названием лягушки (ср. балт. *trup-* в таких случаях, как прусск. *trupis* 'Klocz', лит. *trupėti* 'крошиться', *trupūs* 'хрупкий' и т. п. [ср. лит. *trupinys* как перевод русск. (и слав.) *крупá*], которые семантически иногда оказываются близкими к балт. **krup-* : **kraup-*, использованным, как показано выше, в обозначениях лягушки и/или жабы).

— Л и т.: Thes. 1873, 82; APSpr. 450—451; BSW 143; Buga Draug. 21, 1913, 273 (=RR I, 427); KS 59 (=RR II, 78); SPV 198; BVSF 93; LEW 290; Pok. 1, 623; Vitkauskas LKK 8, 1966, 160; Altnord. EWb. 1977, 258; St. OP 10, 110; Liet. k. atlas. 1, 1977, 153, карта № 81; Непокупный Гидрон. Укр. 1981, 77. — [**krupeile*].

{**krus-ij-ein-* (?)}, ср. *Crusien*, 1279; *Grusien*, 1383, *Grusieyn*; *Crossen*, 1507, позже — *Krossen*; *Crosin*, 1405 (APON 74). — Согласно Герулису, если эти названия являются прусскими (в пользу этого говорит их суф. *-ij-*, см. также APON 248), то их нужно сравнивать с лит. *krušà* 'град', лтш. *krusa*; ср. лит. *Kruš-ynai*. — Ср. еще лит. *Krušai*, *Kruša-kalnis*, *Krušà*; *Krušónys* (LATSŽ 143), *Krūšupis* (LUEV 81; Liet. hidr. 35; LHEŽ 168); лтш. *Krusas*, *Krusas-muiža*, *Krussenes*, *Krusinas*, *Krusieši* (LV I, 2, 148). Видимо, следует учесть и названия с долгим корневым гласным — лит. *Krūšis*; лтш. *Krūšas*, *Krūšas-lauks*, *Krūšu-kalns* *Krūš-kalns*, *Krūšu-luksts* p], *Krūš-kalnes-muiža*, *Krūš-kalne*, *Krūš-kalniņš*, *Krūš-kapi*, *Krūš-pļava*, *Krūšaitiņa* и т. п. (LV I, 2, 153; хотя в ряде случаев можно предполагать, что за *Krūš-* скрывается **Krutji-* или **Kraš-*, в целом нет необходимости сомневаться в самостоятельном характере этих названий — из балт. **Kras-* : **Kras-i-*). Параллели прусскому названию могут быть отмечены и в вост.-балт. Нем. рг.; ср. лит. *Krušinys*, ст.-лит. *Kruszynis*, *Kruβinsky* и т. п. (Liet. antrop. 158; при *Krūšas*, *-à*, *-aitis*, *-ėvičius*), м. б., ст.-лтш. *Kruse*, *Krusze*, *Crusen*, *Krwsen*, *Krossen* и др., см. LPV 196 с указанием, что за окончанием *-en* кроется *-ēns* или *-inš* в masc. и *-ene* или *-iene* в fem.; впрочем, составитель исходит из другой связи этих имен — ср.-н.-нем. *krūs*

'kraus', *krūs* 'Круг', лтш. *krūza*, *krūze* и, м. б., *krusa*). — Можно думать, что прусск. топоним представляет собой производное от глагола с корнем *krus-*, родственного лит. *krūšti* 'толочь', 'раздроблять', 'крошить', 'разбивать', 'раскалывать', 'напихивать', 'набивать' и т. п. (см. LKŽ 6, 727—728), *kraušyti* Intens. (ср. также *kriaušti*, *kriušti*, *kriūšti*), лтш. *krāusēt* (*krausīt*); ср. также лит. *krūšà* 'куча', 'множество', *krušinys* 'давка', 'теснота', 'толкотня', 'результат дробления, толчения' и т. п., *krūšena*, *krušėnė*, *krūšinė*, *kriūšinė*; *krušnūs* 'хрупкий', 'ломкий', *krūšnas*, *kriušnūs* и др. (LKŽ 6, 653—654; 726—727); *kriaušis* 'обрыв', 'крутизна', 'круча' и т. п.; лтш. *krusene* 'яблочный напиток', *krusiene*, но и *krūsene*, *krūsiene* (ср., однако, ME 2, 288), *krusis*. Учитывая не раз проявляющуюся в истории этой группы слов связь с глаголами со значением 'складывать', 'сваливать', 'собирать' (ср. лит. *kráuti*, лтш. *kraūt* и под.), см. LEV 291, 296, 302—303, приходится считаться и с такими словами, как лит. *krūsnis* 'куча камней', 'груда', *krūsnė*, *krūsninis*, м. б., даже лтш. *krūsnīņa* (ME 2, 292) и др. Только подобный широкий фон позволит объяснить многочисленные примеры, зафиксированные в зоне литовско-славянского пограничья между Августовским каналом и Зап. Бугом, как *Krūšna*, *Krušnin*, *Krušńák'i*, *Krušńák'ė*, *Krušńavija* (всего около десятка примеров), см. Кондратюк БСл. Иссл. 1980, 1981, 187—188. Тот же корень выступает в довольно многочисленных названиях на старых балт. территориях или в непосредственном соседстве с ними, причем не всегда гарантировано надежное различие слав. примеров (обычно мотивируемых отнесением к крушине, ср. слав. **krušiti*) и балт. названий. Ср.: *Kruszynka* (Słown. nazw. Mazur. II, 82: характерный перевод прусск. *Iwanthi*); висл. *Krusza*, *Kruszyn*, *Kruszyń*, *Kruszyńskie Jez.* (HW 517, 675, 764); *Kruszyn*, *Kruszyna*, *Kruszynek*, *Kruszyniec* (Słown. nazw. geogr. PZP 147) и др.; ср. блр. *Крушина*, *Крушиновка*, *Крушинка*, *Крушники*; *Круш*, *Крушник*, *Крушня* ('поле, дзе куча каменя ляжыць'), *Крушня* ('лес і балота, дзе расце крушняк (крушына)'), *Крушóнкi*, *Крушóнник*, *Крушóнняя*, *Крушóнный*, *Крушын*, *Крушына*; *Крушынікі*, *Крушнікі*, *Крушнік* (Кратк. топон. слов. Белор. 186; Микратап. Белар. 126—127; Белар. геагр. назвы 98; Слоўн. назв. Брэсц. 70; Слоўн. назв. Мінск. 141). Далее к югу и востоку примеры этого типа редкуют. — Прусск. *krus-* отражено и в сложном названии *Cruwszekaum*, 1419.

{**krus-* & **kaim-*}, ср. *Cruwszekaum*, 1419 (APON 74). — См. {**krus-ij-ein-*} и *caumis*.

krūt 'падать' (Ia). K III, 63, 20 (Stwi dai Deivs ainan gillin maiggun k r ū t nostan smunentinan bhe tans ismigē... 'Da ließ Gott der HERR einen tiefen Schlaf fallen auff den Menschen vnd er entschieff...'). Infin. — Ранние попытки связать слово с лит. *griūti* 'падать', 'валиться', 'рухнуть' и т. п. (см. Thes. 1873, 82; Schmidt Vocab. I, 1875, 171) ошибочны. Позже сопоставления *krūt*

с вост.-балт. данными были единичными и, главное, случайными, в результате чего внимание привлекалось к относительно периферийным случаям; часть их, кстати, в дальнейшем оставалась практически без внимания. К этим последним случаям следует отнести дважды высказанное (правда, мимоходом и кратко) предложение Буги связывать прусск. *krūt* с вторым членом сложного литовского слова, обозначающего мышеловку, — *pelė-krutai* (Купишки): *kru-ta-* — помен agentis от глагольного корня *kru-*: *krū-* 'падать', ср. также лит. *kruities-krūties* 'наваливаться (прижиматься) грудью', где *ui* из форм Praes. типа *krujuos* (Buga Asmens vard. 1911, 10=RR I, 216; РФВ 66, 1911, 222=RR I, 296). Буге же принадлежит и сопоставление *krūt* с лтш. *kraulis* 'Absturz'. Ср. также лтш. *krāuja* 'крутой берег', *krauta* 'берег' (Pok. 1, 622). Поэтому наиболее надежными соответствиями прусскому слову считаются до сих пор др.-исл. *hrynja* 'fallen', 'stürzen' и т. п., а также некоторые другие герм. примеры (см. APSpr. 364; BSW 143; ME 2, 262; SPV 198; LEW 296; Pok. 1, 622; Stang Lex. 1972, 31; OP 169), среди них: н.-исл. *hrynja*, норв. *rynja* 'шуметь', ст.-швед. *rynja* м. б., др.-англ. *hruna* (в топонимах), др.-в.-нем. *hrono* 'gestürzter Baumstamm', ср.-н.-нем. *rone* и др., а также слова с разными расширителями корня: др.-исл. *hrjóta* 'herabspringen', 'herausfallen'; 'brechen', 'bersten' (фарерск. *rjóta*, *róta*, норв. *rjota*, ст.-швед. *riuta*), *hreyta* 'бросать', ср.-в.-нем. *rūzen* 'двигаться с шумом' и т. п.; др.-исл. *hroði* 'Abfall' и т. п.; др.-англ. *hrēosan* 'stürzen' (Altnord. EWb. 257, 263 и др.). Связь этих герм. и вост.-балт. примеров с прусск. *krūt* представляется несомненной, но, видимо, можно говорить о более фундаментальных соответствиях, которые к тому же можно было бы назвать очевидными, если бы не предрассудки, имеющие своим происхождением неразработанность ряда семантических проблем. Речь идет о формально точном совпадении прусск. *krūt* и слав. **kryti* (< **krā-t-*), которое, хотя бы отчасти, подкрепляется и глубинными семантическими связями между этими двумя членами отношения. Не считая возможным здесь рассматривать вопрос об общих смыслах, обнаруживаемых в разных случаях употребления слов со значением 'падать' (ср. прусск. *krūt*) и 'крыть' (ср. слав. **kryti* или лит. *kráuti*, лтш. *kraūt*) во всей полноте, целесообразно, тем не менее, отметить некоторые точки соприкосновения. Одна из них определяется в н у т р и я з ы к о в ы м и (разумеется, и внешнеязыковыми) переводами. Ср. обильные примеры из СРНГ 9, 297—298, приводимые здесь в сокращении: *Западнбй. Скрытый . . .*; *Западнйя — это крышка в подполье . . .*; *Западнйя. Отверстие в крыше . . .*; *Дверка, закрывающая ход на чердак . . .*; *Западнйя провальная. Крышка, западнйя, проваливающаяся, когда на нее наступят . . . Западнйя . . . а также крышка этого ларя . . . Щит, которым закрывается отверстие . . . тут такая дырка была в потолке, ее западнйя закрывали; Западбк . . . ловушка . . . с закрывающей*

и с я дверями и т. п. (ср. нем. *stürzen* 'падать', 'валить' при *Stürze* 'крышка' и т. п.). Т. обр., за падня может обозначать род укрытия, где нечто скрывается, складывается, сваливается. (ср. русск. *западаться* 'прятаться', 'укрываться'. СРНГ 9, 296). Особенно интересна посредствующая роль значения 'валить' ('сваливать', 'наваливать' и т. п.), отдельные образцы которого уже упоминались в приведенных примерах. Лексемы со значением 'падать' нередко имеют синонимы типа 'валиться' (само соотношение 'падать' — 'валить' грамматично: исходный глагол и каузатив к нему), а лексемы со значением 'крыть', 'скапливать' и т. п. (ср. слав. **kryti*, лит. *kráuti* и т. п.) — поддержаны синонимами типа 'сваливать', 'наваливать' (лит. *krāvà* 'куча' 'множество' (: *kráuti*), лтш. *kruva*, *kruva* могут пониматься как навал из своего рода опадов, опадков, опадок, см. Даль 2, 1745). Ср. еще *западина*, *западника*, *западь*, *падь* и т. п. как обозначения провала, обвала, котловины (см. выше латышск. примеры с элементом *krau(t)*- в значении 'берег', 'крутой берег'; к связи понятий 'падать' и 'берег' см. теперь Трубачев Этимол. 1978. 1980, 7: лит. *kraĩtas* — *krentù*, лат. *gīra* — др.-греч. ἐρείκω, с.-хорв. *обала* — *обалити* и др.). 'Крыть', 'накрывать' ('складывать') и 'падать', по сути дела, фиксируют два противоположных результата (состояния) одного и того же процесса. В первом случае актуализируется увеличение, восхождение, возрастание, завершение (: *верх*), ср. русск. *крыша* как обозначение крайнего верхнего предела, во втором случае подчеркивается, наоборот, идея уменьшения, убыли, снижения (ср. падение как характеристика крайнего низа). В силу этих соображений и примеров, как и многих других, здесь не рассматриваемых, общепринятое соответствие лит. *kráuti*, лтш. *kraūt* : слав. **kryti* (беспорное, но тоже, по сути дела, семантически не обоснованное должным образом, принимаемое «на глазок») должно быть дополнено еще одним членом — прусск. *krūt*, которое по сравнению с вост.-балт. и слав. «разыгрывает» новую важную семантическую тему ('падать'), присутствующую и в слав. **kryti* имплицитно, с совершенной очевидностью. Тем самым прусск. *krūt* еще более углубляет, но и усложняет историю б.-сл. **kreut-* / **kraut-* / **krūt*. Важно разъяснение Мажюлиса РКР II, 196: прусск. *krūt* 'падать' = 'быть бросаемым' ('*buti metamam*') должно быть произведено от балт. **kra-* 'buti metamam i kokį vieną daiktą' (от презентной основы **krav-* образованы Infin. лит. *kráuti* = лтш. *kraūt*, но ср. слав. **kryti* < **kra-tei*), наряду с которым должно было существовать и балт. **krā-* 'складывать', 'dėlioti' (т. е. «*krauti n e m ě t a n t, o d ě l i o j a n t*!»), откуда лтш. *krā-t* 'собирать', соотв. лит. *kró-snis* = лтш. *krā-sns*. — В свете сказанного прусск. словосочетание **maigū* (ср. *maiggun*) & **krūt* могло бы быть семантически точно передано или как 'сон' & 'напасть' (: 'падать', ср. русск. *сон напал*, *впасть в сон* и т. д.), или как 'сон' & 'накрыть' (: 'крыть', ср. русск. *сон накрыл*). В обоих случаях эксплицируются два значения б.-сл. **kra-* — 'крыть' (слав. **kryti*)

и 'падать' (прусс. *krat*). — С *krāt* связано отглагольное имя *kruwis*, см.

— Лит.: Thes. 1873, 82; Schmidt Vocal. I, 1875, 171; Berneker Pr. Spr. 1896, 167; APSpr. 364; BSW 143; Baga Asmens vard. 1911; 10=RR I, 216; РФВ 66, 1911, 222=RR I, 296; WP I, 480; ME 2, 262; SPV 198; LEW 296; Pok. 1, 622; Specht Sprache 1, 1949, 48; Stang Lex. 1972, 31; BL 1970, 134; OP 169; Altnord. EWb. 257; РКР II, 1981, 196. — [**krūt*; допускаемая Шмальштигом реконструкция **grūt*, очевидно, излишня].

{**krut-ein-*}, ср. Nom. pr. *Steffan Cruteyne* (APN 49). — суфф. *-ein-*; о корне *krut-* см. ниже. В качестве параллели Траутман привел лит. Nom. pr. *Jurgis Krutinaytis* (Акты Вил. 25, 1898, 383). Не менее убедительны латышские параллели — ср.: *Bertolt Krutyn*, 1465; *Jacop Kruetin*, 1456; *Margrete Krutyns*, 1453; *Margaretha Krutensche*, 1503; ср. совр. *Krūtiņš* (LPV 196—197, ср. Endzelīns FBR 7, 1927, 128). Ср. также некоторые топонимические соответствия, из которых абсолютно точным является лит. *Kruteinė* (LUEV 81; Liet. hidr. 110, 112; LHEŽ 168; от лит. *krutėti* 'двигаться', 'шевелиться'); близки лтш. формы типа *Krūtaine*, *Krūtaini*, *Krūtaiņalauks*, *Krūtina*, *Krūtiņkalns*, *Krūt'īņe* (LV I, 2, 153—154; но и *Krūta*, *Krūte* и др., ср. лит. *Krūtė*, *Krūtis*; *Krūtinė*. LATSŽ 143); ср. куршск. *eylandeken Krutens genomet*, 1429 (UB I, 8, 42 = *Kruh-ten* = *krūtes* *muīža*. LVVP 69, 2); *up den berch Kruten* (UB I, 7, 326—327); *tho einem berge, Kruthem genometh*, 1426 (KF 114: в недостоверном месте грамоты), ср. также *by der Kruttischen bruggen* 1510 (UB II, 3, 628; к лтш. *krūts*, *krūte* 'Erhöhung', 'Hügel', 'Hümpel'. KF 114). Блр. Nom. pr. типа *Круцень* (Белар. антрап. 2, 221), как и русск. *Крутенка*, *Крутенской*, *Крутенец*, *Крутинка*, *Крутинской* и под. (Гидр. басс. Оки 71, 73, 94, 102, 119, 154, 183, 213, 245 и др.), сюда, видимо, не относятся. Определение значения корневой части прусск. имени затруднено из-за неясности корневого гласного в отношении долготы. Тем самым и вост.-балт. примеры то с долгим, то с кратким вокализмом оказываются неравноценными и неопределенными параллелями. Также не вполне ясны, хотя и заслуживают учета, мазур. *Krutina*, 1663, *Krutynia*, *Cruttin*, *Cruttinna*, *Kruttinner Fluss* (при *Babent*, 1595. Hennenberger Von den See'en II, 7); *Krutyńskie Jezioro*, *Crottingscher See*, *Krutinnen See*, *Cruttinner See*, *Kruttinner See*; *Krutyńskie Lasy*, *Forst Crutinnen*, *Forst Kruttinnen*, *Kruttinner Forst*; *Krutyń*; *Krutinek* (?) (Słown. nazw Mazur. II, 167—168, 212); *Krutyń*, *Kruttinen*; *Krutyńskie Jezioro*, *Kruttinnen See*; *Krutyński Piecek*, *Kruttinnerofen*, *Cruttinnerofen* (Słown. nazw geogr. PZP 147); висл. *Krutynia*, *Kruttinnen Fluss*, *Krut(t)inner Fluss*, *Cruttinna Fluss*, *Cruttin Fluss*, *Krutina*, *Kruttinng*, *Krutyńska Struga*; *Krutyńskie Jezioro*, *Kruttinner See*, *Kruttinnen See*, *Crottingscher See* (HW 498, 510).

kruwis 'падение'. Э 167 ('Val'), в очень показательном ряду — Э 164: *boadis* 'Stych', Э 165: *Brokis* 'Slag', Э 166: *Metis* 'Wurf',

Э 168: *Golis* 'Tot'. Nom. Sg. masc. — Subst. deverb. от *krūt* (см.), по той же модели, что и лит. *būvis*: *būti* (см. Leskien Bild. 1891, 293—294). Учитывая семантическую связь прусск. *krūt* с лит. *krūti*, точное соответствие к *kruwis* обнаруживается в лит. *krūvis* 'нагрузка', 'груз'; 'заряд' (LKŽ 6, 746, ср. также *krūvā* 6, 741—742; *krovā*, *krovinys*, *kraujā* и др.), а близкие параллели — в лтш. *kruva*, *kruva* 'куча', 'возвышение' и т. п. (ME 2, 291, ср. также *krava*, *krāva*, *krāvums*, *krāvums*, *krāviēns*, *krāviēns*, 2, 264, 269—270; EH 614, 647; *krauja*, *kraujš* 'куча' и т. п.); слав. **krъvъ*, которое точно отвечало бы прусск. *kruwis*, в ходе фонетического развития совпало бы со словом, обозначающим в слав. языках кровь, и поэтому имело бы немного шансов сохраниться (ср., однако, ст.-сл. прикрьвѣнъ с нулевым вокализмом); наиболее близкие параллели следует видеть в слав. **krovъ*, **krov'ja*, ср. ст.-сл. крокъ стѣгъ (Супр.), с.-хорв. *крѡв*, *крѡвље*, словен. *krōv*; чеш. *krov*, в.-луж. *krow*; русск. *кров*, *крѡвля* и т. п.; наличие **krovъ* и **krov'ja* (< **krou-īā*) делает возможным предположение и о форме masc. типа **krovъ* (< **krou-īo-s*) или даже **krъvъ* (< **krou-īo-s*). Соответствия в некоторых других языках обычно предполагают разные расширения корня (ср. др.-исл. *hraun* 'каменистая почва' или *hreyssar*, *hreyssi* при норв. *rūsa*, н.-нем. *rūse* 'куча'; слав. *kryša*; др.-исл. *hraukr* 'kegelförmiger Haufen', ирл. *cruach* 'куча' и т. п., см. Pok. 1, 616—617) и отстоят существенно дальше от балт. и слав. примеров. Исключением являются некоторые кельтские примеры. Ср. др.-ирл. *cráú*, *cró* 'Stall', 'Hütte', 'Verschlag' (< **krauo-*), кимр. *craw*, корн. *crow*, брет. *kraou*. — Л и т.: Thes. 1873, 82; APSpr. 234, 364; BSW 143; Baga RR I, 216; SPV 198; LEW 296; Pok. 1, 622; Stang. Lex. 1972, 31; см. также лит. к статье *krūt*. — [**kruvis*].

ku, см. *kas*, а также *kudesnimma*, *kudesnammi*, *kuilgimai*; *senkā*, а также {**ka-*}, {**ko-*} : {**ku-* & **drav-*}, {**ku-* & **vaik-*}.

{**kub-eg-* (-ig-) ??}, ср. Nom. рг. *Cubiege* (APN 49). — Трудный случай, которому пока не было дано объяснения. Реконструируется на основании Nom. рг., являющегося *ἀπαξ λεγόμενον* и не имеющего очевидных соответствий, хотя бы корневых. Неясен и суф. Речь могла бы идти и о суф. с элементом *-j-* (ср. прусск. Nom. рг. *Stallige*, *Stenige*, *Stylige*, *Milige*, *Wannoge*, где графема *g* также передает *-j-*, см. APN 164). Предпочтение отдано (разумеется, достаточно условно) суф. с элементом *-g-*, во-первых, из-за указания, что лицо по имени *Cubiege* в другом месте называется также *Tulnege*, для которого обычно принимается именно *g-* суф. (см. APN 174) и, во-вторых, из-за нередкого в Nom. рг. употребления этого суффикса (ср. *Tulnege*, *Pynnego*, *Lawnego* (: *Jawne*), ср. в топонимах *Witwogen*, *Witwegen*, *Wernegitten*, *Labegow* или в аппелятивах: *wedigo*, *witwago*, *sperglowanag* и т. п., см. APN 174). Этот же суф. употребителен и в вост.-балт. в частности, в фамилиях и топонимах (ср. лит. *Apšegà*, *Ašmegà*, *Dabregà* и др.; *Midegà*, *Vedegà*, *Sudegà*, см. Skar-

džius LKŽD 103—104 (ср. также *-ėga*); Liet. hidr. 106—107, 145: *-yga* — *Sedvygà*; Liet. antrop. 149, 240: *Kaleigis* — *Kalis*, т. е. с суф. *-eig-*; ср. также LVG 368—372). В отношении корня можно, видимо рискнуть сопоставить *Cubiege* с лит. Nom. рг. типа *Kuba*, *-aitis*, ст.-лит. *Kubowicz* (Liet. antrop. 158: к лит. *kūbti* 'гнутья'; впрочем, допускается трактовка иного рода — сокращение из *Jokūbas*, см. также ŽŽ 117; Vanagas Mūsų vard. 1982, 81), а также с соотв. топонимами *Kubeliai*, *Kubónys* (LATSŽ 143), *Kubanka* (LUEV 81; LHEŽ 169: со слав. суф.), *Kubikinė*; лтш. *Kubas*, *Kubas-kalniņš*, *Kubas-kalns*, *Kubiķi* (LV I, 2, 159). Связаны ли с этими названиями сев. польск. *Kubice* и под. (Słown. nazw geogr. PZP 151) или ст.-польск. Nom. рг. типа *Kuba* (*Cuba* 1241, 1244 и т. д.), *Kubina* и т. п. (Słown. starop. nazw III, 1, 182—183), сказать трудно. То же относится к днепровск. *Кубань*, *Кубанка* (см. ЛАВП 224), окск. *Кубань*, *Кубанской*, *Кубинской* и т. п. (Гидр. басс. Оки 73, 90, 234); ср. укр. *Кубань*, *Кубанка* и т. п. (Словн. гідр. Укр. 299); вист. *Kubań* (HW 231). В качестве дальнего фона и резерва можно указать на элемент *Kub-* прибалт.-финск. происхождения в латышской топонимике, ср.: *Kubaž(u)-kalns*, *Kubažnieku* arciems (в старых документах *Cubbesele*, *Kubesille* (LV I, 2, 159; Baga TŽ 1, 1923, 380—381: ливск. *kub* 'куча', эст. *kubi*, финск. *kuuri*, лапл. *guppo*, *guba*); Nom. рг. *Margarete Kubeze* 1515—1516; *Jurgen Kubbesze*, 1516 (LPV 197: м. б. *Kubcsze?*; ср. лтш. *kubucis*); *Margarete Kubbezoll*, 1506; *Kubbeszoll*, 1508 (LPV 197). В целом неясно.

{**kubr-*}, реконструируется с достаточным вероятием как ятвяжский элемент в басс. Нарева. Ср. *Kubra*, *Kubrzanka*, *Kubzenica* (HW 466); *Kubra*, *Kubra Nowa*, *Kuberka* (pow. *Kolno*, gm. *Kubra*), ср. также название деревни *Kubrzany*, раньше *Karwowo Kubrzane* (pow. *Kolno*, gm. *Jedwabne*): in summitate fluuii *Kubra* dicti in terra Wisnensi, 1423; Diuisio Carwowo, *Kubra*. Item . . . Coram domino duce constituti Arnoldus . . . Pechna . . . heredes de Karwowo recognouerunt quia divisionem bonorum suorum in *Kubra* situatorum fecerunt sic, quod Wszeborio de ibidem XXXVI mansi ibidem in *Kubra* cesserunt perpetue et in ewm., 1426; de *Kubra*, 1427, 1497; circa villam nostram *Kubro* (= *Kubra*), in terra Wyszynensi, 1428; de *Cubra*, 1428; pro nob. Jacobo et Troyano Carwowszczy de *Cubra*, 1486; de Carwowo summitate *Cubra*, 1537; *Kubra*, 1577; *Carwowo Kubrzane*, 1577 (Nazwy Polnocn. Maz. 233; Halicka Nazwy Biał. 1976, 100; Nazwy Biał. 1978, 42). Из ст.-польск. Nom. рг. ср. (Piotr) *Cubra* de Carwowo, 1497; Andreas *Kubrszki*, 1497; Hieronimus *Kuberski*, 1575 (Słown. starop. nazw III, 1, 183). Аналогичные примеры известны в топонимике и других балт. территорий. Ср. лит. *Kūbris* (LUEV 81; Liet. hidr. 35; LHEŽ 169: из лит. *kūbris*, *kaūburys* 'бугор', 'холм' и т. п.); *Kubryszki*; *Kaūbriškė*, *Kaūbariškis* (LATSŽ 126); *Кавбра*, *Кавбре* (Спрогис Геогр. слов. 125); *Каубри* (Спис. Ковен. губ. 395, 477). В басс. Верхн. Днепра, на старых балт. территориях, отмечены *Кубрь*, *Кубарь*, *Куберь* (ЛАВП 192);

в басс. Оки — *Кубаровский* (Гидр. басс. Оки 254), название, продвинутое далеко на восток (басс. Мокши), как и *Кубарь*, л. п. Нерли (см. БСл. сб. 1, 1972, 219, 223, 260; Stud. ling. 1966, 296; КСЗ 1966, 84). — Учитывая формантную природу -r- в *Kub-r-*, уместно обратить внимание на элемент *Kub-*, известный в архаичных реликтах Средиземноморья. Ср. сикул. $\chi\beta\iota\tau\omicron\nu$, $\chi\beta\eta\tau\omicron\nu$ 'локоть' (: ср. лат. *cubitus* 'локоть', 'изгиб', 'излучина' > др. греч. $\chi\beta\iota\tau\omicron\nu$) с семантической идеей искривления, лежащей и в основе балт. *Kubr-*: *ka-ub(u)r-* (см. Schmoll Vorgr. Spr. 1958, 103); карийск. Κυβασσος (: Nom. гр. Κυβασσος), *Kybassos*, *Kybima* и др. (см. Robert Noms indig. 1964, 51—52; Zgusta Kleinas. PN 689; Исслед. карийск. надп. 1965, 256). Естественно, что удовлетворительного объяснения этих сходжений пока нет.

{*kubr-an-}, ср. {*kubr-}.

{*kuč(-c)?}, см. {*kuč(-c)-it-}

{*kuč(-c)-it-}, ср. *Cuczithen*, 1419, позже — *Kutschitten*, ср. Nom. гр. прусса *Kutcze* (APON 78; согласно Траутману AfslPh 38, 1923, 132, правильное чтение: *Rucze*, см. *Rutczow*, и форма *Kutcze* должна быть изъята). — Согласно Герулицу, с прусск. *Kutcze* следует сравнивать лит. Nom. гр. *Kucaitis*; наличие с в прусск. и литовск. указывает на заимствование. — Сюда же, видимо, и *Kuczke*, озеро, 1388 (UBP 132); *lacus Cuczic*, до 1438; *Kuczki*, 1438 (O ludn. polsk. w Prus. 1882, 189); *Kautziger See*, совр. *Kucki* (APON 78: preußisch?; Gógnowicz TPG 251: от праслав. *kuča < и.-евр. *keu-k 'искривлять'). — По-видимому, эти примеры не отделимы от многих других, засвидетельствованных в тех же местах в более поздних источниках или на смежных территориях. Ср. мазур. *Kuckie Jezioro*, *Kuc*, *Kutzer See*, около — деревня *Kucza*; *Kuczowe Bagno*, *Kucowe*, *Kutzenbruch*; *Kuczka*, *Kucka*, *Kutschke*, *Kutschen Berg* (Słown. nazw Mazur. II, 29, 44, 112), *Kuc*, *Kutz See*; *Kucki*, *Kauziger See*; *Kucze*, *Kucz*, *Kutzen*; *Kuczke*, *Kutzen Gut*; *Kuczyno*, *Kuczynu* (Słown. nazw geogr. PZP. 151—152); висл. *Kuc*, *Kucki*, *Kucze*, *Jez.*, *Kuczki*, *Jez.* и др. (HW 461, 493, 762); белостоцк. *Kucze*, теперь — *Kucze Małe*, *Kucze Wielkie*; *Kuczyn(o)*, теперь — *Kuczyn*; de *Kuczino*, 1569; Parochia Trzcienska — *Kuczyno*, 1580, теперь — *Kuczyn* (Halicka Nazwy Biał. 1976, 100); *Kucze*, 1497, 1577 (Nazwy Północn. Maz. 234). Ср. также Nom. гр. *Kuc*, *Kucz*, *Kuc(z)a*, *Kuc(z)ek*, *Kuc(z)k*, *Kuc(z)ka*, *Kuczowski*, *Kuc(z)owa*, *Kuczski*, *Kuc(s)ki*, *Kuczuk* и т. п. (Słown. starop. nazw III, 1, 185—188); особенно показательны примеры Nom. гр., отсылающие к соответствующему названию места, имения, из старых белостоцких документов (Stanislaus de *Kucze*, 1497; et Ioannem *Kuczinski* haeredem de *Kuczyn*, 1524, см. Nazwy Biał. 1976, 100) — при том, что сами названия обычно выводятся из ст.-польск. и польск. диал. *kuczeć* 'siedzieć w kucki', ср. польск. диал. *kuczyć* 'przysiąść sobie'. В связи с совр. *Kuczki*, *Kucki* (озеро в южной части бывших владений Помезанского епископа, недалеко от границы с Хелминской землей)

Поверский Roczn. Elbl. 8, 1979, 33—34 указывает, что это название отражено в форме *Kuczke*, вписанной в документе Конрада Цельнера фон Ротенштейн (ср.: alias *Kutschke*. PUB № 91; SRP 5, 427; нем. *Kautzker-See*), ср. также форму *Cuczic* (= *Kuczice*), которая, как и *Kuczki*, выводится из *kucz- (или *kut-) & *-ьsk-. Названия *Kúčki*, *Kúča*, *Кучкунь* и под. известны и в Белоруссии (ср. Слоўн. назв. Мінск. 148; Мікратап. Белар. 135; Белар. геагр. назвы 102; Літоўск. элем. белар. анам. 63); ср. также блр. Nom. гр. *Kúča*, *Kúčka*, *Кучкó* (Белар. антрап. 2, 237); русск. *Кучка*, *Куча*, *Кучин*, *Кучецкий* и др. (Слов. др.-р. имен, s. v.; Ономаст. 175), ср. также *Кучкин*, *Кучков*, *Кучинский* и т. п. Помимо Nom. гр. *Kučka* в литовском известны многие примеры употребления корня *Kuč-* в топонимике. Ср. Nom. гр. *Kūčikas*; *Kūčas*, *-jys*, *-in-aitis*, *-auskas*, ст.-лит. *Kuczikowicz* (Liet. antrop. 159: автор склоняется к объяснению *Kūčas* из *Kut-šas, ср. *Kūt-as*, *-jys* и т. п.: *kūsti*; 3. Praet. *kūto*); топонимы типа лит. *Kučiai*, *Kūčiškė*; *Kučkaī*, *Kučkėliai*, *Kučiūnai*, *Kūčiūliškė*, *Kučgaljys* (LATSŽ 143); *Kučkynas*; ср. *Kučupjys* (LUEV 81; Liet. hidr. 244; LHEŽ 169); лтш. *Kutschke* (?), *Kučkauški*; *Kuces*, *Kucens pl.*, *Kuceni*, *Kucine pl.*, *Kucini*, *Kucite* (ср. прусск. *Cuczithen*); *Kučas*, *Kučupgals*, *Kučenieki* и т. п. (LV I, 2, 160—161; впрочем с целым рядом неясностей). — Каково бы ни было происхождение названий с корнем *Kuč-*, они составляют единый и достаточно насыщенный ареал, который с лингвогеографических позиций может считаться самодовлеющим (по крайней мере в его ядре). Многие в этих названиях должно быть отнесено к результатам славянского влияния, хотя само наличие их в балтийских землях и языках вне сомнения. Особенно показательны образования типа *Kučka* (-e), отмеченные как у пруссов, литовцев и латышей, так и у славян. Большой культурно-исторический интерес вызывает то обстоятельство, что имя основателя Москвы, согласно соответствующему преданию, было *Кучка* (ср. *Кучковичи*), а сама Москва называлась *Кучково* (ср.: *Москва*, *реки Кучково* . . . в летописи), *Кучково поле*. Учитывая балтийский компонент раннемосковской истории, приходится считать, что Nom. гр. прусск. *Kutcze* или лит. *Kučka*, как и соответствующие названия поселений, отмечены и на балт. территории (см. БСл. сб. 1, 1972, 275; Baltist. I priedas 1972, 219; БСл. Иссл. 1981, 1982. 44—45). Совокупность таких фактов могла способствовать поздней мифологизированной исторической традиции, связывавшей русский царский род с древней Пруссией.

{*kuč(-c)-in- (?)}, с известной вероятностью реконструируется на основании названий типа *Kuczyn(y)* на бывших прусских и ятвяжских землях. — См. {*kuč(-c)-it-}.

{*kuč(-c)-k-}, ср. *Kuczke*, озеро, 1388, позже — *Kautziger See* (APON 78; preußisch?). — См. {*kuč(-c)-it-}.

{*kud-}, см. {*kud(-ij-)?}.

{*ku- & *dar-}, ср. ятв. *Kudare* de Sudowia (SRP 1, 139); см. {*kudr-in- (?)}

{*kud-en-}, ср. Nom. гр. *Cudenne*, 1371 (APN 49). — Ср. также прусск. *Kudyn*, *Cudikyn*, *Kudir*, *Kudie* (Lewy Altpr. Pers. 1904, 52.) — Наиболее точное соответствие можно видеть в ст.-лит. Nom. гр. *Kudenas* (ср. *Kud-ėnas*), ср. также *Kudzinsky*, *Kudziowicz*; совр. лит. *Kūdas*, *-ėlis*, *-ūlis* (Liet. antrop. 159: к лит. *kudėnti* 'идти', 'бежать', 'двигаться'), *Kudulis*; лтш. Nom. гр. *Kude*; заслуживают внимания и польск. имена типа *Kudin*, *kmethoni nobilis Syerkonis Lopathycz*, 1444; *Kmetho Cudyn*, 1493; *Ex parte Kudyn*, 1499 (Słown. starop. nazw III, 1, 189, ср. также *Kudowicz*(z), *Kudyjewicz*(z) и др.); ср. русск. *Кудин*, *Кудинов*. — Из местных названий ср. лит. *Kudaičiai*; *Kudziūnys*, *-ėniai*, *Kudinai*, *Kudonis*, *-ėniai* (LATSŽ 144); *Kudėnė*; ср. *Кудинишка* (Спрогис Георг. слов. 154; количество и остается неясным); лтш. *Kudėni-kalns*, совпадающее с прусск. *Cudenne*; *Kudinava*, *Kudeiki* (I.V I, 2, 161). Названия того же корня сохранились на смежных с балт. территориях; ср. *Кудзишкі*, *Кудзяны*, *Кудаюцы* (Лит. элем. белар. аном. 23, 45, 66; здесь же указаны блр. Nom. гр. из литовск. — *Кудзян*, *Кудзевич*, *Кудзин*, *Кудзёнак*, ср. *Кудзейка* и др. БСЛ. Иссл. 1980. 1981, 197); мазур. *Kudyński Borek* (Słown. nazw Mazur. II, 262; название *Kuden-See*, 262, кажется, сюда не относится: ср. его польск. вариант *Chudek*); *Kudynu*, *Kudyński Bor* (Słown. nazw geogr. PZP 152). К западу от Вислы ср., м. б., *Kudda*, *fluvius*, 1311 (PUB 5, 31); *flumen Chudda*, 1313 (PUB 5, 124), *Groß und Klein Kūdde*, 1628; *Großen/Lutken Kūdden*, 1628 (Klempin 288. Neustettin); ср. *Kūdow* (EOSON I, 16; II, 26); в связи с последними названиями ср., однако, польск. *Gwda*, о котором см. Milewski Slav. Ant. 11, 1964, 47—48 (с литературой вопроса); ср. также Slav. Prag. 8, 1966, 260. Спорны гидронимы сходной формы в Тверск. губ.: *Кудь* (в пользу финск. происхождения см. Vasmer SBPAW 1934, 369), *Кудень* (: лит. *Kodžiupis km.*, см. Vasmer SBPAW 1934, 362—363) и под. Во всяком случае приходится считаться с возможностью разного происхождения названий на *Kud-* (о топонимах, восходящих к и.-евр. **kudh-*, см. Nowicki KZ 92, 1978, 184—194).

{*kudep- (?)}, см. {*kudip- (?)}

kudesnammi 'так часто, как', 'kuo dažnai' (PKP II, 90). Adv. К II, 13, 30 (Stewidan segeyti kudesnammi joes puietty preu mayian minislan 'Solches thut so offt jhrs trincket zu meinem gedechtnis'); — *kodesnimma*. К I, 7, 30 (APSpr. 364; SPV 198). — Сложное двучленное слово. В первом члене обычно видят Проа. Instr. Sg. п. *ku-*, соотв. *ko-* (из прабалт. **kō* < и.-евр. **kō*, см. Stang Vgl. Gr. 1966, 49), от *kas*, см. Во втором члене *-desnima* Эндзелин, предлагавший конъектуру **kudesnimma*, видел здесь Superl. от Adj. или Adv. с значением 'частый'. По мнению Станга Ibid. 178, 241, однако, в исходе *-ammi*, *-imma* следует видеть показатель Instr., который не был ясно понят переводчиками. Стангом же отвергается связь элемента *-im-* в *kodesnimma* (как и в *kuilgimai*) не только с показателем Superl. *auckstimiskan*, но и с ана-

логичным элементом в топонимике — прусск. *Karnymithen*; *Astim*, *Burtims* и т. п. (SPV 47; APN 166—167), не говоря уже о вост.-балт. примерах типа лит. *tólimas* (*tolymas*), лтш. *tālims*. В этом смысле расхождение Станга с традицией достаточно решительно (можно напомнить, кстати, что и Буга Aist. stud. 71, исходя из формы без конъектуры, принимал суф. *-am-* в суперлативном значении [ср. др.-греч. ὄρυμας, др.-инд. *daśamā-*], как и *-im-*; ср. прусск. **kū-dėznima(i)* '*dažniaūsia*' или **kū-dėznam(a)i*. Superl.). Настаивать на суперлативном значении этой прусск. формы, действительно, было бы несколько неосторожно, поскольку прусский вообще не сохранил в этом отношении достаточных данных для постулирования парадигматической формы Superl. (ср. Vgl. gr. 269—270). Тем не менее, полный отказ от возможности связи с адъективным *-im-* и предложение видеть в данном случае признак Instr. представляется, по меньшей мере, столь же неосторожным. Впрочем, сам мотив пересмотра точки зрения Эндзелина о Superl. негативен по своей природе: присутствие Superl. в данном месте текста не кажется Стангу естественным «aus semantischen Gründen» (177), см. ниже. — В вост.-балт. языках при корне *daž(n)-/daz-* суффиксальный элемент *-m-* выступает в лит. *dažnūmas*, лтш. *dazums* (ME 1, 445), т. е. в совсем ином типе образований. Поэтому ближайшие и единственные (по крайней мере, из отмеченных в литературе) параллели касаются сходства корневых частей соответствующих слов. Ср. лит. *dāžnas*, *dažnūs*, *dažnis* 'частый' (Adj.), но и 'не один', 'многие' (Pron. indef.). Ср. такие показательные употребления, как то: *D ā ž n a s žmogus taip sako* (при *d ā ž n a s taip sako*); *Mes d ā ž n a s taip pašnekam*; *Ratelių da d ā ž n a s turi*; *Ne d ā ž n a s taip pasako* (LKŽ 2, 347); с другим вокализмом ср. лит. диал. *dežnai*. Adv. (Svėdasai LKŽ 2, 470). Из латышских соответствий ср. *dažs* 'иной', 'некоторый' (*d a ž i duomā tā, citi atkal citi tādi*; *d a z š labs gan sacīs*. ME 1, 446), *dažāds* 'разный', 'различный', 'разнообразный', 'многообразный', но и *daza* 'eine Menge' (EH 310), *dazums* 'eine grosse Menge' и т. п. Из Adv. ср. лит. *dažnai*, *dažniat* (*dežnai*), лтш. диал. *dažai* '*dažkārt*'. Среди других образований от этого корня обращает на себя внимание целый класс случаев, когда *daž-* выступает в качестве первого члена сложных слов и имеет отчетливо прономинальную функцию. Ср. лтш. *dažkārt* 'иногда', 'иной раз', 'порой', *dažreiz* то же, *daždien*, *dažbrīd*, *daždažāds*, *daž nedažādi* и т. п.; лит. *dāžkart*, *dažnur* '*dažnaikur*' и др. Вместе с тем слова с элементом *daž-* и под. характеризуются вхождением в полусинтаксические — полусловообразовательные структуры с Pron. interrog. Ср. прусск. *ku-desnammi*, лит. *kuo dažnai*, которое — в принципе — могло бы быть «приближено» к прусскому модусу выражения (если бы *kudesnammi*, действительно, оказалось Superl.). — **kuo & dažniausiai*. Близкие аналогии были приведены уже Бугой: лит. **kuo-geriaūsia*, др.-инд. *yāschreṣṭhā* < **yad-* & **sreṣṭhā-* (Aist. stud. 71). Их число может быть увеличено. Еще важнее

наличие в и.-евр. особого типа синтаксических конструкций Superl. & Pron. & Cas (напр., 'сильнейший' & 'чем', 'чего', 'от чего'... & падежная форма имени), легшего в основу инвертированного и трансформированного с понижением ранговости типа, предполагаемого для прусск. *kudesnammi*, *kuilgimai*, лит. *kuo-geriaūšias* и т. п. Наконец, полезно иметь в виду и частичные аналогии, напр., и.-евр. Nom. pr. с Pron. interrog. в первом члене (**K^u*-, см. Milewski *Ieur. imiona* 1969, 103; особенно ср. тип. **K^u*- & Adj., напр., прусск. *Kv-drauwe* 'Что-за-сильный?!', др.-инд. *ku-cará-* 'бродячий' *ku-dṛśya-* 'плохой с виду' и т. п.) или Nom. pr. с Superl. в одном из членов (Milewski *Ibid.* 100). — Если связь приведенных выше вост.-балт. слов с прусск. *kudesnammi*, *-imma* очевидна, то дальнейшее остается совершенно неясным. Ни внутри балт. языков, ни на более широком и.-евр. фоне пока не удается найти объяснений ни для внутренней формы этих слов, ни для внешних сопоставлений, которые могли бы привести к решению этимологической задачи. Более того, пока не было сколько-нибудь удачных попыток построения семантической истории (хотя бы как отражения ее в синхронной структуре смыслов) этого слова в балт. языках. Поэтому неким пределом реконструкции приходится считать форму типа **dez-* (**dež-*) : **daz-* (**daž-*); *-n-*, несомненно, относится к суф. (ср. LKŽD 216; Otrębski *GLit* 2, 167), что, впрочем, не означает, что только этот элемент и входил первоначально в состав суф. (предшествующее *-ž-/z-* делает точное определение суф. затруднительным). Более существенными могут оказаться результаты семантической стратификации. Прежде всего оказывается, что наиболее распространенное в лит. *dāžnas* значение 'частый', очевидно, является не исходным: оно регулярно присутствует во всех вторичных образованиях как основное и (что важнее) единственное, что указывает на его современный статус и, следовательно, дает основания для предположения об относительно позднем его происхождении. В латышском *dažs*, *dažāds* вообще не имеют значения 'частый'; особенно показательно, что оно передается лтш. *biežs* (ср. *biežs pulos*, *bieži apteklējumi*) при том, что и значение 'частый-густой' передает, по сути дела, то же слово *biežs* (*biežs mežs*, *bieža ķemme*). В литовском последнее значение никогда не связывается с *dāžnas*, но с *tānkus* (*tānkus miškas*, *tānkūs plaukai*, *tānkios šūkos*). Эти различия существенны и в том смысле что именно те слова, которые имеют значение 'частый-густой', обычно оказываются этимологически ясными, причем сам круг семантических мотивировок этого значения исчерпывается небольшим числом четких моделей. В прусск. *kudesnammi* отмечено лишь в одной ситуации, к тому же диагностически малоинформативной (в частности, вне сопоставления с *Subst.*, которое могло бы определяться этим словом). Поэтому и понимание *kudesnammi* как 'so oft' в высшей степени условно: с неменьшим основанием в данном контексте с этим словом можно связывать такие смыслы, как 'многожды', 'каждый раз, как...', 'всегда как...', 'в некоторых случаях, когда...' и т. п. В ре-

зультате кажется правдоподобным заключение, что в литовском более архаичную стадию в семантическом развитии отражает *dāžnas* в смысле 'ne vienas', 'tulas' (по определению LKŽ 2, 347), что, по-видимому, переводит это слово (по крайней мере, в более ранний период) в категорию Pron. indefin. Если в литовском языке это последнее значение находится в довольно значительной изоляции и существует безусловный разрыв между ним и значением 'частый', то лтш. *dažs* (*dažāds*) удачно восполняет отмеченный для литовского пробел. В лтш. *dažs* ключевым и, собственно, единственным значением является то, которое определяется функционированием этого слова как Pron. indefin., а именно 'некий' как обозначение не уточняемого (не называемого) далее, т. е. подробнее, элемента множества, который противопоставлен, с одной стороны, 'э т о м у', с другой стороны, — 'д р у г о м у'. Ср. частое противопоставление *dažs — cits* (ср.: *i jāu visādi cilvēki: d a ž i i laipni, bet c i t i ne. Ērg'em. izl. vārdn.* 1, 251, ср. также 225—226; характерно и определение *daš, dažā*: 'Kāds nenoteikts, vārdā nenosaukts [no visiem vai daudziem līdzīgiem]'; 'Kāds nenosaukts cilvēks' 1, 251). Именно в этой неопределенной 'некоести' лежат истоки семантических тем и н а к о с т и (как не «этости») и потенциальной множественности, р а з н о с т и, р а з н о - и м н о г о о б р а з и я, которые имплицитно присутствуют и в *dažs*, но выявляют себя эксплицитно в производном слове *dažāds* (ср. *dažādas domas*, *dažādi iespaidi* и т. п.). Лит. *dāžnas* 'частый' подхватывает и институализирует идею многократности, повторяемости в высокой степени. В латышском этой специализации значения не произошло, и *dažs* осталось «грамматическим» по преимуществу словом. В свете сказанного о значениях и функциях балт. *daž-*, (*daz-*), *dež-* (*dez-*) было бы естественно предположить, что в его основе находился архаичский д е й к т и ч е с к и й элемент. Формально и содержательно ближе всего к описанной ситуации подходит и.-евр. **de-/do-*: **dim*, микросистема указательных элементов, противопоставленная как и.-евр. **se-/so-*: **sim*, так и и.-евр. **e-/o-*: **im* (см. Benveniste *St. balt.* 3, 1933, 121—130). Но принятие этого пути для объяснения *kudesnammi* и — шире и глубже — балт. *daž-* (*daz-*) : *dež-* (*dez-*) сопряжено (по крайней мере, пока) с очень большими сложностями, из которых в данном случае уместно отметить лишь две основных: неясность трактовки *-ž-/z-*, которому пришлось бы приписывать некую словообразовательную функцию, и практическое отсутствие указательного элемента *d-* в вост.-балт. (исключая сильно переслоенные случаи типа *kad-*, *tad-* и т. п. или, возможно, предлога-префикса *da-*; в прусск., напротив, этот элемент не только сохраняется, ср. *din*, *di*, *dei* и т. п.; но и сохраняет ряд интересных особенностей, напр., переводит немецкое безличное *man*). И хотя порознь и, так сказать, теоретически каждая из этих трудностей может быть «как-то» объяснена, указанный путь как некая предварительная рекомендация не может считаться надежным или перспективным без существенных дополнительных разъяснений.

Тем не менее уместно обозначить некоторые параллели (если не генетического, то типологического характера), основанные, разумеется, на сугубо гипотетических реконструкциях. Если прусск. *kudesnammi*—*kudesnimma* представить в и.-евр. коде как последовательность служебных частиц **k^o- & *d(e) & *g'h(i) | &-n-*, адъективирующий элемент], то окажется, что она весьма близка довольно многочисленным (и эвентуально возникающим) цепочкам этого типа в разных и.-евр. языках. Ср., напр., русск. диал. *когдашний* 'неизвестного, неопределенно какого времени; давнишний' (по определению СРНГ 14, 42; ср. *когдашний, когдамошний, то(г)дашний, всегдашний* и т. п.), условно из **ko- & *da & *š-* (& *-n*) с функцией Adj. от Pron. indef., или др.-инд. *kadā hi* (< **ka- & dā & *g'hi*; ср. русск. диал. *когда же*) при *kadā canā* (RV I, 150, 2) или *kadā cid* (VII, 104, 7), оба со значением 'некогда', 'когда-то' (особенно показательно *kadā cid* VIII, 40, 2, где оно переводится как 'часть' ['oft', 'stets'] или 'некогда', 'когда-то' /в будущем/), или латинские местоименно-частичные комплексы типа *quandō-que* (ср. умбр. *rapu-pei*) 'когда бы ни', 'всякий раз как' (откуда → 'часть'), 'иногда'; 'ибо', 'так как' (из **k^oām & *do- & *k^e*), *quando-cumque*, то же, *quandō-quidem, quandō-libet* и т. п.; очень характерно, что лат. *quam* используется и для усиления, в частности, для обозначения в высшей степени чего-либо (ср. *admodum quam saevus* 'совершенно расщепивший'. Плавт), и при Superl. (*quam maximam voce* 'как можно более громким голосом'. Цицерон; ср. *quam maximam* в значении 'как можно больше' → 'как можно чаще' и т. п.); существенны и сочетания *quam* с Comp. и вообще с Adj. (*quam multa quam raucis!* Цицеро). Эти примеры на другом уровне возвращают нас к некоторым иным раритетам, которые также могут оказаться под некоторым общим углом зрения параллелями к прусск. *desn-*, лит. *dāžn-*, лтш. *daž-*. Речь идет о праслав. сочетаниях **da že, *do že/ži* (см. ЭССЯ 4, 181; 5, 90), выступающих чаще всего как союз 'выражающий предел до чего, крайность, крайнюю, высшую степень' (ср.: Даль³ 1, 1021). Наиболее любопытные значения этих образований (в связи с рассматриваемой темой) — 'вплоть до', 'до тех пор как' и под. (отсюда потенциально → высокая степень → множество & повторяемость → частота), ср. ст.-сл. *даже, даже до* *прѣв ѣ, usque ad, доже, дожи* и *до* *ѣхри, usque*, болг. *даже, дори*, словен. *dār, dar do* и т. п. Но есть и еще более интересные случаи (правда, изолированные и в этом смысле допускающие сомнения), ср. русск. диал. *дожа*. Adv. 'хорошо', *дбже*: *дбже дело* 'хорошее дело', 'много работы' (СРНГ 8, 91, 92: Олонецк.. Пенз.), что можно понимать как обозначение действия, доведенного до предела ('вплоть до'), до мыслимой полноты, количественной множественности: *дбже* характеризует работу «многую», возможно, множественно-расчлененную и, следовательно, неоднократно повторяющуюся в своих частях. Во всяком случае важно, что пример *дбже дело*, видимо, позволяет говорить о Adj. *дож, дбжа, дбже* при том, что этот полнозначный Adj., несом-

ненно, сложился на основе минимальной синтаксической конструкции, оба члена которой представлены неполнозначными служебными элементами (**da/*do* и **že*). При учете восстановления этой связи (в основном «синтаксического» с в основном «лексическим» приобретают вес и случаи, где при «корне» *даж-* появляется элемент *-n-* (ср. русск. диал. *даженьки, дажныть*, дающие хотя бы частичные основания для постановки вопроса о реконструкции «адъективообразных» форм типа **дажный* (: лит. *dāžnas*), **даженький* и под.), и во многом параллельные случаи, в основе которых лежит слав. **a že* (ср. русск. диал. *ажно́* как союз и частица [в частности, 'даже', 'пока не' и т. п.], но и *ажно́ Adv.* 'хорошо', 'очень', 'весьма' и даже *ажно́ный* 'хитрый', ср. *ажно́й*, но как союз), достраивающаяся до **a- & ž(b)- & *n-*, и, наконец, многочисленные словообразовательные потенции «синтаксически-служебной» конструкции (ср. русск. диал. *дажечи, дажечки, даженьки, дажныть; ажно́, ажно́й, ажно́ный, ажно́к* [: лит. *dažnókas*], *ажно́каты, ажно́ли, ажно́ль, ажно́лича, ажно́у, ажно́уть, ажно́, ажнык, ажнак, ажно́к, аженьки, ажин* СРНГ 1, 209—213). Данные других славянских языков еще более расширили бы этот круг; то же, но в существенно меньшей степени, можно сказать и о других и.-евр. языках, сохранивших продолжения и.-евр. **dó* (германск., итальянск. прежде всего). — Как возможные этимологические «соблазны», коренящиеся в случаях совместной встречаемости сходного звукового комплекса с одним из входящих в игру значений, можно упомянуть соотношение прусск. *-desn-*, лит. *dāžn-*, лтш. *daž-* с русск. диал. *дэзнуть* 'ударить', 'ушибить' (СРНГ 7, 335) и лтш. *dezēt, dēzēt*, 'prügeln', 'hauen' (ME 1, 460), кстати, не имеющими этимологии (**dheg'h-*; к значению: 'бить' → 'обильный' → 'многий', ср. 'набитый' → 'частый', 'тесный' и т. п.) или сравнение этих же балт. слов (**dež-/dez-*, **daž-/daz-*) с лит. *dažai* 'краска' (ср. *dažyti* 'красить', *dažytojas* 'красильщик', 'маляр') в контексте схемы семантического развития типа 'красочный' → 'цветной' → 'пестрый', 'многоцветный' → 'многообразный', 'различный' (ср. лтш. *dažāds*) → 'многий', 'частый' (ср. лит. *dāžnas*), подтверждаемой и явно формируемыми мифопоэтическими концепциями-образами (ср. Бога-красильщика, окрашивающего — крестящего человеческое множество в бессмертие, из гностического «Евангелия от Филиппа» из Наг-Хаммади, см. сборн. II, соч. 3, 43 и др.). — В целом же прусск. *kudesnammi* принадлежит к числу тех редких случаев, когда практически полное соответствие на материале балт. языков как бы «запирает» путь дальше — к и.-евр. источникам. Утешением для исследователя является в таких случаях необходимость определить характер трудностей, и усвоив их себе, спуститься на следующий по глубине уровень. Наконец, всегда существует надежда, что раскрытие этимологии таких слов связано с получением результатов, превышающих те, что предполагались заданием первоначальной цели.

— Лит.: Thes. 1873, 76, 82; Bezzenberger GGA 1874, 1242, Leskien

Bild. 1891, 355; Pr. Spr., s. v.; Buga Aist. stud. 1908, 70—71; APSpr. 364; ME 1, 446; SPV 47, 158—159, 198; LEW 84—85; IF 50, 1932, 101; Vgl. Gr. 1966, 7, 38, 49, 177—178, 241; OP 116, 136; St. OP 331—332. — [*kudesnima; *kudesnami; *kudeznima; *ka-deznimai].

*kudesnimma, см. *kudesnammi*.

{*kud-(ij-) (?)}, ср. Nom. pr. *Kudie* (Lewy Altpr. Pers. 1904, 52). — К суф. ср. *Laysyen* (: *layso*), *Wozie* (: *wosee*) и др., см. APON 248; APN 164; к корню см. {*kud-en-}, {*kud-in-}, {*kud-ik-} и т. п. — Относительно принадлежности к этому типу прусск. *Kodyen*, позже — *Koddien* (APON 67), сказать что-нибудь определенное трудно (ср. варианты *Coddin*, *Cudyn*). Герулис исходит из **Kud-in-*. В качестве ближайших параллелей Nom. pr. *Kudie* указывалось лит. Nom. pr. *Kude*, ср. также лит. Nom. pr. *Kudulis*. Герулис допускает связь с лит. *kūdas*, лит. *kūds*. Спорна трактовка прусск. *Kudi-* в *Kudikaymen* (ср. APON 74).

{*kud-ik-(in-)}, ср. Nom. pr. *Niclos Cudikyn*, 1409 (APN 49; из **Cudicke*). — Ср. также прусск. *Kudikaymen*, 1459, которое при одной из трактовок может анализироваться как сочетание элемента *Kud-ik-* с *kaim-* (иначе Герулис APON 74). — К суф. ср. Nom. pr. *Aytico* (: *Ayte*), *Gaudiko* (: *Gaude*), *Judico* (: *Jude*) и т. п., см. APN 172; APON 248—249. К корню см. {*kud-en-}, {*kud-in-}, {*kud-(ij-) (?)}.

{*kud-(ik-) & *kaim-(?)}, с. *Kudikaymen*, 1459 (APON 74). — По Герулису, к *Kudyn* и *caymis*. — См. {*kud-en-}, {*kud-in-}, {*kud-(ij-) (?)}.

{*kud-in-}, ср. *Kudyn*, 1329; *Cudynn*, 1351; *Kudyn*, 1382; *Cudinlawke*, 1384, позже — *Rosenort* (APON 74); Nom. pr. *Symon Kudyn* 1286 (PU 2, 314), APN 49. — К *Kudyn* см. Breidaks Latv. Zin. Akad. Vēstis 1977, № 3 (356), 90. — Параллели, в том числе и совершенно точные, см. {*kud-en-}; см. также {*kud-(ij-) (?)}, {*kud-ik-} и др.

{*kud-in- & *lauk-}, ср. *Cudinlawke*, 1384, позже — *Rosenort* (APON 74). — Сложное название: в первом члене — {*kud-in-}, см., во втором — *laucks* см.

{*kudip- (*kudep-) (?)}, ср. *Kudieph*, XV в., позже — *Kudippen* (APON 74). — Ср. также *Kudypskie Lasy* (к зап. от Ольштына), *Kudipper Forst* (Słown. nazw Mazur., II, 212); *Kudypu* (row. olszt., row. mogąski), *Kudippen*, *Kuhdiebs* (!) (Słown. nazw. geogr. PZP 152). — Неясное образование. При отсутствии в прусск. суф. с элементом *p* делать какие-либо заключения по словообразовательной структуре нецелесообразно. Все-таки вероятна связь *Kud-* с тем же элементом в {*kud-ik-}, {*kud-en-}, {*kud-in-}, {*kud-(ij-) (?)}, {*kud- & kaim-}. Что касается *-ip-/-ep-*, то напрашиваются два варианта объяснения (оба весьма гадательных — тем более, что запись конца слова, видимо, испорчена): и ли все-таки суффиксальное образование *Kud-ep-* по образцу лит. *Verėpas* (см. LKŽD 297; Ванас LHEŽ 373 склонен рассматривать внутреннюю форму слова иначе: **Ver-gėpas*), ср. также

лит. *-op-* (*dvėjopas* и т. п.), впрочем, совсем иного типа; и ли сложное слово: из *Kud-* и *ap-* (от *ape* 'речка', 'ручей'), которое подверглось порче (редукция гласного), что как раз иногда случается с этим элементом в сложных словах, особенно при наличии на данной территории суперстрата (ср. *Ужепа*, *Каспля* и т. п.). Во всяком случае прусск. *Kudieph* удивительно напоминает русск. *Кудень*, гидроним, о котором как о балтизме писал уже Фасмер SBPAW 1934, 362—363, выделяя в конце этого названия след балт. слова для реки.

{*kud-ir-}, ср. Nom. pr. *Kudir*; *Kudir Kwder*, 1395 (APN 49; к лит. Nom. pr. *Kudrus*). — Траутманн 177—178 выделяет суф. *-ir-* (ср. *Budir*, *Gustir*, *Jundir*, *Muntir* и т. п.). Ср. также примеры, когда при корне *Kud-* выступает элемент *-r-*. — Из возможных параллелей ср. лит. Nom. pr. *Kudirka*, топоним *Kudirkos* (LATSŽ 145: дважды). — См. {*kud-r-}, {*kudr-in-} {*kodr-in-}.

{*ku- & *drav-}, ср. Nom. pr. *Kvdrave*, 1292 (PU 2, 373); *Kvdrauwe*; *Kwdrow*, 1393—1394 (APN 47). — Ср. Leskien IF 34, 1914—1915, 318. — См. {*ko- & *drav-}.

{*kudr-in- (?)}, ср. *Codrynen*, 1425, позже — *Godrienen* (APON 67; к Nom. pr. *Kudir*, *Codruno*). — Общий объем параллелей к указанной лексеме не вполне ясен из-за сложности вопроса об этимологических связях апеллятивов, восходящих соответственно к *kudr-* и *kūdr-*. Поэтому перед исследователями стоит в дальнейшем задача дифференциации среди всего корпуса «параллелей» или же доказательства единого происхождения их. — Учитывая это, ср. лит. *Kudrėnai*, *Kudrėnėliai*, *Kudriónys*, *Kudrionių Girià*, *Kudriai* и т. п. (LATSŽ 144), *Kudrašč km.*; лит. *Kudraši*, м. б., *Kudrava* (LV I, 2, 161). Названия с аналогичным элементом *Kudr-* известны и на смежных территориях, хотя не всегда есть уверенность в языковом тождестве этих элементов с балт. Ср. *Kudry*, *Kudern* (Słown. nazw. geogr. PZP 152); блр. *Кудеркі* (*Кудэ́ркі*), *Кудричи* (*Кудрычы*) (Кратк. топон. слов. Белор. 187), *Кудрычы* (Слоўн. назв. Брэсц. 71), *Кудрышчына* (Слоўн. назв. Мінск. 144), *Кудзерка*, *Кудзеркі* (Белар. геогр. назвы 100), *Кудзерка*, *Кудзеркі*, *Кудзяркі*, *Кудзярачка*, *Кудраўка* (Мікратап. Белар. 130); окск. *Кудрин*, *Кудрина*, *Кудринской* и др. (Гидр. басс. Оки 44, 74, 77); моск. *Кудрино* (богатая прудами и болотами местность); укр. *Кудринка*, *Кудрина*, *Кудринэць* (Словн. гидрон. Укр. 299), *Кудрянка*, в басс. Горыни, другое название — *Став*, откуда *кудр-* = *став-*, см. НПУ 256 (здесь же известен апеллятив *кудра* 'прудик') и т. п. Уже эти примеры отчасти подводят к примерам с корнем *Kūdr-*, достаточно надежно связываемых с лит. *kūdrà*, *kūdra* 'пруд', 'болотце', 'мокрое место, поросшее кустами' и т. п. (см. LKŽ 6, 768—769); ср. также *kūdrė*, *kūdrėnas* 'место, поросшее кустами, рожицей', 'болото', 'кочковатое место' и т. п.; лит. *kūdra* 'торф', *kudri* (ME 2, 332; Erg'em. izl. vārdu. 2, 132) и т. п. Ср. лит. *Kūdros* (LATSŽ 144); *Kūdrà*, *Kūdrėlė*, *Kūdrūkas*, *Kūdriai* (LUEV 81; Liet. hidr. 35, 65, 118, 195; LHEŽ 169); лит.

Kūdras, Kūdrēji, Kūdrīši; Kūdras-purvs, Kūdr-bedres, Kūdr-purvs, Kū'er-vaļks (LV I, 2, 185). Для территории Белоруссии характерно слабое различие между топонимическим *Кудра* (обычно в микро-топонии) и апеллятивным литуанизмом *кудра*. Ср. такие примеры, как блр. *Кўдра* 'поле, где расла кудзерка арэшніку, цяпер выцерабілі і распе толькі дзікая трава', 'зарослае месца на полі', 'азярцо, где мачылі лён', 'азярцо, где бралі воду', 'балота' и т. п.; *Кудры*, озерцо, поле на месте выкорчеванного кустарника (Мікратап. Белар. 130). Обильны примеры соответствующих апеллятивов в документах Великого Княжества Литовского XVI—XVII вв. Ср. Узводил ме... на ниву над прудицом... на той же ниве подле кудры межа содрана... (1559); *Zostawili tę ziemię naszą... u kudrę siekaça u nieciekaça* (1580); Нивы... концами до дороги, которая идет... дычанами мимо кудры... (1590); ...досталася половица... от кудров пана Володковича... (1592); ...сеножат... с пивном... и с кудрами на пят возов сена... (1599); Мне Яну третей част от кудры... Над кудрою Петру сеножат... достало над кудрою... (1600); Кудра под гаем при ниве Ликгеи... (1600); До кудры, ... где лажня старая стоит... (1624); В середине той нивы кудра... (1628); ...*Dostało się mnie... nazwaną niwę... u skudrą pretow dwadzieścia u dwa...* (1630); *Las ten... granicząc... od pierwszego początku kopca u kudrach...* на tychże kudrach... (1689); *Prowadzili... przez błotko prosto do kuderki w polu... u do kopca, w tej kuderse będącego... do tej kuderki... w tej kuderse kopiec niemały...* (1641); ...*s kuderkami...* (1651), см. Jablonskis Liet. žodžiai 108, а также — 249, 313, 332. Поучителен круг значений блр. *кўдра* — 'небольшой естественный водоем', 'озерцо'; 'заводи во время паводка'; 'пруд'; 'заболоченная местность', 'болото'; 'участок леса' (ср. некоторые характерные примеры: ... на той санажаці быў лужок — кудра называлі; Сярод лесу бываюць кудры, там вода і трава каля яе расце...; Там кудра... для вадаю, а цяпер зарошшы...; Ідзі ў кудры моху надзяры! — А ці ест там кудра? Была кудра, ялавец рос, кусты. У нас на кудрах мох. У кудры капалі торф; Кудра — там вада, балота нібольшая; Кудра — кучыстая балота...; Кудры па лясох бываюць, як сажалкі і аброшшы травой; Кудра — лапінка лесу; Даўней казалі: «Кудру лесу купіў»; Кудра — круглы ўчастак аднародных дрэў у лесе: дубова кудра; Кругом выразалі, адна кудра лесу стаіць; бяроза-вая кудра; у лугавой кудры альха расце; Кудра — еслі лес, бяроскі кругом кудравыя, участак леса такі; Кудра — кусочак лесу сярод поля; Мы называлі мяста кудра, где зелень леса-вая цененькая; Паміж поля стаіць кудра — лясок такі и т. п., Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 556); 'отдельно растущая группа деревьев' (Ошмянны. Станкевіч Калосьсе 5, 1939, 119); 'лес на болоте', 'запруда' и т. п.; ср. блр. *кўдзерка* 'рощица' (вильн., гродн., ковенск.), *кудзірна* 'лесок' (вильн.), *кўдзярка* 'небольшой лесок по-

среди поля или болота', польск. *kudra, kuderka, kudziarko* 'затон', 'озерко' и т. п. См. также Вяржбоўскій Белар.-літ. лекс. ўзаема сув. 1960, 418—421; Цыхун Лекс. балт. 1969, 52; *Urbutis Baltist.* 5, 1969, 62; *Непокупный Baltist.* 6, 1970, 16—19; Балт.-сев. слав. 1976, 194; Балт. родичі 1979, 109; Гідр. Укр. 1981, 67; Яшкін Белар. геагр. назвы 1971, 100; Сцяшковиц Матэр. слоўн. Гродз. 1972, 248; Матэр. мінска-маладзеч. 1974, 85; LKK 16, 1975, 194; Невская Балт. геогр. терм. 1977, 44—45; БСЛ. сб. 1, 1972, 340; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 37. — Однако и белорусские примеры не исчерпывают ареал этого литуанизма. *Непокупный* в перечисленных работах (особенно 1970 и 1976 гг.) очертил ареал слов *кўдра, кўдзерка*, установленный экспедициями 1969 г. (междуречье Стублы (п. п. Стыря), Горыни и низовья Случи к сев. от линии Владимирец—Сарны, см. *Baltist.* 6, 1970, 16, 18, карта № 1), и указал основные варианты значений этих лексем: 1) 'пруд' («ставок по польському»), 2) 'долина и лесок вдоль нее'; 'болото', 'корчі маленькі', 3) 'остров леса среди поля' (обычно в словосочетании *кудра (кудерка) лісу*, ср. *кубло лісу*). Существенно, что значения 'пруд' и 'остров леса' совместно встречаются «на довольно-таки замкнутом пространстве», и эта ситуация находит себе аналогию в Белоруссии, в зоне Барановичи—Несвиж. Не менее важно указание названия села *Кудры (Кідри)*, Владимирецк. р-н (ареал *кўдры*), которое встречается в этой форме уже в 1609 г. и, возможно, отражает (по мнению *Непокупного*) закономерную трансформацию балт. *ū* > слав. *y*. — Семантика названных примеров, продолжающих лит. *kūdra* и само это слово вместе с его производными (ср. *kūdrīnas*), дает немало оснований для того, чтобы поставить вопрос о связи лит. *kūdra*, лтш. *kūdra* со сходными словами, но с кратким вокализмом корня, а именно с лит. *kūdrė* 'кружева', 'оборки', 'бахрома' и т. п. (: *kudrėnti* 'трясти', 'взрыхлять', 'растрепать', 'раструсить', 'распушить' и т. п., *kūdrinti*), *kūdaras, kādaras, kūduras* 'тряпка', 'лохмотья', 'лоскут' и т. п. (ср. лит. *Kūdariškės. LATSŽ* 144). Тем самым имеющиеся этимологические объяснения или теряют свое значение, нуждаясь в переинтерпретации, или вовсе оказываются неверными (ср. Fick Vgl. Wb. idg. Spr. III⁴, 92; ME 2, 332; LEW 305; Трубачев Этимол. 1978, 1980, 5). Не исключено, что лит. *kūdra*, лтш. *kūdra*, нужно членить не **k(u)-ūdr-* (условно — 'плохая вода'), а **kū-dr-* (: **der-/dor-*), подобно тому как лит. *kūdrė, kudrėnti*, видимо, членится **ku-dr-* (: слав. **kq-dr- : *kq-der-*), см. Трубачев Език.-этногр. изследв. 1960, 140—141; ЭСР 2, 399 (дополнение), связь с ср.-н.-нем. *hotte* 'свернувшееся молоко', нидерл. *hotten* 'свертываться' и т. п. также не может считаться надежной. В этом случае может быть иначе поставлен вопрос и о возможностях членения прусск. Nom. рг. *Kudir, Codruno* — **Ku-dir-*, **Co-dr-uno* (?). Возможно, что подобной словообразовательной структуре отвечает и ятв. *Kudare de Sudowia* (SRP 1, 139), сопоставляющееся с прусск. *Ku-drawe* (см. *Vaga LKŽod. LXXX = RR III, 138; Festschr. Bez-*

zenberger 1921, 47); к форме второго члена ср. прусск. Prei-dag, San-dag. В целом из балт. *Ko- & *dar(-as). — Все эти неясности внутри балт. (и слав.) примеров, подтверждающих реконструкцию {*kudr-in-}, затрудняют и дальнейший поиск параллелей. Все же может быть, бесполезно указание таких случаев, как пиллр. Kúðrai, πόλις τῶν Δουρίστων (Steph. Byz.); Kúðrai δὲ Βρύγων (Strab. VII, 7, 9), город в Южной Иллирии (ср. Σκόδρα), о связи которого с балт. примерами см. Kasparsons FBR 19, 1939, 61; ср. также ПИЕН 1964, 55; Rădulescu Шуг. 23. В той же части Иллирии, недалеко от Антипатрии, находился город Codrione (Liv. 31, 27, 5), чье название сопоставлялось с Kúðrai, Σκόδρα, Σκόδρα. Фрак. Kúðaros, река (Hesyeh.), возможно, относится сюда же, о связи с балт. фактами см. Duridanov Изв. на И-та за бълг. език 16, 1968, 71; Балт. яз. 1973, 59—60; ср. Rimša Geogr. metrašt. 18, 1980, 191. Как отдаленный фон ср. малоаз. Nom. рг. Kúðrḗs, Kúðrḗssis, ср. Kúðrḗlos и т. п. (Kleinas. PN 260—261, 289), которые, впрочем, сами толкуются по-разному.

{*kudr-un- (?)}, ср. Nom. рг. Codruno, 1239 (SRP 1, 62), см. APN 47 (лат. Dat.). — См. {*kodr-un-}, {*kudr-in-} с возможностью иного толкования.

{*kud- & *vin-}, ср. Cuydevin, 1391; Cudewyn, 1449, позже — Kudwinnen (APON 75); Nom. рг. Kudwin (Lewy Altpr. PN 52). — Сложное имя. К первому члену см. {*kud-en-}, {*kud-in-}, {*kud-ik-}, {*kud-(-ij-)} и др.; к второму члену ср. прусск. Nom. рг. Win-tyls, Gir-wyn (?), Winico, Wynote и т. п. (APN 156), ср. также элемент *Vain- в Nom. рг. (см. Leskien IF 34, 1914—1915, 331 : к прусск. et-winūt). — Наиболее точное соответствие — лит. Nom. рг. Kudvyns (APON 75).

kuen, см. isquendau.

{*kugge (?)}, ср. Kuggen, 1405, позже — Koggen (APON 74: с указанием, что около 1405 г. в этом месте жил Hans Kugge, видимо, немец). — Реконструкция, связанная с рядом неясностей. — Не исключена связь с Nom. рг. типа лит. Kūgis, -ỹs, -ēvičius или с кратким вокализмом Kūgas, -ius, ст.-лит. Kugia Gen. Sg. (Liet. antrop. 159: к лит. kugėnti 'дрожать от холода' и т. п.); Kūgėl-is, -ēvičius (: лит. kūgelis), ст.-лит. Kugel, Kugiel, Kugiela ze wsi, Kugielowicz (159); ср. соответственно лит. Kūgeliai, Kūginiai; Kugiai (LATSŽ 144); Kūgėlio ēžeras, Kūgiabalis (LUEV 81; Liet. hidr. 247, 269; LHEŽ 169); Kūgėliškės; лтш. Nom. рг. типа Peter Kugen, Hermen Kugen, 1545 (LGU II, № 1180); Jacob Kuge, 1532, но и Kuye, Kuywe, Kuiwe (: kūja?). LPV 197, не вполне ясны ни в отношении количества гласного, ни в отношении фонетического значения g (ср. {*kuī-en- (?)}). Надежнее топонимические примеры, ср. лтш. Kūgāli, Kūgalis, Kūguļi (LV I, 2, 185) и соответственно Kugas, Kugas-birzs; Kugulis, Kugul-upite; Kug'elnica, Kug'is, Kug'a-purvs, Kug'i, Kug'u-kalns, Kug'-ravs, Kug'-urga, Kug'ene(s), Kug'enieki, Kug'its р]. (LV I, 2, 162—163). Впрочем, в отдельных случаях

речь идет о явных германизмах, ср. Kugels Berg как перевод польск. Okragła Góra (Słown. nazw Mazur. II, 144). Как германизм следует рассматривать прусск. *kugge и при другом его объяснении, принадлежащем Нессельману Thes. 1873, 76. Согласно ему, речь идет о слове kogge, которое обозначало торговый или военно-торговый корабль ганзейского союза (Thes. 76: «ein Handels- und Lastschiff») и было распространено в Средние века во всех побережных пунктах Балтийского и Северного морей и даже Атлантического побережья. В Пруссии это слово встречается уже в документе 1366 г.: daz zcwey und dreizichzte teyl an eyn koggen (Mon. hist. Warm. II, 421), ср. SRP 4, 647. Известна старинная песня (Ein lied vom Kogge nuffrur, ср. AM 9, 296) с начальной строкой: De kogge ist ein farschir old. Название этого корабля отразилось в целом ряде топонимов. Ср.: Koggen-thor, Koggen-brücke, Koggen-quartier в Данциге, Koggen-gasse в Кенигсберге, Vorwerk Koggen на Прегеле (Кг. Königsberg), Koggen-busch, Koggen-höfen и т. п. Из герм. языков это слово могло попасть в прусск., подобно тому как оно проникло в латышск., ср. лтш. kug'is, kug'e 'корабль' (ME 2, 300: с пометой «erst bei Elv.», у Манц. отсутствует), kug'niēctba 'die Schifffahrt', kug'uōt 'плавать на корабле'. Ср.: ar bitīti vēsti laidu, ar kug'iem grāmatiņu. BW 10751; ai, dieviņ, es redzēju skaistas kug'es jūrmalā. BW 30690. Эндзелин предполагал, что в латышский это слово попало из ср.-н.-нем. kogge или шведск. kogg. — Хотя едва ли можно сомневаться, что прусский язык был знаком с соответствующим германизмом, интерпретация конкретных источников реконструируемого {*kugge (?)} сложна. — Ср. также {*kog-en-}, {*kog-on-}.

kugis 'набалдашник на рукояти меча'. Э 426 ('Knoff'), в длинном ряду названий предметов воинского вооружения, ср. в непосредственном соседстве — Э 422: Kelian ('Sper'), Э 423: Kellaxde ('Sper-schaft'), Э 424: Kalabian ('Swert'), Э 425: Sarxtes ('Schede'), Э 427: Digno ('Gehilcz') и т. п. Nom. Sg. masc. — Ближайшие параллели в вост.-балт., слав. и герм. Ср. лит. kūgis, kūgỹs 'стог', 'копна' (ср. уже у Ширвида: Stog šiana/ Meta feni, Kugis/ kupetis šieno. Dict. 3, 423; Kopá šiana/ Meta feni. Kupetijs/ kugis šieno, 3, 119; Brog... Stirta/ kugis. 3, 22; ср. kuginis. 1, 102; характерны контексты типа: Iš p a k ū g ě s susidaro k ū g i s arba kupstis; Šiemet šieną krausim i k ū g i u s... и т. п. LKŽ 6, 775); 'поленница'; 'четырёхугольная меховая шапка', 'гроздь, ворох цветов', kūgėlis 'бугорок', 'выступ', kūgelis 'пучок', 'комоч', 'клубок'; kiūgis, kiugėlė (см. kūgis); kāugė, kaūgė 'kūgis', kaugurỹs 'бугор', 'выпуклость', 'вздутие', kaugurė; kiāugė (LKŽ 5, 419, 684, 910); kuōgė, kūogė, kuōgis (LKŽ 6, 906—907) и др., ср. также Liet. k. atlas. 1, 187, карта № 110 (с характерным распределением: полоса Биржай — Паневежис — Укмерге); лтш. kaudze 'стог сена', 'ein grosser, runder Heu- od. Kornschober mit einer kegelförmigen Spitze' (kaudzi mest), 'ein

Haufe überhaupt, eine über den Rand gehende Anhäufung, die Überfülle, das Übermass' (malu, malu, visu rītu, siekam k a u d z e s ne nuomalū. BW 8102), *kāudzēle, kaūdzēle, kāug'ele, kaūg'ele, kaug'elite* (ME 2, 172—173; EH 593; Erg'em izl. vārdn. 2, 74—75), *kaūgurs, kāugurs* 'вершина холма', *kauguris*, то же; лтш. *kūg'is* 'стог сена' (Rucava) заимствовано из литовск. (ME 2, 332; ср. *kūg'is* 'ein Bündel zusammengeharkten Getreides'. EH 682). Славянские параллели к этим балт. словам не приводились, хотя они, несомненно существуют, как это было недавно показано Варбот *Этимол.* 1978. 1980, 25—27. Речь идет о группе русских диал. слов, обычно возводившихся к слав. **kožělь/*krōžělь*, а именно тверск. *кўжа* 'конусообразная рыболовная снасть', яросл. *кўжи* 'рыболовная снасть', вятск. *кўжня* 'большой короб', подмоск., яросл. *кужэнька* 'ватрушка', ряз. *кўженка* 'сдобная лепешка', 'пышка', подмоск. *кўжэнька* 'корзина для грибов, ягод' и т. п., томск. *кужók* 'короб', 'лукошко', *кужóнка, кужэнка, кужóночка* и т. п. (СРНГ 16, 18—23). В ряде случаев эти слова, действительно, подверглись влиянию продолжений слав. **kožělь* и вошли даже в сферу, где определяющим является русск. *кужель* и под. Но ядро этого ряда слов бесспорно восходит к слав. **kuža, *kužьn'a, *kužьnь-* и т. п., из более древнего **koug-īā, *koug-in-* и под. Варбот с достаточным основанием сравнивает русские лексемы с словен. *kužéti* 'сидеть на корточках' (Pleteršnik 1, 491), исходная форма для которого восстанавливается в виде **kužati*; с этим глаголом соотносится и русск. *кўжа*. Сюда же, по мнению исследователя, могут быть отнесены и такие слова, как укр. *кўжба* 'крюк в треножнике, на который подвешивается котелок', у колесников 'жердь с привязанною к ней деревянной клюкой для прижимания колесного обода во время гнутья' или *кўжбиться* 'гнутья', 'горбиться' (Гринченко 2, 320), а, может быть, и некоторые другие лексемы. Наконец, есть еще одна группа слав. примеров, до сих пор игнорировавшихся в связи с балт. фактами, но представляющих, однако, особый интерес по семантическим мотивам. Дело в том, что значение прусск. *kugis* сильно отличается от значений вост.-балт. слов, с ним сопоставляемых, хотя, конечно, семантическая связь между двумя далеко разведенными смыслами восстанавливается: в прусск. слове актуализируется мотив *выступ а, изгиба, утолщения, вверхушки, т. е. тех особенностей, которые определяют функционирование данной детали.* В вост.-балт. словах этого корня подчеркивается несколько иной мотив — вертикальная выделенность предмета, его приподнятость, в известной степени — выгнутость, кривизна. Более того, известны типологически сходные примеры, когда два подобных «разведенных» смысла передаются одним словом или этимологически связанными словами. В частности, ср. нем. *Knauf* 'набалдашник' (кстати переводом этого слова и выступает прусск. *kugis*), родственное норв. *knūv* 'круглая вершина'. Тем не менее, особую ценность представляют примеры, обозначающие утолщение, вздутие; так сказать, головку (ср. 'набалдашник') применительно

к объектам малой величины. В этом контексте интересны русск. диал. *кўгá* 'поплавок', *кўги* 'поплавок у сетей' (СРНГ 15, 394; Слов. русск. донск. говор. 2, 96); *кўглина* 'мякина' (*Колды конопле-то треплешь, дак остатки-то от ее и есь кўглина*), 'головки льна, конопли с семечками', 'соцветие конопли', 'верхушка у конопли', 'головки на стебле конопли'; 'семена льна'; *кўглина* 'шишка на лбу от ушиба' (к 'набалдашник'), см. 15, 395. Согласно Лябуде *Historia Pomorza I*, 1968, 332, прусск. *kugis* было заимствовано соседями-кашубами, ср. кашуб. *kuzep* 'godzaj kosza, garb na plesach, gozszochgana głowa и т. п. — Германск. параллели ценны своей относительной полнотой и очевидной связью с глаголами, но в отношении значения Subst. они повторяют вост.-балт. картину. Ср. др.-исл. *haugr* 'холм', н.-исл. *haugur*, фарерск. *heuggjur, heygur*, норв. *haug*, швед. *hög*, датск. *høi*; швейц. *hock* 'стог', тирольск. *hocken* 'стог сена', ср.-в.-нем. *houc* наряду с *hügel* (ср. также *hoger* 'Buckel'), ст.-швед. *hugli* (: русск. *кўглина*, ср. LEW 229); ср. также формы с *s-* в анлауте: др.-сакс. *skok* '60 штук', ср.-в.-нем. *schoc(kes)*, ср.-англ. *shock*, ср. нем. *Schock* '60 штук', 'копа' и т. п. (ср. лтш. *skaudze*) — при глаголах др.-исл. *húka* 'сидеть на корточках' (: словен. *kužeti*, то же), ср.-н.-нем. *huken*, ср.-в.-нем. *huchen*, ср. нем. *hocken* 'сидеть на корточках' и т. п. (Altnord. EWb. 213—214, 256—266). Все эти параллели восходят к и.-евр. корню **keu-* с расширением *-g-* и означают нечто *изогнутое, искривленное*. Более распространены образования с расширением *-k-* и лабиальными элементами (*-b, -bh, -p*), иногда сопровождаемыми инфиксацией. Среди этих примеров есть немало и балт. и слав. слов, в конечном счете связанных с прусск. *kugis* и указанными соответствиями к нему. В одних случаях семантическая связь этих лексем с *kugis* и под. вполне очевидна, в других она сильно завуалирована. Ср., например, прусск. *sawx* 'чорт', лит. *kaiukas*; но лит. *kaukarà, kaiukas* 'холм', 'бугор', 'вершина', *kukulis* 'клецка', 'галушка', лтш. *kukurs, kūkums* 'горб'; русск. *кўка* 'кулак', болг. *кўка* 'крюк', с.-хорв. *кўка, кўкара*; русск. *кўча* и т. п. и лит. *kaiupas* 'куча', 'груда' (: *kaipti*), ст.-сл. *коупъ*; лит. *kiprà* 'горб', лтш. *kiprs* и т. д.; о герм. словах этого круга в связи с прусск. *kugis* см. Polomé JIES. 2, 1974, 106. — Связь прусск. *kugis* с прусск. *cugis* 'молот', которую некогда отстаивали Нессельман Thes. 1873, 82 и Бернекер Pr. Spr. 1896, 301, позже была признана ошибочной (ср. APSpr. 364), и к этому вопросу уже больше не возвращались. Тем не менее ситуация не перестала быть интригующей. Наличие практически параллельных форм с *-g-* и с *-j-* в соответствии с прусск. *cugis* (ср. лит. *kūjis* 'молот': *kūgis* 'молот'), семантические сходства (пруск. *kugis* 'набалдашник на рукоятки меча' при *cugis* 'молот', собств. — 'палица с набалдашником', ср. русск. диал. *кўкў* (< **kūj-*) 'дубовая палка с круглым набалдашником'. СРНГ 13, 204), в частности, общие специализированные смыслы (ср. лит. *kūgis* 'стог сена', т. е. сено в приданной ему определенной форме, при др.-исл. *hey* 'сено', готск.

hawī /: прусск. *cugis*/) и т. п. характерные особенности заставляют на должной глубине вернуться к старому соотношению *kugis* и *cugis*, см. — Интересно, что прусск. *kugis* оставило, видимо, по себе память в виде провинциализма вост.-прусск. немецких говоров, где в результате характерного фонетического перехода $g > j$ в определенном положении оформились два слова *Kuj* и *Kuje* (возможно, соответственно из прусск. *kugis* и **kuge*) с значением, напоминающим прежде всего вост.-балт. (а не прусск.) примеры, ср.: «grosser Heu- oder Garbenhaufen der thurmartig aufgebaut wird für den Winter», см. Thes. 1873, 82; Frischbier PW 1, 1882, 443; Ziesemer Preuß. Wb. s. v. и др. К этнографическим реалиям (пруссы на зиму собирали сено в большие копы, называемые *kuj*, *kuje*) см. ZfEthnol. 22, 188; Fischer EDP 1937, 11; о следах этого названия в польск. поговорках см. Karłowicz Słown. gwar polsk. 2, 397; ср., однако, лтш. *kuja* 'ein grosser Heu- oder Kornhaufen, der Feim' (ME 2, 301: пожалуй, из ливск. *kā'i* 'копна', 'стог', см. Thomsen Berog. 1891, 262). Указанную ситуацию, конечно, можно объяснить, предположив, что в основе провинциализма лежало не прусское, а литовско-прусское заимствование, но можно допустить, что и в прусском, наряду с *kugis* 'набалдашник на рукояти меча' (и, несомненно, вообще — 'набалдашник', 'утолщение' и т. п.), существовало то же слово с «разведенным» значением, применявшееся для обозначения одной из форм собирания и хранения сена.

— Л и т.: Thes. 1873, 82; Pr. Spr. 1896, 301; APSpr. 364; ME 2, 173; SPV 198; LEW 229; WP 1, 372; Pok. 1, 589; Labuda Historia Pomorza I, 1968, 332; Polomé JIEStud. 2, 1974, 106; Варбот Этимол. 1978, 26. — [**kugis*].

cugis 'молот'. Э 518 ('Hamer'), среди названий инструментов — Э 517: *Preitalis* (= *Preicalis*) ('Anebds'), Э 519: *curpis* ('Smedestoc'), Э 520: *Raples* ('Czange') и т. п. Nom. Sg. masc. — Фонетическое значение графемы *g* здесь [*j*], см. Endzelīns FBR 15, 1935, 97; Karaliūnas LKK 10, 1968, 74; St. OP 5. 502. — Ближайшие параллели в вост.-балт. и слав. Ср. лит. *kūjis* 'молот' (ср. *Mtot/Malleus*... *Kuis*. Szyrw. Dict. 3, 176, ср. 3, 141 и др.), *kājēlis* (Szyrw. Dict. 3, 176), *kūja* 'ходуля', 'спица'; ср., однако, *kūgis* 'молот'. (Vilkas padeda liežuvį ant priekalo, kalvis su kūgiu bumt-takšt, bumt-takšt parlonino vilkui liežuvį), 'кирка', 'багор', 'крюк' (LKŽ 6, 776). В лтш. известна только форма fem. *kūja* 'палица', 'клюка' (ср. *vešajam kūja* (вар. — *kūza*) *klaudz*. BW 13151; *kur, meitiņ, kūju līki, ar kuo māti kuldināji?* BW 23310). ME 2, 908; Erg'em. izl. vārdn. 2, 133; ср. также *kūjaki, kūjaki* 'ходули' (: лит. *kūjokai*). Очень характерны примеры, продолжающие праслав. **kujь* (< **kuj-*): русск.-ц.-сл., ст.-русск. *куй, кий* 'молот', 'тяжелая дубинка' (ср.: Хытрць жестокоє желѣзо не удобнѣ огньмь мячимоє, и на нѣкакъ съсудъ потрѣбнѣ житю вьображаемъ кыемъ и наковальнѣмь мячить е. Изб. Святосл. 1073, 97), 'палка', 'посох', см. Срезневский I, 1216; Слов. р. яз. XI—XVII вв., 7, 122; русск. *куй*, русск. диал.

куй 'палка с утолщением сверху', но и 'приспособление в виде большого деревянного молота, используемого для глушения рыбы при зимнем лове, а также при кладке печей, утрамбовывании земли и т. п.'; 'большая колотушка с длинной рукояткой для сбивания ударам по стволу кедровых шишек'; 'деревянный молоток, используемый при конопачении дома'; 'пест, которым набивают мешки с мукой' (СРНГ 13, 204), ср. *куйкы* 'дубовые палки с круглыми набалдашниками'; 'кукуруза', 'кукурузные початки' (13, 204); блр. *куй* 'палка', 'дубинка', ср. сев.-зап. блр. *куй* 'палка с загнутой ручкой', 'дзяржанне да памяла, памяльнік' (Слоўн. паўн.-зах. Беларус. 2, 461), укр. *куй*; чеш., слов. *куй*, польск. *куй*, в.-луж., н.-луж. *куй*, кашуб. *куй* (ср. *куйанца, куйонка*), слов.-помор. *куйанца, куйонка*; словен. *куй*, с.-хорв. *куйак*, стар. *куй* 'боевой молот' (вытеснено в XV или XVI вв.), болг. *куйак*, диал. *куй, куйнец, куйнка* и т. п. (Бълг. етим. речн. 2, 355—356). Значение 'молот', 'молотообразная палица, булава' принадлежит к числу наиболее архаических смыслов слав. слова. Скок Etim. gječn. hgv. 2, 78 считает, что **kujь* в праслав. обозначал именно 'молот'. Трубачев Ремесл. терминолог. 1966, 350 предпочитает говорить более собирательно о значении 'деревянная колотушка'. Характерно, что это значение иногда сохраняется в производных образованиях; ср. русск. диал. *куйнка* 'молот каменотесцев, двухобушный, тупой', 'деревянная колотушка', укр. *куйнка* 'небольшой деревянный молоток у столяра' и т. п. Трубачев указывает, что **kujь* выделяется среди других слав. образований от глагола **kovati*: **kujь, *kovь, *kuzнь, *kuzn'a, *kovaль, *kovaрь, *kovaць, *kovadlo* и др.) тем, что оно сохраняет древнее «некузнечное» значение, а формально представляет непродуктивную словообразовательную модель с продлением корневого вокализма. Этой картине, по мнению исследователя, противостоит положение дел в литовском, где *kūuti* (лтш. *kaut* 'убивать', 'бить'; 'колоть', 'резать'), *kovà* 'борьба' сохраняют древние «некузнечные» значения, в то время как *kūjis* имеет новое «кузнечное» значение, а «формально... может вполне быть относительно новым словом ввиду продуктивности представленной в нем словообразовательной модели». И далее: «Суммируя эту сравнительную характеристику праслав. **kujь* и лит. *kūjis*, мы должны будем признать, что слав. слово — архаизм, а литовское — потенциальное новообразование, о чем свидетельствуют и в том и в другом случае семантические и формальные признаки обоих образований. Т. обр., кроме формального тождества *куйь = kūjis*, все остальное в их характеристике прямо противоположно. У нас больше оснований говорить здесь о совпадении, но отнюдь не о совместной инновации. Здесь можно видеть лишь параллелизм, причем весьма неполный и отдаленный. Сравнение праслав. **kujь* и лит. *kūjis* заставляет нас утверждать, что совместного балто-слав. или даже параллельного новообразования кузнечного термина в данном случае не было» (351—352). Признавая ценность указаний на определенные различия между слав. и литовск.,

все-таки трудно согласиться с приведенными выводами (и чем более общий характер они носят, тем труднее), которые выглядят несколько односторонними. Ограничиваясь здесь только тем необходимым, что имеет прямое отношение к теме, можно сказать следующее. Во-первых, нет нужды удревять приведенные выше различия и на их основании отрицать общий источник балт. и слав. обозначения молота, палицы: различия могли возникнуть в особой жизни каждой из групп, языков и даже отдельных диалектов. Во-вторых, и балт. и слав. языки показывают несомненную неоднородность в отношении возможностей передачи «кузнечных» и «некузнечных» значений корнем **kau-/*kū-*: **kov-/*kū-*, а так как и в балт. и в слав. б е с с п о р н ы следы «докузнечных» значений этого корня, это скорее всего может быть истолковано как свидетельство относительно поздней и во всяком случае независимой аранжировки этих двух типов значений в связи с указанным корнем. В-третьих, большая часть различий в отношении лит. *kūjis* к *kāuti* и слав. **kyjъ* к **kovati* в плане актуальных словообразовательных моделей коренится в том, что уже исходные глагольные формы — балт. **kau-ti* и слав. **kovati* — предполагают различие, которое не могло не предопределить расхождение производных образований (и самих по себе и в их интерпретации с точки зрения изменяющейся системы, уходящей все далее от системы-источника). В-четвертых, и лит. *kūjis* и слав. **kyjъ* в конечном счете предполагают глагольные формы с нулевым вокализмом в обеих языковых группах — условно **kū-tei* (ср. лит. *kūti / kūva, kūvo / 'оковывать'*, ср. *kāustyti*, при польск. *kuć*, чеш. *kouti = kovati*, укр. *кути = кувати*), в соотношении с которым только и должны оцениваться названные именные формы для древнейшего периода. В-пятых, эволюция глагола, с которым были связаны эти формы, отмечена такими серьезными нововведениями (ср. «тематизацию» глагола в слав. при отсутствии ее в литовск. и т. д.), что именно они (а не предполагаемые исходные различия) выступают определяющим фактором в расхождении отношений в соотносимых глагольно-именных парах в слав. и лит. И, наконец, сопоставление лит. *kūjis* со слав. **kyjъ* явно недостаточно без обращения к данным других балт. языков (характерный пример — лтш. *kaūt*, ср. *kaūju* или *kaūni, kavu* или *kāvu*, форму *erkawusz* и т. п. — при *kāja*), которые предлагают или могут предлагать альтернативные (или просто несовпадающие) решения по сравнению с тем, что известно из литовского. В этом контексте прусск. *cugis*, лит. *kūjis*, лтш. *kāja*, с одной стороны, и слав. **kyjъ*, с другой, характеризуются именно е д и н с т в о м своего типа, что еще более подчеркивается контрастом с положением в других языках. Из этих других языков наиболее близкие примеры засвидетельствованы в германском, хотя и здесь они и формально и по значению существенно отстоят от примеров балт. и слав. круга. Ср., с одной стороны, герм. **hawwa-* > др.-исл. *hogg* 'удар', ст.-швед., ст.-датск. *hug*, норв. *hogg*, ср. др.-англ. *ge-heaw*, др.-в.-нем. *houwa*, ср.-нидерл. *houw* и др.; с другой, герм. **hagwia* > др.-исл. *hey* 'сено',

готск. *hawi*, др.-англ. *hiege*, др.-сакс. *houwi, hōi*, др.-в.-нем. *hewi, houwi* ('сено' как срезанное, ссеченное, скошенное) — при соответствующем глаголе др.-исл. *hoggva* (из герм. **hawwan*), др.-англ. *hēawan*, др.-сакс. *hauwan*, др.-в.-нем. *houwon* (см. Hirt. BB 24, 1899, 276; Vgl. Wb. got. Spr. 252; Altnord. EWb. 226, 280 и др.). Во всяком случае здесь нет аналогий балт. и слав. Nom. instrumenti. То же можно сказать о др.-герм. *coach* 'Ansturm' (если оно из **kovāko-*, ср. ср.-ирл. *cuad*) и тем более о лат. *caudex* 'ствол', 'колода', 'бревно', *codex* ('*cūdō* 'бить', 'колотить', 'толочь', 'молотить'; 'обрабатывать металлы', 'ковать', 'чеканить', вероятно, вместо **caudō*), ср. еще тох. А *ko-*, тох. В *kau-* 'убивать'. О более широком контексте и.-евр. **kū-*: **kū-* 'бить', 'убивать' и о мифопоэтических реалиях, связанных с балт. **kūjis*: слав. **kyjъ* см. Иванов, Топоров Слав. языкозн. VII съезд. 1973, 159; Вопр. этноген. 1976, 120. — О возможности связей прусск. *cugis* с *kugis* см. выше.

— Л и т.: Thes. 1873, 82; Zupitza Germ. Gutt. 110, 122; Pr. Spr. 301; APSpr. 364; BSW 123; Endzelin AfslPh. 32, 1910, 295; ME 2, 180, 908; SPV 198; SEJP 229; WP 1, 330—331; Pok. 1, 535; ЭСР 2, 231; LEW 232; Трубачев Ремесл. терминолог. 1966, 351; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 57; Karaliūnas LKK 10, 1968, 74; Чекман БСл. Сб. 2, 1974, 127; Skok Etim. rječn. hrv. 2, 78; SEP s. v.; St. OP 5. 502. — [**kujis*],

{**kuj-*}, см. {**kuj-en-*}, {**kuj-* & **kaim-*}.

{**kujav-*(?)}, с известными основаниями эта форма названия территории, хорошо известной пруссам, восстанавливается по упоминаниям этой земли в старых документах и по языковым данным. Куявы (польск. *Kujawy*), находясь в близком соседстве с прусскими землями, издревле были важным узлом коммуникаций, связывавшим с Балтикой более южные районы по Висле (достаточно сказать, что уже в I—IV вв. здесь проходил «Янтарный путь», что в 1-ом тысячел. н. э. Куявы по заселенности опережали соседние территории и что, наконец, благодаря своему выгодному географическому положению Куявы сыграли важную роль в формировании Польского государства, см. Słown. staroż. słow. II, 2, 556, здесь же литература о Куявах). Уже в 1136 г. в Гнезненской булле упоминается тегга *Cuiava*, а с 1145 г. это название входит в состав титулатуры. Еще более древними оказываются одноименные названия на территории Верхней Лужицы, ср. *Cuiawia*, 1012, а также *Kuiawe*, 1277, *Ciuawe*, 1320—1321 (совр. *Kaja* к вост. от *Weißenfels*), см. Эйхлер Иссл. с.-луж. 1970, 185. Подобные названия встречаются и позже в соседстве с прусскими землями, в частности, и там, где известны прусские элементы в топонимии. Ср., напр., мазур. *Kujawy*, ок. оз. Нарт (Słown. nazw Mazur. II, 198); *Kujawa* (olecki, gubiński pow.), *Kujawy* (prudnicki pow.). Słown. nazw geogr. PZP 152; *Kujawka, Kujawski Potok* (HW 159) и др. Характерны ст.-польск. Nom. рг. *Cuyawa*, 1368; *Maczek Cuyawiecz*, 1425, *Per Mathiam Kuyawyecz*, 1380; *Kuyawka*, 1387, *Cuyawka*, 1392, *Cuyawcze seu Cuyawczina*, 1392, *Super Kuyawkam*, 1398, *In Cuyawka*. 1398, *Ex parte Kuyawcze*, 1399; *Kujawski*

(? : *Cuhavsci*, 1387): *Andreas Kuyawczicz*, 1421; *Mater Cuyawcze seu Cuyawczina*, 1392; *In parte Gnyno Cuyawczine Vincencii*, 1398 и др. (Słown. starop. nazw III, 1, 189). Ср. также польск. диал. *kujawa* 'песчаный холм', 'неплодородный участок поля', 'голое место в лесу', блр. *kujawa* 'место, поросшее травой, камышом' (см. Moszyński Uwagi 1921, 14; SEP s. v. и др.), укр. *кўява* 'крутой холм', 'малоизвестная страна', 'старая хижина', вероятно (вопреки принятому мнению и в согласии с Первольфом AfslPh. 8, 1882, 9), русск. диал. *кўява* 'неряха', 'растрепан', 'грязнуля' (СРНГ 16, 188), обнаруживающие связь с элементом *kuj-*, ср. польск. *kuj*, *kuja* 'вихрь', *kujać* 'шуметь', укр. *куяти*, хорв., словен. *kujati* и т. д. Корень **Kaj-* с суф. -*av-* принимает Роспонд ВЯ 1968, № 1, 103—110 для слав. названия, легшего в основу передачи имени Киева в арабских и византийских источниках (ср. *Kūyāba*, *Kuyava*, *Khyiav*, *Kūjafhan*; *Κιοάβα*, *Κιόζον*, *Κιόζα*), ср. Вопр. этноген. 1976, 120. Наличие в прусск. следов элемента *Kuj-* (см. {**kuj-en-*}, {**kuj-* & **kaim-*} и др., как и суф. -*av-* позволяет думать, что польск. слово *Kujawa* не только было употребительно в прусском, но и соответственно интерпретировалось.

{**kuj-en-*}, ср. *Kuyen*, 1325; *Cugen*, *Cogen*, 1344 (SU), позже — *Cojehnen*; *Cogien*, 1419; *Coyen*, 1496 (APON 75). — К вопросу о фонетическом значении *g/j* см. Vanagas Baltist. 1, 1966, 186. — Из числа параллелей ср. лит. *Kūjai*, *Kūjainiai*, *Kūjėnai*, ср. *Kūjiškė* (LATSŽ 144); лтш. *Kuja*, река, *Kujas-muiža*, *Kujas-salīna*, *Kujakalns*, *Kuja-pļavas*, *Kuj(a)-upe*, *Kuju-valks*; *Kuj-aūguļi*, *Kuj-bebri*; *Kujat*; *Kujenes-ezērs*, *Kujēni* (: прусск. *Kuyen!*), *Kujenica* pļ. (LV I, 2, 164: но и эст. *Kuie?*); ср. также с долгим вокализмом — *Kūjas*, *Kūjiņa*, *Kūjiņu-kalns* (LV I, 2, 186). — Из Nom. pr. ср. лтш. *Kuians*, *Kuīens*, *Kuyan* (ср.: *Kuyenbecke*, 1461, ... in den Pagast *Kuyen*...; to Ceswegen in der *Cuyen* pagasten; in der *Cuyenbecke*; ср. также weg *Kuessemshell* [= *kūjas ciema ceļš*]); м. б., *Peter Kugen*, *Hermen Kugen*; *Jacob Kuge*, *Kuye*, *Kuywe*, *Kuiwe*; *Kuetilte* и т. п. (LPV 197). Не вполне ясна связь с *Kujan*, *Kujanki* (*Klein Kujan*) *Kujański Bór*, *Kujański Las* (Słown. nazw. geogr. PZP 152).

{**kuj-* & **kaim-*}, ср. *Kugykam*, 1405; *Kuykaym*, 1405; *Soykaym*, 1483; *Kugikeym*, 1491, позже — *Kuikaim* (APON 75: см. *Kuyen* и *caymis*; неверно — Норре AM 13, 1876, 566). — См. {**kui-en-*}, *caymis*.

{**kuil-*}, ср. Nom. pr. *Hans Kuyle*; *Hans Kewle* (?) (APN 49). — Ср. лтш. Nom. pr. *Hermen Kuulle*, 1450; *Kuilak Tennis* (LPV 197), а также блр. Nom. pr. (прозвище) *Kyіла*, из лит. *Kuilys*, ср. *kuilys* 'хряк' (Белар. антрап. 2, 227; ср. русск. прозвище *киловник*, *кила*, см. СРНГ 13, 209), а также ряд топонимических примеров: лит. *Kullio kalnas*, *Kuilinė*; лтш. *Kuilis* pļ., *Kuilī*, *Kullene* pļ., *Kullēni*, *Kullišķis*, *Kullītis*, *Kūliši*, *Kuilīša-upe*, *Kuilīš-pļava*; *Kuilā-grāva*, *Kuilā-grāvis*, *Kuilā-kalns*, *Kuilā-pļava*, *Kuilā-kapi*, *Kuilā-kruogs*, *Kuilā-lauks*, *Kuilā-mežs*, *Kuilā-strauts*, *Kuilā-upe*, *Kuilū-bedre*, *Kuil-*

aste pļ., *Kuil-kalns*, *Kuil-masts*, *Kuil-upe*, *Kuil-upīte* и др. (LV I, 2, 163—164). — См. **cuylis*, *tuylis*.

kuilgimai 'так долго, как', 'kuo ilgai' (PKP II, 204). Adv. K III, 65, 29 (*Perklantīts house stas laucks twise paggan Sen Alkīnisquai turei tou tien nostan pomaitat kuilgimai giwassi* 'Verflucht sey der Acker vmb deinet willen mit kummer solstu dich darauff nehren dein lebenlang'). — Сложное слово, аналогичное *kodesnimma*, *kudesnammi*, см. В первом члене, видимо, Pron. Instr. Sg. *ku-* (< **kū-* < прабалт. **kō* < и.-евр. **kō-*; отсутствие дифтонгизации в прусском объясняется безударностью этого гласного). Во втором члене *-ilgimai* видят или форму Superl. от *ilga* 'долгий', 'длинный' (ср. *kodesn-imma*), иногда просто адъективное образование с суф. -*im-* (ср. прусск. *Karnymithen*; *Astim*, *Burtims* и т. п.; лит. *tūlas* — *tūlimas* и многочисленные и.-евр. параллели; Иокль Sprache 9, 1963, 132 видит в *-im-* архаичный суф., объединяющий балт. языки с албанским, армянским и др.-греч., ср. алб. *thatim* 'mager': *that*, то же; др.-греч. *φαίδιμος*, *χάλλιμος* и т. п.), или форму Instr. Sg. на *-ima(i)*, см. Stang Vgl. Gr. 1966, 177—178, 241. В связи с *kuilgimai* ср. соотношенное с ним и стоящее по соседству *stu ilgimi* (Эндзелин SPV 198 готов предложить эмендацию — **ilgimai*). Ср. K III, 65, 32 (*En prakāisnan twise prosnan turri tu twaian geitin istwe st u ilgimi kai tu etkumps prei semman postāsei*... 'Im schweiß deines Angesichts soltu dein Brot Essen biß das du wider zur Erden werdest...'). Во всяком случае — и это особенно видно при сравнении с немецким текстом — прусск. *kuilgimai* и *stu ilgimi* представляют собой своего рода грамматический идиоматизм, и его появление в этом месте Энциридиона свидетельствует о высоких достоинствах прусского перевода. — См. *kas* и *ilga*, *ilgi*.

Л и т.: APSpr. 364; SPV 198; Jokl Sprache 9, 1963, 132; Vgl. Gr. 1966, 49, 177—178, 241; OP 116, 136; St. OP 6. 040 — [**kuilgimai*].

**cuylis* 'хряк', 'кабан'. Э 683: *Tuylis* ('Beer'), ср. Э 682: *Swin-tian* ('Swin'). Nom. Sg. masc. К значению ср. перевод ср.-в.-нем. *ber* через нем. *Zuchteber*. — Форма **cuylis* принадлежит к числу бесспорных конъектур, подтверждаемых не только внешними, но и внутренними данными. К числу последних относятся следы элемента **kuil-* в ономастике, см., а также немецк. вост.-прусс. провинциализм *Kujel*, *Kujjel*, *Kuijel* 'der zahme Eber', 'Stammeber' (также презрительное прозвище мужчины), распространенный во всей Вост. Пруссии и даже к западу от Данцига и у северных кашубов (в Зап. Пруссии, в р-не Торна — Торуня употребительно *bērə*) и заимствованный из прусского языка. Это слово не осталось изолированным и стало ядром целой словообразовательной семьи (ср. *Kuijelfichte*, *kuijeln*, «zur Bezeichnung der Begattung der Schweine». PW 1, 442). По Геннигу Pr. Wb. 1785, 138 словом *kujjel* обозначалось дымовое отверстие в сушильных печах. Об этом немецком провинциализме прусского происхождения см. Thes. 1873, 82; Frischbier PW 1,

442; Ziesemer ZfdMA 18, 1923, 153; Preuß. Wb. s. v.; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 98; Bielfeldt Donum balt. 1970, 47.—Прусск. *cuylis Хирт BGDS 23, 1898, 344—349 относил к числу древнейших балт. заимствований из герм. языков (из готск.). Буга KS 71=RR II, 92, напротив, утверждал, что непосредственным источником этого заимствования в прусск. и вост.-балт. было слав. *kylъ (*кыль); правда, в более ранней работе РФВ 66, 1911, 223, 233=RR I, 296—297, 304 Буга допускал, что прусское слово было заимствовано из лит. *kuilys* (ср. также Milewski Sl. Occ 18, 1947, 22 : из лит. *kuilys*, которое само взято из слав.), возводимого в конечном счете к и.-евр. *keu-, из которого объясняются и другие «свиные» названия — лит. *kiaũle*, *kũkis* 'боров', *kũkė* лтш. *cũka* и т. п. Сомнения в слав. происхождении источника прусск. *cuylis и соответствующих вост.-балт. слов в последний раз были высказаны Сабалаяускасом LKK 10, 1968, 175—176 (отсутствие в слав. языках точных отражений предполагаемого источника заимствования *kylъ; наличие в балт. языках слов того же корня, но не заимствованных, а исконных [ср. лит. *kũlas* 'шишка', 'грыжа' при *kuilys*], наличие повторных заимствований того же слова [ср. лтш. *kũlis* при *kuilis*], возможность объяснения корневого вокализма *ui*, не прибегая к ссылке на заимствование [эмоционально-отрицательная окраска, связываемая с *ui* или влияние со стороны другого заимствования из слав., напр., лит. *kũila* 'грыжа', 'кила' из слав. *kũlal). При всей важности этих альтернативных соображений они, пожалуй, не только не опровергают мнения о заимствованном характере балт. слов, но и негативным образом выявляют его преимущества (собственно говоря, и повторные заимствования, и фонетические дублиеты *ũ* : *ui*, и заимствование слова того же корня (лит. *kũila*), и само допущение слав. влияния на вокализм *ui* — все это свидетельствует скорее именно в пользу заимствованного характера прусск. *cuylis и соответствующих вост.-балт. слов), о позитивном аспекте доказательства см. ниже. В настоящее время у исследователей, видимо, нет оснований не признавать слав. происхождение *cuylis (см. Milewski. Op. cit. 22, 44; SEEV 1974, 74, 87, 95), которое могло попасть в помезанский диалект уже начиная с X в. (естественно, эта дата не относится к вост.-балт. заимствованиям). То же следует полагать и в отношении лит. *kuilys*, *kuilys*, *kuilius* (LKŽ 6, 780—781; Šiaur. ryt. dūn. žod. 157; см. Liet. k. atlas. 1, 149 и карту № 75: эти слова распространены в западной половине Литвы, к западу от приблизительной линии Ионишкис—Каунас—Приенай—Мариямполье—Лаздияй) и лтш. *kuilis*, *kuilēns*, *kuilins*, dimin. *kuiluks*, *kuilentis* (ME 2, 300; EH 667, 668; Erg'em. izl. vārdu. 2, 132), а также более поздних заимствований типа лтш. *ķilis*, *ķilins*, dimin. *ķilēks*, *ķiluks* (ME 2, 388; EH 706), предполагающих уже не слав. *kylъ, а вост.-слав. *кил-* (кстати, в отношении лтш. *ķilis* никто не сомневается в его заимствованном характере, хотя форма—источник *кыль также не найдена, как и *кыль / *kylъ — для *cuylis и т. п.). Слав. источник заимствования прусск. и вост.-балт. слов. восстанавливают

в виде *kylъ, ср. Endzelin IF 33, 1913, 117; ME 2, 300; SPV 198; BVSF 20; Būga KS 71; Skardžius Lehn. W. 1931, 114; LEW 305; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 22, 44; SEEV 74, 87, 95; Schmalstieg Lituan. Darb. 3, 1973, 164 и др. Обычно эту форму обозначают как белорусскую, хотя в таком виде она ни в блр., ни в каком-либо другом слав. языке, кажется, не отмечена. Поэтому «белорусский» в данном случае целесообразно понимать прежде всего в территориальном плане. Практически известны лишь такие формы слав. слова, которые могут считаться производными от корня *kyl- и таких именных образований, которые предполагают твердое *-l-*, реже от имени с мягким исходом — *kylъ. Любопытно, что именно белорусские примеры неразнообразны и непосредственно не отражают связи с реконструируемым *kylъ. Ср. блр. *кілун* 'кнур', 'боров' (К і л у н — як кі л ы ня выразаны; К і л у н — па-простама называюць. Слоўн. паўн.-зах. Бел. 2, 461; Белар. дыял. слова 80 и др.). Более разнообразны соответствующие обозначения в русских диалектах, ср.: *килун* 'некастрированный самец свиньи' (ср. *А к и л у н* — это уже некладеный свинья; слово распространено, в частности, в русских говорах Прибалтики), 'о человеке или животном (обычно о поросятах) с ненормальным развитием яичек'; 'человек с грыжей'; 'опухоль' и т. п.: *килунок*, *килушок*, *килч* 'самец свиньи', 'кастрированный кабан' (но и 'человек с грыжей'), *килш*, *килтый* 'некастрированный (о животных)', *килан*, 'поросенок с оставленным при кастрации одним яичком'; *киляк* 'кабан-производитель', 'хряк', 'кастрированный самец свиньи', 'боров' (но и 'грыжа', 'человек страдающий грыжей' и т. п.), см. СРНГ 13, 206—211. Эти диалектные слова обладают характерной чертой: каждый из перечисленных словообразовательных типов, несмотря на наличие специфических суффиксов, сочетает в себе, по крайней мере, три следующих значения: 1) грыжа, опухоль, нарост; 2) человек (или животное) с грыжей и т. п.; 3) животное (самец свиньи), отмеченное с точки зрения его способности или неспособности к производству потомства — явно (дефектность гениталий) или неявно. Именно эти три значения присутствуют и в слове *килч* с тем усилением, что оно может обозначать и мужской половой член и мошонку (13, 206). Тем самым в круг вост.-слав. слов, претендующих на роль источника заимствования, следует отнести и русск. *килч*, блр. *кілч*, укр. *кіла*, восходящие к праслав. *kyla < *kũla (ср. еще ц.-сл. *кыла*, болг. *кѹла*, макед. *кила*, с.-хорв. *кѹла*, словен. *кіла*; чеш. *кѹла*, словц. *кѹла*, польск. *кіла* и т. п.). Подобно лит. *kũla* 'грыжа', 'нарост', 'шишка' и т. п.: *kũlas*, то же (LKŽ 6, 818—819), т. е. fem.: masc., сходная картина могла иметь место и в слав. — *kyla (< *kũla): *kylъ (< *kũlos). Следы этого отношения (и, в частности, второго члена) могут быть обнаружены в русск. *кил* 'отрезанные волосы' (СРНГ 13, 205; видимо, 'пучок отрезанных волос', 'хвост') при *килч* 'конец мотни невода', 'пучок сена или сжатого жита', и т. п., а также в безразличии к роду названий грыжи (*килч*, но и *киляк*, *килч*, *килун*, *килан* и проч.). Наконец, существен-

ной является и оппозиция 'кила' (fem.): 'хряк', 'боров' (мас.). В этом смысле мужской род балт. обозначений животного-самца является автоматически возникающей граммемой, из чего следует, что источником прусск. *cuylis может быть и иная словообразовательная форма, нежели *kylb. Впрочем, существует ряд форм, образованных от этого же корня, которые в принципе допускают предположение о наличии форм с основообразующим -i/-i- (ср. килье, килье, килье; килица, килеть, килить(ся), м. б., кили 'особые грибки-паразиты на капусте' [видимо, килообразные наросты], откуда — Sg. *киль или *киля, и т. п.; см. СРНГ 13, 207, 208). Связь названий самца свиньи с его характерным мужским признаком отражает семантическую (а в ряде случаев и словообразовательную) мотивировку обозначения (семантическая параллель — польск. *chujec* 'хряк', 'кабан'), ср. реконструкцию отношения типа слав. *kyla → *kylb и т. п., формально совпадающего с лит. *kūila* : *kūilys*. Более сомнительным выглядит выведение русск. диал. *килун*, *киляк* (можно добавить *килбок*) из русск. *кыль 'клык', которое одновременно предполагается источником лит. *kūilys*, лтш. *kūilis*, прусск. *cuylis (Трубачев Происх. назв. жив. 1960, 67: по модели болг. *глиг* 'клык кабана, вепря' → *глиг(ан)*, 'кабан', 'вепрь'; русск. клык → *клыкч* 'кабан'; нем. *Hauer* 'клык', но и 'кабан', 'вепрь'; можно напомнить, что модель 'мужской половой член' → 'кабан', 'вепрь' является не менее распространенной). И, наконец, последнее замечание в пользу точки зрения на *cuylis и вост.-балт. параллели как на результат слав. заимствования. Слав. названия кабана, борова (соответственно грыжи, детородного члена и т. п.) были эмфатически отмечены, и для поддержания данного уровня отмеченности вводились разного рода компенсации в виде «эмоционально» выделенных суффиксов (-ун, -ан, -як и под.). Такого рода звукоизобразительные комплексы, особенно в связи с соответствующими «сверхъестественными» значениями (в данном случае — гипертрофия формы и размера вплоть до своего рода уродства), имеют особенно большие шансы быть заимствованными соседним языком (ср. огромное количество «эмфатических», экспрессивных балтизмов в вост.-слав. говорах). Независимая субституция слав. *y* > балт. *ui* (*kylb → балт. *kūil-is) усиливала еще больше экспрессивность полученного слова (ср. выше об отрицательно-звукоименной отмеченности дифтонга *ui* в балт. языках; ср. то же в отношении русск. *ы* [источника балт. *ui* в большом числе случаев], по крайней мере, в индивидуальном опыте творчески одаренных людей с развитыми синэстетическими способностями, напр., у Андрея Белого, ср. письмо к Э. К. Метнеру от 17 июня 1911 г., «Петербург», гл. 1: в связи с Липпанченко и др.). В этих условиях заимствованное слово осознавалось как особенно выразительное и устойчивое к изменениям (показательно, что в некоторые белорусские говоры возвращается по принципу бумеранга лит. *kūil-*, см. {**kūil-*}). Подобная ситуация только и может объяснить широкое словообразовательное ветвление заимствованного

типа в балт. языках (ср. хотя бы разнообразные модели словообразования с элементом *kūil-* в литовском — LKŽ 6, 779—781), в частности, видимо, и в прусском, о чем до некоторой степени можно судить по немецким вост.-прусс. провинциализмам-регионализмам. Во всяком случае определенные основания имеет реконструкция соответствующего глагола, напр., в форме **kūilint* (ср. лит. *kūilinti*) или *kūil'āt* (ср. отчасти лит. *kūilioti*, *kūiliuoti*, лтш. *kūiluoti* и т. п.). — И и т.: Nesselmann AM 6, 1869, 316—317; Thes. 1873, 82; Frischbier PW 1, 1882, 442; Pr. Spr. 1896, s. v.; Rozwadowski Quaest. gramm. I, 1897, 33; APSpr, XX, 364, 451; Ziesemer ZfdMA 18, 1923, 153; Preuß. Wb., s. v.; Endzelin IF 33, 1913, 117; ME 2, 330; SPV 198; BVSF 20; Būga PFB 66, 1911, 223, 233=RR I, 296—297, 304; KS 71=RR II, 92; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 22, 44; LEW 305; Трубачев Происх. назв. жив. 1960, 67; Vgl. Gr. 1966, 191; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 98; LKK 10, 1968, 175—176; Bielfeldt Donum balt. 1970, 47; Schmalstieg Lituan. Darb. 3, 1973, 164; St. OP 3. 602; 6. 200; 10.109; SEEV 1974, 74, 87, 95. — [**kūilis*, **kūilas* (?)].

{**kūin-* (?)}, реконструируется с известным вероятием на основании мазур. *Kuina* 1595 (Hennenberger Von den See'en II, 15); *Kaina*, *Kuyna*, 1651—1652; *Kujno*, озеро на ю.-з. от дер. Грабова; *Cuino See*, *Kuino See*, *Kuno See* (Słown. nazw Mazur. II, 168); ср. также *Kujno* и т. д. (HW 500), которые в свою очередь поддерживаны вост.-балт. параллелями. Ср. лит. *Kūinė* (LUEV 81; Liet. hidr. 46; LHEŽ 169); *Kūniškiai* (LATSŽ 144) *Kūnai*; лтш. *Kūines*, *Kūini*, *Kūinis*, *Kūijne* (LV I, 2, 164); Ср. Nom. pr. лит. *Kūinys*, *Kūinaiuskas*, ст.-лит. *Kuynowicz* (Liet. antrop. 159). Из апеллятивов ср. лит. *kūinas* 'кляча', 'одёр'; *kūinas* 'безрогий', 'комоль' и т. п.; *kūinas* 'кол', 'клюшка'; *kūinė*, *kūinis* 'палка', 'дубина' и т. п. (LKŽ 6, 782); м. б., лтш. *kūinītiēs* 'биться', 'рваться', 'дергаться' (EH 668). — См. Stang St. balt. 3, 1933, 167—169; Fraenkel KZ 72, 1954, 181; LEW 202, 305; Сабалюскас ПИЕЯ 1964, 63; из более ранних работ см. Būga RR I, 297; II, 318, 635.

**cuisis* (?) — экспериментально возникшая форма, обязанная своим происхождением попытке Беценбергера KZ 44, 1911, 330 объяснить непонятное прусск. *pistwis* 'Hütflige'. Э 784. Вместо *piscuis[is]* (?) предлагалась конъектура **cuisis*, причем это слово рассматривалось как вариантное образование к прусск. **cussis* 'Mücke' (Э 783), практически бесспорной конъектуре испорченного *Tuffis*. Вариант **cuisis* подкреплялся параллелью в виде лит. *kūsis* 'комар' (см. LEW 279, 305); ср. также лит. *kūsijs*, лтш. *kūsilis* 'маленький «собачий» комар' и т. п. В вост.-балт. топонимии этот элемент нередок; ср. лит. *Kūisiai*, *Kūisial*, *Kūisėliai* (LSTSŽ 144); *Kūisa*, *Kūisis*, *Kūisis*, *Kūsupalis*, *Kūsupelis*, *Kūsupis*, *Kūsiupis* (LUEV 81; Liet. hidr. 12, 32, 89, 117, 229; LHEŽ 169), ср. также *Kūisynas*, *Kūis-pelkis*, *Kūisva* и др.; лтш. *Kūiseļi* (LV I, 2, 164), См. также Otrębski BNF 10, 1959, 25. Однако на прусской территории соот-

ветствующих примеров не найдено (в отличие от тех, которые произведены от *cussis* 'комар'). Но главное даже не в этом. Конъектура Бецценбергера оказалась очень произвольной и, так сказать, «небескорыстной» в своей мотивировке. Именно поэтому ею никто не соблазнился. В последнее время новую и, видимо, более правдоподобную конъектуру предложил Мажюлис РКР II, 316: **pisewis* вм. *pi-stwis*, что сняло проблему **cussis* вообще; интересно, однако, что и при таком толковании **pisewas* (masc.) ориентировалось с самого начала не на название мухи ('Hund-fliege'), но комара (*cussis*). — В целом **cussis* представляет собой характерный пример «фантомных» этимологий, рождающихся из недостаточно обоснованных конъектур.

{**kuk-*}, ср. *Kuke*, брод, 1251; *Chucunbrasth*, 1254; *Cucenbrast*, 1254: брод на Пассарге ок. Borchertsdorf (в епископском архиве Фрауэнбурга № 19 за 1611 г. разъяснено: «*Kuke oder Chucumbrast*, of Deutsch desz Teufels durchfahrt», из чего Герулис сделал вывод о том, что в прусском наряде с *sawx*, см., существовала параллельная форма **sux*). APON 75, 244; Thes. 1873, 82—83. — *Chucun-*, *Cucen-*, *Chucit-* отражают форму Gen. Pl. от **kuks*. — Тот же элемент **Kuk-* представлен в первом члене топонима *Cukemedie*, 1419; в названиях *Kusaun*, *Kukeyn*, возможно, *Cucuten*, *Kukutcaun*. — См. **kuke*. — Если исходить из того, что в приведенных названиях скрыто обозначение черта, то они должны быть сопоставлены с многочисленными прусскими топонимами с корнем *Kauk-* (: *sawx*), рассмотренными выше (см. {**kauk-*}), и их вост.-балт. параллелями, которые, однако, верифицируются семантически только в наиболее очевидных случаях. То же следует сказать и о названиях с элементом *Kuk-*, во всяком случае по мере их удаления от Пруссии. Не упуская из виду возможностей разного этимологического происхождения или разного осмысления этих названий, целесообразно сопоставить прусск. примеры и, возможно, некоторые мазурские (ср. *Kuka* 'взгорье; *Kuckowin*, 1595 [Hennenberger II, 14], *Kukowino*, *Kukojino*, *Kukówka*, *Kukowskie Jez.*, *Kukowker See*, ок. дер. *Kukówka*; *Kukowska Struga*; *Kukowa*, 1576 [Hennenberger Prussiae. . ., ср. Ergler. 1595], *Kukoffa*, 1562 [Barkowski Apr. Forsch. 13, 1936, 198 сл.], *Kukowa*, 1526 [Hoppe AM 14, 1877, 43], 1539—1546 [Apr. Forsch. 13, 1936, 198 сл.], *Kukowo*, см. Słown. nazw Mazur. II, 54—56, 227; ср. висл. *Kukaj*, *Kukawka*, *Kukowa*, *Kukowino*, *Kukowker See*, *Kukowo*, *Kukowska Struga*, *Kukowskie Jez.*, *Kuków*, *Kukówek*, *Kukówek Mały*, *Kukówka*, HW 400, 442, 450, 457, 727, 755; к зап. от Вислы ср. *Kukas*: «*Kukasbruch*» (Kr. Neustrelitz), см. Schall Baltist. 2, 1966, 20: сопоставление с балт. фактами) с фонетически сходными названиями соседних территорий. Ср. лит. *Kukiai*, *Kūkiškė*, *Kūkiškės*, *Kūkiškis*, *Kukėčiai* и др. (LATSŽ 145), *Kūkabalė*; *Kūkis*, *Kukjys* (LUEV 81—82; Liet. hidr. 64, 66, 210; LHEŽ 169—170: скорее всего к лит. *kūkti* 'гнутья', 'сгибаться' и т. п., ср. *kūkis* 'крюк'); *Кукойлис* (Спрогис Геогр. слов. 155; ср. Būga RR I, 427); лит.

Kukjys Ванагас LHEŽ 170 с некоторым сомнением соотносит с лит. *kūkti* 'выть', 'кричать'. Из лтш. параллелей ср. *Kuka-dīka-kalns*, *Kukka*, 1835, *Kukas-purvs*, *Kukas*, *Kuk-upe*, *Kukup valks*, *Kūķi*, *Kūķēns*, *Kūķēni*, *Kūķēni* и др. (LV I, 2, 164, 167; LVV I, 1936, 63), ср. также с долгим корневым вокализмом: *Kūkas*, *Kūkas-kalns* (с характерным «семантическим» разъяснением: «tur dzeguzes kūkojot»), *Kūku-cēna*, *Kūku-vēveres*, *Kūkiņa*, *Kūkiņas-kalns*, *Kūkiņi* (186). Элемент *Kuk-* нередок и в вост.-балт. антропонимии. Ср. лит. *Kūkas*, *Kūkis*, *Kukjys*, *Kūkė*, *Kukaitis*, *Kukėnas Kukėvičius*, *Kukāuskas*, ст.-лит. *Kukowa*, *Kuka* ex. *Łukißky*, *Kukowicz*, *Kukienis* и др. (Liet. antrop. 159; ср. *Kūkenis*. Būga RR I, 241); лтш. *Andres Kuck* (LPV 197); куршск. *Kucken scheidung*, 1439; drei gesinde im gebede und Kerspelt tho Candou gelegenn mit nhamenn Peter Kucks, Jacob Kucks und Klaus Kucks, 1530 (KF 297: или к лтш. *kuksis* 'желтая лошадь', или — «weniger wahrscheinlich» — к лтш. **kuks* ~ прусск. **sux* наряду с *sawx* 'черт'; не исключается также и немецкое происхождение фамилии). «Сходные» Nom. рг. отмечены и у славян. Ср. блр. *Кук* (**Кука*), *Кўкін*, *Кукéвiч* и др. (Белар. антрап. 2, 227); русск. *Кука*, *Кукан*, *Кукихно* и т. п. (Веселовский Ономаст. 169, с индивидуальными объяснениями); польск. *Kuk* (?), 1444, 1471; *Kukowski*, 1497 (Słown. starop. nazw III, 1, 189, 190) и др. Точно так же на соседних с балтийскими территориях и в топонимии постоянно выступает элемент *Kuk-*. Ср. польск. *Kukowo*, *Kukowino*, *Kukówka*, -o, и др. (Słown. nazw geogr. PZP 152); блр. *Кукенішкі*, *Кук'янішкі* (литуанизмы, ср. лит. Nom. рг. *Kukėnas*, *Kukėnis*, блр. *Кук'ян*; см. Литоўск. элем. белар. анам. 1968, 24; Римша БСл. Иссл. 1980, 1981, 197); *Кўково* (*Кўкава*), *Куковічы* (*Кукавічы*), *Кукава-Бор* и др. (Кратк. топон. слов. Белор. 188; Слоўн. назв. Брэсц. 145 и др.); окск. *Кукин*, *Куков*, *Кўковка*, *Куковской*, *Кукавской* (Гидр. басс. Оки 35, 83, 121, 159, 238) и т. п. О продолжениях слав. **kuka*: **кука* (: **куѣра*) в топонимии см. Куркина Этим. 1977. 1979, 44—45 (оронимы Карпат и Балкан). — В целом характерный пример сложного соотношения топонимических элементов непрерывного ареала с меняющимся набором семантических мотивировок. — См. {**kuk-ain-*}, {**kuk-ein-*}, {**kuk-ut-*}, {**kuk-ut- & *kaim-*}, {**kuk- & *brast-*}, {**kuk- & *median-*} и др.

{**kuk-ain-*}, ср. *Kusaun*, 1350; *Kukeyn*, 1399, позже — *Kukehnen* (APON 75: *Kuke* и суф. -ain-, соотв. -ein-). — Точное соответствие в лтш. *Kukainis*, *Kukaini*, *Kukaĩns*, *Kukain*, 1816, ср. также *Kukainene* р[.], *Kukainitis* (LV I, 2, 164—165: ср. *kukaĩnis* 'насекомое' и т. п., см. ME 2, 301; из ливск. *kukki* 'жук', см. Thomsen Berog. 1891, 263). — См. {**kuk-*} и др.

cusan 'коричневый'. Adj. Э 465 ('Brun'), ср. Э 463: *Wormyan* 'Rot', Э 464: *Gelatynan* 'Gel'. Э 466: *Maysotan* 'Gemenget', Э 467: *Roaban* 'Gestreift' и т. п. Видимо, Nom. Sg. n. (как и в других словах «цветового» микрословаря). — Начиная с Бецценбергера ВВ 23, 1898, 312, принимается конъектура **cūsan*, т. е. **cūncan* (ср. РКР II, 33). Об этом слове писали мало, повторяя с незначительными вари-

циями круг параллелей из других и.-евр. языков, намеченный уже Траутманом APSpr. 364. Кортланд Recent Devel. 1978, 241 приводит прусск. слово (из и.-евр. **kunkan*) как пример потери палатального признака перед слоговым *n*. Форма, которую восстанавливает Покорный I, 564 в качестве источника прусск. *cusap* и его соответствий в других и.-евр. языках, имеет не вполне убедительный вид — **k_hnakó-* ‘медово-желтый’, ‘золотисто-желтый’ (с замечанием о неясных аблаутных отношениях). Этой форме отвечают др.-инд. *kāñcana-* ‘золотой’, ‘золото’, ‘деньги’, ‘богатство’, название различных растений (KEWAi. 1, 195: из *qñqenó-*), возможно, и *kānaka-* ‘золото’ (правда, есть и иная точка зрения, см. Kuiper Proto-Munda 30—31); др.-греч. *κνυχός*, дорич. *κνᾶχός* ‘желтый’, ‘рыжий’, ‘бурый’; сафлор, *бот.*, *Carthamus tinctorius*, *κνυχία* ‘бурый’, ‘серый’ (о волке), возможно, микенск. *ka-na-ko* (GEW 1, 882—883; Chantraine Dict. étym., s. v.); лат. *canicae* ‘отруби’, др.-исл. *hunnang* ‘мед’, ст.-швед. *hunagh*, ст.-датск. *honni(n)g*; др.-англ. *hunig*, др.-сакс. *honig*, *huneg*, др.-фриз. *hunig*, *hong*, ср.-нидерл. *honich*, *honinch*, др.-в.-нем. *honag*, *honang* (Altnord. EWb. 266), из герм. **hunaga-*?; о галльск. *caneco-sedlon* см. Pok. 1, 565; Vendryes RC 47, 200—201; Lewis Et. Celt. 1, 320—321. — Обращает на себя внимание отсутствие параллелей прусск. *cusap* как в вост.-балт., так и в слав. Если это, действительно, так, то перед нами еще один не частый, но очень характерный пример отличия прусск. от этих языков за счет связей с центр.-европ. языками (герм., итальяск.) в первую очередь. Другое обстоятельство, привлекающее к себе внимание, правдоподобная звуконизация, *cusap* — **cupcap*, которая позволяет поставить вопрос о мотивировке этого названия. Прежде, однако, следует заметить, что в Эльбингск. словаре *cusap* находится следом за «чистыми» цветами («красный», «желтый») и непосредственно перед с мешанинами («грязными», неоднородными) цветами *maysotan*, *roaban* с характерными переводами — ‘gemengt’, ‘gestreift’. Можно предположить, что *cusap* обозначает некий переходный, промежуточный цвет между этими двумя фрагментами «цветового» словаря. Коричневый цвет, действительно, закономерен в этом месте. В родственных языках соответствующие слова соотносятся с волком, козлом, определенными растениями, медом, облаком, отрубями и т. п., что при всей важности этих данных не решает вопроса о мотивировке обозначения коричневости (возможно — грязно (буро)-коричневости, неравномерной коричневости, пятнистой коричневости). В намечающемся контексте, может быть, не лишне иметь в виду в качестве дальнего резерва группу вост.-балт. слов, фонетически точно соответствующих **cu(n)cap*. Речь идет о лексемах, которые прежде всего ориентированы на описание формы (‘пузырь’, ‘колокольчик’, ‘бубенец’, ‘ком’, ‘вздутие’ и т. п.), но, будучи взяты в аспекте множественности и движения, могут описывать и характер самой поверхности, по крайней мере, ее материальную структурированность. Ср. лит. *kuñkalas* ‘пузырь’, ‘бубенец’, ‘тряпье’, ‘лохмотья’

(: *kunkaloti* ‘волноваться’, ‘пузыриться’, т. е. делать поверхность пузырячатой), *kunkólas* ‘клуб’, ‘ком’, ‘пузырь’, *kuñkulas* ‘пузырек кипящей воды’ и т. п., *kunkūlis*, *kunkulys* (ср.: *Jau vanduo verda, k u n k u l a i pradedo keltis; Versmėj vanduo muša k u n k u l i ū s; Vanduo verda su k u ņ k u l i u* и т. п. LKŽ 6, 897—902) при *kuñkuliuoti* ‘virti kunkulu’; ‘kilti kunkulams, burbuliuoti’, *kunkuliuoti*, *kunkaloti* и т. п.; лтш. *kuñkulis* ‘ком’, ‘комочек’, ‘eine zusammengeballte Masse’, ‘ein Kloss’; ‘ein Klumpen geronnener Milch’, ‘ein Mehlkloss’; ‘ein Klumpen’, ‘Stück Erde’, даже ‘eine kleine Wolke’ и т. п. (ME 2, 315—316), ср. *kuñkuŕuot* ‘strauchelnd, mühsam sich fortbewegen’, ‘sich mit kleinen Wolken bewölken’ и др. *kuñkulains*, *kuñkučains*, *kuñkucis*, *kuñkulēt* и др. (см. также ЕН 675—676; Erg’em. izl. vārdu. 2, 141 и др.), неясно прусск. диал. *кукi*, множ. ч. ‘хлопья (снега)’, см. СРНГ 16, 33; из **kqk-* или **kouk-*? Эта материальная структурированность, фактура могла быть субстратом неравномерно-цветовых обозначений, ср. *рябь* (а лит. *kunkulai*, собственно, и есть та *рябь*, которой покрывается поверхность кипящей воды) → *рябь* как уже цветовая характеристика или *кiпень* (ср. лит. *kunkuliuoti* ‘кипеть, пузыряться’) → *кiпеневый*, *кiпенный*, *кiпенбвый*, *кiпельный* ‘белый, как пена’ и т. п. Эти семантические параллели в известной степени подкрепляются диагностически важными переключками в одинаковом выборе денотата словами этого корня в разных языках. Наиболее убедительный пример: лтш. *kuñkulis* (как и *kuñkuŕuot*) связано с обозначением облака (см. выше); то же относится к др.-греч. *κνυχίς* ‘желто-бурое облако’ (также о бледных пятнах, особенно на небе), которое, по общему мнению, родственно прусск. *cusap* — **cupcap*. Тем самым, указанное латышское слово (как и связанные с ним вышеприведенные литовск. лексемы) обнаруживает свои связи с прусск. **cupcap*, но через стадию др.-греч. параллелей (методологически важный случай, когда дальняя связь помогает вскрыть ближнюю, остававшуюся не замеченной или не признанной, исключительно из-за семантического разрыва между элементами этой ближней связи). Существенно, впрочем, помнить, что при архаичности самого этого и.-евр. комплекса он оказался прихотливым и разнообразным в выборе элементов из денотатного ряда. Тем показательнее сходство в цветовой теме между прусск. словом и южно-и.-евр. словами (др.-греч. и др.-инд.).

— Л и т.: Bezenberger BB 23; 1898, 312; Uhlenbeck Kurz. Etym. Wb. Ai. 1898—1899, 41; APSpr. 364; SPV 198; WP 1, 400; Pok. 1, 564—565; KEWAi. 1, 195; GEW 1, 883; Althord. EWb. 266; Kortlandt Recent Devel. 1978, 241. — [**kunkan*].

(**kuk-* & **brast-*), ср. *Chucunbrasth*, брод, 1254; *Cucenbrast*, 1254; ср. разъяснение в документе 1611 г.: «*Kuke oder Chucumbrast, of Deutsch desz Teufels durchfahrt*» (APON 75). — Сложное название; в первом члене **kuk-*, см. *kuke*, **kuks* (: *cawx*) ‘черт’ и т. п., во втором — **brast-* ‘брод’ (см. [**brast-*]); в целом — ‘чертов брод’. Назва-

ние брода фигурирует и в ряде других топонимов, ср. *Balkombrastun*, *Singurbrast*, *Stabobrast*, *Sogebast*, *Tuleprast*.

**kuke*, **kuks* реконструируются с достаточным вероятием как названия для черта или персонажей из низшей демонологии, сопоставимых с немецкими кобольдами, альраунами и т. п. (о наличии подобных существ в мифологии пруссов и других балтов славян, особенно в Поморье известно и из более поздних источников). Строго говоря, оба эти соотнесения **kuke* / **kuks* принадлежат к более позднему времени — черт предполагает знакомство с христианской традицией, кобольд и альраун — с немецкой низовой мифологией. До введения христианства и до начала орденовской экспансии **kuke* / **kuks* обозначали, видимо, нечто вроде *genius loci*, хозяев земных угодий, покровителей, возможно, карликовых существ, связанных с подземным царством. Отличия их от кауков (*sawx*) установить не удастся, хотя не исключено, что последние были более мифологичны и занимали место на предпантеонном уровне. Реконструкция **kuke* / **kuks* основана на ряде топонимов (ср. *Kucayn*, *Kuke*, *Cukemedie*, *Chuncunbrasth* и т. п.) и на отдельных свидетельствах типа: *ad vadum Serie, qui с u с k e ab indigenis nominatur* (Mon. hist. Warm. 1, 48); *k u k e oder с h u с u m brast, of Deutsch, desz Teufels durchfahrt* (Ibid. 63), см. AM 4, 1867, 154. — Заслуживает внимания, что в ближайшем соседстве с пруссами известен злой дух того же имени, ср. кашуб. *kuka* 'zły duch zadawanу przez czarownicę ludziom w rożuwieniu' (*Ona mi zadała k u k a* (Strzebielno, Luzino). Sychta Słown. gwar kasz. 2, 289); впрочем, мифологические существа с таким названием отмечены и у других славян, напр., у русских, ср. диал. *кúка* 'леший, живущий в бане', *кукán* 'мифическое существо, обитающее в лужах, в болотах' (ср.: *Смотри, к у к á н в болото утащит*), 'фантастическое существо, которым пугают детей, бука' (ср. также *попасть(ся) на к у к á н, остатъся на к у к а н е* 'оказаться в затруднительном или безвыходном положении'), *кукánка* то же (СРНГ 16, 30—31), из слав. **kouk-*. — См. SPV 198—199; LEW 230; РКР I, 29; St. OP 4. 700.

{**kuk-ein-*}, см. {**kuk-*}, {**kuk-ain-*}.

kukel-* (?), как название мучного изделия, оладьи, клецки, хлеба. Восстанавливается с известным вероятием на основании немецк. вост.-прусск. провинциализма *kuckel* 'kleines rundes Kinderbrötchen' (Frischbier PW 438; Thes. 1873, 83 и др.) и соответствующих слов в соседних языках; ср. лит. *kukūlis* 'клецка', *kuklūs* (LKŽ 6, 798—799, 810); лтш. *kukulis* 'Brotlaib' (ME 2, 302); ср. *kuka* 'хлеб' (в детском языке). ME 2, 301: из нем. *Kuchen* или сокращение от *kukulis*?; эст. *kukkel* 'булочка', 'пышка'; кашуб. *kukla* 'mały, zwykle okrągły bochenek chleba upieczony najczęściej z resztek ciasta, kukielka', *kuk'elka* (Słown. gwar kasz. 2, 292), слов.-помор. *k'ukla* 'Brotwecken' (Pom. Wb. 1, 427) и др. — См. {kukel-ing-*}, {**kukul-ing-*}.

{**kukel-ing-* (?)}, см. {**kukul-ing-*}.

{**kuk-* & **median*}, ср. *Cukemedie*, 1419 (APON 75). — Сложное название; в первом члене — *Kuk-*, см. {**kuk-*}, во втором — *median*, см. В целом что-то вроде 'чертова леса', 'леса куков', см. **kuke*. Ср. лит. *kūkmedis* 'Taxus baccata', *kukmediniai* 'Taxaceae', *kukamedis* (LKŽ 6, 791, 800). Ср. Būga RR II, 384.

kukore 'кухня'. Э 348 ('Kuchin'), ср. Э. 347: *Aubirgo* 'Garbret', Э 349: *Nagotis* 'Erintop', Э 350: *Swixtis* 'Erdentop' и т. п. Nom. Sg. fem. — Немецк. слово *Kuchin*, переводом которого выступает *kukore*, могло бы быть понято и как *Küche* (кухня) и как *Köchin* (повариха). Однако место этого слова в словарном фрагменте склоняет в пользу первого решения; следовательно, в *Kuchin* скрывается, вероятно, ср.-в.-нем. *kuchen* 'кухня' (см. APSpr. 364; SPV 199). — Прусское слово является славизмом, заимствованным скорее всего из польск. *kucharz* 'повар' (Słown. Staropolsk. III, 6 (19), 459), ср. кашуб. *kuzãř*, слов.-помор. *k'úxwř* и т. п., вероятно, еще на стадии **kukoris* (если только прусск. *kukore* и особенно возможная форма masc. **kukoris* не является результатом архаизирующей субституции др.-польск. **kuxarъ*, **kuxar'*). — Нетривиальными являются два обстоятельства: игнорирование слова для кухни (польск. *kuchnia*) и принадлежность к fem.; определило ли эту последнюю особенность влияние со стороны слова *kuchnia* fem. или ориентация на fem. от *kucharz* (польск. *kucharka* и т. п.), сказать трудно. Тем не менее очень показательным, что и в литовском есть образование точно такого же типа — *kūkore* 'кухня' при masc. *kūkorius* (ср. и *kūkorka*, *kūkarka* (: *kukarkauti*), *kūkorienė*), *kūkoras* 'повар', ср. *kūkorauti*, *kukorystė* и т. п. (LKŽ 6, 791—792, 801; Brückner FremdW. 98; Otrębski Narz. Twer. 3, 27; Skardžius LehnW. 115; LEW 306); правда, в литовском есть и другое заимствование со значением 'кухня' — *kuknià*, *kūknė*; ср. также лтш. *kukārs* 'повар', *kukarka*, *kūkalka* 'повариха', *kukņa*, *kukne*, *kukīņa* (ME 2, 301; EH 668; Summent Unbeacht. slav. Lehnw. 1950, 154, по данным LEW 306). Сходство в наличии общего заимствования, оригинальным, но одинаковым образом трактуемого в прусском и литовском, дает повод, в частности, предполагать или единый источник заимствования или посредствующую роль одного из этих балт. языков в передаче соответствующего слова другому языку (см. SEEV 1974, 74—75). Хронология этого заимствования в прусском определяется лишь в самом общем виде: так как *kukore* свидетельствует т. наз. доэльбингск. «Replacement Rule», то слово могло проникнуть в прусский до XII—XIII вв. (SEEV 86). —

— Лит.: Pauli BVS 7, 1873, 167—168; Thes. 1873, 83; Pr. Spr. 1896, s. v.; APSpr. 364; SPV 199; Milewski Sl. Oss. 18, 1947, 32; Levin Gen. ling. 12, 1972, 150, 157; SEEV 1974, 58, 75, 86, 96. — [**kukore*; **kūkōrē*].

{**kukster-*}, ср. *Kucstren*, 1362; *Kuxtern*, 1446, позже — *Kuxstern* (APON 75). — По Герулису, к лит. *kūštera* 'спина', 'горб'. Как аблаутный вариант рассматривается прусск. *Caustre*, река, 1315; *Caustere*, река, 1326; *Kaucstirn*, 1331; *Caustir* 'saltus' (SU 189),

позже — «Der Kauster» в Самбии. Ср. также *Caustriten* в земле палавов. В старых текстах отмечены *Kauxtere*, *Koxtere* (Lucas David 2, 124, 312); *Cauxter*, *Causter* (Hennenberger 2, 9), река у Крейцбурга (APON 58). — Очень вероятно реконструкция апеллятива прусск. **kukstera(s)* 'спина', 'горб' и под., аналогичного лит. *kùkštera*, *kuksterà*, *kukšteras*; *kùkštara*, *kùkštaras*; *kùkšturas* (LKŽ 6, 804—805, ср. также *kùkšterėti*, *kukšterti*, *kùkštaroti*), см. также Vitkauskas Šiaur. ryt. dūn. žod. 157—158; LEW 229—230. Интересно, что в топонимии Литвы и Латвии этот элемент не отмечен.

{**kuk-av-(-ov-)* ?}, реконструируется на основании мазур. *Kukowa*, 1526, 1539—1546, 1576, *Kukoffa*, 1576 (Hennenberger Prussiae), *Kukowo*; *Kuckowin*, 1595 (Hennenberger Von den See'en II, 14), *Kukowino*, *Kukojino*, *Kukówka*, *Kukówskie Jez.*, *Kukowker See*; *Kukowska Struga*; *Kukówko* (Słown. nazw Mazur. II, 54—56) и др. и на основании прусск. топонимов с элементом *Kuk-* — как без суффикса, так и с суф. Ср. также лит. *Kukávka*, река, в отношении которой Ванagas LHEŽ 169 допускает славизацию исходной формы **Kukava* и под. — См. подробнее {**kuk-*} и др., там же параллели.

{**kukul-ing-*}, ср. *Cuculing*, 1352 (трижды); *Cuculnyk*, озеро; *Kukuling*, 1359; *Kukelingelacus* (Kr. Allenstein. Mon. hist. Warm. 2). Генненбергер Egcler. 1595, 2, 14: *Kuckelnige*, озеро (APON 75.) — По Герулису, в лит. *kukulỹs* 'клецка' и т. п., лтш. *kukulis* (?) — в отличие от Брюкнера FremdW., s. v., выводившего эти названия из слав. слова, снабженного балт. суф. *-ing-*. — Ср. также мазур. *Cuculnig*, 1352 (Cod. dipl. Warm. 2, 176—177); *Cukulnyk*, 1359 (Ibid. 2, 291); *Kuckling*, *Kuckelnig*, 1595; *Kuklung See*; ср. также *Kuklag*, озеро. Важно заметить, что это же угодье на трех языках называлось и иначе. Самое старое его название — прусск. *Lynaw*, 1348 (Cod. dipl. Warm. 2, 118), ср. польск. *Linowskie Jezioro*, нем. *Leynauer See*, *Leinauer See* (Słown. nazw Mazur. II, 213). — Из параллелей см. лит. *Kukulỹnas*, река, *Kùkulių upėlis* (*Kùkuliai*). LUEV 82; Liet. hidr. 166; LHEŽ 170 (скорее всего к лит. *kukùlis*. LKŽ 6, 810); лтш. *Kukuļ-straits*, река; *Kukuļi*, *Kukulis*, *Kukēls*, *Kuckul*, 1811, *Kukuļa-kalns*, *Kukuļa-atauga*, *Kuķel-būda*; *Kukulen pļ.*, *Kukulišķi*, *Kukulītis*, *Kukulīši*, *Kukulnīca* liekņa (LV I, 2, 166). О прусских гидронимах с суф. *-ing-* см. Daubaras Baltist. 17, 1981, 84—91, в частности, и о **Kukul-ing-*, 86. — Заслуживают внимания блр. *Кукэлі*, *Кукелеўшчына*, *Кўкалеўка*; *Кукўлькава* (по сообщению информанта, от *Кукулька*), *Кукэлішчына* и др. (Слоўн. назв. Мінск. 145; Мікратап. Белар. 130); польск. *Kukulica*, *Kukulice*, *Kukulno*, *Kukuła*, *Kukulczyn*, *Kukulka*, *Kukulowo* (Słown. nazw. geogr. PZP 152). См., возможно, **kuk-el-* или **kuk-ul-* (кашуб. *kukla* 'chlebek' Labuda Historia Pomorza I, 1968, 332 считает заимствованием из прусского, ср. лит. *kukulỹs*; см. также Słow. w dziejach Eur. 1974, 77).

{**kuk-ut-*}, ср. *Cucuten*, 1301 (APON 75). — По Герулису, ж *Kuke*, с суф. *-ut-* (тут же, впрочем, сопоставление с лит. *kukūtis*

'удод'). Ср. также *Kukutcaym*, 1418. — Из топонимических соответствий ср. лит. *Kukutėliai*, *Kukutėnai* (эта форма дает известные основания реконструировать и для прусск. *Cucuten* источник в виде {**kuk-ut-en-*}), *Kukūtiskės*, *Kukučiai* (LATSŽ 145); *Kukūtis* (LUEV 82; Liet. hidr. 210; LHEŽ 169—170); лтш. *Kukuti*, *Kukutine*; *Kukuči*, *Kukučs*; *Kukušu-purvs*, *Kukuš-purvs* (LV I, 2, 166). Стоит отметить и Nom. рг. ст.-лит. *Kukuczis*, *Kukuć*, *Kukutaica* (**Kukutis* → **Kukuta-itis*), ср. совр. лит. *Kukūtis* (см. Liet. antrop. 159—160).

{**kukut-* & **kaim-*}, ср. *Kukutcaym*, 1418 (APON 75). — Сложное название. К первому члену см. {**kuk-ut-*}, ко второму — *caymis*. Ср. Buga RR II, 384.

**kula*, слово реконструируется условно на основании немецк. вост.-прусс. провинциализма *kulla*, обозначавшего инструмент для ловли рыбы, точнее — палку с набалдашником, которой били по воде с тем, чтобы выгнать на открытое место рыбу, прятавшуюся у берегов; в этом смысле **kula* напоминала *sturgel* (*sturl*), другой провинциализм с тем же или близким значением. См. Thes. 1873, 83, 178. — Ср. лит. *kūlti* 'бить' как объяснение общего значения: конкретнее — лит. *kūla*, *kūla* 'medinis įrankis kalti; tvokti' (ср.: šitas šakotas medis labai tiktu kūlai; ...paimk kūlą ir gerai įkalk kuolą į žemę; eit su kūlomis:kojas puriovė mašina. LKŽ 6, 818—819: ср. *kūlakotis*), *kūlė*, *kūlė*, *kūlėnė* (6, 825—827); лтш. примеры см. LEW 211—212 (*kult*, *kūls* и т. п.). — Не исключено, однако, что **kula* литуанизм в немецкой речи. Во всяком случае прусск. слова этого корня имеют обычно иной вокализм, ср. *calte*, *kalopeilis*, *calene* (ср. и лит. *kālti*, лтш. *kālt*). Вместе с тем обращает на себя внимание топоним *Paculent* в Поморье, ок. Грейфенберга, о котором см. Krabe Altpreußen 8, 1943, 43—45 (: к *kul-*).

{**kul-av-(-ov-)*}, ср. Nom. рг. *Culowe*, 1308 (APN 49). — Вероятно, связано с топонимами *Culwen*, 1308; *Kulwein*, 1507; *Cullebelyn*, 1419 (**Cullwelyn* ?). — См. {**kulv-*} и под.

{**kulb-el-in-* (??)}, ср. *Cullebelyn*, 1419 (APON 75). — Герулис с сомнением высказывает соображение о возможности чтения **Cullwelyn* и в этом случае отнесения топонима к *Culwen*, см. — Очень вероятно, что это соображение правильно. Тем не менее уместно помнить и о таких, пожалуй, более вероятных случаях, как лит. *Kūlbiai*, *Kulbagalỹs* (LATSŽ 145), лтш. *Kulbu-līcis*, *Kulbiņas*, *Kulbiņ-muiža*; *Kulbuļi*, *Kulbuļ*, *Kulbuļ-rēde* (LV I, 2, 167); куршск. *hof Kulbulen*, 1280; an de gegenheiden *Kulbulen* (UB I, 1, 582); *Culbulen*, 1355—1362 (KF 115: «Sicher baltisch», рг. *Cullebelyn*, с сомнением в объяснении: м. б., к лтш. *kulba* 'дубина', 'палица'; 'саный корб'; 'свод в печи' и т. п. с суф. *-ul-*). Ср. также Nom. рг. типа лит. *Kūlbys*, *Kulbỹs*, *Kulbaitis*, *Kulbōkas*, *Kulbāuskas*, ст.-лит. *Kulbowicz* (**Kulbis*, *-ys*, *-a* ? → **Kulbaitis*). Liet. antrop. 160 (к лит. *kūlbis* 'хромой'; возможны и другие сопоставления); блр. *Кўльба*, *Кўльбік*, *Кўльбін*, *Кульбяно́к*, *Кўльбікаў*, *Кульбіцкі* (Бірыда Белар.

антроп. 2, 229); русск. *Кульбѣн*; блр. *Кульба́ка, Кульба́кин, Кульба́ўкі*, укр. *Кульбака* (XVI—XVII вв.); русск. *Кульбакин* и т. п. связаны с апеллятивом *кульба́ка* 'палка с искривленной ручкой'; 'седло' как, видимо, и лит. *Kulbōkas*. Возможно, аналогичное слово существовало и в прусском, если судить по его географическому распространению и по прусско-немецкому регионализму *kulbak, kulrak, kolpack, kohlbacke* (Thes. 1873, 83; PW s. v.; Preuß. Wb., s. v.), определяемому как «der Bügel am Pfluggeschirr, in welchem des Ochsen Hals steckt» (ср. лит. *kulbōkas, kulbōkė*, рассматриваемые как германизмы); ср. также название деревни *Kolpacken* (Kr. Darkehmen).

{*kulc-?}, ср. Nom. рг. *Cultcze* (APON 49). — Неясно.

culczi 'бедро', 'кульша'. Э 138 ('Huffe'), ср. Э 136: *Straunay* 'Lenden', Э 137: *Ponman* 'Arsbel', Э 139: *Slaunis* 'Dy' и т. д. Nom. Sg. fem. — Сочетание графем *cz* передает здесь, возможно, аффрицированное произношение *s* после сонанта, как, напр., это предполагается для *-ds* в прусск. **al(i)skands* (графически *al(i)skande*) и реально существует в случаях типа лит. диал. *giñts*. 3. Fut. (вм. лит. литер. *giñ-s*) и во всех западноукшайтских говорах, занимающих смежную с пруссами территорию (см. Мажюлис ПИЕЯ 1964, 68). — Окончание *-i* в *culczi* в связи с проблемой прусских именных основ на *-iā, -ē*, и *-i* привлекло внимание двух специалистов. Левин BLL 1973, 191, дифференцируя 25 слов с исходом *-y/i* в Эльбингском словаре с точки зрения их происхождения, отнес *culczi* к возможным отражениям двойств. числа, как и *nozy* 'нос'. К «possible candidates for this category» наряду с *culczi* он причисляет еще *plauti, noseproly, scaydy, kexti, wubri*. Следует, однако, заметить, что вероятность отнесения сюда *culczi* и *wubri* признается меньшим, чем в других перечисленных случаях. Эккерт ZfSl 19, 1974, 223—224 высказывает мнение, согласно которому *culczi* в отношении *-i* могло бы относиться к той же категории случаев, что и *sansy*, выводимое из **zansī* (ср. др.-инд. *hamsī* fem. при *hamsa-* masc.) и, следовательно, относящееся к тому же классу, что и лит. *marī*. Вместе с тем, как известно, имена с основой на *-ē* в Nom. Sg. получали флексию *-i*, когда на нее не падало ударение. Поэтому вполне вероятна и реконструкция **culczē* (: лит. *kūšė*), подобно **zansē* (: лит. диал. *zuose, dzūose*, но лит. *žąsis, -iēs*). См. также St. OP 6. 901; 6. 972. — Брюкнер AfslPh. 20, 1898, 495 со свойственным ему предубеждением в отношении направления контактов балт. и слав. языков полагал, что балт. обозначения бедра, включая и прусск. *culczi*, были заимствованы из польск. *kulsze* (ср., однако, SEJP 281). Траутман APSrg. 365 без каких-либо комментариев повторил эту точку зрения, но уже в BSW 145 балт. факты рассматриваются как исконные и сопоставляются с слав. соответствиями (польск. *kulsze* и под. вообще не фигурируют, несомненно, по причине их заимствованного характера). Нужно думать, что среди факторов, способствовавших перемене точки зрения, было и

высказывание Эндзелина Сл.-балт. этюды 1911, 33—34 = Darbu izlase 2, 198—199 о более вероятном обратном направлении заимствования. — Таким образом, ближайшее соответствие прусск. *culczi* — лит. *kūšė* 'бедро', 'поясница', 'ляжка' и т. п. (ср.: Dasilytėjo jis susilenkimo (sanario) jo strėnų (kulšės). Bretk. Bibl. 1, Moz. 32, 25, Ištikau kulšę. Margar. Theol. 135), *kūša*, ср. также *kūšis*, то же (*Kulbis... lopátka dolna, Coxa, coxendix. Szyrw. Dict. 103; Pririštas buvo kalavijas and kulšiu jo makštyse savo. Chil. 2 Sam. 20, 8; Kožnas teprieda kalavija savo kulšiesp savo. Chil. 2 Moz. 32. 27; Kaulas, kur užsitur aprumbas kelnių, sijono, vadinas kūšis. Юшкевич Лит. слов., см. LKŽ 6, 849—850); *kulšis* (ср. BB 7, 20; Wb.), *kulšnīs* 'лодыжка', 'щиколотка', 'бабка', 'пуговая кость', *kulšnīs, kulšnas, kulšnė* 'астргал', *kulšna; kulštinas, kūštinė, kulštenas, kulštena, kulštymas*; наконец, *kulnas* 'пятка', 'цапфа', *kulnīs, kulnė* — при наличии целого ряда производных, ср. *kūšinti, kulšiuoti, kulšėti, kulšniuoti, kulšnóti, kulniuoti, kulnyti, kulnėti, kulnóti* и т. п. (LKŽ 6, 841—846, 849—850; ср. Šiaur. ryt. dūn. žod. 158—159). В латышском отмечено столь же точное соответствие прусскому слову в виде *kūša, kulša* (Nigr.) 'die Hüfte', 'die Lende' (ME 2, 308), почему-то не отмеченного ни SPV 199, ни в других попытках объяснения *culczi*; ср. также *kulksnis* 'das Sprunggelenk', 'das Gelenkstück'; 'ein grosser Knochen, an dem wenig Fleisch ist'; 'der Fuss', 'das Bein' и т. д. (2, 307), *kulksna, kulša* 'бедро', *kulksna* 'подмышка'; *kulna, kulne* (ср. также EH 671). Во всяком случае латышские примеры оказываются вполне разнообразными и авторитетными. О вост.-балт. формах с *-k-* (вставным или синтезированным из форм с исконным *k* типа ц.-сл. *klъka* или лат. *calx*) см. Эндзелин Сл.-балт. этюды 33—34 и др. В известной степени продолжением указанной вост.-балт. формы **kulšē/a* (: *culczi*) являются слав. заимствования из балт., распространившиеся на очень значительную территорию к югу и юго-востоку. Ср. польск. *kulsza* 'бедро', 'бедренная кость' (Wybić, wywichnąć nogę w kulszy), *kulsze*, 'biodra', 'okolice biodrowe', *kulszka, kulszowy* и т. п. (прежде всего в говорах Восточной Польши, особенно в Виленщине, см. в польском переводе (с зап.-русск.) делового документа 1580 г.: Na prawym boku nad kulszą rana sztychowa... Акты Виленск. Комисс. XIX, 247; а также в август., дрогич., хелм., полесск. говорах.; ср. Słown. gwar polsk. s. v. и др.). Варшавский словарь (Sł. jęz. polsk. 2, 628) отмечает как варианты формы *kulczka, kulczeczka*, предполагающие исходное **kulcza / *kulcze*. В таком случае это не только оригинальное балт. заимствование до сих пор не отмеченного типа (см. ниже) но и, возможно, пруссизм; сама форма **kulcza / *kulcze* при подтверждении надежности хотя бы ее производных могла бы считаться настолько авторитетной, что обратным образом мог бы быть поставлен вопрос даже о переинтерпретации фонетич. значения прусск. *culczi* (по крайней мере, для определенного пространственно-временного*

контекста), см. ниже. Следует помнить, что вообще набор вариантов этой лексемы более разнообразен и в фонетическом (ср., напр., в зоне польско-литовск. пограничья — от *kulša, k*ylša, kulška, kulšečka* до совсем непереработанного *kulšis*), и в семантическом ('угол воза с сеном') отношениях. Наконец, в окраинных польских говорах встречаются практически непереработанные формы ятвяжского происхождения (ср. *kulsa* 'бедро'; 'один из четырех рогов на возе сена' в кнышинск. говоре (Белост.), см. Kudzinowski Acta B.-Sl. 1, 1964, 224; ср. Zdaniukiewicz Gwara Łopat. 1972, s. v.; Zinkevičius Baltist. 11, 1975, 150). — В западнорусском языке актов Великого Княжества Литовского слово неоднократно упоминается, начиная с 1540 г. Ср.: *коня белого находника также у кульшу прострелено*. Акты Виленск. Комисс. XVII, 219 (у Яблонскиса Liet. žodžiai 109 этот пример приведен под 1556 г. с предшествующим фрагментом: *Видѣлъ есми . . . коня серого дригганта у кульшу правую з луку прострелено . . .* /XVII, 412/); *на обоухъ кулшахъ раны кровью насыли*. 1555. Там же. XXI, 62; *На самом Микете . . . на кульши правою синетина . . .* 1558. Там же. XXI, 287; *Видельъ деи есми на кульши правою рану битую синюю, на кульши левою вышею колена рана битая синяя киевая . . .* 1574. Там же. XVIII, 16; . . . *въ кульшу кривую, в задокъ пострелилъ . . .* 1594. Там же. XVIII, 124—126. Слово известно в совр. разговорном блр. языке и в говорах, причем не только в значении части тела ('бедро', 'толстая нога', 'окорок', видимо, 'часть ноги от колена до тазобедренного сустава'), но и в ряде специализированных «инструментальных» значений — 'угол и грань у воза сена, соломы' (ср. *класть сено на кúльшу*), 'ручка на косе', 'поперечная планочка на ручке лопаты', но и 'навес в гумне', 'один из крайних сеновалов на гумне'. Ср. *кúльшá, кульшáк*, но и *кúльча* (ср.: *Кúльча задн'айа тбúстайа, на йбú мнбга м'аса, кúльчы вен'дз'ац' на л'эта, т. е. кульча — 'окорок'*. Матэр. Гродз. 1972, 250: дятловск.; но *кúльча* обозначает и приспособление на возу, в стоге, ср.: *Гледзі, коб кульчы булі роўныя ў стогу*. Тур. слоўн. 2, 250; таким образом, блр. *кúльча* совпадает с реконструированной польской формой и с бесспорностью подтверждает реальность этого образования). Кроме перечисленных собраний блр. лексики ср. еще Касьяровіч Віцебскі краёвы слоўнік, s. v.; Нар. слова 1976, s. v.; Беларус. дыял. слова 91; LKK 16, 1975, 180—181; Жыв. слова 1978, s. v.; Лекс. Полесья 44; Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 567—568. О распространении слова см. Дыял. атл. блр., карта № 86 (ср. данные из 152 пунктов, преимущественно с лит.-блр. пограничья). В Liet. k. atlas. 1, 97, 126, 130, соотв. карты № 39, 62, 64, отмечены только специализированные (технические) употребления *kùlšė, kùlšys* и под. — В русск. языке отмечены *кúльшá, кульжа* 'берцовая кость' (СРНГ 16, 74, 76) причем в говорах западной окраины (псковск., курск., орловск., но и донск., см. Слов. донск. гов. 2, 99: *кúльши*). Слово проникло и в украинск. язык (диал. *кульша* 'бедро', 'угол воза с сеном или скирды'

Гринченко). Из литературы об этом заимствовании в слав. см. Brückner Fremd. Wört. 1877; AflsPh. 20, 1898, 495; KZ 46, 1914, 230; SEJP 281; Malinowski Pr. Fil. 1, 1885, 182—183; Otrębski JP 16, 1931, 82; Sl. Occ. 19, 1948, 475; Gram. jęz. lit. 1, 1958, 69; Станкевич Калосьсе 5, 1939, 118; Вяржбоўскі Белар.-літ. лекс. ўзаема сув. 1960, 448—450; Zdancewicz LPosn. 8, 1960, 343; Z polsk. stud. slav. 1963, 294—295; Kudzinowski Acta BSl. 1, 1964, 224; Непокупний Мовозн. 1968, № 6, 34; Кипарский Лекс. балт. 1969, 5; Urbutis Baltist. 5, 1969, 62—63; Zdaniukiewicz Gwara Łopat. 1972, s. v.; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 15—16. Из литературы более общего характера ср. ЭСР 2, 413; SEP 3, 354; LEW 308. Из обзора слав. заимствований этого балт. слова отчетливо видно, что оно распространилось по всей огромной дуге балтоязычной границы от Вислы до латышско-псковского пограничья (в отношении укр. *кульша* и некоторых великорусских примеров можно думать о посреднической роли польского языка), к югу, юго-востоку, и востоку. причем в качестве языка-источника в принципе мог выступать каждый из балт. языков. Именно ареальные аргументы (как, впрочем, и происходящее до сих пор в ряде пограничных говоров актуальное усвоение лит. *kùlšis, kùlšė*) в первую очередь не позволяют считать слав. слова исконными (к сожалению, противоположное мнение время от времени повторяется в литературе явно или неявно; см. Мельничук Этимол. 1966. 1968, 234). Соображения общетипологического и лингвогеографического характера делают вероятным предположение о том, что прусск. *culczi* помимо анатомического значения могло иметь и «технические» (уместно подчеркнуть, что «технические» употребления соответствующего литовского слова тяготеют к крайней юго-западной зоне, где проходила граница с ятвяжско-прусской территорией; см. Liet. k. atlas. 1, карту № 64, где *kùlšys, -ės* как деталь ткацкого станка локализуется между *Sakiai* и *Vilkaviškis*). — Тем не менее слав. языки знают и исконные слова, родственные прусск. *culczi* и его вост.-балт. соответствиям, но они существенно отличаются (по крайней мере, от вост.-балт. слов) отсутствием *š* в качестве словообразовательного элемента. Вместе с тем соответствующие слав. лексемы, как правило, содержат элемент *-k-*, который, однако, соотносится скорее не с вост.-балт. *-š-*, а с тем «вставным» или производимым впечатлением вставного звука *-k-*, который появляется в примерах типа лит. *kulksnìs* или лтш. *kulksnis, kulksna*, трактуемых Покорным (1, 928) как имеющие вставное *-k-* в отличие от суф. *-k'* в лит. *kùlšė, kùlšis* (предположение о суф. *-k'* в этих случаях едва ли верно или во всяком случае доказуемо). Речь идет о слав. **kьlk-* (и-евр. **kulk-*), отраженном в ц.-сл. *кълка* ἄγκύλη, болг. *кълка* 'бедро', 'ляжка', *кълк*, но и диал. *кълка* 'холм' (при обычном 'бедро'), родопск. *кълка* 'кривая печная труба', 'поворот дороги'; см. Григорян Слов. местн. терм. болг.-мак. 1975, 108; Бълг. диал. I, 1962, 103 (страндж.); II, 1965, 197 (родопск.); IV, 1968, 210 (троянск.); VII, 1974, 78 (еленск.); VIII, 1977, 258 (костурск.); Стойков Лекс. Банат.

1968, 123 (ср. *ис-кълчъ* 'вывихиваю', словен. *iz-kólčiti* и т. п.); макед. *колк*, с.-хорв. *кѹк*, словен. *кѹк* 'бедро', диал. 'выступ скалы', 'вершина горы', ср. *кѹковина* 'плохая пряжа с очесами'; словц. диал. *klki*, то же; русск. диал. *колк* 'костяной комель под рогом коровы или быка' (видимо, *кѹлка* 'деревянный гвоздь, на который вешают шапки, полотенца и т. п.', 'зубья вил', 'заноза' и т. п., *колѹк* 'деревянный гвоздь, служащий в качестве вешалки', 'зуб (у бороны)', 'заостренная палка', 'укладка сена в форме конуса', 'копна' и т. п. (СРНГ 14, 136, 163), принадлежа к ряду *кол-*, *колѹть*, в своей истории тесно взаимодействовали с продолжениями слав. **кѹлк-*; ср. соотношение **кѹлк-* : **колк-* определяемое разными степенями вокализма). К этим примерам Варбот Этимол. 1979. 1981, 22—23 добавляет ряд интересных префиксальных образований типа русск. диал. *шиковка* (**si-kѹлка*) 'шишка на теле человека', 'бугор, неровность на дороге, ухаб', болг. *шикѹлкѹ* 'округлый нарост на дубовых листьях', *шикалка*, то же, 'помет овцы', 'еловая шишка', 'початок кукурузы', *шикла* 'семя еловой шишке'; русск. диал. *щиколка* болг. *щикѹлкѹ* (< **šči-kѹлк-*) и т. п. — при в.-луж. *kulka* 'щиколотка', польск. диал. *kulka* 'тазобедренная кость', 'ляжка у животных' (см. Шустер-Шевц Этимол. 1967. 1969, 74); ср. лит. *kulksnīs* 'щиколотка' и др. Если учесть, что и прусск. *kulnīs*, см., лит. *kūlnas*, *kulnīs* и под. восходят к формам, содержащим элемент *-k-*, т. е. к **kulk-n-* (см. BSW 145; LEW 308; Pok. 1, 928, и др.; ср. Specht Ursprg. 207), ср. лтш. *kulcināt* и т. п., то реконструируется бесспорная общая для балт. и слав. форма **kulk-*, которая могла расширяться разными словообразовательными элементами: *-n-*, *-sn-/šn-*, *-š-* (ср. лит. *kūlnas*, прусск. *kulnīs*; лит. *kulksnīs*; *kūlsė*, *kūlsis*, возможно, из **kulkšē*, *-is* — тем более, что известна и реально существующая форма *kulksīs*). Наличие этой реконструированной формы ставит перед исследователями прусск. *culczi* новый выбор: из **kulk-š-* (> **kulš-* > **kuls-* > **kulc-* / **kulš-*) или прямо из **kulk-* или из **kulk-i*? Во всяком случае внимательное отношение к второй возможности в значительной степени предопределяется такими примерами, как русск. *кѹлчѹ* 'хромоногий, колченогий человек', 'кочка', 'низкое заболоченное место с кочками' (ср. *кѹлка*. о роце, леске, болотистом месте, видимо, с кочками, см. СРНГ 14, 136—137, 162—163), *колчѹк*, *колчѹбгий*, *колчанѹгий*, *колчѹбка*, *колчѹнога*, 'хромоная нога', *кѹлчѹть* 'хромать' (ср. *ѹсколкѹ* 'очень быстро, сломя голову (бежать). 12, 217 — при лтш. *kulcināt*, о прихрамывающем, спотыкающемся движении), *колчѹхѹть*; *колч*, 'кочка', 'бугорок', *кѹлчик*, *колѹк*, *колѹчек*, *колѹшка* (то же, что и *колч*, но и 'обрубок дерева', 'кривой, сучковатый обрубок', 'головня', 'хромоный человек на деревянной ноге', 'грязная нога', 'большая глыба грязи'), *колчѹватый*, *кѹлчѹ* 'ухабы', 'комья мерзлой грязи на дороге', 'бугры', *колчѹкѹ*, *колчѹска*, 'кривая палка', 'искривленная нога', 'головешка', *колчѹга* *колчѹженька* и т. п. (14, 202—204), в основе которых лежит именно **кѹлка* / **кѹль*, из более раннего

праслав. **kulča* / **kulči-* < и.-евр. **kulk-ia* / **kulk-ios*, **kulk-is*. Этап **kulča* / **kulči* может оказаться по разным соображениям имеющим прямое отношение к прусск. *culczi* (независимо от его фонетического значения — **kulci* или **kulči*). — Оригинальность балт.-слав. **kulk-* подчеркивается тем, что сама эта форма непервична и представляет собой результат расширения более простого корневого элемента **kel-* : **skel-* 'изгибать', 'искривлять' и т. п. (Pok. 1, 928; к семантике ср. прусск. *greiwakaulin* 'ребро', букв. — 'кривая кость'; между прочим, иногда и в балт. *kaul-* 'кость' склонны видеть тот же корень, что и в **kul-* / *-k-*), отраженного в ряде и.-евр. языков, в частности, и в б.-слав. **kaliō* 'отклоняться' (ср. лит. *at-si-kalti*, *āt-kalas*, а также *klānas*, *klōnis* при слав. **klonъ* : **kloniti* и т. п. BSW 114 и др.). Другие и.-евр. параллели отстоят дальше, фиксируя ту или иную степень отклонения от б.-слав. **kulk-*. Ближе других итальянские факты. Ср. лат. *calx* 'пята', 'пятка'; 'нижняя часть', 'основание', *calco* 'попирать ногой', 'топтать', также о походке, *inculco* 'втапливать', 'вдавливает', ср. *calcar* 'шпора', *calcitrāre* и т. п.; тарент. *καλτιον* 'баширек' (: лат. *calceus* то же) выводят из оск. **calc-tio-*. Примеры с формантом *-k* известны и из герм. языков, где, однако, соответствующий комплекс всегда усложнен *s-mobile*, ср. др.-в.-нем. *scelah* (**skelha*) 'косой', 'кривой', ср.-н.-нем. *schēl*, *scheel* (ср. ср.-в.-нем. *schilhen*), др.-англ. *sceolh*, др.-исл. *skjalgr* (< **skelkó-*) и др. (Altnord. EWb. 495). Другие и.-евр. примеры отстоят еще дальше. Ср. др.-греч. *κέλος* 'бедро', 'голень', 'нога', *κελίς* 'ребро' и т. д., *κελλός* 'кривоногий', *κελίος* 'кривой' и др.; более интересен случай *κῆλλός* 'искривленный', 'хромоный' (ср. *κῆλλο-ποδίον*, о Гефесте), из **κῆλλ-νό-* при *κῆλλον* *σπρεβλόν*, *πλάγιον* (Гесирий) и т. п. К и.-евр. **skelno-* восходит алб. *tshalë* (*çállë*) 'хромоный' (ср. *schállë* 'бедро', при н.-перс. *šal* 'Krüppel', 'Hinkender', арм. *šel* 'косой', *xel* 'искривленный', 'искалеченный'); близкие формы, но без *-no-* отмечены в лат. *scelus*, др.-греч. *κέλος*; ср. также арм. *k'ayl* 'паг' (< **kļi-* или **kļi-*) при *çayl* 'пах' (?) (**skļi-* / **skļi-*), см. Джаукян Очерки 1967, 223; Сравн. грамм. арм. 1982, 72. Слав. **kolěno*, лит. *keljys*, *kelėnas*, слав. **čelnъ* (русск. *член* и т. п.), тох. *A kolye* 'бедро' (Van Windekens KZ 70, 1951, 110; Tokh. confr. 1976, s. v.) и т. п. относятся сюда же, но оказываются лишенными всех характерных черт б.-слав. **kul-k-*. Тем более это можно сказать о некоторых иногда относимых сюда, но остающихся сомнительными формами, как-то др.-инд. *kaṭa-* 'бедро' (< **krtá-* < и.-евр. **(s)kļ-to-*?), хеттск. *kuttar* 'плечо', англ. *shoulder* (< **skuldr-/skurdr-*. Oxf. Dict. Engl. Etym. 823), нем. *Schulter* (др.-в.-нем. *scultra*); румынск. *şold* 'бедро', *şoldi* 'охрометь', *şoldiş* 'ковыляя', 'прихрамывая', обычно выводимые из герм. через слав. посредство (ср. чеш. *šolda*, словц. *šoldra*, польск. *szoldra*), а в последней попытке объясняемые из старогреческого слова, уцелевшего в балканской романской речи (из **sköldh-*, согласно Rădulescu Stud. indoeur. ad dacogom. I, 1976, 117—120). — Ср. ряд топонимических примеров. — лит. *Kūlsėnai*,

Kulšikat, Kūlšiškiai (LATSŽ 145), *Kūlsē, Kūlšiupe* (LUEV 82; Liet. hidr. 45; LHEŽ 171); лтш. *Kulšeni* (LV I, 2, 169); польск. *Kulsze, Kulsen* (Słown. nazw geogr. PZP 152), а также Nom. рг. лит. *Kūlšis, -ys, -ė, -inskis*, ст.-лит. *Kulsinianka, Kulsic* (Liet. antrop. 160). — Лит.: Thes. 1873, 83; APSpr. 365; BSW 145; Reichelt KZ 46, 1914, 328; Эндзелин Сл.-балт. этюды 1911, 33—34 (=Darbu izlase 2, 198—199); ME 2, 308; SPV 199; Specht Urspr. 1947, 207; LEW 308; WP 2, 597—599; Pok. 1, 928; Мажюлис ПИЕЯ 1964, 68; Urbutis Baltist. 5, 1969, 63; Levin BLL 1973, 191; Eckert ZfSl 19, 1974, 223—224; Etim. rječn. hrv. 2, 225; Rădulescu Stud. indoeur. ad dacogom. I, 1976, 120; St. OP 6.901; 6.972; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 15—16. — [**kulsi*; **kulsē*; **kulci* / **kulsi*; **kulči* (?)].

kuliks 'кошелек', 'мешочек'. Э 487 ('Būtel'), ср. Э 486: *Sagis 'Rincke'*, Э 487: *Plauzdine 'Vederbette'*. Nom. Sg. masc. — Возможно, что в рукописи первоначально было не *kuliks*, а **kulikis* (Левин SEEV 1974, 50): во всяком случае *kuliks* — единственный пример, когда сочетание *ks* не передается графемой *x*. — В *kuliks* выделяется суффикс *-ik-*, нередкий в прусском именном словообразовании, в частности, в Эльбингском словаре (ср. *gunsix, instixs, grandico* и т. п.). Тем не менее в словообразовательном отношении существенно отличать диминутивный суф. *-ik-*, как в *kuliks*, от суф. *-ik-* в функции пом. agent. (ср. *schuwikis* и под.), ср. SEEV 51. Эккерт ZfSl. 19, 1974, 233 подметил соответствие прусских имен на *-ik-* и вост.-балт. *i*-основ, не нарушаемое даже в случаях заимствования из слав., как в данном примере (ср. *kuliks*: лит. *kulis, kulišs*, но и *kulikas* при том, что и прусск. и литовск. слова суть заимствования из слав.). см. также St. OP. 6, 977 и еще раньше Вуга Medž. Mytol. 1, 1908, 12, 16 = RR I, 152, 157. Вместе с тем Левин SEEV 50—51 считает, что, если прусск. слово было заимствовано из вост.-слав. **кулькъ*, то оно скорее могло принадлежать к основам на *-o*. — Прусс. *kuliks* согласно признают заимствованием из слав. языков, начиная с Брюкнера Fremd. Wört. 1877, 99 (исключение — Карлович, считавший, что слав. **куль* взято из балт., ср. лит. *kulis*, см. Карский РФВ 49, 20; ЭСР 2, 412; SEP 3, 338—339; ср. теперь Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 14—15). Однако остается не вполне ясной словообразовательная деталь: заимствовано ли было слав. **куль*, распространенное позже прусским суф. *-ik-*, или же слав. **кулькъ*, т. е. снабженное суффиксом слово. В принципе оба варианта возможны. В качестве источника заимствования чаще всего называют белорусские или польские формы. Ср. польск. *kuł, kulek, kulik* (Sł. jęz. polsk. 2, 623—624, 626; Karłowicz Słown. gwar polsk., s. v.), бдр. *куль, кулёк* (Тлум. слоўн. блр. 2, 752, 753) *кўлік* (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 564—566 и др.), русск. *куль, кулёк, кулік* (СРНГ 16, 56, 66, 72—73 и др.); укр. *куль* (Гринченко 2, 328), диал. *кульок* 'спаровані солом'яні кулі, якими вкривають будівлі' (Лисенко Словн. диал. сер.-сх. Пол. 38). Обращает на себя внимание наличие в указанных словах целого ряда связанных друг с дру-

гом значений ('сноп или связка соломы', 'связка', 'мера', 'мешок', 'котомка', 'мотня невода' и т. п.), во-первых, и известная отнесенность значений 'мешок', 'котомка', во-вторых. Говоря об отнесенности этих значений следует иметь в виду ситуацию в говорах, а не в литературном языке (напр., в русск., где основное значение *куль* — 'мешок'), в эпицентре (т. е. там, где представлена наиболее богатая семантическая картина), а не на периферии с ее уравнилельно-опрошающими тенденциями, в архаичном слое, а не в сфере инноваций. Нужно полагать, что этой синхронно выявляемой отнесенности соответствует в диахронии более позднее развитие и распространение данного явления, см. ниже, вторичность его семантической мотивировки. Точно так же, как и прусск. *kuliks*, заимствованием из слав. объясняются лит. *kulikas* 'кошелек', 'маленький мешочек' (ср. *Kulikas piningais kimšte prikimštas*. LKŽ 6, 831), *kulis, kūlis, kulys* 'мешок', 'мошна', 'кошелек' (ср.: *Duonos nebėra mūsų kulyje (maiše)*. Bretk. Bibl. 1 Sam. 9, 7; *Pinigų kulelis*. LKŽ 6, 835—836), *kušė* 'мешочек для табака, для денег' (*Prisikišau tabako čielą kušė*. LKŽ 6, 824), лтш. *kule, kulitiņa* 'ein kleiner Sack', 'eine Tasche' (ср.: *kušė bažams, maisā nelien*), *kulette* (вм. *kulite*), *kultite* и др. (ME 2, 306; EH 670—671; Erg'em. izl. vārdn. 2, 136; Aknīst. izloksn. 174); см. Skardžius LebuW. 115; ME 2, 306; Otrębski Narz. Twer. 3, 27, ср. SEW 1, 642; LEW 306 и др. При анализе этих вост.-балт. слов обычно игнорируется тот факт, что эти слова обладают еще рядом значений. Ср. хотя бы несколько примеров: лит. *kulikas* 'šiaudų kulelis pradėti stogo kraštui dengti' (*Stogas visai nupuvo — jau ir kulikai matyti; Kulikai jau surišti, galim pradėti klot*. LKŽ 6, 830) и т. п.; *kušys, kūlis, kūlys, kulys, žvejų tinklo galas — susiaurėjimas* (*Tinklo kulys pilnas žuvų*); 'мошонка', 'scrotum'; 'javų lapo ar varpos makštis, и т. п. (6, 835—836); *kušė* 'krepšys viduryje bradinio', 'žvejų samtis'; 'scrotum'; 'javų lapo makštis' и др. (6, 824). Другой игнорируемый пункт — известная взаимозаменяемость или, точнее, сосуществование вариантов с кратким и долгим вокализмом корня, ср. выше *kušys: kūlys* и т. п., откуда, видимо, вытекает, что необходим учет и других случаев с корнем *kuš-*, ср. лит. *kūlys* 'связка', 'сноп', лтш. *kūlis* то же (ME 2, 335). Если перечисленные балт. лексемы рассматривать как единые по происхождению или — в синхроническом аспекте — как комплекс взаимосвязанных значений, реализующих некое единое ключевое значение, то общая картина предстанет в существенно ином свете. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что все балт. языки знают слова с корнем *kuš-/kūš-* в указанных значениях, что эти слова представлены разнообразными словообразовательными и морфонологическими типами, что они связаны отношением словопроизводства с глаголами, ср. лит. *kūlti* 'молотить' ('колотить', 'бить'), лтш. *kult*. Напротив, из слав. языков подобные лексемы знают лишь те, которые непосред-

ственно соседят с балт. языками, причем наблюдается закономерность следующего рода: чем теснее и актуальнее это соседство, тем полнее в данных слав. диалектах отражается специфический набор значений балт. слова. Слав. слова типа *куль*, *кулёк* морфологически «мертвы» в отличие от соответствующих балт. параллелей и лишены связей с исходным глаголом, т. е. изолированы даже применительно к элементарному уровню актуального этимологического мотивирования. Наконец, немаловажно, что одно слово рассматриваемого корня, несомненно, является балтизмом в слав. языках, ср. блр. *пáкулле*, *пáкула*, русск. *пáкля*, *пáкула*, укр. *паклі* и т. п. (ср. также нем.-диал. *Pakullas* 'веревка из льняных отходов', идиш (в Литве) *pakales*, *pakeles* 'пакля' при лит. *pākulos*, лтш. *pakulas*, из балт. **pa-kul-*: **kul-tei*, **kal-tei*, см. LEW 211—212, 529), ср. прусско-поморск. *Paculent*. В силу всех этих обстоятельств (а также принимаемая приблизительная семантическую эволюцию: 'вязка (для обмолота)' → 'сноп' → 'сноп-вязка' как единица меры → 'мешок' как перевод в другую единицу измерения (сыпучих тел) или как та же вязка; ср. в связи с прусск. *kuliks* архаичный тип кошель-мешочков, не застегивающихся, но завязывающихся веревочкой или шнурком, стягивающими горловину; тот же принцип реализуется в *куле-бредне*, *куле-капюшоне*, *куле-прическе*, ср. СРНГ 16, 72—73 и др.) приходится признать, что именно балт. слова были источником соответствующих слав., а не наоборот; следовательно, и прусск. *kuliks* было не слав. заимствованием, как полагают обычно (ср. Milewski Sl. Осс. 18, 1947, 33; SEEV 1974, 50—51, 88, 96: заимствование из вост.-слав. через литовск. посредство не позднее XII в.), а скорее всего исконным балт. словом, возможным источником польск. *kulek*, *kulik*, *kul* (правда, учитывая восточно-польскую ориентацию этих слов [«na połaci wschodniej, z rus. (na Rusi tylko 'wógr')»]. SEJP 280—281], допустимо думать и об ином источнике польских слов, ср. SEP 3, 338—339: из русск., с допущением, что польск. *kul* 'сеть с мотней' — из литовск.). Существенны соображения о соотношении балт. и слав. слов этого корня, высказанные Лаучюте: «Наконец, существует еще одна точка зрения, согласно которой слав. слова со значением 'сноп', 'вязка' тоже заимствованы из балт. языков... К сожалению, авторы никак не обосновывают своих предположений о заимствованном — балтийском — характере исследуемых слов. Это предположение не лишено серьезного основания. Во-первых, слав. слова не имеют собственно слав. этимологии, а наиболее правдоподобная этимология базируется на данных лит. языка (ср. лит. *kūlti* 'молотить'). Во-вторых, ареал слав. слов является специфичным для заимствований из балт. языков; особенно показателен ареал частного значения 'сноп вымолоченной соломы, используемой для покрытия кровли', который соприкасается с ареалом балт. языков. На территории балт. языков это значение засвидетельствовано повсеместно. Наконец, лит. глагол *kūlti* с большим успехом может быть использован при восстановлении

литовской же (а не только слав.) словообразовательной модели; ср. лит. *kūlti* 'молотить' — *kūlé* 'молотьяба' — *kūlys* 'сноп вымолоченных хлебов — сноп соломы'. Вряд ли эта последовательная семантическая и словообразовательная связь является случайной. Соответствующая словообразовательная модель вообще весьма показательна для лит. языка, напр., *kąsti* 'кусать' — *kandà* 'кусание' — *kañdis* 'укус' и др. Правильность предлагаемой этимологии слав. слов (заимствование из балт. языков), как нам кажется, может быть подтверждена полесским словом *кулісок*, в котором сохранились типичная балт. флексия *-ic-* и место ударения исходной формы заимствования» (Слов. балтизм. 1982, 14—15; кроме полесск., ср. также могил. *куліса* 'просека в лесу'. См. Краёвы слоўн. усходн. Магіл. 237; Белар. геагр. назвы 100). В этой новой картине особое место приобретают слав. факты, поскольку теперь они трактуются не как самостоятельные отражения исходной праслав. лексемы, а как балтизмы, проникшие на соседнюю слав. территорию. Наиболее старые примеры относятся к XVI в. Ср. в языке западнорусских актов: *привелся передъ мене . . . Ивашко . . . съ кулемъ*, 1540 (Акты Виленск. Комисс. XVII, 219); *за куль овса пять грошей*, 1559 (Акты Зап. Росс. III, 107); *с каждое волоки . . . куль соломы*, 1568, ср. также: *Podle wrot domek nowy kulekamikryty albo snorkami . . .*, 1618; *Staynia . . . kulikami kryta . . .*, 1758; ср. *кулеве*. См. Jablonskis Liet. žodžiai 273—275; Карский Белорусы 1, 1904, 134; Булыка Даўн. запазыч. блр. 180; Лаучюте Слов. балтизм. 14—15. В последней книге собраны и слав. диалектные данные: блр. *куль* 'пук соломы'; мотня (рыбол.); 'большой сноп обмолоченной соломы, применяемый как кровельный материал' — полесск., волк., ворон., гродн., вост.-могил., парицк.; 'большой сноп льна, связанный после вылеживания' — ворон., новогр., росоц.; 'охапка сухого льна, вынесенная за один раз из еви для обработки' — новогр.; *кулісок* 'сноп, обмолоченный не до конца' — дрогич.; польск. *kul* 'сноп соломы, сена, льна, конопли' — август., вост.-прусс. Литва, любл., тыкоцк. (Słown. gwar polsk., s. v.), белост., сейн.; 'полотнище из соломы, служащее для покрытия крыши' — август., белост., ломж., сейнск., хелм., польск.-лит. пограничье около Нарева; 'мера объема' (устар.); *ku'le*, *ku'lis*, *kule*, *ku'ialis* 'сноп' — польск.-лит. пограничье (Zdancewicz LPosn. 8, 1960, 343, ср. также Zinkevičius Baltist. 11, 1975, 149); русск. *куль* 'пук', 'вязанка соломы' — зап.; 'вязанка снопов, соломы, сена, льна' — исковск.; 'большая связка соломы для кровли' — Латвия, Литва, Эстония; 'вязанка соломы' — смол.; 'сноп камыша' — красnod. — все к лит. *kūlys*, лтш. *kūlis*. — Не исключена для прусск. реконструкция **kulis* (: *kulikis*. Dimin.), которое, возможно, обозначало 'сноп соломы', 'вязанку', 'мешок' и т. п., если следовать семантическим нормам слова этого корня в рассматриваемом ареале. — Если *kuliks* и его вост.-балт. соответствия принадлежат к исконной, незаимствованной части словаря, то, помимо уже указанной связи с лит. *kūlti*

(: *kálti*), лтш. *kult* (: *kalt*) и, разумеется, с прусскими словами того же корня, но с иным вокализмом *calte*, *preicalis*, *kalopeilis*, см. также слав. **kolti* (ст.-сл. *клати*, *комж*, русск. *колбть*, польск. *kłuc* и т. п.); лат. *percellō* (*per-culi*) 'повергнуть наземь', 'опрокинуть', 'толкнуть', прл. *cellach* 'война', м. б., др.-греч. *κελεῖς ἄξινη* (Гесихий) и т. п. Покорный 1, 553, однако, предпочитает возводить прусск. *kuliks* и вост.-балт. соответствия к заимствованию из слав. **kulь* и под., а последнее объяснять заимствованием из лат. *culleus* 'кожаный мешок', «чему не вполне соответствует геогр. распространение этого слова» (ЭСР 2, 412). Хотя само *culleus* для Покорного неясно, он рассматривает его в ряду разных отражений и.-евр. **k'el-* 4 'скрывать', 'прятать'. Как показано выше, балтийские (а, следовательно, и славянские) слова сюда не относятся.

— Лит.: Thes. 1873, 83; APSpr. 365; Buga RR I, 152, 157; SPV 199; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 33; Pok. 1, 553; Eckert ZfSl. 19, 1974, 233; SEEV 50—51, 88, 96; St. OP 6.977. — [**kuliks*; **kulik(i)s*].

{**kuling* (??)} — На основании кашуб. *kuling* 'чайка' (ср. польск. *kulig* 'чайка', лит. *kūlinga*, птица, питающаяся рыбой) Буга РФВ 71, 1914, 51 = RR I, 442 высказал предположение о возможном прусском источнике этой лексемы. Ср. также Labuda Słow. w dziejach Eur. 1974, 76—77 (со ссылкой, в частности, на мнение Ключковского RSlaw. 5, 224 о возможном вост.-европ. посредничестве).

kulnis 'лодыжка', 'щиколотка'. Э 143 ('Enkel'), ср. Э 142: *Уссрой*. 'Wade', Э 144: *Knnchel* 'Gelenke' (здесь важно не то, как объяснить *Knnchel*, а его значение), Э 145: *Nage* 'Vues', Э 146: *Pamatis* 'Vūssale', Э 147: *Pentis* 'Verse' и т. п. Nom. Sg. fem. (см. APSpr. 365). — Видимо, относятся к основам на *-i* (Eckert ZfSl. 19, 1974, 223; St. OP. 6. 971). — Ближайшие параллели в вост.-балт. Ср. лит. *kulnis* 'пятка', 'каблук' и т. п. (ср. уже у Ширвидаса *kulnis*. Dict. 4-ое изд., 87 — при *kułnas* — *Kostka* (*poği część*) *Talus* и *Kut/kość* w *nodze* *bydłat*. *Talus*. Dict. 3-ье изд. 124, 144; ср. еще *Plakdamas* *arkli basomis kulnimis*, *jojo vienplaukis* *pauglys*; *Tas turėjosi ranka savo kulni Esau*. *Bretk. Bibl.* 1. *Moz.* 25, 26; *Tu jos kulni ingelsi*. *Ibid.* 3, 15; *Į kulnis*. *arklio kliuvo ir pradėjo bėgti dideliai* и т. п. LKŽ 6, 845), *kułnas*, (*Kulno kaulas*, arba *kulnikaulis*; *Atsiklaupė ant vieno kulno* и др. 6, 843—844), *kułnė* ([*Velnio*] *kojų smailios kulnės* — *ne taip, kaip žmogaus*. 6, 844), ср. также *kułnėti*, *kułnioti*, *kułniuoti* и т. п. (ср. алб. *škel* 'trette' *šk'el'm* 'Tritt' < *š- & *kel-/*kol-, где š- из и.-евр. **sem-/*sm-*, см. Jokl Stud. zur alban. Etym. 1911, 79); лтш. *kułna*, *kułne* (Rucava) 'die Hacke', 'Ferse' (ME 2, 307); из литовск. слово попало в идиш, ср. *kúlne* 'пятка' (быстро бегущему человеку говорят в шутку: *štej! di kúlne iz fun hintn* 'остановись! пятка уже позади', см. Lemchenas Liet. itaka žydų tarm. 1970, 95; ср. также идиш *kúlnekaker*, по образцу лит. *apriestakulnis* 'обосранец',

'засеря'). Нужно полагать, что все эти балт. формы восходят к **kulk-n-* (скорее всего — **kulk-n-is*), что отчасти могло бы получить косвенную поддержку со стороны таких слов, как лит. *kulkšnīs* 'лодыжка', 'щиколотка', 'бабка', *kulkšnīs*, *kulkšnas*, *kulkšnė*, *kulkšna* и т. п. и лтш. *kulksnis*, *kulksna*, *kułkšna*. Из других и.-евр. параллелей наиболее близки те, которые содержат в инлауте *-k-*: слав. **kьlk-/*kьлка* (примеры подробно перечислены выше, см. *culczi*), лат. *calx*, герм. **skelko-* (др.-нсл. *skjalgr* и др.). — Ср. топонимы типа лит. *Kulniai*, *Kulniškė*, *Kulniškiai*, *Kulnistai* (LATSŽ 145); *Kulnupis*, *Kulnupys*, *Kulnežeris*, *Kuln-a-balė*, *Kuln-a-pievė*, *Kuln-ia-valkis*; *Kulnikas*, *Kulnys* (LUEV 82; Liet. hidr. 235, 237, 238; LHEŽ 170)

— Лит.: Thes. 1873, 83; APSpr. 365; BSW 145; LEW 308; Karaliūnas LKK 10, 1968, 77; Eckert ZfSl. 19, 1974, 223; St. OP 6. 971. — [**kulnis*].

{**kulp-in-*}, реконструируется на основании написания *Culpin*, которым обозначалось одно из поселений, завещанных учредителем по имени Johann von Russentschin монастырю Marienparadies в Картузах (ныне — *Kelpin*). См. Brauer Pruß. Siedl. 1980, 55, с отсылкой к *Sculpin*, *Sculpayn* (APON 164) и итоговым заключением «Immerhin bleibt der Hinweis auf *Sculpin* unbefriedigend». — Более точными параллелями следует считать лтш. *Nom. pr. Hans Kulpe*, 1524; *Andres Kulpe*, 1565 (LPV 198), а также топонимы лит. *Kulpiriai*, (LATSŽ 145); *Kūlpė*, *Kulpis* (LUEV 82; LHEŽ 171: не вполне ясно; м. б., связано с лит. *kułpėti*, *kułpinti*, *kułpyti* 'гнать', 'бить', LKŽ 6, 847; но допускается и другой круг связей — с продолжениями слав. **kьlp-* 'лебедь'); лтш. *Kulpe*, *Kulpis*, *Kulpji*, *Kulpes*, *Kulpiši*; *Kulpa-kalns*, *Kulpju-muiža*, *Kulp-pļava*, *Kulpines-ezers*; *Kulpas-dangu-purvs*, *Kulps-danga* (LV I, 2, 169). — Ср. днепр. *Колпима* (Лави 191) и польск. *Kołpino*, jez. (HW 387), *Kołpin* (Słown. nazw geogr. PZP 134) и др.

{**kulv-*}, ср. *Culwen*, 1308 (APON 75). — По Герулису, к лит. *Kulvā*, лтш. *Kulve* (выдвигается вопрос о возможной принадлежности сюда *Nom. pr.* прусск. *Culowe*). — Ср. также лит. *Kulveliai* (LATSŽ 146); *Kulvé* (LUEV 83; Liet. hidr. 214; LHEŽ 171); *Кульвенское поле* (Спрогис Геогр. слов., s. v.); лтш. *Kulveni*, *Kulvenes*, *Kulves-muiža*, нем. *Kulwen* (LV I, 2, 169); куршск. *Kulwenn*, 1461 (UB I, 12, 34). KF 115. — См. {**kulv-ein-*}, {**kulv-el-in-* (??)}.

{**kulv-ein-*}, ср. *Kulwein*, 1507; *Kubeinen* (!), 1508 (APON 75). — К *Culwen* и суф. *-ein-*. — См. {**kulv-*}.

{**kulv-el-in-* (??)}, ср. *Cullebelyn*, 1419 (APON 75: с предложением чтения **Cullwelyn*?). — Неясно. См. {**kulv-*}, {**kulv-ein-*}; к суф. *-el-* ср. лит. *Kulveliai* (LATSŽ 146).

{**kum-*}, ср. *Kume*, 1326, лес на натагско-бартской границе (APON 76). — См. также {**kum-ain-*}. — Из параллелей ср. лит.

Kumē (LUEV 83; Liet. hidr. 201; LHEŽ 171); лтш. *Kuma*, рл.; *Kumes* upite; *Kuñ-viēta* (LV I, 2, 170—172). Возможно, сюда относятся и некоторые другие примеры — как топонимические (ср. лит. *Kumakalnis*), так и апеллятивные (ср. лит. *kūm-a-ragis* и под.). Отмечая, что лтш. названия связывают с лтш. *kumis*, *kumbis* 'живо-рыбный садок' (ср. лтш. Nom. рг. *Hansz Kumysz* LPV 198), являющимися заимствованиями (ср. эст. *kumm* < ср.-н.-нем. *kumme*, ср. *Fischkumme*), Ванагас не решается сделать определенные заключения относительно лит. *Kumē* в этом контексте. Более вероятной представляется ему связь с лит. *kūm-a-ragis*, 'особый крюк при стремянке для лазания по деревьям', *kuñtelėti*, *kuñterėti* 'наклониться', 'согнуться', *kuñbti*, *kuñpti* 'изгибаться', 'кривиться' (соотв. — лтш. *kūmt*, ср. лит. (*apsi*)*kumioti*). — Возможно, видимо, некоторое расширение прусских примеров за счет *Kumkiejmy* (*Kumkeim*), *Małe Przednie* в Ольштынском воевод., м. б., *Kumki* (Słown. nazw geogr. PZP 153), ср. *Kumki* (HW 658). В качестве дальнего резерва ср. польск. Nom. рг. типа *Kuma*, 1498 (?), *Kumin*, *Kumiński*, 1498, *Kumka* (?), 1470 и др. (Słown. starop. nazw III, 1, 194), хотя, очевидно, возможны и иные объяснения; ср. блр. *Кумейка*, *Кумейша* (?) (Белар. антрап. 2, 230).

{*kum-ain-}, ср. *Cumayn*, 1312; *Cumeyn*, 1358; *Cumaynen*, 1423, позже — *Komainen*; *Komayn*, 1384; *Samaynn*, 1411, позже — *Cumehnen* (APON 76). — Герулис указывает, что, хотя около *Cumehnen* есть «Hummelberg», думать о связи с прусск. *camus* 'Hummel' нельзя, так как в основе лежит **Cumayn*. — Прусский материал может быть пополнен мазур. *Kumajński Bór* (*Komainer Forst*), лес к западу от деревни *Kumajny* (Słown. nazw Mazur. II, 75); *Kumajny*, *Komainen* (Słown. nazw geogr. PZP 152). — См: {*kum-}. — Ср. лит. *Kumėnai*.

{*kum-at- (?)}, с некоторым вероятием восстанавливается по польск. Nom. рг. *Kumatycz* (?), *Kumatyczski*, *Kumatyc(s)ki*, *Kujmatyc(s)ki*, но и *Komatyczski*, *Komatyc(s)ki* в документах XV в. (Słown. starop. nazw III, 1, 193—194), см. {*kom-at-} как засвидетельствованный ятвяжский элемент. Эта реконструкция, видимо, отчасти подкрепляется другой близкой — {*kum-et-}, см., имеющей надежные вост.-балт. параллели.

{*kumdris- (?)}, ср. Nom. рг. *Cumdris*, 1287 (APN 49). — Неясное имя, скорее всего испорченное: **Kum-* & **drus*, ср. *Kudrus*; **Kumd-(*Kund-)-ir-*, ср. *Kudir*, или что-нибудь иное?

{*kum-ein- (?)}, см. {*kum-ain-}; {*kum-}.

{*kumel-}, восстанавливается на основании ряда топонимических примеров прусского и ятвяжского происхождения, отмеченных на территории сев. и сев.-вост. Польши. Прежде всего речь идет о двух речках, протекающих через Эльбленг. Сразу после 2-й мировой войны «Komisja Ustalania nazw Miejscowuch» установила, что за старым немецким названием *Hommel* скрывается более старое обозначение *Kumiela*, в 1958 г. было установлено и другое назва-

ние — *Kumielka* (Monitor Polski № 90, позиц. 502), см. Brocki Roczn. Gdański 23, 1964, 218—220 (здесь же о некоторых ошибках в локализации и отождествлениях: в частности, *Wilde Hommel* относилось не к притоку Кумели, а к одному из ее ответвлений, ниже соответствующего пруда, где в настоящее время находится бассейн). Сюда же следует отнести мазур. *Kumielskie Jezioro*, ок. дер. *Kumielsko*, носившее в своей истории и другие названия этого типа: *Kunielskie Jez.*, *Kumilsko See* (*Morgen See*, 1938) и показательные старые формы *Konelichten*, *Komelisch sehe*, 1424 (см. R. Seefeld-Elverfeldt. Der Verlauf der Besiedlung des ostpreußischen Amtes Johannisburg bis 1818. — Altpr. Forsch. 11, 1934, 42 и сл.), см. Słown. nazw Mazur. II, 285); ср. висл. *Kumiatka*, *Kumiatki* (дважды); *Kumielskie Jez.*, *Kumielsko See*, всё в басс. Нарева (HW 435, 516, ср. Stud. ling. 1966, 292—293); *Kumiela* (*Hommel*), *Kumielsk* (*Kumilsko*), Słown. nazw geogr. PZP 153 (о них см. выше). Важные данные относятся к белостоцкой территории: *Kumelsk*, *Cumelsko*, ср.: circa *kumelsko*, 1422; circa granities *Cumelsko*, 1426; circa hereditatem *Kumelsko*, 1428; существенно и Nom. рг. польск. *Nobilis Johannes Cumyelski*, 1472; м. б., также *Kumalya*, 1499 (= *Kumala*), *Kumalka*, 1492 (Słown. starop. nazw III, 1, 193, 194; Halicka Nazwy Ział. 1978, 43). Ср. также данные, собранные Zierhoffer Nazwy Północn. Maz. 235; 84 (к *Kumelsko* как якобы единственному пруссизму м. Wiśniewski Onom. 9 (= V, 2), 1959, 518. — Эти названия дают основание говорить о возможности реконструкции прусско-ятвяжского апеллятива **kumel-*, сопоставимого с лит. *kumėlė* 'кобыла' (о его распространении см. Liet. k atlas. 1, 146—148), *kumelỹs* 'жеребец', ср. лтш. *kumele*, *kumėļš*, *kumėlis* (ME 2, s. v.); слово попало и в идиш, ср. *kumelūk* (лит. *kumeliukas*), см. Liet. įtaka žydų tarm. 95; о дальнейших параллелях см. LEW 309. — Топонимы с этим корнем известны и в вост.-балт. Ср. лит. *Kumelỹnė*, *Kumeliõnys*, *Kumėlbaliai* (LATSŽ 146); *Kumelupis*, *Kumeliupis*, *Kumėlduobė*, *Kumėlpulis* (< **Kumel-upalis*), см. LUEV 83; Liet. hidr. 145, 228, 229, 231; LHEŽ 171); *Kumėlbala*, *Kumėlkalnis*, *Kumėl-purvis*, *Kumėlkakte*, *Kumėlninkas*; лтш. *Kumeli*, *Kumelaita*, *Kumelnīca*, *Kumelņīca* рл., *Kumelnieki*; *Kumeļa-danga*, *Kumeļa-dīķis*, *Kumeļa-gabals*, *Kumeļa-kakts*, *Kumeļa-kalni* рл., *Kumeļa-kalniņš*, *Kumeļa-kalns*, *Kumeļa-kāja* рл., *Kumeļa-līcis* рл., *Kumeļa-likums* рл., *Kumeļa-purvs*, *Kumeļa-sala*, *Kumeļa-straūts* рл., *Kumeļa-tīrums*; *Kumeļu-apluoks*, *Kumeļu-bala*, *Kumeļu-dziļums*, *Kumeļu-kakts*, *Kumeļu-kalns*, *Kumeļu-krūmi*, *Kumeļu-laņķa* рл., *Kumeļu-lāma* рл., *Kumeļu-līcis* рл., *Kumeļu-pakalne*, *Kumeļu-pēda* рл., *Kumeļu-pļava*, *Kumeļu-purvs*; *Kumeļ-apluoks*, *Kumeļ-aste* рл., *Kumeļ-bīrze*, *Kumeļ-duobe* рл., *Kumeļ-kakts* рл., *Kumeļ-kalns*, *Kumeļ-kārklī*, *Kumeļ-kruogs*, *Kumeļ-leja*, *Kumeļ-mežs* рл., *Kumeļ-mīna* рл., *Kumeļ-pēda* рл., *Kumeļ-pļava*, *Kumeļ-pļaveņa*, *Kumeļ-purvs*, *Kumeļ-sala*, *Kumeļ-upes*; *Kumelenes-aste* и т. п. (LV I, 2, 170—171). Ср. также Nom. рг. лит. *Kumelỹs*, *-ėnas*, *-iāuskas*, ст.-лит. *Kumilyß*, *Kumiela* (Gen. Sg.), *Cumielisa* (Gen. Sg.); *Ku-*

melewicz, Kumielewicz, Komelewicz, Komelowicz, Kumlewicz, Komlewicz, Kumlowicz, Kamlewicz; Kumelowa, Kumielowna, Kumelowna, Kumlowa, Komlowa, -owna, -owna, -ewiczowa, Komlonowicz (Liet. antrop. 160). Та же лексема отражена в ряде балтизмов в белорусской топонимии, ср. *Кумеланы, Кумілішки; Кумельщина (Кумяльщина), Кумелина* (Мікратап. Белар. 131, Слоўн. назв. Мінск. 446; Кратк. топон. слов. Белор. 189). — См. Rózwadowski RSL. 5, 1912, 18; Būga RR III, 536; Rospond Słow. nazwy -sk-. 1969, 162; LHEŽ 171.

{*kum-et- (?)}, с известным вероятием восстанавливается по мазурским названиям типа *Kumiecki Chojniak, Gross Kummetscher*, лес на зап. от дер. *Kumiecie Wielkie; Kumieckie Góry, Kummetscher Berge* (Słown. nazw Mazur. II, 43, 44); ср. также *Kumiecie, Kumiecie Mate (Klein Kummetschen)*. Słown. nazw. geogr. PZP 152, подкрепленным отчасти фактами вост.-балт. топонимии. Ср. лит. *Kūmečiai*, восьмикратно (LATSŽ 146); *Kūmečių ēžeras* (LUEV 83; Liet. hidr. 270; LHEŽ 171). — См. {*kum-at-}, {*kom-at-}, {*kum-}. — Вместе с тем не менее вероятна связь с прусск. *kumetis*, см.

kumetis 'крестьянин'. Э 409 ('Gebuer') Nom. Sg. masc. — В данном случае Gebuer обозначает то же, что и нем. *Bauer* (см. Grimm DWb. IV, 1, 1657—1658); ср. *gebuwer* (Marienb. Tresslerb.). — Предлагаемое Милевским (Sl. Occ. 18, 1947, 34) значение *kumetis* — 'chłop', но и 'zagrodnik', т. е. однодворец, малоземельный крестьянин, — следует признать излишне близким к интерпретации; вообще говоря, нужно помнить, что слово *kumetis* вовсе не исчерпывает обозначения всех тех, кто занимается крестьянско-земледельческим трудом (так, «Помезанская Правда» четко различает огородника и крестьянина, даже если они выступают как единый, по сути дела, объект права; ср. статью 74: *Ab ein Gert hner oder Pawer verbögnet von eygenem fewer . . . da sal man um holtz zu gebenn; огородник выступает как крестьянин, лишившийся общины и вынужденный стать издольщиком, ср. статью 112; сам огород — Garten — противопоставляется наследственному владению — Erbe; он предоставлялся в пользование на условиях издольной ритуальной ренты). — Слово *kumetis* завершает исключительно показательный фрагмент терминов социальной иерархии в прусском обществе. Ср. — Э 404: *Rikis* 'Herre', Э 405: *Konagis* 'König', Э 406: *Waldwico* 'Ritter', Э 407: *Laukinikis* 'Leman', Э 408: *Tallokinikis* 'Vgier' и, наконец, Э 409: *Kumetis* 'Gebuer'. Есть документ, существенно конкретизирующий эту иерархию и, главное, уточняющий положение прусского крестьянина, правда, уже в Орденское время, — «Помезанская Правда» (прусское право было кодифицировано еще до середины XIV в.). Тем не менее, она в большей или меньшей степени отражает как некоторые консервативные социальные структуры (в частности, устойчивость крестьянской общины и общинного права, проявившуюся и в известном умении аккомодироваться в условиях*

орденских порядков), так и развивающийся процесс феодализации, начавшийся еще до орденской экспансии и приобретший новые стимулы и формы в изменившихся условиях. Во всяком случае для XIII—XIV вв. восстанавливается смешанная картина. «Правда» регулирует жизнь лично свободных людей, к которым относились и крестьяне, организованные в общины, и не крестьяне, но вместе с тем она признает и несвободных крестьян, руководствующихся «крестьянским правом»: В этом отношении особенно показательна статья 17 «Von verzogenes rechte», в которой трактуется один из случаев потери личной свободы и последующих попыток оспорить принадлежность к этому новому состоянию. Ср.: *Were ein man frey vnd hette kinder vnd gebe sich in gebawer recht, wolden die kinder hernach das widderreden, es hilfft nicht, sie müssen in gebawers recht gerichtet werden.* Но, разумеется, само это «крестьянское право» только названо, но не раскрыто в «Помезанской Правде». Существенно, что оно отличается от правовых норм, определяющих жизнь свободного помезанского крестьянина, который также может терять свою свободу. Видимо, этот казус был достаточно актуальным, если судить об этом по статье 22 — «Von wunden und freiheit. . .»: *. . . Ist das ein freyer vergarmet, das er gewynnet gut als gebawer, man richtet yn als einen Freien, es wer denn, das er sich dazu gebe mit willen, ab ers verdienet, das er seinen hals lösete als ein ander gebawer, so verleiust er seine freiheit.* Недавний исследователь вопроса, признавая эту статью не совсем ясной, считает все же возможным заключить, что в «обществе имелись и свободные и обедневшие свободные, ставшие крестьянами; закон ограждает свободу тех, которые условиями жизни (бедностью) поставлены в необходимость крестьянствовать; с другой стороны, «добровольно» принятое крестьянское право предполагает несвободу» (Пашуто Помезания 44). Вместе с тем на основании «Помезанской Правды» можно судить и о ряде промежуточных случаев, когда некоторые льготы крестьянам в определенных ситуациях сохранялись или во всяком случае зависели от усмотрения местных властей (ср. статью 25 «von Witwen»: ссылка помезан на время, когда фон Альденбург был магистром [Дитрих, бургграф альтенбургский, с 1335 г. по 1341 г.] и разрешил вдовам быть свободными без повинностей [*frey zu sein ane dienst*] три года после смерти мужа). Тем не менее основной смысл социальных процессов в этот период в Помезании, как, видимо, и в ряде других прусских земель, состоит в резкой имущественной дифференциации населения: накопление собственности у одних, обнищание и закабаление у других, чему, между прочим, служили такие средства, как заклад (ср. §6 Von pfande) и залог (о нем можно судить по статьям 82 и 87). В известной степени правовая сторона жизни прусских крестьян обладала некоторым престижем и в других землях, где утвердилась власть Ордена. Так, жемайтская знать просила орденские власти установить в Жемайтии то же состояние, что и у прус-

сов: чтобы магистр «*baieren liesse baioren bleiben, die freien frei und die gebuwer gebuwer*». В результате магистр «*gar des den landen allen einen brieff und gar in sulch recht als die Prussen in unsern landen haben*» (Cod. epist. Vit. 78 /1401 г./), что расценивалось как отдача «*gemeine luthen und gebuwer . . . zum dinsten . . . eldesten baioren und gutten luthen*» (Ibid. 411). Следует напомнить, что социальная структура жемайтского общества в XIV—XV вв. различала бояр (*baioren*), лично свободных (*freie*) и зависимых крестьян (*gebuwer*), причем термином «*gemeine luthen*» орденовские источники обозначали лично свободных, а зависимых крестьян (*gebuwer*) — терминами, отсылавшими к двум категориям, «*eigene*» и «*szinshafte*». К положению крестьянства в Пруссии (Литовской) в более позднее время см. Prūs. Valdž Grom. 1960. О статусе крестьянина и его быте в прусских землях до Ордена и отчасти при Ордена, а также в смежных областях см. Ewald Erober. Preuß. I—IV, 1872—1886; Łowmiański Stud. pocz. lit. I—II, 1931—1932; Prusy pog. 1935; Anc. Pruss. 1936; Przegł. Hist. 45, 1954, 345—346; Fischer EDP 1937; Pakarklis Kryž. valst. bruož. 1948; Перцев Учен. Зап. Белор. Ун-та 1951, 99—123; Истор. журн. 1944, № 4, 44—52; Hubatsch Deutsch. Order 1952; Папуто Помезания 1955 и др. — Прусс. *kumetis* в значении 'крестьянин' отлично как от лит. *valstiētis*, так и от лтш. *zemnieks*, но в отличие от вост.-балт. обозначений, которые являются исконными элементами балт. словаря, прусск. слово является заимствованием из слав. (ср. уже Pott BVS 6, 1868, 114). Как в отношении времени, так и в отношении более конкретного источника заимствования существуют разные точки зрения, причем последнее в известном смысле является определяющим. Если *kumetis* было заимствовано из польск. или, как иногда предпочитают говорить, сев.-славянск., то этот факт мог иметь место в конце I тысячел. н. э., по Милевскому Sl. Осс. 18, 1947, 43, 54, в IX в. (во всяком случае *kumetis* должно было бы трактоваться как слово из древнейшего пласта заимствований). Но существует и другое мнение, согласно которому слово могло проникнуть в прусск. через литовский, куда оно попало из вост.-слав., в XII в. (Levin SEEV 1974, 88). К числу важных черт прусского слова следует отнести его принадлежность к склонению на *-iō* (как и в случае другого заимствования — *cuylis*), подтверждаемую и литовским материалом, а также значение слова ('крестьянин'), о котором см. выше. Дело в том, что лит. *kūmetis*, *kumetys* обозначает батрака или огородника, т. е. тех, кто заведомо не обозначался словом *kumetis* в прусском (см. LKŽ 6, 873: 1. 'dvarininko ar buožės samdomas valstietis, dirbantis už būta ir atlyginimą natūra', 2. 'daržininkas', 'sklypininkas'; ср.: Žiūri, kaip urėdas dalija kumetis margius piauti; Kūmetis tur davō i dvarą eiti 4 dienas; Kūmetis yra bernas dvariškis, kurio pati tur stubą skyriū; Dvaro kūmetis ai su saule kelia и т. п.), ср. также *kūmetininkas*; *kumetynas*, *kumetynė*, *kumetiškė*, *kūmetbutis*; *kumetinis*; *kūmetienė*; *kūmetavimas*, *kūmetauti* (о заимствовании из

слав. см. Brückner Fremd. Wört. 1877, 99; AfslPh 20, 1898, 485—486; SEJP 239; Буга ИОРЯС 17, 1912, 2=RR I, 340; ZfslPh 1, 1924, 39—40=RR III, 762—763; Skardžius Lehn W. 1931, 115; LEW 309); из лит. *kūmetis* > идиш *kūmetis*. Liet. įtaka žydų tarm. 95, но и русск. диал. *кумети* 'батраки у помещика' в старожильческих говорах Литвы, см. Лаучюте Слов. балтизм. 116). Левин SEEV 66 усматривает, видимо, противоречие между двумя фактами или соответствующими утверждениями — ранней (до падения еров) датой «снижения» значения в этом слове, по крайней мере, в лехитском ареале и более архаичным «высоким» значением этого слова в слав. языках, заимствованного из лат. *comes* 'спутник', 'товарищ' и т. п. («низкие» значения возникли позже). По его мнению, «the only alternative to this hypothetical early shift in Lekhitic is the assumption that the word underwent a parallel semantic shift in Pomesanian owing perhaps to parallel extralinguistic factors». Действительно, разные слав. языки фиксируют довольно пестрый спектр значений слав. **къметь*, причем, вообще говоря, не вполне ясно, являются ли эти различные значения результатом внутреннего развития в слав. языках или же в какой-то степени отражают дифференциацию значений в слове — источнике и связанных с ним лексемах (в частности, ср. лат. *comites*, Pl. от *comes* 'свита', 'двор', 'эскорт'; 'высший сановник' [ср. в дальнейшем франц. *comte* 'граф', англ. *count* и т. п.], с одной стороны, и лат. *comitium*, *comitiātus* 'народное собрание', с другой). Ср. ст.-польск. *kmieć*, определяемое как 'chłop, poddany we włościach szlacheckich lub duchownych, posiadacz gospodarstwa rolnego' (Słown. staropolsk. III, 4 (17), 300—303); к 'высокому' статусу ср. *kmietones regni* или известную фразу из дополнения к «Богородице» (XIV в.): Adame, tho bozi k m e s z w, thi syedzysz w boga wecz w; позже слово стало обозначать сельского старшину, солтыса и, наконец, крестьянина, селянина, земледельца. Ср. слов.-поморск. *kmec* 'крестьянин' (Kašėbskī kmec. Rom. Wb. 1, 360); в.-луж. *kmjeć* 'vognehmer Bauer', 'Hauptling', чеш. *kmec* 'крестьянин', 'член сельского суда'; 'старик', словц. *kmec*; блг. *кмет* 'староста сельской или городской общины' (ср. также *мет*, *киметь*, *кумет*, *кметь* /XVII в./), макед. *кмет* 'глава сельской общины', с.-хорв. *кмет* 'уважаемый всеми поселеннин' (Сербия) 'народный судья' (Черногория), 'крестьянин арендатор' (Босния) и т. п. при ст.-сербск. *къметь* 'дворянин', 'вассал', словен. *kmec* 'крестьянин', 'селянин'; др.-русс. *къметь*, *кметь* 'воин', 'витязь', 'дружинник', русск. *кметь* 'знатный человек', 'вольный сельский житель', 'воин', 'дружинник', диал. *кметь* 'парень', 'крестьянин', 'земский воин', 'ратник' (СРНГ 13, 342), блр. *кмець*, *кмет* (историч.; см. Булыка Даўн. запазыч. блр. 1972, 157; из польск. *kmieć*; ср. *к м е т и* изъ одного села до другого села не могут безъ воли пана своего ити. Вислицк. статут, 12), укр. *кмить* 'вольный, зажиточный крестьянин' (см. SEW 1, 661—662; SEJP 239; ЭСР 2, 261; SEP 2, 280; Etim. rječn. hrv. 2, 107—108; Et. slovn. j. česk. 261—262; Българ. етим. речн. 2, 494 и специально Karzniewicz

Über *kmet* 1895 и др.); из слав. языков слово проникло в ряд соседних (ср. румынск. *simăt, simet*, осет. *ximoetæg* 'простой', т. е. 'пезнатный', см. Абаев Осет. яз. и фолькл. I, 1949, 333—334; Скифевроп. изогл. 1965, 21 и др.). Несмотря на обилие отражений слова в слав. языках и несомненную (хотя в деталях не до конца ясную) связь с лат. *comes* остается немало сложностей в деталях как фонетического, так и семантического развития. Обычные объяснения эволюции значений в сторону «ухудшения» последовательным переносом схемы подданнических отношений «вниз» социальной иерархии (вассал → вассал вассала и т. д.) выглядят недостаточными, в частности, потому, что во многих случаях в слав. словах этого корня актуальным является не мотив подчиненности—неравноправия, а, напротив, мотив равноправного вхождения в некую общность, а отсюда — обладания правами, вольностями, свободой (ср. вероятную связь с вульг.-лат. *cometia* 'округ', 'область'). С другой стороны, судьба продолжателей **kъmetъ* была, видимо, несколько различной в областях, где относительно долго и сильно ощущалось латинское и романское влияние как в культурном и социальном, так и в языковом отношении, и в областях, где это влияние сводилось к минимуму. Характерно, что своих пределов «ухудшение» значения слова достигает чаще всего на периферии. Все эти неясности вызывают попытки искать решение вопроса или в обход лат. *comes* (ср. **kъmetъ*: **kъmen-*, основа, которой, помимо значения 'ствол', 'ветвь' и т. п., приписывается и 'род', 'племя'; см. van Wijk *Slavia* 4, 1925, 209—212; Schuster—Šewc *ZfSl.* 9, 1964, 246—252 и др.) или наряду с *comes* (ср. *Otrębski Slav. Antiqua* 1, 1949, 563—567: скрещенные слав. **kъmetъ* и лат. *comes* и т. п.). И хотя результаты этих попыток не были признаны, стандартное объяснение слав. **kъmetъ* и зависящих от него балт. форм вызывает в целом известную неудовлетворенность. — Ср. {**kum-et-*}.

— Л и т.: Pott *BVS* 6, 1868, 114; *Thes.* 1873, 83; *Pr. Spr.*, s. v.; *APSpr.* 365; *SPV* 199; Milewski *Sl. Occ.* 18, 1947, 34, 42, 49, 54; *ЭСР* 2, 261; *LEW* 309; *Otrębski Slav. Ant.* 1, 1949, 563—567; *SEP* 2, 280; *Etim. gječn. hrv.* 2, 107—108; *Бълг. етим. речн.* 2, 494; *Levin Gener. Ling.* 12, 1972, 151, 157; *SEEV* 1974, 53, 66, 75, 78, 88, 97. — [**kumetis*; **kumetis*].

{**kum-* & **kaim-* (?)}, такая реконструкция предполагается с известным вероятием названиями типа *Kumkiejmy, Kumkeit* в Ольштыцком воеводстве, на месте бывш. прусских поселений, а также отдельно засвидетельствованными элементами **kum-*, см. и *caymis*.

{**kump-*}, восстанавливается с значением 'ококор' (свиной), возможно, 'большой кусок мяса на кости' на основании ряда данных. К ним относятся прежде всего остатки субстратной лексики на прусских и ятвяжских землях. Ср. немецк. вост.-прусс. провинциализм *kumpren, kumpchen* 'groses Stück Fleisch' (в *Darkehmen* — 'засоленный свиной ококор'), см. *Frischbier PW*, s. v.; *Ziesemer Preuß Wb.*, s. v.; *Thes.* 1873, 83, с одной стороны, и ятвяжский регионализм

kump, kumpa 'ококор'; 'бедро' в кнышинском говоре (Белосток., см. *Kudzinowski Acta B.* — *Sl.* 1, 1964, 224) или в польском говоре Лопатовщины, км. в 20 на юго-вост. от Вильнюса, см. *Zdaniukiewicz Gwara Łopat.* 1972, 164: ср. еще *kump'ák*, 'udo zwierzęce' (wierzowe, 'szynka'), см. также *Zinkevičius Baltist.* 11, 1975, 149. Косвенно в пользу реконструкции **kump-* говорит наличие соответствующего глагольного корня (ср. прусск. *kumpint* и опосредствованно в *Adv. et-kumps*, см.) семантически надежно мотивирующего *Subst. *kump-*. Наличие соответствующих слов в вост.-балт. языках и, более того, особая экспансивность этих слов, широко распространившихся в окружающих славянских говорах (что, кстати, соответствовало бы особой роли сев.-вост.-польско-литовского ареала в специализированном производстве ветчины; ср. и другие заимствования того же круга: *loszyna, скилонд, паршук* и др.), также может быть отнесено к числу обстоятельств, благоприятствующих реконструкции. — Ближайшие и точные соответствия в вост.-балт. Ср. лит. *kuñpis* 'ококор', 'ветчина'; 'бедро' и т. п. (ср.: *kūpis. Szygw. Dict.* 3, 437 при *kumpis* 1, 179; *Kiaulės bus k u ñ p i s, o avino kiška; K u ñ p i s nuo paskutinios kojos paršo. LKŽ* 6, 877—888) при *kuñras* 'кривой', 'изогнутый', *kuñpinti* 'изгибать(ся)', 'сутулить(ся)' и т. п., лтш. *kumpis* 'ein grosses Stück Fleisch', но и 'горб', 'изгиб', 'кривизна' и т. п. (*ME* 2, 312; *EH* 674; ср. *Erg'em. izl. vārpn.* 2, 140) при *kumps* 'кривой', 'изогнутый', *kūmpt* 'горбиться', 'сутулиться'. Учитывая распространенную модель, в соответствии с которой ококор (ветчина) и нога (или другая специфическая часть тела) обозначаются словами одного корня (помимо лит. *kuñpis*, см. выше, ср. франц. *jambon* и *jambe* и т. п.), можно полагать, что и прусск. **kump-* обозначало что-то вроде бедра. Такую же ситуацию фиксируют, кстати, и германские примеры, представляющие собой ближайшие параллели к балт. Ср. др.-англ. *ham* 'бедро', 'коленная сумка' при англ. *ham* (в частности, 'ококор'); др.-исл. *hǫm* 'Hinterschenkel', др.-в.-нем. *hamma* при ср.-н.-нем., ср.-нидерл. *hamme* (и 'ококор'). При этом обозначение бедра, части ноги, и т. п., очевидно, предшествует обозначению кулинарно-гастрономического объекта. Об этом можно судить и по целому ряду примеров, где сохраняется только более древнее значение (ср. др.-греч. *κνήμη* 'бедро', 'голень' [из **kam-*, **kñ-* 'сгибать', 'искривлять'] или др.-ирл. *snáim* 'нога', 'кость', ср. *samm* 'кривой', др.-инд. *kmáratī* 'искривляться'), и по семантической мотивировке таких слов (см. *Рок.* 1, 613; уральские параллели см. *Сор. Linguistica* 13, 1973, 155—156). Согласно Эндзелю *ME* 2, 312, балт. *kump-* Vb., возможно, представляет собой результат контаминации *kum-* (: лтш. *kumt*) и *kup-* (: лтш. *kupt*). Это предположение имеет определенный смысл и в связи с вероятными слав. параллелями (ср. макед. *купчи се* 'горбиться', 'сутулиться', слав. **kupiti se* 'собираться', но и 'съезживаться', 'горбиться', ср. также продолжения слав. **kop-*), для которых также можно думать о подобном скрещении (см. *Пр. яз.* II, 105). Наконец,

существенно отношение *kuñpis* : *šumpis*, в связи с чем недавно был поставлен вопрос о возможности потери палатального признака перед *m* (см. Kortlandt Recent Devel. 1978, 242). Ареал элемента *kump-* в указанных значениях не ограничивается балтийскими территориями: он продолжается к югу и юго-востоку, захватывая диалекты польск., белорусск., украинск. и отчасти русск. языков. Особенно многообразны данные, относящиеся к польскому языку, в котором регионализм *kap* 'udo wieprzowe', 'szynka (niegotowana)' проник в литературный язык и в письменные тексты (ср. также *kump*, *komp*, *kumpie*. Sł. jęz. polsk. 2, 311). С конца XVI в. фиксируются соответствующие слова в польскоязычных текстах Великого Княжества Литовского, ср.: Mięso: mięsa starego polci dwa, sadło, k u m p i, tho iest podroby od iednego wieprza, 1597; W spizarni . . . k u m p i dwadziescia dwa, 1614; K a p i dwanascie . . . , 1615; . . . z włok czterech k u m p i dwa . . . , 1661; Mięsa swinego w spizarni . . . k u m p piętnascie . . . okorkow dwanascie . . . , 1665; . . . k o m p i o w szesc . . . , 1676; Mięsiwa: . . . k a p i o w trzy, 1680; K o m p ieden . . . , 1685 и т. п. Диалектные формы этого слова очень многообразны, но они сосредоточиваются в сев.-вост. части Польши и польских говорах Виленщины (виленск., сейнск., белост., ломж., хелм., полесск., мазов., но и на юго-востоке): *kap*, *кара*, *kump*, *kumpie*, *kumpiak*, *komp*, *коп'р*, *коп'рак*, *коп'ик*, *копра*, *коп'с*, *коп'р*, *коп'с*, *куп'ра*, *куп'с*, *куп'кас*, *куп'сик*, *купра*. В западно-русском языке деловых документов заимствованное обозначение окорока отмечается с самого начала XVI в., ср.: У свирнѣ десеть полтевъ, салъ трынадцать, а к у н п е и одинадцать, 1503; ср. также: . . . в немъ жита молочного . . . , к у м п е и. 1556; За к у н ъ п ъ грошей литовскихъ три, 1565; В том свирне . . . скилондевъ пять, к у м п е в ъ десеть . . . , 1569; . . . к у н п и и сорок три . . . , 1571; . . . к у м п е и осьмь . . . , 1581; к у м п е и осмь . . . , 1582; . . . к у м п и два . . . , 1586; . . . ку(м) п е в ъ одинадцать . . . , 1586; . . . к у м п е в двадцать . . . , 1588; . . . к у м п е в пят, кожды к у м п ъ по грошей два литовских . . . , 1589 и т. п.; ср. *кумпеть*: на пана самого дают . . . по к у м п е т и мяса . . . , 1542; У свирне . . . взялъ . . . к у н п я т ь петнадцать . . . , 1566; . . . к у н п я т ь две копе . . . , 1566; . . . к у м п е т ь шесть . . . , 1582; к у м ъ п е т ь осмь . . . , 1594; ср. еще *комп*, *коп*. Ср. блр. литер. *кумпяк*, диал. *купняк*, *кунпняк*, *купбяк*, *кумпячок*, *кумпячына* и т. п. (ср.: Як заколюць паршука, то к у м п я к е ўпірот соляць, а потым вэндзяць. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 570, а также: Матэр. Гродз. 250; Краёвы слоўн. усходн. Магіл. 238; Лекс. Полесья 386; Матэр. слоўн. нар.-дзял. 32 и др.). Показательны данные, относящиеся к украинским диалектам (виницк., волынск., терноп., черк.) и собранные Непокупным. Целый ряд из отмеченных форм (*кумпяк*, *кумп*, *кумпі*, *компна*, *компля*, *комплі*) размещается в ограниченном пространстве между Тернополем и Луцком (см. Балт.-сев.-слав. 1976, 192—193 и карту 7), локализуясь примерно на тех же

широтах, где несколько к западу на территории Вост. Польши отмечена форма *кара*. Не менее интересны примеры этого рода из старых памятников, начиная с конца XVI в. Ср.: сал две, к у н п е в пят, . . . к у н п е й две, 1571, колбас три (в реестре имения Рыканы в Луцком уезде; см. Архив Юго-Зап. Росс. VIII, 350—351); . . . к у м п е й двадцать шесть (там же VIII, 350). Интересно, что примерно в этих же местах сходит на нет и ряд других балтизм, что еще раз указывает на особую роль этой зоны в распространении балт. элемента в южном направлении. Русские примеры (*кумпяк* 'окорок', 'ветчина', *кумпячок*, см. СРНГ 16, 86) известны только из старожильческих говоров Литвы (Ионав.) и Латвии (Прейл.). О заимствовании этого балтизма в слав. см. Brückner Fremd. Wört. 1877, s. v.; AfslPh. 20, 1898, s. v.; SEJP 224, 281; Słown. gwar. polsk., s. v.; Карский Белорусы I, 1904, 134; Turska Wilno I, 1930, 224; Otrębski JęzP. 16, 1931, 83; Sl. Occ. 19, 1948, 475; Gram. Jęz. Lit. 1, 1958, 69; Błese St. balt. 5, 1935—1936, 14; Станкевич Калосье V, 1939, 119; Jablonskis Liet. žodžiai 1941, 109—110, 212—213; SEP 3, 354; Вяржбоўскі Белар.-літ. лекс. ўзаема сув. 1960, 450—457; Zdancewicz LPosn. 8, 1960, 343; Z polsk. stud. slaw. 1963, 294, 307; Urbutis Baltist. 5, 1969, 63; Непокупный Мовозн. 1968, № 6, 34; Мовозн. 1970, № 6, 36; Балт.-сев.-слав. 1976, 177, 179, 189, 192—193, 197; Булыка Даўн. запаз. белар. 1972, 181; Lizisowa Acta B.-Sl. 13, 1980, 46—48 (собрание примеров из Статута Вел. Княжества Литовского); Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 16. — Лишь косвенное значение имеют топонимические данные типа лит. *Kūmpiai*, *Kuñpiai* и т. п., лтш. *Kuñpis*, *Kuñpi* и т. п. (о них см. LATSŽ 146; LUEV 83; Liet. hidr. 60, 111, 188, 190, 204; LHEŽ 171; LV I, 2, 171—172), поскольку прямые связи отсылают к лит. *kuñpas*, *kuñpti*, лтш. *kumps*, *kūmpt*. То же можно сказать о Nom. рг. лит. *Kūmpis*, *Kuñpis*, *-jys*, *-aitis*, *-inis*, *-auskas* (Liet. antrop. 160). Более прямое отношение имеет балтизм блр. *Кумпняк* (Белар. антрап. 2, 230).

kūmpinna, см. *kumpint*.

kumpint 'нарушить', 'изменить', см. ниже (Ig). K III, 69, 6 (Mes madlimai twaian grunt powirpingin labbiskan tu quoitilaisi stawidan twaian teikusnan ensadinsnan bhe absignasnen ni dat kumpint neggi pogadiant... 'Wir bitten deine grundlose Güte du wollest solch dein Geschöpf Ordnung vnd Segen nicht lassen verrucken noch verderben...'). Infin.; — *kūmpinna*. K III, 35, 30 (Kadden Deiwis wissan wargan pratin bhe quaitan lemlai bhe kumpinna... 'Wenn GOTT allen bösen Rath vnnnd willen bricht vnd hindert...'). 3. Sg. Praes. — Существенны некоторые детали семантики — тем более, что в обоих случаях прусское слово соответствует разным словам переводимого немецкого текста. В первом случае *kumpint* переводится нем. *verrückten* 'сместать', 'сдвигать' (PKP II, 211; 'nustuntti'), но основным является не сам конкретный характер действия (перемещение, передвижение), а новый результат, контрастирующий со старым состоянием (status quo), т. е. изменение (ср. нем. *die*

Grenzen verrücken 'изменять границы' < 'передвигать их'), говоря рельефнее, у-, от-клонение (это значение в известной степени верифицируется глаголом в оставшейся части фразы: *schlāits etnijwin-gisku en poimans porockūt...* 'Sondern gnediglich inn vns bewa-gen'..., т. е. в экспликации: не только не даст изменить (нарушить), но даст сохранить status quo). Во втором случае *kūmpinna* переводит нем. *hindert* 'воспрепятствует', 'помешает' (РКР II, 132: 'trukdo' (tiems), хотя точнее, во всяком случае буквальнее и вернее с этимологической точки зрения, было бы переводить *kūmpinna* так же, как и в первом случае, 'нарушить', 'изменить'. Этот смысл завуалирован иной структурой фразы, чем в К III, 69, 6. В одном случае — Бог не даст ни нарушить (изменить), ни испортить нечто положительное, в другом, напротив, Бог разобьет и нарушит (изменит) нечто отрицательное. Таким образом, в первом случае хорошо сохранение status quo (и ради этого как бы нулевого результата нужно активное противодействие), а во втором хорошо изменение status quo (наличествующих злых замыслов), т. е. достижение значимого (не нулевого) результата. Преимущество этого объяснения в том, что оно позволяет уеднообразить смысловые различия глагола в обоих контекстах и связать реконструируемое значение с тем элементом, который его мотивирует (**kūmpas* 'кривой' [ср. лит. *kuĩpas*, лтш. *kumps*], т. е. 'отклоняющийся от некоей нормы', 'нарушающий ее', 'изменяющий ей'). Мажюлис справедливо подчеркивает (РКР II, 211), что прусск. *kūmpin-* 'nustumti' resp. 'trukdyti' — из '(nu)kreipti (i šali)', которое в свою очередь из '(nu)lenkti', 'kreivinti'. Здесь же высказывается предположение о том, что наряду с Adj. **kūmp-* 'lenktas', 'kreivas' мог существовать и глагол **kūmp-* (ср. лит. *kuĩpti*) со значением 'lenkti', 'kreivinti'. Можно думать, что этот глагол как раз и представлен во всей своей реальности в указанных двух контекстах. Любопытно, что в переводе этих мест в Энциридионе Вилента используются два разных глагола; ср. в связи с К III, 69, 6: ... nebutu i schgaichintas ir pagadintas (54); в связи с К III, 35, 30: Kada Diewas wiffokie pikta roda ir wale lauβ ir vβwodi... (22). — Несоответствие в глагольных формах *lemlai bhe kūmpinna* (К III, 35, 30) объяснено в РКР II, 132. К морфологии ср. APSpr. 281; SPV 114; Stang. Sl. u. balt. Vb. 1942, 179; Vgl. Gr. 1966, 370; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 372; Schmalstieg BL. 1970, 141; OP 187. В рамках схемы, предполагающей в глаголах на *-ina-* различие двух групп — деноминативов с накоренным ударением и каузативов с суффиксальным ударением, глагол *kūmpinna* (как и *skijstinnons*) двусмыслен, как отмечает Станг. К вопросу о звуковом виде корня см. BVSF 20; Kazlauskas Liet. istor. 1968 (*om* > *um*: *kūmpint*, *etkūmps*, лит. *kūmpa*, лтш. *kūmpa*, но лит. *kaĩpas*, *kampūti*, *kampūoti*). — Наиболее точные соответствия в лит. *kuĩpinti*, *kūmpinti* 'горбить', 'изгибать', 'сутулить', 'идти согнувшись' (LKŽ 6, 877) при *kuĩpti* 'изгибаться', 'искривляться', *kūmpėti*,

kūmpinėti, *kūmpinūoti*, *kūmpūoti*, *kūmpōti*, *kūmpnōti*, *kūmpsnoti*, *kūpsōti*, *kūmptelėti*, *kuĩmptelėti*, *kuĩmpterėti*, *kūmpēti*, *kūmpčioti* (6, 875—881); ср. лтш. *kūmpt*, *kuĩmpt* 'горбиться', 'сутулиться', *kūmpāt* 'zusammenrollen' (ME 2, 312; EH 674). Ср. далее др.-греч. *κάρπτω* 'гнуть', 'сгибать' (: *κάρπη* 'изгиб', 'излучина'; 'поворот', *κάρψις* 'сгибание', *καρπύλος* 'согнутый', 'кривой', *καρπίρος* и т. п.); лат. *campus* 'поле' (из более раннего — 'искривление', 'изгиб', 'впадина'); готск. *hamfs* *halla* (*hamfamma*. Mc. 9, 43), др.-в.-нем. *hamf*, др.-сакс. *hāf* (ср., однако, Vgl. Wb, d. got. Spr. 243); м. б., др.-инд. *karandā* 'червь', ср. *kamp-* 'дрожать' (< 'искривляться'), *kūmpa-* 'lahm an der Hand' (у лексикографов). Разумеется, балт. языки знают тот же корень и в другом звуковом виде; ср. прусск. {**kūmp-*}, лит. *kaĩpas* 'угол', лтш. *kūmpis* 'Krummholz' и т. д. О возможных славянских параллелях см. Pok. 1, 527 и *etkūmps*. Следует отметить и наличие ряда примеров переходного или скрепленного характера; ср. ср.-англ. *hamperen*, англ. *to hamper* 'препятствовать' и т. п. (ср. *kūmpinna* 'hindert') и далее др.-исл. *hafna*, *hefna*; м. б., тох. А *kūmpo* 'вместе', 'в связи' (Indecl.) и др.

— Лит.: Thes. 1873, 84; Brugmann IF 27, 1910, 267—268; APSpr. 281, 365; BSW 116; SPV 114, 173, 199; BVSF 20; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 372; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 179; Vgl. Gr. 1966, 370; LEW 213; Pok. 1 525, 555; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 121; Schmalstieg BL 1970, 141; OP 187. — [**kūmpint*; **kūmpina*].

-*kūmps*, см. *etkūmps*.

{**kun-*}, ср. Nom. pr. *Kune*, 1321; *Kuno* (Elb. Komt. 53 KA). APN 49 (сравнение с лит. *Kunas* и предположение (с вопросом) о заимствовании из нем. *Kune*). — Этот же элемент и именно в таком виде выступает в сложном имени *Jackune*, *Jakvne* von *Robethen*, 1385 (SRP 2, 696), *Jacun*, *Jekvne*, 1398, 1400; *Peter Jackune*, 1436, *Peter Jokone*, 1407 (ср. *Jokusch*, 1397 при том, что он же называется *Jacun* *Jocun*). APN 40, 140; *Jakune* von *Pubethen* (SRP 2, 696). Baltist. 10, 1974, 163, см. {**jā-* & **kun-*}. Пр. яз. III, 14, а также в топонимах *Kunekaym* (Matusevičiūtė APhil. 8, 1939, 13); *Kunigorbe*, 1339 (Trautmann AfslPh. 38, 1923, 131). Наконец, этот же элемент *kun-* представлен в ряде суффиксальных образований, см. {**kun-ain-*}, {**kun-ik-*}, {**kun-et-*}. — Ближайшие соответствия в вост.-балт. Ср. лит. Nom. pr. *Kūnas*, *Kunāitis*, *Kunėikā*, *Kunāvičius*, *Kunāuskas*; ст.-лит. *Kuniškis*, (= *Kuniškis*), *Kunicz* (= *Kunis*, *-ys*?), *Kune*, *Kunicysz* (< *Kunytis*), *Kunicowa*; *Kunielowic* (= *Kunelaitis*). Liet. antrop. 161 (допускается и интерпретация с долгим вокализмом — ср. Nom. pr. *Kūnelis*, *-ėika*, топоним *Kūniškiai*: *kūnas*, *kūnėti*); ст.-лтш. Nom. pr. *Hermen Kunnin*, 1456; *Hanyn Kunyn*, 1456, 1459 (LPV 198, со ссылкой на лтш. *kuĩniņš* 'Kaulquarre'). Ср. также топонимы лит. *Kunā*, *Kuniónai*, *Kuniškiai*, *Kunōtai* (?). LATSŽ 146—147; м. б., *Kunā*, *Kunē*, *Kūnupis*; *Kūnā*, река и озеро, *Kūniā* и др. (LUEV 83; Liet. hidr. 241; LHEŽ 172); *Kūnas ež.*, *Kunėlipis* (< **Kunel-iupis*), *Kunėlė*, *Kuniābalis*,

Kuniaraistis; лтш. *Kuna-gals* рл., *Kuņa* рл., *Kuņas-aste* рл., *Kuņuviksne* рл., *Kuņas-bedre*, *Kuņas-danga*, *Kuņas-dikis*, *Kuņas-dzira* рл., *Kuņas-gals*, *Kuņas-grava*, *Kuņas-kakts*, *Kuņas-kalns*, *Kuņas-purvs*, *Kuņas-saŕgs*; *Kuņs-kruōgs*, *Kuņs-liēkn* рл., *Kuņs-purs* рл., *Kuņs-vals*; *Kuņas*, *Kunes*; *Kuņū-dikis*, *Kuņū-lāma*, *Kuņū-mežs*; *Kuņ-aste* рл., *Kuņ-daŕga* рл., *Kuņ-uŕga* уре, *Kuņ-vals*; *Kuņaiši*, *Kuņaitenes-purvs*, *Kuņene* рл., *Kuņenes* рл., *Kuņiņas ga.*, *Kuņinas* рл., *Kuņiene*, *Kuņienes-aste* рл. (LV I, 2, 172, 175—176; ср. *Kaņ-ure*, 189). Среди этого круга возможных параллелей выбор действительных соответствий нелегок как из-за некоторой неясности связи элементов *Kun-* и *Kūn-*, так и из-за неопределенности этимологических связей. О сложностях см. Vanagas LHEŽ 172. Тут же выражение предпочтения соотношению литовских топонимов с лит. *kunē*, одним из обозначений болотистого места (см. также Невская Балто-Слав. сборн. II, 1974, 162; Балт.-геогр. термин 1977, 45). В таком случае ономастическое и топонимическое **kun-* разного происхождения. В силу всех этих неопределенностей не вполне ясно и место славянских данных, фиксируемых на бывшей балт. территории или в ближайшем соседстве с ней. Многие из них, тем не менее, кажутся заслуживающими преимущественного внимания. Ср. польск. *Kunowo* (*Kunow*, *Kuhnow*), *Kunów* (*Kuhnau*, *Kuhna*), *Kunik* и т. п. (Słown. nazw geogr. PZP 153), блр. *Kўноса*, *Kўнаса* (Слоўн. назв. Мінск. 146; Кратк. топон. слов. Белор. 189 и др.). То же относится и к ряду Nom. рг. (ср. блр. *Kунэвіч*, *Kунэвіч* и т. п. [ср. Белар. антрап. 2, 230—231; Римша БСл. Иссл. 1980, 1981, 197; *Кунейка*]; польск. *Kunik*, *Kunel*, *Kun* и т. п. [Słown. starop. nazw III, 1, 194 и сл.]), однако и здесь обнаруживается опасная близость то со слав. названием куницы, то с немецкими фамилиями близкого звучания.

{**kun-ain-* (?)}, ср. *Kunaun*, *Kunyaun*, 1325, позже — *Konnegen* (APON 76). — Герулис сравнивает с именем прусса *Kuno* (Elb. Cor. 53), снабженным суф. *-ij-*, и допускает (с вопросом) происхождение названия из немецкого. Возможны и иные интерпретации, но в целом неясно. — См. {**kun-ij-* (?)}, {**kun-*}.

{**kunc-* (?)}, ср. Nom. рг. *Cuncze* (SRP 2, 675), см. Stepanavičienė Baltist. 10, 1974, 165. — Имя прусского проводника родом из Барты из так называемых «Wegeberichte» (XIV в.). В целом неясно, тем более, что речь может идти и об элементе **kuns-* (ср. передачу лит. *š* (: прусск. *s*) через *sz*, как впрочем, и другие графемы, в «Wegeberichte»). — Заслуживают внимания примеры типа лит. *Kuncia-galys*, *Kunčiai* (LATSŽ 146); *Kunciškė*; лтш. *Kuñci*, *Kuñči*, *Kuñči*, *Kuñcenieki*, *Kuncava* рл., *Kuncenes*, *Kunčuni*, *Kunca-kalns*, *Kuncaparu-purvs*, *Kunč(a)-kalns*, *Kunčas-purvs*, *Kuñču-atvases*, *Kunč-ur*; *Jaunkunči* (LV I, 2, 172: к лтш. *kuñcis* 'налим'). Как и в целом ряде других случаев с элементом *kun-* неясна граница, отделяющая эти примеры от тех, которые обычно связываются с названием куны, куницы. Ср. блр. Nom. рг. *Кунц*, *Кунцэвіч* (Белар. антрап. 2, 231) или топонимы *Кўнцы*, *Кўнцэвіщина*, (*Кўнцаўшына*), *Кўнцэвічы*

(*Кунцевичи*), см. Слоўн. назв. Мінск. 146; Слоўн. назв. Брэсц. 72; Кратк. топон. слов. Белор. 189; ср. *Б. Кунец* в басс. Оки (Гидр. басс. Оки 65), подмоск. *Кунцево* и т. п. Иные ассоциации затемняют толкование примеров типа мазур. *Kunczik* (AM 18, 265), оно же — *Kacik* (Słown. nazw Mazur. II, 49). Наконец, существенно наличие таких фамилий, как нем. *Kun(t)z*, и ст.-польск. *Kunc*, *Kunco*, *Kuncz*; *Kunca*; *Kuncak*; *Kuncanka*; *Kunce*; *Kuncsek*; *Kuncel*; *Kuncyl*; *Kuncowa*; *Kuncowic(z)*, *Kuncyc(z)*, *Kunc(z)yc(z)*; *Kunc(z)yn* и т. п. (см. Słown. starop. nazw III, 1, 195—198).

kunches (?) — эту форму восстанавливали Бецценбергер GGA 1874, 1242 и И. Шмидт в качестве правильной в Э 142, в прусском столбце в соответствии с переводимым нем. *Gelenke*. Реальное написание *Knnchel* также пытались интерпретировать как *kimchei* (Pauli BVS 7, 1873, 206), как *kimchel*, м. б., *kunchel* (Thes. 1873, 71), как *kunchel* (Bezenberger GGA 1874, 1242). Однако лишь сугубо теоретически можно было бы видеть здесь прусское слово (напр., заимствование из немецкого). Реально же речь идет о нем. *Knüchel*, *Knöchel* 'лодыжка', 'щиколотка', 'сгиб', которое должно пониматься как элемент немецкой колонки текста, синонимичный *Gelenke*. Мажюлис РКР II, 20 выдвигает альтернативу: или немецкое слово, которое должно быть исправлено на *Knuchel*, или прусск. **knukel-*, заимствованное из немецкого и лишенное окончания.

{**kun-ek-*}, см. {**kun-ik-*}, {**kun-*}.

{**kun-et-*}, ср. Nom. рг. *Kunette* (APN 49). — Очевидно, к {**kun-*}, см., с суф. *-et-* (ср. *Dirgethe*, *Myntete*, *Rawkete* и т. п., см. APN 181; APON 257). Характерно противопоставление *Kune* : *Kunette*.

{**kun-* & **garb-*}, ср. *Kunigorbe*, 1339 (Trautmann AfslPh. 38, 1923, 131; в APON название отсутствует). — Сложное название, обнаруженное в орденских документах. В первом члене — *Kun-*, см. {**kun-*}; во втором — *garbis* 'гора', употребляющееся и в топонимах (ср. *Garbeike*, *Garbote*, *Garbute*; *Wissegarbe*, *Neaugarbe* и т. п., см. {**garb-*}).

**kuni(n)g-* (??) — сугубо теоретическая реконструкция, допускаемая отдельными специалистами в области социальной истории пруссов, но без аргументации, если не считать молчаливо принимаемого широкого контекста. — Несмотря на все это такой элемент мог существовать у пруссов в действительности и служить для обозначения того слоя «благородных» людей, который соответствовал бы рыцарскому сословию. Истоки этого сословия нужно искать в доорденский период жизни пруссов, но, несомненно, введение орденских порядков способствовало кристаллизации этого слоя. Более того, посвящение в рыцари стало определенной привилегией, которая жаловалась пруссам орденскими властями. Так, прусская наследственная знать (*ex nobili prosapia procreati*), заключавшая Кишпоркский договор 1249 г. (в данном случае со стороны пруссов выступали Помезания, Погезания и Вармия), получала право носить меч, т. е. посвящалась в рыцарство (PU I, 1, 1882, № 218, с. 160).

В латинских источниках этот высший слой формирующихся привилегированных землевладельцев, за которыми Орден признавал наследственное право, хотя и в урезанном виде (право на личную свободу, на владение движимым и с некоторыми ограничениями недвижимым имуществом, на наследование имущества и т. п.), назывался *nobiles*. Это слово неоднократно употребляется в связи с пруссами уже в «Хронике» Дюсбурга, в папских буллах (ср.: Quosdam Prutenos nobiles, quos tenuerunt in vinculis . . ., 1234, см. PU I, 1, № 134 и др.) и в других документах. Правда, в орденских документах от 1299 г. появляется и другой термин — *witingi antiqui* (PU I, 2, № 718); впрочем, он не охватывает всех *nobiles*, а только тех, которые признали Орден и его порядки. В немецкоязычных документах это же сословие «благородных» обычно обозначается как *edel*, ср. *edile*, *edilste* у Николауса фон Ерошин (в соответствии с *nobiles*, *nobiliores*), в «Помезанской Правде» *edel* (напр., в статье 15: Ist zweyung oder krieg wmb einen man, ab er edel oder unedel sey . . .) или *Herr* 'господин' (ср. статью 28: Werden leute gewundt, die vonn yrem oder zu yrem herren erbeiten gehen, das sal man zwefeldig richten или статью 77: Ein dienstbotte sal sein lohn dem Starost oder seinen nachbarn kunt thun. Thut er das nicht, so ist der herre neher zu sweren uff das lohn wen der knecht), ср. *hērn* в «Рифмованной Хронике». Когда о «благородных» говорится в аспекте их политических прав, они называются «честными людьми» (*bederwe*, *bidder*, *fromer*). Все эти термины в принципе соответствуют *ricostan*, термину, которым еще в IX в. Вульфстан обозначал наделенных властью и значительным имуществом (богатых) людей. Сходная терминология (*nobiles*, *seniores*, *meliores*, *principes*, *primores*; *proceres*, *potiores* (= *potiores*), *potentes*, *domini*, *reguli* и даже *reges*, *kunige*, *besten*, *edile*, *edilste*; *allirwēgste*, *hērn*; князья (литовские) и т. п.) имела широкое распространение и на смежных территориях Польши, Жемайтии, Литвы, Латвии, где статус этого сословия во многом совпадал с прусскими *nobiles*. Поэтому и данные, относящиеся к этим категориям, оказывают существенную услугу в прояснении природы прусских «благородных». Уже не раз указывалось, что напр., из статута, данного ландмейстером Германом фон Бальке шляхте Хелмншской (Кульмской) земли, можно извлечь определение наследственных прав служилого рыцарства на земельные угодья (*Erbe*, *gutter*), разного рода участки (лесные, рыболовные, бортные), движимое имущество (*vagende habe*), прав Ордена на налоги с подданных (*vndirsasen*) шляхты и т. п. По статуту шляхте жалуются так называемые «малые права», реализующиеся в иммунитете. Нечто подобное было характерно и для прусских *nobiles* в их взаимоотношениях с Орде- ном. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть воинскую функцию *nobiles*. Именно она была главным источником богатств этих *nobiles*. Отношение к Ордену дифференцировало сословие: те, кто был против орденских порядков, деклассировался, терял права и имущество (активно боровшиеся с Орде- ном расплачивались жизнью);

те, кто признал установления Ордена, становились служилыми феодалами, и по мере онемечения вращались уже в немецкую систему социальной иерархии. Эти крайние варианты иногда реализовались на протяжении жизни одного—двух поколений (так, владелец замка под Торунем помезанин Пипин был убит немецкими рыцарями, а его сын Махо поступил на службу Ордену; «*nobilis viri de Pomesania*» — сказано о нем у Дюсбурга. SRP 1, 55—56). Из работ о *nobiles* см. Kętrzyński. O narod. polsk. w Prus. Zach. 1877; Hube. Prawo polsk. 1874; Łowmiański Stud. pocz. lit. I, 1931 (особенно глава «*Własność ziemiska Nobiles pruskich*», 257—268, 291, 304—342); Przegł. Hist. 41, 1950, 152 и сл.; Fischer EDP 1937, 30; Папуто Помезания 1955, 14, 48—53 и др.—В связи с возможной языковой формой обозначения *nobiles* ср.: прусск. германизм *konagis*, см., аналогичный лит. *kunigāikštis* 'князь' (: *kūnigas*), лтш. *kungs*, *kūngi*, русск. князь (< *кѣнезь: польск. *ksiądz* при *książe*) и т. п. Ср. очень характерное обозначение из лифляндской «Рифмованной Хроники» *kunige von Sameiten*. Во всяком случае ареально-типологические закономерности делают вероятным использование для обозначения *nobiles* и в прусском элементе *kuni(n)g*-. Ср. LEW 310—311.

{*kun-ij-} см. {*kun-ain-}, {*kun-}.

{*kun-ik-}, ср. Nom. рг. *Kunike*, 1396; *Kuneke* (= *Kunke*), *Kuneco* (APN 49). — Альтернатива Траутмана — или к лит. *Kunėika*, или из нем. *Kuneke*, *Kuncke*. Видимо, балт. происхождения, см. {*kun-}, {*kun-ek-} и др. Распространенная немецкая фамилия (ср. академик *Куник*, занимавшийся, в частности, пруссами) восходит к прусским Nom. рг. и, видимо, имеет местом своего оформления и центром иррадиации Вост. Пруссию.

{*kun- & *kaim-} ср. *Kunekaym*, название поселения, отсутствующее в собрании Герулиса; обнаружено — *Matusevičiūtė* APhil. 8, 1939, 13. — Сложное слово, состоящее из двух членов: в первом — *Kun-* см. {*kun-}, во втором — *caymis*.

*cuncan, см. *cucan*.

*cunclis 'куколь'. Э 272 (*Tunclis* 'Raten'), ср. Э 271: *Lituckekers* 'Linsen', Э 273: *Pure* 'Trespe'. Nom. Sg. masc. Начиная с Нессельмана AM 6, 1869, 317 (ср. Thes. 1873, 84), все принимают конъектуру **cunclis* вм. *tunclis* в тексте. — Речь идет о так называемом куколе посевном (*Agrostemma githago* L.), обозначаемом в немецком как *Kornrade* (ср. *Rate* как слово, переводимое прусским **cunclis*), *Kornnelke* или *Rade* (но и 'сустав', 'изгиб', что небезразлично с точки зрения семантической мотивировки). — Слово **cunclis* является бесспорным славизмом, заимствованным, очевидно, из польск. *kałol* (ср. кашуб. *kałol*), восходящего к праслав. **kałolъ* (к носовому гласному ср. еще полаб. *kōt'ül* [*Kungchi* 'Radel im Korn' Генн., несовершенная запись вместо *Kungchil*; ср. также *kōtūlenā risetě* 'куколевое решето', т. е. решето для отделения хлебного зерна от куколя], слов.-помор. *kōčkōčl*; словен. *kōkolj*, болг. *кѣкъл*, макед. *какол*). Оно принадлежит к целой серии заимствованных прусским из слав.

названий растений (ср. *prasan*, *moke*, *garkity*, обозначения фруктовых деревьев и соответствующих плодов, ср. *slīwaytos*, *wisnaytos* и т. п.). Предполагается, что слово было заимствовано в X—XI вв. из прапольск. **kōkolь* и принадлежало к склонению основ на -*jo*; редукция среднего гласного особого удивления не вызывает (ср. прусск. *knapios* (**konop-*); сочетание -*un-* как рефлекс -*o-* диагностично и дает основание для предположения о заимствовании после установления единого носового гласного заднего ряда — в отличие от *ratinsis* (VIII в.) и **caryangus* (IX в.), см. Levin SEEV 1974, 80 и др. Это же слав. слово, но из вост.-слав. источника, проникло в вост.-балт. языки. Ср. лит. *kākālis* (уже у Ширвидаса: *Kākol/Lolium*, сета, *Kukalis*, ср. *Kukaluosna pawirstu*. Dict. 3, 92, там же *kukaluotas*, *kukalinis*; в 1-ом изд. *kukaliey*. Nom. Pl., *kukaliu*. Gen. Pl., 50; ср. также: *Ir kad išdygo žolės ir vaisių padarė, tad parodė ir kūkaliai*. Daukš. Post. 82; . . . ir pasėjo kūkalius tarp kviečių . . . Chyl. Mt. 13, 25 и т. п., см. LKŽ 6, 791), *kuokālis* (6, 907), *kuokoliai* (6, 909), *kuokūlis* (6, 910) и производные; лтш. *kuōkalis*, *kūokalis*, *kuōkālis*; *kuokaļa* (tu jau katram kūkalītim un katrai rudzu puķei draugs. ME 2, 342), *kākaļi*, *kākāļi* (2, 333; EH 682, 686; Ērg'em. izl. vārda 2, 134, 143); латг. *kukuļs*, *kukuleits*. Эти слова скорее всего взяты из блр. *куколь*, ср. диал. *кўколь*, *кўкаль*, *кўкўль*, *кўгаль* (*Кўколь у збожы расце; Кўколь такі чорны, як мак* и т. п. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 561—562 и др.). Вместе с тем литовский знает и слова, заимствованные из польского. Ср. лит. *kūkalas* (= *kūkalas*), *kunkalis* (ср.: *Insėjo kūkalius tarp kviečių*. Bretk. Post. II, 436; *turi . . . kūkalius*. Wolf. Post. 78b 28; *pašeia piktas šolis [kūkalius]*. Bretk. Bibl. Mt. 13, 25; *piktoia šole [kūkalėi]*. Ibid. Mt. 13, 26) < польск. *kąkol*. О вост.-балт. заимствованиях слова для *куколь* см. Bezzenberger BGLS 1877, 41; KZ 44, 1911, 300; Būga RR I, 448; II, 417, III, 672; Skardžius LehnW. 1931, 114—115; APhil. 3, 1932, 53; LEW 215. Интересно, что наряду с этими заимствованиями из разных источников вост.-балт. языки знают исконные формы слова, генетически связанного с праслав. **kōkolь*. Ср. лит. *kañkalas*, *kankuolys*, *kankolas*, *kankolai* 'колокольчик' и т. п. (в том числе ряд специфических переносных значений) и даже *kankūlis* в значении 'куколь', диал. *konkūlis* (*Žemaičių kankūlis* (tarm. *konkūlis*) 'kąkol' turėtų būti savas žodis. Būga), см. LKŽ 5, 217; лтш. *kañkals* 'eine kleine Glocke für Kühe' (Rucava; куронизм), *kañkalis* 'eine harte Erdscholle', 'ein Erdkloß' (ME 2, 155), естественно, ближайшим образом связанные с слав. **kolkolь*: ц.-сл. *клаколъ*, русск. *колокол*, полаб. *klāt'öl* (*Klatschüle* 'Une Cloche'. Пфефф., *Klatschule*, *Klattijöhl*, *Klatgäl*, *Klatgël*, *Klatgöl*, *Klatjöl* и т. п.). Звук *n* в лит. *kañkalas* или лтш. *kañkals* объясняется диссимиляцией (**kalkalas*) и ориентацией на звукоизобразительную тему «звонкости», ср. лит. *kañklės* 'гусли', 'канклес', *kankliūoti* и т. п. Впрочем, учитывая др.-инд. *kañkana* 'браслет', 'обруч', возможны и другие решения

(см. KEWAi.1,1 36—137), тем более, что и в слав. **kōkolь* и **kolkolь* обнаруживают сходное различие в элементах -*n-* и -*l-*. И в более широком и.-евр. масштабе (ср. др.-греч. *καλέω* 'звать', *κέλαδος* 'шум', лат. *calāre*, др.-в.-нем *hellan* и т. п.) в качестве мотивировок обозначения выступают два, казалось бы, взаимоисключающих элемента — 'звук — звон' и 'колесо — круг' (и даже — 'шар'). В связи с этими двумя семантическими мотивами ср. также лит. *kuñkulas* 'пузырь', 'пузырек', *kunkuliūoti* 'клокотать', 'бурлить', 'пузыриться' и т. п. (ср. Nom. pr. ст.-лит. *Kunkut*, лит. *Kuñkūlis*. Liet. antrop. 161; гидронимы *Kunkulys*, *Kunkulka*. LUEV 83; Liet. hidr. 66; LHEŽ 172; *Kunkūlė*; лтш. *Kuñkuļi*, *Kuñkulis*, *Kuñkuļa-māja*, *Kunkuļu-kalns*, *Kunkuļu-straits*, *Kunkuļ-laūks*. LV I, 2, 175; куршск. Nom. pr. *Jacob Kunkele*, 1582—1585. KF 298: скорее к лтш. *kuñkulis* [LPV 293], чем из нем. *Kunkel*; лтш. Nom. pr. *Kunkel Bartholmäus*; *Matz Kunkull*, 1565; *Mattis Kunkelgare*, 1549. LPV 198).

— Л и т: Pott BVS 6, 1868, 117; Burda BVS 6, 1868, 410; Nesselmann AM 6, 1869, 317; Thes. 1873, 84; Pr. Spr. 1896, s. v.; PSpr. XVIII, 365, 452; SPV 199; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 29; LEW 215; Levin Gener. Ling. 12, 1972, 50, 52; SEEV 1974, 30, 53, 80, 87, 95; St. OP 5. 924. — [**kunklis*; **kukk(ɔ)lis*].

{**kun-at(-ot-)* (?)}, эта форма естественно восстанавливалась на основании Nom. pr. *Kunot*, 1267 (PU 2, 189), *Kūnad*, 1343 (SU 244). APN 49; ее поддерживали бы другие суффиксальные образования от того же корня, ср. {**kun-et-*}, {**kun-ik-*} при {**kun-*}, наконец, точное совпадение в виде лит. Nom. pr. *Kūnota* (Būga Asmens vard. 1911, 26 = RR I, 237; сюда же можно было бы добавить лит. *Kunōtai*. LATSŽ 147); сам Траутман APN 49 предполагал, что прусск. *Kunot* — из нем. *Kunat*, *Kunod* (как и ст.-польск. *Kunad*); можно добавить, что в ст.-польск. отмечены и Nom. pr. *Kunat*, *Kunatek*, *Kunatko*, *Kunatowa*, *Kunatowic(z)*, см. Słowno starop. nazw III, 1, 195. Однако несколько позже в результате знакомства с оригиналом Эльбингской грамоты от апреля 1267 г., хранившейся в Кёнигсберге (Staatsarchiv). Траутман (ZfslPh 9, 1932, 77) сделал ряд существенных уточнений. В частности, говоря о Nom. pr. он подметил, что наряду с *Runate*, 1336 (APN 84) стоит *Runot* (nicht *Kunot*. APN 49). Это наблюдение, если и не компрометирует написание *Kunot* о к о н ч а т е л ь н о в силу достаточно серьезных аргументов, приведенных выше, то во всяком случае ставит его под серьезнейшее сомнение. Впрочем, близость в написании заглавных *K* и *R* и возможность разного рода аттракций в известной степени смягчает категоричность заключения Траутмана.

-*kūnsi*, см. *pokūnsi*.

-*kūnst*, см. *pakūnst*, *pokūnst*.

{**kunt-*}, ср. Nom. pr. *Kunte* (APN 49). — Несомненно, связано с прусск. топонимом *Kuntiten*, 1345 (APN 76). В целом неясно, хотя можно предполагать связь с глагольным корнем *kunt-*, см. ро-

künst, и — менее вероятно — с *kuntis* 'кулак'. Вост.-балт. параллели неизвестны. Мазур. *Kuntis*, *Kunten* в поздних немецких свидетельствах (Waldfläche), о которых см. Słown. nazw Mazur. II, 341, сюда, видимо, не относятся ввиду их польского названия *Kały* (ср. однако, форму *Kónti*).

kūnti 'охранять', 'сберегать', 'давать покров' (If.). K III, 65, 11 (Kas swaiiau Gannan milē stas mile sien subban beggi naintonts ast ainontinreisan swaian subban mensan dergēuns | Schlāits tans maitā stan bhe kūnti stan Aynaweydi kaigi stas Rikeis stan perōnin. 'Wer sein Weib liebet der liebet sich selbst Denn niemandt hat jemal sein eigen fleisch gehasset | Sonder er neeret es vnd p f l e g e t sein Gleich wie auch der Herr die Gemeine'). 3. Sg. Praes. — Морфологически *kūnti*, как и префиксальные соответствующие глаголы *pokūnst*, *pakūnst* (см.), принадлежат к так называемому постконсонантическому *-ie-/-io-* — презенту, характеризующемуся палатализованным согласным (из сочетания согласного с *-i-/-j-*), при инфинитиве корневого типа (без тематического гласного). Сафаревич Stud. językozn. 1967, 249 реконструирует форму 1. Sg. Praes. в виде **kūntiō*, как и Pok. 1, 952. О морфологии *kūnti* см. APSpr. 279, 284; SPV 108, 110; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 125; Schmalstieg BL 1970, 139; OP 181; St. OP 10. 084. — Наиболее близкое соответствие прусск. *kūnti* (: **kūnst*) обнаруживают слав. языки в лице форм, восходящих в реконструкции к **kūntiō(m)*. 1. Sg. Praes. (: **kūnstei*), т. е. практически к той же исходной модели, которая восстанавливается и для прусского (реально засвидетельствованные слав. формы относятся к основам на *-aie-/-aio-*, которые в рамках общей схемы эволюции глагольных основ следует признать вторичными, возникшими в результате тематизации более старых презентных основ на постконсонантическое *-ie-/-io-*). Из слав. фактов в данном случае существенны ст.-слав. *съкжтати* 'успокаивать' (ср. Супр.: *ѣдѣа съкжташа отъ вѣгжшима вѣлоканиѣ*. 53, 25), ц.-сл. *съкжтати*, *съкутати* *сѹхорѣзѣу*, 'componere ad sepulturam' (ср. *съкжтаеть тарость*. Панд. Ант., съ зади въ єдинонь оуглѣ клѣтей своихъ съкоутавъши се. Prol. mart. и др.; к значению 'погребать' при 'беречь' ср. русск. *хоронить* : *хранить*), болг. *кѣтам* 'беречь', с.-хорв. *скѹтати* 'спрятать', 'скрыть'; русск. *кѹтатъ* 'плотно завертывать', 'укрывать', диал. *кѹтатъ* 'закрывать (печную трубу)', 'закрывать (окно, дверь)', 'запирать'; 'загонять скот на ночь в хлев'; 'крепко привязывать' (СРНГ 16, 166); *укутать*, 'спрятать'; ст.-русск. *кутати* 'кутатъ', 'укрывать от чего-либо' (ср.: Потщимся свою душу вѣчнаго осужения избавити и себе хранити и кутати крѣпцѣ. Акты истор. I, 337, 1533 г. Слов. русск. яз. XI—XVII вв., 8, 147); блр. *кѹтаць* 'прятать', диал. *кѹтаць* 'городить' (ср. *кутаць плот* 'городить сплетню, чепуху', 'нести чушь'), *кѹтаць*, *кѹтаці* 'стирать (о белье)' (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 590; Беларус. дыял. слова 92 и др.), укр. *кѹтати* 'кутатъ', 'заботиться о ком', 'досматривать', 'воспитывать (детей)'; 'успокаивать', 'усмирять' (Гринченко 2, 332). Эти

славянские примеры при всем разнообразии их значений могут, видимо, быть сведены к единому семантическому источнику, обнаруживающему большую конкретность, чем в русском глаголе: 'укрывать', т. е. 'завертывать во что-либо', 'оказывать неким покровом', откуда — 'давать покров' → 'беречь', 'заботиться' и т. п. Вместе с тем обращает на себя внимание, что прусское слово имеет параллели в южнослав. и в восточнослав., но не имеет их (по крайней мере в указанном семантическом круге) в западнослав., т. е. в ареально наиболее близких языках. Впрочем, этот вывод действителен, кажется, только в ограниченном объеме. Речь идет о слав. **kutiti*, которое обычно рассматривается вне связи с **kqtati*; ср. ц.-сл. *кутими* 'машинари', русск. *кутить* 'вести беспорядочный образ жизни'; 'вносить смуту', 'колобродить', 'кружить', 'крутить' (ср. диал. *кутить* 'расти хорошо'; 'обдавать дождевой пылью'; 'распространять сплетни' и т. п., СРНГ 16, 169); чеш. *kutiti* 'копаться', 'возиться'; 'мастерить'; «tajemně dělat něco n. vykónavati drobné práce» (ср. *kulati* 'копаться (в земле...)', 'рыться', 'разведывать', 'шурфовать', 'добывать' и т. п.; ср. моравск. *zakutat se* (do stohu, do reĭin) и др.), ст.-чеш. *pokutiti* 'rohřbiti'; чеш. и польск. *skutek* 'поступок', 'действие', ср. *keuléit* 'делать' в языке залабских славян (см. ЭСР 2, 434; Etym. slovn. jaz. česk. 309 и др.). Эти примеры показывают связь значений продолжателей **kqtati* и **kutiti*/**kutati* как в плане замены одного глагола другим и наличия у каждого из них неких резервных значений, дублирующих отдельные смыслы другого глагола (ср. помимо чешских примеров укр. *кѹтатися* 'кутаться', но и 'заниматься', 'хлопотать с работой' (Гринченко 2, 332) или болг. *кѣтамъ* 'крыть', 'кутатъ', 'беречь', но и 'делать нечто', 'работать', см. Геров Речн. бълг. 2, 447 и т. п.), так и в плане реконструкции единой цепи переходов, охватывающих всю сумму значений обоих указанных глаголов. Так, наряду с приведенной выше схемой семантического развития (от 'укрывать', 'укрывать' до 'беречь', 'заботиться'), существовала, видимо, и другая схема с тем же исходным пунктом; но в этой схеме значения 'укрывать(ся)', 'укрывать(ся)' трактовались как некое действие, лишенное целостности и расчлененное на мелкие, разрозненные, многократно-хаотические акты, откуда и появились такие значения, как 'копаться', 'возиться', 'рыться' и далее 'заниматься мелкой работой' и т. п. Уже 'укрывать' предполагает некое круговое движение (объект действия подвергается ему по всей окружности или сфере). Акцент на таком движении объясняет русск. диал. *кутить* в таких значениях, как 'кружить', 'крутить', о вьюге, о метели (ср.: *Кутити, и зги божьей не видать; Бывает с ночи кутити вьюга*. СРНГ 16, 169, ср. *кутиха* 'вьюга', 'метель'; *Кутити пошла, метель, вьюга*; но и в литературном языке немало характерных примеров, ср. *И в блуждании хлопьев кутежны х...* у Пастернака или экспликацию 'укрывать' → 'крыть' & 'крутить' у Пушкина: *Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя...*

Несмотря на предполагаемое единство значения и общий и.-евр. источник обоих глаголов — **(s)keu-t-* с назальным инфиксом и без него, детали содержат немало сложностей (неучтенные или не вполне ясные притяжения в семантике, о которых писал Махек; разные возможности объяснения пары **kqt- : *kut-* — как характерной дублетности, о которой см. Sławski Sl. Oss. 18, 1947, 262—263, как инфиксации в корне, взятом с нулевым вокализмом, в одном случае при корне в полной ступени вокализма *o* и без инфикса и т. п.). Тем не менее, само расширение круга слав. фактов, соотносимых с прусск. *kūnti* весьма показательным, поскольку, в частности, оно определяет глубинную семантическую мотивировку глагола (**kūnti : *kqtati*) и, следовательно, отсылает к кругу дальнейших и.-евр. параллелей. Кстати, **kutiti* отсылает к тому же типу презентных основ, что и **kūnti* (**kutīō/m/ : *kuntīō/m/*), что еще раз подчеркивает его внутреннюю связь с кругом анализируемых слов. В качестве семантической мотивировки слав. **kqtati : *kutati/*kutiti* и родственных им слов в соответствии с и.-евр. **(s)keu-t- (: *kunt-)* следует признать обозначение покрыва (укрытия), конкретно — кожи, шкуры, оболочки, скорлупы, шелухи. Эти значения реликтивно сохраняются в слав. (ср. макед. *kami* 'лущить кукурузу'. Речи на макед. яз., s. v.; Макед.-русск. слов. 210; из **kūti < *kqt-*, ср. русск. *шелуха* → *шелушить*; *лук*, *лу́ска* → *лу́щить* и т. п.) и несравненно полнее в балт. языках, ср.: прусск. *keuto* 'кожа', лит. *kēvetas*, *kiāutas*, *kēvalas*, *kiāvalas* 'скорлупа', 'кожура' и т. д., *kevénti(s)*, см. LKŽ 5, 682 (Буга сообщил Эндзелину форму 3. Praet. *kieweno* (= *kevēno*) 'луцила' [ср. выше о значении макед. *kami*] из книги «Pamokslaj izminties ir tejsibes» 1851, 133; см. Сл.-балт. этюды 1911, 88 = Darbu izlase II, 246), лтш. *čāula*, *čāumala* и др., см. Būga KS 130 и сл., 229 и сл. = RR II, 153 и сл., 255; Fraenkel APhil. 7, 1938, 27—29; LEW 322 и др. Именно на этой основе в балт. языках (прежде всего в литовском) развились характерные значения в глаголе, которые, как правило, игнорировались в связи с определенным родственным прусскому *kūnti* слов в вост.-балт. Со всем в другой связи Буга приводит показательнейшие в плане определения семантических истоков литовские примеры с глаголами *kūsti* (*kūsta*, *kūto*) 'отставать', 'отделяться', 'отдираться' и т. п. и *kūsti* (*kūnta*, *kūto*), 'оправляться от болезни', 'поправляться', 'отставать (о коре)', 'отдираться' (к семантической типологии ср. русск. диал. *отклеять* 'выздороветь', 'прийти в себя'), *atkūsti* 'отставать', 'отделяться', 'поправляться', 'оживать' и т. п. Ср.: *žievė k ū s t a ĩ medžia, kora przystaje do drzewa* (K. Daukšos žodynėlius KosL 47a); (*žijwie*)... *at k ū s t n u medio. Dauk. Ape sodnus* 148; *sūdziuwusi tosze wej k ě j a t k ū s t a n t i n u medio, 9*; — *žievė ja ū a t k ū t o*; *žmogūs, gývolis a t k ū t o* (Būga RR II, 153—154, с указанием, что лит. *kut-/kiut-* не что иное как слабая ступень корня *kiaut* (и.-евр. **keut-*), ср.: *vaikas a p k i a ū t ė s* 'kurs nevešliai auga, nuskuřdėlis'). Сюда же, конечно, принадлежит и тематизированная

форма *kūlėti* 'бурно расти', 'формироваться' и т. п. *at(si)kutėti* 'оживать' (*Žmogus iš ligos a t k ū t ė j o*. LKŽ 6, 1003) и др.; см. Būga RR II, 255, с рассмотрением в этом же ряду лит. *apkiaūsti* 'oskoruznās', *apkiaūtėlis*, *kiūtoti*, *kiāutas*, *kūtris* (*kūtris*) 'лентяй', лтш. *kautrėties* 'стесняться'. В силу сказанного должна быть полностью реабилитирована старая точка зрения Гейтлера Sitz.-ber. Öst. AW Bd. 108, 387 (прусск. *kūnti*: лит. *prakuūta* 'процветает', 'преуспевает', ср. *kutėti* и т. п.), отвергнутая в свое время Траутманом APSpr. 365, что привело к фактическому исключению вост.-балт. примеров из числа параллелей к прусск. *kūnti*. В BSW 145, однако, намечен уже намек на некий компромисс: «Im Lit. würde entsprechen **kūntiū*, **kūsti*». Другие и.-евр. языки достаточно хорошо сохраняют существительные, фиксирующие исходное значение ('покров', 'кожа', 'скорлупа' и т. д.), но, как правило, не имеют глаголов, которые в отношении значения развивались бы в том же направлении, что прусск. *kūnti* и слав. **kqtati : *kutati/*kutiti* и даже вост.-балт. глаголы с корнем **kut-*. Во всяком случае балт.-слав. развитие составляет некое единство, противопоставленное (хотя и не изолированное полностью) положению дел в других и.-евр. языках. Показательно, что речь идет не о сохранении архаизма, а именно об инновации, полнее всего охватившей прусск. и славянск. языки и в меньшей степени вост.-балт. (характерно в этом отношении расхождение прусск. текста Эхиридиона с литовским, ср.:... *maĩtā stan bhe k ū n t i stan*. K III, 65, 11 при:... *pen ir aņā p r i k ū p e*... у Вилента 51 (= 29, 8); к лит. *prikupti*, *prikupti* 'заботиться', 'призрывать', 'присматривать' ср.: *Ir Dievas ėmęs žmogų padėjo ji ĩng žardį Eden, idant jis ji p r i k ū p t ū ir a p s e r g ė t ū*. Bretk. Bibl. 1. Moz. 2, 15; *Vaistais p r i k ū o p t ir p r i v e i z d ė t*. Daukš. Post. 222; *Anys elgetas savus teip p r i k ū o r i a*. Ibid. 293 и др.; см. LKŽ 6, 918, 938). — Из и.-евр. параллелей к исходному значению ср. лат. *cutis* 'кожа' (: *kutys* 'кошелек', 'мешочек'. LKŽ 6, 1006), *cunnus* 'rudendum muliebri' (< **kut-nos*); кимр. *cwl* 'мощонка', ср. кимр. *eskit*, *esgit*, корн. *eskit*, *esgis* 'обувь' (< **ped-skūti-*); др.-исл. *húð* 'кожа' у крупного скота (первоначально просто 'кожа'), др.-англ. *hýð*, др.-фриз. *hēd*, др.-сакс. *hūd*, др.-в.-нем. *hūt*, нем. *Haut*), но и, возможно, др.-в.-нем. *hodo*, др.-фриз. *hotha* 'Нода'; др.-англ. *hoðma* 'тьма', др.-в.-нем. *hutta* 'хижина', нем. *Hütte* (**ku!já* или же **kudhjá*, откуда др.-сакс. *hutta*, *huttia*), ср. характерную дублетность и.-евр. **kut-ia*: слав. **kqt-ia* (ст.-слав. *кѣща* *кѣщѣ*, с.-хорв. *kijha*, укр. *кѣща* 'свинарник', ср. русск. диал. *кѣщатъ* 'загонять скот на ночь в хлев', *закѣщ*, *покѣщ* и т. п.) при том, что продолжения **kqt-ia* нередко сравниваются с **kqtati*, с одной стороны, и прусск. *kūnti*, с другой. Др.-греч. обнаруживает сосуществование форм с *s-mobile* и без него. Ср. *κότος* 'кожа', 'покров', 'оболочка', но и 'вместилище' и т. п., *κῶτις* 'ящик' и др., но и *κότος* 'кожа' (уже у Гомера), *κότις*, *κότιος* 'сапожник', 'кожевенник', *κότιον*, *κότιον*

и т. п. (лит. *skūtas* 'лоскут', 'клок', *skūtena* 'шелуха', 'кожура', *skiūntė* обычно отделяются от указанных примеров, ср. LEW 823—824 [к п.-евр. **skū-*: **ksū*, ср. лит. *skūsti* 'брить'], в чем, однако, полной уверенности быть не может; ср. также русск. *лоску́т* как возможный результат гаплогонии и диссимилиации: **lusko-* [русск. *лускá*] & **skut-* [: лит. *skūtas*]?). Балт. глаголы с элементом *kut-* пытались сравнивать с лат. *quatio* 'трясти', 'ударять', 'колебать' (RR II, 153, 255 и др.), ср., однако, Pok. 1, 632; с дако-румынским «плизмизмом» *a (se) zguduí* 'трясти', *a se gudurá* и т. п. (Rădulescu Stud. indoeur. ad dacorum. I, 1976, 141—144) и т. п.

— Л и т.: Bopp Über d. Spr. 1853, 32; Thes. 1873, 84; Pr. Spr. 1896, s. v.; Geitler Sitz-ber. Öst. AW. Bd. 108, 387; APSpr. 279, 284, 365; BSW 145; Būga KS 230=RR II, 255; Fraenkel APhil. 7, 1938, 28; LEW 322; SPV 108, 110, 199; Sławski Sl. Occ. 18, 1947, 262; ЭСР 2, 433; Sadnik, Aitzetmüller. HWASl. 1955, 253; Pok. 1, 952; SEP. s. v.; Arumaa Ursl. Gr. 1, 1964, 134; Scholz Slav. Etym. 1966, 69; Safarewicz Stud. językoz. 1967, 249; Schmalstieg BL 1970, 139; OP 181; St. OP 10. 084. — [**kūnti*; **kūnt'a*].

-*kūnti*, см. *pokūnti*.

kūntieis, см. *pokūntieis*.

kūntis 'кулак'. Э 113 ('*Vūft*'), в микрословаре обозначений частей руки, ср. Э 109: *Irmō* 'Arm', Э 110: *Alkūnis* 'Elboge', Э 111: *Peles* 'Mus', Э 112: *Woltis* 'Vnd'arm', Э 114: *Instixs* 'Dume', Э 115: *Pirsten* 'Vinger'. Nom. Sg. — Хотя количество этимологических объяснений этого слова очень ограничено (речь идет о двух-трех решениях), выбор между ними затруднителен, и на известной глубине слово продолжает оставаться недостаточно ясным. Траутман APSpr. 365 сооставил *kūntis* с готск. *handus* 'рука', сопроводив это сопоставление знаком вопроса. Гринберг Sitz-ber. Öst. AW. Bd. 142, 110 к этому уравнению добавил еще один член — лит. *kūmstė* 'кулак'. В Сл.-балт. этюды 20 (= Darbu izlase II, 186) Эндзелин выводил *kūntis* из **kūmptis*, которое сравнивал с лит. *kūmstė*, лтш. *kūmšķis* 'горсть' (<**kūmstis*), ср. лтш. *kampt* 'хватать' в соответствии с распространенной моделью готск. *handus* 'рука' — *hinþan* 'ловить', 'хватать', алб. *dorë*, др.-греч. *χείρ*, арм. *jeñ* — др.-инд. *hárati* и т. п. В SPV 199 осторожно сказано, что прусск. *kūntis* напоминает («atgādina») лит. *kūmstė* и лтш. *kūmste* и (со ссылкой на Траутмана) готск. *handus*. Наконец, есть еще одно расширение прусско-вост.-балт. ряда соответствий, предполагаемое уже точкой зрения де Соссюра MSL 7, 1892, 93 = Rescueil 463 на лит. *kūmstė* как результат более древнего **kūmptiā*, возникшего в результате метатезы («par la même intervention»), подобной лит. *kerū* при слав. **pekъ*, а именно из **punkstia*. Он же объяснял из формы **pūkstis* (допуская вероятное родство с н.-евр. **penk'e* 'пять') и слав. **peсть* 'пять', кулак' и др.-в.-нем. *fāst* 'кулак', ср. др.-англ. *fīst* (**fūnh-*); можно добавить, что и название пальцев в герм. (готск. *figgrs*, засвидетельствованное только в Ass. Pl. *figgrans* и в составе сом-

posita figgra-gulþ; др.-исл. *fingr*, др.-англ. *finzer*, др.-фриз. *finger*, др.-сакс., др.-в.-нем. *finger*) нередко понимается как обозначение пятирицы, ср. лит. *penkeri*, др.-ирл. *cóicer*. Точка зрения де Соссюра получила поддержку и уточнение в ряде последующих работ (Meillet Etudes sur l'étym. 1, 288; Būga Aist. stud. 149, 168; BSW 218; ЭСР 3, 423—424 и др.) вплоть до недавнего времени (LEW 309—310; Festschr. Vasmer 1956, 152; Eckert ZfSl. 19, 1974, 222). В самом деле, казалось бы, напрашивается предположение о балто-слав.-герм. общем образовании с суф. *-st-*: **pūk^h-*/**penk^h-*/**pūnk^h-* & *-st-*, тем более производящем впечатление надежности, что вост.-балт. соответствия представляют собой, пожалуй, наиболее представительное звено в кругу сопоставляемых форм; ср. лит. *kūmstis*, *-ies* 'кулак' (ср. *sugniáužti kūmstį* 'сжать кулак'), *kūmštis* 'sugniaužta rankos plaštaka', *kūmptis*; *kūmstė*, *kūmštė*, *kūmščia*, *kūmščia* (L.KŽ 6, 880, 882—883, 886—887) и целый ряд глагольных форм: *kūmščioti*, *kūmštūoti*, *kūmščiūoti*, *kūmšėti*, *kūmštelėti*, *kūmšterėti* (ср. Interj. *kūmšt!*); лтш. *kūmste* (ME 2, 312: с локализацией Rucava (Rutzau), делающей эту форму не очень показательной, и с отсылкой — *kūmt* I 'krumm, buckelig werden'). Однако в этом случае оказывается непонятным прусск. *kūntis* вместо ожидаемого **kūmstis* (во всех относящихся сюда примерах — вост.-балт., слав. и герм. — сочетание *-st-* после носового неизменно сохраняется) — тем более, что сочетание *-mst-* вполне обычно для прусск. и фонетически остается нетронутым (ср. *camstian*, {**dimst-*} и под.). Строго говоря, непонятно и *n* вм. *m* перед *t*: в прусск. сочетание *-mt-* не принадлежит к числу запрещенных (ср. *gemton*, *imt* и т. п.). Во всяком случае форма *kūntis* в указанном контексте родственных фактов кажется несколько странной. Вместе с тем и возможная связь *kūntis* с герм. обозначением руки (готск. *handus* и т. п.: *hinþan*, засвидетельствовано *frahinþandans*, *frahunþana*), вот уже сорок лет как никем не упоминаемая и, видимо, не принимаемая, не может быть окончательно сброшена со счета, хотя и доказательств ей найти трудно, пока этимология *handus* и *hinþan* признается неясной («Etymologie unsicher», «Ohne sichere Etymologie». Feist Vgl. Wb. d. got. Spr. 161, 244). Некоторые шансы могли бы возникнуть при подтверждении связи готск. *handus* с н.-евр. **k'omt-* (ср. др.-греч. *τρία-χωντα*, авест. *pri-sas-* '30'), **k'mt-* (ср. н.-евр. **d(e)-k'mt-* 'zwei Handvoll'), от н.-евр. **k'em-* 'хватать'. Но для этого следовало бы исходить или из утраты в прусск. палатального признака (перед *u*), т. е. **k'umt-*/**k'unt-* > **kūmt-*/**kūnt-*, или из факта заимствования (ср. готск. **hunþs*, засвидетельствовано *hunþ*, в значении 'добыча', 'поимка', при глагольных формах с элементом *hunþ-*), т. е. готск. **hunþs* > прусск. **kūnt-as*/**kūnt-is*. В обоих случаях немало сложностей (напр., кентумный рефлекс **k'mt-* в прусском, ср. однако сатемное *dessimst* и т. п.), которые делают и это направление поиска достаточно зыбким. Как бы то ни было, но в настоящее время нужно признать внушение некоторых сомнений в благополучности этимологии *kūntis* более уместным, чем со-

вершение выбора между имеющимися возможностями во что бы то ни стало (ср. отказ Эндзелина SPV 199 от такого выбора).

— Л и т.: Thes. 1873, 84; von Grienberg Sitz. ber. Öst. AW Bd. 142, 110; APSpr. 365; BSV 219—220; Эндзелин Сл.-балт. этюды 1911, 20 = Darbu izlase II, 186; SPV 199; Vgl. Wb. d. got. Spr. 245; ЭСР 3, 423—424; LEW 309—310, 570; Eckert ZfSl 19, 1974, 222. — [*kuntis; *kumstis??].

{*kunt-it-}, ср. *Kuntiten*, 1345 (APON 76). — См. {*kunt-}.

kūntions, см. *pokāntons*.

kūniuns, см. *pokāntuns*, *ni pokāntuns*.

{*kup-ein-}, ср. *Kupeyn*, 1320; *Kupin*, 1334; *Kuppen*, 1506, позже — *Kuppen* (APON 76). — См. {*kup-in-}, {*kup-ij-eit-(-ait-)}, {*kup-ij-ein-}, м. б. {*kup-el-isk-}. — Из вост.-балт. параллели ср. лит. *Kūpiškis*, *Kūpeliskės*, *Kupetinė* (LATSŽ 147); *Kupa* (LUEV 84; Liet. hidr. 58, 59, 103, 224; LHEŽ 173), *Kupavas*, *Kup-šakūys*; лтш. *Kupji*, *Kupeji*; *Kupeņa-cīrtums* pl. («plāvu izgājis Kupeņš»); *Kupica*, *Kupicas-kalns*, *Kupicas-plāva*; (?) *Kupāki* (?) (LV I, 2, 176—177). Вероятно, сюда же можно отнести и Нем. рг. тша лит. *Kūpė*, *Kuprūs*, *Kūpinas*, ст.-лит. *Kupin*, *Kuputis*, ср. *Kupuciowa* (Liet. antrop. 161); менее ясно лтш. *Kuppell*, *Kupenick Jacab*, *Kups Henricus* (LPV 199, 293); куршск. *Kuppell*, 1582—1585 (KF 298). Эти имена и названия объясняются по-разному и чаще всего в изоляции друг от друга. Буга РФВ 71, 54: к лит. *kūpėti*, лтш. *kūpēt* 'кипеть' и т. д.; Герулис APOH 76: скорее к лтш. *kupt* 'сходиться', 'собирается', *kupls* 'густой', 'пышный', 'густолиственный' (ср. также *Kiparski* KF 298). Ванас LHEŽ 173 допускает связь лит. *Kupa* с лит. *kūpana*, *kūpeta*, *kūpti*, лтш. *kupt*, а далее — с лит. *kāpti*, *kāpas* и т. п. (ср., LEW 313). — Прусские названия могут быть в известной мере поддержаны более поздними мазурскими данными. Ср. *Kupa* как продолжение прусск. *Saupears*, 1395 (APON 58) при варианте *Przykorpa*; *Kupenick See* (но и *Kerunek See*, *Kierunek*); к *Kupeliskien*, *Cuplissen* (APON 76) ср. поздние варианты *Kaleckie Blota*, *Gnile Łaki*, *Alter Landsee* (Słown. nazw Mazur. II, 107, 220, 341). Ср. также висл. *Kupiska* (HW 422) и существенно южнее *Kupieńska Rzeka*, *Kupna* (HW 215, 216); *Kup* (?), *Kup Maty*, *Kupienino*, *Kupieński Las*, *Kupilas*, *Kupin* (Słown. nazw geogr. PZP 153). На территории Белоруссии отмечено значительное количество сходных названий, причем несомненно балтийские элементы смешаны со славянскими и граница между ними далеко не всегда ясна. Ср.: *Kýna*, *Kýn'ë*, *Kýnišča*, *Kýnля*, *Kýnленка*, *Kýnniki*, *Kýны* (Слоўн. назв. Мінск. 146—147); *Kýniчы*, *Kýнячычы*, *Kýnлін*, *Kýнлена*, *Kýнлячы* (Слоўн. назв. Брэст.); *Kýna*, *Kýнялі*, *Kýнелішча*, *Kýніск*, *Kýнішкі*, *Kýнячычы* (Кратк. топон. слов. Белор. 189—190, с пояснением: «*кына* — возвышенное оголенное место, очищенное от леса; также голое место на поле, где погибли посевы; группы домов, деревьев, расположенных вблизи друг от друга»); *Kýna*, сенажаць дрэнная, *Kýн'ë*, поле и сенажать на месте бывшего болота, *Kýн'ë*,

Kýnina, *Kýnistá*, *Kýnistая*, *Kýnišча*, *Kýнленіца*, *Kýнлінскія Раскóсы*, *Kýннік*, *Kýннікі*, *Kýнніца*, *Kýноватнык*, *Kýны*, *Kýнына*, *Kýняціна*, *Kýнеліна*, *Kýнелішча* (Мікратап. Белар. 131—132); *kýna*, *kýn'яла*, *kýn'як*, *kýн'яла*, *kýн'ялішча*, *kýн'ялна*, *kýн'я*, *kýніна*, *kýннік* (Яшкін Белар. геагр. назвы 101—102); *Kýniški* (Брасл.), *Kýнелі* (Глыб. Витебск.), см. Літоўск. элем. белар. аном. 24, 76 и т. п. Разумеется, в этих примерах есть и несомненные славизмы (производные от *купать(ся)*, *купель*, *купля* — *купленный* и т. п.), в частности, восходящие не к **kip-*, а к **kor-*, но они входят в единый ареал со сходными балт. элементами и в той или иной мере участвуют в процесс переосмысления sub specie «балтизации». О балт. терминах ландшафта с элементом **kip-* см. Невская Балт. геогр. термин. 1977, 45—46; о блр. *kýn'як* и под. см. Толстой Слав. геогр. термин. 1969, 118. Ср. блр. Нем. рг. *Kýna*, *Kýнінскі* (Белар. нтрап. 2, 231); русск. *Купа*; польск. *Kupiniski* и т. п. — Названия с элементом *Kup-* продолжают и далее к югу и юго-востоку. Ср. не вполне ясное *Kupлудиска* в басс. Москвы (о ней см. Балт.-слав. сб. 1972, 244); окск. *Kупелка*, *Kупелинка*, *-енка*, *Kупенка*, *Kупинской* и т. п. (Гидр. басс. Оки 88, 90, 97, 117, 163 и др.); *Kупель*, *Kýніль*, *Kупа*, *Kупна*, *Kýпинець* и т. п. на Украине (Словн. гідр. Укр. 302) и т. п.; ср. к западу от Вислы *Kupentsze* (EOSON II, 92). В качестве параллелей к балт. *Kup-* в топонимии Дуриданов указал на дак. Коѣпо, замок на Дунае (Moesia superior), *Cupris*, *Cupre* (*Cuprae*). Thg.-Dak. 1969, 41. Впрочем, элемент *Kup-* известен и древней топонимике М. Азии.

{*kup-el-isk-}, ср. *Kupeliskien*, озеро, 1335; *Cuplissen*, озеро, 1370—1374 (APON 76). — Поздние замены этого названия см. Słown. nazw Mazur. II, 107. — Точное соответствие в лит. *Kūpeliskės* (LATSŽ 147), ср. также белорусские «балтизмы» типа *Kýнелішча*. Другие примеры см. {*kup-ein-}. Ср. также {*kup-in-}, {*kup-ij-eit-(-ait-)}, {*kup-ij-ein-}.

{*kup-en- (?)}, ср. *Kuppen*, 1506, позже — *Kuppen* (APON 76). — Реконструкция не принадлежит к числу надежных, так как известны и другие варианты того же названия — *Kupeyn*, 1320; *Kupin*, 1334. — См. {*kup-ein-}, {*kup-in-}, {*kup-el-isk-}, {*kup-ij-ein-}, {*kup-ij-eit-(-ait-)}.

{*kup-ij-ein- (?)}, ср. *Kupigien*, 1330; *Cupieyn*, 1339; *Cupien*, позже — *Kopiehn* (APON 76). — По Герулису, корень *Kup-* (см. *Kup-eyn*), расширенный двумя суф. *-ij-* и *-ein-*. — См. {*kup-ij-eit-(-ait-)}, {*kup-el-isk-}, {*kup-in-}.

{*kup-ij-eit-(-ait-)}, ср. *Cupigeyten*, 1310; *Cupieyten*, 1405; *Cupie-thenn*, 1458; *Copigiete*, 1515, позже — *Cobjeiten* (APON 76). — Герулис объясняет эти названия из корня *Kup-* с двумя суф. *-ij-* и *-eit-* или *-ait-*. Известную близость к этому типу обнаруживает слав. **Kup-it-i-*, ср. блр. *Kýniчы*. — См. {*kup-ein-}, {*kup-in-}, {*kup-el-isk-}, {*kup-ij-ein-}.

{*kup-in-}, ср. *Kuppien*, 1507, позже — *Cobichnen* (APON 76). — Согласно Герулису, *Kup-* с суф. *-in-*. К словообразованию ср. лит. Nom. pr. *Kūpinas*. — См. {*kup-ein-}, {*kup-el-isk-}, {*kup-ij-ein-}, {*kup-ij-eit-(-ait-)}.

{*kup-it-}, ср. *Cupritin*, 1411—1419 (APON 76). — *Kupr-* отсылает к апеллятиву, сопоставимому с лит. *kuprà* 'горб', лтш. *kuprs*. Из топонимических параллелей ср. лит. *Kūpriai*, *Kupriai* (многократно), *Kūpriškiai*, *Kūpriškis*, *Kuprióniškes*, *Kūprės*, *Kūprėnai*, *Kuprėliškis*, *Kuprėliškiai* (LATSŽ 147—148); *Kūprė*, *Kuprėlė*, *Kuprinis*, *Kupriškė*, *Kūprupis* (LUEV 84; Liet. hidr. 63, 115, 160, 177, 235; LHEŽ 173); лтш. *Kupris*, *Kupri*, *Kuprava*, *Kuprene* р|., *Kuprēni*, *Kupric(a)*, *Kuprine* р|., *Kuprinka*; *Kupr-āre* р|. (LV I, 2, 177). Применительно к топонимам актуализируется значение 'взгорок', 'подъем', 'возвышенность' (о чем см. Невская Балт. геогр. термин. 1977, 45). Показательно, что названия этого рода резко сходят на нет в смежных зонах (толкование отдельных изолированных примеров типа *Купренка* в верховьях Оки (см. Гидр. басс. Оки 36) связано с рядом неясностей), где преобладает польская, белорусская или русская речь, хотя соответствующий апеллятив отмечен в говорах соседних слав. языков. Ср. в языке западнорусских актов: Хлопятом и к у п р у по три копы грошен. . . , 1601 (Liet. žodžiai, 336). В белорусских говорах *купрб* выступает прежде всего в значениях 'горб', 'спина', реже — 'бедро', 'бедро у коровы', 'таз' и т. п., ср. *купраты* 'горбатый', *купрысты*, и встречается прежде всего в говорах, которые или являются суперстратом по отношению к балт. элементу или смежны с ним (ошмянск., ворон., новогр., свисл. и т. п.), ср. *расцэ купрб; мне купрб баліць; . . . от тойстая баба, а купры якія ў яе; З'була купрб, йак ск'инулас'а з гары, У купру дам зарас!* и т. п. (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 575: наиболее обширное собрание словообразовательных типов и значений; Матэр. слоўн. Гродз. 251; Белар. дыял. слова 91; LKK 16, 1975, 181; 17, 1977, 139; Весці АН Белар. 1969, № 4, 129; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 96, 144. Польск. *kuper*, *kupra* 'зад', 'тыльная часть туловища у птиц' также тяготеет к сев.-вост. территории и, в частности, отмечено в Литве (тракайск.); см. Malinowski Pr. fil. 1, 1885, 187, ср. Słown. gwar polsk., s. v. Во всех этих случаях речь идет скорее всего о лексических балтизмах, что, строго говоря, не противоречит тезису об исконном родстве этих балт. и слав. слов (SEP 3, 372), который в свою очередь нуждается в более специализированном доказательстве. — Элемент *kupr-* достаточно распространен в балт. антропонимии. Ср. лит. *Kuprys*, *Kupraitis*, *Kupronis*, *Kūpriūnas*, *Kuprėnas*, *Kuprāvičius*; *Kuprėlis*, *Kuprėvičius*; ст.-лит. *Kupris*, *Kupri-an*, *Kuprowicz*, *Kuprowa*, *Kuprowna*, *Kuprowiczowa*; *Kuprelis* (Gen. Sg. *Kuprela*), *Kuprelonis*, *Kuprelowicz* (Liet. antrop. 161); ст.-лтш. *Jane Koppers*, 1532; *Harmen Kopper*, 1573, *Hermen Koppers*, 1595; *Kopper*, 1587; *Kopper Hans*, 1607; *Margreta Kopperyn*, 1518; *Michel Cuprytz*, *Mychgel Kuprytz*, 1545; *Herman Kupritez*, 1561 (LPV 198—199); блр.

Купер. уменьшит. *Купрык* (ср. русск. *Куприн*, *Куприков*), см. Белар. антр. 2, 232 и др., а также данные по польским фамилиям этого типа. Антропонимические данные также свидетельствуют об иррадиации элемента *kupr-* из балт. зоны на славянскую периферию. Вместе с тем прусское свидетельство является единичным, и поэтому оценка надежности построенной на нем реконструкции не может быть высокой. Можно скорее ограничиться предположением о наличии в прусском апеллятива, описывающего определенные объекты ландшафта и имеющего корень *kupr-*; не исключено (но не более) и употребление этого слова для обозначения соответствующей части тела (существенно, что в словарных данных по прусскому языку отсутствует слово для 'горба'). Зато с уверенностью можно говорить об оригинальности словообразовательной модели, распространение которой в балто-слав. ареале образует важную топонимическую изоглоссу: прусск. **Kupr-it-* — слав. **Kupr-ič-* (< **Kupr-it-ī-*).

{*kups-av-(-ov-)} ср. *Kupsow*, 1408; *Kopsau*, позже — *Kupzau* (APON 76). — Герулис сраживал это название с Nom. pr. литовца *Kūpsas*, выделяя суф. *-av-*. — Ср. также лит. *Kupšiai*, *Kupšėliai* (LATSŽ 148), *Kupšinė*; лтш. *Kupša*, *Kupsche*, 1811, 1835, *Kupšas*, *Kupši*, *Kupš*, *Kupšs*, *Kupšis*; *Kupšāts*, *Kupšēli*, *Kupšene* р|., *Kupšēni*, *Kupšaini*; *Kupša-māja*, *Kupš-kalns*, *Kupša-kalns*; *Rāvu-kupša* (LV I, 2, 178); ср. *Kupšini*, *Kupšitis*, *Kapu-kupsa* (?). Любопытно в этом контексте название урочища *Kūpna* в Камаринск. р-не Гомельск. обл. (Мікратап. Белар. 132). Вероятна связь этих названий с апеллятивами, ср. лит. *kūpsas*, *kupsėlis* (Lazdūnai), *kūpstas*, *kupstà*, *kupsnà*, *kupsnys*, *kūpstis* 'поднятие на поверхности земли', 'взгорок', 'холмик', 'куча', 'пень, заросший мохом' и т. п. (LKŽ 6, 934—937); лтш. *kupsa*, *kupss*, *kupsis* 'группа деревьев', 'ограда из деревьев', 'дикий кустарник', *kupsna* 'песчаный холм (куча), нанесенный ветром', *kupnis* 'пук', 'пучок', 'хохол' (ME 2, 319; EH 677 [ср. *kupsains* и др.]), не говоря о других словообразовательных типах, ср. лит. *kūpeta*, *kupelys*, *kūpena*, *kupurna*, лтш. *kupata*, *kupena*, *kupene* и соответственно глаголы — лит. *kūpti*, лтш. *kupt* (см. LEW 313). В этом случае речь идет об обширной группе слов, которые связаны с лексемами, характеризующимися полной звуковой степенью корня (лит. *kūpas*, *kūpas* : *kūpti*; *kūpa* и т. п., см. LEW 231), и, следовательно, с соответствующим прусским апеллятивом, реконструируемым на основании названий типа *Caupaps*, *Kaupsitte* и под. (см. Пр. яз. III, 283—284: {*kaup-}, {*kaup- & *ap-}). Таким образом, для слов этого корня и в прусском восстанавливается морфологическая пара **Kup-* : **Kaup-*. Очевидная для литовск. связь *kūpas* с *kūpras*, *kūprė* и далее *kūbras*, *kaubrė*, *kauburyš* и т. п., лтш. *kaupre*, *kaubras* и т. д. и, следовательно, с лит. *kuprà*, *kupris*, *kuprys*, лтш. *kuprs*, *kupris* (см. Невская Балт. геогр. термин. 37—38, 44—46) позволяет и в прусском связать в одну семью **kup-* : *kaup-* с **kupr-* (см. {*kupr-it-}), *kaubri* (см.) и всех их с *kups-*, где элемент *-s-* выступает как расширение корня. — Подоб-

ные же образования выступают в фракийской топонимии, на что обратил внимание Дуриданов *Thr-Dak.* 1969, 12, 43—44, 88, 99. Ср. *Κύψελα* (Ptol. III, 11, 7; Polyaeon. IV, 16; ныне — *Ipsala*), и далее, в частности, на монетах, ср. также *Cypsela*. (Liv. XXXI 16, 4) *a Cypselis* (Ibid. XXXVIII 40, 6), *oppida Cypsela Bisanthe* (Plin. NH IV, 43): *ingens aliquando Cypsela* (Pomp. Mela II, 24); *Gypsala* (Itin. Ant. 332, 2); *mansio Gipsila* (Itin. Hier. 602, 5). Таким образом восстанавливается фрак. исходная форма **Kupsela* (: лит. *kup-sēli*), дающая основание для предположения о существовании апеллятива **kupsa* и в фрак. В этом случае перед нами еще одно из целого ряда совпадение в номенклатуре ландшафтных обозначений между балтийским и балканским ареалами.

kupsins 'мгла', см. уточнения далее. Э 46 ('Nebel'), ср. соответствующий контекст атмосферно-метеорологического словарика. Nom. Sg. masc. или Acc. Pl. masc. (см. ниже). — Форма *kupsins* может морфологически трактоваться двояко, как и другая форма, находящаяся неподалеку, *grumins*. Э 51, принадлежащая к тому же фрагменту словаря. Обычно в форме *kupsins* видели Nom. Sg. masc., хотя эксплицитного определения этой формы обычно избегали. Мажюлис РКР II, 308 справедливо заметил, что *kupsins* могло бы быть и формой Acc. Pl. от основы на *-i* (иначе говоря, предполагается, что Nom. Pl. представлял собой своего рода соответствие лит. «*rūkai*», «*griausmai*»). Выбор между этими двумя трактовками затруднителен. Более того, нет уверенности в том, что не существует и некоей третьей возможности. Во всяком случае минимальная метатеза легко могла превратить в *kupsins* весьма правдоподобную форму типа **kupsnis* (ср. лит. *kvapsnis* того же корня). К сожалению, невозможность сделать правильный выбор в этом случае отрицательно влияет не только на морфологическую идентификацию слова, но и не дает возможности определить его словообразовательный тип (**kups-is*, **kups-in-(a)s*, **kup-sn-is*?). — Не исключено, что и в области определения значения положение сложнее, чем это предполагают, исходя из нем. *Nebel* как переводимого слова ('туман'). Кажется, некоторые заключения (хотя бы в ограниченном плане) могут быть извлечены из анализа последовательности лексем во всем указанном выше микрословаре (Э 45—Э 58). Этот фрагмент построен, так сказать, по «нисходяще-оплотняющему» принципу: от воздуха, атмосферы в целом (Э 45: *wins* 'Luff') до осадков (Э 54: *Keytaro* 'Hagl', Э 55: *Snaygis* 'Sne', Э 56: *Ladis* 'Js', Э 57: *Passalis* 'Vroft', Э 58: *Groffis* 'Ryf'). Между этими полюсами, своего рода начальной причиной и конечными результатами, располагаются две группы слов. Одна из них описывает явления, выступающие как кульминация того, что может происходить в атмосфере: ливень, гром, грохотание, молния, ветер (может быть, сильный ветер, вихрь, ураган), ср. Э 49—Э 53. Место этой группы слов перед фрагментом, обозначающим осадки (причина → следствие). В свою очередь словам Э 49—Э 53 предшествует группа лексем,

которая обозначает воздушные явления, выступающие сами как причина кульминации — грозы. Речь идет о трех словах — Э 46: *Kupsins*, Э 47: *Aglo* 'Reyn', Э 48: *Mercline* 'Meltowe' (Э 48 дается в конъектуре, о которой теперь см. РКР II, 16). Можно думать, что и внутри этой триады слова упорядочены по тому же принципу возрастания обозначаемых этими словами проявлений признаков кульминации. В самом деле, последнее слово триады *Mercline* образовано, видимо, от **merkl-* или **mergl-* (ср. лит. *mirksėti* или *mirgėti*) и обозначает что-то вроде посверкивания, поблескивания непосредственно перед грозой (возможно, отдаленные сполохи, еще без грома в отличие от молнии). Этим «сполохам» предшествует явление, обозначаемое словом *aglo*, переводящим немецкое *Reyn*. Оба последних объяснения прусск. *aglo* (Mažiulis ZiSI 19, 1974, 212—214 и Пр. яз. I, 58—59) исходят из неудовлетворительности или формы или значения этого слова. В данном случае существенно, что Мажюлис мотивирует значение 'Reyn' ('дождь') цепочкой 'слепота' (ср. лит. *āklas*, лтш. *akls*), 'тьма' → 'черная туча' → 'дождевая туча', откуда — 'дождь'. В Пр. яз. I, 58—59 высказывается предположение, что *aglo* обозначало нечто вроде мелкого моросящего дождя, собственно — измороси (м. б., с туманом). Если верно традиционное сопоставление *aglo* с др.-греч. ἀγλῶς 'мрак', 'мгла', 'тьма', то, видимо, верно и то, что словом *aglo* обозначалась средняя фаза предгрозы — потемнение, сопровождающееся проицанием воздушной субстанции мельчайшей водяной пылью — изморосью. Некоторый аргумент в пользу такого толкования *aglo* (не как 'дождь' и уж во всяком случае не как 'дождь по преимуществу') можно почерпнуть в том, что слово для действительного дождя (м. б., даже ливня, ср. *lijimas* в литовском переводе РКР II) появляется в нужном месте схемы и не раньше, ср. Э 49: *Suge*, которое тоже переводит нем. *Reynen*. Трудно предположить, что и *Suge* и *Aglo* синонимы, хотя бы sub specie нем. *Reyn*, *Reynen*. Если согласиться с предлагавшимися до этого момента рассуждениями, то анализируемое здесь слово *kupsins* должно обозначать некое состояние, предшествующее той мгле-измороси, которая обозначалась как *aglo*. Скорее всего им должно было быть то усиленное роение, «кипение», облаков (обычно кучевых), когда они преобразуются в дымчатые облака (*Что за земля! А небо? . . . точный дым* в пушкинском «Каменном госте») и далее в дождевую тучу, в мглу, в своего рода туман (ср. нем. *Nebel* в этих значениях; так же 'дым', 'путаница' и т. п.). Собственно говоря, это состояние перехода от спокойного неба к тучеобразованию через стадию усиленного сгущения и активного клубления облаков, а также их высветления (выбеления) в результате возрастающего контраста между ними и быстро темнеющим небом (изменение освещения) и обозначается, видимо, лексемой *kupsins*. Лит. *rūkas*, которым Мажюлис РКР II, 16 переводит прусск. *kupsins*, довольно удачно относится к описываемому здесь атмосферному состоянию. Ср. определение *rūkas*

в LKŽ 11, 916 (—917): «smulkučiais laeliais virtusių vandens garų telkinys apatiniuose atmosferos sluoksniuose, migla, ūkas» (но и 'дым'; 'дым', 'курение' и т. п.; ср.: Коре́ (Varog Plamma. *Rukas*) garas. Szygv. Dict. 3, 120). — Традиционное этимологическое объяснение прусск. *kupsins*, по сути дела, тоже подтверждает семантическую мотивировку слова и природу обозначаемого им явления. Однако неразработанность вопроса о самих и.-евр. источниках *kupsins* и его соответствиях в отдельных языках существенно искажает всю перспективу традиционного объяснения. Очень вероятно, что и.-евр. **kecep-*: **keṣp-*, **keṣp-*, **kāp-* 'дымить(ся)', 'курить(ся)'; 'бурлить', 'кипеть', постулируемое Рок. 1, 596—597 и относящееся как к миру физических явлений, так и к обозначению душевных движений, нуждается в дополнительной мотивировке на уровне более элементарных механических отношений. В самом деле, анализ семантических мотивировок этих понятий (ср. хотя бы статью Voil (vb. intr.). Buck. Dict. Select. Syn. 10. 31) показывает, что часто исходными являются пространственные понятия, связанные с определенными отклонениями от нейтральной поверхности — искривлением, вздутием, образованием воронки, круговорота и т. п. Поэтому едва ли было бы большой смелостью сопоставление реконструированного Покорным и.-евр. **kecep-*: **keṣp-* и т. п. с и.-евр. **kec-*, **kec-*, выступающим, в частности, в расширенном корня *-p-* и обозначающим двоякое изменение поверхности — ее вздувание, поднятие (выпуклость) и ее оседание, опускание, провал (вогнутость), причем в обоих случаях некая вертикально направленная сила действует по центру (что, собственно, и создает выпуклость или вогнутость, кстати, характерные для разных стадий «кипения»), ср. балт. факты со значением 'пригорок', 'горб', 'куча', др.-перс. *kauja-* 'гора', алб. *kjipë* 'куча' (< **kāpījā*), ср.-ирл. *cūan* (< **ko-urnā*) и т. п., с одной стороны, и др.-инд. *kūpa-* 'яма', 'впадина', 'полость'; др.-греч. *κόπη* 'отверстие', 'дыра' (ср. *κόπη* в глоссе Гесихия), *κόπελλον* 'кубок'; лат. *cūpa* 'бочка', 'кадка'; слав. **kъp-* 'vulva' < **kup-* (ср. чеш. *ker*, польск. *kiep*); герм. обозначения полостных форм типа др.-англ. *hūf* 'улей', др.-нел. *hūfr* 'Schiffsrumpf' и т. п., с другой. Связь **kecep-*: **keṣp-* с **kec-p-* подтверждается и специфическими общими словообразовательными типами: ср. др.-греч. *κόπος* 'сосуд, являющийся мерой для зерна', др.-нел. *hūfr*, др.-в.-нем. *hovar*, др.-англ. *hofer*, лит. *kuprà*, лтш. *kups* и т. п., но сабинск. *cuprum* 'bolium' ('**erwünscht*', с предполагаемым пассивным *-ro-*), умбр. *Cubrar* 'Bonae', др.-ирл. *ad-cobra* (< **kuprāt*), ст.-сл. *купръ* 'продырявленный', чеш. *kuprý* 'воздушный', 'рыхлый', *kupřiti* 'рыхлить', в.-луж. *kipry* 'слабый', 'дряхлый', 'рыхлый', *kiprić*; ср. с.-хорв. *kipra* и т. п. — В этом контексте, возможно, получает более полное истолкование ориентация обозначений облака, превращающегося в грозовую тучу (ср. выше о *kupsins*), на два круга понятий — кипение, вскипание, хаотически-бурное движение и вздымание, вспучивание, образование куче- и кучнообразных форм.

В этой связи показательны некоторые данные русского языка, совмещающие в себе типологическое и генетическое сходство и реализующиеся на уровне образов. Ср., с одной стороны: *Журавль у ветхого колодца*, | *Над ним, как кипень, облака...* у Ахматовой при *кипеневые облака*, *облако кипенем*, откуда вытекает возможность отождествительной конструкции **облако—кипень*. С другой стороны, ср. мандельштамовскую картину начинающегося дождя: *... Он по-дает куда как скупо | ... Немного нам, немного купам | ... И в темноте растет кипень е — | Чаинка легкая возня, — | Как бы воздушный муравейник | Пурет в темных зеленях* («Московский дождик»; ср. также *гром и пещи и кубок* как образ дождя у Тютчева). Это русское слово, имеющее свои соответствия и за пределами русского языка, восходит к праслав. **купень*, из и.-евр. **kāp-en-is* (уместно подчеркнуть, что в прусском слове скорее всего речь идет о долгом корня — **kāpsins*), формы, достаточно близкой к балтийским и естественным образом связанной как с исходным **kupēti*, так и с производными в отдельных языках типа *kipēnīties* 'горячиться', 'волноваться', 'возбуждаться' (см. Даль; СРНГ 13, 215 и др.). Исходная форма с полным вокализмом корня, возможно, отражена в таких случаях, как русск. *купень*, *купена*, обозначающих разные широколиственные растения (СРНГ 16, 100), как и *куп*, *күпа* и т. п., о чем см. выше (слав. **kup-* < и.-евр. **koip-*). Понятно, что подобные примеры имеют соответствия и в других слав. языках. Не менее показательны и вост.-балт. формы. И среди них, как и среди слав. примеров, должны быть учтены факты двух родов: во-первых, лексемы, восходящие к и.-евр. **kecep-*: **keṣp-*: **kāp-* 'дымиться', 'куриться', 'кипеть' (ср. образы дымящихся, курящихся, кипящих облаков, тумана, мглы), ср. лит. *kūpėti* 'кипеть', 'убегать' (при кипении), 'бушно (пышно) возрастать', 'преизбыточествовать' (ср.: *Rūksta, rūksta pravarielis, kūpa, kūpa midutėlis*), *kupėti* (ср.: *... kupėjo, kupėjo virgalas...*; *Ant kalno kuparugiai ir želia*), *kvėpti* 'дышать', 'вдыхать', *kvėpti* 'издавать запах', 'пахнуть' и т. п.; лтш. *kūpēt* 'дымиться', 'чадить' (*še dūmiņi nekūpēja*. BW 6961; *maza migliņa kūpēja pa vilniem; rudzi zieduot kūp*), *kūpt*, *kūpuojuot*, *kvēpt* и соответствующие именные образования, среди которых ср. особенно лтш. *kūpaiņi* 'Rauch', 'Ausdünstung', *kūpains* 'чадный' и т. д., но и *kūpeiņi* = *kvēpi*, *kvēpi*, и, вероятно, *kūpenis*, *kūpinis* 'дождевик' (бот.), *Bovista Dill.* (т. е. гриб *Lycoperdon* (*Bovista*), пурхавка, бздюх, табачник; ср. поговорки типа: *Случайный человек, что дождевик: вскочил и лопнул*. Даль; кстати, иногда и ст.-сл. *купръ* *күрѣвон* выводят из того же корня — **koip-r-*: **kecep-*: **kāp-*), см. LKŽ 6, 923—925; ME 2, 336—337; EH 684; *Erg'em. izl. vārdu*. 2, 148); во-вторых, лексемы, продолжающие и.-евр. **kec-p-* как обозначение некоей формы — 'выпуклость', 'вздутие', 'пригорок', 'кочка', 'куча', 'куна', 'конна' и т. п. (ср. образ *кучы облаков*, *кучевых облаков* и т. п.); лит. *kupnà*, *kupsnys* (*kupsnėti*, *kupsnuolis*, но и *kūpėti*, ср. прусск.

kup-s-ins), *kupstà*, *kùpstas*; *kùpinas* 'полный', 'с избытком', 'с избытком' (ср. Grūdu priplik k ū r i n a p ū r a, t. y. su kaupu), *kùpinis*, то же, *kùpena*, *kùpana*, *kùpeta*, *kupetījs*, *kupstà*, *kùpstas*, *kùpstis* и т. п. (LKŽ 6, 919, 922—927, 934—937) и особенно показательное *kùpsas* (: *kup-s-* при прусск. *kup-s-ins*) и т. п. при *kaipti*, *kūora*; лтш. *kupeņa* 'куча', 'сугроб', *kupeņa*, *kupeņis*, *kušana*, *kupeņa*, *kušana*, *kušana* и т. п. (ME 2, 317). — Остальные и.-евр. языки представлены такими соответствиями прусск. *kupsins*, которые сильно проигрывают в близости приведенным вост.-балт. и слав. примерам. Некоторым исключением промежуточного характера можно считать алб. *kapitem* 'тяжело дышу' ('обессилен' и т. п.) при лит. *kūpioti* с тем же примерно значением и др.-греч. *καπνός* 'дым' (ср. Гомер. ἀπό δὲ φουχῆν ἐκάπνεον; κάπνος и κάπος 'πνεῦμα. Гесих.), *καπνῶω* 'окутывать дымом', *κάπνεος* 'дымчатый', *καπνίας* 'окутанный дымом', 'темный' и т. п., из **kūap-no-s* как обозначения некоей субстанции, через которую могут описываться и атмосферные явления. В других языках генетически связанные формы обычно концентрируются на передаче душевных аффектов (ср. др.-инд. *kūpyati* 'гневаться', *kōra-* 'гнев', *korāyati* и т. п. [*korayisnu*—Adj. дезидеративного типа]; лат. *cupio* желать и др.; в отношении *vapor*, понимаемого обычно как отражение **kūapōs* [$>$ ст.-лат. *uapōs*], существует и иное объяснение, ср. Persson Beitr. idg. Wortf. 1912, 525—527; LEW 326 и др.; др.-ирл. *ad-cobra* 'желает'); о готск. *af-harpan* *συνπνίγειν*, *ἀποπνίγειν*, *σβεννύναν*, *af-harpan* см. Feist Vgl. Wb. d. got. Spr. 7. — Анализ *kupsins* и его соответствий поучителен в том смысле, что выявляет довольно уникальную ситуацию внутри продолжений и.-евр. **keqer-*: **kūep-*: **kūp-* и т. п., когда лексема этого корня употребляется в атмосферно-метеорологическом смысле. Приведенные русские примеры (облака как кипень и т. п.) интересны в том отношении, что фиксируют ту стадию, когда складывались предпосылки для формирования лексемы типа прусск. *kupsins*, хотя общая тенденция не обнаруживается глубже, чем на уровне факультативных образов. Слав. и вост.-балт. примеры актуализируют тему скрещения двух ставших самостоятельными семантических мотивов, учет которых важен для составления более полной картины истории этимологических связей *kupsins*.

— Лит.: Person AM 7, 1870, 583; APSpr. 365; BSW 147; Буга РФВ 67, 1912, 242=RR I, 331; Loewenthal ZfslPh 6, 1930, 375; Vgl. Wb. d. got. Spr. 7; SPV 199; ЭСР 2, 236; LEW 325; Pok. 1, 596—597; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 55, PKP II, 308. — [**kupsins*; **kūpsins*; **kūpsnis* (??)].

kūra 'творить', 'сотворить' (lf). K III, 63, 23 (... bhe deiws Rikijs kūra ainan gennan essestan Greiwakaulin... '... Vnd Gott der HERR bawet ein Weib auß der Liebe...'). 3 Sg. Praet. — Определение формы как Praet. не является безусловным и единодушным, хотя оно все-таки представляется наиболее вероятным. Альтернативное решение — 3. Sg. Praes. Строго говоря, оно никем не

выдвигалось ни как единственное, ни как основное. Скорее оно возникло как попытка объяснения двух рядов несоответствий,носящая в общем теоретический характер. Исходя из того, что формы 3. Sg. Praet. в вост.-балт. языках имеют в этом глаголе в исходе *-ē* (ср. лит. *kūrē*: *kūrti*, лтш. *kūre*: *kūrt*; ср., впрочем, *kiura*, видимо, с потерей палатализации, см. Endzelin KZ 43, 1909, 17 = Darbu izlase II, 106) в отличие от прусской формы, оканчивающейся на *-a*(=*-ā*), Эндзелин SPV 116; APPr. Spr. 178 сделал допущение, что при условии правильности этой формы («Ja forma *kūra* ir raiceiza...») она могла бы быть истолкована и как 3. Sg. Praes., чему соответствовала бы форма *bawet* немецкого текста. Наконец, само отношение типа прусск. *kūra*: лит. *kūria* (Praes.) имеет аналогию, ср. лтш. *dīrā*: лит. *dīria*. Тем не менее, два обстоятельства вынуждают с особой осторожностью отнестись к предположению Эндзелина и держаться традиционного мнения (сам Эндзелин SPV 199 определяет форму *kūra* как «rag. [?] 3. p.»): во-первых, примеры Praet. в прусских текстах слишком малочисленны, чтобы на их основании строить надежные заключения, и, однако, фиксируют обе разновидности этого времени: *ā*-Praet. и *ē*-Praet. (ср. *kūra*, *provela[din]*, *limatz*, *dinkowatz*, но *weldē[din]*, *ismigē*, *pertraŋki*): о третьей разновидности *ai*-Praet. (*dai*, *signai*, *postai*, *widdai* и др.) здесь не говорится — тем более, что существует точка зрения об исключительно графическом характере этого *-i* (St. OP 8.040: ср.-н.-нем. графический прием обозначения долготы гласного); во-вторых, существуют и другие (помимо указанного) примеры несоответствия в выборе разновидностей Praet. между прусск. и вост.-балт. (ср. *provela*, но лит. *vylė*; *ismigē*, но лит. *migo*, лтш. *miga*). Учитывая специфику того звена в классификации прусского глагола, которое занимает *kūra*, можно с достаточным вероятием реконструировать противопоставление презентной и претеритальной основ (**kūr'a*: **kūrā*), а также I-фин. **kuri(wei)*. О морфологической структуре *kūra* см. Wiedemann Liet. Prät. 1891, 92, 144 сл.: APSpr. 289, 365; van Wijk IF 34, 1914—1915, 371; SPV 116, 199; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 199, 200; Vgl. Gr. 1966, 375—376; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 359; Schmalstieg BL 1970, 139; OP 181; St. OP 8.040: 8. 301. — Прусс. *kūra* принадлежит к числу *ἀπαῖ λυόμενον*, что воспринимается как нечаянная неожиданность на фоне высокой частотности лит. *kūrti* и при учете того, что речь идет о глаголе творения, который должен был бы неоднократно появляться в тексте. Вместе с тем довольно развитый синонимизм в пределах этого семантического круга (ср. *teikut* 'создавать', *tickint* 'делать', 'machen', *seggit* 'делать', 'tun', ср. *segisna* 'Тун') настраивает на предположение о неслучайности такой отнесенности этого глагола, который, кстати, и в латышском и в славянских языках обнаруживает тенденцию к далекой специализации (или — при предположении, что этот глагол уже в и.-евр. эпоху был своего рода *terminus technicus* — к сохранению глубокого архаизма из ритуаль-

ного словаря). Наконец, характерно, что топика творения передается и другими глаголами и соответствующим именем (ср. передачу нем. Schepffer через *ast taykovuns, est tykynnons* или фрагмент К III, 29, 30: *As druwē kai mien Deivs Teikūnus ast sen wissans pergimmans...* '... das mich Gott geschaffen hatt...' и т. п.). — Наиболее точное соответствие прусск. *kūra* обнаруживается в лит. *kūrti* 'создавать', 'творить'; 'основывать', 'устанавливать', 'учреждать' (ср.: *Jei Viešpats nebudavoį namų, tada norosnai dirba, kurie anus kuria. Bretk. Psalt. 127, 1; Sava butą ant uolos kuria. Clavis Germ. — Lith. II. 671; Ei kūriau, kūriau marga dvarelių ant aštuonių kampelių. Prūs. liet. dainos 224 и др.), но и 'разводить (огонь)', 'разжигать' (т. е. 'делать огонь, костер'); 'поселяться'; 'обогащать'; 'быстро бежать', 'мчаться' и т. п. (см. LKŽ 6, 974—975; ср. специальную главу «Kurti» в KS 104—106 = Būga RR II 127—128). Тем не менее даже в литовском значения 'создавать', 'творить' и т. п. в *kūrti* следует считать не центральными, а отнесенными несколько на семантическую периферию. И в синхронном плане и, пожалуй, в плане диахронии исходным следует признать значение, относящееся к разжиганию, разведению огня, к его воскурению. Характерны два полюса, дающие ряд оснований для суждения о положении дел. Один из них — префиксальные глаголы с корнем *kur-*, свидетельствующие об объеме этого значения; ср. *antkūrti* 'уžkūrti (ugni)', *apkūrti* 'ugni aplink sukūrti', *atkūrti* 'iš naujo, vėl pakūrti (ugni)', *įkūrti (inkūrti)* 'idegti', 'įkūrenti', *iškūrti* 'pakūrti', 'iškūrenti', *pakūrti* 'padėti malkų ir jas uždegti' (ср.: *Tarnai buvo pakūre ugnį iš anglių viduj namų. Bretk. Post. I, 371; ср. Szyrv. Punkt. sak. I, 243), pėrkūrti* 'nedaug pakūrenti', 'iš naujo pakūrenti', *prakūrti* 'padėti kūrenti', 'uždegti malkas', *prikūrti* 'priedėti malkų į ugnį', *rakūrti* 'užkūrti (ugni)', *sukūrti* 'idegti (ugni)' (ср.: *Sukūriu ugnį. Szyrv. Dict. 173), užkūrti (ažkūrti)* 'uždegti', 'įžiebtį ugnį' (LKŽ 6, 974—979), а также производный от *kūrti* глагол *kūrėnti* 'топить' (*kūra deginant, kaitinti, šildyti*. 6, 945) и связанную с ним фразеологию (ср.: *Ugnis nekurstoma nesikūrena. Patarl. ir priežodž. 277; laimė reič kūgėna; reič kūgenti* и т. п., 6, 945—946). Другой полюс — глубокий архаизм, восходящий к н.-евр. древности. — ритуально-поэтическая формула возжигания огня (первоначально — священного) *ūgnį kūrti*. Ср.: *Kūrķ ugnį ant ugnia vietos (Jušk.); Pagiry ugnį kūriau (Jabl.); Jei iš šiaudų, skiedrų, drožlių ir skuju turi kurti ugnį, niekados nedėk jų daug vienkartu (S. Dauk.); Kurias ugnis ir be vėjo; Nei ugnis kūrias, nei vanduo verda — jauno bernelio širdelė vysta* и т. п. (LKŽ 6, 974), а также соответствующие латышские и славянские примеры. В латышском это архаичное значение и до сих пор остается не только на первом плане, но и решительно преобладает над всеми другими. Ср. лтш. *kūrt* 'разводить огонь', 'разжигать', 'расталкивать' и т. п. (ср. *nekurķtu uguntiņu, būtu**

*māmiņa nekūrsi. BW 15403; tur uguns nekūrās, kur nav lāga kūgējiņa. ME 2, 326; EH 679; Ērg'em. izl. vārda. 2, 153; Jākūr uguns, tā būs kēķis silc; jākūr uguns aūkšā, jāpsilda ūdēnc и др.), где смысл 'творить', 'создавать', 'делать' обнаруживается лишь при экспликации основного значения: 'разводить огонь' → 'сотворить огонь' и т. п. То же относится к лтш. *kurēt, kūrīnāt* 'топить' (: лит. *kūrīnti*) и т. п. О формуле *ugni kurt* см. Эндзелин Сл.-балт. этюды 1911, 19 = Darbu izlase II, 186; Būga KS 105 = RR II, 128 и особенно Blese KZ 75, 1958, 191—206; Hauzenberga—Šturma ZfslPh 25, 1956, 53—57 и др.; LEW 319; ср. также *kūrējs* 'возжигатель': *kūrēju kūrējs, ein heidnischer Priester [?]* (ME 2, 337); *kūrums* 'возжигание' (*paldies saku tētiņam par pirtiņas kūgumiņu. BW 1281*) и т. п. Тем не менее, и в латышском обнаруживаются следы значения 'создавать', 'сотворить', которое представлено в прусск. *kūra* и в лит. *kūrti*. Речь идет как раз о лтш. *kūrējs* 'творец', 'Schöpfer' (EH 684) ср. лит. *kūrējas* 'возжигатель', но и 'творец', 'создатель', 'строитель' (ср.: *ne tie viens ir dzīves kūgējs, nedz uotrs. Jaaš. Dzimtene II², 295; puostitāja vedekliņa, ne dzīvītes kūgējiņa. BW 22540. EH 684*). Слав. примеры, соответствующие балт. фактам (см. о них Мартынов Арчал. иссл. 1977, 183), показательны в том отношении, что они почти исключительно фиксируют специализированные значения, так или иначе связанные с огнем ('топить', 'отапливать', 'зажигать', 'дымить', 'курить', 'окуривать' и т. п.). Ср. слав. **kuriti* (< **kour-*), **kur'q* (: лит. *kurū*, лтш. *kuģu*): ст.-сл. *коурити (ѡА) капвї, ѡбдѡ*, болг. *кѹрна* 'зажигать', *курнж* 'да запалж', 'да подпалж', 'да палж' (Речн. бълг. 2, 434), с.-хорв. *кѹрити* (в зап. части ареала) 'топить', 'разжигать (огонь)', 'разводить (огонь)', *кѹрити* 'пылить', *кѹрити се* 'дымиться', *кѹрит се* 'куриться', 'порошить' (о снеге) и т. п. (согласно Etim. rječn. hrv. 2, 242, первоначальное значение — дымиться, куриться, подтверждаемое, в частности, глаголом *кѹрњавити* от **курњава*), словен. *kūrili* 'топить', 'отапливать'; чеш. *kouřiti* 'курить', 'дымить' (: *kouř* 'дым', ср. диал. *kāřenica, kūrava*, словц. *kūr(ň)ava* 'темное облако', 'мгла' и т. п.), словц. *kūrili*, в.-луж. *kuric*, н.-луж. *kuris*, польск. *kurzyć* 'дымить', 'курить', но и 'пылить', 'сыпать', 'мести' (о снеге), *kurzyć się* 'дымиться', 'куриться', 'тлеть', но и 'пылиться' (ср. *kurzawa* 'пыль', 'облако пыли'; 'метель', 'вьюга'), ст.-польск. *kurzyć (się) dymić*, 'ragować', 'korcić', кашуб. *kuřec (sq)*, слов.-помор. *k'ur'ec* (Rom. Wb. 1, 433) ст.-русск. *курити* 'раскладывать огонь', 'разжигать' (*Мы с робятами... огонь курили. Аввак. Жит.*), 'жечь'; 'топить', 'отапливать'; 'окуривать'; 'курить' и т. п., *куритися*; русск. *курить*, в частности, в говорах — 'топить', 'окуривать', 'коптить', 'добывать смолу путем перегонки', 'дымить', 'куриться', но и 'ехать', 'быстро бежать' (ср. то же значение в лит. *kūrti*); особенно существенно — 'производить бедствие, вред', 'проказить', 'делать необдуманное' и т. п. (СРНГ 16, 127—128), в чем можно видеть отзвук значения 'делать',*

'творить', 'создавать' (ср. *делать беду* — *бедокурить*; *И на курил он беды несносныя*. Кирша Даншлов № 49); блр. диал. (сев.-зап.) *кўрыць, кўраць, кўрыці, кўрыты* 'курить', 'дымить'; 'окуривать'; 'пылить'; 'мести' (о метели) (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 586—587; ср. *кўрэва, кўрэдым, кўрэць, кўрэты* 'дымить', 'тлеть', 'подгорать'; укр. *кўрыти* 'курить', 'дымить', 'пылить', 'мчатся, подымая пыль'; 'кутить', 'пьянствовать' (Гринченко 2, 329). Не исключено, что в слав. языках как-то отражены и формы этого же корня с нулевым (как в балт.) вокализмом. В этой связи уместно обратить внимание на русск. диал. (смоленск.) *кўрсать* 'выбивать огонь огнем из кремня' (СРНГ 13, 224; если только не из *кресать*), которое могло бы восходить к **kūrsati* (< **kūr-sa-tei*), т. е. к форме, очень напоминающей потенциальное балт. образование типа лит. **kur-so-ti* (: *kūr-ti*, ср. лит. *kūr-st-yti*, лтш. *kuř-st-īt*), подобно *dūbti*: *dūb-só-ti* и т. д. (специального разыскания требует ответ на вопрос о том, относится ли к этому корню болгарское слово *чур* 'дым', ср. *чуря* 'дымить', восходящее к **keur-/:*kour-/*kūr-*). Вместе с тем можно думать и о более отстоящих примерах типа слав. **kūrъ, korenъ* и т. п., о чем см. несколько ниже. Привязанность глаголов, связанных с прусск. *kūra*, лит. *kūrti* и т. п., к мотиву огня, так ярко выступающая в балт. и слав., в той или иной степени, но с достаточной несомненностью отражена и в ряде других и.-евр. языков, где отмечена соответствующая лексема. Лишь несколько примеров. Ср., с одной стороны, характерные обозначения огня, напр., др.-исл. *hyrr*, н.-исл. *hyr*, норв. *hyr* 'искорка', швед. диал. *hyr* 'тлеющая зола'; готск. *haiūri* 'уголь', др.-англ. *here* 'маленький очаг', 'печка', не говоря о примерах с дентальным расширителем корня (др.-англ. *heorð*, др.-сакс., др.-фриз. *herth*, др.-в.-нем. *herd*, ср. ст.-сл. *крада* [не вполне ясно лат. *carbō* 'уголь' < и.-евр. **kṛ-dhō*? Рок. 1, 571; *cremō*, умбр. *krematra* Pl.], др.-инд. *kūdayati* < **kṛd-*, *kuṇḍate* и др.) или арм. *k'rak* 'огонь' (< **kurak-*, согласно Hübschmann Arm. Gr. 462), а с другой стороны, типичные сочетания глагола *kar-* 'делать', 'совершать' или его именных форм с обозначением огня — Агни в древнеиндийской фразеологии, ср. *agni-karmān-* 'огненное дело' (букв.) 'деяние Агни', *agni-kārikā*, *agni-kārya-* 'возжигание или поддержание священного огня очищенным маслом' при том, что сам глагол *kar-* уже в Ригведе употребляется для обозначения божественного «делания» — почитания бога в ритуальной церемонии и жертвоприношения ему (обычное значение *kar-* 'делать', 'совершать', 'создавать', в частности, по отношению к основоположным космологическим ситуациям, в которых, правда, *kar-* обнаруживает свою вторичность и, так сказать «нетерминологичность» по сравнению с *dhā-* и некоторыми другими глаголами). Ср. также авест. *kərənaoiti* 'делать', 'выполнять', др.-перс. *akunavam*, *karta-* и т. п. (см. Рок. 1, 641—642). Следует отметить, что в разных и.-евр. языках рассматриваемый корень нередко выступает в лексемах, которые непосредственно не содержат

отсылки к теме огня, но тем не менее обозначают сакрально отмеченное ритуализованное действие. Ср. лишь несколько примеров: лит. *kēras*, чаще *kerai* Pl. 'чары', 'колдовство' (ср. *kerū žōdis* 'волшебное слово'), *kerēti* 'колдовать', 'чаровать', *kerētojas* 'колдун', 'чародей', лтш. *sacerēt* 'сочинять' (см. ниже кельтск. примеры); *ceras* 'lubrunst', *cerēt* 'надеяться' (о них см. Jēgers KZ 80, 1966, 38—39); слав. **čara*, **čary*, **čarovati*, **čarodějъ* и т. п. (ср., возможно, русск.-ц.-сл. *кѣрчиу* 'кузнец', ср. осет. *k,grd*, *kurd* 'кузнец', согласно Абаеву Ист.-этим. слов. 1, 610, м. б. из **kur-ta* или **kurtar*, Nom. agent. от **kur-* 'топить', 'калить'); др.-инд. *krtyā* 'деяние', в частности, 'околдовывание', 'волшебство'; также — 'колдунья' и др.; кимр. *prydydd* 'поэт' (: *prydu* сочинять/стихи/), др.-ирл. *creth* 'поэзия', *cruth* 'форма' и т. п.; др.-греч. *τέρας* 'чудесное предвестие', 'знамение', 'диво', *πέλωρ, τέλωρ* 'чудовище' и т. д. (можно напомнить, что обозначение самого ритуала как деяния принадлежит к числу универсальных явлений). Эта отмеченность исходного слова и обеспечила, видимо, возможность приложения его к обозначению одного из центральных (особенно в условиях культа огня, как у древних балтов) действий ритуала — возжиганию огня. Тем не менее остается не вполне ясной семантическая мотивировка обозначения самого этого действия. Существуют три предложения в отношении исходного смыслового элемента. Одно из них не может быть признано вполне состоятельным, поскольку, во-первых, оно исходит из того, что лит. *kūrti*, лтш. *kuřt* (как и слав. **kur-iti*) в значении 'разводить огонь', 'растопливать' и т. п. произведено от этих же слов с другими значениями (в том числе — 'сотворить', 'создать' и др.), и, во-вторых, основано или на не вполне надежных примерах, к тому же не всегда правильно истолкованных, или на некоторых «остатках», не вошедших в другие типы корней. Речь идет конкретно об и.-евр. **ker(ə)-* 'жечь', 'гореть' и т. п. (Рок. 1, 571—572). Даже если признать эту группу надежной самой по себе (скорее — **keur-*), из нее нельзя извлечь необходимых следствий для прусск. *kūra* и под., поскольку по условию эти последние сюда не относятся. Более серьезны два других предложения. Одно из них связывает прусское слово и его соответствия (во всей полноте их значений) с и.-евр. **(s)ker-* 'резать'. Наиболее обстоятельно эта точка зрения изложена Егерсом KZ 80, 1966, 34 сл., 40 сл., 45, 167. Правильно исходя из единства балт. глагола **kur-t-* во всех его значениях (и прежде всего — 'сотворить' и 'разжигать (огонь)', он указывает и на единое происхождение лит. *kēras* 'чара', 'колдовство' и *kēras* 'пень дерева', 'куст', которые объединены общим смысловым элементом — 'срез', 'нарезка', 'насечка', 'зарубка', восходящим к семантике и.-евр. **(s)ker-*. Вместе с тем *kēras* 'чара' и т. п., некогда обозначавшее '*деяние' (примеры чему обнаруживаются в некоторых контекстах и позже, вплоть до настоящего времени, ср. Būga RR II, 127—128 и др.), связывается и с лит. *kūrti* 'создавать', 'сотворить' (и, следовательно, 'разводить

огонь' и т. д.). Вокалический центр *-ur-* в лит. *kūrti*, лтш. *kuřt* (и, конечно, прусск. *kūr/a!*) сопоставляется с подобным же элементом в других словах, восходящих к и.-евр. **(s)ker-*, а именно в прусск. **scurdis* (графически *sturdis*) при лит. *skardyti* 'резать', 'бить' и т. п., в лтш. *kārnis* II (ME 2, 324) при др.-инд. *karṇá-*, в лтш. *kurcināt* при *kařcināt*. К типологии 'резать' → 'колдовать', 'совершать магическое действие', ср. лат. *forāre* 'буравить', 'просверливать' при лтш. *buřt*, лит. *būrti* 'колдовать' и т. п. Итог цепи рассуждений — «Man kann deshalb auch lit. *kūrti* und apr. *kūra* als 'schneidend bilden' oder 'mit etwas Scharfen schlagen' deuten und zu **(s)ker-* 'schneiden' stellen» (Ibid. 41). Согласно другому предложению, прусск. *kūra*, лит. *kūrti*, лтш. *kuřt*, слав. **kuriti* восходят к и.-евр. корню **k^{er}-* 'делать', 'образовывать', 'оформлять' (Pok. 1, 641—642, с разъяснением: «vielleicht ursprünglich von irgendeiner nicht mehr bestimmbarer Handwerkstätigkeit»), определяемому как указанными балт. и слав. лексемами, так и др.-инд. *karōti*, авест. *karənaoiti*, др.-греч. *τέρας*, *τέλωρ*, *πέλωρ*, кимр. *paraf* 'bewirke', 'verschaffe' и т. п. Следовательно, прусск. *kūra*, лит. *kūrti*, лтш. *kuřt* отражают, по сути дела, исходный лабиальный тембр, переводя признак лабиальности в вокалическую структуру корня (**k^{er}-* > балт. *kur-*, слав. *kur-*). В этом контексте приходится считаться с делабиализацией (**k^{er}-* > **k-*) в случаях лит. *kēras*, *kerēti*. Наконец, к словам того же корня **k^{er}-* : **k^{or}-* : **k^r-* следует отнести слов. **k^{er}ь*, **korenь* о чем писал уже Мейе BSL 23, 1922, 85—86, сопоставляя эти слова с др.-греч. *πρέμων* 'нижняя часть ствола', 'основание дерева', 'пень', 'кряж', *πρόμνη* 'корма', 'основание', 'подошва', и в настоящее время аргументировано в связи с этимологией слав. **korenь* (в частности, с отрицанием его связи с **kora* и далее с и.-евр. **(s)ker-* 'резать') ЭССЯ 11, s. v. *korenь*. Эта последняя параллель к прусск. *kūra* и под. важна не как лишней пример реализации исходного корня, а в силу того, что именно она по-своему приоткрывает семантику и.-евр. **k^{er}-* : **k^{or}-* : **k^r-*. В самом деле, слав. **korenь*, **k^{er}ь* (< **kur-*) отсылает к двум важным смысловым мотивам — истока, начала, основания и ветвистости, изогнутости, кривизны (ср. хотя бы СРНГ 14, 322—324). Колдовство, предсказание, поэтическое творчество в мифологическом плане как раз и предполагают знание начал и кривых (уклончивых, извивающихся) путей судьбы. Не случайно, что оба эти мотива весьма актуальны и в архаичной ритуальной практике (особенно в центральном годовом ритуале), и в суеверных представлениях о роли корней разных растений как средстве для колдовства и для раскрытия тайн судьбы. Корень, взятый как образ кривизны, выступает и как конкретный объект практики (напр., злого дела; ср.: *Я повысушу дружка, я лишь кореньями, | Я кореньями ох, я повысушу*), и как своего рода символ, о чем см. выше — **krive*, *{*greiv- & *kaul-}*. Поэтому не лишено основания предположение, что и.-евр. **k^{er}-* : **k^{or}-* : **k^r-*, лежащее в основе прусск. *kūra* и

родственных ему слов, обозначало особое, так сказать, «непрямое» (этот мотив был очень существен для Казлаускаса, см. *Dù kuršiu vardo etimologijos. Baltist. 4, 1968, 59—62*), символически отмеченное и с магией соотносимое действие, действие *per excellence*. Именно такое действие и должно было стать основой ритуала или, иначе говоря, любое профаническое действие, включенное в ритуал, пресуществовало в действие совершенно нового, сакрально-магического характера. Вост.-балт. и слав. языки хорошо сохраняют (или, по меньшей мере, позволяют представить себе) этот характер анализируемого слова. Прусс. *kūra* подобных следов не обнаруживает. Тем не менее в высшей степени вероятно, что сама отнесенность *kūra* 'сотворить' в прусском, т. е. в памятниках, предназначенных для верующих и исповедующих христианство, косвенным образом может быть истолкована как нежелание вводить обремененный «языческими» (тем более — ритуальными) ассоциациями глагол в текст Энциридиона. Не исключено, что сходная ситуация была актуальна и для старых литовских религиозных памятников.

— Лит.: Thes. 1873, 84; APSpr. 289, 365; BSW 127, 145; van Wijk IF 34, 1914—1915, 371; Buga KS 104—106 = RR II 127—128; SPV 116, 199; LEW 319; Festschr. Čyževskij 1954, 114; Pok. 1, 642; Stang Sl. и balt. Vb. 1942, 199, 200; Vgl. Gr. 1966, 2, 114, 375—376; Schmid Beitr. zum balt. u. idg. Vb. 1963, 68; Jēgers KZ 80, 1966, 40—41; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 359; Baltist. 4, 1968, 60; Schmalstieg BL 1970, 139; OP 161, 181; St. OP 8.040; 8.301; 10.098. — [**kūra*; **kūrē*].

{**kur-at-*} ср. *Kuratgraben*, река в Вост. Пруссии (см. Froelich Fluß. Ostpreuß. 1930, 80). — Фрелих считает это название финно-язычным по происхождению и связывает его с эст. *kurat* 'черт', финск. *kurata* 'загрязнять', *kura* 'грязь', 'слякоть'. — Ближайшая параллель — лтш. *Kurati* (LV I, 2, 178). См. также LHEŽ 173.

{**kur-av(-ov-)*}, ср. *Curov*, 1297, позже — *Kurau* (APON 77). — Ср. сходные названия на польских землях, в частности, на Мазурах: *Kurowskie Mchy*, *Kurausches Moosbruch*; *Kurówka*, *Kauer Berg* (Słown. nazw Mazur. II, 75, 124); вкл. *Kurówka*, *Kurów Stok* (HW 418, 468 и др.); *Kurow*, *Kurowo*, *Kurów*, *Kurówko*, *Kurowski Las*, *Kurowski Ostrów*, *Kurowskie Jezioro*, *Kurowskie Łęgi*, *Kurowski Kanal*, *Kurowo Braniewskie* и др. (Słown. nazw geogr. PZP 153—154); ср. *Kurowo*, 1405, 1578, совр. *Kurowo* (Nazwy Północn. Maz. 235). Подобные названия распространены и к вост. и юго-вост. от балт. территории, ср.: *Куроўшчына* (Слоўн. назв. Брэсц. 72), окск. *Куровка*, *Курово*, *Куровская*, *Куровское*, но и *Куро*, *Курозеро* (Гидр. басс. Оки 110, 192, 225—228) и т. п. Несмотря на многочисленные примеры попыток трактовки таких названий как «куриных», ядро их выступает как достаточно самостоятельное целое, не связанное с названием домашней птицы. Характерно и то, что при наличии некоторого числа подобных названий на заведомо не балтийских территориях, все-таки большая их часть обнаруживает, видимо, связь

именно с балтийским этнолингвистическим комплексом. Разумеется, следует учитывать и другие типы названий с корнем *Kur-*, см. {**kur-ik-*}, {**kur-ein-* (?)}, {**kur-eit-* (?)} и т. п., которые встречаются как у пруссов и вост. балтов, так и на славянской территории, некогда занятой балтами. Ср. возможные балтизмы *Курейка*, *Корейка* в басс. Верхн. Днепра (ЛЛВП 191—192), *Курса*, сеножать в Минск. губ. (Микратап. Белар. 133), ср. *Куриша*, *Куришинской* (Гидр. басс. Оки 41, 190) и др.

{**kur-ein-* (?)}, ср. *Kureyn*, 1405 позже — *Correynen* (APON 70). — Но другие варианты *Koreyn*, 1373, *Careynen*, 1378 и др. заставляют сомневаться в надежности этой формы и соответственно основанной на ней реконструкции. См. {**kor-ein-*}.

{**kur-eit-* (?)}, ср. *Kurieyten*, 1405 (APON 70). — Однако другие варианты этого названия (ср. *Korieyten*, 1396; *Koreyten*, 1397; особенно *Karigeithen*, 1420; *Karieyten*, 1420, позже — *Corjeiten*) лишают форму *Kurieyten* должной надежности. Вместе с тем в реконструкции, видимо, необходим учет элемента *-j-*: **kur-(i)j-eit-* (?), **kor-(i)j-eit-*, см. {**kor-ein-*}.

{**kur-ik-*} ср. *Curicken*, 1460 (APON 76). — См. {**kur-av-(-ov-)*}. — Из вост.-балт. параллелей см. *Kurai*, *Kūras*, *Kurēnai*, *Kurjñe*, *Kurjys*, *Kūriškiai*, *Kurōnai*, *Kurōnys* (LATSŽ 148—149); *Kurjys*, *Kurēlis*, *Kuričnių upėlis*, *Kurēnų ežeras*, *Kūrantas*, *Kūrandas*, *Kurōnas*, *Kurōngiris* (LUEV 84; Liet. hidr. 66, 91, 93, 117, 188, 263; LHEŽ 173—174); лтш. *Kurēns*, *Kurānu-sil.*, *Kuriņas*, *Kuriņ*, *Kuriņš*, *Kuriņu-ezeri*, *Kuriņ-kalns*, *Kurele*, *Kurēlis ez.*, *Kurañti*, *Kurati*, *Kuraža* (LV I, 2, 178—179). Эти примеры включают в себя, несомненно, элементы разного происхождения (в том числе финноязычные [ср., напр., *Kuraža*, о котором см. Būga TŽ 1, 1923, 381; м. б. *Kūrantas*, *Kurañti*, *Kūrandas*, *Kurati* и др.], славянские; в ряде случаев речь идет о топонимическом использовании апеллятивов и т. п.); о литовских примерах с этой точки зрения см. LHEŽ 173—174. Но, так как в подавляющем большинстве случаев полной уверенности в правильном толковании приведенных названий нет, приходится весь этот конгломерат названий с элементом *Kur-* рассматривать как резерв, характеризующийся значительной экстенсивностью. Вместе с тем и наличие разных возможностей в семантизации этого *Kur-* вынуждает к учету максимального круга «сходных» примеров. Только в таком широком смысле следует понимать обозначение их как «параллелей». Не исключено, что этот круг мог бы быть увеличен за счет некоторых других названий, напр., с долгим вокализмом (ср. лит. *Kūrà*, лтш. *Kūra*, *Kūritis ez.*, *Kūra-plava*, *Kūrlejas*, обычно рассматриваемые как элементы финского происхождения, см. {**kur-at-*}). Необходимо подчеркнуть, что и в прусском топониме с элементом *Kur-* могли быть гетерогенными. Все-таки заслуживает внимания сравнение с иллир. *Κοῦρικο* (Ptol. II, 16, 6.8), *Curicum* (ad *Curici* portum. Caes. De bello III, 8, 4), *Curricus*

(Rav. V, 24), *Curica* (Tab. Peut.); этнонимом *Curici* (Plin. III, 19). Из иллир. *Cūricum* объясняется совр. название острова и города хорв. *Krk* (через **Кръръкъ*). См. Krahe IF 49, 1931, 272; Festschr. Vasmer 1956, 249.

{**kurk-*} см. {**kurk-av-(-ov-)*}, {**kurk-* & **lauk-*}, {**kurk-* & **sadel-(*sadił-)* ?}, *Curche*, *Curcho*.

**kurkā*, см. **kurke*.

{**kurk-av-(-ov-)*} ср. *Kurkow*, 1350; *Korkaw*, 1507, позже — *Kurkau* (APON 76). — Формы с тем же элементом появляются спорадически как варианты названий на *Kork-*, ср.: *Kurken*, 1365 при *Korken*, 1339; *Korkyn*, озеро, 1384 (еще Пирсон Altpr. NK 628 производил эти названия от *Kurcho* = **Kurkā*, ср. APON 70), а также более поздние мазурск. и немецк. варианты: *Kurk*, *Kork*, *Cork See* (Słown. Nazw Mazur. II, 301); *Kurka* (Ibid. 381). Тот же элемент обнаруживается в первом члене сложных названий *Kurkelauk*, 1342; *Kurksadel*, 1255 и, может быть, *Korkynne*, 1419 (APON 70). — См. {**kurk-*}, {**kurk-* & **lauk-*}, {**kurk-* & **sadel-(*sadił-)*}; {**kork-en-*}, {**kork-in-*}; *Curche*. — В ареальном плане нельзя пройти мимо ряда названий в сев.-зап. Польше; ср. *Kurka*, *Kurki* (несколько раз), *Kurklawki* (см. выше) и др., см. Słown. nazw geogr. PZP 153; и даже *Curkovo*, 1497; *Kurkovo*, 1497; *Curkovo*, 1538; *Kurkovo*, 1577, совр. *Kurkovo* (Nazwy Północn. Maz. 235, с указанием на происхождение от Nom. pr. *Kurek*). — Из вост.-балт. параллелей ср. лтш. *Kurkas*, *Kurku-kalna-tirums*, *Kurku-kalniņš* (LV I, 2, 179; *kurka* 'Truthenne' ?); *Kurki* (2, 179; *kurke* 'Krickente' или *kurkis* 'Froschtümpel' ?); *Kurkuļi*, *Kurkuļu-mežs*, *Kurkuļu-purvs*, *Ku(r)kuļ-upīte*; *Kuorkuļi*, *Kuorkuļes pļ.* (-*uor-* < -*ur-*); *Kuorkles pļ.* (LV I, 2, 179); лит. *Kurkliai*, *Kurklėliai*, *Kurklė*, *Kurkliėčiai*, *Kurkliėtiškės*, *Kurkliėtiškiai*, *Kurkliškės*, *Kurkliškės*, *Kurkliškiai* (LATSŽ 148); *Kurklė*, *Kurkljys*, *Kurkulė* (LUEV 84; Liet. hidr. 182, 183; 200; LHEŽ 174; к лит. *kurkti* или *kurklas*, *kurkliai*, *kurkulas*). Тот же элемент появляется и в Nom. pr., ср. ст.-лтш. ... auf *Kurkens* Hoffe, 1612; *Kurkens* Hoff, 1624; *Peter Kurken* (LPV 199, 293; в связи с последним именем обсуждаются разные возможности: ливск. *kurk* 'горло', 'жерло', 'зев'; лтш. *kurke* 'Krickente', *kurkis*; *kurkis* 'ein feistes Tier oder solcher Mensch'); куршск. *Ku(r)klitt*, 1554 (KF 298; к лтш. **kurkulitis*, Pl. *kurkuliši*); лит. *Kurkljys*, *Kurkliėtis*, *Kurkliáuskas*, *Kurklinskas*, ст.-лит. *Kurklis*, *Kurklewiczowa* (Liet. antrop. 162). Ст.-польск. Nom. pr. *Kurko* (*Curco* fuit in Krziewicz, 1424; Cum *Curcone*, 1394), *Kurk*; *Kurkova* (*Anna Curcowa*, 1472); *Kurkowski* двусмысленны, ср. *Kurek* и т. п. (Słown. starop. nazw III, 2, 204—205). То же относится к блр. *Курка*, *Куркоб*, *Куркоб*, *Куркоб*, русск. *Курко*, *Курков*, *Курковский* (Белар. антрап. 2, 233) и, конечно, к топонимам *Куркава*, *Куркавичы* (Слоўн. назв. Минск. 147; но *Куркул*; ср. Кратк. топон. слов. Белор. 191).

Curche, *Curcho*. — В мифопоэтических представлениях древних пруссов дух, связанный с урожаем, конкретно — с зерновыми, «жит-

ный дух»; также, вероятно, обозначение растительного символа. В течение веков, в частности, при переходе от языческой эпохи к христианской, функции *Curche*, его значение и отношение к нему сильно менялись. См. подробнее ниже. — Впервые этот мифологический персонаж упоминается в наиболее раннем из документов, содержащих относительно подробные сведения о древней вере пруссов, а именно в тексте мирного договора Ордена с пруссами от 7 февраля 1249 г.: Porro neophiti sepe dicti, specialiter autem illi de Pomesania, Warmia et Natania a nobis instructi, quod pares sunt omnes homines dum non peccant, et quod solum peccatum miseris facit homines et subjectos, et etiam quod quilibet, quantumcunque sit liber, si facit peccatum, servum constituit se peccati, nolentes supradictam perdere libertatem nec se de cetero subicere homini pro peccato coram nobis et aliis supradictis eo et Romane ecclesie ac fratribus sepe dictis voluntate spontanea firmiter et fideliter promiserunt, quod ipsi vel heredes eorum in mortuis comburendis vel subterrands cum equis sive hominibus vel cum armis seu vestibus vel quibuscunque aliis preciosis, vel etiam in aliis quibuscunque ritus gentilium de cetero non servabunt, sed mortuos suos juxta morem christianorum in cymeteriis sepelient et non extra. Ydolo, quem semel in anno, collectis frugibus, consueverunt confingere et pro deo colere, cui nomen Curche imposuerunt, vel aliis diis, qui non fecerunt celum et terram, quibuscunque nominibus appellentur, de cetero non libabunt; sed in fide domini Jhesu Christi et ecclesie catholice ac obedientia et subiectione Romane ecclesie firmi et stabiles permanebunt. . . (см. Cod. dipl. Warm. I № 19=LPG 41—42; Mythol. lithuan. Monum. I, 89). Следующее сообщение о *Curche* появляется почти на 270 лет позже в известной «Хронике» Симона Грунау («Cronica und beschreibung aller lüstlichenn, nützlichsten und waren historien des namkundigen landes zu Prewsen») в весьма ценной для изучения мифологии пруссов главе «Von dem namen der Preuschen abgöttir vor der zeit der bekehrungk». Давая краткие характеристики основным прусским божествам, Грунау заключает главу описанием *Curche*: *Curche* war der 6. gott, und diesen sie hetten von den Masuren genomen. Dieser gott war ein gott der speise von dem, das zu essen und trincken fochte. Darumb auff der stel itzundt Heiligenbeil genant sein bilt und eiche mit dem feuer war, und do man brandte gedrossen korne, wezen adir meel, honigk, milch und dergleichen. Diesem man auch vorbrandte zur ehren die ersten garben des getreides und solchir manirung vil. So ist am Hockerlande am habe ein stein genant zum heiligen stein, auff diesem ein iglicher fischer im den irsten fisch zur ehren vorbrandte, dan er im gerne irgreiff. Und ein solchs man auch andirswu thun mochte, idoch alhie war seine sonderliche stelle zu dem lobe (LPG 198). Немногом менее чем через 300 лет появляется новый труд по мифологии пруссов — четвертая книга сочинения М. Преториуса «Preussische Schaubühne oder Deliciae Prussicæ» под названием «Idolatria veterum Prussorum, d. i.

Historische Nachricht von der Abgötterey der alten Preussen». В Кар. IV, § 3 после списка Himmels-götter, Erd-götter, Wasser-götter, Viehgötter и Waldgötter Преториус перечисляет Menschen-götter: Aufzaitis, G u r c h o, Pillwittus, после чего следуют Arbeits-götter (LPG 532). Несколько далее (Кар. VII, §§ 8, 9, 12, 13, 15, 16, 22—28) излагаются подробные сведения об этом божестве, которые, несмотря на наличие бесспорных более поздних наслоений и порч, представляют собой ценный источник для реконструкции этого мифологического персонажа, в частности, благодаря обилию данных, относящихся к ритуалу. Ср.: § 8 . . . Und its vor einigen Jahren ein etwas hoher Stein unweit Gumbinen oder Bitterheim in einem Fichtenwäldchen vor heilig gehalten, auf welchen die Angränzenden Geld, Kleider, Wolle und dergleichen geopfert. — § 9. Also ist auch diesem G u r c h o oder G u r k l i o ergangen, den sie ofters mit Gräten und Knochen beehret haben, wie denn noch bey einigen Zamaiten und deren Grentznachbarn der Gebrauch ist, dass sie die Knochen der Speise, so sie zuvor aufgeessen, ihrem Gott (?) zu Ehren mit Feuer verbrennen, aber die Asche zur Zauberei verwahren oder vergraben. — § 12. Nebst dem Feuer haben sie die Erstlinge der Früchte und allerhand Ehren und Trinkwaaren geopfert und verbrennet. Wie sie aber damit gebahret, ist nichts davon beschrieben. Allein ich halte unmassgeblich davor, dass sie das Getreidich oder Fische etwa auf ein ausgeholtes Brett gelegt, darauf Met, Milch oder Bier gegossen und also auf das schon fertige Kohlfeuer geleet und also ihren Göttern verbrannt. Denn also sollen es die an Zamaiten gränzende Zalavonier gemacht haben, wie solches mir eins referiret Wilhelmus Martinius, weyland Plarrer zu Werden, ein Mann von guter Erudition und der in solchen Sachen sehr curios war. — § 13. Von Honig referirt auch dieser Mann, dass sie densellen im Topf geschmörgelt und also verbrennet haben. Wiewol nicht alle Speiss sind verbrennet worden. Denn sie ofters auch dem G u r c h o unter eines andern Namen Speis und Trinken in den Winkel des Hauses geworfen und vergossen haben, welches von Rätzen und anderem Ungeziefer ist verzehret worden. — § 15. Hier fellet mir ein, was oben erwehnter Wilhelmus Martinius bei Antretung seines Ampts einsmals bey Maternick, einem Dorfe seines Kirchspiels, gesehen. Dieses Dorf liegt nah an der Zamaitischen Gräntze gegenüber einem andern Dorf, so nun zu Zamaiten gehöret, nur dass ein kleines Strömchen die Szusze genant, die Gräntze scheidet. Uf der Seyte nach Zamaiten war eine E i c h e, dabey etwa 5 Schritt davon ein zimlich grosser S t e i n. Nicht weit von dem Stein ist eine hohe Stange, seyner Meinung nach zum wenigsten 8 Klafter hoch gesetzt worden, worauf ein Ziegenfell ausgedehnet, über dessen Haupt ein grosser Pusch von allerhand Getreidicht auch Kraut gemacht gewesen. Vorgedachter Martinius ist eben dazu gekommen, als sie selbige Stange herausgehoben und dessen Idolum abgenommen. Ehe solches geschehen, hat er observiret, dass ein alter Mann bey dem Stein, darauf eine gefüllte Kauszel gesetzt worden, gestanden. Bald ist ein

altes wolbekleidetes Weib gekommen mit einer grossen Kanne, die der alte Mann (den wir Weydulut nennen wollen) von ihr genommen, was in die Kauszel gegossen, die Kauszel in die Hand genommen und gebetet. Was er aber gebetet, hat der sel. Mann nicht hören können, auch seinen Unwillen zu bezeugen sich absentiret. Jedoch hat er nach fleissiger Nachforschung erfahren, dass sie ihrem Gott, der ihnen Essen und Trinken, Nahrung und Aufenthalt gegeben, gedanket haben, haben aber denselben nicht nennen wollen. Nach verrichtetem Gebet hat sich das junge Volk bey den Händen gefasst und umb die Eiche und umb die Stange getanzet, welcher Tanz, sobald der Weydulut wieder mit der Kauszel gebetet, aufgehöret. Sobald er nach Gebet die Kauszel ausgetrunken, hat er die Stange angerühret, dazu alle beygesprungen, die Stange ausgehoben, auch alle nach dem Pusch gegriffen. Das Ziegenfell aber hat der Weydulut zu sich genommen als eine Belohnung von seine Mühe, wiewol er von dem Kraut, so sie auf der Stange hatten, jedem sehr sparsam ausgeteilet. Darauf haben sie sich umb die Eich und Stein niedergesetzt; der Weydulut aber uf den Stein das Fell geleet, sich darauf gesetzt, einen Sermon gehalten von ihren Herkommen, alten Gebräuchen, Glauben etc., den *Zemyna*, den *Perkuns* und andere mehr genennet. Nach gehaltenem Sermon haben sie alle mit dem Kopf auf die Erde sich gebeuget, darauf er vom Stein unter sie gegangen, worauf ein Fressen und Saufen entstanden, so bis in den dritten Tag gewähret. Solches Ziegenfell sollen sie aufgerichtet haben, wenn sie angefangen die Wintersaat zu säen. Dabey sie mit allerhand abergläubischen Possen das Fleisch verzehret und zugleich brav herumb gesoffen haben. Es scheint, dass diese Ceremonie eine Reliquie sey der Beehrung, damit sie vordem den *Gurch* beehret haben. Diese Beehrung dürfte gleich seyn den Ceremonien, die die Holstenischen Herrn Gesandten nach Persien von Terky, einer Stadt im Preussischen Gebiet, beobachtet haben, davon Olearius in der Persianischen Reisebeschreibung mit mehrerem zu lesen. — § 16. Ausser diesem meint sonst ein guter Freund, ob würde noch eine solche Statua dem *Gurch* gesetzt, wenn sie eine *Kaupole* setzen. Denn jetziger Zeit haben noch die Nadrawen und Zalawonier wie auch die Zamaiten den Gebrauch, dass sie im Johann aus, wenn sie zusäet haben, pflegen auf einer langen Stange ein Pusch von allerhand Kraut anzubinden, mit Fröhlichkeit die Stange erheben und an den Pfosten, da das Heck oder da künftig die Einfuhr des Getreidigs, fest zu machen. Eine solche Stange nennen *Kaupole*, welche so lange steht, bis man das Getreidigt pflegt einzuaugsten. Dann nehmen sie denselben Pusch von der Stangen ab und legen ein Teil des Krauts, davon der Pusch gemacht, unter das Getreidigt und vermeinen, ein solches Kraut, so durch die Hitze der Sonne durchgebrannt worden, soll gut vor das Ungeziefer, Ratzen, Mäuse etc. seyn, dass sie das Getreidigt in der Scheune nicht fressen. Ein Theil heben sie auf zur Arzney. Denn sie meynen, dass solches Kraut auch wider alle Krankheiten dienen soll. Ich kann mir aber nicht einbilden, dass dieses *Kaupole* dem *Gurch* zu

Ehren geschehen sey (LPG 539—541). — Ср. также Kap. IX, § 23: Dies sind die vornehmsten Götter. so in den Schriften der Preussischen und Polnischen Historie berühmt seyn. Ausser denen müssen noch vielmehr bey den alten Preussen gewesen seyn, weyl man derer Reliquien sehr häufig hin und wieder findet. Unter denen ist der *Zemelukas*. . . Die *Zemynel*. . . wird gehalten vor des *Zemepatys* Schwester und wird derselben die Wirkung zugeschrieben, dass durch sie die Erde fruchtbar wird. Ja was die alten Preuss. Scribenten dem *Podrympo*, *Pilwitto*, *Pergubrio*, *Gurch* zuschreiben, das legen die jetzigen Nadrawer dem *Zemelukei* und der *Zemynelen* bey. Darumb sie bei alten Festtagen und Solennitäten beehret wird (LPG 544). Наконец, в шестой книге «Consecrationes veterum Borussiae» (Kap. I, § 2) имя *Curche* снова появляется в списке мифологических персонажей: Der *Zemynelen* schreiben sie alle die munia und Wirkungen zu, die die Preussischen Historici dem *Pergubrio*, *Podrympo*, *Gurch*, *Ausszwaito*, *Pilwitto* zuschreiben (LPG 577). — Несмотря на немногочисленность источников, сообщающих о *Curche*, и на их разноречивость, некоторые данные об этом мифологическом персонаже или бесспорны или достаточно диагностичны, чтобы попытаться определить его природу. Прежде всего бросается в глаза, что *Curche* не входит ни в один из основных (больших) списков прусских богов, которые претендуют на описание пантеона, т. е. целостной системы мифологических персонажей высшего уровня. Исключением можно считать список в «Хронике» Грунау, который, однако, выступает в заведомо неполном и несколько искаженном виде. Зато имя *Curche* (*Gurch*) естественно включается в поздние списки (М. Преториус), формирующиеся по отчасти иным принципам (духи земли, урожая, во всяком случае — не высший уровень мифологической системы) и сильно трансформированные под влиянием жемайтских мифоритуальных представлений, связанных с разного рода «Когндäмонен». Существенно место *Curche* в списке богов у Грунау, как и сам состав этих богов. После основной триады, символизирующей трехчленное строение вселенной, Патолс, Потримис, Перкунс следует близнечная пара, представленная обожествленными воплощениями основателей прусской религиозно-ритуальной и социальной традиции, а после этой пары список замыкается именем *Curche*, которое, по сути дела, замещает всех природных богов других, более полных списков. Точнее, *Curche* выступает в списке Грунау как воплощение той стороны природы, благодаря которой человек обеспечивает себя едой и питьем. Отсюда — *Curche* как «ein gott der sreise von dem, das zu essen und trincken fochte», посвященный ему ритуал сжигания зерна, меда, молока по случаю первого урожая (ср. подобное сжигание первой пойманной рыбы у священного камня), особая связь с ним пруссов. Не случайно, что Преториус зачисляет *Curche* в число «Menschengötter», где он находится между богом-целителем Аушайтисом (Аушаутсом) и богом обилия, пол-

ноты богатства Пильвитисом. В других списках Преториуса *Curche* появляется в группе богов, возглавляемых воплощениями земли (но не как космической зоны, а как источника богатства для человека) Земелуксом (Земепатисом) и Земиной, по соседству с Пупкайтсом и Перг(р)убрюсом, т. е. как бы на границе леса и поля. Разумеется, эти поздние списки в значительной степени плод компиляции в духе «кабинетной» мифологии, но как в т о р и ч н ы е источники они достаточно показательны и не должны игнорироваться. Во всяком случае очень вероятно предположение, согласно которому *Curche* пользовался долгое время особой популярностью, и его образ был глубоко укоренен в народных верованиях, связанных с урожаем. Преториус, несомненно, знал эти верования, и возведение им *Curche* в ранг божеств («сублимация»), видимо, основывалось на этих верованиях, хотя и предполагало поэтическое высветление и «улучшение» исходного образа. Судя по относящемуся к *Curche* тексту договора 1249 г., этим названием скорее всего обозначался последний сноп жатвы, в который пряталось божество плодородия, укрываясь во время погони за ним от жнецов. Почти бесспорно такие представления и драматизированный ритуал, реализующий их, существовали долгое время в Помезании, Вармии и Натангии; с меньшей надежностью (в том, что касается самого названия) они предполагаются для смежных территорий. Подобный ритуал, связанный с завершением жатвы и специально с особым значением последнего колоса, хорошо известен в самых разных традициях, в частности, в ареально смежных — вост.-балт., польск., вост.-слав. Для описываемого ритуала характерна и тема погони — укрывания, и совпадение в одном слове обозначения самого колоса и персонажа, укрывшегося в нем и воплощаемого им (поскольку прусская традиция знала и изображение *Curche* в виде идола, сюда следует присоединить и название этого идола). Наиболее точная и разветвленная параллель — обряды, связанные с латышским Юмисом (*Jumis*), см. Neuland *Jumis* 1977; Adamovičs *RKN* 1940; Convent. hist. Balt. 1938; Šmits *Latv. mitol.* 1935; *Latv. taut. tic.* I, 1940, 739—743; Иванов, Топоров *БСЛ. Иссл.* 1982. 1983. В связи с мотивом близнечества (Юмис и Юмалень, Юмис и Юмитис и т. п., т. е. старший Юмис и младший Юмис) может оказаться неслучайным помещение Симоном Грунау в списке прусских божеств непосредственно перед *Curche* двух близнецов-братьев, имя одного из которых отсылает к идее старшинства, — *Wurschayto* и его брат *Szwaybrotto*. Другая очевидная параллель — связь *Curche* с камнем, называемым святым, при аналогичном мотиве, связанном с Юмисом. Характерные черты *Curche* и особенно его функции пытались определить не раз. Однако нередко в основе предложений лежали неверные этимологические идеи. Именно так обстоит дело с мнением Брюкнера *KZ* 48, 1918, 191—192, согласно которому *Curche* — божественный кузнец (ср. *Kurk-*: слав. **kurčijь* к лит. *kūrti*), т. е. 'Создатель', 'Творец'. Буяк *Dwa bóstwa* 1924 (= *Stud. społ.* 1925, 29 сл.; ср. *Lud, serja* II, t. 2, z. 1—1.

1923, 6—7;), между прочим, предполагал, что словом *curche* мог означаться «житный» волк (так называемый *wilk zbożowy*), уничтожавший хлеб; поскольку урожай зерновых зависел, по верованиям земледельцев, от этого волка, он представлялся своего рода демоном-опекуном жита (параллели см. Mannhardt *Kogndämonen*. 1868 и др.); см. также далее. Еще одна точка зрения связывала *Curche* с «житной» курицей (*kurka zbożowa*), что опять-таки программировалось прежде всего этимологическими установками, хотя ими не исчерпывалось. Представление о «житной» курице, «житном» петухе как демонах, ведающих злаками и зерном, широко распространено, напр., у славян Лужицы и среди немецкого населения Марки, в ближайшем соседстве с Помезанией. Символическое изображение подобного духа изготовлялось из соломы или из дерева к жатве.

Маннгардт *LPG* 47 сообщал, что еще в его время под Данцигом в поле устанавливался скирд для предотвращения дождя, называвшийся *Kokoszken* (ср. польск. *kokoška* 'курица'); ср. установление шеста с пучком травы на нем (см. *Kaupole*) в связи (видимо) с культом *Curche*. Ср., однако, у Преториуса *Kap. VII, § 16*: «Ich kann mir aber nicht einbilden, dass dieses *Kaupole* dem *Gurcho* zu Ehren geschehen sey». Стоит заметить, что в польских и кашубских говорах, опоясывающих прусские земли, в широкой полосе известны только названия с корнем *kur-* (*kur, kurasz, kuraszek, kuraś, kuras, kurak, kuron*) 'петух'. См. наблюдения Нича *Wybór pism polon.* II, 37—43 и карту на с. 40; *Córnowicz Dial. malb.*, II, 1, 200, 201 (*kura, kurak, kurka*); ср. также немецк. вост.-прусс. провинциализм *kurre* 'Truthenne', *kurr-hahn* 'Truthahn' (*PW, s. v.; Preuß. Wb., s. v.; Thes.* 1873, 84). Недавно на связь обозначения петуха и курицы (слав. **kur-*) с эротическими мотивами (*penis* и т. п.), а через них с идеей плодородия обратил внимание Якобсон *Select. Writ.* 2, 1971, 632, 639 (любопытно, что мотив шеста с пучком травы, связанный, правда, предположительно, с *Curche*, возникает и в так называемом «столбовом» ритуале, ядре свадьбы; ср. *Рай-коровай*, блр. *каравай-вырапай*, при лит. *vārpa* 'колос', переносно — 'penis', *viřplis* 'тычина', 'шест', лит. *vařpa* 'колос', *vařpiņa* 'membrum virile', ср. лит. *varpijti* 'точить'). — Наконец, иногда считают, что *Curche* был злым духом, вредящим злакам и зерну и ведающим урожаем, но не в животном облике, а скорее аналогичным литовской Крумине. В этой связи высказывалось предположение о возможной связи *Curche* с *Коркушей* русских заговоров, именем женского персонажа, олицетворяющего лихорадку и обладающего специфическим вредоносным действием (*Мне имя Коркуша — та всех проклятые ручные и ножные жилы сводит.* *СРНГ* 14, 334; ср. также *Корчѣя, Корчунья: Крест прогонитель бесов, ... костоломных жильных корчуньев.* *СРНГ* 15, 32, 33), см. Балто-слав. сборн. 1972, 307; *Мифы* II, 30. Очень вероятно, что именно это действие (сводить → скрючивать, искривлять, иссушивать, ср. *сухота, сухотка* и т. п.) объясняет и этимологию слова *Curche*. В этой

связи уже указывалось как на соответствия на лтш. *ķurķi* 'Kleinkorn' (ME 2, 392), о мелком, сохшемся, съезжившемся зерне, *ķurķt* 'становиться полым', 'высыхать' (ME 2, 322—323), лит. *kuŗkti* (2), особенно в значении 'спутывать', 'сваливать в кучу', 'беспорядочно сплетать (связывать)', 'velti i kurkula, kurkuliuoti' (LKŽ 6, 957—958), ср. *sukuŗkti* (2) 'плохо, кое-как сирясть, сшить'; 'спутать', 'перепутать', 'свалить', 'скомкать', 'смять' ('sulamyti'), *apsikuŗkti* и др. Уже на уровне внутриязыкового перевода *kuŗkti* (2) 'velti i kurkula, kurkuliuoti' становится ясной связь *kuŗkti* (2) и его префиксальных производных с *kuŗkti* (1), специализировавшемся на обозначении некоей нерасчлененной спутанно-хаотической субстанции от лягушачьих акусм и назойливо-надоедливой («липкой») речи до клейких комков лягушачьей икры. Из производных *kuŗkti* (1) особенно показательным является *sukuŗkti* (1), но не столько в его основных смыслах (о кваканье, о метании икры), сколько в таких значениях, как 'сплотить(ся)', 'сбивать(ся) в кучу', 'стеснить(ся)' (ср.: Ko visi susikurkēt i tą vieną trobą?; Susikuŗkusios kaip varlės i krūva) и 'согнуться', 'сжаться', 'съжаться', 'скорчиться' (Ans kurkte susikurkęs, galvą nulenkęs ir snaudžia, t. y. sukniubęs; Anos susikurkė in kurkulę, in kupeta, t. y. sėdi susilenkusios), см. LKŽ 6, 956—957. Естественно, что к тому же кругу относятся и лит. *kurkulai* 'лягушечья икра', *kuŗkulas, kūrkulė (kūrkulė), kūr-kulis, kurkulys, kuŗklas, kurkolas, kuŗkalas, kurkalynė* и т. п. (6, 955—959), лтш. *kuŗkulis, kuŗkuļi, kūrkuimi* 'икра' (рыбья, лягушечья). ME 2, 323, причем анализ этих примеров показывает, что обозначение словами этого корня лягушачьей икры не более чем метафора субстанции определенного типа, выраженная с установкой на звукоизобразительность (ср. звуковую «символику» составных элементов комплекса *kurk-*). Этот же принцип реализуется и в обозначении жука медведки (*Gryllotalpa gryllotalpa*) *kurkljys* (...kurkliukai kurkia; Čia ne varlės kurkia, čia kurkliaī. LKŽ 6, 955; у Ширвидаса и некоторых других старых авторов это слово употреблялось для обозначения скорпиона). Наконец, существенны и такие случаи, как лит. *kūrketi* 'плохо, невысоко, нераскидисто расти' (ср. ниже укр. *корчисте жито* с противоположным значением). — Ближайшие параллели — в слав. языках. При этом речь идет как об откровенно звукоизобразительных типах вроде русск. диал. *кўрка* 'сосновые и еловые шишки', 'головки репейника'; *кўрка* 'древесный гриб-паразит'; *куркулэй* 'нелюдимый человек' (?); *кўркать*, о звукопроизводстве (СРНГ 16, 131), для которых бессмысленно восстанавливать источник в соответствии с сравнительно-историческими принципами (**kourk-*?), так и о словах, которые в самом строгом смысле соответствуют прусскому слову и его вост.-балт. параллелям. К этой второй группе относятся продолжения слав. **кѣгѣь, *кѣгѣа* (< **kurk-jo-, *kurk-iā*) и соответствующего глагола **кѣгѣити* 'сгибать', 'скорчивать', 'съезживать', 'сморщивать'. Ср. русск. *корч* 'пень', 'коряга', 'корень дерева', *кѣрчи* 'выкорчеванные кусты', 'де-

рево, вывороченное с корнем', *кѣрча* 'выкорчеванный пенёк' (ср. *кѣрча*); *кѣрча*, о старухе; *кѣрча* 'судороги'; блр. *кѣрчи* 'пень с корнем, вывернутый из земли', 'куст' и т. п.; 'судорога' (Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 504—505); укр. *кѣрчи* 'пень', 'куст'; польск. *karcz*, кашуб. *kārč*, чеш. *krč* слвц. *křč* и т. п. (SEW 1, 665; SEP, s. v. и др.), с одной стороны, и русск. *кѣрчить(ся)*, блр. *кѣрчыць(-ца), кўрчыць(-ца)*, укр. *кѣрчити*; ц.-сл. *скѣрчити*, с.-хорв. *кѣрчити*, словен. *křčiti*; чеш. *krčiti* и т. п., с другой. Особая близость к прусск. *Curche* и, вероятно, стоящим за ним апеллятивным образованиям (реконструкция прусск. **kurkā, *kurk-t* Infin. принадлежит к числу весьма вероятных) наблюдается в тех случаях, когда слова этого корня употребляются в связи с зерновой темой. Так, укр. *корчисте жито* (Подольск. губ.), т. е. кустистое, густое жито (см. Гринченко 2, 289, ср. *корчистий, кѣрчистий*), при учете всех мотивов, соотносимых с *Curche*, дает известные основания реконструировать что-то вроде **kurktas* & **geits* для прусского. Слав. знает также дублиеты с расширением на звонкий согласный (типа русск. *кѣргя, кѣрж-* и т. п.), поддерживаемые в известной степени герм. фактами. Ср. др.-исл. *hrukka* 'морщина' (< **hrunkwōn*) или *hrōkkva* 'искривляться' и т. п. (< герм. **hrenkwan* < и.-евр. **(s)kreng-*). Несомненно, что и другие и.-евр. языки предлагают в этой связи параллели и соответствия, к сожалению, не всегда отмечаемые и учитываемые в контексте балт. фактов (см. LEW 316). К ним относятся, напр., лит. *curculio* 'хлебный жучок' (ср. лит. *kurkljys* 'медведка'); др.-греч. *κρζαλάω* особенно с *κρζ-* в значении 'смешивать', 'перемешивать' (объяснение Фриска GEW 2, 54 слишком сложно и вызывает сомнения), *κρζάλη* 'волнение, замешательство', 'смятение', 'запутанность', 'неурядицы', 'раздоры', рассматриваемое как «Rückbildung» др.-инд. *krūñcati* 'искривляться', 'двигаться непрямо' и т. п. Большинство этих примеров ярко подчеркивает идею отклонения от обычного, нейтрального, соответствующего норме, оформляя ее как обозначение некоего варианта непрямоты (к р и в и з н ы), нерасчлененности, неясности — конкретнее, скорченности-съезженности, хаотической «дурной» непрерывности, запутанности-перемешанности. Уместно напомнить о роли подобного рода понятий и воплощающих их предметов-символов в колдовстве, магии, ритуалах, в частности, земледельческих. С ними обычно связываются представления о запутанных путях судьбы, о случае и шансе. Структура символов этого круга предполагает обычно разнонаправленность смыслов и даже оценок, а языковая форма подобных символов обнаруживает принципиальную способность связи с разными системами семиотических кодов, отсылающими к разным денотатам. То, что известно о *Curche* из источников, данные этнографического характера о земледельческих обычаях, поверьях и ритуалах на территории Вост. Пруссии и смежных областей в более позднее время, наконец, обширные примеры и аналогии типологического характера — все это позволяет без каких-либо натяжек объяснить двойственность прусск.

Curche: и его положительные (божество или «житный» дух, покровительствующий злакам, обеспечивающий пищей и т. п.) и его отрицательные (злой дух, вредящий злакам; ср. также «пессимизирующую» ориентацию этимологических мотивировок слова) качества. В этом отношении двойственность *Curche* сродни этой черте в образах вост.-слав. Спорыша, Спорыни, Спорыньи и т. п. (ср. лит. *ketmergys* 'двойной плод', 'двойчатка'), отраженной не только на мифопоэтическом, но и на языковом уровне. Ср. русск. спорынья, спорыш, спор и т. п. 'уродливое болезненное черное зерно во ржи, с сероватой, приторной на вкус мучною мякотью; крючки, рожки' (Даль 4, 460; с дальнейшим объяснением: «спорынья вредна в пище. . . , но зерно вырастает втрое, да притом из него квашня хорошо подымается, отчего и название спорынья. Спорынья спорыньей, а благо хлебушка есть»; ср. также спорыш, спорышбк и т. д. 'выпороток', 'выносок', 'уродливое яичко'), но и 'успех', 'удача', обозначение магической силы и т. п. См. Исслед. слав. древн. 1974, 249—250; Терновская Слав. и балк. яз. Карп.-вост.-слав. паралл. 1977, 124—125 и др. Любопытно, что спорынья обозначает и грибок *claviceps purpurea* (ср. выше о русск. диал. *кўрка* как обозначении древесного гриба-паразита). Похоже, что, подобно тому как спорынья, спорыш и т. п. могут обозначать и последний сноп, и укрывающегося в нем ритуально-мифологического персонажа, духа жита, и куклу-изображение этого духа, прусск. *Curche-curche* также относилось к этим трем денотатам, а кроме того (опять-таки как в случае с русск. спорынья, спорыш) к испорченному колосу и/или зерну, что могло бы найти поддержку в ряде вост.-балт. слов с элементом *kurk-* в сходных значениях (ср. такую же амбивалентность и в слав.—укр. *корчисте жито* при русск. *кўрча* и т. п.), Наконец, нельзя полностью исключать и других аналогий и перекличек. Напр., в великорусской традиции существует ритуал изгнания насекомых («мух») из последнего снопа в более обширном дожничном ритуале последнего снопа-«хозяина» или вне его (см. Терновская. Указ. соч. 92—94). Его глубинный смысл — извлечение духа обилия, особой силы урожая из снопа вовне с целью его распространения, умножения, возможности пользования его благами. Нечто подобное можно предполагать и для прусской традиции, учитывая ритуальный мотив нахождения духа жита *Curche* в снопе (видимо, последнем, так как ритуал совершается при сборе урожая) и обозначения насекомого типа лит. *kurklis* — тем более, что с медведкой в мифопоэтической традиции может связываться идея обильной множественности. В убедительной гипотезе Буяка высказывается предположение, что **kurke* в прусск. могло обозначать вредоносное насекомое (нечто вроде амбарного долгоносика), которое во время жатвы пряталось в последнем снопе и изгонялось в конце концов жрецами. Другая возможная параллель напрашивается при сопоставлении таких, казалось бы, разнородных фактов, как польск. балтизм *kurkońak* (ср. *dać; dawać k i r k o Ń a k a* 'кувыркаться') в сейнском говоре, т. е. в балто-славян-

ском пограничье, объясняемый Зданцевичем LPosn. 8, 1960, 343 из лит. *kurnėti* 'быстро бежать маленькими шажками'; 'переворачиваться через голову'; 'падать с шумом', см. LKŽ 6, 963—964 (ср. также Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 144), и слав. обряд кувыркания, перекатывания по земле (стерне, колосьям) с просьбой к «ниве» отдать ее силу участнику обряда (сам этот обряд входит в круг жатвенных ритуалов и описан Терновской, см. указ. соч., 96—98). Совершенно очевидно, что польский балтизм по своему происхождению связан именно с ситуацией подобного обряда; вместе с тем, возможно, что источником польск. *kurkońak* было не лит. *kurnėti*, а что-то вроде *kurkinėti* 'pasilenkus, pamažu vaikštinėti' (Kas ten jo do vaikštinėjimas, bet k u r k i n ė j a. LKŽ 6, 954) или другого глагола с элементом *kurk-* и суффиксальным *-n-*. Ятвяжский языковой субстрат этих мест дает некоторые основания думать и о возможности его отражения в этом случае. Наличие в лит. *sukuŕkti* (2), в частности, значения 'мять', 'комкать' ('sulamdyti': *ломать*) открывает еще одну возможность экстраполяции темы *Curche* как злого духа, вредящего колосьям, а именно — понимание апеллятива *curche* как «з а л о м а» (: *ломать*) на колосьях, делаемого вредоносной силой. Вместе с тем не исключено, что отношения *Curche* к указанным действиям деструктивного характера (ломать, комкать, мять, сгибать и т. п.) могут толковаться не только как с у б ъ е к т н ы е (**Kurk-* (Nom. Sg.) & **kurk'a* (3. Praes), т. е. Курке совершает действие, вытекающее из его природы и отраженное в его имени), но и как о б ъ е к т н ы е (Некто (Nom. sg.) & **kurk'a* (3. Praes) & **Kurkan* (Acc. Sg.), т. е. Некто совершает в отношении Курке действие, соответствующее природе Курке и соотношенное с его именем). Напрашиваются и дальнейшие варианты развития этих реконструкций. Когда *Curche* (**Kurk-*) совершает действие (**kurk'a*), результат представляется как порча, вред (съездившееся, ссохшееся зерно, вышелушенные, согнутые, сломанные колосья), обозначение которых также кодируется комплексом **kurk-* (ср. вост.-балт. данные). Когда действие (**kurk'a*) направлено на *Curche* (**Kurk-*), результат представляется как получение силы, обилия, урожая (извлечение зерна, «житного» духа из снопа, колоса и передача его в пользование людям); в соответствии с типологическими данными можно думать, что и этот получающийся в результате с г у с т о к урожая, субстанция плодородия также обозначался элементом **kurk-* (ср. лит. *kurkulai* 'лягушечья икра', так сказать, п а ю с). Следовательно, в предельном случае образуются развернутые, как бы тавтологические, цепи типа **Kurk-* (Nom. Sg.) & **kurk'a* (3. Praes.) & **Kurkan* (Acc. Sg.); или **kurkans*. Acc. Pl.), которые, судя по многочисленным аналогиям, могли трансформироваться в просьбу-закливание типа **Kurk-* (Voc. Sg.) & **kurk'ais* (2. Sg. Imper.) & **Kurkan* (Acc. Sg.); или **kurkans* Acc. Pl.)! — т. е. (сугубо условно): О Курке, умножь (усиль, способствуй и т. п.) обилие (силу, урожай, богатство)! Конструкции этого типа вполне отвечают стандартным формулам,

описанным и как тип реконструированным раньше (*Боже, роди жито!* = *Боже, дай богатство!* и т. п.) и особенно всей сумме речений, описывающих Спорыша (ср.: *Спори, Боже, мушца, а водицы и сама при спору!*; *Полю полина, хозяину спорина; Спорыш и жито, хлеб, спорина, порной, порато* и т. п.). Оба типа фраз-реконструкций, в которых *Curche* выступает то как субъект, подвергающийся «своему» (**kurk'a*) действию некий объект, то как объект, подвергающийся тому же действию (**kurk'a*), но направленному в противоположную сторону, не только отражают амбивалентность *Curche*, его субъектно-объектную суть, но и дают основание для реконструкции типичного в ситуации, где действует персонаж такого типа, мотива: жнецы преследуют (**kurk'a*) *Curche* (**Kurkan*. Acc. Sg.), укрывшегося от них в последнем снопе (см. выше), также, возможно, обозначаемом как **kurk-*. Судя по аналогиям, сноп не единственное убежище *Curche*, и само преследование членилось на ряд этапов, о которых сигнализируют разные укрытия. В частности, одним из них мог быть камень, посвященный *Curche* (о нем см. выше) и напоминающий о подобном мотиве Юмиса и камня. Эти мотивные фрагменты недвусмысленно отсылают к сюжету основного мифа, связь с которым подтверждается и многими другими деталями; ср. жнецы как преследователи (обозначение их элементом, обнаруживаемым в лит. *giñti*, лтш. *dzit*, прусск. *guntwei*, слав. **žeti* и восходящим к и.-евр. корню **g^hhen-*, описывающим основное действие Громовержца в отношении своего противника) или образ преследуемого (младший сын, самый маленький, часто с физическими дефектами (ср. балт. **kurk-*), но, будучи убитым и разъятым, разброшанным, приносящий изобилие и плодородие). Установление локуса мифа и ритуала, посвященного *Curche*, и амбивалентной природы этого персонажа, кажется, существенно уточняет возможности этимологического объяснения его имени, ограничивая их приведенным выше кругом слов — прежде всего вост.-балт. и слав. Поэтому о других попытках этимологического характера, кроме уже отмеченных, можно упомянуть лишь вскользь. В основном они концентрируются вокруг двух—трех идей. В связи с *kur-*, *kur-ka* как названиями петуха или курицы, выступающих в жатвенных обрядах, имя *Curche* рассматривали еще в ранних опытах объяснения этого слова (см. Mannhardt *Korndämonen* 1868, 13—19; LPG 46—47; Berkholtz о котором см. LPG 47; Bielenstein MLLG 13, 1866, 99 и др.; ср. Usener *Götternamen* 1895, 280—282, но иначе — Bertuleit *Sitz.-ber. d. Alttert. Ges. Prussia* 25, 1924, 30). Некоторые ориентировались на связь *Curche* с глаголом со значением 'делать', 'сотворить' — прусск. *kāra*, лит. *kūrti* и т. п. — непосредственно или через обозначение кузнеца как делателя, творца, *faber* (ср. Mierzyński *Mythol. Lithuan. Monum.* I, 94 сл.; Brückner KZ 48, 1918, 191—192 и др.). Третьи сопоставляли имя *Curche* с обозначениями куста, пня типа слав. **kъrčь* (см. Буга РФВ 75, 1916, 52—53=RR I, 448—449; KS 58=RR II, 79; RR III, 809—810; от своей ранней этимологии Aist. stud. 1908,

167 из и.-евр. **q^vr-q^v*- 'кормитель', **q^vere-* 'есть', ср. слав. **кѣтѣ* 'корм', др.-греч. *πύρρον* и т. п. Буга отказался: ср. также ME 2, 323). Существенно иначе — LEW 316. — Среди балтизмов финского языка известно обозначение злого духа, имеющего разные воплощения, ср. *kurko, kurki* (< **kurkei*) 'ein böser Geist, Teufel, Gespenst, Bär, Laus'. В качестве его наиболее достоверного источника следует рассматривать прусск. *Curche, Curcho* (см. Setälä FUF 12, 1912, 190 сл.; Kalima Itäm. 1936, 122—123; Bussenius ZfslPh 15, 1938, 239; Toivonen Suom. Etym. II, 1958, 245; Sabaliauskas LKK 6, 1963, 120). Однако конкретные пути заимствования остаются неясными. В любом случае важен учет значений заимствованного слова. — С именем *Curche*, видимо, связан ряд топонимов: *Kurkow*, 1350; *Kurkelauk*, 1342; *Kurksadel* 1235 (APON 76—77). Эти и некоторые другие местные названия (ср. *Kurken* 1365 (APON 70); см. Górniewicz *Kom. Maz.—Wagm.* 2, 1965; Brocki *Baltist.* 14, 1978, 133) были известны и в немецкой или польской форме среди населения Вост. Пруссии в послеорденские времена. Ср.: *Kurken, Kurkau, Kurkowken, Kurkoczyn, Kurkowizna, Kurkaczysna, Kurksadel, Kurkenfeld, Korkehnen, Korklack* и др. (Thes. 1873, 76; Heinel *Preuß. Prov.-Bl.* 4, 30). См. {**kurk-*}, {**kurk-av(-ov-)*}, {**kurk- & *lauk-*}, {**kurk- & *sadel-(*sakil-)*}. Некоторые из этих названий имеют и несомненные мифологические ассоциации, ср. «поле *Curche*» и др.

Лит.: Hartknoch *Selectae dissert.* 1679, 126, 138; Mannhardt *Korndämonen* 1868, 13—19; LPG 41, 42, 46—47, 198, 206, 216, 520, 532, 539—540, 544, 577; Thes. 1873, 84; Mierzyński *Mythol. Lithuan. Monum.* I, 1892, 89, 94 сл.; Lullies *Zum Götterglaub.* 1904, 20; Буга *Aist. stud.* 1908, 167; РФВ 75, 1916, 52—53=RR I, 448—449; KS 58=RR II, 79; RR III, 809—810; Brückner KZ 48, 1918, 191—192; Bertuleit *Sitz.-ber. d. Alttert. Ges. Prussia* 25, 1924, 30; Bujak *Dwa bóstwa* 1924=Stud. społ. 1925, 29 сл.; Lud, *serja* II, t. 2, z. 1—4, 1923, 6—7; Loewenthal *BGDS* 52, 1928, 457—459; Łowmiański *Ans. Pruss.* 1936, 95—96; Fischer *EDP* 1937, 27; SPV 199; LEW 316; Балтослав. сборн. 1972, 306—307; Чекман *Балтослав. сборн.* 1974, 122; St. OP 9, 130; Мифы 2, 29—30. — [**Kurke*; **Kurko*; **Kurkā*].

**kurke*, **kurkā* как апеллатив, см. *Curche, Curcho*.

{**kurk-en-*}, см. {**kork-en-*}, {**kurk-av(-ov-)*}; *Curche*.

{**kurk- & *lauk-*}, ср. *Kurkelauk*, 1342, позже — *Korklack* (APON 76). — Ср. польск. *Kurklawki* (= *Korklack*). *Słown. nazw geogr.* PZP 153. — Сложное слово: ср. к первому члену {**kurk-av(-ov-)*}, {**kurk-en-*}, {**kurk-*}, {**kurk- & *sadel-(*sakil-)*}; к второму члену см. *laucks*. Возможна связь с именем *Curche* (см.); в таком случае — 'поле Курке'. — Параллели см. {**kurk-av(-ov-)*}. —

{**kurk- & *sadel-(*sakil-)*}, ср. *Kurksadel*, 1255; *Kurkosadel*, 1371; *Korkosakil*, 1374; *Kurksakil*, 1374; *Curchussakil*, 1374; *Korkbatel*, 1389, позже — *Kurken* (APON 77). — По Герулицу, *Korken* и лит. *sodėlė*, уменьшит. от *sodā* 'деревня', ср. также лит. *sodžius*, лтш. *sādža*. М. б., более вероятна связь первого члена с прусск.

Curche (см.). Второй член встречается и самостоятельно: *Saddel*, 1426, позже — *Sadlowo* (APON 148), и в составе другого сложного топонима — *Dowpsadel*, 1419, *Dowpsadil*, 1426, позже — *Dopsattel* (APON 30). Чекман Балто-слав. сборн. 1974, 122 склоняется к признанию в первом члене названия элемента, родственного лит. *kurklỹs*, *karklỹs*, 'куст', 'кустарник', 'ивняк'. Целесообразнее, однако, связывать все название с именем «житного» духа Курке и понимать его как «деревня Курке» (согласно Thes. 1873, 85, — «Sitz des curche», ср. прусск. *sadint*, *sĩd-* и т. п.), см. выше о «поле Курке». Что касается второго члена, то отрицать а priori возможность его принадлежности к прусскому этноязыковому элементу также нет особо серьезных оснований.

{*kurn-at-(-ot-)}, ср. Nom. рг. *Curnothin*, 1329; *Curnotori*, 1292 (лат. Dat.), *Curnoron*, 1297 (APN 49). Согласно Траутману, из балт. **Kurn-āt-* или **Kurn-ōt-*, м. б., к лтш. *kurns* 'глухой'; ср. также лит. *Kurnėnai*. — Число параллелей можно увеличить. Ср. лит. *Kurniškė*, *Kurniškės*, *Kurnoniai* (LATSŽ 149), *Kurniai*, *Kurnupis* (LUEV 84; LHEŽ 174: скорее всего к лит. *kurnỹs* крот (ср. *kūrmis*), лтш. *kurnis*; указывается, что ныне ограниченный ареал этого литовского слова ранее был обширнее); лтш. *Kurna*, *Kūrņi*, *Kūorņi*, *Kūrnavi*, *Kurnas-urē*, *Kūrņa-līcis* рл., *Kūrņ-uru-kalns* (LV I, 2, 180). Но, конечно, особенно показательны Nom. рг. и возникшие на их основе фамилии. На первом месте в этом отношении стоит польское продолжение реконструированного **kurn-at-* — *Kurnatowski*. Существен учет ст.-лит. *Kurnikas* (Gen. Sg. *Kurnika*), *Kurneyko*, *Kurniewicz* (ср. совр. лит. *Kurnavičius*), *Kurnienia* (Liet. антроп. 162: к *kurnėti*, *kurniūoti*); ср. также блр. *Курневіч* (Белар. антрап. 2, 234) и др., ср. топоним *Курневічы* (Слоўн. назв. Мінск. 147). — Ср. *Būga* I, 163.

{*kurp-} реконструируется на основе мазовецких топонимов типа *de Curpyewo*, 1469; *de Curpye*, 1480; *Kurpie*, 1578; *Kurpie*, *Kurpiewo*, совр. *Kurpie* (*Kurpje*, *Kurpji*); *de Zebri alias de Curpie*, 1483; *Kurpie* (Nazwy Pólnoc. Maz. 235—236; ср. *Kurpieszek*. Słown. nazw geogr. PZP 154), польск. Nom. рг. типа *Jacobus Nadborii Curpyewsky*, 1473 (мазов.); *Kurp*, *Petrus Kurp*, 1370; *Petrus Curpi*, 1371; *Petro Kurp*, 1375; *Laboriosus Gregorius Curp de Nadarzino*, 1492 (но и *Korp*: *Domus Hermanni Corp*; ... *Hermanni dicti Korp*, 1346; *Petrus Korp*, 1378; *Niclos Korp*, 1393); *Kurpiel*; *Curpel officialis*, 1408; *Curpiel*, 1409; *Andreas Kurpiel*, 1445; *Per Curpyela ministeriale*, 1469; *Iohannes Kurpyel*, 1483; *Nicolaus Curpyewski*, 1463; *Nobilis Jacobus Nadborii Curpyewsky*, 1473 (ср.: *Nicolau(m)*, *Jacobum et fratres ipsorum de Curpyewo de armis Bolesthy*, 1469); *Kurpiowa*: *Miczko*, *maritus Kurpowe*, 1398; *Curpowe*, 1399; *Miczko Curpowicz*, 1398; вероятно, сюда же: *Kurpiesz*: *Cum... Kurpeshone... kmethon(e) de Wrzampe*, 1400; *Kurpietko*: *Cum Laurencio Kurpyetko*, 1477; *Laurencius Corpethko... Cu(r)pethkowi*, 1481; *Laurencius Curpethko... idem Curpethko*, 1482; *Curpetkowi... Curpetko*, 1482 (но и *Korpietko*). Słown. starop. nazw III, 2, 207—208) и т. п.

Возможно, прусск. **kurp-* продолжается в мазурск. *Korpela*; *Korpelskie Lasy*, *Forst Korpellen*, *Korpeller Forst* (Słown. Nazw Mazur. II, 227, 340), поскольку мена *Korp-*: *Kurp-* отмечена неоднократно. Реконструируемое **kurp-*, несомненно, связано с апеллятивом прусск. *kurpe*, род обуви (см.), который оказался активным элементом, распространявшимся в другие языки на смежных территориях. Анализируемый элемент нередок в вост.-балт. топонимостике. Ср. лит. *Kūrpės*, *Kurpai*, *Kurpikai*, *Kūrpalauskis* (LATSŽ 149); *Kurpiōkas*, *Kuřpiškė*; *Kūrpinkė*, *Kuřpiovinė*, *Kurpsuvinė* (LUEV 84; Liet. hidr. 169; LHEŽ 174—175: последние два названия скорее из **Kurpsuvinė*, от *kuřpšė*, название рыбы; похоже, что совр. *Kurpsuvinė* — более поздний, вторичный вариант, объясняемый отчасти пародно-этимологическим притяжением к лит. *kurpsiuvỹs* 'сапожник'; исходная форма, возможно, **Kurpžuvinė* или **Kurpživinė* < **Kurpš-žuvinė*, соотв. **Kurpš-živinė*; отчасти это подтверждается немецким вариантом названия этой реки *Kurpsziwin*, которое Фрелих Flußn. Ostpreuß. 1930, 40, однако, объяснял из лит. *kuřpsiuvienė* 'жена сапожника'; лтш. *Kurpenek*, 1835; *Kurpenek*, 1811, *Kūrpnieki*, *Kuřpniece* рл., *Kuřpniece* рл., *Kuřpnieks*, *Kuřpnieki*; *Kuřpnieka kalns*, *Kuřpnieku-ciems*, *Kuřpnieku-dārzs*, *Kuřpnieku-dīķis*, *Kuřpnieku-kalniņš*, *Kuřpnieku-purvs*, *Kuřpniek-bīrze*, *Kuōrpniek-būda*, *Kūrpniek-daībits*, *Kūrpniek-pļava*, *Kūrpniek-riēž* рл.; *Korpene* рл., *Kūrpinišķas*, *Kūrpites-purvs*; *Kurpes-grāvis*, *Kurp-kalns*, *Kurpju-lauks*; *Kazu-kurpe* рл. (LV I, 2, 181, 194). Этот же элемент известен и в Nom. рг. Ср. ст.-лит. *Kurpelis*; *Kurpelonis*; *Kurpola* (Gen. Sg.), *Kurpik*, *Kurpikowa*, *Kurpikowa Janowa*, лит. *Kūrpė*, *Kurpeikis*, *Kurpāvičius*, *Kurpāuskas*, *Kūrpūs*; *Kurpālis*; *Kurpikāitis* (Liet. антроп. 162); ст.-лтш. *Mattis Kurpenekes*, 1519; *Katherin Kurpenekesche*, 1517; *Kurpenix*; *Kurpnez Petrus*; *Curpenick* (LPV 199, 239); куршск. *Jann Kurpe*, 1594; *Peter Kurpeniks*, 1554; *Curpenik*, 1582—1585 (KF 298). Ср. балтизм в белорусск. Nom. рг. *Курпель* (Белар. антрап. 2, 234), а также топоним *Курпичы* (Слоўн. назв. Брэсц. 72). — К балт. топонимам с элементом *Kurp-* Дуриданов Thr.-Dak. 1969, 41—42 приводит в качестве параллели фрак. *Κορπιζος* (χώμης Κορπιζου), ст.-болг. *Кръпень*, 1395, село *Кръпена*, 1337—1346, ср. болг. *Кърпеч*, хорв. *Крпес*, словен. *Крпци*. В свою очередь Дечев Thr. 1957, 264 сравнивал фрак. слово с писид. Nom. рг. *Κορπας*, лат. *Curpennius Corpenius* (ср. этр. *curspena*, *curspia*) — «kaum mit Recht», по Дуриданову.

kurpe, род обуви, башмак (см. ниже). Э 500 ('Schuch'), в «сапожно-обувном» фрагменте словаря, ср. Э 497: *Keuto* 'Hewt'. Э 498: *Nognan* 'Leder', Э 499: *Pusne* 'Stefel', Э 501: *Kymis* 'Hosenled', Э 502: *Paccaris* 'Rime', Э 503: *Aulinis* 'Schafft' и т. п.; — *corpe*. Гр. 89 ('schuch'); Гр.-Г. 81 ('Schue'); *Corpe*. Гр.-Кип. 222 ('Calceus'); — *kurpi*. К III, 37, 13 (Wissan ka prei kermenēs maitāsuan prewerisnan perlānkei kaigi stwi ast Ist Poūt Rūkai, Kurpi Buttān... '... Kleider Schuch Hauß...'). Nom. Sg. fem.; — *kurpins*. К III, 29, 33

(...mennei kērmēnan bhe Dūsin...bhe wissans seilins dāuns ast bhe dabber Islāika Prēistan rūkans bhe kurpins ist bhe pūton buttan... '...gegeben hatt vnd noch erhelt. Dazu Kleider vnd Schuch Essen vnnnd Trincken Haus..'). Асс. Pl. — Определить с точностью, какой вид обуви обозначался словом *kurpe*, не представляется, строго говоря, возможным. Вместе с тем из контекстов, в которых оно встречается, можно заключить, что слово обозначало, если не обувь вообще, то во всяком случае обувь по преимуществу, самый ходовой ее вариант. Таковым, видимо, исходя из этнографических данных и вещеведения для данной территории, во всяком случае в несколько более позднее время, а также для смежных территорий, включая и прусскую Литву, следует считать обувь на деревянной подошве с кожаным верхом и, возможно, открытой пяткой (эта обувь изредка еще встречается кое-где в Литве [ср. *mēdradis, mēdrādžiai*: Batai mēdradžiai, kur medžių padai. LKŽ 7, 991], ею пользуются при некоторых сельскохозяйственных работах, хотя раньше она относилась к обуви на каждый день; вокруг Биржай *mēdradžiai* назывались еще *tupelės*, а в Завеманье — *klumpės* и *šliurės*, с открытой пяткой; см. Liet. etnogr. bruož. 1964, 378—380, рис. 216, 3). Если пользоваться аналогией с литовской традицией, в частности и прежде всего — с жемайтской, можно предположить, что *kurpe* пользовались определенным престижем и противопоставлялись как просто деревянным башмакам типа сабо (лит. *klūmpė*), так и сделанным из лыка лаптям (лит. *vyžà*), рассматривавшимся как более бедная и во всяком случае лишенная социального престижа обувь (ср. характерную фразу из Салантай: Į kūtę vaikščioti neimk mēdradžių, užteks ir medinių klumpių. LKŽ 7, 991). Неоценимые данные об эволюции обуви и вкусов, связанных с нею, можно извлечь из рассказа Сельмаса («Metai» Донелайтиса), ностальгически вспоминающего милую старину (очень показательна в этом противопоставлении прошлого и настоящего именно «обувная» тема; диагностическая роль моды на обувь оценивается как один из важнейших критериев социального статуса). Ср.: Ak, kur dingot jūs lētūwizkos gādynėlės, | Kaip dar Prūsai wókiszka kalbėt nēmōkėjo, | Ir nei kūrpiu nei sorāgu dār nēpāžino, | Bēt wyžàs, kaip būrams reik', neszi-ódāmīgýrės. | ... Ógī dābār, žėlėk Dėvė, tikt gėdā žiūrėti, | Kād Lētūwinkai kaip Wókėczei sōpāgūti, | Ārsu kūrpe ms rūdėnỹj ant czeniū pāsīródo. || Klūmpės, kaip mes wókiszka kalbėdamī sákom, | Róds taipjaū Lētūwninkams nesziót nēprītinka; | Nės ir jās mūsū tėwu tėwai girt nēnōrėjo; | Alė sōpāgu jaū prancūsiszka sūdābitu | Īr puikióku kūrpiu gėdjos pāmīnėti, | Īk Prancūsai jaū potám pas mūs sūsībástė, | Īr prancūsiszkas manėras mūs pāmōkino (775—790); ср. также: O Kairiūks, aps'awęs kūrpes, Tūszę pāgrėbė, | Īr lētūwizka ant áslos szókdāmī spárdės. | Bēt kiti, su wyžomis tyczóms issīrėdė, | Ār basī, rubūs nūsīwilkė, sztukā pādārė (225—228) или:

...Sztai, wisi kaimynai swódbiszka pāsīrėdė. | Stėps su Mėrczum kūrpes sáw naujās nūsīpirkė, | Ó Jons su Laurū dailės wyžàs nūsīpýnė, | Rėdės ir swódbón nūkėliáut kuinūs pāžėbójo (89—92), или: Simas sū biaureis sorāgais nūtweriā Lýzė, | Ó Mikóls su kūrpe ms Jekė szókti wādina. | Kārtais ir su wyžomis neprētėlėi spárdos, | Ār basī, nūsīwilkė, swódbai gėdā pādārė («Pričkaus pasaka apie lietuvišką swodba»). Эта «старая» градация «обутое в башмаки» (*kūrpe*) — «обутое в лапти» (*vyžà*) — «босые» (*bāsas*); по мере появления новых видов «европейской» обуви и новых мод, теряла свои *valeurs*, постепенно деградируя. На каком-то среднем этапе, когда *kurpe* (речь идет об усредненной прусско-литовской ситуации в Вост. Пруссии) стала нейтральным видом обуви, слово, ее обозначающее, могло приобрести значение обуви вообще (о чем в литовском свидетельствуют, напр., *kuřpius* 'сапожник', 'башмачник', *kurpsiuvỹs* то же, *kurpiáuti* 'сапожничать' и т. п.). По мере дальнейшей деградации системы старых ценностей у пруссов название *kurpe* «ухудшилось» и стало применяться, видимо, к обуви из лыка типа лаптей (или даже к старой изношенной обуви, к обуви на выброс). Во всяком случае немецк. вост.-прусс. провинциализм *Kurp*, masc., *Kurpien*, Plur., обозначал уже лапти ('Bastschuh', 'Paréske'), см. Frischbier PW I, 449; Preuß. Wb., s. v.; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 98; St. OP 10.054. То же значение согласно отмечается исследователями в этом слове, которое как заимствование попало в соседние языки. Особенно важно, что этим словом обозначаются лапти, плетеная из лыка обувь в польских говорах на прусском субстрате и в кашубских говорах, взаимодействовавших с прусским языком на протяжении своей истории (примеры см. ниже). Естественно, что «ухудшение» значения *kurpe* в прусском языке, а позже и в прутенизмах немецкого и славянских говоров привело и к потере этим словом общего значения обуви. История слова *kūrpe* в литовском в ряде существенных моментов поддерживает предлагаемую здесь схему развития значения слова и соответствовавших ему денотатов. — Еще один важный аргумент сравнительного характера можно извлечь из литовских и латышских переводов тех мест Энциридиона, где отмечено прусск. *kurpe*. Ср. прежде всего у Вилента: Wifs tatai kas ant reikmenes kuna mušu prīfiet kaip tatai jra walgimas gierimas rubai czebatai namai... (19, 9=13) или ...bey dabar mane ischlaika Priegtam rubais batais walgimu gierimu namais... (17, 3=10). В латышском Катехизисе 1586 г. в соответствующем месте появляется, как и в прусском Энциридионе, *kurpes*. Ср.: Wueffe kas py thās mešes vřthurreřchennes vnde wayaczibes pedeer, na ehjchanne řzerřchanne, drebes, kurpes, namme... (32, 1=15). В отличие от латышского текста в литовском Энциридионе Вилента обнаруживается несомненная непоследовательность — *czebatai...batais*; Употребление лит. *bātas* в качестве эквивалента прусск. (и лтш.) *kurpe* не вызывает удивления, но по-

явление *czebatai* (*čebātas*. Nom. Sg.) в соответствии с прусск. *kurpe* показательно в плане различий между конкретными видами обуви и модами на них. Существенно, что в отличие от фасона прусск. *kurpe* лит. *čebātas* обозначал обувь с высоким голенищем («*ilgas aulinis batas*», по LKŽ 2, 57); *Čebačiukai be aulų, nėra nė dvare tokių. Jušk. Liet. svotb. dain. 671; Tokiam purvynė atsakančių čebātu reik (Jurbarkas), см. LKŽ 2, 57.* Это слово было достаточно широко употребительно в ранней литовской письменности (Бреткунас, Вилент, Даукша, Ширвидас, «Summa» 1653 г., напечатанная в Кедайняй; см. LehnW. 53 и др.) и относилось к обуви, которая высоко ценилась (ср.: *Bus tau brangesni ir mielesni čebātai... neg gyvata ir siela. Daukš. Post. 198; Čebatai karėivių. Szyrw. Dict. в соответствии с Nagolenice żołnierskie и Ocreae militares, ср. Ibid. 3, 21; 3, 406, не говоря о производных образованиях). Об экспансии этого слова может свидетельствовать надписанное на полях Библии Бреткунаса (Jos. V, 15) против *Nuaukes kurpes* слово *czebatus*. — Из деталей фонетического характера следует отметить две диалектные особенности: *u > o* в *corpe* (о чем см. APSpr. 110; APN 124—125; SPV 26; APON 215 и др.) и *-e > -i* в *kurpi* (о чем см. APSpr. 121; APN 125—126; APON 269; Būga Medž. mytol. 20 = RR I, 185; LKŽod. LXIII = RR III, 105; SPV 26—27; BVSF 128; Vgl. Gr. 119—120 и др.). — К грамматической характеристике анализируемых форм, прежде всего к проблеме флексии Nom. Sg., см. APSpr. 231; SPV 64; Apr. Gr. 91; Stang Vgl. Gr. 1966, 204; Eckert ZISl. 19, 1974, 223—224; OP71; St. OP6. 401; 6. 430; 6. -972 и др.). — Ближайшие параллели прусск. *kurpe* обнаруживаются в вост.-балт. языках. Ср. лит. *kūrpe* (*kūrpis*) с показательным (вследствие сказанного выше об эволюции типов обуви) набором значений — 'башмак'; 'обувь с деревянной подошвой и кожаным верхом', 'деревянная подошва'; 'обувь, связанная из ниток', 'шлепанцы'; 'мера длины в 12 дюймов', 'фут' ('стопа'), не говоря о «необувных» значениях. Характерны примеры. Ср.: *Siauros grindelės, aukštos kūrpelės, čia eidama svyravo* (Юшк. Лит. слов.); *Aukštos kurpužėlės, laibs liemenužėlis, tai eidama svyravau* (Jušk. Liet. svotb. dain. 373); *Dievulis duos gerus metus, pirksiu kurpužes* (Jušk. Liet. dain. 971); *Aunasi brangiomis kūrėmis* (Bretk. Post. II. 197); *Nei siūla, nei kurpių dirsa neimsiu* (Bretk. Bibl. 1 Moz. 14, 8); *Neeik artynui, išaukies savo kurpes nog kojų* (Bretk. Bibl. 2 Moz. 3, 5); *Kurpės žiemą šiltesnės nešioti, negu batukai; Kurpė purvų nesibaido; Ji iš marškonių ir vilnonių siūlų labai gražias kurpes padaro* и т. п. (LKŽ 6, 965—966; Kabelka Donel. leks. 1964, 121). Сюда же относятся и производные типа лит. *kuřpius, kūrpininkas, kūrpalis(u)s, kūrpinys, kūrpiūnas, kūrpetas* и соответствующие глаголы (см. ниже). Точное соответствие известно и в латышском. Ср. *kuřpe* (*kuřpe*) 'башмак', 'туфля' и др. (*kuřpes araut; es araušu kūrpiēm (= kurpes)*. BW 14778; *zābakiem jaunas kurpes**

*piešūt. ME 2, 325; EH 679: «jede lederne Fussbekleidung, die pastalas ausgenommen Auleja»; Ērg'em. izl. vārdu. 2. 152) а также kuřpniēks (kurpenieks, kurpinieks), kuřpnica и др. С этими вост.-балт. словами связаны соответствующие глаголы — лит. *kuřpli* 'плохо, неискусно шить, вязать или вообще что-нибудь делать' (Jis, matyt, nemoka siūti, tik kuřpia. LKŽ 6, 968; ср. глагольные образования с префиксами *ap-, at-, nu-, pa-, pri-, su-*), *kuřpėti, kurpjūti, kurpėti, kurpiūti, kurpinėti, kurpstūti* и т. п.; лтш. *kuřpēt* 'сохнуть', 'увядать' (EH 679); лтг. *kūrpe (kurpe), kūrpeite* (Latg. vōlud. gram. 1973, 371). Из балт. языков слово **kurpē* и его более поздние варианты широко распространялись в соседние языки. О немецком вост.-прусском регионализме уже говорилось. Слово проникло в ливск. (*kuřp*) и в финский языки (ср. *kuřpponen, kuřp(u)nen* 'вид кожаной обуви', см. Thomsen Berøt. 1891, 191—192; Kalima Itämer. 1936, 123; Хакулинен Разв. Ф. II, 41; Toivonen Suom. etim. II, 246; Sabaliauskas LKK 6, 1963, 120; LKK 8, 1966, 64 и др. Но особенно активной была экспансия слова в соседние славянские языки (предположение Брюкнера AfslPh 20, 1898, 518; KZ 44, 1911, 335; SEJP 284 об обратном направлении заимствования неосновательно). Под активностью в данном случае следует иметь в виду не только количество языков, в которые было заимствовано это слово, но и некоторые другие существенные показатели: дальность распространения этого балтизма от эпицентра или от зоны, где это заимствование могло быть сделано; степень его вхождения в воспринимающие языки и т. п. При всем этом данные о распространении этого слова в слав. языках весьма не тривиальны, более того, они почти неожиданны, если учесть, что белорусские говоры в этом отношении образуют практически лагуну, тогда как это слово достаточно хорошо зафиксировано в русских говорах. Правда, Карский Белор. 1, 130 приводит этот балтизм с указанием его значения («особого рода башмаки»), но признается, что ему неизвестно, где именно это слово бытует в белорусских говорах. Урбутис Baltist. 5, 1969, 63, в целом ставящий под сомнение достоверность этого белорусского балтизма (ср. также Непокупный Балто-сев.-слав. 1976, 138), сообщает, что он отмечен (без локализации) в рукописном словаре белорусского языка Цихинского, часть рукописи которого хранится в Библиотеке Академии наук в Вильнюсе. Известные в сев.-зап. говорах Белоруссии слова с комплексом *kuřp-* сюда не относятся (ср. *кўрпа* 'горб', *кўрпаты* 'горбатый' вместо *кўпра, кўпраты* или *кўрпінкі* 'корточки' вместо *куркішкі, кўрцішкі* и т. п.; см. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 364, 583), хотя они косвенно могут намекать на какое-то знакомство с этой лексемой (ср. также Вяржбоўскій Белар.-лит.-лекс. ўзаема сув. 1960, 458—459). В старом языке западно-русских актов этот балтизм также не отмечен. Зато слово хорошо известно в Польше, где оно обнаруживается на весьма значительной территории от кашубско-вармийско-мазурской зоны (т. е. в непосредственном соседстве с землями пруссов) до южных говоров. ср. также*

пункты, как Кельцы, Тарнобжег, Люблин, Хелм (см. Zdancewicz Z polsk. stud. slawist. 2, 1963, 293; Балто-сев.-слав. 1976, 137—138). Сомнения Урбутиса в связи с польск. диал. формами (в частности, из-за их присутствия далеко к югу) в том, что касается их балтийского происхождения, едва ли основательны. Северо-западную периферию ареала этого балтизма образует территория к западу от низовьев Вислы. Ср. слов.-помор. *k^uurpē* 'schlechte Schuhe, von Schuhen abgeschnittene Pantoffeln' (Doma von х^ozī v k^u r p a x), *k^uurpa*, чаще Pl. *k^uurpə* (Nanitz, Steinfließ, Zuckau, Gorrenschein, Slz. (Ru.), Karlekau). Pom. Wb. 1, 432; кашуб. *kurp* 'stary but' (Zdřec k u r p ě, a obuĵ nově hótě; Rěbě jak k u r p ě 'о больших рыбах'; Djablě k u r p ě — бот. *Cirsium arvense*; ср. также коцевск. *kurp* 'старый башмак', бор. *kurp* 'chodak wyżłobiony w drzewie z zadartym do góry nosem'); 'старая шляпа'; 'лодка', 'судно'; прозвище тяжело ступающего человека; *kurpš* 'старый башмак' и др., *kurpāč* 'старый башмак', 'старая туфля', *kurpāl* в ряде значений, *kurpāš*, *kurpīšče*, *kurpīsko*, *kurpīnik*, *kurpīnica*, *kurpovati* 'кривой', 'перекошенный', *kurpovski*, *kurpel* 'человек низкого роста'; *kurpac* 'шумно ступать ногами'; *kurpowac* (Sychta Słown. gwar kasz. 2, 305—306), ср. также *škurp*. Эта лексема *kurp* и ее производные в кашубских говорах столь глубоко укоренились и столь широко распространились, образовав разветвленную систему словообразовательных типов, что трактуются как «свои» элементы. При этом не приходится сомневаться в заимствованном характере слова (см. Labuda Słown. w dziejach Eug. 1974, 77), хотя нельзя исключать, что кашуб. *kurp* не просто заимствование, но субстратное слово. В мальборек. диалекте отмечены *kurp*, чаще *kurpie* (to ňe būti, a k u r p i e, vižuč ĵe), ср. *skurp* (Gógnowicz Dial. malbog. II, z. 1, 201). Далее к востоку и юго-востоку этот балтизм распространен во многих говорах (мазов., август., сейнск., келецк., галицк., ропчицк.), причем в очень разнообразных вариантах (*kurp*, *kurpie*, *kurpiki*, *kurpiel*, *kurpiele*, фонетические варианты *kierpce*, *kirpce*, *kyrpce*, *krypcie*, *karpie*, *karple* и др. могут, в частности, отражать и сложные взаимоотношения заимствованного балтизма с исконным словом того же корня, изменившимся в соответствии с слав. фонетическими правилами). Основной круг их значений — 'лапоть', 'обувь, плетеная из лыка' (это значение, согласно Лабуде, выступает и в кашубск. слове), 'изношенная старая обувь'. См. Karłowicz O jęz. litewsk. 1875, 325; Słown. gwar polsk., s. v.; Sł. jęz. polsk., s. v.; Zdancewicz LPosn. 8, 1960, 343; Z polsk. stud. slaw. 1963, 293, 306 и др. Особый интерес представляет тот факт, что слово сохранилось на стыке сев.-вост. части Мазовша и Мазур — и не только в форме апеллятива, но и как обозначение совершенно особой, достаточно изолированной этнографической группы к у р п е в (*Kurpie*, *Kurpiki* или *Puszczacy*, реже — *Puszczany*, *Puszczuki*), образованное от названия обуви. Польская (мазовецкая) колонизация территории, где обитают курпи (Белая Пуца, в развилке Нарева и Буга, и Зеленая Пуца [она же — Puszcz

Myszyniecka или Puszczą Kurpiowską, между Наревом, Ожицем, Писой и границей Мазур), еще застала здесь какие-то остатки прусско-явтяжского населения (начало «osadnictwa» в Белой Пуце, относившейся к владениям плоцких епископов, датируется XIII в., хотя своей регулярности и стабильности этот процесс достиг лишь в XVII—XVIII вв.; происхождение курпев Зеленой Пуцы связано с проникновением на ее территорию населения из Мазур и «zaruszczańskich» деревень). Хотя название курпев для обозначения населения обеих пуц появилось впервые лишь в 1-ой половине XVIII в. и употреблялось соседями или авторами, описывавшими эту территорию (само название — *Puszczacy*), слово было известно несравненно раньше (ср. название деревни под Остроленкой уже в 1440 г.); ср. в словаре 1532 г.: *cuturnus genus calciamenti Masovitarum curp* (см. AfslPh 20, 1898, 501). Несомненно, что в этом ареале слово *kurp*, как и образованный от него этноним *Kurpie*, строго говоря, не являются заимствованиями: *kurp* и под. должны рассматриваться как реликт субстратного слоя балтоязычной лексики, а *Kurpie* как инновация, возникшая на основе *kurp* и обозначающая соответствующее население по характерному его признаку. Вполне возможно, что сам локус этой инновации занимает внешне-смежное положение по отношению к локусу *kurp*. О курпех и их названии см.: Chlebowski Słown. geogr. Polsk. 4, 1883, 936—938; 15, cz. 2, 1902, 200; Krzywicki Bibl. Warsz. 52, 1892, t. 3, 527—558; t. 4, 61—97, 349—385; Potkański Puszczą Kurpiowska 1922, 222—285; Chętnik Kurpie 1924; Piaścik Osadn. PKurp. 1939; Kurpie PZiel. 1—2, 1962—1964; Wiśniewski Słown. staroż. słow. 2, 568—569; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 80; Otębski Sprache 9, 1963, 159 и др. — В старопольских текстах слово появляется с XV в.; ср. *kurp*, род обуви, плетеной из лыка: *Curpy* ('kurp') *coturnus*, XV; *Cuturnus uel coturnus. . . . est calceamentum rusticale ex suberibus factum uel contextum vlg. kurp*, 1450; *Kurpy *conturnus*, 1466; *Curpye pero*, XV; *Curpy culpo* (Słown. Staropolsk. III, z. 6/19/, 470). — Интересно, что польский ареал *kurp* и под. на юго-востоке (Люблин—Хелм) практически продолжается и далее к востоку, уже за пределами польского языка. Речь идет о сохранившемся в арго украинских волинских тулушчиков из села Новая Выжва Старовыжевского р-на (Волинск. обл.) слова *курпéнуc(u)* 'лапоть (лапти) из липового лыка', реже — *крупéнуc(u)*, то же (суфф. *-енуc*, иногда в сочетании с метатезой согласных в корне, служит целям засекречивания). Исследователь этого оригинального слова указывает, что «такая словообразовательная маскировка лексемы свидетельствует о том, что на той территории, где функционировало названное аргю, лексема *курп(u)* должна была быть известной. . . И, действительно, если *курп(u)* не засвидетельствованы в Полесье (в частности, в том его районе, где находится с. Новая Выжва), так зато их знают говоры Келецкого и Люблинского воеводств. . . , т. е. той зоны которая, согласно свидетельствам информаторов, как раз и обслуживалась волинскими тулушниками» (Непокупный

Балто-сев.-слав. 1976, 138). Тот же автор справедливо замечает, что волынск. *курпѣнус(у)* вместе с польск. примерами *kurp* и под. принадлежит к балтизмам зап.-балт. происхождения, т. е. к прусско-являжским источникам (ср. также Labuda Op. cit. 77; Safarewicz Studia językozn. 1967, 242). — Напротив, этот же балтизм в истории русского языка и в русских говорах (как показывают, в частности, эти последние) обязан своим происхождением вост.-балт. влияниям. Ранние свидетельства относятся, кажется, к рубежу XVI—XVII вв.; ср. в рукописных словариках русского языка для иностранцев: *kurpe* 'a shoe', 1599; *kurpi* 'Schoe', 1607 (см. Unbegaun Welt Slav. 7, 1962, 346—349; в Слов. русск. яз. XI—XVII вв., 8, 1981, 141 не отмечено). Наличие этого балтизма в псковских и тверских говорах (отчасти — ярославских), возможно, говорит о некотором предпочтении, которое нужно отдать латышским и особенно латгальским говорам в качестве источника заимствования. Ср. *кърпы* 'пеньковые лапти' (псковск.); 'мужские башмаки с пряжками' (великолукск., псковск.); *кърпы* или *курпѣны* 'крутцы', 'пеньковые лапти' (Даль II, 574; СРНГ 16, 143). Известны и некоторые другие словообразовательные типы: *курпак*, *карпѣ* 'сапог без голенища', *курпѣш*, 'вид обуви, плетеной из березовой коры', *курпѣнник* 'обувь из льняных веревок' (все псковск., см. КПОС), *курпѣники* 'лапти' (яросл.), *курпѣн* 'лапоть из охлопьев', 'чуни' (тверск.), см. СРНГ 16, 143; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 16. Русск. диал. *кърбачи* 'лапти из бересты' (олонецк.), см. СРНГ 14, 311, попало в русские говоры из финск., ср. *kurpuset* Pl. от *kurpinen* 'башмаки из недубленой кожи', в свою очередь являющееся балтизмом (см. выше); см. Kalima MSFOu. 44, 1919, 129; ЭСР 2, 323; Слов. балтизм. 1982, 88. Зато русск. *курпѣяки* 'шкурки ягненка', 'овчина' и т. п. (как и *курпѣяк*; *курпѣя* 'овца', 'ягненок', *курпѣя*, -ка, *курпѣяй*, *курпѣяк*, *курпѣя(я)чатый* и т. п.), которое Фасмер ЭСР 2, 428 готов связать с *кърпы*, сюда не относится, являясь, видимо, тюркским элементом русского словаря. Сложнее обстоит дело с русск. диал. *курпѣга*, *курпѣжин(к)а* для обозначения выбоины на дороге, ямки в лесу, ямы с водой в поле, на лугу, глубокого места в реке (волог., владим.), см. СРНГ 16, 143. Ср. также Mikkoла ВВ 21, 1895, 120—121; Соболевский РФВ 70, 1913, 94; ЭСР 2, 428; LEW 318; Unbegaun Welt Slav. 7, 1962, 346—349; Слов. балтизм. 1982, 16, 88 и др. — Однако сев.-слав. языки были не только восприимчивыми к балт. словам для обозначения обуви: они сохранили целый ряд лексем, восходящих к тому же источнику что и балт. **kurpē*. Речь идет прежде всего о слав. **кърпе* и **кърпати*, -iti и их производных. Ср., с одной стороны: ц.-сл. *кърпа ѿѿара*, 'textura', болг. *кърпа* 'тряпка', 'заплата' и т. п. макед. *кърпа* 'тряпка', 'лоскут'; 'платок', 'полотенце', с.-хорв. *кърпа* 'тряпка', 'лоскут', 'заплата', *кърпље* 'снежницы', вид зимней обуви, словен. *кърпа* 'заплата', *кърпља*, вид зимней обуви; чеш. *кърпѣ* Pl. (валашск.) *křpel'*, *krpec* (с характерным объяснением: starobylý druh obuvi; je to kus kůže vejčité podoby; nejprv se obuje na nohu kopytce, pak se noha

po kotníky obáli krpcem, ten se nahoře sešněruje». Machek Etym. sl. j. česk. 296), словц. *krpec* («druh mäkkej ľahkej obuvi, ušitej z jedného kusa kože, súčiastka ľudového odevu»: *lykové krpce*, *nosiť krpce*, *chodiť v krpcoch*; *darmo krpce drat'*; *preberat' krpacami* 'танцевать' [ср. примеры из Донелайтиса]. Slovn. slov. jaz. 1, 778). польск. *kierpce*, род обуви; а с д р у г о й стороны: ц.-сл. *искърпѣти*, *искърпѣти* 'починить', 'залатать', болг. *кърпя* 'чинить', 'латать', 'штопать', макед. *кърпи*, с.-хорв. *кърпѣти*, *кърпѣти*, словен. *křpati*; ст.-чеш. *křpati*, чеш. *křpěti*, чеш. диал. *rokřpačít'* (валашск.), ляхск. валашск. *karpat'* 'латать обувь, одежду' (корневое *a* обязано польскому влиянию), словц. *krpati*, польск. *karpać*; русск. *карпѣть* 'чинить одежду', 'латать', 'ковыряться', *карпѣть*, диал. *карпѣть(ся)* (СРНГ 13, 97), блр. *карпѣць*, *карпѣць*, укр. *карпѣти* 'рыться', 'ковыряться'. Из южно-слав. соответствующие лексемы попали в соседние языки; ср. алб. *kërpë*, румынск. *cârpă* 'тряпка', 'лоскут', 'головная повязка', *cârpă* 'чинить', 'латать', 'штопать'; 'плохо работать', *cârpăci*, *cârpăciu* и т. п. (Etim. gješn. hrv. 2, 211 и др.) Ценность слав. данных — прежде всего в более широком наборе разнообразных семантических типов, которые позволяют лучше определить и мотивировку обозначения названий обуви (сама и изоглосса очень характерна: с.-хорв.—словен.—чеш.—словц.—польск. ср. продолжение этой цепи в Прибалтике: прусск.—лит.—лтш. с обратным отражением в виде балтизмов в польск., кашуб., русск. укр.), и дифференциальные черты денотата (кусочек в виде полосы ткани, лыка, кожи). Отсюда и большая прозрачность связи и.-евр. источника соответствующей именной лексемы с глагольным корне: *(s)*ker-* 'резать' (в варианте 'сдирать', ср. *корá*, *скора* и т. п.), допущаемая раньше («ist wahrscheinlich». Рок. 1, 581) скорее лишь из общих соображений (Machek 296: б.-сл. **kurp-jā* произведено от глагола, ср. лит. *kiřpti*, *kerpù*, лтш. *širpti*, *šerpi* и под.). Данные других и.-евр. языков также существенны. При этом исключительный интерес представляет то обстоятельство, что уже древнейшие примеры из разных языков фиксируют «обувное» значение. Разумеется, кое-что может быть отнесено на счет общих тенденций, реализовавшихся уже в стадии особого развития отдельных и.-евр. языков, но в целом приходится признать, что уже в и.-евр. эпоху в европейских языках (италийск., кельтск., германск., балтийск. и славянск. существовал более или менее единый вид обуви (скорее всего из лоскута кожи [или ее эквивалента], обертываемого вокруг ноги; подошва первоначально, видимо, отсутствовала), обозначаемый одним и тем же языковым комплексом (**kerap-*, **kerp-*, согласно Рок. 1, 581). Очень показательным является отсутствие подобных названий в анатолийских языках, армянск., индо-иранск., тохарск. Др.-греч. должен быть отнесен к числу не вполне ясных с данной точки зрения языков. Как бы то ни было, но в др.-греч. известен ряд различных и несколько неясных образований, которые могут быть заподозрены в родстве или в каких-то более сложных отношениях с «центральноевропейскими»

скими» формами слова. Сюда относятся *καρβάτινος*, собств. — 'кожаный', 'из кожи' (по типу *δερμάτινος*), а также обозначение грубых крестьянских башмаков из невыделанной кожи *καρβάτιναι* (Pl.) у Ксеноф., Аристот., Лукриана. Вариант с глухим расширением корня *καρπάτιον* (*ἀγροκίχλον ὑπόδημα μονόδεριον*) засвидетельствован Гесихием; у Ксенофонта, Феокрита и некот. друг. авторов известно слово *κρηπίς*, *-ίδος* в значении, связанном с обувью («Halbschuh, der ganz oder teilweise den oberen Teil des Fußes bedeckt», сапоги /?/), но также у этого слова отмечаются и другие значения — 'основание', 'фундамент'; 'дно'; 'вал', 'ограда' (к этимологии см. GEW 1, 786; 2, 16—17; Chantraine Dict. étym., s. v.). Разнообразие фонетических типов вынуждает признать особую сложность вопроса об и.-евр. отражениях анализируемой лексемы в др.-греч. Вместе с тем и слав. данные внутри центральноевропейской общности обращают на себя внимание некоторой нестандартностью (ср. круг «нетехнических», «необувных» значений). Особое положение в отношении описываемого слова др.-греч. данных в не центр.-европ. общности и слав. данных в н у т р и, но на п е р и ф е р и и ее помогают четче очертить я д р о того ареала «обувного» значения, которое является отмеченным для балт. языков. К этому ядру, несомненно, относятся германские и кельтские языки и, возможно, латинский. Ср. др.-исл. *hriflingr* 'кожаная обувь' (ср. оркнейск. и шотл. *rivlin*), др.-англ. *hrifeling* 'обувь со шнуровкой', ср.-в.-нем. *ribbalin* (см. Falk MM 1917, 59); — др.-ирл. *cairem* 'сапожник' (< **kariamos* < **karpimos*), кимр. *crydd* (< **cerýdd* < **kar/p/ijos*), др.-корн. *chereor*, брет. *kere*, *kereour* (Urkelt. 70; Altcl. Spr., s. v., и др.); — лат. *carpisculum* 'род обуви', которое, будучи поздно засвидетельствованным (*Vopiscus*), часто считается заимствованным из др.-греч. (правда, в основном на основании лат. *carpatinus* < др.-греч. *καρπάτινος*), см. DELL 1, 181 и др. Сравнение этих форм из центр.-европ. языков с балт. **kurpē* приводит к выводу, что именно балт. языки и часть слав. языков сохранили наиболее архаичный словообразовательный тип — **kurp-īā*, **kurp-ā*, в то время как другие языки представляют этот корень с более сложным суффиксальным оформлением (исключением можно было считать кельтскую реконструкцию названия обуви на основании кельтского названия сапожника — **kar(p)ijos*, ср. лит. *ku̯rpius*, то же). К тому же балт. языки полнее фиксируют это обозначение обуви (все они знают его), тогда как слав. языки лишь частично свидетельствуют это значение, а другие и.-евр. языки вообще представляют его очень неполно и sporadически. Все это дает основание думать о балт. ареале как о своего рода заповеднике, в котором лучше всего сохранился этот *terminus technicus* и.-евр. «обувного» словаря. — См. также **curpelis* (*turpelis*), *curpis*. — Об использовании корня *kurp-* в топонимии и ономастике см. {**kurp-*}.

— Лит.: Thes. 1873, 85; Bezenberger BB 17, 1893, 214; Brückner AfslPh 20, 1898, 513; KZ 44, 1911, 335; SEJP 284; APSpr. 110, 121,

365; BSW 146; Būga Medž. mitol. 20=RR I, 185; РФВ 71, 1914, 53=RR I, 449; KS 134=RR II, 157, LKŽod. LXIII=RR III, 105; ME 2, 325; SPV 26—27, 64, 199; BVSF 70, 128; DELL 1, 181; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 80; ЭСР, 2, 337, 428; SEP 2, 87; LEW 318; WP 1, 425; Pok. 1, 581; Unbegaun Welt Slav. 7, 1962, 346—349; Otrębski Sprache 9, 1963, 159; Sabaliauskas LKK 4, 1961, 321; LKK 6, 1963, 120, 130; LKK 8, 1966, 37, 64, 87, 98; Arumaa Ursl. Gr. 1, 159; Vgl. Gr. 1966, 3, 119, 120, 204; Urbutis Baltist. 5, 1969, 63—64; OP 71; St. OP 6.401; 6.430; 6.972; 10.054; 10.078. Etim. rječn. hrv. 2, 211; Eckert ZfSl. 19, 1974, 223; Labuda Słow w dziejach Eur. 1974, 76, 77; Непокупный Балто-сев.-слав., 1976, 137—138, 145; Etym. sl. j. česk. 296; Altnord. EWb. 255; Klingenschmitt KZ 92, 1978, 5; Лаучюте LKK 16, 1975, 149; Слов. балтизм. 1982, 16, 88. — [**kurpe*, **kurpē*, **korpē*, **kurpi*, **kurpī*; **kurpens* (?); **kurpins*].

**curpelis* 'сапожная колодка'. Э 509 ('Leifte'), ср. Э 507: *Schumeno* 'Drot', Э 508: *Widus* 'Noet', Э 510: *ylo* 'Ale'. Nom. Sg. masc. — В тексте — *Turpelis*. Конъектура **curpelis* практически бесспорна (Nesselmann AM 6, 1859, 316; Thes. 1873, 85) и принята всеми исследователями. Нередкое написание начального *t-* вм. *s-*, связь с *kurpe* и *curpis*, точные соответствия к форме **curpelis* в вост.-балт. и слав. определяют надежность конъектуры. — По форме образование с суфф. *-el-* от *kurpe* (см.). Сапожная колодка, будучи своего рода правилом, в общих чертах имитирует форму правильного башмака, но несколько уступает ему в размере. Поэтому обозначение сапожной колодки, «башмачком» довольно естественно и находит ряд типологических параллелей к семантической мотивировке. — Наиболее точное соответствие — лит. *kurpālis* ('tam tikra forma, ant kurios batus siuva, taiso'. LKŽ 6, 965), ср.: Siūk batukus ant šio k u r p ā l i o; Ištempk batus gerai ant k u r p ā l i o, tada nespaus; Ant vieno k u r p a l i o siūti и т. п. Слово отмечено у Ширвидаса — Dict. 3, 120 (как перевод лат. *forma, mustricola, modulus*). В латышском для обозначения сапожной колодки используются другие слова, ср. *lieste, veidole*. В слав. языках есть исконные лексемы того же типа, что прусск. **curpelis*, но обозначающие вид обуви (ср. чеш. *krpel'* и т. п.), и заимствования (судя по всему из прусского) типа кашуб. *kurpāl*, польск. диал. *kurpiel, kurpiele*, но тоже обозначающие не колодку, а обувь. Можно думать (в частности, и на основании подобных примеров), что образование прусск. **curpelis* как обозначение сапожной колодки — достояние относительно позднего времени, для которого предполагается более или менее стандартный тип сапожного ремесла и формирование профессионального языка. К техническим значениям слов этого корня ср. также *curpis* 'Smedeftos', собств. — 'колодка паковальни'.

— Лит.: см. статью *kurpe*.

kurpi, см. *kurpe*.

kurpins, см. *kurpe*.

curpis 'колодка наковальни', 'priekalo trinka' (PKP II, 35). Э 519 ('Smedestoc'), в фрагменте терминов кузнечного дела, ср. Э 517: *Preitalis* (= **Preicalis*) 'Anebbs', Э 518: *Cugis* 'Hamer', Э 520: *Raples* 'Czange' и т. п. Nom. Sg. masc. — К значению ср. ср.-н.-нем. *smedestok*, н.-в.-нем. *schmiedestock* 'Klotz als Untersatz eines Schmiedeambosses' (DWB. 3 421), собств. — 'башмак наковальни', ср. *kurpe* как обозначение обуви, башмака. Существенно использование различий в роде для дифференциации значений: *kurpe* fem. 'башмак' — *curpis* masc. 'башмак' как обозначение колодки на наковальне, в которой закрепляются обрабатываемые предметы. — См. *kurpe*, **curpelis*.

— Л и т.: см. статью *kurpe*.

{**kurs-??*}, этот комплекс не засвидетельствован в памятниках прусск. языка (если только не трактовать соответствующим образом топонимы *Corslauken*, 1346—1351 и *Corseen*, 1419, см. АРОН 70) и даже не является результатом реконструкции, поскольку для нее требовались бы более реальные источники. Наиболее точно статус {**kurs-??*}) можно было бы определить следующим образом: этнонимический (по меньшей мере) корень, входящий в состав слов, обозначающих племя куршей; наличие его в прусском весьма вероятно, хотя шансы обнаружить его среди образцов прусского языка очень мало вероятны, и пока они, действительно, отсутствуют. Поэтому включение {**kurs-??*} в словарь не более чем *pium desiderium*. Уместно отметить лишь некоторые основания для напоминания об этом элементе. Аргументом негативного характера может быть то обстоятельство, что известные нам тексты и словари прусского языка по самому их условию и заданию не предусматривали этнических обозначений, а топономастические данные имели немного шансов засвидетельствовать имя куршей, поскольку все передвижения их (как и самих пруссов), обычно, видимо, насильственные, насколько можно о них судить по следам корня **kurs-/*kurs-* в топономастике, совершались в вост. и юго-вост. направлениях, но не наоборот (ср., впрочем, Kilian Westpr.-Jb. 1983, 53—54, со ссылкой на мнение балтиста университета в Бонне Аустриса Грасиса, согласно которому часть куршей в течение XIV в. мигрировала из Курляндии на юго-запад и даже достигла Гданьской бухты, ср. *Rucava*, нем. *Rutzau* в Курляндии и *Rutzau* к сев.-зап. от устья Вислы, на берегу Гданьского залива). Именно поэтому прусская топономастика практически не отражает этнонимических лексем, относящихся к народам и племенам, жившим даже в ближайшем соседстве с пруссами, но к востоку от них. Зато верной оказывается обратная ситуация: названия пруссов, куршей и друг. довольно надежно отражены в топономастике соседних (а часто и далеких) территорий к востоку и юго-востоку. Ср. подобные данные о куршах: Непокупный Балто-сев.-слав. 1976, 147—148; Конт. лтш. яз. 1977, 105—106; Балт. родичи 1979, 35—39; Охманский БСл. Исслед. 1980. 1981, 115, 116 и др. К аргументам положительного характера следует отнести на-

личие у всех соседних народов названия куршей — причем именно такого, которое восходит к **kurs-/*kurs-* и, следовательно, оказывается единым (при этих условиях теряет в значительной степени свою цену вопрос о том, было ли **kurs-/*kurs-* самоназванием куршей или так их называли только соседи). Ср. лтш. (или лтш.-куршск.) **kursi* 'курши' (реально — *kursu* Gen. Pl. и *kursuos* Loc. Pl.; *kurši* — неологизм, возникший в письменном языке), *kurseniēki*, *kursinieki*, латышское население Перинги, *Kuřsa*, страна куршей, тамск. *Kuorsa*; лит. *kuřšiai* (*kuřšai*), *kuřšininkai*, о латышах Перинги и др., *Kuřša*, *Kuřšė*; ливск. *kurāli*, о жителях Курляндии, *kurā-mō*, *kur-mō*, Курляндия; балт.-нем. *Kure* [kūrə], *Kurland* (: *Kurmaa*, где первый член *Kur-* < **kurha-* < **kursā-*), если говорить о живых языках, унаследовавших традицию непосредственного и прямого знакомства с куршами. Из письменных источников ср. др.-русск. *Кѣрсь* (*a se суть инии язъци, иже дань даютъ Русу: Чюдѣ, Меря, Вѣсь, Муромъ, Черемись, Мѣрѣва, Пѣрмь, Печера, Ямь, Литѣва, Зимѣгола, Кѣрсь, Норома, Либь; си суть свои языкѣ имуце*. Повесть врем. лет, 1100 г.; ср. другой вариант: . . . *Литѣва, Зимѣгола, Кѣрсь, Лѣтѣгола, Либь. Ляхове же и Пруси и Чюдѣ присѣдять къ морю Варяжскому*; объяснение видимому противоречию см. KF 47); в зап.-европейск. источниках: *Cori* (gens enim quedam longe ab eis [Sveonibus] posita, vocata *Cori* «Vita s. Anskarrii» Римберта, 854—855 гг., ср. сомнение Кипарского KF 46); *Curland* (maxima est illa (sc. insula), quae *Curland* dicitur. Адам Брем., 1073 г.); *Curones*, *Curonia*, *Curlandia* у Генриха Латыша, 1227, (tam Estones quam *Curones* pagani in regno Daciae et Suecie. . . VII, 1; miserunt in invicem nuncios, *Lyvones* primo ad *Curones*, *Curones* at *Estones* nec non ad *Lethones*, *Semigallos* et *Ruthenos*. XIV, 5; *Lyvones* quidam de *Adia*. . . abierunt in *Curonia*, et commoventes universam terram contra *Rigensem* ecclesiam collegerunt exercitum fortem et magnum. XIV, 5); *Curi*, *Curetes*. Saxo Grammat. (XIII в.); *dā liet bie des meres strant | ein gegende, heizet Kûrlant: | die ist wol vumfzik mîle lanc. | vil cleine cristen mac ân irn danc | zû denne selben lande quomen, | in werde lip und gût genomen. | Oselêre dag sint heiden sâr, | die sint der Kûren nâkebûr* (Livlând. Reimchron., 351—358, ок. 1290 г.); *Curen* (Ditleb von Alnpeke, 1296); *Curonia*, *Cúronienses* (Petrus de Dusburg); *Corres*, *Correlant* (de le Live en *Correlant* m'en alay a Righe en Liufiant. . .; par Cando chastel, et autres villes es chasteaux ou pais de *Correlant* et de Samette appartenans aux seigneurs de Liufiant et par plusieurs villaiges de *Zamegaelz*, des *Corres* et des *Lives*, lesquels ont chascun ung langaige a par eulz (Ghilleb. de Lannoy, 1413=SRP 3, 446, 36); *Curonia*, *Curo* (se nihil aliud scire quam [quod] iste terre, videlicet *Curonia*, *Osilia* et *Livonia*, sint distincte in ydeomatibus, ita quod unus alium extra suam terram habitantem non intelligit, videlicet *Curo* uno *Livoniensem* nec *Osiliensem* nec econverso. Sifridus plebanus, 1431,=UBI, 8, 257); *Cawerlant*, 1500, *Kaurlant* (UB I, 2, 711, 734) и т. п. В XVI в.

Он же справедливо замечает, что раньше та же глагольная форма могла обозначать и 'заблуждаться', 'ошибаться' (лит. *klysti*), подобно нем. *irren*, в ряде ситуаций совмещающему оба эти значения (каузативное и некаузативное, переходное и непереходное), см. Pauli Deutsches Wörterbuch, s. v. *irren*. Общий контекст фрагмента несколько не препятствует предложенному пониманию *kurteiti*. Впрочем, уже Нессельман заметил: «falsch construiert: ni kurteiti ains āntran, recipr., irret nicht einander, statt reflexiv, irret, täuschet euch nicht; der Übersetzer hat den deutschen Text falsch aufgefasst, als hiesse es: setzt euch nicht gegenseitig in einen Irrthum...» (Thes. 1873, 85). В соответствующем месте литовского текста — стандартная форма: *Nekleidekit* (ср. Эхир. Вилента 39=22). — Господствующая точка зрения (Траутман, Эндзелин) связывает *kurteiti* с лит. *kvařsti* (*kvařcia*, *kvařtė*) 'догадываться', 'предполагать' (см. LKŽ 6, 1055: 'nujausti', 'numanyti', 'spėti', 'įtarti'), хотя были и некоторые другие предложения (связь *kurteiti* с слав. **kъrtěti*/**kъrtiti*, ср. русск. *кортеть* 'хотеть', 'сильно желать', 'болеть', 'испытывать боль', укр. *кортити* кого 'подмывает кого-либо', *мені кортно* 'мне скучно', блр. *карціць*, *карціць*; болг. *къртя* 'царапать', 'ковырять', макед. *крти* 'ломать', 'разрушать', с.-хорв. *кртими* 'мучить', см. Фасмер ЭСР 2, 339, который считал это родство сомнительным). Эти сопоставления при удовлетворительности их фонетической стороны оставляют чувство неудовлетворенности неразработанностью семантики. В этом отношении они проигрывают предположению Нессельмана о возможной («vielleicht») связи *kurteiti* с лит. *kurtūs* 'глухой', сопровождаемому своего рода семантической экспликацией: *apkūrtes riešutas* 'taube, hohle Nuß, die da täuschet', где как бы устанавливается смысловая связь между глухотой—пустотой и введением в заблуждение, обманом. К этой идее в несколько модернизированном виде вернулся Мажюлис РКР II, 176, высказав мнение о возможной связи («galėtų būti siejamas») с лит. *kuřsti* (*kurt-*) 'глохнуть', 'становиться глухим' (ср. лтш. *kūrst*), которое связано цепочкой смысловых переходов: < **sutrikti ausims* 'откуда лит. *kuřcias* 'глухой' и др.) < **sutrik(dy)ti* < **pa(si)žeisti*'. Здесь, вероятно, уместно напомнить типологически частую семантическую схему, подтверждающую близость «глухости» и «глупости» как состояния невозможности слышать истинное, правильное, как заблуждения (другой вариант этой же идеи — этимологическая связанность слов, выражающих эти два смысла, — 'глухость' и 'глупость'; ср. слав. **gluxъ* : **glupъ*, нем. *dumpf* 'глухой' [кстати, и 'тупой', 'бесчувственный']: *dumm* 'глухой', 'тупой' и т. п.), ср.: Psichiškai kurčias žmogus girdi tartą žodį, bet visai nesupranta jo prasmės. V. Lašas (LKŽ 6, 942). В этом контексте связь прусск. *kurteiti* с лит. *kuřsti* (*kuřsta*, *kuřto*), лтш. *kūrst* (*kūrstu*, *kūrtu*) становится вполне реальной и надежной, тем более, что все эти глаголы реализуют в принципе один и тот же морфологический тип. Но не

менее важно обратить внимание на лит. *kurtėti* (*kuřti/kuřta*, *kurtėjo*), которое объясняется LKŽ 6, 974 как 'eiti kurtyn', 'kursti' (ср.: Kurtėti yra kurtyn eiti). Именно 'eiti kurtyn' точнее всего описывает ключевую позицию в семантической схеме: оно отсылает в обе стороны — к 'глохнуть', 'становится глухим' и к 'заблуждаться' (→ 'вводить в заблуждение'), понимаемому как обозначение хождения в глухую (вслепую). Последнее звено верифицируется и показаниями других форм этого глагола, представляющих, по сути дела, антонимы; ср. *kurtėtis* и особенно *atsikurtėti* 'припоминать', 'приходить в состояние памяти' (→ понимания, разумения), 'приходить в себя' (как бы снимая состояние оглушенности) и т. п. (ср., напр.: Kai pasakė varda, tai atsikurtė jau, kas jis toks yra; Pagaliau atsikurtė jau, kur esąs и др.). Лтш. *kuřtēt* (*kuřtēt*, *kūrtēt*) 'auswachsen', 'holzig, schwammig werden' относится, конечно, сюда же (ср. ME 2, 326), как и *āizkurst*, *apkurst*, *izkurst* и др., но семантически оно менее выразительно, чем литовский глагол (ср., впрочем, лтш. *alkurst* в связи с лит. *atsikurtėti*). Еще дальше отстоит слав. **kъrtěti*, *-iti* (см. выше), которое, видимо, также может быть отнесено к этому ряду (помимо точного звукового соответствия, могут быть, кажется, выделены и некоторые семантические переключки, ср. укр. *кортно* 'скучно' [: 'тупо' 'отупленно' ← 'оглушенно'], не говоря уж о более первичных смыслах, присутствующих в слав. примерах и этимологически восстанавливаемых для балт.). Эти более первичные смыслы, существенные для *kurteiti* и его вост.-балт. соответствий, отсылают к той ситуации, в которой могло возникнуть балт. **kurt-* 'глухой', 'глохнуть'. Прежде всего балт. **kurt-* в указанном значении не одиноко. Другие и.-евр. языки фиксируют примеры, образующие цепь переходов, которая соединяет это значение с исходным. Ср. авест. *karəna-* 'глухой' (при наличии также значения 'ухо', ср. также др.-инд. *kārṇa-* 'ухо' при *karṇā-* 'с обрубленным (поврежденным) ухом') — слав. **kъrnъ* 'изуродованный', 'обрезанный', 'подрезанный', 'укороченный', особенно в связи с ушами, носом и т. п. (ср. русск. *корноухий*, *корнобый* или *курнобый* [**kъrno-nosъjъ*], *корнорукый*, *корноланый*, *корнохвостый*, *корнопалый*, *корнокрылый*, *корнощекый* и т. п., см. СРНГ 14, 342–343). Следовательно, случаи типа балт. **kurt-* 'глухой', авест. *karəna-* то же, представляют собой результат своего рода компрессии значений двух разных элементов в условиях эллипсиса: 'с поврежденным (обрезанным) ухом' → 'глухой'; другой результат сходного процесса: 'поврежденное ухо' → 'ухо'. В свою очередь балт. **kurt* как и слав. **kъrn-* (< **kurn-*), индо-ир. **kṛn-*/**karn-* и т. п., обнаруживает связь с лит. *kiřsti* 'рубить', лтш. *cīrst*, соответствующим с слав. **kъrniti* (ср. русск. *корнать* 'обрезать', 'стричь', 'обрубать' и т. п., ст.-сл. *окръзнити* и др.), др.-инд. *kṛṇāti* 'вредить', 'убивать', *kṛntāti* 'резать', авест. *kərəntaiti* и т. п., т. е. с кругом глаголов продолжающих и.-евр. *(s)ker- 'резать' (Рок. 1, 938 сл.; ср., однак KEWAi 1, 182). Подробнее о разных вариантах развития и.-евр.

*(s)ker- вплоть до балт. *kurt- (лит. *kuřtas, kurtùs, kuřčias, kurlas*, лтш. *kuřns, kùrls, kursls* и т. п.) см. LEW 314—316.

— Лит.: Pierson AM7, 1870, 572; Thes. 1873, 85; APSpr. 366; BSW 146; SPV 199; ЭСР 2, 339; LEW 314—316; Schmalstieg BL 1970, 134; OP 169; PKP II, 176. — [*kurteiti; *kurteite; *kurlaite].

{*kurt-(i)ja-} ср. Nom. pr. *Curtio; Kurthio*, 1336; *Kortye*, 1299 (PU 2, 449); *Kurtie*, 1384; *Curthi*, 1282, 1292; *Kurthye*, 1287; *Kurtige*, 1312 (APN 49) — к корню см. {*kurt-}, {*kurt- & *median}, {*kurt-in-}, {*kurt-uj-(-ōj-)}; к суф. ср. Nom. pr. *Bandyo, Bursio, Glindio, Spandio, Tasio, Tarpio* и т. п. (APN 164). — Параллели см. {*kurt-ein-}.

{*kurt-in-} ср. Nom. pr. *Kurtyn*, 1290 (APN 49). — См. {*kurt-}, {*kurt-ein-} и т. п. — Из практически точных параллелей ср. лит. *Kurtiniai, Kurtinys*, лтш. *Kuřtini, Kurtinš* и т. п., см. подробнее {*kurt-ein-}.

curtis 'борзая (собака)'. Э 700 ('Wynt'), в «охотничьем» фрагменте словаря; ср. Э 699: *Medione* 'Jayt', Э 701: *Slidenikis* 'Leethunt', Э 702: *Scalenix* 'Vorlout', Э 703: *Sunis* 'Hunt', Э 704: *Wuysis* 'Wacker'. Nom. Sg. masc. — К значению ср. *wint* 'Windhund' (Marienb. Tresslerb.). — Обычно считается заимствованием из слав., относящимся к периоду до падения редуцированных. Согласно Левину SEEV 1974, 95, заимствование имело место до XI в. из сев.-слав. *xьrtь (с зап. на вост.), практически совпадающего с праславянской формой. Ссылаясь на известную разницу в трактовке *r* в слав. заимствованиях в прусском (ср. два типа — *curtis* и *karczemo* < *kr'ьта), Milewski Sl. Oss. 18, 1947, 48 относит появление *curtis* в прусском к периоду до конца X в., когда слав. *r* еще звучало близко к прусск. *ur*. Слав. *xьrtь сохраняет свои продолжения почти во всех слав. языках (болг. *xьpm(ьm)*, с.-хорв. *xьm* (др.-серб. *xьmь*), словен. *hьrt*; чеш., слвц. *chrt*, в.-луж. *khort*, н.-луж., польск. *chart*, кашуб. *chart*, слов.-помор. *xart*; русск., блр., укр. *xорт*); любопытны и некоторые производные, ср. укр. *xортвий* 'быстрый', 'проворный', чеш. *vychrtnouti* 'отощать' и т. п.; уместно напомнить, что из слав. языков это слово проникло и в ряд соседних языков (ср. финск. *hurta* 'большая собака', 'чортова собака' [как эпитет волка], 'охотничья собака', карел. *hurta* 'собака' (в сказках), эст. *hurt* 'борзая' и др.; ср. Kirarsky RESl. 24, 1948, 42). К слав. ареалу продолжений *xьrtь примыкает балт. ареал *kurt-, также достаточно единый и однородный в отношении этой лексемы. Во всяком случае наряду с прусск. *curtis* хорошо известны также рассматриваемые как славизмы лит. *kùrtas* (Su *kurtu* poromis bei gaujomis medžiojami vilkai, su pavieniais kurtais — kiškiai ir lapės; O ir įleisčiau margus kurtelius į žaliają girę. Prūs. Liet. dain. 16 и др.; слово отмечено уже у Бретк. Bibl. Spr. XXX, 31; Ширв. Dict. 3, 28 [Chart. Vertagus. *Kurtas*], Lex. Lithuan. 212 и др.), лтш. *kuřts*, то же (balts *kurts* ar pili tēk. RKr. VII, 318; dēlu mātē, kurtu kuņa. BW 25273, 1). О них см. Brückner Fremd. Wört. 1877,

100; AfsIPh. 20, 1898, 505; SEW 1, 412; Būga ZfsIPh 1, 1925, 41 = RR III, 763; Skardžius LehnW. 1931, 116; LEW 318; ЭСР 2, 268; ME 2, 326; LKŽ 6, 973; Sabaliauskas LKK 10, 1968, 110. Эти балт. слова сами оказались достаточно активным элементом и в ряде случаев были заимствованы отдельными слав. говорами. Ср., напр., польск. *kurta* 'пес (дворяжка) с обрезанным хвостом', *kurcz* 'охотничья собака на крупного зверя' (напр., на медведя), слово известное с 1418 г. в счетных документах двора Ягеллы в I—III переводах Статута (*Курч, kurcz, pokurcz*; современный исследователь на основании исторических данных и сведений о географии слова предполагает, что оно было заимствовано из блр. *курч*, которое само могло быть балтизмом, точнее, «обратным заимствованием прусск. *curtis* посредством литовск. языка, о чем свидетельствует лит. *č=ti* в конечном слого основы», см. Turska Acta BSl. 12, 1979, 41—51); блр. *кўрта* 'сучка' (*Ідзі туды, дзе кўрта брэша!*; *Выберыш з гурту кўрту*. Слоўн. белар. паўн.-зах. 2, 584), *кўртаты* 'бясхвосты (ці з кароткім хвостом)'; 'кепскі', 'горшы' (Дыял. слоўн. Зельв. 86); ср. также *кўрта*, о женщине невысокого роста, *кўртáч* 'коротыш' (Матэр. слоўн. мінск.-маладз. 87) и др., см. также Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 144 (в списке слов, происхождение которых недостаточно аргументировано). Известная самостоятельность балт. *kurt- и его полная освоенность в балт. языках (собственно говоря, с внутрибалтийской точки зрения ничто не указывает на заимствование и, более того, есть некоторые намеки на связи с другими словами с элементом *kurt-*, не являющимися заимствованиями) дает некоторые (пока, скорее, теоретические) основания для постановки вопроса о том, нельзя ли в этих словах видеть исконный элемент, а не заимствование. Однако попытка Шмида Sybaris. Festschr. Krahe 1958, 129—137 (статья — «Baltisch *kurtas* und andere Tierbezeichnungen») решить положительно этот вопрос на тех шатких основаниях (финские заимствования), что еще около 1200 г. славяне употребляли слово *xьrtь в расширенном смысле (просто «собака»), должна быть признана неудачной. В частности, едва ли реалистично принятие вывода о связи *curtis* и под. с и.-евр. корнем 'рожать', 'производить' и т. п. (→ 'молодое животное') и о соответствии балт. слова иран. *kur-na (н.-перс. *kurrah* 'жеребенок' и т. п., пехл. *kwlg, kwlk* то же, Bājalāni *kura* 'мальчик', 'сын'), др.-греч. *κέρυος οἰ νόδος*. Гесих. Ссылаясь на Gershevitch BSOAS 14, 1956, 493—494 (иран. *gurgūn*, дигор *igurun* < *ui-kur-, ср. согд. *wkury* 'родство'), автор считает и эти слова, реализующие, по его мнению, и.-евр. *kur- 'рождать', связанными родством с обозначением борзой в балт. (см. Этимол. 1963, 256; St. OP 10.022). Также нельзя признать убедительными аргументами в пользу точки зрения Шмида отклоняющееся значение лтш. *kuřts* и топонимы типа прусск. *Curtoyen*, лит. *Kùrtuva*, лтш. *Kùrtavas*, указывающие якобы на общее, неспециализированное обозначение собаки (ошибочно и указание на отсутствие в слав. суф., сопоставимых с балт. -oy-, -uva, -ava в ука-

занных топонимах). Тем не менее неудача этой конкретной попытки в принципе не закрывает вопроса о возможности исконного балт. обозначения борзой элементом *kurt-. Такая ситуация в известной степени объясняется тем парадоксальным обстоятельством, что, бесспорно праслав. слово, *xьrtь оказывается, по сути дела, этимологически темным. На всем слав. ареале оно, сохраняя редкое единство исходного значения (исключения незначительны), остается изолированным, практически не обрастая даже вторичными связями, которые могли бы намекнуть на направление «народно-этимологического» осмысления. Уже эти особенности дополнительно сигнализируют о терминологичности слова, и, следовательно, о значительной степени его свободы от конкретных внутриязыковых связей. Несомненно, это — «культурное» слово, для которого существенно знать его исходный локус (территориальный и языковой). Лишь при его знании может быть корректно поставлен вопрос о происхождении такого слова. Во всяком случае для более позднего времени для ряда районов Европы, где культивировалась охота с борзыми, известны некоторые направления импорта борзых и распространения их названий (аналогичная ситуация с большим вероятием предполагается и для объяснения борзых в балт. ареале; ср. мнения Егерса и Сабалаускаса, о которых сообщается St. OP 342). Для древнебалтийского (хотя бы для рубежа I и II тысячел. н. э.) таких сведений, кажется, нет, и это серьезно ограничивает возможности исследователя. Непрозрачность слав. *xьrtь не должна особенно удивлять, поскольку и некоторые другие названия собак остаются не вполне ясными (см. SEP 1, 60; Ильинский РФВ 69, 12—14 и др.). Тем не менее x- в анлауте здесь, как и в других случаях, ставит особую проблему его и.-евр. источника. Ни одна из известных попыток объяснения не получила не только общего, но и широкого признания. Ср. их короткий обзор: 1) сравнение с др.-инд. *khāra-* 'твердый', 'острый', др.-греч. *κάρχαρος* 'острый', 'колючий', из и.-евр. **kher-*, исходное значение **xьrtь* — 'с грубой шерстью', 'с обрезанной (обрубленной) шерстью', ср. лат. *curtus* 'укороченный', 'подрезанный' (Ильинский. Указ. соч.); 2) связь с слав. **skorъ* (Младенов Етим. и правопис. речн. 672; Holub, Kopečný Etym. sl. česk. 143); 3) равноправное сопоставление с лит. *kūrti* 'быстро бежать' и т. п. (Machek Slavia 16, 1938, 216; Skok Etim. rječn. hrv. 1, 690: лат. *currere*); 4) соотнесение с лит. *sařtas* 'светло-гнедой', т. е. обозначение по масти (Трубачев ВСЯ 2, 1957, 38 сл.; Происх. назв. жив. 1960, 23; ЭСР 4, 268: дополнение); 5) к и.-евр. **ser-*, о быстром движении (Moszyński Zasiąg 1957, 138); 6) родственно герм. *hruþjan*, ср. др.-англ. *ryðþa*, др.-в.-нем. *rudo*, нем. *Rüde* 'большая собака', 'охотничья собака' и т. п., или заимствовано из него (Hirt BGDS 23, 1898, 333; Kluge EWD 489; Mladenov СБНУ 25, 1909, 135—136 [но Етим. и правопис. речн. 672]; Ильинский РФВ 69, 12—14; ИОРЯС 20, 4, 144; Mikkoла Berühr. 1894, 1, 185; Älter. Bezieh. 1938, 82 [из формы сходной с нем. *hurtig* 'проворный']; Kiparsky GSI Germ. 1934, 277—

278). Часть этих объяснений должна быть отброшена сразу из-за того, что они опираются на явно устаревшие взгляды; другие объяснения связаны с существенными натяжками и требуют ряда серьезных допущений; третьи при известной правдоподобности оставляют неясности в объясняемом слове (анлаут в **xьrtь* при *sk-* в **skorъ*). На этом фоне, как это ни покажется странным, учитывая многочисленные критические высказывания и даже самоотказы (Младенов), идея к а к о й - то связи с герм. *hruþjan* продолжает оставаться не исчерпанной до конца и предполагает некоторые усиления в свою пользу. Одно из них принадлежит Эндзелину Сл.-балт. этюды 1911, 127=Darbu izlase II, 281: «Праслав. **xьrtь* может относиться к древневерхненем. *rudo* 'Rüde' и др., как, напр., древневерхненем. *hurst* к норв. *rust*. . . или древнесакс. *hors* к *hros*. . .». При многих неясностях это направление в объяснении названий борзой имеет за себя то, что только в этом случае речь идет, действительно, о названии собаки, притом большой охотничьей (нем. *Rüde*). Устойчивость культурных влияний в широтном направлении по линии Дания, Сев. Германия — Пруссия (и дальше — куршское побережье и Эстония) хорошо известна, не говоря о более ранней иррадиации влияний из центров лужицкой культуры к востоку. В этих обстоятельствах условная герм. форма **hruþ-* (: **hruþ-*) идеально объяснила бы и слав. **xьrtь*, и балт. **kurtis*/*kurtas* (вероятно, следует учитывать и возможность некоторых нерегулярных звуковых изменений в обозначениях борзой [типологические примеры из этой сферы особенно многочисленны, ср. хотя бы Зеленин Табу 1929 и др.]; кроме того, само слово **xьrtь* обнаруживает свою экспрессивную отмеченность и на звуковом уровне; ср. особый статус очень многих слов с анлаутом *x-* в слав.); Maxek Etym. sl. j. česk. 207 считает, что слав. **xьrtь* (вместе с герм. *(*h*)*ruþ-*) — «праевропейское» слово («несоответствие *xr* по сравнению с герм. *ru*. . . не является слишком веским препятствием против этой точки зрения»). Эта сугубо гипотетическая схема имеет своим единственным назначением привлечение внимания к германским фактам с целью их дополнительного рассмотрения. Разумеется, что даже при верности этих предположений трудно опровергнуть возможность и правдоподобность заимствования прусск. *curtis* и его вост.-балт. соответствий из слав. или — по меньшей мере — соотнесения этих балт. слов с слав. продолжениями **xьrtь* (характерно, что целый ряд других названий собак в прусском, см. Эльбингск. словарь, и в вост.-балт. языках относится к числу бесспорных славизмов; в частности, это относится именно к охотничьим собакам). Наконец, целесообразна постановка вопроса о возможности вторичных (хотя бы) связей прусск. *curtis*. К их числу могло бы относиться сопоставление с лит. *kūrti* (см. выше), если бы было доказано, что в прусск. этот глагол (см. *kāra*) мог иметь значение, связанное с быстрым движением. Другой вариант — связь с *kurteiti* (см.) в контексте семантической схемы «блуждать, т. е. ходить там и сям в поисках чего-либо» (ср.

также лит. *eiti kurtyn*, о движении вглубь /вслепую/. Наконец, не исключены и другие варианты (в частности, связанные с и.-евр. корнем с значением 'резать', см. Mann *Arm.* 1963, 115: арм. *kurt* 'castrated', *krčat* 'truncated' — курдск. *kurd* 'короткий' — с.-хорв. *křm* 'хрупкий', 'ломкий' — лит. *kuřčias*, лтш. *kurtēt*; для армянск. Mann восстанавливает два типа: **kurti-* и **kurtiāto*), но все они в той или иной степени отклонялись бы от слав. обозначения борзой. В целом суть проблемы с точки зрения этимологии можно сформулировать следующим образом: прусск. *curtis* и вост.-балт. параллели, взятые сами по себе, м о г у т иметь вполне тривиальное объяснение (заимствование из слав.), но будучи рассмотрены в общем балтослав. контексте, они оттеняют сугубую н е т р и в и а л ь н о с т ь продолжающей оставаться неясной этимологии слав. **xьртъ*; эта неясность как бы «застит» сравнительно-историческую ретроспективу балт. **kurtis*/**kurtas* даже при его тривиальном объяснении, остающемся, разумеется, наиболее вероятным решением проблемы.

— Лит.: Thes. 1873, 85; APSpr. 366; SPV 199; EWD 489; Milewski *Sl. Occ.* 18, 1947, 30, 48, 54; ЭСР 4, 268; LEW 318; Sabaliauskas *LKK* 10, 1968, 110; Etim. rječn. hrv. 1, 689—690; Etym. sl. j. česk. 207; Levin *Gen. Ling.* 12, 1972, 157; SEEV 1974, 50, 78, 95; St. OP 3.411; 10.022; 342. — [**kurtis*].

{**kurt- & median*}, ср. *Curtmedien*, 1326; *Kortmedigen*, 1419, позже — *Kortmedien* (APON 77). — Беценбергер ВВ 23, 1898, 284 объяснял это название соединением двух слов — *korto* 'роща' и *median* 'лес' (см. {**kort- & *median*}). Герулис, имея в виду первый член названия, справедливо указывал на *Kurt-eynen*. К *Kurt-* можно добавить и другие факты, о которых см. в статьях {**kurt-*}, {**kurt-ein-*}, {**kurt-in-*}, {**kurt-i(i)a*}, {**kurt-uj(-ōj-)*},

{**kurt-uj(-ōj-)*}, ср. *Curtoyen*, озеро, 1352; *Curtoye*, 1353, *Curtoy*; *Curtoyge*, 1378, позже — *Kort-See* (APON 77). — К суф. *-uj-* см. *Clawoge*, позже — *Clawuy-See*; *Laxdogen*, *Laxduy*, позже — *Laxdoyen* и др. Ср. Schmid *Sybaris. Festschr.* Krahe 130; Thr.-Dak. 42, Балк. езикозн. 21, 1978, 9. — См. {**kurt-*}, {**kurt-ein-*}, {**kurt-in-*}, {**kurt-i(i)a*}, {**kurt- & *median*}.

{**kurv-ait-*(?)}, условная реконструкция имени мифологического персонажа, покровителя телят, основанная на соотнесении данных Ласицкого и Преториуса о жемайтских верованиях (ср.: *Kurvaiczin Eraiczin agnellorum est deus. Lasic. De Diis Samagit.*; *Karwaitis ein Gott der Kälber. Praetor. Idolatr. veter. Pruss. Kap. IX, § 24*, со ссылкой на Ласицкого, см. LPG 356, 545) с прусским обозначением вола — *curwis* (см.). Нулевой вокализм (или, точнее, *u*, которое может быть и из *a*: **karv-* > **kurv-*) в этом примере обычно считался характерным и, следовательно, различительным признаком прусского слова. Однако эта исключительность, кажется, может быть поставлена под сомнение. Ср. лит. *kurvaičinas*, кормовая трава из семейства колосовых (*Festuca*), см. Ivinskis *Kalendor. arba metskaitl.* 1864, 9 (LKŽ 6, 983; ср. 2, 1138), то же, что *eraičina(s)*

см. также ботанич. названия *karvaitis*, *laukinė karvaitė* (LKŽ 5, 352); чрезвычайно интересно это семантическое склеивание двух слов, которые выступают в непосредственной смежности (и даже как элементы некоего общего имени божества) у Ласицкого, см. выше. Тем не менее, как это ни странно, это исключение в силу указанной семантической тождественности *kurvaičinas* и *eraičina(s)* не только не ослабляет предлагаемой прусской реконструкции, но как бы поддерживает ее через соотнесенность лит. *eraičina(s)* и под. с прусск. *eristian*. **Kurv-ait-* в прусском могло обозначать обожествленного теленка, молодого бычка (ср. многочисленный ряд 'коровых' божеств — Хатор, Гера и т. п.); к суф. см. прусск. Nom. рг. *Wargoyte*, *Dykoyte*, *Staboyte* и т. п., см. APN 180—181. Об имени божества см. LPG 370, 374—375, 381, 400, 522. Ср. также *curwis*.

kurwan, см. *curwis*.

{**kurv- & *dompn-/*dumpn-*}, см. {**korv- & *dompn-/*dumpn-*}.

{**kurv-in-*}, ср. *Curwin*, 1405, *Curben*; *Corwen*, 1421, *Crowen*; *Korben*, 1515, позже — *Corben* (APON 77). — См. {**karv-*}, {**korv-*}, {**korv-ing(-in-)*}, *curwis*.

{**kurv-ing-*} см. {**korv-ing(-in-)*}. — Ср. подобное образование в русск. диал. *корвѣга* 'коровой', 'коврига хлеба' (< **korv-ęga?*), *корвѣжка*, *корвѣга* и т. п. (СРНГ 14, 312), если только оно не вторично из *коврѣга*.

curwis 'вол'. Э 672 ('Ochze'), ср. Э 671: *Lonix* 'Varre', Э 673: *Klente* 'Kū', Э 674: *Wersian* 'Kalb'. Nom. Sg. masc.; — *kurwan*. К III, 55, 34 (...tu turei stesmu kurwan kas arrien tlāku ni stan āustin perrēist... 'Du sollt dem Ochsen der da Dreschet nicht das Maul verbinden...'). Acc. Sg. — Ср. у Вилента: *iauczui kulenczem ne vřchriřchi nasru* (Enchir. 40=22) при лат. *Bovi trituranti...*, греч. Βοῦν ἀλοῦντα («не заграждай рта у вола молотящего») из 1-го Посл. к Тимофею V, 18. — Слово, происхождение которого представляется ясным лишь при общем и поневоле поверхностном подходе. Разные полюса во взгляде на происхождение этого слова — определение прусск. *curwis* как заимствование из слав. (ср. Brückner KZ 48, 1918, 105; SEJP 271; Pok. 1, 577; ср. охотно всеми принимаемое **xьртъ* > прусск. *curtis* при польск. *chart*, в соответствии с чем могло бы предполагаться и **kurvъ* > прусск. *curwis* при польск. диал. *karw*) и определение его как отмеченный и.-евр. диалектизм, изолированный в балтослав. ареале. Выбор наиболее адекватного решения зависит от многих обстоятельств. В частности, существенно уточнение положения дел в самом прусском. Речь идет прежде всего о структуре пары, обозначающей название коровы и быка (и/или вола) в прусском на фоне других родственных и ареально смежных языков. Если в литовском эта пара выступает в виде *kārvė*: *jautis* (*būlius*), в латышском *govs* (*guōvs*): *bullis*, в славянском **korva*: **bykъ* (ср. **govędo*), то в прусском она выглядит, пожалуй, наиболее необычно — *klente* (*clynth*): *lonix* (*curwis*). Резкое отклонение об-

наруживается в двух пунктах: только в прусском название коровы не продолжает старого и.-евр. корня, который истари или относительно поздно стал связываться с названием самки крупного рогатого молочного скота, и только в прусском (и территориально связанном с ним сев.-польск.) название мужской особи использует элемент **kurv-* (возможно, из **karv-*). Иногда при обсуждении вопроса о соответствующих прусских обозначениях исходят из этой картины как более или менее достоверной. Такой взгляд следует признать ошибочным или в лучшем случае односторонним и искажающим перспективу. Прежде всего следует помнить, что в текстах на самландском диалекте, особенно надежных и показательных в подобных случаях, нет вообще слова, которое обозначало бы корову, как нет и самого этого понятия в немецком источнике — Энциридионе. Кроме того, недостаточно обращают внимание на то, что и *klente* и *curwis* своего рода проницательно-уничижительные обозначения. Можно думать, что *klente* обозначало не корову вообще, а отрицательно отмеченные ее экземпляры (старые, тощие, бессильные и т. п.); конечно, не исключено, что для позднего периода подобное название могло стать и привычным обозначением коровы или обнаруживать подобную тенденцию (во всяком случае в более ранний период коровье стадо у пруссов находилось, видимо, в некотором пренебрежении [предпочтение отдавалось лошадям и их молоку], и коровы едва ли отличались породистостью; скорее всего, они были мелки и тощи, а следовательно, и маломолочны; неслучайно позже крестьяне Вост. Пруссии были серьезно озабочены улучшением породистости коров и приобретали их из сев.-зап.-германских земель с интенсивным животноводством). Также и *curwis* могло быть, подобно сев.-польск. *karw* (экспрессивное «презрительное» обозначение старого, ленивого вола, ср. SEJP 271), вторичным ироническим (с «ухудшением») названием животного, как бы демаскулинизированного и недееспособного. В ЭССЯ 71 s. v. **korva* высказывается заслуживающее внимания (но, конечно, не единственно возможное) предположение о переносе на вола (но не на быка!) названия женской особи — **korv-* (или **karv-*), подобно сев.-польск. *karw* 'вол' — от *karwa* 'корова' (ср. презрительное *баба*, применительно к мужчине). Характерно что польск. *karw* и *klepa* (кашуб., словин.-помор. *klapa*, нем.-прусс. *Klemp/e/*) обозначают не только ущербных в своих мужских и женских качествах животных, но и соответствующих людей — ленивых, сонных мужчин и соответственно неряшливых распутных женщин. Таких примеров много в самых разных языках. Можно предполагать, что и у пруссов, в непосредственной смежности с сев.-польск. говорами, *curwis* могло переносно обозначать неполноценного мужчину, а *klente* — соответствующую женщину (из «транс-этимологических» курьезов ср. прусск. *curwis* \supset **kurva* = **karva*, женская особь животного: польск. *kurwa* 'потаскуха', русск. *кúрва*, *кyрвáга* (СРНГ 16, 114); прусск. **kurv-ing-* см., и т. п.). Наконец, само наличие *curwis* в прусском, несомненные топонимы-кальки на прусско-являжской

территории (см. о совр. деревне *Guty* на Белосточчизне в источнике XV в.: *Guthi alias K a r w o w o* [Halicka Nazwy miejsc. śród. i zach. Białost. 1976 и др.] при лтш. *gūtiņa*, dimin. от *gūds* 'корова', лит. *guōtas* 'стадо') и обильные, хотя и не все достоверные, названия с корнем **Karv-* на территории Пруссии (см. о них {**karv-*}. Пр. яз. III, 238—243) — все это подтверждает реконструкцию для прусского лексемы **karva* (**karve??*) как нейтрального и уж во всяком случае более старого обозначения коровы (уточнения могли бы касаться вокализма корня, напр., **kurva?* (: *curwis*), хотя вряд ли они достовернее, чем предлагаемая реконструкция с вокализмом *a*). Тем самым для прусск. восстанавливается пара **karva* (**kurva?*) : **kurvas* | **kurvis* 'вол', аналогичная сев.-польск. *karwa* : *karw*, а отчасти и лит. *kārvė*: **karvāitis*, **karvėlis* (два последних слова нуждаются в комментарии: реально они засвидетельствованы как обозначение полевой травы и голубка, но внутренняя их форма отсылает к таким значениям, как 'бычок', 'теленоч'; ср. характерно противопоставление masc.: fem. в этом вторичном коде — лит. *karvėlis*, но *diēvo karvūtė* 'божья коровка'). Если учесть возможность реконструкции для прусск. формы **kurv-ait-is* (см.), то близость в структуре пар masc.-fem. с использованием одного и того же корня *karv-*(*kurv-*), становится еще большей. В этих условиях проблема вторичности переноса данного корня для обозначения мужских особей приобретает несколько иную окраску. Что же касается сферы употребления **karv-* (**kurv-*) в балт., то она должна быть, видимо, расширена и на обозначение молодых особей — телят, для которых различие мужского и женского до поры трактуется как несущественное (ср. в русской традиции всю градацию от Ивана К о р о в ь е г о сына, Ивана К о р о в а н а и т. п. в сказках до маскулинизированных вторичных обозначений типа *коровец*, *коровик*, *корович*, *коровяк*, *короватик*, *коровятик* и т. п., см. СРНГ 14, 349—358). — При известной двусмысленности прусск. *curwis* с точки зрения его происхождения (первичность — вторичность, исходный локус — переносный и т. п.) ближайшие соответствия ему находятся в литовск., славянск., кельтск., отчасти италийск., возможно, в иллирийск., т. е. в центрально-европейском ареале с одним важным изъятием (зона распространения герм. языков): Ср. лит. *kārvė* 'корова' и многочисленные производные (*karvāitė*, *karvatė*, *karvėkė*, *karvėlė*, *karvūtė*, *karviñžė*, *karviōtė*, *kārvišča*, *karvyštaitė*, *karvūštė*, *karviznā*, *karvūčis*, *karvūtė* и т. п.), а также *kurvaičinas* (что касается вокализма) и *karvaitis*, *karvėlis*, *karvelaitis* и т. п. (что касается образований masc. от этого корня). В латышском известно лишь слово *kaŗva*, употребляемое как презрительное обозначение женщины (ak tu k a r v a! Kand.) или бранная кличка коровы («In Holmhof bei Schlock», согласно ME 2, 165); ср. еще *kaŗva*, *kāŗva* 'eine alte magere Kuh' (Lis, см. ЕН 590) или в говоре Акнисте *jāzān k ā r v ē š gonus* 'jādzen govīs ganos' (Aknīst. izl. 14). Лтш. *kaŗva* вполне может быть литуанизмом (особенно, напр., в говоре Акнисте, т. е. там, где нали-

чувствует литовский элемент и где по соседству проходит сев. граница распространения литовск. языка). Вместе с тем о некогда употреблявшемся апеллятиве можно судить по довольно надежным топонимам типа *Kařva*, *Kařvis*, *Kõrva*, *Kårvenieši*; *Kařviņš*, *Karvišķe*; *Kårvenes-leja*, *Karvizari* (LV I 2, 54—55, ср. 118: *Kořve*, *Korvis?*), которые вовсе необязательно, кажется, связывать всегда с финск. *karva* 'волосы'; напротив, зона распространения этих названий довольно органически входит в обширный ареал, включающий Литву, Пруссию, сев. часть Польши, включая территорию к зап. от Вислы (ср. *Karvā*, *Kårviņcove* и т. п. на Кашубщине), где выступает корень **Karv-*, а иногда и **Kurv-*, как в прусском ареале (лтш. *Kurvja-kalns*, *Kurvja-pļava*, *Kuřvenieki*, *Kūrvīši*, трактуются иначе, см. LV I, 2, 183). — Славянские данные несравненно однообразнее, чем балт., во-первых, и, имея параллели в балт. обозначениях коровы, они фиксируют неизвестное балт. языкам название быка (**bykь*). Ср. прежде всего неметатезированные формы (некоторые из них и по вокализму, хотя, разумеется, и вторично, совпадают с прусск. *curwis*): полаб. *korvo*, реализующееся в графике как *Kurwi* 'Die Kuh' (Vand. вв. **Kurwo* или **Kurwu*; ср. *Deiwakurwa* 'олень' Do.), *Korwo* ou *Korwū* (Pf.), *Korwō* (Bauc.), *Goliwa Korwō* (Bauc.), *Korwō* (H.), *Korwō* (B₁), *Goliwa korwō* (H.) *Korwō* (B₁, перечеркнуто), см. Słown. etym. jęz. Drzew. 2, 276—277; кашуб. *karva* но и *krova*, словин.-помор. *kriřvā* (Pom. Wb. I, 497; Słown. jęz. pom. 80, где отмечено, что кое-где в сев.-зап. поветах еще сохраняется более старая форма *karva*), сев.-польск. *karwa* (ср. *karw*) при польск. *krowa* (ср. Słown. gwar polsk. 2, 483; Sł. jęz. polsk. 2, 285 и др.), в.-луж. *kruwa*, *krowa*, н.-луж. *krowa*, чеш. *kráva*, словц. *krava*; ц.-сл. *крава*, болг. *крáва*, макед. *крава*, с.-хорв. *крáва* (диал. *крáва*), словен. *kráva*; русск., укр. *корóва*, блр. *карóва*. Монолитный характер слав. форм, восходящих к единому **korva*, несколько нарушится при допущении второго варианта (с нулевым вокализмом) — **kъrvь*, реконструируемого Голомбом LPosp. 16, 1972, 61 на основании ст.-польск. и сев.-польск. диал. *korw* и в точности соответствующего прусск. *curwis* (: **kъrvь* < **kurvis*). Однако и в этом случае нужно считать знаменательным, что два единственных примера **kurvis* отражены в одном узком ареале — по обе стороны от низовья Вислы. — Поскольку в и.-евр. перспективе происхождение *curwis*, как и лит. *kárvė* или слав. **korva*, не составляет загадки (из и.-евр. **k'ēřu-s* : **k'řu-s* 'рогатый', как Subst. — 'рогатое животное', прежде всего — 'олень', 'корова', см. Pok. 1, 576—577; ср. хеттск. *karauar-* 'рог', др.-греч. *κεράος* 'рогатый' / < **κεραρός* / *κέρας* 'рог', лат. *cornu*, готск. *haurn*, авест. *srū-* 'рог', *srvā-* 'ноготь', *srvara-* 'рогатый' (из **srūbhara-*), ср. др.-инд. *śrīga-* 'рог', с другим расширением корня; ср. поздние в диахроническом плане семантически избыточные случаи типа лит. *kárvės rāgas* или полаб. *Korwerik* (H.) < **korvьjь* & **rogь*), см. еще Meillet MSL 8, 1893, 298 и многие другие, то загадка концентрируется в слав. и балт. словах, фиксирующих в анлауте *k-* вместо

ожидаемого сатемного рефлекса (слав. *s-*, лит. *š-*). Проблема несостоявшегося сатемного рефлекса занимала многих, предлагались различные объяснения от внутриязыковых (напр., влияние плавного *r*) до внешнеязыковых (заимствование этого «Kulturwort» из языка, распространенного в древнем центре молочного животноводства), рассматривать которые здесь во всех подробностях было бы нерационально. Существенно более важным представляется указание-напоминание о четкой семиотической дифференциации некоторых признаков в связи с историей слов этого корня в балт. и слав. Уже указывалось, что часть слов этого корня в названных языках обнаруживает вполне закономерный сатемный рефлекс (ср. прусск. *sirwis*, лит. **širvīs* > финск. *hirvi* 'олень', 'лось', из и.-евр. **k'řu-is*; или лтш. *sirna*, слав. **sьrna*, из и.-евр. **k'řn-ā*, или лит. **šarvė*, слав. **sorva*, ожидаемые сатемные варианты, при финск. *sarvi* 'рог', откуда *Sarvo*, прозвище вола с большими рогами; см. Vilkuņa Verwendung der Zugochsen, Stud. Fenn. 2, 1936, 68; ср. также Szinnyei Finn.-ugr. Sprachwiss. 1910, 25; Toivonen JSFOu 56, 1952, 23; Suom. Etym., s. v.; правда, финск. слово могло быть заимствовано и из иранск. или даже еще более древнего источника), причем фонетическое исключение (*curwis*, лит. *kárvė*, слав. **korva*) отмечено в «культурных» словах, относящихся к животному, уже втянутому в процесс одомашнивания и хозяйственного использования, а слова, обозначающие д и к о е рогатое животное, свидетельствуют закономерный фонетический рефлекс согласного в анлауте (см. Трубочев Происх. назв. жив. 1960, 40—41; ЭССЯ 11, s. v., ср. SEP 2, 146 и друг.). Правда, другое различие (*k-* перед гласным заднего ряда, но сатемный рефлекс перед гласным переднего ряда) в известной степени может перечеркнуть первое и лишить своей полной силы указанное противопоставление по шкале «освоенный» — «дикий». В последние годы все чаще оказывается популярной старая точка зрения Вальде Lat. etym. Wb. 156, согласно которой балт. и слав. «кентумные» обозначения коровы или вола обязаны своим происхождением заимствованию этих слов из соседних (к югу и юго-западу) кентумных языков, напр., иллир. или кельтск. См. Moszyński Zasiąg 1957, 18—19; Golab LPosp. 16, 1972, 61; RSl 38, 1977, s. v.; Трубочев ВЯ 1982, № 4, 19; ЭССЯ 11, s. v. **korva*. В частности, Трубочев обращает внимание на иллирийские (или предположительно таковые) элементы, которые формально и (или) семантически напоминают балт. и слав. «кентумные» обозначения коровы, вола. Прежде всего речь идет об иллир. Nom. pr. *Carvius* (Plator *Carvius* Batonis. WMB 11, 131; Liccaius *Carvius* (filius) natione Maezeius. CIL VIII, 9384), *Carvantius* (P. Ael(io) Pladome(n)o *Carvianio*. CIL III, 8308; WMB 11, 131) из античной Далмации (ср. Jokl WS 12, 1929, 68; к алб. *ka* 'вол'), к которым теперь можно добавить и *Carvus* (T. Aur. *Carvo*. Спом. Срп. Акад. 88, 116, название села у Коница), см. Mayer Spr. alt. Illyg. 1957, 180—181. Пройти мимо этих имен и возможной их связи с балт. и слав. словами (ср. особенно

прусс. Nom. рг. типа *Karwan*, *Carwan* и т. п. (см. {**karv-an-*}, а также *Κάρβωνες*, название племени в Сарматии на Балтике, сообщаемое Птолемеем и трактуемое Мухом *ZfdAlt.* 39, 242 с учетом параллельной формы *καρβωνες* как **karvones*, которое ставится в связь с названием животного) было бы ошибкой, но считать их безусловно содержащими «коровье» обозначение и тем более относить их к надежному резерву пока бесспорно рано. Во всяком случае пока нет реальных подтверждений семантического характера. А при их отсутствии, конечно, топонимические примеры легко могут быть увеличены в количестве (ср., напр., лат. *Carventum*, город в Лациуме, *Carvilius*, лат. Nom. рг.; хеттск. *Karruwa*, лид. *Karos-*, см. Исслед. дешифр. карийск. надп. 1965, 172, 237, 256 и др.). Другое отражение обозначения коровы в кентумном варианте видят в глоссе Гесихия *κάρτην τὴν βοῦν*. Крῆτες после предложенной Шпехтом *Urspr.* 1947, 221 эмендации (он же сравнил заново установленную форму с прусск. *curwis* и лит. *kārvė*, против чего не раз выступал Френкель — *Glotta* 35, 1956, 86; *MN. XAP.* 1, 1957, 101 и *LEW* 225: «gehört schwerlich hierher», с дальнейшим предположением о *κάρτην* как краткой форме от критск. *καρταῖπος* и т. п. 'mit starken Füßen,' т. е. 'бык'; кстати, уже Пиндар *Olymр.* XIII, 80 сл. употребляет это слово как эпитет к названию быка). Несмотря на эти возражения Трубачев *ЭССЯ* 11, s. v. **korva* читает *κάρτην* как *κάρτην*, принимая здесь дигамму или даже просто гамму, которая (Г) в маюскульном письме легко смешивается с Т (возражения Френкеля отводятся ссылкой на «более тонкую спецификацию глоссы — τὴν βοῦν 'корова'»). По его мнению, такое прочтение ставит глоссу Гесихия в один ряд с лит. *kārvė*, слав. **korva*, «имеющими то же инновационное значение» — 'корова'. Поскольку др.-греч. *κραιός* (< **k'erajos*) предполагает э, критск. *κάρτην* = **κάρτην* имеет негреческий вид и связывается с языком, увлеченным дорическим вторжением на Крит в XII в. до н. э., т. е. именно тогда, когда иллирийцы, как считают, устремились на Балканы (неразличение мужской и женской особи объясняется тем, что гомеровские греки, как и другие ранние индоевропейцы не употребляли в пищу молока, ср. *ὁ βοῦς* и *ἡ βοῦς*). По мнению Трубачева, глоссовое **κάρτην* отсылает к северным районам Балканского п-ва или даже в приальпийскую зону, где, вероятно, был древний очаг одомашнивания крупного рогатого скота и использование его для получения молока. В связи с поисками отражений и.-евр. названий коровы, быка как «рогатых» в древних языках Балкан особый интерес могло бы представить алб. *ka* 'вол'. О связи этого слова с прусск. *curwis*, лит. *kārvė*, слав. **korva* писал уже Мейер *EWAib.* 164—165, который вместе с тем соотносил его и с венецк. *ceva* 'корова', предполагая развитие **karv-* > **kav-* > *ka*. Несколько позже в алб. *ka* стали видеть продолжение и.-евр. **k'ru-*. Во всяком случае реконструированное в качестве исходной б.-сл. формы **kūrwis*, соотв. **k'rwis* (BSW 119) в равной степени могло служить источником и алб. *ka*. Как писал Иокль *WS* 12, 1929, 68,

«исходный пункт алб. слова звук за звуком идентичен прусск. *curwis*» и указывал на тройное совпадение албанск. и прусского слова — отсутствие сатемной трактовки в анлауте, одинаковая ступень аблаута и, наконец, общее значение — 'холощенный бык', 'вол', но не просто 'бык', 'олень' и т. п. Ср. также *Jokl Sprache* 9, 1963, 149; *Pok.* 1, 577; *Hamp RSl.* 3, 1969, 39—40; *Golaб, LPosn.* 16, 1972, 61 и др. Правда, в последнее время было высказано сомнение в таком объяснении алб. *ka*. По мнению Орла *Balcanica* 1979, 114, из и.-евр. **karv-* «ожидалось бы скорее» алб. **kar(r)-*, но следы *-r-* в албанск. слове отсутствуют (в частности, и в Pl.). Взамен, исходя из алб. *korpe* 'стадо' < и.-евр. **g'uā-pā-jom* (ср. др.-инд. *go-pā-* 'пастух', собств. — 'коровий пастух' и т. п.), предлагается и *ka* толковать как отражение и.-евр. **g'ōu-*. При известной оригинальности эта точка зрения далеко не безупречна. Можно ограничиться хотя бы двумя замечаниями: автор не учитывает анализа слова *ka* после Мейера и поэтому с некоторой прямолинейностью исходит, как и Мейер, из источника в виде **karv-*; и.-евр. **g'ōu-* обозначает быка (или корову) во всей полноте его сексуальной силы, и обозначение этим элементом в о л а (Орел ошибочно определяет значение *ka* как 'бык') требовало бы особых объяснений. Кроме всего этого, само выведение алб. *ka* из **g'ōu-* грешит приблизительностью. Поэтому целесообразно (помня, конечно, об известных трудностях) пока сохранить то толкование происхождения *ka*, которое принято в науке, во всяком случае начиная с Иокля. В контексте же этого толкования связь б.-сл. **karv-* с др.-балк. формой и — уже, специальное и важнее — прусск. *curwis* (если оно из и.-евр. **k'ru-*) с алб. *ka* представляет особый интерес и увеличивает число древних изоглосс, объединяющих южную Прибалтику с Адриатикой (о чем уже не раз писалось). Но у прусск. *curwis* и его балто-слав. и албанск. соответствий есть еще один очень убедительный круг параллелей в виде кельтских данных. Ср. прежде всего кимр. *carw*, корн. *carow*, брет. *karo* 'олень' — из и.-евр. **k'ruo-s* (см. *Pedersen Vgl. Gr. kelt. Spr.* 1, 51—53; *Pok.* 1, 576 и др.; ср. *Stokes Urkelt.* 79; *Holder Altcl. Spr.*, s. v. и др.), т. е. из той же самой формы, которая является общей для прусск. *curwis* и алб. *ka*. На основании кельтского по происхождению названия гор на словенско-итало-австрийской границе (Вост. Альпы) *Karawanken* (также нем. *Karawanken*; словен. *Karavánke*, итал. *Caravanche*) правдоподобно реконструируется кельтск. апеллатив типа **car(a)wos* который, судя по всему, должен быть причислен к числу «оленьих» названий, о чем, в частности, могло бы свидетельствовать и название одного из хребтов этих гор — словен. *Košúta*, собств. — 'олениха', 'лань', калькирующее название *Karawanken* (см. *Kiss Földrajzi* 1978, 317; Трубачев *Этимол.* 1979, 1981, 189; *ЭССЯ* 11, s. v. **korva*). На основании этой топонимической глоссы Трубачев выдвигает ряд интересных соображений: слав. **korva* для древнего периода должно семантически определяться как 'олениха'; это слово, видимо, в стадии **kārāvā* было заимствовано (надо полагать, в ме-

стах древнейших кельтско-славянских контактов) из кельтск. *kar(a)vos 'олень', точнее, из *kārāvā или *korāvā 'рогатая' (Adj.; др.-греч. κερῶς; слав. *kārāvā или *korāvā было передано «вместе с его акутовой интонацией балтийскому (лит. kārūvė), в котором это слово выглядит тоже изолированно» (ВЯ 1982, № 4, 19). Стоит указать, что форма типа *karav- существовала, видимо, и в иллирийском, ср. Caravantis (Liv. 44, 30, 9), город в Иллирии, который должен был захватить Caravantius, сводный брат последнего иллирийского царя Гентиуса (см. Spr. alt. Illyr. 1957, 179; ср. лат. Caravandis, город в Иллирии. Liv. — при прусск. Karwinden). Наконец, слова этого же корня, обозначающие оленя или корову, известны и в языках древней Италии. Ср. лат. cervus, cerva (названия мужской и женской особей, различающиеся лишь морфологически, т. е. ситуация, которая отмечена и в ряде других языков и, строго говоря, могла быть в прусск. /curwis: *karva/ *kurva/), ср. cervinus 'олений' (Покорный Vox Rom. 10, 259; 1, 576 относит сюда же галл.-лат. cervēsia, cervīsia 'hirschfarbenes, braunes Getränk, Bier', которое может объясняться и иначе), с одной стороны, и в сев.-зап. углу Адриатики венет. ceva 'корова', засвидетельствованное Колумеллой и, как предполагают, происходящее из правенет. *kērw- (см. Jökl. WS 12, 1929, 68; Östir Etnolog 4, 1930, 6; Drei vorслав.-etr. Vog. 1930, 9), с другой стороны. Впрочем, та же ступень гласного корня отмечена в названии иллир. Cervaria (Rav. V, 24), встречающемся на одном из истрийских островов в Адриатике и сохраняющемся до сих пор в итальянск. Castel Cervera, к югу от Cittanova (Spr. alt. Illyr. 187); это название, естественно, трудно отделить от лат. cervārius 'олений'. К лат. cervus и т. п. ср. Lat. etym. Wb. 1, 164, 203—204, 206—207, 276, 283—284, 856, 858 и др. — Разумеется, кроме указанных параллелей к curwis и вост.-балт. и слав. соответствиям, существуют и другие примеры обозначения тем же корнем крупного рогатого скота, которые, однако, фиксируют совсем иной словообразовательный тип. В этом отношении особенно характерны герм. примеры. Ср. др.-исл. hjǫrtr 'олень' (используется и в ономастике) < герм. *herutaz), др.-англ. heorot, др.-фриз. hert, др.-сакс. hīrot, др.-в.-нем. hiruz, ср.-в.-нем. hirz, и т. п. (см. Palander-Suolahti Altnord. Tiernam. 1899, 105—107; Altnord. EWb. 234 и др.), а также некоторые слова других и.-евр. языков: др.-греч. χορῶδος 'хохлатый жаворонок'; κερῶς 'баран', κάρνος 'единица скота' и т. п. (ср. др.-исл. hjarni 'Gehirn' (< *herznan). В силу прозрачности семантической мотивировки названия curwis и всех его соответствий обозначением рога (разумеется, на и.-евр. уровне) отпадают все иные попытки этимологизации таких слов (ср., напр., Machek KZ 64, 1937, 262: от др.-инд. cārvaṭi 'жевать' → 'жвачное' и др.), но сохраняют — хотя бы теоретически — свое значение те попытки, в которых предлагается решение, не обязательно отрицающее установленную этимологическую связь. К числу таких попыток следует отнести сравнение балт. и слав. формы скорее с лат. curvus 'кривой', чем с cervus (Budimir JФ 6,

171—174. Pisani Miscell. etimol. 1933, 123), поскольку сами обозначения кривизны и рогов теоретически могут быть связаны друг с другом (ср. сохатый 'лось' в контексте таких значений в этимологически связанных словах, как 'развилка', 'вилыце', 'ветвь', 'сук' → 'ветвистый' → 'искривленный' и т. п. при сохатый, собств. — 'рогатый'). Однако в конкретном случае, разбираемом здесь, связь с лат. curvus остается «висячей», и какие-либо выводы из этой теоретической возможности едва ли уместны. — Подводя итоги рассматриваемой проблеме, которые из-за многих сложностей и некоторой неполноты материала, не могут быть достаточно детальными и абсолютно достоверными, нужно в первую очередь отметить «центральноевропейский» характер прусск. curwis, лит. kārūvė и слав. *korva; внутри этого ареала обозначается кардинальная линия связи между адриатически-вост.-альпийским (в относительно широком смысле) регионом и прибалтийской зоной как крайними полюсами; «к о р о в ь я» семантика за продолжениями и.-евр. корня, обозначающего рог, закрепилась только в балт., слав. и албанск. (иллирийские — в строгом смысле слова — данные остаются семантически глухими, а кельтские и латинские относятся к о л е н ю); эта особенность делает балт. и слав. данные, относящиеся к *karv- (и, возможно, к *kurv-), резко отмеченными на фоне данных других центр.-европ. языков, прежде всего кельтск. и латинск. Но и эта «отмеченность» включена в более широкую рамку: балт., слав., иллир., кельтск. (отчасти латинск.) характеризуются наличием обозначений крупного рогатого скота с помощью и.-евр. *k'ērāyo-s: *k'ērō-s, тогда как герм. языки (отражения и.-евр. *g'ōu-), как и другие и.-евр., но не принадлежащие к числу центр.-европ., отражений этих и.-евр. форм или вовсе не знают, или не связывают их с названием животного в качестве апеллятива. Что же касается таких тем, как возможность реконструкции балт. (и отчасти слав.) *kurv- на основании прусск. curwis, допустимость восстановления в балт. и слав. пар. masc.-fem. типа *karvis/*kurvis: *karva/*kurva, *korvъ: *korva, характер связи между слав. и балт. формами и между балто-слав. и кельтск. и иллирийск. (вопрос о заимствовании), они до времени не могут быть разрешены достоверно, и, как обычно делается в таких случаях, предпочтение стоит отдать независимым решениям. Однако это не снижает эвристической ценности гипотез о роли культурно-языковых импульсов, шедших из средиземноморско-альпийских центров, в формировании элементов хозяйственного уклада и их языковых обозначений у балтов и славян. — Многочисленные балт. тономастические данные см. Пр. яз. III, 238—243; LNEŽ 1981, 148—149. В связи с прусск. curwis существенно напомнить о куршск. Nom. рг. Kurwe, 1582—1585, которое Блесе LPV 110 (ср. 294) связывал именно с прусск. словом (однако KF 298 считает, что столь же вероятна связь с лтш. kuřvis 'корзина'); ср. лтш. Nom. рг. Jurgen Curwit, Pauel Kurwe, Margareta Kurwystsche (из kurvitis?)

LPV 200. Возможно, что эти прусско-куршские (в основном) сходения еще один эпизод из эксклюзивных связей этих двух языков. — Л и т.: Thes. 1873, 85; Meillet MSL 8, 1893, 298; SEW 1, 577; APSpr. 366; BSW 119; Slavia 2, 1923, 4; Charpentier IF 35, 1915, 250; Brückner KZ 48, 1918, 195; ZfsPh 4, 1927, 213; SEJP 221; Būga KS 106, 195=RR II, 129, 219; Jokl WS 12, 1929, 68; Sprache 9, 1963, 149—150; SPV 199; BVSF 25; Specht Urspr. 1947, 221; ЭСР 2, 331—332; Niedermann Balto-Slavica 1956, 142; Fraenkel Glotta 35, 1956, 86—87; MN. XAP. 1, 1957, 101; LEW 225; Курилович ВСЯ 3, 1958, 25; Otrębski Sprache 9, 1963, 161; Трубачев Пропсх. назв. жив. 1960, 40; ВЯ 1982, № 4, 19; ЭССЯ 11, s. v. *korva; SEP 2, 90, 146; WP 1, 403—405; Pok. 1, 576—577; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 16; LKK 10, 1968, 132—133; Karaliūnas LKK 10, 1968, 77; Hamp RSl. 30, 1969, 39—40, 44—45; Gołąb LPosn. 16, 1972, 61; RSl 38, 1977, s. v.; Etim. rječn. hrv. 2, 183; Чекман БСЛ. Иссл. 1974, 125, 135; ОР 79, 172; St. ОР 3.200; 4.601; 10.008; 10.023; Българ. етим. речн. 2, 700—701; Орел Balcanica 1979, 114; Топоров Пр. яз. III, 238—243; LPosn. 23, 1980, 197—200; БСЛ. Иссл. 1980—1981, 277—278; Mažiulis Baltist. 17, 1981, 98. — [*kurvis; *kurvan; *karvis, -an??].

{*kurv-it- (??)}, ср. *Kurwith lacus* в неясном контексте Thes. 1873, 85. Спорно. Ср., однако, ст.-лтш. *Jurgen Curwit* (LPV 200).

{*kurv- & *lauk-} ср. {*karv- & *lauk-}, {*korv- & *lauk-}.

{*kus-}, ср. Nom. pr. *Kusse*, 1381; *Kuse* (APN 50). — См. {*kus-ik-(-ek-)}, {*kus-in-}, {*kus-it-}, {*kus-man-}, если говорить о словообразовательных моделях, отраженных в ономастике. Не ясно, связано ли ономастическое {*kus-} с подобным элементом в топонимии. Наконец, возможность двойкой трактовки {*kus-} в сравнит.-историч. плане (*kus- или *kuš-), не позволяющая, строго говоря, надежно определить круг литовских соответствий, а через них и индоевропейских, делает анализ этого элемента сложным и в известной степени двусмысленным. В качестве резерва для сравнения ср. ст.-лтш. *Jacob Kusze*, 1535 (его предлагают сравнивать с лтш. *kūza*, *kūze*); *Hermen Kussinge*, 1507; *Gerke Kusel*, 1487 (LPV 200), ср. *Kusseite*; *Peter Kusze*, *Jane Kusz* (LPV 294; ср. *kuži*, *kuši*, *kuzas*), лтш. *Kuseņš* и др.; куршск. *Jacob Kusz*, 1540; *Peter Kusze*, 1582—1585; *Jane Kusz*, 1582—1585 (KF 298; скорее к лтш. *kāsis* 'die weibliche Scham'. LPV 139); лит. *Kusà*, *Kūsas*, *Kušys*, *Kusatis* или *Kūšis*, *Kušēlis*, *Kušinskas*, ст.-лит. *Kuβinska*, *Kuβowa*: *Kusznikiewicz* (= *Kuš(i)nykaitis*). Liet. antrop. 162 (к лит. *kūšti*, *kušēti* 'двигаться', 'шевелиться' и т. п.). Нельзя, конечно, исключать возможность связи с топонимами типа лит. *Kusaī*, *Kusiaī* (LATSŽ 149), лтш. *Kusa*, *Kuseņi*, *Kusini* и т. п. (LV I, 2, 183). В этих условиях более далеко идущие связи, намечаемые Дуридановым Thg.-Dak. 1969, 42, 80 (к дакийск. Nom. pr. *Κουζιας*; *Aurelia Cusaia* (CIL III, № 10276) или к дакийск. топониму *Κούζινας*, замок в Дардании (Proc. IV, 4), следует трактовать как сугубо условные. Но даже и более близкие формы не позволяют сделать вполне определенные выводы; ср. ст.-польск. Nom

pr. *Kusz*, *Kuszek*, *Kuszec* (?), *Kuszewic*, *Kus(z)owic(z)*, *Kuszka*, *Kuszko*, *Kuszkowa* / *Kuskowa*, *Kuszkowic(z)* / *Kuskowic(z)*, *Kus(z)owski*, *Kuszow*, *Kuszew*, *Kus(z)owski*, *Kuszyna*, (*Kus(s)ina*, 1442; *Cuszyzna*, 1414); *Kus*, *Kusek*, *Kusiel*, *Kusil*, *Kusienic(s)ki*, *Kusinic(s)ki*, *Kusieński*, *Kusioł*, *Kusowski* и т. п. (Słown. starop. nazw III, 210—213) — с характерной меной s : sz в одних случаях и неясностью в трактовке графем(ы), передающей сбилянт, в других случаях. Особый вариант объяснения — возможность связи с прусским словом **cussis* (графич. *tussis*) 'комар', ср. лит. *kulsis*, лтш. *kuislis* и т. п. Во всяком случае использование «комариных» имен нередкое явление в ономастике.

{*kus-}, топонимическое, см. {*kus-ij-ein-}.

{*kus-av-}, реконструируется на основании названия озера *Kusaw* (Hennenberger Von den See'en II, 14) и его совр. формы — *Kusawy* (Słown. nazw Mazur. II, 121). Это же озеро имеет и другие варианты названия, ср. *Kussen*, *Kussien*, *Kusseyn*, *Kussie* и т. п., о которых см. APON 77.

{*kus-ein- (?)}, ср. *Kuseyn*, ок. 1400 (APON 77). — Однако, поскольку эта форма выступает как вариант названия, как правило, обозначающегося как *Kusieyns*, *Kusieyn*, *Kusigeyn* и т. п., то проще в *Kuseyn* видеть графически несовершенную запись. То же, видимо, относится и к варианту *Kusseyn*, озеро (ср. *Kussie*). — См. {*kus-ik-(-ek-)}, {*kus-in-}, {*kus-it-}; {*kus-ij-}, {*kus-ij-ein-}, {*kus-jo-(-ja-)}, {*kus-en-}.

{*kus-ek- (?)}, см. {*kus-ik-(-ek-)}.

{*kus-en- (?)}, ср. **Cussene*, имя прусса (APON 78: *Kusse*). — Не вполне ясно. См. {*kus-}, {*kus-ik-(-ek-)}, {*kus-in-}, {*kus-it-}, {*kus- & *man} и др., а также {*kusn-ein-?}.

{*kus-jo-(-ja-)} ср. *Kussie*, 1320 (APON 77). — Однако другой вариант этого названия — *Kusseyn*, озеро, позже — *Kussensee*. Согласно Герулису, к лит. *Kus-upė* и/или к прусск. **cussis* 'комар', лит. *kulsis*. — Ср. Słown. nazw Mazur. II, 121. — См. {*kus-ij-}, {*kus-ij-ein-}, {*kus-ij-} и др.

{*kus-ij-}, см. {*kus-ij-ein-}.

{kus-ij-ein-}, ср. *Kusieyns*, 1271/1276 (adir *Pallawiten*); *Kusieyn*, 1386; *Kusigeyn*, ок. 1400, *Kuseyn*; *Kosien*, 1419; *Kossieen*, позже — *Koschainen*; *Kussieyn*, 1423 (APON 77). — По Герулису, к Nom. pr. *Kusse* (= **Kusie*) с суф. -ein-, ср. лит. *Kusial*, лтш. *Kusene*. — Сюда же *Cusyen*, 1332, позже — *Petersdorf*; *Kusseyn*, озеро, позже — *Kussensee* (есть вариант *Kussie*, 1320). По Герулису, к лит. *Kus-upė* и/или прусск. **cussis*, лит. *kulsis* 'комар', с суф. -ij- и -ein-. Леви IF 32, 1913, 70 указывает, что *Kusieyns* позже назывался *Kuxen* (SRP 1, 259) с характерной вставкой *k* (ср. *Reysen*, позже — *Reichsen*. Cod. dipl. Warm, 2, 342). — Тот же корень засвидетельствован в названии рыбацкой деревни в сев.-зап. части п-ва *Hela* — *Kuβfeld* (польск. *Kuznica*). По Брауэру Pruß. Siedl. 1980, 77, это патронимическое название обозначает местность, принадлежавшую

(рыбаку) *Kusse*, см. {*kus-}. В этой связи интересно и название *Kussfelderfließ*, ручей, впадающий в оз. *Druzna* (варианты -- *Kusa*, *Dumina*, под 1266 г. отмечено — *Dumine*), см. *Słown. nazw Mazur. II*, 262. Среди данных мазурской топонимии обнаруживаются и другие примеры названий с этим корнем. Ср. *Kussen*, *Kusawy* (*Kusaw* у Геннебергера: *Von den See'en II*, 14, см. {*kus-av-}), м. б., *Kussenort*, совр. *Kusy Róg* (*Kunschen Ort*, 1555, *Kuschen Ort*, 1565, *Kusznur*, 1663), см. *Słown. nazw Mazur. II*, 121, 168, 262 (ср. *Kuschekim*, *Kusa Kępa*? *Ibid.* 371). Сев.-зап.-польск. примеры типа *Kusowo*, *Kusin*, *Kusice* и под. (*Słown. nazw geogr. PZP* 154) показательны, но недостаточны с точки зрения их происхождения. Ср. также *Kusowo*, озеро (*HW* 708). — Из вост.-балт. параллелей (возможных) ср. лит. *Kusai* (дважды), *Kusiai* (*LATSŽ* 149); *Kùsupis*, *Kusupė*, м. б., *Kusenka* (*LUEV* 85; *Liet. hidr.* 134, 135, 240, 241; *LNEŽ* 175); лтш. *Kusa*, *Kuseņi* (ср. *Nom. pr. хозяина Kuseņš*), *Kusini*, *Kusiņi*, *Kussin*, 1811, *Kuseņi-pilskalns* (*LV I*, 2, 183). Верхнеднепр. *Касинка* (вар. *Косянка*), видимо, из **Косинка*, возможно, восходит к балт. **Kus-in-*/**Kus-ein-*/**Kus-en-* (ср. *ЛавП* 190: здесь же указывается, что в названии может скрываться слово, сопоставимое с прусск. **cussis*, лит. *kūsis* — тем более, что поблизости от Касинки находится река *Комаровка*); м. б., сюда же верхнеднепр. *Касна*, *Каськи*, *Косина*, *Косанка*. В этом контексте важно учесть и окск. *Касенка*, *Косенка*, *Кусино*, *Кусов*, *Куска* и т. п. (*Гидр. басс. Оки* 80, 105, 130, 160, 219, 232 и др.), хотя уверенности в их генетической связи с балт. названиями, конечно, нет. То же относится к фрак. параллелям, ср.: *Κοσσινες*, замок в Дардании (*Thr.-Dak.* 1969, 42—43, 80), также *Cusus*, река в Паннонии (см. *Krahe Spr. d. Illyr.* 1, 94; *Mayer Spr. alt. Illyr.* 1, 201; *Schwarz Ortsn. Sudet.* 1961, 28).

{*kus-in-}, ср. *Nom. pr. Cusyne; Michel Kussynn*, 1489 (*APN* 49, 50). — К корневой части см. {*kus-} и др., суф. -in-. При этом же корне (понимаемом, как видно из предыдущего, условно) выступают суф. -ein-, -ij-, -ia-/-io-, -it-, -ik-/-ek-.

{*kus-it-} ср. *Nom. pr. Cusicz*, 1357, *Niclos Kusith*, 1437 (*APN* 47). — Сюда же, конечно, *Kussithin*, 1423, позже — *Kusitten* (*APON* 77). — См. {*kus-} суф. -it-.

kuslaisin, ucka kuslaisin 'слабейший'. *Adj. Superl.* К III, 59, 9 (*Jaūs Wijrai buwinanti prei ioūsans gennans sen isspresnān bhe dāiti steismu genneniskan kāigi stesmu vcka kuslaisin dijlapagaptin swaian teisin...* 'Ir Menner wonet bey ewern Weibern mit vernunft Vnd gebet dem weiblichen als dem schwachesten werckzeug seine ehre...'). *Acc. Sg.*, род неясен. — Фрагмент фразы, в котором находится *ucka kuslaisin*, взят из Первого Послания апост. Петра III, 7. В латинск. тексте ему соответствует: *Viri similiter, cohabitent, ut scientes decet, vasi muliebri, ut in firmiori, tribuentes honorem...* (ὡς ἀσθενεστέρῳ в греч. тексте, ... как с немоцнейшим сосудом... в русском тексте).

В переводе Энхиридиона Вилента *Superl.* отсутствует: *Yus virai giwenket su moterimis yuffu protingai pridūdami czejti kaip si l p n a m indui...* (41=23). — Форма *Superl.* в данном случае образована с помощью элемента *ucka*, см., и формы *Comp* на -ais- (в принципе известен *Superl.*, построенный на сочетании *ucka* с *Posit.*, ср. *ucka isarwiskai 'aufs treulichste'*), см. *APSpr.* 248; *SPV* 73; *OP* 101; *Vgl. Gr.* 1966, 269. Элемент -ais-, встречающийся и в других случаях (*uraisin*, *maldaisins*), как целое содержит в себе некоторые неясности. Если -is-, естественно, представляет собой нулевую ступень и.-евр. суф. фикса *-ies-, то предшествующее ему -a- остается неясным, как, впрочем, и -ē- в слав. суфф. *Comp.* -ějъš или -o- в готск. суфф. -ozan (*Vgl. Gr.* 269; Эндзелин *SPV* 72 выводит -ais- из *-ois- < *-ō-is-). Согласно Вайяну *Gr. comp. II*, 2, 1958, 568, -a- в -ais- вм. -ē- (ср. -ēis-) объясняется тем, что *Superl.* строится на -ā-основах *Posit.* Оригинальна точка зрения Шмальштига *St. OP* 6.802: -ais- выводится из -a- как исхода соответствующих основ, соединенного с -is как показателем *Nom. Sg. masc.* определенных *Adj.* (ср. сходный тип в *pirmois*). Как бы то ни было, в прусск. -ais- выступает как единый показатель, который, однако, во-первых, не является единственным средством для передачи *Superl.* (существуют остатки архаичного типа, напр., *aucktimmien*), а, во-вторых, сам в ряде случаев, видимо, не передает значения превосходной или сравнительной степени. — Вост.-балт. параллели к прусск. *kuslaisin* достаточно очевидны. Ср. лит. *kūšlas*, *kušlūs*, но не столько в значении 'слепой', 'подслеповатый', ставшим основным (ср.: *Anas kūšlas in akių; LKŽ* 6, 994, 995), сколько в таких значениях, как 'слабый', 'плохой', 'неважный', 'ничтожный', 'малый' (ср.: *Kušlūs rūgiai; kušli žolė; Ir Petrienės vaikelis kūšlas; Arklys, toks kušlus būdamas, daug neraveš*); еще об одном значении, оказавшемся существенным в этимологическом плане, см. ниже. Ср. также *kušlā* 'бедный', 'малорослый', 'невзрачного вида' и т. п. (*LKŽ* 6, 994; *Šiaur. ryt. dūn. žod.* 162). Сюда же относится и лтш. *kušls* 'маленький', 'слабый', 'беспомощный', 'неумелый'; 'живой', 'вспыльчивый', 'нетерпеливый' и т. п. (*ME* 2, 328: 1. 'steif', 'ungeschickt'; 2. 'klein', 'schwächlich', 'zart'; 3. 'lebendig', 'jähzornig', 'ungeduldig'; *EH* 680: видимо, и 'с плохим зрением' [*kušlām acīm*]), ср., напр.; *lai tā sieva, kur tā sieva, kur tās kušlās dvēselītes. BW* 20870.7; *dzīve bija pārāk kušla, nevarīga; lai nenuobrīnētu kušlu bērnu, it īpaši, kamēr nekrustīts, neplāta un nerāda svešiem* и т. п. Существенно, что в латышск. есть и глагол этого же корня. Ср. лтш. *kust* (*kūstu* (*kušu*) 'таять', 'растаять', 'плавиться'; 'утомлять(ся)' (> 'ослабевать'); лтг. *kust*; ср., с одной стороны: *sniegs sāk kust; ai dieviņ, sirdis kust; kas balsnīti klausījās. BW* 443, а, с другой: *zirdziņi kūst nuost un krit uz deguna* (*ME* 2, 328; *Ērg'em. izl. vārdu.* 2, 154). Более широкий круг параллелей предполагает включение сюда не только производных от *kust* типа *kusināt*, но и *kūsāt* 'кипеть', 'бурлить', 'вздыхаться' (ср. *kūsāt* 'таять'), *kūsēt*, то же, *kūsuls* 'Spru-

del'; можно думать, что к этому же ряду относится *kāsēt* II (ME 2, 338), *kustēt* 'двигаться', 'шевелиться' и т. п. (ср. *kāšļuōtiēs* 'двигаться'). В контексте форм с кратким и долгим корневым гласным (*kus-* : *kūs-*) не приходится удивляться и лтш. *kūsls* 'усталый', 'слабый', 'вялый'. Эти латышские слова, как и некоторые другие (о них см. ниже), важны прежде всего с точки зрения расширения представлений о фонетических и семантических возможностях слов этого корня, что особенно важно в связи с поиском других параллелей в литовск. и славянск. В частности, не случайно, что из-за неучета наиболее полных и четче всего организованных латышских данных исследователи, занимавшиеся прусск. *kuslaisin*, указывали лит. *kūšlas* и лтш. *kust*, но упускали из виду лит. *kūšti* (*kūšā* : *kūšta*) 'начать двигаться', 'шевелиться', 'кишеть' (ср. *sukūšti*), *kuštēti* (*kūšta*, *-ējo*) 'двигаться'; 'колебаться', 'дрожать', 'трепетать'; 'работать', связанные с ним *kuštēti* в значении 'пустеть', 'сохнуть', 'вянуть'; 'иссыхать', 'худеть', 'уменьшаться' и т. п. (и даже третьи *kuštēti* 'шептать'), см. LKŽ 6, 996—998, *kušēti* (6, 991—992) и т. п. (сразу следует заметить, что единство смысловых связей в вост.-балт. примерах, рассматриваемых здесь, делает очень маловероятными попытки объяснить лит. *š* в этих случаях из и.-евр. **k*', сравнивая лит. *kūšti*, и под. с др.-греч. *κλάω* 'смешивать', 'взбалтывать', др.-инд. *kuśala-* и т. п., как это делает Зубатый St. Čl. I, 2, 36). На фоне этих вост.-балт. данных, позволяющих определить некую схему семантических зависимостей и переходов, оказывается возможным объяснить смысловую мотивировку изолированного прусского слова. С известным вероятием можно думать, что идея слабости—плохости (не в смысле оценки по шкале, «хорошо»—«плохо»!), связываемая с *kuslaisin*, лит. *kūšlas* и лтш. *kusls*, коренится в исходном и, следовательно, более фундаментальном представлении о таком изменении состояния, которое связано с начинающимся переходом от стабильного (внешне и внутренне неизменного), твердого (или жестко связанного в своих частях), сохраняющего свою форму, цельного к дестабилизации, размягчению (разжижению), аморфности, хаотичности, разъятости. В рамках этой схемы объясняются и такие значения, как 'таять', 'плавиться', и такие, как 'приходить в движение', 'шевелиться' (→ 'кишеть'), и, наконец, такие, как 'ухудшаться', 'умалиться', 'скудеть' в разных отношениях. Таким образом, на основании *kuslaisin* восстанавливается Adj. Posit. **kusl(a)s*, которое в свою очередь (учитывая вост.-балт. данные) дает возможность поставить вопрос о реконструкции глагола соответствующего корня, напр. **kust*. Весь круг значений этого глагола определить было бы рискованно, хотя, вероятно, не было бы ошибкой сказать, что он едва ли сильно отклонялся бы от круга значений лтш. *kust* или суммы смыслов, связываемых с лит. *kūšti*, членимым в LKŽ 6, 997—998 на три отдельных глагола. Тем не менее наличие прусск. **kusl(a)s* 'слабый' и т. п. дает во всяком случае надежные осно-

вания приписать глаголу **kust* в прусском такие значения, как 'слабеть', 'скудеть', 'уменьшаться', 'ухудшаться' и т. п., по крайней мере, на уровне контекстно обусловленных вариантов. В свете сказанного можно, видимо, более точно определить и круг слав. параллелей к *kuslaisin*. До сих пор из слав. языков к сравнению привлекались только отражения одной лексемы — ц.-сл. *късьнѣ* βραδός, χρόνος (: *късьнѣти*), болг. *късно* 'поздно' (ср. *късна*, макед. *касни* 'опаздывать'), с.-хорв. *касно*, словен. *kasán* 'нерадивый', 'медлительный', 'поздний'; русск. *ко́сный*, возможно, как церковнославянизм. Известный смысловой разрыв между этими словами и разобранными выше балтийскими легко устраняется типологически частой связью значений 'медленный' и 'слабый', которая, между прочим, отражена в истории слав. лексемы **тѣдъль*/**тѣдъльнѣ* (ср., с одной стороны, русск. *медленный*, *медлить* (→ 'опоздать'), а с другой, чеш. *mdlý* 'слабый', 'бессильный', польск. *mdły*, н.-луж. *módlý*; словен. *medəl* 'слабый', *mədléti* 'чахнуть', 'тосковать' и т. п.). Но в слав. есть и другие параллели к *kuslaisin* и вост.-балт. фактам. Иногда они довольно точны, хотя оставались до сих пор незамеченными исключительно по причине неразработанности семантической истории слов этого корня. К их числу можно отнести русск. *кислый* (ср. *кисель*), блр. *кіслы*, укр. *кислий*; ц.-сл. *кыслъ*, *кыселъ*, болг. *кисел*, макед. *кисел*, с.-хорв. *кисео*, словен. *kisel*; чеш. *kyselý*, словц. *kyslý*, в.-луж. *kisaly*, польск. *kisły* и др. Из значений этих слов существенны не столько те, которые имеют отношение к определенному месту на шкале вкуса, сколько те, которые описывают начало указанного выше процесса изменения состояния, а именно — ферментацию, брожение, разложение, связанное с переходом субстанции в другое качество (ср. плавление, таяние в аналогичных случаях в латышск. глаголе). Ср. *кислый* как 'забродивший' и далее — 'прогнивший', 'испортившийся'. Не менее характерны и переносные значения; ср. *кислый вид*, *кислое настроение*, *кислое отношение* и т. п., где *кислый*, по сути дела, обозначает начавшееся изменение от нейтрального состояния в «худшую» сторону (ср. сходную ситуацию в лит. *kūšlas* или лтш. *kusls*). Само соотношение имени и глагола (ср. ц.-сл. *кыслъ* : *кысѣти* / ср. *кыснѣти*) напоминает балт. пары типа лтш. *kūsls* : *kūsēt* (ср. *kust*) или лит. *kūšlas* : *kušēti* (ср. *kūšti*; на связь лит. *kušēti* с ц.-сл. *късьнѣти* справедливо обратил внимание Буга РФВ 71, 1914, 53; иначе — ЭСР 2, 346). Но оказывается, что и слав. **къс(ь)нѣ*, **къс(ь)нѣти* находят себе более или менее близкую аналогию в лтш. *kušņāt*, *kūšņātiēs* 'двигаться' (: *kāšļuōtiēs*, то же), *kāsnītiēs* 'двигаться', 'шевелиться', 'торопиться' (ME 2, 330, 338) — с той разницей, что в латышских словах актуализируется значение интенсификации, выявленности, а в славянских, наоборот, — значение как бы замедленного исчезновения, растворения (ср. тютчевское: *И белокрылые виденья, | На тусклом озера стекле, | В какой-то неге онеменья | Коснутся в этой полумгле . . . | И сад темнеет . . .*). Наконец, помимо балто-

слав. параллелей в употреблении корня *kus- с расширениями -l- и -n-, следует помнить и о «нулевых» вариантах (ср. лтш. *kūs-āt*: с.-хорв. *kūcami*, лтш. *kūs-ēt*: ц.-сл. *въ-кыс-ѣти*, лит. *kūš-inti*: с.-хорв. *kūcumi*), делая, разумеется, поправку на семантические сдвиги описанного выше типа. Лишь как частную деталь можно отметить такие семантически периферийные по отношению к балто-слав. *kās- совпадения, каковым, напр., является пара лит. *kūšlas* 'обросший', 'волосатый', 'косматый' (LKŽ 6, 994: 'apžalęs', 'gauguotas', ср. *Kušla kumel³*) — русск. диал. *кошлатый* 'имеющий взлохмаченные волосы, шерсть', 'косматый', 'мохнатый'; *кошлы* 'нерасчесанные, спутанные волосы' (ср.: *Расчеши кошлы*. Курск. СРНГ 15, 151), если только русск. слово из слав. *kušl-/*kusl- (впрочем, остаются неясности и соответственно варианты объяснения). В этой достаточно разращенной и детализированной системе смысловых связей, восстанавливаемой на балт. и слав. материале, прусск. *kuslaisin* получает, кажется, достаточно аргументированную мотивировку. И последнее замечание, касающееся уже сферы употребления (приложения) этого слова. В тексте апостольского послания, где выступает *ucka kuslaisin*, с этим «немогущим» сосудом сравниваются женщины, с л а б ы й пол. В др.-чеш. слово *ksenec* обозначает д е т е н ы ш а ('mládě'), т. е. маленького и тоже с л а б о г о (ср. *ребята-слабята*). Это слово, также используемое в переводе Нового Завета на ст.-чешск. (ср.: *hadově, k s e n c i n á s i l n o g o d n í k ō v* или *hadové a k s e n c i h a d o v í* в соответствии с *serpentes, g e n i m i n a* (порождения) *viperarum*. Мф. 23, 33), восходит, по всей вероятности, к слав. *kъsenьсь < *kus-en-ik- (см. *Zubatý St. Cl. I, 1, 33—36*), т. е. к форме, которая безусловно родственна прусск. *kuslaisin* (*kušl(a)s) и обозначает другой вариант «слабого» — младенцев (детенышей). При этом важно подчеркнуть, что и в ст.-чешск. слове наиболее вероятной мотивировкой этого обозначения представляется значение 'слабый', 'маленький' (ср. прусск. *kuslaisin* 'слабейший' и лит. *kūšlas*, лтш. *kusls* как 'маленький', 'малорослый'). — В целом семантическая история балт. и слав. *kās-, объясняющая, в частности, прусское слово, вскрывает специфическую ситуацию самостоятельного преобразования единого источника и обнаруживает такую цельность и самостоятельность, что выход за пределы балт. и слав. фактов едва ли может углубить набросанную картину. К тому же сам корень в виде и.-евр. *kūāt(h) = 'киснуть' и т. п., реконструированный Петерссоном IF 23, 1908, 388 (см. также WP I, 468; Pok. 1, 627—628), не вызывает особого доверия с фонетической стороны и отчасти с точки зрения отдельных и.-евр. фактов, которые он призван объяснить. Тем не менее, отдельные примеры так или иначе находят отклик в некоторых периферийных балт. и слав. фактах (ср. мотив «кислого» в лат. *cāseus* 'сыр', мотив «пенистого» в готск. *waþō* (собств. *waþon*. Dat. Sg.); мотив «кипения—кипячения» в др.-инд. *kváthati*). — К топони-мическим данным ср. {*kusl-eik-}.

— Лит.: Thes. 1873, 85; Bezzenberger³ ВВ 12, 1887, 77—79;

SEW 1, 672; Buga Aist Stud. 1908, 96; APSpr. 368, 453; BWS 147; Lewy IF 32, 1913, 164—165 = Kleine Schriften 1961, 317; SPV 200; ЭСР 2, 346; LEW 321; Vaillant Gr. comp. II, 564, 568, 571; Pok. 627—628; Schmalsteig Baltist. 8, 1972, 7; OP 100—101; St. OP. 6. 802. — [*uka] & *kuslaisin].

{*kušl-eik-} ср. Nom. pr. *Cusleyke*; *Niclus Kusleyke*, ср. *Kosleike*, 1486 (APN 50). — Ср. лит. Nom. pr. *Kušléika*, *Kušleikà*, (*Kušleikà?*), а также *Kūšlikas*, *Kušlėvičius*, *Kušlỹs*, ст.-лит. *Kušlewiczka*. Gen. Sg.; *Kuslelis* (Liet. antrop. 162); куршск. *Swirte*, *frater Cusle*, 1355—1362 (KF 298—299: лтш. *kuslis* 'der Zarte, Knirps'; ср. прусск. *Cusleyke*). Из топонимов ср. лит. *Kušleikiai* (четырежды, из них 3 раза в Келмск. р-не и однажды в Шяуляйск. р-не), *Kušleikiskis* (Кедайн. р-н), *Kušlėnai* (Мажейк. р-н), *Kušliai* (Аникшт. и Утенск. р-ны), *Kušlikiai* (Шакаяск. р-н), *Kušliškiai* (Мариямп. р-н), *Kušlaĩbalis* (Шяуляйск. р-н). LATSŽ 149, с довольно характерным географическим распределением, несколько нарушаемым двумя случаями из Вост. Литвы. Характерна шалавск. принадлежность носителя имени *Niclus Kusleyke*. Топонимический ареал этого элемента в Литве дополняется гидронимическим, ср. *Kūšliākupis*, *Kušlupỹs*, *Kušlā* (ср. *Kušleikỹnė*, *Kušleikĩnė*, пашня и нива). LUEV 85; LHEŽ 175 (Тельш., Таураг., Расяйн., Кедайн. р-ны). Ванагас готов связать *Kušlā* с лит. *kūšlas* («Galbūt»); для *Kūšliākupis* допускается источник в виде **Kūšleik-upis* и делается отсылка к Nom. pr. *Kušléika* и (если только это верно) *Kūšleikā*. Характерно отсутствие подобных образований на территории Латвии (если только не *Kūslājs*, *Kūslājā* [LV I, 2, 190: ср. лит. *Kušlabala?*]). Зато они известны в Белоруссии. Ср. *Кушлики*, село и река в Полоцк. р-не (басс. Зап. Двины), *Кушли* (Кратк. топон. слов. Белор. 193; Слоўн. назв. Брэсц. 73).

{*kus- & *man-} ср. Nom. pr. *Kuseman*, 1306 (PU 2, 542); *Kusman*, шалав. (APN 49, 142; Festg. Streitberg 1924, 358). — Двучленное имя: к первому члену ср. *Kusse*, *Kuseke*, *Cusyne*, *Cusicz* и т. п., к второму ср. *Manemer*, *Manewyth*, *Manigaude*, *Mantawte*, *Manauste*; *Alle-manne*, *Ey-man*, *Ger-man*, *Per-mane* и др.; Ср. также в самостоятельном употреблении *Mane*, *Manie*, *Manix*, *Maneyte*, *Manata* и т. п. (Leskien IF 34, 1914—1915, 319; APN 143—144).

{*kusn-ein(?)}, ср. *Cussneyn*, место, 1326 (SU 163); *Kosnayn*, лес, 1327 (SU 167); *Kusnayn*, лес, 1391, позже — *Cosnehen* (APON 78). — Все-таки скорее всего — {*kus-en-ein-}. Ср. пары из производящего Nom. pr. и производного: *Drowe*—*Drowene*, *Tunge*—*Tungene*, откуда и *Kusse*—**Kussene*. В качестве суф. Герулис предполагает -ein- или -ain-. См. {*kus-}, {*kus-en-}, {*kus-ij-ein-} и т. п.

*cussis комар. Э 783 (Mucke), в ряду названий насекомых — Э 781: *Gramboale* 'Webil', Э 782: *muso* 'Flige', Э 784: *Pistwis* 'Hütflige' и др. Nom. Sg. — В самом тексте — *Tuffis*. Еще Нессельман Thes. 1873, 85 высказал предположение о возможном чтении *cussis*(?). Начиная с Траутмана APSpr. 452, конъектура **cussis* стала общепринятой. — Ближайшие и практически единственные параллели в вост.-

балт., хотя ряд деталей остается неясным. В связи с *cussis обычно приводят лит. *kuisis, kuisys* 'комар' (ср. *K u i s i s* — *mažasis uodas, arba varmas; Varmas mažesnis už kuisi; Varmai — didieji, uodai — padidoki. kuisiai — maželiučiai; Kuisiai labai įkyrūs, atranda ir menką vietelę įgelti. LKŽ 6, 783*), но и *kuislys* (6, 784) и — что особенно существенно — *kūsulās* и *kusulyš* 'комар' (ср. *K u s u l ā i* prieš lietu ties saule laksto; *K u s u l ū s* į akį įlėkė, ir negaliu iškraptyti. 6, 991). Две эти формы, особенно последняя, до сих пор не учитываемая, дают известные основания для реконструкции **kus-ys* (: *kus-ul-ys*) наряду с **kūs-as* (: *kūs-ul-as*, ср. *kūisas — kūisė. 6, 783*). Ср. также *Šiaur. ryt. dūn. žod. 157*. В латышск. отмечены *kuislis* 'kleine Hundsmücke', 'Staubmücke' (ME 2, 301) и *knūsis* 'комар' (2, 250); как куршск. или куршско-лтш. и даже жемайтск. (Klaip. — Priekulė) Буга LKŽod CXXI—CXXII-RR III, 228 приводит такие формы, как *knūsis, kniūsis; knusis* (BW 29284, 4 Вар.; 317954), *knaūsis* (BW 29284, 4; 30498, 3, 4; 34747); ср. лит. *knūsis* 'комар' (Даукант., Юшк., Буга и др. LKŽ 6, 278) и т. п., причем между **kus-* и **kuis-* предполагается и стадия **ku's-(is)*. Формы типа лит. *kūsis*, лтш. *kuislis* связываются Бугой (указ. соч., РФВ 66, 1911, 223; ср. также Machek Studie 1930, 22; LEW 279) с глаголом лит. *kuisyties* 'скрестись (когда зудит, свербит)', 'царапаться', 'чесаться', ср. *kūisytis* (LKŽ 6, 783). В свою очередь этот глагол сопоставляется Бугой с др.-инд. глаголом *kuṣāti, kuṣṇāti* 'щипать', 'дергать', который с этимологической точки зрения остается неясным (KEWA 1, 245). Другой вариант объяснения прусск. **cussis*, лит. *kūsis* предложен Френкелем (LEW 279) — из **kut-sis*, к первому элементу ср. лит. *kutėnti* 'щекотать', 'раздражать' или лтш. *kutēt, kutelēt* (параллели из других и.-евр. языков — ср. др.-англ. *citelian*, др.-в.-нем. *kizzilōn*, др.-исл. *kittla* и т. п. — см. LEW 322), используемые для обозначения другого кусающего насекомого — вши (на скотине), ср. лтш. *kutulis; skutul(i)s, skutele* (: лтш. *skust*, лит. *skūsti* 'скрестить', 'царапать'). Вост.-балт. формы с *-ui-* в корне объясняются как принадлежащие к особому экспрессивному слою лексики, в который входят, в частности, и названия ряда животных (ср. лит. *kūsis, kūinas* 'кляча', 'одер', *kūika* 'кляча', *kūilys* 'хряк', *kūiga* 'бекас', *kūinas* 'комоль', лтш. *kūils* 'вальдшнеп' и т. п.). В этих условиях вставное *i* оказывается этимологически пустым, а прусская форма **cussis* точнее отражает исходный вокализм корня. Более сложно обстоит дело с вост.-балт. обозначениями комара с начальной группой *kn-*. Иногда формы типа лтш. *knūsis* (при лит. *kūsis*) объясняют как результат инфигирования (LEW 279), подобно тому как соотносимый с такими формами глагол лит. *knūsti* 'рыть' (ср. лит. *knūsti* 'пускать ростки', лтш. *knist*; лит. *knietėti* 'скрестить', 'царапать', 'щекотать', лтш. *knīest, kniētēt, knaisīt, knidēt* и т. п.) Шульце KZ 56, 1928, 124- Kl. Schr. 1933, 473 рассматривает как инфигированную форму (*n + Voc*) от *kāsti* 'рыть'. Эти глагольные *kn-* формы в свою очередь сопо-

ставляют с др.-греч. *-χναίειν* в *ἀποχναίειν* 'расцарапывать', 'терзать', 'мучить'; 'растирать до крови', *διαχναίειν* 'стирать до основания', 'разбивать', 'мучить', 'изводить', *χνῖν(χνῶν)* 'скрестить', 'царапать', 'чесать'; 'щекотать', *χνίζειν*, то же (ср. *χνίδη* 'крапива'), лат. *nīdor* 'дым', 'чад', 'гарь' (ср. др.-греч. *χνίστη*); др.-исл. *hníta* 'stossen' (др.-англ. *hnitan*, др.-сакс. *hnitan*), *hnit, hneita* 'ударять', 'ранить', 'мучить' (др.-в.-нем. *hneizen*), *hneisa*; др.-ирл. *cned* 'рана' (из **knidā*); возможно, фрак. **knisa* 'вырытое, изрытое место' (Thg.-Dak. 1969, 40—41, 88). Эти примеры дают представление о семантической мотивировке соответствующих существительных, в частности, обозначающих комара в балт. языках. Вместе с тем эти данные соотносятся с кругом значений и употреблений родственных балт. глаголов, существенных для понимания внутренней формы обозначений комара и подобных ему насекомых (в ряде случаев характерна и фонетическая сближенность названия насекомого и однокоренного глагола; ср. лтш. *knisis, knislis* (при *knist, kniest, kniētēt* и т. п.): *uodi, kniši, dunduriši! neēdiet guovu ganu! BW 29284*). Ср., напр., *Blusos, utys knit (kand)* (LKŽ 6, 259), откуда — **kuisiai (knūisiai) & knit*, что близко к *figura etymologica* и особенно **knysys (knisas)* 'свиное рыло' & **knisti (knisinēti, knisinti* и т. п.), т. е. **knis- & knis-*. Ср. другие характерные контексты: *Kniēčia kosulys, lyg adata bado, lyg niežti* (6, 238); *Kiaulės knisa pievą; Kiaulė, dieną nekņisusi, knis naktį* (6, 255); *Kiaulė knisinėjo žemę; Įversim po pietų į knysį grandį, tada kiaulė nebekņis pievos* (6, 253) и др. Если учесть, что с названием свиньи (*kiaulė*) и названием ее рыла (*knisas, knysys*) связан предикат *knisti* и под., то особенно интересны сходные обозначения свиньи в загадке — *knūsas* (также и 'kas kniūsuoja; gaišuolis, apsileidėlis, krapstukas'. 6, 269), *knūstas, kniūstė* (6, 270), которые могут соотноситься и с однокоренным глаголом, напр., **knūsas & kniūsinėja* и т. п. С целью дальнейшего расширения этимологического контекста балт. названий комара следует обратить внимание на дублиеты типа *knūsinēti — gniūsinēti, kniūsyti — gniūsyti*, о кропотливой работе ('копаться' и т. п.), *knūsti — gniūsti* и многие другие пары этого типа (ср. LKŽ 3, 459 сл. и LKŽ 6, 269 сл.). Из них очевидна связь вариантов с глухим и с звонким анлаутом (а сама мена начальных согласных снова отсылает к характерным признакам экспрессивного слоя лексики). Еще важнее, что слова с звонким анлаутом позволяют подключить к балт. названиям комара с начальным *kn-* слав. названия комара и других насекомых (и не только их) этого типа с начальным *gn-*, которые сами по себе, без сопоставления с балт. данными, остаются немотивированными семантически. Характерно, что и слав. примеры демонстрируют использование признака твердость—мягкость (отчасти и оральность—назальность) в словах этого круга. Ср. русск. *гнуc* 'жалящие насекомые (мошкара, комары, оводы и пр.)' и т. д., *гнуca* 'мелкие жалящие насекомые (комары, мошки, оводы, мухи)', ср. СРНГ 6, 248—249; блр. *гнуc* и *гнуc*; болг. *гнуc*, с.-хорв. *гнѹс, гнѹс*, словен. *gnūs*; чеш. *hňus, hňis*.

польск. *gnus* и т. п. (ср. ст.-сл. гноусънз, но гнжснз с вторичной назализацией). Эти примеры в свою очередь отсылают к и.-евр. фону. Ср. др.-исл. *gnúa*, 'тереть', *gnýja* 'шуметь', др.-греч. χυάω 'скрести' (χυός 'оскребок') и т. п., восходящие к и.-евр. **ghneu-*, дублетному образованию к **kneu-*. Наиболее существенным в анализе разных отражений обозначения комара указанных здесь звуковых типов следует считать: наличие этих обозначений только в балт. и слав. (причем мотивирующие их глаголы известны и в других и.-евр. языках), особую близость вост.-балт. (а из них литовск.) примеров и прусск. **cussis*, экспрессивный характер названий, отразившийся в исключительной прихотливости звуковых вариантов соответствующих слов, и, наконец, установление некоего континуума звуковых вариантов, организованного по двум цепям: 1. *kus-* → *kuis-* → *knuis-* → *kn'uis-* (и даже → *knis-*, ср. лит. *knisas* 'свиное рыло', *knìsé*, *knysjys*, *knisius*, *knyslė* и т. п. 6, 252—254), 2. *kus-* → *knus-*, *gnus-* → *kn'us-*, *gn'us-*, причем в обоих случаях в центре иррадиации этих вариантов (и, возможно, в их истоке в историческом плане) стоит прусск. **cussis*, выступающее как нейтральное, экспрессивно (соответственно — фонетически) не отмеченное слово, видимо, лишенное мотивирующего его глагола (он неизвестен в прусских текстах, и его нет в вост.-балт. или слав.), что находится в резком контрасте с другими («отмеченными») обозначениями того же насекомого. Если **cussis* хорошо объясняет эволюцию вост.-балт. и слав. вариантов, то само это слово пока еще выглядит не достаточно надежно включенным в сеть более старых и.-евр. фактов, которые могли бы объяснить его.

— Лит.: Thes. 1873, 193; Geitler Lit. Stud. 1875, 93; APSpr. 452; Буга РФВ 66, 1911, 223—224 = RR I 297; LKŽod. CXXI—CXXII = RR III, 228; SPV 200; LEW 279. — [**kusis*; **ku'sis*?].

{**kust-ein-*}, ср. *Kust-eyn*, 1340; *Kuſtin*, 1340 (APON 78). — Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Kùstos* (LATSŽ 149); лтш. *Kustuſi*, *Kustes-muiža*, *Kust-muiža*, *Kust-ciems*, *Kust-vig* (leja); *Kustenes-purvs* (LV I, 2, 183; эст. *Kustja-Haibu?*). Вероятно, сюда же нужно отнести и лит. *Kustà*, ст.-лит. *Kuſta* (Liet. antrop. 162: *Kušta?*) связываемые с лит. *kustėti* 'дрожать', 'трепетать', 'двигаться' и т. д. Блр. *Кўсцiн* (*Кустин*), *Кустынь* и т. п. (Кратк. топон. слов. Белор. 192 и др.) скорее относятся к довольно обширному кругу названий, произведенных от блр. *куст*; ср. особо ст.-польск. Nom. pr. с элементом *Kust-* (Słown. starop. nazw III, 2, 210—211).

{**kust-in-*}, см. {**kust-ein-*}.

{**kus-& *vir-(?)*}, ср. *Kusowiroy*, 1354 (APON 77). — По Герулису, двучленное название, в первом члене которого находится элемент *kus-* (ср. Nom. pr. *Kusse* и др.), а во втором — прусск. *wijrs* 'муж(чина)'. При этом толковании слова возникает ряд неясностей. Основная из них — конечное *-ou*. Другая неясность — общее значение названия. Сложность и в конечном положении *-wir-* (кажется, единственный случай в прусском). Возникает соблазн поиска других решений. Не исключено, что само название прусско-слав. гибрид или просто слав.

визм. Во всяком случае, может быть, стоит вернуться как к исходной форме к *Kusowirog pratum* (Mon. hist. Warm. II; см. Thes. 1873, 85). Это название дуга могло бы быть сопоставлено как с названиями подобного типа в сев.-зап. Польше (ср. *Kusowskie Bagna* при *Kusowo*. Słown. nazw. geogr. PZP 154), так и с мазурск. *Kusy Róg* (он же — *Kussenort*, ср. *Kuschen Ortt*, 1565, *Kunschen Ort*, 1555 и т. п., см. Słown. nazw. Mazur. II, 168). Разумеется, гипотетично.

{**ku'-el-(?)*}, восстанавливается на основании *Kutel*, озеро, в низовьях Вислы (HW 754), при учете вост.-балт. форм типа лит. *Kū-tėliai*, *Kutāliai* (LATSŽ 149). Элемент *kut-* выступает и в сочетании с другими суф.

{**kut-er(-in-)*}, ср. *Kuterin*, лес 1289 (APON 78). — Герулис указывает, что это прочтение ненадежно (ср. прусск. *Quarka*, 1289; *Quartka*, 1289 — название, которое в большинстве рукописей «склеено» с названием леса *Kuterin* и последующими его трансформациями, ср. *Kautramporus*, *Quentenquarcz*, *Quentenquartz*. PU 2, 338). Он же сопоставляет его с лит. *Kūturis(?)*. Учитывая, что *-er-* является суф., ср. также лит. *Kūtas*, *Kutjys*, *Kutāitis*, *Kūtinās*, *Kutjūšius*, *Kūtelis*, *Kutūlis*, *Kutāvičius*, *Kutāuskas*; ст.-лит. *Kuczikowicz*, совр. лит. *Kūčas*, *-jys* и т. п. (скорее всего из **Kut-šas*). Liet. antrop. 159 (к лит. *kūsti*; 3. Praet. *kūto* 'крепнуть', 'расти' и т. п.). Возможно, сюда же ст.-лтш. Nom. pr. *Wilhel-n Kutthe*, 1539, *Bete Kwtsch*, 1513 (LPV 200). Из топонимических фактов ср. лит. *Kutai*, *Kutāičiai*, *Kutāliai*, *Kutėliai*, *Kūtiskės*, *Kūtīškiai*, *Kutīškiai* и, конечно, трижды отмеченное *Kuturiai* (LATSŽ 149, ср. также *Kutrónys(?)*), причем каждый раз с очень характерной локализацией — в нижнем течении Немана (Шилуте, Таураге, Юрбаркас). Эти последние примеры, видимо, можно пополнить лит. *Kūtrupis* (в р-не Скаудвиле) < **Kuturupis* (Ванагас LHEŽ 176 предпочитает выводить название реки из Nom. pr. *Kutra*), а также менее выразительными примерами — *Kutenà*, *Kūtewis*, *Kutānt-upis* и др. (LUEV 85; Liet. hidr. 131, 213, 241; LHEŽ 176; названия *Kutalānka*, *Kutailēnka*, *Kutōs-upis* Ванагас из этого ряда исключает, хотя в целом и остальные названия представляются ему неясными по происхождению). Из латышск. примеров заслуживают внимания *Kutra*, а также *Kuti*, *Kutkašs*, *Kut-likums* рl., *Kutmedis*, *Kut-nežu-māja*, *Kutmedes-mežs*, *Kutmedes-plate*; *Kutēns* уре, *Kutēni*, *Kutnieki*, *Kutniki*, *Kutumi* (LV I, 2, 184). В бассейне Нарва характерно название *Kuterka*, озеро (HW 461), идеально точно соответствующее основе прусск. *Kuterin*; не менее важен гидронимический контекст: в самом непосредственном соседстве расположены озеро *Kuterka* (оно же *Głębokie*, *Duży Głęboczek*, *Wielki Głęboczek*, *Grosser Glembocka See*, *Grosser Glemboki See*, *Grosse Kutte See*) и озеро *Zapole* с показательными вариантами названия, соотносенными с вариантами Кутерки (*Głęboczek*, *Mały Głęboczek*, *Kleiner Glembocka See*, *Kleiner Glemboki See*, *Kleine Kutte See*); см. Stud. ling. 1966, 295—296. Вполне возможна связь подобных названий *Kut-er-!*/*Kut-ur-*

с лит. *kučius* 'быстрый', 'резкий' и т. п., *kūtrinti*, *kučrėnti* и т. п. (см. LKŽ 6, 1009—1011). Целая группа названий рек *Kymra*, *Kymринская* и т. п. (Гидр. басс. Оки 270) в нижнем течении Оки остается неясной. Как бы то ни было, прусск. **ku-er-* обретает целый ряд довольно достоверных связей, что, между прочим, дает известные основания для предположения о наличии соответствующих апеллятивов (напр., Adj. и Vb.).

{**ku-* & **vaik-*}, ср. Nom. pr. *Kuwayke* (APN 50, 141, 154). — Сложное двучленное имя. В первом члене — местоименная основа, см. {**ka-*}, {**ko-*}, отраженная напр., в *Kvdrawe*, 1292 и встречающаяся исключительно в начале слова. Во втором члене корень **vaik-*, отмеченный в независимом апеллятивном употреблении (см. *waiχ* и др.), в простых Nom pr. типа *Wayke*, *Wayko*, *Waykalle*, *Waikel* (*Waykelyn*), *Waykicke*, *Waykil*, *Waikinne*, *Waykitte*, *Waykusche*, *Waykutte*, *Woykūne*. Единственный раз, когда *vaik-* входит в состав сложного слова, отмечен именно в *Kuwayke*. Буквальный смысл этого имени (приблизительно — 'Что-за-мальчик!'), видимо, должен быть несколько модифицирован введением оттенка качества. Во всяком случае в пользу этого мнения говорят и.-евр. ономастические параллели, о которых см. Milewski *Ieur. imiona*, 1969, 103. Конкретно о {**ku-* & **vaik-*} см. Milewski BPTJ 16, 1957, 43; Респонд ВЯ 1965, № 3, 14, 15.

kuwijds, см. *kawīds*.

cwaxtan реконструкция, предложенная Шмальштигом St. OP 10.110: *Lith. Stud.* III, 1973, 153—154. См. *twaxtan*.

*quai*¹ см. *kas* (Пр. яз. III, 243—258).

quāitan, см. *quāits*.

quāitin, см. *quāits*.

quāitings, см. *nī quāitings*.

quaits, см. *quāits*.

quāits 'воля'. K III, 35, 23, 25, 32, 35 (Twaīs Quāits Audāsin kāgi Endangon tijt dēigi noseimien... Deiwās labbings etnīwings quāits audāst sien labbai schlāit noūsen madlan... kāigi stwi ast stēisi pickullas stessei Switas bhe noūson kermeneniskan quāits schlāit schpartina bhe polāiku mans drūktai en swaiāsmu wirdan bhe Druwien er prei noūson wangan sta ast swais Etneiwings labs quāits. 'Dein Wille geschehe... Gottes guter gnediger Wille geschicht wol ohn vnser Gebet... Als da ist des Teuffels der Welt vnd vnser fleisch es wille... das ist sein gnediger guter wille'); 65, 22 (Tu turri sen Gulsennien malnijkans gemton bhe twais quāits turri twaiāsmu wijran pomests baūton... '...vnd dein Will soll deinem Manne vnterworffen sein...'); — *quaits*. K I, 7, 5 (twais quaits audasseisin na

¹ Слова, начинающиеся с *qu-*, включены в качестве заключительной части в раздел *K-* в силу того, что обычное фонетическое значение *qu-*=[*kv*]. Кроме того, такое расположение слов на *qu-* соответствует определенному лексикографическому узусу.

semmei key audangon 'Denn wille geschce...'); K II, 13, 4 (= K I, 7, 5; K III, 35, 23). Nom. Sg. masc.; — *quāitan*. K III, 35, 29 (Kadden Deiwās wissan prātin bhe quāitan lemlai... 'Wenn GOTT allen bösen Rath vnd willen bricht...'); — *quāitin*. K III, 61, 1, 2, (...schlāits kaigj stai waikui Christi kai ious stawīdan quāitin Deiwās seggitei esse sīran sen labban quāitin '...sondern als die knechte Christi das jr solchen willen Gottes thut von hertzen mit gutem willen'). Acc. Sg. — Ср. в переводе Вилента: *Buk walia tawa...* (22=12) и др. или у Мажвидаса *Buki tawa walia...* (Catech.); в латышск. *Katex.* 1585 г.: *touws praetcz notek...*, в *Katex* 1586 г.: *tows praetcz noteke...* В «Отче наш» С. Грунау, подозреваемом иногда в связи с прусским языковым слоем, в данном случае латтицизм: *towes prahtes gir...* (Hermann NAWG Phil.-hist. Kl. 1948, N 1, 26, 27 (здесь же ранние образцы старонемецких переводов этого места, начиная с Вейссенбургского Катехизиса, ок. 789 г.) — В пределах прусского *quāits* связан с глаголами *quoitē* и *quoi*, см. также *nī quāitings*, *labbaiquōitisan*, *poquoitisan*, *quoitisan*. Соотношение *quāits* при *quoitē* (*quoi*) в том, что касается качества корневого гласного Станг Vgl. Gr. 1966, 29, 313 объясняет разницей в ударности (*a*) и безударности (*o* после губных; *quoi* считается сокращенной формой от *quoitē* или от более старой формы **quoit*i**); это же соотношение в прусск. глаголе с значением 'мочь': *massi*, *massimai*, но *musilai* (от старого объяснения Slav. u. balt. Vb. 1942, 230 Станг позже отказался). Обращает на себя внимание наличие единого согласного в исходе основы как у имени, так и у глагола. О *quāits* с акцентологической точки зрения см. Milewski *Acta V.-sl.* 3, 1966, 122. — В этимологическом отношении *quāits*, уже начиная с Траутмана, считалось «благополучным» словом и сопоставлялось внутри балт. языков с лит. *kviēsti* (*kviēčia*, *kviētē*) 'приглашать', 'звать', 'созывать', 'просить', а среди более широкого и.-евр. круга с др.-инд. *kēla-* 'воля', 'желание', 'приглашение', *ketayati* 'приглашать', 'звать', др.-греч. *κοίται* · *χρηαίτων* ἐπιθούρια (Гесих.), лат. *invito* 'приглашать', *invitus* (в частности, 'выступающий против воли'). Добавлялись и некоторые другие частные параллели, напр., др.-греч. *κίτταν* γλίχεσθαι, ἐπὶ τῶν χρηαίτων (Гесих.), *κίττα*, аттич. *κίττα* (< **κίττα*) 'извращенный аппетит во время беременности' (Solmsen KZ 33, 1899, 294; LEW 326 и др.), которые так или иначе возводились к и.-евр. **kūoi-*, **kūi-* 'хотеть', 'приглашать' (Рок. 1, 632) или даже к сконструированному ad hoc корню **koi-* (ср. WP I, 475—476; KEWAi 1, 265). Более аккуратное рассмотрение этих параллелей привело к отказу от сопоставления с лат. *invitus*, *invito* (Johansson IF 25, 1909, 233; Persson Beitr. idg. Wortf. 1912, 126 сл., 520 сл.; Lewy ZfslPh 9, 1932, 406 и др.), которое нашло себе место как образование на *-to-* от и.-евр. **uei-*, **uī-* (Рок. 1, 1123—1124; LEW 326; Lat. etym. Wb. 1, 714 и др.). Строго говоря, нет достаточных оснований для того, чтобы рассматривать в одном ряду с прусск. *quāits* и др.-инд. *kēla-*, *ketayati*, для которых не может быть рекон-

струирована группа *kv-* в анлауте (притом, что в др.-инд. на нее не наложен запрет). И даже о др.-греч. примерах можно сказать, что их выведение из и.-евр. **kwoi-/kwi-*, хотя и допустимо, но не обязательно и, главное, лишено нужной степени доказательности (см. Fraenkel TŽ 3, 1925, 485; Herwan KZ 41, 1907, 52; предполагаемый же Чопом KZ 85, 1971, 24—25 переход и.-евр. **k + *u >* др.-греч. χ [как и **g (*g') + *u >* др.-греч. γ] остается гадательным). Поэтому, по непредвзятому мнению, др.-греч. слова могли бы рассматриваться как не проявленный до конца резерв для сопоставления, оценка которого может существенно измениться в зависимости от каких-то более кардинальных фактов. На этой стадии, после того как данные других групп и.-евр. языков оказались поставленными под сомнение, прусск. *quāits* (как и лит. *kviēsti*) лишилось надежных связей и стало выглядеть изолированным. Отражением неудовлетворенности прежними этимологическими объяснениями *quāits* и попыткой найти решение на иных путях явилось оригинальное предложение Шмальштига Baltist. 5, 1969, 164—166, ср. также BL 1970, 136; OP 174—175; St. OP 10.088. Согласно этому предложению, *quāits* и соответственно *quoitē* и под. не связаны не только с др.-инд. *keta-*, лат. *invito*, но и с лит. *kviēsti*. Предлагается исходить из допущения, что немецкие писцы неправильно интерпретировали эффект лабиализации в прусском и что, следовательно, фонемная запись прусских слов соответственно должна выглядеть как $[_*k\acute{a}it(a)s]$ и $[_*k\acute{a}it\acute{e}t]$. Хотя Шмальстиг отказывается от точной интерпретации местоимений *quai* и *quoi*, он считает неверным находить в Pgon relat. в языках сатем начальное **kv-* или **k^h-*, полагая, что и здесь речь идет о начальном **ka-*. При этих посылках прусск. **k\acute{a}it(a)s*, **k\acute{a}it\acute{e}t*, находят себе точное соответствие в лит. *k\acute{a}it\acute{e}ti* 'недоставать', 'нехватать' (также 'заботить'); к семантическому развитию от недостачи к желанию ср. англ. *want* в обоих этих значениях. Лтш. *kait\acute{e}t* 'вредить', естественно, должно быть отнесено сюда же (ср. *kas tev kaiš (kait)?* 'что с тобой?; *kas tam nekaiš (nekait)* 'ему жаловаться не приходится; чего ему нехватает!'). Тем не менее, это направление поиска отличается некоторой экстенсивностью и переносит центр тяжести на сложную и не до конца выявленную историю балт. *kait-* со сложной семантической структурой (кстати, в пределах этой основы известны и дублиеты *k-*: *kv-*; ср., напр., *kaitul\acute{y}s* и *kvaitul\acute{y}s* 'вертячка', овечья болезнь, и т. п.). Вместе с тем сам отказ от трактовки анлаута в *quāits*, *quoitē* и т. п. как *kv-*, т. е. от более или менее обычного способа графической передачи сочетания *kv-* (см. РКР I, 51; II, 293 и др.), и, следовательно, от единственного надежного (или — осторожнее — представляющегося наиболее надежным) соответствия в виде лит. *kviēsti (kviēt-)*, вызывает серьезные сомнения в своей правомерности. Поэтому, помня о предложении Шмальштига и не вынося по его поводу более определенного суждения, все-таки целесообразно попытаться продолжить поиск в традиционном направлении, т. е. исходя из анлаута *kv-*. При этом, как

и в целом ряде других сложных случаев, сами сложности (в том числе и те из них, которые коренятся в недостатке или даже отсутствии ожидаемых фактов) могут быть понятны как некое указание негативного характера на скрывающиеся за ними факты. Исходным пунктом дальнейших рассуждений и предположений является тезис о генетической связи *quāits*, *quoitē* с лит. *kviēsti (kviēt-)*; лтш. же *kviest* 'einladen' (Nidden), *iekviest*, то же (ср.: *iekvieš uz kāzām*, о приглашении на свадьбу, в той же местности), см. ME 2, 34, 356; EH 525 (ср. дополнение: In Wandsen bedeute *kviest(?) labību* — *worfeld die leichteren Körner von den schwereren sondern*. 2, 356), во-первых, имеет узколокальное распространение, а, во-вторых, обычно трактуется как возможный литуанизм. Между прусск. и литовск. словами, образующими соответствие, есть определенная семантическая разница: 'воля' ('Wille'), 'хотеть' ('will') в прусск. при 'приглашать', 'созывать', 'просить' в литовск. Считать это расхождение в значении серьезным препятствием едва ли стоит, и здесь можно сослаться — но уже только в плане семантической типологии — на упоминавшееся выше др.-инд. *kēta-*, которое сочетает в себе такие смыслы, как 'воля', 'желание' и 'приглашение', или даже лат. *invito* 'приглашать', 'вызывать', 'призывать' и т. п. при *invitus* 'нежелающий', 'выступающий против воли' (так сказать, 'противо-вольный') и др., не говоря уж о более общих закономерностях обозначения воли в разных языках. Однако было бы недостаточным ограничиться только констатацией возможностей заполнения семантической лакуны между *quāits* и *kviēsti*. Нельзя не обратить внимание на известные трудности, которые возникали у ранних переводчиков соответствующих новозаветных фрагментов на балт. языки. Удачнее всего был решен вопрос в литовских переводах, где использовалось слово *valià* (обычно трактуемое как славизм; иначе — LEW 1190). Но в латышских текстах был выбран «волевой» вариант перевода — *prāts*, собств. — 'ум', 'разум', 'рассудок' (при наличии в латышск. слова *vaļa*), моделирующей ситуацию лишь в общем (ср. *lai notiek tavš prāts!* 'да будет воля твоя!') и не вполне соответствующий семантическому нерву нем. *Wille* (: *wollen*, *will*) или лат. *voluntas* (ср.: *fiat voluntas tua*. Мф. 6, 10 и др.). Прусское решение (*quāits*) было с переводческой точки зрения (прежде всего в том аспекте синтеза исходного текста на другом языке, который ориентируется на однозначное соответствие между переводимым и переводящим словом) очень удачным, поскольку закономерность охватила два звена: *quāits* — *Wille*, *quoi(tē)* — *will*, но с точки зрения семантической точности идеально отвечающее нем. *Wille* прусское слово *quāits* само по себе скорее обозначало 'желание' (→ 'желание—воление'), чем собственно волю. Поэтому более точно слову *quāits* следовало бы приписать значение 'желание'. Принимая, что *quāits* по значению соответствует лит. *valià*, Мажюлис РКР II, 323 отмечает и небезразличные для значения *quāits* другие случаи; ср. *quoitisnan* в значении страстного желания ('geidulys'), II, 269; *quāitings* как удов-

летворенный ('patenkintas'), II, 301, и особенно II, 293, где показано, что соответствующий прусск. глагол обозначает прежде всего 'хотеть', 'страстно желать'. В силу всего этого и при этимологических разысканиях, связанных с *quāits*, следует помнить о некоторой оттесненности значения 'воля' (как проявления воления) и, наоборот, подчеркнутости значения 'желание' (не просто как некоего самодостаточного состояния душевно-ментальной природы, но как своего рода императива, обращенного вовне и приглашающего, зовущего к осуществлению его). Морфонологические данные, кажется, указывают на то, что *quāits* было исходным образованием для Vb. depom. *quoitē*, но само оно не было первичным и в свою очередь имело источником глагол типа **kveit-* (= **queit-*). Очень возможно, что именно это **kveit-* и отражено в лит. *kviēsti*, которое в таком случае относится к прусск. *quāits* (и *quoitē*), как лит. *lėisti* — к *laidas* (*laidà*) (и *laidinti*, *laidoti*, *laidyti* и т. п.). Обращает на себя внимание, что прусск. и литовск. слова (соотв. **kvaīt-*: **kveit-*) находятся как бы в дополнительном распределении при том, что подобных пар, связанных отношением аблаута, в связи с этим корнем нет ни в прусск., ни (что более удивительно) в вост.-балт. Сама эта изолированность форм усложняет ситуацию, но одновременно и сигнализирует о возможности некоего нетривиального объяснения (тем более что слишком очевидно противоречие между актуальностью глагола с значением 'хотеть' и его морфонологической изолированностью). Характерно, что в таких случаях очень часто ближайшая помощь исходит со стороны слав. языков, но в связи с прусск. *quāits* (*quoitē*), как и в связи с лит. *kviēsti* (*kviēt-*), славянские формы никогда и никем не приводятся. Эта странность (или — осторожнее — такой нечастый пример) могла бы быть объяснена тем, что, если бы в слав. было соответствующее слово, оно бы в точности совпало с слав. **kvěť* 'цвет(ок)' < **kvoitos* (ср. чеш. *květ*, словц. *kvet*, в.-луж., н.-луж., *kwět*, польск. *kwiat*, кашуб. *kvat*, *kwjat*, словин.-помор. *kvat*, полаб. *kjot* [*Kyoot*, *Kyôt*, *Kijôt*, *kio(o)t*] = при ст.-сл. *цѣтъ*, болг. *цвет*, макед. *цвет*, с.-хорв. *cvět*, словен. *cvēt*; русск., блр. *цвет*, укр. *цвіт*). Можно было бы думать, что отсутствие в слав. соответствия прусск. *quāits* объяснимо именно вытеснением некогда существовавшей формы из-за ее совпадения с гораздо более распространенным словом, обозначающим цвет(ок). Но допустимо поставить вопрос и иначе: не является ли слав. **kvěť*, отражения которого приведены выше, тем же самым элементом, который в прусск. выступает как *quāits*? Более того, постановка такого вопроса должна быть не результатом исследовательского каприза, а непременной частью аналитической процедуры. Если же до сих пор этот вопрос не возникал, то единственное объяснение этому — казалось бы, ни чем не заполняемый разрыв в значениях: 'желание', 'воля' (*quāits*) — 'цветок', 'цвет' (**kvěť*). Следовательно, задача сводится к проверке возможностей связи этих значений в пределах определенной семантической схемы. Разрешить здесь эту за-

дачу пока нет условий, но обратить внимание на ряд деталей и перекличек, которые могут оказаться впоследствии очень существенными, и можно, и нужно. Предварительно следует лишь заметить, что слав. слова, обозначающие цвет(ок) и соответствующее действие (цветение), образуют полноценный набор морфонологических возможностей: **květ-* (**kvoit-*): **květ-* (**kviēt-*): **kvit-* (**kviēt-*). Наряду с именным **květ-* (см. выше) существует и глагольное **květ-* (ср. **květ-iti*, **květ-ati*, ц.-сл. *-цвѣтити*, *цвѣтати* и т. п.), но также формы со ступенью редукции [ст.-сл. *про-цвѣтъ*, болг. *цвѣтъ*, *цвѣна*, с.-хорв. *цвѣсти*, *цвѣтети*, словен. *cvētēm*; др.-чеш. *ktivu* (< **květq*), в.-луж. *kčěc* (< **květēti*), *ktu* (< **květq*); русск. *цвѣл* (< **kvētlъ*)] и ступенью продления (ст.-сл. *про-цвѣсти*, др.-чеш. *kvísti* и др.), которые перебрасывают мостик связи к лтш. *kviētē* (*kvitu*) 'мерцать', 'блестеть', с одной стороны, и, видимо, к вост.-балт. обозначению пшеницы — лит. *kvietys*, лтш. *kviesis*, с другой. Вопреки распространенному мнению о заимствовании этих слов из герм. (*Büga* KS 69 = RR II, 90; *Stender—Petersen* Sl. Germ. LW 1927, 133; ЭСР 4, 292, LEW 326 и др.), тезис об исконности этих балт. слов представляется не менее очевидным (см. *Рок*, 1, 629; *Sabaliauskas* *Rakstu* *krājums* 1959, 224—228; LKK 8, 1966, 24 и др.), но при этом приходится исходить не из и.-евр. **kveit-*, но из **k'veit-* с отсутствием сатемного рефлекса в балт., наподобие слав. **květ-* (ср. интерпретацию лат. *tranquillus* как отражения более древнего **trām-* (из **tr(H) + H₂m*) & **k'veit-los*, от **k'veit-* 'снять', см. *Nyman* IF 1979, 152); именно связь с **k'veit-*: **k'voit-*, которую можно предположить и для «кентумного» прусск. *quāits* (*quoitē*), объяснила бы отсутствие и.-евр. параллелей (или, точнее, их дискредитацию) у прусск. слова. — Анализ лит. *kviēsti*, в частности контекстов, в которых оно встречается, и производных от него слов, приводит к правдоподобному заключению о том, что в данном случае речь идет о важном элементе словаря ритуала или ритуализованных церемоний, своего рода *terminus technicus*, по сути дела, встречающемся в одной ситуации (в исходном узусе) и в одном значении — объявление субъектом своего желания (воли), чтобы те, к кому обращено его объявление, собрались (пришли) на некую отмеченную церемонию (видимо, в указанном месте и в указанное время), т. е. приглашение, созывание как терминальные смыслы лит. *kviēsti*. Наиболее устойчивый и архаичный слой контекстов лит. *kviēsti* образуют те, где говорится о приглашении на свадьбу (или — менее определенно — в гости, на трапезу и т. п.), на толоку. Ср., напр.: *Svečias į svodbą pakviestas* (*Ruhig* 207); *Svodzba, tiesa, yra gatava, bet pakviesti nebuvo vertais* (*Chyl. Mt.* 22, 8); *Tada pakvietė Laban visas žmones to kampo ir pakėlė svodbą* (*Bretk. Bibl.* 1 Moz. 29, 22); *Ir nusiuntė tarną savo metu večerijos bylot pakviestiemus, idant ateitų* (*Daukš. Post.* 274); *Žmuo nekuris padarė večeriją didę ir pakvietė tūlą* (*Daukš. Post.* 274); *Nė vienas išg visų anų kviestųjų neragaus večerijos manos* (*Daukš. Post.* 274); *Nėkviestas svetys*

in užpečkį betįsna par veselija (Юшкевич. Лит. слов.); Nekviesti svečiai sodinami už krosnies (Brodowsk. Lex. Germ.—Lithvan.); Kviētės į talką, gavau malką (Valančius Patarl. Zem. 27); Mažai savų turim, reiks kviēst talką (Joniskėlis. Pasval. r.) и т. п. (см. LKŽ 1085—1086). В связи с *kviēsti* в этих и подобных им контекстах подчеркивается не только тема самого ритуала, но и коллективный характер его будущих участников. Само же приглашение образует первый элемент ритуала, сигнализирующий его начало, и носит отмеченный торжественный характер. Эти наблюдения получают подтверждение и усиление при обращении к субъекту действия приглашения—созывания (*kviēsti*), обозначаемому тем же корнем *kvies-/kviēt-*. Речь идет о лит. *kvieslīs*, *kvieslė*, лице, которое в старину приглашало гостей на свадьбу. Очень интересно, что этот церемониальный персонаж, открыватель ритуала, обычно появлялся с символическим атрибутом своей функции—палкой, жезлом, ветвью, украшенными цветами, иногда обвитыми лентами (ср. *kvieslė* 'gūlomis, kaspinais papuoštas kvieslio ženklas—lazda, kultuvė, šaka': *Kvieslīs, vartydamas kviēsle, sakė raciją*. LKŽ 6, 1085). Ср. *Kvieslīs su trišaka kvietka, štūčkomis apvyniota, eina per kiemus, tris sykius kviesdamas ant veselijos* (Юшкевич); *Kviesliai, kur kviest eis, turėj ant galvos pry kepurės tris kukaras arba tris medžio šakeles prisidėję* (Tautosak. Darb. VII, 144); *Sztaì, kwēslīs puikėj rėdýts ir raìts pāsiródė, | Īr wisūs swodbón atėit pas Krizą pāpraszė* (Donel. Metai. Rg. 83—84); ср. У Донелайтиса же: *Nės ir jās kwēslīs į czėsnį būwō pākwētės* (Rg. 99); ср., также Rg. 122, 156, 179 (к семантике глагола см.: *Dū kaimýnu nėkwēstu swodbón ātsibástė*. Rg. 232, ср. Rg. 701 и др., см. Donel. leks. 1964, 122) и др. Функция *kvieslīs*'а описывается особым глаголом—*kviēsliāuti* (Per jo vestuvę aš kviesliavaū. LKŽ 6, 1085), а сам субъект действия может обозначаться и другими словами того же корня—*kviētėjas*, *kviesčīs* (6, 1084, 1088). Этот «герольд», появляющийся с украшенными цветами символом и приглашающий на свадьбу (тем самым, по сути дела, открывающий ее), едва ли отделен от сходного (но менее известного) персонажа русской народной свадьбы, называемого «цвет(оч)ным» (**kvēt-* < **kvōit-* при балт. **kviet-* < **kvōit-*/**kvēit-*): впрочем, ср. *веткū* (СРНГ 13, 167), *цветкū*, ветки, украшенные бумажными цветами и лентами, которые ставятся в день свадьбы перед молодою (к мотиву передачи «цветения» невесте). Можно полагать, что сама *kvieslė*, род «процветшего жезла» библейской традиции, где этот символ как раз и означает свершение воли Бога («И кого Я изберу, того жезл расцветет... И вот жезл Ааронов... расцвел, пустил почки, дал цвет...»). Числа, 17, 5, 8), и понималась некогда как воплощение (материализация) желания, воли открыть тот ритуал (свадьбу), в котором как раз и разыгрываются мотивы плодородия. Цветы на *kvieslė*, как и такие же цветы в русской свадьбе (в частности, на свадебном коровае), отсылают к следующей за ними стадии—к плодам (ср. фор-

мульные цветы ... ягоды). Эта сближенность темы свадебного приглашения с темой цветов могла бы объяснить и мотив сияния, блеска, жара (своего рода сияния славы, фара; ср., кстати, у Донелайтиса мотив цветов как весенней славы: *Āk daržū grožybės jūs su sāvō žolėlėms, | Jūs kwētkėlės jáunos, jūsgī pāvāsariō szlōwė*. Rg. 55—56; к сочетанию мотивов цветов и славы ср. лат. *flōreo* 'цвести', 'процветать', 'славиться' и т. п.) как знак, указывающий на максимум желания (*жар желаний*, ср. др.-инд. *tapas*), плодородной силы (ср. и.-евр. **kvēit-* как обозначение света, сияния, блеска, с одной стороны, и обозначаемых по этому признаку растительных символов плодородия, с другой; см. Pok. 1, 629). Не являются редкостью и примеры, когда обозначение воли, желания и растений как образов плодородия кодируются общим элементом, ср. русск. *вóля* при *вóльоть* 'колос', 'былинка', 'вершина снопа', с.-хорв. *vlát*, н.-луж. (*w*)*łos* 'хлебный колос', 'початок' и т. п.; прусск. *wolti* 'колос', лит. *váltis* (ср. также др.-исл. *vǫllr* 'луг' < **walpu-* < **vōltu-*, валл. *gwelt*, корн. *gwels* 'трава' и др.); в этой же связи обращает на себя внимание близость др.-греч. *κισσῖος*, аттич. *κισσῖος* 'страстно желать' и т. п. (см. выше об этом слове как о возможном отражении и.-евр. **kvōit-*, т. е. того же корня, который лежит в основе прусск. *quāits*, лит. *kviēt-*, м. б., слав. **kvēt-*) и *κισσός*, аттич. *κισσός* 'плющ' (ср. у Еврипида: *κισσῶ στεφανωθεῖς*), причем плющ понимался как символ плодородия, ср. *κισσο-στέφανος* 'увенчанный плющом' (о Вакхе в Anthol. Palat.), *κισσο-φόρος* 'увитый плющом' (о Вакхе у Пиндара; переносно — *διθύραμβος*), *κισσο-δέτας* 'увенчанный плющом' (о Вакхе, обозначенном как *θεός* у Пиндара), *κισσο-κόμης* 'с увитыми плющом волосами' (о Вакхе в Гомер. гимнах) и т. п.; в этой перспективе напрашивается сближение литовского *kvieslīs*'а с эпитетами Вакха и его основным растительным символом—атрибутом—плющом (ср. *kvieslīs* с украшенными цветами жезлом—Вакх с тирсом, увитым плющом; см. также выше о жреце Криве и его атрибуте—кривой палице, обозначаемой тем же корнем, что и имя ее обладателя). Связь понятий двух названных смысловых групп имеет продолжения. Сюда же принадлежат сходные случаи обозначения одним корнем воли, желания и богатства, собственности, власти, о чем см. Иссл. слав. древн. 1974, 74 и др. Не вникая в детали, можно указать и на то, что к и.-евр. **g^hhel-* возводят и слав. *želati* (*želėti*) 'хотеть' и лит. *gėlė* 'цветок' (см. LEW 144; Pok. 1, 489). Возможно, что в этом широком контексте связь прусск. *quāits*, *quōitē* и вост.-балт. соответствий с слав. **kvēt-* не покажется такой уж странной.

— Лит.: Fick KZ 20, 1872, 161—162; Hoffmann BB 18, 1893, 287; Thes. 1873, 85—86; Johansson IF 25, 1909, 233; Niedermann IF 26, 1909, 46; APSpr. 412; BSW 146—147; Fraenkel TŽ 3, 1925, 485; LEW 326; Stang NTS 4, 1930, 154; Vgl. Gr. 1966, 8, 29, 275, 313; SPV 200; Pok. 1, 632; Milewski Acta B.-sl. 3, 1966, 122; Schmalstieg Baltist. 5, 1969, 164—165; OP 45, 131, 174—175; St. OP

4.223; 340; Čop. KZ 85, 1971, 24—25. — [**kvait(a)s*, **kâit(a)s?*; **kvaitan*, **kâitan?*; **kvaitin?*].

{*kval-}, ср. Nom. pr. *Quale*, 1399 (APN 50). — Сюда же, конечно, и топоним *Qualiten*, 1320; *Qualitten*, 1320 (APON 78). Траутман AfslPh 38, 1923, 131 приводит еще название *Quolskaym*, 1342: {**kval'si-* & **kaim-(?)*}. — Точное соответствие в куршск. Nom. pr. *Gribbethe Quale*, 1355—1362 (KF 299). Слово остается темным. Не ясно, может ли оно быть связано с лтш. *Kwall*, 1858 (LV I, 2, 196); то же следует сказать и о возможности иноязычного влияния (немецк.?). Учитывая **kvel-* (см.), допустимо думать об апофонической паре **kval-* : **kvel-*.

{*kval-it-}, см. {**kval-*}.

{*kval(s)- & **kaim-(?)*}, см. {**kval-*}, *caymis*.

*qvan, см. *kas*.

{*kvand-it-(-ij-)}, ср. *Quanditigen*, 1330; *Quandythen*, 1405; *Quanditten*, 1491, позже — *Quanditten* (APON 78). — Неясно. М. б., к лит. *kvandótis* 'грязниться', 'мокнуть', *kvanduōklis* 'замарашка' и т. п. (ср.: Eik pirčion: šlapia visa kap kvanduōklė — peršalsi. LKŽ 6, 1041).

{*kvark-}, ср. *Quarka*, 1289 (ein Graben); *Quartka*, 1289 (PU 2, 338), см. APON 78 (здесь же указывается, что в большинстве рукописей это название соединяется с названием леса *Kuterin* в виде *Quentenquarecz*, *Kautrampuorus*, *Quentenquartz*, ср. PU 2, 338). — М. б., к лит. *kvarkti* 'квакать', 'крякать', 'каркать' и т. п. (о лягушках, утках, воронах и т. п.), *kvarkėti*, ср. также *kveŕkti* 'кричать', 'плакать' (LKŽ 6, 1054, 1078—1079); лтш. *kvārkt*, *kvarkstēt*, *kveŕkstēt* (ME 2, 351, 353) или *-kvarkti* в *apsikvarkti* 'обрызгаться грязью', 'промокнуть' (LKZ 6, 1054). Оба варианта толкования относительно удачно подходят к характеристике рва. Но возможны и иные объяснения. Заслуживает внимания сравнение с лтш. *Kwerke*, 1811, *Kverķene* (LV I, 2, 196).

{*kvec-(?)}, см. {**kveic-*}.

{*kved-} см. {**kved-in-*}.

{*kved-en-}, см. {**kved-in-*}.

{*kved-en-av-(-ov-)}, см. {**kved-in-*}.

{*kved-in-}, ср.: *Lodewicus in Quedin*, 1233 (ZdHist. Vereins 17; L. David Preuß. Chron. III, 144; ср. SPR 1, 57; основание замка и локация места); *de Quedina*, место (?), 1235 (PU 1, 89); *Quedin*, 1236 (castrum quod dicitur *paruum Quedin*); *insule de Quidino*, остров, 1243 (PU 1, 108); *Quidin* 1251 (PU 1, 191); *Quidinensis* Episcopus, 1264 (KDP 2, 69); *Queden*, 1419, позже — *Queden*; *Quedzyn* alias *Marienwerder*, до 1454 г. (Kętrzyński O ludn. polsk. w Prus. 1882, 104); *Quidzyn* alias *Marienwerder* (Urk. Bisth. Culm. 517); *Quedzyn*, 1470 (UB 234); *Quidzin*, 1513 (Matricul. Regni Polon. IV, N 2029 и сл.); *do Kwidzyna*, 1565 (LMC I, 13); *ku Kwidzyniu* (Ibid. 95); *za Kwidzynem* (Ibid. 36); *na Kwidzynie* (Ibid. 10 и сл.); *Kwidzyn*, 1687 (Urk. Bisth. Culm 1088), 1735 (Fontes Tor. XXIV, 356), 1884 (Słown.

geogr. Polsk. V, 20), совр. *Kwidzyn* (ср. *Kwidzyński Las*), диал. *Kfjizyn*, нем. *Marienwerder*; — *Quedenow*, 1258 (SU 25); *Quidenowe*, 1302 (SU 112); *Quedemnowe*, 1302, позже — *Quednau* (APON 78; Górniewicz TPG 1980, 85—86; 204; Zesz. Nauk. Wydz. Human. Uniw. Gdańsk. Filol. polska. Prace językozn. 1975, № 3, 42; Nazwy Pom. Gdańsk. 1973; Brocki Baltist. 14, 1978, 132; Schall Donum balt. 1970, 452—453). Сюда же относится и прусск. Nom. pr. *Quedun* (APN 50). Ср. также *Kwiedzianka*, ручей, *Queden Fliess*; *Kwiedzinskie Jezioro*, *Queden See* (Słown. nazw Mazur. II, 114); *Kwiedzina*, *Queden* (Słown. nazw geogr. PZP 155). — Название топонима Гурнович производит или от прусск. Nom. pr. **Kvedē*, позже полонизированного (суф. *-in-*) или от прусск. Nom. pr. **Kvedīns*. Во всяком случае существенно подчеркнуть, что элемент **kved-* использовался и в топонимике и в ономастике (к функции *-in-* см. APON 253). С семантической точки зрения названия на *Kved-* представляются Гурновичу неясными. Шаль, напротив, с достаточной определенностью сопоставляет эти названия с лит. *kvėduóti* 'овевать', 'обдувать', 'проветривать' и трактует **Kved-in-e* как 'место, где дует, ветренно', ссылаясь дополнительно на положение этого острова, окруженного потоками воды. Учитывая такие значения *kvėduóti* как 'рассеивать', 'развеивать', 'пылить' и т. п. (см. LKŽ 6, 1063), и то, что этот песчаный остров был открыт всем ветрам, можно несколько специализировать понимание семантики этого названия, выделив дополнительно мотив песчаных вихрей, бурь. Впрочем, само слово *kvėduóti* остается неясным: даже в балт. языках ему не находится параллелей, и Френкель LEW 325 вынужден объяснять его контаминацией лит. *kvėpti* 'вдыхать' и *vėdinti* 'проветривать', 'освежать'. Однако топонимические параллели существуют и выглядят достаточно убедительными (см. *Būga Medž. mitol. II sąsiūv.* 5 = RR I, 168; *Draug.* 21, 1913, 270 = RR I 425; Schall Donum balt. 452—453). Ср. лит. *Kvedarai*, *Kvėdariškė*, *Kvėdariškės*, *Kvedariškis*, *Kvėdarna*, *Kvederiškė*, *Kvėderiškiei* (LATSŽ 150; к элементу *-er-/-ar-* ср. лит. *kvėderinės* 'пружинная борона', *kvėderioti*, *kvėderuoti*); *Kvėdariškė*, *Kvėderdaubė* (LUEV 85; Liet. hidr. 174, 246; LHEŽ 176), *Kvederiškės pėlkė*; лтш. *Kvedila* pl., *Kvedilka* pl. (LV I, 2, 196). Гурнович сравнивает с прусск. названиями лит. *Kvedzių* vk. (LATS 777) и Nom. pr. *Kvedjys*, которое Зинкявичюс объясняет из блр. *Хвед-* (← *Федор*), см. Liet. antrop. 79, 89. В целом названия с элементом **Kved-* должны рассматриваться как интересный образчик балт. топонимического регионализма. — См. также {**kved-*}, {**kved-en-*}, {**kved-en-av-(-ov-)*}, {**kved-un-*}.

{*kved-un-}, см. {**kved-in-*}.

quei 'где'. Adv. R III, 35, 4 (*Quei stas wirts Deiwas kaltzīwingiskai bhe skijstan mukints wirst bhe mes dijgi Swintai kai stas malnijkai Deiwas postesmu giwammai* 'Wo das Wort Gottes lauter vnd rein gelert wirdt Vnd wir auch heylig als die kinder Gottes darnach

leben'); 43, 7 (Quei stalla sta peisaton? 'Wo stehet das geschriebene?'); 49, 1 (= 43, 7); 49, 19 (Beggi quei etwerpsnā steison grikan ast stwi ast dijgi giwei bhe Deiwütisku 'Denn wo Vergebung der Sünden ist da ist auch Leben vnd Seligkeyt'); 53, 2 (toū quoitilaisi mennei etwierpt wissans maians grikans quei as nitickran seggiuns asmai 'du wollest mir vergeben alle meine Sünde wo ich vnrecht gethan habe'); 57, 11 (Quei adder aina aucktimmiskū ast stai ast esse Deiwan Enteikūton 'Wo aber Obrigkeyt ist die ist vonn Gott geordnet'). — Прусск. *quei* употребляется как в вопросительном значении (К III, 43, 7; 49, 1), так и в относительном значении (остальные случаи). Стоит обратить внимание на *quei* в К III, 53, 2, которое, собственно, передает значение Pron. relat. 'которые', но в данном случае прусский текст слепо следовал за немецким, где стоит *wo* = *welche*. — Анлаут *qu-* характерен для всех Adv. loci этого рода в прусском; ср. *quei*, *niquei* (см.), *niqueigi*, *isquendau*. Станг Vgl. Gr. 1966, 243 указывает, что реальность *-v-* в *qu-* (= *kv-*) подтверждается наличием этого же звука в соотнесенных с указанными *qu-* наречиями Adv. типа *stwen* 'там', *stwendau* 'оттуда', *stwi* 'тут'. Подобно слитному типу в местоименных формах вроде *quai* (Nom. Sg. fem.) из **qu-* & *-ai* (Partic.), т. е. **kū-ai* > **kūai* (или **tuwei* > *-twei* в Infin.), прусск. *quei* восходит к сочетанию старого Adv. **kū* 'где' с элементом, характеризующим адвербиально-локативные формы, *-ei* (SPV 93; Vgl. Gr. 243, 286 и др.). В addenda к Opusc. ling. 1970, 129. Станг, правда, отказывается от признания особой индуцирующей роли Nom. Sg. fem. *quai* (**kū* > **kū + ai*), сохраняя, однако, свое понимание сложного состава Adv. *quei* и конкретных его элементов (ср., однако, Schmalstieg Stud. in Slav. ling. in honor of Unbegaun. 1968, 189—193: о лабиализации в прусск.; OP 9—10; St. OP 5.102 и след.). Такое образование прусск. *quei* отличает его как от вост.-балт. типа (лит. и лтш. *kur*), так и от слав. **kъdě* (< **kū-d-oi* /?/). Учитывая, что *-d-* представляет собой особый элемент, выделяемый, в частности, простой коммутацией (*-d-u* : *-d-ě* и т. п.), и что он же присутствует в аналогичных местоименно-адвербиальных образованиях в прусском (*quendau*, *stwendau* и др.), приходится признать, что по своему типу прусск. *quei* ближе слав. **kъ-d-ě*, чем вост.-балт. *kur*. По аналогии с *quendau* (**kvendau* < **ku-en-d-au*) можно было бы думать и о потенциальной форме типа **ku-d-ei* / **ku-d-ai*, практически совпадающей со славянской. Элемент *ku-* (*qu-*) восходит к и.-евр. **k^u-* и в общем в разных и.-евр. языках нередок в независимом (и особенно с разного рода расширениями) употреблении. Ср. др.-инд. *kū* (ср. вед. *ku*, но и *kuá*, *kvá*, *kwíd* и т. п.) наряду с *kūtra* 'где', 'куда'; авест. *kū* 'где' (но и *kuđra*; ср. в гатхах *kudā* 'где', сопоставимое, как и др.-инд. *kūha*, с слав. **kъdě* — при и.-евр. **k^u-dhe*); в виде первого члена сложных слов этот элемент *ku-* выступает для передачи «ухудшения» значения (др.-инд. *ku-putra* 'плохой сын', см. ниже о прусских аналогиях); ср. также др.-греч. *πυ-* (< **k^u-*) как в composita типа беот. *Πυ-λιμιάδης*, так и

в Adv. типа критск. *ῥ-πυ* 'куда', сирак. *πῶς* (**πυ-ς*) и др.; возможно, особенно показательно дорич. *πεῖ* 'где', в котором конечный локативный элемент присоединен к продолжению и.-евр. **k^u-* (в этом случае дорическ. Adv. окажется наиболее близким соответствием прусск. *quei*; ср. также аттич. *ποῖ* 'куда', *ποῦ* 'где', ионич. *κοῦ*; гомер. *πόδι*, ионич. *χόδι* 'где' и т. д.). Албанский наряду с рядом форм с расширенным *ku-* (*kur*, *kush*, *kūsh*, *kurrë*) знает и *ku* 'где' в чистом виде. Итальянские факты, напротив, интересны не своей архаичностью, а известной близостью к прусск. *quei* и слав. **kъdě* в конструировании более сложных форм Adv. interrog. с значением 'где'. Сложная история лат. *ubi*, оск. *puf*, умбр. *pufe*, видимо, необъяснима без реконструкции стадии **qwubi* (ср. *nē-cubi*, *sī-cubi* и т. п.) из и.-евр. **k^u-dhe*, с последующим *-e* > *-ī* (**ei*, *oi*) по образу локативной формы, т. е. образования близкого к слав. **kъdě* (правда, существует точка зрения, объясняющая лат. *ubi* с помощью адвербиального элемента *-bhi*, как это принимается и для хеттск. *ku-wa-pi* (*kwabi*); см. Pedersen Hitt. 1938, 50—51). До сих пор считается спорным вопрос об источниках умбр. *pu-e* 'где'. Из кельтск. форм в связи с и.-евр. **k^u-* и его продолжениями обычно приводят др.-ирл. *co* 'как?', ср.-кимр. *cw* (но и *cwd*, *cwt*) 'где', 'куда'; из герм. — др.-англ. и др.-фриз. *hū* 'как', англ. *how*, ср.-н.-нем. *wū* (ср. также готск. *-hun* в таких случаях, как *ni ains-hun* 'nicht irgendeiner', образующем отдаленную структурную параллель к прусск. *niquei*, *niqueigi*, в состав которого входит анализируемое *quei*). Др.-исл. *hvé*, *hví* и их герм. параллели также образуют резерв для сравнения, но в принципе не прибавляют существенно нового к пониманию того типа образований, который отражен в прусск. *quei* (к тому же эти герм. формы восходят к местоименной основе **k^u-o-* : **k^u-e-* и т. п.). — Об элементе *quei-* в прусских Nom. pr., где он всегда занимает первое место, см. ниже.

— Л и т.: Bopp Über d. Spr. 1853, 26; Thes. 1873, 86; APSpr. 250, 412; BSW 144; Hermann KZ 47, 1916, 158; SPV 93, 200; Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 71—72; LEW 1055; Pok. 1, 648; Vgl. Gr. 1966, 215, 243, 286; Opusc. ling. 1970, 129; Vaillant Gr. comp. II, 709; Schmalstieg Stud. in Slav. ling. in honor of Unbegaun. 1968, 189—193; OP 113, 120; St. OP 5.101. — [**kvei*].

{**kvei-* & **but-*}, ср. Nom. pr. *Queybuth*, *Queibut*, 1289; Merten и Jekel *Queibot*, 1452; Mattis *Queybot*, 1402 (APN 50, 141; см. Lewy Altpr. Pers. 1904, 57; Lesken IF 34, 1914—1915, 316). — Сложное двучленное имя; состоит из местоименно-адвербиального элемента *Quei-* 'где' (см.) и элемента *but-*, см. *Quei-* выступает только в качестве первого члена, *but-* в качестве и первого и второго (кроме того этот элемент выступает в Nom. pr. и независимо, ср. *Bute*, *Butyn*, *Buteko*, *Butele* и др.). Милевский *Jeur. imiona* 1969, 103 переводит *Queibut* как 'Где ж дом?' (здесь же и сравнительный материал к этому имени). Возможно, однако, что конкретность значения первого члена была уже несколько приглушена. Ср. такие же обра-

зования с той разницей, что в первом члене выступает несколько иной вариант местоименной основы, напр., прусск. *Kaybut*, *Kaybuthe*, *Kaybutte* (см. {*kai-}, {*kai- & *but-}); *Keybute*; *Kybut* (см. {ki- & *but-}); *Cobotyn* (см. {*ko- & *but-}), соответственно — *k^ooi-, *k^oei-, *k^oi-, *k^o- на и.-евр. горизонте. Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Kei-butās*, *Ky-butās*. куршск. *Kaybute* (ср. топонимы типа лит. *Kaibūčiai* или лтш. *Kaibuti*). Ср. Вуга RR I, 263.

{*kveic-(?)}, ср. *Queze*, пруд, 1313; *Queczow*, деревня и пруд, 1372; *Quetz*, 1406; *Queytz*, ок. 1425, *Quecz*, позже — *Queetz* (APN 79: с примечанием о том, что при условии трактовки этих форм как *Queits они оказываются в отношении аблаута с *Quith-ink*). Ср. мазур. *Kwieciewskie Łąki*, *Kwieciewo*; *Queetzer See*, *Queetzer Seewiesen* (Słown. nazw Mazur. II, 129); *Kwieciewo* (трижды), *Kwieciewko*, *Kwieciszów* и, возможно, некоторые другие названия (Słown. nazw geogr. PZP 155). — Восстановление формы с -i вероятно по разным соображениям (наличие реальной записи *Queytz*, двойное ee в названии, унаследованном немцами от прусских времен — *Queetz*; более или менее обычное опущение i в записях дифтонга, ср. нередкое *Que-* в первой части двусловных Nom. pr. в м. *Quei-* и т. п.).

— См. {*kveic-av(-ov-)}, {*kvec-(?)}

{*kveic-av(-ov-)}, ср. *Queczow* (APN 79: при *Queze*, *Queytz* и т. п.). — См. {*kveic-}, {*kvec-(?)}

{*kvei- & *dang-}, ср. Nom. pr. *Queydange*, 1299 (PU 2, 449); *Quedanx*; *Queydank*, 1399; *Mattes Queydange*, 1438; *Bartke Queydang* (APN 50, 141; ср. Leskien IF 34, 1914—1915, 304). — Сложное имя: из *Quei-* (см.) и *dang-*, см. В прусском *dang-* выступает в качестве второго члена (*Abdangs*, *Ardange*, *Padange*, *Sandanx* и др.) и в независимом употреблении (*Dangil*, *Dangele*); в литовской топонимии этот элемент употребителен и в первом члене composita, ср. *Dañgūpis*, *Dangviėtai*; то же в лтш. *Dañg-pļava* и т. п. См. Milewski Ieur. imiona 1969, 103.

{*kvei- & *kai-}, ср. Nom. pr. *Quekaye* (APN 50, 141). — Сложное двусловное имя. Состоит из местоименно-адвербиального *quei* (см.) и элемента *kai-* (см.), употребляющегося как во втором члене (ср. еще *Na-kaye*), так и в первом (*Kay-buthe*). Если верно, что и *kvei-* и *kai-* восходят к местоименным элементам (а сомневаться в этом, кажется, нет оснований), то в случае {*kvei- & *kai-} уникальный образец «пустого» имени, что-то вроде «Где-что?» и под., достойный специального исследования. — Ср. Leskien IF 34, 1914—1915, 316.

{*kvei- & *lang-}, ср. Nom. pr. *Queilang*, 1340; *Quelang* (APN 50, 141). — Сложное двучленное имя: из *Quei-*, см., и *lang-* (ср. Nom. pr. *Lange*, *Langedabe*, *Langwenne* др.). Сходный тип образования — в прусск. *Kolange*, см. {*ko- & *lang-}. Ср. также лит. Nom. pr. *Langwenne*, *Лоньквени* и под. (см. Вуга RR I, 253, 263; III, 138); лтш. *Lange* (LPV 294); куршск. *Langis* (KF 194). Элемент *lang- известен и в топонимии — как прусск., так и вост.-балт.; см.

{*lang-}. — Об и.-евр. истоках этого типа см. Milewski Ieur. imiona. 1969, 103.

{*kvei- & *musl-}, ср. Nom. pr. *Queymusle*, 1361; *Quemusyl*, 1364 (APN 50, 141). — Сложное двучленное имя гибридного типа. В первом члене *Quei-*, см.: во втором — элемент, представляющий собой заимствование из слав. *myslь 'мысль' (эта основа, как известно, принадлежит к числу компонентов целого ряда архаичных слав. имен; в качестве первого члена она присоединяет к себе элементы *mir-, *slav-, *bor-, *dorg-, в качестве второго члена — *těx-, *svoj-, *xotě-, *gost-, *meč-, *svět-; см. Слав. языкозн. V съезд. 1963, 128). Nom. pr. с этим элементом *mysl-* широко проникли в прусск. ономастикон. В одних случаях речь идет о непереработанных заимствованиях слав. имен (прежде всего польских); ср. *Myssilmir*, 1399, имя прусск. из Инстербурга (< польск. *Myślimir*) или *Wissemoyssel*, *Wyssemoyzil*, *Wissemusle*, XV в. (Самбия; из поморск. *Wyszemoisl = польск. *Wyszemyst); в других случаях представлены разные виды аккомодации — от лишь слегка прутенизированных славизмов до вполне прутенообразных имен, в которых слав. элемент распознается лишь при тщательном анализе; ср. *Musligente*, 1361 (< польск. *Myślęta), *Muslite*, 1299 (< поморск. *Myślita), *Moislot*, 1386 и др. (< поморск. *Moislota, польск. *Myślota), *Muyslicz*, 1336 (Самбия), *Muyslith*, 1364, *Muselith*, 1364 и др. (< поморск. *Moislic = польск. *Myślic), *Maysol*, 1370, *Moysle*, 1401 и др. (< поморск. *Moisl, польск. *Myst), см. Milewski Sl. Occ. 18, 1947, 58, 59, 62, 65, 67—69, 71—72); *Po-musel*, *Sway-muzil* и т. п. (APN 146 и др.). Такие примеры, как {*kvei- & *musl} свидетельствуют уже о далеко зашедшем процессе прусско-славянской гибридизации.

{*kvei- & *po-ding-}, ср. Nom. pr. *Queypodinx*, 1343 (SU 244). APN 50, 141; — Сложное имя. В первом члене местоименно-адвербиальный элемент *quei-*, см.; во втором — префиксальная основа *po-ding-*, см. {*ding-}, отраженное в Nom. pr. типа *Dyngē*, *Dyngēle*, *Dingete*, *Dingone*, *Dingocz*, *Dyngun*, в composita типа *San-dinge*, *Ner-dingis*. Наконец, существуют Nom. pr., где элемент *ding-* выступает с префиксом *po-*, *pa-*, ср. *Pa-dyngē*, *Po-dinge* (указывают литовск. топоним *Padding-kiemis*). Заслуживает внимания пара {*kvei- & *dang-}: {*kvei- & *(po-)ding-} и, следовательно, *dang-: *ding-.

{*kveir-}, ср. *Queyre*, 1290 (PU 2, 349). APN 50. — По-видимому, особый тип сокращения двусловных имен, при котором от второго члена сохраняется только согласный анлаута. В данном случае *kveir- скорее всего отсылает к прусск. имени *kvei- & *ram-, действительно, засвидетельствованному в ономастиконе древних пруссов (*Queyrams* и под.), см. Этот тип словообразования личных имен хорошо известен в прусск. (ср. *Dawke*: *Dawkant*, *Burke*: **Burkant* и т. п.), о чем см. APN 185 и в последнее время — Непокупный Baltist. 18, 1982, 12 и сл. Видимо, можно говорить об и.-евр. основах этого «сокращенного» типа, ср. др.-греч. Διογῆς: Διογένης, Πάρφων: Πάρφορος, Καλλίκων: Καλλικληῆς и т. п. (см. Fick Griech.

PN 1875, XV; Solmsen, Fraenkel Idg. Eigennamen 1922, 120; Bechtel Hist. PN d. Griech. 1917, passim; Neumann KZ 83, 1969, 181—182 и др.). Не исключены случаи, когда подобные «сокращенные» имена могли порывать связь с исходными для них двучленными именами и тем самым становиться самостоятельным образованием.

{*kvei- & *ram-}, ср. Nom. pr. *Queyrams*, 1315; *Queyram*, 1281 PU 2, 263; *Queram*; *Queram* de Waldow, 1314 (SRP 1, 180). APN 50, 141. Ср. также *Queyram*, 1421 (Döhning Über Herk. Mas. 1910, 100; ср. Būga RR III, 677, ср. III, 138). — Сложное двучленное имя. Из *quei-*, см., и элемента *ram-*, встречающегося и в независимом употреблении, ср. *Ramico*, *Romiko*, *Ramotis*, *Romeyke* и др. (см. Leskien IF 34, 1914—1915, 323—324), см. {*ram-}, {*kveir-}.

{*kvei- & *sig-}, ср. Nom. pr. *Queisix*, 1389; *Queysige*; *Quesige*, 1289 (PU 2, 334). APN 50, 141. — Сложное двучленное имя. Стоит из *quei-*, см., и элемента *sig-*, см. (ср. *Syge*, топонимы *Siglawken*, *Sygitsem*).

{*kvei- & *sing-}, ср. Nom. pr. *Queysinge*, 1420 (APN 50, 141). — Сложное двучленное имя. В первом члене — местоименно-адвербиальное *quei-*, см.; во втором — элемент *sing-*, выступающий как самостоятельно (ср. *Singe*, *Singor*), так и в составе сложных слов, в частности, таких, где первый член выражен префиксом (ср. *Nasing*, *Pa-ssinges*).

{*kveits-}, см. {*kveic-}.

{*kvei- & *ved-}, ср. Nom. pr. *Qewedde*, 1384 (SRP 2, 682; *Qwewede* von Tomtow, надравск., см. Baltist. 10, 1974, 165). APN 50, 141. — Сложное двусловное имя. В первом члене, видимо, *quei-*, см., во втором — элемент *ved-* (ср. Nom. pr. *Kante-wedine*, правда, при *Kante-widyne*; название озера *Wede-myn*; см. APN 156; APON 197; ср. также IF 34, 1914—1915, 330), см. {*ved-}, {*vid-}.

{*kvei- & *vais-}, ср. Nom. pr. *Qewoys* (APN 50, 141). — Сложное двусловное имя, состоящее из двух частей: в первой — местоименно-адвербиальное *quei-* (см.), во второй — элемент *vais-* (см.), который может выступать в качестве первого (*Wayse-buth*, *Waysegaw*, *Ways-nar*, *Ways-tauthe*) и второго (*Gawde-ways*, *Nar-wais*, *Preways*) членов, а также в независимом употреблении (*Waysete*, *Way-sil*, *Waysim*, *Waysvne*, *Waysuthe* и др.).

queke 'остров', см. ниже. Э 635 ('Stecle'), среди названий частей дерева или изготовляемых из него изделий, ср. Э 630: *Wipis* 'Ast', Э 631: *Saxsto* 'Rone', Э 632: *Grandico* 'Bole', Э 633: *Kalmus* 'Stok', Э 634: *Trupis* 'Klocz', Э 636: *Kartano* 'Stange'. Nom. Sg. fem. — Речь идет о срубленной нетолстой ели с сеченными сучками и острьями, жерди-частоколине, используемой в изгороди (немецко-вост.-прусс. *stakel* определяется как 'Tannen- oder Fichtenast, den man als Zaunstab benutzt'). — Ранние этимологические объяснения слова неудачны. Так, Нессельман Thes., 1873, 86 сравнивал *queke* с лит. *kvajà* (ср. *kuojà*), а Траутман APSrg. 412 и Буга (см. ниже) —

с лтш. *čaka* 'Knüttel mit Knorren oder Wurzelende als Griff', остающимся не вполне ясным с этимологической точки зрения. Правильная этимология была предложена Бугой ИОРЯС 17, 1912, 33 = RR I, 368; KS 187—188 = RR II, 211; ср. также РФВ 66, 1911, 223 = RR I, 296 (вост.-балт. факты), хотя раньше (Aist. stud. 1908, 175—176) прусск. *queke* помещалось им в круг лтш. *čaka*, др.-греч. *κόκλος*, др.-инд. *sakrá-*, др.-англ. *hwéol*. Суть этимологии Буги в сопоставлении *queke* с группой литовских слов: *kùkis* 'крюк', *kukà* 'clava', *kukē* 'комель палки', *kaūkas* 'дуга, при помощи которой притягивают неводную жердь к проруби подо льдом', *kaūkaras* 'вершина (горы)', *kaukurē* и т. п. (в работе 1912 г.), а также с вост.-лит. *kiūoka* 'большая палка', 'дубина' (KS 1922, 187—188), что, собственно, и явилось ключевым пунктом этимологического решения, поскольку в свете сделанных уже к этому времени разъяснений с.-хорв. *kvāka* 'ручка двери'; 'крюк', 'засов', 'щеколда', н.-луж. *kwaka* 'дуга' как продолжений н.-евр. **kūōkā* (Petersson Zur slav. u. vgl. Wortf. 1915, 20; Младенов Спмс. БАН 6/4, 1913, 80), объяснялось и это вост.-лит. слово (*kiūoka*, ср. также *kiūokē*, *kiūokas* и т. п. LKŽ 6, 907—908), как и лтш. *kūoks* 'дерево' (растение и материал), 'палка' и т. п. (ME 2, 342—343; EH 686; Erg'em. izl, vārpn. 2, 143—144), если только, как указывает Эндзелин (SPV 200), его *uo* восходит к н.-евр. **uō*. В этом контексте находит свое естественное место и прусск. *queke* как отражение **kvēkiē* (< н.-евр. **kūēk-*), ср. параллельное ему **kvōkviē* (< н.-евр. **kūōk-*) > лит. *kiūokē*. Таким образом, восстанавливается полная балто-слав. схема т. наз. «Schwebeablaut»: состояние I — прусск. *sawx*, лит. *kaūkas*, лтш. *kauks*; с.-хорв. *kvāka* 'крюк', болг. *kūka* 'крюк', 'костыль', макед. *kyka*; в.-луж., н.-луж. *kokula* 'изгиб', 'крюк'; русск. *кўка* 'кулак' и т. п.; состояние II — прусск. *queke* (м. б., и лит. *kvēkti* 'стареть' < 'скрючиваться?'), с.-хорв. *kvāka*, н.-луж. *kwaka*; нулевая ступень — лит. *kūkis*, *kūkti*, лтш. *kukt* 'искривляться' и т. п. (особое положение у лит. *kūikis* 'дубина', 'клюка нищего'; 'крюк', 'ходуля', см. RR I, 296). В свою очередь эта схема как бы указывает точки разворота для поиска других слов, которые генетически связаны с прусск. *queke*, но отстоят от него существенно дальше, чем упомянутые вост.-балт. и слав. примеры. Вместе с тем весь круг слов, относящихся сюда, свидетельствует против точки зрения Покорного (1, 543), сопоставляющего *queke* с авест. *čakuš-* 'метательный топор', 'метательный молот' и выводящего эти слова из источника, реконструируемого в виде н.-евр. **keku-* (правда, истоки этой точки зрения см. раньше — Bechtel Hauptprobl. 1892, 350—351). Существенным для этимологии *queke* следует считать то, что это *ἀπαξ λεγόμενον*, как и редкое вост.-балт. *kiūoka(s)*, были выведены из изоляции установлением системы чередований, в которую они входили. Всё остальное было делом относительно несложной техники (трехступенчатое восхождение Буги к верному толкованию *queke* свидетельствует именно о таком пути).

— Л и т.: Thes. 1873, 86; Bezzenberger BB 16, 1891, 249; APSpr. 412; Būga Aist. stud. 1908, 175—176; ИОРЯС 17, 1912, 33=RR I, 368; KS 187—188=RR I, 211; Stang NTS 4, 1930, 155; SPV 200; LEW 306; Pok. 1, 543; Anttila PIE Schw. 1969, 96. — [*kveke].

{*kvel-}, ср. *Quele*, река, 1292; *Quela*, 1336, позже — *Quehl-Fluß* (APON 78). — Сюда же — *Queliten*, 1419; *Quillithyn*, 1430; позже — *Quilitten* (APON 78). — Ср. мазурск. *Kwiela*, *Quehl Bach* (Słown. nazw Mazur. II 129); *Kwiela*, *Kwielice*, *Kwieliczki* (Słown. nazw geogr. PZP 155), правда, в ряде случаев возможно ожидать проникновение немецк. обозначений источника (ср. *Kwielice* — *Marienquell* и т. п.) или сложных видов контаминации. Относится ли сюда же лтш. Nom. рг. *Queel Willem*, 1607 (LPV 200), сказать с определенностью трудно. В пользу балт. происхождения *kvel- могло бы говорить наличие *kval- (см.), которое может толковаться как связанный с *kvel- апофонический вариант; ср. также словообразовательный тип с суф. -it- (ср. лтш. *Kvēlites*. LV I, 2, 197, представляющее собой точную параллель к прусск. *Queliten*; однако лтш. форма недостаточно надежна; существует и более старый вариант этого названия — *Kvērites*); наконец, значение *kvel- могло бы быть осмыслено в связи с лтш. *kvēlēt* 'тлеть', 'пламенеть', 'мерцать' и т. п. (ME 2, 353—354), о чем писал уже Герулис. Кроме *kvēlēt* ср. лтш. *kvēluōt* (*kvēlāt*). *Ērg'em. izl. vārdu.* 2, 157; *kvēle* 'жар', *kvēlains*, *kvēla*, *kvēle*, *kvēls* (рассматриваемое как поэтическое новообразование), о пламени тлеющих углей и т. п.; ср. *kvēls* 'тлеющий', 'пламенеющий', *kvēlīgs*, *kvēlums* и т. п. С этими словами связаны, естественно, и лтш. *kvēldēt*, *kvēlduōt*, *kvēlds*, *kvēlde*, *kvēlda* и т. п. (ME 2, 352; EH 689), но вопрос о связи этих слов с лит. *kveldūoti* (ср. *kvėdūoti*) остается неясным. Зато, видимо, прав Эндзелин, сопоставлявший эти лтш. слова с др.-англ. *hwelian* 'contabescere', *hwelung*. Если именно в этом круге слов искать объяснений речному названию *Quele*, то скорее всего оно могло бы значить 'мерцающая', 'поблескивающая'. Разумеется, не все ясно и еще менее надежно.

quelbton, см. *poquelbton*.

{*kvel-it-}, см. {*kvel-}.

quendau, см. *isquendau*.

{*kver- & but- (?)}, ср. Nom. рг. *Querbuie*, 1289 (PU 2, 339). APN 50, с добавлением: richtig überliefert?? (кстати, поздняя копия). — Сложное двуосновное имя. Во втором члене, несомненно, элемент *but-* (см.). Что кроется за первым элементом (*kvei-?), сказать трудно, и поэтому в целом реконструкция остается надежной лишь частично. Тем не менее, напрашивается предположение, что в данном случае зафиксировано то же имя, что и ст.-лит. *Kwirbutowicz* (← **Kvirbutaitis*, от **Kvirbutas*), см. Liet. antrop. 163, 228; ср. лит. Nom. рг. *Kvirà*, от *kvirti* 'дрябнуть', 'расслабевать'; видимо, сюда же и ст.-лтш. *Kweres* (LPV 294), а также топонимические примеры типа лит. *Kviriškis* (LATSŽ 150), лтш. *Kvērites* (LV I, 2, 197), ср. сев.-зап.-польск. *Kwiry*, *Quirren* (Słown. nazw geogr. PZP

155). Поэтому нужно считаться и с другим вариантом реконструкции — {**kvir-* & **but-*}. В любом случае речь идет об интересном ономастическом раритете, сохранявшемся в прошлом у западных и восточных балтов.

{*kves-}, ср. Nom. рг. *Quesse* (APN 50). — Видимо, допустимо сравнение с лтш. Nom. рг. *Symon Kwesse* (LPV 200: «laik. uzgaktīts Kwasse»), *Kwezs* (но *Qwesebarde* толкуется как *kviesubārda*). Не исключено, что сюда же лит. *Kvēsai* (LATSŽ 150); *Kvēsupis* (LUEV 85; LHEŽ 176, с указанием, что корень *kves-* мог бы принадлежать и Nom. рг.; учитывая вариант *Kvēsupis*, высказывается мнение о большей обоснованности связи с лит. *kvėstis* 'развертываться', 'расходиться' и т. п., *atsikvėsti* 'распахнуться', *kvėščioti* 'развеваться'. LKŽ 6, 1079—1080; семантическая мотивировка — конфигурационный признак гидронима).

{*kvet-ain-}, см. {*kvit-ein-*}.

{*kvit-ein-}, см. {*kvit-ein-*}.

{*kvetk- (?)}, ср. Nom. рг. *Quetke*, 1306 (PU 2, 545). APN 50 (с репликацией: Preuße?) — Вероятно связано с такими названиями, как лит. *Kvetkal* (LATSŽ 150) и лтш. *Kvētki* (LV I, 2, 196). Менее правдоподобна связь с вост.-балт. *kviet-* в топонимах типа лит. *Kvietkinė*, *Kvietkinė*, *Kvietkūčiai*, *Kvietkėliai* (?) (LATSŽ 150), лтш. *Kviētės* (LV I, 2, 197); ср. также лит. *Kviētupis*, *Kvietupjys* (LUEV 85), *Kviētīnė*, *Kvieč-ia-kalnis*, *Kvieč-iupis* (LHEŽ 176: м. б., к лит. *kvietjys* 'пшеница'). Еще менее вероятна связь с бытующими у литовцев вост.-слав. именами типа лит. Nom. рг. *Kviētkus* (< *Хвед(ь)ко* ← *Федор*), ст.-лит. *Kvietkova* (Liet. antrop. 84, 89) или с лит. *kvietkà* (< блр. *квѣтка*). Впрочем, следует помнить о нередком опущении -i- в записях названий и имен этого типа: *Que-* при правильном *Quei-*. В целом не вполне ясно.

{*kvid-en-av-(-ov-)}, см. {**kved-*}, {**kved-en-av-(-ov-)*}.

{*kvid-in-}, см. {**kved-*}, {**kved-in-*}.

{*kvik-}, ср. *Quicke*, 1434, название вод (APON 79: deutsch?). —

Наряду с предположением о немецк. происхождении названия, допустимо поставить вопрос о возможной связи с лтш. *Kvikas*, *Kvices*-нога, а отсюда и с *Kvices-avuōti*, *Kvicu-ezeri* (*Kvits-ežers*), *Kvicese* рл., *Kvicese* рл., *Kvices*, *Kvicas*; *Kviči* (*Kvites*) (LV I, 2, 197), хотя, разумеется, здесь есть свои трудности и неясности. Ср. лит. *Kvykliai*? (LATSŽ 50). Также неясно отношение к лит. *kvjkti* и под. (LKŽ 6, 1091—1094), лтш. *kvikt* (ср. *kvika*. ME 2, 355) с их ономотопеическими характеристиками (ср. кашуб. *kvik*, *sviñi kvik*. Słown. gwar kasz. 2, 315).

{*kvis-}, ср. *Kwisen*, 1507; *Koisen*, 1508, позже — *Kuyschen* (APON 79, с отсылкой к *Kussie*, ср. лит. *Kuisiat*). — Ср. также мазурск. *Kwisag*, *Queising See* (Słown. nazw Mazur. II, 148), дающее основание для реконструкции прусск. {**kvis-ing-*}, а также *Kwisa* (*Queiss*),

Kwisieńskie Jezioro (Gewiesen See), Kwisno (Gewiesen). Słown. nazw geogr. PZP 155. — Эти поздние (вплоть до современности) продолжения прусских названий делают бесспорной реконструкцию *kvis- (а не *kuis- с вытекающей отсюда, напр., «комариной» трактовкой), но, к сожалению, не объясняют форм типа *Koisen, Kuyschen*. Правда, отношение *kvis-: *kuis- напоминает отмеченное выше отношение прусск. *queke* (*kveke): лит. *kūikis*.

{*kvis-ing-(?)}, см. {*kvis-}.

{*kvit-ain-}, см. {*kvit-ein-}.

{*kvit-ein-(?)}, ср. *Quittin*, 1411—1419; *Quirtin* (!); *Quitteyn*, 1431; *Quetteyn*; *Quitten*, 1517, позже — *Quittainen* (APON 79). — См. также {*kvet-ain-}, {*kvet-ein-}, {*kvit-ain-}, {*kvit-in-}, {*kvit-ing-}. — Элемент *kvit-* с суф. *-ein-* или *-ain-*. — Ср. мазурск. *Kwitajny, Kwitajńskie Lasy, Quittainer Forst* (Słown. nazw. Mazur. II, 264); *Kwitajny, Kwitajny Małe, Kwitajny Wielkie* (Słown. nazw. geogr. PZP 155). — Герулис в связи с прусскими названиями предлагает альтернативное решение — к прусск. *Quith-inck* или к лит. Nom. pr. *Kvičius* (?). — См. {*kvit-ing-}.

{*kvit-ing-}, ср. *Quithinck*, озеро, 1331 (APON 79). — Герулис сравнивает с лтш. *kvitēt* 'мерцать', 'блестеть', 'сверкать' и с лит. *Kvistė*, река (из **Kvit-tė*). Однако Ванагас LHEŽ 177 указывает, что название *Kvistė* совершенно изолировано (топонимов с *kvist-*, кажется, нет) и происхождение его неясно. Допускается, что *Kvistė* из **Kivistė*, которое могло бы быть сопоставлено с эст. *Kivistiku*, собств. — 'каменистое место', *Kivestu* и под. (см. *Kettunen. Etym. Untersuch. estn. ON 1955, 222, 224*), ср. лит. *Kivė, Kīvē* (LHEŽ 158). При отсутствии топонимических параллелей (о лтш. *Kvites* см. LV I, 2, 197: *Kvicas* и др.) остается ориентироваться на апеллятивную лексику. Помимо указанного Герулисом латышского глагола (ср. польск. *kwit-* в *kwitnę, kwisć* и под.) ср. еще лит. *kvytėti* 'тихо лежать (спрятавшись)', 'погрязать', 'торчать' и т. п. (LKŽ 6, 1097—1098). О суф. *-ing-* в прусской гидронимии см. *Daubaras Baltist. 17, 1981, 84—88*; о *Kvit-ing-* см. 86. — В целом не вполне ясно.

quoi, см. *kas*.

quoi 'хотеть', см. ниже (I b). K III, 45, 20 (...as *quoi mien walnennint* '...ich will mich bessern'); 63, 19 (As *quoi stesmu ainan pogalban teckint kawida surgit tennen boŭsei* 'Ich will in einen Gehülffen machen die vmb ja sey'); 65, 20 (...as *quoi tebhe toŭlan Gulsennin teickut kantou seu brendekerinnen postāsei* 'Ich wil dir viel Schmertzten schaffen wenn du Schwanger wirst'). 1. Sg. Praes.; — *quoi*. K III, 63, 7 (Q u o i tu N prei twaian Salubiskan Salubin turrit 'w i l s tu N. N. zu einem Eheligen Gemahel haben'); 79, 14 (APSpr. 413 ошибочно указано 79, 4; Q u o i tu nostan Crixtitis postāt? 'W i l tu darauff Getaufft werden?'). 2. Sg. Praes.; — *quoi*. K III, 33, 26 (Deiws q u o i sen stawidsmu mans wackitwei kai mes Druwit

turrimai 'GOTT will damit vns locken das wir gleuben sollen'). 3. Sg. Praes. — Сюда же *koyte* (см.), *koyto, koytu*, в которых обычно отделяют *koy* (ср. *quoi*) от *t-*, трактуемого как Pron. — Вокализм *o* в *quoi* в отличие от однокоренного *quāits* объясняют безударностью этого элемента, занимающего в тексте энклитическую или проклитическую позицию. В этих условиях корневой дифтонг не мог получить циркумфлексного удлинения, что и объясняет различие в вокализме между *quoi* и *quāits*. Эти формальные особенности *quoi*, необычные для глагола, соотнесены с его статусом модального вспомогательного глагола (Станг Sl. u. balt. Vb. 1942, 230 полагал, что форма **quoit* могла выступать раньше как Injunct. в модально-оптативном значении; ср. оптативное готск. *wiljan*), который может терять свое лексическое значение и выступать в чисто грамматической функции (ср. K III, 65, 20: as *quoi* . . . *teickut* в соответствии с *Ich wil* . . . *schaffen* в значении Fut.) по аналогии с немецким *will*. Иногда это следование чужому тексту распространяется и на другие элементы, связанные с глаголом, напр., на Pron. reflex. (ср.: as *q u o i m i e n walnennint* — *ich will mich bessern*), ср. два типа Vb. reflex. в прусском, намеченные *Jakulienė Baltist. 5, 1969, 37—42*. Во всяком случае прусск. *quoi* оказалось эффективным звеном, через которое развивалась адаптация немецкой модальной схемы с вспомогательным глаголом в центре ее в прусском языке позднего периода. Сам же глагол *quoi* принадлежит к атематическому спряжению, но потерял различие между личными флексиями, которые уже до этого должны были перестроиться по образцу тематического спряжения. По мнению *Заброцкого Sl. Occ. 18, 1947, 324*, первым шагом в изменении стало совпадение флексии 3. Praes. **q(u)oi-t(i)* (при 1. *q(u)oi-mi*, 2. *q(u)oi-si*) с флексией 2. Praes. тематических глаголов, позволившее употреблять *quoi* и применительно к 2. Praes. Лишь позже *quoi* утвердилось и в 1. Praes. *Заброцкий* считает, что существует несколько возможностей объяснения *quoi* в функции 1-го лица. Эта формация возникла и ли по образцу тематических глаголов (у которых в ряде случаев 1. Sg. совпало с 3 л.), но до того, как *quoi* перешло в тематическое спряжение, и ли же сперва оно перешло в тематическое спряжение и лишь после этого произошло совпадение форм 1. Sg. и 3 л. Хотя конечный результат оказывается одинаковым, но за ним раскрываются две различные перспективы исторического развития. Наконец, допускается и третье объяснение — по типу слав. **vědě* или лат. *vidi*, которые выступают и в 1. Sg и в 3. Sg. Сам автор отдает предпочтение второму объяснению, строя как промежуточный этап схему тематического спряжения: 1. **quoi-ō*, 2. **quoi-ei*, 3. *quoi-ā*, откуда соответственно: 1. **quoi-ō*, 2. **quoi*, 3. **quoi*. В развитии *quoi* Шмальштиг OP 174; St. OP. 10. 088 особо подчеркивает, что речь идет о сокращенной форме (ср. *quoitē-quoi*), которая может рассматриваться как типологическая параллель таким случаям, как болг. *ще* при слав. **xotēti*//**xъtēti* или

новогредч. *θά* при *θέλο* *νά*, используемым, как и *quoi*, в частности, для образования будущего времени. — К этимологии *quoi* см. *quāits*. — См. также *quoitē*.

— Лит. Thes. 1873, 86; Bezenberger KZ 44, 1911, 309—310; APSpr. 275, 413; Lewy ZfslPh 9, 1932, 406=Kleine Schriften 1961, 233; SPV 107, 200; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 324—325; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 100, 230; Sc.-Slav. 8, 1962, 166; Иванов Слав. языкозн. VI съезд. 1968, 253; Сл.-балт. глаг. 1981, 62, 121; Schmalstieg BL 1970, 136; OP 174—175; St. OP 4.713; 4.714; 8.011; 8.203; 8.510; 10.088; Levin Baltist. 12, 1976, 21; PKP II, 293. — Литература, относящаяся к этимологическому аспекту *quoi*, приведена в статье *quāits*. — [**kvoi*; **kvai*; **kai* (??)].

{*kvoig-} ср. *Quoyge*, 1307 (APON 79). — Собственно — **kvaig-*. Неясно. Топонимические параллели неизвестны. М. б., к лит. *kviēgt* = *kviēkt* (ср. лит. *kviēkti*, *kvūkti*, *kvīkti*), *kviēdzināt* = *kviēcināt* (ME 2, 356; EH 690)?

quoitā, см. *quoitē*.

quoitāmai, см. *quoitē*.

quoitē хотеть (I b). K III, 39, 22 (Beggi tans sups ast noūmas laipinnans titat prei madlitwei bhe taukinnons kai tans noūmans quoitē klausiton... '...das er vns will erhören'). 3. Sg. Praes.; — *quoitāmai*. K III, 37, 28 (Tijt quoitāmai mes arwiskai stēimans etkūmps dijgi sīrisku etwiērp... 'So wollen wir zwar denn widerumb auch hertzlich vergeben...'). 1. Pl. Praes.; — *quoitēti*. K III, 67, 17 (Quoitēti ious teinu stawijdan Ausaudisnans bhe stallisnans ains antersmu laikūt Tit dāiti ains antersmu stans präipirstans... 'Wolt jr nun solche Trew vnd Pflicht einander leisten so gebt einander die Ringe drauff...'); K III, 71, 30 (...bhe madli as wans wissans... kai ious sturnawingisku prei sīru immati bhe sen seilin pomirit quoitēti... '...vnd mit fleiß bedencken wolt...') 2. Pl. Praes.; — *quoitā*. K III, 35, 31 (Kadden Deiws wissan wargan prātin bhe quāitan lemlai bhe kūpinna quai noūmans stan emnan Deiwas niswintinai bhe swaian rīkin ni quoitā daton perēit '...vnd sein Reich nicht komen lassen wōllen'); — *quoitē*. K III, 61, 35 (N. Bhe N. Quoitē po Deiwūtiskan Enteikūsnans preistan Swintan busennien steise Salaūban kackint... 'N. vnd N. wōllen nach Gōtlicher Ordnung zum heiligen Stand der Ehe greiffen...'). 3 Pl. Praes.; — *quoitilaisi*. K III, 51, 19 (Bhe madli tien Tou quoitilaisi mien schan deinan Deigi pokūnst pirsdau grikan bhe wissan wargan 'Vnd bitte dich Du wōllest mich diesen tag auch behūten für Sūnden vnd allem vbel'); 53, 1 (...bhe madli tien toū quoitilaisi mennei etwiērp wissans maians grikans... '...Vnd bitte dich du wollest mir vergeben alle meine Sūnde...'); 69, 5 (Mes madlimai... tu quoitilaisi stawīdan twaian teikūsnans ensadinsnans bhe absignasnen ni dāt kumpint neggi pogadint 'Wir bitten... du wōllest solch dein Geschōpff Ordnung vnd Segen nicht lassen verrucken noch verder-

ben'); 75, 10 (Mes Madlimai tien... tau quoitilaisi sten N. etnīwingiskai endyrītwei... 'Wir bitten dich... du wōllest diesen N. gnediglich ansehen...'); 81, 12 (Mes madlimai tien... kai toū schien malnijkan... Etnīwingiskai pakūnst quoitilaisi... 'Wir bitten dich... das du diß Kindt... gnediglich bewaren wōllest...') 2. Sg. Opt.; — *quoitilai*. K III, 37, 23 (Mes madlimai... kas stas Tāws endangon ni endeirit quoitilai noūsons grikans... 'Wir bitten... das der Vater im Himel nicht ansehen wolt vnser Sūnde...'); 37, 26 (Schlāit tans quoitilai noūmans stansubban wissan is etnijstin datwei... 'Sondern er wolt vns alles aus gnaden geben...'); 79, 34 (...bhe madlit kai tāns sebbei quoitilai stan malnijkikan en wissan etnistin polaipinton dat bout '...vnd Bitten das Er jhm wōlle das Kindt inn allen Genaden befohlen sein lassen'); — *quoitijlai*. K III, 73, 4 (...bhe madliton Tāns quoitijlai stan prei etnistin enimt steismu swaians grikans etwērp... '...vnd bitten Er wōlle es zu Gnaden auffnemen jm seine Sūnde vergeben...'); — *quoitilai*. K III, 39, 1 (...adder mes madlimai en schan madlan kai noūmas Deiws quoitilai popeckut bhe erlaikūt... '...aber wir bitten inn diesem Gebet Das vns Gott wolt behūten vnd erhalten...'). 3. Sg. Opt.; — *quoitilaiti*. K III, 45, 5 (...as madli wans Quoitilaiti maian Grikausnan kirditwei... '...Ich bitte euch wollet meine Beicht hōren...'); 73, 1 (Nostan subban tijt quoitilaiti ious wans emprīkistentismu malnijkikun pirsdau Deiwan steismu Rikijan sen sturnawiskan enimton... 'Hierauff so wōllet euch dieses gegenwertigen armen Kindleins gegen Gott dem HERRN mit ernst annehmen...'); — *quoitijlaiti*. K III, 77, 15—16 (Tyt quoitijlaiti ious mennei en stessei deicktan attrātwei... 'So wōllet mir an seiner stat Antworten...'). 2. Pl. Opt. — См. также *quoi*, *koyte*, *koyto*, *koytu*; *poquoitūns*, *poquoitēts*, *poquoititon*, *poquoitīsnau* (= *-īsnan*); *quāits*. — Прусск. *quoitē* непосредственно соотносено с сокращенной формой этого глагола *quoi*, которая несколько обособилась от *quoitē* в функциональном отношении. В свою очередь *quoitē* — Vb. denom. от *quāits*; разница в корневом вокализме объясняется безударностью (в случае *o*) и ударностью (в случае *a*). *Quoitē* принадлежит к числу глаголов с Infin. на *-it* — **quoitīt*, что, в частности, подтверждается формой *poquoititon*. Характерным следует признать наличие при Infin. на *-it* форм 3. Praes. на *-ā* и *-ē*, ср. *quoitā* наряду с *quoitē*; а также *quoitāmai* (1. Pl.) при *quoitēti* (2 Pl.). Несколько замечаний о флексиях. Глагол *quoitē*, согласно Стангу, принадлежит к числу тех, которые сохранили старую флексию *-ēje/o*: *quoitē* < **quoitēja*; вместе с тем Станг исходит из объяснения *quoi* путем сокращения *quoitē* или более архаичной формы типа **quoit(i)*. Флексию *-si* в *quoitilaisi* (5 раз), как и *-se* в *asse*, *dasse*, он выводит из *-sei*, указывая на возможность графической передачи дифтонга через *-e*, *-i*, если он находится в конце слова и не имеет на себе ударения. Эту флексию *-sei* Станг считает первоначальной для 2. Sg. Praes. (в тематических

основах — **-asei*). Формы *quoitilaisi*, *quoitilaiti*, *quoitilai* и под. трактуются им как Cond., причем элемент *-lai-* выводится из связи с лит. *lai*, лтш. *lai* (ср. лит. *léisti*, *laid-*, лтш. *laist*), традиционно признаваемой практически всеми, взамен чего предлагается новая связь с частицей *-le* в ст.-лит. *esle* 'esto', 'sit ita', *eikel* и т. п. (несогласие с этой точкой зрения см. St. Op 8.066). Для 1. Sg. Opt. (Cond., по Стангу) реконструируется форма **quoitilaimai*, которая по диссимляции дала бы **quoitilimai* (ср. *turrilimai*) с *-i-* в отличие от *-a-* в других формах этого ряда (ср. *quoitilaiti*). Очень существенно, что *quoitē*, особенно в ситуации оптатива, обнаруживает далеко зашедшую специализацию в направлении особого модального образования (типа англ. *would*, *should*). После определенных глаголов (в прусских текстах постоянно после *madlit*) автоматически появляются глагольные формы типа *quoitilai* и т. п., которые практически лишены семантики исходного глагола, но зато институализируются как определенный стандартный способ выражения модальности. Поучительно сравнение с трактовкой подобных мест в старых переводах на литовский и латышский, а также дословный перевод в РКР II. Ср. прусск. Mes madlimai ēnschan madlin kai stas Tāws endangon ni endeirit quoitilai noūson grīkans (K III, 37, 23) — при вилентовском Praſchom toje Maldoje idant Tiewas Danguiejis nedabotus ant muſu ghrieku... или Mes prašome šioje maldoje kad tas Tėvas danguje (i)žiūrėti nenorėtu mūsų nuodėmes... (PKP II, 134); прусск. Schlāit tans quoitilai noūmans stansubban wissan is etnijstin datwei... (K III, 37, 26) — при вилентовском Bet idant ghys mums tatai wiſs iſch malones noretu dūti... или Bet jis tenori mums tai pat visa iš malonės duoti (PKP II, 135); прусск. as madli wans Quoitilaiti maian Grikausnan kirditwei... (K III, 45, 5) — при вилентовском praſchau tawe idant iſchpraſinima mana paklaufitumbei... или aš prašau jus, tenorite maną išpažinti girdėti (PKP II, 150); прусск. Bhe madli tien Tou quoitilaisi mien schan deinan Deigi pokūnst... (K III, 51, 19) — при вилентовском Praſchau tawe idant mane ſchę diena taipieg arſaugotumbei... или Ir prašau tave, (kad) tu norėtum mane šią dieną taipogi pasergėti... (PKP II, 165) и т. п. Во всяком случае при оценке этих и подобных им употреблений разных форм прусск. **quoitit* следует помнить о степени зависимости их от немецкого текста и соответствующего языкового узуса. — Об этимологическом аспекте *quoitē* см. подробно в статье *quāits*.

— Л и т.: Thes. 1873, 86; APSpr. 282, 413; BSW 146; Bezenberger KZ 44, 1911, 309—310; SPV 112, 200; Stang Sl. u. balt. Vb. 1942, 230; Vgl. Gr. 1966, 8, 29, 120, 254, 275, 313, 361, 363, 407, 408, 410, 421, 443; Zabrocki Sl. Occ. 18, 1947, 375; Schmid Stud. z. balt. u. idg. Vb. 1963, 30; Kazlauskas Liet. istor. 1968, 297; Schmalstieg BL 1970, 136—137; OP 174—175, 197; St. OP 8.014; 8.066; 8.107; 10.088; Иванов Сл.-балт. глаг. 1981, 45; литература, относящаяся

к этимологии *quoitē*, приведена в статье *quāits*. — [**kvoite*, **kvoita*, **kvaite*, **kvaita*, **kaitá* (?); — **kvoitamai*, **kvaitamai*, **kaitáma* (?); — **kvoiteti*, **kvaiteti*, **kaitáte*; — **kvoitilaisi*, **kvaitilaisi*, **kvoitelaisi*, **kvaitelaisi*, **kaitēlaisi* (?); — **kvoitilai*, **kvaitilai*, **kvoitelai*, **kvaitelai*, **kaitelai* (?); — **kvoitilaiti*, **kvaitilaiti*, **kvoitelaiti*, **kvaitelaiti*, **kaitēlaiti* (?)].

quoitēti, см. *quoitē*.

quoitijlai, см. *quoitē*.

quoitijlaiti, см. *quoitē*.

quoitilai, см. *quoitē*.

quoitilai, см. *quoitē*.

quoitilaisi, см. *quoitē*.

quoitilaiti, см. *quoitē*.

quoitīsnan, см. *labbaiquoitīsnan*, *poquoitīsnan*.

quoptzt, см. *enquoptzt*.

{*lab-}, см. {*lab-ain-}, {*lab-el-}, {*lab-en-(?)}, {*lab-en-ik-}, {*lab-et-}, {*lab-et-av-(-ov)}, {*lab-at-(-ot-)}, {*lab-it-}, {*lab-i-av-(?)}, {*lab-un-}, {*lab-un-(i)k-}; {*lab- & *ap-}, {*lab- & *lauk-}, {*lab- & *vang-}, {*lab- & *ner- & *garb-(?)}; {*na- & *lab-}, {*pa- & *lab-it-}, {*but- & *lab-}, {*sand- & *lab-}. — Ср. Nom. pr. *Labenyk*, 1326; *Henricus quondam Labenyk dictus, Henricus de Labenyk* (с дополнением: «ist kein Preuße», см. Röhrich *Kolonis. Ermland. Zf. Gesch. Altert. Erml.* 13, 1901, 893); *Butilabes, Butilabs*, 1289 (ср. PU 2, 340); *Nalabe*, 1336; *Sandelobs*, 1354 (APN 22, 50, 65, 87, 142). Более многочисленны топонимы и гидронимы. Ср.: *Labayn*, 1426, позже — *Labehnen*; — *Labelles*, озеро, 1318; — *Labota*, 1255; *Lobeta* (SU 13); *Lowbuthe*, 1258 (SU 25); *Lobdowe*, 1318 (SU 130); *Lobethow*, 1322 (SU 157); *Lobtow*, 1327; *Labetaw*, 1404, позже — *Laptau*; *Lobdow*, 1407, позже — *Logdau*; — *Labiten*, 1354; *Labitten*, 1420, позже — *Lobitten*; — *Labegow*, 1249; *Labegowe-moter*, 1258 (SU 26); *Labegow, Labegowe*, 1273 (SRP 1, 134); *Labegow* (SRP 1, 490); *Labiow*, 1274 (?) (SRP 1, 490); *Labiaw*, 1275 (SRP 3, 575); *Labiow*, 1300; *Labegowe*, 1326; *Labiow*, 1352 (SRP 4, 8); *Labio*, 1352 (SRP 2, 518; 4, 7); *Labiaw*, 1353 (SRP 2, 519); *Labiow*, 1384 (SRP 2, 685), 1385 (SRP 2, 687, 695), 1393 (SRP 2, 672, 673), 1394 (?) (SRP 2, 681); *Labio*, 1394 (SRP 2, 656); *Labiow* 1395 (SRP 2, 675, 676), конец XIV в. (SRP 2, 680); *Labie*, 1431 (SRP 4, 488); *Labiaw*, 1454 (SRP 3, 664); *Labeaw*, 1455 (SRP 3, 691); *Labia*, 1455 (SRP 3, 693); *Labiaw*, 1467 (SRP 5, 194); 1512 (SRP 5, 325); *Labiau*, XVI в. (Bretk. Bibl. VI kn., 132); *Labaw*, 1613 (карта Литвы, выпущенная в Амстердаме), позже — *Labiau, Labguvā, Labgavā*; — *Labūne*, XIV в.; *Labune*, ок. 1399 (ZHM 42, 48); *Labūn*, 1400 (МКВ 19); *Labun*, 1401 (МКВ 40 и сл.); *Labune* луг, 1447; *Labe*, 1476 (Matricul. Regni Polon. I, № 1404); *Labañ*, *Labau*, 1565 (LMC I, 100); *Labaw*, 1570 (LMC II, 63); *Labe*, 1582 (Źródła dz. XXIII, 69); *Labau*, 1615 (LPm. II, 294); *Labaw*, 1624 (LPm. II, 79); *Laba*, 1647 (Fontes Tor. IV, 151); *Labaw*, 1664 (Fontes Tor. XXXII, 136); *Laabe*, ок. 1790 (Srt. X); *Labuñ*, 1884 (Słown. geogr. Polsk. V, 563); *Labuñ*, диал. *Łaba* и т. п.; — *Labalauks*, 1285, позже — *Gutenfeld*; *Labelawk*, 1307; *Labetowken*, 1394, позже — *Lablacken*; — *Labewange*, 1419; — *Labniegarwe*, долина, 1327 (SU 167); *Laniregarwe*, 1391; *Laniregerbe*; — *Nalabe*, 1374, позже — *Nallaben* (: Nom. pr. *Nalabe*, см. Röhrich *Kolonis. Ermland. Zf. Gesch. Altert. Erml.* 13, 1901, 751); — *Pallabithen*, 1301; *Palwythen*, 1430; *Pollwittenn*, 1430, позже — *Pollwitten*; *Palabiten*, 1423, позже — *Polbitten* (в отдельных случаях наблюдаются варианты записи, обнаруживающие притяжение к основе **palv-*, см. выше *Palwythen*; ана-

логичное явление и в записях прусск. *Pallawiten*, 1271—1276 и др., ср., в частности, *Polbitten, Polowiten*, ориентирующиеся и на *Palab-it-*). См. APON 79—80, 104, 113 (ср. также 226, 235, 240, 243, 250, 254); Górniewicz TPG 86, 204 (ср. еще 364, 367); *Studia Jęz.* 2, 1978 и др. — Целый ряд из этих старых названий так или иначе отражен в сев.-польск. топонимической зоне. В одних случаях сохраняется очевидная преемственность со старыми обозначениями, в других случаях проследить подобную связь не удастся, хотя нет серьезных оснований сомневаться в прусской (в конечном счете) принадлежности и этих примеров. Ср. такие названия, как: *Labell See, Labelwiese* (: *Labelles*, 1318); вероятно, *Łabapskie Jez.* («przy majątku Łabapach»), *Łabap, Łabap See*, дающие, видимо, основание для реконструкции **lab- & *ap-*, см. *ape* (Słown. nazw Mazur. II, 306, 371), Выразительны гидронимы в басс. Нарева (Omulew): *Wielkie Łabuny, Duże Łabuny, Grosser Labuhnen See, Łabunki, Małe Łabuny, Kleiner Labuhnen See* (HW 525), а также топонимы типа *Łabuñ, Łabskie Łady* (Słown. geogr. Polsk. XII, 47; TPG 204; *Zesz. nauk. Uniw. Gdańsk.* 1975, № 3, 36; *Studia Jęz.* 2, 1978 и др.; к *Labehn, Labuhn* см. Kilian *Altpr.* 4, 1939, 67 сл. и др.; Brauer *Pruß. Siedl.* 1980, 7); *Łebunia* (: *Labune*, 1400), pow. łęborski и др.; *Łabuñ* (дважды, ср. нем. *Laabe* и *Kahl*), *Łabuñ Mały (Neu Labuhn), Łabuñ Wielki (Labuhn)*. Słown. nazw geogr. PZP 171; *Łabławki (Lablack), Łabapa (Labap), Łabap (Labap See), Nalaby (Nallaben), Łebunia (Labuhn), Łebuński Bór (Labuhner Boor), Łebień (Labehn)*, дважды, *Łebieniec*. Ibid. 173—174, 203. Вероятно, возможно обнаружение и еще ряда названий этого типа, хотя этому сильно препятствуют внешне сходные «лебяжьи» названия вроде *Labencz* (Cod. dipl. Warm. II, 229), *Łabędź, Labens* при калькируемом прусском источнике *Gulben*, усвоенном и немецкой топонимией, ср. *Gulben See; Łabentenk*, 1651—1652 (Preuß. Prov.-Bl. 3, 228), *Łabętek, Łabéntek, Labentek See, Enten See; Łabéneck, Łabędziek, Labenzeck See; Labanz*, 1350 (Gesch. Kř. Rosenb. I, 146); *Labanz*, 1335 (Altpr. Forsch. 5, 1, 13); *Labentz*, 1595 (Hennenberger Von den See'en II, 14); *Łabędź, Labenz See; Łabęciana, Labęciana, Labenczowa Bruch, Rabenczany Bruch, Rabenbruch; Łabędziek, Labecek See, Eiben See* (Słown. nazw Mazur. II, 159, 173, 184, 207, 217, 321, 346; ср. также HW 509, 625 и др.). Теоретически вероятно и практически не исключено, что некоторые прутенизмы с корнем **lab-* были лишь позже осмыслены как «лебяжьи» названия. Отдельные примеры и сейчас оказываются двусмысленными. Таково, напр., уже упомянутое *Łebieniec (Labenz)*: с одной стороны, оно представляет собой dimin. от *Łebień (Labehn)*, на основании которого можно восстановить **lab-en-*, с другой же, оно отсылает через нем. *Labenz* к *Labencz, Łabędź*, т. е. к типично «лебяжьим» названиям. — Несмотря на обилие примеров, отражающих прусск. **lab-* в чистом виде, в разнородных суффиксальных образованиях и даже в сложных двуосновных типах, в целом эти примеры должны рассматриваться пока как слабо и далеко

не всегда надежно дифференцированный конгломерат фактов. Правда, относительно просто вычлениаются Nom. рг. с корнем *lab-*, видимо, не отделяемым от прусск. *labs* 'хороший', лит. *lābas*, лтш. *labs*; в ряде случаев аналогичное понимание *lab-* должно распространяться и на отдельные топонимы и даже гидронимы, что отчасти подтверждается польскими и немецкими кальками; ср. нем. *Labell See* (: прусск. *Labelles*) при польск. *Dobroleka* (Słown. nazw Mazur. II, 306) и прусск. *Labalaucs* при нем. *Gutenfeld*. С прусскими Nom. рг. на *Lab-* соотносятся также вост.-балт. примеры, как лит. *Lābinas*, *Labónis*, *Labūnas*, *Labūnis*, *Labáiša*, *Labūkas*, *Labūlis*, *Labūtis*, *Labáuskas*, *Labūnāvičius*, *Labėika*, *Labušėvičius*, *Labušáuskas*; *Lātgaudas*, *Lābvardas*; ст.-лит. *Łabis*, *Łobowicz*, *Łobeyko*, *Łobal*, *Łobalewicz*, *Łobalowa*, *Łobosza*, *Łobósa* (Liet. antrop. 163); *Stanis Gaylaytis Labwardis* (iš *Labardzių* < **Labvardžiai*, *Лобвордзи*, XVI в.), 1562 и др. (*Būga Asmens vard.* 1911, 39 = RR I, 262 сл.); лтш. *Labelle*, *Labal*; *Martin Labbesirgen*, *Hans Labbeszirgen*; *Labswirs*; *Ilse Labbesemes*, *Anna Labbesz*, *Hermen Labsz*, *Mathies Labsz* (LPV 201, 294); куршск. *Hans Labe*, 1571; *Martin Labbesirgen*, 1582—1585, *Labewirsz*, 1580—1581 (KF 299). Имена подобного типа получили распространение в польском, где (по крайней мере, в ряде случаев) они непосредственно заимствованы из прусск., и в белорусск. Ср. ст.-польск. *Łabun(i)a* (*Johannes alias Labuna*, 1410; *Johannes Labuna de Staw*, 1415; *Johannes Labuna de Grabyonowuce*, 1420; *Bona... Iohannis Labunya et filii Nicolai de Lissakovo in terra Plocensi*, 1497; *Testes Hedwigis, uxoris Labine* (! pro *Labune*), 1410), *Łabunina* (*Labunina de Krzywca*, 1460), *Łabuński* (*Voythko Labunski*, 1444; *Pyetrykoni Labunskyemu donaverunt X marcas*, 1448; *Nobilis Petrus Labinsky* (! pro *Labunsky*), 1449; *Dominus Johannes Labunski*, 1453 и др.), *Świętosław Łabunic* (: *Łabuna*, *Łabunia*) и т. п. Słown. nazw osob. III, 2, 305—306; *Brückner ZfslPh* 6, 1929, 59; ср. *Kozierowski Sl. Occ.* 3—4, 1925, 100 (к *Labune*) и др. Из белорусских Nom. рг. ср.: *Лабўн*, *Лабуньвіч*, *Лабунька*, *Лабунскі*, *Лабунька*, *Лабундаў* (Белар. антрап. 2, 240; *Римша БСл. Иссл.* 1980, 1981, 197); ср. также русск. *Лабуня*, крестьянин, 1520 г., Переяславль (Ономаст. 1974, 176), *Лабунский*. Из топонимических соответствий (которые, однако, не все равно надежны и доказательны) ср. лит. *Labūnai*, *Labūnava* (четырежды), *Labūnavėlė*, *Labūčiai*, *Labėliai*, *Labeikiai* (трижды), *Labiniškai*, *Labiškis*, *Labušiškiai*, *Labaišiškiai*, *Labanóras*, *Labanórsiai*, *Labardžiai* (дважды), *Labotiškiai*, *Labōrai*, *Labātmedis*, *Labà* и др. (LATSŽ 150—151); ср. в Литве и на смежных землях: *Łabuń*, *Łabunie*, *Łabuńce*, *Łabunów*, *Łabunowo* и т. п. (Słown. geogr. Polsk. V, 563—565); лит. на территории Белоруссии: *Лабуці*, *Лабуцішкі*, *Лабейкуны*, *Лабейкі*, *Лабелі*; *Лабуньчына*, *Лабэньчына*, *Лабы*, *Лабэцкія* (Лит. элем. блр. амам. 1968, 24, 63, 70, 76, 87; *Кратк. топон. слов. Белор.* 193; *Слоўн. назв. Мінск.* 149); лтш. *Labēji*, *Labenes*, *Labēni*, *Labiņi*, *Labišķi*, *Labiētis*; *Lab-kakts* рл., *Lab-lāiki*, *Lab-māizes*, *Lab-maize*, *Lab-prāt-būd*, *Lab-rags*, *Lab-slavas*, *Labumi*, *Labuones-ēzērs*,

Labuonieši, *Labuonis ez.*; *Lab-(v)ārdis*, *Lab-vārzi*, *Labzemis*; *Labais-purvs*, *Labas-purvs*, *Labbārzde*; *Labeli*, *Labenes*, *Labs-priediens* и др. (LV I, 2, 243—244; *Дамбе Baltist. I priedas* 1972, 56); куршск. *Labbar*, 1253 (UB I, 1, 327, 334). KF 115 (из **Labvārd/ej*). Более сложная ситуация обнаруживается при анализе водных названий на *Lab-*. Хотя прежде они чаще всего тоже выводились из балт. **lab-* 'хороший' (отчасти эта тенденция существует и в настоящее время; правда, в последнее время она обнаруживает себя все слабее), теперь более оправданным представляется установление для них связи с важным термином рельефа — лит. *lōbas* 'лог', 'котловина', 'впадина', 'долина', 'ущелье', 'русло реки', 'лужа', 'болотце', 'низина', 'низинный луг' (см. *Невская Балт. геогр. терминолог.* 1977, 50; ср. LEW 383; LKŽ 7, 636), см. *Vanagas Baltist.* 1, 1966, 189; LHEŽ 177; *Schall Baltist.* 2, 1966, 21; *Merlingen IF* 83, 1978, 48—49 и др. Правда, из балт. языков это слово достоверно известно только в литовском, где оно к тому же объясняется из контаминации. Тем не менее, с указанной точки зрения некоторые прусские названия (напр., *Labelles*, озеро) могли бы быть поддержаны лит. *Labà*, *Labė*, *Labėlis*, *Labaiškštas*, *Labāžė*, *Labāžėlė*, *Labāžis*, *Labaiškštas*, *Labakaršys*, *Labupė* (ср. название урочищ *Lābai*, *Lābas*, *Labė*, *Labėlė*), м. б., *Labanóras* и др. (LHEŽ 177; LUEV 85; *Liet. hidr.* 99, 102, 105, 114, 212, 224; о *Laba*, *Labupė* см. *Łęgowski Sl. Occ.* 5, 1926, 270), ср. особо *Labguvà*, которое *Ванагас* объясняет из балт. **Labiava* (формы с -g- объясняются влиянием ср.-н.-нем.); см. выше прусские примеры этого названия, специально расположенные в хронологической последовательности и свидетельствующие о том, что формы типа *Labegow* и т. п. располагаются в нижнем хронологическом слое (с 1249 г.); формы без -g- появляются на четверть века позже, когда уже документы не фиксируют форм с -g- если не считать совр. *Labguvà*, *Labgavà*. Возможно, что к этому же кругу следует отнести и лтш. *Labeli*, *Labinas*, *Labas-purvs* и т. п., как думает *Ванагас* (собрание латышских примеров см. выше). Следует отметить важные в ареальном отношении факты, касающиеся распространения названий этого корня к западу от Вислы — как в близком соседстве, в Померании, так и в более отдаленном, за Одрой, по верхнему Хафелю (Кг. Neu-Strelitz). Ср. поморск. *Lebun*, 1313 (= *Labuhn*, лемб. пов.), *Labbin*, 1288 (= *Labuhn*, лобезск. пов., нем. *Labes*), *Labune*, 1347 (= *Labuhn*, слупск. пов.), см. EOSON I, 125; хафельск. *Labbus*, 1569 (*Großer Labus-See*); *Der große Labus See*, 1780; *Der Labusch See*, 1788, диал. нем. *Labus* (Amtsb. Strel. MJB 37A, 104; *Schmettau Charte chron.*; EOSON I, 116, *Schall Baltist.* 2, 1966, 20); ср. также MH 1950, 98. Целый ряд названий, подозреваемых в наличии балт. *lab-*, обнаруживается в басс. Днепра, на бывших балт. территориях. Ср. *Лабаровка*, л. п. Свжной (другой ее приток носит название *Добрая*, *Добрянка*, что, видимо, должно трактоваться как калька балтийского *Lab-*), *Лабичь*, л. п. Десны (из **Lab-ik-is* или **Lab-it-jo-s*), *Лабезна*, в басс. Десны, м. б., *Лобно*, в басс. Сожи (ЛВВП 192). Менее ясны

подмоск. *Лобь* (Б.-слав. сб. I, 1974, 232, 256), окск. *Лабанов* в соседстве с *Добрая Вода* (ср. прусск. *lab- & *ap-); *Лабин*, поблизости *Добрынь* и т. п. (Гидр. басс. Оки 49, 69), значение которых (по крайней мере, пока) невелико в виду сходных фактов из других (заведомо не балтийских) мест, ср. *Лобанів*, в басс. Сев. Донца, *Лобанов*, в басс. Дона (Маштаков Спис. Дон. 44; Словн. гидр. Укр. 321). Указывались и другие параллели к балт. Lab- на территориях, где присутствие балт. элемента не обнаружено, но где отмечены следы старой «центральноевропейской» топонимии. Ср. кельтск. *Labarus*, *Labara* (: курск. *Labbar*, днепр. *Лабаровка*), которые выводились из кельтск. Adj. *lab-ar-os* 'журчащий' и т. п. (Ekwal Engl. RN 238 сл.; Bach Deutsche NamK. 189, ср. Holder Altcl. Spr. II, 113; Schall Baltist. 2, 1966, 21); о суф. -ar- см. Förster Flußn. Themse 1941, 409 (ошибочно мнение Шаля об отсутствии подобных образований в балт.). Сюда же причисляли др.-в.-нем. гидроним *Lebrah*, 774, *Leberaha*, 923 (*Leberau*, *la Liepvre*), см. Lebel Princ. d'hydr. franç., 1956, № 437 (ср. также ср.-в.-нем. *lib(b)eren*, ср.-н.-нем. *leberen* 'gerinnen', нем. *lab 'Mittel zum Gerinnen'). Краэ Festschr. Vasmer 1956, 246 сопоставлял балт. гидронимы типа прусск. *Labelles*, лит. *Labà* с иллир. *Labeates* (ср. *lacus Labeatus*, *palus Labeatis*), но, отвергая предлагаемую Герулисом связь с балт. *lab- 'хороший', 'добрый' (ср., однако, Turnwald Arheol. un ethnogr. 8, 1968, 137, который принимает сопоставление с иллир. *Labeates*, как и Kaulins Relat. Balt.-Illyr. 1980, 28), склонялся скорее к сравнению этих названий с лат. *lābēs* 'обвал (земли)', 'провал', *lābilis* и т. п. (ср. формы с s-mobile и носовым инфиксом типа ср.-н.-нем., ср.-в.-нем. *slam*, нем. *Schlamm* < *slamba-, англ. *slump* 'болотистое место' и т. п.). Однако по мере движения на юг, на Балканах, в Средиземноморье, в частности, в восточном (Малая и Передняя Азия), названия с элементом Lab-, продолжая появляться, входят уже в другие ряды сопоставлений и объяснений. К сожалению, они не всегда обнаруживаются, и в таких случаях ситуация оказывается темной. Однако немало и таких примеров, которые, видимо, могут быть отведены без особых натяжек. Ср., напр., *Лабанска река*, в басс. Вардара, *Лабаново*, *Лабаница* (греч. Македония) — из румынск. *Alban* (Constantinescu Dicţ. onom. romîn. 180; ср. Zaimov ZfSl. 6, 1961, 224—225; Duridanov Hydr. d. Vardar-Syst. 232), другой вариант — *Ябанска река*; или же *Λαβώτας*, река в Сев. Сирии (Strab. XIV, 751), объясняемое как гречизированное семитское название; ср. араб. *labān-at-a > *labōn-tā от *L-B-N 'белый' (см. Tischler Kleinas. Hydr. 1977, 86—87). — Следовательно, и более широкий ареальный фон не доставляет достаточно надежной информации, которая могла бы помочь уточнить природу балт. названий с элементом *lab-, в частности, осуществить стратиграфию всей суммы фактов (именно поэтому приходится признавать не доказанными и такие сопоставления как прусск. Nom. pr. (*Buti*)-labs : малоаз. Λαζας [Kleinas. PN 266], см. Rimša, Kauņa IV Vissav. balt. konf. 1980, 68, или схождения между балт.

Labar- и его центр.-европ. параллелями, с одной стороны, и карийским топонимом *Labara*, ср. карийск. *Labra*?, этникон *Kasolabēs*, лидийск. *Astelēbe* и т. п.; см. Исслед. дешиф. карийск. надп., 1965, 256). Вместе с тем несомненна связь одной части названий с семантическим элементом 'добрый', а другой — с обозначением важного элемента земного рельефа, имеющего отношение прежде всего к водным объектам ('русло реки', 'впадина', 'низина' и т. п.). Однако сложность состоит не в возможности надежной иллюстрации каждого из этих случаев, а в определении статуса множества неясных («промежуточных») фактов.

{*lab-ain-}, см. {*lab-}.

{*lab- & *ap-}, см. {*lab-}, *ape*.

{*lab-at-}, см. {*lab-}.

labbai, см. labs.

labbaiquoitīsnan 'вожделение', 'похоть', 'любопытствие', 'сластолюбие'. К III, 61, 22 (Kawida aina tickra widdewū bhe ainaseilingi ast stai saddinna swaian auschadisinan no Deiwan bhe polinka en madlin deinan bhe nactien kawida adder en labbaiquoitīsnan giwa sta ast giwāntei aulause '...Welche aber in wollūsten lebt die ist lebendig todt') Acc. Sg. fem. — Этот отрывок представляет собой цитату из 1-го Послания к Тимофею (5, 5—6), а не из 1-го Послания к Фессалоникийцам, как указано в прусской части текста (I Teffalo 5). Прусс. слово labbaiquoitīsnan представляет собой кальку с нем. *Wollust* (впрочем, *in wollūsten* передано в прусском тексте через Sg., а не через Pl.); в латинском тексте употреблена иная конструкция — At quae lascivit, ea vivens mortua est; ср. в греч.: ἡ δὲ σπαταλῶσα ζῶσα τέθνηκεν. Характерен перевод Вилента: A kuri g a f k a f c h e s u giwen ta giwa bebudam numirufi estī (44=25); ср. лтш. beth katra exkan karibes cziwo, ta gir cziwa muerruffe. Катех. 1587, 25 (ср. в Катех. 1585 г. toes mefces k a r u m (36) в соответствии с нем. Gelüst des Fleisches 'похоть'). Прусс. labbaiquoitīsnan представляет собой сложное слово. В первом члене labbai- (: нем. *Wol-*), см. labs, во втором — quoitīsnan (: нем. *Lust*), Subst. deverb. от глагола quoitē (см.) с суф. -isna, ср. сходное образование типа composita — labbasegīsnā (labbai- трактуется обычно как Adv.). Конструирование прусск. labbaiquoitīsnan для передачи нем. (in) wollūsten в данном контексте следует признать переводческой удачей. В labbai- лексическое значение оказывается несколько смазанным, приглушенным. Тем не менее обе части слова отсылают к обозначению некоей высокой и напряженной степени, в данном случае — особого желания, превосходящего норму (по силе, по выбору объекта и т. п.) и поэтому признаваемого греховным. С этой скоррелированностью (прилаженностью) обеих частей в прусском слове можно сравнить аналогичное взаимоотношение частей в русск. *любопытствие*. Микроконтекст labbai & quoitīsnan создает, видимо, условия для прояснения, актуализации более исконных смыслов составных частей, которые отсутствуют в этих частях, когда

они употребляются самостоятельно, порознь. Для *quoitisnan* такое предположение могло бы подтвердиться этимологическим анализом *quoitē*, см. выше, и реконструируемым на независимых основаниях ритуализованным употреблением лексем этого корня. В известной степени то же можно, видимо, сказать и о *labbai-* (сфера плодородия, высших потенций, вероятно, и эротических и т. п.).

— Лит.: APSpr. 366; SPV 200; OP 65. — [**labai-kvoitisnan*, **laba-kvaitisnan*; **laba-kaitēsnan* (?)].

labban, см. *labs*, *labbas*.

labbans, см. *labs*, *labbas*.

labbapodingausnan 'удовольствие', 'охота' и т. п. (ср.: *su gegu pamēgimu*. РКР II, 169). К III, 53, 16 (Тоū etwēre twaian rānkan bhe sātuinei wissan ka stwi giwe sen labbapodingausnan 'Du thust deine handt auff und settigest alles was lebet mit wolgefallen'). Acc. Sg. fem. (по APSpr. 366 — Instr.). — Прусск. слово представляет собой кальку с нем. *Wohlgefallen*. Сложное двуосновное слово. В первом члене *labba-*, см. *labs*, во втором — *podingausna-*, см., а также ср. *podingan*, *podingai*. Прусск. *labba podingausna* — Subst. abstr. Ср. у Виленца: *ir raffotini wiffus giwins raffimegimu* (37=20) и особенно в латышских катехизисах. Если в Катех. 1585 г. — *tu atwer touwe dželige roke vnde repuld wufs toes ahr touwe goufscibe* (50), то в Катех. 1587 г. иначе — *tu atwher touwe roke vnde pēhdēna wuejfe, katre tur cziwo ar labberate* (21).

— Лит.: APSpr. 366; SPV 200; OP 67. — [**laba-padingausnan*].

labbas, см. *labs*.

labbas 'добро', 'благо', 'имение', 'имущество'. К III, 37, 14 (*Wissan ka prei kermenes maitāsnan prewerisnan perlānkei kaigi stwi ast . . . Buttan Burwalkan Laukan Pecku Penningans Labbas . . . ' . . . Hauß Hoff Acker Vihe Gelt Gut . . . ';* 39, 13 (*Mes madlimai . . . kai nāūmans stas Taws endangan esse wissawidiskan wargan Kermenes bhe Daūsin Labbas qhe Teisin isrāikilai . . . 'Wir bitten . . . das vnns der Vatter von allerley vbel Leibs vnnd Seele Guts vnnd, Ehre erlöse . . . '.* Gen. Sg., см. также ниже; — *labban*. К III, 27, 2, 4 (*Mes turrimai Deiwan stan Rikijan krscha wissan powijstin biātwei bhe milijt kai mes tennēison paggan nouson Tawischas penningans bhe labban ni immimai . . . Schlāits tennijsmu swaian labban bhe maitāsnan galbimai walnint bhe popeckūt ' . . . das wir vmb seinen willen vnser nechsten Gelt noch Gut nicht nemen . . . Sondern jm sein Gut vnd Narung helffen bessern vnd behūten'). Acc. Sg.; — *labbans*. К III, 29, 35 (*As druwē kai mien Deiws Teikūnus ast . . . Isspressenien bhe wissans seilins dāuns ast . . . Prāistan rūkans bhe kurpins ist bhe puton . . . Laukan Pecku bhe wissans labbans . . . ' . . . Acker vnd Viehe vnd alle Gūter . . . ';* 73, 6 (*. . . Tāns quoitijlai stan prei etnistin enimt steismu swaians grīkans etwērpt bhe per ainai draugiwaldūnen stesses prabutskas Dengniskans labbans ersinnat . . . ' . . . Er wölle es zu Gnaden auffnemen jm seine Sünde vergeben vnd**

für einen Miterben der ewigen Himlischen Güter erkennen . . . '); 81, 7 (*. . . bhe waldūns twaisei Dengenneniskans labbans postāuns ast ' . . . vnnd Erbe deiner himlischen Güter worden ist'). Acc. Pl.; — labbis*. Гр. 71 ('guth'); Гр.-Г. 59 ('gutt'); Гр.-Кип. 70 = *Baltist*. 6, 1970, 222 ('Cruch', 'Taberna', объяснение этой ошибки дано Кипарским, 224; ср. РКР II, 55). Nom. Sg. — Форма *Labbas* в К III, 37, 14, трактуемая Траутманом и Эндзелином как Gen. Sg., вызывает серьезные сомнения. Она находится в длинном ряду форм, образующих список перечисляемых объектов, которые по идее все должны стоять в Nom. Однако исходное задание оказалось забытым. Это произошло, в частности, и потому, что: список начинается с двух Infin. (*Ist, Poūt*), обозначающих в данном случае еду и питье; слово *Buttan*, являющееся Nom. Sg., было осмыслено как Acc. Sg. (это стало возможным в силу того, что оно среднего рода); такое понимание (Acc.) *Buttan* индуцировало действительную форму Acc. в следующих словах — *Burwalkan Laukan* и т. д.; сам этот разнорядный ряд превратился в своего рода принцип. В этих условиях не вызвало бы удивления и появление правильной формы Nom. Sg. среди ряда аккузативных форм (OP 45, собственно, так и трактует *Labbas* в К III, 37, 14), но понимание здесь этой формы как Gen. Sg. все-таки кажется натяжкой и своего рода данью формализму (Gen. Sg. от этого слова, действительно, *labbas*). — Слово *labbas* представляет собой отадъективное (от *labs*, см.) существительное, типологически сходное с русск. *добрый* → *добро(е)* → *добро* 'имущество'. Точная параллель — лит. *lābas* 'богатство', 'имущество' (*Pilij sugriovė ir visa jū labą pasiēmė*. LKŽ, 7, 3) при *lābas* 'добрый', 'хороший'; лтш. *labs*, *labums* 'добро', 'имущество' при *labs* 'добрый', 'хороший'; ср. и нем. *Gut* при *gut* и т. п. — Слово *labbas*, употребляющееся в Энциклике как обозначение добра, имущества вообще (ср. характерный список в К III, 37, 13—17, где перечисляется то, что нужно человеку), имеет и более точное определение в юридических документах, относящихся к вещному и наследственному праву. «Помезанская Правда» различает недвижимую земельную собственность (*gutt*) и движимую собственность (*ding*), для противопоставления которых существует еще одна пара терминов — *legende grunt* и *farende habe* (ср. SRP 3, 296: описание прав, данных Ульрихом Юнгингом, в «Хронике» И. Посильге). Ср. 16. Von teilunge. Ist das ein kindt gibt sein gutt oder farende habe zu dem gutte seines vaters und der kinder die mit dem vater seint, vnd dasselbe gutt nicht nemlich benennet oder ausnimpt, dasselbe gutt geht in gleiche teilunge mit dem vater und mit den kindern — или 53. Von Teilunge. Bruder die ungeteilet sein von yres vaters erbe, ist das der brüder einer ader zwene ander gutt verdienen, wollen die teil nemen von yres vaters erbe, so sollen sie yr verdiente gutt in die teylunge brengen . . . — или 71. Von Brüder teilunge. Die Pomezan haben fundenn, wo zwene bruder bey einander seint geteilet odir ungeteilet, vnd ist das der eine stirbt vnd . . . , so mag das weib mit

dem swoger die f a r e n d e h a b e vnd gutt halb teilen vnd also alleine bleiben mit yres mannes gutt yre lebtage (ср. 51. Von Beschuldigung. Beschuldiget ein man den andern vmb findunge seines guttes oder seines dinges. . .). Наряду с архаичными пережитками патриархально-общинного права в наследовании «Помезанская Правда» фиксирует и те категории, которые лишены недвижимой собственности (Knecht, Dienst, Gerthner). См. Помез. 1955, 34, 56—57 и др. Видимо, нет оснований сомневаться, что *gutt* «Помезанской Правды» соответствовало у пруссов слово *labbas*, имевшее помимо общего смысла вполне конкретное юридическое содержание.

— Лит.: APSpr. 366; SPV 200; OP 45. — [**labas*, **labis*; **labas*, **labās*; **laban*; **labans*].

labbasegīsnan 'благоедеяние', 'доброе дело'. К III, 53, 33 (Mes Dinkaumai tebbe Rikijs Deiws Taws Pra Jesum Christum per wissan twaian labbasegīsnan. . . 'für alle deine wolthat. . .'); 81, 11 (Mes madlimai tien. . . kai toū schien malnijkan kas teinū toūls twais malneyks postāuns ast prei stēisei pogauton labbasegīsnan Etniwingiskai pakūnst quoitilaisi. . . 'bey der empfangenen wolthat gnediglich bewaren wöllest. . .'). Acc. Sg. fem. — Сложное двуосновное слово, калькирующее нем. *Wohltat*. В первом члене *labba-*, см. *labs* (: *Wohl-*), во втором — *segisna*, см. (: *Tat*). У Вилента соответствующие образования отсутствуют. Ср.: DEkawojem. . . vſch wiffas gēri b e s tawa. . . 38=21 (ср. К III, 53, 33). Зато оно известно в латышском (ср. *labdarība*), начиная с ранних Катехизисов. Ср.: par wufce touwe dawane vnde labbedarģiſche n. Катех. 1585, 52; par wueſſe touwe labbedarģiſchenne. Катех. 1587, 21—22 (с суф. *-šana* (*-šena*), при иных образованиях в лит. *labdarā*, *labdarýbē*, *labdarýstē* и под.). Вместе с *labbaiquoitīsnan* и *labbapodīngausnan* прусск. *labbasegīsnan* входит в особый круг калькирующих образований, характеризующихся единством (элемент *lab-* в первом члене и Subst. abstr. с суф. *-sn-* во втором члене). К этим образованиям в ряде случаев близки латышские факты, в целом, однако, не проведенные с достаточной последовательностью.

— Лит.: APSpr. 366; SPV 200; OP 68. — [**labasegīsnan*; **labasegēsnan*].

labbatīngins 'гордый' ('гордец'). Adj. К III, 61, 15 (Jous Maldai seitī poklusman steimans vraisins. . . beggi Deiws emprīkistallaē steimans labbatīngins '...Denn Gott widerstehet den hoffertigen'). Acc. Pl. masc. (APSpr. 366 описка: Sg.). — В отрывке из 1-го Послания Петра (5, 5; ср. nam Deus superbis obsistit; ὅτι ὁ Θεός ὁ περὶ φάνοισ ἀντιτάσσεται), где *labbatīngins*, 'гордым', противопоставляются *laustingins*, смиренные (ср. продолжение: Adder steimans Lāustingins dast tans etnīstin 'Aber den demütigen gibt er gnade'), при значительной сближенности обоих обозначающих, ср. общий элемент *la...tingins*. Но, если *-t-* в *laustingins* закономерно объясняется из исходной структуры глагола (*lausti-*

neiti, см.), то *-t-* в *labbatīngins* так объяснено быть не может и остается до некоторой степени неясным. Теоретически можно было бы думать об Adj. на *-ing-* от Subst. abstr. на *-at-* или *-ast-* (ср. лит. *lābastis* 'благосостояние', 'доброта' и под., см. LKŽ 7, 5; ср. тип *rūpestīngas* и под.). В случае *labbatīngins* уместнее думать вслед за Траутманном и Эндзелином об Adj. с суф. *-ing-* от Subst. **labatā*, абстрактного имени от *labs* (подобно лит. *sveikatā: sveikas, gyvatā: gývas* и т. п.), которое могло бы значить 'благосостояние', 'горделивость' и т. п. Однако конкретно такой тип образований не известен ни в прусском, ни в вост.-балт. языках (впрочем, см. **lab-at-*: прусск. *Labota?*). Семантически *labbatīngins* могло бы быть понято как 'хорошающийся' → 'горделивый' (*labbat-ing-s: labbat-at-ing-s*, где *-at-* могло уже как-то связываться с категорией оценки). Иные типы обозначений избираются в этом месте в переводах Катехизиса на вост.-балт. языки. Ср. лит. Neſa Dievas puikie m u ſ i e m s p r i e ſ c h t a r a u j a в переводе Вилента (43=24) или лтш. a e ſ t o d e w s ſ t h a w e p r e t t i b e t i m s g r e ſ n i m s. Катех. 1587, 25.

— Лит.: APSpr. 366; SPV 200; OP 92. — [**labatīngins*; **labatīngans*].

labbings 'благой', 'добрый'. Adj. К III, 35, 25 (Deiwas labbings etnīwings quāits audāst sien labbai schlāit nōusen madlan. . . 'Gottes gute r gnediger Wille geschicht wol ohn vnser Gebet'). Nom. Sg. masc. — Отадъективное образование с помощью суф. *-ing-* Точная параллель — лит. *labingas* (LKŽ 7, 6; см. Daukš. Post. 187). Ср. у Вилента: Giera Maloninga Diewa walia. . . (22=12) при: Dewe labbas vnd ſeelyx prätcz. . . в латышском Катехизисе 1587 г. (14). — См. *labs*.

— Лит.: APSpr. 366; SPV 200; OP 92. — [**labing(a)s*].

labbis, см. *labbas* 'добро'.

labbiskan см. *labbisku*.

labbisku 'доброта', 'благосклонность'. К III, 53, 25 (Dinkauti stesmu Rikijan beggi tans ast ginnewings bhe swaia labbisku wēraui Enprābutskan 'Dancket dem Herrn denn er ist freuntlich vnd seine G ũ t e wehret ewiglich'). Nom. Sg. fem.; — *labbiskan*. К III, 31, 3 (. . . bhe prijki wissan wargan pokūnti bhe popeckuwi bhe stan wissan is kalsiwingiskan Tawiskan Deiwūtiskan labbiskan bhe etnīstin. . . ' . . . vnd für allem Vbel behütet vnd bewaret. Vnd das alles aus lauter Vätterlicher Göttlicher G ũ t e vnn d Barmhertzigkeit. . .'); 69, 4 (Mes madlimai twaian grunt powirpingin labbiskan tu quoitilaisi stawīdan twaian teikūsnan ensadinsnan bhe absignasnen ni dāt kumpint neggi pogadint 'Wir bitten deine grundlose G ũ t e. . .'); 73, 21—22 (Tijt kackinnais teinu Prābutskas Deiwa twaian labbiskan bhe etnīstin stesmu kas stwi madli. . . 'So reiche nun ewiger Gott dein G ũ t e vnn d Gnade dem der da bittet. . .'); — *labiskan*. К III, 53, 30 (Stas Rikijs turri podīngan en stēimans quoitennan bia bhe quai no swaian labiskan gēide 'Der Herr hat gefallen an denen die jn fürchten vnn d auff seine G ũ t e wartten').

Acc. Sg. — Subst. abstr. отадъективного происхождения с суф. *-isk-* (ср. *ginniskan, swintiskan, teisiskan, wīngriskan, wesliskan, kailūstiskan* и т. п., см. APSpr. 225; SPV 50). Ср. лтш. *labiski, labiški* (Adolphi) 'rechts', 'rechtwärts' и как Adj. (*labiska un kreisiska gājiēna skrūves*. ME 2. 396). Иначе переведено у Вилента (в соответствии с K III, 53, 25): DEkawoket Ponui neja ghus jra gieras ir io geribe patenk amβinai. . . (38=21) и в латышских катехизисах, ср.: Pateitczet tam kungam, aefto thas gir mylux vnde winge m y l e j t i b e palleckt muβige. . . (Катех. 1587, 21), где, во-первых, используются слова другого корня (по сравнению с *lab-*) и, во-вторых, идет игра вокруг однокоренных Adj. и Subst. (*gieras. . . geribe* или *mylux. . . mylestibe*). В прусском же Энхиридионе в соответствующем месте (вслед за немецким текстом) подобный прием отсутствует: *ginnewings. . . labbisku*. — См. *labs*.

— Л и т.: APSpr. 366; SPV 200; OP 62, 132. — [**labisku, *labiskā; *labiskan*].

{**lab-* & **eit*}, см. {**lab-*}, *labs, eit*.

{**lab-el-*}, см. {**lab-*}.

{**lab-en-ik-*}, см. {**lab-*}.

{**lab-et-av-*}, см. {**lab-*}.

{**labguv-* (?)}, см. {**lab-*}, {**lab-t-av-* (?)}

labiskan, см. *labbisku*.

{**lab-it-*}, см. {**lab-*}.

{**lab-* & **lauk-*}, см. {**lab-*}, *laucks*.

{**lab-* & **ner-* & **garb-* (?)}, см. {**lab-*}, {**ner-*}, *garbis*.

labonache 'хороший'. Adj. ВРТ (Kayle rekyje toneaw labonache thewelyje. 'Здравствуй, сударь! Ты уже не хороший дядюшка'). Nom. Sg. masc. — И в отношении формы, и даже в отношении значения слово содержит ряд неясностей. Определенно можно отсечь конечное *-e*, которое в значительной степени объясняется графической инерцией (из 11 слов текста 8 оканчиваются на *-e*). Мажюлис Baltist. II, 1975, 127—128 предполагает, что за этим написанием кроется Nom. Sg. masc. прусск. Adj. **lab-ans*, из более старых **lab-nas* или **lab-anas*. Форма **lab-nas* нашла бы себе соответствие в лит. диал. *lābnas* 'добрый', 'хороший' (ср. пример из фольклорного текста, записанный в окрестностях Лишкявы, т. е. в бывшей Судувской земле: *Sēdēdamas verkē labnū jū dieneliū*. LKŽ 7, 7). Предполагается, что **labnas* через стадию **labns* дало бы **labans* (ср. подобные изменения, объясняющие прусское название ольхи). Согласно Мажюлису, **labans* в соответствии с известной фонетической закономерностью могло дать **labants* (*s > f̃* после *n*), которое посредством анаптика упростилось в **labanats*, вероятно, и нашедшее свое отражение в графической записи *labonache*. Указывается, что *-t-* могло быть записано как *-th-*, которое нередко смешивалось с *-ch-*; вместо *-s* в **labanats* было записано *-e* (ср. *kayle* вм. **kails*). Возможно, что суф. *-anas* придавал слову уменьшительное значение — **labanas* 'хорошенький', тем более, что и следующее

слово *thewelyje* — dimin. (ср. лит. *gerūtis dēdēlis*). Разумеется, обилие частных объяснений, которые позволяют заполнить лауну между записью *labonache* и реконструируемой формой **labana(t)s*, снижает отчасти надежность изложенного решения. Но за неизменением иных предложений приходится пока остановиться на указанной точке зрения. Возможно, следовало бы рассмотреть вариант толкования *labonache* как **laba-naktis*; ср. также предложение Сабалаяускаса понимать *labonache* как испорченное слово *lūbeniks*.

— Л и т.: McCluskey, Schmalstieg, Zeps Gener. Ling. 15, 1975, 162; Mažiulis Baltist. 11, 1975, 125, 127, 128, 130; St. OP 4.600; 4.601; 4.710—4.712; 331. — [**labanats* (?)].

labs 'добрый', 'хороший', 'благой'. Adj. K III, 35, 5 (. . . *sta ast swais Etneiwings lab s quāits . . . das ist sein gnediger gute r wille*). Nom. Sg. masc.; — *labban*. K III, 57, 7 (*Beggi sta ioumas ni ast labban* 'Denn das ist euch nicht gut'); 57, 32 (*Beggi sta ast labban. . .* 'Denn solches ist gut. . .'); 63, 18 (*Sta ast ni labban kai stas smunents ains ast* 'Es ist nicht gut das der Mensch allein sey'); 67, 14 (*Bhe Deiws endeirā wissan kan tans bei teikūns bhe dereis stwi sta bēi wissan sparts labban* 'Vnd Gott sahe alles was Er gemacht hatte vnd sihe da Es war alles sehr Gut'). Nom. Sg. n.; — *labbas*. K III, 27, 14 (. . . *Schlāits turrimai stai etwinūt bhe labbas esse stesmu waitiāt. . .* ' . . . Sonder jhn entschuldigen vnd guts von jm reden. . .'). Gen. Sg. n.; — *labban*. K III, 37, 14 (*Wissan ka prei kermenēs maitāsnan prewerīsnan perlānkei kaigi stwi ast. . . labban seimīnan labban s bhe auschaudiwingin Aucktairikijskan labban rickaūsnan labban winnen. . . Labban s ginnins. . .* 'Alles was zur Leybs narung vnd notturfft gehört als. . . Gut frumb Gesinde fromme vnd trewe Oberherrn gut Regiment gut Wetter. . . gute Freunde'); 61, 2 (. . . *seggītei esse sīran sen labban quāitin . . . thut von hertzen mit gutem willen*). Acc. Sg. masc.; — *labban*. K III, 37, 15 (см. *labban*. K III, 37, 14). Acc. Sg. fem.; — *labban*. K III, 29, 7 (*Adder stēimans quai mien milē bhe maians pallaipsans lāiku segge as labban en tūsimtons streipstoos* 'Ader denen so mich lieben vnd meine Gebot halten thue ich wol in tausent Gelied'); 29, 14 (*Tāns preigerdawi adder etnijstin bhe wissan labban. . .* 'Er verheyst aber Gnade vnd alles Guts. . .'), 37, 29 (*Tijt quoitāmai mes arwiskai stēimans etkūmps dijgi sīrisku etwiērt bhe reidei labban segit. . .* 'So wollen wir zwar denn widerumb auch hertzlich vergeben vnd gerne wolthun. . .'); 59, 16 (. . . *ikai ious labban seggēti bhe ni tijt būrai asti* 'So jr wolthut vnd nicht so schūchter sey'); 61, 4 (. . . *bhe waiditi kai erains labban segge stan wīrst tans pogauuns. . .* ' . . . Vnd wisset was ein jeglicher gutes thut das wird er empfahen. . .'). Acc. Sg. n.; — *labban*. K III, 37, 15 (см. *labban*. K III, 37, 14); 67, 16 (*kas einan Salaūbāigannan aupallai stas aupallai ainan labban powijstin bhe kniēipe signassen esse Rickijan* 'Wer ein Ehefraw findet der findet was guts vnd schöpffet Segen vom HERRN'). Acc., по APSpr. 366; «unbest. Genus»; —

labans. K III, 59, 5 (Seiti pomettiwingi wissai smūnenisku ente-ikūsnan esse stesse Rikijas paggan Sta bousei stesmu Waldniku kāigi stesmu Aucktimmien adder stesmu Höfftmannin Kāigi stesmu pertengninton esse stesmu prei trinsnan nostans warguseggientins bhe prei girsnan steimans l a b b a n s '...vnd zu lobe den f r o m e n'). Acc. pl. masc.; — *labans* K III, 37, 16 (см. *labban*. K III, 37, 14). Acc. Pl. fem.; — *labans*. K III, 37, 14 (см. *labban*. K III, 37, 14). Acc. Pl., по APSpr. 366: «unklar». — Adv. *labbai*. K III, 35, 13 (Deiwas rīks pereit l a b b a i essetennan subbai ir bhe noūson madlan 'Gottes Reich kombt w o l o n vnser Gebet von jhm selbs'); 35, 25 (Deiwas labbings etnīwings quāits audāst sien l a b b a i schlāit noūsen madlan 'Gottes guter gnediger Wille geschicht w o l ohn vnser Gebet'); 37, 27 (. . . beggi mes deininisku tūlan grīkimai bhe l a b b a i wis saweidin sūndanper schlūsimai. . . '...Denn wir teglich viel sūndigen vnn d w o l eitel straff verdienen. . .'); 47, 3 (Waisse tu adder postippan niainan [kawids ni l a b b a i musīngin massi bouton] Tit gerdaus dijgi niainan schlāitiskai. . . 'Weyssestu aber gar keine [welches doch nicht w o l solt möglich sein] So sage auch keine in sonderheyt'); 47, 24 (Kawīdai adder debbikan pobrandisnan stetse powaisemnen turri. . . tai ast stans wīrst ans Klausīwings l a b b a i waist. . . 'Welche aber grosse beschwerung der Gewissens haben. . . die wird ein Beichtuater w o l wissen. . .'); 49, 35 (Adder stas ast tickars wertings bhe l a b b a i pogattawints kas stan Druwien turrien schans Wirdans 'Aber der ist recht würdig vnd w o l geschickt Werden Glauben hat an diese Wort'); 55, 14—15 (. . . kas swaiāsmu supsei buttan l a b b a i perstallē. . . '...der seinem eigen Hause w o l fürstehe. . .'); 55, 29 (Stans Vraisins quai l a b b a i perstallē laikutei dwigubbus teisis werts. . . 'Die Eltesten die w o l fürstehen die halte man zwifacher Ehren werdt. . .'); 61, 29 (Erains mukinsusin swaian mukinsnan Tit wīrst l a b b a i stalliuns enstan buttan 'Ein jeder lern sein Lection So wird es w o l im hause ston'); — *labban*. K III, 25, 3 (Tou turri twaian Tāwan bhe Mūtien smūnint kai tebbe l a b b a n ēit bhe ilgi giwassi nosemmien 'Du solt dein Vater vnd dein Mutter ehren auff das du lange lebest im land. . .'); 59, 28 (Sta ast stas pirmonnis pallaips kuwijds potaukīsnan turei issprettingi kai tebbei l a b b a n eit bhe ilga giwasi nosemmien 'Das ist das erste Gebot das Verheysung hat Nemlich Das dirs w o lgehe vnd lange lebest auff Erden'). — См. также {**lab-*}, *labbas*, *labban*, *labbisku*, *labbings*, *labbatingsins*, *labbtūquoitīsnan*, *labbapodīngausnan*, *labbasegīsnan*. Сюда же фактически следует отнести сложные глаголы **lab-* & **segīt* и **lab-* & **ēit*, восстанавливаемые на основании сочетаний этих глаголов с Adv. *labbai* в K III, 37, 29; 59, 16; 61, 4 и K III, 25, 3; 59, 28, где *labbai segīt* и *labbai ēit* передают нем. *wohltun* 'благодетельствовать' и *wohlgehen* 'быть благу'. Несомненно, что употребление в этих случаях Adv. *labbai* — результат переводческой недоработки, некоей атомистичности в установке. Наличие *labbasegīsnan*, являющегося, по сути дела, Subst. deverb. от **lab-*

& **segīt* (особо стоит вопрос о *labbasegīsnan* как компрессии сочетания Adj. & Subst., т. е. *labba* & *segīsnan*), может рассматриваться как решающий аргумент в пользу реконструкции этого глагола. Точно также **lab-* & **ēit-* дает известные основания для восстановления Subst. deverb. в виде **lab-* & **eisena-* (**lab-* & **eisana-*). Бесспорно, что при продолжении традиции переводов религиозных текстов на прусский этот способ расширения прусского словаря получил бы широкое развитие. Вместе с тем ср. ситуацию с этим кругом слов в вост.-балт. языках. В литовском нет глагола типа **labdaryti*, но только *labdariāuti* 'благодетельствовать' (LKŽ 7, 5), который уже предполагает такие образования как *labdarà*, *labdarỹs* (ср. *labdarỹstē*) и т. п. В латышском имеется глагол *labdarīt* (Glück Jakob IV, 17), но он представляет собой новообразование на основе *labdaris* по образцу нем. *wohltun* (ME 2, 394); ср. также *labdarība*, *labdarījums* (*labdarišana*?) и т. п. В словаре Лангия 1685 г. отмечено *Labbedarriht* 'guts thun', *Labbedarrihana* 'die Gutthat', 'Wohlthat', *Nhe labbedarriht* 'arges thun', *labbahk darriht* 'bessern' (LVV 128), у Стендера Lett. Lex. 1789, 127 — *labdarris*, heißt abusive, ein Segensprecher, Zauberer. — Ближайшие, бесспорные и совершенно точные параллели прусск. *labs* отмечены в вост.-балт. языках — лит. *lābas* 'добрый', 'хороший' и лтш. *labs*, то же. Для целей непосредственного сравнения этих примеров достаточно, но для создания более широкой перспективы, вне которой невозможно ставить вопрос о реконструкции истории слов этого корня в прусском, необходимо иметь в виду и, так сказать, периферию, находящуюся за пределами сравниваемого ядра. К ней относятся в вост.-балт. языках такие факты, как отражение апофонических отношений (ср. лит. *lābas*: *lōbis*, *lobus*, *lobingas*, *lōbti*, *lobēti* и т. п.), предельная сближенность Adj. и Subst. (ср. лит. *lābas* 'хороший', 'добрый' и *lābas* 'добро', 'богатство', лтш. *labs* Adj. и *labs* Subst. и т. п. при прусск. *labs* — *labbas*), наличие глагольных образований (ср. лит. *lābas*: *labauti*, *labēti*, *lābinti*, *labuotis* и т. п., лтш. *labs*: *labēt*, *labināt*, *labīt*, *labuōt*, *labt*), тенденция к превращению в неполнозначные слова (ср. лит. *labu*, *labdiēn* и т. п. Interj. или *laban* Праер. (?). LKŽ 7, 3; лтш. *labdien*, *labvakar* и *lab*, *labā*, *labad* [о последнем — из *labadē*] см. Эндзелин Лат. предл. I, 85 сл.; Lett. Gr. 501; Latv. val. sk. 153; LVG 652—654; Fraenkel Post.-Präp. 223; LEW 327] с предшествующим Gen. [tewis l a b es tecēju ar basām kājiņām. BW 29985. ME 2, 394]; *laban* 'eben', 'jetzt' в *patlaban*; ср. *ja laban*, *kas laban* и т. п.), фиксация нестандартных смыслов в Adv. (ср., напр., лит. *labai* 'очень', 'весьма', 'крайне', 'сильно' и т. п.), наконец, присутствие периферийных значений в самих Adj. (ср. применительно к лит. *lābas* — 'подходящий', 'пригодный', 'надлежащий', 'ценный'; 'приятный', 'милый'; 'поздноватый'; 'большой', 'заметный' и т. п., см. LKŽ 7, 4, но особенно применительно к лтш. *labs*; см. обширную коллекцию примеров, собранных ME 2, 397—398, — вплоть до полной утраты первоначального значения, ср.: *kas nu*

tev lab s, zirdziņ, uzgājis? или kur tu laba iedams? и т. п.). На фоне этих вост.-балт. явлений прусск. *labs* и его формы выглядят слишком регулярными, и естественно напрашивается предположение о том, что и в прусском в какой-то степени происходили аналогичные процессы «деградации» слова (тенденция к переходу в разряд служебных слов и тенденция к семантическому выветриванию). В частности, в ряде контекстов, где выступает наречие *labbai* (:*wol*), оно, по сути дела, обозначает не 'хорошо', а что-то вроде 'конечно', даже 'ведь' и т. п. (также и 'очень', как в лит. *labai*). Наметки этой семантической и категориальной перспективы в истории балт. *lab-* в его, условно говоря, «нисходящей» части могут оказать некоторую помощь при восстановлении той скрытой («восходящей») части истории этой лексемы, которая предшествовала прусск. *labs* и современному вост.-балт. состоянию, характеризуемому нахождением Adj. лит. *lābas*, лтш. *labs* (: прусск. *labs*) в центральной позиции и отрезанностью от семантических и словообразовательных мотивировок. В самом деле, связь *lab-* с семантическим элементом 'добрый', 'хороший' для современных балт. языков выглядит как основная и преимущественная, хотя ситуация в литовском резко отличается от латышской. Указанная связь основана, однако, прежде всего на одной очень ограниченной категории случаев (это верно для литовского и не исключено для латышского на его ранних этапах развития), которая, впрочем, стала принадлежностью важнейшего элемента ритуализованного поведения человека в обществе. Речь идет о ситуации благопожелания (именно такой смысл придается ей в современном узусе, когда снимаются избытки более или менее автоматизированного употребления) при встрече, отчасти и при расставании. Ср. лит. *labà dienà, lābą diēną, lābą naktį, labōs naktiēs, lābas rýtas, lābą rýtą, lābas vākaras, lābą vākarą; labdiēn, labrýt, labvākar* и т. п.; то же в принципе и в лтш. *lab(as)dienas, labdien, labu nakti, labrīt, labvakar* и т. п. (примеры этого рода из старых литовских текстов собраны Бугой, см. KS 134—135=RR II, 157—158). Ф у н к ц и я *lab-* в этих предложениях не вызывает сомнений, хотя не все ясно относительно состава ритуализованных действий (движений, приемов), сопровождавших произнесение самой формулы благопожелания (см. ниже). Но хуже, пожалуй, то, что само значение *lab-* даже в литовском (*lābas*) чаще всего определяется только или во всяком случае преимущественно из в с е й формулы ('добрый', 'хороший') и интерпретируется как эквивалент прилагательного в нем. *guten Morgen!* франц. *bonjour!* англ. *good night!* русск. *добрый день!* и т. п., хотя в языках, из которых приведены эти примеры, соответствующее прилагательное выступает как о с н о в н о й (или, по сути дела, единственный) носитель значения 'добрый', 'хороший' и вне приведенных формул, тогда как в литовском вне формул *lābas* таковым значением или не обладает, или — во всяком случае — уступает в этом отношении слову *gėras*. Торжеством понимания *lābas* в значении 'добрый', 'хороший' следует считать неслучайную и сильную

экспансию *gėras*, нередко приводящую к вытеснению *lābas* даже в формулах благопожелания, что так поразило и огорчило Бугу при его возвращении после войны в Литву (RR II, 156); характерно, что малочисленные примеры (исключая формулы), когда лит. *lābas* определяется как 'gegas' (LKŽ 7, 4), или производят впечатление вторичных (напр., обусловленных контекстом или аналогических по происхождению), или могут быть переинтерпретированы более строгим образом (ср.: *Viską reikią priimti: ir l a b a, ir p i k t a; Nieko l a b o Vytautas nuo tų žygių perešė; Apie save negaliu. . . nei jokio l a b o parašyti*). Учитывая, что литовская ситуация резко отличается от латышской и прусской, где Adj. с корнем *lab-* стал о с н о в н ы м выразителем смысла 'добрый', 'хороший' (пруссские примеры см. выше; латышские см. ME 2, 397—398), напрашиваются два противоположных по характеру предположения об исходной (общевосточноевропейской) ситуации: или литовская ситуация более архаична и тогда исконно *lab-* характеризовалось относительно ограниченным употреблением и более специализированным значением (в прусск. и латышск. этот исходный локус был затемнен экспансией *lab-*, приобретшего общее значение 'добрый', 'хороший'), или прусско-латышская ситуация исконна, и тогда положение *lab-* в литовском должно рассматриваться как результат вытеснения его из целого ряда характерных для него локусов, сужения и специализации значения. С точки зрения задач «статической» этимологии выбор между указанными двумя возможностями едва ли существен, но для этимологии, ориентирующейся на динамику развития и, следовательно, на диахронические показания общей эволюционной цепи, такой выбор насущно необходим. Видимо, предпочтение должно быть отдано первому варианту, связанному с признанием особой архаичности литовской ситуации. В пользу этого выбора говорит бы большая сложность, разнородность семантической структуры лит. *lābas* (как и всего поля 'добрый — хороший') со следами несглаженности и неунифицированности; в прусском, как и в латышском, положение с Adj. *lab(a)s* несравненно проще и выглядит как результат быстрой и энергичной экспансии, приведшей к выравниванию и унификации, к универсализации значения 'добрый', 'хороший', приведшей к вытеснению (хотя и не окончательному) более ранних специализированных значений. Семантическая непрозрачность балт. *lab-* (не только на уровне «актуальной», но и на уровне «ученой» этимологии) также проще объяснялась бы при предположении о разрыве со старыми источниками, приведшем к решительной перестройке семантической структуры слова, разорвавшей с прежними семантическими мотивировками. Наконец, сами значения лит. *lābas* и однокоренных слов отсылают, кажется, к иному пласту значений, нежели 'добрый', 'хороший', хотя и объясняют отчасти то, как могли формироваться эти последние значения. Ср., напр., *lābis* 'богатство', 'сокровище', 'клад', *lōbti* 'богатеть'; 'удаваться', 'даваться', но и 'х в а т а т ь', 'захватывать', 'грабить' (ср. LKŽ 7, 638: '*plėšti*',

'grobti' — Vokiečiai vežė, l o b è, žmones vargino) и т. п. Похоже, что имение, имущество, богатство могло и в литовском (а, следовательно, и в других балтийских языках) пониматься как в з я т о е, с х в а ч е н н о е (ср. слав. *jьmьnyje; *jьmьti), даже вырванное и т. п. Такое понимание полностью подкреплялось существующей этимологией балт. *lab-*, которая, однако, эксплицитно никогда не объяснялась. Речь идет о связи балт. *lab-* с и.-евр. **labh-* 'хватать', 'схватывать', отраженном в др.-инд. *lābhate (lāmbhate)* 'хватать' (о *rabh-:rambh-* см. Kuiper Idg. Nasalpräs. 1937, 148—149), *lābha-* 'нахождение', 'получение'; 'захват(ывание)'; 'захваченное'; 'выигрыш' и т. п. и в др.-греч. *λάφυρον* (обычно в Pl.) 'добыча', 'награбленное' (*λάφυρον ποιεῖν* 'захватывать добычу'); 'разграбление', ср. *λαφυρ-αγωγέω*, med. 'грабить', 'уносить в виде добычи', *ἀμφι-λαφής* 'раскидистый'; 'обширный', 'большой'; 'обильный', 'богатый', 'щедрый' и т. п. Хотя после Фриска GEW 2, 77—78, возведшего др.-греч. *λαμβάνω* 'брать', 'хватать', 'захватывать', 'похищать' и т. п. к и.-евр. **slag-* (в частности, на основании диалектных форм типа эгинск. *λθαβών*, аттич. *λθαβερος, εἰληφα*), *λαμβάνω* больше не сопоставляют с балт. *lab-*, значения этого глагола, как и связанных с ним слов, а также отдельные употребления настолько органично укладываются в ту же схему, которая является общей для продолжений и.-евр. **labh-*, что возникают серьезные основания подозревать хотя бы частичную и/или отраженную связь *λαμβάνω* (ср. *λαβή* 'взятие', 'получение', 'схватывание', *λάβρος* 'резкий', 'бурный'; см. 'сильный', 'обильный'; 'огромный'; 'жадный', 'прожорливый', 'страстный' и т. п., толкуемые, впрочем, и иначе, ср. *λαβεῖν*) с этой группой слов. Не исключено, что речь могла бы идти о некоем формально более или менее подобном глаголе, вытесненном позже из языка (уже наличие *λάφυρον* делает непраздным вопрос о существовании соответствующего глагола). Нечто подобное допускается и Фриском: «möglich ist, daß dabei ein anderes Verb bei 'greifen' . . . beteiligt war; auch einige der übrigen Formen können davon beeinflusst sein» (2, 78, ср. также 91). Во всяком случае некоторые употребления *λαμβάνω* могут, хотя и с соответствующими оговорками, быть прообразом архаичной ситуации. Ср., напр., у Гомера: *λαβών χόσε χεῖρα*, которое может быть понято как 'схватив (руку), он поцеловал руку' (scil. Одиссея), т. е. как описание д о с л о в е с н о г о действия благопожелания типа очень старого, но сохраняющегося и до сих пор обычая «схватывать» руку и пожимать ее при встрече-приветствии и расставании-прощании (ср. характерное частое употребление при *λαμβάνω* разных форм слова рука (*χεῖρὶ χεῖρα, χεῖρες: φιάλα* и т. п.). Если говорить об индоевропейской эпохе, то можно сосуществование **labh-* 'хватать' и **labh-* как благопожелания (балт. факты) или предпосылок его ('добрый') объяснить перекодированием обозначения ритуализованного движения («взятие», «захватывание» руки для рукопожатия), выражающего ситуацию приятия, готовности к коммуникации, сотрудничеству, добрую волю

и т. д., в словесную формулу (**labh-*), само произнесение которой уже есть благопожелание. Эта гипотеза находит много аргументов в свою пользу в типологически подобных примерах происхождения приветствий (ср., в частности, целование [слав. **cěl-* < **koil-* при прусск. *kail-* как благопожелание] как действие и как словесное благопожелание [«целую вас!», не обязательно подкрепляемое действием], известных достаточно хорошо как этнографам и исследователям примитивных человеческих коллективов, так и лингвистам (к семантике см. также Fraenkel ZfslPh. 23, 1954—1955, 342; Gätters Comm. Balt. 2, 36). Существуют, однако, и более конкретные типологические параллели, позволяющие объяснить связь между глаголом 'хватать' ('брать', 'взять') и прилагательным с тем п о л о ж и т е л ь н ы м значением, которое удобно и уместно в благопожеланиях. Ср. слав. **xotěti*: **xьtěti*, связанное с **xvot-*: **xvōt-*, откуда **xvatati* 'хватать', при слав. Adj. **xotьnъ(jь)*, отраженном не только в слав. словах с значением 'жадный', 'алчный', 'похотливый', но и в лексемах с положительным значением, ср. ст.-чеш. *chutný* 'приятный', 'милостивый', чеш. *chutný* 'вкусный', диал. *chutný* 'красивый', словц. диал. *xutní* 'милый', 'миловидный', 'хорошенький', ст.-польск. *chętny* 'приятный', польск. *chętny* 'охотный', 'доброжелательный' (<'желать добро', т. е. совершать благопожелание) и т. п.; с.-хорв. *hōtan* 'охотный', 'добровольный'; русск. *xотный* 'доброхотный', ср. *xоть* в «Слове о полку Игореве» в значении 'милая жена' и т. д. (в известном смысле слав. **Xoti-* и балт. *Lab-* как составные части сложных Nom. рг. близки друг другу по значению; ср. **Xotimirъ*, **Xotimyslъ*, **Xotislavъ*, **Xotivojъ* и т. п. при лит. *Labgaudis*, *Labvardis* и др.; слав. **Xotibōdъ* перекликается (с инверсией элементов) с прусск. *Butilab(e)s* и (без инверсии) с лит. *Labutis* < **Lab-butis*, по предположению Лескина IF 34, 318; однако лит. Nom. рг. скорее одноосновное слово — *Lab-ūtis*, см. Liet. antrop. 163). Другой пример — слав. **jьmati* 'хватать', 'схватывать' и т. п.: **jьmьti* при Adj. **jьmьnъjь*, отраженном в таких образцах (приводятся частично), как польск. диал. *jemny, jamny* 'хороший', 'приятный', 'добродушный', 'мягкий', чеш. *jemný* 'приятный', 'нежный', 'чуткий', 'мягкий' и т. п. (ср. диал. *jemnej* 'хваткий'), словц. *jemný* 'приятный' и т. п., макед. диал. *emen* 'кроткий', 'тихий', 'безобидный', ц.-сл. *юмьнъ* (см. ЭССЯ 8, 86, 230). Значения этих Adj. оказываются очень приближенными к значениям балт. *lab-*, но в отличие от последнего они еще не порвали (или не полностью порвали) связь с исходным глаголом и его значением ('хватать', 'брать' и т. п.). Вместе с тем оказывается, что даже в сильно унифицированном лтш. *labs* обнаруживаются «непереработанные» остаточные значения типа 'богатый' (т. е. обладающий имуществом: иметь, брать, хватать), 'подходящий', 'пригодный', 'полезный' (как «схватенные», «освоенные», «усвоенные»), 'приятный' (: приять, взять, схватить) и т. п. За некоторыми примерами, имеющими вполне «естественное» толкование, можно угадывать более архаичную се-

мантическую мотивировку. Так, лтш. *labā r(u)oka* 'правая рука' (в противопоставлении к *kreisā r(u)oka*), понимаемое как собств. 'хорошая' или 'лучшая' рука (ср. ср.-в.-нем. *diu bezzer hant*, о правой руке), могло бы для известного отдаленного периода толковаться как «рука, которая х в а т а е т, берет» (ср. и.-евр. **labh-* в этом значении). Во всяком случае развитая фразеология типа *labā r(u)oka*, *pa labuo r(u)oku*, *pa labai r(u)okai*, *pa labi r(u)oki* при *pa kreisuo r(u)oku*, *pa kreisi r(u)oki* (ср. также *labā puse — kreisā puse*) и т. п. может оказаться диагностически важным указателем бо ее ранней ситуации. В свете сказанного становится понятным, почему предлагаемое здесь с новыми аргументами старое объяснение предпочитается относительно недавнему объяснению балт. *lab-* как метатезированной формы по отношению к др.-греч. ἄλθος 'благосостояние', 'достояние', 'счастье', слав. **bol'ьjъ* 'больше', выводимого из и.-евр. **bel-*; **bol-* 'быть сильным', как и др.-инд. *bāla-* 'сила', *bālīyas-*, др.-греч. ζῆλον, лат. *dē-bilis*, мессапск. *bała-sūri(hi)*. Ср. Otrębski LPosn. 3, 1951, 295—296; Vaillant Gr. comp. II, 2, 577—578; ЭССЯ 2, 194. — При объяснении балт. *lab-* бросается в глаза отсутствие слав. параллелей (если, конечно, не считать гипотетическую связь с слав. **bol'ьjъ*). Однако подобное негативное заключение не может быть пока признано окончательным прежде всего из-за того, что славянский материал с этой точки зрения никогда не подвергался обследованию. Правда, был указан вост.-слав. балтизм в виде блр. *лабуніць* 'приближаться', 'приглашать', 'внушать', 'уговаривать' (опшмянск., см. Станкевич); 'угождать', 'льстить' (вилейск., см. LKK 16, 1975, 181); *падлабуніца* 'подластиться', 'подлизаться' (крупск., см. Нар. слова 1976); русск. *лабуниться* 'приставать', 'обращаться к кому-либо с назойливыми разговорами, просьбами' (*Ты ни-ла-бунь си, дела ни-будить, атстань*); 'надеяться' (донск., см. Слов. русск. донск. 2, 105). См. Вяржбоўскі Белар.-літоўск. лекс. ўзаема сув. 1960, 463—465; Лаучюте Слов. балтизм. 1982, 55. В настоящее время можно пополнить эту коллекцию примеров. Ср. сев.-зап.-блр. *лабуніць* 'прывабліваць', 'мілаваць' (*Лабуніла, лабуніла і не прылабуніла; Лабуніў, лабуніў і дастаў кукіш*. Слоўн. паўн.-зах. Белар. 2, 599—600); русск. *лабуниться* 'склоняться к кому-либо головой', 'любезничать, наклоняясь к кому-либо головой'; 'проявлять внимание', 'быть ласковым, льстивым', 'угодничать, добиваясь чего-либо расположения, каких-либо выгод' (*Не лабунься, не получишь*); 'иметь виды', 'надеяться на что-либо' (*Не лабунься, дед, на чужой обед*); *лабунька* 'милый, любезник' (Добровольск. Смол. 1914), может быть, и *лабунька* 'груз, привязываемый к сетям' (волог.). СРНГ 16, 217—218. Эти вост.-слав. слова Лаучюте и др. рассматривают как балтизмы, сопоставляя их с лтш. *labināt* 'задабривать', 'ласкать' и лит. *lābinti* 'приветствовать', 'кланяться', 'угождать'. Разумеется, отрицать балт. влияние в этом случае не приходится (особенно в зоне активного взаимодействия балт. и слав. языкового элемента), однако две,

по меньшей мере, особенности настораживают: отсутствие достаточно надежного балт. источника (принятие в качестве таковых указанных вост.-балт. форм не объясняет места ударения в слав. заимствованиях, элемента *-ун-* и отчасти семантики; кое-какие частичные восполнения могли бы быть связаны с учетом таких литовских форм, как *labūnis*, *labūnė*, *labonis*, *labonė* 'голова', 'лоб' [ср.: Kad už tau duosiu į l a b ō n ė — užvirsi. LKŽ 7, 7—8 при *labonas*: лобан и русск. *лабуниться* 'склоняться головой' и т. п.], или даже реконструированных глагольных форм типа **labuonyti* > *лабунить*, ср. *лаббнуть* 'приближать к себе'. СРНГ 16, 216) и сильно отклоняющийся круг значений в вост.-слав., которые лишь «в общем» напоминают балтийскую ситуацию. Стоит, видимо, обратить внимание на то, что в указанных вост.-слав. словах (помимо таких значений, как 'угождать', 'льстить', 'быть ласковым' и т. п.) отчетливо проявляются семантические мотивы назойливости, навязчивости, так сказать, «липкости, хваткости», «цепкости». В известной степени сходные мотивы могли бы объяснить и русск. диал. *лабунья* 'зыбучее болото', 'берег зарастающего озера' (СРНГ 16, 218) как обозначение по принципу «цепкости», «хваткости» (засасывающая субстанция, не позволяющая освободиться от нее, выбраться) — тем более, что обозначение болота, трясина, зыби нередко оказывается сближенным формально с тем же кругом значений, который определяет русск. *лабуниться* и блр. *лабуніць* (ср. в этой связи русск. *лабза* 'топкое место', 'зыбун', 'трясина', 'болото' и т. п., *лабоз*, то же, *лабзвое место* 'топкое место', 'трясина', *лабзун*, то же, *лабзя* и т. п. [см. выше о подобной двусмысленности балт. **lab-*] — при *лабза*, *лобза* 'льстец', 'угодник', «о молодом парне, который постоянно вертится около девушек, ухаживает за ними, добиваясь их расположения, внимания» [СРНГ 16, 215—216]; 'мужчина, ласковый с женщинами, ухаживающий за ними'; 'пролаза', 'пройдоха' (= 'х в а т'), *лабзун* 'ласковый, приветливый человек', «тот, кто угодничаньем, лестью стремится добиться чего-либо, каких-либо выгод для себя», *лабзутка*, *лабзёрь*, *лабзёря*, то же, ср. блр. *лабузаваты* 'озорной' и т. д., не говоря уж об исходном глаголе — *лабзить* 'угодничать', 'лебезить', 'льстить', *лабзиться* 'ласкаться', 'стараться ласкою, вниманием войти в доверие, милость; заискивать' и т. п., ср. *лабзунить* 'нежить', 'баловать', *лабзуниться* 'ласкаться', 'целоваться', *лабзэниться* и др.). Не ставя здесь вопрос об этимологии слав. **lob-ъz-ati*; **lob-uz-ati* (т. е. *-ŭz-:-ŭz-*), приходится все-таки отметить, что он решается лишь очень приблизительно (к тому же, как правило, не учитываются и такие, видимо, относящиеся сюда примеры, как русск. *лабуза*, *лабузье*, о стеблях крупных трав, укр. *лабуззя*, польск. *łabuzie* и т. п.): не исключено, что при более корректном решении вопроса луч света будет брошен и на проблему балт. *lab-* и его возможных славянских параллелей. — Ис слав. примеры, которые могли бы претендовать на какого-либо рода связи с балт. *lab-*, не исчерпываются приведенными выше. Серьезного внимания заслужи-

вают под этим углом зрения с.-хорв. *lābura* (чакавск.), *labora* (истр.; но и *rābula*, с метатезой) 'stupica za h v a t a n j e p t i c a' (Etim. rječn. hrv. 2, 256), чеш. *lābati* 'пить большими глотками' (так сказать, «хватать»), ср. *l'ambat* 'пить', 'упиваться' («нахвататься») и целый ряд других примеров, остающихся или неясными или слишком запутанными (ср. чеш. *labuně* 'старые туфли', с.-хорв. *лабати*, *лабава*, *лебетати* и т. п.). Во всяком случае вопрос о возможных славянских соответствиях балт. *lab-* пока остается не решенным, но уже имеющиеся по этому поводу соображения всё настоятельнее побуждают к обстоятельному исследованию этого вопроса. — См. *labbas*, *labbisku*, *labbatīngins*, *labonache*.

— Лит.: Thes. 1873, 86—87; APSpr. 366; BSW 148; Buga KS 133—136 (Šviet. darb. 1921, № 9—10, 21—24)=RR II, 156—159; ME 2, 398; SPV 200—201; BVSF 101, 228; LEW 327; Pok. 1, 652; Vaillant Gr. comp. II, 679; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 48; Stang Vgl. Gr. 1966, 4, 8, 276; Shopay BL 1970, 160—161; Mažiulis Baltist. 11, 1975, 125, 127, 128, 130; OP 84, 116, 130, 131; St. OP 4.600; 4.601; 4.710—4.712; 10.078; 331; Range Baltist. II priedas 1977, 128; Urbūtis BEE 1981, 14. — [*lab(a)s; *laban; *labans; *labai].

{*lab- & *segīt}, см. {*lab-}, *labs*, *seggīt*.

{*lab-un-}, см. {*lab-}.

{*lab-un-(i)k- (?)}, см. {*lab-}.

{*lab- & *vang-}, см. {*lab-}, {*vang-}, *wangus*.

{*lad-ein-}, ср. *Ladeyne*, 1339; *Lodeyn*, 1419, позже — *Lodehnen* APON 80). — Согласно Герулису, от прусск. *ladis* 'лёд' (?) с суф. *ein-*. — Если это, действительно, «ледовое» название, то оно может быть сопоставлено с лит. *Ledaī*, *Ledžiai* (LATSŽ 156); *Lēdupis*, *Ledaūnė* (LUEV 89; Liet. hidr. 41, 162, 235; LHEŽ 184; апеллятив *ledaūnė* обычно считают славизмом, ср. польск. *lodownia*, блр. *ледоўня*); лтш. *Ķedaini* (: прусск. *Lad-eyne*, ср. лит. *ledainė*, лтш. *Ķedains*), *Lediņi*, *Lediškki*, *Ķedsalā*, *Ledus-kalns*, *Ledus-pūņa rļ.*, *Ledus-upīte*, *Ķeds-rūņ-rļavas*, *Ķeds-kalni*, *Ķed-upe* (с пометкой: изг. : *lad-upe*, ср. прусск. *ladis*), *Ķeduši*, *Ķeduoni*, *Lediķi* (в старой записи — *Ladiķķe*), *Ķedgalis* (LV I, 2, 288—289), м. б. *Lada upē* ($e > a$), *Lad-upe*, *Ladi(ķi)* *Ladde*, 1858, *Ladiņš*, *Ladiņa-purvs*, *Ladiņi* ? (LV I, 2, 245), «Ледовые» названия хорошо известны и на славянских территориях; ср. *Ледня*, *Леденка*, *Леденец*, *Ледная*, *Леднево*, *Ледяной*, *Ледовой* и т. п. в Поочье (см. Гидр. басс. Оки 19, 45, 149, 160, 187, 233) и т. п. Не исключено, что днепр. *Ледмен*, *Ледменка* содержит тот же корень, расширенный суф. *-men* (см. ЛАВН 165, 192); ср. также слав. **ledvъnъ* (< **ledu-ъn-ъ*), с.-хорв. *ledven*, словен. *ledven* 'ледяной', 'льдиный' и т. п. (?).

{*lad- & *garb- (?)}, см. {*laid- & *garb-}.

ladis 'лед'. Э 56 ('Is'), ср. Э 54: *Keytaro* 'Hayl', Э 55: *Snaygis* 'Sne', Э 57: *Passalis* 'Vrost', Э 58: *Grosis* 'Ryf'. Nom. Sg. masc. — Вокализм *a* не исконен: появление здесь *a* объясняется открытым

характером *e* в помезанском диалекте (ср. также *raples*, *podalis* и др., особенно *lattako*), ср. Endzelīns FBR 14, 1934, 102: $e > a$. Впрочем, Левин считает, что сочетание графем *la-* может отражать обычай немецких писцов обозначать палатализованное *l* в сочетании с *e* (см. St. OP 336). Шмальштиг St. OP 334 высказывает допущение о возможности долготы корневого гласного в открытом ударном слоге в *ladis* (ср. отсутствие удвоения *d*). — Форма на *-is* предполагает исходное **ledas* (как и в случае *deywis*, *dagis*, *warnis* и т. п., см. Buga KS 141 = RR II, 164 и др.). — Точные соответствия в вост.-балт. и слав. Ср. лит. *lėdas* 'лед', но и *ledūs* (LKŽ 7, 222, 228; Arumaa Lit. mund. Texte 1930, 34; Liet. Dial. 253, ср. *lėdus*. Gauthiot Buividze 98; Liet. istor. 1968, 220); лтш. *Ķedus*, ср. dimin. *Ķedutiņš*, реже — *lediņš* (ME 2, 445; EH 731; Erg'em. izl. vārdn. 2, 207); лтг. *lac* (= *lads*); слав. **ledъ* — ст.-сл. *лѣдъ* $\kappa\rho\acute{o}\varsigma$, $\kappa\rho\acute{o}\tau\tau\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$, болг., макед. *лед*, с.-хорв. *лѣд*, словен. *léd*; чеш. *led*, слвц. *l'ad*, н.-луж. *lod*, в.-луж. *lód*, польск. *lód*, кашуб., слов.-помор. *lód*; русск., блр. *лѣд*, укр. *лід*. Существенно соотношение основ на *-o* и на *-u* в этом слове, в частности, в ареальном плане. Прусск. *ladis* определенно не сохранило никаких следов принадлежности к основам на *-u*, как и лит. *lėdas*, господствующее (и, как правило, безраздельно) на всей территории Литвы. Отчасти на этом основании Мейе Etud. sur l'étym. 243 считал прусск. и литовск. слова заимствованиями из слав. (впрочем, позже он не повторял этой точки зрения, см. Slave com. § 476 = Общеслав. 331). В латышском это слово прочно принадлежит к склонению основ на *-u* (LVG 442; Latv. Dial. 115), хотя кое-где отмечаются формы, перешедшие в склонение основ на *-o*, как, напр., в верхнелтш. говорах (Latv. Dial. 336); стоит отметить, что здесь же некоторые слова с основой на *-u* переходят в склонение *i*-основ (ср. *ols* 'alus', Dat. Sg. *olij(o)am*). В литовском ареале ситуация противоположна латышской: *ledūs* отмечено только на периферии и притом изредка: с одной стороны, Приекуле (Клайпедск. край), Неринга (см. Tautosak, darb. VII, 173, 174; LKK 2, 141) на западе, с другой, Биржай, Папилис на севере, с третьей Лазунай на юге (см. Liet. Dial. 253; Fraenkel St. balt. 2, 1932, 85; KZ 61, 1933—1934, 272—274; Balticosl. 2, 48 и др.). Славянский ареал очень показателен, поскольку при переходе слав. **ledъ* в склонение *o*-основ следы былой бесспорной принадлежности к основам на *-u* представлены повсюду — или в отдельных падежных формах (ср. др.-русск. *от леду до леду*, *на леду*, *ледови*; др.-чеш. *ledu*. Gen. Sg., *na ledu*. Loc. Sg., *ledove*. Nom. Pl.; др.-серб. *ledu*. Gen. Sg.), или в разных словообразовательных типах, продолжающих слав. **ledov-ina*, **ledov-ъnja*, **ledov-ica* и т. п. (см. подробнее Эккерт ВСЯ 4, 1959, 116—118); ср. также балтийские производные от *led-*, в той или иной мере ориентирующие на исход основы на *-u* (лит. *ledūnė*, *ledūdė*, *ledūjai*, *ledujūotas*, *ledāuti*, лтш. *Ķedūne* и т. п.). Вместе с тем переход *u*-основ в *o*-основы, видимо, начался достаточно рано, о чем могли бы свидетельствовать Vb. de-

пом. типа лит. *ledėti* 'покрываться льдом', 'оледеневать' или с.-хорв. *lèditi se* (XVI в.), *olèditi se*, *polèditi se* и т. п. За пределами балт. и слав. языков надежных параллелей к корню **led-*, как принято считать в настоящее время, нет. Во всяком случае сравнение прусск. *ladis* и вост.-балт. и слав. слов с др.-прл. *ladg* 'снег', предложенное еще Urkelt. 1894, 239 и Шефтеловицем IF 33, 1913, 149, как и их сравнение с др.-греч. λίθος 'камень' (см. Bezzenberger BB 2, 271; Fick Vgl. Wb. d. idg. Spr. 1, 536), не получили ни развития, ни признания. Этому одиночеству б.-сл. **led-* среди других и.-евр. языков отвечает изолированность **ledu-s*/*ledo-s* в балт. и в слав. Стоя во главе довольно разветвленного словообразовательного гнезда, эта лексема и в балт. и в слав. сама по себе выглядит немотивированной и прежде всего не имеет объясняющего ее первообразного глагола. Наконец, монотонность значений производных от **led-* слов («ледяной») также лишает исследователя оснований попытаться прибегнуть к методу внутренней реконструкции, исходя из каких-либо расхождений или несоответствий. Не случайно, что и.-евр. источник б.-сл. **led-* не реконструирован, а сами эти слова даже не вошли в словарь Покорного, оставаясь, так сказать, лишенными истории. Тем не менее, некоторые шансы наметить и.-евр. окружение для б.-сл. **led-* все-таки существуют (при том, что некоторые сложности продолжают оставаться). Более того, они возникают с разных сторон. Прежде всего одна из наиболее частых и убедительных семантических мотивировок обозначений льда связана с идеей сгущения, ко с н е н и я, з а с т ы в а н и я, о т в е р д е н и я (см. Buck Dict. Select. Syn. 69—70 : 1.77), ср. др.-греч. πάρος 'лед' (но и 'мороз'), н.-греч. πάρος 'лед' — при др.-греч. πήγνυμι 'делать твердым', 'уплотнять', 'свертывать', 'затвердевать', 'останавливать', 'сковывать (льдом)', 'замораживать' (ср.: ὕδωρ ἐπήγνυτο 'вода замерзла'. Xen. или ἄρδρα πέπηγε μου 'члены мои онемели'. Eur.) и т. п., не говоря о других значениях этого глагола и не приводя множества аналогичных примеров. Эта идея часто реализуется как образ слабости, косности, усталости (но и лени, медлительности), истощенности, беспомощности, оцепенелости, короче говоря, — болезненного состояния и застывания = смерти. Именно таким образом нередко изображается ледостав в мифопоэтических текстах. Ср.: *З а к о в ы в а я х о л о д о м п р и р о д у, | З и м а и д е т и р у к и т я н е т в в о д у. | Р е к а д р о ж и т и, ч у я с м е р т н ы й ч а с, | У ж е о т к р ы т ь н е м о ж е т т о м н ы х г л а з, | И в с е е е б е с п о м о щ н о е т е л о | В д р у г с т р а ш н о в ы т я н у л о с ь и о ц е п е н е л о. | И, е л е д в и г а я с в и н ц о в о ю в о л н о ю, | Т е п е р ь л е ж и т и б ь е т с я г о л о в о ю. || Я н а б л ю д а л, к а к р е ч к а у м и р а л а, | Н е д е н ь, н е д в а. . . | В п е ч а л ь н ы й ч а с, к о г д а и с ч е з л а с и л а. . . || И у х о д я щ и й т р е п е т р а з м ы ш л е н ь я | Я, к а ж е т с я, п р о ч е л в е е г л у х о м т о м л е н ь е, | И в в ы р а ж е н ь е в о л н п р е д с м е р т н ы е ч е р т ы | В д р у г у л о в и л. И е с л и з н а е ш ь т ы, | К а к с м о т р я т л ю д и в д е н ь с в о е й к о н ч и н ы. | Т ы в з г л я д р е к и п о й м е ш ь. У ж е д о с е р е д и н ы | С м е р т е л ь н о п о ч е р н е в ш а я в о д а | Ч е ш у й к а м и п о-*

д е р г и в а л а с ь л ь д а. || И р е ч к а, в е р о я т н о, е л е б и л а с ь, | З а т в е р д е в а я в к а м е н н о м г р о б у (Заболоцкий). Возможно, не случайно характеристика разных этапов этого процесса кодируется уже в самих слав. и (видимо) балт. языках тем же корнем **led-*. Здесь можно ограничиться лишь малым числом примеров, поскольку, во-первых, их число легко увеличить и, во-вторых, они «подхватываются» многочисленными примерами из других и.-евр. языков, что, собственно, и является основным в обнаружении и.-евр. контекста б.-сл. **led-*. Достаточно назвать русск. диал. лёд 'беда', 'напасть', 'несчастье' (*Леда наживешь*), *ледина* 'повальная болезнь', 'эпидемия', *леда́лый* 'хилый', 'слабосильный', 'болезненный'; 'плохой', 'негодный'; с.-хорв. *леда* 'болезненный ребенок' и др. В свете этих примеров, возможно, по-новому нужно взглянуть и на такие слова, как русск. *леда́чий* 'плохой', 'нехороший', 'скверный'; 'ленивый', 'никчемный', 'слабый', 'еле слышный', *леда́шный* 'хилый', 'болезненный', 'ленивый', *леда́щий* 'сухощавый', 'поджарый'; 'ленивый'; 'ненадежный'; 'плохой', 'дурной', 'невзрачный' и т. п. и даже *леда́ка* 'плохой, дрянной человек', *леда́ха*, *ляда́ха*; *леда́ча*, *леда́че* 'плохо', 'скверно' (*В плохую погоду... и мне совсем леда́ча*). СРНГ 16, 318—320; а также вост.-слав. и польск. параллели, которые объясняют из сложной комбинации двух частиц и местоимения (см. ЭСР 2, 474). Речь идет не об опровержении ходячей этимологии, а скорее об определении некоего лексического пласта, который мог попасть в орбиту с п н ы м смысловым центром (то же относится к лит. *ledāka(s)*, *ledėka*, *ledėkas*, *ledōka(s)* и т. п., независимо от происхождения). Эти и подобные им факты, обозначаемые корнем *led-*, перекликаются с целой совокупностью формально и содержательно сходных примеров из других и.-евр. языков, которые восходят к и.-евр. **lēd-* : **lād-* (Рок. 1, 666; следует заметить, что Покорный из вящей осторожности восстанавливает **le(i)d-*, что выглядит не достаточно корректно в двух отношениях: корень с дифтонгом, слоговая часть которого продлена, в качестве исходного элемента и отражение **lēid-* только в одной группе и.-евр. языков, а именно в балт., ср. лит. *léisti*, *laidoti*, *paláida* и т. п.; о следах *laid-* (*laed-*), *led-* в иллир. см. Krahe Corolla ling. 1955, 129—136). К отражениям этого и.-евр. корня относятся многие показательные примеры (в их числе и глаголы первичного типа, которые, собственно, и помогают вскрыть семантическую мотивировку этих примеров, а через них — и обозначения льда в б.-сл., если только предлагаемая этимологическая «стратегема» верна). Ср. лат. *lasso* 'утомлять', 'докучать'; 'мучить', 'томить'; 'ослаблять', 'укупать', 'подавлять' (ср. такие характерные словоупотребления, как *aequor lassatum fluctibus*. Lucan., об успокоившемся море, или о стойком перенесении сильных холодов [связанных с созвездием Волопаса]: *lasso sidus Bootae*. Mart.), *lassus* < **lād-to-* 'усталый', 'утомленный', 'изнуренный', 'истощенный'; 'успокоившийся', 'улегшийся' (ср. *undae*. Lucan., о волнах); 'поникший', 'опущенный'

и т. п.; др.-греч. ληθεῖν 'уставать'; 'лениться', 'коснеть' (к мотивам слабости, болезни, страдания ср. глоссу Гесихия ληθεῖν κοπιᾶν, κηκμηθέναι, ληθησας κηκμηώς, κοπιᾶσας); алб. *lodh* (*loth*) 'утомлять' (из **lēd-*), *lodhem* 'утомляться', 'уставать', *lódhur* 'усталый', *lódhje* 'усталость'; неясны илл.р. Λάδεστα, Λάδεστον (Steph. Byz.), *Ladestris* (Tab. Peut.), о-в в Адриатическом море (хорв. *Lästovo*), ср. Λάδη, о-в в Эгейском море; фрак. Λαδεφοί (Steph. Byz.), этникон и ряд других названий с элементами **lēd-*, **lad-*. Зато очень показательны надежные и обильные германские примеры. Ср.: готск. *lats* ὀκνηρός, 'медлительный', 'вялый', др.-исл. *latr* (: *lqskr*), др.-анг. *læt*, др.-фриз. *let*, 'злой', др.-сакс. *lat*, др.-в.-нем. *laz*, зап.-фриз. *lask* 'leicht', 'dünn', ср.-н.-нем. *lasch* 'усталый'; др.-исл. *lata* 'медлить', 'успокаиваться' и т. п., др.-англ. *latian*, ср.-н.-нем. *laten*, др.-в.-нем. *lazzēn*, *lazzōn*; готск. *af-let* ἀφεσις 'освобождение', 'выпускание', др.-англ. *gelæc*, ср.-н.-нем. *gelāt*, др.-в.-нем. *lāz* 'отпускание', 'освобождение', 'остановка', 'перерыв', др.-исл. *lát* 'отнимание', 'лишение', 'потеря', 'смерть' и т. п.; готск. *latjan* (собств., *latidedi*) χρονίζεῖν, 'долго длиться', 'медлить', *ana-*, *ga-latjan*, др.-исл. *letja* 'задерживать', 'мешать', 'препятствовать', др.-англ. *lettan*, др.-фриз. *letta*, др.-сакс. *lettian*, др.-в.-нем. *lezzen* 'удерживать', 'останавливать', 'вредить', ср. нем. *ver-letzen* и т. п.; готск. *lētan* (*lailōt*, *lailōtun*), *af-lētan*, *fra-lētan* и т. п., др.-исл. *láta*, др.-англ. *lētan*, др.-фриз. *lēta*, др.-сакс. *lātan*, др.-в.-нем. *lāzzan*. Ценность этих примеров не только в том, что они подтверждают такие значения, как 'медлительный', 'ленивый', 'усталый', 'слабый' и даже 'несчастье', 'смерть', которые присутствуют в русск. диал. *лѣд*, *лѣдина*, *лѣдальи* и т. п., но и в том, что через них вполне оправданным становится подключение к этому же самому кругу слав. **lěnъ* 'ленивый' (ст.-сл. *лѣнъ*, болг. *лен*, с.-хорв. *lǐjen*, словен. *lěn*; др.-чеш. *lěný*, чеш. *liný* и т. п.), **lěnъ* (русск. *лень*, укр. *лїнь*; др.-чеш. *lěň*, польск. *leń* и др.), лит. *lėnas* 'медлительный', 'вялый', 'спокойный', лтш. *lėns* 'ленивый', 'медленный', 'кроткий' (ср. лат. *lenis*); лит. *lėtas* 'медлительный', 'тихий' и т. п., *lėtus*, лтш. *lėts* 'дешевый', 'легкий' и т. п. (ср. лат. *lētum* 'смерть', 'уничтожение', 'гибель'; слав. **lěť* 'можно', 'дозволено': ст.-сл. *лѣтъ* *ѣстъ*, *лѣтъ* *ѣстъ* *ѣстъ* *ѣстъ* (Супр.), др.-русск. *лѣтъ* 'возможность', 'приличие', русск. *леть*, блр. *лець*, польск. *lecieństwo* 'свобода', др.-чеш. *letenství*; готск. *un-lēdi* πτωχεία 'бедность', др.-англ. *un-lædu*, *un-læd*, 'несчастный' < и.-евр. **n-lēto-* и т. п.), см. ЭСР 2, 482—483; LEW 355; Pok. 1, 666 (**lē(i)-* 'nachlassen', 'gewähren', **lē-no-* 'matt', 'sanft') и др. Благодаря подобному расширению материала уточняется и дифференцируется вся совокупность относящихся к этой семье смыслов; выясняется структура и.-евр. корня и его отражений в конкретных языках — **lē-* (и, возможно, **le-*, ср. балт. и слав. примеры; следует заметить, что краткость *-ē-* в б.-сл. словах, обозначающих лед, при *ē* в других и.-евр. словах, которые могли бы оказаться им родственными, продолжает составлять проб-

лему) с разными расширителями корня (и без них — ср. алб. *lë* 'оставлять', 'отпускать', 'разрешать' и т. п., хеттск. *la-*, употребляемое, в частности, в тексте «о развязывании» природы (KUB VII, 1+ KBo III 8 III 1—62): большая река отпускает, освобождает, развязывает (*la-a-at-ta-at*. 3. Sg. Praet.) свое течение, т. е. ликвидирует зло, возникшее в результате «связывания» реки заклятием; этот же глагол употребляется и в формулах «развязывания» заклятых частей тела), среди которых особая роль принадлежит *-d-*; создаются предпосылки для дальнейшего привлечения новых фактов и, следовательно, для восстановления более полной и глубокой картины, претендующей на целостность. Германские первичные глаголы (готск. *lētan*, др.-исл. *láta* и т. д.), выступающие как мотивирующие весь круг понятий, выраженных Subst. или Adj., сами принадлежат к особой категории, условно говоря, «двунаправленных» глаголов (брать—дать, с-вязывать—раз-вязывать и т. п.), разыгрывающих тему «свободы и необходимости», при чем актуализация того или иного выбора зависит от точки зрения описывающего ситуацию. Эти особенности вполне прослеживаются на примере этих же глаголов и в современных герм. языках; ср. нем. *jemanden in Ruhe* (*in Frieden*) *l a s s e n* или *etwas außer acht l a s s e n* («свобода») при *er hat mich schreiben l ä ß t* или *ihr Verhalten l ä ß t mich vermuten, daß . . .* («необходимость»); ср. сходную ситуацию с англ. *to let*. Эта семантико-прагматическая амбивалентность объясняет наличие в продолжениях и.-евр. **lē-d-* и т. п. таких противоположных значений, как 'застывание', и 'распускание', 'твердый' и 'мягкий', без учета которых нельзя понять ни семантической мотивировки обозначения льда в балт. и слав., ни его соотношения с обозначениями далеких или даже противоположных понятий. При всей перспективности введения прусск. *ladis* и вост.-балт. и слав. обозначений льда в этот широкий контекст остаются не объясненными до конца количественные различия в вокализме. Поэтому предлагаемое этимологическое решение носит скорее поисковый и, следовательно, поневоле гипотетический характер.

— Л и т.: Thes. 1873, 87; Fick Vgl. Wb. d. idg. Spr. 1, 536; Stokes Urkelt. 1894, 239; Bezenberger BB 2, 271; APSpr. 367; BSW 154; Scheftelowitz IF 33, 1913, 149; Buga KS 141, 256=RR II, 164, 291; ME 2, 445; FBR 14, 1934, 102; SPV 201; ЭСР 2, 474; LEW 350; HWasl. 1955, 260; ЭКерт ВСЯ 4, 1959, 116—118; Казлаускас ВЯ 1962, № 4, 20; Sabaliauskas LKK 8, 1966, 28; Etim. rječn. hrv. 2, 283—284; St. OP 6.600; 334, 336. — [**ladis*; **ledis?*].

laeims, см. *laims*.

{**lag-ein-*}. ср. *Lageyn*, *Lageyne*, деревня, позже — *Legehnen* (см. Cod. dipl. Pruss. 2, 59), см. AM 7, 1870, 309; Neue Preuß. Prov.—Bl. 11, 191; Thes. 1873, 87 (в APON отсутствует). — См. {**lag-* & **garb-*}, {**lag-* & **mast-*}.

{**lag-* & **garb-*}, ср. *Lagegarbs*, 1326; *Laggarbe*, 1419; *Langarbe*, XV в.: *Lawgarben*, 1506, позже — *Laggarben* (APON 80). — Слово

слово, состоящее из двух основ: *Lag-* и *garb-*, см. *garbis*. К первому члену ср. лтш. *Ladzas*, *Ladzes*, *Ladzes-pļava* (LV I, 2, 245); лит. *Lagiai*, возможно, *Lagesiai* (к суф. ср. *Burbėsis*, *Gėgėsis*, *Vilpesiys* и т. п.), *Lagėdžiai* (ср. *Leb-edà*). LATSŽ 151; ср. *Лаганы*, Полоцк. р-н (Лит. элем. блр. аном. 1968, 45). С лит. *Lagesiai* Эндзелин сопоставляет лтш. *Lagažas*, *Lagažas-purvs*, *Lagažu-upīte* (I, 2, 246). Уместно в этой же связи обратить внимание на лтш. *Lagasts* (ср. лит. *Uol-astà*, *Ūm-asta*), *Lagast-ežers*, *Lagaste* pļ., *Lagasti*, *Lagasta-mežs*, *Lagast-kalns*, *Lagast-pļava*; *Lagastiņš* pļ. (с замечанием Эндзелина: ливск. происхождение?), м. б. *Lagata* pļ., *Lagātes purvs*, *Lagāta-purvs*, *Lagāti* pļ., *Lagātiņš* pļ., *Lagātnes-pļava*, *Lagātnica* pļ. (I, 2, 245). Мазурск. (нем.) *Lageiner See*, 1656, сюда, видимо, не относится из-за других вариантов этого названия — *Lengainer See*, *Łęgajńskie Jezioro*, *Łęgojskie Jezioro*, ср. *Łęgajny*, деревня (Słown. nazw Mazur. II, 213; ср. HW 456: *Lengauer See*, *Lengower See*, *Łęgowskie Jezioro*); ср. однако, форму *Langarbe?* — Герулис предлагал сравнивать с этим элементом *Lag-* лит. Nom. рг. *Lagỹs*, ср. *Lagynė*; сюда же, видимо, относится и ст.-лтш. Nom. рг. *Lage* (LPV 274). Сложнее обстоит дело с ст.-польск. Nom. рг. *Łagowski*, *Łagusz* и под. (Słown. starop. osob. III, 2, 308). — См. {*lag- & *mast-}, {*lag-ein-}.

{*lag- & *mast-}, ср. *Lagamast*, 1287 (campus). — Сложное двуосновное название. В первом члене — *lag-*, см. {*lag- & *garb-}, {*lag-ein-}, во втором, — видимо, *mast-* (ср. имя литовца из р-на Тильзита — *Jaga-māstos*). Герулис считает, что в основе этого названия лежит Nom. рг. **Laga-mast*. К первому члену ср. польск. (гнезн.) *Łaguna* (?), *Kozierowski Sl. Occ.* 3—4, 1925, 100. Мнение Пирсона *Altpr. NK* 629 о том, что *-mast* скрывает в себе прусск. *maysta* 'город', отвергается. — См. *mast-*.

lagno 'печень', см. *iagno* (Пр. яз. III, 11—14).

lagno 'штаны', 'брюки'. Э 481 ('Hosen'), ср. Э 480: *Broakay* 'Bruch', Э 481: *Peadey* 'Sacken' и т. п. Nom. Du. (согласно Буге *Aist. stud.* 52; ср. SPV 201; *ZfslPh* 18, 1942, 117; по APSpr. 367, Nom. Pl. n.) или Sg. tantum, соотв. — nomen coll. (PKP II, 279). — Нессельман определяет этот вид одежды как «dasjenige Kleidungsstück, welches die Beine bis hinauf an die Oberschenkel, zuweilen auch die Füße, aber nicht die Hüften bedeckt». К реалиям ср. *Hartknoch Alt- u. Neu-Preuß.* 203; *Fischer EDP* 1937, 17. Следует напомнить, что слово *lagno* было не единственным названием этого жанра одежды (ср. *broakay*). — Этимологические попытки объяснения слова довольно многочисленны и разнообразны. На раннем этапе более склонны были подчеркивать возможность западных связей, не всегда при этом уточняя, идет ли речь об изоглоссе или заимствовании. Как бы то ни было, идея некоего культурного влияния с запада преподносилась сознанию исследователей (тем более, что история слова *broakay* и стоящей за ним реалии ориентировала их именно в этом направлении). Пирсон *ZfPr. Gesch.* 12, 1875, 295 сопоставлял *lagno* с лат.

lacerna, верхнее (преимущественно дорожное) платье с капюшоном, род плаща, и с др.-ирл. *léne* 'рубаха' (<*laknet, см. Fick Vgl. Wb. d. idg. Spr.⁴ II, 238). На рубеже XIX и XX вв. утвердилось мнение о связи прусск. слова с лангоб. *lagi* 'бедро', др.-исл. *leggr* 'нога', лат. *lacertus*, др.-ирл. *less* 'бедро', др.-греч. ἄλαξ· πῆχυς (Гесих.), арм. *olokh* 'нога' (см. Zupitza *Germ. Gutt.* 1896, 134; Lidén *IF* 19, 1906, 366; *Arm. Stud.* 1906, 96). Эта точка зрения была поддержана и Траутманом APSpr. 367, а позже Эндзелином SPV 201. Тем не менее известны попытки более «близкого» и конкретного определения происхождения слова. Так, Буга *Aist. stud.* 1908, 52 выводил *lagno* из **nag-nó* (: прусск. *nage* 'нога') и, следовательно, предлагал понимать слово через соотношение с обозначением ног. Смелая идея была выдвинута Вайяном *Gr. comp.* I, 92—93: поскольку в прусск., как и в латинск., сочетание *gn* могло возникать из *kn*, прусск. *lagno* 'штаны' рассматривается как производное от б.-сл. **lokno*, объяснимого из корня **lek-* (ср. лит. *lėkti* 'лететь', 'мчаться' и т. п., лтш. *lėkt* 'прыгать', 'лететь' и т. п.); ближайшим и к тому же точным соответствием прусск. *lagno*, по мнению Вайяна, нужно считать слав. **lono* (<**lokno-*), которое обозначало не только 'лоно', 'чрево', но и, вероятно, 'полу одежды ниже пояса'. Слав. параллель должна быть решительно отведена как по фонетическим, так, видимо, и по семантическим соображениям, хотя сама идея связи названия одежды с глаголом подобной семантики заслуживает внимания (ср. русск. *разлетáйка* 'род женской епанечки': *летáть*, при *разлетáй* 'тот, кто ходит нараспашку'). Эта идея была подхвачена Мажюлисом РКР II, 279, который внес в объяснение прусск. *lagno* новые соображения. Согласно им, *lagno*, которое, вероятно, должно читаться как **laknā*, представляет собой субстантивизированное Adj. в форме fem. **laknā* (при **laknas* masc.). Значение этого Adj. — 'быстро движущийся', 'летающий' и т. п. («smarkiai judantis, lekiantis ar rap.»). В этом контексте *lagno* оказывается соотношенным с другим названием одежды — с прусск. *lactye*, что-то вроде полушубка, Э 476 ('Kurse', т. е. 'Pelzrock', согласно *Lexer Mittelhochd. Taschenwb.* 1959, 119), в котором выделяется суф. *-tē*, присоединяемый к тому же корню **lek-*. Указывается, что названиям одежды не чужд принцип их обозначения как «того, что движется, бежит, летит» (ср. лит. *skreistė*, род плаща). Тем не менее, пора для окончательного суждения, видимо, еще не настала. Приблизительность представлений о реалии затрудняет выбор и на лингвистическом уровне. Подводя предварительный итог, можно сказать, что наиболее обоснованными остаются две точки зрения: связь *lagno* с глаголом балт. *lek-* (при этом не ясно, какой должен быть фасон брюк, чтобы идея «разлета», быстрого движения получила естественное оправдание) и связь с обозначением ноги типа др.-исл. *leggr* (кстати, это слово, происходящее из прасев. **lagja*, и давшее швед. *lägg*, датск. *læg*, *legg* и т. п., могло обозначать и род трубки; в этой связи ср., с одной стороны, такие обозначения брюк, как *дудки*, *трубочки* и т. п., а с другой

стороны, сильные культурные влияния, шедшие к пруссам из Скандинавии). Выбор между этими решениями или нахождение новых — дело будущего.

— Л и т.: Pierson ZfPr. Gesch. 12, 1875, 295; Zupitza Germ. Gutt. 1896, 134; Lidén IF 19, 366; Arm. Stud. 1906, 96; APSpr. 367; Vüga Aist. stud. 1908, 52; SPV 201; Vaillant Gr. comp. I, 92—93; Трубачев Этимол. 1968, 1971, 30; Mažiulis PKP II, 276, 279. — [**lagno*; **lagnā*; **laknā* (?)].

-lai-. — Partic. verb., выступает как формант глагола в Opt. или Cond. (см. ниже). Присоединяется к инфинитивной основе (ср., однако, *auskiēndlai*, которое, по Беценбергеру KZ 41, 1907, 111, из **auskēnde(t)-lai*; по Эндзелю SPV 124, речь могла бы идти об Opt. **auskēndai*, усвоившем себе *-l-* из форм на *-lai*), после себя может иметь личные окончания. Ср. *-lai* (3. Sg. Pl.), *-laisi* (2. Sg., из *-laisi*), *-limai* (1. Pl.; из **-laimai*, возможно, в результате диссимиляции), *-laiti* (2. Pl.). Ср.: *auskiēndlai* (K III, 75, 14); *baulai*, *boūlai* (K III, 65, 5; 71, 13); *ēilai* (K III, 75, 15); *imlai* (K III, 39, 16); *isrāikilai*/=**isrānkilai*/ (K III, 39, 13); *quoitilai*, *quoitilai*, *quoitijlai*, *quoitilaisi*, *quoitilaiti*, *quoitijlaiti* (K III, 37, 23, 26; 39, 1; 45, 5; 51, 19; 53, 1; 69, 5; 73, 1; 73, 4; 75, 10; 77, 15—16; 79, 34); *lemlai* (K III, 35, 29); *musīlai* (K III, 75, 22); *perēilai* (K III, 35, 15); *pogattewinlai* (K III, 65, 4—5); *schlūsilai*, *schlusilai* (K III, 31, 29; 75, 20); *tur(r)īlai*, *turri-līmai* (K III, 63, 3; 65, 5; 69, 26; 71, 11; 71, 18). Следовательно, *-lai* отмечено всего у 12 глаголов (29 словоупотреблений). Все эти примеры относятся к Энхиридону, причем и внутри этого текста распределение форм на *-lai* отличается неравномерностью. Выделяются два «максимума» — один близко к началу текста (30-ые страницы издания Траутмана), 8 примеров, другой — в завершающей части (с. 63—79), 18 примеров. Старая традиция (Бернекер, Траутман и др.) рассматривала формы на *-lai* как Opt. (см. ныне Шмальштаг, напр., OP 212 и др.), иногда и как Conj., не редко не отделяя их от форм на *-sai*, *-sei*, трактуемых в том же духе. Эндзелин SPV 123—124 занял осторожную позицию. Избегая уточнений, он констатировал — на чисто описательном уровне — две важные особенности: употребление форм на *-lai* в оптативном значении, близком к значению форм на *-sei* («Lietātas ir šās formas. . . gribas izteiksmēi gluži kā formas ar *-sei*»), ср. K III, 35, 15; 65, 3—7; 77, 16; наличие у форм на *-lai* значения Cond («. . . formas ar *-lai* ir sastopamas ar kondicionāļa, nozīmi»), ср. K III, 71, 10—13: mes. . . ismaitint turrilimai boūt, kaden noūmas ni. . . pogalbtōn boūlai 'wir. . . verlorn sein müsten wo vns nicht . . . geholfen were' или K III, 71, 18: tans. . . boūt bhe polāikt turrilai 'es. . . sein vnd bleiben müste', или K III, 63, 3: ickai ainonts ēstan turilai preiwaitiat 'hat (=hätte) jemens darein zu sprechen'. Наибольшие заслуги в интерпретации форм на *-lai* (и самих по себе, и в соотношении с формами на *-sei*, *-sai*) принадлежат Стангу Sl. и balt. Vb. 1942, 263—266; Vgl. Gr. 1966, 440—443 (в дополнениях к SPV 132 Эндзелин кратко откликнулся

на идеи Станга в его книге 1942 г.). Действительно, изолировав явные случаи функционального смешения в употреблении форм на *-lai* и на *-sei*, *-sai* в прусском языке, Станг установил две существенные закономерности, оказавшиеся во взаимной связи, которые позволили ему достаточно последовательно и надежно размежевать эти две группы модальных форм. Оказалось, что формы на *-lai* встречаются преимущественно в придаточных предложениях, и в старых литовских катехетических текстах этим формам соответствуют, как правило, формы литовского оптатива. Напротив, формы на *-sei*, *-sai* тяготеют к употреблению в главных предложениях, и в соответствующих местах литовских текстов им отвечают так называемые пермиссивные формы. Иначе говоря: Mes madlimai adder ēnschan madlin kai stas dijgi prēimans p e r ē i l a i. K III, 35, 14 (: *ateitu* у Вилента) или: Bhe madli tien, tou q u o i t i l a i s i mien schan deinan Deigi pokūnst. K III, 51, 19 (: *apsaugotumbei* у Вилента) и т. п., с одной стороны, и: twais swints Engels b a ū s e i sen māim. K III, 51, 23 (: *testo* у Вилента) или: bhe d ā s a i ioumans rakaien. K III, 81, 21 (: *tedūst*. Mažvyd. Forma Chr.) и т. п., с другой стороны. Таким образом, прусск. формы на *-lai*, действительно, удобно толковать как Cond., по крайней мере, по двум основаниям: чтобы отличить их от форм на *-sei*, которые с большим основанием претендуют на то, чтобы носить название оптатива, и потому, что трактовка образований на *-lai* как форм Cond. подчеркивает формально-операционный аспект проблемы (в частности, указывает место этих форм в предложении и зависимость от другого глагола), что оказывается исключительно важным с точки зрения истории этих форм и, следовательно, выбора круга соответствующих им явлений в других балт. и — шире — и.-евр. языках. Вместе с тем, понимая образования на *-lai* как формы Cond., было бы глубоким заблуждением отрицание их волюнтативно-оптативного значения в ряде контекстов. Вообще дихотомия оптатив—кондиционалис применительно к прусскому языку имеет смысл лишь при осторожном подходе к ней. Члены этой пары не симметричны: формы на *-sei* семантически более независимы и обнаруживают свою оптативность чаще и чище (поэтому основания для выделения в прусском оптатива равно связаны с формой и с значением); формы же на *-lai* семантически приглушены и обнаруживают свою зависимость от других элементов фразы (поэтому основания для толкования их как Cond. носят более формальный характер). Поэтому распределение форм Opt. и Cond. можно представить себе как результат некоей закономерности в consecutio modorum (речь идет, разумеется, об идеализированной ситуации, которая, однако, могла бы объяснить ряд конкретных фактов). Похоже, что механизм распределения может быть проиллюстрирован следующими двумя фразами: twais swints Engels b a ū s e i sen māim (K III, 51, 23, реальная фраза с Opt.), но **As madli tien, kai twais swints Engels b a ū l a i (b o ū l a i) sen māim* (реконструированная фраза с Cond., смонтированная

из реальных конкретных частей — As madli tien, kai. . . и twais swints Engels. . . sen māim и правила, по которому после *madli* и т. п. в главном предложении следует форма на *-lai* в придаточном и которое подтверждается многими примерами, в частности, и такими, где в эту схему вставляется глагол 'быть'). Важность синтагматических критериев в толковании Cond. несомненна. В значительной степени из-за пренебрежения ими предыстория форм на *-lai* в балт. и определение параллелей к ним оказалось излишне запутанным, и, хотя и сейчас многие детали неясны, есть, кажется, возможность ввести разные (конечно, не все) точки зрения на формы на *-lai*, осознававшие себя как взаимоисключающие, в рамки относительно единого, но хронологически и синтагматически дифференцированного контекста. — Пожалуй, лишь одно из этимологических объяснений прусск. *-lai* может быть сейчас отвергнуто с достаточной категоричностью (Brugmann IF 15, 1903, 339—340: *-lai* из Opt. **vlōi-* или **vlī-* от и.-евр. **vel-* 'wählen', т. е. 'du oder er mag wählen', ср. лат. *vel*), хотя оно было принято Траутманом APSpr. 285—286. Впрочем, опровержения были сделаны сразу же или вскоре после выдвижения Бругманом его предложения, см. Эндзелин Лат. предл. II, 1905, 71 = Darbu izlase I, 590; AfslPh 32, 1910, 295 и др. (нужно только заметить, что Бругман говорил не специально о прусск. *-lai*, но о балт. **lai*, от которого в это время прусск. *-lai* обычно не отделяли; в критике Эндзелином точки зрения Бругмана, в частности, указывалось, что возведение лтш. *lai*, как и более раннего *laid*, к и.-евр. **uloit* невозможно из-за прерывистой интонации *lai*). Вместе с опровержениями в эти же годы были выдвинуты и основные варианты объяснения прусск. *-lai*, к которым сразу же присоединилась проблема отношения этого *-lai* к вост.-балт. пермиссивной частице *lai*, по сути дела не решенная до сих пор. Беценбергер, Зольмсен, Зубатый, Брюкнер, Эндзелин и Буга были основными участниками дискуссии вокруг этой проблемы. Логически исходным и, так сказать, наиболее широким, суммирующим ряд частных объяснений, было предложение Зольмсена KZ 44, 111, 171 (ср. также Beitr. griech. Wortforsch. II. Teil, № 17) связывать воедино и прусск. *-lai*, и вост.-балт. пермиссивное *lai*, и слав. частицу *li*, выступающую в разделительной или вопросительной функции (в этом же контексте он пытался рассматривать др.-греч. λῆν Infin. от λάω, λῶ 'хотеть' и элемент *-λαi-* в таких образованиях, как λαι-δρός, λαι-μός и, может быть, даже λαι-ομαι; в дальнейшем этот круг форм в связи с балт. *lai* не рассматривался; более того, в пределах самого др.-греч. не ясна ни связь этих слов между собой, ни их этимология). Брюкнер KZ 44, 1911, 333—334 в принципе оставался на этих же позициях, подчеркнув, однако, идентичность балт. *lai* и польск. *le* 'лишь' и т. п. (с характерным замечанием: «d. h. unverwandt, ja nicht entlehnt»); при этом указывалось, что, сохранившаяся сейчас лишь в составе сложных по происхождению союзов *ale*, *lecz*, эта частица еще в XV в. употреблялась самостоятельно, напр., в таких показа-

тельных контекстах, как potępienie a ubostwo l e skromne czyni ubogie; l e acz cigrĩa; acz l e je mają и т. п. (ср. также SEJP 292, 297). О соотношении балт. *lai* с слав. частицей *li* в несколько ином контексте писал Зубатый Lfil. 37, 1910, 217—228 = St. Cl. I, 2, 44—57. Идея связи слав. частиц **li*, **lě*, **le* с соответствующими балтийскими частицами была развита на богатом и разнообразном материале (см. ниже) Бугой РФВ 71, 1914, 57—60 = RR I, 452—454. Несколько существенных деталей заслуживают быть отмеченными особо: исключительное разнообразие вокализма в балт. *l-* частицах (*le/la, lei/lai/li; lu*); возможность появления их как в препозиции, так и в постпозиции (раньше, отчасти и позже, различиям между этими позициями в прусск. и вост.-балт. склонны были придавать решающее значение); единство происхождения этих элементов (в частности, лтш. *lai* и *-lai*) независимо от позиции; наличие глагольных форм с конечным элементом *-l* в литовском (см. далее), которые, следовательно, составляют аналогию прусским глаголам на *-lai*; категорическое отрицание связи между лтш. *lai*, 'пусть' и лит. *lai*, с одной стороны, и лтш. *laist* 'пускать' и под., с другой (ст.-лтш. *laid* = *lai* возникло из частицы *lai* и постпозиции *-d/a/*, появляющейся и в других случаях [ср. лтш. *nevaid, navaid* 'нет' при *neva, nava, nevai* /: авест. *vā* — др.-инд. *vai* /; *iraid* 'есть' при лит. *yrai* 'есть'], но не из Imper. или Opt. *laidi*). Но наиболее радикальными в этой области оказались взгляды Эндзелина, развитые им в ряде работ, где, между прочим, вводится в научный обиход значительное количество важных балт. фактов. См. Лат. предл. II, 1905, 71; KZ 42, 1909, 375; AfslPh. 32, 1910, 295; FBR 11, 1931, 187—189; ME 2, 400—401; Lett. gr. 1922, 690; LVSF 1938, 195; LVG 701, 892—893; BVSF 253; SPV 123—124, 132; Apr. Spr. 188—189. В этих работах Эндзелина существенны три аспекта: 1) критический анализ взглядов на данную проблему Бругмана, Зольмсена, Брюкнера, Беценбергера и др.; 2) решительное отрицание связи между прусск. *-lai* и лтш. пермиссивом *lai* (как и лит. *lai*), происходящим из Imper. *laid* (иначе — Буга, см. выше), а также подчеркивание сильного расхождения в семантике между слав. **li* и прусск. *-lai*; 3) собственная концепция происхождения прусск. *-lai*. Суть последней состоит в расчленении *-lai* на два элемента (*-l-* и *-ai*), каждый из которых имеет свою генеалогию и свою хронологию. Элемент *-l-*, действительно, сопоставим, как это и предполагал Брюкнер, с польск. *le*, но не потому что это *le* и прусск. *-lai* имеют единую исходную форму (**lai* или **loi*), а потому что слав. **le* (как и равнозначное ему слав. **lě*) восходит к и.-евр. **le/*lē* (где гласный не из дифтонга!), которое отразилось и в ряде характерных вост.-балт. форм (ср. лтш. *-le* в *jele, nele, nule* и т. п., лит. *esle* 'esto!', *eī-kei* 'иди же!'; ср. также лтг. диал. */lai/sajemla* 'lai/sajem' где *-la* из *-le*, или формы Cond. типа *ītuļu* 'es ietu', *ītuļi, ītuļam* и т. п.), на основании чего и для прусского восстанавливается частица *le*. Этот элемент мог присоединяться к глагольной основе (после нее) для выражения оптативного

значения, ср. прусск. **ei(t)-le* 'lai (viņš) iet'. Так как существовали в прусском и чисто оптативные формы на *-ai* (см. SPV 114—115), то первоначальное **eile* преобразовалось в *ēilai*. По образцу же соотношения (*eb*)*immāi—immimāi*, *immaiti* и в Cond. наряду с *turrilāi* возникло *turrilimāi*, а наряду с *quoitilāi—quoitilaiti* и т. п. При этом исходной для таких форм была основа Infin. В качестве примера-резюме Эндзелин приводит прусск. *boīlai* и соответствующее ему лтш. диал. *byūlu* < **bālu* 'esmu', общий источник которых реконструируется как балт. **bu-le!*. Эта схема в целом была усвоена Стангом, который считал форму на *-lai* прусским новообразованием («Die Form auf-lai ist eine preuss. Neubildung». Vgl. Gr. 1966, 443), возникшим в результате присоединения к инфинитивной основе флектированного суф. *-lai*. Бенвенист Hitt. et. i.-eur. 1962, 18—19, напротив, видел в прусск. формах на *-lai* глубокий архаизм, принадлежащий к тому же классу явлений, что и хеттские оптативно-волюнтативные формы 1-го лица, которые обычно (и неверно) интерпретируются как 1. Sg. Imper. Ср. хеттск. *iyallu* 'да сделаю я!', 'о, если бы я сделал!', 'я хочу делать', *aggallu* 'о, если бы мне умереть!', *temallu* 'о, если бы я сказал!', 'я хочу сказать' и т. п. Сопоставляемые с этими примерами прусск. формы на *-lai* (о других и.-евр. параллелях см. ниже) Бенвенист относит к числу модальных образований на *-l* с императивным *-ai*. Выделение в прусск. формах элемента *-lai*, в котором видят частицу, объясняется, по его мнению, отсутствием опоры в сравнительно-исторических данных, что, однако, может оказаться и несправедливым упреком, учитывая, что сам статус данного элемента, независимо от его происхождения, определяется соотношением входящих в игру факторов в каждом данном языке и той кардинальной синтаксической схемой фразы, которая актуальна для данного периода развития этого языка. Поэтому более строгий анализ прусск. *-lai*, особенно в связи с установлением круга параллелей к нему в других и.-евр. языках, предполагает, во-первых, снятие ряда ограничений, связанных с такими факторами как положение «перед» или «после», прилагольность—приименность, актуальный статус элемента (в частности, его категориальное определение) и т. п. или с качеством гласного, с различием слишком тонких и, так сказать, «догматических» семантических нюансов и т. п. и, следовательно, резкое расширение круга сопоставляемых примеров и, во-вторых, определение специфики анализируемых элементов (учитывая и тенденции развития, т. е. динамический аспект) в каждом языке с попыткой, когда это можно, дать внутреннюю реконструкцию функций и некоторых других особенностей этих элементов. Как и во многих других случаях, когда морфологические явления так или иначе зависят от синтаксических фактов предшествующего периода, здесь особенно важен целостный взгляд и учет типологии варьирования морфосинтаксических структур, взятых в диахроническом аспекте. — В том широком сопоставлении, о котором говорилось выше, одно из центральных

мест должны занимать вост.-балт. формы пермиссивной частицы. Ср. лит. *lai*, но и *lei* (Kad išvažiavo, *l a i* ir važiuoja; Jei neteisybę kalbu, *l a i* nepraryju šio kašnio; Kam niežt, tas *l à i* ir kasos; Kaip tau patink, taip *l a i* atsitink; *L a i* ateis tavo brolis; *L a i* ein, kad tik jį kviečia!; *L a i* pasidžiaugiam savo vaikais!; *L e i* aš einu rodyt, kur pareit par upę; *L e i* dirb jauniejai, mums gana; Šiai bus, *l e i* bus, bet aš nepasiduosiu и др. LKŽ 7, 11, 232); с тем же значением выступают и *legù*, *legul* (= *tegù/l/*, *tè* 'пусть', 'пускай' [см. ниже о *laigù*, *laigul*, *leigù*. Zinkevičius Liet. k. istor. gram. II, 136—137], причем параллелизм частиц с *t-* и *l-* в аилайте делает вероятным предположение о таком же значении и функции **le* в литовском), ср.: *L e g ù* jis eina sau...; *L e g ù* aną velniai, maitink čia visus!; *L è g u l* važiuo (į turgų), jei nor; *L è g u l* biesas pajemie tus lauko darbus! и т. п. Здесь же нужно отметить, что *lei* может выступать и как усилит. частица 'же', 'ведь' (Kur *l e i* išbūgi!). Еще важнее — употребление *lai*, *lei* в качестве Conj. 'хотя', 'хотя и' и т. п. (*L a i* neeini /neteki/ už manęs, tai nepėik manęs; *L á i* tu buvai girtas, bet vis dar galėjai susiprotėti, kad...; *L e i* šiandieną nesi pasitaisęs mirti, ryto ir tiek nebūsi). Еще более известны данные латышского языка, в котором *lai* институализировалось как грамматически регулярное средство выражения пермиссива. Ср. лтш. *l a i* dievs duod (duotu), bet netik daudz; *l a i* iet, kà iedams; *l a i* butu, kà būdams; *l a i* tu lepns paliktu!; *l a i* notiek, kà tu vēlies!; *l a i* dzīvo... и т. п. (ME 2, 400; EH 711; Ērg'em. izl. vārdn. 2, 182—183). В старых памятниках в этой функции выступает еще несокращенная форма *laid* (ср.: *l a i d* man vātis dziedē. Fūrecker, также у Mancel.). Иногда формы с *lai* усиливаются или за счет повторения *lai* (ср.: *l a i* eimuo *l a i*, gudrie brāli nuosmīn), или за счет «частичного» комплекса *jele* (ср.: *l a i* *j e l e* viņš nāktu). Существенно, что *lai* может выступать не только с 3. Praes. Indic. или с Cond., но и при Infin. (ср.: *šitādām meitu mātēm l a i* uz akmeņa augt!) или при Praet. (ср.: *vilki, zvēri l a i* apēda tautu dēla kumeliņu. BW 17980); ср. также безглагольное употребление *lai* в случаях типа *lai kas*, *lai kà*, *lai nu kà* (ME 2, 400) или же *bet l a i nu! kas bijis, bijis; l a i nu!* и т. п. Уже часть этих примеров дает понять, что пермиссивная функция лтш. *lai* не универсальна, что она скорее образует некий пик «грамматикализации» *lai*, охватывающий лишь ряд случаев употребления этого элемента и сформировавшийся, несомненно, на позднем этапе развития латышского языка. О предшествующем положении, более или менее полно отраженном в текстах (в частности, и современных), можно судить по другим примерам употребления *lai*. Ср., напр., *lai* при Adhort. (*l a i* dievu ludzam; *l a i* visai nenuoskumstam), при вопросе с сомнением (kurp *l a i* eimu? 'куда я должен идти?', 'куда мне нужно идти?'; *kuo l a i* dāgu? и т. п.), в частности, когда он включен в придаточное предложение (ср. *es nezīnu, kuo l a i* es iesāku и т. п.); употребление *lai* как Conj. в разных значениях ('хотя', 'чтобы' и т. п.), ср.: *l a i* drebēja, kas drebēja, liepu

lapa nedrebēja. BW 6513; l a i tā bija mana vēsta, tava paša sadēģeta. BW 18701; liepu lapu ceļu klāju, l a i es ietu šuo rudenī; lūdz tu pati mīļu dievu, l a i duod bēgu kumeliņu и т. п.; aitas bijušas tik vājas, l a i vējš argāztu и др. В ряде говоров вместо *lai* выступает *lei* (ME 2, 445; EH 731). Наконец, существуют и еще некоторые периферийные употребления (иногда даже образующие контраст пермиссивному *lai* [ср. *viņš l a i* (безударное) *nāk* или *l a i viņš nāk* 'пусть он придет' — при: *viņš l a i* (ударное) *nāk* 'и он придет']), которые вынуждают исследователя считаться с гораздо более широким и неопределенным «собственным» статусом *lai*, резко сужающимся и конкретизирующимся в зависимости от общих семантических установок всей фразы. Среди этих употреблений важно отметить те, в которых с *lai* связывается усилительное значение (ср.: *kā l a i es priecājos, kad nomīga māmulīca*. BW 4334 'как же мне радоваться, ведь умерла моя мать'; *kuo l a i vedu*. BW 16176 'что же мне вести?'; *kā l a i* 'как же', *kur l a i* 'где же', 'куда же' и т. п.). Помимо указанной выше литературы см. о *lai* Bielenstein Lett. Gr. 1863, 405—408; Lett. Spr.; Mūd. latv. gr. I, 749—750, 770—771 и др. Наконец, при рассмотрении этого элемента необходимо помнить о разнообразии его форм — *lai*, *lei*, *lain* (ср. *viņš l a i n atnācis*. ME 2, 409; EH 713), *leit* (ME 2, 446; ср. KZ 42, 375; Buga RR I, 453), *laid*, *la* (Rudzīte Latv. dial. 254, ср. также 146, 403), перекликающемся с такой же мозаичностью частиц, выступающих обычно в качестве второго члена комплексной частицы, ср. *-lei*, *-lai*, *-le* и даже *-la*, *-li*, *-lu* в соединении с *nu-*, *je-(ja-)*, *juo-*, *ai-*, *vai-*, *ta-* (см. Буга РФВ 71, 57—59 = RR I, 452—454; LVG 701; LSpr II, 351, 372), напр.: *nu-lei* BW 9721, 15022, 6835, 2, 21001, 4; *nu-lai* BW 786, 21001, 9, 26305, 4; *nu-le* BW 6444, 1, 7948, 25028, 2, 3, 25198; *nu-la* BW 6835, 5, 7948; *nū-la* BW 25028; *nū-lu* BW 15745; 2; *ai-le* BW 6693, 24349; *ai-li* BW 373, 15368, 24350; *ai-lu* 370, 15903, 24358; *je-li* BW 18135, 4; *juo-li* BW 11439, 1, 23195 и др.; ср. также частицы с долгим *ē* и расширениями типа лтш. *nu-lē-t* (ср. вост.-лтш. *nūl'ēt'*. BW 24246, 1, ср. *nu-la-t* BW 3417, 21221, 1, 25028), *nū-lei-t* (ср. вост.-лтш. *neul'eit* BW 16092 'теперь (же)'). Несмотря на то, что значение этих частиц довольно разнообразно и выделить в них значение элемента *-l-* трудно (в частности, потому, что чаще более весомым оказывается семантический вклад первого элемента), встречаются ситуации, когда удается обнаружить и семантическую близость *l-*элемента к *lai*. Ср.: *Noeet saule wakarā, | Zelta zarus zarodama. | Deews dod man tā zarot | J e l e muyscha galiņa*. BW 18135, 4, где *jеле* должно пониматься как 'х о т я б ы', 'п у с т ь д а ж е' (ср. аналогичные значения у *lai*), что создает все предпосылки для того, чтобы *Deews d o d m a n . . . j e l e . . .* трансформировать в **Le (jele) & *dod Deews m a n . . . !* 'Lai Dievs dod man . . . !'. Подобная трансформация в значительной степени совпадает с реконструкцией более ранней формы пермиссивной конструкции и еще раз подчеркивает параллелизм *lai* и *le*, нарушаемый и изгоняемый со времени универсализации *lai* в пер-

миссивной функции. Реконструируемая для прошлого связь частицы *le* и ее вариантов с глаголом в значительной степени подтверждается такими диалектными формами, отмеченными в Латгалии и в р-не Лубаны (см. LVG 901; FBR 6, 1926, 42; 11, 1931, 188—189; 13, 1933, 56), как 1. Sg. Cond. на *-tuļu* (ср. *ītuļu* (Райполе), а также BW 299, 7390, 8362, 9202, 15136, 15687, 1 [где сосуществуют *byutuļu* и *byutu* : Kad. as b y u t u zynòjušē, | Kuru dīnu tautys jòš, | As b y u t u | u tū dīneņu | Zam ēģleitīs šédējušē], 17553, 17788, 4 (где при 1. Sg. Cond. *ītuļu* — 3. Cond. *ītu*), 21261, 5, 22608, 1, 26940, 3, 27153, 2, 27300, 4), 2. Sg. Cond. на *-tuļi* (BW 23057), 1. Pl. Cond. на *-tuļam* (ср. *ženietuļam*. Zbiór wiad. XVIII, 352; *byutuļom*. FBR 6, 1926, 42), 2. Pl. Cond. на *-tuļat* (ср. *dziejtuļat*. Zbiór wiad. XVIII, 435; *byutuļot'*. FBR 6, 42). Признавая трудной интерпретацию этих форм, Эндзелин все-таки предлагает искать возможные связи в двух направлениях: прусск. «оптатив» на *-lai* и отмеченные в некоторых вост.-лтш. говорах формы Праес. на *-l-* вм. *-j-* типа *ņemļu* 'jemu', *kuōpļu* 'kārju', *dūmļu* 'dodu', *īmļu* 'eju', *byuļu* 'esmu', *džieržļu* 'dzirdu' и т. п. (см. LVG 787—790). Последние примеры представляются сомнительной параллелью из-за фонетического происхождения этого *l* (в сочетаниях губных согласных с *j* в *jo*-основах) и его аналогического распространения на более широкий круг глаголов. Более правдоподобна связь указанных форм Cond. на *-tuļ-* с прусск. *-lai* (хотя и о ней, конечно, можно говорить только как о связи «в общем и целом») и с рядом литовских диалектных форм, в которых *-l-* (как и в лтш. формах на *-tuļ-*) присоединяется в виде частицы к уже имеющемуся форманту (лтш. Cond. на *-tu-&l-*). Эти литовские глагольные формы с элементом *-l-* нигде и никогда не становившиеся регулярными парадигматическими образованиями, представляют особый интерес. С одной стороны, они достаточно разнообразны и вариативны (хотя общее число примеров очень невелико), их природа в значительной степени «оказиональна», они составляют как бы ad hoc. С другой стороны, связь элемента *-l-* в этих формах с частицей (во всяком случае по происхождению) несомненна; ср. лит. *nūli* 'нынче', 'теперь' (LKŽ 8, 891) при *nū*, *nūgi*, *nūgis* и т. п. (Буга РФВ 71, 1914, 57, 58; Hermann Lit. St. 1926, 368; Fraenkel Festschr. Vasmer 1956, 154; LEW 511 и др.); в более широком плане сюда же относятся и случаи типа *kōl*, *kōlei*, диал. *kolēi*, *kolei*, *kōlai*, *kolāi*, *kolai*, *kōliai* и даже *kōla*, *kōleik*, *kōlek*, *kōlink*, *kōlunk* и т. п.; *tōl*, *tōlei* и т. п., в значительной степени аналогично *kōl*, *kōlei* (см. Zinkevičius Liet. Dial. 411); не исключено, что даже Праер. *paliai*, *palei*, рассматриваемый как славизм (см. LEW 532), многообразием своих диалектных вариантов (ср. *pāliai*, *pāliai*, *palē*, *pālē*, *pālē*, *pālīa*, *pālī*, *palj*, *pēli*, не говоря уж о контаминированных формах; см. Liet. Dial. 421—423) имитирует принципиальную вариативность гласных после *l-*, напоминающую ситуацию в латышском (разумеется, нужно учитывать и гибридные случаи; ср. такие пермиссивные частицы в диал., как *laigūl*, *laigū*, *leigū*, см. Zinkevičius

Liet. k. istor. gram. II, 137; LKŽ 6, 29, 240). Еще одна показательная черта этих глагольных форм — постпозитивное положение элемента *-l-*. Она прослеживается в разных типах глагольных образований. Первым из них можно считать форму *esle*, рассматриваемую Клейном Gramm. Litv. 1653, 137, 14 в разделе наречий: 7. Concedendi: *esle* (*tegul*) esto, *sit ita* (ср. совр. лит. *te-esie*; см. LKŽ 2, 1155; Bezenberger BGLS 1877, 64 и др.). Иной случай появления *-l-* в глагольных формах — Imper. типа *dúokel' 'дай же'* (< **duo-kia-l'*), *eikel' 'иди же'* (< **ei-kia-l'*), отмеченные в районе Шяуляя (см. Liet. Dial. 369). Третий случай — формы на *-liui* типа *esliui*, определяемого как 'te esie taro' встречающегося уже у Бреткунаса Jes. 10, 28 (см. BGLS 1877, 64), ср. *esluy 'recht so'* (Ruhig Wb. II, 288; Mielcke Wb. II, 385; Clavis Germ.-Lith. II, 280, ср. Nesselmann Wb. d. Lit. Spr. 20; LKŽ 2, 1154). Согласно Буге, *-luy* должно читаться как *-liui*, а сама эта частица возникла из скрещения *-li* или *-lei* с *-lu* (: лтш. *nū-lu, ai-lu*); ср. сходные формы *tiesiagiuy* (Szyrw. Punkt. Sak. 114 = *tiesiógiui*) при *tiesiagiey*. Ibid. 107, *tiesiogiei*. Daukša Post. 99; *tiesio-gu*. Daukša Post. 106, *tiesió-gui* Ibid. 102, 157 и т. п. (RR I, 453—454). — Эта хаотичная (а отчасти и противоречивая) картина, основанная на вост.-балт. фактах, будучи проанализированной, приводит к несколько неожиданному (во всяком случае судя по имеющимся исследованиям с их «унифицирующей» установкой) выводу. Вместо того, чтобы ориентироваться на поиск единой и достаточно четко очерченной формы, в которой можно было бы видеть первоисточник всех остальных (или, по меньшей мере, форму наиболее близкую к нему), в данном случае целесообразно сменить установку и считать именно сам этот хаос первичной (или ранней, или — еще точнее — периодически возникающей и в той или иной мере всегда присутствующей) ситуацией, из которой только и можно определить — поневоле обобщенно и лишь с определенной степенью вероятности, — каким образом из флуктуирующей совокупности фактов выделился и подвергся категоризации элемент, сопоставимый с прусск. *-lai*. Такая перемена установок вызвана не только жесткой необходимостью, но и самим принципом анализа элементов, образующих аморфную массу, где изменчивость и случайность определяют больше, чем постоянство, регулярность и соответствие правилам. Следовательно, с новой установкой связаны и новые преимущества. Впрочем, подобная установка вовсе не означает отказа от фиксации закономерных (или статистически близких к ним) отношений, если они касаются более частных вещей, особенно если они могут быть рассмотрены в контрастивном контексте. В этой связи можно указать некоторые наиболее значительные результаты анализа вост.-балт. фактов: 1) теснейшая связь частиц на *-l-* с институализированным грамматическим элементом *lai*, подтверждаемая как историческими данными, так и соотношением и взаимодействием этих элементов в синхронии (ср. примеры компенсаторного укрепления, усиления грамматикализованного *lai* частицами на *-l-*,

с одной стороны, и выветривание, стирание *lai* в частицеподобный элемент, с другой стороны); 2) принципиальная вариативность вокализма в *l*-частицах (практически представлены самые разные варианты *lai, lei, la, le, li, lu*); 3) актуальная связь Conj. *lai* и Partic. *lai* и т. п., проявляющаяся, во-первых, в семантической «сводимости» их к единому смыслу и, во-вторых, в четкости синтаксических критериев их размежевания (иначе говоря, и Conj. и Partic. *lai* выводимы из единого источника); 4) безразличие *l*-частиц (в принципе) к положению по отношению к ключевому для них слову (они могут употребляться как препозитивно, так и постпозитивно; строгие ограничения начинаются при грамматикализации соответствующих элементов; в отдельных случаях есть, кажется, основание говорить о подвижности *-l-* и относительно других формантов, хотя в целом этот вопрос решается на уровне реконструируемых элементов словоформы или словосочетания); 5) характерное распределение *lai* в литовском (в латышском оно прослеживается с меньшей надежностью из-за грамматикализации пермиссива): *lai* в абсолютном начале фразы («сильный» пермиссив) и *lai* в начале придаточного предложения (иногда ему может предшествовать семантически пустое опорное словечко местоименного типа, что-то вроде русск. *то... /так/*) при условии, что главное предложение начинается с союза (напр., условного), с которым, следовательно, *lai* образует рамочную конструкцию, примеры см. выше (это распределение приобретает особый вес, поскольку, как было показано выше, первоначальный locus прусск. Cond. на *-lai* — придаточное предложение). — Славянские данные, которые во многих отношениях параллельны прусск. *-lai* и вост.-балт. соответствиям и генетически связаны с ними, к сожалению, привлекались очень недостаточно и анализировались очень поверхностно (следы этого состояния отчетливы и в статьях, посвященных слав. **li*, **le* и т. д. в славянских этимологических словарях, где — в свою очередь — игнорируются балт. факты или берутся не дифференцированно, в самом общем виде). Тем не менее, именно слав. факты образуют самую близкую и точную (в указанном выше смысле слова) сеть параллелей к тем балт. примерам, которые уже были приведены. Прежде всего сходство проявляется в наличии сходного комплекса элементов на *-l-*, который объединяет в себе самые разнородные факты по степени их семантической наполненности и грамматичности, не говоря уж о различиях в вокализме (не только **le* и **lě*, но и **li*, которое позволяет предположить для предыдущего периода наличие **loi* или **lei*, т. е. элементов предельно близких к балт. **lai*/**lei*). Эти слав. *l*-элементы могут употребляться препозитивно и постпозитивно; они категоризируются как частицы или союзы (и даже наречия) с кругом значений (о некоторых из них см. ниже) аналогичным тому, который описан для балт. Для ориентации (хотя и недостаточно полной) в слав. ситуации ср. Ђорђевић Гласн. 53. 1898; Łoś Sprawozd. PAU 12, 1907, 2—6; Zubatý Lfil. 37, 1910, 217—228; Tomaszewski Sl. Occ. 2,

1922, 137—157; Musić Rad JAZU 231, 1—37; Slavia 8, 1929, 38—49; Décaux RESl. 28, 1951, 68—79; Morph. des enclit. 1955; Liewehr Vortr. Berl. 1956, 243; Ondrus ZPSl. 2, 1957, 513—522; Michałk Por. Jez. 1957, 7, 300—307; Reiter ZfslPh 27, 1959, 377—406; Polański Sl. Occ. 20, 1960, 115—117; Słow. et. Drz. 2, 326—327; Selberg Sc. — Slav. 19, 1973, 177—186; ср. отчасти Sc.—Slav. 16, 1970, 189—203 и др. Сходство начинается уже со структуры комплексов, включающих элемент *-l-*, ср.: слав. **e-lě/*e-li* (ст.-сл. љѣ, љѣи, болг. љѣ, љѣи и др., макед. љѣ, с.-хорв. jeje, словен. jěli; др.-русск., русск.-ц.-сл. ель, љѣ, елѣ, елѣ, русск. љѣ; связь с количественным љѣ, љѣи составляет особый вопрос, см. ЭССЯ 6, 8) — лтш. je-li (см. выше); русск. диал. нѣле, нѣли, нѣлен, нѣлен, нѣлине (:лтш. диал. lain) 'так что', 'даже', 'инно', 'инда', 'ально', 'ажно' (Даль 2, 1127—1128), чеш. nali (< *nъ ali), nalit' (Šafařík ČČMus. 1, 1847, 302; Gebauer Sl. stč. II, 471; Vondrák Vgl. slav. Gr. II, 437; Zubatý Lfil. 37, 1910, 217—228 и др.; к nalit' ср. вост.-лтш. neul'eit, лтш. диал. nu-lēt, nu-lāt, nūl'ēt' и т. д., что позволяет говорить об общем б.-сл. источнике **nu-lai/lei-t*); кашуб. nōle! (экспрессивное междометие, употребляемое при Imperg. понуждения: N ō l e są b'eŕ, so ŕne z oŕu zg'iŕneš! Słown. gwar kasz. 3, 208; ср. Pom. Wb. 1, 563: в частности, в Каргузах!) — лтш. nule, nulei, nulai, nūla лит. nūli и т. п. (см. выше; соотношение *na-*: *ni-* в принципе не меняет сути дела, хотя и осложняет его); русск. толѣ 'только', 'едва', 'еле' и т. п., тѣли 'ли', 'или', 'либо' и т. п., толь (ст.-сл. томи, томѣ и т. п.) — лит. tōlei, ср. лтш. tāleit (ME 4, 144) и др. В известной мере сюда же при-мыкают соответствия в конструкциях слав. **li* и балт. *lai* с Prop. Interrog. 'кто', 'что'; ср. русск. ли кто, ли что, ли че (чѣ) и т. п., обычно расширяемые повторно вводимым элементом ли (Купец ли кто ли он был; Мать его то ли в домработницах ли кто ли жила; Вынесут ему хлеба ли кого ли; Володька не отвечал, что я хозяин ли что ли; Не знаю, идти ли чо ли; От жары ли че ли голова болит; Чѣ-то глаз повредило ле чего ле и др. СРНГ 17, 39), или с.-хорв. дѣклѣ 'до каких пор' и т. д. (ср. дѣкле/л, -м/) выводимое из **do-kъ-lě*, **do-ko-lě*, где повторяются в ином порядке те же *l-* и *k-*элементы, — лтш. lai kas, lai kâ, lai nu kâ (ср.: tādām vajadzēja pieklūt, lai kas; lai nu kâ, tev jāmirst. ME 2, 400, а также несколько иные случаи типа kuo lai daru?; kugr lai eimu?; kas tad te lai ar jums nuogalējas?); интересно, что и лтш. lai знает ситуацию повторения (ср. lai viņš plātās lai!; lai eimnot lai и т. п. ME 2, 400). Реконструируемое слав. **le-* & **da-* & **kъto* (**čъto*, **čъjъ*), отраженное в укр. лѣдакто 'первый попавшийся', лѣдацо 'негодник', 'плохой', укр., русск. лѣдачий, блр. лѣдашто, 'плохо', польск. ladaco 'негодник', ladajaki (ЭСР 2, 474 и др.; ср. н.-луж. -lětko), по сути дела, воспроизводит ту же схему, что и лтш. lai nu kâ 'dem sei, wie ihm wolle', причем семантические различия (говоря в общем: слав. 'какой ни будь' > 'плохой', лтш. 'какнибудь' > 'в любом случае', но не обязательно плохом). После

этих соответствий не должно вызвать удивления и еще одно сходство, отсылающее уже к структуре Vb. (в частности, глагольная основа) & *-l-*. Ср. слав. **jestь* & **li* (русск. љѣли, устар. естѣли, укр. если, польск. jeśli, ст.-польск. jestli, чеш. jestli), семантически эксплицируемое для исходного состояния как что-то вроде 'пусть будет', 'да будет' и т. п., при ст.-лит. esle 'te-esie') (см. выше) с тем же составом частей и с тем же значением (уместно напомнить, что Cond. от этого глагола реконструируется в виде **es-lai* (!) при baulai, boūlai, а хеттский волюнтатив 1. Sg. представлен как ašallu 'да буду я!'). Даже присоединение к *-l-* личных окончаний в спряжении (ср. прусск. tur(r)ilai, но turrili-mai (из **-lai-mai*), или указанные хеттские формы) находит параллель (хотя, видимо, позднюю) в слав., ср. кашуб. lem 'но', когда этот союз находится в тексте, принадлежащем субъекту высказывания (ср.: B'č bēm go sprāł, l e m go ŕe dogonił; Xcāł jem zis reno jaꝥac do ŕnasta, l e m zaspāł. Sychta Słown. gwar kasz. 2, 339); ср. также lenom в том же значении и в тех же условиях при обычном leno (: лтш. lai nu, nu-lai и т. п.; кашуб. nō употребляется как усилительная частица при Imperg., см. Słown. gwar kasz. 3, 208; Pom. Wb. 1, 562: Słēxāi n o!; Nēx n o p'ŕēgv vīŕze ta vaša sōgka!); ср. словц. len, укр. лѣно 'но', 'лишь', 'только' (Гринченко 2, 354—355), но и лем; с.-хорв. ōtlēn, otolen, но и ōtlēm, ōtolēm и т. п. Но эти совпадения между слав. и балт. в отношении элемента *l-* в его связи с глаголом лишь малая и к тому же не самая существенная часть всей системы соответствий, которая тем убедительнее, что она строится не «намертво», без зазоров, а, напротив, со сдвигами сопоставляемых частей, что и позволяет рассматривать их в динамике, вскрывающей вторичность и, как правило, несущественность тех различий, которые выглядят гипертрофированными без этой диахронической перспективы и связанных с нею реконструкций. Обычно ссылаются на слишком большой разрыв в семантике между слав. **li* и балт. **lai*, мотивируя этим отказ от поисков лежащего за ними единства. В самом деле, слав. **li* наиболее ярко реализует себя в вопросительных конструкциях, балт. **lai* — в пермиссивно-волюнтативных. Однако при обращении к конкретным фактам и к сфере объясняющих их реконструкций очевидно, что в балт. языках есть переходные явления, напоминающие слав. **li* в вопросительных фразах, а в слав. языках немало таких ситуаций, где **li* употребляется в функциях близких или даже полностью аналогичных балт. **lai*. Так, для латышского языка отмечают употребление lai 'in dubitativen Fragen' (ср.: kuo lai daru? 'was soll ich machen?' или kas tad te lai ar jums nuogalējas? а также в зависимых «дубитативно-вопросительных» предложениях, ср.: es nezīnu, kuo lai es iesāku. ME 2, 400), что, конечно, соотносится с употреблением частицы ли «в некоторых сочетаниях, первоначально вопросительных, для выражения сомнения, удивления и т. п.» (Слов. совр. русск. яз. 6, 206) в русском языке; то же относится и к вопросительным предложениям (см. СРНГ 17, 39: о ли, выражающем

«с о м н е н и е, неуверенность, предположение»); естественно, что аналогичное явление известно и другим слав. языкам в том или ином объеме. С другой стороны, пермиссивному *lai* в вост.-балт. и прусск. *-lai* как показателю Cond. с значением волюнтатива, оптатива отвечают в слав. примеры подобные экспрессивной частице *le* в кашубском, употребляемой, между прочим, для усиления императивности (ср.: *L e tē mē tam nē ɥoz více; L e sa b'eř; L e nē zabač do nas pařisac; Tē l e ostańi doma; L e nē płač, но и Nē płač l e* и т. п., см. Słown. gwar kasz. 2, 339); ср. полаб. *zar-lə* 'посмотри же!', *s a a l a a, māu jissme rechte pattjey 's i e h e, wir sind rechte Kutten'* (Parum-Sch.), о *lə* как усилении Imper. см. Polański Sl. Occ. 20, 1960, 115—117; Słown. et. Drz. 2, 326 (ср. также *lə* 'же', 'ведь', 'лишь' и т. п.: *Tāu siess l a a. Parum-Sch.* и др.); некоторые аналогии этому есть и в других слав. языках. Разумеется сходства касаются и несравненно более широкого круга явлений. Особенно интересны те случаи, когда для полного сходства необходима некая «достройка», состоящая чаще всего в нахождении такого семантико-синтаксического контекста, который компенсирует неполноту сходства. Так, условно-вопросительная конструкция типа *придешь ли ко мне, (то) спасибо скажу* (этот тип особенно распространен в диалектных и в старых текстах [ср.: *Обрѣте ли такого члѣва то уже не скърби; обрѣте уже ключь цръствия нбсьнааго. Изб. Святосл. 1076, 178; подробнее см. Слов. русск. яз. XI—XVII вв. 8, 230; ср. с.-хорв. хоћеш ли бити без страха, чини вазда добро*], однако в нормативных руководствах и соответственных стилях он обычно не представлен) вполне соответствует, напр., такой последовательности двух глагольных синтагм в латышском, которая отвечает двум требованиям: 1) наличию пермиссивного *lai* в первой синтагме и 2) такому содержательному соотношению глаголов, при котором выполнение первого действия служит причиной для совершения второго действия. Ср. что-нибудь вроде *L a i viņš duod & es viņam esmu ļoti pateicīgs* «Пусть он даст, я буду ему очень признателен» → «Если он даст, я буду ему очень признателен», т. е. примерно то же, что русск. *даст ли (е сли даст), я буду ему очень признателен*. Но особенно приближается слав. **li, *le* по своим функциям к балт. *lai, -le* и под. в трех категориях случаев: 1) при наличии в слав. **li, *le* у с и л и т е л ь н о г о значения (ср.: *Се бо мя выгналъ из города оца моего, а ты ли ми здрѣ хлѣба моего же не хоцещи дати. Лавр. летоп. 237, где ли=же; Не только ле в Ушкове плохо, а и здесь. СРНГ 17, 39; с.-хорв. кад ли ће доћи? и т. п.), балт. примеры с усилительным *lai, -le* уже приводились; 2) при наличии в слав. **li* у с т у п и т е л ь н о г о значения (ср.: *В град(ѣ) въ немь (же живе)ши и въ инѣхъ окръстнихъ поштити ли единого члѣва боиятя ся Ба. Изб. Святосл. 1076, 178, где ли=хотя /бы/), при более или менее обычном лит. *l a i diena, l a i nakts man jāstrādā* и т. п. (о чем см. ME 2, 400); 3) при наличии в слав. **li* значений, имеющих отношение к по-**

ощрению, увещанию, желанию, надежде и т. п. (ср. с.-хорв. *пође и он у лов не би ли и браћу нашао* 'пошел и он на охоту (надеясь) найти и братьев'), при широком спектре балт. (особенно латышских) примеров от *lai* adhortativus (*l a i Dievu lūdžam*) до *lai*, выражающего просьбу, увещание, приказ, повеление, оптативно-волюнтативные смыслы и т. п. (см. ME 2, 400—401 и др.); следует заметить, что приведенная с.-хорв. фраза, как и другие примеры этого типа, выявляет целевое значение, при чем *ли* функционирует как союз цели ('чтобы'); та же ситуация воспроизводится и в латышском; ср., напр.: *ja atrod divas vāgras viena salma galmā, tad tas dod aitari, l a i ('чтобы' < 'пусть') atnes pařiti* и т. п. — Все эти сходства, столь многочисленные и столь разветвленные, конечно, не могут быть ни случайностью, ни чисто типологическим подобием. Речь идет об исконном единстве, которое в периферийных ситуациях не нарушено (или во всяком случае не полностью нарушено) и сейчас, а в ключевых (центральных) ситуациях нарушено, но относительно легко восстановимо. Из этого тезиса — в принципе — следует, что любой (или почти любой) случай употребления слав. **li* может быть «истолкован» в терминах функций балт. *lai* и его словоупотреблений в разных синтаксических конструкциях (под «истолкованием» в данном случае нужно понимать возможность такого перевода — трансформации конструкции с **li*, при котором подыскивается соответствующая ему форма выражения с использованием балт. *lai*, которая выступает как объяснение, в частности историческое, данной слав. фразы с **li*). Еще важнее, что и с помощью только одной внутренней реконструкции в слав. фразах с **li* удастся вскрыть схему предельно близкую к балт. *lai*-конструкциям и установить ту исходную и единую для балт. и слав. ситуацию, которая отразилась — в значительной степени по-разному — в этих обеих группах. Так, в поздней по времени и «искусственной» по происхождению фразе (правда, ставшей — в своей синтаксической схеме — клише определенной стилистической традиции) *Б р о ж у л и я едоль улиц шумных, | В х о ж у л ь во многолюдный храм, | С и ж у л ь меж юношей безумных, | Я предаюсь моим мечтам* вскрывается исходная схема (и ее варианты): *П у с т ь я брожу. . . п у с т ь я вхожу. . . п у с т ь я сижу, — я предаюсь моим мечтам*, где *пусть* выступает как возможный перевод *ли* в русском тексте и как точный перевод вост.-балт. пермиссивного *lai*, в свою очередь на генетическом уровне отсылающего к слав. **li* (следует заметить, что при принятии *lai* < **laid-* [ср. лит. *laĩst*, лит. *leĩsti*] соотношение *lai. Partic.* и *laid- Vb.* в точности воспроизводит ту же схему, что и русск. *пусть/пускай Partic.* и *пустить/пуска́ть. Vb.*). Вместе с тем эта же фраза может быть представлена в виде трансформации, реализующего схему условного (*Е сли я брожу. . . е сли я вхожу. . . е сли я сижу. . . — я предаюсь моим мечтам*) или уступительного (*Х от я я брожу. . . х от я я вхожу. . . х от я я сижу, — я предаюсь моим мечтам*) типа. Каждый из этих трансфор-

мов по-своему комментирует не только структуру русской фразы, но и возможных ее соответствий в балт. языках. Так, *если* . . . , которым вводится придаточное условное предложение, своим союзом (из глагола и частицы) отсылает к ст.-лит. *esle*, а элементом *-ли* после глагольного *ес(ть)* к прусск. *-lai* в постпозиции и к прусск. *Cond.* на *-lai*, тяготеющим именно к придаточным предложениям (о чем см. выше). Уступительный союз *хотя* как бы эксплицирует волюнтаривно-оптативные смыслы балт. форм глагола с элементом *lai* (тем более, что *хотя*, как и *lai*, открывает фразу и стоит перед глаголом — *Хотя (я) брожу* . . . и т. п.). Таким образом оказывается, что и балт. пермиссивное *lai* (включая сюда и прусск. *-lai* в *Cond.*), и слав. **li* (или русск. *ли* в анализируемой фразе) предполагают не только единую общую синтаксическую структуру, но и общий семантический локус, в центре которого находится значение допущения (предположения о реальном положении вещей, четко отличаемом от самой реальности). Логическая экспликация русской фразы (*Допустим, что я брожу. . . вхожу. . . сижу*, — [всё равно и при этих условиях, так сказать, независимо от них] *я предаюсь моим мечтам*) находит соответствие в значении *-ли* в русск. диал. *кто-ли* 'кто-нибудь', *куда-ли* 'куда-нибудь', *где-ли* 'где-нибудь' и т. п. (ср.: *Кто-ль бы не лез, кто-ль бы ни говорил, хватайте его*. СРНГ 17, 39), т. е. в логической экспликации: *кто-ли* — этот, тот, некий третий, любой другой; иначе говоря, допускается любая личность, любое заполнение этого *кто-ли*, которое тем не менее остается неизменным независимо от допускаемого выбора в заполнении. Пермиссивные формы глагола (в частности, балт. на *lai*), по сути дела, основаны на том же допущении и действия, обозначаемого глаголом, что и в рассмотренных выше примерах. Однако, как и в них, это допущение, строго говоря, не соприкасается с «реальностью» в том смысле, в каком все косвенные наклонения глагола отличаются от индикатива, единственного наклонения, которое трактует отношение говорящего к действию как реальности (а не потенциальности разных видов). В связи с проблемой балт. *lai*, особенно при принятии тезиса о его единстве и, следовательно, историко-лингвистической нераздельности прусск. *-lai* и вост.-балт. *lai*, возникает вопрос о соотношении этого *lai* с балт. глаголом «того же» корня (*laid-*) — лтш. *laišt*, лит. *léisti*. Будущим исследователям предстоит решить, идет ли речь о семантическом и формальном «выветривании» глагола в союз, частицу, междометие (когда этот вопрос возникает, он решается именно в этом направлении), или, наоборот, частица была «достроена» до глагола. Полностью исключать это второе решение нельзя. Во-первых, некоторые аналогичные примеры «частичных» глаголов достаточно известны; ср., с одной стороны, случаи типа «*Все ли здесь?*» — *спросил незнакомец* [человек чужой, со стороны, впервые встречающийся с крестьянами. — В. Т.] — «*Все ли - ста здесь?*» — *повторил староста*. «*Все-ста*» — *отвечали граждане* («История села

Горюхина»), где *ли-ста* может трактоваться как вербализированная частица или «частичный» глагол, и, с другой стороны, с.-хорв. диал. (Горский Котар) частицу (утвердительную) *da* 'да', которая может принимать личные окончания глагола: *da-m* 'yes, I do' (букв. — 'я — да'), *da-š*, 'yes, you do' (букв. — 'ты — да') и т. п. и, следовательно, вербализуется (ср. несколько иной тип — русск. *да́кать* 'говорить «да»', *не́кать* 'говорить «нет»' и т. д.). Во-вторых, большая неясность в вокализме и.-евр. источника лит. *léisti*, лтш. *laišt* и их соответствий в других и.-евр. языках (см. Рок. 1, 666: **led-/lēid-/lād-* и т. п.) могла бы объясняться «протеическим» вокализмом исходной частицы, а элемент *-d-* мог бы рассматриваться как своего рода вербализатор (хеттск. *-lā-* 'lösen' [ср. *lāmi*, *lāši*, *lāi* и т. д.] и алб. *lë* 'отпускать', 'разрешать', 'оставлять' в таком случае должны трактоваться как исключение, которое, впрочем, подтверждает вычленение *-d-* в этом корне). Тем не менее, в данной ситуации пока целесообразно воздержаться от выбора. — Зато излагаемая здесь схема дает некоторые дополнительные основания вернуться к теме соответствий прусск. *-lai* в других и.-евр. языках. Помимо приведенных выше славянских фактов, образующих не только ближайший круг аналогий, но и отражающих общую исходную схему, а также хеттских форм, приведенных Бенвенистом как раз в связи с прусск. *Cond.* на *-lai*, в и.-евр. языках есть еще ряд форм с элементом *-l-*, которые обычно рассматриваются как изолированные, хотя, как можно думать, претендуют на внимание исследователей генезиса балт. форм с элементом *lai*. В связи с ст.-лит. *esle* прусск. *-lai* и хеттск. *ešlut*, *ešlit*, *ašallu* Иванов Balcanica 1979, 51 высказал предположение об общиндоевропейском характере этих форм, которые могли бы быть также сопоставлены с тохарскими герундивами на *-l-* и с кельтским сослагательным наклонением с тем же элементом. Вместе с тем предлагается считать, что уже в общиндоевропейском существовали словоформы с элементом *-l-*, чему не противоречит наличие в балт. особой частицы *lai*, и что стадия сочетания с частицей, лежащего в основе этих словоформ, должна быть отодвинута к более отдаленной эпохе. В самом деле, возможность подключения к кругу параллелей указанных форм на *-l-*, зафиксированных на самой дальней периферии индоевропейского ареала (крайний восток и крайний запад), представляется привлекательной и не только в силу наличия *-l-* (что в данном случае является необходимым, но не достаточным условием). Весьма существенным в этом контексте следует признать наличие в этих формах (как минимум) не нейтральной модальности. Она очевидна в формах сослагат. наклонения на *-l-*, отмеченного у некоторых глаголов в валлийском и корнском (ср. корн. *rof* 'я даю', но *rollo*. 3. Sg. Праес. сослагат. накл. или валл. *gwñaf* 'я делаю', но *gwñel* 3 Sg. сослагат. накл. и т. п.; см. Льюис, Педерсен Кратк. грамм. кельт. 343, 344; Thurneysen Gr. Old. Irish. 403—404) при более известных формах на *-ā-* или *-s-* в других кельтских языках (следует заметить, что эти формы на *-ā-* и *-s-* генетически

связаны с аористическими формами других и.-евр. языков). В некотором смысле интереснее тохарские примеры. Во всяком случае их структура яснее (они вполне регулярны и достаточно многочисленны) и определение их генезиса кажется более простым. Речь идет о двух видах герундива (I и II), известных в обоих тохарских языках. Gerund. I образуется от основы Praes., а Gerund. II — от основы Conjunct. В тох. А для этого используется формант *-l* (< **-lo-*), тох. В — *-lye-*, *-lle-* (< **-lio-*). Gerund. I обозначает действие, которое должно совершиться (ср. тох. А *tämuo ruk k ä r s n ä l wraṃ knānmuṃeṃo lyalyku ci* 'поэтому всякая вещь которую надлежит знать, знанием освещается тобой' [Praes. *kärs-na-ṣ* 'он знает']; тох. В *k ä r s ä n ä l y e m wāntarwane snai prayok ka sportotär* '/в/вещах, которые надлежит знать, без привычки еще он ведет себя [Praes. *kärsa-na-m*). Gerund. II обозначает действие, которое может совершиться (ср. тох. А *klorasu wraṣom mā ontam tmaṃ k ä l r ä l tāk* 'страдающее существо никак там нельзя было найти'; тох. В *mäksu no ṣamāne aletsai asiyaimeṃ ṣaiṃ ṣarsa trāska lye tsältalye eñcītär* 'который же монах у чужой монахини собственной рукой съедобное (и) приятное принимает'). По-видимому, диагностически важным является предикативное употребление Gerund I (со связкой и без связки) в значении приказа (см. Тох. яз. 1959, 193—194, ср. также 66, 68—69, 171—172), как и употребление Gerund. II в перифрастических образованиях (ср., напр., сочетание этой формы с Imperf. глагола—связки для выражения пререалиса). Семантические особенности этих форм в тохарском делают, действительно, оправданным их привлечение в связи с проблемой балт. форм на *-lai*. Вполне возможно, что ст.-лит. *esle*, слав. **jesli*, хетт. *ašallu* должны быть дополнены тох. А *nesalle*, тох. В *nasäl* (< **no-es-l*), если говорить об *l*-формах от глагола бытия. Тохарская ситуация Gerund. на *-l*, видимо, может бросить луч света еще на два не вполне ясных примера форм на *-l*, втянувшихся в глагольную систему. Речь идет об армянских формах типа *sireal*, рассматриваемых как Part. Praet. (ср. *sirem* 'я люблю'), но лишенный залоговых различий, и слав. Part. Praet. на *-lъ* (**lubilъ*, **pisalъ*, **bylъ* и т. п.), также дефектное в отношении ряда важных для глагольных образований параметров. Подобно тому как в тохарском с Gerund. на *-l* связаны отглагольные имена на *-une* (тох. А) и *-(āñ)ñe* (тох. В), ср. тох. А *nasluneya* при *nasäl*, тох. В *nesalyñe* при *nesalle*, в армянском при причастии на *-l* выступает и Infin. с тем же показателем (*sirel* 'любить' — *sireal*). Предикативный характер слав. форм на *-lъ* (ср. практическое отсутствие этого типа в изолированном положении), их, так сказать, внереальной и внезалоговой характер по происхождению (в систему времен и залогов эти формы втягиваются по необходимости, но, видимо, не сразу, и во всяком случае они не являются основными носителями соответствующих грамматических смыслов), их связь с инфинитивной основой, с одной стороны, и соответствующими существительными (св. **bylъ*—**bylъje*, **zilъ*—

**zilъje* и т. п.), с другой, ряд иных особенностей позволяют предполагать, что на более раннем этапе эти формы не должны трактоваться как причастия; что, находясь вне системы времен и вне залоговых противопоставлений, они скорее всего могли иметь отношение к выражению каких-то модальных значений (следы некоторой «модальности» у этих форм отмечались и ранее, особенно на фоне форм системы Praes. — Aor. — Imperf. [характерно само вхождение «причастий» на *-lъ* в такие сочетания как польск. *będzie jadł* или ст.-сл. *далъ бждж, бимъ (быхъ) зналъ* и т. п.]; сама «перфектность» форм на *-lъ* может оказаться в этой связи неслучайной; наконец, ср. известную генетическую связь формантов Conjunct. и Praet. в ряде и.-евр. языков) и что в силу хотя бы только этих особенностей и слав. формы на *-lъ* могли бы рассматриваться как некий дальний резерв при исследовании анализируемого здесь более узкого и более четко очерчиваемого круга модальных форм с элементом *-l*. К сожалению, мало определенного можно пока сказать о предложении Пизани Ling. Ital. ant. 1953, 228; Rhein. Mus. 100, 1957, 241—242 относительно наличия в иллирийском элемента *lai*, сопоставимого с балт. *lai* и выделяемого на основании членения мессапск. *laidehiabas logetibas* (PID II, 526) на *la i dehiabas logetibas* 'age deabus L.'; Krahe Corolla ling. 1955, 129—136, исследовавший следы *laid-* (*laed-*) и *led-* в иллирийском, в данном случае придерживается традиционной трактовки, восходящей к Кречмеру. То же отсутствие ясности и в связи с хеттск. *lē*, отрицанием (prohibit.—аккадск. *lā*), которое иногда объясняют как первоначальный Imper. 'lass (sein)!', но иногда выводят и из **nē* (см. Friedrich Hwb. 128); интересно, что и в слав. есть следы особой связи частицы **le*, **lě*, **li* с отрицанием, ср. с.-хорв. *on mi l j è n e ée pomoći* (Lika), см. Etim. gječn. hrv. 2, 279 и др. Зато, видимо, надежной параллелью к соответствующим балт. и слав. фактам следует признать частицу *le* в алб. *palé* 'ог bene, dunque', которое вполне в духе приводившихся выше балт. и слав. «частичных» комплексов. Характерно, что эта частица, выражающая побуждение или повеление, употребляется с Conjunct. (ср.: *pa l é ta shoh!* 'посмотри же!', 'давай посмотри!'); она же, подобно балт. *lai* и особенно слав. **li*, может вводить косвенный вопрос (ср.: *të shohim pa l é kush do të vijë sot* 'посмотрим, кто сегодня придет', собств. — 'д и кто придет'). На основании последнего примера и подобных ему вычленяются сочетания *palé* с Pron. interrog. *palé kush* и т. п., аналогичные лтш. *lai kas* и слав. **li kъto* (русск. *ли кто* и др.), о которых см. выше. Наконец, *le* употребляется и самостоятельно для образования Imper. (чаще всего в 3 л.), что опять-таки отсылает к балт. *lai* с пермиссивом и слав. **li* с Imper. (ср. алб. *l e të shkojë* 'пусть он придет!', см. Fjalor, s. vv. *le, pale*). — Только при учете всего наличного материала может быть реконструирована индоевропейская ситуация, в которой в конечном счете коренится прусск. *-lai* в формах Cond. Но уже сейчас можно утверждать, что

этот балт. элемент не является изолированным и даже, если угодно, совершенно уникальным.

— Л и т.: Bezenberger BGLS 1877, 64; KZ 41, 1907, 110—111; KZ 44, 1911, 327; Berneker Pr. Spr. 1896, s. v.; Brugmann IF 15, 1903, 339—340; Эндзелин Лат. предл. II, 1905, 71=Darbu izlase I, 590; AfslPh. 32, 1910, 295; KZ 42, 1909, 375; FBR 11, 1931, 187—189; ME 2, 400—401; Lett. Gr. 1922, 690; LVSF 1938, 195; LVG 701, 892—893; BVSF 253; SPV 123—124, 132; Apr. Spr. 188—189; Būga Aist. stud. 1908, 57; РФВ 71, 1914, 57—60=RR I, 452—454; Zubatý Lfil. 37, 1910, 227—228=StCl. I, 2, 56; APSpr. 285—286; BSW 153—154; Brückner KZ 44, 1911, 333—334; Solmsen KZ 44, 1911, 171; Fraenkel Balticosl. 1921, 64; IF 41, 1923, 397; TŽ 3, 1925, 485; FBR 11, 1931, 55; Erg.-H. zu KZ 14, 35—37; LEW 329; Hermann Lit. Stud. 1926, 255—258, 270, 366; Stang Sl. u balt. Vb. 1942, 265—266; Vgl. Gr. 440—441, 443; ЭСР 2, 491; SEP, s. v.; Pisani Ling. Ital. ant., 1953, 228; Rhein. Mus. 100, 1957, 241—242; Benveniste Hitt. et i.-eur. 1962, 18—20; Pok. 1, 666; Etim. gječn. hrv. 2, 279; Solta IF 75, 1970, 47, 73—76; OP s. vv.; BL 1970, s. vv.; St. OP 8.066; Пр. яз. I, 273—274; Иванов Balcanica 1979, 68; ССлав. 1981, N 6, 92 сл.; Acta B.-sl. 14, 1982, 145—153; Топоров БСЛИссл. 1983. 1984. — [*-lai].

{ *laid-}, ср. *Layde*, castrum, 1334; *Layden*, 1337; *Leydin*, 1337; позже — *Legden*; — *Loyden*, 1340; *Layde*, 1342, позже — *Loyden* (APON 80). — Герулис объясняет возникновение формы *Legden* сближением с нем.-вост.-прусск. провинциализмом *Lēgde* (см. Frischbier 2, 18); в связи с хронологией Герулис указывает: «Noch auf der Naronskischen Karte findet sich Leiden» (литовск. название — *Laidininkas*). Он же связывает эти названия с прусск. *laydis* 'глина'. Этот же элемент представлен и в суффиксальных образованиях: *Laydenaw*, 1391 (см. [*laid-en-av-]); *Laydenigk*, 1512; *Laiden*; *Ledenigk*, 1512; *Leydicken*, 1515 (см. [*laid-en-ik-], [*laid-ik-(?)]). — Из вост.-балт. параллелей ср. лит. *Laidagalai* (LATSŽ 151), названия урочищ *Laidė*, *Laidė*, *Laidėlė*, *Laidy*, пашня (Дегучай, Зарас. р-н.; =**Laidai*); *Laidė*, *Laidė*, *Laidėlė* (LUEV 85—86; Liet. hidr. 113; LHEŽ 177; Būga Draug. XXI, 1913, 268 = RR I, 423); лтш. *Laidas*, *Laidis*, *Laides-gals*, *Laides-kalns*, *Laides*, *Laidi*; *Laidenš*, *Laidini*, *Laides-muiža*, *Laidu-muiža*, *Laid-mežs*, *Laiduģi*, возможно, и некоторые другие названия (LV I, 2, 248); куршк. *Leyden*, 1355—1362; *Layden*, 1506 (UB II, 3, 42); *Layden*, 1585 (KF 115). Несмотря на некоторые неясности, можно говорить о балт. топонимическом элементе **Laid-*, соотношенном в прусском с апеллятивом. Дуриданов Thr.-Dak. 1969, 94 считает возможным сравнение с дакийск. *laid-* 'глина', 'ил', 'грязь', реконструируемым на основании алб. *leth* (-dhi) как субстратного слова (что выглядит несколько неосторожным). Фрак. *Λοιδίας*, река в Эматии, остается с точки зрения его сопоставления с балт. формами под большим сомнением из-за более многочисленных и, кажется, более авторитетных вариантов типа *Λοιδίας*, *Λοιδίας* и т. д., уже выводившихся из и.-евр. **leudh-* (см. Detschew Thr.

1957, 277—278). Заслуживают внимания иллир. ономастические примеры с элементом *laid-* (*Laidijus*, *Laedio*, *Laidietis*; *Scerdilaedus*, Σχερδιλαιδης. Spr. alt. Illyr. 203, 313), но они едва ли могут быть сопоставлены с балт. фактами и скорее должны объясняться из того же корня, который лежит в основании мессапск. *laidehiabas*.

{*laid-en-av-}, см. [*laid-].

{*laid-en-ik-}, см. [*laid-].

{*laid- & *garb-}, ср. *Ladegarbe*, 1352; *Laydegarbe*, 1366; *Laydegarge* (APON 80) — Из *laydis* 'глина' и *garbis* 'гора'. См. [*laid-], *laydis*, [*garb-], *garbis*.

{*laid-ik-(?)}, ср. *Leydicken*, 1515 (APON 80). — Некоторое сомнение в этой реконструкции вызывается тем обстоятельством, что другие варианты этого названия предполагают **Laid-en-ik-*, см. [*laid-], [*laid-en-ik-].

Корректирующие дополнения

К [**klaus-en-*]: ср. *Clauwsennendorf*, 1416—1450, место в бывш. остроздском пов. (также *Plaudenick*, теперь — *Komorowo*), см. Hartmann Kreise Osterode 1958, 227; Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 289: адаптация нем. Nom. pr. *Klaus*.

К *klausiton*: см. Smoczyński Acta B.-sl. 14, 1982, 236.

К *clokis*: см. Smoczyński Acta B.-sl. 14, 1982, 219.

К [**kois-en-*], *coisnis*: ср. в документах XVII в. из Ольштынского коморництва — *Cossnig*, 1656 (Kolberg ZfGesch. Alt. Erml. 7, 1880, 244; Pospiszyłowa Acta B.-sl. 15, 1983, 252), теперь — *Koszno*, *Kóšno*; ср. также *fluvium Cosnykfliess*, 1384 (Cod. dipl. Warm. III, 164); *Kostnik*, *Kostnich*, 1576 (Hennenberg); *Kosno*, 1673—1674 (Bonk Gesch. Allenst. III, 1910, 438). Ср. Słown. nazw Mazur. II, 190, 212.

К *cosy*: см. Euler Phil. u. Spr. Akten 10, 1983, 40.

К *krawian*, *crawia*: см. Smoczyński Acta B.-sl. 14, 1982, 224; Euler Phil. u. Spr. Akten 10, 1983, 32.

К *krumstus*: см. Euler Phil. u. Spr. Akten 10, 1983, 40.

К [**kuč(-e)-it-*]: ср. Acta B.-sl. 14, 1982, 269.

К [**kudip*-(*)*kudep-*]: ср. *Seydels* alias *Kudiep*, 1379 (Cod. dipl. Warm. III, 79), теперь — *Kudipj*, *Kudyry*, в Ольштынском коморництве (Pospiszyłowa Acta B.-sl. 15, 1983, 252—253: инфлянтская деревня и имение *Kudep* (Słown. geogr. Polsk. IV, 844—845); предлагается связывать с лит. *kūdas*; *kūsti*/*kūdaū*!, из и.-евр. *(s)*keudh-*/*(s)*keut-*.

К [**kudr-in-*]: к семантике соответствующего топографического термина в Белоруссии см. Smułkowa Acta B.-sl. 14, 1982, 241—244; ср. там же, 268.

К [**kuk-*], [**kuk-ain-*], [**kuk-ut-*], [**kuk-ut-&-kaim-*], [**kuk- & garbis*]: ср. *Kukircaym*, 1428 (Cod. dipl. Warm. IV, 258); *Kuckerkeim*, 1656 (Kolberg ZfGesch. Alt. Erml. 7, 1880, 248); *Kuckerheim* (!) alias *Kucharzewo*, 1673—1674 (Bonk Gesch. Allenst. III, 438), теперь —

Kucharzewo в Ольштынском коморництве (Pospiszyłowa Acta B.-sl. 15, 1983, 252). На основании форм с *-r-* восстанавливается {**kuk-er-*(*-ir-*)}, ср. в непосредственном соседстве с *Kucharzewo* — *Kuka*, гора, и *Kukarba* (прусск. **Kuk-garbis?*); к суф. *-r-* ср. лит. *kaukarà*. Поздние варианты этого топонима, как указывает Поспишилова, ориентируются на прусск. *kukore*, польск. *kucharz*. — К формам без суф. *-r-* см. также Acta B.-sl. 14, 1982, 269.

{**kuk(u)r-*}: основания для такой реконструкции см. Boguś Acta B.-sl. 14, 1982, 67—77. Автор рассматривает как региональный прутенизм польск. диал. *kukrzyisko* с вариантами *kugrzyisko*, *kutrzyisko*, *kokrzyisko*, *chuchrzyisko*, *kukarzyisko* (эти слова изолированы как в польском языке, так и в общеславянском масштабе). Самый ранний пример фиксации этого слова — 1550 г., окрестности Варшавы, запись из судебной книги (Kuraszkiewicz, Wolff Zapiski i rotu warsz. 1950, 294, № 2664). К значению см. Słown. polszcz. XVI w. 11, 1978, 541: 'pogorzelisko, zgliszczce (po spalonych zabudowaniach)'; Mrongovius: 'ein Platz wo etwas gestanden oder gelegen hat, eine Stelle die zu erkennen giebt, dass man dort mit einem Fuder Heu umgeworfen'; 'eine wüste Baustelle', с характерным замечанием об отсутствии этого слова у Линде и о том, что оно обычно «bei der Pr(eussischen) Polen, ein Kunsta Ausdruck» (Ausführl. poln.-d. Wb. 1835, 184); слово отмечено в виленском словаре 1861 г. (Orgelbrand Słown. języka polskiego, 562), у Карловича (Słown. gwar polsk. II, 515), в Варшавском словаре и т. д. Более подробно о значениях и географии слова (ср., в частности, Córnowicz Dial. malbor. II, 198: *kukśisko* в квидзинск. пов., ср. I, 229) см. в указ. соч. Борыся. С исторической точки зрения особого внимания заслуживает форма сев.-малопольск. *kugżysko*, в которой группа *gż* дает основание думать о том, что оба согласных звука ранее были разделены гласным. Так как эта форма определяется как мазовецкая по происхождению, то напрашивается вывод о том, что и в Мазовше был известен вариант типа *kukurzyisko*. Предлагавшиеся ранее гипотезы о происхождении этого слова, по мнению Борыся, несостоятельны. В пользу прусских истоков *kuk(u)rzyisko* говорит не только ареал этого слова, но и вост.-балт. соответствия, ср. тверещк. *kūkuras*, Infin. *kūkurćies* 'tlić się, ugnę^{le}le *kūkuras* 'ogienieć się żarzy' (Otrębski Wsch.-lit. narz. twer. I, 338). Таким образом, в двух периферийных ареалах сохраняются следы Infin. типа **kukur-t-*, что позволяет высказать гипотезу об общебалт. глаголе этого корня. Ср. балт. глаголы с элементом *-ur-*(*-ul-*), см. Otrębski Gram. jez. lit. II, 1965, 400—402, тем более, что известны соответствующие образования как раз с корнем *kūk-* (ср. лит. *Kas tē kūkura*, *kas tē rūkula*? 'Что там тлеет, что там дымит?'. LKŽ 6, 817: s. v. *kakurti* 'rusenti', 'grudzėti', 'smilkti'). Корень с подобным значением — и.-евр. **keu-*: **kəu-*: **kā* 'разжигать', 'палить' и т. п., ср. др.-греч. *καίω*, аттич. *καίω* (< **καίF-ω*, лит. *kūlē* 'спорыш' как головня, горелина, окалина). Предполагается, что *kuk(u)rzyisko* возникло среди полонизирующихся

пруссков на границе Мазовши и прусских земель, откуда позже распространилось в результате колонизации по Мазовшу и даже за его пределы. — В целом интересная и перспективная реконструкция.

К *culczi*: см. Euler Phil. u. Spr. Akten 10, 1983, 39 (тох A *kolye*).

К *kulmis*: см. Euler Phil. u. Spr. Akten 10, 1983, 40.

{**kump-*}, {**kump-it-*}, ср. также *kūmps*, *etkūmps*: реконструкция этих топонимических основ вытекает из наличия на территории бывш. острудзск. пов. названий *kompithe*, 1410 (Hartmann Der Kreise Osterode, 1958, 250); *Kumpithe*, 1411—1419; *Kompithe*, 1411 (Hartmann, 250); *Compitten*, 1591 (ibid., 251); *Compitten*, 1796 (Srt. XVI); *Kompitten*, 1820 (Wald Topogr. Übers. 203); *Kapity*, *Kompitten*, 1879 (Kętrzyński Nazwy miejsc. Prus. 202); *Kompity*, нем. *Kompitten*, 1883 (Słown. geogr. Polsk. IV, 317); *Kompity*, *Kompitten* (Słown. nazw Mazur. II, 76); *Kapity* (Słown. nazw geogr. PZP 122). — К *kūmps*, *etkūmps*. См. подробнее Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 289—290 (в частности, допускается наличие Nom. pr. **Kūmpis* или **Kūmpitis*). — См. также {**komp-it-*}, {**kamp-*} и др.

{**kunk-?*}, {**kun-ik-*}, {**kun-ek-?*}: ср. в бывш. острудзск. пов. названия — *Kuneke*, 1374 (Hartmann Der Kreise Osterode, 1958, 256); *Kuniken* gut das durff, 1410—1411 (ibid. 266); *Kunkenguth*, 1416; *konkengut*, 1422 (ibid., 266); *Kunicke*, 1541 (ibid. 267); *Kunichen*, 1621 (ibid., 268); *Kunchenguth*, 1796 (Srt. XVII); *Kunchenguth*, *Kunki*, 1820 (Wald Topogr. Übers. 198); *Kunchenguth*, *Kuñki*, 1879 (Kętrzyński Nazwy miejsc. Prus. 202); *Kunchengut*, *Kunki*, 1883 (Słown. geogr. Polsk. IV, 880); *Kunchengut*, *Kunki* (Słown. nazw Mazur. II, 76; Słown. nazw geogr. PZP 153). — См. Biolik Acta B.-sl. 15, 1983, 290: от Nom. pr. **Kunkis*, ср. *Kuneke*, *Kuntze*, 1380; *cuneke*, 1359 (Kętrzyński Nazwy miejsc. Prus. 295, 358), от прусск. корня *kunk-* (ср. *cunclis*); допускается происхождение **Kunkis* из нем. *Kunze* или *Kunke* (от *Konrad*), см. Córnowicz Komun. Maz.-Warm. 1956, 221.

К *cunclis*: см. {**kunk-?*} и др.

К *kuntis*: см. Euler Phil. u. Spr. Akten 10, 1983, 39.

К *curwis*: ср. Smoczyński Acta B.-sl. 14, 1982, 226, а также Golaб Ibid. 121.

К {**lab-*}: в связи с примерами топонимов с корнем *lab-*, объясняемыми из слав. названия лебедя, ср. в Ольштынском коморництве *Labens*, *Labeledz* (= *Labeledz*) в документах XVII в. (теперь — *Labetz*) как продолжение прусских названий на *Gulb-*. См. Pospiszyłowa Acta B.-sl. 15, 1983, 253.

К *ladis*: ср. Smoczyński Acta B.-sl. 14, 1982, 214 (др.-прл. *ladg* 'снег').